

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

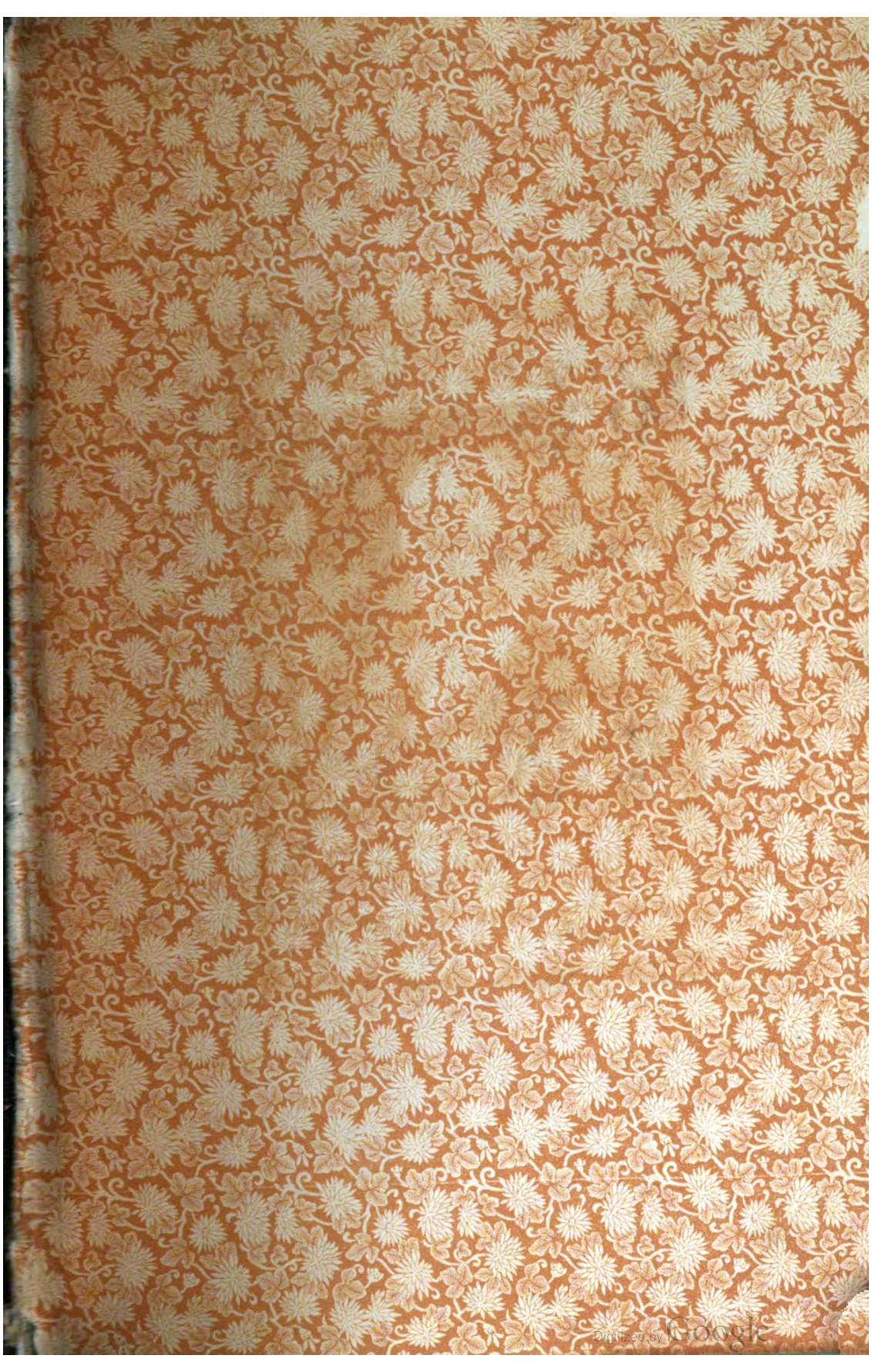

A
P. 516.3.8.10
W

HARVARD
COLLEGE LIBRARY

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A.B. 1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

В /

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1858.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ

PRINTED IN RUSSIA

Digitized by Google

Δ
P Slav 318.10

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

5 May 1938

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА АВГУСТЪ 1858 ГОДА.

31. (11 августа) *О наименованіи Тверскаго женскаго училища Маріинскимъ.*

Государыня Императрица удостоила принять подъ свое Высочайшее покровительство открытое въ Твери женское училище и соизволила наименовать оное Августѣйшимъ именемъ Ея Величества.

32. (19 августа) *Объ увеличеніи числа педагогическихъ стипендіатовъ Царства Польскаго въ университетахъ Имперіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе соглашенія съ управляющимъ гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ, Высочайше соизволилъ на увеличеніе числа педагогическихъ стипендіатовъ Царства Польскаго въ университетахъ Имперіи шестью стипендіатами, на счетъ стипендіальной суммы, предназначенной на приготовленіе Русскихъ учителей въ главномъ педагогическомъ институтѣ.

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВЪДОМСТВУ

О П Р Е Д Ъ Л Е Н И Я :

По Казанскому учебному округу.

Кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета *Износковъ*, отставной коллежскій ассессоръ *Сабуровъ* и отставной коллежскій регистраторъ *Мейенъ* — почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: *Износковъ* — Казанскаго, съ чиномъ коллежскаго секретаря, *Сабуровъ* — Пензинскаго (9 августа) и *Мейенъ* — Семеновскаго (24 августа).

У Т В Е Р Ж Д Е Н И Я :

По Императорской академіи наукъ.

Въ званіи адъюнкта, по части мусульманскихъ языковъ, — переводчикъ Азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ *Вельяминовъ-Зерковъ*, съ 6 іюня, съ оставленіемъ въ настоящей должности (30 августа).

По Харьковскому учебному округу.

Почетнымъ попечителемъ Новочеркасской гимназіи — состоявшій въ той должности по прежнимъ выборамъ, отставной подполковникъ *Ефремовъ* (2 августа); почетными смотрителями окружныхъ училищъ, состоявшіе въ тѣхъ должностяхъ по прежнимъ выборамъ: Аксайскаго — ротмистръ *Иловайскій* и Донецкаго — есаулъ *Поляковъ*; вновь избранные: Черкаскаго — отставной лейб-гвардіи казачьяго полка штабсъ-ротмистръ *Курнаковъ*, перваго Донскаго — отставной атаманскаго, нынѣ лейбъ-атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка поручикъ *Себрюковъ* и втораго Донскаго — отставной войска Донскаго есаулъ *Курнаковъ* (4 августа).

НАЗНАЧЕНІЯ:

По учебнымъ округамъ.

Казанскому: Инспекторъ Оренбургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ангерманъ* — исправляющимъ должность директора училищъ Самарской губерніи (7 августа).

Виленскому: Штатные смотрители дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, надворные совѣтники: Новогрудскаго — *Лебедевъ*, Кейданскаго — *Дучинскій*, Поневѣжскаго — *Заіончковскій* и Пинскаго — коллежскій ассессоръ *Ганъ* — исправляющими должности директоровъ гимназій: первый — Новогрудской, второй — Кейданской, третій — Поневѣжской, послѣдній — Пинской (7 августа).

ПРИМѢЩЕНІЯ:

Третій переводчикъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, губернский секретарь князь *Грузинскій* — почетнымъ смотрителемъ городскихъ начальныхъ училищъ въ Москвѣ (3 августа); почетный смотритель Хвалынскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Пятницкій* — посредникомъ по любовному спеціальному размежеванію земель Кузнецкаго и Хвалынскаго уѣздовъ (31 августа).

УВОЛЕНІЯ:

По Харьковскому университету.

Ордынарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Мицкевичъ* — по прошенію, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности (3 августа).

По Казанскому учебному округу.

Почетный смотритель Цивильскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Ильинъ* — по прошенію, съ награжденіемъ въ отставку чиномъ коллежскаго совѣтника (9 августа).

МИНИСТЕРСІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА АВГУСТЪ 1858 ГОДА.

19. (19 августа) *Циркулярное предложеніе по поводу упраздненія инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства.*

Въ 6 день іюня текущаго года состоялся Высочайшій указъ правительствующему сенату объ упраздненіи инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства и о распредѣленіи обязанностей его по завѣдыванію инспекторскою частію гражданскихъ чиновниковъ.

При предстоящемъ исполненіи означеннаго указа, я нахожу нужнымъ предложить нѣкоторыя правила для единообразія во вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, которыя и должны быть приводимы въ дѣйствіе съ 1 наступающаго сентября.

1) Согласно § 5 указа, слѣдуетъ входить съ представленіями въ министерство народнаго просвѣщенія объ опредѣленіи на службу и къ должностямъ, перемѣщеніи по онымъ, увольненія отъ должностей и отъ службы, только о лицахъ, опредѣленіе коихъ къ тѣмъ должностямъ, по правиламъ, существовавшимъ до учрежденія инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, зависѣло отъ министра народнаго просвѣщенія.

2) Согласно § 10, при опредѣленіи иностранцевъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, надлежитъ предварительно входить съ представленіями въ министерство для утвержденія ихъ въ службѣ правительствующимъ сенатомъ.

3) По § 12, пункт. 2 и 5 представленія о награжденіи служащихъ по округамъ, за выслугу лѣтъ, слѣдующими чинами, должны быть вносимы отъ начальствъ учебныхъ округовъ въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената въ установленные сроки; о лицахъ-же, опредѣленіе которыхъ къ должностямъ до учрежденія инспекторскаго департамента зависѣло отъ министра, входятъ съ представленіями въ министерство въ назначенные сроки, именно: къ 1 марта, 1 июня, 1 сентября и 1 декабря.

4) Требованіе, изложенное § 12 въ пунктѣ 9, о документахъ при представленіи къ первому классному чину лицъ, поступающихъ въ службу безъ права на оный, относится также къ лицамъ, опредѣляемымъ къ должности министерства народнаго просвѣщенія, по которымъ, съ самаго поступленія въ должности, присвоивается право на классный чинъ, съ утвержденіемъ въ ономъ по истеченіи извѣстнаго срока, со старшинствомъ со дня опредѣленія. Сверхъ документовъ, въ семь пунктѣ помянутыхъ, должны быть прилагаемы также и свидѣтельства о выдержаніи представляемыми спеціального испытанія на занятіе поручаемыхъ имъ должностей.

5) Согласно §§ 14 и 15 указа, прекратить доставленіе въ министерство, чрезъ каждые 5 лѣтъ, полныхъ формулярныхъ списковъ о службѣ лицъ, состоящихъ въ учебныхъ округахъ, а также дополнительныхъ листовъ и вѣдомостей о перемѣнахъ. Для веденія-же въ министерствѣ, съ упраздненіемъ инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, полныхъ формулярныхъ списковъ о служащихъ въ округахъ лицахъ, опредѣленіе которыхъ къ должностямъ до учрежденія инспекторскаго департамента зависѣло отъ министра, доставить нынѣ же полные формулярные о службѣ ихъ списки, и затѣмъ представлять въ началѣ каждаго года, одновременно съ годичными отчетами, по формѣ, определенной для формулярныхъ списковъ, дополнительные свѣдѣнія о происшедшихъ перемѣнахъ во службѣ означенныхъ чиновниковъ. Эти свѣдѣ-

нія должны быть о каждом лицѣ написаны на отдѣльныхъ листахъ, и при доставленіи въ министерство не слѣдуетъ сихъ послѣднихъ сшивать и переплетать.

6) Согласно § 16, свѣдѣнія о лицахъ первыхъ четырехъ классовъ, состоящихъ на службѣ по округамъ, должны быть доставляемы начальствами оныхъ въ установленные сроки, прямо въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената.

7) О смерти лицъ, занимавшихъ должности, опредѣленіе къ которымъ до учрежденія инспекторскаго департамента зависѣло отъ министра, сообщать немедленно департаменту народнаго просвѣщенія, для включенія въ приказъ министра объ исключеніи ихъ изъ списковъ.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

О П Р Е Д Ъ Л Е Н І Я :

По Казанскому учебному округу.

Инспекторъ станичныхъ училищъ Астраханскаго казачьяго войска, есаулъ *Поповъ* — почетнымъ смотрителемъ Астраханскаго Армянскаго Агабабовскаго уѣзднаго училища, сверхъ прежней должности (5 августа).

У Т В Е Р Ж Д Е Н І Я :

По университетамъ.

Московскому: Исправляющій должность адъюнкта по кафедрѣ химіи, докторъ медицины *Лясковскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ (25 августа).

Казанскому: Дѣйствительные статскіе совѣтники *Нечаевъ, Козловъ и Загорскій* — почетными членами (28 августа).

По Дерптскому Обществу естествоиспытателей.

Помѣщики губерній: Лифляндской — *Эмилій фонъ-Вульфъ* и Эстляндской — *Николай фонъ-Вилькенъ*; бывший профессоръ С. Пе-

тербургскаго гѣснаго института, коллежскій совѣтникъ Адольфъ *Бодс*; кандидатъ Фердинандъ *фонъ-Шуръ-Мюленъ*, и докторъ медицины Іоаннъ *Нльковскій* — дѣйствительными членами (4 августа).

По Одесскому учебному округу.

Третьей гильдіи купецъ Соломонъ *Прухниковъ* — почетнымъ блюстителемъ Елисаветградскаго казеннаго Еврейскаго училища 1-го разряда (13 августа).

ПРИМѢЩЕНІЯ:

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго университета, магистръ *Максимовъ* — въ Рипельевскій лицей исправляющимъ должность профессора по кафедрѣ Римскаго права (31 августа).

УВОЛИНІЯ:

По главному педагогическому институту.

Экстраординарный профессоръ по кафедрѣ педагогики, надворный совѣтникъ *Вышинеградскій* — отъ службы по институту (26 августа).

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія.

Почетному смотрителю Таганрогскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Міоковичу* — за усердіе его къ пользамъ ввѣреннаго попеченію его училища (31 августа).

О КНИГАХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Книга для духовно-нравственнаго чтенія въ начальныхъ училищахъ, сост. священникомъ П. *Аѳимскимъ*.

Законоучитель 3-го Московскаго уѣзднаго училища, священникъ Платонъ *Аѳимскій* издалъ «Книгу для духовно-нрав-

ственнаго чтенія въ начальныхъ училищахъ», признанную святѣйшимъ синодомъ, по способу изложенія, удачно-приспособленною къ понятіямъ и потребностямъ дѣтей. Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: означенную книгу допустить къ употребленію во всѣхъ начальныхъ училищахъ министерства, для чтенія совокупно съ одобренными уже для сей цѣли книгами духовнаго содержанія.

Для полученія сей книги учебныя заведенія имѣютъ обращаться съ требованіями своими къ самому издателю, въ Москву.

Новая ариѳметика для первоначальнаго обученія, соч.

Ритта, перев. *Андреева*.

Титулярный совѣтникъ *Андреевъ* перевелъ съ Французскаго на Русскій языкъ книгу *Ритта*, подъ заглавіемъ. «Новая ариѳметика для первоначальнаго обученія».

Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, по разсмотрѣніи книги этой, призналъ, что хотя она не можетъ съ пользою замѣнить руководства по ариѳметикѣ, нынѣ употребляемая, но такъ-какъ въ этой книгѣ изложены элементарно нѣкоторыя статьи, не входящія въ составъ ариѳметики (какъ-то: о прогрессіяхъ, объ измѣреніи поверхностей и объемовъ и рѣшеніи задачъ, требующихъ составленія уравненій), которыя однакожъ служатъ хорошимъ дополненіемъ къ курсу ариѳметики, то распространеніе книги *Андреева* между преподавателями ариѳметики въ первоначальныхъ училищахъ обѣщаетъ несомнѣнную пользу. Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ о заключеніи ученаго комитета объявить начальствамъ учебныхъ заведеній.

Цѣна сей книгѣ для учебныхъ заведеній 1 руб. сер. за экземпляръ. Для полученія ея учебныя заведенія имѣютъ обращаться съ требованіями своими къ самому издателю, имѣющему жительство въ С. Петербургѣ, на Маховой улицѣ, въ домѣ Плеске.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ТЕОРІЯ ОПРЕДѢЛИТЕЛЕЙ.

(Окончаніе).

ГЛАВА IV.

§ 30. Занимаясь теорією опредѣлителей вида

$$\Sigma \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n},$$

въ которыхъ элементы не находятъ ни въ какой зависимости другъ отъ друга, мы въ концѣ предыдущей главы были наведены на нѣкоторыя теоремы, относящіяся къ теоріи опредѣлителей системъ, которыя мы назвали *дополнительными*.

Займемся-же теперь болѣе внимательнымъ изслѣдованіемъ этихъ опредѣлителей, принимая за основаніе нашихъ изысканій теорему 12-ую, въ силу которой имѣетъ мѣсто уравненіе:

$$(1) \quad \begin{vmatrix} A_1^1 A_1^2 \dots A_1^n \\ A_2^1 A_2^2 \dots A_2^n \\ \dots \dots \dots \\ A_n^1 A_n^2 \dots A_n^n \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,n} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,n} \\ \dots \dots \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,n} \end{vmatrix}^{n-1}$$

гдѣ:

$$A_r^s = (-1)^{s-r} \begin{vmatrix} a_{1,1} & a_{1,2} & \dots & a_{1,s-1} & a_{1,s+1} & \dots & a_{1,m} \\ a_{2,1} & a_{2,2} & \dots & a_{2,s-1} & a_{2,s+1} & \dots & a_{2,m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{r-1,1} & a_{r-1,2} & \dots & a_{r-1,s-1} & a_{r-1,s+1} & \dots & a_{r-1,m} \\ a_{r+1,1} & a_{r+1,2} & \dots & a_{r+1,s-1} & a_{r+1,s+1} & \dots & a_{r+1,m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & a_{n,s-1} & a_{n,s+1} & \dots & a_{n,m} \end{vmatrix}$$

Очевидно, это уравнение можно представить еще и въ слѣдующемъ видѣ:

$$\begin{vmatrix} A_1^1 A_1^2 \dots A_1^n \\ A_2^1 A_2^2 \dots A_2^n \\ \dots \\ A_n^1 A_n^2 \dots A_n^n \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,m} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,m} \\ \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,m} \end{vmatrix}^{n-2} \times \begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,m} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,m} \\ \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,m} \end{vmatrix}$$

Разложимъ теперь въ послѣднемъ уравненіи какъ опредѣлитель, составляющій первую часть его, такъ и тотъ, который входитъ во вторую часть въ первой степени, по какой-либо горизонтальной линіи, напр. той, которая имѣетъ своимъ указателемъ r . Такимъ-образомъ мы получимъ уравненіе:

$$A_1^1 S_r^1 + A_2^2 S_r^2 + \dots + A_r^r S_r^r + \dots + A_n^n S_r^n =$$

$$\begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,m} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,m} \\ \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,m} \end{vmatrix}^{n-2} \{ A_1^1 a_{r,1} + A_2^2 a_{r,2} + \dots + A_r^r a_{r,r} + \dots + A_n^n a_{r,n} \}$$

гдѣ:

$$S_r^s = (-1)^{s-r} \begin{vmatrix} A_1^1 & A_1^2 & \dots & A_1^{s-1} & A_1^{s+1} & \dots & A_1^n \\ A_2^1 & A_2^2 & \dots & A_2^{s-1} & A_2^{s+1} & \dots & A_2^n \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_{r-1}^1 & A_{r-1}^2 & \dots & A_{r-1}^{s-1} & A_{r-1}^{s+1} & \dots & A_{r-1}^n \\ A_{r+1}^1 & A_{r+1}^2 & \dots & A_{r+1}^{s-1} & A_{r+1}^{s+1} & \dots & A_{r+1}^n \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_n^1 & A_n^2 & \dots & A_n^{s-1} & A_n^{s+1} & \dots & A_n^n \end{vmatrix}$$

Такъ-какъ послѣднее уравненіе тождественное, т. е. имѣеть мѣсто при всякомъ значеніи каждаго изъ элементовъ $a_{p,q}$ а слѣдовательно и при всякомъ значеніи каждаго изъ количествъ A_j^s : то надо допустить, что коэффициенты при одномъ и томъ-же количествѣ вида A_j^s въ обѣихъ частяхъ его тождественно равны между собою, т. е. надо допустить, что при всѣхъ значеніяхъ r и s имѣеть мѣсто уравненіе

$$S_r^s = \begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,n} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,n} \\ \dots \dots \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,n} \end{vmatrix} a_{r,s} \quad n-2$$

которое можетъ быть представлено и въ слѣдующемъ видѣ:

$$\begin{vmatrix} A_1^1 & A_1^2 & \dots & A_1^{r-1} & A_1^{r+1} & \dots & A_1^n \\ A_2^1 & A_2^2 & \dots & A_2^{r-1} & A_2^{r+1} & \dots & A_2^n \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_{r-1}^1 & A_{r-1}^2 & \dots & A_{r-1}^{r-1} & A_{r-1}^{r+1} & \dots & A_{r-1}^n \\ A_{r+1}^1 & A_{r+1}^2 & \dots & A_{r+1}^{r-1} & A_{r+1}^{r+1} & \dots & A_{r+1}^n \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_n^1 & A_n^2 & \dots & A_n^{r-1} & A_n^{r+1} & \dots & A_n^n \end{vmatrix} = (-1)^{r-s} a_{r,s} \begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,n} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,n} \\ \dots \dots \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,n} \end{vmatrix}^{n-2}$$

Такимъ-образомъ мы видимъ, что *всякій первый частный определитель дополнительной системы равенъ коэффициенту при соответствующемъ первомъ частномъ определителѣ въ разложеніи определителя первообразной системы, помноженному на $n-2$ степень (здесь n — порядокъ первообразной системы) послѣдняго определителя.*

Послѣднее уравненіе наше можетъ быть выражено еще иначе. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнивъ, что количество, которое мы обозначили черезъ S_r^s есть не что иное, какъ элементъ второй дополнительной системы, мы можемъ сказать, что *всякій элементъ 2-ой дополнительной системы равенъ соответствующему элементу первообразной системы, помноженному на $n-2$ -ую степень определителя послѣдней.*

Отсюда-же непосредственно слѣдуетъ, что *элементы каждой дополнительной системы четнаго указателя пропорциональны со-*

Но легко видѣть что послѣдняя сумма $\sum_s a_{r,s} a_{p,s} A_r' A_p'$ входитъ также и въ произведеніе:

$$(\underbrace{a_{r,1} A_r^1 + a_{r,2} A_r^2 + \dots + a_{r,q} A_r^q + \dots + a_{r,n} A_r^n}_{\text{сумма по } r}) \times (\underbrace{a_{p,1} A_p^1 + a_{p,2} A_p^2 + \dots + a_{p,s} A_p^s + \dots + a_{p,n} A_p^n}_{\text{сумма по } p}) = \sum_s a_{r,q} a_{p,s} A_r^q A_p^s$$

тождественно равняющееся нулю (см. § 10 ур. 11). Въ-самомъ-дѣлѣ, очевидно, что произведеніе это можетъ быть представлено также и слѣдующимъ образомъ:

$$\sum_{s,q} a_{r,q} a_{p,s} A_r^q A_p^s - \sum_s a_{r,s} a_{p,s} A_r^s A_p^s$$

гдѣ знакоположенія $\sum_{s,q}$ и \sum_s сохраняютъ прежнія свои значенія.

Изъ того-же, что послѣднее выраженіе должно тождественно равняться нулю, мы выводимъ, что:

$$\sum_s a_{r,s} a_{p,s} A_r^s A_p^s = - \sum_{s,q} a_{r,q} a_{p,s} A_r^q A_p^s.$$

Замѣняя теперь, на основаніи послѣдняго замѣчанія, въ выраженіи (2) равное равнымъ, мы, очевидно, для квадрата определителя D найдемъ слѣдующее выраженіе:

$$D^2 = \sum_{s,q} a_{r,s} a_{p,q} A_r^s A_p^q - \sum_{s,q} a_{r,q} a_{p,s} A_r^q A_p^s = \sum_{s,q} (a_{r,s} a_{p,q} - a_{r,q} a_{p,s}) A_r^s A_p^q,$$

гдѣ сумма $\sum_{s,q}$ распространяется, какъ мы уже сказали, на всѣ возможные соединенія чиселъ 1, 2, n по два. Но очевидно, что первый множитель послѣдняго выраженія для D^2 измѣняетъ значеніе свое только отъ подстановленія вмѣсто s и q различныхъ соединеній чиселъ 1, 2, n по два; между-тѣмъ-какъ для двухъ соединеній, изъ которыхъ въ одномъ на мѣстѣ s находится то число, которое въ другомъ находится на мѣстѣ q , и на мѣстѣ q то, которое въ другомъ стоитъ на мѣстѣ

s , множитель этотъ имѣеть одно и то-же численное значеніе и измѣняетъ только знакъ свой. Поэтому сумма, дающая квадратъ опредѣлителя первообразной системы, можетъ быть представлена также и въ слѣдующемъ видѣ:

$$(3) \quad D^2 = \sum_{pq} (a_{r,s} a_{p,q} - a_{r,q} a_{p,s}) (A_r^s A_p^q - A_r^q A_p^s)$$

$$= \sum_{sq} \left\{ \sum \pm a_{r,s} a_{p,r} \sum \pm A_r^s A_p^r \right\}$$

гдѣ суммованіе \sum_{sq} распространяется только на всѣ возможные различныя сочетанія чиселъ 1, 2, n по два.

Теперь уже легко найти искомое выраженіе для вторыхъ частныхъ опредѣлителей дополнительной системы. Въ-самомъ-дѣлѣ, разлагая первую часть уравненія (1) на сумму произведеній частныхъ опредѣлителей (см. § 19) и относя при этомъ горизонтальныя линіи, которыя имѣють своими указателями числа r и p , къ одной изъ постоянныхъ группъ, всѣ-же остальные къ другой, мы очевидно получимъ:

$$\begin{vmatrix} A_1^1 A_1^2 \dots A_1^n \\ A_2^1 A_2^2 \dots A_2^n \\ \dots \dots \dots \\ A_n^1 A_n^2 \dots A_n^n \end{vmatrix} = \sum_{sq} \left\{ \binom{r}{p} \sum \pm A_r^s A_p^r \right\},$$

гдѣ знакомѣженіемъ $\binom{r}{p}$ мы обозначаемъ тотъ второй частный опредѣлитель дополнительной системы, который служитъ коэффициентомъ частному опредѣлителю $\sum \pm A_r^s A_p^r$ въ разложеніи *общаго* опредѣлителя

$$\begin{vmatrix} A_1^1 A_1^2 \dots A_1^n \\ A_2^1 A_2^2 \dots A_2^n \\ \dots \dots \dots \\ A_n^1 A_n^2 \dots A_n^n \end{vmatrix}$$

Обращаясь теперь къ второй части уравненія (1) и отдѣля въ ней квадратъ определителя D , мы, очевидно, въ силу уравненія (3), находимъ

$$D^{n-1} = D^{n-2} \sum_{s,q} \left\{ \sum \pm a_{r,s} a_{p,q} \sum \pm A'_r A'_p \right\}.$$

Такимъ-образомъ уравненіе (1) можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

$$\sum_{s,q} \left\{ \binom{r,p}{s,q} \sum \pm A'_r A'_p \right\} = D^{n-2} \sum_{s,q} \left\{ \sum \pm a_{r,s} a_{p,q} \sum \pm A'_r A'_p \right\}$$

Послѣднее-же уравненіе есть тождественное и слѣдовательно надо допустить, что для всякаго изъ различныхъ сочетаній чиселъ 1, 2, n по два, на которыя распространяется суммирование въ немъ, имѣетъ мѣсто слѣдующее равенство:

$$\binom{r,p}{s,q} = \begin{vmatrix} a_{1,1} & a_{1,2} & \dots & a_{1,n} \\ a_{2,1} & a_{2,2} & \dots & a_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & a_{n,n} \end{vmatrix}^{n-2} \sum \pm a_{r,s} a_{p,q},$$

— изъ котораго уже легко заключить, что *если въ второй частный определитель дополнительной системы равняется определителю первообразной системы, возвышенному въ степень, показатель которой тремя единицами меньше указателя порядка послѣднюю, и помноженному на тотъ его частный определитель, который въ разложеніи его, по теоремѣ Лапласа, служитъ коэффициентомъ частному определителю, соответствующему разсматриваемому частному определителю дополнительной системы.*

§ 32. Не останавливаясь на опредѣленіи выраженій для третьихъ, четвертыхъ и проч. частныхъ определителей дополнительной системы, перейдемъ къ общему случаю и постараемся дать общее выраженіе для n -хъ частныхъ определителей этой си-

стемы, гдѣ m очевидно должно быть меньше n т. е. указателя порядка дополнительной системы. Замѣтимъ для этого, что въ двухъ предыдущихъ параграфахъ, въ которыхъ мы рѣшали частные случаи теперь предложенной общей задачи, мы достигали цѣли, рассматривая ту степень опредѣлителя первообразной системы, указатель которой равнялся частному значенію, даваемому въ этихъ параграфахъ числу m . Дѣйствительно, въ § 30, въ которомъ мы нашли выраженіе для первыхъ частныхъ опредѣлителей дополнительной системы, мы воспользовались свойствомъ первой степени опредѣлителя первообразной системы, опредѣляемымъ уравненіемъ (10) 10-го параграфа; точно такъ-же въ § 31, для вывода выраженія для вторыхъ частныхъ опредѣлителей дополнительной системы, мы рассматривали квадратъ опредѣлителя первообразной системы и воспользовались свойствомъ этого квадрата, выражаемымъ уравненіемъ (3). По этому, слѣдующему наведенію, посмотримъ, нельзя-ли рѣшить задачу, составляющую предметъ текущаго параграфа, рассматривая m -ю степень опредѣлителя первообразной системы?

Въ-самомъ-дѣлѣ, относительно этой степени можно доказать теорему, непосредственно-приводящую къ желаемой цѣли, — теорему заключающую въ себѣ какъ частные случаи, какъ свойство первой степени опредѣлителя первообразной системы, выражаемое уравненіями (6) и (10) 10-го параграфа, такъ и свойство квадрата его, выражаемое уравненіемъ (3). Теорема эта состоитъ въ слѣдующемъ:

Теорема 15.

Если въ первообразной системѣ выберемъ m какихъ-либо параллельныхъ линий, горизонтальныхъ или вертикальныхъ, напр. тѣ, которыя имѣютъ указателями числа r_1, r_2, \dots, r_m , и составимъ изъ нихъ всѣ возможные частныя системы m -го порядка; если потомъ съ дополнительной системою сдѣлаемъ то-же самое т. е. тоже отберемъ m линий съ тѣми-же указа-

телями r_1, r_2, \dots, r_m , горизонтальных или вертикальных, смотря потому, были-ли избранны въ первообразной системѣ горизонтальныя или вертикальныя, и изъ нихъ также составимъ всѣ возможныя частныя системы m -го порядка; если наконецъ составимъ всѣ произведенія, которыя только можно составить, принимая однимъ множителемъ одинъ изъ вышеполученныхъ частныхъ опредѣлителей m -го порядка первообразной системы, а другимъ соответствующій ему частный опредѣлитель дополнительной системы: то сумма всѣхъ этихъ произведеній равняется m -ой степени опредѣлителя первообразной системы.

Доказательство.

Доказательство этой теоремы какъ нельзя проще можно основывать на теоремѣ §-ой (см. главу III § 28); но мы предполагаемъ здѣсь другое ея доказательство, столь-же строгое, но основанное на другихъ болѣе простыхъ свойствахъ опредѣлителей, и потому, по нашему мнѣнію, болѣе удовлетворительное.

Теорема наша аналитически очевидно выражается слѣдующими уравненіями:

$$\begin{aligned}
 & (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m \\
 = & \sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \left\{ \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m} \sum \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} \right\} \\
 \text{и} & (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m \\
 = & \sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \left\{ \sum \pm a_{s_1, r_1} a_{s_2, r_2} \dots a_{s_m, r_m} \sum \pm A_{s_1}^{r_1} A_{s_2}^{r_2} \dots A_{s_m}^{r_m} \right\}
 \end{aligned}$$

Ясно, что достаточно доказать справедливость только одного изъ этихъ двухъ уравненій для того, чтобы убѣдиться въ справедливости нашей теоремы во всей ея общности, ибо другое выведется изъ него непосредственно чрезъ замѣненіе входящей въ первую часть его системы съ нею сопряженною си-

стекою. Итакъ докажемъ справедливость перваго изъ этихъ уравненій.

Для этого положимъ, что теорема, имъ выражаемая, имѣеть мѣсто для показателя степени, въ которую возвышается определитель первообразной системы, равнаго $m - 1$, т. е. положимъ, что имѣеть мѣсто уравненіе:

$$\begin{aligned}
 & (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^{m-1} \\
 = & \sum_{s_1, s_2, \dots, s_{m-1}} \left\{ \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \sum \pm A_{r_1}^s A_{r_2}^s \dots A_{r_{m-1}}^s \right\},
 \end{aligned}$$

въ которомъ, въ силу сказаннаго выше, суммованіе распространяется только на всѣ *различныя* сочетанія чиселъ 1, 2, ... n по $m - 1$. Но очевидно, что то-же уравненіе можетъ быть представлено и въ слѣдующемъ видѣ:

$$\begin{aligned}
 & (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^{m-1} \\
 = & \sum_{s_1, s_2, \dots, s_{m-1}} \left\{ A_{r_1}^s A_{r_2}^s \dots A_{r_{m-1}}^s \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \right\},
 \end{aligned}$$

гдѣ уже суммованіе распространяется на *всѣ* возможные соединенія чиселъ 1, 2, ... n по $m - 1$; это слѣдуетъ изъ свойства определителя

$$\sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}},$$

по которому онъ измѣняетъ только знакъ свой отъ перестановленія въ немъ двухъ вторыхъ указателей между собою (см. теорему 1). Наконецъ, въ силу другаго свойства того-же определителя, именно того, по которому онъ тождественно равняется нулю всякій разъ, когда въ немъ два вторыхъ указателя соответственно равны между собою (см. теорему 2), уравненіе наше можетъ быть представлено еще и такъ:

$$\begin{aligned}
 & (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^{m-1} \\
 = & S_{s_1} S_{s_2} \dots S_{s_{m-1}} \left\{ A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_{m-1}}^{s_{m-1}} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \right\},
 \end{aligned}$$

гдѣ уже суммирование относительно каждаго изъ указателей s_1, s_2, \dots, s_{m-1} , распространяется на всѣ числа ряда $1, 2, \dots, n$.

Помножимъ теперь первую часть послѣдняго уравненія на опредѣлитель первообразной системы, а вторую часть его на тотъ-же опредѣлитель, разложенный по горизонтальной линіи, указатель которой есть r_m . Такимъ-образомъ мы очевидно получимъ:

$$\begin{aligned}
 (4) \quad & (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m \\
 = & S_{s_1} S_{s_2} \dots S_{s_m} \left\{ A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} a_{r_m, s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \right\},
 \end{aligned}$$

Мы уже замѣтили, что тѣ члены суммы, составляющей вторую часть послѣдняго уравненій, въ которыхъ два или болѣе указателей изъ числа s_1, s_2, \dots, s_{m-1} равны между собою, уничтожаются и слѣдовательно намъ надо разсматривать только тѣ члены, въ которыхъ эти указатели всѣ различны между собою. Эти-же члены раздѣляются на два разряда: во-первыхъ, на такія, въ которыхъ указатель s_m отличается отъ указателей s_1, s_2, \dots, s_{m-1} , и во-вторыхъ на такія, въ которыхъ указатель этотъ одинаковъ съ однимъ изъ указателей s_1, s_2, \dots, s_{m-1} . Совокупность первыхъ, очевидно, можетъ быть выражена формулою:

$$(5) \quad S_{s_1} S_{s_2} \dots S_{s_m} \left\{ A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} a_{r_m, s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \right\},$$

гдѣ суммирование относительно s_1, s_2, \dots, s_{m-1} распространяется на всѣ числа ряда $1, 2, \dots, n$, суммирование-же относительно s_m только на числа, отличныя отъ поставленныхъ на мѣста указателей s_1, s_2, \dots, s_{m-1} .

Обратимся теперь ко вторымъ и разсмотримъ тѣ, въ которыхъ указатель s_m одинаковъ съ некоторымъ указателемъ

s_p , гдѣ p есть какое-либо число изъ ряда 1, 2, 3, $m-1$. Очевидно, сумма этихъ членовъ дается формулою:

$$(6) \sum_{s_1} \sum_{s_2} \dots \sum_{s_{m-1}} \{ A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_p}^{s_p} a_{r_m, s_p} \sum_{\pm} a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_p, s_p} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \},$$

гдѣ суммованіе относительно каждого изъ указателей $s_1, s_2, \dots s_{m-1}$ распространяется на всѣ числа ряда 1, 2, n .

Разсмотримъ теперь тѣ члены послѣдней суммы, въ которыхъ указатели $s_1, s_2, \dots s_{p-1}, s_{p+1}, \dots s_{m-1}$ имѣютъ какія-либо опредѣленные значенія; ясно, что совокупность этихъ членовъ выразится суммою:

$$(7) M S A_{r_p}^{s_p} A_{r_m}^{s_m} a_{r_m, s_p} \sum_{\pm} a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_p, s_p} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}}$$

гдѣ:

$$M = A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_{p-1}}^{s_{p-1}} A_{r_p}^{s_p+1} \dots A_{r_{m-1}}^{s_{m-1}}$$

и гдѣ суммованіе относительно s_p по прежнему распространяется на всѣ числа ряда 1, 2, n . Но, въ силу уравненія (6) 1 главы (см. § 10), мы имѣемъ:

$$(8) \sum_{\pm} a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_p, s_p} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} = a_{r_1, s_p} a_{r_1, s_p}^{-1} + a_{r_2, s_p} a_{r_2, s_p}^{-1} + \dots$$

$$\dots + a_{r_q, s_p} a_{r_q, s_p}^{-1} + \dots + a_{r_{m-1}, s_p} a_{r_{m-1}, s_p}^{-1} = S_{r_q} a_{r_q, s_p} a_{r_q, s_p}^{-1},$$

гдѣ суммованіе распространяется на числа $r_1, r_2, \dots r_{m-1}$; а поэтому та-же сумма (7) можетъ быть представлена также и въ слѣдующемъ видѣ:

$$M S S_{r_q} A_{r_p}^{s_p} A_{r_m}^{s_m} a_{r_m, s_p} a_{r_q, s_p} a_{r_q, s_p}^{-1}$$

Замѣтимъ теперь, что a_{r_q, s_p} такого рода функція, что она не измѣняетъ своего значенія, какое-бы число мы не поставили на мѣсто s_p ; ибо въ нее не входятъ тѣ элементы, которые

вторымъ указателемъ имѣють s_p ; поэтому сумма наша можетъ быть представлена и такъ:

$$(9) \quad M \sum_q a_{r,q} a_{q,p} \sum_p A_{r,p}^s A_{r,p}^s a_{r,m} a_{r,p} a_{q,p}.$$

Но легко видѣть, что, перемножая между собою слѣдующія два выраженія, тождественно равняющіяся нулю:

$$(a_{r,m,1} A_{r,p}^1 + a_{r,m,2} A_{r,p}^2 + \dots + a_{r,m,p} A_{r,p}^s + \dots + a_{r,m,n} A_{r,p}^n) \times \\ (a_{r,q,1} A_{r,m}^1 + a_{r,q,2} A_{r,m}^2 + \dots + a_{r,q,p} A_{r,m}^s + \dots + a_{r,q,n} A_{r,m}^n)$$

мы получимъ:

$$\sum_p a_{r,m,p} a_{q,p} A_{r,p}^s A_{r,m}^s + \sum_{s,p} a_{r,m,s} a_{r,q,s} A_{r,p}^s A_{r,m}^s = 0,$$

гдѣ по прежнему знакоположеніемъ $\sum_{s,p}$ мы обозначаемъ, что должно взять сумму всѣхъ членовъ, выводящихся изъ подписаннаго подъ этимъ знакомъ чрезъ послѣдовательное подстановленіе на мѣста указателей s_p и s_m *всѣхъ возможныхъ* сочетаній чиселъ 1, 2, ... n по два. Изъ послѣдняго уравненія мы находимъ:

$$\sum_p a_{r,m,p} a_{q,p} A_{r,p}^s A_{r,m}^s = - \sum_{s,p} a_{r,m,s} a_{r,q,s} A_{r,p}^s A_{r,m}^s \\ = - \sum_{s,p} \sum_{s,m} a_{r,m,s} a_{r,q,s} A_{r,p}^s A_{r,m}^s,$$

гдѣ уже суммованіе относительно s_m распространяется только на тѣ числа ряда 1, 2, ... n, которыя отличны отъ поставленнаго на мѣсто указателя s_p . На основаніи-же послѣдняго уравненія сумма (9) можетъ быть представлена еще и въ слѣдующемъ видѣ:

$$- M \sum_q a_{r,q} \sum_p \sum_{s,m} a_{r,m,s} a_{r,q,s} A_{r,p}^s A_{r,m}^s$$

или иначе:

$$(10) \quad - M \sum_p \sum_q \sum_m A_{r,p}^{s_p} A_{r,m}^{s_m} a_{r,m}^{s_p} \sum_q A_{r,q}^{s_q} a_{r,q}^{s_p}$$

Но (см. ур. 8) очевидно, что

$$\sum_q A_{r,q}^{s_q} a_{r,q}^{s_p} = \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_p, s_p} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}}$$

и слѣдовательно сумма (10) принимаетъ видъ:

$$- M \sum_p \sum_m A_{r,p}^{s_p} A_{r,m}^{s_m} a_{r,m}^{s_p} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_p, s_p} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}}$$

почему сумма (6) можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ:

$$(11) - \sum_{s_1} \sum_{s_2} \dots \sum_m \{ A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} a_{r,m}^{s_p} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_p, s_p} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}} \}$$

гдѣ суммирование относительно s_m , какъ мы уже замѣтили, распространяется только на тѣ числа ряда 1, 2, ... n , которыя отличны отъ поставленнаго на мѣсто указателя s_p . Но, очевидно, что коль скоро на мѣсто s_m мы поставимъ число одинаковое съ какимъ-либо изъ стоящихъ на мѣстахъ указателей $s_1, s_2, \dots s_{p-1}, s_{p+1}, \dots s_{m-1}$, то происходящія отъ того члены суммы (11) пропадутъ, ибо входящій въ нихъ опредѣлитель

$$\sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_{p-1}, s_{p-1}} a_{r_p, s_p} a_{r_{p+1}, s_{p+1}} \dots a_{r_{m-1}, s_{m-1}}$$

пропадаетъ. Итакъ мы можемъ сказать, что суммирование въ выраженіи (11) относительно $s_1, s_2, \dots s_{m-1}$ распространяется на всѣ числа ряда 1, 2, ... n , между-тѣмъ-какъ суммирование относительно указателя s_m распространяется только на тѣ числа того-же ряда, которыя отличны отъ поставленныхъ на мѣста указателей $s_1, s_2, \dots s_{m-1}$.

Но очевидно, что выражение, находящееся под круглыми скобками есть ни что иное, как разложение определителя

$$\sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m}$$

по горизонтальной линии, указатель которой есть r_m , поэтому последнее уравнение может быть представлено еще и в следующем виде:

$$(12) \quad (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m \\ = S_{s_1, s_2} \dots S_{s_m} \{ A_{r_1, s_1}^{s_1} A_{r_2, s_2}^{s_2} \dots A_{r_m, s_m}^{s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m} \},$$

который в свою очередь может быть упрощен: действительно, хотя изъ всего до-сихъ-поръ сказаннаго кажется и слѣдуетъ, что суммованія относительно s_1, s_2, \dots, s_{m-1} должны быть распространены на всѣ числа ряда $1, 2, \dots, n$; легко видѣть, что тѣ члены суммы, составляющей вторую часть послѣдняго уравненія, въ которыхъ на мѣстахъ двухъ какихъ-либо изъ этихъ указателей стоитъ одно и то-же число, пропадутъ, потому-что въ этихъ членахъ въ нихъ входящій определитель $\sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m}$ тождественно равняется нулю.

Такимъ-образомъ мы видимъ, что уравненіе (12) равнозначуще съ слѣдующимъ:

$$(13) \quad (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m \\ = \sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \{ A_{r_1, s_1}^{s_1} A_{r_2, s_2}^{s_2} \dots A_{r_m, s_m}^{s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m} \}$$

въ которомъ суммованіе распространяется на всѣ возможные сочетанія чиселъ $1, 2, \dots, n$ то m . Вспомнивъ-же свойство определителя, по которому онъ отъ перестановленія въ системѣ его двухъ параллельныхъ линій измѣняетъ знакъ, легко убѣдиться, что послѣднее уравненіе можетъ быть представлено еще и въ видѣ:

$$(14) \quad (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m = \sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \left\{ \sum \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m} \right\}$$

гдѣ уже суммованіе распространяется только на *различныя* сочетанія чиселъ 1, 2, . . . *n* по *m*.

Выводъ уравненія (14) изъ ур. (4) доказываетъ, что предложенная нами теорема имѣетъ мѣсто для указателя степени, въ которую возвышается опредѣлитель первообразной системы, равнаго *m*, — если только она имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ когда этотъ указатель равняется *m* — 1.

Но мы непосредственно убѣдились въ § 31 (см. ур. 3), что теорема наша справедлива для показателя равнаго 2, слѣдовательно она имѣетъ мѣсто также для показателя равнаго 3, а слѣдовательно и для показателя равнаго 4, 5, 6, и т. д. Такимъ-образомъ теорема наша строго доказана.

Замѣтимъ въ заключеніе, что она какъ частный случай заключаетъ въ себѣ теорему 12^ю; дѣйствительно, стоитъ только положить *m* = *n* для того, чтобы изъ уравненія (14) получить

$$(\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^n = \sum \pm A_1^1 A_2^2 \dots A_n^n \sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n}$$

откуда уже непосредственно слѣдуетъ:

$$(1) \quad (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^{n-1} = \sum \pm A_1^1 A_2^2 \dots A_n^n.$$

Возвратимся теперь опять къ нашему предмету т. е. къ выводу выраженія вообще для *m*-ыхъ частныхъ опредѣлителей дополнительной системы.

Для этого разложимъ вторую часть послѣдняго уравненія на сумму произведеній двухъ частныхъ опредѣлителей одного *m*-ю, другаго (*n*—*m*)-ю порядка, относя при этомъ *m* какихъ-либо горизонтальныхъ линий, напр. тѣ, указатели которыхъ суть числа *r*₁, *r*₂, . . . *r*_{*m*} къ одной, а остальные (*n*—*m*) линій—къ другой

изъ постоянныхъ группъ. Это разложеніе, очевидно, можетъ быть представлено слѣдующимъ образомъ:

$$\overline{\sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} \left(\begin{smallmatrix} s_1, s_2, \dots, s_m \\ r_1, r_2, \dots, r_m \end{smallmatrix} \right)},$$

гдѣ черезъ $\left(\begin{smallmatrix} s_1, s_2, \dots, s_m \\ r_1, r_2, \dots, r_m \end{smallmatrix} \right)$ мы обозначаемъ коэффициентъ при частномъ опредѣлителѣ

$$\sum \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m}$$

въ общемъ опредѣлителѣ $\sum \pm A_1^1 A_2^2 \dots A_n^n$ и гдѣ знаковоположеніе

не $\overline{\sum_{s_1, s_2, \dots, s_m}}$ сохраняетъ прежнее свое значеніе.

Отдѣлимъ теперь отъ первой части уравненія (1) множитель

$$(\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^m$$

и представимъ его въ слѣдующемъ видѣ

$$\overline{\sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \left\{ \sum \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m} \right\}}$$

(см. ур. 14). Такимъ-образомъ уравненіе (1) можетъ быть преобразовано въ слѣдующее

$$\overline{\sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \left\{ (\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n})^{n-m-1} \sum \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots \dots \dots A_{r_m}^{s_m} \sum \pm a_{r_1, s_1} a_{r_2, s_2} \dots a_{r_m, s_m} \right\} =$$

$$\overline{\sum_{s_1, s_2, \dots, s_m} \left\{ \sum \pm A_{r_1}^{s_1} A_{r_2}^{s_2} \dots A_{r_m}^{s_m} \left(\begin{smallmatrix} s_1, s_2, \dots, s_m \\ r_1, r_2, \dots, r_m \end{smallmatrix} \right) \right\};$$

но послѣднее уравненіе есть тождественное и слѣдовательно коэффициенты при одинаковыхъ частныхъ опредѣлителяхъ дополнительной системы въ обѣихъ частяхъ его должны быть равны между собою; отсюда мы получаемъ:

$$(15) \quad \begin{pmatrix} s_1 & s_2 & \dots & s_m \\ r_1 & r_2 & \dots & r_m \end{pmatrix} = \left(\sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n} \right)^{n-m-1} \sum \pm a_{r_1 s_1} a_{r_2 s_2} \dots a_{r_m s_m};$$

но $\begin{pmatrix} s_1 & s_2 & \dots & s_m \\ r_1 & r_2 & \dots & r_m \end{pmatrix}$ есть нѣкоторый m -ый частный опредѣлитель дополнительной системы, а поэтому предыдущее уравненіе выражаетъ слѣдующую теорему:

Теорема 16.

m -ый частный опредѣлитель дополнительной системы равенъ опредѣлителю первообразной системы, возвышенному въ $(n-m-1)$ -ую степень, (гдѣ n есть порядокъ первообразной системы), и помноженному на тотъ частный опредѣлитель его, который соотвѣтствуетъ частному опредѣлителю дополнительной системы, служащему коэффициентомъ разсматриваемаго въ общемъ опредѣлителѣ послѣдней системы.

Эта теорема, частный случай которой, разсмотрѣнный нами въ § 30, былъ уже извѣстенъ Коши (*), во всей ея общности въ первый разъ была доказана знаменитымъ Якоби, въ приведенной нами уже не разъ статьѣ его: «De formatione et proprietatibus determinatum». Въ этомъ сочиненіи онъ вывелъ ее, опредѣляя одну изъ неизвѣстныхъ x_k , входящихъ въ группу совокупныхъ линейныхъ уравненій, подобныхъ разсмотрѣннымъ нами въ 1-ой главѣ (см. § 10 ур. 8) посредствомъ нѣкоторыхъ

(*) См. Mémoire sur les fonctions qui ne peuvent obtenir que deux valeurs égales et de signes contraires par suite des transpositions, opérées etc.

изъ остальныхъ $x_{k+1}, x_{k+2}, \dots, x_n$ и количествъ k_1, k_2, \dots, k_k . Опредѣляя потомъ изъ уравненій, служащихъ рѣшеніемъ первыхъ, т. е. изъ группы уравненій, выводящихся изъ ур. (9) той-же главы, ту-же неизвѣстную посредствомъ тѣхъ-же количествъ, онъ такимъ-образомъ получилъ два выраженія для x_k , которыя должны быть тождественно равны. Изъ сравненія-же коэффициентовъ при однихъ и тѣхъ-же количествахъ, напр. при k_k въ этихъ выраженіяхъ, непосредственно вытекаетъ наша теорема.

Легко убѣдиться, что изъ только-что данной теоремы, уже какъ слѣдствіе, можно вывести выраженія для какихъ-либо частныхъ опредѣлителей которой угодно изъ дополнительныхъ системъ, — выраженія, въ которыхъ извѣстная степень общаго опредѣлителя первообразной системы умножается на извѣстнаго частнаго опредѣлителя той-же системы.

§ 33. Подобно тому, какъ мы разсматривали до-сихъ-поръ дополнительную систему, элементы которой суть не что иное, какъ различные *первые* частные опредѣлители первообразной системы, можно подвергнуть изслѣдованію другія системы, элементы которыхъ были-бы уже не первыя, а какіе-нибудь напр. *m*-ые частные опредѣлители первообразной системы. Обратимся же теперь къ теоріи опредѣлителей подобныхъ системъ.

Условимся прежде всего въ знакоположеніи, посредствомъ котораго можно было-бы обозначать различные частные опредѣлители первообразной системы просто и опредѣлительно.

Итакъ положимъ, что намъ данъ опредѣлитель P , котораго система есть слѣдующая:

$$\begin{vmatrix} a_{1,1} & a_{1,2} & \dots & a_{1,n} \\ a_{2,1} & a_{2,2} & \dots & a_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & a_{n,n} \end{vmatrix}$$

и разсмотримъ *m*-ые его частные опредѣлители.

Пусть
$$u = \frac{n(n-1)\dots(n-m+1)}{1.2.3\dots m}$$

т. е. обозначаетъ число различныхъ сочетаній чиселъ $1, 2, \dots, n$ по m . Эти соединенія мы будемъ обозначать числами $1, 2, \dots, u$ и при томъ такъ, чтобы соединеніе, въ которомъ произведеніе чиселъ, его составляющихъ, есть меньшее, обозначалось меньшимъ числомъ.

Система всякаго m -го частнаго опредѣлителя отличается, какъ мы знаемъ, отъ системы опредѣлителя общаго тѣмъ, что въ нее не входятъ элементы m горизонтальныхъ и столькихъ-же вертикальныхъ линий. Поэтому согласимся обозначать черезъ ${}^{(m)}P_{r,s}$, гдѣ r и s суть числа изъ ряда $1, 2, \dots, u$, тотъ m -ый частный опредѣлитель, въ систему котораго не входятъ ни элементы, имѣющіе первыми указателями числа, входящія въ соединеніе r , ни элементы, которыхъ вторые указатели заключаются въ соединеніи s . Такимъ-образомъ мы черезъ ${}^{(m)}P_{r,s}$ означаемъ количество, котораго численная величина совершенно опредѣлена, но котораго знакъ можетъ быть и положительный и отрицательный: ибо нашимъ знакоположеніемъ не опредѣляется еще послѣдовательность линий въ системѣ обозначаемаго имъ опредѣлителя. Будемъ-же подъ ${}^{(m)}P_{r,s}$ понимать опредѣлитель известной какой-либо системы изъ числа всѣхъ частныхъ системъ, не заключающихъ въ себѣ вышеопредѣленныхъ элементовъ.

Ясно, что число всѣхъ возможныхъ различныхъ по величинѣ частныхъ опредѣлителей $(n - m)$ -го порядка или, что все равно, m -го частныхъ опредѣлителей вообще равно u^2 , и что всѣ они могутъ быть расположены въ слѣдующую систему:

$$(16) \quad \begin{vmatrix} {}^{(m)}P_{1,1} & {}^{(m)}P_{1,2} & \dots & {}^{(m)}P_{1,u} \\ {}^{(m)}P_{2,1} & {}^{(m)}P_{2,2} & \dots & {}^{(m)}P_{2,u} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ {}^{(m)}P_{u,1} & {}^{(m)}P_{u,2} & \dots & {}^{(m)}P_{u,u} \end{vmatrix};$$

опредѣлитель послѣдней системы мы будемъ обозначать чрезъ ${}^{(m)}S_u$, и, слѣдуя Коши, называть *производнымъ* (dérivé) отъ

первообразнаго опредѣлителя P . Такимъ-образомъ опредѣлитель дополнительной системы, ничто иное какъ одинъ изъ производныхъ.

Согласимся называть *дополнительнымъ* опредѣлителемъ частнаго ${}^{(m)}P_{r,s}$ тотъ $(n - m)$ -ый частный опредѣлитель, который служить коэффициентомъ опредѣлителю ${}^{(m)}P_{r,s}$ въ разложеніи первообразнаго опредѣлителя. Ясно, что онъ будетъ равняться положительной или отрицательной величинѣ опредѣлителя, система котораго получается изъ системы первообразнаго опредѣлителя если въ послѣдней зачеркнемъ всѣ элементы, которые первымъ указателемъ своимъ имѣютъ какое-либо число, не входящее въ соединеніе r , а также и тѣ, вторые указатели которыхъ не входятъ въ соединеніе s . Подобный дополнительный частный опредѣлитель мы будемъ обозначать знакоположеніемъ:

$${}^{(n-m)}P_{-r,-s}$$

Систему-же этихъ дополнительныхъ опредѣлителей

$$(17) \quad \begin{vmatrix} {}^{(n-m)}P_{-1,-1} & {}^{(n-m)}P_{-1,-2} & \dots & {}^{(n-m)}P_{-1,-u} \\ {}^{(n-m)}P_{-2,-1} & {}^{(n-m)}P_{-2,-2} & \dots & {}^{(n-m)}P_{-2,-u} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ {}^{(n-m)}P_{-u,-1} & {}^{(n-m)}P_{-u,-2} & \dots & {}^{(n-m)}P_{-u,-u} \end{vmatrix}$$

мы будемъ называть *дополнительною* системы (16); точно такъ-же какъ опредѣлитель ея

$${}^{(n-m)}S_{-u}$$

дополнительнымъ опредѣлителемъ ${}^{(m)}S_u$.

Условившись такимъ-образомъ въ знакоположеніи, мы весьма просто можемъ выразить теорему 6-ую, найденную нами во второй главѣ (см. § 19), аналитическою формулою слѣдующимъ образомъ:

$$(18) \quad {}^{(m)}P_{1,s} {}^{(n-m)}P_{-1,-s} + {}^{(m)}P_{2,s} {}^{(n-m)}P_{-2,-s} + \dots \\ \dots + {}^{(m)}P_{u,s} {}^{(n-m)}P_{-u,-s} = P$$

гдѣ s можетъ получать всѣ значенія чиселъ $1, 2, \dots, u$; явля-же уравненіемъ:

$$(19) \quad \begin{aligned} & {}^{(m)}P_{r,1} {}^{(n-m)}P_{-r,-1} + {}^{(m)}P_{r,2} {}^{(n-m)}P_{-r,-2} + \dots \\ & \dots + {}^{(m)}P_{r,u} {}^{(n-m)}P_{-r,-u} = P. \end{aligned}$$

Вспомнивъ теперь то свойство опредѣлителя, по которому онъ обращается въ нуль, коль-скоро двѣ параллельныя линіи его системы составлены изъ элементовъ соотвѣтственно равныхъ (см. теорему 2), мы легко убѣждаемся въ справедливости слѣдующихъ уравненій:

$$(20) \quad \left\{ \begin{aligned} & {}^{(m)}P_{1,p} {}^{(n-m)}P_{-1,-s} + {}^{(m)}P_{2,p} {}^{(n-m)}P_{-2,-s} + \dots \\ & \dots + {}^{(m)}P_{u,p} {}^{(n-m)}P_{-u,-s} = 0 \\ & {}^{(m)}P_{q,1} {}^{(n-m)}P_{-r,-1} + {}^{(m)}P_{q,2} {}^{(n-m)}P_{-r,-2} + \dots \\ & \dots + {}^{(m)}P_{q,u} {}^{(n-m)}P_{-r,-u} = 0, \end{aligned} \right.$$

гдѣ въ первомъ p и s , а во второмъ q и r должны быть отличныя другъ отъ друга числа, принадлежащія ряду $1, 2, \dots, u$.

Въ теоріи производныхъ опредѣлителей уравненія (18), (19) и (20) играютъ совершенно ту-же роль, какъ уравненія (6), (7), (10) и (11) первой главы (см. § 10) въ теоріи опредѣлителей дополнительныхъ системъ.

§ 34. Совершенно подобнымъ образомъ, какъ мы въ началѣ сей главы пользовались уравненіями (10) и (11) первой главы теперь, на основаніи уравненій (19) и 2го, изъ группы (20) мы можемъ вывести теоремы, которыя, какъ частный случай, будутъ заключать въ себѣ теоремы: 12^ю, 15^ю и 16^ю. Дѣйстви-тельно мы такимъ образомъ найдемъ:

$$(21) \quad P^q = \sum_{s_1, s_2, \dots, s_q} \left\{ \sum \pm {}^{(m)}P_{r_1, s_1} {}^{(m)}P_{r_2, s_2} \dots {}^{(m)}P_{r_q, s_q} \right. \\ \left. \sum \pm {}^{(n-m)}P_{-r_1, -s_1} {}^{(n-m)}P_{-r_2, -s_2} \dots {}^{(n-m)}P_{-r_q, -s_q} \right\}$$

гдѣ q равно или меньше n и гдѣ суммирование распространяется на всѣ различныя сочетанія чиселъ 1, 2, 3, ... и по q .

Послѣднее уравненіе служитъ выраженіемъ слѣдующей теоремы:

Теорема 17.

Степень первообразнаго опредѣлителя, показатель которой равенъ или меньше указателя порядка какого-либо изъ производныхъ опредѣлителей, равняется суммѣ всѣхъ возможныхъ произведеній вида

$$\sum \pm {}^{(m)}P_{r_1, s_1} {}^{(m)}P_{r_2, s_2} \dots {}^{(m)}P_{r_q, s_q} \sum \pm {}^{(n-m)}P_{-r_1, -s_1} {}^{(n-m)}P_{-r_2, -s_2} \dots \dots {}^{(n-m)}P_{-r_q, -s_q},$$

получаемыхъ изъ послѣдняго чрезъ замѣненіе указателей s_1, s_2, \dots, s_q послѣдовательно всѣми различными соединеніями чиселъ 1, 2, ... и по q , гдѣ q есть показатель разсматриваемой степени первообразнаго опредѣлителя. Указатели r_1, r_2, \dots, r_q во всѣхъ этихъ произведеніяхъ остаются неизмѣнными и должны быть q какія-либо различныя числа изъ ряда 1, 2, ... и. Очевидно также, что все сказанное объ указателяхъ s_1, s_2, \dots, s_q можно отнести и къ указателямъ r_1, r_2, \dots, r_q и обратно.

Эта теорема, очевидно, заключаетъ въ себѣ, какъ частный случай, теорему 15.

Полагая въ уравненіи 21 $q = u$, мы находимъ, что

$$(22) \quad P^u = \left\{ \sum \pm {}^{(m)}P_{1,1} {}^{(m)}P_{2,2} \dots {}^{(m)}P_{u,u} \sum \pm {}^{(n-m)}P_{-1,-1} {}^{(n-m)}P_{-2,-2} \dots {}^{(n-m)}P_{-u,-u} \right\} = {}^{(m)}S_u {}^{(n-m)}S_{-u}$$

откуда вытекаетъ слѣдующая теорема, заключающая въ себѣ, какъ частный случай, теорему 12:

Теорема 18.

Произведеніе какого-либо производнаго опредѣлителя на соотвѣтствующій ему дополнительный опредѣлитель равняется

той степени первообразнаго опредѣлителя, показатель которой равняется указателю порядка, общему двумъ помножаемымъ другъ на друга опредѣлителямъ.

Совершенно подобнымъ образомъ, какъ мы изъ теоремы 15^{-ой}, при помощи теоремы 6^{-ой}, вывели выраженіе для $m^{-\infty}$ частнаго опредѣлителя дополнительной системы (см. § 32 ур. 15) теперь, на основаніи уравненій (21) и (22), мы можемъ вывести два слѣдующіе:

$$\begin{aligned} \begin{pmatrix} s_1 & s_2 & \dots & s_q \\ r_1 & r_2 & \dots & r_q \end{pmatrix} &= \frac{P^{u-q}}{(n-m)S_{-u}} \sum \pm (n-m)P_{-r_1, -s_1} (n-m)P_{-r_2, -s_2} \dots \\ &\dots (n-m)P_{-r_q, -s_q} \\ \begin{pmatrix} -s_1 & -s_2 & \dots & -s_q \\ -r_1 & -r_2 & \dots & -r_q \end{pmatrix} &= \frac{P^{u-q}}{(m)S_u} \sum \pm (m)P_{r_1, s_1} (m)P_{r_2, s_2} \dots (m)P_{r_q, s_q} \end{aligned}$$

гдѣ мы знакоположеніями:

$$\begin{pmatrix} s_1 & s_2 & \dots & s_q \\ r_1 & r_2 & \dots & r_q \end{pmatrix} \quad \text{и} \quad \begin{pmatrix} -s_1 & -s_2 & \dots & -s_q \\ -r_1 & -r_2 & \dots & -r_q \end{pmatrix}$$

означаемъ тѣ частные опредѣлители опредѣлителей

$$(m)S_u \quad \text{и} \quad (n-m)S_{-u},$$

которые въ разложеніяхъ послѣднихъ служатъ коэффиціентами частныхъ опредѣлителей

$$\begin{aligned} &\sum \pm (m)P_{r_1, s_1} (m)P_{r_2, s_2} \dots (m)P_{r_q, s_q} \\ \text{и} &\sum \pm (n-m)P_{-r_1, -s_1} (n-m)P_{-r_2, -s_2} \dots (n-m)P_{-r_q, -s_q} \end{aligned}$$

Каждое изъ двухъ послѣднихъ уравненій заключаетъ въ себѣ какъ частный случай ур. (15) и выражаетъ свойство частныхъ опредѣлителей производныхъ системъ, подобное тому, которое мы нашли для частныхъ опредѣлителей дополнительной системы и которое мы выразили теоремою 16^{-ю}.

Раздѣляя первое изъ двухъ послѣднихъ уравненій на второе, мы получаемъ

$$\frac{\begin{pmatrix} s_1 & s_2 & \dots & s_q \\ r_1 & r_2 & \dots & r_q \end{pmatrix}}{\begin{pmatrix} -s_1 & -s_2 & \dots & -s_q \\ -r_1 & -r_2 & \dots & -r_q \end{pmatrix}} = \frac{{}^{(m)}S_u \sum \pm (n-m)P_{-r_1, -s_1} (n-m)P_{-r_2, -s_2} \dots (n-m)P_{-r_q, -s_q}}{(n-m)S_{-u} \sum \pm (m)P_{r_1, s_1} (m)P_{r_2, s_2} \dots (m)P_{r_q, s_q}}$$

откуда уже непосредственно выводимъ, что :

$$\frac{\begin{pmatrix} s_1 & s_2 & \dots & s_q \\ r_1 & r_2 & \dots & r_q \end{pmatrix} \sum \pm (m)P_{r_1, s_1} (m)P_{r_2, s_2} \dots (m)P_{r_q, s_q}}{\begin{pmatrix} -s_1 & -s_2 & \dots & -s_q \\ -r_1 & -r_2 & \dots & -r_q \end{pmatrix} \sum \pm (n-m)P_{-r_1, -s_1} (n-m)P_{-r_2, -s_2} \dots (n-m)P_{-r_q, -s_q}} = \frac{{}^{(m)}S_u}{(n-m)S_{-u}}$$

т. е. имѣемъ слѣдующую теорему:

Теорема 19.

Въ разложеніяхъ двухъ взаимно-дополнительныхъ производныхъ опредѣлителей на сумму произведеній по два частные опредѣлителя, — въ разложеніяхъ, при которыхъ въ системахъ обоихъ разлагаемыхъ опредѣлителей относятся тѣ-же линіи съ тѣми-же указателями къ каждой изъ постоянныхъ группъ, — соотвѣтственные члены суммы находятся между собою въ томъ-же отношеніи, въ которомъ находятся и самые разлагаемые опредѣлители.

§ 35. Окончимъ наши изслѣдованія о производныхъ опредѣлителяхъ и системахъ выводомъ формулы, дающей зависимость между подобнымъ образомъ полученными производными опредѣлителями трехъ первообразныхъ опредѣлителей *P*, *Q* и *R*, удовлетворяющихъ уравненію

$$(23) \quad P = QR$$

Формула эта весьма просто получается на основаніи теоремы 18^а. Въ-самомъ-дѣлѣ, возвысимъ обѣ части послѣдняго уравненія въ степень, показатель которой былъ-бы u ; тогда мы получимъ:

$$(24) \quad P^u = Q^u R^u.$$

Но, въ силу 18^а теоремы (см. ур. 22),

$$P^u = {}^{(m)}S_u {}^{(n-m)}S_{-u}; \quad Q^u = {}^{(m)}T_u {}^{(n-m)}T_{-u}; \quad R^u = {}^{(m)}U_u {}^{(n-m)}U_{-u};$$

$$\text{гдѣ} \quad {}^{(m)}T_u, {}^{(n-m)}T_{-u} \quad \text{и} \quad {}^{(m)}U_u, {}^{(n-m)}U_{-u}$$

суть производные и дополнительно-производные опредѣлители опредѣлителей

$$Q \quad \text{и} \quad R,$$

получаемые изъ послѣднихъ совершенно подобнымъ образомъ, какъ получается

$${}^{(m)}S_u, {}^{(n-m)}S_{-u}$$

изъ опредѣлителя

$$P.$$

Вставляя теперь равныя величины вмѣсто равныхъ въ ур. (24), мы находимъ

$$(25) \quad {}^{(m)}S_u {}^{(n-m)}S_{-u} = {}^{(m)}T_u {}^{(n-m)}T_{-u} {}^{(m)}U_u {}^{(n-m)}U_{-u}$$

— уравненіе, изъ котораго вытекаетъ слѣдующая теорема:

Теорема 20.

Если между опредѣлителями n -го порядка P , Q и R имѣеть мѣсто уравненіе

$$P = QR,$$

то и между произведеніями взаимно-дополнительныхъ производныхъ опредѣлителей ихъ — полученныхъ одинаковымъ образомъ, — существуетъ подобное-же уравненіе.

Последняя теорема, очевидно, заключаетъ въ себѣ, какъ частный случай теорему 14^ю. Въ-самомъ-дѣлѣ, положимъ, что ${}^{(m)}S_u$, ${}^{(m)}T_u$ и ${}^{(m)}U_u$ суть опредѣлители дополнительныхъ системъ системъ опредѣлителей P , Q и R ; тогда очевидно $m = 1$; $u = n$ и

$${}^{(n-1)}S_{-n} = P; {}^{(n-1)}T_{-n} = Q; {}^{(n-1)}U_{-n} = R$$

и слѣдовательно уравненіе (25) приметъ видъ

$${}^{(1)}S_n P = {}^{(1)}T_n Q {}^{(1)}U_n R;$$

последнее-же уравненіе, въ силу условнаго уравненія (23), обращается въ слѣдующее

$${}^{(1)}S_n = {}^{(1)}T_n {}^{(1)}U_n,$$

которое выражаетъ не что иное, какъ теорему 14^ю.

Разсмотримъ теперь тотъ случай, въ которомъ элементы опредѣлителей P , Q и R , системы которыхъ пусть будутъ

$$\begin{vmatrix} c_{1,1} & c_{1,2} & \dots & c_{1,n} \\ c_{2,1} & c_{2,2} & \dots & c_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ c_{n,1} & c_{n,2} & \dots & c_{n,n} \end{vmatrix}, \begin{vmatrix} b_{1,1} & b_{1,2} & \dots & b_{1,n} \\ b_{2,1} & b_{2,2} & \dots & b_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{n,1} & b_{n,2} & \dots & b_{n,n} \end{vmatrix}, \begin{vmatrix} a_{1,1} & a_{1,2} & \dots & a_{1,n} \\ a_{2,1} & a_{2,2} & \dots & a_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & a_{n,n} \end{vmatrix},$$

связаны между собою такимъ-образомъ, что каждый изъ элементовъ опредѣлителя P выражается посредствомъ элементовъ опредѣлителей Q и R одною изъ формулъ (16) 3^{ей} главы (см. § 28).

Положимъ-же, что

$$c_{i,k} = a_{i,1} b_{k,1} + a_{i,2} b_{k,2} + \dots + a_{i,n} b_{k,n}$$

и будемъ искать какой-либо частный опредѣлитель опредѣлителя P , напр. тотъ, котораго система есть слѣдующая

$$\begin{vmatrix} c_{r_1, s_1} & c_{r_1, s_2} & \dots & c_{r_1, s_{n-m}} \\ c_{r_2, s_1} & c_{r_2, s_2} & \dots & c_{r_2, s_{n-m}} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ c_{r_{n-m}, s_1} & c_{r_{n-m}, s_2} & \dots & c_{r_{n-m}, s_{n-m}} \end{vmatrix}$$

и которой мы, слѣдуя принятому знакоположенію, будемъ означать чрезъ

$${}^{(m)}P_{i,k}$$

Припоминая теперь теорему 8^{-ю}, легко убѣдиться, что послѣдній опредѣлитель долженъ равняться суммѣ всѣхъ произведеній соответствующихъ опредѣлителей $(n-m)$ -го порядка, которыя только можно составить изъ системъ:

$$\begin{array}{cccc} a_{r_1,1}, & a_{r_1,2}, & \dots & a_{r_1,n} & b_{s_1,1}, & b_{s_1,2}, & \dots & b_{s_1,n} \\ a_{r_2,1}, & a_{r_2,2}, & \dots & a_{r_2,n} & b_{s_2,1}, & b_{s_2,2}, & \dots & b_{s_2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{r_{n-m},1}, & a_{r_{n-m},2}, & \dots & a_{r_{n-m},n} & b_{s_{n-m},1}, & b_{s_{n-m},2}, & \dots & b_{s_{n-m},n} \end{array}$$

это-же, очевидно, можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

$$(26) \quad {}^{(m)}P_{i,k} = {}^{(m)}R_{i,1} {}^{(m)}Q_{k,1} + {}^{(m)}R_{i,2} {}^{(m)}Q_{k,2} + \dots + {}^{(m)}R_{i,u} {}^{(m)}Q_{k,u}$$

Совершенно подобнымъ образомъ, какъ мы вывели послѣднее уравненіе, можно было-бы вывести и слѣдующее:

$$(27) \quad {}^{(n-m)}P_{-i,-k} = {}^{(n-m)}R_{-i,-1} {}^{(n-m)}Q_{-k,-1} + {}^{(n-m)}R_{-i,-2} {}^{(n-m)}Q_{-k,-2} + \dots + {}^{(n-m)}R_{-i,-u} {}^{(n-m)}Q_{-k,-u}$$

Точно такъ-же, какъ мы для случая:

$$c_{i,k} = a_{i,1}b_{k,1} + a_{i,2}b_{k,2} + \dots + a_{i,n}b_{k,n}$$

нашли два предыдущія уравненія, — точно такъ-же мы найдемъ, что если

$$c_{i,k} = a_{i,1}b_{1,k} + a_{i,2}b_{2,k} + \dots + a_{i,n}b_{n,k},$$

то имѣютъ мѣсто уравненія

$$(28) \quad {}^{(m)}P_{i,k} = {}^{(m)}R_{i,1} {}^{(m)}Q_{1,k} + {}^{(m)}R_{i,2} {}^{(m)}Q_{2,k} + \dots + {}^{(m)}R_{i,u} {}^{(m)}Q_{u,k}$$

$$(29) \quad {}^{(n-m)}P_{-i,-k} = {}^{(n-m)}R_{-i,-i} {}^{(n-m)}Q_{-i,-k} \\ + {}^{(n-m)}R_{-i,-2} {}^{(n-m)}Q_{-2,-k} + \dots + {}^{(n-m)}R_{-i,-u} {}^{(n-m)}Q_{-u,-k}$$

если
$$c_{i,k} = a_{1,i} b_{1,k} + a_{2,i} b_{2,k} + \dots + a_{n,i} b_{n,k}$$

уравнения:

$$(30) \quad {}^{(n)}P_{i,k} = {}^{(m)}R_{1,i} {}^{(m)}Q_{1,k} + {}^{(m)}R_{2,i} {}^{(m)}Q_{2,k} + \dots + {}^{(m)}R_{u,i} {}^{(m)}Q_{u,k}$$

$$(31) \quad {}^{(n-m)}P_{-i,-k} = {}^{(n-m)}R_{-i,-i} {}^{(n-m)}Q_{-i,-k} \\ + {}^{(n-m)}R_{-2,-i} {}^{(n-m)}Q_{-2,-k} + \dots + {}^{(n-m)}R_{-u,-i} {}^{(n-m)}Q_{-u,-k}$$

наконецъ, если

$$c_{i,k} = a_{1,i} b_{k,1} + a_{2,i} b_{k,2} + \dots + a_{n,i} b_{k,n}$$

уравнения

$$(32) \quad {}^{(m)}P_{i,k} = {}^{(m)}R_{1,i} {}^{(m)}Q_{k,1} + {}^{(m)}R_{2,i} {}^{(m)}Q_{k,2} + \dots + {}^{(m)}R_{u,i} {}^{(m)}Q_{k,u}$$

$$(33) \quad {}^{(n-m)}P_{-i,-k} = {}^{(n-m)}R_{-i,-i} {}^{(n-m)}Q_{-k,-i} \\ + {}^{(n-m)}R_{-2,-i} {}^{(n-m)}Q_{-k,-2} + \dots + {}^{(n-m)}R_{-u,-i} {}^{(n-m)}Q_{-k,-u}$$

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что восемь послѣднихъ уравненій, въ первый разъ найденныя Коши непосредственно т. е. безъ помощи теоремы 8-ой, и послужили первымъ общимъ доказательствомъ послѣдней.

Означая по-прежнему черезъ

$${}^{(m)}S_u, {}^{(n-m)}S_{-u}, {}^{(m)}T_u, {}^{(n-m)}T_{-u}, {}^{(m)}U_u, {}^{(n-m)}U_{-u}$$

производные и дополнительно-производные опредѣлители, получаемые совершенно одинаковымъ образомъ изъ трехъ нашихъ первообразныхъ опредѣлителей:

$$P, Q \text{ и } R,$$

мы, на основаніи теоремы 9-ой изъ cadaго изъ уравненій (26), (28), (30) и (32), выводимъ уравненіе

$${}^{(m)}S_u = {}^{(m)}T_u {}^{(m)}P_u,$$

точно такъ-же, какъ изъ каждаго изъ уравненій (27), (29), (31) и (33) слѣдующее

$${}^{(n-m)}S_{-u} = {}^{(n-m)}T_{-u} {}^{(n-m)}U_{-u};$$

послѣдніе-же два уравненія, очевидно, выражаютъ слѣдующую теорему.

Теорема 21.

Коль-соро элементы трехъ опредѣлителей P , Q и R связаны такимъ-образомъ между собою, что каждый элементъ опредѣлителя P выражается посредствомъ элементовъ опредѣлителей Q и R одною изъ формулъ (16), 3^{ей} главы, то не только имѣеть мѣсто уравненіе

$$P = QR,$$

но также и слѣдующее

$${}^{(m)}S_u = {}^{(m)}T_u {}^{(m)}U_u,$$

гдѣ

$${}^{(m)}S_u, \quad {}^{(m)}T_u, \quad {}^{(m)}U_u$$

означаютъ какія-либо производные опредѣлители, полученные одинаковымъ образомъ изъ первообразныхъ опредѣлителей

$$P, \quad Q \quad \text{и} \quad R.$$

ГЛАВА V.

§ 36. Окончивъ въ предыдущей главѣ общую теорію опредѣлителей, мы переходимъ теперь къ изслѣдованію нѣкоторыхъ частныхъ видовъ этихъ функцій, получаемыхъ чрезъ введеніе извѣстныхъ условій, которымъ, по предположенію, должны удовлетворять элементы ихъ. Очевидно, подобныя условія могутъ быть до бесконечности разнообразны, а потому и различныхъ видовъ опредѣлителей, которые можно было-бы разсматривать, существуетъ бесконечное множество. Но, безъ сомнѣнія, тѣ изъ нихъ, которые особенно часто встрѣчаются въ приложеніяхъ, или-же пользуются особенно простыми свойствами, достойны также и большаго вниманія, и къ ихъ-то изслѣдованію мы теперь и обратимся.

Первое мѣсто между подобными опредѣлителями занимаютъ, безъ сомнѣнія, тѣ, которыхъ элементы удовлетворяютъ уравненіямъ вида

$$a_{r,s} + a_{s,r} = 0 \quad \text{или} \quad a_{r,s} = -a_{s,r},$$

гдѣ s отлично отъ r , и которые Англійскій математикъ Кайлей (Cayley), много занимавшійся ими (*), назвалъ *косыми* (gauche, skew, gobbo). Этотъ-же самый геометръ показалъ въ статьѣ

(*) См. «Sur quelques propriétés des determinants gauches, par Mr. A. Cayley» въ Journal für die reine und angewandte Mathematik von A. L. Crelle. Band XXXII s. 119 и

Sur les determinants gauches, par Mr. A. Cayley въ XXXVIII-омъ томѣ того-же журнала, стр. 93.

своей «Sur les déterminants gauches», что подобный косоу определитель всегда можетъ быть выраженъ посредствомъ другихъ определителей, тоже косоу, но имѣющихъ кромѣ-того еще и то свойство, что тѣ элементы ихъ, которыхъ оба указателя равны между собою, равняются нулю. Такимъ-образомъ изслѣдованіе косоу определителей приводится къ изслѣдованію другихъ, элементы которыхъ удовлетворяютъ условіямъ

$$a_{r,s} = -a_{s,r} \text{ гдѣ } s \neq r$$

и
$$a_{r,r} = 0,$$

и которые мы будемъ называть *симметрично-косоу* (gauche symétrique). Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсматриванію послѣднихъ, покажемъ на самомъ дѣлѣ какимъ-образомъ къ нимъ приводится общій видъ косоу определителей.

Для этого покажемъ, что вообще всякій определитель можетъ быть выраженъ помощію определителей, въ которыхъ элементы, имѣющіе первымъ и вторымъ своимъ указателемъ одно и то-же число, равняется нулю.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если означимъ черезъ P определитель системы:

$$(1) \quad \begin{vmatrix} a_{1,1} & a_{1,2} & \dots & a_{1,m} \\ a_{2,1} & a_{2,2} & \dots & a_{2,m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & a_{n,n} \end{vmatrix}$$

а черезъ P_0 —значеніе его въ томъ случаѣ, когда въ этой системѣ предположимъ нулями всѣ элементы, составляющіе главное произведеніе; если кромѣ-того означимъ чрезъ $({}^m P_{i,i})_0$ тотъ определитель, который получается изъ m -го частнаго определителя, служащаго въ определителѣ P коэффициентомъ при

$$a_{r_1 r_1} a_{r_2 r_2} \dots a_{r_m r_m},$$

чрезъ предположеніе элементовъ главнаго его произведенія равными нулямъ: то мы очевидно для P получимъ слѣдующее выраженіе:

$$(2) P = P_0 + \sum_r a_{r,r} ({}^{(1)}P_{i,i})_0 + \sum_{r_1, r_2} a_{r_1, r_1} a_{r_2, r_2} ({}^{(2)}P_{i,i})_0 + \dots$$

$$\dots + \sum_{r_1, r_2, \dots, r_m} a_{r_1, r_1} a_{r_2, r_2} \dots a_{r_m, r_m} ({}^{(m)}P_{i,i})_0 + \dots + a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n}$$

въ которомъ первый членъ представляетъ совокупность тѣхъ членовъ опредѣлителя, въ которые не входитъ ни одинъ изъ элементовъ главнаго произведенія; второй — совокупность тѣхъ, которые заключаютъ въ себѣ по одному только изъ этихъ элементовъ; третій — совокупность тѣхъ, въ которые входятъ два такіе элемента и т. д.

Теперь уже ясно, что въ томъ случаѣ, когда опредѣлитель P есть косою, опредѣлителя

$$P_0, ({}^{(1)}P_{i,i})_0, ({}^{(2)}P_{i,i})_0, \dots, ({}^{(m)}P_{i,i})_0.$$

симметрично-косые, что и оправдываетъ сказанное нами выше.

§ 37. Переходимъ теперь къ изслѣдованію свойствъ симметрично-косыхъ опредѣлителей, т. е. такихъ, элементы которыхъ удовлетворяютъ условіямъ

$$a_{r,s} = -a_{s,r} \text{ гдѣ } s \neq r$$

$$\text{и} \quad a_{r,r} = 0.$$

Основное свойство подобныхъ опредѣлителей доказалъ Якоби (*). Оно выражается слѣдующею теоремою.

Теорема 22.

Всякій симметрично-косою опредѣлитель нечетнаго порядка тождественно равняется нулю.

(*) См. *Journal für die reine und angewandte Mathematik* von *A. L. Crelle*. Band II. Мемуаръ, подъ заглавіемъ: «Ueber die Pfaffsche Methode, eine gewöhnliche lineäre Differentialgleichung zwischen $2n$ Variablen durch ein System von n Gleichungen zu integriren». Стр. 354.

Доказательство.

Положимъ, что опредѣлитель, котораго система есть слѣдующая:

$$(3) \quad \begin{vmatrix} 0 & a_{1,2} & \dots & a_{1,n} \\ a_{2,1} & 0 & \dots & a_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & 0 \end{vmatrix}$$

гдѣ n число нечетное, симметрично-косой.

Мы уже показали въ началѣ 1-ой главы, что опредѣлитель системы

$$(4) \quad \begin{vmatrix} 0 & a_{2,1} & \dots & a_{n,1} \\ a_{1,2} & 0 & \dots & a_{n,2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1,n} & a_{2,n} & \dots & 0 \end{vmatrix}$$

тождественно равняется опредѣлителю системы (3) (см. § 8). Но послѣдняя система можетъ быть получена изъ системы (3), если въ ней помножимъ элементы всѣхъ горизонтальныхъ линій (или же вертикальныхъ) на -1 , имѣя при томъ въ виду условіе

$$a_{r,s} = -a_{r,s}.$$

Помножая же всѣ горизонтальныя (или вертикальныя) линіи системы (4) на -1 , мы тѣмъ, въ силу теоремы 4-ой, умножаемъ опредѣлитель этой системы на

$$(-1)^n = -1,$$

ибо n по предположенію число нечетное.

Такимъ-образомъ мы получаемъ уравненіе

$$P = -P,$$

возможное только при предположеніи:

$$P = 0,$$

что и доказываетъ справедливость нашей теоремы.

§ 38. Мы только что убѣдились, что симметрично-косой опредѣлитель нечетнаго порядка тождественно равняется нулю.

Перейдемъ-же теперь къ изслѣдованію подобныхъ опредѣлителей четнаго порядка.

Такъ-какъ условіе, связывающее элементы симметрично-косыхъ опредѣлителей, связываетъ именно тѣ изъ нихъ между собою, которые лежатъ на двухъ взаимно-перпендикулярныхъ линияхъ системы, пересекающихся на діагонали послѣдней: то, очевидно проще всего обратиться къ выведенному уже выше (см. § 18 ур. 21) уравненію

$$(5) \quad P = a_{k,s} A_k^s - \{a_{r,s} S_q(a_{k,q} A_{k,r}^{1,q})\},$$

(гдѣ P есть опредѣлитель системы (1), A_k^s — коэффициентъ при $a_{k,s}$ въ этомъ опредѣлителѣ, наконецъ $A_{k,r}^{1,q}$ — коэффициентъ при $a_{r,q}$ въ A_k^s): такъ-какъ уравненіе это показываетъ, какимъ-образомъ въ опредѣлитель данной системы входятъ элементы двухъ взаимно-перпендикулярныхъ линий.

Давая въ этомъ уравненіи указателямъ k и s одно и то-же значеніе, напр. 1, легко видѣть, что въ рассматриваемомъ случаѣ, т. е. когда P симметрично-косой опредѣлитель, первый членъ второй его части пропадаетъ, такъ-какъ оба множителя его, вслѣдствіе четности порядка опредѣлителя P , обращаются въ нуль. Такимъ-образомъ, мы получаемъ:

$$(6) \quad P = - S_q S_q \{a_{r,i} a_{i,q} A_{i,r}^{1,q}\} = + S_q S_q \{a_{i,r} a_{i,q} A_{i,r}^{1,q}\}$$

гдѣ суммованія относительно r и q распространяются на всѣ числа ряда 2, 3, ... n .

Для дальнѣйшаго изслѣдованія послѣдняго выраженія необходимо ближе ознакомиться съ функціею

$$A_{i,r}^{1,q}$$

т. е. съ коэффициентомъ $a_{r,q}$ въ опредѣлителѣ

$$A_i^1$$

который очевидно тоже симметрично-косой, и получается изъ определителя P , если въ системѣ послѣдняго выкинемъ ту горизонтальную и ту вертикальную линіи, которыя имѣютъ своимъ указателемъ 1 (см. § 15).

§ 39. Итакъ, положимъ, что мы имѣемъ систему симметрично-косаго определителя:

$$\begin{vmatrix} 0 & a_{1,2} & \dots & a_{1,n} \\ a_{2,1} & 0 & \dots & a_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & 0 \end{vmatrix}$$

Коэффициентъ при $a_{r,q}$ въ этомъ определителѣ (означимъ его чрезъ α_r^q), по объясненному въ 15^{-омъ} параграфѣ дается формулою:

$$\alpha_r^q = (-1)^{r-q} \begin{vmatrix} 0 & a_{1,2} & \dots & a_{1,q-1} & a_{1,q+1} & \dots & a_{1,n} \\ a_{2,1} & 0 & \dots & a_{2,q-1} & a_{2,q+1} & \dots & a_{2,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{r-1,1} & a_{r-1,2} & \dots & a_{r-1,q-1} & a_{r-1,q+1} & \dots & a_{r-1,n} \\ a_{r+1,1} & a_{r+1,2} & \dots & a_{r+1,q-1} & a_{r+1,q+1} & \dots & a_{r+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,1} & a_{n,2} & \dots & a_{n,q-1} & a_{n,q+1} & \dots & 0 \end{vmatrix}$$

помножая теперь обѣ части послѣдняго уравненія на $(-1)^{n-1}$ и не теряя изъ виду, что по условію

$$a_{i,p} = -a_{p,i}$$

мы легко можемъ получить

$$(-1)^{n-1} \alpha_r^q = (-1)^{r-q} \begin{vmatrix} 0 & a_{2,1} & \dots & a_{q-1,1} & a_{q+1,1} & \dots & a_{n,1} \\ a_{1,2} & 0 & \dots & a_{q-1,2} & a_{q+1,2} & \dots & a_{n,2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1,r-1} & a_{2,r-1} & \dots & a_{q-1,r-1} & a_{q+1,r-1} & \dots & a_{n,r-1} \\ a_{1,r+1} & a_{2,r+1} & \dots & a_{q-1,r+1} & a_{q+1,r+1} & \dots & a_{n,r+1} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1,n} & a_{2,n} & \dots & a_{q-1,n} & a_{q+1,n} & \dots & 0 \end{vmatrix}$$

замѣняя-же во-второмъ членѣ этого уравненія входящую въ него систему сопряженною съ нею, мы непосредственно видимъ, что имѣеть мѣсто слѣдующее уравненіе

$$(-1)^{n-1} \alpha_q^r = \alpha_r^q,$$

отсюда:

Теорема 23.

Въ симметрично-косомъ опредѣлителѣ коэффициенты при $a_{r,q}$ и $a_{q,r}$ равны другъ другу по численной величинѣ своей и сопровождаются одинаковыми знаками, если опредѣлитель нечетнаго порядка, и различными — если онъ порядка четнаго.

Если теперь замѣтимъ еще, что въ симметрично-косомъ опредѣлителѣ четнаго порядка коэффициенты при элементахъ, расположенныхъ по діагонали, сами симметрично-косые опредѣлители и при томъ нечетнаго порядка, то, на основаніи теоремы 22 и предыдущей мы выводимъ слѣдующее.

Теорема 24.

Опредѣлитель которой-бы то ни было дополнительной системы системы симметрично-косаго опредѣлителя четнаго порядка самъ симметрично-косой, ибо элементы его удовлетворяютъ условіямъ:

$$\alpha_q^r = -\alpha_r^q \quad \text{и} \quad \alpha_r^r = 0.$$

Легко также убѣдиться, что для симметрично-косаго опредѣлителя нечетнаго порядка имѣеть мѣсто слѣдующая теорема, соответствующая только-что выведенной:

Теорема 25.

Которая-бы то ни была дополнительная система, системы симметрично-косаго опредѣлителя нечетнаго порядка состоитъ изъ элементовъ, удовлетворяющихъ условію:

$$\alpha_q^r = \alpha_r^q;$$

опредѣлитель-же подобной системы, также какъ и всѣ частные его опредѣлители, которыхъ порядокъ равенъ двумъ или больше двухъ, равняются нулю: ибо, въ силу теоремъ 12^{-ой} (см. § 29) и 16^{-ой} (см. § 32), заключаютъ въ себѣ множителемъ нѣкоторую степень опредѣлителя первообразной системы, равнаго въ силу теоремы 22^{-ой} (см. § 37) нулю.

Изъ только-что предложенной теоремы слѣдуетъ, что, означая элементы какой-либо изъ дополнительныхъ системъ системы симметрично-косаго опредѣлителя нечетнаго порядка чрезъ β , мы должны имѣть уравненіе

$$\begin{vmatrix} \beta_{\mu,\mu} & \beta_{\mu,\nu} \\ \beta_{\nu,\mu} & \beta_{\nu,\nu} \end{vmatrix} = 0$$

изъ котораго, такъ-какъ $\beta_{\mu,\nu} = \beta_{\nu,\mu}$, мы выводимъ

$$(7) \quad \beta_{\mu,\nu} = \beta_{\nu,\mu} = \pm \sqrt{\beta_{\mu,\mu} \beta_{\nu,\nu}}$$

Это-же уравненіе выражается слѣдующею теоремою:

Теорема 26.

Во всякой изъ дополнительныхъ системъ системы симметрично-косаго опредѣлителя нечетнаго порядка, элементы, не находящіеся на діагонали главнаго произведенія, имѣютъ то свойство, что могутъ быть выражены посредствомъ элементовъ, расположенныхъ по этой діагонали; именно: каждый подобный элементъ равняется квадратному корню изъ произведенія тѣхъ элементовъ діагонали, которые лежатъ на пересѣченіи ея съ двумя взаимно-перпендикулярными линиями, пересѣкающимися между собою въ опредѣляемомъ элементѣ. Знакъ такимъ-образомъ полученнаго выраженія остается неопредѣленнымъ.

Изъ того-же уравненія (7) мы находимъ

$$\beta_{\mu,1} : \beta_{\mu,2} : \beta_{\mu,3} : \dots = \sqrt{\beta_{1,1}} : \sqrt{\beta_{2,2}} : \sqrt{\beta_{3,3}} : \dots$$

откуда во первыхъ слѣдуетъ, что отношенія $\beta_{\mu,1} : \beta_{\mu,2} : \beta_{\mu,3} : \dots$ не зависятъ отъ указателя μ ; и во вторыхъ, что знакомъ одного изъ корней $\sqrt{\beta_{1,1}}, \sqrt{\beta_{2,2}}, \dots$ опредѣляются знаки всѣхъ прочихъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что точно такъ-же, какъ мы до сихъ-поръ занимались дополнительной системою симметрично-косого опредѣлителя, мы могли-бы подвергнуть изслѣдованію и вообще какую-нибудь производную систему подобнаго опредѣлителя; такимъ-образомъ, мы достигли-бы теоремъ, которыя заключали-бы въ себѣ предыдущія теоремы только какъ частные случаи. Такъ напр., составляя производную систему изъ m -хъ частныхъ опредѣлителей первообразнаго опредѣлителя, мы полагаемъ:

$${}^{(m)}P_{i,k} = \begin{vmatrix} a_{r_1,1} & a_{r_1,2} & \dots & a_{r_1,n-m} \\ a_{r_2,1} & a_{r_2,2} & \dots & a_{r_2,n-m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{r_{n-m},1} & a_{r_{n-m},2} & \dots & a_{r_{n-m},n-m} \end{vmatrix}$$

откуда, въ силу условія $a_{p,q} = -a_{q,p}$:

$$(-1)^{n-m} {}^{(m)}P_{i,k} = \begin{vmatrix} a_{s_1,r_1} & a_{s_2,r_1} & \dots & a_{s_{n-m},r_1} \\ a_{s_1,r_2} & a_{s_2,r_2} & \dots & a_{s_{n-m},r_2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{s_1,r_{n-m}} & a_{s_2,r_{n-m}} & \dots & a_{s_{n-m},r_{n-m}} \end{vmatrix} = {}^{(m)}P_{k,i}.$$

Такимъ-образомъ мы получили уравненіе, заключающее въ себѣ, какъ частный случай, то, изъ котораго мы вывели теорему 23^ю.

§ 40. Обратимся теперь опять къ уравненію (см. § 38).

$$(6) \quad P = \sum_q S_q \{a_{1,r} a_{1,q} A_{1,r}^q\}.$$

Такъ-какъ въ этомъ уравненіи $A_{1,r}^{1,q}$ есть ничто иное, какъ нѣкоторый элементъ дополнительной системы системы опредѣлителя A_1 т. е. отъ системы:

$$\begin{vmatrix} 0 & a_{2,2} & \dots & a_{2,n} \\ a_{3,2} & 0 & \dots & a_{3,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,2} & a_{n,3} & \dots & 0 \end{vmatrix}$$

и такъ-какъ послѣдняя система принадлежитъ опредѣлителю симметрично-косому и нечетнаго порядка (мы предполагаемъ n четнымъ), то въ силу послѣдней теоремы нашей (26), $A_{1,r}^{1,q}$ можетъ быть замѣнено выраженіемъ:

$$\sqrt{A_{1,r}^{1,r} A_{1,q}^{1,q}} = \sqrt{A_{1,r}^{1,r}} \sqrt{A_{1,q}^{1,q}},$$

почему уравненіе (6) принимаетъ видъ

$$\begin{aligned} P &= \sum_q \sum_r \{ a_{1,r} \sqrt{A_{1,r}^{1,r}} a_{1,q} \sqrt{A_{1,q}^{1,q}} \} \\ &= (\sum_r a_{1,r} \sqrt{A_{1,r}^{1,r}}) (\sum_q a_{1,q} \sqrt{A_{1,q}^{1,q}}). \end{aligned}$$

Но въ обоихъ множителяхъ послѣдняго произведенія суммованія распространяются на одни и тѣ-же числа 2, 3, n ; по этому множители эти равны между собою и мы для симметрично-касаго опредѣлителя четнаго порядка P , получаемъ выраженіе:

$$(8) \quad P = (\sum_r a_{1,r} \sqrt{A_{1,r}^{1,r}})^2;$$

откуда

$$(9) \quad \sqrt{P} = \sum_r a_{1,r} \sqrt{A_{1,r}^{1,r}}.$$

Такимъ-образомъ мы видимъ, что корень квадратный симметрично-касаго опредѣлителя четнаго порядка можетъ быть представленъ въ видѣ суммы $(n - 1)$ членовъ (n означаетъ по-

рядокъ определителя), изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ радикаль вида

$$\sqrt{A_{i,r}^2}$$

Но послѣдній въ свою очередь квадратный корень симметрично-косого определителя четнаго $(n-2)$ -го порядка, и поэтому тѣмъ-же способомъ можетъ быть представленъ въ видѣ суммы $(n-3)$ членовъ, заключающихъ въ себѣ квадратные корни изъ подобныхъ-же определителей $n-4$ -го порядка и т. д. Корень-же подобнаго определителя 2-го порядка:

$$\begin{vmatrix} a_{u,u} & a_{u,v} \\ a_{v,u} & a_{v,v} \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 0 & a_{u,v} \\ a_{v,u} & 0 \end{vmatrix}$$

есть рациональная функція и равняется $a_{u,v}$ или $a_{v,u}$. Такимъ-образомъ, мы убѣждаемся, что \sqrt{P} есть рациональная функція и состоитъ изъ

$$(n-1)(n-3) \dots 3 \cdot 1 = \frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \dots n}{2^{\frac{n}{2}} \cdot 1 \cdot 2 \cdot 3 \dots \frac{n}{2}}$$

членовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою произведение $\frac{n}{2}$ элементовъ, которыхъ всѣ указатели различны между собою.

Отсюда слѣдующая теорема:

Теорема 27.

Симметрично-косой определитель четнаго порядка всегда можетъ быть представленъ въ видѣ квадрата рациональной функціи отъ элементовъ.

Легко видѣть, что первый членъ этой функціи есть слѣдующій:

$$\pm a_{1,2} a_{2,4} a_{3,6} \dots a_{n-1,n};$$

для этого стоит только опредѣлять послѣдовательно

$$\begin{aligned} \sqrt{P} &= a_{1,2} B + \dots \\ B &= a_{3,4} C + \dots \\ C &= a_{5,6} D + \dots \\ &\dots \dots \dots \end{aligned}$$

Въ самомъ дѣлѣ, квадратъ этого члена

$$(\pm a_{1,2} a_{3,4} a_{5,6} \dots a_{n-1,n})^2 = (-1)^{\frac{n}{2}} a_{1,2} a_{2,1} a_{3,4} a_{4,3} a_{5,6} a_{6,5} \dots a_{n-1,n} a_{n,n-1}$$

входитъ въ опредѣлитель P съ положительнымъ знакомъ, ибо разность числа круговыхъ замѣненій, на которыя разбивается замѣненіе:

$$\begin{pmatrix} 1, 2, 3, 4, 5, 6, \dots, n-1, & n \\ 2, 1, 4, 3, 6, 5, \dots, n, & n-1 \end{pmatrix}$$

и числа указателей: 1, 2, 3...n; опредѣляется формулою $\frac{n}{2}$.

§ 41. Назовемъ функцію, квадратъ которой равняется симметрично-косому опредѣлительу P четнаго порядка, черезъ S и обратимся къ внимательному изслѣдованію этой функціи. Докажемъ относительно нея слѣдующую теорему.

Теорема 28.

Функція, квадрату которой равняется данный симметрично-косой опредѣлитель четнаго порядка, имѣетъ то свойство, что измѣняетъ знакъ свой отъ перестановленія въ ней двухъ какихъ-либо указателей между собою, и исчезаетъ коль-скоро въ ней два указателя равны другъ другу.

Доказательство.

Означимъ черезъ S , ту функцію, которая получается изъ S чрезъ перестановленіе въ послѣдней двухъ указателей i и k между собою.

Очевидно, въ такомъ случаѣ S_1^2 представитъ собою тотъ опредѣлитель, который получается изъ P чрезъ перестановленіе тѣхъ-же самыхъ указателей. Но i и k встрѣчаются какъ между первыми, такъ и между вторыми указателями, почему P вслѣдствіе подобнаго перестановленія не измѣняется, и слѣдовательно

$$S_1^2 = S^2.$$

Вслѣдствіе послѣдняго тождества члены въ S_1 равны по величинѣ членамъ въ S и въ обѣихъ функціяхъ встрѣчаются съ одинаковыми или различными знаками, смотря по тому, имѣеть-ли одинъ какой-либо членъ въ обѣихъ функціяхъ одинъ и тотъ-же знакъ или знаки различные. Означимъ-же чрезъ

$$a_{i,k} B$$

совокупность тѣхъ членовъ въ S_1 , которые заключаютъ въ себѣ элементъ $a_{i,k}$; очевидно въ этомъ случаѣ B можетъ заключать въ себѣ только такіе элементы, которыхъ указатели отличны отъ i и k ; и поэтому $a_{i,k} B$ чрезъ перестановленіе указателей i и k переходитъ въ $a_{k,i} B$. Но члены совокупности

$$a_{i,k} B$$

и совокупности

$$a_{k,i} B$$

равны другъ другу по величинѣ и отличны другъ отъ друга по знакамъ, ибо $a_{i,k} = -a_{k,i}$; а изъ этого уже и слѣдуетъ, что

$$S = -S_1$$

т. е. первая часть нашей теоремы.

Если-же указатели i и k равны между собою, то отъ перестановленія ихъ ничто не измѣняется, почему S_1 въ одно и то же время должно равняться и S и $-S$, что возможно только при предположеніи

$$S = 0.$$

Этимъ доказывается вторая часть нашей теоремы.

Весьма удобно обозначать, слѣдую Якоби, функцию S послѣдовательностию указателей въ первомъ ея членѣ, съ которою совпадаетъ послѣдовательность указателей вертикальныхъ или горизонтальныхъ линій въ системѣ опредѣлителя, равнаго квадрату этой функции.

Такимъ-образомъ знакоположеніе

$$(123 \dots n)$$

означаетъ совокупность членовъ, начинающуюся членомъ

$$a_{1,2} a_{2,4} \dots a_{n-1,n},$$

— совокупность, квадратъ которой равенъ опредѣлителю системы:

$$\begin{vmatrix} a_{1,1} a_{1,2} \dots a_{1,n} \\ a_{2,1} a_{2,2} \dots a_{2,n} \\ \dots \dots \dots \\ a_{n,1} a_{n,2} \dots a_{n,n} \end{vmatrix}$$

въ которой элементы удовлетворяютъ условіямъ

$$a_{r,s} = - a_{s,r}, \quad a_{r,r} = 0,$$

и въ которой n равняется четному числу.

Въ силу предыдущей теоремы:

$$(123 \dots n) = - (213 \dots n) = (2314 \dots n) = \dots \\ \dots = - (234 \dots n1)$$

и т. д. Поэтому \sqrt{P} можно замѣнять какъ знакоположеніемъ

$$(123 \dots n),$$

такъ и всякою другою послѣдовательностию тѣхъ-же указателей: ибо всѣ эти послѣдовательности обозначаютъ одну и ту же функцию, взятую только съ тѣмъ или другимъ знакомъ. Точно также и

$$\sqrt{A_{i,r}^{1,r}}$$

можетъ быть означаемъ любую послѣдовательностію указателей 2, 3, $r - 1$, $r + 1$, n , пока мы разсматриваемъ одну только эту формулу. Но коль-скоро мы желаемъ воспользоваться уравненіемъ (9), для того, чтобы выразить функцію

$$\sqrt{P}$$

посредствомъ другихъ ей подобныхъ, но простѣйшихъ, знаки $\sqrt{A_{i,r}^{i,r}}$ перестаютъ быть произвольны и должны быть взяты такъ, чтобы удовлетворялось условіе

$$\sqrt{A_{i,r}^{i,r}} \sqrt{A_{i,r}^{i,r}} = A_{i,r}^{i,r}.$$

Такимъ-образомъ, въ послѣднемъ случаѣ остается произвольнымъ только знакъ всей суммы, составляющей вторую часть уравненія (9).

Заключимъ этотъ параграфъ доказательствомъ слѣдующей теоремы:

Теорема 29.

Для послѣдовательнаго вычисленія функцій

$$(123 \dots n)$$

можно пользоваться тождествомъ:

$$(123 \dots n) = a_{1,2}(34 \dots n) + a_{1,2}(45 \dots n2) + \dots \\ \dots + a_{1,i}(i + 1. i + 2 \dots n23 \dots i - 1) + \dots + a_{1,n}(23 \dots n - 1).$$

Доказательство.

Если положимъ:

$$\sqrt{A_{i,r}^{i,r}} = (-1)^r (23 \dots r - 1. r + 1 \dots n)$$

и точно также

$$\sqrt{A_{i,q}^{i,q}} = (-1)^q (23 \dots q - 1. q + 1 \dots n),$$

то произведеііе

$$(-1)^{r+q} (23 \dots r-1. r+1 \dots n)(23 \dots q-1. q+1 \dots n)$$

равняется или $A_{1,r}^{1,q}$ или $-A_{1,r}^{1,q}$ ибо квадратъ его есть

$$A_{1,r}^{1,q} A_{1,r}^{1,q} = (A_{1,r}^{1,q})^2$$

Вмѣсто этого произведеіія, въ силу вышесказаннаго, можно также поставить и слѣдующее:

$$-(-1)^{r+q} (23 \dots r-1. r+1 \dots n)(34 \dots q-1. q+1 \dots n2).$$

Съ другой стороны мы имѣемъ:

$$A_{1,r}^{1,q} = (-1)^{r+q} \begin{vmatrix} a_{2,2} & a_{2,3} & \dots & a_{2,q-1} & a_{2,q+1} & \dots & a_{2,n} \\ a_{3,2} & a_{3,3} & \dots & a_{3,q-1} & a_{3,q+1} & \dots & a_{3,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{r-1,2} & a_{r-1,3} & \dots & a_{r-1,q-1} & a_{r-1,q+1} & \dots & a_{r-1,n} \\ a_{r+1,2} & a_{r+1,3} & \dots & a_{r+1,q-1} & a_{r+1,q+1} & \dots & a_{r+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,2} & a_{n,3} & \dots & a_{n,q-1} & a_{n,q+1} & \dots & a_{n,n} \end{vmatrix} =$$

$$-(-1)^{r+q} \begin{vmatrix} a_{2,3} & \dots & a_{2,q-1} & a_{2,q+1} & \dots & a_{2,n} & a_{2,2} \\ a_{3,3} & \dots & a_{3,q-1} & a_{3,q+1} & \dots & a_{3,n} & a_{3,2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{r-1,3} & \dots & a_{r-1,q-1} & a_{r-1,q+1} & \dots & a_{r-1,n} & a_{r-1,2} \\ a_{r+1,3} & \dots & a_{r+1,q-1} & a_{r+1,q+1} & \dots & a_{r+1,n} & a_{r+1,2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n,3} & \dots & a_{n,q-1} & a_{n,q+1} & \dots & a_{n,n} & a_{n,2} \end{vmatrix}$$

и легко видѣть, что первый членъ послѣдняго опредѣлителя т. е. главное его произведеііе и первый членъ произведеіія

$$(23 \dots r-1. r+1 \dots n) (34 \dots q-1. q+1 \dots n2)$$

отличаются другъ отъ друга только порядкомъ умножаемыхъ элементовъ; поэтому члены въ $A_{1,r}^{1,q}$ должны быть съ одинаковыми знаками съ равными имъ членами въ произведеііи

$$-(-1)^{r+q} (23 \dots r-1. r+1 \dots n) (23 \dots q-1. q+1 \dots n),$$

для того, чтобы имѣло мѣсто тождество

$$(A_{1,r}^{1,r})^2 = A_{1,r}^{1,r} A_{1,r}^{1,r};$$

другими словами: всегда имѣетъ мѣсто уравненіе

$$\sqrt{A_{1,r}^{1,r}} \sqrt{A_{1,r}^{1,r}} = A_{1,r}^{1,r},$$

если количество $\sqrt{A_{1,r}^{1,r}}$ будемъ обозначать знакоположеніемъ

$$(-1)^r (23 \dots r-1. r+1 \dots n)$$

или, что все равно (см. теорему 28) знакоположеніемъ

$$(-1)^r (-1)^{(r-2)(n-r)} (r+1. r+2 \dots n. 2.3 \dots r-1) = \\ (r+1. r+2 \dots n. 2.3 \dots r-1).$$

Такимъ-образомъ, мы находимъ, что

$$\sqrt{P} = S_r a_{1,r} \sqrt{A_{1,r}^{1,r}} = a_{1,2} (34 \dots n) + a_{1,3} (45 \dots n2) + \dots \\ \dots + a_{1,n} (23 \dots n-1)$$

и очевидно, что \sqrt{P} долженъ быть означенъ знакоположеніемъ

$$(12 \dots n),$$

что слѣдуетъ изъ тождества начальныхъ членовъ функций:

$$a_{1,2} (34 \dots n) \text{ и } (123 \dots n).$$

Такимъ-образомъ, теорема наша доказана.

ГЛАВА VI.

§ 42. Въ 22^{-мъ} томѣ журнала Крелле вслѣдъ за часто уже упоминаемымъ нами мемуаромъ Якоби: «De formatione et proprietatibus Determinantium», помѣщенъ другой мемуаръ того-же автора, подъ заглавіемъ «De Determinantibus functionalibus», въ которомъ онъ разсматриваетъ свойства особаго рода определителей, названныхъ имъ *функциональными*. Изложеніе этихъ свойствъ и составитъ предметъ послѣдней главы нашего разсужденія.

Положимъ, что дано n функцій

$$f_1, f_2, \dots, f_n$$

о столькихъ-же переменныхъ:

$$x_1, x_2, \dots, x_n.$$

Если составимъ всѣ частныя производныя этихъ функцій въ разсужденіи всѣхъ переменныхъ, то получимъ n^2 количествъ вида

$$\frac{df_i}{dx_k}$$

Расположимъ всѣ эти количества по n вертикальнымъ и горизонтальнымъ линіямъ такъ, чтобы всѣ производныя одной и той-же функцій по различнымъ переменнымъ находились на одной, производныя-же всѣхъ функцій по одной и той-же переменной— на линіи перпендикулярной къ первой, и назовемъ определитель этихъ количествъ:

$$(1) \quad \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

слѣдующа Якоби, функциональнымъ опредѣлителемъ.

Въ случаѣ одной только функціи, объ одной переменной, функциональный опредѣлитель сводится на производную.

Вообще порядокъ опредѣлителя дается числомъ функцій. Если-же нѣкоторыя изъ данныхъ функцій равны самымъ переменнымъ, то порядокъ опредѣлителя понижается. Пусть напр.

$$f_{m+1} = x_{m+1}, f_{m+2} = x_{m+2}, \dots, f_n = x_n;$$

тогда опредѣлитель приводится къ слѣдующему:

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m}$$

Если всѣ функціи равняются самымъ переменнымъ, то опредѣлитель ихъ равняется единицѣ.

Если $f_{m+1}, f_{m+2}, \dots, f_n$ какія-либо функціи отъ $x_{m+1}, x_{m+2}, \dots, x_n$ и не содержатъ x_1, x_2, \dots, x_m то опредѣлитель нашъ приводится къ произведенію:

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m} \Sigma \pm \frac{df_{m+1}}{dx_{m+1}} \frac{df_{m+2}}{dx_{m+2}} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

Все это выводится какъ нельзя проще изъ сказаннаго въ §§ 17-омъ и 21-омъ второй главы нашего разсужденія, если только замѣнимъ элементы $a_{i,k}$ элементами $\frac{df_i}{dx_k}$ и вспомнимъ самыя элементарныя свойства производныхъ функцій.

§ 43. Всѣ свойства функциональныхъ опредѣлителей легко могутъ быть выведены изъ общихъ свойствъ опредѣлителей, составлявшихъ предметъ четырехъ первыхъ главъ нашего разсужденія; этому пути мы и будемъ слѣдовать въ нашихъ разысканіяхъ.

Первыя свойства опредѣлителей, представившіяся намъ въ общей теоріи ихъ, состоятъ въ томъ, что:

1) Опредѣлитель измѣняетъ знакъ свой, коль-скоро въ системѣ его мы переставимъ двѣ параллельныя линіи (см. § 12. Теорема 1).

2) Опреѣлитель тождественно исчезаетъ, коль-скоро двѣ или нѣсколько параллельныхъ линій его системы состоятъ изъ соотвѣтственно-пропорціональныхъ элементовъ или-же коль-скоро онъ можетъ быть разложенъ на сумму нѣсколькихъ определителей съ подобными системами. (См. § 12. Теорема 2).

Посмотримъ-же теперь, какимъ-образомъ эти двѣ теоремы могутъ быть выражены въ томъ случаѣ, когда разсматриваемый определитель есть функціональный.

Вспомнивъ, что система функціональнаго определителя n -го порядка, слѣдующаго вида:

$$(2) \quad \begin{vmatrix} \frac{df_1}{dx_1} & \frac{df_1}{dx_2} & \dots & \dots & \frac{df_1}{dx_n} \\ \frac{df_2}{dx_1} & \frac{df_2}{dx_2} & \dots & \dots & \frac{df_2}{dx_n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{df_n}{dx_1} & \frac{df_n}{dx_2} & \dots & \dots & \frac{df_n}{dx_n} \end{vmatrix};$$

легко видѣть, что первая изъ нашихъ теоремъ въ разсматриваемомъ случаѣ функціональнаго определителя, выражается слѣдующимъ образомъ:

Теорема 30.

Коль-скоро въ функціональномъ определителѣ мы замѣнимъ одну функцію другою и обратно, или-же одну переменную независимую другою и обратно — определитель этотъ измѣняетъ знакъ.

Не такъ просто находится значеніе второй изъ нашихъ теоремъ въ разсматриваемомъ случаѣ.

Дѣйствительно, положимъ, что двѣ вертикальныя линіи нашей системы (2), напр. тѣ, которыхъ указатели суть p и q , состоятъ изъ элементовъ соотвѣтственно-пропорціональныхъ т. е. положимъ, что имѣютъ мѣсто слѣдующія частныя дифференціальныя уравненія:

$$(3) \quad \begin{aligned} \frac{df_1}{dx_p} &= \lambda \frac{df_1}{dx_q} \\ \frac{df_2}{dx_p} &= \lambda \frac{df_2}{dx_q} \\ &\dots\dots\dots \\ \frac{df_n}{dx_p} &= \lambda \frac{df_n}{dx_q} \end{aligned}$$

гдѣ λ величина постоянная, или-же переменная. Въ этомъ случаѣ опредѣлитель нашей системы (2) тождественно равняется нулю.

Съ другой стороны, мы видимъ, что, въ разсматриваемомъ случаѣ, функции, изъ производныхъ которыхъ составляется опредѣлитель, должны удовлетворять известнымъ условіямъ, выражаемымъ уравненіями въ частныхъ дифференціалахъ (3). Постараемся-же опредѣлить эти условія.

Для этого проинтегрируемъ одно изъ уравненій (3), напр. первое.

Уравненіе это принадлежитъ къ разряду линейныхъ перваго порядка, и потому можетъ быть проинтегрировано по способу Лагранжа; слѣдуя этому способу, мы найдемъ, что общій интегралъ его есть слѣдующій

$$(4) \quad f_1 = F_1[\varphi(x_p, x_q)],$$

гдѣ F_1 какая-либо произвольная функция, а φ получается изъ интеграла уравненія

$$(5) \quad \lambda dx_p - dx_q = 0,$$

который, какъ предполагается, есть слѣдующій

$$\varphi(x_p, x_q) = a,$$

гдѣ a есть произвольная постоянная величина.

Такимъ-образомъ мы убѣдились, что функция f_1 необходимо должна быть вида (4). Точно также мы найдемъ, что:

$$(6) \quad \left\{ \begin{aligned} f_2 &= F_2[\varphi(x_p, x_q)] \\ f_3 &= F_3[\varphi(x_p, x_q)] \\ &\dots\dots\dots \\ f_n &= F_n[\varphi(x_p, x_q)] \end{aligned} \right.$$

опредѣлитель системы (2) тождественно равняется нулю. Съ другой стороны, интегрируя уравненія (7), мы находимъ, что должно быть

$$(8) \quad \begin{cases} f_1 = F_1(\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_{i-1}) \\ f_2 = F_2(\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_{i-1}) \\ \dots\dots\dots \\ f_n = F_n(\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_{i-1}) \end{cases}$$

гдѣ $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_{i-1}$ извѣстныя функціи отъ переменныхъ независимыхъ $x_{p_1}, x_{p_2}, \dots, x_{p_i}$. Исключая-же изъ уравненій (8) количества $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_{i-1}$ мы, очевидно найдемъ $n - i + 1$ уравненій, связывающихъ функціи f_1, f_2, \dots, f_n только съ $n - i$ переменными независимыми, которыя въ свою очередь могутъ быть исключены; такимъ-образомъ мы опять дойдемъ до уравненія, связывающаго одни только функціи f_1, f_2, \dots, f_n между собою.

Очевидно, того-же результата достигнемъ мы, если предположимъ, что, кромѣ той линіи, которой указатель есть p_i , также и другія удовлетворяютъ условіямъ, подобнымъ условію (7); т. е. мы найдемъ, что и въ этомъ случаѣ между функціями f_1, f_2, \dots, f_n , существуетъ нѣкоторая зависимость, выражающаяся однимъ или нѣсколькими уравненіями между этими количествами.

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію тѣхъ условій, которымъ должны удовлетворять функціи f_1, f_2, \dots, f_n , когда одна или нѣсколько горизонтальныхъ линій системы (2) состоятъ изъ элементовъ соответственно пропорціональныхъ, въ которомъ случаѣ опредѣлитель этой системы опять-таки равняется нулю.

Итакъ положимъ сначала, что элементы двухъ горизонтальныхъ линій, которыхъ указатели p_1 и p_2 удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ:

$$(9) \quad \begin{aligned} \frac{df_{p_1}}{dx_1} &= \lambda \frac{df_{p_2}}{dx_1} \\ \frac{df_{p_1}}{dx_2} &= \lambda \frac{df_{p_2}}{dx_2} \\ &\dots\dots\dots \\ \frac{df_{p_1}}{dx_n} &= \lambda \frac{df_{p_2}}{dx_n} \end{aligned}$$

помножая обѣ части перваго изъ этихъ уравненій на dx_1 , обѣ части втораго на dx_2 и т. д., наконецъ обѣ части послѣдняго на dx_n , и складывая такимъ-образомъ полученныя уравненія, мы найдемъ:

$$\begin{aligned} \frac{df_{p_1}}{dx_1} dx_1 + \frac{df_{p_1}}{dx_2} dx_2 + \dots\dots\dots + \frac{df_{p_1}}{dx_n} dx_n = \\ \lambda \left(\frac{df_{p_2}}{dx_1} dx_1 + \frac{df_{p_2}}{dx_2} dx_2 + \dots\dots\dots + \frac{df_{p_2}}{dx_n} dx_n \right) \end{aligned}$$

или

$$df_{p_1} = \lambda df_{p_2},$$

гдѣ df_{p_1} и df_{p_2} представляютъ уже полные дифференціалы функций f_{p_1}, f_{p_2} ; поэтому надо предположить, что λ есть нѣкоторая функція отъ одного только f_2 ; такимъ-образомъ мы находимъ:

$$df_{p_1} = \Phi(f_2) df_{p_2}$$

откуда чрезъ интегрированіе получаемъ:

$$(10) \quad f_{p_1} = \mathbf{F}(f_{p_2}).$$

Повятно, что еслибы элементы системы (2) удовлетворяли еще и другимъ уравненіямъ кромѣ уравненій (9), но подобнымъ симъ послѣднимъ, то мы нашли-бы, что вообще только число уравненій подобныхъ уравненію (10) увеличилось, между-тѣмъ-какъ

Теорема 31.

Коль скоро функциональный определитель равняется тождественно нулю, то функции, изъ производныхъ которыхъ онъ составленъ не суть функций независимыхъ.

Чтобъ окончательно убѣдиться въ справедливости послѣдней теоремы, надо только доказать ее также и для того случая, когда исчезаніе определителя происходитъ отъ того, что элементы, расположенные по одной какой-либо линіи системы его, всѣ безъ исключенія равняются нулю: ибо такимъ образомъ нами будутъ рассмотрены всѣ случаи, въ которыхъ определитель можетъ исчезнуть

Итакъ положимъ, что

$$\begin{aligned} \frac{df_1}{dx_p} &= 0 \\ \frac{df_2}{dx_p} &= 0 \\ &\dots\dots\dots \\ \frac{df_n}{dx_p} &= 0 \end{aligned}$$

Эти уравненія очевидно выражаютъ, что ни въ одну изъ функций f_1, f_2, \dots, f_n не входитъ переменная x_p , а поэтому каждая изъ этихъ n функций заключаетъ въ себѣ только $n - 1$ переменныхъ, именно:

$$x_1, x_2, \dots, x_{p-1}, x_{p+1}, \dots, x_n;$$

исключая эти переменныя изъ уравненій

$$\begin{aligned} f_1 &= F_1(x_1, x_2, \dots, x_{p-1}, x_{p+1}, \dots, x_n) \\ f_2 &= F_2(x_1, x_2, \dots, x_{p-1}, x_{p+1}, \dots, x_n) \\ &\dots\dots\dots \\ f_n &= F_n(x_1, x_2, \dots, x_{p-1}, x_{p+1}, \dots, x_n), \end{aligned}$$

мы очевидно найдемъ окончательно уравненіе вида:

$$\Pi(f_1, f_2, \dots, f_n) = 0,$$

доказывающее справедливость нашей теоремы и въ рассматриваемомъ случаѣ.

Обратимся теперь къ послѣднему случаю, именно положимъ:

$$\frac{df_p}{dx_1} = 0$$

$$\frac{df_p}{dx_2} = 0$$

.....

$$\frac{df_p}{dx_n} = 0.$$

Очевидно, что послѣднія уравненія выражаютъ не что иное, какъ то, что функція f_p независитъ ни отъ одной изъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n т. е. что функція эта тождественно равняется постоянному количеству.

Желая и сей послѣдній случай подвести подъ только-что данную теорему, стоитъ только ограничить понятіе о независимыхъ функціяхъ. Дѣйствительно, если мы согласимся называть группою независимыхъ функцій только такую, въ которой функціи эти не только не связаны никакимъ уравненіемъ между собою, но и не заключаютъ ни одной, тождественно равняющейся постоянному количеству: то, очевидно, мы такимъ образомъ доставимъ возможность нашей теоремѣ существовать во всей ея общности. Замѣтимъ еще, что только-что предложенное обобщеніе понятія о функціяхъ зависимыхъ не лишено основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если для того, чтобы признать группу данныхъ функцій зависимыми, мы требуемъ, чтобы функціи эти находились въ какой-либо связи между собою, выражающейся однимъ или нѣсколькими уравненіями вида

$$\Pi (f_1, f_2, \dots, f_n) = 0$$

то очевидно въ случаѣ зависимыхъ функцій всегда можно одну изъ нихъ выразить посредствомъ другихъ т. е. можно получить уравненіе:

$$f_{p_k} = F(f_{p_1}, f_{p_2}, \dots, f_{p_{k-1}}, f_{p_{k+1}}, \dots, f_{p_n}),$$

которое въ свою очередь можетъ быть рассматриваемо, какъ условіе зависимости данныхъ функцій. Но такъ-какъ относи-

тельно вида функція F не сдѣлано никакихъ предположеній, то, очевидно, для общности понятія надо называть зависимыми функціями также и тѣ, между которыми находится одна или нѣсколько тождественно равняющихся постоянному количеству; либо уравненіе:

$$f_{p_k} = C$$

только частный случай уравненія

$$f_{p_k} = F(f_{p_1}, f_{p_2}, \dots, f_{p_{k-1}}, f_{p_{k+1}}, \dots, f_{p_i})$$

§ 44. Убѣдившись въ справедливости теоремы предыдущаго параграфа, мы естественнымъ образомъ предлагаемъ себѣ вопросъ: не имѣеть-ли мѣсто также и предложеніе обратное этой теоремы? Въ самомъ дѣлѣ, убѣдившись, что въ случаѣ существованія извѣстной зависимости между данными функціями, функціональный опредѣлитель ихъ исчезаетъ, весьма естественно предположить, что это обстоятельство имѣеть мѣсто и вообще при какой-бы то ни было зависимости функцій и обратится къ доказательству этого предположенія. Итакъ положимъ, что между данными n функціями f_1, f_2, \dots, f_n о такомъ-же числѣ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n существуетъ нѣкоторая зависимость, выражающаяся уравненіемъ:

$$\Pi(f_{p_1}, f_{p_2}, \dots, f_{p_i}) = 0$$

Помощію этого уравненія всегда можно выразить одну изъ входящихъ въ него функцій, напр. f_{p_k} посредствомъ остальныхъ; такимъ-образомъ мы найдемъ:

$$f_{p_k} = F(f_{p_1}, f_{p_2}, \dots, f_{p_{k+1}}, f_{p_{k+1}}, \dots, f_{p_i}).$$

Составляя теперь систему функціональнаго опредѣлителя данныхъ функцій, мы находимъ, что:

$$\frac{df_{p_k}}{dx_1} = \frac{dF}{df_{p_1}} \frac{df_{p_1}}{dx_1} + \frac{dF}{df_{p_2}} \frac{df_{p_2}}{dx_1} + \dots + \frac{dF}{df_{p_{k-1}}} \frac{df_{p_{k-1}}}{dx_1} + \frac{dF}{df_{p_{k+1}}} \frac{df_{p_{k+1}}}{dx_1} + \dots + \frac{dF}{df_{p_i}} \frac{df_{p_i}}{dx_1}$$

$$\frac{df_{p_k}}{dx_2} = \frac{dF}{df_{p_1}} \frac{df_{p_1}}{dx_2} + \frac{dF}{df_{p_2}} \frac{df_{p_2}}{dx_2} + \dots + \frac{dF}{df_{p_{k-1}}} \frac{df_{p_{k-1}}}{dx_2} + \frac{dF}{df_{p_{k+1}}} \frac{df_{p_{k+1}}}{dx_2} + \dots + \frac{dF}{df_{p_i}} \frac{df_{p_i}}{dx_2}$$

$$\dots \dots \dots$$

$$\frac{df_{p_k}}{dx_n} = \frac{dF}{df_{p_1}} \frac{df_{p_1}}{dx_n} + \frac{dF}{df_{p_2}} \frac{df_{p_2}}{dx_n} + \dots + \frac{dF}{df_{p_{k-1}}} \frac{df_{p_{k-1}}}{dx_n} + \frac{dF}{df_{p_{k+1}}} \frac{df_{p_{k+1}}}{dx_n} + \dots + \frac{dF}{df_{p_i}} \frac{df_{p_i}}{dx_n}$$

Въ силу-же сказаннаго въ § 13 легко видѣть, что функціональный опредѣлитель нашъ можетъ быть разложенъ на сумму $i-1$ подобныхъ ему опредѣлителей. Производя дѣйствительно это разложеніе, мы найдемъ, что въ системахъ всѣхъ слагаемыхъ опредѣлителей по горизонтальной линіи, которой указатель есть p_k , расположены будутъ элементы пропорціональные элементамъ другой горизонтальной линіи. Поэтому всякій изъ этихъ опредѣлителей отдѣльно долженъ равняться нулю, а потому и сумма ихъ т. е. функціональный опредѣлитель данныхъ функцій также долженъ равняться нулю.

Предположимъ теперь, что между данными функціями одна или нѣсколько тождественно равняются постоянному количеству. Въ этомъ случаѣ очевидно производныя этихъ функцій по каждой изъ переменныхъ равняются нулю, почему въ системѣ функціональнаго опредѣлителя всѣхъ данныхъ функцій будетъ находиться одна или нѣсколько горизонтальныхъ линій, элементы которыхъ всѣ безъ исключенія равняются нулю, вслѣдствіе чего и самый опредѣлитель долженъ равняться нулю.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго въ этомъ параграфѣ мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе:

Теорема 32.

Если данныя n функцій отъ такого-же числа переменныхъ, зависятъ другъ отъ друга, или-же если одна или нѣсколько

изъ этихъ функцій тождественно равняются постоянному количеству, то функціональный опредѣлитель ихъ исчезаетъ.

Изъ послѣдней теоремы слѣдуетъ, что функціи, которыхъ опредѣлитель не равняется нулю, суть независимыя другъ отъ друга. Изъ теоремы же 31^{оа} слѣдуетъ, что опредѣлитель независимыхъ другъ отъ друга функцій не равняется нулю.

Если имѣется одна только функція, то вышедоказанныя теоремы сводятся на то, что функція эта есть величина постоянная или переменная, смотря по тому, исчезаетъ-ли или не исчезаетъ ея производная.

На-оборотъ, изъ предыдущаго видно, что послѣднее предположеніе можетъ быть распространено на систему функцій о нѣсколькихъ переменныхъ. если, вмѣсто условія, что функція постоянна, введемъ условіе, что функціи суть зависимыя другъ отъ друга, и въ то-же время сказанное о производной отнесемъ къ функціональному опредѣлителю.

§ 45. Теоремы двухъ предыдущихъ параграфовъ даютъ вѣрное средство въ случаѣ данныхъ n функцій о столькихъ-же переменныхъ судить о томъ, исчезаетъ-ли функціональный опредѣлитель ихъ или нѣтъ? Или-же по данному опредѣлителю рѣшать вопросъ о зависимости или независимости функцій, изъ частныхъ производныхъ которыхъ составленъ этотъ опредѣлитель, и которыхъ число опять-таки предполагается равнымъ числу переменныхъ независимыхъ. Теперь естественнымъ образомъ рождается вопросъ, нельзя-ли найти подобный же criterium въ томъ случаѣ, когда число функцій меньше числа независимыхъ переменныхъ?

Итакъ положимъ, что даны n функцій

$$f_1, f_2, \dots, f_n$$

отъ $n - k$ переменныхъ:

$$x_1, x_2, \dots, x_n, x_{n+1}, x_{n+2}, \dots, x_{n+k}$$

и положимъ, что функціи эти зависимы т. е. что по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ или можетъ быть выражена посредствомъ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ, или-же тождественно равняется постоянному количеству.

Выберемъ теперь изъ числа нашихъ $n+k$ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_{n+k} какія-либо n и составимъ въ разсужденіи ихъ функціональный опредѣлитель функцій f_1, f_2, \dots, f_n , рассматривая остальные переменныя независимыя, какъ постоянныя. Ясно, что такъ-какъ функціи наши предполагаются зависимыя, то опредѣлитель этотъ, въ силу теоремы 32^ю, долженъ равняться нулю. До подобнаго заключенія доходимъ мы безъ помощи какого-либо условія на счетъ того, которыя именно изъ переменныхъ должно принимать постоянными; а поэтому мы въ правѣ вывести слѣдующее заключеніе:

Теорема 33.

Если n данныхъ функцій отъ $n+k$ переменныхъ суть зависимыя, то необходимо всѣ

$$\frac{(n+k)(n+k-1)\dots(k+1)}{1.2.3\dots n}$$

различные функціональные опредѣлители, которые только можно составить, принимая послѣдовательно въ разсужденіе различные сочетанія $n+k$ переменныхъ независимыхъ по n , должны равняться нулю.

Очевидно, что эта теорема, какъ частный случай, заключаетъ въ себѣ теорему 32^ю.

Положимъ теперь, что изъ n функцій

$$f_1, f_2, \dots, f_n$$

отъ $n+k$ переменныхъ:

$$x_1, x_2, \dots, x_{n+k}$$

составлены всё различные функциональные определители, которые только можно составить, принимая последовательно въ разсужденіе всё различныя сочетанія $n - k$ переменныхъ независимыхъ по n ; и что всё эти определители оказываются равными нулю; постараемся-же определить, что такое выражаетъ это одновременное исчезаніе ихъ.

Для этого прибавимъ къ группѣ нашихъ n функций

$$f_1, f_2, \dots, f_n$$

еще слѣдующія, совершенно произвольныя k функций

$$f_{n+1}, f_{n+2}, \dots, f_{n+k}$$

отъ тѣхъ-же $n - k$ переменныхъ независимыхъ

$$x_1, x_2, \dots, x_{n-k}$$

и разсмотримъ определитель:

$$(12) \quad \begin{vmatrix} \frac{df_1}{dx_1} & \frac{df_1}{dx_2} & \dots & \frac{df_1}{dx_{n-k}} \\ \frac{df_2}{dx_1} & \frac{df_2}{dx_2} & \dots & \frac{df_2}{dx_{n-k}} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{df_n}{dx_1} & \frac{df_n}{dx_2} & \dots & \frac{df_n}{dx_{n-k}} \\ \frac{df_{n+1}}{dx_1} & \frac{df_{n+1}}{dx_2} & \dots & \frac{df_{n+1}}{dx_{n-k}} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{df_{n+k}}{dx_1} & \frac{df_{n+k}}{dx_2} & \dots & \frac{df_{n+k}}{dx_{n-k}} \end{vmatrix}$$

Разлагая этотъ определитель на сумму произведеній частныхъ определителей, и относя при этомъ n верхнихъ горизонтальныхъ линій къ одной, а k нижнихъ къ другой изъ постоянныхъ группъ (См. § 20), мы убеждаемся, что онъ долженъ равняться нулю: такъ-какъ въ каждый членъ этой суммы однимъ изъ множителей входятъ который-нибудь изъ определителей, по сдѣланному предположенію равныхъ нулю. Итакъ мы видимъ, что определитель (12) долженъ равняться нулю; изъ чего,

въ силу теоремы 31^а, слѣдуетъ, что должна существовать нѣ-
которая зависимость между функціями

$$f_1, f_2, \dots, f_n, f_{n+1}, \dots, f_{n+k}$$

выражающаяся однимъ или нѣсколькими уравненіями, или-же, по-крайней-мѣрѣ, что одна или нѣсколько изъ этихъ функцій тождественно равняются постояннымъ количествамъ. Но относительно функцій $f_{n+1}, f_{n+2}, \dots, f_{n+k}$ не сдѣлано еще никакихъ предположеній, и слѣдовательно мы можемъ ихъ выбрать такъ, чтобы ни одна изъ нихъ напр. f_{n+i} не равнялась тождественно-постоянному количеству и не была выражима посредствомъ остальныхъ изъ функцій

$$f_1, f_2, \dots, f_n, f_{n+1}, \dots, f_{n+i-1}, f_{n+i+1}, \dots, f_{n+k}$$

Въ этомъ случаѣ ни одна изъ этихъ функцій

$$f_{n+1}, f_{n+2}, \dots, f_{n+k}$$

не можетъ входить въ тѣ уравненія, существованіе которыхъ необходимо слѣдуетъ изъ того, что опредѣлитель (12) равняется нулю, и которыя должны связывать функціи

$$f_1, f_2, \dots, f_{n+k};$$

и слѣдовательно уравненія эти должны быть вида

$$\Pi(f_1, f_2, \dots, f_n) = 0.$$

Такимъ-образомъ мы доходимъ до слѣдующей теоремы:

Теорема 34.

Если всѣ функціональные опредѣлители, которые только можно составить изъ n функцій отъ $n+k$ переменныхъ независимыхъ (принимая послѣдовательно въ соображеніе всѣ различные сочетанія этихъ $n+k$ переменныхъ по n), равняются нулю, то функціи эти непремѣнно зависимыя.

Эта теорема, какъ частный случай, заключаетъ въ себѣ теорему 31^ю.

Изъ послѣдней теоремы очевидно слѣдуетъ, что если n функций отъ $n+k$ переменныхъ независимыхъ составляютъ группу независимыхъ функций, то непременно между различными функциональными опредѣлителями ихъ, составленными въ разсужденіи различныхъ сочетаній $n+k$ переменныхъ по n , по крайнѣй-мѣрѣ одинъ долженъ быть отличенъ отъ нуля. Наоборотъ, изъ теоремы 33^{ей} легко вывести, что если между подобными функциональными опредѣлителями n функций отъ $n+k$ переменныхъ хотя одинъ не равняется нулю, то функции эти составляютъ группу независимыхъ функций.

Такимъ образомъ мы видимъ, что двѣ послѣднія теоремы наши вполне рѣшаютъ задачу, которую мы предложили себѣ въ началѣ текущаго параграфа.

Замѣтимъ въ-заключеніе, что въ томъ случаѣ, когда разсматривается одна только функция о нѣсколькихъ переменныхъ, двѣ теоремы наши 33^я и 34ая приводятся къ извѣстнымъ теоремамъ дифференціального исчисленія, въ силу которыхъ частныя производныя этой функции все должны равняться нулю, если самая функция тождественно равняется постоянному количеству, и, наоборотъ, исчезаніе всѣхъ частныхъ производныхъ данной функции служитъ признакомъ того, что функция эта тождественно равняется постоянному количеству.

Итакъ мы видимъ, что та-же аналогія, которая существуетъ между производною одной функции объ одной переменной и функциональнымъ опредѣлителемъ n функций о столькихъ-же переменныхъ, — аналогія, на которую мы указали въ концѣ предыдущаго параграфа, существуетъ также и между частными производными одной функции о нѣсколькихъ переменныхъ и функциональными опредѣлителями n функций о $n+k$ переменныхъ.

§ 46. Можетъ случиться, что функции, опредѣлитель которыхъ ищется, даны не явнымъ образомъ. Въ этомъ случаѣ

иногда весьма затруднительно, а иногда и совершенно невозможно было-бы рѣшить вопросъ, еслибы для этого необходимо требовалось рѣшить данныя уравненія. Къ-счастью, всегда возможно достигнуть цѣли и не прибѣгая къ этому рѣшенію. Въ-самомъ-дѣлѣ, положимъ, что данныя уравненія, число которыхъ необходимо должно равняться числу функцій, суть слѣдующія:

$$F_1 = 0, F_2 = 0, \dots F_n = 0,$$

гдѣ $F_1, F_2, \dots F_n$ — нѣкоторыя функція отъ количествъ $f_1, f_2, \dots f_n, x_1, x_2, \dots x_n$.

Дифференцируя какое-либо изъ этихъ уравненій, напр.

$$F_1 = 0$$

относительно какой-либо переменнѣй x_k , мы находимъ:

$$(13) \quad -\frac{dF_1}{dx_k} = \frac{dF_1}{df_1} \frac{df_1}{dx_k} + \frac{dF_1}{df_2} \frac{df_2}{dx_k} + \dots + \frac{dF_1}{df_n} \frac{df_n}{dx_k},$$

пологая теперь:

$$(14) \quad -\frac{dF_i}{dx_k} = c_{i,k}; \quad \frac{dF_i}{df_p} = a_{i,p}; \quad \frac{df_p}{dx_k} = b_{p,k}$$

мы очевидно послѣднее уравненіе наше можемъ представить въ слѣдующемъ видѣ:

$$c_{i,k} = a_{i,1} b_{1,k} + a_{i,2} b_{2,k} + \dots + a_{i,n} b_{n,k};$$

сравнивая-же послѣднее уравненіе со вторымъ изъ уравненій (16) третьей главы, мы видимъ, что должно существовать слѣдующее уравненіе:

$$\sum \pm c_{1,1} c_{2,2} \dots c_{n,n} = \sum \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n} \sum \pm b_{1,1} b_{2,2} \dots b_{n,n},$$

которое, по подстановленіи въ него вмѣсто элементовъ c , a и b равныхъ имъ величинъ (см. ур. 14), обращается въ слѣдующее:

$$(15) \quad (-1)^n \sum \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_n}{dx_n} = \\ \sum \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_n}{df_n} \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n};$$

Изъ этого-же уравненія мы непосредственно выводимъ искомое рѣшеніе нашего вопроса. Въ-самомъ-дѣлѣ, раздѣлимъ обѣ части этого уравненія на

$$\Sigma \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_n}{df_n}$$

Такимъ-образомъ мы найдемъ:

$$(16) \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = (-1)^n \frac{\Sigma \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_n}{dx_n}}{\Sigma \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_n}{df_n}}$$

Если дана одна только функція f обѣ одной только переменной x неявнымъ образомъ т. е. посредствомъ уравненія:

$$F(f, x) = 0,$$

то, какъ доказывается въ дифференціальномъ исчисленіи, производная отъ f получается, если производную F по x , взятую съ отрицательнымъ знакомъ, раздѣлимъ на производную F по f .

Формула (16) выражаетъ собою совершенно подобную, но болѣе общую теорему, именно слѣдующую.

Теорема 35.

Если функціи f_1, f_2, \dots, f_n даны посредствомъ уравненій:

$$F_1 = 0, F_2 = 0, \dots, F_n = 0,$$

то определитель ихъ въ-разсужденіи переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n равенъ $+$ или $-$ определителю функцій F_1, F_2, \dots, F_n , взятому въ-разсужденіи x_1, x_2, \dots, x_n и раздѣленному на определитель тѣхъ-же функцій F_1, F_2, \dots, F_n , взятый въ-разсужденіи f_1, f_2, \dots, f_n . Знакъ положительный имѣетъ мѣсто тогда, когда число функцій есть четное, въ противномъ-же случаѣ знакъ долженъ быть отрицательный.

§ 47. Изъ формулы (16) предыдущаго параграфа весьма легко выводится другая замѣчательная формула.

Мы предположили, что $2n$ количествъ

$$f_1, f_2, \dots, f_n, x_1, x_2, \dots, x_n$$

связаны между собою n уравненіями

$$F_1 = 0, F_2 = 0, \dots, F_n = 0$$

и нашли выраженіе для опредѣлителя

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

предполагая, что f_1, f_2, \dots, f_n суть функціи количествъ x_1, x_2, \dots, x_n , которыя мы разсматривали какъ переменныя независимыя. Но, очевидно, мы могли-бы принять переменными независимыми какое угодно сочетаніе количествъ $f_1, f_2, \dots, f_n, x_1, x_2, \dots, x_n$ по n , напр. слѣдующее $x_1, x_2, \dots, x_i, f_{i+1}, f_{i+2}, \dots, f_{i+k}, x_{i+k+1}, x_{i+k+2}, \dots, x_n$ и понятно, что тогда вмѣсто уравненія (16) получили-бы слѣдующее:

$$(17) \quad \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{dx_{i+1}}{df_{i+1}} \dots \frac{dx_{i+k}}{df_{i+k}} \frac{df_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{df_n}{dx_n} =$$

$$(-1)^n \frac{\Sigma \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_i}{dx_i} \frac{dF_{i+1}}{df_{i+1}} \dots \frac{dF_{i+k}}{df_{i+k}} \frac{dF_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{dF_n}{dx_n}}{\Sigma \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_i}{df_i} \frac{dF_{i+1}}{dx_{i+1}} \dots \frac{dF_{i+k}}{dx_{i+k}} \frac{dF_{i+k+1}}{df_{i+k+1}} \dots \frac{dF_n}{df_n}}$$

выводящееся изъ него чрезъ соотвѣтственное замѣненіе буквъ $f_{i+1}, f_{i+2}, \dots, f_{i+k}$ буквами $x_{i+1}, x_{i+2}, \dots, x_{i+k}$ и обратно.

Положимъ теперь, что данныя уравненія суть слѣдующаго вида:

$$F_1 = f_1 - f_1(x_1, x_2, \dots, x_n) = 0$$

$$F_2 = f_2 - f_2(x_1, x_2, \dots, x_n) = 0$$

$$\dots$$

$$F_n = f_n - f_n(x_1, x_2, \dots, x_n) = 0.$$

Тогда очевидно:

$$\frac{dF_k}{df_k} = 1; \frac{dF_k}{df_p} = 0; \frac{dF_k}{dx_q} = -\frac{df_k}{dx_q},$$

гдѣ указатели p и k должны быть отличныя другъ отъ друга числа, а q — какое угодно число.

Вслѣдствіи-же этихъ уравненій очевидно:

$$\begin{aligned} \Sigma \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_i}{dx_i} \frac{dF_{i+1}}{df_{i+1}} \dots \frac{dF_{i+k}}{df_{i+k}} \frac{dF_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{dF_n}{dx_n} = \\ (-1)^{n-k} \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{df_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{df_n}{dx_n}, \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{и} \quad \Sigma \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_i}{df_i} \frac{dF_{i+1}}{dx_{i+1}} \dots \frac{dF_{i+k}}{dx_{i+k}} \frac{dF_{i+k+1}}{df_{i+k+1}} \dots \frac{dF_n}{df_n} = \\ (-1)^k \Sigma \pm \frac{df_{i+1}}{dx_{i+1}} \frac{df_{i+2}}{dx_{i+2}} \dots \frac{df_{i+k}}{dx_{i+k}} \end{aligned}$$

и поэтому уравненіе (17) при сдѣланномъ предположеніи принимаетъ видъ:

$$\begin{aligned} (18) \quad \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{dx_{i+1}}{df_{i+1}} \frac{dx_{i+2}}{df_{i+2}} \dots \frac{dx_{i+k}}{df_{i+k}} \frac{df_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{df_n}{dx_n} \\ = \frac{\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{df_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{df_n}{dx_n}}{\Sigma \pm \frac{df_{i+1}}{dx_{i+1}} \frac{df_{i+2}}{dx_{i+2}} \dots \frac{df_{i+k}}{dx_{i+k}}} \end{aligned}$$

Послѣдняя формула заслуживаетъ особеннаго вниманія не только потому, что даетъ средство переходить отъ одной системы независимыхъ переменныхъ къ другой, но и потому, что показываетъ связь, существующую между частными опредѣлителями системъ:

$$(19) \quad \begin{vmatrix} \frac{df_1}{dx_1} & \frac{df_1}{dx_2} & \dots & \frac{df_1}{dx_n} \\ \frac{df_2}{dx_1} & \frac{df_2}{dx_2} & \dots & \frac{df_2}{dx_n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{df_n}{dx_1} & \frac{df_n}{dx_2} & \dots & \frac{df_n}{dx_n} \end{vmatrix}, \quad \text{и} \quad (20) \quad \begin{vmatrix} \frac{dx_1}{df_1} & \frac{dx_2}{df_1} & \dots & \frac{dx_n}{df_1} \\ \frac{dx_1}{df_2} & \frac{dx_2}{df_2} & \dots & \frac{dx_n}{df_2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \frac{dx_1}{df_n} & \frac{dx_2}{df_n} & \dots & \frac{dx_n}{df_n} \end{vmatrix}$$

Въ самомъ дѣлѣ, обозначивъ опредѣлитель

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

черезъ D , мы легко изъ формулы (18) можемъ заключить, что

$$(21) \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{df_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \\ D \Sigma \pm \frac{dx_{i+1}}{df_{i+1}} \frac{dx_{i+2}}{df_{i+2}} \dots \frac{dx_{i+k}}{df_{i+k}}$$

И очевидно, что въ послѣдней формулѣ можно переставлять на всѣ возможныя манеры указатели при f или при x , переменный знакъ первой или второй части ея только въ томъ случаѣ, когда дѣлаемое перестановленіе, будучи приложено къ опредѣлителю D , измѣняетъ знакъ сего послѣдняго. Такимъ-образомъ изъ уравненія (21) мы выводимъ, что *какой-либо частный опредѣлитель системы (19) равняется общему опредѣлителю этой системы, помноженному на коэффициентъ при соответствующемъ членомъ опредѣлитель системы (20)*.

Полагая въ послѣднемъ уравненіи нашемъ $k=1$, мы находимъ

$$(22) \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{df_{i+2}}{dx_{i+2}} \dots \frac{df_n}{dx_n} = D \frac{dx_{i+1}}{df_{i+1}},$$

откуда опять можно вывести, что и вообще $D \frac{dx_p}{df_q}$ равняется суммѣ тѣхъ членовъ, которые въ опредѣлителѣ D помножаются на $\frac{df_q}{dx_p}$. Но, принимая подобныя суммы за элементы новой системы, мы такимъ-образомъ получаемъ систему, названную нами дополнительной; и слѣдовательно мы изъ послѣдняго уравненія выводимъ, что *элементы системы (20) пропорциональны элементамъ дополнительной системы системы (19); при томъ коэффициентъ пропорциональности есть $\frac{1}{D}$* .

Итакъ, въ силу вышесказаннаго, дополнительная система системы (19) есть слѣдующая:

$$\begin{vmatrix} D \frac{dx_1}{df_1} & D \frac{dx_2}{df_1} & \dots & D \frac{dx_n}{df_1} \\ D \frac{dx_1}{df_2} & D \frac{dx_2}{df_2} & \dots & D \frac{dx_n}{df_2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ D \frac{dx_1}{df_n} & D \frac{dx_2}{df_n} & \dots & D \frac{dx_n}{df_n} \end{vmatrix}$$

Опредѣлитель-же послѣдней системы съ одной стороны (см. § 14) можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ:

$$D^n \Delta,$$

гдѣ Δ — определитель системы (20) т. е.

$$\Delta = \sum \pm \frac{dx_1}{df_1} \frac{dx_2}{df_2} \dots \frac{dx_n}{df_n};$$

съ другой стороны, въ силу теоремы 12^а, онъ равенъ

$$D^{n-1},$$

а поэтому мы должны имѣть

$$D^n \Delta = D^{n-1}$$

или

$$(23) \quad D \Delta = 1,$$

откуда

$$(24) \quad \sum \pm \frac{dx_1}{df_1} \frac{dx_2}{df_2} \dots \frac{dx_n}{df_n} = \frac{1}{\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}}$$

Если дана одна только функція f объ одной переменнѣй x , и если мы выразимъ на-оборотъ x чрезъ f , то производная x по f равна единицѣ, раздѣленной на производную f по x .

Уравненіе (24) служитъ выраженіемъ совершенно подобной теоремы, но болѣе общей, именно слѣдующей:

Теорема 36.

Если n количествъ f_1, f_2, \dots, f_n выражены посредствомъ n переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n и если изъ этихъ уравненій мы

выразимъ наоборотъ количества x_1, x_2, \dots, x_n посредствомъ количествъ f_1, f_2, \dots, f_n ; то функциональный опредѣлитель количествъ x_1, x_2, \dots, x_n , взятый въ разсужденіи f_1, f_2, \dots, f_n , равенъ единицѣ, раздѣленной на функциональный опредѣлитель количествъ f_1, f_2, \dots, f_n , взятый въ разсужденіи x_1, x_2, \dots, x_n .

Уравненіе (24) можно было-бы получить непосредственно изъ ур. (17), точно такъ-же, какъ мы изъ него-же получили уравненіе (18), предполагая только, что переменными независимыми принимаются количества f_1, f_2, \dots, f_n .

Коши въ мемуарѣ своемъ «Mémoire sur les fonctions différentielles alternées» (*) достигаетъ послѣдней теоремы, слѣдуя другому пути, именно онъ основывается на той связи, которая существуетъ между элементами системъ (19) и (20).

Чтобы найти эту связь, положимъ, что мы имѣемъ нѣкую функцію φ отъ x_1, x_2, \dots, x_n : такъ-какъ по предположенію f_1, f_2, \dots, f_n не зависятъ другъ отъ друга то x_1, x_2, \dots, x_n могутъ быть выражены посредствомъ этихъ функцій. Вставляя теперь эти выраженія въ функцію φ , мы очевидно найдемъ

$$\frac{d\varphi}{df_k} = \frac{d\varphi}{dx_1} \frac{dx_1}{df_k} + \frac{d\varphi}{dx_2} \frac{dx_2}{df_k} + \dots + \frac{d\varphi}{dx_n} \frac{dx_n}{df_k},$$

откуда, полагая $\varphi = f_i$, — что позволительно, ибо относительно φ не сдѣлано никакихъ предположеній, — мы для $i = k$ и для i отличнаго отъ k найдемъ:

$$(25) \quad \begin{cases} \frac{df_k}{df_k} = 1 = \frac{df_k}{dx_1} \frac{dx_1}{df_k} + \frac{df_k}{dx_2} \frac{dx_2}{df_k} + \dots + \frac{df_k}{dx_n} \frac{dx_n}{df_k} \\ \frac{df_i}{df_k} = 0 = \frac{df_i}{dx_1} \frac{dx_1}{df_k} + \frac{df_i}{dx_2} \frac{dx_2}{df_k} + \dots + \frac{df_i}{dx_n} \frac{dx_n}{df_k} \end{cases}$$

Если въ выраженіи для x_k полученное въ f_1, f_2, \dots, f_n , вмѣсто этихъ функцій, подставимъ данныя ихъ выраженія, то найдемъ:

(*) Exercices d'Analyse et de Physique mathématique, par. A. Cauchy. Tome deuxième (1841), 18 livraison, p. 179.

$$(26) \quad \begin{cases} 1 = \frac{dx_k}{df_1} \frac{df_1}{dx_k} + \frac{dx_k}{df_2} \frac{df_2}{dx_k} + \dots + \frac{dx_k}{df_n} \frac{df_n}{dx_k} \\ 0 = \frac{dx_k}{df_1} \frac{df_1}{dx_i} + \frac{dx_k}{df_2} \frac{df_2}{dx_i} + \dots + \frac{dx_k}{df_n} \frac{df_n}{dx_i} \end{cases}$$

Уравнения какъ (25), такъ и (26) служатъ только представителями цѣлыхъ группъ уравненій, получаемыхъ чрезъ послѣдовательное подстановленіе вмѣсто указателей i и k всѣхъ чиселъ ряда $1, 2, \dots, n$; и очевидно этими-то группами и выражается искомая связь между элементами системъ (19) и (20).

Принимая теперь въ соображеніе любую изъ этихъ группъ и припоминая теорему 9^ю, мы непосредственно доходимъ до уравненія (23) или (24).

Если вмѣсто определителя D подставимъ въ уравненіе (21) равную ему величину, выводимую изъ уравненія (23) т. е.

$$\frac{1}{\Delta},$$

то мы очевидно получимъ:

$$(27) \quad \sum \pm \frac{dx_{i+1}}{df_{i+1}} \frac{dx_{i+2}}{df_{i+2}} \dots \frac{dx_{i+k}}{df_{i+k}} \\ = \Delta \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_i}{dx_i} \frac{df_{i+k+1}}{dx_{i+k+1}} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

—уравненіе, изъ котораго мы выводимъ, что частный определитель системы (20) является общему определителю этой системы, помноженному на коэффициентъ при соответствующемъ частномъ определителіи системы (19).

Послѣднее предложеніе, очевидно, совершенно подобно одному изъ вышеданныхъ и отличается отъ него только тѣмъ, что все сказанное въ одномъ о системѣ (19) относится въ другомъ къ системѣ (20), и, обратно, сказанное въ одномъ о системѣ (20), относится въ другомъ къ системѣ (19).

Совершенно подобнымъ-же образомъ, какъ изъ уравненія (21) мы вывели уравненіе (22), изъ уравненія (27) выводимъ:

$$(28) \quad \sum \pm \frac{dx_1}{df_1} \frac{dx_2}{df_2} \dots \frac{dx_i}{df_i} \frac{dx_{i+2}}{df_{i+2}} \dots \frac{dx_n}{df_n} = \Delta \frac{df_{i+1}}{dx_{i+1}}$$

и такимъ образомъ получаемъ слѣдующее предложеніе, также соответствующее одному изъ предыдущихъ: *элементы системы (19) пропорціональны элементамъ дополнительной системы системы (20) и притомъ коэффициентъ пропорціональности равенъ $\frac{1}{\Delta}$.*

Такимъ образомъ мы видимъ, что системы (19) и (20) относительно другъ друга играютъ одинаковыя роли, — что, впрочемъ, весьма просто объясняется уравненіями (25) и (26), связывающими элементы этихъ системъ между собою, въ которыя элементы эти входятъ совершенно одинаковымъ образомъ.

§ 48. Предложенія, выведенныя нами изъ уравненій (22) и (28) предыдущаго параграфа, которыя очевидно аналитически могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ (см. § 22)

$$(29) \quad \frac{dD}{d\left(\frac{df_i}{dx_k}\right)} = D \frac{dx_k}{df_i}$$

$$(30) \quad \frac{d\Delta}{d\left(\frac{dx_k}{df_i}\right)} = \Delta \frac{df_i}{dx_k}$$

иногда весьма облегчаютъ съ практической стороны вычисленіе первыхъ частныхъ производныхъ даннаго функціональнаго определителя въ-разсужденіи элементовъ его. Но этимъ практическимъ примѣненіемъ нашихъ формулъ еще не ограничивается польза, которую можно извлечь изъ нихъ; напротивъ-того, главнѣйшее ихъ достоинство состоитъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, въ томъ, что онѣ наводятъ на весьма замѣчательную теорему теоріи функціональныхъ определителей.

Въ самомъ дѣлѣ, формулы наши, давая способъ преобразовывать частныя производныя даннаго функціональнаго определителя, взятыя въ-разсужденіи элементовъ его, очевидно, могутъ быть прилагаемы ко всѣмъ формуламъ, въ которыя входятъ подобныя частныя производныя. Такимъ образомъ напр. ими можно воспользоваться, когда требуется найти производную

функциональнаго опредѣлителя, взятую въ-разсужденіи какого-либо количества, входящаго въ элементы его, или, что все равно, входящаго въ функціи $f_1, f_2 \dots f_n$.

Итакъ пусть требуется продифференсировать

$$D = \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

относительно какого-либо количества a , которое можетъ быть или одно изъ слѣдующихъ $x_1, x_2, \dots x_n$ или какая-либо другая величина, входящая въ функціи $f_1, f_2, \dots f_n$; мы будемъ имѣть

$$\frac{dD}{da} = \sum_i \sum_k \frac{dD}{d\left(\frac{df_i}{dx_k}\right)} \frac{d^2 f_i}{dx_k da},$$

гдѣ суммованія относительно i и k должны распространяться на всѣ значенія чиселъ 1, 2, 3, $\dots n$.

Пользуясь теперь формулою (29), мы очевидно послѣднее уравненіе наше можемъ представить и такъ:

$$\frac{dD}{da} = \sum_i \sum_k D \frac{dx_k}{df_i} \frac{d^2 f_i}{dx_k da} = D \sum_i \sum_k \frac{d^2 f_i}{dx_k da} \frac{dx_k}{df_i};$$

но

$$\sum_k \frac{d^2 f_i}{dx_k da} \frac{dx_k}{df_i} = \frac{d\left(\frac{df_i}{da}\right)}{df_i},$$

а слѣдовательно:

$$(31) \quad \frac{dD}{da} = D \left\{ \frac{d\left(\frac{df_1}{da}\right)}{df_1} + \frac{d\left(\frac{df_2}{da}\right)}{df_2} + \dots + \frac{d\left(\frac{df_n}{da}\right)}{df_n} \right\}$$

И такъ для того, чтобы получить $\frac{dD}{da}$, надо всякую изъ функцій $f_1, f_2, \dots f_n$ продифференсировать въ-разсужденіи a , въ эти производныя, вмѣсто переменныхъ $x_1, x_2, \dots x_n$, ввести переменныя $f_1, f_2, \dots f_n$, и каждую изъ такимъ образомъ преобразованныхъ производныхъ $\frac{df_i}{da}$ продифференсировать въ-разсужденіи f_i . Сумма этихъ n производныхъ, помноженная на D , и даетъ исконое т. е.

$$\frac{dD}{da}.$$

Послѣднее уравненіе наше можетъ быть преобразовано. Дѣйствительно, въ силу уравненія (23) мы имѣемъ:

$$Dd\Delta + \Delta dD = 0,$$

откуда:

$$\frac{dD}{D} = -\frac{d\Delta}{\Delta}$$

Поэтому уравненіе (31) можетъ быть представлено также и въ слѣдующемъ видѣ

$$0 = \frac{d\Delta}{da} + \Delta \sum_i \frac{d\left(\frac{df_i}{da}\right)}{df_i};$$

но

$$\frac{d\Delta}{da} = \frac{d\Delta}{df_1} \frac{df_1}{da} + \frac{d\Delta}{df_2} \frac{df_2}{da} + \dots + \frac{d\Delta}{df_n} \frac{df_n}{da} = \sum_i \frac{d\Delta}{df_i} \frac{df_i}{da},$$

и слѣдовательно:

$$0 = \sum_i \left[\frac{d\Delta}{df_i} \frac{df_i}{da} + \Delta \frac{d\left(\frac{df_i}{da}\right)}{df_i} \right] = \sum_i \frac{d\left(\Delta \frac{df_i}{da}\right)}{df_i}.$$

Вотъ искомое преобразованіе формулы (31).

Изъ послѣдняго уравненія, какъ частный случай, мы выводимъ:

$$0 = \frac{d\left(\Delta \frac{df_1}{dx_k}\right)}{df_1} + \frac{d\left(\Delta \frac{df_2}{dx_k}\right)}{df_2} + \dots + \frac{d\left(\Delta \frac{df_n}{dx_k}\right)}{df_n}$$

Подобнымъ-же образомъ легко убѣдиться въ справедливости слѣдующаго уравненія:

$$0 = \frac{d\left(D \frac{dx_1}{df_k}\right)}{dx_1} + \frac{d\left(D \frac{dx_2}{df_k}\right)}{dx_2} + \dots + \frac{d\left(D \frac{dx_n}{df_k}\right)}{dx_n}.$$

Изъ этихъ-же двухъ уравненій, при помощи уравненій (29) и (30), мы выведемъ слѣдующую теорему.

Теорема 37.

Означая чрезъ A_1, A_2, \dots, A_n тѣ количества, которыя въ функциональномъ опредѣлителѣ

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

соотвѣтственно помножаются на

$$\frac{df_k}{dx_1}, \frac{df_k}{dx_2}, \frac{df_k}{dx_3}, \dots \dots \dots \frac{df_k}{dx_n}$$

мы имѣемъ слѣдующее уравненіе:

$$\frac{dA_1}{dx_1} + \frac{dA_2}{dx_2} + \dots + \frac{dA_n}{dx_n} = 0.$$

Каждое изъ количествъ A_1, A_2, \dots, A_n предыдущей теоремы есть нѣкоторый частный опредѣлитель опредѣлителя:

$$(1) \quad \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}.$$

Кромѣ-того изъ любува изъ нихъ могутъ быть выведены всѣ остальные. Дѣйствительно, имѣя напр. A_p т. е. коэффициентъ при $\frac{df_k}{dx_p}$ въ опредѣлителѣ (1) для полученія изъ него A_i т. е. коэффициентъ при $\frac{df_k}{dx_i}$ въ томъ-же опредѣлителѣ (1), намъ стоитъ только замѣнить въ выраженіи A_p количества

$$\frac{df_1}{dx_i}, \frac{df_2}{dx_i}, \dots \frac{df_n}{dx_i}$$

соотвѣтственно количествамъ

$$\frac{df_1}{dx_p}, \frac{df_2}{dx_p}, \dots \frac{df_n}{dx_p}$$

и перемѣнить знакъ всего выраженія. Теперь уже понятно, что вмѣсто A_p можно брать какъ положительное, такъ и отрицательное значеніе коэффициентъ при $\frac{df_k}{dx_p}$ въ опредѣлителѣ (1);

выводя потомъ остальные изъ количествъ A_1, A_2, \dots, A_n на основаніи только что даннаго правила, мы все-таки должны находить справедливымъ уравненіе предыдущей теоремы.

Разсматривая теперь количества

$$A_1, A_2, \dots, A_n$$

независимо отъ связи ихъ съ опредѣлителемъ (1), мы видимъ, что количества эти суть опредѣлители функцій $f_1, f_2, \dots, f_{k-1}, f_{k+1}, \dots, f_n$ которыхъ число $n-1$, отъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n которыхъ число n т. е. единицею превышаетъ число функцій, — опредѣлители, взятые послѣдовательно въ разсужденіи всѣхъ возможныхъ различныхъ сочетаній n переменныхъ по $n-1$.

Замѣтимъ еще, что чрезъ A_p обозначается тотъ опредѣлитель, который составленъ въ разсужденіи переменныхъ $x_1, x_2, \dots, x_{p-1}, x_{p+1}, \dots, x_n$ и что одинъ изъ этихъ опредѣлителей можетъ быть произвольно взятъ съ положительнымъ знакомъ между-тѣмъ, какъ знаки другихъ должны быть опредѣлены сообразно вышеданному правилу.

Въ частномъ случаѣ одной функціи f_1 о двухъ переменныхъ x_1, x_2 можно принять

$$A_1 = \frac{df_1}{dx_2}$$

тогда

$$A_2 = -\frac{df_1}{dx_1}$$

и уравненіе теоремы нашей принимаетъ видъ:

$$(32) \quad \frac{d^2 f_1}{dx_2 dx_1} - \frac{d^2 f_1}{dx_1 dx_2} = 0$$

т. е. приводятся къ одной изъ основныхъ формулъ теории производныхъ.

Итакъ точно такъ-же, какъ между частными производными одной функціи отъ двухъ переменныхъ существуетъ связь, выражаемая послѣднимъ нашимъ уравненіемъ, точно такъ-же между

различными функциональными определителями однихъ и тѣхъ-же функцийъ отъ переменныхъ, число которыхъ превышаетъ единицею число функцийъ, существуетъ связь, выражаемая уравненіемъ теоремы 37-ой, заключающимъ въ себѣ, какъ частный случай, уравненіе (32).

Такимъ-образомъ и здѣсь мы встрѣчаемъ ту-же аналогію между функциональными определителями и производными, на которую мы уже не разъ указывали въ предыдущихъ параграфахъ.

§ 49. Обратимся теперь къ изслѣдованію того случая, когда ищется определитель

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

между-тѣмъ-какъ функцийъ f_1, f_2, \dots, f_n не даны непосредственно чрезъ x_1, x_2, \dots, x_n а выражены посредствомъ $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_p$, — количествъ, зависящихъ отъ этихъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n .

Въ этомъ случаѣ искомый определитель получается весьма просто. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ:

$$\frac{df_i}{dx_k} = \frac{df_i}{d\varphi_1} \frac{d\varphi_1}{dx_k} + \frac{df_i}{d\varphi_2} \frac{d\varphi_2}{dx_k} + \dots + \frac{df_i}{d\varphi_p} \frac{d\varphi_p}{dx_k};$$

полагая-же

$$\frac{df_i}{dx_k} = c_{i,k}, \quad \frac{df_i}{d\varphi_m} = a_{i,m}, \quad \frac{d\varphi_m}{dx_k} = b_{m,k},$$

мы послѣднее уравненіе наше можемъ представить въ слѣдующемъ видѣ:

$$c_{i,k} = a_{i,1} b_{1,k} + a_{i,2} b_{2,k} + \dots + a_{i,p} b_{p,k}$$

Разсуждая теперь совершенно подобнымъ образомъ, какъ разсуждали мы въ § 28 третьей главы, легко можно убѣдиться, что если $p < n$, то

$$\Sigma \pm c_{1,1} c_{2,2} \dots c_{n,n} = 0;$$

если $p = n$, то

$$\Sigma \pm c_{1,1} c_{2,2} \dots c_{n,n} = \Sigma \pm a_{1,1} a_{2,2} \dots a_{n,n} \Sigma \pm b_{1,1} b_{2,2} \dots b_{n,n};$$

наконецъ, если $p > n$, то

$$\sum \pm c_{1,1} c_{2,2} \dots c_{n,n} = S \left\{ \sum \pm a_{1,m_1} a_{2,m_2} \dots a_{n,m_n} \sum \pm b_{m_1,1} b_{m_2,2} \dots b_{m_n,n} \right\}$$

гдѣ S распространяется на всѣ сочетанія, которыми указателямъ $m_1, m_2, m_3, \dots, m_n$ даются n различныхъ значеній изъ ряда чиселъ $1, 2, \dots, p$.

Изъ трехъ послѣднихъ формулъ, подставляя въ нихъ на мѣста элементовъ $c_{i,k}, a_{i,m}, b_{m,k}$ замѣняемые послѣдними частными производными, мы выводимъ слѣдующія три теоремы.

Теорема 38.

Опредѣлитель функцій, которыя могутъ быть выражены посредствомъ меньшаго числа другихъ функцій, равняется нулю.

Эта теорема совершенно согласна съ одною изъ найденныхъ нами выше. (См. § 44. Теорема 32). Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро данныя функціи выразимы чрезъ меньшее число другихъ функцій, то они зависятъ другъ отъ друга; опредѣлитель-же зависящихъ другъ отъ друга функцій по вышедоказанному равенъ нулю.

Теорема 39.

Если f_1, f_2, \dots, f_n суть функціи отъ $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n$, послѣднія-же въ свою очередь функціи отъ x_1, x_2, \dots, x_n ; то функціональный опредѣлитель функцій f_1, f_2, \dots, f_n , выраженныхъ посредствомъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n , взятый, относительно послѣднихъ переменныхъ равенъ произведенію опредѣлителя функцій f_1, f_2, \dots, f_n , взятаго въ разсужденіи $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n$, на опредѣлитель функцій $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_n$ взятый въ разсужденіи x_1, x_2, \dots, x_n ; т. е.

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \sum \pm \frac{df_1}{d\varphi_1} \frac{df_2}{d\varphi_2} \dots \frac{df_n}{d\varphi_n} \sum \pm \frac{d\varphi_1}{dx_1} \frac{d\varphi_2}{dx_2} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n}$$

Полагая въ этой теоремѣ $n = 1$, мы находимъ извѣстную формулу:

$$\frac{df_1}{dx_1} = \frac{df_1}{d\varphi_1} \frac{d\varphi_1}{dx_1}$$

сравнивая же два послѣднія уравненія между собою, мы опять замѣчаемъ ту-же аналогію между функциональными опредѣлителями и производными, на которую указывали уже прежде.

Теорема 40.

Если f_1, f_2, \dots, f_n суть функціи отъ $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_p$, гдѣ $p > n$, и $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_p$ функціи отъ x_1, x_2, \dots, x_n : то, составивъ произведеніе двухъ опредѣлителей

$$\sum \pm \frac{df_1}{d\varphi_1} \frac{df_2}{d\varphi_2} \dots \frac{df_n}{d\varphi_n} \quad \sum \pm \frac{d\varphi_1}{dx_1} \frac{d\varphi_2}{dx_2} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n}$$

и другія, подобныя ему, для каждаго сочетанія функцій $\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_p$ по n , взявъ потомъ сумму всѣхъ этихъ произведеній, мы получаемъ опредѣлитель функцій f_1, f_2, \dots, f_n , взятый въ-разсужденіи перемѣнныхъ x_1, x_2, \dots, x_n ; т. е.

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = S \left\{ \sum \pm \frac{df_1}{d\varphi_1} \frac{df_2}{d\varphi_2} \dots \frac{df_n}{d\varphi_n} \sum \pm \frac{d\varphi_1}{dx_1} \frac{d\varphi_2}{dx_2} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n} \right\}$$

Эта теорема аналогична съ тою, по которой, для полученія производной отъ функціи нѣсколькихъ количествъ, надо взять сумму всѣхъ частныхъ производныхъ функцій по каждому изъ этихъ количествъ, помноживъ предварительно каждую изъ этихъ производныхъ на производную самаго количества.

Изъ теоремы 39^а, если въ ней вмѣсто φ поставимъ элементъ y , вытекаетъ, какъ слѣдствіе,

Теорема 41.

Если f_1, f_2, \dots, f_n суть функціи отъ y_1, y_2, \dots, y_n и если выразимъ не только f_1, f_2, \dots, f_n но и y_1, y_2, \dots, y_n посредствомъ другихъ величинъ x_1, x_2, \dots, x_n то:

$$\sum \pm \frac{df_1}{dy_1} \frac{df_2}{dy_2} \dots \frac{df_n}{dy_n} = \frac{\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}}{\sum \pm \frac{dy_1}{dx_1} \frac{dy_2}{dx_2} \dots \frac{dy_n}{dx_n}}$$

Эта теорема соответствует слѣдующей: если f_1 есть функция отъ y_1 , и если x и y_1 могутъ быть выражены чрезъ x_1 , то

$$\frac{df_1}{dy_1} = \frac{\frac{df_1}{dx_1}}{\frac{dy_1}{dx_1}}.$$

Если въ послѣдней 41-ой теоремѣ положимъ $f_1 = x_1$, $f_2 = x_2$, ... $f_n = x_n$, то мы очевидно получимъ формулу (24) (см. § 47).

§ 50. Изъ теоремъ предыдущаго параграфа могутъ быть выведены разные замѣчательныя слѣдствія.

Положимъ въ теоремѣ 39-ой

$$\varphi_1 = x_1, \varphi_2 = x_2, \dots \varphi_m = x_m,$$

тогда, въ-силу сказаннаго въ § 42,

$$\sum \pm \frac{d\varphi_1}{dx_1} \frac{d\varphi_2}{dx_2} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n} = \sum \pm \frac{d\varphi_{m+1}}{dx_{m+1}} \frac{d\varphi_{m+2}}{dx_{m+2}} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n}$$

и слѣдовательно теорема 39-ая показываетъ, что если въ функциональный опредѣлитель

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

введемъ на мѣсто x_{m+1} , x_{m+2} , ... x_n другія функція φ_{m+1} , φ_{m+2} , ... φ_n отъ тѣхъ-же переменныхъ x_1 , x_2 , ... x_n , какъ переменныя независимыя, то будемъ имѣть мѣсто слѣдующее уравненіе:

$$(33) \quad \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \\ \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m} \frac{d\varphi_{m+1}}{d\varphi_{m+1}} \frac{d\varphi_{m+2}}{d\varphi_{m+2}} \dots \frac{df_n}{d\varphi_n} \sum \pm \frac{d\varphi_{m+1}}{dx_{m+1}} \frac{d\varphi_{m+2}}{dx_{m+2}} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n}.$$

Отсюда, если вмѣсто одной только переменной x_n вводится другая переменная φ : то

$$(34) \quad \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \frac{d\varphi}{dx_n} \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_{n-1}}{dx_{n-1}} \frac{df_n}{d\varphi}.$$

Положимъ теперь въ формулѣ (33):

$$\varphi_{m+1} = f_{m+1}, \varphi_{m+2} = f_{m+2}, \dots, \varphi_n = f_n;$$

въ этомъ случаѣ, въ-силу сказаннаго въ § 42, мы получаемъ:

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m} \frac{df_{m+1}}{d\varphi_{m+1}} \frac{df_{m+2}}{d\varphi_{m+2}} \dots \frac{df_n}{d\varphi_n} = \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m}$$

и такимъ-образомъ находимъ слѣдующую замѣчательную теорему:

Теорема 42.

Если въ функціи f_1, f_2, \dots, f_m , вмѣсто переменныхъ $x_{m+1}, x_{m+2}, \dots, x_n$, введемъ функціи $f_{m+1}, f_{m+2}, \dots, f_n$, то определитель

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

дается формулою:

$$(35) \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m} \cdot \Sigma \pm \frac{df_{m+1}}{dx_{m+1}} \frac{df_{m+2}}{dx_{m+2}} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

Изъ предыдущей формулы для $m = 1$ мы получаемъ:

$$(36) \Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \Sigma \pm \frac{df_2}{dx_2} \frac{df_3}{dx_3} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

гдѣ мы $\frac{df_1}{dx_1}$ заключили въ скобки для того, чтобы означить, что прежде дифференсирования надо f_1 выразить чрезъ $x_1, f_2, f_3, \dots, f_n$.

Если даны функціи $\varphi_{m+1}, \varphi_{m+2}, \dots, \varphi_n$ отъ x_1, x_2, \dots, x_n и если выразимъ $x_{m+1}, x_{m+2}, \dots, x_n$ чрезъ $x_1, x_2, \dots, x_m, \varphi_{m+1}, \varphi_{m+2}, \dots, \varphi_n$, то, въ-силу теоремы 36ой (см. § 47), мы будемъ имѣть:

$$\Sigma \pm \frac{d\varphi_{m+1}}{dx_{m+1}} \frac{d\varphi_{m+2}}{dx_{m+2}} \dots \frac{d\varphi_n}{dx_n} = \frac{1}{\Sigma \pm \frac{dx_{m+1}}{d\varphi_{m+1}} \frac{dx_{m+2}}{d\varphi_{m+2}} \dots \frac{dx_n}{d\varphi_n}}$$

Въ этой формулѣ, при составленіи функциональныхъ определителей, x_1, x_2, \dots, x_m разсматриваются, какъ постоянныя.

Вставляя предыдущую формулу въ уравненіе (33), мы найдемъ, что если функціи f_1, f_2, \dots, f_n количествъ x_1, x_2, \dots, x_n , также какъ и $x_{m+1}, x_{m+2}, \dots, x_n$ выражены чрезъ:

$$x_1, x_2, \dots, x_m, \varphi_{m+1}, \varphi_{m+2}, \dots, \varphi_n,$$

то

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \frac{\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m} \frac{df_{m+1}}{d\varphi_{m+1}} \frac{df_{m+2}}{d\varphi_{m+2}} \dots \frac{df_n}{d\varphi_n}}{\sum \pm \frac{dx_{m+1}}{d\varphi_{m+1}} \frac{dx_{m+2}}{d\varphi_{m+2}} \dots \frac{dx_n}{d\varphi_n}}$$

Далѣе изъ уравненія (35) слѣдуетъ, что, выразивъ

$$f_1, f_2, \dots, f_m, x_{m+1}, x_{m+2}, \dots, x_n$$

посредствомъ количествъ

$$x_1, x_2, \dots, x_m, f_{m+1}, f_{m+2}, \dots, f_n$$

мы получимъ:

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \frac{\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_m}{dx_m}}{\sum \pm \frac{dx_{m+1}}{df_{m+1}} \frac{dx_{m+2}}{df_{m+2}} \dots \frac{dx_n}{df_n}}$$

Последнія двѣ формулы выводятся также изъ теоремы 41^а (см. § 49), чрезъ сообразное замѣненіе однихъ буквъ другими.

§ 51. Положимъ, что функціи f_1, f_2, \dots, f_n отъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n определяются $n + m$ уравненіями между этими количествами $x_1, x_2, \dots, x_n, f_1, f_2, \dots, f_n$ и другими:

$$f_{n+1}, f_{n+2}, \dots, f_{n+m}.$$

Пусть эти уравненія слѣдующія:

$$F_1 = 0, F_2 = 0, \dots, F_{n+m} = 0$$

и пусть требуется опредѣлитель функциональной опредѣлитель

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

Изъ уравненій

$$F_{n+1} = 0, F_{n+2} = 0, \dots F_{n+m} = 0$$

выводимъ значенія $f_{n+1}, f_{n+2}, \dots, f_{n+m}$ и подставляемъ ихъ въ уравненія

$$F_1 = 0, F_2 = 0, \dots F_n = 0;$$

такимъ-образомъ послѣднія будутъ заключать въ себѣ единственно только $x_1, x_2, \dots, x_n, f_1, f_2, \dots, f_n$. При помощи-же этихъ уравненій, мы найдемъ искомый опредѣлитель, припомнивъ формулу (16) (см. § 46), по которой

$$(16) \quad \sum \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_n}{dx_n} = (-1)^n \frac{\sum \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_n}{dx_n}}{\sum \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_n}{df_n}}$$

Помноживъ какъ числитель, такъ и знаменатель второй части послѣдняго уравненія на $\sum \pm \frac{dF_{n+1}}{df_{n+1}} \frac{dF_{n+2}}{df_{n+2}} \dots \frac{dF_{n+m}}{df_{n+m}}$,

мы, очевидно, въ-силу уравненія (35) (см. § 50), найдемъ:

$$\begin{aligned} \sum \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_n}{dx_n} \sum \pm \frac{dF_{n+1}}{df_{n+1}} \frac{dF_{n+2}}{df_{n+2}} \dots \frac{dF_{n+m}}{df_{n+m}} &= \\ \sum \pm \frac{dF_1}{dx_1} \frac{dF_2}{dx_2} \dots \frac{dF_n}{dx_n} \frac{dF_{n+1}}{df_{n+1}} \frac{dF_{n+2}}{df_{n+2}} \dots \frac{dF_{n+m}}{df_{n+m}} &= \\ \sum \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_n}{df_n} \sum \pm \frac{dF_{n+1}}{df_{n+1}} \frac{dF_{n+2}}{df_{n+2}} \dots \frac{dF_{n+m}}{df_{n+m}} &= \\ \sum \pm \frac{dF_1}{df_1} \frac{dF_2}{df_2} \dots \frac{dF_{n+m}}{df_{n+m}}, & \end{aligned}$$

гдѣ во вторыхъ частяхъ послѣднихъ двухъ уравненій, F_1, F_2, \dots, F_{n+m} принимаются какъ функции отъ $x_1, x_2, \dots, x_n, f_1, f_2, \dots, f_{n+m}$ т. е. берутся именно такъ, какъ онѣ предложены. Обращаясь теперь опять къ уравненію (16), мы находимъ, что оно можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

Дифференцируя первое изъ тождествъ (37) въ-разсужденіи f_1 , второе — въ-разсужденіи f_2 и т. д., наконецъ послѣднее, — въ-разсужденіи f_n , мы, складывая такимъ-образомъ полученныя уравненія, и не забывая, что

$$\S \frac{d \left(\frac{df_i}{dx_k} \right)}{df_i} = \frac{1}{D} \frac{dD}{dx_k}$$

(см. § 48 ур. 31), находимъ:

$$(38) \S \frac{dB_i}{df_i} = \frac{1}{D} \left(A_1 \frac{dD}{dx_1} + A_2 \frac{dD}{dx_2} + \dots + A_n \frac{dD}{dx_n} \right) \\ + \frac{dA_1}{dx_1} + \frac{dA_2}{dx_2} + \dots + \frac{dA_n}{dx_n}.$$

Принимая теперь въ соображеніе уравненіе

$$D\Delta = 1$$

(см. § 47 ур. 23), изъ котораго непосредственно слѣдуетъ:

$$\frac{1}{D} \frac{dD}{dx_i} = - \frac{1}{\Delta} \frac{d\Delta}{dx_i},$$

мы легко можемъ уравненіе (38) привести къ слѣдующему:

$$\Delta \S \frac{dB_i}{df_i} = - \left(A_1 \frac{d\Delta}{dx_1} + A_2 \frac{d\Delta}{dx_2} + \dots + A_n \frac{d\Delta}{dx_n} \right) \\ + \Delta \left(\frac{dA_1}{dx_1} + \frac{dA_2}{dx_2} + \dots + \frac{dA_n}{dx_n} \right).$$

Но въ-силу тождествъ (37), каково-бы ни было M , мы получаемъ:

$$B_1 \frac{d \cdot M\Delta}{df_1} + B_2 \frac{d \cdot M\Delta}{df_2} + \dots + B_n \frac{d \cdot M\Delta}{df_n} \\ = A_1 \frac{d \cdot M\Delta}{dx_1} + A_2 \frac{d \cdot M\Delta}{dx_2} + \dots + A_n \frac{d \cdot M\Delta}{dx_n};$$

складывая теперь послѣднее уравненіе съ предыдущимъ, помноженнымъ предварительно на M , мы очевидно получаемъ

$$(39) \quad \frac{d.M\Delta B_1}{df_1} + \frac{d.M\Delta B_2}{df_2} + \dots + \frac{d.M\Delta B_n}{df_n} \\ = \Delta \left(\frac{d.MA_1}{dx_1} + \frac{d.MA_2}{dx_2} + \dots + \frac{d.MA_n}{dx_n} \right).$$

Положимъ теперь, что мы имѣемъ $n - 2$, независяція другъ отъ друга, функции отъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n , напр. слѣдующія:

$$f_1, f_2, \dots, f_{n-2}$$

которые обращаютъ выраженіе:

$$A_1 \frac{df}{dx_1} + A_2 \frac{df}{dx_2} + \dots + A_n \frac{df}{dx_n},$$

будучи подставлены въ него вмѣсто f , въ нуль. Тогда-какъ извѣстно, уравненія:

$$(40) \quad f_1 = a_1, f_2 = a_2, \dots, f_{n-2} = a_{n-2}$$

суть не что иное, какъ интегралы совокупныхъ дифференціаль-ныхъ уравненій

$$(41) \quad \frac{dx_1}{A_1} = \frac{dx_2}{A_2} = \dots = \frac{dx_n}{A_n}.$$

Предполагая-же, что функции f_1, f_2, \dots, f_{n-2} , относительно которыхъ не сдѣлано никакихъ предположеній, равны соотвѣтственно функциямъ f_1, f_2, \dots, f_{n-2} , очевидно въ ур. (39), въ силу ур. (37), надо положить

$$B_1 = 0, B_2 = 0, \dots, B_{n-2} = 0$$

и такимъ-образомъ уравненіе это въ разсматриваемомъ случаѣ

$$\frac{d.M\Delta_1 B_{n-1}}{df_{n-1}} + \frac{d.M\Delta_1 B_n}{df_n} = \Delta_1 \left(\frac{d.MA_1}{dx_1} + \frac{d.MA_2}{dx_2} + \dots + \frac{d.MA_n}{dx_n} \right),$$

гдѣ:

$$\Delta_1 = \sum \pm \frac{dx_1}{df_1} \frac{dx_2}{df_2} \dots \frac{dx_{n-2}}{df_{n-2}} \frac{dx_{n-1}}{df_{n-1}} \frac{dx_n}{df_n}.$$

Опредѣляя теперь множитель M , остававшійся до-сихъ-поръ произвольнымъ, такимъ образомъ, чтобъ удовлетворялось дифференціальное уравненіе

$$(42) \quad \frac{d.MA_1}{dx_1} + \frac{d.MA_2}{dx_2} + \dots + \frac{d.MA_n}{dx_n} = 0,$$

мы очевидно для подобнаго значенія этого множителя находимъ:

$$\frac{d.M\Delta_1 B_{n-1}}{df_{n-1}} + \frac{d.M\Delta B_n}{df_n} = 0$$

т. е. что $M\Delta_1$ есть множитель способный обратить въ полный дифференціалъ первую часть уравненія

$$B_n df_{n-1} - B_{n-1} df_n = 0$$

каковы-бы ни были значенія функцій f_{n-1} и f_n , и, зависящихъ отъ нихъ, количествъ B_{n-1} и B_n . Полагая въ частномъ случаѣ:

$$f_{n-1} = x_{n-1} \quad \text{и} \quad f_n = x_n,$$

а слѣдовательно (см. ур. 37)

$$B_{n-1} = A_{n-1} \quad \text{и} \quad B_n = A_n,$$

мы такимъ-образомъ находимъ, что

$$M \sum \pm \frac{dx_1}{dt_1} \frac{dx_2}{dt_2} \dots \frac{dx_{n-2}}{dt_{n-2}},$$

гдѣ M опредѣлено изъ уравненія (42), есть множитель, обращающій въ полный дифференціалъ первую часть слѣдующаго уравненія:

$$(43) \quad A_n dx_{n-1} - A_{n-1} dx_n = 0,$$

такъ-что уравненіе

$$(44) \quad \int M \sum \pm \frac{dx_1}{dt_1} \frac{dx_2}{dt_2} \dots \frac{dx_{n-2}}{dt_{n-2}} (A_n dx_{n-1} - A_{n-1} dx_n) = C$$

гдѣ C произвольная постоянная величина, есть интеграль его. Но уравненіе (43), очевидно, можетъ быть представлено и въ слѣдующемъ видѣ:

$$\frac{dx_{n-1}}{A_{n-1}} = \frac{dx_n}{A_n},$$

въ которомъ оно встрѣчается между совокупными дифференціальными уравненіями (41), а поэтому уравненіе (44) или, что все равно, слѣдующее:

$$\int \frac{MA_n dx_{n-1} - MA_{n-1} dx_n}{\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_{n-2}}{dx_{n-2}}} = C$$

есть послѣдній изъ интеграловъ уравненій (41). Такимъ-образомъ мы видимъ, что, имѣя систему совокупныхъ линейныхъ дифференціальныхъ уравненій перваго порядка (41), и всѣ интегралы ихъ, кромѣ одного, мы всегда можемъ составить такое дифференціальное уравненіе въ частныхъ производныхъ (42), что каждый частный интеграль его непосредственно дастъ возможность найти а priori множитель, приводящій послѣднее интегрированіе къ квадратурѣ. Это свойство совокупныхъ линейныхъ дифференціальныхъ уравненій перваго порядка, открытое Якоби, названо послѣднимъ *началомъ послѣдняго множителя* (*).

§ 53. Заключение статьи нашей о функціональныхъ опредѣлителяхъ выводитъ уравненія, полезнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ при вычисленія подобнаго опредѣлителя.

Въ § 50 мы видѣли (см. ур. 36), что

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \sum \pm \frac{df_2}{dx_2} \frac{df_3}{dx_3} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

(*) См. С. G. J. *Jacobi* *Mathematische Werke*. Band. 1 s. 47. *Theoria novi multiplicatoris systemati aequationum differentialium vulgarium applicandi*; также *Journal de Mathematiques pures et appliquees* par J. *Louville*. Tome X (1845). *Sur le principe du dernier multiplicateur etc.* par *Jacobi*.

гдѣ мы $\frac{df_1}{dx_1}$ заключили въ скобки для того, чтобы означить, что прежде дифференсирования въ f_1 вмѣсто переменныхъ, x_2, x_3, \dots, x_n надо ввести другія, именно f_2, f_3, \dots, f_n .

Разсматривая теперь f_2, f_3, \dots, f_n , какъ функціи однѣхъ только переменныхъ x_2, x_3, \dots, x_n , очевидно, на основаніи того же уравненія

$$\sum \pm \frac{df_2}{dx_2} \frac{df_3}{dx_3} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \left(\frac{df_2}{dx_2} \right) \sum \pm \frac{df_3}{dx_3} \frac{df_4}{dx_4} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

гдѣ опять-таки скобками обозначается, что прежде дифференсирования въ функцію f_2 вмѣсто переменныхъ x_3, x_4, \dots, x_n введены функціи f_3, f_4, \dots, f_n . Такимъ-образѣмъ мы находимъ:

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \left(\frac{df_2}{dx_2} \right) \sum \pm \frac{df_3}{dx_3} \frac{df_4}{dx_4} \dots \frac{df_n}{dx_n},$$

гдѣ слѣдовательно f_1 разсматривается какъ функція отъ $x_1, f_2, f_3, \dots, f_n$; и f_2 какъ функція отъ $x_1, x_2, f_3, f_4, \dots, f_n$. Продолжая далѣе подобныя сужденія, мы очевидно найдемъ:

$$(45) \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \left(\frac{df_2}{dx_2} \right) \dots \left(\frac{df_n}{dx_n} \right),$$

гдѣ предполагается, что

f_1	выражено	чрезъ	$x_1, f_2, f_3, \dots, f_n$
f_2	»	»	$x_1, x_2, f_3, \dots, f_n$
f_3	»	»	$x_1, x_2, x_3, f_4, \dots, f_n$
.....		
f_i	»	»	$x_1, x_2, \dots, x_i, f_{i+1}, \dots, f_n$
.....		
f_n	»	»	$x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$

Отсюда вытекаетъ слѣдующая теорема

Теорема 43.

Если n данныхъ функцій f_1, f_2, \dots, f_n мы расположимъ и обозначимъ такимъ-образомъ, чтобы въ f_i входила переменная

x_1 , въ f_2 переменныя x_2 и т. д. наконецъ въ f_n переменная x_n ; если потомъ x_n представимъ въ видѣ функціи отъ $f_n, x_1, x_2, \dots, x_{n-1}$ и подставимъ это выраженіе въ функціи f_1, f_2, \dots, f_{n-1} ; если теперь уже представимъ x_{n-1} въ видѣ функціи отъ $f_{n-1}, f_n, x_1, x_2, \dots, x_{n-2}$ и это выраженіе подставимъ въ функціи f_1, f_2, \dots, f_{n-2} ; и если такимъ-образомъ будемъ продолжать до-тѣхъ-поръ, пока всѣ функціи f_1, f_2, \dots, f_n не будутъ представлены такимъ-образомъ, что послѣдовательно въ каждую функцію входятъ однимъ изъ количествъ x_1, x_2, \dots, x_n болѣе чѣмъ въ предыдущую функцію: то произведеніе частныхъ производныхъ такимъ-образомъ преобразованныхъ функцій

$$\left(\frac{df_1}{dx_1}\right)\left(\frac{df_2}{dx_2}\right)\dots\left(\frac{df_n}{dx_n}\right)$$

равняется функціональному опредѣлителю данныхъ функцій:

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

Послѣдняя теорема весьма хорошо объясняетъ двѣ, уже изъ прежде нами найденныхъ теоремъ, именно 31-ую и 32-ую.

Въ самомъ дѣлѣ, если опредѣлитель

$$\Sigma \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

тождественно исчезаетъ, то, въ-силу послѣдней теоремы нашей, одинъ изъ множителей произведенія

$$\left(\frac{df_1}{dx_1}\right)\left(\frac{df_2}{dx_2}\right)\dots\left(\frac{df_n}{dx_n}\right)$$

напр. $\left(\frac{df_i}{dx_i}\right)$ долженъ тождественно равняться нулю; это-же значитъ, что f_i , вслѣдствіе вышеобъясненнаго преобразованія, сдѣлалось независимымъ отъ переменной x_i .

Но въ этомъ случаѣ x_{i-1} , а слѣдовательно и f_{i-1} , выразимо посредствомъ $x_1, x_2, \dots, x_{i-2}, f_1, f_{i+1}, \dots, f_n$; т. е.

$$\left(\frac{df_{i-1}}{dx_{i-1}}\right)$$

тождественно равняется нулю. Точно такъ-же мы убѣдимся, что и

$$\left(\frac{df_{i-2}}{dx_{i-2}}\right)$$

въ разсматриваемомъ случаѣ должно исчезнуть, и продолжая подобное сужденіе далѣе, мы наконецъ найдемъ, что и

$$\left(\frac{df_1}{dx_1}\right)$$

тождественно равны нулю т. е. что f_1 выразиимо посредствомъ f_2, f_3, \dots, f_n , откуда непосредственно слѣдуетъ теорема 31^{aa}.

На-оборотъ, если функціи f_1, f_2, \dots, f_n завясятъ другъ отъ друга, и мы напр. имѣемъ

$$f_1 = F(f_2, f_3, \dots, f_n),$$

то очевидно, что

$$\left(\frac{df_1}{dx_1}\right) = 0,$$

а слѣдовательно и

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} = 0.$$

Въ этомъ-же состоитъ теорема 32^{aa}.

§ 54. Съ теоремою предыдущаго параграфа связана формула для преобразованія кратныхъ интеграловъ. Пусть данъ кратный интегралъ:

$$\int U df_1 df_2 \dots df_n,$$

гдѣ U есть данная функція отъ f_1, f_2, \dots, f_n .

Интегрированіе обыкновенно производится такъ, что послѣдовательно интегрируютъ въ-разсужденіи одной перемѣн-

ной, принимая другія за постоянныя, но такъ, что предѣлы этого интегрированія выражаются въ функціяхъ отъ остальныхъ переменныхъ.

Итакъ, если прежде всего будемъ интегрировать относительно f_1 , то предѣлы должны быть функція отъ $f_2, f_3 \dots f_n$. Нашедши такимъ-образомъ интегралъ, интегрируемъ относительно f_2 и за предѣлы принимаетъ извѣстныя функція отъ $f_3, f_4, \dots f_n$ и такъ далѣе до-тѣхъ-поръ, пока будемъ интегрировать относительно f_n , гдѣ уже предѣлы постоянные.

Относительно кратныхъ интеграловъ имѣетъ мѣсто теорема, по которой, если только функція U между предѣлами не обращается въ безконечность, можно какъ угодно измѣнять порядокъ интегрированія, измѣняя при этомъ приличнымъ образомъ предѣлы. При помощи этой теоремы, легко рѣшается вопросъ, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить подъ интегральнымъ знакомъ

произведение $df_1 df_2 \dots df_n$,

когда переменныя $f_1, f_2 \dots f_n$ желаемъ замѣнить другими.

Пусть первое интегрированіе производится относительно f_1 . Если вмѣсто этой переменной желаемъ ввести x_1 , то надо положить, что f_1 есть какая-либо функція отъ x_1 , которая можетъ заключать въ себѣ также и количества $f_2, f_3, \dots f_n$, принимаемые при первомъ интегрированіи за постоянныя. По этому, если интегрированіе должно быть произведено въ-разсужденіи x_1 , то на мѣсто df_1 надо поставить равнозначущее выраженіе

$$\left(\frac{df_1}{dx_1}\right) dx_1.$$

Такимъ-образомъ кратный интегралъ нашъ приметъ видъ

$$\int U \left(\frac{df_1}{dx_1}\right) dx_1 df_2 df_3 \dots df_n .$$

Если-же мы теперь переменимъ порядокъ интегрированія и будемъ сначала интегрировать не въ-разсужденіи x_1 , а въ-

разсужденія f_2 и вмѣсто этой переменнѣй захотимъ ввести другую — именно x_2 , то надо предположить, что f_2 есть нѣкоторая функція отъ x_2 , которая можетъ заключать въ себѣ также и количества $x_1, f_3, f_4, \dots, f_n$ принимаемые при интегрированіи за постоянныя. Такимъ-образомъ мы найдемъ:

$$\int U \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) dx_1 df_2 df_3 \dots df_n = \int U \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \left(\frac{df_2}{dx_2} \right) dx_1 dx_2 df_3 \dots df_n.$$

Переименуемъ опять порядокъ интегрированія и будемъ интегрировать не по x_2 , а по f_3 , вмѣсто которой введемъ новую переменную x_3 . Продолжая такимъ-образомъ, мы дойдемъ наконецъ до слѣдующаго выраженія для преобразованнаго интеграла:

$$\int U \left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \left(\frac{df_2}{dx_2} \right) \left(\frac{df_3}{dx_3} \right) \dots \left(\frac{df_n}{dx_n} \right) dx_1 dx_2 dx_3 \dots dx_n$$

въ этомъ-же выраженіи f_1 есть функція отъ $x_1, f_2, f_3, \dots, f_n$, далѣе f_2 — функція отъ $x_1, x_2, f_3, \dots, f_n$ и вообще f_i — функція отъ $x_1, x_2, \dots, x_i, f_{i+1}, \dots, f_n$ такъ что f_n — функція отъ всѣхъ новыхъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_n . Но, подставляя выраженіе f_n въ f_{n-1} ; выраженія f_n, f_{n-1} въ f_{n-2} ; выраженія f_n, f_{n-1}, f_{n-2} , въ f_{n-3} и т. д.; мы найдемъ, что всѣ функціи f_1, f_2, \dots, f_n выражаются посредствомъ однихъ только x_1, x_2, \dots, x_n .

Въ силу-же теоремы 43^а (см. § 53), определитель этихъ функцій

$$\sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n}$$

равенъ произведенію

$$\left(\frac{df_1}{dx_1} \right) \left(\frac{df_2}{dx_2} \right) \dots \left(\frac{df_n}{dx_n} \right);$$

Поэтому, если вмѣсто этого произведенія поставимъ въ кратный интегралъ нашъ определитель, то получимъ:

$$\int U df_1 df_2 \dots df_n = \int U \sum \pm \frac{df_1}{dx_1} \frac{df_2}{dx_2} \dots \frac{df_n}{dx_n} dx_1 dx_2 \dots dx_n,$$

т. е. общую формулу для преобразования кратных интеграловъ, которую въ первый разъ во всей ея общности вывелъ Якоби (*), но частные случаи которой для двухъ и трехъ переменныхъ уже раньше найдены были, Эйлеромъ и Лагранжемъ (**).

(*) См. мемуаръ: «De binis quibuslibet functionibus homogeneis secundi ordinis per substitutiones lineares in alias binas transformandis, quae solis quadraticis variabilium constant; una cum variis theorematibus de transformatione et determinatione integralium multiplicium» въ *Journal für die reine und angewandte Mathematik von A. L. Crelle*. Band XII s. 38.

(**) См. *Novi Commentarii Acad. Imp. Scient. Petropolitanae*. Tom XIV, pars prior (1759) p. 72. Мемуаръ Эйлера: «De formulis integralibus duplicatis»; и *Nouveaux Mémoires de l'Académie de Berlin*, année 1773 p. 121. Мемуаръ Лагранжа: «Sur l'Attraction des sphéroïdes elliptiques». Стр. 125.

ОБЪ УСТРОЙСТВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ И СОСТАВЛЕНИИ ИХЪ КАТАЛОГОВЪ.

*Посвящено г. директору Императорской публичной библіотеки
барону М. А. Корфу.*

Въ прошедшіе вѣка схоластическая ученость запутывала библіотеки въ такіе непроницаемые покровы системъ, что безъ хорошаго запаса библіографическихъ свѣдѣній нельзя было пользоваться библіотекою. Старые библіотекари говаривали, а нѣкоторые и теперь еще повторяютъ, что если въ библіотеку является человѣкъ, не знающій литературы того предмета, который его интересуеть, то библіотекарю не слѣдуетъ заниматься такимъ человѣкомъ. Въ новѣйшее время иначе смотрятъ на существованіе и употребленіе общественныхъ библіотекъ: ихъ стараются дѣлать пріютомъ для всѣхъ ищущихъ свѣдѣній, а не таинственнымъ святилищемъ науки, какъ бывало прежде. Если въ библіотеку, устроенную по новому способу, является кто нибудь не ученый, но имѣющій нужду въ справкѣ или свѣдѣніи, то отъ него не потребуютъ, какъ въ старину, предварительныхъ библіографическихъ познаній, а раскроютъ въ великой книгѣ науки именно ту страницу, на которой находится разрѣшеніе требуемаго вопроса. Новый порядокъ представляетъ все способы изучать литературу любого предмета такъ, какъ изучается не знакомая намъ мѣстность, въ которую мы бываемъ заброшены обстоятельствами для жизни и дѣйствія: это дѣлаетъ

ся не преднамѣренно, а узнается неизбежно среди жизни и дѣйствій, направленныхъ къ иной цѣли.

Преобразование общественныхъ библиотекъ началось, впрочемъ, очень еще недавно и далеко не сдѣлалось общимъ. Въ наше еще время многіе считаютъ ту библиотечку хорошо устроенною, въ которой есть библиотечарь, обладающій способностью помнить, гдѣ какая книга стоитъ, или, говоря по-Нѣмецки, имѣющій память мѣстности (Localgedächtniss). Такое состояніе библиотечки можно назвать даже цвѣтущимъ, но его нельзя не признать переходящимъ. Если библиотечарь почему-нибудь перестанетъ приходить въ библиотечку, то сокровища ея останутся неизвѣстными для посѣтителей, а чтобы создать новаго всезнающаго библиотечара, нужны многіе годы. Понятіе о порядкѣ библиотечки, въ-отношеніи къ посѣтителямъ, заставляетъ желать чего-то лучшаго. Зависимость отъ библиотечара, съ его тѣсною памятью, не можетъ удовлетворить ненасытности ума, ищущаго свѣдѣній. Ему желательно взять библиотечку, еслибы можно было, въ руки, раскрыть, пересмотрѣть и усвоить себѣ все, что въ ней есть. Желаніе это кажется слишкомъ необузданнымъ, но оно простиительно и даже весьма позволительно просвѣщенному человѣку. Обязанность библиотечара въ-отношеніи къ посѣтителю библиотечки заключается не въ томъ только, чтобы отыскивать тѣ книги, которыя у него спрашиваютъ; онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы библиотечку его можно было разсматривать, какъ одну книгу, и видѣть все, что въ ней есть по каждому предмету знаній.

Надъ устройствомъ библиотекъ работало много ученыхъ и продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ; но всѣ ученые сдѣлали очень много для библиографіи и почти ничего для порядка библиотекъ. Систематическое распредѣленіе книгъ было общемо исходною точкою у всѣхъ писавшихъ объ устройствѣ библиотекъ, и, вслѣдствіе того, каждый хлопоталъ объ изобрѣтеніи лучшей научной системы въ разстановкѣ книгъ. Въ новѣйшее только время стали разсматривать порядокъ библиотекъ съ другой точки

и открыли такіе простые способы, при которыхъ безъ труда можно видѣть въ стройномъ порядкѣ всѣ богатства, хранящіяся въ громаднѣйшихъ собраніяхъ самыхъ большихъ библиотекъ. Для этого не нужно лазить по шкафамъ, перебирать книгу за книгою и глотать вѣковую пыль. Способы эти просты и незатѣйливы, а между-тѣмъ они даютъ возможность, сидя покойно за письменнымъ столомъ, знакомиться со всѣмъ, что есть въ библиотекѣ, вызывать къ себѣ все, отъ толстаго фолианта до мелкой брошюры, и все это дѣлать безъ библиотекаря, который, какою-бы онъ ни обладалъ ученостью, можетъ иногда грѣшить не менѣе невѣжды.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ РАЗМѢЩЕНІИ БИБЛИОТЕКЪ.

Въ старой разстановкѣ книгъ есть два порядка: систематическій и алфавитный. Въ библиотекѣ, разставленной систематически, книги раздѣлены прежде по наукамъ, потомъ по отраслямъ наукъ, и наконецъ по спеціальнымъ предметамъ каждой отрасли. Книги каждаго предмета собираются въ одно мѣсто и ставятся отдѣльною группою, напримѣръ: въ отдѣленіи врачебныхъ наукъ вы встрѣтите вмѣстѣ всѣ книги о глазныхъ болѣзняхъ; въ языкованіи—всѣ пособія къ изученію языка Латинскаго; въ исторіи—все, что касается до крестовыхъ походовъ и т. под. Такое раздѣленіе общааетъ, повидимому, важное удобство всякому приходящему трудиться въ библиотекѣ. По какому-бы предмету онъ ни спросилъ пособій, библиотекаръ можетъ тотчасъ указать ему требуемый отдѣлъ. Это такой результатъ порядка, что казалось-бы лучшаго и желать нельзя; но онъ такъ блестящъ только въ теоріи, а въ примѣненіи къ дѣлу, рядомъ съ этимъ результатомъ, являются нѣкоторыя неудобства, помрачающія этотъ блескъ.

Есть много библиотекъ, разставленныхъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ — это фактъ; но можно-ли положительно сказать, что въ каждомъ отдѣлѣ соимѣщено все безъ исключенія, что библиотека имѣетъ по тому предмету, которому

посвященъ отдѣлг. Напримѣръ: пойдёмъ въ отдѣленіе исторіи, отыщемъ этнографію и пересмотримъ все, что тамъ есть о древнихъ народахъ. Между разнообразнымъ и очень богатымъ собраніемъ книгъ мы находимъ монографіи о музыкѣ Индусовъ, о богослуженіи и обрядахъ Персовъ и т. под. Тутъ мы видимъ ноты, рисунки музыкальныхъ инструментовъ, изображенія идоловъ, утварь, оружіе и проч.—однимъ словомъ отдѣлг богатѣй. Нельзя-же намъ пересмотрѣть всю библиотечку, чтобъ удостовѣриться: не найдется-ли въ другихъ отдѣлахъ чего-нибудь очень дѣльнаго и замѣчательнаго, относящагося къ этнографіи древнихъ. Зная, что библиотечка разставлена людьми учеными, мы имѣемъ полное право, мы даже обязаны вѣрить, что они не поставили между грамматиками книгу, относящуюся къ этнографіи древнихъ. Въ то-же самое время, когда мы любовались богатствомъ отдѣла этнографіи, явились въ другое отдѣленіе библиотечки двое другихъ посѣтителей и потребовали: одинъ—исторію музыки, а другой—костюмовъ для картины, которой сюжетъ взять изъ исторіи Персовъ. Имъ очень радушно предлагаютъ пересмотрѣть въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ подраздѣленія: исторію музыки и собранія костюмовъ. Первому изъ нихъ остаются неизвѣстными монографіи о музыкѣ Индусовъ, которыя мы видѣли въ историческомъ отдѣленіи, а другой между костюмами находитъ не ученыя археологическія изслѣдованія, которыя именно ему нужны для обработки его сюжета, а художественные, полные граціи и невѣрностей рисунки, которыхъ ему должно избѣгать. Нельзя-же каждому изъ этихъ посѣтителей дать по одному ученому библиотечкару, который указывалъ-бы имъ, гдѣ и какъ чего нужно искать. Но если разсмотрѣть дѣло съ другой стороны, нельзя также не поискать средствъ, какъ-бы удовлетворить въ одно время всѣхъ требователей вмѣстѣ. Мы видѣли, что для каждаго изъ нихъ въ библиотекѣ есть все, что имъ нужно; остается только сдѣлать такъ, чтобы археологъ и художникъ могли узнать о томъ, что есть. Если мы перенесемъ книгу о музыкѣ древнихъ въ отдѣленіе

искусствъ, то этнографія потеряетъ изъ своей литературы хорошую книгу; если-же оставимъ такъ, какъ есть, то исторія музыки не будетъ полна. Нужно замѣтить, что приведенный здѣсь примѣръ не есть рѣдкость: много и очень много книгъ въ каждой библиотекѣ требуютъ въ систематическомъ раздѣленіи двухъ, трехъ и болѣе мѣстъ. Примѣръ этотъ не можетъ однакожь не дать повода къ нѣкоторому сомнѣнію, что этнографія также, можетъ быть, не совмѣщаетъ всего, что библиотека имѣетъ по этому предмету. Еслибы можно было въ короткое время пересмотрѣть всю библиотеку, то очень можетъ быть, что отдѣлъ этнографіи, котораго богатствомъ мы любовались, дополнился-бы значительно, хотя тоже въ-ущербъ другимъ, не менѣе важнымъ отдѣламъ. Такая неполнота отдѣловъ, очевидно, можетъ во многомъ обмануть ожиданія самаго опытнаго розыскателя, а чтобы вовлечь въ заблужденіе человѣка неопытнаго, то лучшаго средства нельзя придумать, какъ разставить книги въ систематическомъ порядкѣ.

Слово *смѣсь* представляетъ понятіе о хаосѣ или безпорядкѣ. Рѣдкое отдѣленіе систематически-разставленной библиотеки не имѣетъ отдѣла, носящаго это названіе. Какимъ-бы предметомъ вы ни занялись въ библиотекѣ, разставленной систематически, вы непременно встрѣтите *смѣсь*. Смѣсь — это колодезь, въ который падаетъ все неопредѣленное: туда идутъ книги, трактующія о разныхъ предметахъ совокупно, туда-же сваливаются тѣ сочиненія, которыя родятся, такъ-сказать, на рубежѣ наукъ, и не могутъ быть положительно отнесены ни къ одному изъ смежныхъ отдѣловъ. Для библиотекаря, размѣщающаго книги по системѣ, смѣсь есть убѣжище при затруднительной встрѣчѣ съ книгою неопредѣленнаго содержанія, — убѣжище крайне необходимое, потому-что затруднительныя встрѣчи бывають нерѣдко. Онъ отъ отцовъ своихъ наслѣдовалъ убѣжденіе, что библиотека не можетъ быть разставлена иначе, какъ въ систематическомъ порядкѣ; но что ему дѣлать съ книгою, которая не подходитъ положительно ни къ одному отдѣлу

его системы? Онъ ставитъ ее въ смѣсь, увлекаемый желаніемъ отдѣлаться отъ книги, затруднившей его. Поставивъ книгу въ смѣсь, библиотекарь отдѣлался отъ нея, но что будетъ дѣлать съ самою смѣсью ученый розыскатель. Названіе отдѣла выражаетъ ему необходимость просмотрѣть весь отдѣлъ, просмотрѣть часто для того, чтобъ не встрѣтить ничего нужнаго. Однимъ словомъ, какъ ни разсматривайте смѣсь, въ ней вы не увидите ничего, кромѣ средства, служащаго библиотекарю для разрѣшенія вопросовъ неразрѣшимыхъ. Другаго назначенія смѣсь не представляетъ.

Дѣльные библиотекари стараются, конечно, относить къ смѣси какъ можно меньше книгъ; но усилія, которыя они при этомъ дѣлаютъ, верѣдко заводятъ книги въ лабиринтъ системы въ такой темный уголъ, что самимъ-же библиотекарямъ иногда не придетъ въ голову тамъ ихъ отыскивать. Есть множество сочиненій, которыя могутъ быть помѣщены въ двухъ-трехъ отдѣлахъ систематическаго распредѣленія, и тотъ-же библиотекарь, который отнесетъ книгу сегодня къ одному отдѣлу, чрезъ нѣсколько времени замѣтивъ ее тамъ, удивляется, почему онъ не отнесъ ее къ другому. Эти измѣненія взгляда естественны какъ нельзя болѣе, если содержаніе книги многостороннее.

Извѣстно, что въ библиотекахъ окончательно-устроенныхъ и описанныхъ, книги бывають всегда перенумерованы. Какъ онѣ должны быть перенумерованы—объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; а теперь посмотримъ, что случается съ нумераціею книгъ въ-отношеніи къ систематической разстановкѣ. Если въ библиотеку вступаютъ такія книги, которыя по содержанію своему должны занять въ системѣ мѣсто между номерами 501 и 502, то находчивый библиотекарь прибѣгаетъ къ дополненію номеровъ буквами и нумеруетъ новыя книги такъ: 501 *a*, 501 *b*, 501 *c* и т. д. Находчивость похвальная, но библиотека продолжаетъ существовать и расти. Проходитъ нѣсколько лѣтъ и въ нее вступаютъ такія книги, которыя нужно поставить между № 501 *c* и 501 *d*; библиотекарь прибѣгаетъ

къ тому-же средству и на новой книгѣ пишеть 501 *се*; но тутъ онъ начинаетъ опасаться, что на это-же мѣсто явятся еще когда-нибудь книги, и на нихъ придется можетъ быть поставить 501 *сссе* и еще и этого не будетъ достаточно. Такая изуродованная нумерація, существующая не въ одной библіотекѣ Европы, подала любителямъ систематической разстановки мысль дѣлать изъ буквъ такую-же перестановку, какая дѣлается изъ цифръ, и прибавлять ихъ къ номерамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 501 *а*, 501 *ав*, 501 *ас* и т. д. Со временемъ, когда вся азбука израсходуется на одинъ номеръ, то продолжать такъ 501 *аа*, 501 *аав*, 501 *аас* потомъ 501 *аба*, 501 *абб*, 501 *абс* и т. д. Способъ этотъ очень простъ и удобовосполнимъ, но виѣоть съ тѣмъ до крайности не хорошъ и неудобенъ. Какъ записывать книги съ такими номерами въ инвентарь? Можетъ-ли библіотекаръ замѣтить отсутствіе книги съ послѣдними прибавочными буквами какого-нибудь номера? Еслибы эта послѣдняя книга находилась долгое время въ чтеніи, а между-тѣмъ въ библіотеку вступило-бы такое сочиненіе, которое по содержанію должно было-бы занять мѣсто возлѣ нее, то весьма легко можетъ случиться, что вступившее сочиненіе получить тотъ-же номеръ, который находится на отсутствующей книгѣ и тогда подъ однимъ и тѣмъ-же номеромъ будутъ считаться двѣ книги. Въ нумерація книгъ, поставленныхъ въ систематическомъ порядкѣ, продѣлки эти не только возможны, но даже неизбежны.

Прибывающія въ библіотеку книги производятъ въ систематической разстановкѣ еще другаго рода затрудненія. Въ которомъ-нибудь изъ отдѣловъ бываетъ недостаточно мѣста, чтобъ воставить все вновь воступившее. При первоначальной разстановкѣ противъ такихъ случайностей принимаются, конечно, мѣры: въ каждомъ отдѣлѣ оставляется значительная пустота; но какъ-бы ни было велико оставленное въ запасѣ мѣсто, оно въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ можетъ быть занято въ самое короткое время. Слѣдствіемъ этого бываетъ перемѣщеніе цѣлыхъ отдѣловъ, передвиганіе книгъ, порча переплетовъ и все

то, что можно назвать очевиднымъ вредомъ библиотекъ, со стороны сохранности экземпляровъ.

Бываютъ книги, и въ-особенности старыя, въ прочныхъ и даже красивыхъ, въ своемъ родѣ, переплетахъ, которыя вмѣщаются въ себѣ по нѣскольку часто совершенно разнородныхъ сочиненій. Куда дѣвать такія книги при систематической разстановкѣ? Ужели для того только, чтобы разъединить брошюры и разставить ихъ по системѣ, библиофилъ подниметь ножъ на памятникъ стариннаго переплетнаго искусства и разрѣжетъ переплетъ, котораго въ наше время не сдумѣють сдѣлать? Библиотекарь слабаго характера вспомнить объ отрадной смѣси и опустить туда какъ въ Лету и старинный переплетъ и все, что въ немъ влетено, хотя-бы каждая брошюра порознь могла безукоризненно занять мѣсто въ отведенныхъ и украшенныхъ надписями отдѣлахъ; но фанатикъ систематическаго порядка кладовокровоно разрѣжетъ и старинный, и даже самый богатый новый переплетъ и принесетъ его въ жертву системѣ, которую преемникъ его назоветъ нелѣпою, и—чего добраго—быть можетъ, будетъ правъ.

Довольно-бы уже о систематическомъ порядкѣ; но для большей вѣрности картины можно прибавить еще одну черту.

Если, принявъ за основаніе самую простую систему, мы раздѣлимъ по ней библиотеку, то получимъ, приблизительно, сто отдѣловъ. Книги выходятъ въ свѣтъ въ различныхъ форматахъ, отъ большаго фоліанта до крошечнаго in-32. Онѣ выходятъ также и толстыми томами и брошюрами вполонну печатнаго листа. Размѣщая отдѣлы на полкахъ, нельзя-же поставить фоліантъ рядомъ съ брошюрою или книжкой въ 12-ю долю листа; форматы раздѣлить необходимо и по причинѣ разности ихъ величины и главное потому, что (такъ говорятъ послѣдователи рутинны) во всѣхъ лучшихъ библиотекахъ Европы книги раздѣлены на форматы. И такъ, раздѣливъ книги на три главные формата: in fol. in-4° и in-8°, изъ ста отдѣловъ системы мы получимъ триста отдѣловъ книгъ. Зная твердо

мѣста, гдѣ стоятъ всѣ эти отдѣлы, книгу найти можно, хотя съ нѣкоторою потерей времени; но, не зная твердо топографіи библиотеки, нужно совершить подвигъ, чтобы найти книгу. Мало этого. Когда въ книгѣ минуетъ надобность, бібліотекаря предстоитъ удовольствіе возвратить ее на мѣсто, и этого онъ не можетъ и не долженъ довѣрять никому. Онъ самъ долженъ исполнить совѣстливо эту чисто-механическую обязанность, если онъ дорожитъ порядкомъ. Онъ долженъ бросить полезную, можетъ быть, для науки работу и пойти отыскать мѣсто, откуда книга взята и поставить ее такъ, чтобы имѣть вѣдомъ возможность снова, хотя и съ напряженнымъ вниманіемъ, ее найти.

Представляя необходимость изучить топографію бібліотеки, мы опредѣлили въ систематическомъ порядкѣ приблизительно сто отдѣловъ. Это дѣйствительно такъ, если дѣло идетъ о бібліотекѣ не большой; но въ бібліотекахъ большихъ, гдѣ красуются сотни тысячъ томовъ, количество отдѣловъ систематическаго распредѣленія заходитъ далеко и очень далеко за тысячи, даже безъ раздѣленія форматовъ (*).

Существованіе бібліотекъ, разставленныхъ въ систематическомъ порядкѣ, фактически доказываетъ возможность этого порядка; но все сказанное выше достаточно, кажется, объясняетъ, что на полкахъ порядокъ этотъ не можетъ быть точенъ и удовлетворителенъ для изыскателя, а сопутствующія этому порядку условія, по-времени, запутываютъ его и наконецъ превращаютъ въ совершенный хаосъ. Между-тѣмъ подробное до возможности систематическое раздѣленіе есть первѣйшая необходимость большой бібліотеки. Безъ этого раздѣленія она, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ даже называться бібліотекою: она ничѣмъ не отличается отъ простой лавки книгопродавца, гдѣ заглавія по каталогамъ не считаются десятнами тысячъ и почти всѣ живутъ въ памяти торговца. Бібліотекари сознаютъ эту истину и, раздѣляя книги по системѣ, стараются избѣгнуть

(*) Шленермахеръ въ сочиненіи своемъ: Bibliographisches System der gesamten Wissenschaftskunde предлагать болѣе 12,000 подраздѣленій.

заслуженнаго упрека; но, къ-сожалѣнію, они смотрятъ на книги не съ той точки, какъ-бы слѣдовало, и никакъ не могутъ попасть на дорогу, которая могла-бы привести ихъ скорѣе и ближе къ желаемой цѣли. Поставить книги въ систематическомъ порядкѣ возможно и понятіе о систематическомъ порядкѣ представляетъ намъ удивительнѣйшія удобства; но мы видѣли, что многія книги должны быть относимы къ нѣсколькимъ отдѣламъ, и убѣдились, что систематическая разстановка прекрасна съ одной стороны и не удовлетворительна съ другой; мы видѣли, что приращенія библіотеки и нумерація представляютъ непреодолимые препятствія въ поддержаніи этого порядка и убѣдились, что порядокъ этотъ, введенный однажды, не можетъ быть продолжаемъ и поддерживаемъ *остада*. Намъ нельзя забывать, что библіотека большая, монументальная не есть собственность одного лица, которое можетъ мѣнять въ ней порядокъ по своему усмотрѣнію, даже продать или промѣнять ее на фабрику или плантацію. Подобныя библіотеки принадлежатъ обществу, цѣлой націи, онѣ предназначены существовать ряды вѣковъ и постепенно расти, дѣлаться вдвое, втрое, вдесятеро больше. Въ такихъ библіотекахъ систематическій порядокъ на полкахъ рѣшительно не возможенъ, между-тѣмъ-какъ контроль, въ видахъ сохраненія общественной собственности, есть необходимѣйшее условіе.

Ознакомясь съ порядкомъ систематическимъ, перейдемъ къ порядку азбучному, который состоитъ въ слѣдующемъ: вся библіотека раздѣляется на главные отдѣлы по наукамъ безъ мелкихъ подраздѣленій, потомъ на три главные формата и каждый форматъ ставится на полкахъ въ порядкѣ азбучномъ по именамъ авторовъ или, если авторъ не извѣстенъ, то по первому существительному имени въ текстѣ заглавія. Въ этомъ порядкѣ нѣтъ притязанія на научное значеніе: онъ служитъ только средствомъ къ отыскиванію книгъ, не болѣе; но онъ неразлученъ съ тѣми же неудобствами, о которыхъ было говорено при описаніи систематической разстановки, а именно: 1) невозможность нумераціи, а за

нею и повѣрки налѣчныхъ книгъ; 2) помѣщеніе книгъ вновь поступающихъ; 3) брошюры разныхъ авторовъ, переплетенныя вмѣстѣ, и 4) неизбежное смѣшеніе величинъ книгъ и происходящая отъ того потеря мѣста между полками. Кроме-того, азбучный порядокъ не представляетъ возможности удовлетворить требованіямъ въ такихъ случаяхъ, когда книга хотя и названа требователемъ, но онъ не припомнитъ имени автора, или назоветъ его не точно, напримѣръ, вмѣсто Le Mercier онъ скажетъ Mercier и т. п. Наконецъ орфографія собственныхъ именъ на разныхъ языкахъ и даже на одномъ и томъ-же бываетъ такъ разнообразна, что книги съ однимъ и тѣмъ-же именемъ автора отдаются одна отъ другой на значительныя пространства азбучнаго порядка. Напримѣръ: Mayer, Maier, Meyer, Meier, Puschkin, Pouchkine, Puszkin, Pooshkeen, Pusjkin, Wójcicki, Wóycicki и т. д. Въ каталогъ все это можно связать ссылками (referata), а на полкахъ ссылки невозможны.

Изъ этого видно, что азбучный порядокъ, при всей незамѣлливости своей, такъ-же затруднителенъ, какъ и систематическій. Отыскиваніе книгъ по азбучному порядку нѣсколько легче, если имя автора опредѣлено точно; но все-же отыскиваніе есть трудъ и трудъ чисто-механическій, вовсе не приличный просвѣщенному человѣку. Справедливо-ли заставлять ученаго человѣка лазить по шаткимъ приставнымъ лѣстницамъ, изнуряться физически и тратить время, изъ котораго, при своихъ познаніяхъ, онъ могъ-бы сдѣлать гораздо лучшее употребленіе на пользу библіотеки. Кто не былъ библіотекаремъ такой библіотеки, которую посѣщаютъ не простые любители чтенія, а изыскатели, требующіе много книгъ вмѣстѣ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о тяжести и невыносимости труда искать книги. Одну книгу, даже пять книгъ можно отыскать безъ большой скуки; но когда къ библіотекарю являются вдругъ нѣсколько весьма порядочныхъ людей и каждый изъ нихъ проситъ по нѣскольку сочиненій, тогда положеніе его дѣлается жалкимъ, даже униженнымъ. Онъ принужденъ предаваться

гимнастическимъ упражненіямъ долго, очень долго и при постороннихъ свидѣтеляхъ. Приставлятъ то къ тому то къ другому мѣсту лѣстницу, взбираться по ней до верхнихъ полокъ, искать тамъ книгъ, не находить ихъ, переставлять лѣстницу и опять взбираться—есть-ли это дѣло ученаго человѣка? Но какъ же поступать иначе, когда нужно искать книгу, которой мѣсто остается неизвѣстнымъ потому только, что оно не указано ей мыслящимъ человѣкомъ, а выбрано ею самою, или по содержанію ея, или по имени автора?

Ученые, занимавшіеся устройствомъ библиотекъ, много хлопотали надъ изобрѣтеніемъ лучшаго порядка разстановки книгъ; строили и перестраивали теоріи и системы, не замѣчая того, что ихъ сбиваетъ съ прямого пути только невѣрный взглядъ на значеніе книгъ въ библиотекѣ. Въ понятіи ихъ книга, какъ результатъ умственной дѣятельности, была всегда чѣмъ-то живымъ и мыслящимъ, между-тѣмъ какъ книга есть одно отраженіе жизни и мысли. Они никакъ не могли отрѣшиться отъ этого воззрѣнія и замѣтить разницу между книгою читаемою и книгою хранимою. Шреттингеръ, библиотечаръ Мюнхенской королевской библиотекы, первый увидѣлъ это двоякое значеніе книги, и первый примѣнилъ мысль свою къ дѣлу. Само собою разумѣется, что онъ и довѣренная ему часть библиотекы много отъ этого выиграли; но поборники старинной рутинны готовы были побить каменіемъ такого отступника отъ порядковъ, освященныхъ временемъ и долговременнымъ употребленіемъ. Книга его «*Versuch eines vollständigen Lehrbuchs der Bibliothek-Wissenschaft*» вызвала, между прочимъ, любопытную, статью помѣщенную въ *Jenaische allgemeine Litteratur-Zeitung* 1821. № 70 и 71, подписанную буквами S. F. Придирчивый до крайности авторъ статьи этой не сказалъ ничего поучительнаго, и прибѣгалъ къ самымъ отчаяннымъ парадоксамъ, чтобы отнять у Шреттингера честь изобрѣтенія новаго порядка, за который многіе теперь ему благодарны. Въ критикѣ этой сказано все, что могъ сказать поборникъ систематической разстановки книгъ.

Чтобы разгромить порядокъ, предложенный Шреттингеромъ, критикъ не забылъ ни одного возраженія, которое могла изобрѣсти гибкость его ума, хотя-бы во вредъ здравому смыслу. Приведемъ самые сильные доводы этой критики: они довольно любопытны.

Въ критикѣ не одобряется, во-первыхъ, то, что Шреттингеръ, для поддержанія своей методы, прибѣгаетъ къ ничтожной формальности (Formalität) (?) и скорое отыскиваніе книгъ считаетъ первымъ условіемъ порядка библіотеки. Трудно понять, зачѣмъ здѣсь употреблено слово формальность. Скорое отыскиваніе книгъ есть вовсе не формальность, а дѣйствительно первое условіе порядка библіотеки,—условіе, котораго посѣтителю библіотекъ всегда требуютъ и имѣютъ полное право требовать отъ библіотекарей. Называть это условіе формальностью и укорять въ ней Шреттингера есть предпріятіе смѣлое, доказывающее, что критикъ не былъ знакомъ съ тѣми господами, которые посѣщаютъ библіотеки, требуютъ у библіотекарей книгъ, ожидаютъ долго, очень долго и наконецъ получаютъ въискорбное и лаконическое: «нѣтъ книги». Армія этихъ господъ, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, страшна числомъ и составлена изъ людей по преимуществу весьма образованныхъ и мыслящихъ. Можно сказать, что большая часть этой арміи сформирована двумя способами: *систематическимъ* и *азбучнымъ*. Библіотеки, устроенныя по методѣ Шреттингера, не дадутъ никому оружія противъ себя. Всякій, кто въ такихъ библіотекахъ спрашиваетъ книгу, можетъ лично удостовѣриться, если пожелаетъ, есть-ли то, чего онъ спрашиваетъ или что есть въ томъ-же родѣ.

Далѣе критикъ говоритъ, что путь, указываемый Шреттингеромъ, не есть новостъ, а между-тѣмъ самъ воздерживается указать, гдѣ онъ видѣлъ этотъ путь. Осторожность критика въ этомъ случаѣ весьма естественна: нельзя указать на то, что не существуетъ.

Наконецъ метода Шреттингера окончательно поражается слѣдующими словами: выбросьте изъ такой библіотеки каталогъ

и она сдѣлается негодною къ употребленію (unbrauchbar). Это справедливо до нѣкоторой и весьма незначительной степени; но совершенно справедливо было-бы, еслибъ критикъ сказалъ такъ: сожгите домъ, въ которомъ хранится библіотека, и вы не увидите больше библіотеки. Можно-ли опасаться, чтобъ кому-нибудь пришла въ голову мысль *выбросить* каталогъ изъ библіотеки? Если опасаться такого необычайнаго случая, то слѣдуетъ прежде всего вывести изъ употребленія замки, и въ-особенности хорошіе замки, за которыми хранятся сокровища. Возможность лишиться ключа извѣстна всѣмъ богачамъ, но они замыкають свои сокровища и прехладнокровно кладуть ключъ въ свой прочный карманъ.

Знаменитый библіографъ Эбертъ, въ сочиненіи своемъ: «Die Bildung des Bibliothekars», отзывается съ похвалою о книгѣ Шреггингера, но самъ проповѣдуетъ старое ученіе и это тѣмъ прискорбнѣе, что Эбертъ, нашъ современникъ, смотритъ на порядокъ библіотекъ сквозь призму средневѣковой схоластики. Исчисляя качества хорошаго библіотекаря, г. Эбертъ между прочимъ говоритъ, что библіотекарю необходимо имѣть отличную память мѣстности (Localgedächtniss), а если для отысканія книги онъ заглядываетъ въ каталогъ, то онъ истинно-достойный сожалѣнія человекъ (für wahr ein sehr beklagenwerther Mann!). Изрѣченіе это, принадлежащее ученѣйшему мужу нашего времени, не можетъ, дѣйствительно, не возбудить сожалѣнія въ тѣхъ людяхъ, которые сами лично не искали книгъ въ большихъ библіотекахъ; но, въ приложеніи къ дѣлу, изрѣченіе это вызываетъ слѣдующія размышленія.

Много есть вещей на свѣтѣ прекрасныхъ въ идеѣ, и невозможныхъ въ дѣйствительности. Библіотекарь, объемлющій памятью всѣ книги своей библіотеки, есть идея дивная, но, къ сожалѣнію, не существующая. Нѣтъ также и такого библіотекаря, который, пробывъ нѣсколько лѣтъ при библіотекѣ, не удержалъ-бы въ памяти множества книгъ. Если нельзя не знать и не помнить того, что нѣсколько разъ побываетъ въ рукахъ,

то нѣтъ однакожь возможности помнить все, наприимѣръ всѣ брошюры, которыхъ бездна во всякой библіотекѣ и которыя, для ученыхъ работъ, важны точно такъ-же, какъ и самыя толстыя книги. Чтобъ достать брошюру, необходимо иногда заглянуть въ каталогъ и сдѣлаться (по Эберту) весьма достойнымъ сожалѣнія человекомъ. Если библіотекаръ знаетъ всѣ свои книги, это не значитъ, что онъ ихъ помнитъ. Опытный библіографъ, не будучи библіотекаремъ, также знаетъ всѣ сколько-нибудь замѣчательныя книги. Съ этимъ знаніемъ, весьма впрочемъ завиднымъ, библіотекаръ полезенъ только тогда, когда у него спрашиваютъ извѣстную книгу. Въ этомъ случаѣ онъ полезенъ совершенно; но когда нужно собрать въ библіотекѣ всѣ свѣдѣнія по одному специальному предмету, всезнающій библіотекаръ полезенъ только до извѣстной степени, и далеко не такъ полезенъ, какъ хорошій систематическій каталогъ. Если желающій видѣть книгу спрашиваетъ ее, то въ дѣйствіи библіотекаря онъ не видитъ и не чувствуетъ существенной разницы: пойдетъ-ли тотъ прямо къ шкафу и достанетъ книгу, или прежде заглянетъ въ каталогъ и потомъ пойдетъ къ шкафу. Ученый, являющійся въ библіотеку для изысканій, желаетъ видѣть не одну извѣстную книгу, а *все*, относящаяся до его предмета. Библіотекаръ покажетъ ему прежде всего требуемый отдѣлъ и сверхъ того, вооруженный памятью, достанетъ изъ другихъ отдѣловъ еще *множество* книгъ, въ которыхъ онъ предполагаетъ найти что-нибудь вспомогательное къ требуемому предмету. Мы говоримъ: онъ доставитъ *множество*, но не скажемъ, что онъ доставитъ *все*, что нужно и что у него есть: потому-что, хотя онъ *знаетъ* все, но не *помнитъ* т. е. не *можетъ вспомнить* всего въ тотъ моментъ, когда вопросъ ему предложенъ. Можно-ли рассчитывать, что память наша скажетъ вдругъ все, что намъ нужно? Продолжая думать объ одномъ и томъ-же предметѣ, библіотекаръ вспомнитъ и то и другое, чего на первый разъ память ему не сказала, но сколько-бы онъ ни думалъ, онъ никакъ не припомнитъ *все*. Нельзя забывать также, что

процессъ припоминанія требуетъ времени, и библіотекаръ, предаваясь этому упражненію, заставитъ, можетъ быть, ждать другихъ требователей. Не лучше-ли было-бы, если-бы, не подвергая своей памяти истязаніямъ, библіотекаръ, по первому вопросу ученаго, предложилъ ему извѣстную часть систематическаго каталога, а самъ занялся-бы чѣмъ-нибудь существенно-полезнымъ библіотекѣ. Ученый по каталогу самъ увидѣлъ-бы всю библіотеку въ миниатюрѣ и, при помощи каталога, пересмотрѣлъ-бы все, что ему нужно до малѣйшей брошюры. Онъ, конечно, лишился-бы случая подивиться памяти библіотекаря, но предметъ его ничего отъ того не потерялъ-бы. Наконецъ, когда руководимый каталогомъ онъ просмотритъ и узнаетъ все, что ему нужно, потрудитесь спросить у него: полезно-ли ему, что библіотекаръ знаетъ все, что есть въ библіотекѣ, и будьте увѣрены, что вамъ не трудно будетъ угадать его отвѣтъ. Размышляя о судьбахъ библіотеки, не имѣющей хорошихъ каталоговъ и завѣдываемой библіотекаремъ, знающимъ ее отлично, нельзя не потревожиться, подумавъ, что станется съ нею тогда, когда библіотекаръ, по непреложному закону природы, перестанетъ быть въ ней.

Всѣ эти размышленія приводятъ къ заключенію, что память мѣстности есть великое достоинство библіотекаря, но хорошій каталогъ есть великое достоинство библіотеки. Вслѣдствіе этого, воздавъ должную дань удивленія памятливому библіотекарю, обратимся къ изложенію тѣхъ основаній, которыя необходимы для прочнаго порядка библіотеки.

КОВЫЙ ПОРЯДОКЪ РАЗМѢЩЕНІЯ БИБЛИОТЕКЪ.

Чтобы достать книгу не теряя ни секунды на отыскиваніе ея, необходимо положительно знать ту точку, на которой книга или брошюра находится, и слѣдовательно, для доставленія каждой книги употребить только то время, которое необходимо, чтобъ подойти къ шкафу, гдѣ она стоитъ. Мы могли-бы сдѣлать это и по старинной методѣ, гдѣ въ систематической раз-

становкѣ книги нумеруются съ добавочными буквами; но мы видѣли, что въ-теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ поступающія въ бібліотеку книги производятъ въ нумераціи непроницаемый хаосъ. Устранить это затрудненіе можно такимъ образомъ: перенумеровать наличныя книги одинъ разъ навсегда, а поступающія вновь ставить въ концѣ серіи нумеровъ и давать имъ слѣдующіе по порядку номера. Въ книгахъ, поставленныхъ по системѣ или по алфавиту, форматы обыкновенно раздѣляются на три класса: in-folio, in-4° и in-8°; но при этомъ величина книгъ не сортируется: этого не позволяетъ порядокъ, основанный на содержаніи книгъ. Вслѣдствіе разности величинъ книгъ въ каждомъ форматѣ, неизбежно образуются между полками пустыя пространства. Если бібліотека не получаетъ частыхъ и значительныхъ приращеній, и если помѣщеніе ея вообще очень просторно, то книги, разставленные прежде, въ какомъ-бы то ни было порядкѣ, можно перенумеровать не переставляя; но если бібліотека находится въ такихъ обстоятельствахъ, что помѣстительностью ея нужно дорожить, и если къ тому она получаетъ частыя приращенія, то гораздо полезнѣе, уничтоживъ старый порядокъ, подобрать книги по величинамъ и тогда уже перенумеровать, нежели увеличивать помѣщеніе бібліотеки, или ставить книги въ два ряда, оставляя не занятыми тѣ пустоты, которыя образовались между полками отъ различной величины книгъ.

Въ книгахъ, поставленныхъ по величинамъ, не можетъ быть никакого порядка ни по предметамъ, ни по авторамъ. Мы пришли къ убѣжденію, что порядокъ по содержанію книгъ на полкахъ вовсе не нуженъ, потому-что мы разсматриваемъ книги, стоящія на полкахъ, какъ простыя вещи, хотя и называемъ ихъ, въ переносномъ смыслѣ, своими друзьями, собесѣдниками, наставниками; но есть такіе фанатическіе умы, которые не только называютъ, но даже считаютъ ихъ такими и никакъ не позволяютъ, чтобы возлѣ всемірной исторіи Роллена стояла исторія знаменитыхъ разбойниковъ. Съ точки зрѣнія, на которую

насъ ставить опытъ, мы видимъ, что книги существуютъ для чтенія и справокъ, а не для того, чтобы стоять на полкахъ, и потому полагаемъ, что отъ библіотекаря можно и должно требовать, чтобы книга въ минуту была даваема спрашивающему ее, и чтобы такимъ-образомъ она выполняла свое назначеніе, и нельзя и не должно обращать вниманія на то, гдѣ данная книга стояла: въ 5-мъ или въ 10-мъ шкафу, на первой или на 4-й полкѣ и возлѣ какой именно другой книги. Повторяемъ: книга должна стоять такъ, чтобъ, когда она нужна, ее можно было тотчасъ взять, а не искать. Сверхъ-того, библіотекарь долженъ имѣть средства положительно знать каждую книгу, каждую брошюру, однажды поставленную и занумерованную. Такъ должна стоять каждая книга, хотя-бы ихъ было больше милліона въ библіотекѣ.

Намъ замѣтить, можетъ быть, что въ библіотекѣ, имѣющей на полкахъ не систематическое распредѣленіе, а только одни безсмысленныя серіи нумеровъ, книга, по ошибкѣ поставленная не на свое мѣсто, не можетъ быть отыскана. Мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, что должно дѣлать, снимая книгу съ полки, чтобъ возвратитъ ее безошибочно на свое мѣсто, а здѣсь мы отвѣтимъ на предполагаемое нами замѣчаніе. Еслибы, по свойственной человѣку способности ошибаться, книга, или даже малѣйшая брошюра, была поставлена не на свое мѣсто, то тамъ, гдѣ она должна-бы стоять, будетъ въ порядкѣ нумеровъ пробѣлъ, а тамъ, куда она поставлена, будетъ лишній номеръ. Въ библіотекѣ перенумерованной ошибку эту исправить всякій грамотный человѣкъ, если ему поручено будетъ пересмотрѣть, всѣ-ли номера на мѣстахъ. Съ нами это случалось, и отысканіе затерявшейся книги производилось всегда безъ большихъ хлопотъ; но въ отдѣленіяхъ, разставленныхъ систематически, библіотекарь можетъ найти поставленную не на свое мѣсто книгу не иначе, какъ внимательно пересматривая всѣ книги, стоящія на полкахъ. Ему нельзя уже ограничиться быстрымъ взглядомъ на номеръ; онъ долженъ читать заглавія и, если вниманіе его

будетъ случайно отвлечено чѣмъ-нибудь постороннимъ, то книга, которой онъ ищетъ, легко можетъ ускользнуть и поискамъ не будетъ конца.

По нашему понятію, состояніе хорошо-устроенной бібліотеки можетъ быть опредѣлено слѣдующими условіями:

1) Каждая книга, брошюра, даже отдѣльный листокъ, на которомъ напечатано какое-нибудь незначущее стихотвореніе, однимъ словомъ, всякая бездѣлица должна быть извѣстна хранителю такъ, чтобы онъ могъ отъ времени до времени провѣрять бібліотеку и удостовѣряться: все-ли довѣренное его храненію находится на мѣстѣ и если чего-нибудь не окажется, то чтобы онъ могъ опредѣлительно назвать неоказавшуюся вещь.

2) Хранитель бібліотеки долженъ безъ потери времени удовлетворять всякому требованію: идетъ-ли дѣло объ одной книгѣ, или о всѣхъ книгахъ по одному извѣстному предмету.

3) Хранитель долженъ имѣть возможность постоянно видѣть, что именно отпущено изъ бібліотеки самымъ имъ, или его предмѣстникомъ, и куда именно.

Взятыя изъ бібліотеки книги не возвращаются иногда съ намѣреніемъ, а иногда просто забываютъ ихъ возвратить. Хранитель бібліотеки, видя постоянно, что изъ нея отпущено, можетъ напоминать взявшимъ, даже преслѣдовать ихъ.

4) Библіотека, однажды устроенная, побывавъ въ рукахъ безграмотныхъ людей, не должна терять своего первоначальнаго устройства.

При перемѣнѣ помѣщенія и другихъ случаяхъ, принуждающихъ иногда къ поспѣшности и быстрой переноскѣ бібліотеки, случается, что книги укладываются въ корзины или ящики простыми рабочими. Библіотека должна быть устроена такъ, чтобы подобная переноска не разрушила ея порядка и чтобы въ новомъ помѣщеніи своемъ она могла опять отвѣчать всѣмъ сказаннымъ условіямъ.

Наконецъ 5) порядокъ бібліотеки долженъ принадлежать

не одному лицу, устроившему ее, но быть доступнымъ въ равной степени его преемнику, вступившему даже внезапно.

Условіе это необходимо въ высшей степени, потому-что во всякой библіотекѣ бібліотекаръ не вѣченъ, какъ все въ мірѣ.

Условія эти важны для людей, приходящихъ трудиться въ библіотеку; но нельзя также не подумать и о тѣхъ, которые приходятъ посмотрѣть на библіотеку. Эти посѣтители бываютъ разнообразны до безконечности, начиная съ ученѣйшаго путешественника, знающаго цѣну книгамъ, до свѣтскаго человѣка, не знающаго цѣны времени. Посѣтителей этихъ можно раздѣлить на два главные класса: на *смотрящихъ* и *разсматривающихъ*. Для первыхъ нужно побольше правильности и даже эффекта, послѣдніе-же, болѣе взыскательные, просятъ раскрывать интересныя изданія, съ любопытствомъ пересматриваютъ все, что стоитъ на полкахъ, однимъ словомъ они *разсматриваютъ*.

Всѣ эти разнородныя условія могутъ быть соблюдаемы не только при первоначальной разстановкѣ книгъ, но и впоследствии, при самыхъ значительныхъ приращеніяхъ.

Разстановкѣ книгъ предшествуетъ слѣдующее распределеніе библіотеки. Каждая зала, или комната, должна быть означена цифрою или буквою въ порядкѣ ихъ расположенія. Шкафы должны быть перенумерованы непременно особымъ рядомъ цифръ въ каждой залѣ, для того, что если окажется нужнымъ и возможнымъ увеличить число шкафовъ, то новые шкафы получатъ слѣдующіе нумера въ ряду цифръ своей залы. Полки въ шкафахъ должны быть также перенумерованы и наконецъ книги на каждой полкѣ должны имѣть свой особый рядъ нумеровъ. Такимъ-образомъ означеніе мѣста какой-нибудь книги будетъ слѣдующее: зала E, шкафъ VII, полка 3, № 27,—что выражается въ каталогѣ такъ: E. VII $\frac{3}{2}$. Если, не раздѣляя шкафовъ и полокъ, дать не только всей библіотекѣ, но даже одной залѣ, одинъ рядъ цифръ, то мы встрѣтимъ слѣдующія неудобства: 1) Когда у насъ потребуютъ книгу подъ № 64,589,

то мы должны проходить по залѣ и *искать* прежде 65 тысячу, потомъ 6-ю сотню этой тысячи и наконецъ* добираться до десятковъ и единицъ, а намъ желательно не искать. 2) Если въ наличныхъ книгахъ встрѣтится дублетный экземпляръ томовъ въ 5 или 8, то, вынувъ его, мы не можемъ подобрать другаго сочиненія, которое, ставъ на мѣсто вынутаго дублета, получи-ло-бы одинъ только номеръ, и между-тѣмъ заняло-бы все пространство, оставшееся послѣ дублета. Такой случай потребуетъ одного изъ двухъ: или оставить пустое мѣсто навсегда не занятымъ, или передвинуть нѣсколько тысячъ книгъ. Въ короткихъ рядахъ цифръ на каждой полкѣ неудобствъ этихъ быть не можетъ, что мы увидимъ впоследствии.

Когда залы и шкафы перенумерованы безъ всякаго отношенія къ системѣ или азбучному порядку, слѣдуетъ устанавливать книги, наблюдая только величину переплетовъ и начинать съ самыхъ большихъ фолиантовъ, которые ставятся обыкновенно на нижнія полки. Въ шкафахъ библиотечныхъ нижнія части дѣлаются гораздо глубже верхнихъ и слѣдовательно фолианты помѣщаются въ нихъ удобнѣе. Притомъ-же тяжелую книгу легче достать съ нижней полки, нежели снимать съ верхней. Когда самые большіе фолианты уже всѣ поставлены и на полкѣ остается еще не занятое мѣсто, то его не слѣдуетъ наполнять фолиантами меньшихъ размѣровъ, а должно оставлять въ запасъ для будущихъ приращеній. Фолианты самага большаго размѣра поступаютъ въ библиотеку очень рѣдко и запаса этого достанетъ для нихъ на долгое время. Онъ не можетъ имѣть того вреднаго значенія въ библиотекѣ, какъ мѣста, оставляемая при систематической разстановкѣ, о которыхъ говорено было выше: потому-что нашъ запасъ оставляется только въ большихъ фолиантахъ и изрѣдка въ среднихъ форматахъ, а для книгъ обыкновенной величины запасъ никогда не бываетъ нуженъ: они требуютъ цѣлыхъ полокъ, шкафовъ, даже залъ.

Говоря объ установкѣ фолиантовъ, нельзя не замѣтить еще, что книги самыхъ большихъ форматовъ вообще неудобно ста-

вить потому, что онѣ сгибаются отъ собственной тяжести. Ихъ гораздо лучше класть горизонтально одну на другую. Въ такомъ положеніи ихъ, конечно, труднѣ доставать, но въ большихъ библиотекахъ предполагаются служители, которые всегда избавятъ библиотекаря отъ механическаго труда.

Помѣстивъ большіе фоліанты, слѣдуетъ переходить къ меньшимъ и, продолжая подбирать книги по величинѣ переплетовъ, наполнять ими полки такъ, чтобы самая меньшая величина in-12° и in-18° и пр. помѣстилась на верхнихъ полкахъ. Такой порядокъ установки представляетъ въ результатѣ ту выгоду, что пустоты между верхними оконечностями книгъ и слѣдующими надъ ними полками останутся параллельными. Шкафы въ библиотекахъ устриваются обыкновенно такъ, что полки въ нихъ, смотря по надобности, поднимаются и опускаются. Разстановливая библиотеку, можно занять всѣ шкафы, а оставляя между полками больше разстоянія, можно сохранить для будущихъ приращеній значительный запасъ мѣста. Шкафы съ полными полками не будутъ казаться пустыми, если въ промежуткахъ между верхними оконечностями книгъ и слѣдующими полками останется по 4 вершка и даже больше пустаго мѣста. Когда всѣ полки будутъ заняты, то, въ случаѣ надобности, ихъ можно сближать опуская, а вверху прибавлять новыя полки. Такъ какъ порядокъ полокъ идетъ всегда снизу вверхъ, то новая полка, прибавляемая вверху, не нарушая порядка, получаетъ слѣдующій за низшими ея номеръ. Полки въ шкафахъ лежатъ концами своими на перекладинахъ, заложанныхъ въ зубцы; если расположеніе зубцовъ не позволяетъ основать опущенную полку на извѣстной точкѣ вышины, то перекладина опускается на слѣдующій нижній зубецъ, и недостающее въ вышину мѣсто восполняется подкладками такой толщины, какая требуется для основанія полки на извѣстной точкѣ вышины.

Устанавливая книги, надобно стараться, чтобъ всѣ томы одного сочиненія или собранія стояли вмѣстѣ. Такъ, напримѣръ, если сочиненіе въ пяти томахъ, то не слѣдуетъ ставить три на

одной полкѣ, а остальные два на другой. Собранія многихъ томовъ, какъ напримѣръ журналы, энциклопедіи и т. п. должно ставить въ одномъ шкафу, а не раздѣлять на два. На полкахъ, гдѣ ставятся журналы продолжающіеся, слѣдуетъ оставлять мѣсто для продолженія; журналы-же, которыхъ изданіе окончилось, помѣщать на постоянныя мѣста, какъ полныя сочиненія. Для журналовъ обыкновенно бываютъ въ библіотекахъ особыя отдѣленія, въ которыхъ изданія продолжающіяся ставятся библіотекаремъ на временныя мѣста, по его усмотрѣнію.

При установкѣ книгъ слѣдуетъ вообще избѣгать тѣсноты: когда книги сжаты, то при выниманіи ихъ портятся переплеты. Опуская полки, должно всегда оставлять незначительную пустоту между верхомъ книгъ и полкою, чтобы книга, когда ее нужно достать, могла быть наклонена впередъ настолько, сколько нужно, чтобы верхній уголъ ея можно было схватить рукою.

Мелкія и въ-особенности не переплетенныя брошюры не должно ставить вмѣстѣ съ книгами переплетенными: онѣ легко могутъ теряться между толстыми книгами, и потому гораздо лучше ихъ отдѣлять и ставить въ картонныя партіями отъ 25 до 30 тетрадокъ въ каждомъ. Рядъ такихъ картоновъ, если имъ дать видъ переплетенныхъ книгъ, гораздо лучше украситъ шкафъ, нежели пестрая куча гибкихъ брошюръ, падающихъ и рассыпающихся при первомъ къ нимъ прикосновеніи. Картонныя могутъ быть двухъ величинъ: большіе 10—12 вер. вышины для брошюръ въ листъ и другіе 6—8 вер. для меньшихъ форматовъ. Брошюры удобнѣ класть въ картонныя въ особой оберткѣ, или обложкѣ, которая дѣлается изъ бумаги, подклѣенной коленкоромъ или холстомъ, и имѣеть на краяхъ петли изъ тесьмы, за которыя можно вытащить изъ картона обертку со всѣми брошюрами.

При такомъ средствѣ брошюры, находящіяся въ картонѣ, вынимаются всѣ вдругъ и обратно вкладываются, какъ одна книга, не грозя опасностію рассыпаться или измяться.

При установкѣ книгъ по величинѣ переплетовъ нѣтъ никакой надобности подбирать форматы. Есть множество старыхъ книгъ in-folio, которыя размѣрами своими уступаютъ журналу *Illustration*, печатаемому въ 8-ю долю, или *La Semaine*, имѣющему форматъ въ 16-ю. Смѣшеніе форматовъ есть отступленіе отъ одного изъ обычаевъ старыхъ библиотекъ, гдѣ форматъ имѣлъ важное значеніе въ разстановкѣ книгъ. Въ порядкахъ систематическомъ и алфавитномъ книги всегда раздѣляются на три формата и если, напримѣръ, отыскивается книга, изданная in-4°, то библиотечарь не останавливается надъ другими форматами, а начинаетъ искать прямо въ квартажахъ; но такъ-какъ здѣсь предлагаемъ ставить книги для постоянной нумераціи, то форматъ въ этой разстановкѣ не имѣетъ никакого значенія. Точно также нѣтъ надобности ставить рядомъ разныя изданія одного и того-же сочиненія или переводы возгѣ оригиналовъ. Если они сходятся случайно и величина ихъ одинакова, то, конечно, они могутъ стоять вмѣстѣ, но стараться соединять ихъ есть бесполезная трата времени. Рѣдко случается, чтобы сочиненіе было спрашиваемо во всѣхъ изданіяхъ вдругъ; но еслибы это и случилось, то, имѣя въ каталогѣ точное означеніе мѣста, гдѣ какое изданіе стоитъ, собрать ихъ есть дѣло одной минуты.

Разставленныя однажды и внесенныя въ инвентарь книги не должны никогда перемѣнять своего мѣста. Кромѣ возможности повѣрки и сохраненія внѣшности въ постоянно-отличномъ порядкѣ, разстановка эта полезна еще тѣмъ, что библиотечарь, завѣдывая библиотекою долгое время, привыкаетъ незамѣтнымъ образомъ къ мѣстамъ множества книгъ, и въ-особенности книгъ замѣчательныхъ или часто бывающихъ въ рукахъ и, безъ всякаго особеннаго старанія, пріобрѣтаетъ то качество, которое всѣ наши учителя отъ Нодедо Эберта считаютъ необходимымъ въ библиотечарѣ. Между-тѣмъ и всякій вновь вступающій библиотечарь можетъ по каталогу доставать безъ потери времени все до малѣйшей брошюры.

Впрочемъ, размѣщая такимъ-образомъ книги, нельзя однакожь не слѣдовать нѣкотораго рода системѣ, но совѣмъ въ другихъ размѣрахъ, чѣмъ при разстановкѣ систематической. Посѣтители библиотекъ бываютъ двухъ разрядовъ: трудящіеся и обозрѣвающіе. Для трудящихся необходимо раздѣлить библиотечку на главные отдѣлы по наукамъ, для обозрѣвающихъ нужна одна вѣщность. Требования трудящихся бываютъ весьма обширны; но, при всей обширности своей, они въ данную минуту большею частію сосредоточены на одномъ предметѣ. Удовлетвореніе такихъ требованій производится съ бѣльшимъ удобствомъ и гораздо быстрѣе, если всѣ книги по одному предмету находятся въ одной залѣ. Раздѣленіе библиотечки только по наукамъ далеко не имѣетъ того значенія, какъ систематическая разстановка, но и это раздѣленіе для указанной нами цѣли можетъ быть полезно только нашимъ современникамъ. Представимъ себѣ, что когда-нибудь библиотека сдѣлается втрое больше и, соотвѣтственно тому, увеличится ея помѣщеніе, тогда и предлагаемыя нами обширныя отдѣленія по наукамъ потеряютъ свою совокупность: книги одной науки будутъ стоять въ нѣсколькихъ залахъ даже не смежныхъ между собою. Впрочемъ, это представитъ такое неудобство, которое можетъ быть названо ничтожнымъ въ-сравненіи съ тѣмъ хаосомъ, какой произвела-бы систематическая разстановка: когда понадобится книга, стоящая въ отдаленной залѣ, то за нею нужно будетъ сходить, но ее не нужно будетъ искать.

Когда книги раздѣлены на главные предметы, которыхъ можетъ быть отъ 15 до 20, то при разстановкѣ ихъ полезно наблюдать слѣдующее:

1) Книги рѣдкія, извѣстныя въ единственномъ экземплярѣ (уписа) и вообще экземпляры замѣчательные въ какомъ-бы то ни было отношеніи, слѣдуетъ ставить вмѣстѣ и не очень высоко, для того, что если библиотечку посѣщаетъ библиофилъ и знатокъ, то библиотечарь, не утруждая ни его, ни себя, можетъ показать все замѣчательное собранное вмѣстѣ. Шкафы съ та-

кими книгами, въ видахъ сохраненія ихъ, могутъ имѣть дверцы съ проводочными сѣтками и замками.

2) Книги ручныя, часто употребляемыя для справокъ въ библиографическихъ работахъ, часто требуемыя посѣтителями, какъ наприм. библиографическіе, биографическіе, географическіе и т. под. словари и всякаго рода справочныя книги, все это полезно ставить такъ, чтобы достать ихъ можно было безъ помощи приставной лѣстницы и въ шкафахъ ближайшихъ къ столамъ, за которыми сидятъ работающіе въ библіотекѣ.

3) На нижнихъ полкахъ, обходя шкафы, можно читать надписи на корешкахъ переплетовъ и съ нихъ можно доставать все безъ приставной лѣстницы. Полки эти надобно стараться наполнять книгами болѣе интересными, и предпочтительно сочиненіями не многотомными. Этимъ размѣщеніемъ доставляется удовольствіе посѣтителямъ разсматривать заглавія книгъ и видѣть большее количество замѣчательныхъ вещей, а библіотекаръ, достающій книги, имѣетъ ихъ больше подъ рукою. Длинные и однообразные ряды томовъ, рѣдко спрашиваемые всѣ вдругъ, стоя на верхнихъ полкахъ, занимаютъ такія мѣста, къ которымъ доступъ труднѣе, но между-тѣмъ они даютъ правильность общему размѣщенію и производятъ эффектъ. Библіотекари, ищущіе принарядить свою библіотеку и имѣющіе вкусъ, могутъ даже подбирать цвѣта переплетовъ и давать расположенію ихъ нѣкоторую гармонию.

4) Книги въ не полныхъ экземплярахъ ставятся всегда отдѣльно, для того, чтобы библіотекарю, имѣющему особый каталогъ дефектамъ, удобнѣе было слѣдить за ихъ пополненіемъ; когда-же экземпляръ дополнится окончательно, тогда онъ переносится на постоянное мѣсто.

Раздѣленіе всѣхъ книгъ по языкамъ не можетъ быть полезно ни въ какомъ случаѣ; но нѣкоторые языки отдѣлить почти необходимо. Въ большихъ библіотекахъ никто никогда не можетъ спросить всѣхъ книгъ Латинскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ и проч.; но можетъ встрѣтиться желающій видѣть книги Испан-

скія, Венгерскія, Датскія и т. под. Книги эти часто представляють болѣе интереса въ-отношеніи къ языку, нежели къ предмету сочиненія. Для этой цѣли, въ каждомъ отдѣленіи библіотеки не бесполезно соединять книги такихъ языковъ, которыхъ литература не имѣетъ обширнаго развитія; но и это дѣленіе, имѣя въ виду будущія приращенія, удобнѣе дѣлать въ каталогахъ, нежели въ натурѣ.

Разстановка книгъ по языкамъ можетъ, съ перваго взгляда, казаться полезною въ отдѣленіи словесности (*belles-lettres*), гдѣ языки имѣють значенія больше, нежели во всякомъ другомъ отдѣленіи; но если всмотрѣться въ дѣло, то нельзя не убѣдиться, что и въ отдѣленіи словесности разстановка по языкамъ ни къ чему не ведетъ. Возьмемъ для примѣра языкъ Италіянскій. Соединивъ всѣ Италіянскія книги, мы найдемъ, что изданія Данта *in-fol.*, *in-4°*, *in-8°* стоятъ всѣ въ разныхъ мѣстахъ, а переводы съ Данта отнесены къ другимъ языкамъ. Это показываетъ, довольно осязательно, что мы станемъ опять лицомъ-къ-лицу со всѣми неудобствами систематической разстановки. Если-же мы поставимъ книги не по языкамъ, а по величинѣ переплетовъ и сдѣлаемъ хорошій систематическій каталогъ, то: 1) мы найдемъ всѣ изданія Италіянскихъ писателей въ одномъ мѣстѣ и рядомъ съ ними всѣ переводы также во всѣхъ изданіяхъ и на всѣхъ языкахъ; 2) переводы съ другихъ языковъ на Италіянскій мы также можемъ соединить въ одну группу; 3) въ другихъ языкахъ всѣ переводы съ Италіянскаго; 4) все отдѣленіе словесности можемъ раздѣлить по родамъ сочиненій; 5) можемъ расположить каждый языкъ въ историческомъ развитіи его литературы и т. под. Однимъ словомъ, все отдѣленіе словесности можетъ получить въ каталогѣ какую угодно систему и все это можно сдѣлать посредствомъ хорошо написанныхъ карточекъ, и ничего этого нельзя сдѣлать на полкахъ.

Нумерація книгъ и означеніе ихъ мѣста въ библіотекѣ (*Standort*) дѣлается слѣдующимъ порядкомъ. Въ залѣ, имѣющей букву А, въ первомъ шкафу, означенномъ Римскою цифрою I,

на нижней полкѣ первая книга получить слѣдующее означеніе: $A. I^{1/1}$, вторая $A. I. 1/2$ и т. д. На второй полкѣ означеніе мѣста первой книги измѣняется такъ: $A. I^{2/1}$, второй— $A. I^{2/2}$ и т. д. Такимъ-образомъ, въ той-же залѣ, во второмъ шкафу, на 6 полкѣ, десятая книга получить означеніе $A. II^{6/10}$, въ седьмомъ шкафу, на 4 полкѣ, 32 книга— $A. VII^{4/32}$ и т. д. Въ нумераціи первой залы, означеніе каждой книги сохранить букву залы *A*, а прочія цифры измѣнятся сообразно съ очереднымъ мѣстомъ шкафа, полки и нумера на полкѣ. Во второй залѣ означеніе дѣлается такимъ-же порядкомъ, только, вмѣсто буквы *A*, на каждой книгѣ ставится буква *B*. На самой книгѣ мѣсто ея удобнѣе означать на внутренней сторонѣ переплета на верхнемъ углу, а въ случаѣ, если переплетъ подклеенъ темною цвѣтною, или мраморною бумагою, то отмѣтка дѣлается или на приклеенной бумажкѣ, или на слѣдующей бѣлой страницѣ. Бываютъ брошюры не только безъ переплета, но даже и безъ обертки. Если, при внесеніи въ каталогъ такой брошюры, нельзя сдѣлать обертки и на ней означить мѣсто, гдѣ хранится брошюра, то означеніе это дѣлается на самомъ заглавіи, но не иначе, какъ карандашомъ и осторожно, чтобъ не повредить заглавіе. На заглавіяхъ, и вообще на книгахъ, никогда не должно писать чернилами, потому-что книга существуетъ не для одного нашего времени, но и для отдаленнѣйшаго потомства, и мы должны уважать ее, какъ всякій памятникъ, предназначенный для раскрытія будущимъ поколѣніямъ картины умственной жизни нашей и нашихъ предковъ.

Означеніе мѣста книги удобно дѣлать такъ-же и на корешкахъ переплетовъ. Когда по указанію каталога просматривается полка, то гораздо-удобнѣе взять прямо отыскиваемый номеръ, если онъ означенъ снаружи, нежели перебирать и раскрывать нѣсколько книгъ, чтобы доискаться того, что нужно. Для отмѣтокъ на корешкахъ необходимо наклеивать билетки; но они должны быть возможно-меньшаго объема. Какого-бы цвѣта ни были эти билетки, они всегда производятъ въ общемъ

колоритѣ шкафа неприятную пестроту, и потому ихъ лучше дѣлать изъ самой тонкой, почти прозрачной бѣлой бумаги.

Брошюры, вставленныя въ картоны, нумеруются такимъ-же порядкомъ, какъ и прочія книги. На нихъ только рядъ чиселъ одной полки будетъ въ десять разъ больше, нежели въ книгахъ; но въ прискиваніи брошюръ это не представляетъ никакого затрудненія. Означеніе мѣста на оберткахъ брошюръ удобнѣе писать на наружной ихъ сторонѣ. Для означенія мѣста на оберткахъ приклеиваются бумажки.

Съ книгами, переплетенными по-нѣскольку вмѣстѣ, должно поступать точно такъ-же, какъ съ брошюрами: каждому сочиненію давать слѣдующій по порядку номеръ, а на переплетѣ съ внутренней стороны и на спинкѣ переплета означать, какъ на кортонѣ, номера перваго и послѣдняго сочиненій. При записываніи такихъ книгъ въ инвентарь полезно всѣ переплетенныя вмѣстѣ сочиненія соединять скобкою и означать, что всѣ эти сочиненія переплетены вмѣстѣ.

Номеръ принадлежитъ сочиненію, а не тому, слѣдовательно, при нумерованіи многотомныхъ сочиненій должно давать всѣмъ томамъ одинъ и тотъ-же номеръ. Если многіе томы одного сочиненія переплетены по два или по три вмѣстѣ, то въ каталогахъ показывается дѣйствительное количество томовъ и частей, если томы раздѣлены на части съ особыми заглавіями. Каталогъ представляетъ книгу съ библиографической стороны, слѣдовательно тому, кто разсматриваетъ книгу въ каталогѣ, интересно только то, что относится собственно до ея изданія. Внѣшность книги въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Даже въ перечневомъ описаніи бібліотеки, гдѣ не говорится о книгахъ въ-особенности, а излагается въ общихъ цифрахъ ея содержаніе, тамъ даже число сочиненій, или томовъ выражаетъ ея богатство, а число переплетовъ не выражаетъ рѣшительно ничего. Латинское названіе *volumen*, свитокъ, принятое и въ живыхъ языкахъ, не представляетъ положительно переплета, т.-е. осязательной единицы. Оно выражаетъ от-

дѣльное цѣлое въ смыслѣ умозрительномъ, и на это названіе полное право имѣеть каждый томъ, каждая часть тома, если она имѣеть заглавіе и отдѣльную нумерацію страницъ, и представляетъ такимъ-образомъ обособленную часть цѣлаго.

Нумерація книгъ дѣлается не вдругъ, а по-мѣрѣ составленія каталога, или, если каталогъ былъ прежде составленъ, то по-мѣрѣ сличенія книгъ съ каталогомъ. Сличеніе это производится слѣдующимъ образомъ. Книги, разставленныя на полкахъ по величинамъ переплетовъ, и слѣдовательно получившія новыя мѣста, отыскиваются поочередно въ каталогѣ алфавитномъ. Когда заглавіе книги найдено въ каталогѣ, тогда означеніе мѣста пишется на книгѣ и въ то-же время отмѣчается возлѣ заглавія ея въ каталогѣ. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы въ каталогѣ означеніе мѣста каждой книги было написано какъ можно ближе къ внесенному заглавію. Случается, что къ тексту сочиненія, изданному въ 8 долю листа, принадлежитъ атласъ самаго большаго формата. Въ такихъ случаяхъ текстъ получаетъ мѣсто на верхнихъ полкахъ, а атласъ внизу. При внесении въ каталогъ такихъ означеній слѣдуетъ писать такъ, чтобы видно было, гдѣ находится текстъ и гдѣ атласъ. Одновременно съ означеніемъ въ каталогѣ книга записывается въ инвентарь.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

IV.

ИЗВЪСТІЯ

ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕБНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ОТЧЕТЪ

о

ПУТЕШЕСТВІИ ПО ГЕРМАНИИ, ГОЛЛАНДИИ, БЕЛЬГИИ И ШВЕЙЦАРИИ
въ 1857 году.

ОРДИН. ПРОФ. ИМПЕРАТОРСКАГО ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ВУЛЬМЕРИКА.

Испросивъ себѣ разрѣшеніе на путешествіе за границу съ цѣлію ознакомиться съ существующими тамъ благотворительными и общепольными учрежденіями, я посѣтилъ учебныя заведенія и тюрьмы, обозрѣлъ почти всѣ Германскіе, Швейцарскіе, Голландскіе и Бельгійскіе университеты, а равно нѣкоторыя политехническія и земледѣльческія училища, имѣя главнѣйшимъ образомъ въ виду изслѣдовать степень развитія, на которой въ этихъ странахъ находится въ настоящее время изученіе государственныхъ наукъ. Нижеслѣдующій отчетъ касается какъ благотворительныхъ, такъ и учебныхъ заведеній.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Благотворительныя учрежденія.

При путешествіи, ограничивавшемся 5¹/₂-мѣсячнымъ срокомъ, естественно, нельзя было изслѣдовать общей организаціи благо-

Часть С. Отд. IV.

1

творительности въ западно-Европейскихъ государствахъ, но можно было уловить только нѣкоторыя черты ея при посѣщеніи главнѣйшихъ мѣстныхъ благотворительныхъ заведеній. Такимъ образомъ эти заведенія разсмотрѣны преимущественно съ ихъ внѣшней стороны, ибо мѣсто, занимаемое ими въ организмѣ государственнаго устройства, могло быть объяснено только при общемъ и подробномъ разсмотрѣніи мѣстныхъ экономическихъ условий, послѣдовательное наблюденіе которыхъ потребовало-бы нѣсколькихъ лѣтъ. Между благотворительными учрежденіями заслуживаютъ преимущественное вниманіе тѣ, которыя посвящены содержанию дѣтей нравственно-испорченныхъ и преступниковъ. Оба эти учрежденія имѣютъ связь между собою, ибо при недостаткѣ первыхъ естественно болѣе наполняются вторыя; оба они заключаютъ въ стѣнахъ своихъ нравственно-упадшія лица, оба имѣютъ цѣлю извлечь эти лица изъ паденія, оградить общество отъ вреднаго вліянія послѣднихъ и, исправивъ ихъ, дать государству полезныхъ гражданъ; наконецъ оба они противодѣйствуютъ пролетариату. Посѣщенные мною тюрьмы въ Бреславлѣ, Галлѣ, Мюнхенѣ и Брухзагѣ дѣйствительно имѣютъ вышеуказанную цѣль и являются не только мѣстами содержанія лицъ, но и мѣстами ихъ исправленія; учрежденный-же близъ Гамбурга домъ для исправленія нравственно-испорченныхъ дѣтей (das rauhe Haus) есть образцовое заведеніе и находится въ-связи съ тюрьмами въ томъ отношеніи, что въ особомъ отдѣленіи его (Brüder-Anstalt) образуются надзиратели для послѣднихъ.

а) Исправительный домъ близъ Гамбурга.

Учрежденіе это находится, въ мѣстечкѣ Горнъ, близъ Гамбурга, и состоитъ изъ двадцати небольшихъ деревянныхъ зданій и одного большаго. Цѣль его есть исправленіе нравственно-испорченныхъ дѣтей путемъ строго-нравственнаго и умственнаго воспитанія ихъ и приученія къ труду. Это воспитаніе сообразуется съ званіемъ содержащихся, и потому въ исправительномъ домѣ находятся дѣти не только низшаго, но и высшаго сословія; для послѣднихъ устроено особое училище въ главномъ зданіи заведенія. Дѣти низшихъ званій приучаются преимущественно къ ремесламъ и земледѣлію (для чего при заведеніи находятся поля); дѣти высшихъ сословій обучаются языкамъ и наукамъ; всѣ домашнія работы дѣ-

ти низшаго класса исправляютъ сами. Заведеніе устроено на 100 дѣтей; $\frac{2}{3}$ изъ этого числа назначены для мальчиковъ и $\frac{1}{3}$ для дѣвочекъ; послѣднія живутъ въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Для лучшаго нравственнаго надзора дѣти раздѣлены на семейства, по 12 человѣкъ каждое, съ особымъ надзирателемъ, который обязанъ заботиться о нравственномъ преуспѣяніи дѣтей, поступая строго, но съ кротостію.

Должность его состоитъ собственно въ томъ, чтобы посредствомъ нравственнаго образованія содѣлать сердца вѣрныхъ его надзору дѣтей воспримчивыми къ добру и вкоренить и укрѣпить въ нихъ это чувство. Дѣти низшихъ сословій выходятъ изъ заведенія ремесленниками, или домашними слугами. По правиламъ заведенія, дѣти принимаются въ него только до 16-ти лѣтняго возраста и могутъ оставаться не позже достиженія ими 25-ти лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, и выпущенные изъ исправительнаго дома не оставляются вовсе безъ вліянія и надзора со стороны его, насколько это возможно, — для чего разсматриваемое учрежденіе входитъ въ сношенія съ знакомыми и родственниками его воспитанниковъ.

Исправительный домъ, какъ выше замѣчено, имѣетъ особое отдѣленіе (Brüder-Anstalt), для образованія молодыхъ людей, которые желаютъ посвятить себя воспитанію нравственно-испорченнаго юношества, или другому нравственному труду. Сюда поступаютъ молодые люди отъ 20 до 30 лѣтъ, безукоризненнаго поведенія и чистой нравственности. Они находятся въ заведеніи преимущественно для надзора за дѣтьми; но съ тѣмъ вмѣстѣ въ теченіе двухъ- или трехлѣтняго курса должны быть теоретически и практически приготовлены, чтобы каждый, по своему желанію, могъ занять какое-либо общепольное мѣсто. Лица эти выходятъ изъ заведенія начальниками и помощниками начальниковъ воспитательныхъ домовъ, а также надзирателями при тюрьмахъ, смотрителями за больными и бѣдными, агентами разныхъ обществъ, напримѣръ библейскаго, школьными учителями и проч. Объемъ всей дѣятельности ихъ извѣстенъ подъ названіемъ *внутренней миссіи* (innere Mission), для отличія отъ *миссіи внешней*, занимающейся обращеніемъ язычниковъ (Heidemission).

Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ и сочиненіяхъ, ка-савшихся разсматриваемаго заведенія, неоднократно повторялось, что въ немъ больше молятся, чѣмъ работаютъ, и что такимъ мо-

леніемъ придають заведенію одинъ лишь внѣшній видъ благочестія. Но на меня исправительный домъ вовсе не произвелъ такого впечатлѣнія; напротивъ, можно было замѣтить, что мальчики въ этомъ заведеніи усердно занимались полевыми работами, а дѣвочки упражнялись въ приличныхъ рукодѣліяхъ; воспитанники-же вышепомянутаго отдѣленія держались въ предѣлахъ строгой нравственности, какъ того и требуетъ ихъ призваніе, но отнюдь они не были лицемерами и обнаруживали въ себѣ здравый практическій взглядъ на вещи. Впрочемъ, ложной молвѣ насчетъ заведенія могли способствовать чрезъ-чуръ хвастливые отзывы о немъ директора его доктора *Визерна*, чрезмѣрно выхваляющаго нравственную дѣятельность въ сиротскомъ домѣ, безпрестанно сводящаго разговоръ на свое заведеніе и перемеживающаго свою похвальную рѣчь текстами св. писанія. Конечно, такіе поступки, — извинительные впрочемъ въ основателѣ перваго замѣчательнаго воспитательнаго дома и выкупаемые значительными заслугами его въ пользу учрежденія, — не могли не набросить нѣкоторой тѣни и на самое заведеніе и не дать повода по директору его судить и о самыхъ воспитанникахъ. Заведеніе существуетъ на счетъ добровольныхъ приношеній, поступающихъ главнѣйше отъ Прусскихъ лютеранъ, между-тѣмъ-какъ сосѣдній заведенію г. Гамбургъ доставляетъ лишь весьма скудныя пособія. Денежныя средства вообще едва покрываютъ издержки заведенія. О количествѣ издержекъ я не могъ получить точныхъ свѣдѣній; но что средства заведенія скорѣе скудѣютъ, чѣмъ увеличиваются, можно было заключить изъ неточности и уклончивости данныхъ по этому предмету объясненій.

в) Тюръмы.

1) Предварительныя замѣчанія.

Такъ-какъ въ нашъ вѣкъ между прочимъ обращено вниманіе и сознаана необходимость преобразованія тюремъ, то, конечно, эти учрежденія не могутъ болѣе основываться на прежнихъ началахъ и должны быть совершенно измѣнены въ своемъ устройствѣ. Тюрма, служившая прежде только внѣшнею охраною общества, ограничивавшаяся цѣлю заключенія въ стѣнахъ своихъ опасныхъ для общества лицъ, въ настоящее время получила

значение устроеннаго на нравственныхъ началахъ исправительнаго заведенія. Такая исправительная дѣятельность должна была, конечно, дѣйствовать не только мѣрами физическаго понужденія, но и мѣрами нравственными, — вслѣдствіе чего явилась потребность въ надсмотрщикахъ за заключенными, обладающихъ не только высокою нравственностію, но и достаточно образованныхъ. Такое образованіе, какъ выше было замѣчено, приняло на себя отдѣленіе при исправительномъ домѣ; но насколько это воспитаніе будетъ сообразно съ цѣлю, скоро откроется на опытѣ: ибо учрежденное докторомъ Вихерномъ въ Берлинѣ тюремное заведеніе принимаетъ въ должности надсмотрщиковъ только лицъ, получившихъ образованіе въ помянутомъ отдѣленіи.

Кромѣ такого нравственнаго вліянія надзирателей, для исправленія преступниковъ признается также полезнымъ расположеніе заключенныхъ по отдѣльнымъ комнатамъ (система одиночнаго заключенія) и воспрещеніе сношеній между содержащимися въ тюрьмахъ, до такой степени, что они не имѣютъ права разговаривать между-собою, даже при общественныхъ работахъ въ общихъ залахъ (система молчанія). Этою мѣрою думали дать заключенному не только возможность выкинуть въ самого себя, но и отдалить его отъ зловреднаго вліянія, которое могло-бы быть произведено смѣшеніемъ съ другими нравственно-падшими людьми. Противъ этой системы говорятъ, впрочемъ, что она, входя въ прямое противорѣчіе съ стремленіемъ всякаго человѣка къ общезитію, является неестественною, безчеловѣчною, могущею довести человѣка до отчаянія и даже сумасшествія; но практическія послѣдствія ея доказали, напротивъ, что она должна быть допущена. Теперь она введена почти повсемѣстно, съ различными измѣненіями, при которыхъ однако основною мыслию остается уединеніе преступника отъ общества и разговоръ съ другими заключенными. Всѣ практическіе и теоретическіе авторитеты, собравшіеся на международномъ конгрессѣ благотворительности во Франкфуртѣ, въ засѣданіяхъ котораго былъ между прочимъ обсужденъ и вопросъ о тюрьмахъ, единогласно объявили себя въ пользу системы одиночнаго заключенія. Между членами конгресса мы назовемъ, съ одной стороны, королевско-Датскаго директора тюремъ *Давида*, генералъ-инспектора тюремъ въ Брюсселѣ *Дюклетіо*, директора знаменитой тюрьмы въ Брухзалѣ *Фюсслима*, директора тюрьмы въ С. Галленѣ *Мозера*, Амстердамскаго директора тюремъ, ветерана, заслу-

жившаго извѣстность при устройствѣ тюремъ въ Голландіи, *Сурингара*, и реформатора Берлинскихъ тюремъ доктора *Вихерна*, съ другой стороны профессоровъ *Миттермайера*, *Велькера* и *Редера*. Единогласное мнѣніе этихъ лицъ о пользѣ одиночнаго заключенія, конечно, не есть дѣло случая, но основано на твердыхъ данныхъ, выработанныхъ наукою и опытомъ.

Дѣйствительно, только система одиночнаго заключенія осуществляетъ въ себѣ цѣль наказанія, относительно государства — справедливость, относительно преступника — исправленіе. Человѣкъ, который чрезъ злоупотребленіе своей свободной воли дошелъ до правонарушенія и насильственно вторгся въ сферу правъ согражданина, лишеніемъ свободы справедливо ограничивается въ своемъ правѣ изъявлять свою волю, а одиночнымъ заключеніемъ лишается общества съ людьми, котораго онъ по своимъ дѣйствіямъ сдѣлался недостойнъ. Но, кромѣ-того, самое исправленіе заключенныхъ тѣсно связано съ системою одиночнаго заключенія, потому-что заключенный въ этомъ случаѣ побуждается къ строгому, ничѣмъ непрерываемому обсужденію своихъ дѣйствій, и, не имѣя возможности заниматься съ другими, занимается самъ собою. При этомъ созерцаніи самого себя, онъ получаетъ правильное настроеніе отъ увѣщаній тюремнаго пастыря и вообще преусиживаетъ въ исправленіи себя, потому-что находится въ соотношеніяхъ лишь съ нравственными, способствующими этому исправленію элементами. Одиночное заключеніе не можетъ довести заключеннаго до отчаянія: чѣмъ болѣе онъ исправляется, тѣмъ болѣе желаетъ онъ внутренняго спокойствія, по-мѣрѣ достиженія котораго онъ доходитъ до того мирнаго настроенія духа, котораго онъ такъ долго былъ лишень и которое изгоняетъ отчаяніе.

Равнымъ образомъ и та мысль, что одиночное заключеніе можетъ довести до сумасшествія, ошибочна, ибо опытъ доказалъ, что число лицъ, подвергшихся этому заключенію и впавшихъ въ сумасшествіе, крайне ограничено и большею частию сумасшествіе происходитъ здѣсь отъ постороннихъ причинъ. Далѣе одиночное заключеніе называютъ безчеловѣчнымъ; но развѣ безчеловѣчно дать лицу возможность сознать самого себя и исправиться, доставить ему спасительную бесѣду съ духовнымъ пастыремъ и обезопасить для него въ будущемъ достиженіе высшаго блага—спасенія души? Но развѣ человѣчнѣе, поселивъ преступника между подобными ему злоумышленниками, не только дать ему поводъ къ по-

вымъ преступленіямъ, сопряженнымъ съ дальнѣйшими наказаніями, но и къ большому еще развращенію? Въ-самомъ-дѣлѣ, тамъ, гдѣ не введена еще система одиночнаго заключенія, тюрьмы могутъ сдѣлаться школою преступленій и преступниковъ и дѣйствительно бывають такими: достаточно для этого прочесть собственныя признанія заключенныхъ, содержавшихся въ мѣстахъ общаго заключенія, собранныя Фюсслиномъ въ его превосходномъ сочиненіи объ одиночномъ заключеніи. Послѣ всего сказаннаго едва-ли нужно указывать на преимущества, которыя имѣетъ въ себѣ система одиночнаго заключенія для самаго изслѣдованія преступленія: ясно, что она устраняетъ всякія столкновенія между соучастниками въ преступленіи и всякое наущеніе при допросахъ со стороны другихъ заключенныхъ. Но если со стороны теоретическихъ противниковъ одиночнаго заключенія и представляются претивъ него возраженія, то имъ стоитъ только самимъ посѣтить тюрьмы, устроенныя по разсматриваемой системѣ, — и тогда они убѣдятся въ томъ, что эти тюрьмы спасительны для души и обращаютъ человѣка къ полезнымъ занятіямъ, которыхъ онъ никогда не зналъ. Признаюсь, что я самъ входилъ въ эти тюрьмы съ тайнымъ ужасомъ, но выходилъ изъ нихъ съ душевнымъ умиленіемъ. И такъ должно признаться, что человѣчество поставило себѣ вѣчный памятникъ устройствомъ одиночныхъ тюремъ: ибо едва-ли можетъ быть что-нибудь человѣчнѣе, какъ возвысить въ человѣкѣ падшую его природу и изъ нравственно-испорченнаго и вреднаго обратить его въ полезнаго гражданина.

2) Тюрьмы въ Бреславль, Мюнхенъ и Галль.

Первая тюрьма, которую посѣтилъ я, была извѣстная, обширная тюрьма въ Бреславлѣ. Она построена въ октябрѣ 1852 года. Въ тюремномъ зданіи помѣщается городской судъ и находится залъ для суда присяжныхъ. Въ этой тюрьмѣ содержатся и подсудимые, подвергающіеся предварительному заключенію, такъ-что въ ней находятся отдѣльныя помѣщенія какъ для подсудимыхъ, такъ и для осужденныхъ. Строеніе занимаетъ пространство въ 6 морговъ 178 кв. рутовъ. Собственно тюрьма состоитъ изъ восьмиугольника, находящагося въ центрѣ, отъ котораго къ сѣверу, югу, востоку и западу тянутся четыре флигеля. Тамъ, гдѣ эти флигели сходятся, образуютъ они своими четырехъяру-

сними высокими стѣнами восьмиугольную *центральную галерею*, окруженную ярусами желѣзныхъ корридоровъ и прикрываемую сверху круглымъ куполомъ. Восточный флигель во всѣхъ этажахъ отдѣленъ какъ отъ центральной галереи, такъ и отъ другихъ флигелей стѣною; онъ назначенъ для приѣма женщинъ, а нижній (подвальный) этажъ его служитъ мѣстомъ домашнихъ работъ, производимыхъ женщинами. Нижній этажъ южнаго флигеля заключаетъ въ себѣ комнаты для непослушныхъ преступниковъ (*Disciplinarstrafzellen*) и столярную мастерскую; а остальные три этажа назначены для содержанія подсудимыхъ, подвергшихся предварительному заключенію. Западный флигель заключаетъ въ себѣ въ нижнемъ этажѣ четыре комнаты для непослушныхъ преступниковъ и восемь бань для мужчинъ; во второмъ—комнаты для подсудимыхъ, а слѣдующіе этажи опредѣлены для подвергающихся исправительному наказанію. Работы производятся въ центральной галереѣ, а также и въ отдѣльныхъ комнатахъ. Нижній этажъ сѣвернаго флигеля назначенъ для служащихъ при тюрьмѣ, равно-какъ и второй этажъ, исключая помѣщенія для засѣданій городского суда, которому, для допроса подсудимыхъ, отдѣлены 14 комнатъ. Эти комнаты отдѣлены рѣшеткою, составляющею корридоръ, который ведетъ въ залъ суда присяжныхъ. Третій этажъ содержитъ въ себѣ комнаты для присужденныхъ къ тюремному заключенію; отъ этихъ комнатъ вправо идутъ десять спаленъ, каждая на 12 человекъ; остальные 6 комнатъ, равно-какъ и три галереи, служатъ рабочими залами. Четвертый этажъ заключаетъ въ себѣ мужской лазаретъ съ 17 комнатами для больныхъ мужескаго пола, кокторію, кухню и отхожія мѣста. Центральная галерея имѣетъ въ себѣ комнаты, служащія отчасти общими рабочими залами. Во второмъ этажѣ ея между сѣвернымъ и западнымъ флигелями помѣщается школа, напротивъ которой находится комната врача. Въ верхнемъ этажѣ устроены два женскіе лазарета. Кромѣ-того, въ центральной галереѣ производится вечернее богослуженіе и произносятся праздничныя проповѣди, при которыхъ должны присутствовать всѣ заключенные. Въ самой среднѣй зданія, въ нижнемъ этажѣ, находится паровая помпа, которая напываетъ проведенныя отъ нея трубы для нагрѣванія воды и вообще снабжаетъ заведеніе водою. На дворѣ находятся отдѣленія для прогулки преступниковъ и подсудимыхъ, мужчинъ и женщинъ, отдѣленные одно отъ другаго высокими стѣнами, такъ-что для каждаго изъ этихъ двухъ классовъ и

половь находится особый дворъ. На дворѣ, назначенномъ для преступниковъ, находится мѣсто казни, для исполненія смертнаго приговора. Отопленіе зданія производится слѣдующимъ образомъ. Паровая помпа накачиваетъ холодную воду въ восемь резервуаровъ, устроенныхъ въ сѣверномъ флигелѣ: четыре изъ нихъ распространяютъ эту воду въ различныхъ направленіяхъ для домашнихъ нуждъ заведенія, а остальные проводятъ ее въ ящики шести нагрѣвательныхъ печей, которыя устроены въ восточномъ, южномъ и западномъ флигеляхъ и топятся каменнымъ углемъ. Сѣверный флигель нагрѣвается посредствомъ особыхъ печей, также топимыхъ каменнымъ углемъ; въ остальныхъ-же флигеляхъ нагрѣваніе производится помощію желѣзныхъ и мѣдныхъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ трубъ, въ которыя проходитъ горячая вода, въ безпрестанномъ обращеніи снова вливающаяся въ ящики. Освѣщеніе зданія въ корридорахъ, дворахъ и центральной галереѣ производится газомъ, рабочія-же залы освѣщаются масляными лампами. Въ зданіи устроена капелла, гдѣ производится богослуженіе для католиковъ и лютеранъ; и для этой цѣли, а равно какъ и вообще для духовнаго напутствія заключенныхъ, находятся при тюрьмѣ католическій и лютеранскій священники, и кромѣ-того для Евреевъ приглашается раввинъ. При тюрьмѣ, кромѣ большаго числа надсмотрщиковъ, выбираемыхъ изъ выслужившихъ, или не выслужившихъ свои гѣта унтеръ-офицеровъ, находится вооруженная сила изъ 19 рядовыхъ, подъ начальствомъ двухъ унтеръ-офицеровъ. Имѣющіеся при зданіи пожарные инструменты содержатся въ отличномъ порядкѣ и испытываются каждыя 2 или 3 недѣли. Тюремное управленіе распадается на пять вѣтвей: казначейство, письмоводство, надзоръ за работами, хозяйственный и полицейскій надзоръ и наблюденіе за платьемъ и бѣльемъ. Казначействомъ заведуетъ особый чиновникъ, при которомъ находится помощникъ; письмоводство ввѣрено секретарю и его помощнику; хозяйственная и полицейская часть находятся въ рукахъ *одного* лица; надзоръ за работами производится инспекторомъ, кромѣ котораго для различныхъ родовъ ихъ находятся мастера, направляющіе ходъ работъ. Эти мастера выбираются или изъ среды заключенныхъ, или изъ постороннихъ лицъ. Наблюденіе за платьемъ и бѣльемъ ввѣряется *дядькѣ* (Hausvater). Писцы при заведеніи выбираются изъ самыхъ заключенныхъ.

Трудности управленія заведеніемъ увеличиваются еще отъ то-

го, что въ оное принимаются четыре различные рода лицъ: лица, подвергающіяся предварительному заключенію (Untersuchungsgefangene), осужденные на тюремное заключеніе (Gefängniss-Sträflinge), присужденные къ содержанію въ рабочихъ домахъ (Züchtlinge) и отданные на исправленіе (Corrigenden).

Надзоръ за преступниками лежитъ въ-особенности на обязанности инспектора полиціи, которому даны въ помощь три высшіе надсмотрщика (Oberaufseher) и 53 надсмотрщика (Aufseher). Нормальное число заключенныхъ простирается до 1460, но количество заключенныхъ часто превосходить эту цифру и достигало до 2000. Для этого числа заключенныхъ количество надсмотрщиковъ недостаточно: ибо, по общепринятому правилу, на каждые 30 человекъ преступниковъ долженъ приходиться по крайней мѣрѣ одинъ надсмотрщикъ. За заключенными женскаго пола надзираютъ надсмотрщицы, которыя почти всѣ принадлежатъ къ высшему классу общества и исправляютъ свою обязанность болѣе изъ состраданія и любви къ ближнему, чѣмъ изъ желанія приобрести какія-либо выгоды. За опрятностію и чистотою въ заведеніи строго смотрятъ, и въ этомъ отношеніи оно можетъ похвастаться образцовымъ. Заключенные, тотчасъ по вступленіи въ тюрьму, ведутся въ баню и платье ихъ оставляется имъ только тогда, когда оно чисто и не разорвано. Каждый преступникъ получаетъ темную куртку и узкое нижнее платье, женщины носятъ темныя платья. Каждый заключенный чрезъ три, или четыре недѣли водится въ баню, еженедѣльно получаетъ чистое бѣлье, т. е. рубашку, галстухъ, чулки и носовой платокъ, чрезъ три или четыре недѣли—чистое постельное бѣлье, а больные—чаще. Комнаты содержатся въ отиѣнной чистотѣ. Кухонная посуда и посуда для мытья сдѣланы изъ полированного олова. Обязанность содержанія заключенныхъ отдается съ торговъ подрядчикамъ, которымъ заведеніе платитъ по 3 зильбергроша (9 копеекъ) за каждого преступника въ день. Заведеніе принимаетъ на себя кухню, кухонную посуду и горючій матеріалъ; подрядчикъ же беретъ на себя ремонтъ посуды и обязанъ доставлять по контракту только необходимые припасы, не заботясь уже о приготовленіи пищи заключеннымъ. Содержаніе здороваго преступника обходится 40 рейхсталеровъ въ годъ, больнаго—около 47. Для излеченія больныхъ находятся при заведеніи два врача, для приготовленія лекарствъ въ тюремной аптекѣ назначены одинъ провизоръ, три надсмотрщика за боль-

ными мужескаго пола и одна надсмотрщица для женщинъ. Въ больницѣ могутъ помѣститься 97 мужчинъ и 20 женщинъ. Расходы на этотъ предметъ равняются ежедневно 10 зильбергрошамъ (30 коп.) Заключенные въ этой тюрьмѣ обучаются различнымъ предметамъ. Преступнику внушается уваженіе къ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, а равно и любовь къ труду, путемъ постоянныхъ, правильно-направляемыхъ занятій. Для достиженія первой цѣли не ограничиваются ежедневно общою молитвою и воскреснымъ богослуженіемъ, но двое духовныхъ, находящіяся при заведеніи, посѣщаютъ преступниковъ, для внушенія имъ нравственныхъ правилъ, въ ихъ комнатахъ, еженедѣльно обучаютъ ихъ въ капеляхъ катихизису, преподаютъ въ тюремной школѣ законъ Божій, каждый по правиламъ своего исповѣданія, и раздѣляютъ между собою элементарное образованіе. Обученіе пѣнію производится органами обоихъ исповѣданій. Небольшой хоръ, составленный изъ мальчиковъ и дѣвочекъ и иногда упрямляемый однимъ изъ заключенныхъ, преимущественно предъ прочими упражняется въ пѣніи и дѣйствительно отличается отчетливостію и правильностію исполненія. Въ школѣ, находящейся при тюрьмѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ, обученіе происходитъ 6 разъ въ недѣлю, при которомъ два раза присутствуютъ и взрослые преступники, которымъ такое обученіе еще необходимо. Занятія преступниковъ различны. Одни изъ нихъ занимаются по подряду, внѣ заведенія, у землевладѣльцевъ, сельскими работами, или у казенныхъ подрядчиковъ, взявшихъ на себя проведеніе дорогъ. Преступники, нанятые землевладѣльцами, получаютъ изъ тюрьмы одежду и сопровождаются однимъ, или нѣсколькими чиновниками. Землевладѣлецъ кормитъ ихъ и даетъ имъ поденную плату въ количествѣ 3 зильбергрошей (9 к.). Нѣкоторые изъ этихъ работниковъ ночуютъ на мѣстѣ занятій, другіе возвращаются вечеромъ въ тюрьму, — что, конечно, зависитъ отъ большей или меньшей отдаленности обрабатываемой земли отъ тюрьмы. Въ работахъ для проведенія дорогъ принимаютъ иногда участіе до 400 преступниковъ съ платою по 5 зильбергрошей. Побѣги преступниковъ, жившихъ внѣ заведенія, случались только вначалѣ и ночью, при усиленномъ-же надзорѣ совершенно прекратились. Къ концу 1854 г. работы преступниковъ доставили заведенію 18,000 рейхсталеровъ, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ были уплачены посторонними нанимателями, а $\frac{1}{3}$ приходилась за работы, произведенныя для нуждъ самаго заведенія. Работы эти были различны. Одинъ купецъ нанималъ 70

человѣкъ для фабрикаціи табаку, такъ-что начинающіе сперва занимались приготовленіемъ обыкновеннаго табаку, и потомъ уже выдѣлкою сигаръ. Также производятся въ заведеніи тканіе и пряденіе различныхъ матерій и издѣлій, равно-какъ и ремесла: портное, сапожное, переплетное, плетеніе соломы, позументное, щеточное, столярное, малярное и токарное. Женщины занимаются пряденіемъ и шитьемъ, но главнѣйшимъ образомъ ояѣ заняты работами для заведенія и преимущественно мытьемъ бѣлья. Неспособные ни къ одной изъ поименованныхъ работъ занимаются щипаньемъ перьевъ.

Заработная плата была до-сихъ-поръ мала сравнительно съ издержками управленія, потому-что еще не всѣмъ преступникамъ могли быть даны сродныя и выгодныя занятія. Между-тѣмъ-какъ содержаніе каждаго преступника обходится около 70 рейхсталеровъ, количество заработной платы, ими выручаемой, едва равняется среднимъ числомъ 7 рейхсталерамъ на каждаго преступника, т. е. возмѣщаетъ только одну десятую часть суммы издержекъ управленія. Впрочемъ, на это и не должно быть обращено большаго вниманія, потому-что цѣль заведенія должна состоять не въ томъ, чтобы получать матеріальныя выгоды отъ преступниковъ, но въ томъ, чтобы даровать преступникамъ выгоды нравственныя. Но для того, чтобы какое-либо занятіе могло благотворно подѣйствовать на преступника, оно должно соответствовать его наклонностямъ, — и потому вопросъ о томъ, приносятъ-ли это занятіе матеріальныя выгоды, долженъ занимать уже второстепенное мѣсто.

Извѣстная, посѣщенная мною тюрьма, въ Мюнхенѣ, находящаяся подъ управленіемъ *Обермайера*, не соответствуетъ вышеуказанному существенному требованію. Войдя туда, можно подумать, что находишься на суконной фабрикѣ, потому-что всѣ работники заняты приготовленіемъ суконъ, начиная отъ пряденія и восходя до высшихъ ступеней фабрикаціи. Хотя тамъ готовится хорошее и прочное сукно для Баварской арміи, доходъ отъ заработной платы гораздо значительнѣе и надзоръ за работами по ихъ одинаковости гораздо легче, такъ-какъ одни и тѣ-же лица могутъ слѣдить за всѣмъ постепеннымъ ходомъ ихъ, — однако тамъ, гдѣ занятіе происходитъ совершенно противъ склонности работника, оно становится для него мученіемъ, ожесточаетъ его и не даетъ того настроенія духа, при которомъ онъ можетъ идти по пути къ исправленію. Равнымъ образомъ здѣсь

не дается никакой гарантіи преступнику, неспособному къ суковной фабрикаціи, въ полученіи средствъ къ пропитанію себя по выходѣ изъ тюрьмы: ибо, какъ неспособный, онъ употребляется въ заведеніи только для трепанія шерсти, а этимъ занятіемъ онъ впоследствии можетъ приобрѣсть только весьма скудное пропитаніе, что легко поведетъ его къ новой гибели. Поэтому мы не будемъ долѣе оставиваться на разсмотрѣніи Мюнхенской тюрьмы: ибо она, видя въ человѣкѣ только рабочую машину и не уважая его личности, не въ состояніи возвысить въ падшемъ человѣкѣ его достоинства, — что однако въ настоящее время составляетъ главную цѣль тюремъ, ибо онѣ не являются уже только мѣстами наказанія преступниковъ, но и мѣстами ихъ исправленія.

Помѣщеніемъ для Мюнхенской тюрьмы послужилъ одинъ старый, развалившійся, исправленный для этой цѣли монастырь, — вслѣдствіе чего она въ своемъ устройствѣ представляетъ многія невыгоды.

Тюрьма въ Галлѣ построена десятью годами позже Бреславской тюрьмы. Но такъ-какъ послѣдняя заключаетъ въ себѣ много улучшеній и устроена для большаго числа преступниковъ, то она заслуживаетъ большаго вниманія въ сравненіи съ Галльской. Только одно обстоятельство при этомъ сравненіи говоритъ въ пользу тюрьмы въ Галлѣ: въ ней роды занятій еще разнообразнѣе, чѣмъ въ Бреславской, хотя въ обѣихъ равнио обращается вниманіе на личность и способности преступника, при назначеніи ему рода занятій. Но мы убѣждены, что если Бреславская тюрьма еще долѣе останется подъ просвѣщеннымъ управленіемъ опытнаго и предвѣщающаго своему трудному дѣлу директора *Стефана*, то распредѣленіе труда будетъ еще разнообразнѣе.

Хотя въ Бреславской и Галльской тюрьмахъ и находятся отдѣльныя комнаты для заключенныхъ, однакожь уничтоженіе сообщества въ школахъ, дворахъ для прогулокъ и рабочихъ залахъ не доведено еще до такого совершенства, какъ въ тюрьмѣ Брукзальской, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ.

3) Тюрьма въ Брукзаллѣ.

Брукзальская тюрьма была осмотрѣна мною по окончаніи заведеній междунагоднаго конгресса благотворительности, бывша-

го въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, со многими членами третьяго отдѣленія конгресса, которое занималось обсужденіемъ вопроса объ устройствѣ тюремъ. Эти члены были: г. *Давидъ*, королевско-Датскій инспекторъ тюремъ, изъ Копенгагена, г. *Мозеръ*, директоръ тюрьмы въ С. Галленѣ, г. *Эльверсъ*, директоръ тюрьмы въ Лейттенбургѣ, профессоръ *Аккерсдикъ*, изъ Утрехта, г. *Шарль-Файдеръ*, генералъ-адвокатъ кассационнаго суда въ Брюсселѣ, г. *Шарль Рожье*, изъ Брюсселя, президентъ перваго междунаrodnаго конгресса, и г. *Августъ Вишерсъ*, совѣтникъ въ Conseil des mines въ Брюсселѣ. Директоръ Брухзальской тюрьмы *Фюсслингъ*, который также присутствовалъ на конгрессѣ и былъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ ораторовъ его, сопровождалъ насъ изъ Франкфурта въ свое заведеніе. Подъ его руководствомъ осматривали мы это учрежденіе для одиночныхъ заключенныхъ, замѣчательнѣйшее во всей Германіи. Присутствіе вышепомянутыхъ лицъ повело къ интереснымъ преніямъ на совѣщаніяхъ, бывшихъ въ самой тюрьмѣ, о цѣлесообразности нѣкоторыхъ частностей въ устройствѣ разсматриваемаго заведенія; эти пренія и практическія наблюденія служили повѣркою теорій, высказанныхъ на конгрессѣ. Брухзальская тюрьма устроена по Пенсильванской системѣ одиночнаго заключенія, т. е. съ полнымъ уединеніемъ заключенныхъ въ ихъ комнатахъ, днемъ и ночью; между-тѣмъ-какъ система *Обурна*, или система молчанія, предписываетъ уединеніе только ночью, а днемъ назначаетъ общія работы, съ наложеніемъ на заключенныхъ молчанія. Поэтому, кто хочетъ ознакомиться съ рациональнымъ приложеніемъ къ практикѣ Пенсильванской системы, тотъ долженъ осмотрѣть тюрьму Брухзальскую, лежащую въ 2½ часахъ отъ Франкфурта-на-Майнѣ, директоръ которой можетъ сообщить весьма интересныя и поучительныя данныя по этому предмету. Г. *Фюсслингъ* былъ сперва врачомъ при разсматриваемомъ заведеніи, а потомъ сдѣлался директоромъ. Онъ находится въ близкомъ знакомствѣ со всѣми авторитетами въ вопросѣ объ устройствѣ тюремъ и кромѣ-того самъ приобрѣлъ себѣ уваженіе и почетное имя своимъ сочиненіемъ: «Die Einzelhaft nach fremden und sechsjährigen eigenen Erfahrungen im neuen Männer-Zuchthause in Bruchsal», а еще болѣе своимъ превосходнымъ, проникательнымъ и опытнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему заведенія.

Въ основаніе постройки этого заведенія былъ принятъ планъ

Пентонвилльской тюрьмы, во многомъ улучшенный. Комнаты значительно увеличены, устроены особыя школы, сдѣланъ для стражей всходъ на стѣну, окружающую зданіе, устроены въ угловыхъ башняхъ карцеры. Также устранена признанная вредною въ Пентонвилльской тюрьмѣ чрезвычайная близость флигелей, при соединеніи ихъ съ центральною галереєю. Тюрьма открыта 10 октября 1848 г. Все заведеніе окружено стѣною, въ передней сторонѣ которой, обращенной на большую дорогу, сдѣланы ворота, составляющія единственный входъ въ тюрьму. Черезъ эти ворота можно войти въ переднее зданіе, больницу, и черезъ закрытый входъ во внутреннее, среднее зданіе тюрьмы, отъ котораго идутъ лучеобразно, подъ прямыми углами, въ формѣ креста, четыре флигеля, между которыми находятся три двора для прогулокъ. Стѣна, окружающая тюрьму, вышиною 18—25', образуетъ восьмиугольникъ съ четырьмя длинными и четырьмя короткими сторонами, изъ нихъ первая 400', а вторая 100' длины; все пространство, находящееся внутри стѣны, занимаетъ около 7 морговъ. Вышина стѣны препятствуетъ какъ побѣгамъ заключенныхъ изъ тюрьмы, такъ и возможности видѣть дворы снаружи. Въ каждомъ изъ восьми угловъ сдѣланы башни, верхніе этажи которыхъ служатъ сторожамъ укрытіемъ отъ дождя и непогоды, а нижніе—карцерами преступниковъ. Переднее зданіе снабжено двумя огромными массивными желѣзными воротами. Въ нижнемъ этажѣ его на правой сторонѣ находятся: комната для военной стражи, комната для смотрителя воротъ, со стеклянными окнами въ дверяхъ и комната для свиданій съ преступниками, раздѣленная на три отдѣленія: въ одно изъ нихъ входятъ посѣтители, въ другое преступники, къ которымъ пришли эти лица, а въ среднемъ находится надсмотрщикъ, слѣдящій за разговоромъ и препятствующій всякимъ запрещеннымъ разговорамъ и передачѣ писемъ. Весь второй этажъ зданія посвященъ для склада нужныхъ заведенію товаровъ и припасовъ. Этотъ магазинъ устроенъ въ передней части зданія, т. е. внѣ собственно тюремнаго зданія, съ цѣлю избѣжанія сношеній заключенныхъ съ посторонними лицами. Отъ передняго зданія идетъ крытый ходъ, въ которомъ находятся двое воротъ, ведущія какъ въ принадлежащіе къ больницѣ дворы для прогулки, лежащіе между первымъ и четвертымъ флигелями, усаженные растеніями и назначенные для выздоравливающихъ, такъ и въ самую больницу, имѣющую три пріемныя покоя и шесть комнатъ для тяже-

лыхъ больныхъ. Легкіе и преходящіе больные, не нуждающіеся въ больничномъ содержаніи, лечатся въ своихъ комнатахъ, а тѣ, которые нуждаются въ больничномъ столѣ и надзорѣ, помѣщаются въ отдѣльныхъ комнатахъ нижняго этажа четвертаго флигеля.

Въ приемный покой приводятся всѣ вновь поступающіе преступники; здѣсь они осматриваются тюремнымъ врачомъ, объясняется имъ порядокъ въ заведеніи, обстригають имъ извѣстнымъ образомъ волосы на головѣ и бороду, надѣвается на нихъ тюремное платье и отсюда они отводятся въ назначенныя имъ комнаты.

Изъ больницы ведетъ крытый ходъ въ среднее зданіе, составляющее центръ заведенія, отъ котораго расходятся четыре флигеля. Зданіе это, имѣющее четыре этажа, возвышается надъ флигелями, соединяетъ ихъ между собою и доставляетъ весьма важное удобство—возможность обзрѣвать всѣ части зданія. Красивая узорчатая, чугунная витая лѣстница идетъ вверхъ посреди зданія черезъ три этажа, и отъ нея расходятся по разнымъ направленіямъ свѣтлые и широкіе ходы въ каждый изъ флигелей. Въ первомъ этажѣ центрального зданія находятся кухня съ проведеннымъ въ нее колодцемъ, остальные комнаты служатъ складочнымъ мѣстомъ съѣстныхъ припасовъ и различныхъ матеріаловъ, нужныхъ для производства въ флигеляхъ различныхъ работъ. Во второмъ этажѣ находятся служебныя комнаты для чиновниковъ тюремнаго управленія, устроенныя такимъ образомъ, что изъ нихъ видны какъ дворы для прогулки, такъ, при помощи сдѣланныхъ въ нихъ оконъ, и внутренность флигелей; слѣдовательно чиновники легко могутъ наблюдать за приходящими и уходящими преступниками, за надсмотрщиками и вообще за всѣмъ, что происходитъ тамъ. Въ третьемъ этажѣ устроены комнаты для духовныхъ и учителей, бібліотека и двѣ школы; въ послѣднемъ, для устранинія сношеній учащихъ между собою во время ученія, сдѣланы особые стулья, отгороженные одинъ отъ другаго деревянными перегородками, такъ-что учащіеся не видятъ другъ друга, а видятъ только учителя. Одна школа имѣетъ 36 стульевъ, другая 39. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается церковь, также имѣющая перегородки, почему, подобно какъ въ школѣ, преступники, сидящіе на стульяхъ, не видя одинъ другаго, видятъ только священника, равно-какъ и онъ ихъ. Между алтаремъ, занимающимъ половину высоты сѣверной стѣны, и органомъ, помѣща-

ются 274 такихъ стула, расположенныхъ амфитеатромъ и возвышающихся отъ алтаря къ органу. Между отдѣльными рядами ихъ, около каждаго изъ двухъ находящихся одинъ противъ другаго стульевъ, устроены ходы для привода и отвода арестантовъ, на которые выходятъ двери, пропускающіе переднихъ арестантовъ впередъ, заднихъ назадъ, такъ-что каждый стулъ имѣетъ свой особенный входъ, и каждый заключенный можетъ быть выведенъ изъ церкви безъ помѣхи ходу богослуженія. По обѣимъ сторонамъ кафедры, нѣсколькими ступенями ниже ея, идутъ около стѣны галлерей съ мѣстами для служащихъ при тюрьмѣ и дежурныхъ надсмотрщиковъ; послѣдніе кромѣ-того имѣютъ еще два мѣста подлѣ органа. Для входа въ церковь сдѣланы шесть дверей, находящихся во всѣхъ четырехъ стѣнахъ ея, съ тою цѣлю, чтобы преступники въ одно и то-же время могли быть приводимы изъ четырехъ флигелей; этимъ способомъ значительно сокращается время для привода и отвода заключенныхъ.

Флигеля имѣютъ 200' длины, 45' вышины и 50' ширины. Фундаментъ ихъ выведенъ, впрочемъ, на большую длину, къ стѣнѣ, окружающей тюрьму, такъ-что, въ случаѣ надобности увеличить помѣщеніе, флигеля могутъ быть удлиннены и устроены новыя комнаты. Во флигеляхъ ремесленныя занятія раздѣлены слѣдующимъ образомъ: въ первомъ флигелѣ занимаются тканіемъ, во второмъ, въ двухъ нижнихъ этажахъ, — столярнымъ мастерствомъ, въ третьемъ — сапожнымъ ремесломъ и въ четвертомъ, въ первомъ этажѣ, — бочарнымъ и слесарнымъ мастерствомъ. Флигеля состоятъ изъ подвала и трехъ этажей, въ которыхъ находятся ряды комнатъ для заключенныхъ и кладовыя. Въ подвалахъ устроены бани и болѣе или менѣе значительной величины залы, служащія отчасти складочными мѣстами, отчасти мѣстами для работъ, которыя, по величинѣ выдѣлываемыхъ предметовъ, не могутъ быть производимы въ отдѣльныхъ комнатахъ. Каждый флигель заключаетъ въ себѣ 102 комнаты, слѣдовательно во всемъ зданіи ихъ считается 408. Число заключенныхъ доходитъ отъ 300 до 400 человекъ. Надсмотрщики также имѣютъ отдѣльныя комнаты, нѣсколько бѣльшаго объема, чѣмъ комнаты арестантовъ.

Комнаты для преступниковъ, устроенныя со сводами, имѣютъ 13' длины, 8' ширины, 8'7" вышины, слѣдовательно объемъ ихъ равняется слишкомъ 1000 \square' . Въ каждой двери сдѣлано опускаемое

отверзтіе въ 1 □' величины, назначенное для подачи заключенному кушанья и небольшихъ предметовъ для работъ; надъ этимъ отверзтіемъ находится другое, въ которое надсмотрщикъ можетъ наблюдать за заключеннымъ и которое изнутри закрыто жестяною пластинкою съ пробитыми въ ней небольшими дырами, такъ-что арестантъ не видитъ наблюдающаго за нимъ. Въ каждую комнату проведена проволока, для того, чтобы заключенный, въ случаѣ надобности, могъ позвать кого-либо изъ служащихъ. Окно въ каждой комнатѣ на такой высотѣ, что преступникъ въ стоячемъ положеніи не можетъ изъ него видѣть наружу; но оно проливаетъ достаточный свѣтъ для работы. Постели, придѣланныя на петляхъ къ стѣнѣ, на день прикрѣпляются къ стѣнѣ, чтобы не занимали лишняго мѣста; столъ и скамья также открываются. Нижняя сторона доски стола выкрашена черною краскою, такъ-что можетъ служить счетною доскою. Подлѣ стола въ углу стоитъ небольшой шкафъ съ тремя открытыми и однимъ запирающимся отдѣленіями; на верху шкапа стоятъ книги и письменные матеріалы, на первой полкѣ—кружка съ водою, на второй, запирающейся,—столовая посуда, столовый приборъ, хлѣбъ и соль, на третьей—жестяной рукомыльникъ, мыло и гребень, на четвертой — лампа. Испражняется преступникъ также не выходя изъ комнаты: служащіе для этой цѣли сосуды стоятъ на полу, подлѣ двери, въ особомъ углубленіи, вдѣланномъ въ стѣнѣ, запирающемся посредствомъ задвижки внутри комнаты и также имѣющемъ дверцы внѣ тюрьмы, такъ, чтобы эти сосуды могли быть выносимы безъ надобности входить въ комнату преступника. Черезъ особо устроенныя трубы сообщается этому углубленію свѣжій воздухъ и вытягивается испорченный, такъ-что ни въ корридорахъ, ни въ комнатахъ не слышно ни малѣйшаго запаха. Последняя мѣра могла-бы быть пройдена молчаніемъ, еслибы она при своей опрятности и приличіи не имѣла отношенія къ полному введенію одиночества и устраненію общенія между преступниками, на что не обращено должнаго вниманія въ другихъ тюрьмахъ. Съ другой стороны, я имѣлъ случай замѣтить на практикѣ, что устройству общихъ отхожихъ мѣстъ для преступниковъ способствуетъ побѣгамъ ихъ и стачкамъ. Во всякомъ заведеніи, а равно и въ тюрьмѣ, необходимо обращать вниманіе даже на самыя малыя, повидимому, ничтожныя обстоятельства, въ-особенности тамъ, гдѣ идетъ дѣло о введеніи строгаго единства всѣхъ мѣръ, ибо каждое уклоненіе

въ одной мѣрѣ отъ единства дѣласть все прочія бесполезными и недостигаемыми цѣли.

Между флигелями и стѣною, окружающею заведеніе, находятся достойные замѣчанія дворы для прогулки, раздѣленные также, какъ и тюремныя помѣщенія, на отдѣленія, такъ-что и здѣсь преступники не встрѣчаются другъ съ другомъ. Этихъ дворовъ, какъ выше было замѣчено, три: два изъ нихъ, меньшіе, имѣютъ 20 отдѣленій, и одинъ, болѣе — 26 отдѣленій. Устройство дворовъ слѣдующее: въ срединѣ каждаго двора находится назначенное для надсмотрщика небольшое круглое зданіе, отъ котораго расходятся радіусами стѣны, вышиною въ 9', и образуютъ такимъ образомъ отдѣльные дворики, которые спереди огорожены желѣзною рѣшеткою; длина ихъ 25 шаговъ, наибольшая ширина 6 шаговъ. — пространство, достаточное для движенія на чистомъ воздухѣ; съ одной стороны двориковъ сдѣланы крыши, для защиты гуляющихъ отъ дождя и непогоды. Среднее зданіе двора имѣетъ два этажа, такъ-что надсмотрщикъ, обходя по нижнему или верхнему этажу, можетъ свободно наблюдать за дѣйствіями преступника. Въ каждый дворикъ впускается только одинъ заключенный на опредѣленный срокъ, и каждый заключенный ежедневно гуляетъ въ одномъ и томъ-же дворѣ.

Вода проведена съ сосѣдняго заведенію холма, имѣющаго колодезь, въ который стекаются нѣсколько источниковъ; труба, проводящая воду, проходитъ подъ стѣною, окружающею тюрьму, и доставляетъ воду надлежащаго качества и въ нужномъ количествѣ. Вода проходитъ въ самые верхніе этажи, и въ каждомъ флигелѣ находится по шести резервуаровъ. Зданія предполагалось освѣщать газомъ; но по причинѣ дороговизны этого способа, онъ не введень въ употребленіе, а комнаты и дворы освѣщаются масломъ. Отопленіе въ переднемъ зданіи тюрьмы, больницѣ и центральномъ зданіи производится печами, ибо тамъ находятся только маленькія, не всегда требующія отопленія помѣщенія; но въ четырехъ флигеляхъ устроено воздушное нагрѣваніе, посредствомъ особой системы, которая вполне обезпечиваетъ трудное равномерное нагрѣваніе. Очищеніе воздуха производится частію черезъ нагрѣвательные каналы, частію черезъ верхнія окна, находящіяся въ отдѣльныхъ комнатахъ, которыя могутъ быть открываемы самими преступниками, при помощи шеста.

Личный составъ тюремнаго управленія слѣдующій: директоръ,

одинъ протестантскій и одинъ католическій священникъ, одинъ раввинъ, два врача, чиновникъ по счетной части, бухгалтеръ и наблюдательный совѣтъ, служащій посредникомъ между управленіемъ тюрьмы и министерствомъ юстиціи, состоящій подъ предсѣдательствомъ инспектора. Священники обязаны совершать богослуженіе по-крайней-мѣрѣ два раза въ недѣлю, при чемъ должны непременно присутствовать всѣ заключенные, развѣ еслибъ ихъ удержала болѣзнь. Равнымъ образомъ два раза въ недѣлю обучаются преступники закону Божію и кромѣ-того ведутъ душе-спасительныя бесѣды съ священниками въ своихъ комнатахъ. Каждый священникъ обязанъ въ-теченіе недѣли посѣтить 140 заключенныхъ его исповѣданія и всѣхъ, находящихся въ больницахъ. Кромѣ-того священники имѣютъ ближайшій надзоръ за школьнымъ преподаваніемъ, за занятіями преступниковъ въ свободные часы и за ихъ корреспонденціею. Каждые полгода производится экзаменъ. Каждый духовный ведетъ дневникъ о состояніи заключенныхъ, отсылаемый чрезъ каждые три мѣсяца въ министерство юстиціи. Въ школѣ преподаются элементарные и реальныя предметы, церковное пѣніе и рисованіе, частію въ самомъ помѣщеніи школы, частью въ комнатахъ заключенныхъ. Школа имѣетъ 4 класса: въ первомъ классѣ находятся совершенно-необразованные и слабо-образованные, во второмъ — посредственные, въ третьемъ — хорошо-образованные, въ четвертомъ — преступники отъ 36 до 60-лѣтняго возраста, безъ различія ихъ званій.

Только преступники, имѣющіе болѣе 60 лѣтъ, освобождаются отъ обученія. Первые три класса имѣютъ въ недѣлю три дня занятій, четвертый классъ — два. Предметы преподаванія преимущественно суть: чтеніе, письмо и счисленіе, первыя понятія о естественной исторіи, физикѣ, землевѣдѣніи, исторіи и врачебной наукѣ. Въ четвертомъ классѣ ограничиваются чтеніями и объясненіями, и только тѣ, которые обнаруживаютъ способности и желаніе къ занятіямъ, получаютъ дальнѣйшіе уроки въ своихъ комнатахъ. Я присутствовалъ при школьномъ урокѣ и былъ немало удивленъ искусствомъ, съ которымъ заключенные рѣшали математическія задачи. Касательно занятія преступниковъ математикою должно сказать, что это есть прекрасное средство не только для отвлеченія ихъ отъ бесполезныхъ мечтаній, но и полезное знаніе для приобрѣтенія основательныхъ свѣ-

дѣній въ разныхъ ремеслахъ. Начальство заведенія доставляетъ всѣ нужныя учащимся пособия, равно и книги, а главный наставникъ еженедѣльно озабочивается распредѣленіемъ и перемѣною книгъ, выдаваемыхъ преступникамъ изъ тюремной библіотеки для чтенія въ ихъ комнатахъ. Каждый вновь поступающій подвергается испытанію, и по истеченіи 8 — 14 дней назначается отдѣленіе, въ которое онъ долженъ поступить. Частные уроки устраиваются такимъ образомъ, что главный наставникъ и его помощникъ посѣщаютъ ежедневно, каждый по-крайней-мѣрѣ 50 человекъ заключенныхъ, въ ихъ комнатахъ, и даютъ надлежащее направленіе занятіямъ заключенныхъ, которымъ послѣдніе предѣются въ свободные часы по особому руководству. Въ праздничные и воскресные дни заключенные должны приготовить заданные имъ уроки, состоящіе въ упражненіи въ письмѣ, въ ученіи наизусть, въ рѣшеніи ариметическихъ задачъ и рисованіи.

Тюремный врачъ обязанъ осматривать cadaго здороваго заключеннаго по-крайней-мѣрѣ разъ въ недѣлю, а cadaго больнаго — разъ или два въ день. Больные обыкновенно лечатся въ ихъ комнатахъ, и только въ случаѣ опасности или заразительности ихъ болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ помѣщаются въ больницы. Лекарства готовятся въ городской аптекѣ, но необходимыми средствами запасается тюремное управленіе. Врачъ обязанъ наблюдать за отопленіемъ комнатъ и очищеніемъ въ нихъ воздуха, за кушаньями, хлѣбомъ и водою, за чистотою жилищъ преступниковъ, прогулками заключенныхъ на чистомъ воздухѣ и принятіемъ ими ваннъ или бань.

На обязанности управителя лежитъ наблюденіе за ремесленными работами; онъ предлагаетъ улучшеніе существующихъ и введеніе новыхъ ремеселъ, приобрѣтеніе ремесленныхъ орудій и матеріаловъ; на немъ лежитъ надзоръ за исправностью сихъ послѣднихъ, раздѣленіе преступниковъ по роду ихъ ремеслъ, при чемъ онъ обращаетъ вниманіе на ихъ склонности и прежнія занятія, и наконецъ онъ заботится о сбытѣ тюремныхъ произведеній и самой продажѣ ихъ. Онъ долженъ посѣщать cadaго заключеннаго по-крайней-мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли и отмѣчать въ рабочихъ и платежныхъ листкахъ ходъ занятій преступниковъ, успѣхи ихъ, количество работы, произведенной заключеннымъ въ-теченіе дня, и количество слѣдующей преступнику платы за произведенную имъ работу, сверхъ назначенной; равнымъ образомъ онъ долженъ

обсуживать относящіяся сюда желанія и жалобы преступниковъ. Директоръ есть высшій начальникъ заведенія и имѣетъ главнѣйшею цѣлю то, чтобы наказаніе тюремное строго сообразовалось съ предписаніями закона и въ то-же время вело къ нравственному благу преступниковъ и согласовалось съ правилами нравственнаго усовершенствованія заключеннаго и приготовленія его къ разумной жизни по выходѣ изъ тюрьмы.

Директоръ обязанъ ежедневно посѣтить по-крайней-мѣрѣ четвертую часть заключенныхъ и разспросить ихъ объ ихъ ремесленныхъ и другихъ занятіяхъ, побесѣдовать съ ними о ихъ прошедшей и предстоящей имъ жизни, изслѣдовать состояніе ихъ душевнаго и тѣлеснаго здоровья, выслушать ихъ желанія, мысли и жалобы; при исполненіи всего этого онъ долженъ быть серьезенъ, но добродушенъ. Преступниковъ, какъ заключенныхъ въ приемныхъ покояхъ, такъ и содержащихся въ отдѣльныхъ комнатахъ, директоръ обязанъ посѣщать по-крайней-мѣрѣ разъ въ день, а находящихся въ больницахъ—не менѣе одного раза въ недѣлю. Вновь поступившіе арестанты приводятся, какъ было выше замѣчено, въ приемныя комнаты; здѣсь директоръ обязанъ посѣтить ихъ не позже, какъ спустя 8 часовъ по ихъ прибытіи; онъ знакомитъ ихъ съ порядкомъ, принятымъ въ заведеніи, и увѣщаваетъ слѣдовать этому порядку. Затѣмъ онъ назначаетъ преступнику комнату. Здѣсь, въ продолженіе первыхъ 4—6 недѣль заключенія, какъ тюремный начальникъ, такъ и прочіе служащіе при заведеніи должны обращать особенное вниманіе на преступника и при малѣйшихъ признакахъ упадка въ немъ душевныхъ силъ употреблять все стараніе для возстановленія ихъ.

Дабы заключенный не страдалъ отъ совершеннаго отсутствія общенія съ людьми, приняты достаточныя мѣры: заключенные ежедневно до шести разъ посѣщаются тюремными должностными лицами; сверхъ-того имъ дозволена переписка съ честными родственниками, а послѣднимъ дозволено посѣщать заключенныхъ. Но для того, чтобы слишкомъ частое пользованіе преступниками тѣмъ и другимъ не ослабило значенія заключенія ихъ, какъ наказанія, то постановлено, что каждый арестантъ можетъ отправить въ теченіе мѣсяца только два письма и столько-же могутъ быть переданы ему, и только одинъ разъ можетъ быть посѣщенъ однимъ или нѣсколькими лицами, въ назначенной для этой цѣли комнатѣ. Впрочемъ, наблюдательный совѣтъ заведенія (Aufsichtsrath) можетъ дозво-

леть и болѣе частую переписку и прогулки, но не иначе, какъ съ согласія директора. Всѣ поступающія письма не иначе передаются по адресу, какъ по принятіи и освидѣтельствованіи ихъ чиновникомъ. Тяжело больные навѣщаются друзьями и родственниками въ больничныхъ комнатахъ; въ случаѣ-же, если врачъ опасается за жизнь больного, то близкіе къ заключенному лицу, по желанію его, немедленно увѣдомляются о томъ управленіемъ.

За нѣсколько дней предъ выпускомъ заключеннаго изъ тюрьмы онъ увѣщается директоромъ и священникомъ къ веденію трудолюбивой и разумной жизни, и если его поведеніе въ тюрьмѣ было безукоризненно, то ему выдается одобрительный аттестатъ. Если у освобождаемаго нѣтъ хорошаго собственнаго платья, оставшагося при вступленіи его въ тюрьму, то оно выдается, или чинится прежде, на счетъ заведенія.

Наблюдательный совѣтъ заведенія составляютъ слѣдующія лица:

1) Назначенный отъ министерства юстиціи чиновникъ, занимающій мѣсто предсѣдателя.

2) Отъ двухъ до четырехъ не находящихся на службѣ градскихъ гражданъ.

3) Состоящіе при заведеніи: а) директоръ, б) управитель, с) священники, д) врачъ.

4) Помощникъ управителя, въ качествѣ секретаря.

Предметы занятій наблюдательнаго совѣта суть слѣдующіе:

1) наблюденіе за согласнымъ съ предписаніями обхожденіемъ съ преступниками;

2) надзоръ за богослуженіемъ и школами;

3) разборъ жалобъ заключенныхъ на управленіе, или отдѣльныхъ лицъ;

4) разсмотрѣніе жалобъ заключенныхъ на наказанія, назначенныя имъ директоромъ;

5) руководство въ ремесленныхъ работахъ и опредѣленіе заработной платы и продажной цѣны;

6) повѣрка смѣтъ управленія.

Предсѣдатель наблюдательнаго совѣта есть въ то-же время инспекторъ заведенія. Онъ долженъ осматривать тюрьму по-крайней-мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли, внимательно осмотрѣть всѣ главныя части зданія, посѣтить хотя нѣкоторае число комнатъ заключенныхъ, разспросить послѣднихъ наединѣ объ обхожденіи съ ними

и испытать достоинство кушанья и хлѣба. Если въ этомъ отношеніи онъ замѣтитъ что-либо особенное, то долженъ довести объ этомъ до свѣдѣнія наблюдательнаго совѣта въ первомъ-же засѣданіи.

Заведеніе подвѣдомственно министерству юстиціи, равно-какъ и всѣ лица, занимающія высшія должности при тюрьмѣ. Конечно, было-бы сообразнѣе съ цѣлю подчинить тюрьмы министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ему подвѣдомственны полицейскіе вопросы: ибо, кромѣ приговора и нѣкотораго смягченія его по просьбѣ заключеннаго, нѣтъ ни одного вопроса въ тюремномъ бытѣ, который имѣлъ-бы судебное свойство.

Для поступленія въ надсмотрщики требуется, чтобы желающее получить эту должность лице было: 1) не старѣе 36 лѣтъ, 2) здороваго тѣлосложенія, 3) пользовалось хорошею репутаціею, 4) умѣло бѣгло читать и писать и знало начальныя правила счисленія и 5) по-возможности знало какое-либо ремесло. Наблюдательный совѣтъ испытываетъ желающихъ опредѣлиться въ надсмотрщики въ присутствіи директора и даетъ мнѣніе объ ихъ способностяхъ. Первоначальное опредѣленіе такого лица, кромѣ-того, вообще есть только предварительное; окончательное-же утвержденіе въ должности имѣетъ мѣсто не ранѣе, какъ по прошествіи года. Надсмотрщикамъ запрещается употреблять въ стѣнахъ зданія горячіе напитки и курить табакъ. Надсмотрщикъ снабжается оружіемъ; однакожь онъ не долженъ раздражать имъ заключенныхъ, но поступать съ ними ласково, хотя и съ твердостью; не показывая даже оружія въ обыкновенной службѣ, имѣетъ право употреблять его только въ крайнихъ случаяхъ. При отклоненіи нападеній на личность, надсмотрщики должны остерегаться отъ перехода за предѣлы необходимой обороны и тотчасъ посредствомъ ближайшаго звонка требовать себѣ помощи. Съ другой стороны, они обязываются къ строгой служебной честности и не могутъ ни подъ какимъ видомъ принимать отъ родственниковъ заключеннаго подарки, услуги, или одолженія, а равно давать кикія-либо свѣдѣнія о заключенныхъ какъ другимъ преступникамъ, такъ и постороннимъ лицамъ. Пьянство, грубость и суровость обхожденія надсмотрщиковъ съ преступниками строго наказываются; равнымъ образомъ имъ строго запрещено наносить преступникамъ побои, исключая случаевъ необходимой обороны.

Въ каждомъ флигелѣ находятся три надсмотрщика, которые

обязаны записывать всякій безпорядокъ въ особую книгу, выдаваемую высшимъ надсмотрщикомъ (Oberaufseher), которыхъ при заведеніи находится двое. Для надзора за работами назначены шесть надсмотрщиковъ, для больныхъ — одинъ и кромѣ-того четыре помощника.

День распределяется слѣдующимъ образомъ: въ $4\frac{3}{4}$ часа утра надсмотрщики складываютъ постели къ стѣнѣ и приносятъ въ комнату взятые изъ нея наканунѣ вечеромъ орудія для работъ. Преступникъ не можетъ оставлять своей комнаты ни подѣ какимъ предлогомъ, кромѣ выхода въ церковь, школу и для прогулки; но и это совершается подѣ надзоромъ надсмотрщика и въ опредѣленные часы. При этихъ общихъ выходахъ заключенные находятся одинъ отъ другаго на разстояніи пятнадцати шаговъ; они идутъ молча и имѣютъ на лицѣ маски, придѣланныя къ фуражкамъ на-подобіе щита. Противъ этихъ масокъ возставали многіе изъ знатоковъ вопроса о тюрьмахъ, утверждая, что маски, назначенныя для того, чтобы преступники не могли узнать другъ друга, не достигаютъ цѣли, ибо самое сложеніе тѣла и особыя тѣлодвиженія даютъ средство узнать человѣка. Директоръ заведенія Фюсслингъ, съ которымъ я говорилъ о сей мѣрѣ, отозвался, что онъ спрашиваетъ каждого выпускаемаго изъ тюрьмы, не была-ли обязанность носить маску для него особенно неприятною. На это онъ всегда получалъ отвѣтъ, что заключенный, имѣя маску, надѣялся не быть признаннымъ другими преступниками, и потому, напротивъ, неохотно-бы отказался отъ этой предохранительной мѣры. Занятія продолжаются отъ 5 часовъ утра до $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера съ слѣдующими промежутками:

- 1) для завтрака и приведенія въ порядокъ комнаты назначается время отъ 7 до $7\frac{1}{2}$ часовъ утра;
- 2) для движенія на чистомъ воздухѣ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда по получасу, въ особо опредѣленномъ порядкѣ;
- 3) для обѣда и отдохновенія отъ 12 часовъ до 1-го часа;
- 4) для посѣщенія школы — еженедѣльно 3 часа;
- 4) для посѣщенія церкви — еженедѣльно 3 часа.

Такимъ образомъ остается 11-ть часовъ для занятій; впрочемъ, если принять во вниманіе ежедневныя посѣщенія служащими при тюрьмѣ арестантовъ и разговоры съ ними, то для работъ остается не болѣе 10 часовъ. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ заключенные ужинаютъ, въ $8\frac{1}{2}$ ложатся спать. Кушанье раздають надсмотрщики при помощи

смотрителей за работами, утромъ, въ полдень и вечеромъ чрезъ особыя отверстія, устройство которыхъ было описано выше, съ возможною скоростію, лишь только оно поднимется въ этажъ посредствомъ машины, такъ чтобы оно не успѣло простыть. Каждый надсмотрщикъ долженъ посѣтить разъ въ день ввѣренныхъ его надзору преступниковъ и спросить ихъ, все-ли въ порядкѣ. Ночью надсмотрщики совершаютъ обходъ по всему заведенію, смѣняя одинъ другаго чрезъ каждые два часа.

Смотрители работъ обязаны дать занятіе заключеннымъ. Если послѣдніе не имѣютъ никакихъ свѣдѣній въ назначенномъ имъ ремеслѣ, или имѣютъ свѣдѣнія недостаточныя, то имъ даются систематическія наставленія, при помощи имѣющихся въ заведеніи руководствъ и таблицъ. По окончаніи учебнаго времени, каждый долженъ вручить надсмотрщику заданную ему работу. Въ теченіе дня преступника посѣщаетъ мастеръ отъ одного до трехъ разъ, бесѣдуетъ съ нимъ о его работѣ и выгодахъ ея, исправляетъ ошибки и наказываетъ за лѣность. Вечеромъ, между 6 и 7 часами измѣряетъ количество приготовленной каждымъ работы, или высчитываетъ ее, заноситъ все это въ книгу, принимаетъ оконченныя работы для передачи ихъ управленію и раздаетъ матеріалы на другой день. За выполненіе преступникомъ назначенной ему на день работы опредѣляется ему въ плату одинъ крейцеръ, за трудъ же лишній—столько, сколько опредѣлено положеніемъ. Остальная прибыль отъ работъ поступаетъ въ кассу управленія. Половиною выработанной преступникомъ излишней трудомъ суммы можетъ онъ, съ дозволенія начальства, распорядиться въ свою пользу или въ пользу своихъ друзей. Каждые 4 мѣсяца преступнику показывается счетъ о выработанныхъ имъ деньгахъ.

При сравненіи двухъ описанныхъ тюремъ, Бреславской и Брухзальской, представляется многое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Что касается введенія одиночнаго заключенія, то объ немъ уже выше было замѣчено и въ этомъ заключается главное ихъ отличіе другъ отъ друга. Также важна и большая разница въ числѣ заключенныхъ, которое вмѣщаетъ каждая тюрьма. Между тѣмъ-какъ въ Бреславской тюрьмѣ число это восходитъ до 2000, въ Брухзальской тюрьмѣ оно доходитъ только отъ 200 до 300. Далѣе въ первой тюрьмѣ находятся мужчины и женщины, во второй — только мужчины; въ первой принимаются и подсудимые, во второй — только осужденные. Всѣ эти различія гово-

рять въ пользу Брухзальской тюрьмы. Въ управленіи тюрьмою должна господствовать воля *одного* лица и только *одно* лице должно наблюдать за исполненіемъ своей воли. Но это необходимое условіе физически-неисполнимо при заключеніи въ тюрьмѣ 2000 арестантовъ. Поэтому 300 или 400 человекъ должно быть наибольшимъ числомъ заключенныхъ въ одной тюрьмѣ и все обширнѣйшія тюрьмы не могутъ имѣть надлежащаго единства въ управленіи. Кромѣ-того мѣры, которыя надлежитъ принять относительно женщинъ, совершенно рождаются отъ приемовъ, нужныхъ для мужчинъ; поэтому соединеніе ихъ въ одной тюрьмѣ неумѣстно. Далѣе, обхожденіе съ подсудимыми должно имѣть иной характеръ, чѣмъ обхожденіе съ преступниками, потому-что первые только подозрѣваются въ виновности, тогда-какъ вторые положительно виновны. Правда, что въ Бреславлѣ обращаютъ рѣшительное вниманіе на это различіе, но тѣмъ не менѣе отъ этого происходитъ двойственность въ управленіи, вредная для единства заведенія.

Недостатки въ устройствѣ Брухзальской тюрьмы состоятъ: 1) въ введеніи темныхъ карцеровъ, въ которые сажаются заключенные въ наказаніе за ихъ худое поведеніе въ тюрьмѣ (карцеры эти совершенно лишены свѣта и не имѣютъ никакой мебели), и 2) въ употребленіи гоюднаго стола (Hungerkost) — наказанія, которому преступники подвергаются до 90 дней. Послѣдняя мѣра не является только домашнею исправительною мѣрою, но назначается и судомъ, какъ усиленіе наказанія. Обѣ эти мѣры, при назначеніи ихъ, въ качествѣ исправительныхъ и на короткій срокъ, могли-бы получить нѣкоторое оправданіе, или, первая, по-крайней-мѣрѣ извѣнчивіе; но при назначеніи ихъ на долгій срокъ онѣ дѣйствуютъ губительно: первая—на нравственную, а вторая—на физическую природу заключеннаго. Голодный столъ часто развивалъ тяжкія болѣзни, такъ-что преступникъ, не будучи въ-состояніи за одинъ разъ выдержать это наказаніе, подвергался ему въ нѣсколько приемовъ, по предварительномъ леченіи. Преступленіе противъ тюремнаго порядка влечетъ за собою, съ устраненіемъ тѣлесныхъ наказаній, какъ обезпечивающихъ подвергакъ щегося имъ, выговоръ, отнятіе, или ограниченіе различныхъ льготъ, заключеніе въ темномъ карцерѣ, отнятіе постели, голодный столъ, привязаніе къ стулу и наложеніе оковъ. Собственно все эти наказанія, исключая первыхъ два, суть наказанія тѣлесныя, и все они причиняютъ страданія, согласно своей цѣли, одни тѣлесныя, другія душевныя.

Теперь рождается попрось: не должна-ли система одиночнаго заключенія, имѣющая единственную цѣлю исправленіе преступниковъ, принять только два первыя изъ поименованныхъ дисциплинарныхъ наказаній, такъ-какъ послѣднія производятъ въ наказываемомъ ожесточеніе, противорѣчащее нравственному усовершенствованію? Но, при отвѣтѣ на этотъ вопросъ, не должно забывать, что система одиночнаго заключенія должна удовлетворять требованіямъ справедливости, — цѣли, которую соединяетъ съ наказаніемъ государство. Эта справедливость требуетъ, чтобы наказываемый за свои дѣянія подвергался и чувствительному страданію, которое, относительно натуры преступниковъ, должно проявиться въ физическихъ лишеніяхъ. Такимъ образомъ тѣлесныя наказанія, коль скоро наказаніе не ограничивается одною цѣлю исправленія, получаютъ свое справедливое основаніе. Этому вопроса мы не могли не коснуться, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ въ пенитенціарной системѣ и здѣсь въ-особенности настоятельно повѣрка теоретическихъ выводовъ указаніями опыта.

Мы считаемъ лишнимъ указывать на недостатки, которые можно было-бы найти въ самомъ устройствѣ зданія Брухзальской тюрьмы: такъ-какъ достойный директоръ ея г. Фюссингъ, въ своемъ описаніи ввѣреннаго ему заведенія, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла самъ указалъ на нихъ для пользы правительствъ, вводящихъ подобныя заведенія. Съ другой стороны, мы не считаемъ себя обязанными отыскивать въ разсмотрѣнномъ заведеніи, отличающемся рѣдкими достоинствами въ постройкѣ, организаціи и исправленіи заключенныхъ, легкіе недостатки и тѣмъ ослаблять признательность, которою мы обязаны произнести къ его дѣятельности отъ имени всѣхъ спасенныхъ имъ людей отъ погибели, которымъ оно открыло ихъ заблужденія и указало путь къ разумной и полезной жизни. Намъ не удалось въ настоящее путешествіе изучить устройства тюремъ Франціи, Англіи, Италіи, Бельгіи и Голландіи, хотя мы надѣемся впоследствии времени ознакомиться и съ этими учрежденіями: поэтому теперь мы удерживаемся отъ сравненій, такъ-какъ только собственнымъ опытомъ можно достигнуть истиннаго познанія, дающаго точную опору убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе мы до-сихъ-поръ вполне раздѣляемъ почти единогласные отзывы о Брухзальской тюрьмѣ всѣхъ авторитетовъ въ дѣлѣ пенитенціарной системы, признающихъ разсмотрѣнное заведеніе первымъ и лучшимъ изъ всѣхъ въ мірѣ. Поэтому всѣ

друзья человечества должны быть исполнены благодарности къ Баденскому правительству и въ-особенности къ незабвенному великому герцогу Леопольду, создавшему какъ знаменитый Илленаускій домъ умалишенныхъ, такъ и Брухзальскую тюрьму. Но правитель для осуществленія своихъ благородныхъ стремленій нуждается и въ благородныхъ сотрудникахъ. Здѣсь мы должны съ признательностію назвать имена: президента министерства юстиціи *Жолли* (Jolly), совѣтника министерства доктора *Ягеманна* (Jagemann), обработывавшихъ уставъ Брухзальской тюрьмы, и въ-особенности просвѣщеннаго и благороднѣйшаго директора заведенія г. Фюсслина, благосклонности котораго мы обязаны и подробнымъ осмотромъ тюрьмы.

4) Совѣщанія объ устройствѣ тюремъ на международномъ конгрессѣ во Франкфуртѣ.

На этомъ конгрессѣ присутствовали лучшіе теоретики и практики, и послѣдніе въ большемъ числѣ. Выше мы уже назвали замѣчательнѣйшихъ лицъ. Главною цѣлію конгресса было собрать свѣдѣнія изъ различныхъ странъ о состояніи тюремнаго устройства: слѣдовательно здѣсь должно было ожидать практическихъ результатовъ. Не только надежды на будущее, но и осуществленіе этихъ надеждъ въ настоящемъ предположено было изслѣдовать и дѣйствительно было изслѣдовано на конгрессѣ, такъ-какъ первою его задачею было привести въ извѣстность практическіе успѣхи въ устройствѣ тюремъ различныхъ странъ: Германіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи. Всѣ мнѣнія, высказанныя на конгрессѣ, постоянно имѣли свое основаніе и ни одно изъ нихъ не было плодомъ неосновательнаго предубѣжденія. Здѣсь, можно сказать, мы присутствовали въ высшей Европейской школѣ пенитенціарной системы, гдѣ говорили почти все знаменитости, прочіе-же присутствующіе рѣдко вмѣшивались въ разсужденія и были только внимательными слушателями. Для избѣжанія отсутствія системы въ совѣщаніяхъ, предварительный комитетъ составилъ программу этихъ совѣщаній, съ указаніемъ главнѣйшихъ вопросовъ, которые должны были подвергаться обсужденію. Обсужденіе перваго вопроса: 1) *О системѣ одиночнаго заключенія, условіяхъ и границахъ ея примѣненія*, заняло большую часть совѣщаній. Цѣлями наказанія были признаны: справедливость и исправленіе. При рѣшеніи этого вопроса, прекрасная рѣчь Гейдельбергскаго профессора *Редера*, въ которой онъ защищалъ мнѣніе свое о необходимости назначенія наказанію только послѣдней цѣли—исправленія, должна была усту-

пять не менѣе краснорѣчивымъ опроверженіямъ ея гг. *Бетмана Гольвега*, президента конгресса, бывшаго профессора Боннскаго университета, и доктора *Вихерна*. Но касательно самого одиночнаго заключенія почти всѣ мнѣнія были въ пользу его и Пенсильванской системы. Мнѣніе о жестокости одиночнаго заключенія было рѣшительно опровергнуто достойнымъ директоромъ Ольденбургской тюрьмы *Гоьеромъ*, доказывавшимъ напротивъ присутствіе этой жестокости при общемъ заключеніи, гдѣ арестанты обязаны быть въ сообществѣ съ разнаго рода преступниками. Профессоръ Редеръ высказалъ мнѣніе о необходимости болѣе мягкаго обращенія съ преступниками, дѣяніе которыхъ не обнаруживало въ себѣ большой нравственной развращенности. Противъ устройства тюремъ съ земледѣльческимъ характеромъ возстали также почти единогласно. Въ защиту такого устройства говорилъ докторъ *Эберти*; но противъ мнѣнія его выставили невозможность строгаго уединенія при земледѣльческомъ характерѣ тюремъ, такъ-какъ здѣсь невозможенъ надзоръ за тѣмъ, чтобы преступники не имѣли другъ съ другомъ отношеній и разговоровъ.

За тѣмъ единогласно было признано, что уголовное законодательство и тюрьмы, роды и способъ примѣненія наказаній находятся въ ближайшей связи между собою и обуславливаютъ другъ друга. Преобразование тюремъ безъ преобразованія уголовного законодательства признано полумѣрою; равно признано недостаточнымъ, съ одной стороны, примѣненіе одиночнаго заключенія для осужденныхъ, безъ подверженія ему подсудимыхъ, такъ-какъ первые испытаютъ на себѣ губительное вліяніе соотношеній съ другими преступниками, и съ другой — примѣненіе этой мѣры только къ осужденнымъ, не относя ея къ подсудимымъ: ибо здѣсь одиночное заключеніе принесло-бы плоды только для первыхъ, но осталось-бы безъ вліянія на вторыхъ, и они, по причинѣ послѣдующаго сообщества съ преступниками, снова подверглись-бы нравственной порчѣ. Равнымъ образомъ признано необходимымъ устройство училища—практической школы, съ извѣстнымъ срокомъ испытанія, въ которой-бы лица приготавливались ко вступленію въ должности тюремныхъ чиновниковъ и именно въ мѣста одиночнаго заключенія. Наконецъ надъ выпущенными ихъ мѣстъ заключенія признано нужнымъ устроить особое попечительство (патронатъ, уже введенный въ многихъ мѣстахъ), призывая къ этому дѣлу частныхъ лицъ, при покровительствѣ и надзорѣ правительства.

Второй вопросъ, начертанный программю, касающійся предварительнаго и условнаго дарованія свободы заключенному, при признакахъ его исправленія и, наоборотъ, продолженія заключенія, въ случаѣ если такой выпущенный преступникъ снова впадалъ въ

преступленіе, былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса, по причинѣ недостаточности собранныхъ по этому предмету практическихъ наблюдений, дѣлавшихся только въ Англии и то безъ большаго успѣха, вслѣдствіе чего еще невозможно было зрѣлое сужденіе объ этомъ вопросѣ.

Третій вопросъ касался исправительныхъ и учебныхъ заведеній для молодыхъ преступниковъ, нищихъ и бродягъ, порочныхъ, потерявшихся и нравственно-испорченныхъ дѣтей. Устройство такихъ заведеній, вслѣдствіе сильныхъ доказательствъ опыта, было признано дѣломъ настоятельной необходимости; по поводу этого предмета докторъ *Вихернъ* представилъ самыя подробныя наблюденія, взятыя изъ фактовъ, собранныхъ имъ во время управленія своимъ заведеніемъ. Вообще конгрессъ, относительно вопроса объ устройствѣ тюремъ, главнѣйше заботился о собраніи фактовъ и наблюдений, доставленныхъ опытомъ, о поощреніи къ таковымъ практическимъ изысканіямъ и объ обсужденіи сомнительныхъ практическихъ вопросовъ, и это дѣло исполнилъ онъ достойнымъ образомъ. Совѣщанія конгресса, которыя въ непродолжительномъ времени должны быть обнародованы, сдѣлаютъ возможнымъ болѣе многостороннее сужденіе объ этомъ вопросѣ и доставятъ какъ теоріи, такъ и практикѣ драгоцѣнный матеріалъ.

Изъ разсмотрѣнія заведенія для нравственно-испорченныхъ дѣтей и тюремъ видно, какъ они являются мѣстами воспитанія лицъ и оба служатъ благотворительности, ибо какое большее благодѣяніе можно оказать человѣку и обществу, къ которому онъ принадлежитъ, какъ не нравственное спасеніе его въ этой и будущей жизни? Тюрьмы обыкновенно наполняются лицами, не получившими надлежащаго образованія, и именно надлежащаго образованія нравственнаго; слѣдовательно только хорошее образованіе можетъ уменьшить количество населенія тюремъ. Подобно тому какъ въ вопросѣ объ искорененіи пролетаріата тогда только были сдѣланы существенныя успѣхи, когда была признана необходимость образованія бѣдныхъ гражданъ, вслѣдствіе чего молодой бѣднякъ, приученный къ труду, по выходѣ изъ ученія, получалъ средства къ опеканію себѣ средствъ къ жизни, — такъ и нравственно падшій молодой преступникъ, поступающій въ исправительный домъ, путемъ образованія долженъ быть не только перерожденъ нравственно, но и приученъ къ труду. Должно сказать, что почти у всѣхъ мѣше развращенныхъ преступниковъ скорѣе замѣчается неразвитіе дѣятельной силы для обезпеченія себѣ самостоятельнаго положенія въ обществѣ собственнымъ трудомъ, чѣмъ недостатокъ ея. Система одиночнаго заключенія представляла убѣдительныя доказательства этому факту, — и при помощи

ея многіе преступники впервые познали свое собственное достоинство, такъ-какъ она сблизила ихъ съ возвышающими нравственность элементами, многіе также впервые научились работать, такъ-какъ она впервые внушила имъ мысль трудѣ. И если преступники подвергаются такому исправленію, то число повторенія преступленій должно уменьшаться, — что дѣйствительно и является при системѣ одиночнаго заключенія. Напротивъ, при общемъ заключеніи преступниковъ, число повтореній преступленія увеличивается, ибо заключенные въ этомъ случаѣ научаются отъ своихъ искусныхъ сотоварищей ловкости и осторожности въ совершеніи преступленій, — и такіе люди, не приученные къ труду и исправленные, по выходѣ изъ тюрьмы, естественно вступаютъ на прежній путь, на которомъ и подвизаются, пока тюрьма снова не отворитъ дверей своимъ старымъ знакомымъ. Мы увѣрены, что всякій смотритель общественныхъ тюремъ долженъ согласиться съ справедливостію вышесказаннаго и подтвердить, что во время своего служенія онъ нерѣдко встрѣчалъ примѣры повторенія преступленій со стороны людей, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ этого рода; равно и всякому уголовному судѣ навѣрное не разъ приходилось судить лицъ, выпущенныхъ изъ общественныхъ тюремъ и снова уличенныхъ въ преступленіи. Такимъ образомъ одно наказаніе является недостаточнымъ средствомъ къ уменьшенію числа преступленій, и цѣль эта вѣрнымъ путемъ достигается только при помощи дѣятельнаго нравственнаго образованія и приученія къ труду лицъ, склонныхъ къ преступленію, и дѣятельнаго исправленія людей, впавшихъ уже въ преступленіе. Необходимость прибѣгать къ карательной силѣ закона уменьшается только тамъ, гдѣ усиливается нравственное образованіе и приученіе къ труду; а конечно нельзя сомнѣваться, что такое *приученіе* къ общественному порядку, — этому отраженію нравственнаго порядка, въ основаніи котораго лежитъ любовь къ Богу и трудолюбіе, гораздо лучше, чѣмъ насильственное поддержаніе порядка путемъ наказаній. Но если и является необходимость прибѣгать къ наказаніямъ, то они не должны влечь за собою новаго зла, а напротивъ искоренять старое; первое является гибельнымъ слѣдствіемъ общественнаго заключенія, послѣднее — благотвельнымъ результатомъ заключенія одиночнаго, и кто слѣдилъ за послѣдствіями обоихъ родовъ заключенія, тотъ не затруднится въ выборѣ между ними.

Перев. съ Нѣм.

(Окончаніе впереди).

VI.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Сельское благоустройство, изд. *Кошелевымъ*. № 1—5. Москва. — Журналъ землевладѣльцевъ, издан. *Желтухинымъ* № 1—2. Москва.

Подобно тому, какъ частный, отдѣльный человѣкъ, въ тѣсной сферѣ своей дѣятельности, старается въ настоящее время основать свои поступки не на слѣпомъ произволѣ и прихотливой волѣ, такъ точно и государство, въ обширной области своихъ дѣйствій, стремится построить ихъ на рациональныхъ основахъ, т. е. сдѣлать сообразными со строгими требованіями разума и практически-примѣнимыми къ жизни.

Это особенно должно относиться къ такимъ правительственнымъ дѣйствіямъ, къ такимъ мѣропріятіямъ, которыя, касаясь той или другой важнѣйшей стороны народной жизни, по всей вѣроятности, должны сопровождаться знаменательными результатами и имѣть вліяніе на всю послѣдующую исторію народа. Къ такимъ мѣрамъ преимущественно принадлежатъ измѣненія въ основныхъ началахъ народнаго быта.

Измѣнить существенныя основанія этого быта и построить его на иныхъ, прежде невѣдомыхъ началахъ, есть дѣло первѣйшей важности и трудности. Разрушить существенные элементы, которые лежали въ основаніи жизни въ-теченіе нѣсколькихъ столѣтій, съ которыми сроднилось нѣсколько поколѣній, и воздвигнуть новые, своеобразные, хотя и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе соотвѣтствующіе современнымъ требованіямъ вѣка, — есть задача великая, на разрѣшеніе которой должно быть устремлено все вниманіе, вся опытность, всѣ многоразличныя свѣдѣнія.

Въ нашемъ отечествѣ въ настоящее время именно разрѣшается такая задача. Правительство, задумавъ ее, предоставило рѣшить ее дворянству, и почти во всей Россіи уже образованы губернскіе комитеты по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Эти комитеты, составленные, какъ должно предполагать, изъ людей испытанной опытности и знаній, начали великое дѣло, которое, по всей вѣроятности, должно скоро увѣнчаться желаемыми результатами. Задача ихъ разрѣшить по-преимуществу общую практическую сторону вопроса, — удобопримѣнимость того или другаго способа измѣненія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, и постановить уже окончательныя правила, на которыхъ въ будущемъ долженъ устроиться быть 23 милл. Русскихъ крестьянъ.

Но есть и другая сторона этого сложнаго вопроса, сторона научная, разработать и разрѣшить которую есть дѣло литературы.

Всякая важная правительственная мѣра, касающаяся народнаго быта, кромѣ своей практической примѣнимости, должна соотвѣтствовать строгимъ требованіямъ справедливости и разума, т. е. должна быть вполне рациональна. Только то, что разумно, — дѣйствительно, сказалъ великій Германскій философъ. Никакое, самое практическое и удобоисполнимое мѣропріятіе не можетъ имѣть мѣста въ государствѣ, — этомъ высшемъ проявленіи правды и разума, если оно не вполне соотвѣтствуетъ имъ; никакое правительственное дѣйствіе, мы убѣждены въ томъ, не можетъ сопровождаться благими результатами и быть долговѣчно, если въ основаніи его не лежатъ строгія требованія разума, ибо разумъ и правда всегда торжествуютъ, побѣда всегда остается за ними. Раскрыть эту разумность той или другой мѣры, показать соотвѣтствіе ея съ подобными требованіями составляетъ задачу науки, проводникомъ для которой въ общество служитъ литература. Та-

ново первое ея значеніе въ дѣлѣ изслѣдованія общественныхъ вопросовъ. Кромѣ-того, правительство, приступающее къ изслѣдованію той или другой стороны быта народнаго, какъ лице оффиціальное, не всегда имѣетъ полную возможность всесторонне и въ малѣйшихъ подробностяхъ изучить вопросъ; отъ взора его, ограничивающагося большею частію общою стороною, могутъ ускользнуть мелочи незамѣтныя, но тѣмъ не менѣе важныя и существенныя. Тутъ опять выступаетъ на помощь литература и посредствомъ передачи различныхъ практическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ опытными людьми, восполняетъ пробѣлы и уясняетъ вопросъ.

Этими заслугами не исчерпывается еще значеніе литературы въ дѣлѣ общественныхъ интересовъ. Она, помощію печати, внести въ общество свѣдѣнія, прежде чуждыя и незнакомыя ему, посвящаетъ людей, имѣвшихъ слабыя свѣдѣнія о предметѣ, во всѣ ускользающія отъ близорукаго взгляда тайны, она знакомитъ гражданъ съ бытомъ ихъ отечества, и тѣмъ дѣлаетъ ихъ разумными его членами, съ сознаниемъ уже смотрящими какъ на состояніе этого быта, такъ и на всѣ новыя мѣры, направляемыя къ его измѣненію и преобразованію.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ участіе, принятое литературою въ дѣлѣ измѣненія крестьянскаго быта, которое готово совершиться въ Россіи, есть явленіе знаменательное и вполне утѣшительное. Мы съ радостію привѣтствуемъ появленіе въ Москвѣ двухъ журналовъ, посвященныхъ крестьянскому вопросу, и намѣрены въ настоящемъ обзорѣ отдать отчетъ объ ихъ содержаніи. Журналы эти: «Сельское благоустройство», составляющее отдѣлъ «Русской бесѣды» и изд. г. Кошелевымъ и «Журналъ землевладѣльцевъ», выходящій подъ редакціею г. Желтухина.

При изслѣдованіи той или другой стороны народнаго быта, въ которую намѣрены внести измѣненія или совершенно ее преобразовать, представляется необходимость, во-первыхъ, изучить полно и подробно ея состояніе, дабы узнать, съ чѣмъ должно имѣть дѣло, на что должно быть направлено самое измѣненіе. Средствами для этой цѣли служатъ: 1) историческое изученіе, которое показываетъ, какъ возникло извѣстное учрежденіе, какъ сложился народный бытъ, какъ онъ развился и какія обстоятельства и условія имѣли вліяніе на это развитіе. Помощію такой методы легко прийти къ познанію современнаго состоянія учрежденія, къ позна-

нію сознательному, полному, которое вполнѣ уяснить всѣ особенности современнаго его положенія, и 2) изученіе самаго этого настоящаго положенія во всѣхъ многостороннихъ его особенностяхъ. При этомъ изслѣдованіи весьма важно опредѣленіе тѣхъ вопросовъ, на которые по-преимуществу должно быть обращено вниманіе изслѣдователя. Начертаніе такихъ вопросовъ даетъ ему нить и указываетъ путь, по которому онъ долженъ идти въ своихъ изысканіяхъ, и съ другой стороны подобныя изысканія, произведенныя нѣсколькими лицами, по однообразной формѣ, удобны для сравненія, которое составляетъ весьма важный приѣмъ для подробнаго и полнаго изученія предмета.

Во-вторыхъ, такое изученіе современнаго положенія того или другаго учрежденія, той или другой стороны быта, произведенное при помощи исторіи, очень значительно можетъ уясниться при пособіи аналогіи съ современнымъ состояніемъ подобныхъ-же учреждений, или народнаго быта въ другихъ государствахъ, особенно достигшихъ уже значительнѣйшаго развитія и образованія. Но для такого статистическаго ихъ изученія опять-таки необходимо: 1) познать исторически изслѣдуемый предметъ и обозначить постепенное развитіе учрежденія и 2) уже помощію подобнаго метода раскрыть современное его состояніе.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ изученія сельскаго быта Россіи, съ цѣлью произвести въ немъ предложенныя правительствомъ преобразованія, для успѣшнаго и вполнѣ рациональнаго его окончанія, по нашему мнѣнію, необходимо: а) изучить исторически образованіе и развитіе крѣпостнаго состоянія въ Россіи, дабы, помощію этой методы, познакомиться съ тѣми причинами, которыя вызвали въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и ограниченіе ихъ личныхъ правъ, познать тѣ измѣненія въ бытѣ и правахъ ихъ, которыя они приобрѣтали съ теченіемъ времени и съ развитіемъ гражданской жизни; б) самымъ полнымъ и совершеннымъ образомъ ознакомиться съ современнымъ положеніемъ Русскихъ сельскихъ учреждений, какъ въ ихъ сущности, такъ и въ тѣхъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ они подвержены; изучить бытъ, какъ хозяйственный и промышленный, такъ и физическій и нравственный нашего крестьянина; далѣе с) въ силу вышешприведенныхъ соображеній, или посредствомъ собственныхъ изслѣдованій и помощію трудовъ иностранныхъ ученыхъ, изучить историческое развитіе сельскихъ учреждений и бы-

та западнаго Европейскаго сельскаго населенія, и наконецъ. d) познакомиться въ-подробности съ современными условіями жизни Французскаго, Англійскаго и Германскаго поселеннаго.

Такое подробное и вполне рациональное изученіе важнѣйшаго современнаго вопроса приготовить всѣ нужные матеріалы для успѣшнѣйшаго разрѣшенія многотрудной задачи измѣненія отношеній нашего сельскаго населенія. Всѣ проекты, которые возникнутъ, какъ слѣдствіе такого многосторонняго изслѣдованія, будутъ имѣть въ своемъ основаніи положительныя факты, непреложныя данныя, которыя только и могутъ служить фундаментомъ для построенія новаго зданія; всѣ предположенія, какія могутъ быть сдѣланы, основаны будутъ въ такомъ случаѣ на примѣрѣ и всѣ слѣдствія и результаты той или другой мѣры легко будутъ предвидѣны по аналогическому сравненію предполагаемыхъ послѣдствій, съ послѣдствіями, какія имѣли однородныя мѣры, принятыя въ различныя времена въ Европейскихъ государствахъ. Конечно, подобный трудъ не легокъ: онъ чрезвычайно многосложенъ и требуетъ огромныхъ усилій для его совершенія; но и дѣло, котораго онъ касается, не ничтожно, а напротивъ существенно и важно въ высшей степени и стоитъ того, чтобы надъ нимъ потрудиться.

Приступая къ обзорнѣю главнѣйшихъ статей, появившихся въ пяти книжкахъ «Сельскаго благоустройства» и въ двухъ книжкахъ «Журнала землевладѣльцевъ», мы, для большей удобности обзорнѣя, размѣстимъ статьи по предметамъ и вопросамъ, которыхъ они касаются, не обращая вниманія на изданіе, въ которомъ онѣ помѣщены,—и тѣмъ въ нѣкоторой системѣ постараемся представить обзоръ того, на что до настоящаго времени обратили вниманіе два названныя нами журнала и что они выработали.

Изъ статей, разсматривающихъ исторію нашего крѣпостнаго состоянія, въ вышедшихъ нумерахъ названныхъ нами журналовъ, мы находимъ одну только, г. Вельмана: «Историческій взглядъ на крѣпостное состояніе въ Россіи» (Журн. землевл. № 1). Авторъ старается доказать, что до XVI столѣтія отъ перваго до послѣдняго слоя, по законамъ Русскимъ, всѣ слыли людьми вольными, исключая полонниковъ и обреченныхъ рабству за преступленія. Что-же касается до кабалнаго добровольнаго холопства за денежные проценты, то оно явилось, вмѣстѣ съ словомъ *кабала*, въ Судебникѣ 1550 года. Описавъ затѣмъ смуты

и несогласія, бывшія въ древней Россіи и отразившія самое пагубное вліяніе на состояніе нашего сельскаго хозяйства, которое будучи и прежде весьма мало развито, пришло, вслѣдствіе оставленія крестьянами своихъ полей, въ совершенный упадокъ, г. Вельтманъ приходитъ къ тому заключенію, что царь Ѳеодоръ Ивановичъ въ 1593 г. «по наговору Бориса Годунова выходъ крестьянамъ отказалъ и у кого сколько крестьянъ было книги учинилъ». Въ 1598 г., когда, не смотря на предписанія закона, крестьяне все-таки продолжали покидать свои земли, изданъ былъ новый указъ «о сысканіи накрѣпко и о возвратѣ бѣжавшихъ послѣ переписи крестьянъ со всѣми ихъ животы назадъ, гдѣ кто жилъ» и приведеннымъ указомъ слѣдовательно положено было начало безвыходному состоянію крестьянъ, и такимъ образомъ, по мнѣнію автора, крѣпостное состояніе обязано своимъ существованіемъ кознямъ Бориса Годунова.

Изъ этого краткаго изложенія содержанія статьи г. Вельтмана читатель видитъ, что авторъ старался объяснить начало этого важнаго государственнаго учрежденія такъ-же точно, какъ оно уже нѣсколько разъ и весьма давно было объясняемо въ различныхъ старыхъ учебникахъ Русской исторіи. Авторъ не принялъ въ соображеніе весьма существенной и важной истины, выработанной современнымъ методомъ историческаго изысканія, — именно той, что никакое важное и многозначительное историческое явленіе не можетъ возникнуть мгновенно, вдругъ, по прихоти одного человѣка или вслѣдствіе какой-либо незначительной причины, что корни всякаго болѣе или менѣе значительнаго историческаго факта лежатъ гораздо глубже, что оно зависитъ отъ болѣе важныхъ и существенныхъ причинъ, имѣющихъ свое начало во всей общественной жизни народа и есть плодъ всей предшествовавшей исторіи страны. Вслѣдствіе этого обстоятельства, которое въ настоящее время сдѣлалось ходячею истиною, нельзя не упрекнуть г. Вельтмана за то, что онъ не потрудился отыскать начала и причинъ укрѣпленія крестьянскаго сословія въ чемъ-нибудь болѣе положительномъ и вѣроятномъ, чѣмъ прихоть и козни одного человѣка, между-тѣмъ-какъ многочисленныя и превосходныя изслѣдованія объ исторіи происхожденія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, появившіяся въ послѣднее время, и особенно статьи г. Чичерина, могли-бы навести его на много мыслей, болѣе серьезныхъ, о причинахъ укрѣпленія крестьянъ въ нашемъ отечествѣ. При-

чины эти, какъ доказалъ сейчасъ названный нами авторъ, лежали въ самомъ существѣ нашего древняго быта, вытекали прямо изъ господствовавшей администраціи въ древней Россіи: онѣ были чисто-административныя и финансовыя, — и слѣдовательно если Борисъ Годуновъ и содѣйствовалъ укрѣпленію крестьянъ, то этимъ онъ осуществилъ только то, что составляло насущную потребность — прекратить прежде существовавшій порядокъ, весьма пагубный какъ для народнаго благосостоянія вообще, такъ и для государственной пользы. Поэтому въ дѣйствіи Бориса Годунова никакъ нельзя видѣть однихъ только козней; причину его дѣйствій должно искать глубже, въ государственныхъ соображеніяхъ, — худыхъ или хорошихъ, — мы объ этомъ не распространяемся въ настоящее время и не оцѣниваемъ ихъ, — но все-таки въ соображеніяхъ. Очень можетъ быть, что мѣры Годунова къ прекращенію пагубнаго состоянія нашего древняго хозяйства и бѣдствій всеобщаго неурядства, были слишкомъ круты, далеко не политичны, но тѣмъ не менѣе онѣ происходили не изъ его козней, а изъ потребностей времени. Съ другой стороны, очень естественно предположить, что прекращенія частыхъ переходовъ крестьянъ и отстраненія тѣмъ вредныхъ послѣдствій бродяжничества можно было-бы достигнуть иными, болѣе соответствующими строгой справедливости средствами, но все-таки это нисколько не отнимаетъ отъ мѣръ, принятыхъ Годуновымъ, характера исторической необходимости и потребности духа времени.

По формѣ, изслѣдованіе г. Вельмана также не соответствуетъ вовсе современнымъ требованіямъ исторіи. Оно состоитъ изъ выписокъ изъ разныхъ законодательныхъ памятниковъ и историческихъ актовъ и написано весьма сухо и непривлекательно. Между тѣмъ, такъ-какъ подобныя статьи предназначаются для большинства читателей, вовсе не специалистовъ, — то желательно было-бы, чтобы онѣ по формѣ своей болѣе соответствовали своему назначенію — знакомить публику популярнымъ образомъ съ явленіями древней жизни Россіи.

Статьи, подобныя названной нами, принадлежащей г. Вельману, не только не подвигаютъ впередъ науку, но, напротивъ, затемняютъ вопросъ; и мы никакъ не можемъ постигнуть страннаго желанія авторовъ отвергать чужія, хотя-бы въ высшей степени справедливыя и дѣльныя положенія, для того только, чтобы блестящую новостію взгляда (хотя въ настоящемъ случаѣ взглядъ

автора вовсе не новъ) и самостоятельностью изслѣдованія. Такое эгоистическое стремленіе можетъ нанести вредъ наукѣ и, повторяемъ, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ затемненіе вопроса, который въ настоящее время требуетъ наибольшаго свѣта и ясности и отъ правильнаго разрѣшенія котораго зависитъ многое въ будущемъ.

Слѣдуя нѣкоторому порядку размѣщенія статей, мы должны разсмотрѣть теперь статью г. Ю. Самарина: «О теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ отношеніяхъ юридическомъ и хозяйственномъ» (Сельск. благоустр. № 2—4): такъ-какъ въ статьѣ этой авторъ отчасти касается исторической стороны предмета и кромѣ-того въ ней представленъ вкратцѣ сводъ всѣхъ почти главнѣйшихъ вопросовъ, относящихся до будущаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ. Авторъ начинаетъ свое разсужденіе вопросомъ: имѣютъ-ли крестьяне право на землю, и какое именно? и рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Очевидно, говоритъ онъ, что на возбужденный вопросъ мы должны искать отвѣта не въ «Сводѣ законовъ»: ибо права, формальнымъ образомъ опубликованнаго и законодательствомъ утвержденного, крестьяне, конечно, не имѣютъ не только на землю, но и на свою личность. Здѣсь дѣло идетъ объ историческомъ правѣ, которое коренится въ убѣжденіи народа». И потому г. Самаринъ обращается къ исторіи и замѣчаетъ, что существующее у насъ мнѣніе, по которому полагаютъ, что изстари вся земля принадлежала, на правѣ вотчинномъ или помѣстномъ великимъ князьямъ, или церкви, или частнымъ лицамъ, крестьяне-же не имѣли на нее никакого предустановленнаго права — несправедливо. Такой порядокъ, дѣйствительно, существовалъ съ XVI вѣка; но это было переходное состояніе, время тяжелаго экономическаго кризиса, вызваннаго быстрымъ развитіемъ государства и громадныхъ его потребностей. Въ предшествовавшую-же эпоху порядокъ былъ совсѣмъ иной. Народонаселеніе въ Россіи было издревле земледѣльческое, и слѣдовательно, осѣдлое. Кто жилъ на землѣ, кто пахалъ ее, тотъ ею и владѣлъ безспорно, не въ силу отвлеченнаго права, а на самомъ дѣлѣ — *de facto*. Изъ этого первобытнаго состоянія постепенно начала выходить Россія, когда потомки призванныхъ князей съ ихъ дружинами окончательно въ ней водворились. Изъ безразличной массы населенныхъ земель мало-по-малу стала выдѣляться собственность княжеская, церковная и частная. Это

новое отношеніе къ землѣ не нарушало прежняго фактическаго къ ней отношенія осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Право собственности не сталкивалось съ беспоряднымъ владѣніемъ, ибо первое, такъ-сказать, воздвигалось надъ вторымъ, и остатки прежняго владѣнія долго удерживались и были признаны верховною властію подъ названіемъ черныхъ волостей, т. е. такихъ земель, которыя не составляли ни чьей личной собственности. Отношенія вотчинниковъ и помѣщиковъ къ поселянамъ были весьма немногосложны. Онѣ ограничивались сборами разнаго рода и, обыкновенно, судомъ и расправою. Какъ лично-свободные, крестьяне могли переходить съ мѣста на мѣсто; но мы не видимъ частыхъ переходовъ, потому-что не было поводовъ, не было крайней нужды покидать земли, которыхъ никто у нихъ не отнималъ и въ пользованіи которыхъ никто ихъ не тревожилъ. Между-тѣмъ усвоеніе земли подвигалось быстро. Всѣ потребности быстро возрастающаго государства удовлетворялись съ земли: съ нея платились подати, ставились подводы, ратные люди. Бремя государственнаго управленія, съ каждымъ днемъ увеличивавшееся, падало на вотчинниковъ и помѣщиковъ, а они, въ свою очередь, разлагали его на крестьянъ. По мѣрѣ возвышенія требовавшей правительства, изыскивались и средства къ извлеченію изъ земли возможно большей прибыли. Средствами для этого были: умноженіе народонаселенія привлеченіемъ крестьянъ и возвышеніе ихъ повинностей; оба эти средства приучали крестьянъ къ бродячей жизни и подрывали осѣдность, такъ-что частые переходы съ мѣста на мѣсто вошли въ обычай и получили законную форму. Слѣдствіемъ этого было то, что въ Россіи, — государствѣ по-преимуществу земледѣльческомъ, земледѣлецъ сталъ отвыкать отъ земли, земледѣліе превратилось въ самый ненадежный промыселъ, съ-году-на-годъ пустѣли цѣлыя деревни, даже уѣзды; вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ упадала и народная нравственность, хозяйство частное и государственное шаталось въ своихъ основахъ и становилось невозможнымъ разсчитывать на вѣрное поступленіе податей и правильное исправленіе государственной службы. Но, прибавляетъ авторъ, такое состояніе было вовсе не нормальное; это было время переходное, время хаотическаго броженія и кризиса, которому во что-бы ни стало надлежало положить конецъ. Двумя путями можно было выйти изъ этого положенія: укрѣпивъ закономъ часть земли за крестьянами, или прикрѣпивъ крестьянъ къ землѣ. Въ тѣ времена,

при столкновѣніи интересовъ простаго народа съ интересами служилаго сословія, могучаго органа верховной власти, послѣдніе неминуемо должны были перетянуть. Такимъ образомъ крестьяне утратили свободу, но, прибавляетъ авторъ, этою жертвою спасено было для лучшихъ временъ ихъ право на землю.

«Сознавая глубоко свое право на землю, продолжаетъ г. Самаринъ, нашъ народъ однакожь не почитаетъ его безусловнымъ, но въ то-же время сознаетъ право вотчинниковъ на ту-же землю. И такъ историческое развитіе поземельныхъ отношеній указываетъ намъ на неоспоримое существованіе двухъ взаимно-ограничиваемыхъ правъ на землю: права пользованія, принадлежащаго крестьянамъ, и права собственности, принадлежащаго помѣщикамъ. Изъ этого вытекають обязанности: а) для вотчинника — отречься навсегда отъ непосредственнаго распоряженія землею, въ пользу крестьянъ, в) для крестьянъ — обязанность держать эту землю на опредѣленныхъ условіяхъ и вознаграждать вотчинника».

Мы сдѣлали довольно подробное изложеніе мнѣнія автора, по той причинѣ, что намъ кажется взглядъ автора вдвойнѣ замѣчательнень: по-отношенію къ объясненію правъ крестьянъ на землю и относительно причинъ укрѣпленія.

Что касается до первой стороны вопроса, развитой въ статьѣ г. Самарина, именно о правѣ крестьянъ на землю, то многіе рецензенты, занимавшіеся разборомъ статьи, усомнились въ справедливости доводовъ автора. Они оказались несостоятельными, по ихъ мнѣнію, и со стороны исторической и съ точки зрѣнія юридической.

Г. Сумароковъ (Журналъ землевлад. № 2) сомнѣвается, что народонаселеніе въ Россіи было издревле осѣдлое и говорить, что переходы крестьянъ совершались, — и безъ всякаго вліянія помѣщиковъ: для доказательства, онъ приводитъ мѣсто изъ одной правой грамоты 1530 г. «да пожилъ, господине, тотъ Данило Кухмыревъ съ братіею въ той деревнѣ на деревнищахъ, лѣтъ съ пять, а и ту деревню покинули, потому что имъ не почасилось и та, господине, деревня стояла пуста» и проч...

Не входя въ подробное изслѣдованіе справедливости положеній какъ автора, такъ и его критиковъ, — что, по свойству журнальной рецензіи, не можетъ имѣть мѣста, замѣтимъ только, что свидѣтельство, приведенное г. Сумароковымъ, едва-ли, по нашему мнѣнію, можетъ быть признано за разрушающее положеніе г. Самарина. Во-

первыхъ, положеніе г. Сумарокова относится къ XVI столѣтію, а авторъ задалъ себѣ задачу изслѣдовать бытъ крестьянъ, въ эпоху предшествовавшую укрѣпленію крестьянъ. Авторъ прямо говоритъ, что «у насъ, разсуждая объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, ссылаются на исторію, но, къ сожалѣнію, приводимыя справки не восходятъ выше временъ, предшествовавшихъ укрѣпленію крестьянъ.» Во-вторыхъ, приведенный г. Сумароковымъ случай оставленія земли крестьянами независимо отъ помѣщика, по собственному желанію, есть случай частный, который никакъ не можетъ подтвердить мысль о томъ, что переходъ постоянно совершался безъ вліянія помѣщика. Подобный случай могъ имѣть мѣсто во всякое время: какъ при переходѣ, зависящемъ отъ вліянія помѣщика, такъ и при переходѣ, совершавшемся безъ всякаго со стороны его участія. Въ-третьихъ, самъ г. критикъ, объясняя смыслъ приведеннаго свидѣтельства, говоритъ, что земля и другія мѣстныя удобства, вѣроятно, не удовлетворяли крестьянъ. Отчего-же не удовлетворяли? По всей вѣроятности потому, что или имъ было тѣсно, непривольно, вслѣдствіе скопленія населенія, къ чему стремились помѣщики, или отъ значительныхъ повинностей и тягостей, налагаемыхъ на крестьянъ послѣдними, — что также выставлено, какъ одна изъ причинъ переходовъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, кажется, нельзя признать въ настоящее время доводы критика разрушающими положенія автора.

Съ точки зрѣнія юридической взглядъ г. Самарина на право крестьянъ на землю опровергаетъ критикъ «Отечеств. записокъ» (см. № 8, 1858 г.). Въ подтвержденіе своей мысли авторъ привелъ статьи «Свода законовъ», намекающія на присущее понятіе о правѣ крестьянъ на землю, по которымъ опредѣляется: наименьшее количество десятинъ на душу ($4\frac{1}{2}$), воспрещеніе приобрѣтать крѣпостныхъ людей, неимѣющимъ населенныхъ имѣній, непозволеніе отпуска на волю цѣлыхъ селеній безъ земли. Критикъ говоритъ, что статьи эти ничего не доказываютъ, на томъ основаніи, что самъ авторъ признается, что изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого общаго вывода. Но если и нельзя сдѣлать этого вывода, то, какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Самаринъ, статьи эти нельзя было выдумать, никому-бы онѣ не пришли на умъ, еслибы понятіе о правѣ крестьянъ на землю само собой не просилось изъ области обычая въ область положительнаго законодательства.

Послѣ всего сказаннаго нами о той части статьи г. Самарина, въ которой онъ доказываетъ право крестьянъ на землю, нельзя не придти къ тому заключенію, что если автору не удалось еще совершенно доказать это право (можетъ быть, по самому объему статьи и по другимъ причинамъ), то и опроверженія критиковъ, ссылающихся ниспровергнуть положенія автора, не могутъ никакъ быть безусловно приняты.

Кромѣ исторической части, въ статьѣ г. Самарина, какъ мы упоминали, находится обзорѣніе главнѣйшихъ вопросовъ, касающихся измѣненія быта крестьянъ: о переходномъ состояніи, о выкупѣ земли, объ усадьбахъ. По-отношенію ко всѣмъ этимъ предметамъ выражены весьма здравыя и основательныя мысли, отличающія въ авторѣ и образованнаго человѣка и опытнаго помѣщика. Относительно переходнаго состоянія, г. Самаринъ прямо доказываетъ необходимость его и говоритъ, что миновать его нѣтъ возможности. Разсматривая при этомъ два главнѣйшія проекта будущаго устройства крестьянъ, по которымъ предполагается даровать крестьянамъ полную свободу съ выкупомъ или усадьбъ и нѣкотораго количества пахатной земли, или всей мірской земли,— авторъ доказываетъ, что какъ при томъ, такъ и при другомъ способѣ нельзя избѣгнуть переходнаго состоянія. При этомъ онъ выражаетъ свои мнѣнія относительно достоинствъ какъ перваго, такъ и втораго проектовъ. Мысли, высказанныя г. Самаринимъ, заслуживаютъ полного сочувствія. Онъ склоняется въ пользу проекта предоставленія крестьянамъ всей какъ усадебной, такъ и пахатной земли, въ полную собственность посредствомъ выпуска облигацій, но при этомъ отрицаетъ возможность обязательнаго, повсемѣстнаго и одновременнаго примѣненія этой мѣры въ настоящую минуту, и тѣмъ доказываетъ необходимость переходнаго состоянія, когда-бы, какъ помѣщики, такъ и крестьяне могли привыкнуть и приготовиться къ окончательному прекращенію всѣхъ между ними существующихъ взаимныхъ отношеній. Главныя причины, почему нельзя теперь-же приступить къ окончательному выкупу земли, авторъ видитъ въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) въ невозможности выпуска вдругъ на всю огромную сумму облигацій; 2) въ затрудненіяхъ, которыя можетъ встрѣтить помѣщичье хозяйство, и 3) въ невозможности всѣми крестьянами принять на себя срочныя, денежныя платежи. Мы не можемъ развивать всѣхъ дѣльных положеній автора; коснемся только финансоваго во-

проса, какъ весьма важнаго. Хотя авторъ самъ сознался, что онъ, по совершенному недостатку числовыхъ данныхъ, не могъ основательно обсудить этотъ интересный вопросъ, тѣмъ не менѣе высказанныя имъ мысли заслуживаютъ вниманія. «Облигаціи, говоритъ онъ, представляя капиталъ, приносящій опредѣленные % и не подлежащій возврату по первому востребованію, но въ долгій срокъ, при значительномъ ихъ выпускѣ, встрѣтятся въ обращеніи съ билетами нашихъ кредитныхъ учреждений, которые даютъ % и сверхъ-того возвращаютъ самые капиталы. При такомъ преимуществѣ билетовъ, на приобрѣтеніе облигацій не найдется охотниковъ, почему онѣ должны будутъ немедленно пасть ниже ихъ нарицательной цѣнности, если казна не положитъ на нихъ 1% или $\frac{1}{2}$ %, сверхъ выплачиваемыхъ другими кредитными учреждениями. Такимъ образомъ будутъ обращаться облигаціи, приносящія $3\frac{1}{2}$ или 4% и кредитные билеты, приносящіе 3%. Кто обладаетъ празднымъ капиталомъ и захочетъ получить вѣрный доходъ, тотъ приобрѣтетъ облигаціи; напротивъ, кому надо будетъ удержать за собой права свободнаго распоряженія капиталами, тотъ внесетъ ихъ въ сохранную казну или другой банкъ. Отвѣчая двумъ разнымъ потребностямъ, казалось-бы, облигаціи и билеты не могутъ мѣшать другъ другу. Но знаемъ-ли мы, какъ относятся эти потребности одна къ другой и которая изъ нихъ сильнѣе въ публикѣ? Вотъ въ чемъ надо удостовѣриться. Если первая возьметъ рѣшительный перевѣсъ, то явится сильный запросъ на облигаціи; если, наоборотъ, вторая перетянетъ первую, то и прибавочный % можетъ оказаться недостаточнымъ».

Прибавимъ отъ себя, что въ настоящее время никакъ нельзя рассчитывать, чтобы большинство согласилось оставить свои капиталы лежать мертвыми и слѣдовательно отказалось-бы отъ права немедленнаго возврата ихъ, по первому востребованію: огромное количество возникающихъ у насъ промышленныхъ и торговыхъ обществъ доказываетъ, что капиталисты наши пустились въ предпріятія и оставили старую привычку хранить богатство подъ спудомъ. Это обстоятельство съ перваго взгляда не говоритъ въ пользу успѣха облигацій. Съ другой стороны, если принять во вниманіе, что владѣльцы облигацій имѣютъ всегда возможность освободиться отъ нихъ и реализовать свои капиталы посредствомъ продажи бумагъ, то и тогда можетъ представиться не малая опасность. Облигаціи чрезъ продажу ихъ, принявъ харак-

теръ агентовъ обращенія, вовсе не вслѣдствіе дѣйствительной потребности въ нихъ, вольются въ общую массу различныхъ представителей, которыхъ у насъ довольно много, и особенно кредитныхъ билетовъ, и весьма естественно опасаться худыхъ послѣдствій отъ такого порядка вещей. Конечно, свободный трудъ, новыя условія жизни 22 милліоновъ трудящагося народа, создадутъ огромную массу новыхъ цѣнностей и значительно увеличатъ уже существующую, отчего потребуетъ и большее количество агентовъ обращенія этихъ цѣнностей: но можетъ-ли это возникнуть вдругъ, создаться мгновенно? Пройдетъ много времени, прежде чѣмъ свободный трудъ принесетъ свои благотворные плоды, между тѣмъ-какъ масса знаковъ цѣнностей можетъ увеличиться въ относительно короткій періодъ времени, и вслѣдствіе этого увеличенія, естественно, упасть въ своей цѣнѣ.

Таковы трудности, которыя представляетъ финансовый вопросъ въ своемъ рѣшеніи и весьма жаль, что никто не занялся еще подробнымъ его разсмотрѣніемъ. Потому весьма дѣльные намеки и предложенія г. Самарина не могутъ не обратить на себя должнаго вниманія.

Обозрѣвъ переходное состояніе и выкупъ земли, авторъ переходитъ въ 3-й статьѣ (Сельск. благ. № 4-й) къ вопросу объ усадьбахъ и приходитъ къ тому заключенію, что вмѣсто того, чтобы вмѣнять крестьянамъ въ обязанность немедленно по введеніи новаго положенія приступить къ выкупу усадебъ, не лучше-ли, для упрощенія и ускоренія комитетскихъ занятій, и не гораздо-ли выгоднѣе для самыхъ крестьянъ предоставить имъ усадебъ, также какъ и остальную землю, въ неотъемлемое пользованіе, до-тѣхъ-поръ, пока они вмѣстѣ со всей остальной землей не пожелаютъ ихъ выкупить. Такое замедленіе дѣла, по нашему мнѣнію, едва-ли необходимо. Если самъ авторъ признаетъ, и весьма справедливо, настоятельную необходимость выкупа всей земли, то надо же съ чего-нибудь начать и особенно владѣніе усадьбами важно въ переходное время: крестьяне, понявъ всѣ преимущества полной собственности, испытавъ на дѣлѣ всѣ выгоды ея, владѣя усадьбами, съ большей охотой и скорѣе приступятъ къ выкупу и остальной земли. Впрочемъ, правительство не положило срока этого выкупа: онъ можетъ продлиться и за 12-лѣтній періодъ переходнаго состоянія и слѣдовательно тотъ, кто затруднится въ выкупѣ, можетъ отсрочить его; упрощеніе-же и ускореніе комитетскихъ

занятій никакъ не можетъ и не должно быть поводомъ къ замедленію принятія такой мѣры, скорѣйшее приведеніе въ дѣйствіе которой многіе желаютъ и которая можетъ сопровождаться благими результатами.

Мы остановились довольно долго на статьѣ г. Самарина по той причинѣ, что по полнотѣ и основательности своей она представляетъ много достоинствъ, и заключая въ себѣ дѣльное обзорѣніе главнѣйшихъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу, можетъ быть названа одной изъ самыхъ замѣчательныхъ въ числѣ появившихся до-сихъ-поръ. Мы еще будемъ имѣть случай упоминать о трудахъ этого ученаго по поводу другихъ статей его, столь-же замѣчательныхъ, какъ и названная нами: изъ всего, что имъ написано, читатель увидитъ, что нельзя не признавать за нимъ достоинствъ лучшаго и наиболѣе удачнаго разъяснителя современнаго вопроса.

Изъ отдѣльныхъ статей, посвященныхъ разсмотрѣнію современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, на перномъ мѣстѣ должно поставить статьи, рассматривающія общинное поземельное владѣніе.

Вопросъ объ общинѣ возбудилъ въ нашей періодической литературѣ послѣдняго времени самыя жаркіе споры. Возникшая по поводу статьи г. Струкова въ «Экономическомъ указателѣ» полемика много способствовала къ уясненію вопроса, который съ самаго начала былъ рассматриваемъ слишкомъ односторонне: защитники и противники сильно расходились въ своихъ мнѣніяхъ. Возникшая въ прошедшемъ году литературная борьба нынѣ приходитъ къ концу, чему много содѣйствовала превосходная статья г. Самарина (Сельское благ. № 1), примирившая враждебныя стороны и способствовавшая наибольшему разъясненію труднаго и сложнаго вопроса объ общинѣ.

Прежде чѣмъ представить мы окончательный выводъ автора, позволяемъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на приведенной имъ (впервые) теоріи тягловаго надѣла, какъ основаніи нашего общиннаго устройства. Мысли и разсужденія, высказанныя при этомъ авторомъ, такъ ясны и поучительны, что теоретическое разсмотрѣніе основаній нашей общины много уясняетъ дѣлу.

Главное проявленіе общины, по мнѣнію автора, заключается въ тяглѣ и въ тягловомъ раздѣлѣ почвы. Надѣлъ по тягламъ есть не что иное, какъ распределеніе вещественныхъ выгодъ и веще-

ственныхъ тягостей пропорціонально личнымъ рабочимъ силамъ и потребностямъ въ составѣ сельской общины.

Распредѣленіе это можетъ быть основано, смотря по мѣстности, или на личномъ элементѣ, или на поземельномъ элементѣ. Тамъ, гдѣ количество земли достаточное до того, что оно превосходитъ сумму существующей рабочей силы и потребности, тамъ опредѣленіе числа тяголъ, т.-е. предѣлъ дробленія, обусловливается обыкновенно личнымъ составомъ мірскаго общества. Въ такихъ мѣстностяхъ сколько требуется по количеству существующихъ душъ участковъ, на столько частей дѣлится вся земля.

Тамъ-же, гдѣ количество земли, отведенной обществу, недостаточно для занятія всѣхъ рабочихъ силъ и удовлетворенія потребностей одними продуктами почвы, предѣлъ дробленію полагается *наименьшій объемъ пахатнаго семейства*, тотъ *minimum*, при которомъ по понятіямъ крестьянъ воздѣлываніе земли общепотребительными средствами возможно и выгодно. Дойдя до этого предѣла, общество прекращаетъ дальнѣйшее увеличеніе числа тяголъ и дробленіе участковъ, какъ-бы ни умножалось народонаселеніе; но личный составъ тягла постепенно увеличивается до-тѣхъ-поръ, пока на тягло придется 3 души или около того. Остающіеся зѣтѣмъ взрослые работники, способные принять землю, остаются безъ участія въ поземельномъ надѣлѣ и отпускаются на заработки; это такъ-называемые *зѣтлы*.

Изложивъ теорію тягловаго надѣла, авторъ переходитъ къ исчисленію какъ выгодъ, такъ и невыгодъ общиннаго владѣнія.

Выгоды его, по мнѣнію г. Самарина, заключаются въ слѣдующемъ: пропорціональность надѣла сырымъ матеріаломъ, — землею, къ рабочимъ силамъ, нуждамъ и тягостямъ, удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и обезпечиваетъ общее благосостояніе.

Эта система предупреждаетъ вредныя крайности въ распредѣленіи общественнаго благосостоянія.

Земля не можетъ достаться въ руки того, кто въ ней не нуждается или неспособенъ ею воспользоваться и, наоборотъ, тотъ, кому она нужна, и кто обладаетъ средствами на ея оплодотвореніе, всегда найдетъ землю.

Что касается до разсмотрѣнія недостатковъ общиннаго владѣнія и тягловаго надѣла, то эта часть статьи г. Самарина особенно замѣчательна: не смотря на видимое предпочтеніе для настоящаго времени общиннаго порядка, авторъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ

и добросовѣстностію выказываетъ всё неудобства и недостатки тяглового надѣла, такъ-что, по выраженію г. Тернера, хотя г. Самаринъ и считается защитникомъ общиннаго владѣнія, однако онъ излагаетъ характеръ недостатковъ онаго съ такою ясностію, простотою и силою разсужденія, съ какою рѣдко защищался принципъ личной собственности даже самими его защитниками. Вслѣдствіе такихъ достоинствъ разсмотрѣнія недостатковъ общиннаго владѣнія, мы нѣсколько подробнѣе изложимъ ихъ, тѣмъ-болѣе, что такое изложеніе прямо приведетъ насъ къ окончательному взгляду автора на сущность и значеніе общины.

«Распредѣленіе земли по тягламъ, говоритъ г. Самаринъ, было-бы вполне удовлетворительное разрѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ, еслибы, передѣляя земли, общество располагало-бы однимъ сырымъ матеріаломъ, или бесплатнымъ даромъ природы; но этого не бываетъ и быть не можетъ. По особому характеру земледѣльской промышленности, основной матеріалъ ея, земля, не только не истребляется добываніемъ продуктовъ, но напротивъ производительность и цѣнность ея, при правильномъ хозяйствѣ, постепенно возвышается, ибо затраченные движимые капиталы не могутъ и не должны поглощаться продуктами почвы. Значительная доля капитала и труда идетъ на возстановленіе и усиленіе производительности почвы, слѣдовательно отнимая землю у одного крестьянина и передавая ее другому *общество лишаетъ перваго цѣнности, выработанной личнымъ его трудомъ*, а второму предоставляетъ выгоды, на которыя онъ не имѣетъ права. И потому по мѣрѣ того, какъ увеличивается въ земледѣліи участіе труда и капитала, замѣняя дѣйствіе даровыхъ силъ природы, увеличивается затруднительность и несправедливость передѣловъ, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія. Между-тѣмъ, очевидно, что совершенствованіе земледѣлія ведетъ именно къ постепенному расширенію участія мысли, воли, труда и капитала, и слѣдовательно съ теченіемъ времени передѣлы становятся болѣе и болѣе несправедливыми и общинное владѣніе должно уступить мѣсто личной собственности.

«Что будетъ дальше? не знаю — такъ заключаетъ авторъ превосходную свою статью. Пожертвуетъ-ли Русскій народъ уравнилельностію тяглового надѣла, откажется-ли онъ ради общиннаго быта отъ быстрого развитія нашей коренной промышленности, требующей возможно большаго напряженія силъ и смѣлой затраты капита-

ловъ, или онъ найдетъ для насъ неожиданный исходъ изъ хозяйственной дилеммы, которой мы не въ-состояніи разрѣшить? Объ этомъ можно только гадать, а въ область гаданій я не пускаюсь».

Изъ этого краткаго изложенія содержанія статьи почтеннаго автора читатель могъ видѣть, какъ рѣшеніе г. Самаринымъ вопроса объ общинномъ владѣніи далеко отстоитъ отъ другихъ голословныхъ и смѣлыхъ попытокъ сказать послѣднее и окончательное слово объ общинѣ. Такое рѣшеніе вполне согласуется и съ свидѣтельствомъ теоріи и съ историческими фактами развитія экономическихъ явленій. Добросовѣстный рецензентъ статьи Самарина г. Тернеръ (Библіотека для чтенія № 6) вполне доказалъ, что явленія хозяйственной жизни народа идутъ именно и всегда тѣмъ путемъ, которому, по указанію г. Самарина, слѣдуетъ наша сельская община.

Въ тѣ времена, когда народъ живетъ охотою, природа страны бываетъ обыкновенно такъ богата плодами и животными, что каждый членъ его безъ большаго труда добываетъ себѣ средства существованія. Положеніе охотника, обеспеченное въ прежнее время, впоследствии, при обѣднѣніи лѣсовъ, дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ и онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что ему надо избрать новый родъ жизни. Тогда онъ начинаетъ воспитывать стада ручныхъ звѣрей и дѣлается изъ охотника пастухомъ-номадомъ. Но въ этомъ состояніи, при увеличеніи народонаселенія, скоро луговъ становится мало для питанія многочисленныхъ стадъ; тогда жители переходятъ изъ номаднаго въ осѣдлое населеніе. Въ этотъ третій періодъ жизни народовъ они обращаются къ обработкѣ земли. Но почва еще юна, не истощена, воздѣлка ея не требуетъ никакихъ усилій, кромѣ посѣва и жатвы; земли много, тогда ея пользуются сообща. Вотъ начало поземельнаго общиннаго владѣнія, вотъ почему оно должно было нѣкогда существовать во всѣхъ странахъ, вотъ почему вредно и опасно утверждать, что она — особенное, исключительное достояніе Славянскихъ племенъ, и вслѣдствіе того должна быть поддерживаема во что-бы то ни стало. Съ развитіемъ богатства, промышленности и съ приращеніемъ народонаселенія общинное владѣніе должно сдѣлаться само собой невозможнымъ, какъ сдѣлалось невозможнымъ охотничье состояніе, когда лѣса истощились, или состояніе номадное, когда луга уменьшились. Тогда-то естественнымъ исходомъ изъ общиннаго владѣнія явится личная поземельная собственность. Таково подтвержденіе выводовъ г. Самарина, представленное другимъ изъ

вѣстнымъ писателемъ. Это согласіе въ воззрѣніяхъ указываетъ на правильность и дѣльность взгляда автора разсматриваемой нами статьи, которая, повторяемъ, также, какъ и предыдущая, принадлежитъ къ замѣчательнымъ статьямъ, появившимся въ журналѣ «Сельское благоустройство».

«Журналъ землевладѣльцевъ» выразилъ тоже свое мнѣніе объ общинномъ владѣніи, не въ особой статьѣ, но при разборѣ различныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Но какая разница въ доказательствахъ и въ воззрѣніяхъ автора «Обзора статей въ журналѣ землевлад.» (№ 2) и г. Самарина! Въ статьѣ, принадлежащей послѣднему, какъ читатель видѣлъ, все выведено строго-логично, послѣдовательно, исторически, тогда-какъ всѣ доказательства въ ст. г. Сумарокова ограничиваются голословнымъ объявленіемъ, что общинное владѣніе при нынѣшнемъ его устройствѣ вредно и для земледѣлія и для земледѣльца; послѣ этого авторъ доказываетъ, что шагнуть прямо къ фермерскому хозяйству и къ отдѣлу крестьянскихъ участковъ въ особняки совершенно невозможно и не для чего. Но кто-же доказываетъ пользу и требуетъ этого мгновеннаго перехода? Въ настоящее время мнѣніе большинства именно таково, что если существуютъ тѣ условія, которыя необходимы для перехода къ личному владѣнію, пусть общинное владѣніе прекращается; въ противномъ-же случаѣ, пусть оно живетъ до той лучшей поры, когда для него настанетъ время смерти. Насиловать переходъ и искусственно побуждать къ нему, какъ-то всѣ сознали, вредно и бесполезно. Впрочемъ, по направленію и тону статьи рецензента въ «Журналѣ землевладѣльцевъ» видно, что онъ не совершенно противится воззрѣніямъ г. Самарина, хотя по нѣкоторому враждебному духу, замѣчаемому между 2-мя журналами, изъ которыхъ «Журналъ землевладѣльцевъ» считаетъ себя противникомъ общиннаго владѣнія и смотритъ на «Сельское благоустройство», какъ на рьянаго защитника онаго, г. Сумароковъ и счелъ нужнымъ опровергать г. Самарина, мнѣнія котораго, какъ намъ кажется, относительно общиннаго владѣнія вполнѣ справедливы, умѣренны и дѣльны.

Изъ прочихъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемыхъ нами журналахъ замѣчательна ст. г. Кошелева: «О крестьянскихъ усадьбахъ» (№ 1-й Сельск. благоуст.).

Авторъ начинается съ опредѣленія—что такое усадьба? «По нашему мнѣнію, говорятъ г. Кошелевъ, подъ усадьбою должно разу-

мѣтъ все, что на дѣлѣ по мѣстному пониманію составляетъ крестьянскую осѣдлость. Слѣдовательно къ ней принадлежитъ домъ, садъ, огородъ, конопляники, гумна и проч.» Что-же касается до выгоновъ, то относительно ихъ г. Кошелевъ расходится въ своемъ мнѣніи со многими, занимающимися современными вопросами сельскаго хозяйства. Онъ считаетъ выгонъ непремѣнною принадлежностію усадьбы; мы-же, напротивъ, также точно, какъ и нѣкоторые другіе, напр. г. Тернеръ въ статьѣ своей о сельскомъ хозяйствѣ, полагаемъ болѣе удобнымъ отнести выгоны къ полевымъ землямъ. Такое мнѣніе основывается главнѣйшимъ образомъ на тѣхъ соображеніяхъ, которыя должно имѣть въ виду при выкупѣ крестьянами ихъ усадебной осѣдлости. Конечно, если принять то справедливое желаніе, чтобы крестьяне выкупили вполнѣ всю землю, и сдѣлались полными собственниками, то выгоны должны войти въ число выкупаемой земли; но такъ-какъ въ настоящее время о полномъ выкупѣ не сформировалось положительное мнѣніе, а предполагаютъ, согласно Высочайшимъ рескриптамъ, установить правила о приобрѣтеніи въ собственность только усадебъ: то, имѣя въ виду трудность для многихъ бѣдныхъ крестьянъ достигнуть этого, должно стараться по-возможности облегчить дѣло, и слѣдовательно включать въ предметы выкупа какъ можно менѣе статей и отнести выгоны къ числу наемныхъ земель. Если, какъ предполагаютъ, земледѣіе крестьянъ можетъ существовать до времени безъ полной собственности земли, то отчего-же нельзя предположить возможность существованія и скотоводства при наемныхъ выгонахъ. Самъ-же авторъ въ примѣчаніи къ своей статьѣ говорить, что бываютъ деревни съ крайне-малымъ выгономъ внутри поселка, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ обширнымъ, отдѣльнымъ выгономъ, принадлежащимъ къ полевой землѣ. Пожалуй, эти крайне-малые выгоны и могутъ быть причислены къ усадебной землѣ, но главный выгонъ, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, кажется, удобнѣе отнести къ полевой землѣ.

Относительно размѣровъ усадебъ авторъ полагаетъ, что надо строго придерживаться правила: оставлять усадьбы въ тѣхъ размѣрахъ и по-возможности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ теперь существуютъ, и измѣнять ихъ только въ крайнихъ случаяхъ. Мы думаемъ, что такъ-какъ цѣль всѣхъ преобразованій сельскаго быта должна клониться къ единственной цѣли — улучшенія быта поселанъ: то, въ случаѣ, если крестьянинъ недоволенъ или размѣромъ

своего жилища, или его положеніемъ, то правило, предлагаемое г. Кошелевымъ, должно быть измѣнено. Извѣстно, что крестьяне пользуются не одинаковыми усадьбами какъ по ихъ пространству, такъ и по положенію; такая неравномѣрность могла произойти отъ разныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ могъ играть роль и произволъ помѣщика; слѣдовательно, могла быть несправедливость. Желая улучшить бытъ поселяннина, естественно должно стараться уничтожить остатки прежнихъ грѣховъ и возстановить, по-возможности, строгую справедливость.

Далѣе, въ отдѣлѣ объ оцѣнкѣ усадебъ, г. Кошелевъ выражаетъ много дѣльныхъ и справедливыхъ мыслей, и вообще за статью его должно признать несомнѣнныя достоинства, отличающія опытность и знаніе дѣла.

Въ-связи со статьею г. Кошелева можно упомянуть о статьѣ графа Толстаго (Сел. благоус. № 4): «О различной цѣнности усадебныхъ участковъ», въ которой авторъ приводитъ много полезныхъ статистическихъ данныхъ о цѣнѣ усадебъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ Макарьевского уѣзда Нижегородской губерніи. Данные эти приобретаютъ особое значеніе потому, что, при оцѣнкѣ усадебъ, трудности представляются не столько въ хлѣбородныхъ и обильныхъ земляхъ губерніяхъ, гдѣ усадьбы не имѣютъ значительной цѣнности, сколько въ промышленныхъ центрахъ, гдѣ они составляютъ главную цѣнность. Желательно по-болѣе точныхъ статистическихъ свѣдѣній о цѣнности усадебъ: на этихъ данныхъ только и можетъ быть основано строго-правильное разрѣшеніе вопроса.

До настоящаго времени большая часть писателей о сельскохозяйственныхъ современныхъ вопросахъ обращали свое вниманіе на одинъ только классъ лицъ, бытъ которыхъ готовится измѣниться — собственно на крестьянъ, между-тѣмъ-какъ другой разрядъ лицъ — дворовые люди оставались забытыми, тогда-какъ ихъ настоящее положеніе едва-ли не хуже крестьянъ и они стѣдятъ, чтобы подумали объ ихъ участи.

Изъ разсматриваемыхъ журналовъ только въ одномъ до настоящаго времени появилась статья объ этомъ предметѣ — г. Кошелева: «О дворовыхъ людяхъ» (Сел. благ. № 5-й). Въ этой статьѣ относительно способа освобожденія авторъ признаетъ за самый дѣйствительный и лучшій — оставить добровольныя сдѣлки между помѣщиками и дворовыми людьми на нынѣ существующемъ осно-

ваніи, не ограничивая ихъ ни въ-отношеніи къ суммамъ за выкупъ, ни въ-отношеніи къ срокамъ платежей; но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ назначить сумму, по единовременномъ взыскѣ которой дворовый человѣкъ имѣлъ-бы право получить отпускную. Мысль хотя не новая, но дѣльная, и особенно послѣдній способъ можетъ быть очень полезенъ.

Заканчивая наше обозрѣніе главнѣйшихъ статей въ двухъ названныхъ нами журналахъ, нельзя не упомянуть о статьѣ, хотя не относящейся прямо къ современнымъ вопросамъ объ улучшеніи быта крестьянъ, но по предмету своему заслуживающей вниманіе. Мы разумѣемъ статью г. Высоцкаго: «Объ образованіи помѣщиковъ» (Журн. землев. № 2). Авторъ выражаетъ въ ней весьма основательную мысль, что наука у насъ не вошла въ частную дѣятельность; училищъ для приготовленія молодыхъ людей къ такому роду занятій, которыя должны составлять ихъ частную дѣятельность, по правамъ сословія, по призванію и по свободному выбору, у насъ весьма недостаточно. Торговлѣ одной посчастливилось осмыслиться научными свѣдѣніями. Сельское-же хозяйство остается въ потемкахъ. Ни образцовыя фермы, ни земледѣльческія школы, ни Горыгорецкій институтъ, по мнѣнію г. Высоцкаго, не достигаютъ своей цѣли, и потому авторъ предлагаетъ учрежденіе особаго института и исчисляетъ, какіе предметы должны войти въ курсъ его. При этомъ исчисленіи, довольно полно, г. Высоцкій сдѣлалъ важный пропускъ: въ числѣ предметовъ онъ не упомянулъ о весьма важномъ — именно о политической экономіи.

Политическая экономія, составляя основаніе всѣхъ хозяйственныхъ знаній, такъ сказать ихъ философію, должна стоять на первомъ мѣстѣ между науками необходимыми для просвѣщеннаго хозяина. Она научаетъ правильно смотрѣть на общій ходъ государственнаго хозяйства, которое слагается изъ частныхъ, отдѣльныхъ хозяйствъ. Еслибы наши помѣщики знали политическую экономію, то они не утверждали-бы напр. въ настоящее время такихъ дѣтскихъ положеній, какія намъ приходится часто слышать. Недостаточно для хозяина умѣть посѣять и распорядиться работами въ своей деревнѣ; надо имѣть понятіе и объ общемъ ходѣ человѣческаго труда, объ условіяхъ его наипроизводительнѣйшаго приложенія и слѣдовательно объ условіяхъ всеобщаго благосостоянія государства.

О статьяхъ, излагающихъ историческое происхожденіе и со-

временный бытъ сельскаго населенія въ иностранныхъ государствахъ, которыя, какъ мы упоминали выше, могутъ принести не малую пользу разъясненію вопроса о будущемъ устройствѣ сельскаго населенія Россіи, мы не будемъ говорить въ настоящей статьѣ, во-1-хъ, потому, что ихъ появилось очень мало, а во-2-хъ, самая главная—«Объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи» г. Самарина (Сельс. благоус.) еще не кончена.

Изъ всего, что мы видѣли, разсматривая самыя главныя статьи двухъ новыхъ хозяйственныхъ журналовъ, можно, кажется, придти къ утѣшительной мысли, что дѣло, начатое нашей литературой, по началу своему общаетъ много въ будущемъ. Самыя замѣчательныя статьи, какъ мы видѣли, принадлежатъ журналу «Сельское благоустройство» и написаны г. Самаринымъ. Это статьи капитальныя, разсматривающія существенныя и трудныя вопросы, которые разрѣшены, какъ намъ кажется, весьма серьезно и основательно. «Журналъ земледѣльцевъ» не представилъ полныхъ и подробныхъ изслѣдованій главнѣйшихъ вопросовъ: онъ ограничивался по большей части выраженіемъ своихъ мнѣній при разборѣ статей, помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ, но въ этихъ рецензіяхъ редакція его успѣла выразить свой взглядъ на сельско-хозяйственные вопросы.

Такимъ образомъ благотворное дѣло, предпринятое на пользу будущаго устройства многочисленнаго сельскаго населенія Россіи, посредствомъ научнаго разъясненія состоятельности и строгой справедливости предпринимаемыхъ мѣръ, начато успѣшно, и остается только желать, чтобы просвѣщенное участіе образованныхъ помѣщиковъ и ученыхъ напихъ не охладѣло, а напротивъ увеличилось для пользы великаго дѣла измѣненія быта сельскаго населенія Россіи.

Л. Ш.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРУЮ ТРЕТЬ 1858 ГОДА.

I. Богословіе.

Изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви напечатаны слѣдующія сочиненія: преп. Нила Синайскаго: *О восьми лукавыхъ духахъ; Къ Белюю монаху; О различныхъ лукавыхъ помыслахъ 27 главъ; Слово на евангельское изреченіе: «иже имать вѣдальще»* и пр. (Лук. 22. 36); *Сказанія о избіеніи монаховъ на горѣ Синайской и о плъненіи Θεодула, сына Нилова; Похвальное слово Аліану* (Твор. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); *Слово подвижническое; Слово о нестяжательности* (ibid. № 3); св. Іоанна Златоустаго: *Бесѣды на 1^е посланіе къ Коринѳянамъ* (15—29); *Бесѣды на посланія къ Ефесеямъ* (13—24) (Христ. чт. май—авг.); св. Григорія Двоеслова, *Собесѣдованія о жизни Италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души* (Правосл. соб. май—авг.); *Размышленіе на слова: «Стража дахъ тя дому Израилеву»* (Воскр. чт. № 11); св. Льва, папы Римскаго, *Слово на пятидесятницу* (Воскр. чт. № 8); св. Анастасія Синаята, *Поученіе о томъ, что не должно осуждать никого, наипаче же священника* (ibid. № 9); преп. Іоанна Кассіана, *Изъ собесѣдованій его съ скитскими старцами* (ibid. № 13, 14, 15, 16, 17, 18).

— По церковному краснорѣчію: высокопреосв. Филарета, митрополита Московскаго: *Бесѣда на день рожденія благодетельнаго Государя Императора Александра Николаевича*

(Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); его-же, *Бесѣда въ день обрѣтенія мощей преп. Сергія и тезоименитства благовернаго Государя и Великаго Князя Сергія Александровича*; его-же, *Бесѣда въ день тезоименитства благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны*; его-же *Рѣчь благочестивѣйшему Государю Императору Александру Николаевичу, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества, въ Государыню Императрицу, въ большой Успенскій соборъ* (ibid. кн. 3); въ Духовной Бесѣдѣ (№ 17—32) помѣщено семнадцать *Словъ* высокопреосв. Григорія, митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго; преосв. Макарія, епископа Тамбовскаго, *Слово предъ дворянскими выборами въ Тамбовской губерніи* (ibid. июль); преосв. Нила, бывшаго архіепископа Иркутскаго, *Рѣчь по zaloженіи въ Иркутскъ церкви и дома института восточной Сибири для воспитанія дѣтей* (ibid.); его-же, *Слово на освященіе церкви въ институтъ восточной Сибири и открытіе заведенія сего* (ibid.); его-же *Рѣчь при вступленіи въ управленіе Ярославскою паствою* (ibid.); преосв. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго, *Слово въ недѣлю святыхъ отцевъ* (Воскр. чт. № 7); *Слово въ недѣлю девятую по пятидесятницѣ* (ibid. № 17); преосв. Антонія, епископа Оренбургскаго и Уфимскаго, *Слово въ недѣлю пятидесятницы* (ibid. № 8); преосв. Дмитрія, епископа Херсонскаго и Таврическаго, *Слово въ день Благоуощенія Пресвятыя Богородицы* (ibid. № 10); протоіер. Михаила Павловскаго, *Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича* (ibid. № 11); преосв. Антонія, епископа Чигиринскаго, *Рѣчь предъ молебствіемъ по случаю приведенія къ присягѣ избранныхъ въ члены комитета для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ по Кіевской губерніи* (ibid. № 22); архим. Антонія, ректора Ярославской духовной семинаріи, *Рѣчь при нареченіи его во епископа Оренбургскаго и Уфимскаго* (Дух. бес. № 25); *Слово въ день Вознесенія Господня* (Приб. къ тв. св. отц. въ Рус. пер. кн. 2); *Слово въ день рожденія благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича* (Христ. чт. май); *Слово въ день святыхъ пятидесятницы* (ibid. июнь); *Слово въ четвертокѣ 9-й недѣли по Пасхѣ, въ память возсоединенія униатовъ съ православною церковію* (ibid. авг.); *Слово въ день рожденія благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича и освященія знамени, даннаго Кіевскому Владимірскому кадетскому корпусу* (ibid.

№ 9); Слово въ день Вознесѣнія Господня и на память священномученика Макарія (ibid. № 12); Слово въ день преп. Феодосія Печерскаго (ibid. № 21); Воскресная бесѣда священника съ прихожанами (ibid. № 13, 23, 24); Слово по освященіи придѣла св. великомученицы Екатерины въ С. Петербургскомъ кафедральномъ Исаакиевскомъ соборѣ (Дух. бес. № 23).

— «Слово въ день рожденія благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича». — Слово это, по содержанию своему относящееся до каждаго гражданина и члена общества, отъ самаго высшаго до низшаго, замѣчательно простотою и общедоступностію изложенія. Высокопреосвященный Филаретъ въ началѣ своего слова говоритъ, что, дабы соблюсти древній обычай—приносить празднующему день рожденія по-возможности пріятнѣйшій даръ, мы можемъ приносить даръ пріятный не только Царю, но и Богу. «Если спросятъ—говоритъ далѣе архипастырь—какъ приготовить и принести такой даръ Царю, на сіе отвѣтствую. Во-первыхъ, если устнѣ праведны, словеса правая еще не сдѣлались твоимъ достояніемъ; если ты не постановилъ себѣ твердаго правила и не приобрѣлъ навыка постоянно употреблять слово истинное, честное, правдивое, благонамѣренное, то потрудись приобрести сію драгоценность. Для сего ненужно идти къ продающимъ и тратить деньги: ты можешь найти сіе сокровище у себя дома, въ твоемъ сердцѣ, если къ обрѣтенію онаго направишь твой умъ и твою волю; если примешь рѣшительное намѣреніе, и неуклонно будешь приводить оное въ дѣйствіе; если къ сему будешь возбуждать себя памятованіемъ о Богѣ, любящемъ правду и праведныхъ, и страхомъ гнѣва Его за нарушеніе заповѣди Его: *не лжесвидѣтельствуй*. Во-вторыхъ, если устнѣ праведны, словеса правая уже сдѣлались твоимъ достояніемъ; если любовь къ правдѣ, одушевляя тебя, движется отъ сердца твоего, чтобы одушевлять твое слово, употребляй такое слово вѣрно и неизмѣнно, въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ, безъ страха и безъ дерзости, безъ лицепріятія и безъ ненависти. Отвержай устнѣ праведны, и говори чистую истину и нелицемѣрную правду начальнику подчиненному и подчиненный начальнику, судія подсудимому и подсудимый судіи, наставникъ ученику и ученикъ наставнику, писатель въ книгѣ, торгующій на торжищѣ, собесѣдникъ въ бесѣдѣ. Могутъ сказать многіе: не оспариваемъ у слова правды его достоинства; но что значитъ наше малое слово правды, обращающееся въ смиренномъ и тѣс-

номъ кругу? Какъ можетъ оно достигнуть до Царя и составить пріятный для Него даръ. Дадимъ на сіе объясненіе. Земледѣльцы на деревенскихъ поляхъ, вдали отъ столицъ, сѣютъ сѣмена свои, чтобы собрать отъ нихъ насущный хлѣбъ; но Богъ даетъ имъ избытокъ плода отъ ихъ сѣмянъ, и сей избытокъ проходить селенія, питаетъ города и восходитъ на трапезу Цареву. Подобно сему сѣйте слово истины и правды кто можетъ на большомъ, а другіе на маломъ полѣ; поощряйте къ сему другъ друга: посѣвъ можетъ сдѣлаться обширнымъ и общественнымъ. Отъ ревностнаго распространенія въ обществѣ слова истины и правды долженъ произойти плодъ общаго здравомыслія и правдолюбія, а отъ сего возрастающее обиліе общаго мира и благоустройства: и это будетъ добрый даръ подданныхъ доброму Царю, пекущемуся о благѣ ихъ, или, иначе сказать, ихъ содѣйствіе и споспѣшествованіе Царскому непрерывному подвигу въ благоустроеніи царства для возвышенія его благоденствія. Привычка легкомысленно метать слово на вѣтеръ, къ-сожалѣнію очень обыкновенная, не даетъ намъ примѣтить, какое сокровище часто расточаемъ, безъ пользы, или со вредомъ, для себя и для ближнихъ. Размышлялъ-ли когда-нибудь ты, словесное твореніе Божіе, — ты *лаголюмый* (Пов. 38, 14.), какъ называлъ тебя праведный Ювъ, не знаю, въ похвалу-ли, любомудрствовалъ-ли ты о словѣ, восходилъ-ли мыслию къ его началу, созерцалъ-ли его достоинство и силу на высотѣ его? — Гдѣ начало слова? — На небесахъ, превыше небесъ, въ вѣчности, въ Богѣ. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу; Сей бѣ искони къ Богу* (Іоан. I, 1.). Какое достоинство слова? — Достоинство Божественное: *Богъ бѣ Слово*. Сынъ Божій, для выраженія Своихъ Божественныхъ свойствъ, не нашелъ въ языкѣ человѣческомъ лучшаго наименованія, какъ наименованіе Слова: *нарицается имя Его Слово Божіе* (Апок. 19, 13.). Какую силу имѣетъ слово? — Силу *вседѣтельную*: *всѣ тѣмъ быша*; Словомъ сотворенъ видимый міръ; *Словами Господними небеса утвердишася* (Пс. 32, 6.). Скажешь, что это не такое слово, какъ у тебя и у меня. Такъ. Слово Божіе безконечно выше слова человѣческаго. Но воелюку ты сотворенъ по образу Божію, то и въ словѣ твоёмъ долженъ быть нѣкій образъ слова Божія и силы его, если ты не затмѣиваешь его злоупотребленіемъ слова, если не обезсиливашь слова невниманіемъ и легкомысліемъ. Слово поставило человѣка на лѣстницѣ твореній выше всего земнаго, и

выше луны и солнца; слово соединило людей въ общества, создало города и царства; въ словѣ живеть и движется знаніе, мудрость, законъ; словомъ образуется, поощряется и распространяется добродѣтель; слово въ молитвѣ восходитъ къ Богу, бесѣдуетъ съ Нимъ, и пріемлетъ отъ Него просимое. Міръ видѣлъ, что слово подобострастныхъ намъ человѣковъ, въ союзѣ съ истинною боговѣдѣнію и правдою вѣры, и вслѣдствіе сего въ союзѣ съ словомъ и духомъ Божиимъ, владычествовало надъ природою, исцѣляло больныхъ, прогоняло темныя силы, воскрешало мертвыхъ. Видите-ли какое сокровище расточаетъ человѣкъ, какой высокій даръ подвергаетъ и пощраетъ, какую могущественную, животворную и благотворную силу дѣлаетъ бездѣйственною и мертвою, или напротивъ злоторною, когда употребляетъ слово не для истины, правды и благодати, но на празднословіе, на срамословіе, на ложь, на обманъ, на клевету, на злоупотребленіе клятвы, на распространеніе зломудрія! Не будьте къ сему невнимательны или равнодушны, чтущіе достоинство словеснаго существа и общество словесныхъ существъ; ревнуйте о достоинствѣ слова; одушевляйте и вооружайте ваше слово истинною и правдою, и, дѣйствуя имъ вѣрно и твердо, не допускайте разліянія *маломовъ потопныхъ* (Пс. 51, 6.).

— «Слово предъ дворянскими выборами въ Тамбовской губерніи». — «Простите мнѣ, благородные сыны отечества (такъ начинается Слово пресвящ. Макарій), если я обращаюсь къ вамъ нынѣ, въ такой знаменательный для васъ день, не съ словомъ привѣта, или радости, или кроткаго назиданія, а съ грозными словами Господа Вседержителя объ отмщеніи за всѣ наши неправды. Я живо представляю всю важность дѣла, для котораго обратились вы со всѣхъ сторонъ нашего обширнаго края; живо представляю, какъ легкомысленно иногда смотрятъ на это дѣло, какъ часто позволяютъ себѣ здѣсь увлекаться страстями и мелкими разсчетами самолюбія, и какія страшныя послѣдствія проистекаютъ отъ того... Представляю, — и, желая всѣмъ вамъ истинной пользы, желая предотвратить отъ васъ эти горестныя послѣдствія, считаю долгомъ моимъ указать вамъ на ту тяжкую отвѣтственность, какой подвергается каждый изъ васъ въ случаѣ злоупотребленій въ подлежащемъ вамъ дѣлѣ. Смотрите сами, изъ какихъ частныхъ дѣйствій слагается то, для чего стеклись вы въ средоточіе нашего края, и взвѣсьте безпристрастно значеніе этихъ

дѣйствій. Ихъ собственно два: первое и предварительное — это *присяга*, которую произнесете вы чрезъ нѣсколько минутъ, второе и главное — это *выборы*, къ которымъ приступите вы вслѣдъ за присягою, — выборы лишь изъ среды васъ для занятія разныхъ общественныхъ должностей въ странѣ нашей». Изложивъ затѣмъ важность присяги вообще и въ-особенности въ дѣлѣ столь важномъ, какъ выборъ дворянъ въ общественныя должности, преосвящ. Макарій заключаетъ Слово свое слѣдующими словами: «Мужи благородные! Мы живемъ въ замѣчательную эпоху для нашего отечества, — въ эпоху пробудившагося сознанія нашихъ собственныхъ недостатковъ, общественныхъ и частныхъ, въ эпоху свѣтлыхъ надеждъ, порывовъ и ожиданій, въ эпоху прекрасныхъ начинаній, улучшеній, усовершенствованій. Нашъ благочестивѣйшій Монархъ-Миротворецъ, — да будетъ вѣвѣки благословенно Его Имя, — по прекращеніи недавней кровопролитной брани, выразилъ предъ всею Россією живѣйшее желаніе своего сердца, «да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство, да царствуютъ въ судахъ ея правда и милость, и каждый, подѣ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ» (Высочайш. маниф. 19 марта 1856). И все отозвалось на этотъ Царственный призывъ въ безграничной Россіи! Все — и голосъ отдѣльныхъ лицъ, и общественное мнѣніе, мало-по-малу возникающее и образующееся, и отечественная словесность, и наука, и въ главѣ всего православная церковь: ибо кто-же болѣе и можетъ сочувствовать всякому истинному улучшенію и усовершенствованію въ народѣ Русскомъ, какъ не она — мать наша, которая для того и существуетъ на землѣ, чтобы вести какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыя народы, къ постоянному, нескончаемому усовершенствованію?... Но, братіе мои, вы знаете, что для всякаго улучшенія, для всякаго успѣха нужны не слова, не одни слова. Чтò въ красныхъ рѣчахъ, чтò въ благородныхъ порывахъ, чтò въ высокихъ чувствованіяхъ, если все это не сопутствуется дѣлами? Покажите-же сами дѣломъ, что вы истинно сочувствуете высокимъ и благотворнымъ предначертаніямъ нашего возлюбленнаго Монарха: предъ вами теперь такой рѣдкій, такой прекрасный случай! Подавите въ себѣ всѣ расчеты самолюбія и своекорыстія, возвысьтесь надъ всѣми отношеніями вражды или дружбы, имѣйте въ виду одну общую пользу и изберите изъ круга вашего лю-

дей, которые-бы дѣйствительно содѣйствовали утвержденію и усовершенствованію внутренняго благоустройства нашего края, творили безпристрастно въ судахъ его правду и милость, и своею ревностію о соблюденіи законовъ, своею попечительностію о благѣ ближнихъ способствовали къ тому, чтобы каждый изъ обитателей страны нашей могъ наслаждаться въ мирѣ трудами плодовъ невинныхъ. Именемъ вашего благороднаго сословія и всего нашего края, священнымъ именемъ Помазанника Божія и всего отечества, священнѣйшимъ именемъ самой Христовой церкви призываю васъ къ этому, благородные мужи!»

— По духовной исторіи: *О праздникѣ Вознесенія Господня* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); *Извѣстія изъ церковной Алтайской миссіи* (ibid.); *Письмо о значеніи вселенскихъ соборовъ* (ibid.); *Объ отношеніяхъ духовенства Русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV вѣка* (ibid. кн. 3); *Высочайшее посѣщеніе Святотроицкой Сергиевой лавры* (ibid.); *Житіе препод. Шагомля, Перелтскаго чудотворца* (Христ. чт. іюнь); *Начало уніи въ юго-западной Россіи* (Прав. соб. кн. май—авг.); *Асвакумъ, его мнѣнія и секта Асвакумовщина* (ibid. май); *Происхожденіе расколыническаго ученія объ антихристѣ* (ibid. май, іюнь); *Памятники древле-Русской духовной письменности* (ibid. май, авг.); *О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи* (ibid. іюнь, іюль); *Акты XVII столѣтія о построеніи обиденной церкви* (ibid. іюнь); *Основанія церковнаго суда* (ibid. іюль); *Общество людей Божіихъ, составъ его и богослужебныя собранія* (ibid.); *Свидѣтельство XVIII вѣка о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи* (ibid.); *Лука Конашевичъ, епископъ Казанскій* (ibid. авг.); *Матеріалы для исторіи Русскаго раскола: посланіе боярина Андрея Шлещьева къ Асвакуму о соединеніи съ православною церковію* (ibid.); *Что значитъ соединеніе церквей, которая желаетъ Римская церковь* (Воскр. чт. № 7); *Письмо о праздникѣ св. Троицы* (ibid. № 8); *О плодахъ уніи* (ibid. № 9, 10); *Св. мученики: Теодора дѣльца и Дидимъ воинъ* (ibid. № 11); *Препод. Атанитъ Печерскій* (ibid.); *Св. священномученикъ Евсеій, епископъ Самосатскій* (ibid. № 14); *Св. Марія Магдалина* (ibid. № 19); *Страданія св. мученика архидіакона Аврентія* (ibid. № 21); *Два слова въ отвѣтъ церковной (уніатской) книгъ* (ibid. № 22); *О трудахъ преп. Максима Грека для исправленія нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ* (ibid. № 24); *Новѣйшіе путешественники по востоку* (Дух. бес. № 17); *Святый*

Стефанъ, епископъ Пермскій, К. Добронравова (ibid. № 18); Письмо изъ Иерусалима, Кирилла, епископа Мелитопольскаго (ibid. № 19); Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изображенныя по сказанію естъ четырехъ евангелистовъ (ibid. № 21); Препод. Исаакій Далматскій (ibid. № 22); Обь отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду, записки Авдіа Востокова (ibid. № 26); О важности изученія жизни святыхъ Божіихъ челоуковъ (ibid. № 27); Препод. Антоній Римлянинъ, Новгородскій чудотворецъ (ibid.); Изъ путевыхъ записокъ православнаго миссіонера (ibid. № 28); Препод. Макрина, сестра Василія еликаго и Григорія Нисскаго (ibid. № 29); Западъ на востокъ или историко-критическое обзорніе дѣятей западныхъ миссіонеровъ на востокъ (ibid. № 31).

— «Обь отношеніяхъ духовенства Русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV вѣка». — По смерти великаго князя Ярослава, который раздѣлилъ Россію на удѣлы между своими сыновьями, начались, какъ извѣстно, непрерывныя споры между князьями за родовыя права и преимущества, сопровождавшіеся самыми печальными послѣдствіями для народа и государства. Ни родственныя связи, ни общія выгоды, требовавшія мира, ни надзоръ старшаго въ родѣ, великаго князя, которому по завѣщанію Ярослава надлежало быть блюстителемъ порядка между князьями, ни святость крестнаго дѣлованія, которымъ они имѣли обыкновеніе скрѣплять свои договоры, не представляли твердаго оплота противъ притязаній властолюбія и другихъ причинъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ и спорамъ. Источникъ споровъ и безпорядковъ заключался въ тогдашнемъ государственномъ устройствѣ Россіи, и докогъ оно существовало, не прекращались кровавыя раздоры князей и внутренніе безпорядки. Длинный, почти непрерывающійся рядъ ихъ проходитъ чрезъ дѣлы два столѣтія до нашествія Монголовъ; даже тяжелое иго Монгольское не могло подавить ихъ, ибо Монголы не измѣнили въ Россіи прежняго государственнаго устройства. Тогда только споры и безпорядки начинаютъ постепенно ослабѣвать, когда, подъ влияніемъ князей Московскихъ, начинается постепенно возникать новый, болѣе правильный порядокъ государственнаго устройства; и тогда только прекратились, когда утвердился въ Россіи единодержаніе и прямая преемственность престолона слѣдія. Непрерывныя княжескіе раздоры и внутреннія неурядица въ отечествѣ нашемъ, продолжавшіяся такимъ образомъ болѣе четы

рыхъ столѣтій, открыли духовенству Русскому поприще особеннаго служенія отечеству, ввели его въ особенныя отношенія къ князьямъ: это были отношенія посредниковъ между князьями въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ, съ благотворною цѣлю содѣйствовать сохраненію или возстановленію мира между ними, а съ тѣмъ вмѣстѣ и облегченію бѣдствій народа и государства. Къ дѣятельности такого рода пастыри церкви обязывались чувствомъ любви къ отечеству, раны котораго всегда были близки ихъ сердцу, и сознаниемъ долга пастырской попечительности о благѣ народа; притомъ и сами князья усвоили духовенству право посредничества въ ихъ взаимныхъ расправахъ: они имѣли обыкновеніе обращаться къ духовной власти пастырей церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежало или предупредить готовое возникнуть между ними неудовольствіе, или возстановить нарушенный миръ. Лѣтописныя сказанія, повѣтствуя о временахъ междоусобій и безпорядковъ въ Россіи, представляютъ дѣйствительно многочисленныя примѣры благотворнаго посредничества пастырей церкви во взаимныхъ княжескихъ неудовольствіяхъ, представляютъ несомнѣнныя доказательства того, что въ сіи времена они старались всѣми средствами, какія были въ предѣлахъ ихъ духовной власти, содѣйствовать прекращенію безпорядковъ и водворенію прочнаго мира, необходимаго для благоденствія государства. Нѣтъ сомнѣнія, что въ XI — XV в., кромѣ указанныхъ отношеній духовенства Русскаго къ князьямъ, по поводу взаимныхъ княжескихъ неудовольствій, были между ними и другаго рода отношенія, случаи къ которымъ подавали дѣла церковныя, гражданскія и даже семейныя дѣла князей; но въ указанной статьѣ разсмотрѣны, въ исторической послѣдовательности, только тѣ отношенія духовенства Русскаго къ князьямъ, которыя вызваны были именно господствовавшими тогда междоусобіями и безпорядками въ государствѣ, такъ-какъ они заслуживаютъ преимущественнаго вниманія и по своей важности, и по своему собственному особенному характеру. Въ основаніи всей дѣятельности пастырей церкви, когда они явились въ качествѣ посредниковъ между князьями въ ихъ взаимныхъ расправахъ, лежитъ пастырскій долгъ заботиться о примиреніи враждующихъ и любовь хъ отечеству. Что-же касается самыхъ дѣйствій, въ какихъ обнаруживалась ихъ ревность, то, смотря по различію историческихъ обстоятельствъ, по различію нуждъ и потребностей народа въ то или другое время, дѣйствія сіи были неодинаковы: во-

обще можно различать въ нихъ двойкій характеръ. Въ то время, когда во всей силѣ господствовали между князьями споры за родовыя права, и когда, при невозможности достигнуть прочнаго порядка въ государствѣ, каждое временное прекращеніе междоусобій составляло великое благо для народа, въ это время и дѣятельность духовенства въ-отношеніи къ князьямъ имѣла по-преимуществу характеръ примирительный: любовь къ отечеству побуждала тогда пастырей церкви всѣми средствами заботиться о прекращеніи кровопролитій, и въ этой заботливости видѣтъ исполненіе своего священнаго долга въ-отношеніи къ отечеству, какъ выразилъ это одинъ изъ самихъ пастырей въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ князьямъ: «мы поставлены въ Русской землѣ отъ Бога, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія». А съ того времени, когда князья Московскіе начинаютъ сосредоточивать власть государственную въ своихъ рукахъ, и когда утвержденіе въ Россіи прочнаго мира и порядка, а слѣдовательно и благоденствіе народа, зависѣло отъ успѣха ихъ стремленій къ единовластію, дѣятельность высшаго духовенства обращена была по-преимуществу на то, чтобы содѣйствовать утвержденію единоподданства; во взаимныхъ спорахъ между князьями оно поддерживаетъ сторону князей Московскихъ, сознавая всю благотворность усиленія ихъ власти на-счетъ прочихъ князей, и теперь самая любовь къ отечеству побуждаетъ пастырей церкви благословлять иногда оружіе и брань для достиженія прочаго мира и порядка. Такой характеръ принимаетъ дѣятельность духовенства въ-отношеніи къ князьямъ со временъ святителя Петра. Сообразно указанному различію въ характерѣ отношеній духовенства Русскаго къ князьямъ во времена ихъ взаимныхъ неудовольствій, историческое раскрытіе сихъ отношеній въ упомянутой статьѣ раздѣлено на двѣ части: первая обнимаетъ время отъ кончины великаго князя Ярослава до перенесенія кафедры митрополіи Русской въ Москву (1054 — 1325 г.), вторая—отъ этого послѣдняго событія до вступленія на престолъ Іоанна III (1325 — 1362). Исслѣдованіе окончено временами сего государя потому, что при немъ государственный порядокъ въ Россіи является уже утвердившимся, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращается и та дѣятельность духовенства, къ которой обязывали его прежде междоусобія и безпорядки въ отечествѣ, или по-крайней-мѣрѣ не выступаетъ такъ ясно и опредѣленно, какъ при обстоятельствахъ, бывшихъ до Іоанна III.

— «Начало уніи въ юго-западной Россіи» (*).— Дабы познакомиться съ содержаніемъ этого обширнаго историческаго изслѣдованія, приводимъ здѣсь небольшое вступленіе въ оное: «Церковная унія, возникшая въ концѣ XVI в. на юго-западѣ Россіи, представляетъ въ исторіи Русской церкви безспорно одно изъ самыхъ важныхъ явленій. Между-тѣмъ до-сихъ-поръ исторія этого великаго событія остается не довольно разработанною и даже почти не тронута рукою исторической критики. Относительная скудость матеріаловъ при видимомъ ихъ богатствѣ, и недостаточная ихъ разработка, даже при существованіи нѣкоторыхъ специальныхъ изслѣдованій по этому предмету, не даетъ возможности вполне удовлетворительно разрѣшить для исторіи столь важный вопросъ. Нельзя не замѣтить также, что въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ болѣею частію сводятся факты, относящіеся болѣе къ внѣшней, видимой сторонѣ событія, но не довольно раскрываются его смыслъ, содержаніе и внутреннія причины, его породившія. Желая остановить вниманіе читателей на самомъ началѣ Русской уніи, мы имѣли въ виду, по-мѣрѣ своихъ средствъ, раскрыть яснѣе внутреннюю связь этого важнаго событія съ состояніемъ самаго общества Русскаго, среди котораго оно возникло въ концѣ XVI вѣка. Касаясь событія, почти неожиданно и до глубины потрясшаго собою все мѣстное общество, мы, съ другой стороны, не могли обойти характеристики лицъ, принимавшихъ въ устройствѣ уніи главное участіе; мы старались, воздерживаясь впрочемъ отъ окончательнаго приговора, выставить на видъ ихъ нравственный характеръ, образъ мыслей и убѣжденій, какой высказывался въ ихъ дѣятельности. Становясь на почву событій, предшествовавшихъ открытію уніи и послѣдовавшихъ за нею, невольно чувствуешь, что въ этой почвѣ гораздо болѣе было зародышей для явленій, совершенно противоположныхъ тому, каково было торжество, по-крайней-мѣрѣ видимое, Латинства въ юго-западной Россіи. Достаточно вспомнить объ открывшихся, благодаря стараніямъ князя Константина Острожскаго, задолго до возникновенія уніи, постоянныхъ сношеніяхъ южно-Русской церкви съ восточными патріархами, одного слова, одного посланія которыхъ, казалось-бы, довольно было, чтобы уни-

(*) Статья эта, въ-отношеніи къ князю Константину Острожскому, котораго по дѣламъ уніи касается, служитъ продолженіемъ статей объ этомъ князѣ, помѣщенныхъ въ предыдущихъ книжкахъ Прѣв. собесѣдника.

чтобъ все обаяніе Латинства, съ какой-бы благовидной стороны оно себя ни выдавало предъ православными; достаточно вспомнить, что не только Русскіе православные богословы, которыхъ, среди живой борьбы мѣній и религіозныхъ запросовъ, успѣли образовать православныя училища, но и простой, необразованный классъ народа Русскаго не могъ никогда примириться въ душѣ своей съ мыслию дать торжество Латинству надъ православіемъ (*); достаточно, наконецъ, вспомнить почти общее изумленіе и негодованіе, съ которыми было принято Русскими извѣстіе объ униі, едва она открылась, ужасныя пытки и кровавыя гоненія, которыя нужны были для временнаго ея утвержденія: достаточно, говоримъ, вспомнить все это, дабы понять, что униа была явленіемъ совершенно новымъ, неожиданнымъ въ жизни и исторіи Русскаго народа; даже, нельзя сказать, чтобы это явленіе было неизбежно. Слабая, шаткая при самомъ первомъ своемъ возникновеніи, униа мало имѣла твердыхъ ручательствъ за свое развитіе въ будущемъ. Причины ея возникновенія скрывались не столько въ повременное ходъ событій, съ историческою необходимостію приводящихъ всегда къ опредѣленнымъ послѣдствіямъ, сколько въ ткани явленій мѣстныхъ и временныхъ».

(*) Ссылаемся на слова Поссевина, который имѣлъ случай и средства хорошо познакомиться съ Русскими понятіями. Въ своемъ сочиненіи «De Moscovia» онъ между прочимъ дѣлаетъ такіе отысканія о Русскихъ: въ нихъ никогда не проникала и мысль, что они находятся въ смятѣніи; у Русскихъ самое поносное слово, которымъ обзываютъ другаго, есть — *Латинянинъ*; онъ же замѣчаетъ, что *incolae in Russia, Podolia, Volynia, Litvania et Samogitia graecum schisma retinent obstinate* (Supp. ad. L. R. M. p. 2, 80). Всѣ эти отысканія были писаны незадолго до униі. Здѣсь кстатіи вспомнить, что униі предшествовало одно очень замѣчательное событіе на югѣ Руси, показывавшее, какъ далеко былъ народъ православный отъ самаго благовиднаго служенія Латинству, — именно борьба православныхъ съ попытками Латинскаго правительсва и духовенства ввести въ Русскую церковь новый календарь. Сколь ни продолжительны и сильны были усилія Латинства по этому дѣлу, какъ ни жестоки и безчеловѣчны средства, которыя оно употребляло, народъ все вынесъ и не принялъ рѣшительно этого, повидимому, незначительнаго измѣненія въ церковной обрядности. Тогда-какъ православные богословы протестовали противъ этого нововведенія въ своихъ сочиненіяхъ, а нѣкоторые изъ лицъ высшаго сословія—въ судебныхъ актахъ и оффиціальныхъ жалобахъ, народъ протестовалъ благодушнымъ и несокрушимымъ перенесеніемъ всѣхъ насилій.

— «Аввакумъ, его мнѣнія и секта Аввакумовщина». — Въ первоначальной исторіи Русскаго раскола особенную извѣстность получилъ протопопъ Аввакумъ; это — одинъ изъ первыхъ расколоучителей; онъ родился въ селѣ Григоровѣ, Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, недалеко (около 10 верстъ) отъ родины патриарха Никона, села Вельдеманова. Не извѣстно, гдѣ Аввакумъ получилъ образованіе, только онъ славился ученостію: потому-что изъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ былъ протопопомъ, вызванъ былъ при патриархѣ Іосифѣ въ Москву для наблюденія за книгопечатаніемъ. Должность *справщика* книгъ была очень важною въ то время, когда книги или только въ первый разъ печатались съ рукописей, или перепечатывались съ новыми исправленіями. П. Іосифъ, удрученный старостію, не могъ самъ бдительно слѣдить за исправностію церковнаго книгопечатанія, и предоставилъ полную свободу справщикамъ, людямъ дерзкимъ и невѣжественнымъ. Зараженные лживыми мнѣніями справщики внесли эти мнѣнія въ книги, напечатанныя подъ ихъ надзоромъ, и притомъ въ видѣ догматовъ, а не мнѣній. Когда п. Никонъ, по указанію восточныхъ іерарховъ, рѣшился исправить погрѣшности, внесенныя въ церковныя книги: то удалилъ виновниковъ этихъ погрѣшностей, прежнихъ справщиковъ, и на мѣсто ихъ вызвалъ новыхъ. Но такое распоряженіе патриарха, родомъ поселянина, должно было особенно непріятно подѣйствовать на его соотчича Аввакума. По пріѣздѣ въ Москву, Аввакумъ жилъ у извѣстнаго Іоанна Неронова, ключаря Успенскаго собора и потомъ протопопа Казанскаго собора, и лично извѣстенъ былъ самому царю; кромѣ-того онъ считалъ себя весьма ученымъ человѣкомъ и любилъ провозглашать: «азъ вся священная божественная писанія придохъ». Такого-то человѣка Никонъ обличилъ въ невѣжество, съ безчестіемъ удалилъ отъ должности справщика книгъ и осудилъ его погрѣшительныя мысли, внесенныя въ книги. Аввакумъ, въ числѣ первыхъ противниковъ книжнаго исправленія, со всею злобою возсталъ на п. Никона. Послѣ собора 1656 года Аввакумъ, какъ противникъ церковной власти, вмѣстѣ съ другими расколо-учителями преданъ былъ градскому суду и сосланъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Сибирь, на берега Байкала. На всемъ пути своемъ въ ссылку дерзкій раскольникъ съ жаромъ проповѣдывалъ свое ученіе и въ самой Сибири многихъ увлекъ къ неповиновенію св. церкви. Около шести лѣтъ прожилъ Аввакумъ въ Сибири; только по удаленіи

Никона съ патриаршаго престола обстоятельства его переимѣнились. По ходатайству сильныхъ покровителей своихъ, Аввакумъ возвращенъ былъ въ 1662 году, съ распростертыми объятіями принять врагами Никона и даже, будто-бы, обласканъ самимъ царемъ. Въ Москвѣ, подѣ покровительствомъ сильныхъ людей, Аввакумъ продолжалъ, по свидѣтельству собора 1666 года, разсѣивать въ народѣ свое зломыслие и лжеученіе словомъ и писаніемъ, прельщая многихъ и отторгалъ отъ единства св. церкви. Православные пастыри жаловались царю Алексѣю Михайловичу на вредныя дѣйствія Аввакума; царь послалъ Семена Стрѣшнева посовѣтовать ему, чтобъ онъ пересталъ распространять свои хулы въ народѣ. Въ отвѣтъ на эти совѣты Аввакумъ подагъ царю прошеніе о низверженіи п. Никона и восстановленіи старой вѣры. Царь повелѣлъ сослать дерзкаго расколочителя на Мезень. Но черезъ полтора гада онъ снова явился въ Москвѣ и снова началъ то-же; тогда сосланъ былъ въ Боровскій Пафнютіевъ монастырь и содержался здѣсь годъ въ оковахъ. Наконецъ, когда составился соборъ въ 1666 году для окончательнаго рѣшенія по дѣлу раскола, Аввакумъ потребованъ былъ на соборъ и предсталъ предѣ пастырями въ четвертомъ засѣданіи его. Здѣсь Аввакумъ «злѣбу злѣбъ прилагая укори въ лице весь освященный соборъ, вся неправославными нарица; тѣмъ-же правильно осудися іерейства лишенъ быти и анаемѣ предатися». 13 мая 1666 года онъ лишенъ сана въ Успенскомъ храмѣ и преданъ анаемѣ: затѣмъ еще увѣщавали его обратиться къ церкви, но увѣщанія остались напрасны. Тогда Аввакумъ переданъ былъ градскому суду и по опредѣленіи его посланъ на заточеніе въ Пустозерскій острогъ. Великій соборъ 1667 года, продолжавшій дѣло собора 1666, въ присутствіи восточныхъ патриарховъ подтвердилъ законность клятвы, положенной на Аввакума съ единомышленниками, и опредѣлилъ: «та клятва и проклятіе возводится на Аввакума бывшаго протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епифанца чернца Соловецкаго, и Ѳедора діакона, и на прочихъ ихъ единомышленниковъ и совѣтниковъ ихъ дондеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи». Но Аввакумъ съ своими единомышленниками: Лазаремъ, Епифаніемъ и Ѳедоромъ около 14 лѣтъ прожилъ въ Пустозерскомъ острогѣ въ упрямствѣ и непокореніи св. церкви, и хотя содержался довольно строго, впрочемъ, не переставалъ своими письмами къ разнымъ лицамъ въ Москвѣ возмущать миръ церкви. Наконецъ Аввакумъ

и единомышленники его, по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича, «за великія на царской домъ хулы сожжены были» въ Пустозерскомъ острогѣ 1 апрѣля 1681 года. Такъ кончилъ свою многотажную жизнь «храбрый христіанскаго полка воевода священный протопопъ Аввакумъ (*)». По отпаденіи отъ церкви, онъ написалъ очень много сочиненій догматическихъ, историческихъ, истолковательныхъ, полемическихъ (противъ пр. церкви) и посланій. Автору этой статьи извѣстны по названіямъ болѣе 30 его сочиненій; кромѣ-того онъ имѣетъ подъ руками цѣлый сборникъ его сочиненій, состоящій изъ 20 главъ полемическаго содержанія, изъ отвѣта его на письмо Плецѣева, бесѣды о двуперстномъ крестѣ и разсказа о видѣніи Елеазара Анзерскаго. Въ указанной статьѣ обрисованъ характеръ сочиненій Аввакума и потомъ изложено ученіе этого перваго расколоучителя, весьма уважаемаго раскольниками — поповцами и безпоповцами.

— «Памятники древле-Русской духовной письменности». — Въ четырехъ книжкахъ Правосл. собес. подъ этою рубрикою напечатаны: *Житіе преподобнаго Антонія Римлянина*, *Новыя поученія Серапіона, епископа Владимірскаго (XII в.)*, и *Два слова о деннонощной молитвѣ*. О напечатанныхъ здѣсь поученіяхъ Серапіона сообщено слѣдующее: «Въ *Измараидѣ* Соловецкой бібліотеки, подъ № 270, писанномъ въ XV вѣкѣ и заключающемъ въ себѣ большую частію поученія неизвѣстныхъ по имени Русскихъ писателей отъ XI до XV вѣка, есть, между-прочимъ, нѣсколько Русскихъ поученій XIII вѣка, подъ именемъ св. Ефрема. Именно: 1) слово святаго Ефрема о *козняхъ Божіихъ и о ратныхъ*; 2) слово св. Ефрема о *комчинѣ міра*; 3) слово св. Ефрема о *млатехи житія сего*. Первое слово, начинающееся словами: «удивимся братіе и почюдимся чловѣколюбію и милости Бога нашего», — и изображающее гражданское и нравственное состояніе Русскаго общества во время ига Монгольскаго, издано въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцевъ» подъ именемъ Серапіона, епископа Владимірскаго. Если это слово, на основаніи другихъ списковъ, признано словомъ преп. Серапіона, то, безъ всякаго сомнѣнія, ему-же должно приписать и другія два слова. Ибо а) по содержанію они совершенно сходны съ изданными словами Серапіона: тоже, въ нѣ-

(*) Такъ называется въ раскольничьей «Повѣсти о рожденіи и о воспитаніи и о житіи Никона».

которыхъ мѣстахъ даже буквально сходное, изображеніе казней Божіихъ, ига Монгольскаго, княжескихъ междоусобій, притѣсненій богатыми и сильными бѣдныхъ и слабыхъ и пр.; б) тотъ-же слогъ и складъ словъ,—со всѣми признаками самой глубокой древности, тотъ-же порядокъ теченія мыслей, тотъ-же языкъ и даже строй отдѣльныхъ предложеній, и наконецъ, та-же энергія въ обличеніи и сила нравственнаго убѣжденія, какая почти одинаково проникаетъ всѣ поученія знаменитаго пастыря и проповѣдника Русской церкви XIII вѣка, болѣвшаго сердцемъ при видѣ бѣдствій и нравственныхъ безпорядковъ Русскаго общества во время Монгольскаго ига. Замѣтимъ еще, что въ рукописи всѣ эти поученія древними писателями ихъ озаглавлены однимъ именемъ св. Ефрема, по всей вѣроятности, не безъ сознанія внутренней, существенной однородности ихъ и единства происхожденія. До XVI вѣка псевдонимы древней нашей литературы вообще отличались большею отчетливостію, разумностію и, такъ-сказать, догадливостію, чѣмъ въ XVI и XVII вѣкахъ, въ періодъ развитія раскола; древніе писатели словъ неизвѣстныхъ писателей, при отсутствіи критики, не отгадывая или не догадывая имени настоящаго сочинителя того или другаго Русскаго поученія, по-крайней-мѣрѣ, часто приблизительно, по внутреннему характеру и внутренней односторонности, отмѣчали однородныя слова и поученія неизвѣстныхъ Русскихъ сочинителей—именами однихъ и тѣхъ-же святыхъ отцевъ. Во всякомъ случаѣ, по содержанію, разсматриваемыя слова несомнѣнно принадлежатъ XIII вѣку, относятся къ тому темному, тяжкому времени, когда Россію постигло нашествіе Монголовъ и въ гражданскомъ обществѣ господствовало частное право, право сильнаго, со всѣми, пронстекавшими изъ него, притѣсненіями — богатыми и сильными бѣдныхъ и слабыхъ, когда, и по лѣтописямъ Русскимъ, «были поганская нашествія, княземъ неуправленіе, людямъ движеніе, и тиуны и волостели часто грабили, и людямъ не доходила князя правда»; и по актамъ историческимъ и юридическимъ, «инъ иному землю захватывалъ, а инъ ичѣніе или село отнималъ», и пр.; и, наконецъ, по словамъ другихъ пастырей Русской церкви XIII вѣка, «судьи имали, князь грабилъ, сильный сокрушалъ слабого, заступающаго не бѣ, а сокрушалъ и погублялъ всякъ». Просвѣщенный пастырь Владимірскій Серапіонъ, по собственнымъ словамъ его, *многояды глаголахъ, слѣдовательно много оставилъ поученій, хотя ихъ нынѣ отыскано немного*».

— «О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи». — Сообщаемъ краткій перечень содержанія этой любопытной статьи. Несмотря на недостатокъ училищъ и вообще на скудость просвѣщенія въ древнія времена Россіи, пользу чтенія книгъ весьма хорошо понимали наши древніе учителя и усердно старались распространить въ народѣ любовь къ *почитанію книжному*. Извѣстно, съ какимъ одушевленіемъ преп. Несторъ рассказываетъ о просвѣтительной дѣятельности св. Владимира и Ярослава, впервые *взорашихъ и засыпавшихъ книжными словесы* землю Русскую. Выставляя послѣдняго всему народу Русскому въ примѣръ неусыпнаго почитанія книжнаго, онъ говоритъ: «велика, братіе, бываетъ польза отъ ученія; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью; мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есми, си суть узда въздержанію... аще бо понщещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи великую пользу души своей. Примѣру этого перваго проповѣдника *ученія книжнаго* слѣдовали вообще всѣ наши древніе пастыри. Кромѣ отрывочныхъ наставленій по этому предмету, въ старинныхъ рукописяхъ встрѣчается даже нѣсколько отдѣльныхъ краткихъ словъ или поученій *о почитаніи книжномъ*. Такъ въ рукописномъ *Измараидѣ* (Соловецкой библиотеки № 270—272) помѣщены четыре такія поученія. Въ другихъ рукописяхъ иногда всѣ эти четыре поученія соединяются въ одно подъ общимъ заглавіемъ: «*Слово святыхъ отецъ о почитаніи книжномъ*». Общая мысль всѣхъ этихъ поученій та-же, что и приведеннаго выше наставленія Нестора, именно, что книги суть источникъ мудрости, наставники спасенія, оружіе противъ страстей. Но въ поученіяхъ есть и мѣста особенно любопытныя, характеризующія наши древнія понятія. Въ древнихъ понятіяхъ объ ученіи книжномъ особенно рѣзко выдавалась одна черта, на которую прежде всего обращается вниманіе и въ поученіяхъ: многіе изъ нашихъ предковъ ученіе книжное понимали, какъ принадлежность церковно-служебную, думая, что оно необходимо только для духовенства и монашества, обязаннаго совершать службы и поучать народъ, и потому высоко цѣня его въ этомъ сословіи, не видѣли необходимости его для людей *мірскихъ*, когорые, будучи заняты разными дѣлами, не имѣютъ и времени читать книги. «Не глаголи, сказано противъ этого въ одномъ поученіи, яко жену имамъ или

дѣти, или домъ строю, или власть держу, или ремесло имѣю; се не наше есть дѣло, но чернеческое, еже книги чести. О человѣче, что глаголеши; чернецы бо, убѣжавше мірскихъ мятежей, и въ затишии сѣдяще, много утверженія приемятъ; мы-же въ велицѣхъ мятежи и въ бури міра сего живуще, много творяще грѣхи, достойны часто почитающе святыя книги отгоняти печали и тѣми искати пути спасенья; воды бо, часто капля каплющая, и камень удолять, тако и книги, часто чтомы, наведуть на истинный путь и разрѣшають грѣховныя соузы». Но, отказываясь отъ ученія книжнаго, многіе однакожь любили разсуждать о предметахъ духовныхъ, и весьма естественно, что, не подготовленные къ этому никакимъ образованіемъ, весьма часто впадали въ заблужденія. «Аще кто не имѣя книги мудруеть, сказано въ другомъ поученіи, таковой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу; аще будетъ вѣтръ, падется; тако и мудръ а не книжникъ; аще нанъ грѣховный пахнетъ вѣтръ, падеть, не имый подпора словесъ книжныхъ.... Велія стремнина и глубока пропасть писаніемъ невѣдѣніе, веліе предательство спасенію, еже ничтоже вѣдѣти отъ божественныхъ законъ. Сіе и ереси родило есть; сіе и житіе растлѣнно введе; сіе и горная долу сътвори». Но средства къ ученію книжному въ древнія времена были такъ ограниченны, что, по всей вѣроятности, много находилось такихъ людей, которые и желали-бы читать книги, но не могли, потому-что не умѣли читать. Въ поученіяхъ не забыто и это обстоятельство. Тамъ сказано между прочимъ: «аще не вѣси чести, пригѣпися, идѣже есть слышати и пользоваться. Пишетъ бо, аще видиши мужа разумична, утренней къ нему и степенни двери его да входитъ нога твоя». При слабомъ распространеніи грамотности, такой способъ ученія прежде, конечно, былъ въ большемъ употребленіи, какъ въ большемъ употребленіи онъ еще и нынѣ въ простомъ народѣ, гдѣ подлѣ одного грамотнаго человѣка всегда собирается много неграмотныхъ слушателей. Всѣ эти поученія о почитаніи книжномъ, какъ направленные къ возбужденію охоты къ чтенію книгъ, обыкновенно помѣщались вначалѣ нѣкоторыхъ книгъ и особенно вначалѣ сборниковъ, составленныхъ для чтенія изъ разныхъ книгъ. Предки наши, какъ извѣстно, каждое дѣйствіе человѣка любили подчинять определенному уставу, для того, чтобы все совершалось правильно, благообразно и по чину. Тѣмъ болѣе они не могли оставить безъ особеннаго устава почитанія книжнаго, на которое они смотрѣли не

только какъ на полезное занятіе, но и какъ на дѣло душеспасительное. Сюда прежде всего надобно отнести то, что въ началѣ книгъ, какъ предисловіе къ содержащимся въ нихъ наставленіямъ, весьма часто помѣщалась евангельская притча о сѣятелѣ, подъ такимъ заглавіемъ: «аще кто чести хочетъ, первіе прочти сію притчу, юже Спасъ въ Евангеліи рекъ есть о насъ: изыде сѣвецъ сѣяти семеніи»... За притчею слѣдовало ея толкованіе, въ которомъ объяснялось, что чтеніе писаній можетъ быть плодотворнымъ только въ душахъ людей кроткихъ и смиренныхъ, вѣрующихъ писанію и исполняющихъ его. Но главнымъ образомъ уставъ для почитанія книжнаго выражается въ правилахъ, сопровождаемыхъ особою молитвою, которыя, подобно притчѣ о сѣятелѣ и иногда рядомъ съ нею, помѣщаются также въ началѣ книгъ подъ такимъ заглавіемъ: «Предисловіе всѣмъ поученіямъ и притчамъ, иже въ книгахъ сихъ на утверженіе вѣрнымъ». Характеръ поученій о почитаніи книжномъ и вообще приведенныя выше свидѣтельства показываютъ, что предки наши читали преимущественно книги священные. Въ статьѣ «*О книгахъ истинныхъ и ложныхъ*» прежде всего перечисляются книги св. писанія въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ св. Библіи. Эти книги дѣйствительно и были первыми и главными книгами для чтенія у нашихъ предковъ. За книгами св. писанія въ той-же статьѣ слѣдуютъ сочиненія отцевъ и учителей церкви, разные сборники и другія, которыя и перечислены въ обозрѣваемой статьѣ по списку, напечатанному въ Кирилловой книгѣ, какъ болѣе вѣрному и полному сравнительно съ другими списками. Къ-сожалѣнію, трудно опредѣлить въ точности, какія именно разумѣются сочиненія перечисленныхъ здѣсь писателей. Составители, а потомъ издатели этой статьи не держались никакого опредѣленнаго правила. Выставляя болѣею частію одни имена писателей, не указываютъ ихъ сочиненій и самыя имена перечисляютъ неопредѣленно (Евводій, Варлаамъ, Никонъ), а иногда, указывая на сочиненія, не называютъ ихъ автора (діоттра, лимонисъ); наконецъ упоминается много сочиненій совершенно неизвѣстныхъ или апокрифическихъ (Симеонъ богословъ, Исусъ Сираховъ, глубина, словоположникъ). Какъ-бы то ни было, впрочемъ, эта статья показываетъ, что нашимъ предкамъ были извѣстны сочиненія почти всѣхъ отцевъ и учителей церкви. Послѣ изложенія вкратцѣ содержанія болѣе извѣстныхъ изъ упомянутыхъ здѣсь сочи-

неній, большею частію сборниковъ, въ обозрѣваемой статьѣ присовокуплено: «Вотъ какое множество разныхъ книгъ находилось въ обращеніи у нашихъ предковъ. Послѣ этого неудвительно, что во всѣ древнія времена, когда научное образованіе само по себѣ было слишкомъ недостаточно, мы постоянно встрѣчаемъ такихъ просвѣщенныхъ мужей, которые не только мудро управляли церковію, поучая ввѣренный имъ народъ истинамъ спасенія и отражая лжеумствованія людей неправомыслящихъ, но являлись и опытными совѣтниками въ дѣлахъ государственныхъ, встрѣчаемъ писателей, сочиненія которыхъ отличаются обширными богословскими свѣдѣніями, каковы наприм. были митр. Иларіонъ, Кириллъ еп. Туровскій, Серапіонъ еп. Владимірскій, Геннадій архіепископъ Новгородскій, Іосифъ игуменъ Волоцкій, Отенскій инокъ Зиновій и другіе. Эти свѣдѣнія были приобрѣтаемы главнымъ образомъ чрезъ постоянное чтеніе книгъ. Къ-сожалѣнію, такимъ средствомъ къ просвѣщенію не всѣ могли пользоваться съ одинаковымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что уже въ немъ самомъ заключалось много слабыхъ сторонъ, дѣлавшихъ его недостаточнымъ безъ другихъ средствъ. Только правильное и разностороннее научное образованіе можетъ приготовить къ правильному чтенію и пониманію книгъ, научить обсуживать и усвоить прочитанное съ должною пользою. А безъ предварительнаго образованія, безъ пособій науки, это чтеніе приводитъ обыкновенно не къ знанію ясному и отчетливому, а къ простой *начитанности*, существенныя черты которой составляютъ поверхностность, сбивчивость и смѣшеніе понятій. Вотъ почему рядомъ съ тѣми просвѣщенными пастырями и учителями, на которыхъ указано выше, мы встрѣчаемъ въ древнія времена болѣе всего необразованныхъ *книжники*, свѣдѣнія которыхъ, приобрѣтаемыя чрезъ *начитанность*, имѣли и всѣ ея свойства, т. е. были несвязнымъ сборомъ разныхъ мѣтій и походила на тѣ развообразныя, но ничѣмъ не связанныя между собою сборники, которые они читали и составляли. Не подготовленные никакимъ образованіемъ, не руководимые пособіемъ науки, эти книжники или вовсе не понимали истиннаго смысла книгъ, или-же, читая ихъ, прииѣшивали къ истинѣ множество заблужденій. Уже въ самой *Статьѣ о книгахъ старинныхъ и новыхъ* мы встрѣчаемъ смѣшеніе писаній отеческихъ съ сочиненіями такихъ писателей, которые никогда не признавались учителями церкви, и въ тѣхъ книгахъ, которые признавались истинными и назначались для чтенія, нахо-

димъ статьи ложныя, несогласныя съ св. писаніемъ и ученіемъ отцевъ церкви. Въ позднѣйшія времена это смѣшеніе простерлось еще далѣе. Такъ словомъ *писаніе* означались сначала книги св. писанія, а впослѣдствіи стали означать этимъ словомъ всякую книгу, вообще все, что было *написано*. Въ понятіяхъ древняго книжника не было строгаго различія между текстомъ св. писанія и писаніемъ отеческихъ и мыслями, согласными съ ученіемъ писанія и отцевъ церкви. Вслѣдствіе этого скоро стали называть св. писаніемъ и писаніемъ отеческимъ всякое сочиненіе, въ заглавіи котораго былъ выставленъ текстъ св. писанія или изреченіе отеческое. Строгій ревнитель буквы, древній книжникъ однакожь въ этомъ случаѣ мало уважалъ букву писанія и обходился съ нею часто весьма произвольно. Сначала это происходило отъ необразованности, отъ неспособности дѣлать различіе между понятіями, иногда самыми разнородными; но впослѣдствіи къ нимъ присоединилась еще недобросовѣстность. Чтобы обратить вниманіе на свое или чужое произведеніе, древніе книжники прямо называли его *сказаніемъ отъ св. писанія или отъ св. отцевъ*, хотя въ немъ не было ничего похожаго на св. писаніе или ученіе отеческое. Такъ распространилось въ древнія времена множество ложныхъ (апокрифическихъ) сочиненій, наполненныхъ разными суевѣрїями и заблужденіями. Въ *Статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ* перечислены всѣ эти сочиненія, которыя и приводятся въ обозрѣваемой нами статьѣ, опять по списку, напечатанному въ упомянутой выше Кирилловой книгѣ.

— «Основанія церковнаго суда». — Въ этой небольшой статьѣ весьма опредѣлительно обозначается сущность, происхожденіе и пространство церковнаго суда. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этой статьи, которые развиты въ ней въ надлежащей полнотѣ. «Церковный судъ есть особое полномочіе церкви, по которому она, на основаніи своихъ законовъ, изслѣдываетъ, повѣряетъ и оцѣняетъ дѣйствія своихъ членовъ, по предметамъ, подлежащимъ ея управленію, пресѣкаетъ нарушеніе своихъ правилъ въ обществѣ вѣрующихъ и своею духовною властью дѣйствуетъ на совѣсть ихъ. Церковный судъ имѣетъ одно происхожденіе съ церковнымъ управленіемъ вообще, какъ его часть и существенная принадлежность. Но, по своей особенной важности, этотъ судъ особеннымъ образомъ установленъ и выраженъ самимъ Иисусомъ Христомъ, какъ власть *связать и рѣшить*. Сущность церковнаго

суда заключается въ правѣ отпускать или удерживать грѣхи людей, разумѣя здѣсь не одни внѣшніе поступки людскіе (для сужденія которыхъ, конечно, не требовалось-бы особеннаго полномочія, какое даетъ самъ Спаситель церковному суду), а въ связи ихъ съ совѣстью. Поэтому сущность церковнаго суда можно заключать вообще въ сужденіи и рѣшеніи дѣлъ совѣсти. Такъ опредѣляется этотъ судъ и въ положительныхъ правилахъ церкви. Пространство церковнаго суда опредѣляется двояко, смотря по тому, какой стороны церкви онъ касается: внутренней, духовной или внѣшней, такъ-сказать, общежительной. По внутренней сторонѣ церкви предметами суда, какъ и вообще управленія церковнаго, служатъ: ученіе вѣры, священнодѣйствіе и священноначаліе. Ибо хотя эти предметы уже опредѣлены въ основаніяхъ своихъ судомъ древней вселенской церкви, чрезъ апостоловъ, соборы и св. отцевъ: но и во всякое время по этимъ-же предметамъ могутъ возникать разные случаи и вопросы, требующіе новаго изслѣдованія и суда. По внѣшней сторонѣ церкви суду ея подлежатъ собственныя дѣла ея членовъ — вѣрующихъ; но, опредѣляя точнѣе кругъ этихъ дѣлъ, мы должны разумѣть здѣсь дѣла нравственныя, или дѣла совѣсти,—какъ уже видно изъ разсмотрѣнной нами самой сущности церковнаго суда. Впрочемъ, такъ-какъ всякое дѣло, совершаемое человѣкомъ по свободной волѣ его, имѣетъ связь съ его совѣстью: то, чтобы еще точнѣе опредѣлить пространство церковнаго суда, мы будемъ разумѣть здѣсь дѣла совѣсти въ предѣлахъ собственно церковнаго управленія, т. е. вѣроученія, тайнодѣйствія и духовнаго пасенія стада Христова. Такииъ-образомъ въ христіанахъ, какъ членахъ церкви, суду ея должны подлежать: ихъ вѣроисповѣданіе, ихъ религіозныя обязанности и жизнь духовная, нравственная, по совѣсти и положительнымъ правиламъ церкви. Съ этихъ сторонъ суду церкви подлежатъ какъ личныя дѣла каждаго изъ членовъ ея, такъ и общія дѣла ихъ, т. е. происходящія во взаимныхъ отношеніяхъ между ними, и болѣе или менѣе касающіяся всего общества вѣрующихъ. Итакъ собственное пространство церковнаго суда составляетъ религіозная жизнь вѣрующихъ. Но, по существенной связи, какую эта жизнь имѣетъ съ жизнью внѣшнею, общественною, въ которой она проявляется и дѣйствуетъ, и на которую имѣетъ величайшее вліяніе, словомъ, по связи церкви съ гражданскимъ обществомъ, судъ церковный по тѣмъ-же предметамъ, въ которыхъ

дѣйствуетъ внутри самой церкви, можетъ касаться и внѣшней общественной жизни христіанъ. Здѣсь церковь охраняетъ православленную вѣру, совершаетъ общественное богослуженіе, наблюдаетъ состояніе христіанской нравственности, а слѣдовательно, также, не выходя изъ предѣловъ собственнаго назначенія, имѣетъ право дѣйствовать своимъ судомъ. Такимъ-образомъ церковный судъ открывается въ двухъ видахъ: 1) по существу своему, это есть судъ *духовный*, который, дѣйствуя въ предѣлахъ самой церкви, касается собственно духовныхъ предметовъ, къ управленію ея принадлежащихъ, каковы: ученіе вѣры, богослуженіе, дѣла совѣсти и жизни духовной; но 2) тотъ-же судъ, въ своемъ дѣйствіи по внѣшней жизни церкви, дѣлается судомъ *общественнымъ*: ибо по извѣстнымъ предметамъ касается общества, въ которомъ существуетъ церковь и религіозная, духовная жизнь христіанъ соединяется съ общественною (гражданскою). Самъ Спаситель, можно сказать, предназначаетъ это двойное дѣйствіе церковнаго суда, когда, съ одной стороны, подчиняетъ ему, со властію вязать и рѣшить дѣла совѣсти (Мат. 16, 19. Іоан. 20, 22, 23) а съ другой — относить къ нему дѣла общественной нравственности христіанъ, — для огражденія ея духовнымъ вліяніемъ церкви (Мат. 18, 15—18). То-же находимъ въ изображеніи церковнаго суда у апостоловъ (1 Кор. главы: 5, 6, 7; см. также посланія ап. Павла къ Тимоѳею и Титу, которымъ апостолъ поручаетъ и церковное управленіе и наблюденіе нравовъ въ обществѣ христіанъ). Судъ вообще, наблюдая за исполненіемъ законовъ въ обществѣ, предупреждая и пресѣкая всякое нарушеніе ихъ, дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: 1) онъ прилагаетъ правила законовъ къ даннымъ случаямъ или дѣйствіямъ лицъ, законамъ подчиненныхъ, и по законамъ повѣряя эти дѣйствія и случаи, открываетъ *преступленія*: 2) по этимъ даннымъ судитъ самыя *лица*, совершившія преступленіе, вмѣняетъ имъ его и опредѣляетъ степени ихъ виновности; 3) соображая то и другое — важность преступленія и степень виновности, — опредѣляетъ мѣру необходимаго *удовлетворенія* законамъ (наказанія) для очищенія виновности и пресѣченія преступленій. Такимъ-же образомъ и церковный судъ составляютъ три главныхъ дѣйствія: а) обнаруженіе церковныхъ преступленій, б) опредѣленіе мѣры ихъ и вмѣненіе виновнымъ, — что составляетъ порядокъ самаго церковнаго судопроизводства, — и в) церковное очищеніе преступленій.

— «Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіан-

скимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду. Записки Авдія Востокова». — Это есть собственно разборъ сочиненія, изданнаго священникомъ Васиємъ Гречуевичемъ подъ означеннымъ выше заглавіемъ. Рецензентъ въ статьѣ своей сообщаетъ слѣдующее: «Съ того времени, какъ совершилось печальное отпаденіе западной церкви отъ единства со вселенскою — православною, папы и ихъ ревностные поборники не опускали ни одного случая распространить влияние свое на православный востокъ; а бѣдственное положеніе, въ какомъ находился послѣдній, вполне благоприятствовало ихъ видамъ. Слово и мечъ, льстивыя обѣщанія и крестовые походы, частныя сношенія съ патріархами, съ государями восточными и открытыя совѣщанія на соборахъ, толпы высылаемыхъ на востокъ проповѣдниковъ доминиканскихъ, францисканскихъ, іезуитскихъ и тайныя интриги при дворахъ Европейскихъ, — все было направлено къ достиженію одной цѣли, и цѣлю этой было не соединеніе церквей, не устраненіе предметовъ несогласія, послужившихъ причиною разрыва церковнаго, а поработеніе древнихъ оплотовъ православія властолюбію Римскаго первосвященника. А сколько для этой-же цѣли на востокѣ и западѣ вынуждено было сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ, въ похвалу Римской церкви и въ порицаніе древняго вселенскаго православія, — трудно и исчислить. Восточныя православныя церкви отражали эту многообразную, направленную противъ нихъ, дѣятельность не столько словомъ и писаніями, сколько глубокою преданностію чистой вѣрѣ своей, опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ и ученію отцевъ церкви. Еще въ областяхъ восточныхъ патріарховъ, гдѣ нападенія папистовъ были сильнѣе, порядкомъ являлись сочиненія, писанныя въ защиту православія; но въ Россіи, — гдѣ дѣйствія папскихъ агентовъ были болѣе стѣснены, — и число направленныхъ противъ папизма сочиненій было весьма ограничено. И это происходило не отъ равнодушія къ предметамъ вѣры, а изъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ православной церкви и изъ сознанія бесплодности споровъ. Если не брать во вниманіе сочиненій противъ папизма, явившихся въ Малороссіи, во время гоненія тамъ православной церкви и для нашего времени уже устарѣвшихъ, то остальные будутъ весьма легко перечислить. Это: 1) «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ»; 2) «Правда вселенской церкви о Римской и прочихъ патріаршихъ каведрахъ», С. Пб. 1841 г.; 3) «Разборъ

Римскаго ученія о главенствѣ въ церкви, сдѣланный на основаніи св. писанія и преданія церкви первыхъ трехъ вѣковъ», сочи. баккал. С.-Пб. д. акад. с. іеромон. Никанора. Сверхъ-того, сюда относятся главы въ обширныхъ богословскихъ сочиненіяхъ, какъ наприм. въ православно-догматическомъ богословіи Макарія, еп. Винницкаго, — и нѣкоторыя отдѣльно напечатанныя брошюры, какъ-то: «Михаилъ Керуларій, папріархъ Константинопольскій», Киевъ 1854 г.; «Исторія Флорентійскаго собора». Москва 1847 г.; «Камень соблазна», сочиненіе еп. Ілія Минятія, переведенное на Русскій языкъ. Вотъ перечень почти всего написаннаго на Русскомъ языкѣ въ защиту православнаго ученія отъ нареканій папизма. Всѣ упомянутыя сочиненія, рассматривая порознь нѣкоторые спорные между востокомъ и западомъ предметы христіанскаго ученія, не входятъ въ изслѣдованіе историческихъ явленій въ западной церкви и установившихся тамъ, по разрывѣ церковномъ, мнѣній, обычаевъ и правилъ; да и писаны они не столько по требованію современнаго положенія Русскаго общества, сколько вообще для оправданія православной церкви и для удовлетворенія естественнаго въ каждомъ мыслящемъ христіанинѣ любознанія. Между-тѣмъ въ новѣйшее время для Россіи явилась, можетъ быть, болѣе существенная потребность — звать отступленія отъ православія западной Латинской церкви и вообще ея характеръ. Не только въ областяхъ Россіи, присоединенныхъ отъ Польши, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, милліоны православныхъ находятся въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ христіанамъ Латинскаго вѣроисповѣданія. Усилившіяся въ послѣднее время сношенія наши съ западными Европейскими государствами и многочисленныя путешествія нашихъ соотечественниковъ на западъ не менѣе представляютъ опасностей совращенія для людей, не твердыхъ въ ученія православной вѣры, а нѣсколько бывшихъ случаевъ этого рода показываютъ, что Латинская пропаганда и нынѣ не дремлетъ. Наконецъ, весьма сильнымъ средствомъ къ распространію папистическихъ ученій служитъ и множество сочиненій, ежегодно издаваемыхъ на Французскомъ языкѣ, знаніе котораго столь много распространено въ нашемъ отечествѣ. Чтобы противоудѣйствовать этимъ и подобнымъ вліяніямъ, «чтобы, по мѣрѣ силъ своихъ, доставить чадамъ православной церкви противоядіе противъ безчисленныхъ клеветъ, хитросплетеній и козней, коими клеветы Латинской пропаганды усиливаются отравить миръ и спокойствіе

единой истинной церкви Христовой», «на старости лѣтъ, при многотрудныхъ занятіяхъ, выкупая время безсонницами, составилъ почтенный Авдій Востоковъ книгу, которой заглавіе мы выписали въ началѣ нашей статьи. «Мы не можемъ», говоритъ почтеннѣйшій авторъ, «оставаться равнодушными свидѣтелями того, какъ сочиненія, писанныя на Западѣ противъ вѣроученія восточной церкви, — хотя они первоначально, повидимому, издавались для удовольствія и удержанія въ своемъ кругу послѣдователей различныхъ западныхъ вѣроученій, — наконецъ темными путями стали проникать и въ наше отечество... Притомъ, сія сочиненія, враждебныя восточной церкви, издаются подъ заманчивыми названіями, въ уютныхъ форматахъ, съ такою типографскою опрятностію, что какъ-бы неволью увлекаютъ любопытство читателей, въ числѣ коихъ найдется, конечно, и въ нашемъ отечествѣ немало такихъ, которые, имѣя поверхностное понятіе о предметахъ христіанскаго вѣроученія, не могутъ не увлекаться мыслями, противными истинѣ. Сверхъ-того, проживающіе въ нашемъ отечествѣ нѣкоторые иновѣрцы, обращаясь съ послѣдователями нашей церкви, не опускаютъ случаевъ предлагать возраженія противъ ея догматовъ, или привлекать къ чтенію книгъ, составленныхъ въ духѣ, враждебномъ ея вѣроученію (ч. I. стр. V и VI). Такова цѣль изданныхъ нынѣ «Записокъ объ отношеніяхъ Римской церкви» и пр. Авторъ этой книги не только взялъ на себя трудъ представить догматическую неосновательность частнаго ученія и правилъ Римской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ изобразить и несообразный съ духомъ христіанства характеръ этой церкви со стороны ея исторіи и практическаго устройства. При такой обширной задачѣ, легко могли вкратиться нѣкоторые недосмотры и даже ошибки въ разсматриваемое нами сочиненіе, — особенно, если вспомнимъ, какъ скудна наша литература церковно-историческими изслѣдованіями, и какъ рѣдки у насъ, и слѣдовательно недоступны большинству богатыя книгохранилища, подобныя Императорской публичной библіотеки или Румянцевскому музеуму. Поэтому, не считая себя въ правѣ входить въ критическое разсмотрѣніе историческихъ изслѣдованій подлежащей книги, мы постараемся только подробнымъ анализомъ этого замѣчательнаго сочиненія ознакомить православныхъ Русскихъ читателей съ методомъ автора и съ богатствомъ содержанія его книги. Считаемо это тѣмъ болѣе необходимымъ, что ни названіе книги, ни наиме-

нованіе каждой главы не даютъ точнаго понятія о ихъ содержаніи. Все сочиненіе состоитъ изъ XXV главъ, кромѣ введенія, въ которомъ авторъ разсуждаетъ о характерѣ разныхъ, отступившихъ отъ православія, христіанскихъ обществъ и о преимуществахъ предъ ними Римскокатолическаго исповѣданія». Въ заключеніе статьи рецензентъ присовокупляетъ: «Изъ сдѣланнаго нами рабора очевидно, по какому обширному плану задумано разсмотрѣнное нами сочиненіе, и какъ богато оно содержаніемъ. Знакомство автора со многими первыми источниками, особенно относящимися до Русской униі, доставило ему возможность помѣстить на страницахъ своего творенія много весьма интересныхъ подробностей, о которыхъ при нашешъ бѣглош обзорѣ мы не могли и упомянуть. По всему этому нельзя не считать сочиненія г. Авдія Востокова замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ нашей духовной литературы. Но очевидныя достоинства не скрываютъ отъ насъ и нѣкоторыхъ недостатковъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи. Къ числу ихъ относимъ главнымъ образомъ то, что авторъ, нерѣдко увлекаясь обиліемъ матеріаловъ, дѣлаетъ немалыя отступленія отъ предположенной имъ задачи. Правда, трудъ его назначается не для школы, а для народнаго чтенія: но мы думаемъ, что бѣльшая строгость плана, бѣльшая сжатость въ изложеніи, менѣе уклоненій доставили-бы труду этому болѣе силы и ясности. Въ нѣкоторыхъ, правда немногихъ, мѣстахъ авторъ, кажется, не сохраняетъ вполне и безпристрастнаго хладнокровія. Это, впрочемъ, понятно въ человѣкѣ, знакомомъ со всякими клеветами, распускаемыми про нашу православную церковь въ папистическихъ сочиненіяхъ, и, можетъ быть, немало наблюдавшемъ вблизи козни іезуитовъ и другихъ Латинскихъ дѣятелей. Но справедливость требуетъ сказать, что истина православія не нуждается ни въ какихъ натяжкахъ, и тѣмъ становится блистательнѣе».

— По предметамъ христіанскаго ученія: *О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака (противъ новоженовъ)* (Приб. къ тѣ св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); *Объ антихристѣ* (ibid. кн. 3); *О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи Греческаго седмидесяти толковниковъ и Словенскаго переводовъ священнаго писанія*, Филарета, митрополита Московскаго (ibid.); *О началъ христіанской жизни* (Христ. чт. май); *Охраненіе православія*

ной стѣнѣ отечества (Прав. соб. кн. май, июнь); Устройство бо-
гослуженія въ отечественной церкви (ibid. авг.).

— Изъ назидательныхъ размышленій укажемъ на слѣ-
дующія: Письмо духовнаго отца къ смущенному рыцарю волю-
думцовъ (Христ. чт. май); О борьбѣ съ грѣхами (ibid. июнь); Письмо
православнаго къ православному за границею (ibid.); Письмо обра-
щеннаго магометанина къ крестному отцу (ibid. июль); Сужденіе
православнаго Грека о способѣ соединенія церквей, какой предла-
гаетъ Гайриксъ въ своей брошюрѣ: «La Russie sera-t-elle catholique?»
(ibid. июль и авг.); Укоръ христіанину грѣшнику (ibid. авг.); на
текстъ: «Вспруди отъ сына Божія имать свидѣтельство въ себѣ».
1 Иоан. 5, 10. (Воскр. чт. № 7); О чрезвычайныхъ благодатныхъ
дарованіяхъ (ibid. № 9); О правахъ первенствующихъ христіанъ
(ibid. № 12, 15, 18); Жалоба на скорбный характеръ церковной
проповѣди (ibid. № 14, 15); Поучительные уроки для христіан-
скихъ женъ въ примѣрѣ св. равноапостольной Маріи Магдалины
(ibid. № 18); Семгныя раздѣленія ради вѣры и благочестія хри-
стіанскаго (ibid. № 17, 18, 20); Четвертое и пятое письма Рус-
скаго православнаго священника къ бывшему соотечественнику и
единоверцу, а нынѣ отступнику православія, живущему въ чужихъ
краяхъ, Яхонтова (Дух. бес. № 24, 18); Какъ должны христіан-
ини исполнять обязанности своего гражданскаго званія (ibid.
№ 22); Скука и разлеченіе (ibid. № 25); Христіанское врачеваніе
тѣлесныхъ болѣзней (ibid. № 31); Объ искушеніяхъ ко грѣху
(ibid. № 31).

II. Философія.

Къ этой отрасли знаній принадлежатъ только одна статья:
Гегелизмъ, П. А. А. (Библи. для чт. № 5), написанная по поводу
выхода въ свѣтъ книги Гайма «Hegel und seine Zeit». Авторъ, какъ
видно, при составленіи этой статьи, пользовался преимущественно
сочиненіемъ Гайма; научивъ основательно, впрочемъ, и самъ Гегели
и его предшественниковъ. У насъ было весьма-немного писано
объ ученіи Гегеля, а потому мы считаемъ невлишнимъ привести
здѣсь мнѣніе автора объ историческомъ значеніи этого ученія:
«Въ исторіи человѣчества, какъ въ жизни каждаго человѣка, есть
свои періоды увлеченія страсти; послѣ каждаго подобнаго періо-
да начинается охлажденіе къ предмету прежней страсти, и за-

тѣмъ только возможна его справедливая оцѣнка, когда истинное значеніе объясняется изъ законной зависимости явленій отъ ихъ причинъ, дѣйствій отъ обстоятельствъ; тогда обыкновенное увлеченіе изъ сферы жизни и вѣрованія переходитъ въ спокойный міръ знанія. Такъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, Французская школа мыслителей господствовала въ Европѣ; Вольтеръ, Руссо, Кондильянь казались высшими представителями человѣческаго разума. Но страшная буря потрясла общества. Началась реакція гражданская, эстетическая, религіозная и философская. Проклятія и насмѣшки посыпались на вчерашніе кумиры. Теперь для насъ и то и другое кажется древнимъ событіемъ; но до-сихъ-поръ осемнадцатый вѣкъ ждетъ историка, способнаго оцѣнить его; до-сихъ-поръ не улеглись страсти, и преувеличенныя нелѣпыя обвиненія людей, никогда не читавшихъ десяти страницъ великихъ бойцовъ прошлаго столѣтія, еще раздаются по временамъ въ литературѣ, какъ-бы вызывая на бой новое поколѣніе мыслителей-воиновъ. Послѣ-того въ моду вошла Германская философія. Не смотря на насмѣшки Коцебу и другихъ подобныхъ пигмеевъ, съ появленія «Критики безусловнаго разума» (1781) до сороковыхъ годовъ нашего вѣка, Германія жила съ особеннымъ напряженіемъ жизнію отвлеченнаго мышленія, научнаго творчества, систематическихъ созданій; она говорила особеннымъ языкомъ, и со всѣхъ концовъ Европы стекались восторженные ученики въ Германскіе университеты, чтобы послушать великихъ учителей и пересказать на своемъ родномъ языкѣ часть чудныхъ формулъ Нѣмецкой философіи. Эти формулы, какъ результаты могучей критики, отдѣлили міръ разумной истины отъ міра призрачныхъ фантазій, изъ глубины мысли онѣ выводили неизмѣнные законы нравственнаго долга, патріотическаго воодушевленія; раздробленный рядъ наблюденій естественныхъ наукъ онѣ возводили въ стройную картину одушевленной и живой природы. Наконецъ, каждому существу, каждому явленію онѣ давали мѣсто въ безпредѣльномъ зданіи духа, непрерывно развивающагося и стремящагося въ этомъ развитіи къ самопознанію. Самую громкою извѣстностью между современниками въ Германіи пользовался Гегель, потому-что обстоятельства благоприятствовали ему болѣе, чѣмъ его предшественникамъ: Канту, Фихте и Шеллингу. Черезъ восемь лѣтъ послѣ появленія главнаго сочиненія Канта, умы въ Германіи и въ Европѣ были увлечены бурей, которая поднялась во Франціи. Рѣчи Фихте Нѣмец-

кому народу столь-же значительны, какъ и его «Ученіе о наукѣ» (Wissenschaftslehre). Отрывочность, недоконченность сочиненій Шеллинга болѣе возбуждали умы, чѣмъ удовлетворяли ихъ. Кромѣ-того, долговременное его молчаніе ограничивало, послѣ 1805 года, его вліяніе только его непосредственными слушателями. Политическія волненія при современникахъ Канта, кровавая эпопея Наполеоновскихъ войнъ при Фихтѣ и во время первой дѣятельности Шеллинга слишкомъ потрясали міръ, чтобы теоретическія изысканія могли проникнуть во всѣ слои образованнаго общества и концентрировать на себѣ вниманіе людей мыслящихъ. Гегелю все благопріятствовало. Когда появилась знаменитая логика, общество было утомлено отъ политическихъ бурь; оно жаждало спокойствія. Мелкія личности стояли на первомъ планѣ; мелкія побужденія руководили политикой. Духъ Германіи, возбужденный національной борьбою, не находилъ себѣ удовлетворенія въ дѣйствительной жизни. Онъ искалъ голоса, который-бы формулировалъ его стремленія. Съ другой стороны, правительства искали плотины, которая-бы направила бурный потокъ членовъ Тугендбунда въ русло неполитической дѣятельности. Кабинеты возстановленнаго Германскаго союза искали оправданія своей медленности на пути общественнаго движенія; они искали теоретическаго оправданія неподвижности, они старались примирить надежды, данныя обществу во время опасности, съ бездѣйствіемъ, послѣдовавшимъ за побѣдою. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворялъ Гегель. Въ 1816 году вышелъ послѣдній томъ его логики; въ концѣ 1817 г. онъ былъ приглашенъ въ Берлинъ занять катедру Фихте, патриотической голосъ котораго замолкъ въ 1814 году. Съ-тѣхъ-поръ до 1831 г. каждый годъ собирался около него кругъ болѣе и болѣе многочисленныхъ слушателей. Философія права, философія религіи, философія исторіи, эстетика, исторія философіи были поочередно предметомъ его чтеній. Замкнутый кругъ энциклопедіи отдѣлывался въ частностяхъ. Одни за другими, факты дѣйствительности, событія исторіи, догматы религіи, теоріи философовъ, произведенія искусства, отвлеченныя понятія входили въ механизмъ его діалектики, перерабатывались тамъ, теряли свою особенность, примиряли свои противорѣчія и возводились къ безусловному. Утомленный и урюмый, съ поникшей головой, сидѣлъ онъ, по словамъ его ученика Гото, въ профессорскомъ креслѣ, какъ-бы съ неохотою отдѣлялось каждое слово, каждый слогъ; беззвучно и съ

Швабскимъ произношеніемъ ставилъ онъ каждое предложе- ніе, безпрестанно кашляя и отхаркиваясь, и безпрестанно пере- листывая огромныя тетради. Но, не смотря на первое неприятное впечатлѣніе, скоро всякій новичекъ былъ привлеченъ его рѣчью. Онъ начиналъ записываться; говорилъ дагѣе, начиналъ снова, оста- навливался, говорилъ и думалъ; казалась, онъ не могъ найти над- лежащаго слова, и вдругъ являлось самое мѣткое выраженіе; оно казалось обыкновеннымъ, но было незамѣтно, казалось неудо- требительнымъ, но было единственное приличное дѣлу; повиди- мому, все еще сущность дѣла была въ будущемъ, а между-тѣмъ она была высказана незамѣтно и съ возможною полнотою. Уловивъ ясное значеніе предложенія, вы надѣялись и желали идти дагѣе. Напрасно мысль, вмѣсто-того, чтобы двигаться впередъ, враща- лась все въ тѣхъ-же словахъ, около той-же точки. Но если упо- мленное вниманіе отвлекалось чѣмъ-либо другимъ, и возвращалось черезъ минуту въ испугъ къ изложенію, то въ наказаніе слуша- тель терялъ совершенно, что, переходя тихо и осторожно чрезъ промежуточныя ступени, молная мысль успѣла сдѣлаться односто- роннею, распалась на частности, закуталась въ противорѣчія, и только ихъ разрѣшеніе могло понудить несогласныя начала къ примиренію. Мы сказали, что Гегель удовлетворялъ всѣмъ тре- бованіямъ современнаго ему общества. Въ-самомъ дѣлѣ, въ его сочиненіяхъ можно найти отзывы, и повидимому, положительныя, на всѣ стремленія и побужденія чистыя и нечистыя, предъявляв- шія около него свои требованія, не смотря на очевидныя противо- рѣчія послѣднихъ. Утомленное общество желало спокойствія и ученіе Гегеля явилось ученіемъ совершенія. Нечего икать дагѣе, всѣ явленія духа заключены безусловною идеею, всѣ философ- скія ученія заключены ученіемъ безусловнаго идеализма; въ исто- ріи человѣчество дошло до періода старчества, но старчество духа есть его полная зрѣлость, достигнувъ которой, онъ, по окон- чаніи своего жизненнаго пути, возвращается самъ къ себѣ. Моло- дое поколѣніе, топившееся около каедръ новаго Аристотеля, ждало слова свободы, которое такъ громко звучало въ устахъ Фихте, ждало безграничной критики, къ которой привыкло со вре- мени Канта, ждало восторженнаго сочувствія искусству, которое увлекало Шеллингистовъ, и Гегель говорилъ о свободѣ, о правѣ, о независимости мысли; его диалектика не боялась бросать въ свое горнило даже тѣ, предъ чѣмъ останавливался Кантъ; стройность

его созданій, глубина эстетики могли удовлетворить самаго восторженнаго художника. Система права, по его словамъ, это царство осуществленной свободы, въ началѣ общественнаго мѣнѣя заключены вѣчныя существенныя начала справедливости; древній міръ стоитъ ниже вашего времени въ политическомъ отношеніи, потому-что онъ поглощалъ личность государствомъ и забывалъ, что, кромѣ гражданской свободы, существуетъ еще для человѣка нравственная свобода сознанія добра и справедливости въ глубинѣ духа. Безконечное развитіе, сознаніе всего сущаго, какъ явленія въ развитіи духа; наконецъ предѣлъ его — самосознаніе духа въ философіи — вотъ цѣль и право человѣка, право — подвергнуть диалектическому процессу всякую мысль, всякое чувство, всякое событіе, пережить въ мысли все, чрезъ что проходитъ мысль и дѣятельность. Гегель проникалъ въ глубину мышленія человѣка, въ сокровеннѣйшее святилище воли и вѣрованія, разбиралъ основныя положенія общественнаго государства, таинственнѣйшія начала богословія—все однимъ и тѣмъ-же спокойнымъ методомъ. Но его торжество было въ эстетикѣ, лучшемъ и любимомъ его Берлинскомъ курсѣ; въ немъ онъ формулировалъ теорію, построеную на началѣ ираціо-Эллинской формы съ современнымъ содержаніемъ, — на томъ-же началѣ, откуда выходили, въ своемъ творчествѣ, два великіе Германскіе писателя, въ сочиненіяхъ которыхъ Германія видѣла лучшее и единственное осуществленіе своихъ стремленій къ общечеловѣческому значенію. Германскія правительства желали оправданія дѣйствительности, оправданія неподвижности; теологи желали примиренія съ наукою, выросшею со всѣхъ сторонъ и принимавшею размѣры, казавшіеся имъ опасными. Гегель отозвался на это желаніе; но здѣсь по-необходимости сталъ на точку зрѣнія частную, именно Прусскую. Все, что дѣйствительно, то разумно.... пишетъ онъ большими буквами въ предисловіи къ своему ученію о правѣ. Власть лучшихъ и знающихъ осуществляется для него во власти бюрократіи. Духъ оппозиціи и критики правительства — это для него тщеславіе, желающее показать, что оно лучше другихъ понимаетъ вещи (*Die Eitelkeit des Besserverstehen-Wollens*). Отсутствие стѣсненій въ печати это—рокошь, удовлетворяющая зуду (*prickelnder Trieb*) высказать свое мѣнѣе. Въ философіи религіи Гегель является апологетомъ догматовъ лютеранскаго ученія; во имя безусловнаго разума онъ провозглашаетъ сдѣленіе науки и религіи. Но главное очарованіе уче-

нiя Гегеля заключалось въ удивительной стройности цѣлаго, въ простотѣ метода, въ его безличности. Не мудро, что ученiе, удовлетворившее столь разнообразнымъ требованiямъ, желанiямъ и побужденiямъ, удивившее всѣхъ величiемъ созданiя и убѣдившее большую часть современниковъ, что ниѣ его нѣтъ и не можетъ быть истины, что оно все въ себѣ заключаетъ и все собою объясняетъ, не мудро, что оно стало на первый планъ Германской жизни и Европейскаго мышленiя, особенно въ душевное время реставрацiи. Еще многие изъ нынѣ живущихъ, говорятъ Гаймъ, хорошо помнятъ, я думаю, то время, когда вся наука питалась отъ роскошнаго стола Гегелевой мудрости; когда всѣ факультеты толпились въ передней философскаго факультета, чтобы усвоить себѣ хотя что-нибудь изъ высокаго созерцанiя безусловнаго, и изъ гибкости знаменитой діалектики; когда всякій не Гегельянецъ былъ варваръ, идиотъ, отсталый и презрѣнный эмпирикъ; когда государство (вообразите) считало не малымъ ручательствомъ за свое спокойствiе и свою твердость то обстоятельство, что старикъ Гегель его построилъ, какъ необходимое и разумное, и потому Прусскiя духовныя и учебныя власти считали не Гегельянца почти преступникомъ. Нужно вспомнить это время, чтобы понять, что такое въ-самомъ-дѣлѣ владычество и значенiе философской системы. Нужно представить себѣ паосъ и убѣжденiе Гегельянцевъ 1830 г., которые совершенно серьезно ставили вопросъ: въ чемъ будетъ заключаться дальнѣйшее содержанiе мировой исторiи, послѣ того, какъ мировой духъ въ Гегелевой философiи уже достигъ своей цѣли, именно самознанiя?»

III. ПЕДАГОГИКА.

По этой отрасли знанiй мы встрѣтили слѣдующiя статьи: *Нѣсколько данныхъ о крестьянскомъ образованiи*, А. О. Раева (Ж. м. г. им. № 7 и 8); *Письма о воспитанiи въ Англiи*, Доктора Визе. XI—XIV. (Библ. для чт. № 5); *Частныя женскiе пансионы*, Д. М. (Атенеи № 14); *Материалы для исторiи образованiя въ Россiи*, П. П. (ibid.); *Воспоминанiя о Московскомъ университетскомъ пансионѣ Н. В. Сушкова*, М. Н. Лонгинова (ibid. № 15); *Мысли объ общественномъ воспитанiи*, М. О. Де-Пуле (ibid. № 21); *О началахъ Англiйскаго университетскаго воспитанiя*, переводъ съ Англ. Е. П. П. (Рус. бес. № 2); *Что можетъ способствовать успѣху наукъ*

въ *Россіи*, М. Т. (ibid.); *О промышленномъ воспитаніи въ Анліи*, Евг. Попова (Вѣстн. промышлен. № 2); *О воспитаніи дѣвицъ*, Боброва (Сынъ отеч. № 23); *Участіе правительства въ дѣль народнаго образованія до Петра Великаго* (ibid. № 32 и 33); *Можно ли дозволить юношамъ и дѣтямъ публично являться на сцену*, Як. Невѣрова (С. Пб. вѣд. № 156); *Городскія школы въ Бостонѣ*, въ *Соединенныхъ Штатахъ Америки*, Ал. Ламіера (ibid. № 189); *Статистическое обозрѣніе Германскихъ университетовъ* лѣтомъ 1857 и зимою 1857/8, г. (Моск. вѣд. № 55); *Объясненіе педагогическаго недоразумѣнія*, М. Ф. де-Пуле (ibid. № 68); *По поводу статьи: «Нѣсколько словъ о спеціальномъ образованіи»* отъ 15 № *Вѣстн.* за 1858 годъ, Р. О. (Одес. вѣстн. № 22); *Отвѣтъ на статью: «Еврейская школа въ Одессѣ», помѣщенную въ № 81 С. Пб. вѣд. за текущій годъ*, А. Думашевскаго (ibid. № 51); *Нѣсколько мыслей о юдичныхъ испытаніяхъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*, Шершеневича (ibid. № 52); *Замѣчанія на статьи Г. Х., Н. С. Власьева* (ibid. № 56); *Замѣтка о сельско-хозяйственномъ образованіи*, Николая Мизко (ibid.); *О воспитаніи дѣтей въ нашемъ среднемъ сословіи*, И. М...а (ibid. № 60); *Педагогическіе свѣты* (ibid. № 62); *О необходимости Еврейскаго дѣвичьяго благотворительнаго училища въ Лерсонѣ*, М. Чудовскаго (ibid. № 71); *Дѣтскій міръ* (ibid. № 90 и 91); *Опыты распространенія Русской грамотности между Аварцами* (Кавк. № 40).

— «Нѣсколько данныхъ о крестьянскомъ образованіи». — Эти данныя касаются только дѣвочекъ, обучающихся въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ губерніяхъ. «Въ 1844 г., по поводу обнаружившагося въ нѣкоторыхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ стремленія къ обученію въ сельскихъ приходскихъ училищахъ дѣвочекъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы дѣвочка безпрепятственно посѣщала училища, и чтобы наставники обучали ихъ преимущественно чтенію, по духовнымъ книгамъ, и поясняли имъ выученные по азбукѣ символы вѣры и заповѣди Божіи, а по часослову — и службу церковную. Въ 1845 г. дѣвочекъ обучалось въ училищахъ Великороссійскихъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерній около 100. Въ 1848 г. число ихъ простиралось уже до 1980. Для ученія ихъ, сверхъ обыкновенныхъ училищъ, открыто 9 параллельныхъ классовъ и учреждено нѣсколько особыхъ женскихъ школъ. Послѣ того признано было необходимымъ приготовить изъ крестьянскихъ дочерей особыхъ наставницъ, ко-

торья, подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ, могли-бы сами обучать дѣвочекъ и имѣть надзоръ за ихъ поведеніемъ. Вслѣдствіе того (въ 1850 г.), разрѣшено отдавать священникамъ, въ обученіе грамотѣ и рукодѣліямъ, 30 дѣвочекъ въ губерніяхъ Вятской, Черниговской и Харьковской, съ платою отъ 15 до 30 рубл. сер. въ годъ за каждую, изъ училищнаго капитала. Въ 1851 г. число приготовляемыхъ въ наставницы простиралось до 49, а въ 1852 г. — до 58. Дѣвочекъ-же въ училищахъ обучалось въ 1849 г. 3855, въ 1850—4336, въ 1851—4948, въ 1852—4605 и въ 1857—6184 (въ томъ числѣ постоянныхъ изъ сиротъ 670 и приходящихъ 5514). Извлеченныя нами данныя относятся до Великороссійскихъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерній. Что касается до западныхъ, по предмету обученія грамотѣ казенныхъ крестьянъ въ училищахъ этихъ губерній, то въ настоящей статьѣ изложены особыя данныя. Они собраны отъ мѣстныхъ начальствъ и наставниковъ въ училищахъ и объясняютъ, сколько было, въ первое десятилѣтіе со времени открытія училищъ, учащихся, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, кончили они или не кончили курса и чѣмъ занимались по выбытіи изъ училищъ.

— «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи». — Эти матеріалы въ высокой степени любопытны: они содержатъ въ себѣ свѣдѣнія, извлеченныя изъ подлинныхъ указовъ и дѣлъ академіи наукъ, о первыхъ годахъ ея существованія, первыхъ ея профессорахъ и первыхъ ихъ ученикахъ. Заимствуешь здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ годахъ существованія академіи наукъ. «Въ концѣ 1725 г. начали пріѣзжать въ Россію вызванныя ученые, и академія мало-по-малу стала наполняться. Ученое общество, устроенное по Европейскому образцу, было новымъ, невиданнымъ учрежденіемъ въ Россіи: дѣло его должно было еще надолго оставаться чуждымъ для Русскаго общества, въ которомъ тогдашніе ученые иностранцы не могли встрѣчать живаго участія въ трудахъ своихъ. Мы не имѣемъ полной картины дѣятельности первыхъ членовъ академіи наукъ; но и по тѣмъ свѣдѣніямъ, который дошла до насъ, можемъ судить, съ какимъ трудомъ прививалась Европейская наука въ Россіи и въ какомъ неудобномъ положеніи должны были себя чувствовать ея представители въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія. Пріѣхавъ въ Россію съ готовой системой, съ результатами науки, сложившейся на западѣ трудомъ вѣковъ и поколѣній, они затрудились даже въ томъ, кому

передать эти результаты, потому что и ученыхъ едва находились бы много, почти все иностранцы, да и тѣ нерѣдко убѣжали обратно или переходили къ другимъ дѣламъ. Естественно, что многіе въпріѣзжавшихъ въ Россію ученыхъ должны были задавать себѣ вопросъ: что мы здѣсь дѣлаемъ и какую можетъ принести пользу? И дѣйствительно, сомнѣніе это болѣе или менѣе ясно слышится почти отъ всѣхъ первыхъ академиковъ. Они были вдали отъ своего отечества, вдали отъ прямого сообщенія съ Европейскими учеными сословіями, вдали отъ библиотекъ и ученыхъ посещій, которыя такъ необходимы для всякаго, кто занимается наукой, чужды и по языку, и по нравамъ, и по понятіямъ той средѣ, въ тоторой надлежало имъ дѣйствовать. Это положеніе сдѣлалось тѣмъ затруднительнѣе, что между профессорами и правленіемъ академіи, сосредоточеннымъ въ лицѣ президента и бібліотекаря, вскорѣ возникли значительныя пререканія и ссоры, причиною которыхъ должно полагать неопредѣленность устава академіи. Профессоры были отстранены отъ всякаго участія въ управленіи ея дѣлами; ихъ оставляли даже въ совершенномъ невѣдѣніи объ уставахъ ея и учрежденіяхъ. Пріѣхавъ въ Россію, надѣясь они, что управленіе академіей поручено будетъ собранію, изъ нихъ-же составленному, подъ предсѣдательствомъ особо назначенаго президента, и что отношенія ихъ между собою и къ академіи будутъ опредѣлены уставомъ; призывая ихъ въ академію, высочій основатель ея обнадеживалъ ихъ, что безъ общаго согласія всѣхъ членовъ никакой перемѣны не будетъ предпринимаемо. Но на дѣлѣ оказалось противное. «Мы нижеподписанные, писали въ 1733 году старшіе профессоры Далиль, Бернулли и Делаacroa, отчасти чтобъ академію наукъ составить, отчасти и для управленія оной совѣтомъ нашимъ какъ въ другихъ во всѣхъ Европейскихъ академіяхъ обыкновенно, сюда прибѣгли, однако на то не смотря господинъ Шумахеръ (бібліотекарь) всегда, да и нынѣ недавно при конференціи объявлялъ и въ томъ стоялъ, что до дирекціи академіи намъ будто дѣла нѣтъ, но только оное отъ господина Блуменроста и отъ него зависить; того ради намъ невозможно о академическихъ дѣлахъ съ такимъ человѣкомъ, которой таковое нашей чести и академической пользы противное мнѣніе пишетъ, конференцію имѣть». Профессоры жаловались, что Шумахеръ, учредивъ своею властью канцелярію, отправляетъ въ ней всѣ дѣла отъ имени академіи, которая ни о чемъ не вѣдаетъ и назначенны-

ми на содержаніе ея суммами распоряжается вмѣстѣ съ Влуген-тростомъ произвольно, мимо академіи. «Мы знаемъ, писали далѣе профессеры, что отъ первоначальнаго проекта академіи, Петру первому поданнаго и имъ утвержденнаго, были впоследствии допущены значительныя отступленія; но намъ вовсе не извѣстно, по чьему повелѣнію, или по своей власти послѣдовали такія отиѣны; хотя великій императоръ по своей мудрости предусмотрѣлъ, что предложившіе ему первый проектъ могли иное пропустить въ немъ, и потому всемілостивѣйше указалъ ничего безъ общаго согласія всѣхъ профессоровъ не переиѣнять, но по прибытіи профессоровъ всѣ установленія далѣе привести въ правило, къ чему каждый изъ насъ по своей части могъ бы способствовать своею опытностью... Большая часть изъ насъ никогда не видала ни новаго, ни прежняго регламента, и для того о подлинности его мы зѣло неизвѣстны, понеже какъ многократно намъ слышно было, что оный подписанъ рукою ея императорскаго величества» такъ вопреки увѣряемы были, что не подписанъ».

— «Мысли объ общественномъ воспитаніи».—Эта статья написана по поводу слѣдующихъ статей: Аппельрота: *Основное образованіе* (Русск. бес. 1857 г. кн. IV и 1858 г. кн. I) и *Образованіе женщинъ средняго и высшаго состоянія* (Отеч. зап. 1858 г. № 2), и Лаврова: *Нѣсколько мыслей о системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей* (Библи. для чт. 1858 г. № 2). Въ этой статьѣ авторъ, отдавая полную справедливость гг. Аппельроту, Лаврову и другимъ писателямъ, обогатившимъ нашу педагогическую литературу, совершенно справедливо замѣчаетъ «что одно указаніе на недостатки воспитанія, подмѣчаемые большею частію въ темныхъ углахъ педагогическаго міра; одно знакомство съ тѣмъ, что дѣлалось и дѣлается за границей по этой части, и что у насъ не всегда примѣнимо, наконецъ одно измѣненіе метода преподаванія, изданіе новыхъ учебныхъ руководствъ—все это еще не даетъ рациональнаго хода нашему общественному воспитанію. На школѣ, продолжаетъ онъ, всегда отражается общественная жизнь со всѣми своими достоинствами и недостатками. Крѣпостное право создало у насъ особенныя идеи, которыя, къ несчастію, до сихъ поръ тяготѣли надъ нами и были непреоборимыми препятствіями для всего добраго и благаго, задерживая насъ на пути просвѣщенія и успѣховъ общественной жизни. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ дней, которыя не могли не проникнуть и въ школы: неуваженіе

человѣческаго достоинства, слѣд. полнѣйшее отсутствіе гуманности и истинно-христіанской любви; довольство поверхностнымъ образованіемъ; предпочтеніе формы содержанію; благоговѣніе передъ застоємъ изъ единственной боязни утратить его; духъ опасенія всякихъ благихъ переменъ и полезныхъ начинаній; неспособность къ зрѣлому труду; апатичность къ общественнымъ недугамъ, происходящая изъ самодовольства и корыстнаго себлюбія; духъ сословной нетерпимости,—духъ, держающій все отсталое и своекорытное прикрывать священнымъ именемъ патріотизма. Вотъ нѣкоторыя изъ идей, которыя, чтобы не растравлять еще *не зажившихъ ранъ*, мы назовемъ *враждебными* истинному просвѣщенію. Вотъ въ этихъ-то и имъ подобныхъ причинахъ и заключается, по мнѣнію автора, недостаточность нашего школьнаго образованія. И такъ прежде всего надобно искоренить эти идеи. Всякій методъ воспитанія и преподаванія будетъ превосходенъ, если только онъ станетъ неуклонно стремиться къ этой цѣли; улучшеніе училищъ, обезпеченіе для лицъ, трудящихся на педагогическомъ поприщѣ, хотя важное, нетерпящее отлагательства дѣло, но статья, какъ говорится, особая. Вообще, по крайней мѣрѣ на первый разъ, задача общественнаго воспитанія должна рѣшаться какъ можно проще; главное дѣло при ея разрѣшеніи—дѣйствовать безъ всякой задней мысли, если только не называть этимъ именемъ уничтоженіе враждебныхъ идей. Съ кѣмъ-бы воспитаніе ни имѣло дѣло, съ мужчиной или женщиной, съ лицами привилегированнаго или не привилегированнаго сословія, пускай оно представляетъ своимъ нитомцамъ въ самомъ яркомъ, привлекательномъ цвѣтѣ идеальную челоуѣчности, жизни нравственно-свободной и разумной, проникнутой духомъ истиннаго христіанства. Обучающееся поколѣніе само рѣшится, подойдетъ-ли къ этому идеалу жизнь, его окружающая, и само постарается осуществить его тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ меньшему гнету будетъ подвергаться въ своемъ образованіи. Въ дѣлѣ воспитанія возможная свобода дѣйствій для воспитывающагося есть великое благо; у семи нянекъ, говоритъ пословица, дитя безъ глазу. Постоянный напоръ идей, которыхъ осуществленіе безусловно требуется отъ обучающагося поколѣнія, бдительный, стоглазый надзоръ, который преслѣдуетъ молодую душу во все время школьной жизни,—особенно если преслѣдуетъ съ идеями враждебными, самымъ несчастнымъ образомъ дѣйствуетъ на челоуѣка; онъ тупѣетъ, умственный горизонтъ его суживается, ширь пони-

идея ограничивается: оно и естественно, если предназѣренный идеи противны духовной природѣ человѣка. Не такова идея чловѣчности, гуманности, такъ свойственная нашей богоподобной природѣ, такъ возвышающая духъ нашъ: она легко и непринужденно принимается во всякой почвѣ, повидимому самой безалодной и каменной. Чтобы развить ее, воспитанію нѣтъ надобности вооружаться бичемъ сатиры противъ недостатковъ настоящаго; оно можетъ исполнить свою задачу путемъ болѣе хладнокровнымъ и безпристрастнымъ, путемъ критическимъ, который едва-ли кто можетъ назвать антинаціональнымъ. Общественное воспитаніе должно брать матеріалы для созданія идеи, которую предстоитъ ему развить въ школахъ, преимущественно изъ нашей, еще не развившейся и доселѣ не нормально развивавшейся жизни, а изъ жизни болѣе богатой опытомъ, знаніемъ, развитіемъ, — жизни старшихъ нашихъ братій, образованныхъ народовъ Европы; государственныя науки, распространіе которыхъ составляетъ насущную потребность нашихъ школъ, дадутъ богатый матеріалъ для созданія этой идеи. Но заимствованный матеріалъ, въ составъ котораго войдетъ много и своего, претворившись въ идею на нашей собственной почвѣ, потому самому уже не будетъ чужимъ, а истинно-національнымъ; тутъ мысль о слѣпомъ подражаніи западу вовсе не можетъ имѣть мѣста. Конечно, весьма важенъ выборъ проводниковъ идей гуманности въ наши школы — выборъ преподавателей; но и это дѣло не трудное, не на горахъ искать ихъ; даже нѣтъ надобности ожидать спасенія отъ воспитанниковъ предполагаемыхъ педагогическихъ семинарій. Для среднихъ учебныхъ заведеній самыми лучшими, самыми ревностными подвижниками этого великаго дѣла будутъ питомцы тѣхъ заведеній, которые доселѣ одни служили у насъ наукѣ и гуманности — питомцы нашихъ университетовъ. Изъ молодого человѣка, кончившаго курсъ въ университетѣ, съ стремленіемъ къ добру и съ любовью къ наукѣ, всегда выйдетъ такой преподаватель, котораго не дастъ никакая школа, не выработаетъ никакая педагогическая опытность. Что касается до нашихъ школъ, до обученія всего народа, то и здѣсь воспитаніе можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ во имя главной идеи даже небольшими школьными средствами. Не говоря о преподаваніи закона Божія, не говоря о чтеніи Евангелія на Русскомъ языкѣ, сколько добра можно сдѣлать при преподаваніи отечественнаго языка, которое въ народныхъ школахъ достаточно ограничить чтеніемъ и писаніемъ:

чтеніе доставитъ богатый матеріалъ для развитія. Конечно, выборъ книгъ для чтенія въ народныхъ школахъ долженъ быть крайне осмотрителенъ; но, научившись свободно понимать литературный языкъ, народъ впоследствии самъ найдетъ что читать, и число книгъ, которыя придутся ему по дупкѣ, разумѣется, постоянно будетъ возрастать. Если такимъ путемъ будутъ идти народныя школы (а вести ихъ этимъ путемъ очень не трудно, не трудно набрать и учителей), то питомцы ихъ вступятъ въ жизнь непременно съ просвѣщеннымъ взглядомъ. Это просвѣщеніе не отучитъ никого отъ любви къ своему семейству, своимъ занятіямъ, своему быту, но никого не укрѣпитъ за ними: избранныя найдутъ свободно но иной дорогѣ, остальные возвратятся къ своимъ семействамъ и полямъ и волостное правленіе не потерпитъ для нихъ свою прелесть. Кто не смѣивается идеи гуманности съ распространенною у насъ идеею о благородствѣ, тотъ согласится, что первая отнюдь не попрепятствуетъ распространенію специальныхъ знаній, облагораживая каждый человѣческій трудъ. Впрочемъ, для развитія идеи гуманности, существенно необходимой нашему обществу, низшія и среднія школы, особенно послѣднія, конечно, могли-бы съ пользою измѣниться въ своемъ составѣ и устройствѣ».

— «О началѣ Англійскаго университетскаго воспитанія». — Это переводъ замѣчательной статьи, принадлежащей перу извѣстнаго ученаго Вебеля (W. Whewell), магистра наукъ, члена попечителя Троицкой коллегии въ Кембриджѣ, автора многихъ сочиненій; изъ которыхъ наиболее заслуживаетъ вниманія: «Elements of morality, including Polity, History and the Philosophy of the Inductive sciences». Исслѣдованію объ университетскомъ воспитаніи предпослана слѣдующая характеристика Англіи: «Давно уже Англія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Европейскими государствами и обращаетъ на себя невольное вниманіе другихъ народовъ; давно уже извѣстны всѣмъ и ея торговля, и особенности ея государственныхъ учреждений; но долго никому на голову не входило проникнуть въ тайники ея внутренней жизни. Въ концѣ прошлаго столѣтія начала она завоевывать міръ своею словесностію, по милости Ньёмцевъ, которые стали ревностно изучать ея великаго Шекспира; въ началѣ нынѣшняго вѣка она продолжала это завоеваніе, по милости своихъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, которые дали совершенно новое направленіе

искусству и отчасти исторической наукѣ. Еще позже, ежедневно возрастающая сила Англіи и ея рѣшительное первенство въ смыслѣ политическомъ и промышленномъ заставили многихъ изучать общественныя основы ея внѣшнихъ силъ и ихъ внутреннія начала, умственные и духовныя. Наконецъ, съ недавняго времени, особенное вниманіе обращено на то воспитаніе, которымъ эти силы питаются и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію. Дѣйствительно, Англія отличается во всемъ отъ прочихъ народовъ Европы. Она страна передовая, страна постоянныхъ нововведеній, за которыми не угонится подражаніе; она же и страна сохранный, не вымирающей старины. Тутъ куются пушки, передъ которыми всѣ прежнія оружія обращаются чуть-чуть не въ карманные пистолеты; на Темзѣ стоитъ желѣзная гора, которая будетъ бѣгать по морямъ, перевоза въ утробѣ цѣлое поселеніе; строятся фабрики, въ которыхъ всѣ усовершенствованія науки уже перешли въ промышленную практику; составляются въ громадныхъ размѣрахъ союзы мелкихъ капиталовъ или труда, обѣщающіе новую эру жизни народной; дикая сила собственности обуздывается требованіями человѣческой нравственности; города растутъ съ волшебною быстротою; поля учетверяютъ свою плодородность; люди удлиняютъ свой вѣкъ, какъ-будто имъ вовсе нескучно жить на землѣ; наконецъ Европеецъ, переѣхавъ ея предѣлы, какъ-будто уходитъ на цѣлое столѣтіе впередъ отъ своего отечества: а тутъ-же законы Норманскаго завоевателя цитуются, какъ власть имущіе, парламентомъ и судебными присутствіями; Французскія слова звучатъ при коронаціи королей и надписываются подъ ихъ правительственными велѣніями; воспитанники многочисленнаго училища ходятъ по улицамъ Лондона съ непокрытыми головами и въ странномъ нарядѣ послѣднихъ Саксонскихъ королей; средне-вѣковая шапочка и мантия отличаютъ студента университетскаго; шерстяной мѣшокъ служитъ почетнымъ сѣдалищемъ для перваго изъ государственныхъ сановниковъ; словомъ, антикварій ходитъ какъ-будто въ своей знакомой, давно уже вездѣ умершей странѣ. Странная земля! Она какъ-то догадалась, что только то охранительно, что движется впередъ, и только то прогрессивно, что не отрывается отъ прошедшаго. Другія страны Европы подчинялись законамъ химическимъ и механическимъ. Англія одна живетъ по физиологическому закону. Эта своеобразная жизнь является въ своемъ началѣ — въ воспитаніи, и потому Англійская система вос-

питанія совершенно разнится отъ всѣхъ другихъ. Она представляетъ въ себѣ общія черты самой страны, и недаромъ Прусскій король сказалъ, любуясь Оксфордомъ: «какъ все здѣсь ново, и какъ все здѣсь старо!» Чѣмъ любопытнѣе и самостоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе его автобіографія и всѣ его отзывы о себѣ. Правда, онъ часто можетъ ошибаться на свой счетъ и даже ложно понимать свои собственные побужденія; но самыя ошибки его полезны для тѣхъ, которые его изучаютъ. Въ правдѣ, имъ высказываемой, и даже въ его самообольщеніяхъ открываются такія стороны его жизни и сознанія, которыхъ со стороны нельзя угадать. Что сказали мы о людяхъ, то-же самое должно разумѣть о народахъ». Разсужденіе автора раздѣляется на три главы: первая заключаетъ въ себѣ *matерію* (*matier*), изучаемую въ университетахъ, или, какъ выражаются иначе, практическое и спекулятивное ученье; вторая — *способъ* ученья и относительное достоинство прямого и непрямого методовъ обученія; третья — то, что извѣстно подъ именемъ *дисциплины*, которая всегда входила въ составъ служенія (*office*) Англійскихъ университетовъ. Настоящая статья есть переводъ только шести отдѣловъ первой главы; вотъ нѣкоторые положенія автора. *О различіи между практическимъ и спекулятивнымъ ученьемъ.* При употребленіи спекулятивнаго способа, преподаватель только излагаетъ своимъ слушателямъ ученія или результаты, относящіяся къ какой-либо отрасли познаній; онъ сообщаетъ имъ открытія или умозрѣнія предшествовавшихъ философовъ, или, пожалуй, свои собственные, между-тѣмъ-какъ дѣло его слушателей ограничивается однимъ присутствіемъ или вниманіемъ; имъ остается только слушать, принимать, усвоить себѣ то, что имъ говорятъ, не принимая никакого собственно-дѣятельнаго въ томъ участія; на ихъ волю предоставляется воспроизводить, повѣрять или практически прилагать приобрѣтаемыя ими такимъ образомъ познанія. При употребленіи практическаго способа ученья, учащійся не только имѣетъ просто слушать, но нѣчто дѣлать и самъ собою; онъ имѣетъ не только принимать, но воспроизводить сообщаемое ему свѣдѣніе; такъ напр. когда студентъ математики доказываетъ данное ему предложеніе или рѣшаетъ задачу, или когда изучающій классиковъ переводитъ Горація или Фукидиду на Англійскій языкъ. Языкъ и математика требуютъ пракческаго способа; но многія изъ наукъ, а въ-особенности тѣ изъ нихъ, которыя разнообразны въ ихъ при-

мѣненіяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ сомнительныя или еще не установившіяся начала, основанія которыхъ подлежатъ перемѣнамъ, не иначе могутъ быть преподаваемы, какъ спекулятивнымъ способомъ. Таковы напр. геологія, политическая экономія и, кажется, метафизика.— *О дѣйстви практическаго и спекулятивнаго ученія на прогрессъ цивилизаціи.* Что наиболѣе содѣйствуетъ цивилизаціи— практическое или спекулятивное ученье? Вопросъ этотъ зависитъ отъ рѣшенія другаго вопроса, а именно: что наиболѣе препятствуетъ прогрессу науки и болѣе повсемѣстному распространенію результатовъ этого прогресса — воспитаніе ли *математическое*, или воспитаніе *обще-философское*? Что до Греческаго воспитанія, то мы можемъ довольно положительно утверждать, что оно, до самыхъ временъ Платона, даже включительно, главнымъ образомъ совершалось путемъ пракческаго ученія. Но во времена Аристофана (см. его *Облака*) произошла перемѣна въ наставленіи Греческаго юношества. Софисты и философы попали въ необыкновенную честь и породили множество послѣдователей, такъ-что знакомство съ ихъ ученіями и системами стало считаться самою существенною частію либеральнаго воспитанія. Страсть эта еще болѣе усилилась у Римлянъ съ-тѣхъ-поръ, какъ они начали добиваться мѣста въ кругу просвѣщенныхъ народовъ. Изученіе *философій* въ общемъ смыслѣ, т. е. изученіе неическихкихъ, метафизическихъ и физическихъ ученій, предлагавшихся составителями универсальныхъ системъ, было, какъ мы знаемъ, въ глазахъ Грековъ и Римлянъ, послѣднимъ предѣломъ въ ихъ притязаніяхъ на интеллектуальное образованіе, и такъ было до-тѣхъ-поръ, пока не извелась и самая цивилизація. Равно такъ было и у неоплатониковъ, и у схоластиковъ, и у средневѣковыхъ богослововъ, доколѣ, наконецъ, снова не явился въ монастыряхъ методъ пракческаго ученія, отъ котораго заимствовала свое начало и система Англійскихъ университетовъ. Таковъ ходъ воспитанія; теперь спрашивается, въ какомъ отношеніи находится къ нему ходъ науки? Отвѣтъ очень стоитъ вниманія. *Прогрессъ науки находится въ соотвѣтствіи со временемъ пракческаго ученія; періодъ-же науки, когда она приостанавливалась въ ходъ своемъ или отступала назадъ, есть тотъ самый періодъ, когда философій была орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія.* Во время Платона, Греческое воспитаніе долго, въ самой вещи (*virtualiter*), было воспитаніемъ, чему служитъ доказательствомъ самое слово — математика. Въ это время Платонъ

завидѣлъ, а Гиппархъ вскорѣ потомъ поставилъ всѣмъ на видѣ величайшее ученое открытіе древняго міра, каково объясненіе небесныхъ явленій круговыми движеніями. Хотя гораздо позднѣе и въ другой странѣ, но при подобномъ состояніи Греческаго образованія, Архимедъ утвердилъ науку математики на такихъ основаніяхъ, которыя могутъ держаться цѣлую вѣчность. Что было-бы съ исторіей цивилизаціи, еслибы Греческое воспитаніе продолжало быть практически-математическимъ, мы не можемъ сказать. Основываясь на теоріи вѣроятностей, думаемъ, что Греки, въ этомъ случаѣ, предварили-бы, можетъ быть, цѣлымъ тысячелѣтіемъ открытія новѣйшихъ временъ и мѣста, занятыя теперь Галилеемъ, Кеплеромъ и Ньютономъ, принадлежали-бы, конечно, гражданамъ Афинъ и Александріи. Но надъ всѣмъ взяло верхъ спекулятивное изученіе философіи; и съ-тѣхъ-поръ, въ строгомъ смыслѣ, наука перестала поступать впередъ. Чему уже великіе люди научили родъ человѣчскій, то было извращено или забыто испорченными ихъ послѣдователями. Въ школахъ философовъ раздавались старыя и новыя системы, слышались препирательства и хвастовство; но это нимало не подвигало впередъ интеллектуальнаго прогресса и даже не останавливало его на обратномъ пути». — *Объ ученыхъ языкахъ, какъ предметахъ университетскаго ученія.* Изученіе классическихъ авторовъ Греціи и Рима должно быть главнымъ и неотъемлемымъ предметомъ университетскихъ занятій. Кто можетъ прослѣдить происхожденіе собственныхъ своихъ идей и своего роднаго языка сквозь цѣлый рядъ образованныхъ народовъ; кто можетъ показать, что тѣ, которыхъ онъ служитъ представителемъ или почитаетъ ихъ, какъ своихъ родоначальниковъ, вездѣ занимали первое мѣсто на поляхъ мысли и интеллектуальнаго прогресса: тотъ и можетъ принадлежать къ истинному дворянству умственнаго міра, тотъ и есть человѣкъ съ истиннымъ образованіемъ; а такова именно и есть цѣль либеральнаго образованія, т. е. приготавливать людей (to make men). — *О необходимости соединенія классическихъ и математическихъ занятій, какъ предметовъ университетскаго ученія.* Вѣрно то, что тотъ всего больше пользуется университетскимъ воспитаніемъ, кто, повинувся требованію университета, не ограничиваетъ своихъ счастливыхъ, предполагается, способностей исключительнымъ изученіемъ той или другой отрасли. Человѣкъ съ математическимъ гениемъ, но требованію своей коллегіи или университета

ознакомившійся съ наилучшими Греческими и Латинскими классиками, дѣлается такимъ образомъ въ то-же время человѣкомъ съ либеральнымъ воспитаніемъ; въ противномъ случаѣ, онъ былъ-бы только знаменитымъ счетчикомъ. Равно изучающій классическую изящную литературу, бывъ вынужденъ подобнымъ образомъ ознакомиться съ предложеніями исторіи и механики, приобретаетъ навыкъ къ строгому мышленію и связному разсужденію.—*О наукахъ, какъ предметахъ университетскаго ученья.* Здѣсь авторъ ставитъ на первомъ планѣ математику, за ними физическія науки, древніе языки—Греческій и Латинскій, а потомъ уже богословіе, медицину, права и т. д.—*О нравственно-мъ дѣйстви практическаго и спекулятивнаго ученья.* Практическое воспитаніе Англійскихъ университетовъ произвело много людей способныхъ къ практической жизни. Самые замѣчательные суть юристы и врачи. Равно духовенство Англійское получаетъ неопѣнимыя выгоды отъ настоящаго университетскаго воспитанія; а если воспитаніе духовныхъ можетъ быть улучшено, то, конечно, ужь не тѣмъ, что на мѣсто математики Эвклида и Ньютона мы не ставимъ, говоритъ авторъ, философію Шеллинга и Гегеля. Что наши университеты воспитываютъ для насъ законодателей, государственныхъ сановниковъ и судей, владѣющихъ и собой и другими, и силой и искусствомъ, въ томъ сомнѣваться можетъ развѣ тотъ только, кто думаетъ, что нашъ маленький островъ въ прошлое трехсотлѣтіе былъ злополучнѣе другихъ земель и занималъ незавидное мѣсто въ Европѣ. По мнѣ судбы народовъ опредѣляются, конечно; не безъ воли Провидѣнія, ихъ практическими вождами, а люди образуются воспитаніемъ».

— «Что можетъ способствовать успѣху наукъ въ Россіи». — Эта статья содержитъ въ себѣ весьма многія замѣчательныя мысли. Авторъ приходитъ въ ней къ слѣдующему результату: «Успѣхи нашего просвѣщенія могутъ зависѣть: а) отъ положенія науки въ обществѣ; б) отъ соединенія нашихъ учебныхъ силъ и средствъ; в) отъ самостоятельности нашихъ учебныхъ заведеній; г) отъ реальности познаній, приобретаемыхъ въ школахъ».

Заключая обзоръ статей по части педагогики, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на статью г. Де-Шуле: *Мысли объ общественномъ воспитаніи*, изъ которой мы привели выше главныя положенія. Общественное наше воспитаніе должно имѣть главною своею задачею переродить Русскаго въ *человѣка*, въ Евро-

пейскомъ значеніи этого слова, т. е. должно противодѣйствовать тѣмъ идеямъ, которыя г. Де-Пуле справедливо назвалъ враждебными истинному просвѣщенію,—идеямъ, которыя были порожденіемъ несчастныхъ нашихъ историческихъ обстоятельствъ,—обычаямъ, нажитымъ нами отъ крѣпостнаго права, Монгольскаго ига и другихъ бѣдствій, поражавшихъ наше отечество. Устройство училищъ, методы преподаванія, учебники—все это дѣло второстепенное. Китаизмъ, равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, неуваженіе къ человѣческому достоинству, въ комъ-бы оно ни проявлялось, бѣдною-ли или богатомъ, крестьянинѣ или аристократѣ, въ Татаринѣ или Нѣмцѣ — вотъ наши главные непримиримые враги, противъ которыхъ должно ратоборствовать наше воспитаніе, начиная отъ народныхъ элементарныхъ школъ и не исключая привилегированныхъ замкнутыхъ учебныхъ заведеній. Нельзя также умолчать и о статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Одесскомъ вѣстникѣ», который, подѣ настоящею своею редакціею и подѣ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ бывшаго начальника Одесскаго учебнаго округа, содѣлался одною изъ лучшихъ Русскихъ газетъ, разрабатывающею современные общественные вопросы. Всѣ почти педагогическія статьи, помѣщенныя въ этой газетѣ, въ-особенности слова и мысли самого Н. И. Пирогова, составляютъ истинное приобрѣтеніе для нашей педагогической литературы.

Дѣтская литература приобрѣла слѣдующія статьи:

Въ Журналѣ для дѣтей: *Неспособный человекъ* (№ 20); *Сраженіе попугая со змѣею*. Сцена изъ путешествія по р. Сенегалу (ibid.); *Зимній гость* (ibid.); *Страсть къ машинамъ въ Соединенныхъ Штатахъ* (№ 21); *Птицы-носороги* (ibid.); *Шильонскій узникъ. Его исторія. Байронъ въ Шильонѣ. Его поэма «Шильонскій узникъ». Отрывокъ изъ Шильонскаго узника, переводъ Жуковскаго. Разборъ* (№ 22 и 23); *Человекъ-тигръ* (№ 23 и 24); *Турція и Турки* (№ 24 и 25); *Жемчугъ* (№ 25); *Евдокія Лукьяновна Стрѣшневна* (№ 26 и 27); *Несчастное семейство* (№ 27 и 28); *Альпійская роза* (№ 29); *Горохъ* (ibid.); *Мои походы въ Австралію* (ibid. и № 30 и 31); *Муха-птица съ рубиновой шейкой* (№ 31); *Очеркъ волненій въ Индіи въ 1857 году* (ibid. и № 32 и 33); *Скользкій путь*. Разсказъ (33, 34 и 35); *Война между племенами пустыни Сахары* (№ 35).

Въ Лучахъ: *Опасность отъ цѣтосъ*, съ Франц. О. П. (№ 5); *Есть край.... В. Ив.... ча* (ibid.); *Разсказы изъ средней исторіи*, съ Нѣмц. О. П. (ibid.); *Одно изъ послѣднихъ воспоминаній о Петер-*

буря, А. Вороновой (ibid.); *Разсказъ о привидѣніи* (ibid.); *Священныи доли*, съ Нѣм. Е. Вороновской (№ 6); *Четвертое письмо къ М. о поэзи*, Шероцкаго (ibid.); *Освобожденіе Лукнова*, съ Англ. О. П. (ibid.); *Аудская королева въ Парижъ*, съ Франц. О. П. (ibid.); *Страшная смерть* (ibid.); *Кормщикъ или поспышныи сужденія* (ibid.); *Письмо изъ Тифлиса*, Габо (ibid.); *Нѣчто о Русскихъ народныхъ присловіяхъ* (ibid.); *Коралловыи мели* (ibid.); *Статистика желѣзныхъ дорогъ* (ibid.); *Вавилонъ и Ниневія*, съ Нѣм. О. П. (№ 71); *Льто*, С. Ивановскаго (ibid.); *Максимъ Святогорецъ*, Н. С—а (ibid.); *Микель-Анджело* (ibid.); *Аббатъ де Л'Эне*, съ Франц. Маріи С. (ibid.); *Расимъ* (ibid.); *Ловля имнотовъ* (ibid.); *Нѣсколько словъ о Лафатеръ и его наукъ* (ibid.); *Средняи дорога*, изъ соч. Теклы фонъ-Гумпертъ (№ 8); *Вечернія мысли*, Ольги П. (ibid.); *Разсказы въ Кенигсбергскомъ Эильвагенъ* (Spuckgeschichten) (ibid.); *Женщины въ Аустрали* (ibid.).

Въ Звѣздочкѣ: *Любочка*, А. Вороновой (№ 5 и 6); *Преподобная Евфросинія Суздальская*, Н. С—а (№ 5); *О совахъ*, съ Англ. Маріи С. (ibid.); *Земляничка*, С. Ивановскаго (№ 6); *Земная жизнь Христа Спасителя въ разсказахъ для дѣтей* (ibid.); *Не будьте жестоки*, съ Англ. О. П. (ibid.); *Завтра* (№ 7); *Разсказы изъ географіи и путешествій* (ibid.); *Маленькій дядюшка*, А. Вороновой (ibid.); *Пріемыши*, ея-же (№ 8); *Маменькины уроки или всеобщая исторія въ разговорахъ для дѣтей* (ibid.); *Ежевика*, съ Англ. (ibid.); *Анекдоты о собакахъ*, съ Англ. Е. Б. (ibid.); *Бабочка и шелковый червячекъ*, съ Англ. О. П. (ibid.). Для младшихъ читателей: *Птичьи пльдышко* (№ 5); *Своеволие* (ibid.); *Розовыи почки* (№ 6); *Маленькій докторъ* (№ 7); *Сонъ* (№ 8).

Въ Подснѣжникѣ: *Старый волкъ*, басня Лессинга (№ 6); *Гриша маленькій подмастерье* (посвящено Зиночкѣ и Соничкѣ Ильинымъ), Д. Григоровича (ibid. и № 7); *Охота на быльыхъ Нетровъ* (№ 6); *Народныи преданія древнихъ Грековъ*: XI. *Преданіе объ Эдипъ*. XII. *Погодь семи вождей противъ Оивъ*. XIII. *Антигона*. XIV. *Эпионы* (№ 6, 7 и 8); *Рыцарство*, Н. Лыткина (№ 6); *Растенія, ихъ польза и важность для людей и для всего живущаю на земля* (ibid.); *Лебеди* (№ 7); *Готы*, Н. Авенариуса (ibid.); *Разсказы о древнихъ Русскихъ паломникахъ*, Н. С—на (ibid.); *Преданіе о построеніи кафедральнаго собора въ Кельнъ*, В. К. (ibid.); *Волшебный цѣтокъ*. Сказка (№ 8); *Изобрѣтенія книгопечатанія* (ibid.):

Ископаемый уооль (ibid.); *Первые календари въ Россіи* (ibid.); *Янычары* (ibid.).

Въ журналѣ *Часъ досуга*: въ отдѣлѣ *Игры*: *Бука* (комнатная шумная). *Вертящаяся тарелка* (умственная). *Встрѣча* (садовая). *Прутики* (комнатная). *Млу!* (садовая). *Болота или Геркулесовы подвиги* (игра полетомъ). *Веребочка* (гимнастическая). *Ласточка* (садовая). *Пантеонъ* (умственная). *Злой колдунъ Параварумъ* (пѣска для театра Китайскихъ тѣней) (№ 8); *День и ночь* (садовая). *Флюгеры* (садовая и комнатная), *Любопытный* (комнатная). *Превратность судьбы* (игра съ картами). *Различныя упражненія съ мячемъ* (гимнастическая). *Три царства природы* (комнатная). *Судъ животныхъ* (умственная). *Путешествіе по Европѣ безъ карты и компаса* (умственная). *Сльпцы или жмурки на изнанку* (садовая). *Безсознательная храбрость* (драматическое представленіе) (№ 6); *Курочка-сльпушка* (комическая игра). *Ширады въ живыхъ картинахъ*. *Бары съ воламомъ* (комнатная и садовая). *Коротко, да ясно* (умственная). *Полетъ голубей* (игра съ мячами). *Овесъ* (игра хоропроводная) (№ 7); *Уженье рыбы* (пріятное препровожденіе времени) (ibid. и № 8); *Противуположности* (игра съ костями) (№ 7); *Воликъ и пастухъ* (садовая игра). *Живописецъ, палитра и краски* (комнатная). *Волакъ* (игра гимнастическая). *Хромоножка* (садовая). *Тайное слово* (умственная). *Общія прятки* (комнатная). *Умственный поединокъ* (умственная) (№ 8); въ отдѣлѣ *Фокусы*: *Любимое число*. *Освобожденіе ирокоовъ*. *Удивительно послушная карта*. *Шалуньи-бумажки*. *Оживленные шарики* (электрической опытъ). *Серебряный кустъ* (№ 5); *Сухъ изъ воды вышель*. *Удивительный паукъ*. *Новый Муцій-Сцевола*. *Волшебный парникъ*. *Термометръ-обличитель* (№ 6); *Волшебная бутылка*. *Чудо-диво*. *Таинственность цифры 9*. *Комната изъ драгоценныхъ камней*. *Оживленные цѣпты* (№ 7); *Фонтанъ изъ бутылки*. *Паяцъ, танцующій на пальцѣ*. *Послушная монета*. *Одушевленные ирушки*. *Солнечные часы на ладони*. *Своеправное лицо* (№ 8); въ отдѣлѣ *Картонажи*: *Дополненія къ театру Китайскихъ тѣней*. *Изображенія, принадлежащія къ ирпъ «Прутики»*. *Искусственный хрусталь* (№ 5); *Мячи или мячки*. *Охота на павлина*. *Шуфка, самострѣльцъ, лукъ со стрѣлами и сарбаканъ* (№ 6); *Нѣсколько словъ введенія*. *Изготовленіе флюгера*. *Цырюльникъ*. *Летучій змій* (№ 7); *Практическое наставленіе для правильнаго изготовленія рыболовной удочки*. *Лучезарныя картины* (№ 8); въ отдѣлѣ *Туалетъ куклы*: *Мантилья* (№ 8)

б); *Пелерника платья. Утренняя манишка. Тюлевая перелинка съ концами* (№ 6); *Суконная кофта* (№ 7); *Бурнусъ* (№ 8); въ отдѣлѣ Увеселительное чтеніе: *Кукольные глаза. Доадливый слѣпецъ. Музыкальное поздравленіе. Сосна* (басня); *Роза царя Соломона* (№ 5); *Письма Паши къ Саши* (ibid. и № 6 и 8); *Новый Робинзонъ на деревѣ. Масляница въ Архангельскѣ. Стихотворенія*: 1) *Елка*, 2) *Домикъ въ Сардамь*, 3) *Маргаритка. Весенніе праздники, Блѣлочка* (отрывокъ изъ письма любителя комнатныхъ животныхъ). *Поэтъ-самозванецъ. Карликъ-ирушка* (№ 7); *Челобитная кастета. Горюшь! Горюшь! Покущій льсъ. Изобрѣтеніе шахматной шры* (восточная легенда). *Блуждающіе очи* (№ 8).

IV. ПРАВОВѢДѢНІЕ.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи: *О словесномъ дѣлопроизводствѣ. Разборъ статьи, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго вѣстника» 1857 г. (Библи. для чт. № 7); К. А. Неволинъ, Т. И. Ш—на* (От. зап. № 5, 6, 7 и 8); *Процессъ Бернара и его значеніе* (ibid. № 5); *Одъ адвокатовъ и адвокатуръ въ Россіи*, К. Яневича-Яневскаго (ibid. № 7); *О юридическихъ вопросахъ*, А. С. Хомякова (Русс. бес. № 2); *Правда въ жизни и въ судахъ*, Д. Е. (Сынъ отеч. № 30 и 31); *Нѣсколько словъ о словесномъ судопроизводствѣ и юридическомъ образованіи*, П. Полежаева (ibid. № 35); *Предѣлы полицейской власти*, С. С. Громеки (Руск. вѣст. № 9); *Суды, магистратура и адвокатура во Франціи*, Н. В. Шербаня (ibid. № 10 и 11); *Замѣтки для исторіи крепостнаго права въ Россіи*, К. П. Побѣдоносцева (ibid. № 11, 12 и 16); *Процессъ Русскаго правительства съ Французскимъ банкомъ* (ibid. № 12); *Полицейское дѣлопроизводство*, С. С. Громеки (ibid. № 13); *Письмо къ редактору*, П. К. Щебальскаго (ibid. № 14); *Проектъ новаго уложенія питейныхъ сборовъ*, Стремouxова (ibid. № 16); *Нѣсколько мыслей о судопроизводствѣ*, Х. Д. (ibid.); *Таинственное убійство* (ibid. № 86); *О коммерческихъ судахъ и присяжныхъ стряпчихъ*, О—а (Одесск. вѣстн. № 59); *Замѣтка о дворянскихъ собраніяхъ*, К—а (ibid. № 62); *Англійское акціонерное законодательство*, А. Скачкова (Журн. для акціон. № 82 и 83).

— «К. А. Неволинъ».—Эта статья содержитъ въ себѣ очеркъ учено-литературной дѣятельности К. А. Неволина. Она написана по

поводу новаго изданія полнаго собранія его сочиненій, предпринятаго г. Андреевскимъ. «Въ теченіе двадцати лѣтъ своей профессорской дѣятельности, Неволинъ написалъ до 12-ти сочиненій. Вотъ перечень ихъ: 1) Рѣчь о соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ (1835); 2) Энциклопедія законовѣдѣнія (1840); 3) Образование управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго (въ «Журн. мин. нар. проsv.» 1844 г.); 4) Списокъ Русскихъ городовъ (въ «Журн. мин. вн. дѣлъ» 1844 г.); 5) О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи (въ «Журн. мин. нар. проsv.» 1847 г.); 6) Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II (въ «Акты С. Петерб. унив.» на 1847 годъ); 7) О словѣ «Гира» у Константина Багрянороднаго (въ «Финск. вѣстн. 1847 г.); 8) О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола (въ «Журн. мин. нар. проsv.» 1851 г.); 9) О рядной записи XIII вѣка (въ «Записк. археол. общ.», т. III, 1851 г.); 10) Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ (1851 г.); 11) О митрополитѣ Іоаннѣ II (въ «Извѣст. академіи наукъ» 1853 г.); 12) О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ (въ «Зап. Императорскаго Русск. геогр. Общ.», кн. VIII, 1853 г.).

«Между теоріею и практикою (говоритъ Неволинъ въ своей рѣчи) существуетъ необходимый союзъ. Теорія есть та-же практика, взятая во всей ея обширности, сознанныя, выраженная въ ея внутреннемъ, чистѣйшемъ существѣ, приведенная въ единство, переведенная въ область общей мысли и понятія. Практика есть та-же теорія, но разсѣянная по множеству дѣлъ жизни, существующая безъ сознанія о себѣ самой, во внѣшности бытія и посреди всѣхъ его случайностей и дробностей. Обѣ онѣ представляютъ намъ одинъ и тотъ-же предметъ, но теорія — въ его единствѣ и сосредоточенности, практика — во множествѣ и раздробленности. При двухъ крайностяхъ истина заключается въ ихъ соединеніи». Въ этой рѣчи Неволинъ лишь въ общихъ чертахъ указываетъ на возможность примиренія враждующихъ началъ. До изданія «Энциклопедіи» Неволина не только не было у насъ руководства, которое-бы представляло полный обзоръ юриспруденціи и ея отдѣльныхъ частей, но вообще ощущался большой недостатокъ въ сочиненіяхъ по предмету теоріи права. Литература наша или тщательно обѣгала вопросы, касавшіеся теоріи, или рѣшала ихъ, сообразуясь съ учебниками, расплодившимися въ Германіи въ XVIII столѣтіи. Современное движеніе умовъ въ области

Германской философіи не отражалось на ученія Русскихъ юристовъ. Они занимались или переводами Нѣмецкихъ учебниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «*Naturrecht*», или сами писали «начертанія и начальныя основанія права естественнаго», въ которыхъ, впрочемъ, было весьма мало оригинальнаго. Юристы наши располагали свои сочиненія по системѣ разныхъ *знатныхъ Нѣмецкихъ законоискусниковъ*. Многіе изъ этихъ законоискусниковъ нерѣдко отличались неясностью опредѣленій, туманностію взглядовъ; пересаженные на Русскую почву, взгляды становились еще туманнѣе, опредѣленія еще менѣе ясны. Самый языкъ Русскихъ юристовъ, далеко неустановившійся, немало способствовалъ темнотѣ и туманности ихъ произведеній. Порою этотъ языкъ напоминаетъ собою депеши, писанныя Шафировымъ и другими дипломатами начала XVIII столѣтія. Въ сочиненіяхъ Русскихъ юристовъ преобладалъ методъ догматическій и философскій. Несостоятельность перваго сознавали многіе; философскія-же воззрѣнія нашихъ юристовъ шли не въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Иныя еще свято придерживались ученія Гроція, Вольфа и Пухфендорфа; другіе считали ученье новыхъ философовъ ересью; третьи знали о нихъ только по слухамъ. Читая произведеніе инаго Русскаго юриста, касающагося теоріи права, трудно порою даже добратъся, какихъ началъ придерживался авторъ, что служило ему исходною точкою зрѣнія на предметъ. Одно вообще характеризуетъ сочиненія нашихъ юристовъ XVIII и начала XIX-го столѣтія: это — отсутствіе въ нихъ историческаго элемента; о немъ и помину не было. Одинъ только Десницкій, первый *Русскій* преподаватель Московскаго университета, желалъ, чтобы законовѣдѣніе было преподаваемо «порядкомъ историческимъ, метафизическимъ и политическимъ, снося законы Россійскіе съ натуральнымъ о нихъ разсужденіемъ». Очень естественно, что, при такомъ положеніи правовѣдѣнія въ Россіи, у насъ не занимались обработкою энциклопедіи, науки еще новой въ самой Германіи. Предшественниками Неволіна въ обработываніи энциклопедіи законовѣдѣнія были Правиковъ, Сандуновъ, Дсгай и Цвѣтаевъ. Сочиненіе Правикова: «Юридическая грамматика» есть просто руководство къ изученію дѣлопроизводства и устава о службѣ гражданской, — руководство, впрочемъ, для своего времени весьма полезное, отчетливое и ясное. Произведенія Смирнова и Сандунова весьма-кратки, и имѣютъ, также какъ и «Юридическая грамматика», характеръ практиче-

скій. У перваго изъ нихъ есть кое-что, касающееся и теоріи; но это кое-что очень незначительно, отзывается рутинной и представляет мало существеннаго. Отъ Сандунова, бывшаго весьма замѣчательнымъ практикомъ, и нельзя было ожидать изложенія теоріи: онъ не любилъ «широковѣщательныхъ теорій и метафизики», называлъ часто теорію «фантасмагоріею»; самая метода его преподаванія не подвигала науки впередъ. Книга Цвѣтаева: «Начертаніе теоріи законовъ» рѣзко отличается отъ сочиненій Правикова, Сандунова и Смирнова. Въ ней видно довольно близкое знакомство съ теоріею права; но этотъ трудъ, дѣльный во многихъ отношеніяхъ, не могъ однако ни въ какомъ случаѣ назваться энциклопедіею. Онъ могъ только служить, какъ собраніе матеріаловъ для нея. Сочиненіе Дегаля: «Пособія и правила Россійскихъ законовъ» представляетъ намъ настоящую, хотя краткую энциклопедію и методологію Русскаго законовѣднія: авторъ имѣлъ въ виду облегчить изученіе Русскаго права. Allgemeine juristische Fundamentlehre и Juristische Propedeutik (перев. на Русскій языкъ въ 1843 г.) Штекгардта, хотя писаны въ Россіи и для Русскихъ, все-таки писаны по-Нѣмецки, а потому оставались недоступными для многихъ. Притомъ, начала права, изложенныя въ этихъ сочиненіяхъ, непримѣнены къ нашему законодательству. Въ тридцатыхъ годахъ въ нашемъ обществѣ, преимущественно, конечно, въ молодомъ поколѣніи, начало развиваться сильно сочувствіе къ новѣйшей Нѣмецкой философіи. Съ жадностью искали возможности проникнуть въ этотъ таинственный міръ. Въ Германіи философія Гегеля произвела рѣшительный переворотъ во всѣхъ сферахъ знанія; но нигдѣ вліяніе ея не было такъ сильно, какъ въ области юриспруденціи. Могло-ли-же молодое Русское поколѣніе, вполне сочувствовавшее новому направленію Германской мысли, читать съ интересомъ произведенія, наполненныя устарѣлыми, *безплодными*, отвлеченными умствованіями, произведенія, представлявшія лишь одно: «Philosophisches Declamiren», какъ говорятъ Нѣмцы. Поэтому книга Неволіна отвѣчала на необходимую потребность Русскихъ юристовъ, и мы нисколько не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что ею начинается новая эпоха литературы нашей юриспруденціи. Неволія воспользовался, конечно, богатыми матеріалами, которые представляли ему энциклопедіи Германіи, но зодческій подвигъ созданія принадлежитъ ему. Планъ его совершенно самостоятеленъ. Оригинальность плана,

соединенная съ богатствомъ содержанія, возбудила сочувствіе къ произведенію Неволіна и за границею. Во время изданія «Энциклопедіи законовѣдѣнія» въ самой Германіи, не смотря на множество сочиненій по этому предмету, не было ни одного труда, который-бы могъ соперничать съ твореніемъ Русскаго юриста и который-бы съ такою полнотою излагалъ послѣднюю философскую систему права. Во Франціи, въ 1840 г., Кузень, въ своемъ докладѣ комиссіи, учрежденной для усовершенствованія преподаванія юридическихъ наукъ, говорилъ, что давнымъ-давно всѣ здравомыслящіе люди жаждутъ появленія энциклопедіи права. А Французская юридическая литература откликнулась на эту потребность въ теченіе *семнадцати лѣтъ* однимъ трудомъ Эпшаха, далеко менѣе богатымъ по содержанію, нежели произведеніе нашего Русскаго юриста. Особенная часть «Энциклопедіи законовѣдѣнія» составляетъ вполнѣ капитальное приобрѣтеніе для нашей юридической литературы. Она сохраняетъ и сохранитъ еще надолго свое значеніе. Нѣкоторыя мысли, высказанныя Неволинымъ въ первой части «Энциклопедіи», не имѣютъ болѣе или менѣе прежней цѣны при современномъ развитіи науки. Но вторая часть важна особенно по стройному систематическому собранію историческихъ фактовъ, изложенныхъ ясно и отчетливо, неразрывно между собою связанныхъ единствомъ мысли, важна не только для юристовъ, но и для всякаго, кто интересуется философіею. Многочисленныя заглавія сочиненій, которыми пользовался Неволинъ, какъ источниками, выставлены имъ въ выносахъ книги не для приданія труда его вида разносторонней учености и знакомства съ литературою: читатель на каждой страницѣ можетъ найти доказательство, что дѣйствительно источники эти были ему близко знакомы, и что онъ изъ нихъ черпалъ необходимыя свѣдѣнія съ отчетливою вѣрностію. Чтобы понять все достоинство труда Неволіна, нужно только сравнить его съ любымъ курсомъ исторіи философій, изданнымъ и прежде и послѣ «Энциклопедіи». Главное достоинство сочиненія Неволіна «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго» — необыкновенная обстоятельность, точность въ изложеніи, искусная группировка фактовъ и полнота содержанія. Всѣ дотогѣ изданные матеріалы по предмету исторіи государственныхъ установленій были употреблены авторомъ въ дѣло. Неволинъ первый сдѣлалъ общее распредѣленіе приказовъ по ихъ предметамъ въ той степени, ко-

торую мы встрѣчаемъ въ тогдашнемъ означеніи обязанности каждаго изъ нихъ. Можно сказать смѣло, что въ этомъ трудѣ Неволлина фактическая сторона предмета исчерпана почти вся, настолько, конечно, насколько позволили это свидѣнія, находящіяся въ памятникахъ, изданныхъ въ его время. Не смотря однакожъ на указанныя нами достоинства, мы не можемъ не замѣтить одинъ недостатокъ, — недостатокъ болѣе полныхъ общихъ историко-философскихъ взглядовъ. Богатое фактами, разсужденіе Неволлина бѣдно этими взглядами, а между-тѣмъ всякій историческій трудъ требуетъ необходимо выполненія двухъ существенныхъ условій: съ одной стороны — отчетливаго критическаго изложенія фактической стороны, и съ другой — историко-философскаго взгляда. Обстоятельностью изложенія и полнотою отличается и второй историческій трудъ Неволлина — «Исслѣдованіе о городахъ Русскихъ». До изданія этой монографіи не только не существовало систематической исторіи происхожденія, развитія и устройства городовъ Русскихъ, но не было даже и покушенія собрать въ одинъ списокъ всѣ ихъ многочисленныя наименованія, находящіяся въ историческихъ преданіяхъ и памятникахъ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, *приурочивъ* къ соответствующимъ мѣстностямъ. Неволлинъ, сказавъ нѣсколько словъ вообще о происхожденіи городовъ на Руси и открывая ихъ существованіе во второй половинѣ IX вѣка, замѣчаетъ, что города эти въ наименованіяхъ своихъ представляютъ неоспоримое доказательство происхожденія Русскаго. Затѣмъ онъ подробно разсматриваетъ вліяніе на образованіе городовъ нашихъ гражданственности Азіатской, и здѣсь различаетъ двѣ стороны этой гражданственности: западную и восточную. Во второй статьѣ авторъ говоритъ о вліяніи гражданственности Европейской на Русскіе города. Проведя параллель между городомъ Азіи и Европы, онъ въ бѣглыхъ, но сильныхъ чертахъ представляетъ характеристику городовъ Греческихъ и Рима. Далѣе Неволлинъ разсматриваетъ состояніе городовъ во время имперіи, провозглашенной цезарями и соединившей въ себѣ Римъ и Грецію, затѣмъ дѣлаетъ краткій обзоръ городской жизни въ Германіи. Третья статья посвящена разсмотрѣнію городовъ происхожденія Германскаго. Здѣсь онъ чрезвычайно подробно излагаетъ развитіе городской жизни въ Германіи. Въ списокъ Русскихъ городовъ онъ не вноситъ ни временныхъ укрѣпленій, ни монастырей, ни тѣхъ укрѣпленій, которыя возникли подъ именемъ

«остроговъ» и «зимовьевъ», въ большомъ количествѣ въ Сибири и отчасти по эту сторону Урала, къ концу XVI и въ XVII вѣкѣ. Но въ спискѣ помѣщены такъ-называемыя посады. «Общій списокъ городовъ Русскихъ» расположенъ по алфавитному порядку, въ видѣ таблицы, раздѣленной на шесть графъ. Въ первыхъ пяти графахъ помѣщены историческія свѣдѣнія о каждомъ городѣ; въ послѣдней преимущественно географическія. Главное достоинство «Общаго списка городовъ Русскихъ» то, что онъ составленъ на основаніи всѣхъ изданныхъ памятниковъ отечественной исторіи. Общее изслѣдованіе о городахъ Русскихъ, составляющее какъ-бы введеніе къ списку, отличается достаточною полнотою и соотвѣтствуетъ цѣли труда. Можно было-бы только желать, чтобъ авторъ поподробнѣе изобразилъ развитіе городской жизни въ Россіи, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ, говоря о Германіи. Въ 1847 г. историческая дѣятельность Неволіна была особенно плодотворна. Онъ написалъ монографію: «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи», статью «О словѣ *ира* у Константина Багрянороднаго» и приготовилъ для акта С.-Петербургскаго университета рѣчь: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II». Неволинъ переводитъ слово «гира» объѣздомъ кругомъ, обходомъ (*circumlationes* у Дюканжа); напримѣръ объѣздъ провинціальнымъ начальникомъ городовъ своей провинціи. Законы Греко-Римскіе опредѣляли, въ какой мѣрѣ имѣлъ или не имѣлъ онъ право требовать для себя отъ жителей подводъ, продовольствія и вообще исправленія различныхъ повинностей. Съ этими путешествіями Греческихъ чиновниковъ Константину Багрянородному представлялся сходнымъ въѣздъ Русскихъ князей на зиму изъ Кіева въ городки подвластныхъ Славянъ. До Неволіна два писателя занимались вопросомъ объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи—Малиновскій и Ивановъ. Но ихъ произведенія, представляя много новыхъ любопытныхъ фактовъ по этому вопросу, не отличаются полнотою и точностію; многія стороны его оставлены были ими безъ изслѣдованія. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, Неволинъ дополнилъ ихъ своими собственными изслѣдованіями. Порядокъ производства межеванія, главныя начала, служившія ему основаніемъ, все это разсмотрѣно авторомъ чрезвычайно подробно. Одинъ только упрекъ можно сдѣлать ему, именно, что онъ не обратилъ достаточно вниманія на статистическую сторону

вопроса. По предмету нашего церковнаго права, до Неволлина писано было очень мало. Можно указать только на труды митрополита Евгения, на «Обозрѣніе Коричей книги» Розенкампа и на статью г. Калачова «Означеніи Коричей въ системѣ древняго Русскаго права» (Чтенія Им. общ. вст. и др. Рос., годъ 3, № 4). Между-тѣмъ въ древней Россіи вліяніе церкви было очень сильно. Право церковное, какъ наиболѣе опредѣленное, въ значительной степени содѣйствовало развитію законодательства вообще. Такимъ образомъ монографія Неволлина «О пространствѣ церковнаго суда до Петра Великаго», должна была имѣть весьма важное значеніе въ нашей историко-юридической литературѣ.

— «Суды, магистратура и адвокатура во Франціи». — Въ настоящее время, когда вопросъ о судопроизводствѣ содѣлался для насъ вопросомъ жизненнымъ, требующимъ наивозможно скорѣйшаго разрѣшенія, подобныя статьи, какъ настоящая, составляютъ истинное приобрѣтеніе для нашей юридической литературы. Историческое изображеніе судопроизводства просвѣщенныхъ Европейскихъ государствъ можетъ служить однимъ изъ руководящихъ началъ при разсужденіяхъ о существующихъ постановленіяхъ о порядкѣ суда въ нашемъ отечествѣ. «Есть общія черты, въ которыхъ разныя эпохи или разныя страны чувствуютъ близкое сродство, есть начала, которыя всѣ признаютъ истинными, которыя, слѣдовательно, дѣлаются общимъ достояніемъ». Въ настоящей статьѣ авторъ сперва обозначаетъ развитіе принципа объ единствѣ судебной власти во Франціи и бывшее положеніе ея юстиціи, потомъ изображаетъ современную судебную систему Франціи, указывая на тѣ причины, которыя дѣлаютъ Французскую магистратуру безупречною въ прошломъ и образцовою въ настоящемъ. «По дѣйствующимъ Французскимъ законамъ, оцѣнка правительственныхъ мѣръ, просьбы объ отступленіи отъ нихъ, сдѣлка съ поставщиками, опредѣленіе политическаго мѣстожительства гражданъ, разрѣшенія общинамъ вчинять дѣло, толкованіе административныхъ актовъ, пени за нарушеніе дорожнаго устава, предварительный судъ правительственныхъ агентовъ, *appel comme d'abus* составляютъ предметъ административной юрисдикціи, исключительную принадлежность администраціи въ лицѣ министровъ и государственнаго совѣта. Судъ, который позволить себѣ заняться однимъ изъ исчисленныхъ дѣлъ, перейдетъ за границы своихъ правъ, провинится въ превышеніи своей власти. Если и поступитъ

къ нему административный случай, то онъ долженъ объявить себя некомпетентнымъ; иначе префектъ пригласитъ его передать дѣло компетентнымъ властямъ, а въ случаѣ несогласія суда съ его мнѣніемъ объ административномъ характерѣ казуса, въ течение пятнадцати дней подниметъ конфликтъ (*conflit*), т. е. прямо объявитъ, что считаетъ процессъ административнымъ. Тутъ послѣдній по-необходимости идетъ въ государственный совѣтъ, который въ сорокадневный срокъ, обсудивъ вопросъ словеснымъ и гласнымъ производствомъ, или окончательно удерживаетъ его за собою, или возвращаетъ суду, найдя мнѣніе префекта неосновательнымъ. Замѣтимъ, что словесность и гласность узаконены для государственнаго совѣта, кромѣ дѣлъ о чиновникахъ и *appel comme d'abus*, рѣшаемыхъ въ чисто-административныхъ приемахъ. Лучшіе и зрѣлые умы въ самой Франціи неблагоприятно смотрятъ на такой объемъ административной юрисдикціи. Сами Французскіе юристы говорятъ, наприм., что вовсе не стать административному мѣсту, по поводу нарушеній дорожнаго устава, налагать вени въ пользу фиска; что и судъ съумѣлъ-бы здраво понять значеніе административнаго акта; что и онъ съумѣлъ-бы оцѣнить ложный извѣтъ на чиновника или прекратить оскорбленіе гражданъ на проповѣдяхъ. Однако нельзя не сознаться, что за Французскою исторіей все-таки останется необъятное поле, что духъ новаго судопроизводства пустилъ и здѣсь глубокіе корни и далъ прекрасные плоды, которые во многихъ отношеніяхъ равняются тому, что мы видимъ въ Англійскихъ судахъ: такъ естественно и такъ запечатлѣно общечеловѣческимъ характеромъ это судопроизводство, что, не смотря на враждебныя ему условія, которыми окружено оно во Франціи со всѣхъ сторонъ, особенно въ ея смутныя политическія эпохи, оно остается невредимо въ своихъ существенныхъ основахъ». Во Франціи, какъ и вездѣ, раздаяніе правосудія производятся учрежденіями гражданскаго и уголовнаго характера. Гражданскіе суды дѣлятся на обыкновенные (*justices ordinaires*) и особенные (*j. speciales*). Специальная юрисдикція — это посредники, мирные судьи, прюдомы, коммерческой судъ и *jury d'expropriation*; обыкновенные-же гражданскіе суды суть окружные суды и ихъ старшая инстанція — апелляціонные. Окружные суды (*tribunaux d'arrondissement ou de première instance*) размѣщены по округамъ подпрефектуръ, по одному въ главномъ городѣ cadaго округа. Исключеніе изъ этой системы распредѣленія составляетъ судъ,

находящійся въ Парижѣ, который дѣйствуетъ на весь Сенскій департаментъ, поэтому и называется не Парижскимъ, а Сенскимъ (tr. civil de la Seine). Какъ-бы то ни было, всѣхъ судовъ первой инстанціи во Франціи и Корсикѣ 361, да 6 въ Алжирѣ, т. е. среднимъ числомъ и собственно для Европейской территоріи, по одному на 144, 628 гекторовъ земли и на 99, 118 человекъ жителей. Во главѣ суда стоитъ президентъ, число судей находится въ немъ въ прямомъ отношеніи къ движенію дѣлъ: обыкновенно оно колеблется между тремя (minimum) и двѣнадцатью (maximum), а въ Сенскомъ судѣ простирается до 56 и можетъ быть доведено до 66. Каждый судъ раздѣленъ на палаты или департаменты (chambres), которые могутъ состоять менѣе чѣмъ изъ трехъ судей и болѣе чѣмъ изъ шести, такъ-что число ихъ зависитъ отъ величины персонала: въ Парижѣ восемь, въ другихъ мѣстахъ три, два, одинъ. Каждый департаментъ есть судъ для дѣлъ извѣстнаго рода. Что касается до предсѣдательства департаментовъ, то оно принадлежитъ вице-президентамъ, которыхъ обязанности тѣмъ отличаются отъ обязанностей президента, что состоятъ лишь въ управленіи судебными занятіями и въ полиціи засѣданій, тогда какъ президентъ имѣетъ, кромѣ-того, дисциплинарную власть, провизуарную юрисдикцію, безъ преній, въ дѣлахъ, нетерпящихъ отлагательства, и право утверждать подписи судебныхъ лицъ своего округа. Окружные суды разбираютъ всѣ возможные спорные случаи (inter polentes, sansâ cognita), не обращая вниманія на величину затронутой цѣнности и отступая лишь предъ немногими исключеніями въ пользу особенныхъ юрисдикцій. На ихъ разбирательства поступаетъ все, что есть искъ, тяжба, гражданскій случай; самое-же разбирательство производится въ весьма простыхъ формахъ. Получивъ жалобу или просьбу, судъ сообщаетъ ея содержаніе и сущность ея основаній тому, противъ кого она направлена. Послѣдній отвѣчаетъ въ узаконенный срокъ, не опровергая притязаній,—для этого впереди готовятся пренія,—но сообщая свое намѣреніе защищаться или вступить въ полюбовную сдѣлку. Послѣдуетъ-ли отвѣтъ со стороны отвѣтчика или нѣтъ, вызоветъ-ли онъ реплику истца или нѣтъ, при уклоненіи отъ сдѣлки на 15 день оповѣщенія дѣло идетъ къ производству и вмѣстѣ къ рѣшенію. Адвокатъ истца излагаетъ факты, выводитъ изъ нихъ права и требованія своего клиента; защитникъ отвѣтчика встрѣчаетъ

право равносильнымъ правомъ, комментируетъ, опровергаетъ факты; и тотъ и другой представляютъ документы. Запутанные, противорѣчащіе другъ другу документы подвергаются сличенію, разбору, оцѣнкѣ; отрицаніе одною изъ сторонъ своей подписи на частномъ актѣ вызываетъ повѣрку свидѣтелями или экспертами; фактъ съ рѣшительнымъ вліяніемъ на процессъ доказываются особымъ изслѣдованіемъ, которое начинается въ теченіе недѣли со дня постановленія объ этомъ, ведется въ присутствіи тяжущихся назначеннымъ для того судьей и не можетъ продолжаться болѣе 8 дней, если судъ, предвидя различныя затрудненія, не положитъ большаго срока. Потому новыя пренія даютъ смыслъ добытымъ такимъ образомъ элементамъ сужденія,—новыя пренія, ибо письмо, не говоря уже о медленности, есть весьма несовершенное изображеніе живаго явленія и ведетъ въ безднѣ важныхъ невыгодъ. Чтобы не впасть во вредную крайность, письмо удержано не только для точнаго обозначенія спорныхъ предметовъ, но и для самаго производствъ, когда запутанность дѣла не позволяетъ разобрать его по однимъ лишь преніямъ. Въ такомъ лишь случаѣ судъ поручаетъ одному изъ своихъ членовъ изучить процессъ и представить о немъ письменный рапортъ. Въ назначенный день докладчикъ вкратцѣ излагаетъ факты и основанія притязаній, не произнося о нихъ своего мнѣнія. Адвокаты не говорятъ послѣ него, но могутъ представить свои замѣчанія обо всемъ, что невѣрно понято или неполно изложено въ докладѣ. Изъ соображенія всего выходятъ рѣшеніе. Оно всегда мотивировано, т. е. содержитъ въ себѣ изложеніе причинъ, почему судъ считаетъ правою ту сторону, а не другую. Какъ ни малосложна такая процедура, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она бываетъ еще проще. Личныя иски, въ какую-бы то ни было сумму, подкрѣпленные безспорнымъ актомъ и не превышающіе 1000 фр.; иски о вознагражденіи; требованія платежа по найму, арендѣ и т. д. ведутся спѣшнымъ путемъ (*procédure sommaire*) и рѣшаются безъ всякихъ формальностей, по однимъ преніямъ. Понадобится изслѣдованіе факта—свидѣтелей выслушиваютъ тутъ-же, въ засѣданіи, и показанія ихъ вносятся въ протоколъ лишь тогда, когда дѣло можетъ подлежать апелляціи. Конечно, и обыкновенное и спѣшное производство гласно. Гласность судопроизводства такъ устроена во Франціи, чтобы тяжущіеся могли слѣдить за всѣми моментами дѣла, а об-

щество постоянно контролировать судей. Кроме-того, въ специальныхъ, да и во всѣхъ газетахъ печатаются отчеты о важнѣйшихъ дѣлахъ. Безапелляціонно вѣдаютъ окружные суды всѣ вообще дѣла до 1,500 фр., а до неопредѣленной суммы — такіа, въ которыхъ, какъ напримѣръ въ процессахъ относительно взиманія косвенныхъ налоговъ, особенно важно быстрое рѣшеніе несогласій. Разбирательство всѣхъ другихъ случаевъ и явленій гражданской жизни подлежитъ пересмотру высшей инстанціи—27 апелляціонныхъ судовъ (cours d'appel), размѣщенныхъ преимущественно по городамъ, гдѣ прежде находились парламенты и главные сенешальства, и представляющихъ по одной высшей юрисдикціи на 1,964,000 гектаровъ земли и 1,325,245 человекъ жителей. Устройство апелляціонныхъ судовъ такое-же, какъ и окружныхъ, — конечно съ тѣми особенностями, которыя вызываются ихъ значеніемъ. Раздѣленіе суда на департаменты, способъ ихъ составленія, обязанности президента и вице-президентовъ въ высшей инстанціи, тѣ-же, что и въ низшей; но число судей значительно больше: отъ 20 до 40—въ провинціи, въ Парижѣ—66; они зовутся иначе: судья — совѣтникомъ, предсѣдатель департамента — президентомъ, всего учрежденія — первымъ президентомъ; для составленія департамента требуется не менѣе семи членовъ; наконецъ пополняются послѣдніе членами другихъ апелляціонныхъ судовъ, а собственно адвокатами и avoués (судей-замѣстителей нѣтъ) лишь при невозможности этого,—что случается весьма рѣдко, ибо личный составъ вездѣ многочисленъ. Юрисдикція апелляціонныхъ судовъ простирается на всѣ дѣла; но, ограничиваясь вносимыми на пересмотръ дѣлами, они не компетентны для гражданского случая, не побывавшаго въ первой инстанціи. Исключеніе изъ этого правила существуетъ лишь для вопросовъ, связанныхъ съ поступившимъ по апелляціи дѣломъ, потому что для опредѣленія затрудненій о компетентности окружнаго суда, для постановленія по просьбамъ объ отводѣ судей. Еще въ одномъ случаѣ апелляціонный судъ отступаетъ отъ своего чисто-контрольнаго характера, именно, когда въ дѣлѣ, уже готовомъ къ окончательному рѣшенію, первая инстанція привходящимъ постановленіемъ (jugement interlocutoire) распоряжается о доѣржкѣ или изслѣдованіи могущемъ измѣнить ходъ процесса, и одна изъ сторонъ беретъ на апелляцію это постановленіе. Обыкновенно-же, апелляціонный

судь завѣдуетъ гражданскими отношеніями лишь въ апелляціонномъ порядкѣ. Производство идетъ въ немъ тѣмъ-же путемъ, что и въ судахъ первой инстанціи. Апелляція поступаетъ въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня произнесенія первоначальнаго сужденія и разбирается обыкновеннымъ порядкомъ, представляя своимъ производствомъ тѣ-же черты, какими отмѣчена вся Французская процедура: быстроту, гласность, словесность. Новѣйшее законодательство устроило возлѣ каждаго окружнаго суда бюро судебного вспомошествованія (*bureau de l'assistance judiciaire*), состоящее изъ двухъ элементовъ: трехъ настоящихъ или бывшихъ членовъ магистратуры или адвокатуры, и двухъ представителей казеннаго интереса. Сюда обращаются неимущіе съ просьбой избавить ихъ отъ судебныхъ пошлинъ въ предстоящемъ процессѣ. Но какъ ни гарантировано гражданское правосудіе для всѣхъ дѣлъ, лицъ и званій, какъ ни доступно для нищей братіи, законъ желалъ-бы, чтобъ было какъ можно меньше процессовъ, и съ этою цѣлью создалъ возможность помимо суда гасить возникающее несогласіе, установивъ посредничество (*libres arbitres*). Законъ приглашаетъ Французовъ во всякомъ искѣ, тяжбѣ, спорѣ не бросаться прямо къ судебному мѣсту, а для избѣжанія хлопотъ избрать себѣ посредниковъ изъ числа полноправныхъ гражданъ и, опредѣливъ особеннымъ актомъ (*compromis*) пространство предоставляемой имъ власти, подчиниться произнесенному имъ рѣшенію, которому постановленіе (*ordonnance*) президента окружнаго суда тотчасъ придаетъ силу настоящаго судебного рѣшенія. Ни истецъ, ни отвѣтчикъ ничего тутъ не теряютъ, ибо удовлетворившее ихъ рѣшеніе безъ всякихъ хлопотъ устроитъ дѣло къ общему удовольствію, а ошибочное не ляжетъ неправеднымъ гнетомъ; на него всегда открытъ путь апелляціи, развѣ сами спорящіе пригласили посредниковъ разобратъ ихъ полюбовно, какъ *amiables compositeurs*, т.е. не придерживаясь законодательной нормы. Еслибъ тяжущіеся и не захотѣли прибѣгнуть къ посредникамъ, дѣло все-таки не пойдетъ прямо въ судъ: одинъ изъ 2,849 разсыпанныхъ по всѣмъ кантонамъ Франціи мирныхъ судей (*jugés de paix*) призываетъ къ себѣ и попытается прекратить несогласіе, и не явившаяся сторона платитъ 10 франковъ пени за уклоненіе. Кромѣ привирительныхъ обязанностей, на мирныхъ судьяхъ лежатъ еще и чисто-судебныя. Ихъ юрисдикціи подлежатъ вообще всѣ дѣла не-

большой цѣнности (до 200 франк.); потому, независимо отъ цѣны, такіа дѣла, которыя требуютъ быстро, экономическаго суда, близкаго къ просителямъ или предмету спора: это спѣшныя дѣла, несогласія между путешественниками и домохозяевами; или требующія осмотра мѣстъ, знанія мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ, напримѣръ убытки, причиняемые хозяевамъ полей, плодовъ и посьвовъ, вопросы о владѣніи и т. д. И тѣ и другія рѣшаются мирными судьями не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, а въ случаѣ надобности—и ежедневно, не включая воскресенья и праздниковъ, у себя на дому, при открытыхъ дверяхъ, тотчасъ по выслушаніи споровъ, разсмотрѣніи актовъ и обзорѣ мѣстъ, не откладывая далѣе слѣдующаго засѣданія. Не явившійся можетъ въ-теченіе девяти дней изъявить свое несогласіе (opposition), не то рѣшеніе вступаетъ въ законную силу. Апелляція идетъ къ окружному суду и допускается для дѣлъ вообще, когда цѣнность ихъ превышаетъ сто франковъ, а для дѣлъ о владѣніи—всегда, какой-бы они не касались суммы. Торговая сфера представляетъ учрежденіе, похожее на мирныхъ судей; это—совѣтъ прюдомовъ (conseil des prud'hommes). Въ 68 значительныхъ торговыхъ городкахъ Франціи устраненіе и даже судъ небольшихъ затрудненій между фабрикантами и ремесленниками (ouvriers) предоставленъ выборными людьми изъ того и другаго сословія. Прюдомы разбираютъ, съ одной стороны, лишь специально-фабричныя вопросы, съ другой—спору хозяевъ съ рабочими, а не равныхъ съ равными. Это не обще-торговая юрисдикція, а обусловленный требованіями фабричной системы подручный судъ извѣстныхъ лицъ и отношеній. Всею-же вообще торговою сферою завѣдываютъ 9 коммерческихъ судовъ, распределенныхъ по главнымъ торговымъ городамъ Франціи, а гдѣ ихъ нѣтъ, т.-е. гдѣ промышленная дѣятельность не представляетъ особеннаго развитія, обыкновенные коммерческіе суды. Наконецъ послѣднія изъ ихъ специальныхъ юрисдикцій, это—jury d'expropriation, т.-е. присяжные по дѣламъ о вознагражденіи за дома, назначенные въ сломку правительственнымъ распоряженіемъ». Съ знаніемъ дѣла, полнотою и отчетливостью изложено авторомъ также и судоустройство уголовное; къ-сожалѣнію, предѣлы нашего обзорѣнія не позволяютъ намъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ отдѣломъ настоящей статьи, а потому мы здѣсь приведемъ только общее заключеніе автора о судоустройствѣ

во Франціи. «Въ мудро-организованной гражданской области простое недоразумѣніе не обращается въ ядовитую тяжбу; неизбежный споръ сразу находитъ своего разбирателя; спѣшное дѣло кончается на мѣстѣ; специальный вопросъ идетъ на толковое рѣшеніе. Занятый человѣкъ не убиваетъ времени на хожденіе; человѣкъ съ состояніемъ не проживается на проторы и волокиты; бѣднякъ не теряетъ послѣдней крохи изъ-за листа гербовой бумаги; ни тотъ, ни другой, ни третій не путаются въ придирчивыхъ формахъ, не бѣгаютъ за своимъ правомъ въ тридцатое апелляціонное царство, не страиваются безъ надобности взадъ и впередъ между инстанціей, не сѣдѣютъ, выжидая окончательнаго рѣшенія, а въ случаѣ нужды и на него имѣютъ управу. Въ уголовной сферѣ личная свобода не лишается по чьему-нибудь произволу Божьяго свѣта; человѣческое достоинство не трещитъ отъ оскорбленій; невинность не наказывается слѣдственнымъ наказаніемъ; проступокъ не казнится полицейскою казнью; сила не укрываетъ преступленія; судъ не запутывается суровостью приемовъ, къ осужденію приводитъ не чрезвычайный путь а не рутинное предубѣжденіе, а нормальный приговоръ и спокойное безстрастіе присяжныхъ. Веадъ истолкованіе законовъ даетъ всякому малѣйшему обстоятельству надлежащій характеръ; словесность производства, исключая тарбарщину и быстро двигая дѣло къ концу, непосредственнымъ, живымъ общеніемъ подсудимыхъ и судей способствуетъ разъясненію его; гласность гонитъ прочь неправду, внушаетъ довѣріе къ правосудію и даетъ ему популярность. Въ результатахъ получается то, что въ гражданскомъ порядкѣ отыскивать свое право не значитъ обречь себя на дорогія, нескончаемыя и ни къ чему не ведущія муки; уголовное судопроизводство никого не тревожитъ и покрывая все общество щитомъ, внушаетъ послѣднему ветошнику чувство полнѣйшей безопасности. Вообще судъ является дѣйствительнымъ возстановленіемъ правъ, разумнымъ приложеніемъ законовъ, правдивымъ воздаяніемъ за погрѣшность. И суда не боятся: его уважаютъ, ему вѣрятъ, изъ-за его достоинствъ забываютъ иные недостатки государственнаго устройства».

— «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права». — Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ помѣщена замѣчательная статья, въ которой авторъ представилъ въ общей связи, въ историческомъ порядкѣ, постановленія о крѣпостномъ правѣ, указать на внутренній

ихъ смыслъ и объяснять ихъ значеніе. При настоящемъ состояніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, — вопроса, который содѣлался для насъ вопросомъ жизненнымъ, настоящая статья составляетъ истинное приобретеніе для нашей литературы: въ ней, между прочимъ, доказывается, что утвержденію крѣпостнаго права въ нашемъ отечествѣ особенно содѣйствовало принятіе высшими классами нашего общества (со-времени реформы Петра) высшихъ формъ и высшихъ потребностей Европейской цивилизаціи. «Принявъ, говоритъ авторъ, вмѣстѣ съ блестящею внѣшностью Европейской цивилизаціи, и ея историческіе предрасудки, высшіе классы Русскаго общества незамѣтно стали относиться къ низшимъ классамъ съ феодальной точки зрѣнія западныхъ народовъ. Опредѣлилось въ понятіи строгое, формальное различіе сословій, отличіе бѣлой кости отъ черной, котораго не сознавало въ этой формѣ Русское общество».

— «Нѣсколько мыслей о судопроизводствѣ». — Изъ всѣхъ статей, писанныхъ о необходимости установленія публичнаго суда для нашего отечества, настоящая статья едва-ли не самая замѣчательная: въ ней авторъ, изложивъ самымъ популярнымъ образомъ понятіе о производствѣ и указавъ на историческое его развитіе, доказываетъ *положительно* настоятельную необходимость гласнаго и публичнаго судопроизводства для каждаго образованнаго государства. «Приспѣло-ли время, говоритъ онъ между прочимъ, къ преобразованію судебной части въ данномъ обществѣ, весьма легко узнать тому правительству, которое желаетъ сообразовать свои дѣйствія съ истинными потребностями общества, а не съ узкими воззрѣніями нѣкоторыхъ отсталыхъ себялюбцевъ, лѣнливыхъ послѣдователей рутины. Если всеобщій голосъ страны порицаетъ канцелярскую тайну въ судахъ, медленность судебнаго производства, волокиты и лихоимство канцелярій судебныхъ мѣстъ, жалуется на произволъ судей и на напрасную трату времени при хожденіи по дѣламъ; если въ народномъ сознаніи правый судъ пересталъ быть достояніемъ каждаго, на что въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ каждый имѣетъ право: то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что приспѣло время искать ту современную форму, въ которое коренное начало суда должно облечься, чтобы народъ могъ находить скорую правду

и твердый отпоръ отъ притѣсненія и насилія. Специально-образованные и независимые судьи, представители тяжущихся или адвокаты, обезпеченіе тяжущихся въ правильности судопроизводства посредствомъ гласности — вотъ три коренныя, общія, необходимыя условія судебного дѣла, безъ которыхъ оно нигдѣ, ни въ какомъ, какъ-бы то ни было устроенномъ государствѣ, не можетъ удовлетворять одной изъ первыхъ народныхъ потребностей: «правильной и скорой расправѣ».

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

I.

Н О В О С Т И

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

НОВЫЕ РАЗНИКИ ИЗОМРГІЙ. — Сочиненіе *Либеркина* о размноженіи инфузорій, представленное въ Парижскую академію наукъ и удостоенное въ этомъ году половинной большой преміи по физическимъ наукамъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторые факты, чрезвычайно замѣчательные потому, что они указываютъ на существованіе полового размноженія у инфузорій (1).

Либеркинъ представилъ на рисунокѣ родъ ишпочка, происходящаго изъ превращеннаго ядра одного изъ видовъ *Парамеціи* (*P. aequalis*); этотъ ишпечикъ, вмѣсто того, чтобы содержать зародышъ, наполненъ частицами, подобными нѣкоторымъ живчикамъ. Наблюденіе это сдѣлано первоначально, по словамъ автора, покойнымъ профессоромъ *Иоганномъ Мюллеромъ*; оно осталось, впрочемъ, совершенно отрывочнымъ.

Но за то совершенно ясны и подробны тѣ наблюденія, которыя *Либеркинъ* сдѣлалъ въ этомъ отношеніи надъ бадягами. Здѣсь онъ явно доказалъ существованіе живчиковъ (*spermatozoa*)

(1) *Comptes Rendus*, 1858, 8 Fevrier.

и нашелъ *настоящія яички*, ускользнувшія отъ внимательныхъ изысканій Лорана. Яички эти вполне характеризуются присутствіемъ Вагнерова пятна, зародышнаго пузырька и сильно-преломляющихъ свѣтъ зернышекъ, составляющихъ желтокъ (2). Самаго оплодотворенія Либеркинъ, впрочемъ, не наблюдалъ.

Половое размноженіе инфузорій, на которое указываютъ предъидущіе факты, подтверждается новыми наблюденіями *Бальбіани* (3). Приведемъ здѣсь его любопытную замѣтку.

«Открытіе размноженія инфузорій помощію зародышей или внутреннихъ зачатковъ, доказанное уже въ-отношеніи ко многимъ различнымъ группамъ инфузорій, было весьма важнымъ успѣхомъ въ исторіи этихъ животныхъ. Оно показало, что рядомъ съ двумя способами совершенно безполага размноженія, именно вмѣстѣ съ произвольнымъ дѣленіемъ и произведеніемъ почекъ, существуетъ еще третій способъ, который сходенъ съ воспроизведеніемъ высшихъ половыхъ видовъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что дѣтеныши образуются здѣсь если не въ особой полости, то все-таки внутри взрослага животнаго. Никто однакожь до-сихъ-поръ не замѣчалъ, чтобы образованіе зародышей сопровождалось нѣкоторыми обстоятельствами, несомнѣнно характеризующими рожденіе при дѣйствіи двухъ отдѣльныхъ половыхъ приборовъ. Штейнъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на значеніе ядра въ размноженіи; но онъ думалъ, что зародыши развиваются на его поверхности въ видѣ почекъ, и слѣдовательно вовсе не такъ, какъ зародыши, выходящіе изъ оплодотворенныхъ яичекъ.

«Собственныя мои наблюденія привели меня къ другому взгляду на происхожденіе этихъ тѣлъ, и я надѣюсь показать, что образованіе ихъ совершенно подобно половому рожденію. Наблюденія мои относятся уже къ шести или семи видамъ изъ различныхъ группъ; но я ограничусь здѣсь изложеніемъ явленій, представляемыхъ *Парамеціемъ зеленою* (*Paramecium bursaria Focke*, *Loxodes bursaria Ehrh.*), такъ-какъ въ этомъ видѣ я всего болше прослѣдилъ весь процессъ.

«Какъ и у всѣхъ почти инфузорій, у этого вида есть ядро, но сверхъ того здѣсь встрѣчается маленькое, чечевицеобразное тѣло, обыкновенно расположенное въ углубленіи ядра и не совсѣмъ удачно называемое *ядрышкомъ*.

(2) Журн. м. в. пр. 1867. Сентябрь.

(3) Comptes Rendus, 1868, 29 Mars.

«Въ теченіе многихъ поколѣній, Парамедіи размножаются произвольнымъ дѣленіемъ, такъ-что каждое изъ двухъ новыхъ недѣлимыхъ получаетъ половину ядра. Но, подѣ влияніемъ еще неизвѣстныхъ условій, видъ размножается также совершенно другимъ способомъ, при явленіяхъ гораздо болѣе сложныхъ, чѣмъ самораздѣленіе. Мы увидимъ, что при этомъ обнаруживается дѣйствительное анатомическое значеніе ядра и ядрышка, до-сихъ-поръ совершенно неизвѣстное.

«Когда наступаетъ эпоха полового размноженія Парамедій, эти животныя собираются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сосуда, на днѣ его или на стѣнкахъ. Совокупленію всегда предшествуютъ любопытныя отношенія, на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Скоро животныя являютъ совокупленными попарно, прильнувшими бокомъ другъ къ другу, такъ-что одинаковые концы обращены въ одну сторону и рты тѣсно прижаты одинъ къ другому. Въ такомъ положеніи оба недѣлимые продолжаютъ быстро двигаться въ жидкости, постоянно обращаясь около своей оси. Такое состояніе продолжается пять или шесть дней и въ это время ядро и ядрышко превращаются въ половые приборы».

«Ядрышко подвергается значительному увеличенію и превращается въ мѣшочекъ овальной формы, на поверхности котораго являются продольныя и параллельныя линіи или черточки. Почти всегда оно вслѣдъ за тѣмъ дѣлится по направленію своей большой оси на двѣ, или на четыре части, которыя продолжаютъ расти независимо одинъ отъ другихъ и весьма неправильно, и составляютъ вторичныя мѣшечки. Когда они только-что еще раздѣлились, они состоятъ изъ чрезвычайно тонкой перепонки, заключающей въ себѣ пучекъ небольшихъ кривыхъ палочекъ, идущихъ отъ одного конца мѣшка къ другому, болѣе толстыхъ по срединѣ и тонкихъ по концамъ. Просвѣчивая сквозь оболочку, они-то и даютъ мѣшочку полосатый видъ, который свойственъ ядрышку почти во всея другія эпохи жизни инфузоріи. Кроме-того, мѣшечикъ заключаетъ въ себѣ совершенно безцвѣтную и однородную жидкость. Что происходитъ между тѣмъ съ ядромъ? Оно также измѣняетъ видъ и форму; оно округляется, расширяется; его вещество, сдѣлавшись мягче, теряетъ свое преломленіе и по краямъ являются выемки, врывающіяся въ массу все глубже и глубже и наконецъ отдѣляющія отъ нея одну или нѣсколько частей. Въ этихъ частяхъ, при достаточномъ увеличеніи, можно видѣть нѣсколько небольшихъ

прозрачныхъ шаровъ съ темною центральною точкою. Въ другихъ случаяхъ почти все ядро представляетъ такой видъ; оно наполнено этими округленными тѣлами, представляющими несомнѣнную аналогію съ яичками. Такъ-какъ развитіе ядра и ядрышка совершенно одинаково въ обоихъ соединенныхъ недѣлимыхъ: то, принимая ядро за яичникъ, а ядрышко за сѣменную желѣзу, мы видимъ, что не только каждое недѣлимое имѣетъ принадлежности обоюго пола, но что они оплодотворяютъ другъ друга и служатъ другъ для друга въ одно и то-же время самою и самою. Что-же касается до самаго оплодотворенія, то всѣ обстоятельства указываютъ на то, что соединенныя недѣлимыя мѣняются нѣсколькими сѣменными мѣшечками, переходящими изъ одного тѣла въ другое черезъ отверстія рта. Хотя я не видалъ самаго перехода, но замѣчалъ иногда мѣшечекъ въ самомъ отверстіи рта, уже готовый перейти въ другую инфузорию».

«Сколько мѣшечковъ переходитъ при одномъ совокупленіи, неизвѣстно; какъ-бы то ни было, перешедшій мѣшечикъ продолжаетъ расти въ тѣлѣ животнаго, которое его приняло. Никогда не случается, по крайней мѣрѣ, чтобы мѣшечки достигали полной зрѣлости во время самаго совокупленія; притомъ послѣ совокупленія растутъ всегда только одинъ мѣшечикъ. Онъ достигаетъ часто болѣе значительнаго объема, чѣмъ самое ядро. Если выжать его изъ тѣла животнаго, то онъ представляетъ большое яйцевидное тѣло, со множествомъ параллельныхъ полосокъ на поверхности. Если раздавить его, то ясно видно, что онъ состоитъ изъ тонкой оболочки и наполненъ безчисленнымъ множествомъ веретенообразныхъ тѣлъ, концы которыхъ по своей тонинѣ ускользаютъ изъ виду. Какъ-скоро эти тѣла освободились, они тотчасъ обнаруживаютъ движеніе колебанія и перемѣщенія и разсѣваются по жидкости. Это живчики *P. bursaria*. Иодъ, алкоголь, уксусная кислота тотчасъ-же уничтожаютъ ихъ движеніе; въ уксусной кислотѣ, даже сгущенной, они не растворяются, между-тѣмъ-какъ она быстро распускаетъ всѣ другія части тѣла, кромѣ зеленыхъ крупинокъ».

«Обыкновенно шесть или семь дней спустя послѣ совокупленія появляются первые зародыши въ видѣ маленькихъ кругловатыхъ тѣлъ, состоящихъ изъ оболочки, которую ясно обнаруживаетъ уксусная кислота, и изъ содержимаго вещества, сѣраго, блѣднаго, однороднаго или едва замѣтно зернистаго, гдѣ не видно еще ни

ядра, ни сократительнаго пузырька. Только вполсгдствіи появляются эти органы. Наблюденія Штейна и Ф. Кона показали, какъ эти зародыши оставляютъ тѣло матери въ видѣ ацинетъ, снабженныхъ булавчатыми щупальцами, настоящими присосками, помощію которыхъ они нѣсколько времени еще держатся на матери и питаются ея тѣломъ; но эти наблюдатели не успѣли прослѣдить дальнѣйшую судьбу дѣтенышей. Я имѣлъ возможность слѣдить за ними довольно долго послѣ ихъ отдѣленія отъ матерняго тѣла и убѣдился, что они теряютъ свои присоски, потомъ окружаются дрожательными волосками и получаютъ ротъ, появляющійся сперва въ видѣ продольной бороздки; наконецъ, не подвергаясь никакимъ болѣе важнымъ превращеніямъ, они получаютъ окончательно форму своей матери и наполняются зелеными крупинками, служащими признакомъ этого вида».

ПЧЕЛИНЫЯ ЯЧЕЙКИ. — Лордъ Броугамъ (Brougham) представилъ Парижской академіи *математическія и опытыя изслѣдованія пчелиныхъ ячеекъ* (4). По его мнѣнію, какъ геометры, такъ и естествоиспытатели впали въ большія ошибки относительно пчелиныхъ ячеекъ и чрезвычайно важно, какъ для самаго предмета, такъ и для заключеній, выводимыхъ относительно инстинкта, указать на эти ошибки, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ значительно дополнятся и самыя познанія наши.

Гипотезы, по которымъ шестигранныя призмы и трегранныя пирамидальныя крышки ячеекъ образуются вслѣдствіе давленія, а не отъ искусства насѣкомаго, не заслуживаютъ и опроверженія. Бюффонъ, напримѣръ, былъ обманутъ оптическою иллюзіею, которая внушила ему мысль, что шестигранники также происходятъ отъ давленія, какъ въ мыльной пѣнѣ; тогда-какъ въ сотахъ не существуетъ никакого давленія, а въ мыльной пѣнѣ нѣтъ никакихъ шестигранниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Вернеровское Эдимбургское общество обнародовало открытіе, сдѣланное довольно значительнымъ физиологомъ, докторомъ Берклеемъ (Bergslau), который старался показать, что каждая ячейка имѣетъ двойныя стѣнки, какъ въ призматической части, такъ и въ своемъ пирамидальномъ основаніи или днѣ,—такъ-что каждая ячейка представляетъ самостоительно цѣлое и можетъ быть цѣликомъ отдѣ-

(4) Comptes Rendus 81 Mai. 1858.

лена отъ другихъ, съ которыми она соединяется особеннымъ клейкимъ веществомъ. Все это есть чистая ошибка; Берклею принялъ за восковую ячейку пленчатую выстилку, которая встрѣчается въ ячейкахъ, служившихъ жилищемъ червяка и куколки. Опыты, сдѣланные съ дѣвственнымъ сотомъ, только-что построеннымъ и съ другимъ старымъ показали, что новый сотъ не представляетъ двойныхъ стѣнокъ, тогда-какъ старый представляетъ столько-же ячеекъ, сколько поколѣній было въ немъ выведено; находили до десяти и до двѣнадцати такихъ пленокъ, одичаковой формы, но чѣмъ дальше внутрь, тѣмъ уже. Пленка такого рода состоитъ изъ очень тонкаго полупрозрачнаго шелка. Углы заплѣнены краснымъ веществомъ (уза, *uropolis*), собираемымъ съ деревьевъ, въ-особенности съ тополя; имъ-же заплѣнены края отверстія ячейки. Такія пленки совершенно нерастворимы, даже въ кипящемъ терпентинѣ, который тотчасъ распускаетъ всѣ другія восковыя ячейки.

Способъ производства этихъ пленокъ заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ сколько обращали на него до-сихъ-поръ. Нельзя предполагать, что личинка сперва производитъ эту ткань въ опредѣленныхъ размѣрахъ, а потомъ накладываетъ ее на стѣнки, не образуя ни одной складки, или неровности. Всего вѣроятнѣе, что пленка происходитъ изъ клейкаго вещества, выпускаемаго червемъ на стѣнки ячейки, хотя и тутъ трудно объяснить эту операцію, такъ-какъ незамѣтно никакого слѣда слиянія отдѣльных частей и постепеннаго ихъ наращанія.

Есть нѣкоторыя особенности въ ячейкѣ матки, преимущественно въ-отношеніи къ пленкѣ. Во-первыхъ, въ такихъ ячейкахъ никогда не бываетъ больше одной пленки, и потомъ она иногда бываетъ заключена между двумя слоями воска, чего никогда не бываетъ въ обыкновенныхъ ячейкахъ. Точно также уза ровнѣе распределена въ царской ячейкѣ, такъ-какъ въ ней нѣтъ угловъ.

Лордъ Броугамъ изслѣдовалъ также ячейку осы; оказалось, что предположеніе двойныхъ стѣнокъ здѣсь также лишено основанія, какъ и въ пчелиныхъ ячейкахъ. Пленка, выстилающая осинныя ячейки, имѣетъ бѣлый цвѣтъ и похожа на тонкую бумагу. Весьма замѣчательно, хотя до-сихъ-поръ это не было замѣчено, что на этой бумагѣ чернила не растекаются, какъ будто она проклееная. Оса менѣе экономка въ матеріалахъ, чѣмъ пчела, потому-что гораздо легче ей найти свои матеріалы, чѣмъ пчелѣ выработать воскъ. Впрочемъ, бѣлая пленка или бумага не есть механи-

ческая сѣсь кусочковъ дерева, какъ вещество стѣнокъ; она есть выдѣленіе животнаго.

Вѣроятно, пленка имѣетъ различныя свойства, смотря потому новая-ли она или старая. На-самомъ-дѣлѣ каждый червякъ строитъ себѣ новую пленку и не пользуется старой.

Въ этомъ замѣчаются замѣчанія автора, относящіяся къ натуралистамъ; дагѣ онъ обращается къ математикамъ и рассказываетъ при этомъ исторію ихъ изслѣдованій.

Когда Реомюръ въ 1712 предложилъ Кенигу вопросъ о такой формѣ трехъ ромбовъ, закрывающихъ шестигранную призму, при которой-бы наименьшая поверхность заключала наибольшій объемъ: то рѣшеніе, которое нашелъ Кенигъ, оказалось не вполне согласнымъ съ измѣреніями Маральди, по поводу которыхъ и было предложено Кенигу найти математическое рѣшеніе. Именно Кенигъ нашелъ, что тупой уголъ ромбоэдра долженъ быть 109° , $26'$, тогда-какъ Маральди измѣрилъ на пчелиныхъ ячейкахъ 109° , $28'$. Впрочемъ, и такому согласію справедливо удивлялся Реомюръ (5), и считалъ заслугою анализа бесконечно-малыхъ открытіе такого совершенства въ устройствѣ сотовъ.

Что-же касается до разницы въ наблюденіи и вычисленіи, то вообще полагали, что пчелы дѣйствуютъ только приблизительно, а что математическое рѣшеніе, котораго можно достигнуть только дифференціальнымъ исчисленіемъ, совершенно вѣрно.

Въ 1743 г. однакожъ знаменитый Маклоренъ доказалъ по способу древнихъ геометровъ и именно для того, чтобы выказать средства этого способа, что углы, наблюденные Маральди совершенно соотвѣтствуютъ точному рѣшенію и что не пчелы ошибаются, а ошибся Кенигъ, который, вѣроятно, употреблялъ недостаточно точныя логарифмы.

Лордъ Броугамъ предлагаетъ рѣшить задачу помощію вычисленія не угловъ, а длины линий, и доказываетъ какъ вычисленіемъ, такъ и помощію обыкновенной геометріи, что наименьшая поверхность получится, когда перпендикуляръ, опущенный изъ угла на противоположную сторону (т. е. ширина ромба) равняется сторонѣ шестиугольника, служащаго основаніемъ пирамидѣ.

Кастильонъ и Люлье (Castillon et Lhuillier) въ мемуарахъ Берлинской академіи (1781) старались доказать, что экономія въ ма-

(5) Mémoires pour servir à l'histoire des insectes. T. V, p. 390.

теріалъ не есть цѣль трудовъ пчелы; на самогъ дѣлѣ они нашли другіе размѣры ячейки, при которыхъ такая экономія была-бы вполне достигнута. По ихъ рѣшенію, ширина ячейки должна быть въ $2\frac{1}{2}$ или въ 3 раза превосходить ея глубину; но они сами сознаются, что такія ячейки не годились-бы для пчелъ, и, безъ сомнѣнія, онѣ были-бы неудобны ни для воспитанія личинокъ, ни для храненія меда. Все-таки, такъ-какъ здѣсь одна выгода жертвуется другой, то они думаютъ, что экономія не входитъ вовсе въ расчетъ. Очевидно, такое разсужденіе весьма не послѣдовательно; но кромѣ-того и самое рѣшеніе ихъ, какъ показываетъ лордъ Броугамъ, невѣрно, потому-что они не приняли въ расчетъ шестиугольной пластинки, закрывающей отверстіе ячейки и на которую, разумѣется, тѣмъ больше пойдетъ матеріала, чѣмъ шире ячейка. Такими и подобными вычисленіями и соображеніями лордъ Браугамъ доходитъ до заключенія, что если и возможны нѣкоторые болѣе выгодные размѣры, то, соображая цѣли насѣкомаго его устройство мы находимъ самымъ выгоднымъ, — такъ-что во всѣхъ отношеніяхъ инстинктъ наилучше удовлетворяетъ требованіямъ животнаго.

По мнѣнію автора, строеніе сотовъ есть верхъ совершенства между всѣми явленіями инстинкта, и потому нельзя сомнѣваться въ важности всего того, что доказываетъ, что пчела рѣшила свою задачу совершенно точно. Нельзя предполагать, заключаетъ авторъ, что, какъ думалъ Декартъ, животныя суть машины. Напротивъ, гораздо основательнѣе кажется предположеніе, или скорѣе ученіе Ньютона, именно, что то, что мы называемъ *инстинктомъ*, есть непрерывное дѣйствіе Божіе и что разсмотрѣніе этихъ явленій, если не служатъ ко славѣ Божіей, то по-крайней-мѣрѣ есть исполненіе нашей обязанности—объяснить и истолковать творенія и намѣренія Божіи.

Въ послѣднихъ словахъ лорда такъ и слышится Англичанинъ съ средневѣковымъ настроеніемъ ума, все еще замѣняющій понятія, идеи, или назовите какъ угодно, грубыми, почти вещественными представленіями. Богъ, говоритъ онъ, непосредственно производитъ явленія инстинкта; какое грубое представленіе о Богѣ, какая смѣлость рѣшать, гдѣ и какъ Богъ дѣйствуетъ! Не съ тѣмъ-ли-же правомъ мы можемъ сказать, что Богъ дѣйствуетъ вездѣ, во всѣхъ явленіяхъ? Къ чему-же ссылаться на непрерывное дѣйствіе Божіе именно только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наши объясне-

нія остаются. Въ ячейкахъ пчелъ нечего искать особенной премудрости и славы Божіей; не удивительнѣе-ли несравненно сама пчела, которая строятъ ячейку?

Если разсматривать природу съ этой точки вѣрнія, то очевидно весь міръ, каждое, самое простое явленіе повѣдаетъ намъ славу Божію; и весь міръ есть одна великая тайна, одно безконечное чудо.

искусственное образованіе зеолитовъ (6). — Изученіе мѣсторожденій минераловъ изъ семейства зеолитовъ привело къ мысли, что эти водныя кремнеземокислыя соли произошли воднымъ путемъ. Но, не смотря на остроумные опыты, сдѣланные Вёлеромъ и Бунзенемъ, до-сихъ-поръ еще не удалось произвести зеолиты искусственно.

Мемуаръ, который представилъ Парижской академіи г. Добрё (Daubrée), содержитъ описаніе искусственнаго образованія зеолитовъ и опредѣляетъ условія, при которыхъ эти минералы происходятъ. вмѣстѣ съ этимъ авторъ представилъ и самыя образчики искусственныхъ минераловъ.

Опыты его и наблюденія были произведены по слѣдующему случаю.

Чтобы увеличить объемъ горячихъ водъ въ Пломбьерѣ, строится глубокой водопроводъ, который будетъ принимать воду гораздо ниже уровня, на которомъ ее прежде брали. Для этого нужно было просѣчь слой бута, который еще Римляне положили въ глубинѣ долины, близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинаются ключи. Буть состоитъ изъ кусковъ кирпича и пестраго песчаника, смѣшанныхъ съ известью.

Подъ вліяніемъ минеральной воды, непрерывно притекающей и нагрѣтой до 50 или 60 градусовъ, известь и даже самыя кирпичи были отчасти преобразованы и новыя соединенія кристаллизовались повсюду, гдѣ были полости. Между продуктами такого видоизмѣненія всего чаще встрѣчаются кремнеземокислыя соли изъ семейства зеолитовъ, въ-особенности, *апофиллитъ* и *хабазитъ*.

И то и другое тѣло представляетъ ясныя, прозрачныя и легко опредѣляемыя кристаллы; во всей совокупности своихъ физиче-

(6) Comptes Rendus, 1858 г. 7 Juin.

скихъ и химическихъ свойствъ они тождественны съ минералами, называемыми этими именами.

Образовались еще другіе виды zeolitовъ; но они еще не опредѣлены съ совершенною точностію, потому-что невозможно было отдѣлить ихъ въ чистомъ видѣ въ значительномъ количествѣ. Хорошо думать, что между ними есть *сколецитъ*, *гармотомъ* и *эксимондинъ*. Образуется также водная углекислая магнезія въ видѣ пластинокъ ромбической формы и съ двумя оптическими осями; вѣроятно, она составляетъ особый видъ.

Кромѣ-того въ позостяхъ постройки встрѣчается *палитъ* и другія разновидности сосцевиднаго опала; *арагонитъ*, въ кристаллахъ похожихъ на кристаллы Фрамонскихъ мѣсторожденій желѣза; *магнетитовый шпатъ*, который сопровождаетъ хабазитъ; *ялапикосый шпатъ* въ очень маленькихъ кристаллахъ, съ фиолетовымъ отблѣскомъ, столь обыкновеннымъ въ его кристаллахъ.

Въ углубленіяхъ, близкихъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ быть подвергается прямому потоку воды, осаждается студенистое вещество, которое на открытомъ воздухѣ твердѣетъ, становится непрозрачнымъ и снѣжно-бѣлымъ. Вещество это есть водная кремнеземокислая известь, которой формула очень простая— $CaO SiO_2 + 2HO$. Изъ формулы видно, что этотъ минералъ отличается отъ оженита и вѣроятно составляетъ новый видъ, который г. Добре предлагаетъ назвать *пломберитомъ*.

И такъ, вмѣсто болѣе или менѣе основательныхъ предположеній, мы имѣемъ теперь такъ сказать опытное доказательство образованія большаго числа zeolitовъ, при совершенно опредѣленныхъ обстоятельствахъ.

Несмотря на необыкновенную свою твердость, Римская постройка проникается горячими водами, въ-особенности черезъ безчисленные пузыри всевозможныхъ размѣровъ, образовавшіеся въ кирпичахъ при ихъ обжиганіи. Вода не только всасывается, но и просачивается черезъ слой бута. Это *теченіе* очень медленное, но постоянное, позволяетъ весьма слабымъ дѣйствіямъ накопляться въ продолженіе большаго промежутка времени. Такого рода условій не доставало большей части опытовъ, при которыхъ стремились подражать природѣ, тогда-какъ важность этихъ условій въ приложеніи къ различнымъ геологическимъ явленіямъ понятна сама собою.

Горячія воды, посредствомъ кремнекислой щелочи, которую

они заключаютъ, дѣйствуютъ на часть толщи, проникаемой ими, и производятъ, между прочимъ, зоолиты въ большомъ изобиліи.

Для образованія этихъ силикатовъ нѣтъ нужды въ такой высокой температурѣ, какъ предполагали. Зоолиты появляются и кристаллизуются при температурѣ ниже 50°, при томъ при обыкновенномъ давленіи атмосферы и на самой поверхности земли.

Хабазитъ всегда бываетъ заключенъ въ кирпичкахъ, между тѣмъ-какъ апофилитъ Дobre постоянно находилъ только въ извести. Различное мѣстонахожденіе этихъ двухъ минераловъ, совершенно согласное съ ихъ составомъ, показываетъ, что составныя части ихъ не были воѣ принесены водою, но отчасти были доставлены я твердыми толщами, проникнутыми водою. И такъ тотъ-же самый растворъ, дѣйствуя на массы различнаго состава, въ каждой изъ нихъ развиваетъ особенныя соединенія.

Въ извѣстныхъ геологическихъ формаціяхъ то-же самое явленіе, которое происходитъ въ Пломьерѣ, совершилось въ огромныхъ размѣрахъ.

Зоолиты, опалъ, аррагонитъ, т. е. главные минералы, которыхъ современное образованіе мы указали, составляютъ вмѣстѣ взятые принадлежность извѣстныхъ эруптивныхъ породъ. Даже болѣе: всѣ обстоятельства мѣсторожденія современныхъ минераловъ напоминаютъ во всѣхъ малѣйшихъ чертахъ расположеніе ихъ въ породахъ, въ которыхъ они обыкновенно встрѣчаются. Подобное сходство въ результатахъ несомнѣнно указываетъ на аналогію въ происхожденіи.

На самомъ дѣлѣ, многія эруптивныя породы пузырились впродолженіе послѣдней эпохи своего охлажденія и слѣдовательно легко могли быть проникаемы водами. Проходя черезъ такія породы, прежде чѣмъ они совершенно охладились, вода, откуда-бы она ни явилась, должна была нагрѣться и слѣдовательно должна была дѣйствовать также какъ въ случаѣ, который мы описали.

Впрочемъ, что происходитъ въ пузыряхъ значительныхъ размѣровъ, то-же самое повторяется въ малѣйшихъ трещинахъ и полостяхъ кирпича, какъ это можно доказать химическимъ путемъ. Такимъ образомъ предположеніе, по которому базальты, феолиты и другія породы съ зоолитами суть видоизмѣненіе безводныхъ породъ, какъ напр. нѣкоторыхъ видовъ долеритовъ и трахитовъ, вполне подтверждается приведенными фактами. Эти различныя породы повидимому постепенно преобразовались послѣ своего отвердѣ-

нія и точно также, какъ кирпичи, которые наблюдалъ Добре-бли проникнуты зоолитами даже въ тѣхъ частяхъ, которыя по наружности совершенно плотны.

Тотъ-же примѣръ показываетъ, какъ зоолиты могли образоваться въ напластанныхъ породахъ, примѣры чего можно указать во многихъ странахъ.

Впрочемъ, не всѣ породы одинаково способны производить зоолиты. Гранитъ былъ подверженъ тѣмъ-же условіямъ, какъ и кирпичъ, и однакожь не далъ тѣхъ-же явленій, хотя былъ вполне напитанъ водою и легко распадался на части. И дѣйствительно, зоолитовъ нигдѣ не находили въ толщѣ гранитовъ или-же такихъ порфиоровъ, которыхъ основное вещество составляетъ полевоі шпатъ ортозъ, между-тѣмъ-какъ порфиры такого рода бываютъ иногда пазуристы и заключаютъ въ себѣ кремнистыя накипи.

МЕТАМОРФИЗМЪ ОСАДОЧНЫХЪ ПОРОДЪ (7). — Какъ и многія другія истинны, метаморфизмъ осадочныхъ породъ, т. е. преобразование ихъ послѣ осажденія, вслѣдствіе химическихъ и физическихъ вліяній, только съ нѣкоторыми затрудненіями, былъ принятъ наукою. Въ настоящее время геологи почти единогласно признаютъ дѣйствительность этихъ странныхъ превращеній и требуется не доказательство ихъ существованія, а самое ихъ изъясненіе; объяснить-же ихъ опытнымъ путемъ значить, ни болѣе ни менѣе, какъ воспроизвести ихъ.

Между-тѣмъ уже то, что случаи метаморфизма такъ обыкновенны, показываетъ, что они должны были происходить какими-нибудь простыми способами, помощію реакцій, которыхъ элементы очень распространены въ природѣ. При этомъ изъясненіи нѣтъ нужды принимать въ расчетъ время. Продолжительное повтореніе очень слабыхъ дѣйствій, постоянно поддерживающихъ ходъ къ нѣкоторому окончательному состоянію, есть, безъ сомнѣнія, самый вѣроятный процессъ естественныхъ явленій, который слѣдовательно и нужно стараться воспроизвести. Вотъ двѣ мысли, которыя руководили Сень-Клеръ-Девиля въ его изысканіяхъ о метаморфизмѣ. Первые результаты этихъ изысканій состоятъ въ слѣдующемъ:

(7) Comptes Rendus, 1868, 12 Juillet.

Каково-бы ни было число и разнообразіе реакцій на породы, всё дѣйствовавшія вещества, какъ и въ настоящее время, могутъ быть вообще раздѣлены по четыремъ электро-отрицательнымъ тѣламъ, въ нихъ господствующимъ. Эти тѣла суть фторъ, хлоръ, сѣра, углеродъ. Изъ безконечно разнообразной борьбы между этими существенно дѣятельными тѣлами и отвердѣвшими породами, произошли:

1) Нерастворимыя вещества, минералы, находимые въ метаморфическихъ породахъ и которые или по своему составу, или по обстоятельствамъ, ихъ сопровождающимъ, представляютъ еще слѣды тѣхъ реакцій, отъ которыхъ они произошли. Эти нерастворимыя вещества приняли въ себя большую часть углерода подъ видомъ углекислыхъ солей, значительную часть сѣры — подъ видомъ сѣрнокислыхъ или сѣрнистыхъ соединений и почти весь фторъ — подъ видомъ простыхъ фтористыхъ соединений и фторныхъ солей. Въ дѣйствительности, есть только одинъ изобильно встрѣчающійся минералъ, для котораго фторъ необходимъ, именно фтористый кальцій. Въ другихъ случаяхъ почти вездѣ онъ встрѣчается въ переменнѣйшей пропорціи и какъ переходный элементъ, который долженъ быть замѣненъ кислородомъ.

2) Растворимыя соли. Здѣсь заключается почти весь хлоръ, дѣйствовавшій при реакціи; значительная часть сѣры и весьма малое количество углерода. Все это ясно изъ изслѣдованія солей, растворенныхъ въ морѣ. На самомъ дѣлѣ, морская вода можетъ быть сравнена съ промывающею водою, которая просочилась черезъ всё пласты и унесла изъ нихъ растворимыя соли.

Эти - то соли и нужно было изучить въ-отношеніи къ дѣйствию ихъ на три главныя категоріи осадочныхъ породъ т. е. на известняки, на глины, и на песчаники и другія кремнистыя породы; при томъ, чтобы приблизиться сколько возможно къ естественнымъ условіямъ, нужно было брать породы въ кускахъ и приводить ихъ въ прикосновеніе съ весьма малыми количествами дѣятельныхъ веществъ.

Известняки. Одно изъ самыхъ важныхъ приложений метаморфизма есть превращеніе известняка въ доломитъ. Для этого можно употребить сѣрнокислую магнезію или хлористый магній. Извѣстны прекрасные опыты, сдѣланные Гайдинггеромъ и Мордо съ одной стороны и Мариньякомъ съ другой; они нагрѣвали въ закрытыхъ сосудахъ при 200 градусахъ тепла и при давленіи 15 атмосферъ

углекислую известь съ известною долею сѣрникой магнелии, или хлористаго магнія и получили посредствомъ двойнаго разложенія смѣсь углекислой извести и магнелии въ тѣхъ пропорціяхъ, въ какихъ они составляютъ доломитъ. Опыты эти показали прямо возможность такого превращенія; такъ-что для подтвержденія и осуществленія гениальной мысли Леопольда фонъ-Буха нынѣ затруднительно только одно — выборъ средства.

Но нужно было знать, не могло-ли это превращеніе, которое должно было обнимать весьма обширныя пространства, совершиться при помощи тѣхъ-же дѣятелей, но такъ сказать съ меньшими поддержками, т.-е. при обыкновенномъ давленіи атмосферы и при температурѣ довольно слабой.

Сень-Клеръ Девиль взялъ кусокъ мѣла и наплатилъ его растворомъ хлористаго магнія; потомъ онъ подвергъ его въ платиновомъ тиглѣ продолжительному нагрѣванію песчаной ванны. Онъ нашелъ, что при теплотѣ нѣсколько большей 100 градусовъ происходитъ реакція, обнаруживающаяся, появленіемъ известнаго количества хлористаго кальція. Происходитъ нѣчто въ родѣ того, что описалъ Дюлонгъ въ своемъ мемуарѣ о реакціяхъ растворимыхъ и нерастворимыхъ солей. Получается двойное разложеніе, но останавливается на известной границѣ. Одною операціею такого рода нельзя замѣнить магнелию болѣе 6 или 7 процентовъ извести. Но если обмыть кусокъ и слѣдовательно извлечь наибольшую часть образовавшейся соли кальція, то вторичное наплатываніе и потомъ нагрѣваніе производятъ новое разложеніе и повтореніе того-же процесса, можетъ быть, привело-бы къ совершенному замѣщенію извести магнелию. Девиль остановился послѣ восьмой операціи, чтобы не измѣнить формы куска, такъ-какъ мѣлъ легко трескается при этихъ реакціяхъ и наконецъ вовсе распался-бы. Отношеніе магнелии къ извести въ этомъ кускѣ по вѣсу равно 1:2, тогда-какъ въ естественныхъ доломитахъ оно равно 1:1, 5.

Куски мадреноръ были подвергаемы той-же обработкѣ и потерпѣли такое-же измѣненіе, не теряя своей внѣшней формы и не измѣняясь въ своихъ органическихъ признакахъ.

Но должно замѣтить, что, при этой необыкновенной реакціи, часть углекислоты освобождается и образуются кислородно-хлорный соединенія, такъ-что анализъ даетъ меньше углекислоты, чѣмъ сколько должно было быть въ средней углекислой соли, и кромѣ того даетъ нѣсколько хлора.

Неправильность, неопредѣленность этихъ реакцій не должны, по мнѣнію Девиля, останавливать изысканія; напротивъ, всего вѣроятнѣе что природа, въ своихъ продолжительныхъ операціяхъ, переходила черезъ многіе посредствующіе терминъ, часто не строго и только постепенно достигала окончательныхъ и вполне опредѣленныхъ результатовъ.

Задача приводится къ слѣдующему: когда магнезія въ той или другой формѣ замѣнила половину или меньше половины извести (значительная часть метаморфическихъ доломитовъ суть только магнезистые известняки), привести и то и другое тѣло въ состояніе средней углекислой соли и, если можно, въ состояніи кислой углекислой извести и магнезіи.

Для этой цѣли естественно представляется уму углекислота и можно сказать, что помощію высокаго давленія и возвышенной температуры Мариньякъ почти рѣшилъ опытомъ этотъ вопросъ.

Но, очевидно, было весьма важно устранить особенныя обстоятельства этихъ опытовъ.

Девиль дѣлалъ разныя попытки съ этой цѣлю. Кусокъ мѣла, превращенный въ той-же степени, какая была указана выше, будучи подверженъ въ водѣ холодному потоку углекислоты, не только не даетъ желаемого результата, но даже даетъ поводъ къ образованію водной углекислой магнезіи, кристаллизующейся въ шестигранныхъ призмахъ, имѣющихъ величайшее сходство съ аррагонитомъ. Если-же на кусокъ дѣйствовать въ чистой водѣ атмосфернымъ воздухомъ, то на стѣнки сосуда садятся маленькіе ромбодры, въ которыхъ нѣтъ и *следа магнезіи*; магнезія въ этомъ случаѣ сплываетъ въ кускѣ, который при этомъ теряетъ весь свой хлоръ, и стремится превратиться въ среднюю углекислую соль, богатую и известью и магнезією,—такъ-что этотъ послѣдній опытъ, если его достаточно продолжить, быть можетъ, приведетъ къ окончательному результату.

Во всякомъ случаѣ, Девиль нашелъ фактъ любопытный и совершенно неожиданный, т. е. что при обыкновенномъ давленіи, вода, при помощи только углекислоты атмосферы, способствуетъ доломитизаціи, между-тѣмъ-какъ вода, насыщенная углекислотою, ведетъ къ образованію болѣе растворимой соли, кислой углекислой магнезіи и такимъ образомъ раздѣляетъ то и другое основаніе.

Остается только изслѣдовать, не дѣйствуетъ-ли углекислота иначе, если ее употреблять въ видѣ сухаго потока, или въ маломъ

количество воды, иначе — при слабом давлении. Девиль предполагает рѣшить этотъ вопросъ новыми опытами.

Если предположенія Леопольда фонъ-Буха точны, если доломитъ образовался въ извѣстныхъ случаяхъ черезъ замѣщеніе эквивалента извести эквивалентомъ магnezіи, принесенной въ той или другой формѣ истеченіями изъ внутренности земли, то свидѣтелями этихъ реакцій должны были остаться слѣды веществъ, производившихъ реакцію. И дѣйствительно, такое предположеніе подтверждается замѣчательнымъ образомъ. Большая часть доломитовъ, какъ извѣстно, сопровождается ангидритами или гипсомъ и даже иногда составляютъ амальгаму съ ними; точно также сѣрнистый баритъ и стронціанъ, которые найдены недавно Гюгардомъ въ долинѣ Бинна, составляютъ, какъ онъ справедливо замѣтилъ, только слѣды сѣрныхъ соединений, дѣйствовавшихъ при образованіи породы.

Что касается до хлористыхъ соединений, то, если по своей растворимости, они должны рѣже встрѣчаться, чѣмъ сѣрнистые соединения, то все-таки не исключены вовсе. Девиль убѣдился, что большое число метаморфическихъ доломитовъ содержитъ извѣстное количество хлористыхъ соединений, которое превосходить нѣсколько тысячныхъ и можетъ быть опредѣлено.

Всего любопытнѣе и замѣчательнѣе то, что это хлорное соединеніе по крайней мѣрѣ отчасти растворимо въ водѣ и что дистиллированная вода, прокипяченная съ нѣкоторыми образчиками, извлекаетъ изъ нихъ хлоръ, кальцій и магній, вѣроятно, въ состояніи кислородно хлористыхъ соединений.

Но въ другихъ доломитахъ Девиль не нашелъ ни сѣристыхъ, ни хлористыхъ соединений; такой контрастъ, безъ сомнѣнія, весьма поучителенъ. Онъ показываетъ, что для образованія доломита прихода, вѣроятно, употребляетъ различныя средства.

Глины. Извѣстенъ прекрасный опытъ Ге-Люсака и Тенара; пропуская пары воды на смѣсь кремнезема, накаленного до красна и поваренной соли, они получили кремнекислый натръ и хлористоводородную кислоту. На этомъ явленіи Девиль основалъ свои опыты.

Если взять чистую глину, напр. промытый каолинъ, и не раздробляя его, а сохраняя по-возможности въ кускахъ, смочить растворомъ хлористаго натрія и потомъ, медленно обсушивши куски, нагрѣть ихъ до краснаго каленія въ платиновомъ тиглѣ, то сейчасъ-же за-

и́вчаются пары хлористо-водородной кислоты. Когда отдѣленіе ихъ прекратится, то при промывкѣ вещество не даетъ и слѣдовъ хлора. Если его снова напитать солью и точно также нагрѣть, то, послѣ третьей или четвертой операціи такого рода, каолинъ приметъ нѣкоторую твердость; а если продолжать тотъ-же процессъ, то вся масса, хотя нагрѣваемая гораздо ниже точки своего плавленія, станетъ мелкозернистою или листоватою; ея плотность также указываетъ на кристаллическое сложеніе: она сильно чертитъ стекло и становится плавкою.

Реакція представляетъ нѣчто очень любопытное: потому что отдѣленіе хлористо-водородной кислоты происходитъ очень медленно и прекращается только послѣ долгаго накаливанія. Причиною этого то, что глина сохраняетъ еще влажность при высокой температурѣ; въ извѣстное время хлоръ примѣшивается къ хлористо-водородной кислотѣ; тогда, безъ сомнѣнія, воздухъ дѣйствуетъ своимъ кислородомъ, который въ присутствіи сильной кислоты, т. - е. кремнезема, нагрѣтаго до - красна, замѣняетъ хлоръ поваренной соли.

Подобныя явленія происходятъ, когда вмѣсто хлористаго натрія употребляется хлористый кальцій, или смѣсь того и другаго, или хлористый магній. Хлористое желѣзо дѣйствуетъ очень быстро, подобно хлористому магнію.

Весьма замѣчательное исключеніе составляетъ хлористый калий, который при тѣхъ-же обстоятельствахъ не даетъ никакого результата, хотя операція была повторена много разъ. Это обстоятельство, вѣроятно, находится въ-связи съ тѣмъ явленіемъ, которое доказано изысканіями Делесса,—именно, что полевыя шпаты, которымъ можно приписать метаморфическое происхожденіе, никогда не заключаютъ въ себѣ кали, какъ основанія.

Всѣ эти опыты вообще показываютъ, что посредствомъ реакціи хлористыхъ щелочей и земель на глины, можно получить минералы подобные полевому шпату, и что слѣдовательно можно объяснить себѣ такимъ образомъ происхожденіе странныхъ породъ, столь обыкновенныхъ въ древнихъ формаціяхъ,—породъ, которыя вмѣстѣ содержатъ въ себѣ множество полевошпатовыхъ минераловъ (альбитъ, олигоклазъ, лабрадоръ) и въ то-же время представляютъ ясныя доказательства осадочнаго происхожденія, наприм. остатки органическихъ существъ.

Наконецъ реакція хлористаго магнія и хлористаго желѣза на

глину, когда она будетъ лучше изучена, можетъ, вѣроятно, повести къ объясненію всей той грунны породъ, съ хлоритовыми и тальковыми минералами, которая начинается аспиднымъ шиферомъ и оканчивается протогинномъ.

Кремнистыя породы. И здѣсь не многіе опыты дали хорошіе результаты.

Девиль взялъ песчаникъ, состоящій изъ чистаго кварца и только слѣдовъ извести; онъ напиткивалъ его попеременно хлористымъ кальціемъ и хлористымъ магніемъ и подвергалъ сильному красному каденію. Послѣ многихъ операций такого рода, кусокъ сталъ губчатымъ, легко поглощалъ много жидкости и легко растирался въ агатовой ступкѣ. Когда порошокъ нагрѣли, онъ растопился и далъ массу молочнаго цвѣта, всю состоящую изъ кристаллическихъ фибръ; она имѣла и составъ и свойства пироксена или амфибола.

Эти прекрасныя опыты Девиль имѣютъ важное значеніе, потому что показываютъ, что превращенія не требуютъ сильныхъ реакцій и могли совершаться и при слабыхъ реакціяхъ, медленно и постепенно.

Онъ продолжаетъ свои изслѣдованія.

II. СТРАХОВЪ.

ВОЗДУШНЫЕ КОРНИ РАСТЕНІЙ. *Изслѣдованія Фоккенса* (8). — Г. Фоккенсъ начинаетъ съ опредѣленія корня вообще и говоритъ, что весьма трудно точнымъ образомъ сказать, какая часть растенія есть корень и какая стебель, и гдѣ граница между ними. Для отличія корня отъ стебля предлагали слѣдующіе признаки: корень растеть всегда внизъ, новыя части его образуются на концѣ; корни никогда не бываютъ зеленаго цвѣта, не имѣютъ устьицъ и не происходятъ никогда изъ почекъ. Но есть корни, которые растутъ вверхъ, встрѣтивъ препятствіе, а иногда и безъ всякой причины, какъ напр., по наблюденіямъ Фоккенса, у растенія *Repanthera coccinea* Soug.; — и есть вѣтви стебля, которыя растутъ внизъ, какъ напр. у плакучихъ ивъ и березъ. Образование новыхъ частей на концахъ свойственно не только корнямъ, но и стеблямъ. Иногда корни бываютъ окрашены и въ зеленый цвѣтъ, какъ части корней, выставленныя на дѣйствіе свѣта и воздуха, и какъ

(8) Ueber die Luftwurzeln d. Gewächse. Inaugural-Dissertation von *Jac. Wulh. Fockens*. Göttingen, 1857.

воздушные корни многих растений. Корни не всегда бывают безъ устьянцъ, равно-какъ и на стебляхъ иногда ихъ не бываетъ. Конечно, корни никогда не вырастаютъ изъ почекъ; но и этотъ признакъ не всегда можно примѣнить къ опредѣленію этихъ частей, потому-что на корѣ при выростаніи вѣтвей на голомъ стеблѣ показываются сначала такіа-же возвышенія, какъ и при выростаніи прибавочныхъ корней. Шейка, которую *Декамоль* предлагаетъ, какъ границу между корнемъ и стеблемъ, есть идеальная линія, которая въ дѣйствительности не существуетъ. Извѣстно, что *Арикола*, *Лесенчукъ*, *Дотамель* и другіе переворачивали деревья и сажали ихъ вѣтвями въ землю, а корнемъ вверхъ, и что на послѣднемъ развивались почки и листья. Мякоть и волокна корня существенно не отличаются отъ тѣхъ-же частей стебля. Наконецъ и въ физиологическомъ отношеніи корень не всегда отличается отъ стебля, потому-что многіе подземные стебли (корневища) имѣютъ отправление корней; иногда поверхность и надземныхъ стеблей, особенно если она покрыта такими-же волосками, какъ и поверхность корней, служитъ исключительно, безъ помощи корня, для пріянія пищи, какъ у традесканціи. Лучшій признакъ для отличія корня отъ стебля, по мнѣнію *Шазта* и *Фоккенса*, состоитъ въ томъ, что новыя клѣточки корня происходятъ на его концѣ подъ наружнымъ слоемъ клѣточекъ, который отталкивается и умираетъ, такъ-что точка произрастанія корня всегда закрыта. На стеблѣ-же и его частяхъ точка произрастанія не закрыта и листья могутъ вырастать непосредственно изъ нихъ. Конечно, совокупность предыдущихъ признаковъ имѣетъ свое достоинство, но рѣзкое и рѣшительное различіе заключается только въ послѣднемъ изъ нихъ.

Далѣе авторъ рассматриваетъ происхожденіе прибавочныхъ корней. *Декамоль* полагалъ, что они вырастаютъ изъ маленькихъ бородавокъ на корѣ стеблей; но это мнѣніе было опровергнуто уже въ 1882 году *Гуго Моламъ*, который доказалъ, что у двусѣмьнеподольныхъ прибавочные корни происходятъ между корою и древесиною, и что наружный видъ коры не имѣетъ никакого вліянія на ихъ происхожденіе, которое заниситъ единственно только отъ строснія древесины. Уже гораздо раньше, именно въ 1758, Нидерландскій ботаникъ *Аришгоутъ* (*Drythout*) доказывалъ то-же самое.

Въ 1836 г. *Уитеръ* подтвердилъ мнѣніе *Мола* и нашелъ, что сосудистые пучки прибавочныхъ корней находятся въ-соединеніи

съ древесиною посредствомъ воронкообразныхъ расширеній. *Годшо* даже думалъ, что древесина образуется изъ сосудистыхъ пучковъ, выходящихъ изъ основанія листьевъ и идущихъ въ корни. Если послѣдніе могутъ развиваться на поверхности стебля, то кора ихъ есть непосредственное продолженіе коры стебля или вѣтви, откуда они выходятъ. *Мирбель* иначе объясняетъ происхожденіе прибавочныхъ корней. По его наблюденіямъ, недалеко отъ периферіи стебля пальмъ, между фибрами, находящимися въ сообщеніи съ листомъ, развиваются полусферообразныя группы молодыхъ клѣточекъ, которыя и даютъ начало прибавочныхъ корнямъ, но которыя не находятся въ органической связи съ листьями. Илюская часть этой группы, обращенная къ центру стебля, даетъ отъ себя множество фибръ. Фибры, выходящія изъ центра плоской части идутъ въ средину стебля, опускаются внизъ и теряются между его волокнами. Выходящія-же изъ окружности поднимаются отчасти вверхъ и соединяются съ фибрами листа, а большею частію опускаются внизъ, круто заворачиваются и даютъ начало новымъ отпрыскамъ.

Такое различіе мнѣній на счетъ этого предмета побудило *Трекюля* вновь подвергнуть его изслѣдованію (*Trecul, Origine des racines. Ann. d. sc. nat. Serie III, tome 6*). Вотъ результаты его трудовъ: 1) у нѣкоторыхъ растений на стеблѣ находятся правильно-расположенныя зачатки корней; 2) образованіе новаго корня начинается всегда развитіемъ небольшой кучки клѣточекъ, куда сходятся нѣсколько сосудистыхъ пучковъ; такія кучки являются съ боку одного сосудистаго пучка или въ томъ мѣстѣ, гдѣ касаются два сосѣдніе пучка, или на поверхности древесиннаго слоя, или если есть сердцевинные лучи, то противъ одного изъ нихъ, или противъ многихъ; 3) въ такихъ кучкахъ можно различить три части: а) центральную часть, б) кору и с) часть, обнимающую конецъ корня,—чехликъ; 4) центральная часть въ-отношеніи къ образованію клѣтчатой ткани всегда согласуется съ частью стебля, изъ которой она происхотитъ; 5) сосуды прибавочныхъ корней всегда въ-соединеніи съ сосудами стебля, потому-что они всегда вырастаютъ изъ послѣднихъ; и напротивъ, никогда первоначально сосуды не развиваются въ корнѣ, изъ котораго никогда не переходятъ въ стебли.

Шлейденъ о происхожденіи прибавочныхъ корней говорятъ (*Grund. d. wiss. Bot. Th. II. Изд. III, стр. 124*): въ корѣ непосредственно надъ сосудистыми пучками происходитъ коническая груп-

па клѣточекъ, способныхъ къ образованію, и свободныхъ до самаго основанія конуса отъ окружающихъ клѣточекъ; по мѣрѣ своего возрастанія, онъ прокладываетъ себѣ путь на свободу сквозь кору. При этомъ онъ нажимаетъ лежащую передъ нимъ часть паренхимы коры, которая умираетъ, отрывается и остается на концѣ корня часто долгое время послѣ того въ видѣ маленькаго чехлика, напр. у хвоща (*Equisetum*), пандана (*Pandanus*) и пр. Отъ послѣдняго должно отличать *колпачекъ* (*calyptra*), который находится на прибавочныхъ корняхъ растений, растущихъ въ водѣ, какъ-вы напр. *Lemna*, *Pistia* и пр.

Шлейденъ согласенъ съ *Трекюлемъ* въ томъ, что въ прибавочныхъ корняхъ развивается сосудистый пучекъ, который происходитъ изъ сосуонстаго пучка стебля.

Шахтъ (*Beiträge zur Anatomie und Physiologie der Gewächse*, стр. 157) описываетъ происхождение маленькой конической группы клѣточекъ изъ камбія одно и двусѣменодольныхъ растений; въ этомъ конусѣ уже можно открыть начало колпачка и утолщающій слой, въ которой появляются въ скоромъ времени первыя клѣточки сосуонстаго пучка, начинающагося отъ сосуонстаго пучка стебля или корня, изъ котораго выходитъ прибавочный корень. При углубленіи корневой почки въ варенхиму коры, клѣточки послѣдней противъ корня умираютъ и онъ выходитъ вонъ, прорывая кору и будучи покрытъ маленькимъ колпачкомъ или чехликомъ, подъ защитою котораго сохраняется точка произрастанія.

Поэтому *Шахтъ* согласенъ съ *Трекюлемъ* относительно мѣста, гдѣ происходятъ молодые корни; но онъ противорѣтъ *Шлейдену* въ томъ, что принимаетъ чехликъ не за умершія клѣточки коры, а за цѣльную часть корешка, существующую уже прежде, чѣмъ онъ выйдетъ изъ-подъ коры наружу.

Исслѣдованія *Фоккенса* подтверждаютъ это. Онъ наблюдалъ подобные чехлики на зачаткахъ воздушныхъ корней, которые развиваются надъ слоемъ камбія въ растеніяхъ *Ficus elastica* и *Crassula Hawortii*. Колпачекъ Шлейдена, встрѣчающійся у водныхъ растеній, ничѣмъ не отличается отъ чехлика и встрѣчается не только у явнобранныхъ, но также у нѣкоторыхъ и изъ тайнобранныхъ.

Новые прибавочные корни развиваются у односѣменодольныхъ на сосудистыхъ пучкахъ преимущественно тамъ, гдѣ они уклоняются отъ своего направленія, напр. въ узлахъ стеблей злаковъ,

у *Spiro nema fragrans*, *Tradescantia Surinamensis*, у многихъ тропическихъ орхидныхъ, дагѣ подь основаніемъ листьевъ или близъ этого мѣста у *Pothos* и *Phalangium viviparum*. Посему можно думать, что свитое направленіе сосудовъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ стебля производить большее скопленіе соковъ, изъ которыхъ и происходитъ образованіе воздушныхъ корней.

У двусѣменодольныхъ прибавочные корни, по наблюденіямъ *Фокенса*, происходятъ на древесныхъ слояхъ или на нѣкоторыхъ отдѣльно-стоящихъ сосудистыхъ пучкахъ.

Воздушные корни принадлежать къ прибавочнымъ корнямъ и происходятъ всегда изъ надземныхъ частей растенія, стеблей, вѣтвей и даже изъ концовъ листьевъ; но никогда изъ цвѣтѣвъ. Многіе изъ нихъ свободно висятъ въ воздухѣ, но многіе также, особенно у двусѣменодольныхъ, концами своими входятъ въ землю, гдѣ изъ нихъ развиваются боковые корни, а сами они значительно утолщаются. Часто воздушные корни вѣтвятся и прежде, нежели войдутъ въ землю, напр. и *Ficus*, *Renanthera* и т. п.

Изъ тайнобрачныхъ воздушные корни встрѣчаются у *папоротниковъ* и *плауновъ*. У первыхъ они выходятъ на всей поверхности стебля подь и между слѣдами отпавшихъ листьевъ; иной разъ (*Diplazium*) они длинны и тонки, другой разъ коротки и толсты (*Alsophila*, *Angiopteris*). Поверхность ихъ болѣе или менѣе покрыта волосками, цвѣтъ темнобурый, переходящій въ черный, на концахъ часто зеленый. У плауновъ воздушные корни выходятъ изъ пазухъ листьевъ и развиваются вмѣстѣ съ новыми вѣтвями (*Selaginella*).

У злаковъ, *Spiro nema fragrans* и *Tradescantia Surinamensis* они выходятъ съ верхней стороны узла и закрыты листовою пластинкою. У пальмъ они вырастаютъ съ нижней стороны стебля, у пандановъ воздушные корни такъ сильны и упруги, что, вырастая и упираясь въ твердую подпочву, приподнимаютъ стебель. У чужездныхъ орхидныхъ они выходятъ изъ узловъ стеблей при основаніи листьевъ и бываютъ весьма различны по величинѣ и развѣтвленію; въ молодости они съ волосками, а потомъ лишаются ихъ; цвѣта въ молодости блѣднозеленаго, а позже бѣлаго, у нѣкоторыхъ бураго; бѣлый цвѣтъ ихъ зависитъ отъ особой оболочки, отдѣляющей весь корень и состоящей изъ спиральныхъ волокнистыхъ клѣточекъ, нѣсколько не содержащихъ въ себѣ окрашивающаго вещества; въ молодости эта оболочка очень тонка и сквозь

вѣя просвѣчивается хлорофилъ коры. Такая оболочка встрѣчается на корняхъ многихъ растений, особенно-же часто на корняхъ тропическихъ орхидныхъ и ароонниковъ. У послѣднихъ воздушные корни болѣе или менѣе покрыты въ молодыхъ частяхъ волосками, которые иногда до того тонки, что ихъ нельзя различить простымъ глазомъ. Цвѣтъ такихъ корней вообще зеленый, дѣлающійся темнѣе въ старости; они вѣтвятся только тогда, когда попадутъ въ землю. У различныхъ видовъ рода *Rothos* воздушные корни выходятъ подъ листьями или вблизи ихъ, зеленого цвѣта и болѣею частію безъ волосковъ. У *Anthericum*, изъ семейства лилейныхъ, они выходятъ изъ различныхъ мѣстъ стебля неправильно, тверды, отстоятъ отъ стебля и темнобураго цвѣта, у *Phalangium* они выходятъ изъ основаній листьевъ, расположенныхъ пучками, коротки, висятъ, не вѣтвятся и покрыты частыми короткими волосками.

У саговыхъ изъ главныхъ воздушныхъ корней, выходящихъ изъ стебля, пучками вырастаютъ вторичные воздушные корни, которые коротки, тверды, съ неровною поверхностью, но безъ волосковъ. Изъ воздушныхъ корней прочихъ двусѣменодольныхъ особенно замѣчательны корни смоковницы (*Ficus*), которые достигаютъ длины отъ 80 до 100 футовъ и имѣютъ видъ длинныхъ канатовъ различной толщины. Они вѣтвятся по большей части только въ землѣ, гдѣ они даютъ новые стебли, и такимъ образомъ въ короткое время отъ одного дерева разрастается цѣлый лѣсъ. Наружный видъ ихъ совершенно сходенъ съ видомъ стеблей, изъ которыхъ они выростаютъ. У корнепусковъ (*Rhizophora Mangle*) поражаютъ насъ исполинскіе, воздушные корни весьма вѣтвистые, упругіе и крѣпкіе. Цѣлые лѣса на берегахъ большихъ тропическихъ рѣкъ съ весьма широкимъ устьемъ состоятъ изъ этихъ растений и защищаютъ берега отъ силы волнъ. У кактусовъ воздушные корни слабы и выходятъ изъ различныхъ мѣстъ; то же у толстянковыхъ, аралиевыхъ и асклепиадовыхъ. За исключеніемъ воздушныхъ корней плауновъ, папоротниковъ и саговыхъ, которые устроены чрезвычайно просто, и за исключеніемъ воздушныхъ корней односѣменодольныхъ, всѣ такіе корни состоятъ изъ сердцевины, древесины, коры и кожицы, у аралиевъ и смоковницъ—и сердцевинныхъ лучей. Хотя то-же строеніе имѣютъ и стебли, но кѣточки этихъ частей въ воздушныхъ корняхъ нѣтъ, нежели въ стебляхъ. Кожица воздушныхъ корней никогда

не имѣть на себѣ устьицъ, какъ кожаца молодыхъ стеблей и вѣтвей.

У папоротниковъ и саговыхъ воздушные корни имѣютъ въ срединѣ сосудистый пучекъ, который окруженъ камбіемъ, но не имѣютъ ни древесины, ни луба и снаружи покрыты паренхимой коры, которая постепенно переходитъ въ кожуцу. Разница между корнями этихъ растений состоитъ въ томъ, что: 1) точка произрастанія у папоротниковъ не раздѣлена, какъ у саговыхъ; 2) слой камбіа у папоротниковъ иногда деревенеетъ; 3) паренхима коры у папоротниковъ состоитъ изъ однообразныхъ клѣточекъ, наполненныхъ бурнымъ веществомъ, а у саговыхъ клѣточки коры бываютъ двухъ родовъ и не содержатъ въ себѣ бурога вещества.

Внутреннее строеніе воздушныхъ корней односѣменодольныхъ, именно: орхидныхъ, лилейныхъ, аронниковъ и коммелийныхъ, отличается отъ строенія безсѣменодольныхъ тѣмъ, что камбій находится не вокругъ сосудистаго пучка, а внутри его, и тѣмъ, что въ сосудистомъ пучкѣ есть и древесинныя и лубовыя клѣточки. Сердцевина въ воздушныхъ корняхъ односѣменодольныхъ ясно ограничена, а въ корняхъ безсѣменодольныхъ мѣсто сердцевинныя занимаетъ сосудистый пучекъ, и если есть сердцевина, то она нерѣдко отдѣлена. Сосудистые пучки совершеннѣе у односѣменодольныхъ и саго представляетъ въ этомъ отношеніи переходъ къ этимъ растеніямъ отъ тайнобрачныхъ. Сосудистые пучки въ воздушныхъ корняхъ односѣменодольныхъ расположены вокругъ сердцевинныя, и сосуды въ нихъ въ правильномъ порядкѣ: кольчатые и спиральные на окружности, а лѣстничные и точечные—въ срединѣ. Есть также древесинныя и лубовыя клѣточки; но ихъ не всегда можно отличить другъ отъ друга; кимбій заключенъ въ сосудистыхъ пучкахъ, и снаружи раздѣляетъ ихъ другъ отъ друга, между-тѣмъ какъ у безсѣменодольныхъ камбій окружаетъ сосудистый пучекъ со всѣхъ сторонъ и у нихъ нѣтъ ни древесинныхъ, ни лубовыхъ клѣточекъ.

Паренхимныя клѣточки коры въ воздушныхъ корняхъ папоротниковъ заключаютъ въ себѣ особенную чернобурую краску, у односѣменодольныхъ въ корняхъ нѣтъ такой краски.

У односѣменодольныхъ хотя есть сердцевина, но еердцевинныхъ лучей нѣтъ и слѣдовъ, у двусѣменодольныхъ они не только существуютъ, но и достигаютъ высшей степени совершенства, именно у смоковницы и арадіа. Въ корняхъ высшихъ двусѣменодольныхъ кам-

Ой отдѣльныхъ пучковъ совпадаетъ съ камбіальнымъ слоемъ; имъ отдѣлены другъ отъ друга древесинныя и лубовыя клѣточки, и у нѣкоторыхъ видовъ замѣтны годичные слои. Кора и кожаца воздушныхъ корней двусѣменодольныхъ сходна съ тѣми-же частями односѣменодольныхъ, но кора сравнительно съ древесиною очень тонка, а у односѣменодольныхъ наоборотъ; у послѣднихъ лубъ никогда не бываетъ распределенъ въ различныхъ мѣстахъ, какъ у нѣкоторыхъ изъ двусѣменодольныхъ.

Назначеніе воздушныхъ корней до-сихъ-поръ съ достовѣрностью не извѣстно; многіе писатели думаютъ, что они назначены для принятія пищи изъ воздуха. Дѣйствительно, очень вѣроятно, что корни, покрытые частыми волосками, составляющими какъ-бы волку вокругъ корешка и отличающимися чрезвычайною гигроскопичностью, могутъ служить для питанія; но нельзя того-же допустить для корней, не имѣющихъ на себѣ волосковъ. Происхожденіе послѣднихъ корней объясняется скопленіемъ соковъ въ извѣстныхъ мѣстахъ стебля изъ этихъ соковъ и развиваются воздушные или прибавочные корни, такъ напр. если срѣзанную вѣтвь олеандра помѣстить въ сосудъ съ водою, или если на стеблѣ явы, тополя и т. д. сдѣлать глубокую вырѣзку и заложить ее сырою землею или мокрымъ мохомъ, то въ обоихъ случаяхъ развиваются прибавочные корни. Воздушные корни, которые углубляются въ почву и тамъ вѣтвятся, служатъ, во-первыхъ, для опоры деревьямъ, а во-вторыхъ, для ихъ питанія, какъ у смоковницъ, корнепусковъ и проч.

ПРИЧИНЪ МѢШЕЧЕКЪ. *Исслѣдованіи Диппеля* (9). — Первичный мѣшечекъ открытъ въ 1844 году *Молеми*, который объяснилъ его строеніе, изслѣдовалъ его свойства и показалъ его физиологическое значеніе. Потомъ первичный мѣшечекъ изучали *Шлейденъ*, *Негели*, *Мумльдеръ*, *Гартмигъ* и *Принсгеймъ*. По мнѣнію *Моли*, первичный мѣшечекъ есть очень вѣжная оболочка, плотно прилегающая къ внутренней поверхности наружной или клѣтчатой оболочки клѣточки, и находящаяся въ тѣснѣйшей связи съ ея жизнью, потому-что съ помощію этой оболочки образуется наружная стѣнка клѣточки и отлагающіеся на ней слои, съ помощію этой обо-

(9) Beiträge zur vegetabilischen Zellenbildung von *Dippel*. 1858 г.

лочки питаются и растут стѣнки клѣточекъ; при ея вліяніи происходят новыя клѣточки и при ея содѣйствіи образуются въ клѣточкахъ усвоенныя вещества; заболѣть-ли клѣточка, прежде всего страдаетъ первичный мѣшечекъ и своими измѣненіями обнаруживаетъ первые признаки болѣзни гораздо раньше того, когда мы въ состояніи различить какое-либо измѣненіе въ ткани больного органа простымъ, невооруженнымъ глазомъ; первичный мѣшечекъ бурѣетъ, дѣлается болѣе зернистымъ и самъ собою отдѣляется отъ наружной клѣточной оболочки или проникаетъ въ нее, отчего послѣдняя, при дѣйствіи на нее іода съ сѣрною кислотою, окрашивается не въ синий, а въ зеленый или бурый цвѣтъ. Къ концу жизни клѣточки, когда погасаетъ въ ней жизненно-химическій процессъ, когда она дѣлается неспособною къ преобразованію веществъ, въ нее входящихъ,—и въ этомъ случаѣ первичный мѣшечекъ прежде всего возвыщаетъ наступающій конецъ жизни клѣточки; онъ становится менѣе и менѣе явственнымъ и наконецъ совершенно исчезаетъ. Какъ скоро мѣшечекъ исчезнетъ, жизнь растительной клѣточки угасаетъ, клѣточка не растетъ, не образуетъ новыхъ клѣточекъ, стѣнки ея не утолщаются, сокъ и твердые вещества, въ ней находившіяся, исчезаютъ и она наполняется воздухомъ. Первичный мѣшечекъ названъ такъ потому, что онъ появляется на вновь образующейся клѣточкѣ прежде всякой другой оболочки; *Шлейденъ* называетъ его *азотистою оболочкою*, по его составу.

Если на клѣточку дѣйствовать слабою соляною или азотною кислотою, то первичный мѣшечекъ отстаетъ отъ внутренней поверхности клѣтчатой оболочки въ видѣ замкнутаго со всѣхъ сторонъ мѣшечка, отдѣляющаго содержаніе клѣточки отъ ея стѣнокъ.

По изслѣдованіямъ Негели, первичный мѣшечекъ отъ дѣйствія сахара также отдѣляется отъ клѣтчатой оболочки; но не умираетъ, а продолжаетъ выдѣлять изъ себя клѣтчатку; такимъ образомъ можно произвести внутри клѣточки другую, гораздо меньшей величины.

Шлейденъ, *Негели* и *Прикстеймъ* не принимаютъ первичный мѣшечекъ за особую оболочку, а считаютъ его сгустившимся слоемъ протоплазмы. Первые два натуралиста принимаютъ остальные свойства первичнаго мѣшечка, открытыя *Молемъ*; *Прикстеймъ* же полагаетъ, что первичный мѣшечекъ есть безцвѣтный слой про-

топлазмы, а не отдѣльный самостоятельный органъ, выдѣляющій клѣтчатку и отличный отъ нея, на томъ основаніи, что въ оплодотворяющемъ мѣшечкѣ вѣдогоней (водоросли), тотчасъ послѣ превращенія его въ клѣтчатку, этого мѣшечка не бываетъ.

Моль сдѣлалъ сильное возраженіе *Приписываему* въ ботанической газетѣ за 1855 годъ № № 40, 41 и 42.

Теперь *Диппель* своими изслѣдованіями опровергаетъ мнѣніе *Приписываема*.

«Первичный мѣшечекъ, говоритъ *Диппель*, является подъ микроскопомъ въ видѣ очень нѣжной, но однородной перепонки. Гдѣ первичный мѣшечекъ химическими средствами отдѣленъ отъ клѣтчатой оболочки, тамъ онъ является въ видѣ рѣзкой линіи, ограничивающей сжавшееся содержаніе». *Моль*, *Шкитъ* и другіе изслѣдователи приписываютъ ему зернистое строеніе. Но *Диппель* возстаётъ противъ этого. По причинѣ чрезвычайной тонкости первичнаго мѣшечка трудно рѣшить, имѣетъ-ли онъ зернистое строеніе, или кажется такимъ отъ зеренъ протоплазмы, которыя, надавливая его, даютъ ему такой видъ. Во многихъ случаяхъ *Диппель* видѣлъ, что первичный мѣшечекъ представляетъ совершенно прямую черту. Гдѣ протоплазма однороднѣе, тамъ первичный мѣшечекъ и съ внутренней стороны также однороднѣе. У нѣкоторыхъ спирогиръ ему удалось хорошо отдѣлнить содержаніе отъ первичнаго мѣшечка употребленіемъ сахарной воды и потомъ хлоро-цинко-іодовой тинктуры, и при этомъ можно убѣдиться, что онъ рѣзко ограниченъ и съ внутренней стороны. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протоплазма не совершенно отдѣлилась отъ мѣшечка, послѣдній имѣетъ зернистый видъ, который легко могъ ввести въ ошибку и заставить принять зернистое строеніе для этого органа; такое строеніе можно было-бы допустить, еслибы оно встрѣчалось на всѣхъ мѣшечкѣ, но такъ-какъ оно существуетъ только на нѣкоторыхъ мѣстахъ, то это служитъ доказательствомъ противоположнаго. У *кладофоръ*, гдѣ содержаніе только отчасти отдѣляется отъ первичнаго мѣшечка, и гдѣ на немъ всегда остается тонкій слой протоплазмы, кажется, будто онъ состоитъ изъ зернистаго вещества. Здѣсь еще легче впасть въ ту же ошибку; но точное изслѣдованіе края и употребленіе для того сильно преломленного свѣта открываютъ настоящія отношенія между этими частями и показываютъ рѣзкое ограниченіе перепонки съ наружной стороны и прилеганіе къ ней зернистаго содержанія.

Труднѣе, чѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ, доказать точнымъ образомъ, что первичный мѣшечекъ есть однообразная перепонка въ тѣхъ растеніяхъ, гдѣ этотъ мѣшечекъ весьма тонокъ и не отдѣляется отъ протоплазмы. Но и здѣсь онъ имѣетъ рѣзкое очертаніе съ наружной стороны, а нѣкоторыя неровности происходятъ отъ зернистаго строенія не перепонки, а протоплазмы. Для такихъ наблюденій должно употреблять реакенціи (разумѣется, весьма слабыя), которыя не окрашиваютъ содержанія. Употребленіе растворовъ іода и хлоро-цинко-іода неудобно, потому что они какъ первичный мѣшечекъ, такъ и содержаніе окрашиваютъ въ бурый цвѣтъ и дѣлаютъ труднымъ наблюденіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однакожь, несмотря на всѣ предосторожности, необыкновенная нѣжность перепонки и весьма мелкозернистое строеніе протоплазмы дѣлаютъ почти невозможнымъ ихъ раздѣленіе.

Первичный мѣшечекъ слабыми кислотами не разрушается; во многихъ случаяхъ онъ противостоитъ и крѣпкимъ минеральнымъ кислотамъ; но при большемъ или меньшемъ ихъ дѣйствіи онъ здѣсь и тамъ разрушается, особенно отъ дѣйствія крѣпкихъ серной и азотной кислотъ, при нагрѣваніи или отъ соединенія послѣдней съ хлорнокислымъ кали. Ёдкое кали, равно какъ и другія щелочи, на него не дѣйствуютъ.

Всѣ реакенціи, которыя производятъ сильный эндосмосъ, какковы, кромѣ названныхъ, растворъ сахара, алкоголь, растворъ хлористаго натрія и пр., вызываютъ въ первичномъ мѣшечкѣ особенныя явленія. Отъ ихъ дѣйствія, какъ мы сказали, онъ сжимается, отдѣляется отъ клѣтчатой оболочки и дѣлается свободнымъ въ полости клѣточки. Въ этомъ случаѣ наблюдатель можетъ, по своему произволу, вызвать или мгновенное отдѣленіе первичнаго мѣшечка, или постепенное; въ первомъ случаѣ онъ употребляетъ довольно сильныя реакенціи, во второмъ слабыя и нѣсколько разъ. При употребленіи слабыхъ реакенцій, первичный мѣшечекъ не вдругъ отдѣляется отъ стѣнокъ клѣточки, а мѣстами остается еще прилѣпленнымъ къ ней. На послѣднемъ свойствѣ въ-особенности *Принсгеймъ* основалъ свое мнѣніе, что первичный мѣшечекъ не есть особенная перепонка, а только отвердѣлый слой протоплазмы. Но такое явленіе еще не есть достаточное основаніе, чтобы отвергать перепончатое строеніе первичнаго мѣшечка. Этотъ мѣшечекъ, какъ и всякая неодеревенѣлая растительная пе-

репонка, одаренъ извѣстною степенью растяжимости и упругости, которыя уменьшаютъ его способность разрываться. Конечно оба эти свойства болѣе свойственны перепонкѣ, нежели отвердѣлому слою протоплазмы. Далѣе обстоятельство, что первичный мѣшечекъ, по совершенномъ отдѣленіи отъ клѣтчатой оболочки, является въ видѣ замкнутаго со всѣхъ сторонъ мѣшечка, служитъ доказательствомъ скорѣе въ пользу того, что первичный мѣшечекъ есть перепонка, а не противъ этого мнѣнія; но на этомъ обстоятельстве особенно настаиваетъ *Пригисейма*. Еслибы мѣшечекъ былъ только отвердѣлый слой протоплазмы, то не представлялъ-бы такого рѣзкаго ограниченія, какъ въ настоящемъ случаѣ: ибо отдѣльныя нити его никогда такъ не сжимаются, какъ это изображено у *Пригисейма*. Сжатіе мѣшечка никакъ нельзя смѣшать съ тѣмъ явленіемъ, когда сплывается жидкость. Оно происходитъ отъ упругости и сжимаемости, вызванныхъ реакціями. Несовершенное отдѣленіе мѣшечка отъ стѣнокъ при употребленіи слабыхъ реакцій, и приставаніе его къ нимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно хорошо объясняется и безъ предположенія, что мѣшечекъ есть отвердѣлая слизистая протоплазма. Если мы отвлечемся совершенно отъ физиологическихъ отношеній обѣихъ перепонекъ, такъ тѣсно соединенныхъ другъ съ другомъ, то самыя простыя начала физики учатъ насъ, что при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ сила сцѣпленія должна оказывать значительное сопротивленіе, которое побуждается явленіями, производимыми въ первичномъ мѣшечкѣ дѣйствіемъ реакцій. Чѣмъ меньше употребляется послѣднихъ, тѣмъ слабѣе они дѣйствуютъ, и тѣмъ сильнѣе должно быть сопротивленіе сцѣпленія и тѣмъ явственнѣе должны быть описанныя явленія. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не во всѣхъ мѣстахъ первичный мѣшечекъ отстаеетъ отъ стѣнокъ вълѣдствіе дѣйствія реакцій, а что въ иныхъ мѣстахъ сила сцѣпленія одерживаетъ верхъ надъ ними. Слѣдовательно это явленіе ничего не говоритъ противъ перепончататаго свойства первичнаго мѣшечка, и онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ разорваться и оторвавшаяся часть остаться на стѣнкахъ. Нѣсколько сильнѣе, чѣмъ предыдущее, кажется доказательство, выводимое изъ отношенія сжавшагося первичнаго мѣшечка у большихъ клѣточекъ спирогиръ, ёдогоній и т. д.; но и оно теряетъ свою силу, какъ признаетъ самъ *Пригисейма*, который иногда смѣшиваетъ первичный мѣшечекъ съ со-

держаніемъ, отдѣленнымъ отъ него, ибо при употребленіи весьма слабыхъ реакцій содержаніе сжимается и отстаетъ отъ стѣнокъ, а первичный мѣшечекъ еще остается на стѣнкахъ, какъ это хорошо можно видѣть въ клѣточкахъ Веберовой спирогиры. Если на нити названной водоросли положить каплю довольно слабого раствора сахара, то отъ внутренней стороны ея оболочекъ отдѣляется зеленое содержаніе вмѣстѣ съ наружнымъ слоемъ безцвѣтной полужидкой протоплазмы, который имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ описали *Шахтъ* у спирогиры, а *Принсипальма* у ёдогонія. Въ этихъ случаяхъ, сжавшееся содержаніе не имѣетъ на себѣ оболочки и нерѣзко ограничено. Контуръ здѣсь не въ видѣ линіи, а постепенно теряется внутрь. Если послѣ того употребить сильнѣйшій растворъ сахара, или слабый растворъ хлоро-цинку-іода, то первичный мѣшечекъ отдѣляется отъ клѣтчатыхъ стѣнокъ и стягивается по большей части до плотнаго обхватыванія содержанія, такъ-что послѣднее получаетъ рѣзкое очертаніе. Пока первичный мѣшечекъ не приляжетъ къ содержанію, очень хорошо видно, что онъ есть однородная перепонка. Если-же сразу употребить сильныя реакціи, то и у спирогиры первичный мѣшечекъ отдѣляется отъ стѣнокъ и стягивается вмѣстѣ съ содержаніемъ; но при этомъ онъ разрывается на двѣ, а иногда и на три части, которыя стягиваются отдѣльно и раздѣляютъ содержаніе на двѣ и на три части, — что *Шахтъ* неправильно описалъ, какъ дѣленіе клѣточки. Теперь, по мнѣнію *Принсипальма*, на оболочкахъ отдѣльныхъ частей содержанія должны-бы быть замѣтны мѣста разрыва и должны являться въ видѣ щелей. На самомъ дѣлѣ это должно быть такъ, потому-что перепонка, сжавшаяся отъ дѣйствія реакцій, съ трудомъ только можетъ закрыть образовавшіяся щели вслѣдствіе своей жизненности. Но противъ возможности видѣть происшедшія такимъ образомъ отверстія можно привести нѣкоторыя причины. Во-первыхъ, вслѣдствіе сжатія первичнаго мѣшечка они должны быть весьма незначительной величины и по своему относительному положенію ускользаютъ отъ наблюденія; съ другой стороны, если они и имѣютъ значительную величину, то очень возможно, что ихъ невидно по ихъ боковому положенію, по чрезвычайной тонкости перепонки и по густотѣ содержанія. То-же самое случается при дѣленіи клѣточекъ, гдѣ при стягиваніи первичнаго мѣшечка вслѣдствіе боковаго помужевія происходящей стѣнки, мы по большей части не можемъ замѣтить отверстія, даже

при различныхъ положеніяхъ. Здѣсь только употребленіе реактенцій показываетъ намъ настоящее отношеніе вещей.

Наконецъ перепончатость первичнаго мѣшечка доказываетъ его сжиманіе въ видѣ лопастей, чего не можетъ произвести отвердѣлый слой протоплазмы.

Д. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ. — Дѣйствительный членъ Общества Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ П. Шютца, по поводу празднованія 24-й годовщины существованія этого Общества, напечаталъ описаніе этого празднованія, присовокупивъ краткій историческій очеркъ Общества. Сообщаемъ статью г. Шютца сокращенно. Въ 1833 году, нѣсколько врачей возымѣли мысль основать въ С.-Петербургѣ Общество Русскихъ врачей, «съ цѣлью усовершенствованія себя въ практической и теоретической врачебной наукѣ». Число врачей-основателей было шестнадцать, именно: гг. *Вольскій, Андреевскій, Добровольскій, Александровъ, Тарасовъ, Чаруковскій, Каменскій, Спасскій, Грумъ, Смѣльскій, Хотовицкій, Горляниковъ, Никитинъ, Сольскій, Шклярскій, Похвалинскій.* Лица эти, составивъ проектъ правилъ Общества Русскихъ врачей, прочли его въ первомъ своемъ засѣданіи, происходившемъ 12-го сентября 1833 года, въ домѣ предсѣдателя Общества Е. А. Андреевскаго, и подписали проектъ октября 18-го того-же года. Проектъ былъ напечатанъ. Положено было собираться въ означенномъ домѣ два раза въ мѣсяцъ: перваго и шестнадцатаго числа. Особенныя-же собранія назначались предсѣдателемъ, по важности могущихъ встрѣтиться обстоятельствъ. Ежегодно 12-го сентября, въ день открытія Общества, должно быть торжественное собраніе. Къ достиженію усовершенствованія въ практической и теоретической врачебной наукѣ предполагались слѣдующіе способы: а) Взаимное сообщеніе практическихъ наблюденій, по какимъ-либо причинамъ особенно примѣчательнымъ. б) Приобрѣтеніе лучшихъ новѣйшихъ иностранныхъ и отечественныхъ медицинскихъ книгъ и другихъ предметовъ, непосредственно относящихся къ практической медицинѣ. в) Выписываніе заграничныхъ медицинскихъ періодическихъ изданій и распредѣленіе ихъ между членами съ тѣмъ, чтобы послѣдніе представляли

собранію Общества краткій обзоръ содержащагося въ прочитанныхъ ими журналахъ. d) Приобрѣтеніе извѣстій о новыхъ способахъ леченія и вновь появляющихся системахъ. Для этого Общество предполагало имѣть корреспондентовъ. Составъ Общества долженъ быть изъ предсѣдателя, секретаря, дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ. Засѣданіе Общества открывалъ секретарь чтеніемъ протокола предъидущаго собранія, писемъ и отношеній отъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ; потомъ предсѣдатель спрашивалъ: не имѣеть-ли кто труднаго больного, для котораго необходимъ совѣтъ? не встрѣчалъ-ли кто въ практикѣ своей случая, по чему-либо замѣчательнаго? не замѣтилъ-ли кто появленія необыкновенной или эпидемической болѣзни? Сперва начинались словесныя бесѣды о практическихъ случаяхъ, подвергавшихся обсужденію и разбору членами, читались сочиненія или наблюденія о какой-нибудь замѣчательной болѣзни, встрѣтившейся въ практикѣ и служившей предметомъ занимательныхъ преній между членами. Сочиненія, присланныя отъ постороннихъ, или неизвѣстныхъ лицъ, читались по назначенію Общества. Секретарь замѣчалъ сущность бесѣдъ и чтеній, и къ будущему засѣданію приготавливалъ протоколъ. Итакъ шестнадцать членовъ-учредителей возымѣли мысль основать Общество Русскихъ врачей. Полезная, благотворная мысль ихъ осуществилась и имена ихъ, завѣщанныя потомству, сдѣлались историческими. Пятеро изъ нихъ: *Андреевскій*, *Вольскій*, *Чаруковскій*, *Добровольскій* и *Никитинъ* уже сошли въ могилу, но смерть не уничтожила ихъ существованія: живыми памятниками они будутъ жить въ признательныхъ сердцахъ грядущихъ поколѣній!... Вообще образованіе ученыхъ обществъ, гдѣ совокупными стремленіями членовъ наука разрабатывается во всей своей полнотѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, принадлежитъ къ благотѣльнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ великое назначеніе по своимъ послѣдствіямъ. Такъ и Общество Русскихъ врачей, положившее себѣ въ основаніе: способствовать успѣхамъ отечественной врачебной науки, преимущественно-же заботиться о развитіи о разъясненіи практическихъ медицинскихъ вопросовъ, начало кругъ своихъ дѣйствій въ небольшомъ числѣ членовъ. Постепенно число членовъ увеличивалось, и кругъ занятій расширялся. 1842 году былъ составленъ новый, болѣе подробный проектъ устава Общества Русскихъ врачей, повергнуть на Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе Государя Императора, Который и

изволилъ утвердить его въ Петергофѣ, 3-го іюля того-же года. Съ этого времени Общество поступило въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Засѣданія происходили въ одной изъ залъ медицинскаго департамента военнаго министерства. Началось изданіе «Записокъ», въ которыхъ заключаются ученые труды членовъ Общества и разныя другія, оригинальныя отечественныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ врачебной науки, преимущественно-же по части практической. Срокъ этого изданія неопредѣленный, но зависящій отъ поступления матеріаловъ, признаваемыхъ достойными къ напечатанію. По настоящее время вышло шесть томовъ «Трудовъ Общ. Р. вр.». Въ январѣ 1857 г., президентъ Общества входилъ съ докладомъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, испрашивая его разрѣшенія на изданіе «Протоколовъ засѣданій Общества Русскихъ врачей», въ отдѣльныхъ листкахъ. Въ мартѣ того-же года получено позволеніе на изданіе означенныхъ протоколовъ. Хотя печатались по-временамъ и прежде выписки изъ протоколовъ въ періодическихъ листкахъ и изданіяхъ; однако подобное сообщеніе результатовъ дѣятельности Общества во всеобщее свѣдѣніе производилось не всегда своевременно и не вполне, по причинѣ тягостной зависимости отъ издателей этихъ изданій, въ которыхъ обнародывались ученые матеріалы, собранные и разработанные Обществомъ. Чтобы устранить это препятствіе къ достиженію цѣли, указанной Обществу Высочайше утвержденнымъ Уставомъ, оно положило печатать свои протоколы отдѣльными листками. Цѣль этого изданія состоитъ въ ближайшемъ соотношеніи Общества съ практическими врачами имперіи, дабы обмѣномъ мыслей и наблюденій способствовать успѣхамъ отечественной медицины. Безчисленное множество драгоценныхъ наблюденій и опытовъ теряется у насъ для науки единственно только отъ невозможности обнародованія ихъ, отъ невозможности обсуждения и повѣрки, отъ недостатка увѣренности въ ихъ значеніи и пользѣ. Между-тѣмъ, бывъ сообщены Обществу, всѣ эти наблюденія, какъ-бы они ни были кратки и отрывочны, непременно послужатъ одинаками — можетъ быть и мелкими, но все-же не ничтожными, изъ соединенія которыхъ составитя сумма фактовъ, способная послужить прочнымъ основаніемъ стройнаго зданія медицины. Это собраніе разрозненныхъ фактовъ, этихъ мелкихъ единицъ, наблюденій или замѣтокъ всякаго полезнаго труда, какъ отъ членовъ своихъ, такъ и иностранныхъ врачей, собраніе его — под-

вергасное повсемѣстному, такъ сказать, семейному обсужденію, и составляетъ сущность «Протоколовъ». Изданіе ихъ началось въ мартѣ 1857 г. По настоящее время вышли два тома. Со времени существованія Общества по настоящее время президентами были: Е. А. *Андреевскій*, С. Ѳ. *Вольскій*, Д. К. *Тарасовъ*, М. Д. *Сольскій*, В. В. *Меликанъ* и И. В. *Енохинъ*. При первоначальномъ составѣ Общества вице-президента не было: званіе это образовалось впоследствии. Его занимали: М. Д. *Сольскій*, Е. Н. *Смѣльскій* и П. А. *Нарановичъ*. Должности секретарей исполняли: Е. Н. *Смѣльскій*, И. И. *Брыковъ*, П. П. *Заблоцкій*, А. Е. *Воскресенскій*, А. Н. *Пушкаревъ* и Я. А. *Чистовичъ*. Кассирами и библіотекарями были: В. Д. *Шклярскій*, Ѳ. И. *Барановскій*, Л. И. *Вейсъ* и И. С. *Щегловъ*. 12-го сентября, въ осьмомъ часу по полудни, собрались въ торжественное собраніе, подъ предсѣдательствомъ вице-президента П. А. Нарановича за отсутствіемъ президента), почетные и дѣйствительные члены, числомъ двадцать восемь. Засѣданіе это было посвящено воспоминанію совершившейся 24-лѣтней годовщины, со времени учрежденія Общества. Секретарь Я. А. *Чистовичъ* приступилъ къ чтенію отчета о работахъ и занятіяхъ Общества, составлявшихъ предметы дѣятельности его въ истекшемъ году. Исчисливъ новыя открытія въ области медицины, подлежащія обсужденію Общества, онъ упомянулъ о многихъ частныхъ случаяхъ болѣзненныхъ формъ, хирургическихъ операцій или счастливаго примѣненія различныхъ врачебныхъ способовъ, служившихъ также предметомъ разсужденій. Разсматривая кругъ дѣятельности Общества, онъ пришелъ къ тому заключенію, что конечная цѣль и результатъ почти всѣхъ усилій и заботъ Общества выразились въ практичности, или преуспѣяніи врачебной практики. При этомъ онъ затронулъ весьма важный и не разсматривавшійся вопросъ о различныхъ внѣшнихъ условіяхъ, охватывающихъ врача на поприщѣ его практической дѣятельности. Въ числѣ задачъ, предложенныхъ Обществомъ въ теченіе прошлаго года, одна обращаетъ на себя особенное вниманіе, и обѣщаетъ озарить новыми и свѣтлыми надеждами безостановочныя стремленія Общества къ обогащенію своихъ запасовъ, разрабатываемыхъ для общей практической пользы. Эта задача состоитъ въ возможномъ сближеніи съ тѣми изъ своихъ со товарищей, которые имѣютъ сферу дѣятельности различныя отдаленныя мѣста нашего отечества, дабы чрезъ нихъ болѣе истиннѣе ознакомиться съ особенностями мало изслѣдованныхъ еще, но

несомнѣнно разнящихся между собою частей Россіи. Изъ нѣкоторыхъ мѣстностей доставлены уже люботныя сообщенія о характерическихъ особенностяхъ ихъ, важныхъ въ медицинскомъ отношеніи, такъ-что на основаніи ихъ весьма позволительно ожидать, что со-временемъ мы будемъ имѣть довольно полную и обстоятельную медицинскую географію Россіи. Что касается до личнаго состава Общества, то въ-теченіе прошлаго года оно состояло изъ 188 членовъ, именно 42 почетныхъ, 98 дѣйствительныхъ и 48 членовъ-корресподентовъ. Изъ этого числа, оно, къ крайнему сожалѣнію, лишилось осьми членовъ, похищенныхъ смертью, именно: двухъ членовъ почетныхъ (Парижскаго профессора *Шомеля* и Петербургскаго А. П. *Нелюбина*), трехъ дѣйствительныхъ членовъ (Ф. П. *Герарди*, П. А. *Нарановича* и А. Н. *Никитина*) и трехъ членовъ-корресподентовъ (Л. Л. *Рклицкаго*, Вѣнскаго профессора *Маутнера* и Иллирійскаго доктора *Шпорера*). Въ числѣ членовъ Обществу принадлежать врачи, извѣстные своею Европейскою славою: *почетные члены*: Андраль, Валентинъ, Вельпо, Геренъ, Гёртелу, Карусъ, Клотъ-Бей, Ларрей, Рикоръ, Ротинскій, Шёнлейнтъ; *члены-корресподенты*: Гебра, Гёшенъ, Гугенбугель, Пита, Пригеръ, Русбрукъ, Скода, Лангенбекъ, Шу. Въ заключеніе секретарь прочиталъ некрологъ А. Н. Никитина, принадлежавшаго къ числу шестнадцати учредителей, подписавшихъ въ 1833 г. первый проектъ Устава Общества. Въ краткомъ очеркѣ, но исполненномъ сочувствія и уваженія къ личности покойнаго, представилъ онъ начало его образованія, служебное поприще и ученые труды, свидѣтельствовавшіе о неутомимой и просвѣщенной дѣятельности усопшаго сочлена. По выслушаніи отчета, Общество приступило къ избранію членовъ управленія на текущій годъ и единогласно вновь избрало тѣхъ-же лицъ, которыя исполняли эти должности въ прошломъ году, именно: президентомъ — И. В. *Енохна*, вице-президентомъ — П. А. *Нарановича*, секретаремъ — Я. А. *Чистовича* и кассиромъ и бібліотекаремъ (въ одномъ лицѣ) — И. С. *Щеглова*. Вслѣдъ затѣмъ, по предложенію членовъ управленія, избраны въ почетные члены Общества: Н. И. *Ширововъ*, П. А. *Дубовицкій* и Р. С. *Четыркинъ*. Наконецъ назначена особая комиссія для повѣрки денежной кассы и прихода-расходныхъ книгъ Общества.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ РИМСКАГО АКАДЕМИЧЕСКАГО ЛИНЦА И СОСТОЯЩІЙ ПРИ НИМЪ ГИМНАЗИИ. — По окончаніи академическаго 1857/8 года, 30 августа проис-

ходилъ въ Ршпельскомъ лицѣѣ и состоящей при немъ гимназіи торжественный актъ. Послѣ божественной литургіи и молебствія о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, совершенныхъ въ Александро-Невской лицейской церкви, актъ начался въ 12 часовъ дня пѣніемъ молитвы: «Царю небесный». Затѣмъ профессоръ лица *Акимовъ* произнесъ рѣчь: «О дѣйствіяхъ подземнаго огня», а инспекторъ лица *Михневичъ* прочелъ «Историческую записку о состояніи лица въ истекшемъ учебномъ году». Послѣ сего прочтены были: старшимъ учителемъ гимназіи *Синесымъ* — рѣчь: «Объ отрицательномъ направленіи Русской литературы», а первымъ помощникомъ инспектора *Орбинскимъ* — «Историческая записка о состояніи пансіона и гимназіи»; при семъ розданы были награды отличнымъ ученикамъ и провозглашены имена воспитанниковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы. Актъ заключенъ пѣніемъ народнаго гимна: «Боже, Царя храни».

ОТКРЫТІЕ ДВУХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ Г. САМАРѢ. — Въ Самарскихъ губ. вѣд. напечатано: «Мы счастливы, что наконецъ можемъ привѣтствовать жителей Самары съ пріобрѣтеніемъ двухъ новыхъ училищъ. Правда, одно изъ нихъ, при Самарскомъ тюремномъ замкѣ, составляетъ лишь относительную его принадлежность. Но приходское женское училище есть полная собственность нашего города. Открытіе того и другаго совершилось 2 сентября, перваго — въ одиннадцать, а втораго — въ двѣнадцать часовъ утра. Все это произошло безъ блеска, церемоній и безъ обычныхъ угощениій. Тихо и скромно отправлено было тамъ и здѣсь, по чину православной церкви, молебствіе, и этимъ завершилось вполне мирное торжество. Приходское училище для дѣвицъ открыто лично г. начальникомъ губерніи К. К. *Гротомъ*, въ присутствіи бывшаго директора училищъ А. П. *Пономарева*, завѣдывающаго дирекцію инспектора гимназіи И. Д. *Веретенникова* и другихъ училищныхъ чиновниковъ, наставницы училища, городского головы съ нѣкоторыми гражданами, поступившихъ ученицъ и родителей ихъ. Предъ началомъ церковнаго обряда, завѣдывающій дирекцію И. Д. *Веретенниковъ* объявилъ разрѣшеніе начальства на открытіе заведения, и при этомъ въ рѣчи, обращенной къ посѣтителямъ, указалъ, кому одолжено своимъ открытіемъ это новое училище, а въ назиданіе учащимся сказалъ нѣсколько словъ объ ихъ обязанностяхъ. Вслѣдъ за этимъ начался молебенъ, по окончаніи котораго

городской голова В. Е. *Бурьевъ*, короткою рѣчью, отъ имени городского общества выразилъ благодарность г. начальнику губерніи за живое участіе въ дѣлѣ учрежденія школы. Въ отвѣтъ на это К. К. *Гротъ* сказалъ, что средства для основанія этого начального училища даны ему городскимъ обществомъ, и онъ надѣется, что, по удовлетвореніи необходимой потребности одного слоя гражданъ, общество поможетъ ему и въ дѣлѣ основанія губернскаго училища для дѣвицъ, гдѣ могли-бы получать соотвѣтственное требованіямъ времени образованіе дѣти другаго, высшаго круга городского сословія. Ко времени открытія поступило въ училище семнадцать дѣвочекъ; изъ нихъ только двѣ не принадлежатъ къ городскому состоянію. На содержаніе этого училища, по приглашенію г. начальника губерніи, Самарское городское общество, приговоромъ 12 февраля сего года, опредѣлило 700 р. Сумма эта окружнымъ училищнымъ вѣдомствомъ распредѣлена слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю 60 р., учительницѣ и вмѣстѣ надзирательницѣ 200 р., учителю 150 р., учителю пѣнія 50 р.; на наемъ дома и отопленіе съ квартирою учительницѣ 200 р.; на прочіе расходы, какъ-то: покупку мебели, учебныхъ пособій, женскихъ рукодѣлій и др. 40 р. Помѣщеніе училища (въ домѣ священника и законоучителя М. И. Ястребова), правда, не слишкомъ просторное, уютно, чисто, свѣтло, и можетъ удовлетворить, пожалуй, и прихотливому требованію. Можно думать, что съ увеличеніемъ числа учащихся откроются и способы удовлетворенія; крайней-мѣрѣ, грѣшно было-бы на этомъ остановиться. Для Самары, намъ кажется, одного такого училища недостаточно. Будемъ надѣяться, что это первое не будетъ послѣднимъ. Тогда должно будетъ избрать, для удобства посѣщенія учащимися, мѣстность въ другой части города. Мѣстоположеніе открытаго училища избрано въ этомъ отношеніи весьма удачно, въ чемъ, думаемъ, всякій съ нами согласится. — Обратимся теперь къ училищу при тюремномъ замкѣ. Открытіе его происходило въ присутствіи директора попечительнаго о тюрьмахъ комитета А. А. *Кроууса* и губернскаго прокурора С. А. *Жизневскаго*. Хотя прямое его назначеніе—служить для обученія дѣтей содержащихся въ тюремномъ замкѣ арестантовъ; но мѣстный попечительный комитетъ, по отсутствію первыхъ и въ видахъ нравственнаго вліянія на заключенныхъ, не всегда вполне порочныхъ, и смягченія горечи тюремной жизни, припзналъ полезнымъ право посѣщенія училища рас-

пространить на взрослыхъ, предоставляя это собственному ихъ желанію. На первый разъ въ училище, ограниченное двадцатью, записано шестнадцать человѣкъ. Желающихъ явилось впрочемъ болѣе; но нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и болѣе порочныхъ, признано неудобнымъ сообщать съ арестантами менѣе важными. Кругъ ученія будетъ заключаться въ чтеніи книгъ церковныхъ и гражданскихъ и обученіи письму, въ преподаваніи закона Божія, священной исторіи и катихизиса, съ присовокупленіемъ необходимыхъ молитвъ и первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики. Для начинающихъ принята метода взаимнаго обученія. Священная исторія будетъ передаваться въ разсказахъ, догматы вѣры — приблизительно къ понятіямъ слушателей, а объясненіе христіанскихъ обязанностей — примѣняясь къ ихъ жизни. Изученія ариметики будетъ преимущественно практическое. Обязанность преподавателя возложена на тюремнаго священника *Царегородскаго*, согласно изъявленному имъ желанію, съ вознагражденіемъ по 120 р. въ годъ. Сумма на содержаніе училища отпускается изъ экономическаго капитала тюремнаго комитета. Такъ, въ одинъ день, особенною заботливостью г. начальника губерніи, открыты два училища, одинаковыя по цѣли, но совершенно различныя по ихъ положенію какъ въ-отношеніи къ обществу, такъ и къ самимъ учащимся: одно—на свободѣ, другое—въ заключеніи. Здѣсь неиспорченное порокомъ дитя наставляется нравственнымъ обязанностямъ, тамъ возстановляется нравственно-упавшій человѣкъ».

О РАСПРОСТРАНЕНІИ ЧТЕНІЯ ВЪ РОССИИ.—По поводу этого общепользнаго предпріятія въ Экономич. указат. (*№ 99*) напечатана слѣдующая статья: «Благосостояніе невозможно безъ труда, трудъ — безъ знанія; а знаніе необходимо предполагаетъ знакомство съ различными опытами и выводами, передаваемыми въ настоящее время нанудобнѣе путемъ печати. Грамотность и охоту къ чтенію мы считаемъ потому первымъ признакомъ образованія и лучшимъ ручательствомъ всестороннихъ успѣховъ народа; и въ этомъ убѣждены до такой степени, что самый «актъ чтенія» считаемъ болѣе достойнымъ похвалы, нежели насмѣшекъ, и предпочитаемъ его «дохожденію своимъ умомъ» до узкихъ выводовъ. Поэтому распространить чтеніе, въ нашихъ глазахъ — святое дѣло.

«Полные такихъ убѣжденій, мы уже задумали предпріятіе,

успѣхъ котораго зависитъ отъ сочувствія публики, но котораго цѣль, во всякомъ случаѣ, едва-ли можетъ подвергнуться нареканію. Намъ кажется, что дѣло чтенія есть отчасти дѣло привычки, какъ и всякое другое; что оно имѣетъ свои постепенности, и также требуетъ удовлетворенія, какъ всякая другая потребность. Мы думаемъ, что чтеніе у насъ не довольно развито, между-прочимъ и отъ того, что многіе не имѣютъ случая привыкнуть къ нему, потому-что имъ часто нечего читать; что многіе читаютъ не стоящее чтенія, потому-что не имѣютъ возможности по своему выбору перейти постепенно къ серьезному, ихъ занимающему предмету. Мы полагаемъ, что карты въ провинціи имѣютъ перевѣсъ предъ чтеніемъ потому, что онѣ доступнѣе для каждаго, нежели книги: ихъ можно достать вездѣ, а интересныхъ книгъ — почти нигдѣ. Поэтому мы увѣрены въ успѣхѣ предпріятія открытія дешевыхъ мѣстъ-библиотечекъ во всѣхъ уголкахъ, гдѣ есть грамотный народъ. Но, тѣмъ не менѣе, мы никого не думаемъ учить; мы желаемъ только доставить способы учиться, а тѣмъ и заохотить учиться. Читать мы будемъ давать то, что у насъ потребуютъ; издавать то, на что есть запросъ (оставляя за собою, т. е. за приглашенными для того специалистами, — выборъ лучшаго при неопредѣленности требованій). Вотъ наши предположенія, и, основываясь на нихъ, мы теперь же обращаемся къ публикѣ, на службу которой себя посвящаемъ, со слѣдующимъ предложеніемъ:

«Проектъ нашего предпріятія (акціонернаго общества «Распространенія чтенія въ Россіи») имѣетъ цѣлью: а) Устраивать библіотеки, книжные магазины, и при нихъ кабинеты для чтенія и коллекціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ достаточное число подписчиковъ. б) Издавать книги, по возможно-умѣреннымъ цѣнамъ, средствами общества, или иждивеніемъ тѣхъ, которые пожелаютъ поручить то обществу, пользующемуся за то извѣстнымъ процентомъ. в) Принимать на комиссію книги и учебныя пособія, получая за то не болѣе 10%. г) Принимать подписку на журналы и вновь выходящія книги, а также выписывать книги и учебныя пособія по желанію каждаго, на всѣхъ языкахъ. д) Принимать пожертвованія и распоряжаться ими на отпечатаніе книгъ съ благотворительною цѣлью. е) Издавать книги, приспособленныя къ понятію дѣтей и простаго народа, въ чемъ теперь особенно ощущается важный недостатокъ, и продавать ихъ по возможно-умѣреннымъ цѣнамъ. ж) Озаботиться объ удешевленіи учебныхъ по-

собій, какъ-то: географическихъ картъ, атласовъ, глобусовъ, физическихъ, геодезическихъ, астрономическихъ и т. п. инструментовъ, химическихъ приборовъ; нотъ, картинъ и т. п., приобрьтая ихъ изъ первыхъ рукъ, какъ втутри имперіи, такъ и за границей, если это представится болѣе выгоднымъ по цѣнѣ и качеству предметовъ. Также общество постарается доставить возможность желающимъ временно пользоваться ими въ помѣщеніяхъ общества, и даже брать оныя на домъ, взимая за то умѣренную плату.

з) Заводить, гдѣ окажется на то требованіе, могущее принести доходъ: оранжереи, коллекціи рѣдкостей, звѣринцы, художественныя галереи и другія выставки (моделей, машинъ, восковыхъ фигуръ и т. п.) и) Завести типографію и литографію для удешевленія и улучшенія печатанія книгъ, и для доставленія обществу сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ выгодъ.

і) Для избѣжанія лишннихъ расходовъ, войти въ сношенія съ иностранными книгопродавцами и издателями, и получать отъ нихъ на комиссію книги и т. п. к.) Для изданія-же книгъ на Русскомъ языкѣ учредить редакціонный комитетъ изъ специальныхъ ученыхъ и литераторовъ. На обязанности его, вмѣстѣ съ директорами правленія общества, будетъ лежать: разсмотрѣніе и исправленіе рукописей, предназначаемыхъ къ печатанію; а также опредѣленіе ихъ относительнаго достоинства и платы за нихъ. Это необходимо для того, чтобы изданія общества отличались пользою и могли принести вѣрный доходъ обществу. Для полнаго дѣйствія общества предполагается собрать капиталъ въ 500 т. рублей серебромъ, раздѣленный на 10,000 акцій; первоначальный взносъ предполагается въ 10 руб. серебромъ. Жалающіе получать на часть своихъ акцій, вмѣсто дивиденда, книги, издаваемые обществомъ, или пользоваться ими для чтенія изъ библіотекъ, или жертвовать свой дивидендъ на изданіе самыхъ необходимыхъ учебниковъ, энциклопедическихъ лексиконовъ и книгъ, съ благотворительною цѣлью, — объявляютъ о томъ при подпискѣ на акціи. На эти акціи дивидендъ будетъ считаться 10%, хотя-бы пай прочихъ былъ и меньше. Акціи могутъ служить залогомъ на полученіе книгъ и учебныхъ пособій изъ библіотекъ какъ самимъ владѣльцамъ, такъ и постороннимъ лицамъ. Доводя этотъ проектъ до свѣдѣнія публики, мы желаемъ дать преимущественно гг. иногороднымъ время вполнѣ обсудить, насколько, гдѣ и въ какихъ размѣрахъ онъ можетъ осуществиться и затѣмъ приобрьсть дѣльные совѣты. Поэтому покорнѣйше про-

силь всѣхъ и каждого, любящаго грамоту и вѣрующаго въ ея силу: 1) Сообщить намъ свое мнѣніе заблаговременно: въ какихъ городахъ, на сколько человекъ и на какихъ языкахъ могутъ быть устроены библіотеки и при нихъ кабинеты. 2) Просимъ увѣдомить, не угодно-ли кому-либо изъ нашихъ отечественнымъ писателей и издателей — дать согласіе на уступку намъ права изданія всѣхъ замѣчательныхъ и въ маломъ числѣ находящихся въ продажѣ, или еще неизданныхъ сочиненій и статей, помѣщенныхъ въ журналахъ, и самимъ назначить имъ цѣну. Изданіе такихъ статей отдѣльно необходимо уже и для того, чтобы избѣгнуть тѣмъ собранія въ библіотеки журналовъ за прежніе года, что обошлось-бы слишкомъ дорого. Въ-особенности мы просимъ сочинителей и издателей объ уступкѣ за умѣренную цѣну права на изданіе тѣхъ книгъ, которыя могутъ быть интересны для простаго народа, и которыя мы желали-бы пустить по самой дешевой цѣнѣ, именно по такой, чтобы печатный листъ обходился для покупателя не болѣе 1½ коп. Тогда за 50 руб. можно будетъ составить библіотеку отъ 200 до 300 книгъ, которыя теперь стоятъ отъ 200 до 300 р. Конечно, все разсчитывается на изданіе книгъ въ большемъ числѣ экземпляровъ, и потому зависитъ отъ величины требованій; но нельзя не желать развитія подобныхъ дешевыхъ библіотекъ легкихъ и простыхъ книгъ, которыя, по нашему мнѣнію, однѣ только въ-состояніи отвлечь наше простонародье отъ кабаковъ. 3) Желающихъ участвовать въ нашемъ обществѣ просимъ извѣстить о предполагаемыхъ ими рамѣрахъ участія для того, чтобы, въ случаѣ утвержденія общества, при разверсткѣ акцій можно-бы было достаточное количество отдѣлить для иногородныхъ капиталистовъ. Конечно, пріятнѣе было-бы, чтобы въ каждомъ городѣ, гдѣ представляется возможность устроить библіотеки, было побольше акціонеровъ. Принимая естественно болѣе живое участіе въ предпріятіи, они могли-бы содѣйствовать успѣху его: личнымъ вліяніемъ на расширеніе круга дѣйствій общества, наблюденіемъ за правильнымъ ходомъ дѣла его и участіемъ въ его интересахъ; разумѣется, все это — если они сами того пожелаютъ; наконецъ, они могутъ, зная мѣстныя обстоятельства, преподать добрые совѣты въ-отношеніи улучшенія мѣръ и увеличія выгодъ общества. Это тѣмъ болѣе удобно, что предполагаемая цѣна акцій (50 р.) и первоначальный взносъ (10 р.) чрезвычайно умѣренны, дѣлая ихъ доступными даже для малосостоятель-

выхъ лицъ; и что теперь же доводится объ этомъ до свѣдѣнія гг. иногородныхъ для предупрежденія ихъ, и доставленія имъ возможности приобрести акціи даже преимущественно предъ здѣшними жителями. 4) Лицъ, имѣющихъ частныя библіотеки на языкахъ, преимущественно употребляемыхъ въ мѣстѣ ихъ жительства, просимъ сообщить, не угодно-ли будетъ уступить ихъ намъ, приславъ заблаговременно списокъ книгъ съ означеніемъ крайнихъ цѣнъ, — конечно, въ такомъ только случаѣ, если книги совершенно цѣлы и мало поддержаны. 5) Также точно мы просимъ сообщить намъ и о публичныхъ библіотекахъ, устроенныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ: не угодно-ли будетъ передать ихъ намъ и на какихъ условіяхъ. Намъ кажется, что вообще было-бы выгодноѣе соединить ихъ съ нашими, и тѣмъ дать возможность всякому пользоваться всѣми литературными новостями за умѣренную цѣну. Для этого, конечно, нужно будетъ намъ прислать подробные каталоги книгъ. 6) Сообщить намъ, въ какихъ городахъ (напримѣръ университетскихъ) возможно и выгодно устроить библіотеки съ книгами серьезнаго содержанія и при нихъ заведенія, которыя могли-бы приносить доходъ, какъ-то: химическія лабораторіи (публичныя) и т. п., при этомъ нужно будетъ обозначить: какіе именно кабинеты болѣе необходимы, и на какихъ языкахъ книги. 7) Просимъ также сообщить, на какое содѣйствіе можно разсчитывать со стороны города и правительственныхъ и частныхъ лицъ для составленія разныхъ собраній или постоянныхъ выставокъ изъ мѣстныхъ и т. п. предметовъ. 8) Если гдѣ будетъ недостаточное число подписчиковъ, такъ-что за умѣренную цѣну (отъ 50 коп. до 1 р. 20 коп., въ мѣсяцъ, какъ мы предполагаемъ) невыгодно будетъ устроить библіотеки или кабинеты, то сообщить намъ, не найдется-ли возможныхъ дать бесплатно помѣщеніе и прислугу или увеличить размѣры мѣсячнаго взноса, и тѣмъ какъ-бы замѣнить нужное число подписчиковъ для того, чтобы могла быть учреждена библіотека. Это въ-особенности можетъ быть достигнуто въ мѣстахъ расположенія войскъ, и въ городахъ, гдѣ въ окрестностяхъ много богатыхъ помѣщиковъ. 9) Сообщить намъ, кто изъ гг. начальниковъ частей и богатыхъ помѣщиковъ желаетъ устроить для солдатъ и крестьянъ библіотеки по самымъ дешевымъ цѣнамъ, и изъ какого содержанія книгъ, напримѣръ духовныхъ, историческихъ романовъ, повѣстей и т. под. Это необходимо для того, чтобы имѣть въ виду число экземпляровъ

книгъ, которое необходимо будетъ издать для народнаго чтенія, и назначить возможно-умѣренную цѣну.

«Вотъ цѣль нашего предпріятія и вотъ наша просьба публикѣ. Надѣмся, что въ дѣлѣ новомъ, по своему характеру отличномъ отъ всего, что до-сихъ-поръ предпринималось въ этомъ родѣ, какъ у насъ, такъ и за границей, — въ дѣлѣ, рассчитанномъ на лучшія стороны и на будущность Русскаго народа, наши соотечественники не оставятъ насъ своимъ совѣтомъ, участіемъ и нравственною и матеріальною поддержкой» (*).

ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ БРИТАНСКАГО ОБЩЕСТВА ИСКУССТВА И НАУКЪ. — Въ новой ратушѣ въ Лидсѣ, недавно открытой королевою и большимъ музыкальнымъ празднествомъ, происходило 22 сентября двадцать осьмое годичное собраніе Британскаго Общества искусствъ и наукъ. Кромѣ президента, Гумфри Ллойда, присутствовали лорды Годеричъ, Монтиль, Эннискиллень, Раттеслей, сиръ Р. Мурчисонъ, профессоръ Овенъ, докторъ Весель, д. Латамъ, сиръ Б. Броди, полковникъ Сейксъ, профессоръ Фараде, г. Бейнесъ, сиръ Дж. Рени, сиръ О. Эджертоуъ, генералъ Чесней, г. Монктоуъ-Мильнсъ, докторъ Ли и докторъ Нортонъ Шау. Генералъ Сабейнъ, секретарь Общества, прочиталъ отчетъ управляющаго комитетомъ, который изъясняетъ сожалѣніе, что тщетно ходатайствовалъ у прежняго министерства объ отправленіи корабля въ рѣку Макензія для производства наблюденій касательно земнаго магнитизма. Вновь избраны въ члены-корресподенты: докторъ Бартъ, профессоръ Болцани въ Казани, Д'Аббади въ Парижѣ, пр. Лаомисъ въ Нью-Йоркѣ, Пизани во Флоренціи, Густавъ Плааръ въ Страсбургѣ, братья Германъ и Робертъ Шлагинтвейтъ въ Берлинѣ.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ИСТОРИКОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ. — Мы извѣстили уже, что при С. Петербургской духовной академіи предпринято изданіе «Византійскихъ историковъ» въ переводѣ съ Греческаго на Русскій языкъ. Нынѣ увѣдомляемъ, что вышелъ

(*). Всѣ письма просятъ адресовать на имя одного изъ учредителей: а) редактору Экономическаго указателя, Ивану Васильевичу Вернадскому, на Моховой, въ домѣ п. № 28; б) въ контору «Летучей бібліотеки», Николаю Алексѣевичу Сеньковскому, въ малой Садовой, въ д. п. № 6; в) редактору Весельчака, Николаю Михайловичу Львову, на Гороховой, въ домѣ Михайлова.

и поступилъ въ продажу первый томъ Византійскихъ историковъ въ Русскомъ переводѣ, заключающій въ себѣ историческія записки Никифора *Врѣннія* о времени 976—1087 г. Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ концѣ сего года «Записки Киннама» и первая часть «Записокъ Хоніата». Начавъ переводъ съ Врѣннія, Киннама и Хоніата, редація по изданію Византійскихъ историковъ имѣетъ въ виду скорѣе ознакомить съ временемъ отпаденія западной перкви отъ восточной православной и съ послѣдующимъ періодомъ (*).

НОВЫЯ ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАВІЯ. — Появились объявленія о тринадцати новыхъ періодическихъ изданіяхъ на 1859 годъ, въ томъ числѣ о семи журналахъ и шести газетахъ; вотъ ихъ названія: а) журналы: 1) *Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, 2) *Русское слово*, 3) *Московское обозрѣніе*, 4) *Южный сборникъ*, 5) *Собесѣдникъ*, 6) *Солдатская бесѣда* и 7) *Ласточка*; б) газеты: 1) *Русскій міръ*, 2) *Русскій дневникъ*, 3) *Парусъ*, 4) *Русская газета*, 5) *Арлекинъ* и 6) *Производитель и промышленникъ*. Познакомимъ съ будущимъ содержаніемъ каждаго изъ сихъ изданій.

АРХИВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССІИ.
Редакторъ-издатель Н. В. Калачовъ. — Цѣль, съ какою предпринимается это повременное изданіе, заключается въ томъ, чтобы знакомить публику: съ одной стороны — вообще съ древнимъ бытомъ нашего отечества (въ этомъ отношеніи журналъ долженъ замѣнить «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній»), а съ другой — съ тѣми данными настоящаго времени, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ Русскаго общества и въ разныхъ частяхъ Россіи, могли-бы притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принятыхъ правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ имъ потребностей. Обѣ эти части изданія, не смотря на то, что относятся къ разному времени, будутъ приводимы въ тѣснѣйшую между собою связь на основаніи

(*). Историческія записки Врѣннія продаются въ духовно-учебномъ управленіи при святѣйшемъ синодѣ. Цѣна 75 коп. сер. На пересылку прилагается за 2 фута.

слѣдующихъ соображеній. Русское государство, въ томъ видѣ или съ тѣми началами и формами общественнаго быта, какія имѣеть теперь, есть результатъ долговременнаго развитія и большею частію постепеннаго перехода отъ началъ и формъ этого быта у народа младенствующаго къ началамъ и формамъ современныхъ намъ Европейскихъ государствъ;— результатъ, который обусловливается усердною дѣятельностію нашего правительства въ-теченіе многихъ столѣтій на пользу общественную. Подъ вліяніемъ этой продолжительной дѣятельности правительства, многіе существенные вопросы, занимающіе насъ въ настоящее время, подвергались не одинъ разъ тщательному разсмотрѣнію или рѣшенію такъ или иначе, на основаніи данныхъ извѣстной эпохи. Отсюда ясно, что историческое изученіе нашего быта, историческая разработка всѣхъ общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ нашихъ предковъ, съ указаніемъ на тѣ данныя, какія при рѣшеніи ихъ имѣлись въ виду у правительства, составляютъ существенную необходимость при современномъ пересмотрѣ и рѣшеніи тѣхъ-же вопросовъ; такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны, что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы взглядѣться пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и слѣдовательно могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны, какъ народомъ Европейскимъ. Итакъ, при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся общественнаго быта, по-возможности, будетъ всегда предпосылаема твердая основа, заключающаяся въ историческихъ розысканіяхъ. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ, въ виду необходимой связи, существующей между положительнымъ правомъ и дѣйствительною жизнію, назначается особое «Приложеніе» къ изданію для разсмотрѣнія практическихъ вопросовъ современной юриспруденціи, Русской и иностранной, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ наукою и опытомъ. Согласно изложенной выше цѣли и направленію, журналъ будетъ раздѣляться на слѣдующіе отдѣлы:

I. *Изслѣдованія* какъ чисто-историческаго, такъ и историко-юридическаго, историко-практическаго и археологическаго содержанія.

II. *Очерки современнаго быта*. Въ составъ ихъ войдутъ какъ описанія мѣстныхъ обычаевъ, нравовъ, такъ и мѣстныхъ условій природы, имѣющихъ вліяніе на эти обычаи и нравы, на торговлю, хозяйство и прочее. Сюда-же принадлежатъ обзорнія законода-

тельной и правительственной дѣятельности съ цѣлью указать на то, что представляется почему-либо важнымъ для общественнаго развитія; статьи о современныхъ путяхъ сообщеній, объ отношеніяхъ между различными классами обществъ, о цѣнѣ за трудъ и т. д.

III. *Матеріалы*, относящіеся до исторіи, права, статистики и экономическаго быта преимущественно древней Россіи. Сюда-же относятся переводы иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Изъ новыхъ матеріаловъ въ этотъ отдѣлъ войдутъ тѣ официальные акты законодательной и правительственной дѣятельности Верховной власти, на важность коихъ было указано въ предъидущемъ отдѣлѣ.

IV. *Обозрѣніе* изданій историко-юридическаго и практическаго содержанія какъ официальныхъ, такъ и частныхъ, и вообще имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ цѣли и направленію «Архива», и *библиографическая хроника*, которая будетъ заключаться въ краткихъ извѣстіяхъ о сочиненіяхъ и изданіяхъ, заслуживающихъ вниманіе по тому-же отношенію.

V. *Смѣсь*. Замѣтки и новости, служащія къ объясненію быта и письменности древняго и новаго времени.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Собраніе юридическихъ въ Россіи вопросовъ и задачъ съ историческимъ или практическимъ ихъ изъясненіемъ.

II. Извлеченія изъ новыхъ сочиненій, выходящихъ за границы, представляющихъ историческій и практическій интересъ въ отношеніи къ юриспруденціи.

«Архивъ» будетъ выходить шесть разъ въ годъ, каждые два мѣсяца по одной книжкѣ, заключающей въ себѣ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ (*).

РУССКОЕ СЛОВО. *Литературно-ученый журналъ. Издатель - редакторъ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко и редакторъ Я. П. Полонскій.* — Журналъ этотъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 листовъ. Каждая книжка будетъ заключать въ себѣ пять отдѣловъ:

(*) Цѣна годовому изданію въ С. Петербургѣ 9 руб., съ пересылкою-же въ другіе города Россіи 10 руб. сер. Желающіе доставлять статьи для помѣщенія въ «Архивъ» приглашаются обращаться въ редакцію онаго, находящуюся въ С. Петербургѣ, на Владимірской улицѣ, въ домѣ Маслова, или въ контору редакціи, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

I. *Словесность*. Стихотворенія и прозаическія произведенія отечественныхъ писателей.

II. *Науки*. Въ этомъ отдѣлѣ будетъ обращено особое вниманіе на общепонятное изложеніе статей; будутъ помѣщаемы біографическіе очерки лицъ, замѣчательныхъ на разныхъ поприщахъ.

III. *Критика и библіографія*. Оцѣнка замѣчательнѣйшихъ произведеній въ области Русской литературы и извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ.

IV. *Отчетъ объ иностранныхъ литературахъ*. Разборъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ писателей.

V. *Смѣсь*. Мелкіе рассказы, новости по части наукъ, искусствъ, промышленности и проч. Будетъ прилагаться листокъ для любителей шахматной игры. Новости о Петербургскихъ и Московскихъ театрахъ и другихъ явленіяхъ общественной жизни.

Такъ - какъ въ составъ книжекъ не будутъ допущены переводы съ иностранныхъ романовъ, тогда-какъ многіе изъ нихъ заслуживаютъ справедливое вниманіе публики, то отъ времени до времени предположено издавать эти романы и повѣсти въ особыхъ книжкахъ, которыя будутъ выдаваемы въ видѣ особаго прибавленія, не менѣе 6-ти книжекъ. Въ составъ этихъ прибавленій войдутъ, сверхъ переводныхъ романовъ, и нѣкоторыя сочиненія и собранія сочиненій современныхъ нашихъ писателей (*).

МОСКОВСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. *Издатель А. Лаксъ*. — Журналъ этотъ по преимуществу критическій; цѣль его двоякая: онъ будетъ слѣдить за главными вопросами, возникающими въ области науки и жизни Европейской и Русской по тѣмъ литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ сказывается современное состояніе этихъ вопросовъ или затрогиваются нѣкоторыя ихъ стороны. По поводу того или другаго ученаго или литературнаго труда или нѣсколькихъ вмѣстѣ, журналъ будетъ знакомить читателя съ современнымъ состояніемъ тѣхъ вопросовъ науки и жизни, которыхъ касается разсматриваемое сочиненіе. Не всегда, конечно, одно аб-

(*) Цѣна изданію съ прибавленіями 15 р. сер., безъ прибавленій 12 р. сер.; за пересылку и доставку на домъ прилагается 1 руб. Подписка принимается преимущественно въ конторѣ «Русскаго слова», на Невскомъ проспектѣ, противъ публичной бібліотеки, въ домѣ Демидова, въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, и въ главной конторѣ журнала, въ домѣ графа Гр. А. Кушелева-Безбородко — на Гагаринской пристани.

солютное достоинство ученаго труда или новость его будутъ служить поводомъ къ появленію статей подобнаго рода; несравненно чаще появленіе ихъ будетъ условливаться значеніемъ и важною самаго предмета. Кромѣ этой цѣли, журналъ имѣетъ еще другую— критико-библиографическую: онъ будетъ слѣдить за движеніемъ главныхъ отраслей литературъ Европейскихъ и литературы Русской съ родственными ей Славянскими. Въ каждой книжкѣ своей оно представитъ сжатые, по-возможности, отчеты о важныхъ явленіяхъ въ литературѣ по различнымъ ея отраслямъ. Въ настоящее время, когда наша періодическая литература захватила въ себя почти все то, что является лучшаго въ печати, критическій органъ не можетъ, конечно, обходить молчаніемъ явленія періодической литературы; они будутъ обращать на себя вниманіе или по своимъ положительнымъ достоинствамъ или по недостаткамъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ. Посему каждая книжка Московскаго обозрѣнія будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ представитъ критическія статьи о предметахъ изъ области наукъ государственныхъ, исторіи, философіи, филологіи, изящной литературы, наукъ естественныхъ и медицины въ общественномъ и общенаучномъ (неспеціальномъ) ея значеніи. Второй отдѣлъ составитъ критико-библиографическое обозрѣніе новѣйшихъ замѣчательныхъ явленій въ области тѣхъ-же наукъ. Возможно-полное, въ предѣлахъ разумной законности, развитіе человѣческой личности, съ вытекающею изъ этого развитія гражданственностію, глубокое уваженіе къ наукѣ и къ тѣмъ началамъ, которыя она даетъ для нашей жизни, для нашего духовнаго развитія, — вотъ главная основа, на которой будетъ стоять журналъ. По мѣрѣ силъ и насколько позволятъ обстоятельства, онъ будетъ стараться провести эти начала чрезъ многочисленный и разнообразный рядъ литературныхъ явленій. Редакція его состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, взявшихъ на себя, по предварительному соглашенію въ общихъ руководящихъ началахъ, завѣдываніе различными отдѣлами.

«Московское обозрѣніе» будетъ выходить чрезъ каждые два мѣсяца книжками не менѣе 20 печатныхъ листовъ (*).

(*) Цѣна изданію безъ пересылки и доставки 10 р. сер., съ перысылкою или доставкою 11 р. 50 к. Иногородные приглашаются съ своимъ требованіемъ въ редакцію, помѣщающуюся въ Москвѣ, на Знаменкѣ, въ домѣ Соколова.

ЮЖНЫЙ СБОРНИКЪ. Редакторъ *Н. Максимовъ.* — Первоначально предполагено было издавать «Южный сборникъ» ежемѣсячно, въ видѣ книжекъ, отъ 10 до 12 листовъ въ каждой, но мѣстныя типографскія средства показали невозможность осуществленія такого плана. А потому, до усиленія ихъ, редакція предположила, въ видѣ опыта, издавать въ-теченіе перваго года, ежемѣсячно, по одному выпуску, заключающему въ себѣ не менѣе 2 и не болѣе 4 листовъ (*).

СОБЕСѢДНИКЪ. *Журналъ для дѣтей обоего пола.* Редакторъ *Н. Ушаковъ.* — Этотъ журналъ будетъ содержать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ I. Для дѣтей отъ 6 до 8 лѣтъ. До-сихъ-поръ ни одинъ Русскій дѣтскій журналъ не нисходилъ до изложенія первыхъ, самыхъ начальныхъ основаній, приспособленныхъ къ только-что развивающимся понятіямъ малютокъ отъ 6-до 8-лѣтняго возраста. Казалось, легко было-бы сойти съ высоты педагогической кафедръ до истолкованія простыхъ молитвъ, до первоначальнаго объясненія предметовъ, правилъ и обыденныхъ знаній: а между-тѣмъ именно эта-то часть журналовъ, посвящаемая дѣтямъ, едва начавшимъ читать, остается до-сихъ-поръ въ пренебреженіи у издателей. Редакторъ Собесѣдника считаетъ необходимымъ обратити на нее особенное вниманіе, какъ на служащую для приученія къ чтенію, пониманія прочитаннаго и для незамѣтнаго усвоенія тѣхъ началъ нравственнаго и научнаго образованія, которыя современнымъ должны разумно развиться въ зрѣломъ возрастѣ. Къ тому-же, что затвержено дитятею въ чтеніи, что растолковано ему на картинкѣ, что дитятею наглядно и по возможности сознательно усвоено и слѣдовательно непосредственно вошло въ составъ его дѣтскихъ убѣжденій и понятій, то впоследствии потребуетъ несравненно менѣе труда для болѣе основательнаго изученія. Такимъ образомъ въ составъ этого отдѣла войдутъ: поясненія необходимыхъ молитвъ, нравственные рассказы, небольшія занимательныя повѣсти, апологи, басни, афоризмы и тому подобное; рассказы и повѣсти на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, приспособленныя къ переводу.

(*) Подписка принимается въ конторѣ Одесской городской типографіи и въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бѣлаго. Цѣна 3 р., а съ пересылкою 4 р. сер.

Отдѣлъ II. Для старшаго возраста. — Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: 1) *Религія и нравственность.* Замѣчательные примѣры изъ жизни святыхъ и библейскія событія; толкованіе на главнѣйшія молитвы, церковныя обряды и все то изъ православной религіи, что необходимо усвоить съ юныхъ лѣтъ, какъ основу нравственности и благочестія. 2) *Исторія.* Историческія разказы преимущественно изъ Русской исторіи, Русскія преданія; жизнеописанія знаменитыхъ людей Русскихъ и другихъ государствъ; все то, что относится до быта, нравовъ, обычаевъ и занятій Русскаго народа; миѳологія древнихъ народовъ. 3) *Географія.* Описаніе замѣчательныхъ странъ, мѣсть и зданій; статистическія и этнографическія свѣдѣнія, по преимуществу отечественныя; путешествія. 4) *Естественныя науки.* Бесѣды о тѣлахъ и явленіяхъ природы (астрономія, геологія, метеорологія, физика, химія); описаніе животныхъ и ихъ нравовъ, растений и ихъ свойствъ и минераловъ; изъясненіе нѣкоторыхъ, болѣе любопытныхъ, техническихъ производствъ. 5) *Словесность.* Повѣсти, разказы, стихотворенія, пьесы для домашняго театра и тому подобное. 6) *Смѣсь.* Статьи, невошедшія въ упомянутые отдѣлы, какъ-то: новыя замѣчательныя извѣстія изъ области наукъ, искусствъ и ремеслъ; описаніе игръ и занятій. Въ числѣ игръ, сверхъ обыкновенныхъ, требующихъ полезныхъ движеній въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ или умственныхъ упражненій, будутъ помѣщаться также и фокусы, въ систематическомъ порядкѣ изложенные и объясненные, гдѣ нужно, рисунками. Въ число занятій войдутъ микроскопическія наблюденія, практическія правила и образцы рисовальнаго искусства, ноты небольшихъ пьесъ для фортепьяно и пѣнія, картонажныя работы; а для дѣвѣцъ—узорники и объясненія для ручныхъ рукодѣлій, наставленіе для приготовленія искусственныхъ цвѣтовъ и т. п.

Отдѣлъ III. Для родителей. Этотъ отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ: 1) Библиографическія замѣтки или указанія на Русскія и иностранныя книги и другія учебныя пособія, служащія юношеству для чтенія и для классныхъ занятій. Чтеніе книгъ требуетъ внимательнаго надзора и попеченія со стороны родителей; но не всѣ родители имѣютъ возможность принять на себя эту обязанность. Живя иногда далеко отъ большихъ городовъ, или будучи озабочены хозяйственными или служебными дѣлами, они не могутъ посвящать себя предварительному чтенію и обсужденію тѣхъ сочиненій, которыя выписываются или назначаются ими для

дѣтей, основываясь на общихъ журнальныхъ отзывахъ или даже только на одномъ оглавленіи книги:—журналы не имѣютъ въ виду дѣтскаго чтенія; оглавленія-же иногда не соотвѣтствуютъ содержанию. Какъ часто мы видимъ книги, писанныя съ очень хорошимъ, повидимому, намѣреніемъ, — съ намѣреніемъ осмѣять, подавить порокъ; но этотъ порокъ описанъ авторомъ слишкомъ увлекательно для воспримчиваго воображенія дѣтей и вотъ уже злое зерно брошено въ чистую душу малютки. Дѣти памятливы и впечатлѣніе, полученное ребенкомъ, рѣдко забывается въ юношескихъ лѣтахъ. Мы вполне понимаемъ всю трудность безошибочнаго указанія на полезнѣйшія сочиненія для дѣтскаго чтенія; но постараемся исполнить это обѣщаніе по мѣрѣ силъ нашихъ. 2) Программы и правила для приѣма и поступленія дѣтей въ казенныя и частныя учебныя заведенія и правительственныя постановленія и перемѣны, послѣдовавшія въ этихъ заведеніяхъ. На родителяхъ лежитъ забота, часто очень тягостная—помѣщеніе своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Не всѣ, и далеко не всѣ, имѣютъ возможность воспитывать своихъ дѣтей дома и давать имъ то образованіе, которое требуется въ наше время. Программы учебныхъ заведеній съ показаніемъ всѣхъ правилъ и формъ, наблюдаемыхъ при приѣмѣ, и обозначеніе книгъ приличныхъ для руководства, необходимы и для приготовительныхъ занятій для поступленія въ тотъ или другой классъ учебнаго заведенія. 3) Домашнія медицинскія средства противъ болѣе обыкновенныхъ дѣтскихъ болѣзней, т. е. дѣтскую гигиену или правила, которыми должно руководствоваться для физическаго воспитанія дѣтей всѣхъ возрастовъ, съ цѣлію содѣйствія правильному развитію организма и укрѣпленія въ дѣтяхъ здоровья. Описаніе дѣтскихъ болѣзней съ указаніемъ врачебныхъ пособій, которыя могутъ быть назначаемы противъ нихъ въ домашнемъ быту. Всеобщее почти несоблюденіе при воспитаніи дѣтей гигиеническихъ правилъ и затрудненія, обыкновенно встрѣчаемыя сельскими жителями, когда нужно бываетъ въ скоромъ времени призвать врача, даже иногда совершенная невозможность имѣть его, какъ на примѣръ весною при разливахъ рѣкъ или въ дальнемъ разстояніи отъ городовъ, — убѣдило въ существенной пользѣ такого отдѣла, и потому рѣшаясь, сколько возможно популярнѣе и полнѣе развить его, издатель пригласилъ принять на себя редакцію одного изъ опытныхъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, Русскихъ врачей. Для полноты этого

отдѣла, отъ времени до времени будутъ прилагаемы подробное описаніе и картинки дѣтскихъ костюмовъ съ выкройками и узорниками для шитья и отдѣлки ихъ домашними средствами.

Собесѣдникъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ, съ картинками, политипажками, картами и чертежами. Къ нему будутъ приложены шесть картинокъ въ годъ для дѣтскихъ костюмовъ съ выкройками и узорниками (*).

СОЛДАТСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Редакторъ и издатель А. Полюскій.—Изданіе это, назначаемое для чтенія солдатъ, будетъ состоять изъ шести книжекъ въ годъ, различнаго содержанія, соотвѣтственнаго принятой цѣли. Предметы статей преимущественно будутъ: 1) Разсужденія, разсказы, повѣсти, служація къ правильному развитію нравственныхъ и умственныхъ способностей читателей,—не касаясь вопросовъ чисто-религіознаго значенія. Опытъ подобныхъ статей, изданныхъ подъ названіемъ: «Солдатскія Забѣтки» еще въ 1855 году, удостоился Высочайшаго одобренія и книжка оказалась удобною для употребленія въ солдатскихъ школахъ. Также будутъ помѣщаемы: 2) Общепонятныя описанія и объясненія по разнымъ отраслямъ знаній, въ той мѣрѣ, какая прилична большинству читателей. 3) Предметы военной спеціальности, въ той степени развитія, которая указывается потребностью, и на основаніи утвержденныхъ руководствъ. Всѣ статьи изданія предполагаются оригинальныя, изложенныя языкомъ вполне понятнымъ для читателей, которымъ предназначается изданіе. Объемъ каждой книжки полагается около *двухъ* печатныхъ листовъ. Каждая книжка будетъ содержать въ себѣ отдѣльную полную статью. Такъ-какъ статьи, писанныя для простонародья, не должны быть раздробляемы на двѣ книжки, тѣмъ болѣе разновременно выпускаемы, то тѣ статьи, которыя составятъ книжку значительнѣе *болѣе трехъ* печатныхъ листовъ, считаются за *дѣль* книжки. Поставляя цѣлю—развитіе и направленіе способностей читателей въ возможно-вѣрной послѣдовательности, изданіе это по объему своему представляетъ не болѣе какъ образчикъ или опытъ того труда, который, при постепенномъ увеличеніи средствъ, можетъ быть болѣе обширнымъ и дѣйствительнымъ.

(*) Цѣна изданію безъ доставки 6 р. 50 к. с., съ доставкою на дома пѣ С. Петербургѣ 7 р. 50 к. с., съ пересылкою 8 р. Редакціи журнала помѣщается въ С. Петербургѣ, на углу Загороднаго проспекта и Исаковской улицы, въ домѣ Адариди.

Степень достиженія этой цѣли обозначится мѣрою успѣха изданія, т.-е. отзывами свѣдущихъ людей и распространеніемъ его добровольной подпиской. Цѣна годовому изданію шести книжекъ 1 руб. сереб., съ пересылкою въ почтовые конторы городовъ, которыя будутъ означены подписчиками; войска, квартируюція въ С.-Петербургѣ, будутъ получать книжки изъ редакціи «Военнаго сборника». Требования и деньги имѣютъ быть обращаемы въ редакцію «Военнаго сборника» при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, для частныхъ подписчиковъ—въ книжный магазинъ книгопродавца Двора Е. И. В. — А. Смирдина

За текущее полугодіе, т. е. за три книжки—50 коп. сереб. Желающіе подписаться вмѣстѣ съ симъ и на слѣдующій 1859 годъ высылаютъ 1 руб. 50 коп. сереб. Первая книжка изданія: «Солдатскія бесѣды» вышла въ свѣтъ. Она заключаетъ въ себѣ вступленіе, подъ заглавіемъ: «Землякамъ-служивымъ кое-что о нашей бесѣдѣ» и статью: «Починокъ солдатскаго образованія».

НАСТОЧКА. *Дамскій журналъ, посвященный литературѣ, знаніямъ, изящнымъ искусствамъ, домашней медицинѣ, женскому хозяйству и модамъ.*—При всей обширности круга нашей современной журналистики и множествѣ модныхъ журналовъ, мы не имѣемъ еще изданія, которое могло-бы, въ строгомъ смыслѣ, назваться *дамскимъ журналомъ*, т. е. имѣло-бы цѣлью не одно сообщеніе извѣстій о нарядахъ, которые далеко не сосредоточиваютъ къ себѣ исключительнаго вниманія нашихъ дамъ; но, представляя выборъ статей по всѣмъ отраслямъ литературы, служило-бы проводникомъ здравыхъ современныхъ понятій о наукѣ, искусствѣ и особенно о предметахъ, входящихъ въ кругъ разумной дѣятельности каждой образованной женщины. Очевидная польза подобныхъ изданій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію при нилѣпномъ пониманіи значенія женщины, какъ члена гражданскаго общества и матери семейства, и подтверждается обиліемъ дамскихъ журналовъ въ литературахъ западныхъ народовъ, которые во многихъ отношеніяхъ такъ далеко опередили наше молодое государство. Положивъ въ основаніе эту цѣль, редакція поставила себѣ въ обязанность стремиться къ тому, чтобы журналъ этотъ доставилъ дамамъ легкое, занимательное чтеніе во всѣхъ родахъ литературы и разныхъ предметахъ наукъ и искусствъ, въ общепонятномъ, свободномъ отъ схоластическихъ формъ изложеніи.

Кромѣ-того, необходимымъ дополненіемъ «Ласточки», какъ журнала, предназначающагося къ тому, чтобы сдѣлаться справочной книгой въ семейномъ быту женщины, будутъ статьи о домашней медицинѣ, хозяйствѣ и модахъ. Содержаніе журнала будетъ слѣдующее:

I. *Литература.* Повѣсти и разсказы Русскихъ и извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей, очерки нравовъ, записки, занимательныя путешествія, стихотворенія, историческія характеристики, описанія замѣчательныхъ странъ, народовъ; статьи по всѣмъ родамъ изящныхъ искусствъ, естественной исторіи и физической географіи.

II. *Домашняя медицина.* Гигіеническія наставленія, монографіи болѣзней, практическіе совѣты относительно предохраненія взрослыхъ и дѣтей отъ различныхъ болѣзней и пользованія общедоступными средствами; рецепты несложныхъ домашнихъ лекарствъ, цѣлебныхъ настоевъ, спиртовъ, притираній и косметическихъ средствъ.

III. *Хозяйство.* Домоводство со всѣми его отраслями и подраздѣленіями. Наставленіе объ уходѣ за домашними животными, птицами, пчелами и проч.; руководства къ разведенію и содержанію растений; описаніе всякаго рода рукодѣлій и извѣстія о различныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ въ технологіи, имѣющихъ отношеніе къ женскому хозяйству. *Кухня.* Рецепты всякаго рода кушаньевъ, напитковъ, вареній, солений и проч. и заготовленіе въпрокъ всякихъ хозяйственныхъ запасовъ.

IV. *Новости.* Замѣчательныя событія въ Россіи и за границей; военныя дѣйствія Русскихъ войскъ на морѣ и на сушѣ. Путешествія особъ Императорской Фамиліи; Высочайшіе указы о назначеніи дамъ въ различныя должности и пожалованіи ихъ рескриптами и другими наградами. Извѣстія объ учрежденіи и дѣятельности разныхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, обществъ и комитетовъ. *Моды.* Описанія современныхъ дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ, причесокъ, головныхъ уборовъ, обуви и украшеній.

Ласточка будетъ выходить ежемѣсячно тетрадами, съ приложеніями, которыя будутъ состоять изъ слѣдующихъ предметовъ: пѣсни, романсы и другія произведенія, картинки модъ, выкройки въ естественную величину разныхъ нарядовъ, заграничныя узоры для вышиванья по канвѣ, рисунки для вязанья, узоры

новѣйшихъ образцовъ для вышиванья, образчики модныхъ матерій, обуви, цвѣточныя сѣмяна (*).

АРЛЕКИНЪ. *Еженедѣльный журналъ легкаго и забавнаго чтенія съ литографическими иллюстраціями.* — Цѣль этого изданія будетъ доставить читателю средство пріятно улыбнуться, читая легкій и забавный текстъ и разсматривая литографированныя приложенія. Программа его слѣдующая: 1) *Арлекинъ-разсказчикъ.* Сюда относятся статьи нраво-наблюдательнаго (юмористическаго) содержания изъ свѣтско-общественнаго быта въ видѣ *повѣстей, писемъ, разсказовъ* и пр. 2) *Арлекинъ-стихотворецъ.* Разнаго рода небольшія легкія стихотворенія, преимущественно веселаго содержания. 3) *Арлекинъ-въстопицикъ-нубеллистъ.* Новости изъ общества какъ Русскаго, такъ и иностраннаго, то въ формѣ разсказа, то письма или разговора, въ родѣ извѣстнаго Нѣмецкаго сатирическаго журнала «Dorf-Barbieg», съ тою главною разницею, что политики *Арлекинъ* касаться не будетъ. 4) *Арлекинъ-театраль.* Легкій отчетъ о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ спектакляхъ обѣихъ столицъ и отчасти о провинціальныхъ, равно-какъ и объ иностранныхъ. 5) *Арлекинъ-библіографъ.* Отчетъ краткій и легкій о замѣчательныхъ Русскихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, но исключительно беллетристическаго и преимущественно сатирическаго содержания. 6) *Арлекинская пестрота.* Разнообразная *смѣсь* самыхъ мелкихъ статей, въ концѣ которыхъ будутъ разныя *загадки*, въ видѣ *шарадъ, омонимовъ,* и проч. 7) *Арлекинъ-афишѣръ.* Извѣщенія о замѣчательныхъ новыхъ книгахъ, нотахъ, картинахъ, фотографіяхъ. 8) *Модный гардеробъ и рабочий столикъ Коломбины.* Краткое описаніе всѣхъ модныхъ и руководѣльныхъ изображеній въ модныхъ и руководѣльныхъ приложеніяхъ, принадлежащихъ къ журналу.

Къ журналу будутъ прилагаемы разнаго рода рисунки, одни — къ каждому номеру, другіе — однажды въ мѣсяцъ, всего 100 рисунковъ (**).

(*) Цѣна журналу въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, 9 руб., съ пересылкою по почтѣ 10 рублей. Желаящіе помѣщать статьи приглашаются обращаться въ контору Ласточки, состоящую при книжномъ магазинѣ Калугина и Битепажа, въ большой садовой, противъ гостинаго двора, въ домѣ Ильина.

(**) Цѣна изданію 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ 9 р., съ пересылкою 10 р. с. Контора изданія находится при книжномъ магазинѣ П. И. Краше-

РУССКІЙ МІРЪ. *Еженедельная политическая, общественная и литературная газета. Редакторъ В. Стоюнинъ, издатель Я. Писаревъ и К.* — Главная цѣль этой газеты — быть посредницею между современными явленіями, достойными общаго вниманія, и небогатымъ классомъ Русскихъ гражданъ, которые не могутъ выписывать дорогіе для нихъ журналы и газеты. Въ нашей литературѣ выходятъ и книги, и газеты, и журналы, которые могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ и гражданина и образованнаго человѣка; но большинство не можетъ пользоваться ими по той простой причинѣ, что они дороги. Имѣя все это въ виду и желая добросовѣстно удовлетворить потребности небогатыхъ Русскихъ людей, редакція газеты *Русскій міръ* полагаетъ въ основаніе своихъ дѣйствій дешевизну и самое простое, популярное изложеніе всѣхъ статей. Она будетъ извѣщать о всемъ, что интересно знать Русскому гражданину, не упуская изъ вида и того, что любопытно для каждаго человѣка. Она будетъ стараться давать уму и сердцу здоровую пищу и разъяснять все, касающееся современности, избѣгая всѣхъ тѣхъ специальностей, которыя большинству не могутъ представить никакого интереса. Для этой цѣли редакція опредѣляетъ себѣ слѣдующую программу: I. *Оффиціальныя извѣстія*, обнародываемыя правительствомъ. — II. *Политическія иностранныя извѣстія*: общія обзорнія современной политики, основанныя на достовѣрныхъ фактахъ. — III. *Неоффиціальныя извѣстія* о событіяхъ въ разныхъ областяхъ имперіи — общественная жизнь и дѣятельность, успѣхи торговли и промышленности, словомъ — всѣ явленія, достойныя вниманія каждаго Русскаго гражданина. — IV. *Вопросы, близкіе къ Русской жизни и разсматриваемые* въ современной литературѣ. — V. *Исторія*, гдѣ главное мѣсто займутъ историческія характеристики Русскихъ людей, дѣйствовавшихъ на разныхъ поприщахъ. — VI. *Критическое обзорніе* замѣчательныхъ сочиненій въ Русской исторической, педагогической и изящной литературѣ. — VII. *Популярное разъясненіе истинъ*, развиваемыхъ въ современной наукѣ и достойныхъ общаго вниманія. — VIII. *Описаніе замѣчательныхъ явленій во вѣсть искусствахъ* (живопись, ваяніе, архитектура, музыка, театры). — IX. *Изъящная литература* — стихотворенія, рассказы, небольшія повѣ-

нинникова, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, въ домѣ Гресса.

сти, путешествія. — *Библіографическія извѣстія* о книгахъ и журналахъ по всѣмъ отраслямъ литературы (*).

РУССКІЙ ДНЕВНИКЪ, ежедневная газета. Редакторъ *И. Мельниковъ*. — Въ настоящее время, когда всѣ заботы Государя Императора, вся дума народа Русскаго преимущественно обращены на внутреннее состояніе государства, во всѣхъ слояхъ нашего общества обнаружилось жаркое стремленіе къ истинному познанію родной страны. Европа съ жаднымъ любопытствомъ старается ознакомиться съ почти неизвѣстнымъ еще ей краемъ — нашимъ отечествомъ. Понятно, что теперь, болѣе нежели когда-нибудь, живо чувствуется всѣми настоятельная потребность въ такомъ періодическомъ изданіи, которое поставило-бы себѣ цѣлю *представить внутреннее состояніе Россіи въ вѣрномъ свѣтѣ и со всевозможною быстротою и точностію сообщать публикѣ извѣстія о всѣхъ происшествіяхъ, случающихся на обширномъ пространствѣ Русскаго государства*. И между жителями столицъ и другихъ средоточій Русской общественной жизни, и въ скромныхъ обществахъ маленькихъ уѣздныхъ городовъ, и въ усадьбахъ помѣщиковъ и въ средѣ міра торговаго и промышленнаго, повсюду распространилось въ послѣднее время желаніе имѣть газету, которая, знакомя Русскихъ съ Россіей, также подробно извѣщала-бы о событіяхъ внутреннихъ, какъ подробно другія газеты сообщаютъ о событіяхъ заграничныхъ. При несобѣятномъ пространствѣ Россіи, при затруднительности и медленности нашихъ внутреннихъ сообщеній и наконецъ при ограниченности числа просвѣщенныхъ людей, которые-бы, живя въ провинціяхъ, съ знаніемъ дѣла и въ

(*) Желая сколь возможно болѣе распространить чтеніе и облегчить людей небогатыхъ, редакція допускаетъ разсрочку подписной цѣны тѣмъ изъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ жителей, которымъ трудно заплатить ее разомъ; они могутъ внести при подпискѣ 1 р. на первый мѣсяцъ и затѣмъ въ прочіе шесть мѣсяцовъ вносить по 50 к. При этихъ условіяхъ нужно подписываться непременно въ конторахъ редакціи: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ изданія, находящейся въ Караванной улицѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. В. Писарева и К., и въ Москвѣ—въ магазинѣ Ѳ. О. Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ университетской типографіи. Желавшіе получить газету на домъ платятъ при подпискѣ еще 50 к. Кромѣ-того, всѣхъ желающихъ воспользоваться разсрочкою платы редакція, для своихъ соображеній, проситъ воспѣшить подпискою до 1 января. Нестолычные подписчики платятъ за разъ 5 р. 50 к. въ Петербургскую контору редакціи.

видахъ истинной пользы, оглашали, посредствомъ печатнаго слова, явленія внутренней жизни Россіи — изданіе такой газеты — дѣло если не совсѣмъ несбыточное, то по-крайней мѣрѣ въ высшей степени трудное. Лишь *при особенныхъ, чрезвычайныхъ средствахъ* возможно такое предпріятіе. Съ цѣлю удовлетворенія возникшей потребности — знать, что дѣлается на родной землѣ, предпринимается изданіе ежедневной газеты «Русскій дневникъ», редакція которой получила возможность пользоваться матеріалами, недоступными для всѣхъ другихъ періодическихъ изданій. Матеріалы эти заключаются въ богатомъ собраніи административно-статистическихъ записокъ, находящихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и въ ежедневно получаемыхъ извѣстіяхъ о всѣхъ происшествіяхъ въ имперіи. «Русскій дневникъ», имѣя главнѣйшею цѣлю знакомить публику съ событіями въ Россіи и съ положеніемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ: статистическомъ, этнографическомъ, экономическомъ и проч., найдетъ однако на листкахъ своихъ мѣсто и для статей по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, а также и для произведеній чисто-литературныхъ. Газета будетъ выходить ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ за праздниками. Каждый номеръ будетъ состоять изъ одного большаго листа въ четвертую долю и раздѣляться на части *официальную и неофициальную*.

При составленіи *официальной* части, редакція обратитъ особенное вниманіе на возможно-подробное изложеніе правительственныхъ распоряженій, какъ законодательныхъ, такъ и административныхъ, и въ-особенности *по дѣламъ сословій*: дворянскаго, городского и крестьянскаго, относящихся *до правъ состояній и государственнаго благоустройства*. Сюда-же войдутъ и распоряженія правительства по общественному хозяйству городовъ, по торговлѣ, промышленности, по городской и земской полиціи, по народному продовольствію, общественному призрѣнію, медицинскому управленію и проч. Въ *официальной* части будутъ помѣщаемы извѣстія объ опредѣленіи, перемѣщеніи и увольненіи чиновниковъ, о наградахъ и производствѣ въ чины, а также о наградахъ за неслужебныя отличія и челоуколюбивые подвиги, съ обстоятельными описаніемъ тѣхъ и другихъ.

Часть *неофициальная* будетъ заключать въ себѣ: I. *Внутреннія извѣстія* о всѣхъ происшествіяхъ въ городахъ, селахъ и деревняхъ Россіи. Этотъ отдѣлъ будетъ отличаться особенною по-

дробностию. Кромѣ извѣстій, получаемыхъ отъ корреспондентовъ редакціи, кромѣ извлеченій изъ губернскихъ вѣдомостей и другихъ провинціальныхъ періодическихъ изданій, въ каждомъ номерѣ «Русскаго дневника» будутъ печататься *самыя подробности извѣстій* о всѣхъ происшествіяхъ въ имперіи, заимствованныя изъ *самыхъ вѣрныхъ источниковъ*. Одинъ разъ въ недѣлю будетъ помѣщаться *общее внутреннее обозрѣніе*. II. *Науки и искусства*. Редакція «Русскаго дневника» будетъ постоянно имѣть въ виду — сдѣлать предпринимаемое ею изданіе общедоступнымъ, цѣль ея — *знакомить Русскихъ съ Россією*. Потому она приложитъ особенное стараніе, чтобы всѣ статьи настоящаго отдѣла излагались сколь возможно популярнѣе и относились преимущественно до Россіи. Сюда войдутъ исторія, статистика, этнографія и археологія. Естественныя науки также найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ. Статьи по этой части преимущественно будутъ заключать въ себѣ извѣстія о работахъ, изслѣдованіяхъ и вообще трудахъ нашихъ ученыхъ и техниковъ въ Россіи и за границей, а равно свѣдѣнія, объясняющія естественныя явленія въ нашемъ отечествѣ и значеніе ихъ въ общественной и частной жизни, преимущественно-же въ-примѣненіи къ сельскому хозяйству, садоводству и огородничеству. Статьи медицинскія, кромѣ извлеченій изъ лучшихъ иностранныхъ изданій, будутъ получаемы изъ высшаго въ Россіи учрежденія по этой части—медицинскаго совѣта, и сверхъ-того изъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Политическая экономія и государственное благоустройство, въ самомъ обширномъ значеніи слова, войдутъ тоже въ составъ этого отдѣла, преимущественно-же по предмету *устройства и улучшенія общественнаго и частнаго быта разныхъ сословій нашего отечества* и другихъ странъ. Въ отдѣлѣ наукъ кромѣ-того будетъ отведено мѣсто и для статей по части торговли и промышленности. Редакція имѣетъ въ виду богатый запасъ свѣдѣній по этимъ предметамъ, какъ напримѣръ объ оборотахъ торговли на ярмаркахъ и другихъ внутреннихъ рынкахъ имперіи, о торговыхъ путяхъ, о производствѣ заводскомъ и фабричномъ, о всѣхъ нововведеніяхъ въ коммерческомъ мірѣ, о вновь возникающихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, о положеніи дѣлъ уже существующихъ компаній и пр. Здѣсь-же будутъ помѣщаться извѣстія о прибытіи и отходѣ судовъ и грузовъ въ Русскихъ портахъ и одинъ разъ въ недѣлю *промышленное обозрѣніе*. По части искусствъ редакція

постарается главнѣйше помѣщать статьи, которыя-бы сообщали публикѣ подробную и безпристрастную оцѣнку дѣятельности нашихъ художниковъ и артистовъ какъ въ Россіи, такъ и за границею. III. *Словесность*. Этотъ отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ повѣсти, рассказы, путешествія и другія литературныя статьи, имѣющія преимущественно цѣлю представить бытъ и нравы народа Русскаго и инородцевъ, проживающихъ въ Россіи. Въ смѣсь, или фельетонъ, войдутъ обзорѣнія общественной жизни въ С. Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи, мелкія статьи разнаго содержанія и пр. IV. *Библиографическія извѣстія*. Въ этомъ отдѣлѣ редація намѣрена помѣщать исключительно критическіе разборы и библиографическія обзорѣнія книгъ и журнальныхъ статей Русскихъ и иностранныхъ, заключающихъ въ себѣ описанія Россіи или какой-либо части ея въ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, экономическомъ и т. п. отношеніяхъ.

Всѣ доставленныя статьи, согласныя съ программю и направленіемъ «Русскаго дневника», будутъ приняты редакціею съ благодарностію и напечатаны при первой возможности. По желанію авторовъ, они получаютъ такое-же матеріальное вознагражденіе, какое выдается лучшими нашими журналами. Статьи для помѣщенія въ «Русскомъ дневникѣ» просятъ адресовать на имя *Павла Ивановича Мельникова, въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Локунова* (*).

ПАРУСЪ. *Еженедѣльная газета. Издатель и редакторъ И. Аксаковъ.* — Въ объявленіи объ изданіи этой газеты сказано между прочимъ: «Вполнѣ уважая и Европейскую мысль и науку, и сознавая необходимымъ постоянно изучать смыслъ современныхъ явленій, — редація *Паруса* считаетъ своею обязанностію прямо объявить, что «Парусъ», будучи вполнѣ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ изданіемъ, принадлежитъ къ одному направленію съ «Русской бесѣдой», къ тому нерѣдко осмѣянному и оклеветанному направленію, которое видитъ, что многія выработанныя имъ положенія принимаются и повторяются теперь самыми горячими его противниками. И такъ, не боясь ложныхъ упрековъ въ исключительности, мы смѣло ставимъ наше знамя. Наше знамя — *Русская*

(*) Цѣна изданію: безъ доставки и пересылки 12 руб. сер., съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ 15 руб. сер., съ пересылкою во всѣ города имперіи 16 руб. сер.

народность: народность вообще — как символъ самоотельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, как символъ права, до-сихъ-поръ попираемаго тѣми-же самими, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной! Народность Русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя. Мы не имѣемъ гордой мысли быть его вполнѣ достойными. Не давая никакихъ пышныхъ обѣщаній, ограничимся теперь краткимъ изложеніемъ нашей программы. Характеръ нашей газеты — по-преимуществу гражданскій, т. е., она по-преимуществу должна разрабатывать вопросы современной Русской дѣйствительности, въ народной и общественной жизни и такъ далѣе. Статьи ученаго содержанія будутъ помѣщаться только тогда, когда онѣ обобщаютъ предметъ, дѣлаютъ его доступнымъ для общаго пониманія. Чисто-литературныя статьи, т. е. произведенія такъ-называемой изящной словесности, всегда найдутъ себѣ мѣсто въ нашей газетѣ, если не противорѣчатъ духу и направленію изданія. Но мы особенно приглашаемъ всѣхъ и каждого сообщать намъ наблюденія надъ бытомъ народнымъ, рассказы изъ его жизни, изслѣдованія его обычаевъ и преданій, и т. п. Сверхъ-того мы открываемъ въ «Парусѣ»: 1) Отдѣлъ библиографическій, въ которомъ предполагаемъ отдавать краткій, но по-возможности полный отчетъ о выходящихъ въ Россіи книгахъ и періодическихъ изданіяхъ. 2) Отдѣлъ областныхъ извѣстій, т. е. писемъ и вѣстей изъ губерній. Наши провинціи не имѣютъ центрального органа для выраженія своихъ нуждъ и потребностей: мы предлагаемъ имъ нашу газету. 3) Отдѣлъ Славянскій, или — вѣрнѣе сказать — отдѣлъ писемъ и извѣстій изъ земель Славянскихъ. Съ этою цѣлію мы пригласили нѣкоторыхъ литераторовъ Польскихъ, Чешскихъ, Сербскихъ, Хорватскихъ, Русинскихъ, Болгарскихъ и такъ далѣе, быть нашими постоянными корреспондентами. Выставляя нашимъ знаменемъ Русскую народность, мы тѣмъ самымъ признаемъ народности всѣхъ племенъ Славянскихъ» (*).

(*). Цѣна газетѣ въ Москвѣ 6 р., съ пересылкою и доставкой 7 р. Въ объявленіи указаны главнѣйшіе города, гдѣ принимается подписка на эту газету, на которую также можно подписываться въ Парижѣ, въ Office du Nord, boulevard de la Madeleine, N.° 5, въ Лейпцигѣ, у книгопродавца Франца Вагнера, и во всѣхъ почтамтахъ черезъ посредство Берлинскаго или Вѣнскаго почтамтовъ.

РУССКАЯ ГАЗЕТА, политическая, экономическая и литературная. Редакторъ С. Полю. — Потребность гласности существуетъ съ-одинаковою силою во всѣхъ слояхъ общества, но степень удовлетворенія ея весьма различна; такимъ образомъ, существующіе нынѣ періодическія изданія доступны только самой меньшей части общества: во-1-хъ, по высокой цѣнѣ своей, дѣлающей ихъ предметомъ роскоши даже для лицъ среднего состоянія; во-2-хъ, по способу изложенія, интересному и понятному только для лицъ, достаточно уже приготовленныхъ и постоянно слѣдящихъ за событіями. Доставить большинству общества возможность пользоваться періодическою литературой составляетъ главную цѣль изданія «Русская газета», которая и по цѣнѣ, уменьшенной до послѣдней возможности, будетъ доступна каждому, и по способу изложенія, понятна и интересна для лицъ всякаго образованія. Въ составъ газеты будутъ входить:

Отдѣлъ I. Внутреннія извѣстія. Главнѣйшія правительственныя распоряженія, Высочайшіе манифесты, общеприлагаемые указы и министерскія постановленія. Извѣстія военные, гражданскія, торговыя и промышленныя; дѣйствія пограничныхъ войскъ по официальнымъ источникамъ, дѣйствія флота, сооруженіе новыхъ зданій, дорогъ, каналовъ, внутренняя и внѣшняя торговля, цѣны товарамъ и акціямъ, открытія новыхъ источниковъ промышленности, дѣятельность промышленныхъ и торговыхъ компаній, обсужденіе торговыхъ и экономическихъ вопросовъ и проч.

Отдѣлъ II. Иностранныя извѣстія: обзорѣніе военныхъ, гражданскихъ и промышленныхъ происшествій въ иностранныхъ государствахъ.

Отдѣлъ III. Смѣсь: повѣсти и рассказы, статьи, касающіяся наукъ, хозяйства, промышленности и библіографіи.

Газета будетъ выходить каждую недѣлю по средамъ, въ объемѣ отъ одного до полутора печатныхъ листовъ большаго формата (*).

(*) Цѣна газетъ: для Московскихъ подписчиковъ съ доставкою на домъ и для С. Петербургскихъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ: въ годъ — 3 р. 50 к. сер., въ полгода — 2 р., въ три мѣсяца — 1 р. 25 к. Для иногородныхъ подписчиковъ, съ пересылкою по почтѣ: въ годъ — 4 р. сер., въ полгода — 2 р. 25 к., въ три мѣсяца — 1 р. 50 к. Редакція помѣщается въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, въ домѣ Осиповскаго.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ И ПРОМЫШЛЕННИКЪ. Редакторъ *Н. Лебедевъ.* — Цѣль этой газеты — служить органомъ и указателемъ для сбыта и покупки предметовъ торговли и промышленности. Составъ ея слѣдующій: 1) *Вѣсти изъ губерній и столицъ.* Краткія извѣстія, получаемыя отъ корреспондентовъ, и извлекаемыя изъ губернскихъ вѣдомостей; свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, мануфактурахъ, фабрикахъ и заводахъ, съ имъ производствомъ, а также свѣдѣнія о сбытѣ всѣхъ сихъ производствъ на фабрикахъ и заводахъ; свѣдѣнія о состояніи во всѣхъ губерніяхъ скотоводства, овцеводства, пчеловодства, рыбнаго и звѣринаго промысловъ; б) цѣны на всѣ безъ исключенія произведенія въ каждомъ городѣ, по мѣрѣ полученія ихъ отъ корреспондентовъ; в) свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ; г) Высочайшія повелѣнія и постановленія правительства по части сельскаго хозяйства, торговли, заводской и фабричной промышленности. 2) *Описаніе городовъ въ торговомъ, промышленномъ, фабричномъ и заводскомъ отношеніяхъ.* Отдѣлъ этотъ современемъ послужитъ началомъ для исторіи городовъ Россіи въ сказанныхъ отношеніяхъ. 3) *Лѣсоводство* — статьи и свѣдѣнія о состояніи лѣсовъ въ губерніяхъ и особенно помѣщичьихъ. Свѣдѣнія о заготовкѣ, сплавѣ, сбытѣ, цѣнахъ на всѣ сорта лѣсовъ. Цѣны на дрова въ каждомъ городѣ. 4) *Общества и компаніи* — статьи и свѣдѣнія о всѣхъ компаніяхъ и обществахъ существующихъ и вновь учреждающихся. 5) *Железныя дороги* — свѣдѣнія о движеніи по нимъ, т. е. о привозѣ и отвозѣ товаровъ и пассажировъ, цѣны за провозъ, время прихода и отхода поѣздовъ. 6) *Привозъ товаровъ и вывозъ оныхъ изъ всѣхъ портовъ Россіи.* 7) *Фельетоизъ* — извѣстія, новости, выписки, небольшія статейки фельетоннаго содержанія и т. п., а также біографіи людей коммерческихъ и вообще замѣчательныхъ по части сельскаго хозяйства, заводской и фабричной промышленности и торговли. 8) *Библиографія* — краткій критическій разборъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ, по части сельскаго хозяйства, фабричной и заводской промышленности. 9) *Корреспонденція* — краткіе отвѣты лицамъ, обращающимся въ редакцію газеты. Газета будетъ выходить по два раза въ недѣлю: по вторникамъ и субботахъ, въ форматѣ большаго листа (*).

(*). Цѣна въ годъ безъ пересылки 6 руб. сер. съ пересылкою 7 руб. 50 коп. сер. Контора редакціи газеты находится въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Овсянникова, въ гостиномъ дворѣ, по суконой линіи подъ № 17.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1859 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ знаній; путешествія ученыхъ или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкой на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства по минист. нар. проsv. за августъ 1858 года:	
Высочайшія повелѣнія	1
Министерскія распоряженія	4

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Теорія опредѣлителей. (Окончаніе). И. И. ШПЕРЛИНГА	1
Объ устройствѣ общественныхъ библиотекъ и составленіи ихъ каталоговъ. В. И. СОБОЛЬЩИКОВА	97

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Отчетъ о путешествіи по Германіи, Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи ордин. проф. Императорскаго Дерптскаго университета БУЛЬШЕВНИКА	1
---	---

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ:

а) Обозрѣніе Русскихъ журналовъ по крестьянскому вопросу. (Д. И.)	1
б) Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за вторую треть 1858 года:	
I. Богословіе. II. Философія. III. Педагогика. IV. Правовѣдѣніе.	24

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

I. <i>Новости естественныхъ наукъ</i> : Половое размноженіе инфузорій. — Пчелиныя ячейки. — Современное образованіе зоолитовъ. — Метаморфизмъ осадочныхъ породъ. И. И. СТРАХОВА . — Воздушные корни растений. — Первичный мѣшечекъ. Д. С. МИХАЙЛОВА	1
II. <i>Разныя извѣстія</i> : Торжественное собраніе Общества Русскихъ врачей. — Торжественный актъ Рижельскаго лицея и состоящей при немъ гимназій. — Открытіе двухъ училищъ въ г. Самарѣ. — О распространеніи чтенія въ Россіи. — Годичное собраніе Британскаго Общества искусствъ и наукъ. — Первый выпускъ «Византійскихъ историковъ» въ Русскомъ переводѣ. — Новыя повременныя изданія: Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. — Русское слово. — Московское обозрѣніе. — Южный сборникъ. — Собесѣдникъ. — Солдатская бесѣда. — Ласточка. — Русскій міръ. — Русскій дневникъ. — Парусъ. — Русская газета. — Арлекинъ. — Производитель и промышленникъ	32

В 1

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1858.

НОЯБРЬ.

—•••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

PRINTED IN RUSSIA

ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ 1858 ГОДА.

33. (23 сентября) *О распространеніи на лицъ духовнаго сана Высочайшаго повелѣнія касательно выдачи денежныхъ пособій по случаю дороговизны.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: силу Высочайшаго повелѣнія 30 іюля 1857 г., о выдачѣ денежныхъ пособій чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Подольской и Харьковской, распространить и на лицъ духовнаго сана, занимающихъ въ тѣхъ губерніяхъ должности законоучителей учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и поступившихъ въ оныя до 30 іюля 1857 года.

Высочайшая грамота.

Нашему тайному совѣтнику, главному директору, предсѣдательствующему въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, и попечителю Варшавскаго учебнаго округа Павлу *Муханову*.

Въ воздаяніе засвидѣтельствованныхъ намѣстникомъ Нашимъ въ Царствѣ Польскомъ, генераль-адъютантомъ княземъ Горчако-

Часть С. Отд. 1.

вымъ ревностныхъ, истинно-полезныхъ трудовъ вашихъ и неутомимой дѣятельности по занимаемымъ вами двумъ важнымъ государственнымъ должностямъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего *св. Владимира 2-й степени большого креста*, знаки коего при семъ препровождаю, пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

С. Петербургъ,
26 сентября 1858 года.

Ихъ Императорскія Высочества Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій изволили изъявить согласіе на принятіе званія почетныхъ членовъ Императорскаго Казанскаго университета (1 октября и 26 сентября).

ВЫСОЧАЙШИМИ ПРИКАЗАМИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ

ОПРЕДЕЛЕНІИ:

По Императорской академіи наукъ.

Докторъ философіи иностраннаго университета *Виннике* — адъюнктъ-астрономъ при Николаевской главной астрономической обсерваторіи, съ 20 августа 1858 года (23 сентября).

УВОЛИНЪ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Исправляющій должность столоначальника, титулярный совѣтникъ *Юрьевъ* — по болѣзни (24 августа).

По Московскому университету.

Магистръ *Бодановъ* — исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ зоологіи (23 сентября).

УТВЕРЖДЕНЫ:

По Харьковскому учебному округу.

Штабсъ-ротмистръ *Красновъ* — почетнымъ смотрителемъ Хоперскаго окружнаго училища (9 сентября).

ПРИНЯТЫ:

Почетный смотритель Дмитриево-Свалскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Плетеневъ* — къ таковой-же должности въ Новооскольское уѣздное училище (5 сентября).

МИНИСТЕРСІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ 1858 ГОДА.

ПРИКАЗЫ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 1.

11 сентября 1858 года.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Магистръ *Вязинскій* — въ Императорскій Московскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ всеобщей исторіи.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Исправляющій должность директора училищъ Полтавской губерніи, надворный совѣтникъ *Данилевскій* — въ сей должности.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Прикомандированный ко второму военно-сухопутному С. Петербургскому госпиталю, докторъ медицины *Овслинниковъ* — въ Императорскій Казанскій университетъ, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ физиологіи и общей патологіи.

Протоколистъ-переводчикъ Императорской академіи наукъ, титулярный совѣтникъ *Икорниковъ* — въ департаментъ народнаго просвѣщенія, старшимъ помощникомъ столоначальника.

УВОЛЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Кейль* — за выслугою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

№ 2.

22 сентября 1858 года.

ОПРЕДЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Яхонтовъ* — исправляющимъ должность директора училищъ Псковской губерніи.

Изъ отставныхъ, камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества, титулярный совѣтникъ графъ *Чапскій* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Ковенскаго уѣзда.

Выпущенный изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ съ чиномъ коллежскаго секретаря, князь *Шахонскій* — почетнымъ смотрителемъ Владимірскаго уѣзднаго училища (Владимірской губ.).

Изъ отставныхъ, губернский секретарь *Мещериновъ* — почетнымъ смотрителемъ Сибирскаго уѣзднаго училища.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Штатный смотритель Варшавскаго пятикласснаго уѣзднаго училища *Копытовскій* — инспекторомъ тамошней Императорской и Царской медико-хирургической академіи.

Штатный частный преподаватель Императорскаго Дерптскаго университета докторъ *Ширренъ* — экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ статистики и географіи въ семь университетѣ, съ оставленіемъ при занимаемой имъ должности преподавателя всеобщей исторіи въ Дерптской гимназіи до окончанія текущаго семестра.

ПРИМѢЩАЮТСЯ:

Почетные смотрители училищъ: Кобринскаго уѣзда — коллежскій секретарь *Виріонъ* и Ковенскаго — коллежскій ассессоръ *Карль* — къ таковымъ-же должностямъ: *Виріонъ* — въ Гродненскій, а *Карль* — въ Тельшевскій уѣзды.

ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ СПИСКА:

Умершій ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Эрдманъ*.

Подпись: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

НАЗНАЧЕНІЯ:

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Помощникъ начальника стола, коллежскій ассессоръ *Масе-скій* — начальникомъ стола (24 августа).

О КНИГАХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Истинный другъ духовнаго юноши, соч. архимандрита *Викторина*.

Ректоръ Костромской духовной семинаріи, архимандритъ *Викторинъ* издалъ въ свѣтъ книгу: «Истинный другъ духовнаго юноши». Министръ народнаго просвѣщенія, признавая полезнымъ имѣть книгу сію въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, предоставляетъ начальствамъ сихъ заведеній выписывать оную, по мѣрѣ средствъ каждаго заведенія.

Собраніе сочиненій Русскихъ писателей, изд. адъюнктъ-профессоромъ *Перевальскимъ*.

Вышелъ въ свѣтъ четвертый выпускъ «Собранія сочиненій Русскихъ писателей» изданія адъюнктъ-профессора Императорскаго Александровскаго лица *Перевальскаго*, содержащій избранныя сочиненія фонъ-Визина, съ его портретомъ, факсимиле, біографіею, подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ его литературныхъ трудовъ, съ замѣтками объ ихъ изданіи и значеніи въ литературѣ и съ полнымъ изложеніемъ статей о фонъ-Визинѣ, помѣщенныхъ въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Министръ народнаго просвѣщенія приказалъ объявить о семъ для свѣдѣнія учебныхъ заведеній.

ОБЪ УСТРОЙСТВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БИБЛИОТЕКЪ И СОСТАВЛЕНІИ ИХЪ КАТАЛОГОВЪ.

(Окончаніе).

ИНВЕНТАРЬ.

Въ инвентарь книги вносятся въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ на полкахъ. Въ административномъ отношеніи инвентарь есть необходимѣйшій документъ всякой библіотеки. При помощи инвентаря библіотеку можно ревизовать, сдавать и принимать съ тою строгою точностію, которая совмѣстна съ значеніемъ книгъ. Замѣтивъ на полкѣ пустое мѣсто, безъ инвентаря нельзя узнать, что именно было на этомъ мѣстѣ: одна, двѣ или больше книгъ и какія именно.

Для инвентаря, какъ для всякаго каталога, можно разграфить бумагу очень красиво; но если дѣлать только то, что дѣйствительно нужно, то его можно писать на чистой неграфленой бумагѣ. Простота эта существенно полезна уже тѣмъ, что на графленіе бумаги не тратится время, а на печатаніе графъ не тратятся деньги. Такъ-какъ заглавіе каждой книги обстоятельно записывается въ другихъ каталогахъ, то повторять его въ инвентарѣ нѣтъ никакой надобности. Здѣсь достаточно написать то имя или слово (Ordnungswort), подъ которымъ книга внесена въ каталогъ алфавитный и, для опредѣленія изданія, полезно прибавить городъ, гдѣ книга печатана, и годъ, когда она издана, а также форматъ и число томовъ.

Съ этимъ легкимъ намекомъ на книгу, перейдя отъ инвентаря къ другимъ каталогамъ, можно въ минуту узнать болѣе подробное ея заглавіе и даже достоинство экземпляра. Представимъ себѣ, что бібліотекаръ, ревизуя довѣренныхъ ему книги, находитъ, что въ залѣ *F*, въ *XVIII* шкафу, на 2 полкѣ между мелкими брошюрами нѣтъ на мѣстѣ № 132. Заглянувъ въ инвентарь, онъ видитъ, что не оказавшаяся на мѣстѣ брошюра записана такъ: *Statuten. Mitau 1826*. Перейдя къ алфавитному каталогу, онъ отыскиваетъ слово *Statuten* и подъ нимъ находитъ болѣе 200 книгъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ изданій. Дойдя до 1826 года, онъ видитъ не болѣе 10 заглавій, между которыми онъ безъ труда отличаетъ означеніе *F. XVIII. 1/132*. Найдя такимъ образомъ обстоятельное заглавіе исчезнувшей брошюры, онъ имѣетъ возможность назвать вещь и спрашивать о ней. Разспрашивая, онъ можетъ получить ее обратно, или, продолжая повѣрку, встрѣтитъ ее не на своемъ мѣстѣ, или наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, приобрѣсти пропавшую брошюру. Безъ инвентаря подобныя разъясненія невозможны и сохранность бібліотеки остается всегда загадкою.

Еслибы усердный бібліотекаръ предпринялъ записывать въ инвентарь книги съ болѣею, нежели сказано выше, подробностію, то, не принеся дѣлу существенной пользы, онъ понапрасну потерялъ-бы золотое время и безъ нужды увеличилъ-бы объемъ инвентаря: вмѣсто двухъ-трехъ книгъ, онъ написалъ-бы ихъ десять.

Для болѣшей ясности здѣсь предлагается выписка изъ инвентаря уже существующаго:

Зала *L*, шкафъ *VII*, полка 10:

№ 1. Stählin. London 1774. 8° 1 v.	} въ одномъ	
— 2. Lerou. London 1774. 8° 1 v.		} переплетѣ.
— 3. Czarnowski. Warszawa 1848. 12° 3 v.	въ одномъ перепл.	
— 4. Ségur. Stuttgart 1850. 8° 1 v.		
— 5. Hautchamp. Paris 1735—36. 12° 6 v.	въ двухъ перепл.	

Для писанія и содержанія инвентаря нужно наблюдать слѣдующее:

Въ началѣ каждой страницы означаются зала, шкафъ и полка. Когда записана одна полка, совершенно наполненная книгами, то не слѣдуетъ непосредственно начинать на той-же страницѣ инвентаря слѣдующую полку. Если случится, что между записанными въ инвентарь книгами окажется дублетный экземпляръ книги, стоящей въ другомъ шкафу, и также записанной въ инвентарь, то одинъ изъ этихъ экземпляровъ обыкновенно вынимается и относится къ дублетамъ, а на мѣсто его ставится другое сочиненіе. Все это, повидимому, просто какъ нельзя больше; но вотъ какія могутъ встрѣтиться затрудненія: вынимаемый дублетный экземпляръ состоятъ изъ нѣсколькихъ томовъ, занимавшихъ значительное протяженіе полки; чтобы замѣстить вынутый номеръ и занять все оставшееся послѣ него мѣсто, нужно прибрать другое сочиненіе, точно такого-же объема и въ ширину и въ вышину. Имѣя въ инвентарѣ свободное мѣсто послѣ каждой полки, можно устранить это затрудненіе, а именно: на мѣсто, оставшееся пустымъ, поставить сочиненіе въ одномъ томѣ, слѣдующія затѣмъ книги придвинуть, въ концѣ полки прибавить еще столько книгъ, сколько нужно, чтобъ занять пустоту, и записать ихъ обыкновеннымъ порядкомъ въ инвентарь. Довольно, чтобъ въ инвентарѣ послѣ каждой полки оставалось не менѣе одной страницы чистой бумаги.

Когда книга снимается съ полки окончательно, для того, чтобы поставить ее на другое мѣсто, или отнести къ дублетамъ, то въ инвентарѣ она не выскабливается, а вычеркивается. Инвентарь въ библиотекѣ есть документъ, служащій предпочтительно для повѣрки наличныхъ книгъ, слѣдовательно подчистки въ немъ не должны быть допускаемы. Вычеркиваніе должно быть дѣлаемо такъ, чтобы можно было свободно прочесть каждое вычеркнутое слово, и, сверхъ-того, при каждой вычеркнутой книгѣ должна быть означена причина, по которой

она вычеркнута. Такъ-какъ нельзя предположить, чтобы книги снимались съ полокъ для того, чтобы ихъ вынести навсегда изъ библиотеки, то причина вычеркиванія будетъ всегда одна и та-же, т. е. что вычеркнутая книга находится на другомъ мѣ-стѣ. Для объясненія этой причины достаточно означить у вы-черкнутой строки то мѣсто, гдѣ остался другой экземпляръ книги, записанной въ алфавитномъ каталогѣ подъ тѣмъ словомъ, которое вычеркнуто. Когда на мѣсто вынутой книги ставится другая, то главное слово ея заглавія вписывается между строкъ инвентаря. Оставлять мѣсто незанятымъ неудобно: при повѣркѣ библиотеки, которая производится отъ времени-до-вре-мени, заглавія книгъ не сличаются съ инвентаремъ (такое сличе-ніе потребовало-бы слишкомъ много времени), но пересматри-вается только порядокъ номеровъ, и библиотекаръ въ такихъ лишь случаяхъ обращается къ инвентарю, когда встрѣчаетъ недостаю-щій въ серіи номеръ. Если вычеркиваемые въ инвентарѣ ну-мера не будутъ замѣщаемы, то во время повѣрки, при каж-домъ такомъ пробѣлѣ, библиотекаръ долженъ заглядывать въ инвентаръ и совершенно понапрасну. Такая повѣрка можетъ быть названа слишкомъ поверхностною; она даже даетъ мѣсто опасенію, что хорошая книга можетъ быть похищена и замѣ-нена какимъ-нибудь старымъ календаремъ безъ заглавія; би-блиотекаръ-же, пробѣгая одни только номера, не замѣтитъ под-мѣна. Все это справедливо какъ нельзя больше; но противъ хищреній злонамѣренныхъ людей нѣтъ никакихъ средствъ: варварскаго стремленія ихъ не остановятъ ни замки, ни желѣз-ныя двери. Повѣряя одни только номера книгъ найдетъ-ли би-блиотекаръ пробѣлъ на полкѣ, или подставной номеръ, это рѣ-шительно все равно: пробѣлъ и подставленный номеръ одина-ково не утѣшатъ его, если книга похищена. Въ библиотекахъ, разставленныхъ систематически, даже пробѣловъ этихъ видѣть нельзя, если они не особенно велики. Повѣрка номеровъ, при всей поверхностности своей, есть повѣрка возможная и легкая, а въ систематической и азбучной разстановкѣ никакая повѣрка

невозможна. Кромѣ удостовѣренія въ сохранности книгъ библіотеки, повѣрка нумеровъ служитъ еще къ постоянному возстановленію порядка, особенно въ такихъ библіотекахъ, гдѣ книги очень часто снимаются съ полокъ для чтенія, и гдѣ можетъ, по этой причинѣ, случиться, что книга по ошибкѣ будетъ поставлена не на свое мѣсто.

Еще одно замѣчаніе объ инвентарѣ. Если при установкѣ книгъ оставлены между полками значительные промежутки, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было прибавлять новыя полки, то въ инвентарѣ, по внесеніи послѣдней наличной въ шкафу полки, оставляется столько чистыхъ листовъ, сколько по соображенію можетъ понадобится для внесенія книгъ всѣхъ ожидаемыхъ полокъ.

СОСТАВЛЕНІИ КАТАЛОГОВЪ.

Для составленія каталоговъ всякой библіотеки необходимо предварительно написать заглавія книгъ въ отдѣльныхъ листкахъ, которые называются *библіографическими карточками* (Titelcopien). Для листковъ этихъ есть въ Польскомъ языкѣ слово Славянскаго корня *sedula*. Покуда не придумано имъ чисто-Русскаго названія, будемъ называть ихъ просто *карточками*. Одна тысяча такихъ карточекъ, сдѣланныхъ изъ бумаги обыкновенной толщины, представляетъ столбецъ около 2 вершковъ вышины. Тысячу карточекъ разобрать, пересмотрѣть и привести въ какой угодно порядокъ гораздо удобнѣе и легче, нежели тысячу книгъ, которыми можно занять до 50 аршинъ протяженія. Этого одного уже достаточно, чтобы отбить охоту ставить книги въ систематическій порядокъ, который навязываетъ хлопоты и тяжкій физическій трудъ въ настоящемъ, и общааетъ безвыходный хаосъ въ будущемъ. Карточки представляютъ прекрасное и удобное средство сортировать на небольшомъ столѣ всякую самую большую библіотеку, и потому онѣ приняты во всѣхъ библіотекахъ.

Библиотека должна имѣть по крайней мѣрѣ три каталога: 1) алфавитный по именамъ авторовъ, или, если авторъ не извѣстенъ, то по первому существительному имени заглавія, въ именительномъ падежѣ; 2) систематическій, съ подробнѣйшими подраздѣленіями и 3) описанный выше инвентарь. Всѣ эти каталоги составляются по карточкамъ или изъ карточекъ, которыя списываются съ книгъ, поставленныхъ окончательно на постоянныя свои мѣста.

Для карточекъ можно употреблять бумагу среднего сорта, не слишкомъ тонкую, чтобъ карточки могли долѣе сохраняться, и не слишкомъ плотную, чтобы въ большемъ количествѣ карточекъ не было значительнаго, относительно, объема. Писать слѣдуетъ, если не красиво, то непремѣнно четко. Для систематическаго каталога заглавія выписываются подробно, объясняется на карточкѣ состояніе экземпляра, количество страницъ, родъ переплета книги, пишутся даже разнаго рода замѣтки, выражающія какія-нибудь особенности сочиненія, или библиографическое достоинство экземпляра, или изданія и т. под. Имѣя въ виду такое обиліе текста, нужно для систематической карточки употреблять не менѣе цѣлой четверти обыкновеннаго листа писчей бумаги; для алфавитнаго-же каталога величина карточекъ достаточна въ 16 долю листа. На сихъ послѣднихъ означается кратко одно только заглавіе книги, съ годомъ, мѣстомъ печати, форматомъ и числомъ томовъ, и никакихъ болѣе замѣчаній не дѣлается. На малыхъ карточкахъ слѣдуетъ писать не по длинѣ ихъ, а по ширинѣ. Это даетъ возможность разсматривать съ болѣе большимъ удобствомъ карточки, когда ихъ много. Большія карточки систематическаго каталога хранятся въ пакетахъ или оберткахъ, имѣющихъ надписи отдѣленій и подраздѣленій по предметамъ, а малыя, приведенныя въ алфавитный порядокъ, очень удобно хранить въ ящикахъ деревянныхъ или картонныхъ, гдѣ онѣ ставятся вертикально и очень удобно пересматриваются.

Слово каталогъ представляетъ намъ понятіе о книгѣ, въ

которой на страницахъ тянутся ряды заглавій, между-тѣмъ мы говоримъ только о карточкахъ для каталоговъ систематическаго и алфавитнаго. Казалось-бы, что, списавъ одинъ экземпляръ карточекъ со всѣхъ книгъ, гораздо удобнѣе было-бы привести ихъ въ алфавитный порядокъ по авторамъ и списать въ книгу; потомъ, разложивъ по системѣ, списать также въ книгу. Все это очень удобно въ такихъ библіотекахъ, которыя не получаютъ приращеній; но тамъ, гдѣ вступаютъ отъ-времени до-времени новыя книги, въ большомъ, относительно, количествѣ, тамъ каталоги переплетенные представляютъ затрудненія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы упоминали, говоря о разстановкѣ книгъ на полкахъ въ порядкѣ систематическомъ: вписывая въ каталоги новыя пріобрѣтенія, нельзя избѣжать того, что на иной страницѣ не найдется наконецъ мѣста для новой книги. Писать дополненія значить увеличивать неудобства отыскиванія книгъ; но и съ дополненіями сдѣлается то-же, что съ каталогами: на нѣкоторыхъ страницахъ можетъ оказаться недостатокъ мѣста. Списанный въ тетради и переплетенный каталогъ гораздо удобнѣе употребляется, нежели остающійся на карточкахъ;—объ этомъ спорить нельзя; но, испытавъ то и другое въ обширномъ примѣненіи, мы убѣдились, что гораздо удобнѣе не списывать карточки въ тетради. Для оцѣнки этого мнѣнія можно оставить карточки на нѣсколько лѣтъ не списывая: опытъ лучше укажетъ, какая форма каталога полезнѣе и удобнѣе.

Списываніе карточекъ съ книгъ требуетъ предварительныхъ свѣдѣній. Приступивъ къ этой работѣ безъ правилъ, однажды навсегда принятыхъ, и безъ надлежащаго навыка, нельзя избѣжать тѣхъ ошибокъ и неточностей, которыя именно свойственны неопытному библіотекарю и которыя впоследствии исправить очень трудно, если не совсѣмъ невозможно. Главное основаніе всѣхъ правилъ писанія карточекъ заключается въ томъ, чтобы та карточка, которая назначается для систематическаго каталога, представляла книгу вѣрно и по-

возможности подробно. На ней должно быть размѣщено по опредѣленнымъ мѣстамъ слѣдующее: 1) имя автора, если оно извѣстно, или главное слово заглавія (Ordnungswort, mot d'ordre) и это должно быть написано особенно крупно и четко; 2) текстъ заглавія; 3) городъ, гдѣ книга печатана, и имя типографика или названіе типографіи, а также имя издателя или лица, давшаго средства напечатать книгу; 4) годъ изданія; 5) форматъ; 6) количество томовъ и частей съ обозначеніемъ количества переплетовъ; 7) количество страницъ, имѣющихъ нумерацію, съ объясненіемъ: сколько нумеровано Римскими цифрами, сколько Арабскими и сколько вовсе не нумеровано; 8) число принадлежащихъ къ книгѣ гравюръ, или картъ, плановъ и т. под.; 9) какого рода переплеть, и наконецъ 10) означеніе мѣста, гдѣ книга находится въ библиотекѣ. Расположеніе на карточкѣ всего этого объяснено будетъ ниже, а теперь изложимъ правила, которыя необходимо соблюдать при писаніи пространныхъ карточекъ.

1) Для соблюденія единообразія употреблять всегда шрифтъ Латинскій, хотя-бы заглавіе было напечатано на Нѣмецкомъ языкѣ, готическими буквами. Книги на языкахъ Русскомъ, Греческомъ, Армянскомъ и прочихъ, имѣющихъ не Латинскія буквы, этому правилу не подлежатъ.

2) Писать карточку на томъ языкѣ, на которомъ напечатана книга.

3) Строго соблюдать орфографію заглавія, еслибы даже въ немъ замѣчены были ошибки или неправильности языка. Въ последнемъ случаѣ, послѣ неправильныхъ словъ и выраженій, нужно ставить въ скобкахъ слово (sic) т. е. (такъ), чтобы, со временемъ, читающій карточку не принялъ дѣйствительной неправильности заглавія за ошибку списывавшаго и, исправляя ее, не испортилъ карточки.

4) Годъ, выраженные на заглавіи Римскими цифрами, не означать цифрами Арабскими. На нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ бывають въ годахъ странныя размѣщенія Римскихъ цифръ,

наприм. СЮЮСХНС. Разстановка эта выражаетъ годъ 1688, и дѣйствительно это можетъ быть такъ; но легко можетъ также случиться, что это—опечатка, и что въ 1688 году авторъ книги не былъ еще на свѣтѣ, или онъ былъ въ раннемъ дѣтствѣ, а книга напечатана въ 1712 году.

5) Если отыскиваемое на карточкѣ сочиненіе состоитъ изъ многихъ томовъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ разное время, то необходимо означить годъ cadaго тома. Если томы изданы разными лицами, то означать имя издателя cadaго тома. Вообще, если на каждомъ изъ томовъ замѣчена будетъ разница въ текстѣ заглавій, то и на списанной карточкѣ все это должно быть означено.

6) Заглавія списывать вполне, избѣгая пропусковъ и сокращеній. Если карточку пишетъ опытный библіотекаръ, то, для сбереженія времени, онъ выпуститъ: обширный титулъ автора и издателя, гдѣ поименованы всѣ ихъ званія и достоинства; исчисленіе предметовъ, заключающихся въ каждомъ томѣ сочиненія, если оно состоитъ изъ нѣсколькихъ томовъ; похвалы, расточаемыя самой книгѣ, и т. под., но при этомъ онъ или напишетъ *etc.* или поставитъ нѣсколько точекъ, чтобъ показать мѣсто, гдѣ сдѣланъ пропускъ. При этомъ необходимо замѣтить, что первыя слова въ текстѣ заглавія, какъ наприм. *vollständige, ausführliche, wahrhafte,* и т. под. имѣютъ важное значеніе въ каталогахъ, особенно при книгахъ неизвѣстныхъ авторовъ, и словъ этихъ никогда не должно пропускать ни на пространныхъ ни на краткихъ карточкахъ.

7) Въ видахъ сокращенія не слѣдуетъ измѣнять текста заглавія и употреблять свои слова и выраженія, т. е. писать то, чего нѣтъ въ заглавіи. Если списывающій карточку находитъ нужнымъ прибавить въ текстѣ заглавія какое-нибудь слово или выраженіе отъ себя, то непременно долженъ поставить его въ скобкахъ.

8) Все напечатанное въ заглавіи курсивомъ нужно подчеркнуть на карточкѣ.

9) Бываютъ книги, и въ-особенности Нѣмецкія, съ двумя заглавіями, изъ которыхъ одно принадлежитъ сочиненію, заключающемуся въ томѣ, а другое собирательное, принадлежащее извѣстному количеству томовъ, напримѣръ: *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Herausgeg. von Baer u. Helmersen*, есть заглавіе, принадлежащее 19-ти томамъ, вышедшимъ до-сихъ-поръ въ свѣтъ, а *Hoffmann (Ernst). Reise nach den Goldwäshe Ostsibiriens*, есть заглавіе 12 тома того-же собранія. Въ такихъ случаяхъ одна карточка пишется съ собирательнаго заглавія, а другія—съ каждаго сочиненія отдѣльно. Изъ карточекъ этихъ общая пойдетъ въ отдѣленіе полиграфіи т. е. къ собранію сочиненій, трактующихъ о разнородныхъ предметахъ, а частныя, принадлежація томамъ, найдутъ мѣста въ подлежащихъ отдѣлахъ систематическаго раздѣленія.

10) Бываютъ книги съ заглавіями, не выражающими содержания сочиненія или выражающими его иносказательно. Въ такихъ случаяхъ бібліотекарю необходимо или объяснить на карточкѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе книги, или означить, къ какому именно предмету она относится. Точно также, если на книгѣ не означено года печати, но онъ извѣстенъ, или можетъ-быть опредѣленъ по содержанію книги, то его должно означить въ скобкахъ.

11) Если книги съ гравюрами, планами, картами и проч., то на карточкѣ слѣдуетъ объяснить сколько ихъ; если-же бібліотекарь по заглавію или оглавленіямъ видитъ, что гравюры должны быть, но ихъ нѣтъ въ описываемомъ экземплярѣ, то на карточкѣ недостатокъ этотъ долженъ быть подробно означенъ.

12) Бываютъ книги, на которыхъ авторы означены цѣлымъ рядомъ именъ, наприм. *Solignac de la Mothe Fenelon* или *Anicius, Manlius Tarquinius Severinus Boetius*. Въ этихъ случаяхъ можно требовать, чтобъ бібліотекарь зналъ, которымъ изъ этихъ именъ принято въ бібліографіи или въ исторіи литературы называть автора; но еслибы случилось, что онъ это-

го не знаетъ, то непременно слѣдуетъ всѣ имена связать ссылками такъ: поставивъ книгу подъ Solignac, сдѣлать одну ссылку: Mothe (Solignac de la) Fenelon vide Solignac и другую Fenelon (Solignac de la Mothe) vide Solignac. Ссылки эти въ дѣйствительности вовсе не нужны и даже смѣшны, но гораздо лучше ихъ сдѣлать и со временемъ, ознакомясь съ дѣломъ, уяснить, нежели, не угадавъ имени Fenelon, скрыть книгу въ азбучномъ порядкѣ подъ словомъ Solignac, гдѣ никогда никому не придетъ въ голову ее искать.

13) Имена La Croix, De la Croix, Du Bois, La Lande, De la Lande и проч., принимаются въ азбучный порядокъ различно. Для нихъ гораздо лучше сдѣлать пару лишнихъ ссылокъ, нежели давать мѣсто предположенію, что книги въ библиотекѣ нѣтъ.

14) Имя автора, написанное не вполне, слѣдуетъ дополнять и дополненную часть имени поставить между скобками, какъ напримѣръ: Phil. Mel. написать Mel (anchton) (Phil.)

15) Если авторъ вмѣсто фамиліи своей выставляетъ только мѣсто рожденія, напримѣръ: Joannes Regiomontanus, то, хотя-бы библиотечарю извѣстно было, что это Johannes Müller, онъ все-же долженъ поставить главнымъ словомъ Regiomontanus, а отъ Müller сдѣлать ссылку, поставивъ однакожь на ссылкѣ слово Müller въ скобкахъ, какъ не значущееся на заглавіи.

16) Имена крещенія, выставленные во множествѣ предъ фамиліею автора, должны всѣ перейти на карточку, безъ чего однофамильные авторы легко смѣшиваются. Имена крещенія ставятся всегда въ скобкахъ послѣ фамиліи, какъ показано выше въ примѣрѣ 14 пункта.

17) Если на заглавіи означено два-три автора, то сочиненіе ставится подъ именемъ перваго изъ нихъ, а отъ другихъ дѣлаются къ нему ссылки. Къ этому роду сочиненій въ-особенности относится всѣ старыя диссертациі, на которыхъ означены обыкновенно и имя президента, предложившаго задачу для диссертациі и руководившаго своего ученика, и имя сего по-

слѣдняго, какъ составителя диссертациі и защитника ея. Для избѣжанія недоразумѣній въ подобныхъ случаяхъ гораздо лучше дѣлать ссылки.

18) Главныя слова карточекъ, какъ имена авторовъ, такъ и анонимы, писать по одной ореографіи, напримѣръ: Meyer, Meier, Mayer, Maier, Mair поставить всѣ подъ Meyer; Zeitung Zeittung, Zeytung, Zeittung, Zytung, Zyttung поставить всѣ подъ Zeitung, а отъ прочихъ сдѣлать ссылку. Нужно замѣтить, что здѣсь говорится о главномъ словѣ, стоящемъ на карточкѣ отдѣльно, но въ текстѣ заглавія на той-же карточкѣ написанномъ, оно сохраняетъ свою оригинальную ореографію.

19) Если на заглавіи нѣтъ имени автора, но оно находится подъ предисловіемъ или посвященіемъ, или наконецъ въ свидѣтельствѣ цензуры, въ привилегіи, грамотѣ и проч., приложенныхъ къ сочиненію, то оно ставится на карточкѣ главнымъ словомъ, но не иначе, какъ въ скобкахъ, и сверхъ-того отъ анонимнаго главнаго слова дѣлается ссылка, наприм. (Vattel E.) Mémoire sur les affaires de Courlande и къ нему ссылка: Mémoire sur les affaires de Courlande vide (Vattel). При дѣланіи такого рода ссылокъ, вообще требуется сверхъ слова главнаго (Ordnungswort), еще нѣсколько словъ изъ заглавія, чтобы сколько-нибудь уяснить предметъ сочиненія. Въ приведенномъ нами примѣрѣ дополненіе: sur les affaires de Courlande въ-особенности необходимо, потому-что подъ словомъ Mémoire существуетъ очень много книгъ и безъ дополненія ихъ нельзя отличить.

20) Вымышленныя имена авторовъ (pseudonyma) пишутся какъ главныя слова, но къ нимъ необходима ссылка отъ анонимнаго главнаго слова, равно-какъ и отъ истиннаго имени автора, когда онъ извѣстенъ.

21) Имена издателей, хотя-бы они принадлежали ученымъ знаменитостямъ, никогда не принимаются, какъ главное слово. Такъ наприм. вышеприведенное изданіе Beiträge zur Kenntniss

des Russ. Reiches, должно стоять подъ Beiträge, хотя издатели извѣстны въ ученomъ мѣрѣ другими своими замѣчательными трудами.

22) Въ каталогахъ библіотекъ, имена авторовъ представляютъ особенный интересъ для библіографовъ, и потому библіотекаръ, встрѣчая книгу безъ имени автора, или съ именемъ вымышленнымъ, долженъ стараться найти настоящее имя. Розысканія эти бываютъ сопряжены съ большими затрудненіями, и имя автора узнается иногда совершенно случайно, тѣмъ не менѣе должно въ каждомъ случаѣ справиться по-крайней-мѣрѣ въ слѣдующихъ книгахъ: а) Placii theatrum anonomor. et pseudonumor. 1708; б) Jöchers, Gelehrten Lexicon и прибавленіе къ нему Adelungs - Supplement, который къ-сожалѣнію доведенъ только до буквы I; в) Lawäz. Handbuch für Bücherfreunde; д) Mylius. Biblioth. anonymor. 1740; е) Ersch. Verzeichniss aller anonymischen Schriften 1788; ф) Barbier. Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes и г) Weller. Index pseudonorum. Leipzig 1856.

23) Если авторъ книги былъ монахъ и поставилъ на заглавіи одно только имя, которое онъ носитъ въ монашествѣ, то оно ставится на карточкѣ, какъ главное слово.

24) Изъ заглавій книгъ, не имѣющихъ имени автора, для главнаго слова берется первое существительное имя, употребленное въ именительномъ падежѣ. Такъ наприм. въ книгѣ: Equitis poloni discursus exhibens innocentiam comitis Lubomirski, главнымъ словомъ будетъ Discursus; но бываютъ такія заглавія, въ которыхъ нѣтъ одного существительнаго имени въ именительномъ падежѣ, какъ наприм. Was ist besser Krieg oder Frieden mit den Franzosen? тогда слѣдуетъ брать первое слово Was, потому-что въ этомъ заглавіи два равно-сильныя слова: Krieg и Frieden.

25) Въ заглавіяхъ Нѣмецкихъ книгъ главныя слова часто бываютъ сложныя, какъ наприм. Lebensbeschreibung, Kriegsgeschichte и проч. Слова эти, какъ главныя, переходятъ на

карточку безъ перестановки, т. е. не пишутся *Beschreibung* (*Lebens-*), *Geschichte* (*Kriegs-*).

25) Встрѣчаются книги, въ которыхъ на заглавіи означенъ городъ, гдѣ книга вышла въ свѣтъ, и у кого находится въ продажѣ, а на оборотѣ заглавія, или на послѣдней страницѣ означенъ другой городъ, въ которомъ она напечатана и названъ типографчикъ. Все это должно быть подробно объяснено на карточкѣ. На краткихъ карточкахъ означается только городъ, въ которомъ книга вышла въ свѣтъ.

При списываніи карточекъ опредѣленіе формата бываетъ иногда, для неопытныхъ библиотечарей, камнемъ преткновенія. Форматъ узнается обыкновенно по типографскимъ помѣтамъ, которыя ставятся всегда внизу первой страницы каждаго типографскаго листа. Случается, хотя весьма-рѣдко, что помѣтъ этихъ нѣтъ, тогда нужно обращать вниманіе на тетради, сшитыя переплетчикомъ, и замѣтить, сколько страницъ въ каждой тетради. Книжки малыхъ форматомъ печатаются иногда полулистами; въ такихъ случаяхъ библиотечарь долженъ опредѣлять форматъ по тѣмъ-же правиламъ, т. е. или по типографской помѣтѣ, или по количеству страницъ, въ сложенныхъ переплетчикомъ тетрадяхъ, а не основываться на предположеніяхъ, что книга печаталась полулистами. Предположенія эти очевидны тогда только, когда книга не обрѣзана; но въ книгѣ переплетенной и обрѣзанной они остаются безъ всякаго очевиднаго основанія.

Если встрѣтится экземпляръ книги съ вырваннымъ заглавіемъ, и библиотечарь не можетъ догадаться о названіи сочиненія и догадокъ своихъ не можетъ подкрѣпить справками по библиографическимъ источникамъ, то остается одно средство: сохранить книгу только для систематическаго каталога и написать заглавіе отъ себя, стараясь притомъ изложить сколько возможно короче самый предметъ книги, описать чего именно въ ней не достаетъ и весь этотъ собственный свой текстъ поставить въ скобкахъ. Описанія такого рода нужно составлять

ца томъ языкѣ, которымъ библіотекаръ лучше владѣеть, но непремѣнно на одномъ изъ наиболѣе-употребительныхъ иностранныхъ, какъ доступномъ ученымъ всѣхъ націй. Вымышленное заглавіе, или, правильнѣе сказать, описаніе книги не можетъ быть внесено въ каталоги алфавитные, но въ систематическомъ каталогѣ они также хорошо укажутъ на содержаніе дефектной книги, какъ карточки, написанныя съ сочиненій, имѣющихъ исправныя заглавія.

Библиографическія карточки въ иныхъ библіотекахъ принято раздѣлять линейками вертикально и горизонтально и въ этомъ дѣленіи размѣщать: главное слово, годъ изданія, форматъ, число томовъ и проч. Разсмотрѣвъ различнаго рода дѣленія карточекъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что линейки, хотя и даютъ карточкѣ видимую правильность, но въ сущности очень вредятъ дѣлу тѣмъ, что занимаютъ много мѣста, которымъ нельзя не дорожить на небольшой четверткѣ листа. Опытъ показываетъ, что для размѣщенія на карточкѣ всего, что нужно размѣстить, ничего не можетъ-быть удобнѣе, какъ просторъ чистой бумаги. Дѣленіе линейками придумано для того, чтобы каждая отмѣтка на карточкѣ имѣла свое определенное мѣсто, и чтобы глазъ, привыкшій къ извѣстной формѣ дѣленія, при первомъ взглядѣ на карточку, могъ вдругъ видѣть всѣ особенности книги: чтобы не нужно было искать напримѣръ формата, если при сличеніи книги съ карточкою, нужно въ-особенности видѣть форматъ; чтобы не нужно было искать года изданія, города, гдѣ книга напечатана и т. под. Цѣль дѣленія, какъ видно, очень дѣльная, но она легко можетъ-быть достигнута и на просторѣ чистой бумаги, если карточку написать именно такъ:

№ XIX 2/16

MARGERET.

Paris. 1607. 8° 1 v.

Estat de l'Empire de Russie et Grande (sic) Duché de Moscovie.
Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le

regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret.

A Paris, chez Mathieu Guillemot. marchand Libraire au Palais, à la gallerie par où on va à la Chancellerie.

M. DC. VII.

Avec privilège du Roy.

(1 feuille et 56 feuillets.)

(Rel. en parchemin.)

(Première éd. rarissime.)

На этой карточкѣ, не раздѣленной линейками, каждая изъ замѣтокъ, о которыхъ упомянуто было выше, имѣеть свое определенное мѣсто.

Для втораго изданія того-же сочиненія пишется другая карточка такъ:

№ VII ⁹/₁₆.

MARGERET.

Paris. 1669. 12° 1 v.

Estat de l'Empire de Russie, et Grande (sic) Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590, jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret.

A Paris, chez Jacques Langlois, fils, au mont S. Hilaire, ruë d'Ecosse, aux trois Cramillieres. M. DC. LXIX. Avec Privilège du Roy. (p. p. numerotées 175 et non numer.

10 au commencement et 5 à la fin.)

(Seconde éd. connue.)

(Rel. en veau Ex. vieux).

Для третьяго изданія.

№ VII ⁹/₁₆.

MARGERET.

Paris. 1821. 8° 1 v.

Estat de l'Empire de Russie, et Grande (sic) Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en l'an 1606, en Septembre. Par le Capitaine Margeret.

A Paris, chez Jacques Langlois, fils, au mont S. Hilaire, ruë d'Ecosse, aux trois Cramillieres. M. DC. LXIX. Avec privilège du Roy. (Sur le revers du feuillet de titre) Reimprimé sans changemens sur

l'édition de 1569. De l'imprimerie de Fain, rue Racine № 4, place de l'Odéon. 1821.

(p. p. numérotées 175 et non numér.)

10 au commenc. et 5 à la fin.)

(Reimprimé aux frais du Prince Gagarine.)

(Demi-rel. Exempl. tout frais.)

Для четвертаго изданія.

№ XI $\frac{1}{11}$.

MARGERET.

Paris. 1855. 12° 1 v.

Estat de l'empire de Russie et grande (sic) duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590, jusques en l'an 1606 en Septembre. Par le Capitaine Margeret. Nouvelle édition, precedée d'une notice biographique et bibliographique par Henri Chevreul.

A Paris chez L. Potier, libraire, quai Malaquais n° 9.

СЮ Ю ССС LV.

(Sur le revers du feuillet de titre): Paris, Typographie Panckoucke.

(p. p. numérotées XXVIII. 11 et non)

(Reimpression avec types et fleurons des Elzévir.)

numér. 5 à la fin d'ouvrage.)

(broché)

На этихъ четырехъ карточкахъ означены всѣ важнѣйшія особенности изданій, что очень важно въ систематическомъ каталогѣ. Для каталога-же алфавитнаго достаточно слѣдующей сокращенной карточки:

Margeret. Estat de l'Empire de Russie et de grande (sic) Duché de Moscovie.

Paris 1607. 8° 1 v. № XIX $\frac{2}{11}$,

Id. ib 1669. 12° 1 v. № VII $\frac{1}{11}$,

Id. ib 1821. 8° 1 v. (reimpr.) № VII $\frac{1}{11}$,

Id. ib 1855. 12° 1 v. (id.) № XI $\frac{1}{11}$.

Сокращеніе на малыхъ карточкахъ допускается потому, что онѣ должны служить для отыскиванія книгъ въ такихъ

только случаяхъ, когда книга спрашивается опредѣленно, слѣдовательно на карточкѣ достаточно самаго краткаго ея названія.

Алфавитный порядокъ словъ извѣстенъ каждому грамотному человеку; но въ каталогѣ, кромѣ обыкновеннаго лексиконаго порядка, нужно соблюдать еще нѣкоторыя другія правила въ размѣщеніи словъ, а именно: 1) Главныя слова (Ordnungswort, mot d'ordre) должны быть написаны всѣ по новѣйшей ореографіи. Если заглавія книгъ написаны по старой ореографіи, то главныя слова ихъ должны имѣть въ алфавитномъ порядкѣ ссылки (referata) напримѣръ: *Estat vide Etat; Beytrag v. Beitrag* и т. под. 2) Авторы, которыхъ имена измѣняются въ переводахъ, должны стоять подъ ореографіею своего языка, а отъ измѣненныхъ должны быть сдѣланы ссылки, такъ напримѣръ: *Deryng* долженъ стоять подъ *Döring*; *Szubert* подъ *Schubert*; *Gourowsky* подъ *Gurowski* и проч. 3) Имена Русскія, какъ напримѣръ: *Pouchkine, Puschkin, Pooshkeen, Puszkin, Derjavine, Derschavine, Dzierzawin, Derzawin* слѣдуетъ писать по одной какой-нибудь ореографіи, а отъ прочихъ сдѣлать ссылки. Въ этомъ случаѣ всего удобнѣе принять за основаніе языкъ Французскій, какъ наиболѣе употребительный, и по его ореографіи писать всѣ Русскія имена. 4) Двоегласныя буквы *ae, oe* ставить въ алфавитномъ порядкѣ, какъ одногласныя *a, e, u*. Это необходимо для того, что въ противномъ случаѣ Шведскія имена съ буквами *ä, ö*, должны были-бы отойти къ концу алфавита и стать послѣ *z*.

Писаніе карточекъ есть трудъ чисто-механической, приличный болѣе молодому писцу, имѣющему хорошій почеркъ, нежели ученому мужу, прослужившему много уже лѣтъ наукѣ, и пишущему иногда очень некрасиво, даже неразборчиво. Поэтому, переписываніе карточекъ, для большаго успѣха въ работѣ и для внѣшней красоты каталога, полезнѣе предоставить молодымъ переписчикамъ съ тѣмъ, чтобы они писали, или, лучше сказать, переписывали одинъ только текстъ заглавія. Такъ наприм. на карточкѣ, написанной для перваго изданія Маржерета,

они написали-бы съ буквальною точностію все отъ слова *Estat* включительно до словъ *Avec privilège du Roy*. Написанную въ такомъ видѣ карточку переписчикъ, вложивъ въ книгу, отдасть бібліотекарю, который, пересмотрѣвъ ее и сличивъ съ книгою, напишетъ чернилами все, что означено внизу въ скобкахъ, а карандашемъ назначить главное слово, городъ, годъ, форматъ и число томовъ и подчеркнетъ карандашемъ-же (лучше краснымъ) тѣ слова, которыя должны быть списаны для карточки алфавитныхъ каталоговъ. Потомъ карточка съ книгою возвращается писцу, который назначенное карандашемъ напишетъ красиво чернилами и внесетъ все въ инвентарь, ставя нумера мѣстъ на карточкахъ и на книгахъ непосредственно. Если карточки пишутся не писцомъ, а самимъ бібліотекаремъ, то, для сбереженія времени, онъ дѣлаетъ на карточкахъ тѣ сокращенія заглавій, о которыхъ говорено было выше въ 6 пунктѣ правилъ составленія карточекъ.

Всѣ изложенныя выше правила могутъ показаться слишкомъ затруднительными, и самое составленіе каталоговъ можетъ быть признано медленнымъ и даже неудобноисполнимымъ, но на практикѣ это гораздо-легче, нежели кажется въ теоріи. Съ самымъ небольшимъ усердіемъ бібліотекарь, при помощи хорошаго писца, можетъ, въ-теченіе утра, внести во всѣ каталоги не менѣе 25 книгъ, что составитъ въ годъ около 8,000 заглавій.

Бібліотекари, сколько-бы ихъ не было въ большой бібліотекѣ, принявъ единодушно изложенныя нами правила за основаніе и исполняя ихъ точно, будутъ производить работу, во-первыхъ, съ такою полнотою, которая грядущимъ поколѣніямъ не оставитъ ничего желать, а во-вторыхъ, они создадутъ по всѣмъ частямъ каталоги стройные и единообразные. Отсутствіе единства въ работахъ бібліотекарей имѣетъ весьма бѣдственныя для каталоговъ послѣдствія. Работая отдѣльно и слѣдуя не одному общепринятому плану, а руководствуясь своими собственными убѣжденіями, они дѣйствуютъ въ отдѣленіяхъ

одной и той-же библиотеки, какъ въ особыхъ управленіяхъ, и въ результатѣ оказывается *quot capita tot sapientiae*, тогда-какъ въ цѣлой библиотекѣ, какъ въ цѣломъ тѣлѣ, должна быть одна голова, одинъ разумъ. При сравненія работъ разныхъ библиотечарей, найдется со временемъ, что одна часть имѣетъ такіе недостатки, которыхъ нѣтъ въ другой, и такія достоинства, которыхъ недостаетъ у другихъ. Въ этомъ отношеніи мы видимъ много поучительныхъ примѣровъ. Парижская императорская библиотека, въ которой работало нѣсколько поколѣній ученѣйшихъ людей, со множествомъ сотрудниковъ, досихъ-поръ не имѣетъ каталога, потому только, что въ работахъ ихъ не было единодушно-принятаго плана и каждое поколѣніе измѣняло и передѣлывало труды своихъ предшественниковъ. *Bibliophile Jacob*, въ изданной имъ въ 1845 году книгѣ: *Reforme de la Bibliothèque du Roi*, порицая библиографическія работы въ этой знаменитой библиотекѣ, рассказываетъ, что библиотечари, предпринимая и оставляя разные способы составленія каталоговъ, придумали однажды слѣдующее диковинное средство: *On rassembla de toutes mains différents copistes qui savaient à peine tenir la plume, et qui ne sortaient pas tous du collège; l'un arrivait de son village dans la grande ville; l'autre avait porté le harnais artistique; tel s'était instruit dans les arrière-bureaux d'un ministère; tel ne s'était encore occupé que de farine et de son: c'étaient enfin des protégés, petits-cousins de leurs doctes protecteurs. On les lança sur le catalogue de la Bibliothèque du Roi, c'est-à-dire qu'on leur fit copier à raison de 2 sous la carte, les catalogues imprimés et manuscrits en usage et hors d'usage à la Bibliothèque depuis le commencement du dernier siècle! L'activité fut grande de la part de ces copistes improvisés, pour entasser beaucoup de cartes et beaucoup de pièces de 2 sous: ils copièrent à tors et à travers tout ce qui se présenta, ils copièrent dix fois les mêmes titres de livres, parmi lesquels nombre d'ouvrages n'existait plus... Il y eut ainsi 400,000 cartes plus ou moins fautive et la plupart inutiles, qui repré-*

sentaient au budget autant de pièces de 2 sous: voilà 40,000 francs dépensés, cartes sur table. On s'arrête pourtant, car les aveugles ont un instinct de clairvoyance au bord de l'abîme; on abandonne brusquement cet étrange procédé de catalogue, qui consistait à faire ce qui était fait et à perpétuer les erreurs du passé; on se met à prendre les titres de livres sur les livres eux mêmes.... Cette méthode, la seule logique, la seule applicable, ne se poursuit pas cependant sans hésitation et sans arrêt... Дѣйстви́тельно нужно много способностей особаго рода, чтобы изобре́сти подобныя средства каталогизаціи библіотеки; но нужно еще болѣе отваги, чтобы употребить такое средство въ дѣло. Поражаніе библіофила тѣмъ болѣе справедливо, что Парижская королевская, національная и наконецъ императорская библіотека, получая отъ правительства ежегодно 150,000 фр. на составленіе каталоговъ, до-сихъ-поръ ихъ не имѣетъ потому только, что въ библіографическихъ ея работахъ нѣтъ опредѣленнаго плана, нѣтъ того единства, которое необходимо въ многосложномъ дѣлѣ каталогизаціи большой библіотеки. Между-тѣмъ сумма 150,000 фр. вовсе не мнѡзъ: она представляетъ осязательнѣйшее средство написать миллионъ самыхъ полныхъ карточекъ, изъ которыхъ библіотекари, въ самое короткое время, могли-бы сдѣлать подробнѣйшіе и обстоятельнѣйшіе каталоги. Мы упомянули о Парижской библіотекѣ; но сколько есть другихъ библіотекъ, гдѣ дѣлается, если не совершенно то-же самое, то по-крайней-мѣрѣ весьма-близкое къ тому. Сколько библіотекарей работаютъ очень усердно и очень много для того, чтобы со временемъ вся работа ихъ, веденная не надлежащимъ образомъ была или совершенно уничтожена, или исправлена и дополнена съ большою потерю драгоцѣннаго времени. Между-тѣмъ грѣхи, творимые этими господами, не обходятся библіотекамъ даромъ: матеріальный трудъ требуетъ матеріальнаго вознагражденія, которое въ-теченіе многихъ лѣтъ представляетъ весьма почтенную сумму — истраченную понапрасну.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ.

Во время списыванія большихъ карточекъ, самъ-ли библіотекаръ занимается этой работой, или повѣряетъ написанное другимъ, во-всякомъ-случаѣ, бываетъ минута, въ которую каждая книга подвергается внимательнѣйшему осмотру библіотекаря, когда онъ долженъ близко съ нею познакомиться. Во время составленія каталога минута эта настаетъ для каждой книги одинъ только разъ: однажды описанныя книги не возвращаются въ руки библіотекаря, для новаго пересмотра, и потому минуту эту нужно непременно употребить съ пользою для систематическаго каталога.

Порядокъ систематизированія можетъ-быть или созданъ самимъ библіотекаремъ, или заимствованъ изъ библіографическихъ сочиненій. Въ библіографіи есть множество теорій для систематизированія библіотекъ. Въ послѣдніе три вѣка библіографы думали и писали много объ этомъ предметѣ. Treffer, Cardona, Scholt, Arias Montanus, Clement, Naudé, Casiri, Girard, De Bure, Parent, Ameilhon, Martin, Massol, Butenschoen, Eschenburg, Reuss, Ersch, Lelewel, Ebert, Petzhold и множество другихъ писали о систематизированіи наукъ въ библіотекахъ. Сочиненіе Шлейермахера (*Bibliographisches System der gesammten Wissenschaftskunde von Dr. A. A. E. Schleiermacher. Braunschweig 1852. 8° 2 vol.*), по современности своей, можетъ считаться наиболѣе полезнымъ въ этомъ отношеніи руководствомъ.

Опредѣленіе системы для раздѣленія книгъ библіотеки можетъ служить предметомъ разсужденій и споровъ долгихъ, даже безконечныхъ. Приведенный нами, длинный рядъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ ученomъ мѣрѣ, есть только частица массы ученыхъ, излагавшихъ системы дѣленія библіотекъ. Авторитеты ббльшей части этихъ ученыхъ и, между-тѣмъ, противоположность, иногда совершенно-діаметральная ихъ воззрѣній, приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію. Систе-

ма для каталога, создаваемая въ известную эпоху, должна быть отраженіемъ состоянія науки той эпохи. Разсматривая значеніе системы съ этой точки нельзя не признать за лучшее, чтобы библіотекаръ, приступая къ каталогизированію книгъ, заранѣе составилъ и обдумалъ во всѣхъ подробностяхъ систему приличную и удобную для его библіотеки и притомъ сообразную съ современнымъ ему взглядомъ на науку. Если-же сверхъ-того онъ сдѣлаетъ къ своей системѣ алфавитный указатель предметовъ (Real-Index), то каталогъ его будетъ доступенъ и понятенъ всякому просвѣщенному человѣку.

Итакъ, предоставя на произволъ библіотекаря форму системы, посоветуемъ ему, для образованія въ библіотекѣ систематическаго порядка, идти слѣдующимъ путемъ. Сгруппировать по предметамъ однѣ только карточки и расположить всѣ группы въ порядкѣ избранной системы, каждую въ особой оберткѣ съ надписью. Списокъ группъ, составленный предварительно, будетъ представлять оглавленіе къ каталогу и служить для пользы современныхъ намъ умовъ. Очень можетъ-быть, что со-временемъ система такого каталога подвергнется суду ума, выработаннаго въ прогрессѣ ученой дѣятельности всего человѣчества, будетъ измѣнена, передѣлана, получить форму новую, лучшую. Все это можетъ-быть, но полезное преобразование потомка коснется только формы каталога т. е. системы, а никакъ не сгруппированныхъ карточекъ: группы ихъ будутъ только расти и умножаться числомъ по мѣрѣ обогащанія библіотеки новыми книгами и сообразно будущему развитію человѣческихъ знаній. Явятся новыя науки, образуются новыя группы карточекъ; разовьется отрасль науки, первоначальныя группы раздѣлятся и образуютъ двѣ, три и больше новыхъ группъ, но смѣшенія и перекладыванія карточекъ изъ одной группы въ другую никогда не можетъ произойти. Если, раздѣляя напримѣръ технологию, мы-бы соединили въ одну группу заглавія книгъ, трактующихъ о сахарныхъ заводахъ, въ другую—о дресированіи лошадей, въ третью—объ

осушкѣ полей и т. под., то можно, кажется, надѣяться, что, перемѣняя порядокъ расположенія нашихъ группъ въ систематическомъ спискѣ, никакой свѣтлый и ученый умъ не станетъ переносить заглавій книгъ о сахарныхъ заводахъ въ ту группу, гдѣ видны одни только наставленія, какъ дресировать лошадей, ни туда, гдѣ учатъ осушивать поля. Мы должны быть совершенно также покойны и насчетъ другихъ наукъ: въ историческихъ наукахъ, напримѣръ, никто изъ группы біографій не возьметъ жизнеописанія Ришлье и не перенесетъ его къ древностямъ Вавилонскимъ, или книги о кувическихъ медаляхъ къ путешествіямъ по Сѣверному морю.

Имѣя въ виду систематическій каталогъ, библіотекаръ, при самомъ списываніи карточекъ, знакомясь подробно съ содержаніемъ книгъ, направляетъ ихъ къ подлежащимъ группамъ. Это дѣлается слѣдующимъ порядкомъ. Библіотекаръ имѣетъ постоянно предъ собою списокъ предметовъ, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ и перенумерованныхъ. На списанной карточкѣ, гдѣ-нибудь на уголку, онъ означаетъ соответственнымъ номеромъ то подраздѣленіе, къ которому книга относится, или двумя и тремя номерами, если книга относится къ нѣсколькимъ подраздѣленіямъ. Когда карточки находятся у писца, для внесенія въ инвентарь и списанія сокращенныхъ заглавій для каталога алфавитнаго, то онъ, тутъ же съ тѣхъ карточекъ, которыхъ книги относятся къ нѣсколькимъ предметамъ, списываетъ такое количество экземпляровъ, сколько библіотекаръ означилъ номеровъ, и каждый экземпляръ отмѣчаетъ однимъ изъ номеровъ. Изготовленные окончательно большія карточки переписчикъ раскладываетъ по номерамъ, опредѣляющимъ подраздѣленія, а малыя карточки ставитъ въ порядокъ алфавитный и такимъ-образомъ, по мѣрѣ списыванія карточекъ, будутъ составляться одновременно всѣ каталоги.

Въ каждой оберткѣ, т. е. въ каждомъ подраздѣленіи системы карточки располагаются въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ изданія книгъ.

СОДЕРЖАНІИ ПОРЯДКА ВЪ БИБЛИОТЕКЪ.

Библиотеки существуют для того, чтобы снабжать книгами людей, ищущихъ свѣдѣній. Эта функція должна совершаться въ такомъ видѣ, чтобы библиотека была постоянно въ совершенномъ порядкѣ, какъ-бы ни была велика ея дѣятельность. Книги, выданныя разнымъ лицамъ, въ разное время возвращаются въ различные періоды. При такихъ обстоятельствахъ книги библиотеки никогда не бываютъ всѣ въ наличности; между-тѣмъ нельзя не требовать, чтобъ библиотечарь отъ-времени-до-времени свидѣтельствовалъ довѣреннымъ ему сокровища, и могъ положительно отвѣтить, гдѣ находится каждая книга, не оказавшаяся въ извѣстную минуту, на своемъ мѣстѣ. Нельзя также не желать, чтобы, въ случаѣ внезапнаго отсутствія библиотечаря, преемникъ его не имѣлъ средства принять въ свое завѣдываніе библиотеку и въ свою очередь отдать отчетъ въ каждой книгѣ.

При отпускѣ книгъ изъ библиотеки полезно вести слѣдующій порядокъ. У библиотечаря должна быть постоянно подъ рукою тетрадь для записки всего отпускаемаго. Когда требуется книга, то библиотечарь вноситъ въ тетрадь: 1) когда книга отпущена; 2) главное слово, подъ которымъ въ алфавитномъ каталогѣ значится отпускаемая книга; 3) означеніе мѣста, гдѣ книга стоитъ въ библиотекѣ; 4) имя лица, кому отпускается книга и наконецъ, если книга отпускается на срокъ, то отмѣчается и срокъ. Все это, какъ намъ по опыту извѣстно, умѣщается въ одной строкѣ тетради, сложенной въ 8 долю листа; слѣдовательно, еслибы отпускалось много книгъ, то библиотечарю нужно очень не много времени, чтобъ внести въ тетрадь все отпускаемое. Вслѣдъ за симъ библиотечарь пишетъ то-же самое на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги, изъ которыхъ каждый оставляетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ взялъ соответственную книгу. Чтобы лоскутки эти не слетали по какой-нибудь причинѣ

съ своихъ мѣсть, ихъ можно втыкать въ сосѣднія книги. Библиотекаръ не можетъ помнить, когда кому какая книга отпущена; но если во время отсутствія какой-нибудь книги ее опять потребуютъ, то библиотекаръ, или даже преемникъ его, вступившій внезапно, придя, по указанію каталога, къ мѣсту, гдѣ книга должна стоять, получаетъ ясное свѣдѣніе, куда она дѣвалась, и даетъ требователю положительный отвѣтъ. При возвращеніи книги библиотекаръ не имѣетъ надобности напрягать вниманія, чтобъ отыскать ея мѣсто; онъ можетъ поручить эту механическую работу грамотному служителю, который, придя къ шкафу и полкѣ, указаннымъ на самой книгѣ, отыскиваетъ только мѣсто ея въ порядкѣ номеровъ одной полки, но и тутъ ему помогаетъ оставленный лоскутокъ бумаги: служитель видитъ его издали и, ставя книгу на мѣсто, сличитъ только номера, написанные на книгѣ и на лоскуткѣ. Совсѣмъ другое происходитъ при возвращеніи книги на мѣсто въ библиотекѣ, разставленной по порядку систематическому или алфавитному. Объ этомъ мы говорили выше.

Въ хорошо-устроенной библиотекѣ, сохраняя предлагаемый нами порядокъ, библиотекаръ никогда не бываетъ поставленъ въ необходимость защищаться въ отвѣтахъ, когда у него спрашиваютъ какую-нибудь книгу и онъ не находитъ ея. Для библиотекаря, понимающаго свои обязанности, нѣтъ безотраднѣе минуты, какъ та, когда онъ не можетъ положительно сказать: есть или нѣтъ въ библиотекѣ книга, которую у него требуютъ, и не можетъ-быть болѣе позорно его положеніе, какъ когда онъ не можетъ найти книги, которая означена въ каталогѣ, или, если ея нѣтъ на мѣстѣ и онъ не знаетъ гдѣ она.

При возвращеніи книгъ въ библиотечку они ставятся на свои мѣста, и по вынутымъ съ ихъ мѣсть лоскуткамъ бумаги соотвѣтственныя отмѣтки вычеркиваются изъ отпускной тетради. Такимъ-образомъ, съ одною этою тетрадью, библиотекаръ во всякое время можетъ видѣть все, что имъ отпущено изъ библиотечки. Если библиотечка находится въ такихъ обстоятельствахъ,

что книги отпускаются часто и по многу, и слѣдовательно записанный въ тетради отпускъ книгъ занимаетъ многія страницы, такъ-что обзоръ ихъ дѣлается затруднительнымъ, то библіотекарь, въ концѣ года, или полугода, можетъ начать въ тетради новую страницу и на нее перенести все не вычеркнутое за прежнее время. Соединивъ такимъ-образомъ въ одну группу все невозвращенное, онъ можетъ съ большимъ удобствомъ наблюдать за положеніемъ своихъ дѣлъ.

Весь описанный нами порядокъ, какъ въ устройствѣ библіотеки такъ и въ храненіи ея, весьма простъ и удобоисполнимъ; но онъ можетъ-быть создаемъ и поддерживаемъ только такими людьми, которыхъ природа одарила способностью порядка, и горе той библіотекѣ, которая попадаетъ въ руки людей, не обладающихъ этою скромною способностью.

В. СЕВЪЛЬНИКОВЪ.

О НОВОМЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ

ГРАММАТИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА (*).

Въ «Ученыхъ запискахъ» II отдѣленія Императорской академіи наукъ (кн. IV, 1858 г.) помѣщена статья г. Лавровскаго: «Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка Польскаго.» Считаю не излишнимъ высказать свое мнѣніе объ этой статьѣ, которой предметъ близко касается моихъ занятій. Замѣчанія г. Лавровскаго частію вызваны моими изслѣдованіями грамматическихъ формъ Польскаго языка, помѣщенными въ 4 томѣ «Извѣстій» II отдѣленія академіи.

Авторъ, въ началѣ своей статьи, замѣчаетъ, что «количество Польскихъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ роднаго языка, *крайне ограничено*, сравнительно съ образованностію народа, съ трудами по другимъ отраслямъ наукъ и съ *малообработанностію, въ смыслъ филологическомъ, языка.*» (Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: *съ филологическою разработкою языка.*) Съ этимъ мнѣніемъ отчасти нельзя не согласиться, потому что Польская филологія, дѣйствительно, еще бѣдна дѣятелями. Къ-сожалѣнію, г. Лавровскому, упрекающему Польскихъ ученыхъ въ отсталости, пришлось имѣть дѣло, большею частію, съ историками, а не съ филологами-специалистами, которыхъ въ Польшѣ очень мало. Напрасно онъ потревожилъ прахъ покойнаго Каминскаго и напомнилъ о существованіи Езерскаго.

(*) Читано въ засѣданіи II отдѣленія Императорской академіи наукъ, 6 ноября, 1858 г.

Первый изъ нихъ вовсе не былъ филологомъ. Еще въ 1830 г. онъ издалъ разсужденіе о философіи Польскаго языка, отличающееся мечтательнымъ воззрѣніемъ; — о второмъ не стоило говорить. Онъ написалъ одно только небольшое и неудачное сочиненіе: *Przygotowania do wiedzy mowy polskiej*. (Варшава, 1843).

Какъ ни бѣдна Польская литература строго-филологическими изслѣдованіями; но и другіе Славянскіе народы, исключая Чеховъ, не богаче Поляковъ въ этомъ отношеніи. Если мы не будемъ слишкомъ взыскательны къ современнымъ требованіямъ филологіи, то отдадимъ справедливость словарнымъ и грамматическимъ трудамъ Поляковъ. Они обширны и многочисленны. Довольно указать на огромный и изумительный трудъ Линде—на его словарь, который служилъ образцомъ для другихъ Славянскихъ ученыхъ (какъ напр. для Чешскаго словаря Юнгманна) и безъ котораго до-сихъ-поръ не обойдется ни одинъ Славянскій филологъ. Обратимся-ли къ грамматическимъ трудамъ? Они многочисленны и разнообразны. Грамматики: Копчинскаго (1817 г.), Бандтке (1818) и Мрозинскаго (1821 г.), и изданныя бывшимъ Обществомъ любителей наукъ въ Варшавѣ, 1830: «Разсужденія и заключенія о Польскомъ правописаніи» (*Rozprawy i wnioski o ortografii polskiej*), (1) — конечно, послужили къ раскрытію многихъ законовъ Польскаго языка и дали прочное основаніе послѣдующимъ трудамъ Якубовича, Мучковскаго, Дешкевича, Лазовскаго, Жоховскаго, Поплинскаго, Кургановича, Штохля, Цегельскаго, Орды (2) и др. Всѣ эти ученые внесли что-нибудь новое въ науку и приступили къ своимъ трудамъ съ основательнымъ знаніемъ матеріальной стороны

(1) Между-прочимъ, въ этой книгѣ помѣщено нѣсколько замѣчательныхъ разсужденій о грамматическихъ формахъ Польск. яз., написанныхъ извѣстными учеными: Бентковскимъ, Мрозинскимъ и Швейковскимъ.

(2) Г. Орда недавно издалъ Польскую грамматику на Французскомъ языкѣ (Парижъ, 1858 г.). Привожу заглавіе этой замѣчательной книги, написанной съ практической цѣлью: «Grammaire analitique et pratique de la langue polonaise à l'usage des Français par N. Orda.»

языка, а это главное и необходимое, чтобы уже дойти до сравнительно-исторического изучения и, пожалуй, философскаго.

Надобно надѣяться, что для Польской литературы скоро настанетъ время, когда отъ богатства историческихъ матеріаловъ, которые она до-сихъ-поръ преимущественно разрабатываетъ, наконецъ перейдетъ къ историческому изученію языка, въ-связи съ другими Славянскими нарѣчіями. Теперь уже выходитъ новое и значительно-дополненное изданіе словаря Линде; Гельцель превосходно издалъ «Памятники древняго Польскаго права» (*Starodawne Prawa Polskiego Pomniki. Kraków, 1856*); Мацеёвскій, въ VI т. своей «Исторіи законодательства Славянскихъ народовъ», помѣстилъ драгоценные остатки Польскаго языка изъ XIV столѣтія; Кольбергъ уже издалъ часть своего образцоваго сборника народныхъ Польскихъ пѣсенъ; вышло прекрасное и критическое изданіе писателя XVI вѣка Мясковскаго (*Zbiór guthmów Kaspra Miaskowskiego, wyd. przez Jana Rymarkiewicza. Poznań. 1855 г.*); Пришиборовскій приготовляетъ критическое изданіе сочиненій Ивана Кохановскаго. Все это важные и недавно явившіеся матеріалы для филологическихъ изслѣдованій, хотя еще есть множество другихъ, ожидающихъ возстановленія.

Будемъ также ожидать, что не втуне пропадутъ искреннія слова, сказанныя Юріемъ Самуиломъ Бандтке, назадъ тому 44 года (3): «Дай Богъ, чтобы Церковно-Славянское нарѣчіе, какъ первый и по-крайней-мѣрѣ древнѣйшій, намъ извѣстный источникъ всего Славянскаго, былъ распространяемъ и изучаемъ между всѣми Славянскими народами, не для единства церкви, но для пониманія высшихъ наукъ (*dla zrozumienia nauk wyższych*), для сохраненія Славянской народности, чтобы не сдѣлаться Нѣмцами, Татарами, Турками; не отрѣшиться отъ всеобщаго источника народности, который не въ-состояніи были изсушить десять вѣковъ.»

(3) См. *Pamiętnik Warszawski*. 1815. Т. I, стр. 124.

Обратимся къ статьѣ г. Лавровскаго.

Благодарю автора за желаніе мнѣ полнаго успѣха въ моихъ изслѣдованіяхъ Польскаго языка и очень радъ, что онъ счелъ не излишнимъ присоединить нѣсколько собственныхъ замѣтокъ о томъ-же предметѣ, насколько позволяло ему это сдѣлать (какъ самъ онъ выражается на стр. 12 и 13) «внимательное чтеніе старо-Польской письменности и изданныхъ произведеній словесности народной Польской.»

Нужно замѣтить, что г. Лавровскій, какъ увидимъ ниже, прочелъ не всѣ замѣчательные памятники старо-Польской письменности и изданныя произведенія народной словесности. Одни извѣстны ему не вполнѣ, хотя онъ и часто ссылается на нихъ, какъ напр. псалтирь королевы Маргариты и сочиненія Кохановскаго; другіе вовсе ему неизвѣстны, особенно необходимые для изученія народнаго языка, какъ-то: духовныя народныя пѣсни (4), *Pastorałki i kolędy czyli piosnki wesołe ludu* (Kraków, 1843), Сборникъ народныхъ пѣсенъ Кольберга (Варшава, 1857). Есть и такія изданія, которыя, повидимому, еще не дошли до г. Лавровскаго, какъ-то: *Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego skreślił Józef Przyborowski* (Poznań, 1857), вышеупомянутое изданіе Гельцеля «Памятниковъ древн. Польск. права» и VI томъ «Исторіи законод. Слав. народовъ», въ которомъ заключаются древніе памятники языка.

Такъ-какъ г. Лавровскій иногда ссылается на сочиненія Кохановскаго, то необходимо замѣтить здѣсь, что новѣйшими изданіями этого поэта нужно пользоваться осторожно, потому-что они неисправны. Г. Пршиборовскій (см. *Wiad. o życiu i pism. J. Koch.*, стр. 60 и 61) говоритъ, что текстъ сочиненій Кохановскаго искаженъ изданіями Лазаря, а еще болѣе Пётрковича, и немилосердо обезображенъ новѣйшими изданіями. Вотъ что говоритъ еще г. Пршиборовскій (стр. 182 и 183): «Сравненіе языка Кохановскаго съ языкомъ его предшественниковъ, ко-

(4) *Kantyczka pieśni nabożnych*. Есть нѣсколько изданій; лучшее Краковское.

нечно, было-бы очень любопытно, потому-что въ исторіи языка оно могло-бы показать тотъ успѣхъ, какой сдѣланъ самимъ языкомъ, не смотря на то, произошелъ ли онъ вслѣдствіе стараній и трудовъ нашего поэта, или-же безъ его содѣйствія. Для этой цѣли необходимо-бы сравнивать языкъ тѣхъ произведеній Кохановскаго, которыя высоко стоятъ относительно оконченности и изящества, — языкъ псалмовъ и элегій — съ языкомъ лучшихъ произведеній XVI в., а именно произведеній Рея и Тршицельскаго, которыхъ самъ Кохановскій называетъ своими предшественниками».

Г. Пршиборовскій тщательно сравнилъ множество изданій сочиненій Кохановскаго и показалъ въ нихъ всѣ опечатки и разности, основываясь на лучшихъ старинныхъ изданіяхъ. Онъ указываетъ на такія опечатки и разности въ изданіяхъ, которыя легковѣрнаго филолога, пожалуй, могли-бы ввести въ искушеніе и прегрѣшеніе, какъ напр., въ одномъ изданіи напечатано: *dań*, вм. *dań*, *szowiek*, вм. *słowiek* (см. соч. Пршибор., стр. 87), *przygodam*, вм. *przygodom* (тамъ-же, стр. 109), *dwie słoisca*, вм. *dwie słoiscy* (тамъ-же, стр. 140) и др.

Итакъ, скудный запасъ матеріаловъ, конечно, помѣшалъ г. Лавровскому вполне достигнуть главной цѣли своихъ замѣтокъ, которую онъ опредѣлилъ на 13-ой стр. слѣдующими словами: «Указать на видъ, въ какомъ встрѣчаются нѣкоторыя древнія свойства языка Славянскаго въ Польскомъ нарѣчій, на способъ ихъ замѣненія въ письменномъ нынѣшнемъ языкѣ и на степень, до какой уцѣлѣли *онѣ* (они?) въ устахъ простаго народа».

Залача обширная и не легкая. Авторъ высказалъ также намѣреніе, чтобы присоединеніе его настоящихъ замѣтокъ «было дополненіемъ, а также и поясненіемъ иногда не совсѣмъ ясно и очень коротко выраженныхъ» мною замѣчаній (стр. 13). Польская филологія такъ еще нова и такъ мало еще критически обработана старинные памятники Польской письменности, что пускаться въ плодovitыя, филологическія разсужденія

было-бы дѣломъ слишкомъ смѣлымъ и тщетнымъ. Самъ г. Лавровскій, кажется, поторопился съ нѣкоторыми выводами, потому-что поверхностное знакомство его съ Польскою литературою не позволило ему объять предметъ вполне, какъ увидимъ ниже. Мнѣ кажется, что будетъ гораздо благоразумнѣе ограничиваться пока краткими и, главное, вѣрными указаніями на замѣчательныя особенности языка, не поддаваясь искушенію тѣхъ ретивыхъ филологовъ, которые, для того, чтобы показать, какъ правильнѣе должно писать какое-нибудь, само по себѣ ясное слово, готовы забросать васъ всякимъ филологическимъ хламомъ и изъ одного этого слова поднять страшную кутерьму. Иногда какой-нибудь фактъ науки самъ по себѣ такъ ясенъ и понятенъ, что не стоитъ труда ставить его на дыбы и многословными quasi — объясненіями только затемнять его. Многое еще остается намъ собирать и узнавать на обширномъ полѣ Славянскаго языковѣдѣнія, прежде чѣмъ мы придемъ къ его непремѣннымъ филологическимъ законамъ. До-тѣхъ-поръ можно быть краткимъ въ аналогическихъ выводахъ, но необходимо быть обильнымъ въ раскрытіи свѣдѣній фактическихъ.

Авторъ прибавляетъ еще, что его замѣтки, можетъ быть, не останутся безъ пользы для меня въ моихъ будущихъ трудахъ и обратятъ мое вниманіе на предметы доселѣ опущенные. Мои указанія на замѣчательныя грамматическія формы и слова Польскаго языка, которыя не разъ помѣщались въ «Извѣстіяхъ II-го отд. академіи наукъ», я и не намѣренъ былъ причислять къ трудамъ оконченнымъ, потому-что наука растетъ, а съ нею вмѣстѣ раскрываются и новые матеріалы. Что-же касается до того, насколько я воспользовался статьею г. Лавровскаго, можно будетъ видѣть изъ моихъ замѣчаній или, лучше сказать, изъ дополненій и поясненій къ дополненіямъ и поясненіямъ самого г. Лавровскаго. Впрочемъ, я думаю, онъ согласится со мною, что польза для науки, если она окажется изъ нашихъ изслѣдованій, должна стоять впереди нашей собственной пользы,

о которой, слѣдовательно, и разсуждать не предстоитъ надобности.

Итакъ, приступаю къ моимъ замѣчаніямъ.

На 15-ой стр. авторъ говоритъ: Слова женск. рода, съ окончаніемъ *а, ѡ*, принявшія въ современномъ языкѣ, подобно Русскому, для родительнаго падежа единств. числа окончаніе *и*, встарину вполнѣ сближались въ этомъ случаѣ съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ, удерживая окончаніе носовое».

«Правда примѣровъ немного», — прибавляетъ г. Лавровскій. Но можно-ли согласиться съ авторомъ, что этихъ примѣровъ «достаточно для признанія господства этой формы въ древности (разумѣется, въ Польскомъ яз.), тѣмъ скорѣе, когда изъ нея только возможно прямымъ образомъ объяснить и частопотребительную въ XIV—XVII в. форму на *е*». Уже не въ первый разъ, въ Славянской филологіи, указывается на замѣну въ Польскомъ языкѣ носоваго окончанія однимъ *е*. (А. Х. Востоковъ въ своемъ разсужденіи о Славянскомъ языкѣ и Миклошичъ въ Сравнит. грам., т. III, стр. 465). Слѣдовательно, это уже не новость.

Какіе-же немногіе примѣры нашелъ г. Лавровскій? Первый и единственный примѣръ онъ приводитъ изъ псалтира Маргариты: *duszѡ moiej* (стр. 38, столб. 2); но для ясности выищемъ его въ полнѣйшемъ видѣ: *Rozumey duszѡ moiej*. Въ библии Вуйка: *Rzeczybliż się ku duszy mojej*. Въ Вульгатѣ: *Intende animaе meae*. Въ церковно-Славянской библии: «Вонии души моей». Г. Миклошичъ также опирается на слабомъ основаніи. Авторъ вышеупомянутаго мною сочиненія о Кохановскомъ, г. Пршиборовскій (стр. 192), положительно удостовѣряетъ, что въ сочиненіяхъ Кохановскаго нѣтъ примѣровъ родит. на *ѣ*. Изъ числа пяти примѣровъ, приводимыхъ Миклошичемъ изъ Лейпцигскаго изданія сочиненій Кохановскаго, встрѣчается только одинъ съ окончаніемъ на *ѣ*, именно въ изданіи псалтира 1606 г. Во всѣхъ прочихъ изданіяхъ, какъ старинныхъ, такъ и позднѣйшихъ, вездѣ напечатано: *dusze*, а не «*duszѣ*». Итакъ, прибавляетъ

г. Пршыборовскій, за эти примѣры мы обязаны только Лейпцигскому изданію, ни съ чѣмъ несравнимому въ-отношеніи небрежности. Шестаго примѣра у Миклошича (*swój ziemie kaže*), будто-бы находящагося въ Лейпцигскомъ изданіи (2, — 224), я вовсе не нашелъ. Нельзя не сожалѣть, что ученый грамматистъ долженъ былъ черпать изъ мутныхъ источниковъ».

Другой примѣръ род. на *ę* изъ Шимановича: *do łożnice*, приводимый г. Лавровскимъ, также не состоятеленъ, потому-что и онъ взятъ изъ заподозрѣннаго Лейпцигскаго изданія.

Авторъ на той-же 15-ой стр. утверждаетъ, что родит. на *e* остался *«хотя и очень рѣдко въ говорѣ народа»*. Напротивъ, встрѣчается очень часто. Вотъ нѣкоторые примѣры: *Pójdę ja pójdę zagaz do kądziele* (Сборн. Жеготы Паули, стр. 101). Въ сборникъ Кольберга (стр. 107) повторяется то-же: *pójdę ja pójdę z dziwką do kądziele*. Еще примѣръ изъ народной коленды: (*Pastorałki i kolędy. Kraków, 1843*): *Woły moje nie chodźcie do kuchni* (стр. 207). *Na ten padoł tej ziemie* (Кантычка, 29); *w żywot przesyłają dziewice* (тамъ-же). Вотъ еще примѣры изъ Кантычки, на одной и той-же стр. 133-ей: *do łożnice, do piwnice, z piwnice, z tęczyńnice*. Кажется, этихъ примѣровъ довольно?

Авторъ утверждаетъ также на стр. 15-ой, что потеря носоваго окончанія и оставленіе одного *e* — видны «въ тѣхъ-же именахъ женскаго рода, и въ именит. и винит. множеств. числа, гдѣ такимъ-образомъ должно быть древнее *а*. Но вѣдь въ Польскомъ языкѣ и имена мужск. рода принимаютъ во множеств. женское окончаніе: *kniesie, grasze, żołnierze, kije, grosze, woże*, и ин. др. Въ судебныхъ памятникахъ XIV в., недавно изданныхъ г. Мацевскимъ (см. его Истор. Слав. закон., т. VI), я нигдѣ не нашелъ носоваго окончанія въ род. ед. женск. въ словахъ на *а, ъ*. Итакъ, не имѣя положительныхъ доказательствъ, пока еще ничего нельзя рѣшить относительно этого окончанія. Для сравненія съ нимъ можно указать въ псалтири Маргариты на слово съ окончаніемъ *а*, которое приняло въ родительномъ носовой звукъ, а именно: *od perzyczelow gąk*

twoiey (стр. 8, столб. 1-ый); но такой примѣръ противорѣчить основанію, принятому г. Лавровскимъ (имена на *я, ъ*).

Авторъ (на стр. 16) справедливо замѣчаетъ, что въ одно время съ окончаніемъ *е* въ большой силѣ жило и окончаніе *ej* для род. единственнаго; но образованіе этой формы ему кажется нѣсколько страннымъ, потому-что своею особенностію она отдѣляется отъ другихъ родственныхъ нарѣчій. Г. Лавровскій уже близокъ былъ къ объясненію этой формы, указавъ на род. пад. женск. рода прилагательныхъ, оканчивающихся постоянно на *ej*, — еслибы не замѣшалось тутъ соотвѣтствіе звука *i*, — въ который, какъ говоритъ авторъ, перешли древнія окончанія родительнаго: *ę, e, ej* въ позднѣйшее время (?), — звуку *y* (= *ы*), произносимому во многихъ мѣстахъ простымъ народомъ Чешскимъ, какъ *ej*. Далѣе (стр. 16) г. Лавровскій замѣчаетъ, что окончанія *е* и *ej* видимо господствуютъ въ-теченіе XIV и XV вѣковъ; съ конца XVI столѣтія является въ письменности почти исключительно уже *i*. «Несомнѣнно, заключаетъ онъ, что форма на *i* позднѣйшая, развившаяся по аналогіи съ словами на *a* и вытѣснившая совершенно коренное окончаніе носовое, а потомъ и происшедшее изъ него *е* и *ej*».

Окончаніе родит. на *ej* въ существительныхъ женск. рода, соотвѣтствующее окончанію прилагательныхъ того-же рода и въ томъ-же падежѣ, равно употреблялось для падежей дательнаго и предложнаго. Еще въ XIV в., какъ видно изъ судебныхъ рѣшеній, изданныхъ г. Мацеёвскимъ (см. *Histor. Praw Sław. T. VI*), читаемъ: «*dal gyedney ranyey szchowacz ryenyadz* (стр. 69); *pechze wyerzycz tey ranyey* (стр. 70); *thedy przymowyl tey ranyey* (стр. та-же). Вотъ примѣры изъ позднѣйшаго времени, изъ сочиненій Мясковского (см. превосходное изданіе Рымаркевича, выше приведенное): *Tys morska gwiazda, co w ostatniej toniey wzdychaję do niey* (I. 30); *Bez Oyca, wodza, stroza, w tey knieiey*. (I. 99); *To Hidre, to Lwa, to paszczeki troiey w łańcuchu pro wadz prodziemnych podwoiey* (II. 55); *W pustyniey gluchy Jęczy od skruchy* (II. 96), и мн. др. Слѣдовательно окончанія *е* и *ej* господствовали во всей

силѣ еще и въ XVI в. (Мясковский род. въ 1549, ум. въ 1622), а г. Лавровский утверждаетъ, что съ конца XVI столѣтія является почти (?) исключительно *i!* (Какъ будто можно сказать: почти исключительно?).

Не очевидно-ли здѣсь соотвѣтствіе родит., дат. и предлож. въ существительныхъ женск. рода на *ej* — окончаніямъ прилагательныхъ? Послѣ этого можно-ли безъ натяжки сравнивать между собою два совершенно различныя окончанія родит. на *e* и *ej*? Не мѣшаетъ принять въ соображеніе, что нѣкоторыя имена на *ina*, *upa*, *na*, большею частію собственныя, въ формѣ прилагательныхъ, въ старинномъ Польскомъ языкѣ склонялись, какъ прилагательныя и принимали въ род. *ej*; напр. *hrabina*, — *pej*; *starościna*, — *pej*; *podchorążyna*, — *pej*; *podkomorzyna*, — *pej*; *księżna*, — *pej*; *Sapieżyna*, — *pej*; *Koporczyzna*, — *pej*, и др.

Авторъ, указавъ на свойство обще-Славянскаго винит. падежа, въ словахъ муж. рода, первоначально всегда сходнаго съ именительнымъ, а потомъ для словъ предметовъ одушевленныхъ смѣшавшагося съ родительнымъ, на стр. 19-ой говоритъ, что съ этимъ свойствомъ «невозможно сравнивать исключительно въ Русскомъ нарѣчій развитшейся особенности — сходства винит. пад. съ именительнымъ для словъ женск. рода на *a*, *встрѣчающейсѣ* (особенности?) почти единственно при неопредѣленномъ наклоненіи, какъ въ пословицѣ: *«рука приложитъ и душа положить»*. Эта особенность Русск. языка, безъ сомнѣнія, произошла изъ древняго винительнаго, какъ думаетъ и г. Лавровский; но онъ напрасно считаетъ ее исключительною принадлежностію Русскаго нарѣчія, совершенно неизвѣстною въ Польскомъ. Странно, что авторъ, приводя примѣръ изъ псалтири Маргариты для словъ мужеск. рода, не обратилъ вниманія на примѣры для словъ женск. рода, тамъ-же встрѣчающіеся. Такъ на одной и той-же стр. (85, столб. 1 и 2) читаемъ: *«де otemu dusza moyø, — wuwedzy ze stroszey dusza moyø, — bo nacygal gest neprzuczal moy dusza moyø, — k tobe podnoszl geszm dusza moyø»*. Привожу еще примѣры изъ XIV в., изъ судебныхъ рѣшеній, изданныхъ

Мапеёвскимъ (Histor. Praw. Sław. T. VI): «Ktho wydomye byerze *huchwa*, themu maуа dacz prawem *wyna* (стр. 39). Ya dzyerzał szwa żona (стр. 51). Замѣчательны слѣдующіе примѣры изъ народнаго говора, взятые изъ сборника Войццкаго (II, 12):

«Naści, Zoziu, korzec szanny,
A stań sobie między pannu; —
— Porwan Bogu *swoja szanna*,

и т. д.

Nie chcesz na owce z jagnięciem,
Wyżywisz się i z dziecięciem.
— Porwan Bogu *swoja owca*,

и т. д.

На стр. 21-ой, г. Лавровскій, замѣчая, что нынѣшній Польскій языкъ смѣшалъ въ дат. множ. оба рода, употребляя для обохъ окончаніе мужескихъ словъ: *ot*, — прибавляетъ, что, «судя по *исключительному господству* (?) въ языкѣ литературномъ XVI в. окончанія *ot* и для женск. рода, должно заключить, что смѣшеніе родовъ произошло прежде, чѣмъ въ Русскомъ языкѣ». Такое рѣшительное заключеніе неосновательно. У Рея мы читаемъ: «Owa, cokolwiek z gozimu pochodzi, to swotat miło, złościat bardzo szkodzi (см. Краковское изданіе сочиненій Рея, 1848 г., стр. 15). Въ памятникѣ XVI столѣтія, именно 1532 года: *Жизнь Иисуса Христа* (Zywot Christusa): «Zdradliwym i krotkim roskossam cielesnym u przeciwnościam ludzkim». (См. Bibl. Nauk. Zakł. imienia Ossolińskich, 1844 г. Т. X, стр. 115).

На стр. 23 въ разбираемой мною статьѣ сказано: «Польскій старій языкъ, при всей молодости памятниковъ, сохранилъ и окончаніе *ы* въ творительномъ множественнаго. *Случаи* попались мнѣ слѣдующіе: «Usti mogimi wolal iesm (Псалт. Марг. 36. 1.), ze dwesna pomoczniki (1417. Pamiętn. Maciejowsk. II. 342)», и т. д.

Здѣсь слѣдовало-бы замѣтить, что это окончаніе муж. рода Оно не принадлежитъ къ случайнымъ явленіямъ въ Польскомъ языкѣ; долго въ немъ господствовало и только въ XVII в. замѣнилось женскимъ окончаніемъ *ami*. Примѣры этого оконча-

нія на *ami* въ муж. родѣ, у Кохановскаго еще очень рѣдки и встрѣчаются только при стеченіи многихъ согласныхъ (*raznogłami, stopniami, kwiatkami*); но обыкновенно вездѣ соблюдаются формы: *panu, włosy, skarby, anioly, duchy* (см. Пршиборовскаго: *Wiad. o życiu i pism. J. Kochana*, стр. 190). Нельзя здѣсь кстати не замѣтить, что эта форма творительнаго, сходная съ именительнымъ, заставила извѣстнаго филолога Миклошича (см. его *Срав. грам.*, т. III, стр. 451) предположить, что форма *świadki* въ Мономахіи Кохановскаго есть падежъ именительный. «*Bądźcie świadki a śmiejęcie na dobrzem baszeniu*, — говоритъ этотъ поэтъ, вмѣсто нынѣшняго: *bądźcie świadkami*.

Г. Лавровскому кажется, что современный говоръ народа *безъ слѣда* забылъ окончаніе творит. множ. на *yi*. Въ опроверженіе этого мнѣнія, привожу слѣдующее мѣсто изъ «Кантвички» (Краковск. изданіе, стр. 136 и 382): *Bili go żydowie sami, biczmi, łajscichu, miotkami*; — *że cogaz powemi patrony lud ziemski obdarza*. Подобныхъ примѣровъ есть много.

Нѣсколько ниже авторъ прибавляетъ: «Но какъ въ нарѣчій Русскомъ форма эта (творит. на *yi*) перешла и на слова женск. рода, даже на прилагательныя имена, такъ и Польское нарѣчіе перенесло окончаніе *yi* (= и послѣ *k, s, x*) на прилагательныя уже въ XVI в., сколько можно судить по выраженію Яна Кохановскаго:

*Mając Pana obrońcę, upad ujrzę swema
Nieprzyjacielski oczema* (II. 195)».

Это предположеніе мнѣ кажется непонятнымъ. Возможно-ли дѣлать рѣшительный выводъ, основываясь на одномъ только примѣрѣ, притомъ взятомъ изъ несправнаго изданія? Замѣчу только, что подобной формы, приводимой авторомъ: *nieprzyjacielski*, я не встрѣчалъ ни разу при самомъ внимательномъ чтеніи старинныхъ памятниковъ Польской письменности.

На той-же страницѣ авторъ утверждаетъ: «Отличая въ дательномъ и творительномъ падежахъ множественнаго, слова

муж. рода отъ словъ женскаго, Польскій языкъ, подобно старо-Славянскому, древне-Русскому и др., отличалъ ихъ и въ предложномъ падежѣ того-же числа. Древнее окончаніе *лъхъ* попадаетъ для муж. рода нерѣдко въ памятникахъ XV столѣтія, хотя въ тѣхъ-же памятникахъ уже чаще является *новое окончаніе (?) охъ*, смѣненное *окончательно* въ XVI—XVII в. женскимъ *ахъ*.

Окончаніе *лъхъ* попадаетъ, или, лучше сказать, жило еще вполне не только въ XV, но и въ XVI—XVII в. Вотъ примѣры изъ Кохановскаго: *po zbogzech, po mieściech, w grobiech, w zamcech, w kącicach, w tych gminach, głosiach, w ludzich, na kościelech, po gęstych lasiach, и др.* Рѣдко встрѣчается окончаніе *ach*, напр. *w abyc ajach, krajach.* (См. Пршиборовскаго: *Wiad. o życiu i pism. J. Kochanowskiego*, стр. 191). У Рея: *w fortunnych czasiech* (Изданіе Крак. 1848 г., стр. 5); *w naszych prawiech* (тамъ же, стр. 52). У Мясковскаго (изданіе Рымаркевича); *w usciech* (I. 29), *w lasiach, po strunich* (I. 41). Вотъ примѣры изъ XVII столѣтія, изъ памятника 1607 г. (См. Войцицкаго: *Bibl. Storoz. Pisarzy Polsk., żywot Krzysztofa Pieniązka*): *przu powodziech* (стр. 167), *w pagrodziech* (стр. 175), *na zieżdziech* (на той-же страницѣ). Хотя авторъ и утверждаетъ (на стр. 24), что «въ настоящее время такимъ образомъ оканчиваются лишь немногія названія земель», однакожь въ современномъ Польскомъ языкѣ эта форма отчасти еще употребительна и въ другихъ словахъ; напр. *w niebiesiach, w usciech, w lasiach* (см. хоть Польск. грам. Мучковскаго, § 103, Краковъ, 1849). Даже въ народномъ говорѣ встрѣчается это окончаніе; напр. въ Кантячкѣ (Краковск. изданіе, стр. 18): *w niebiesiach*.

Итакъ, выводъ г. Лавровскаго, что окончанія *лъхъ* и *охъ* смѣнились *окончательно* въ XVI и XVII в. женскимъ *ахъ* — лишено основанія. Несправедливо также, что окончаніе *охъ* падежа предложн. — новое. На одной и той-же страницѣ Псалтири Маргариты (89, столб. 1) употреблено: *w przybytkoch, w ludzoch, w zwonkoch*. Въ этомъ древнѣйшемъ памятникѣ Поль-

ской письменности вообще замѣтно уже смѣшеніе окончаній предложнаго на *ech*, *och* и *ach*. Такъ, въ одномъ и томъ-же стихѣ (на той-же 89 стр. въ столб. 1), читаемъ: *we żoonkach* и *we żoonkoch*. — Въ судебныхъ рѣшеніяхъ XIV в., изданныхъ г. Мацеѣвскимъ (*Histor. Praw. Sław, VI*), встрѣчается: *po tych the dzyeszuch* (стр. 22).

Авторъ замѣчаетъ (на стр. 24), что мѣстный падежь *bez ślęda pogibę* въ современномъ языкѣ Польскомъ. Слѣдовало-бы указать, что этотъ падежь отчасти живетъ еще въ простонародномъ говорѣ. Вотъ примѣры:

Rozmaryn do kalan,
Com go siała poście.

(Сборн. пѣсенъ Липивскаго, стр. 50).

Woisną się zieleni, *lecie* kwitnąc będącie.

(Сборн. Войциц. I. 191).

Spczywał łożu, spoczywał łożu.

(Kantyczka, стр. 98).

Говоря о двойственномъ числѣ (на стр. 25), авторъ замѣчаетъ, что «Польскій языкъ въ XIV—XVI в. строго отличалъ въ именит., винит. и звательн. падежахъ двойственнаго числа окончаніе *a*, для слов. муж. рода отъ *e* (= *ѣ*) для женскаго съ среднимъ.» Напротивъ, для женск. и средн. родовъ было также окончаніе *i* (*y*). Вотъ примѣры изъ Кохановскаго, на котораго такъ часто ссылается авторъ. Для женскаго рода: *dwie, żrenicy, dwie Troi, dwie niedzieli, dwie mili*. Для средняго: *dwie słoncey, o dwie poli* (см. соч. Пршиборовскаго, стр. 193). (5).

На стр. 27-ой, указывая въ старо-Польскомъ языкѣ употребленіе прилагательныхъ въ формѣ неопредѣленной или одночленной, въ именахъ мужеск. рода, авторъ прибавляетъ:

(5) Замѣчательна послѣдняя форма на *i* (*dwie poli*). А. Х. Востоковъ, въ грамматическихъ правилахъ Славянскаго языка, въ § 9, приводя склоненіе именъ средняго рода на *e* послѣ *л, р*, при двойств. числѣ им. и вин. замѣчаетъ: «Средняго рода не встрѣчается, но должно быть на *и*: *мори*, ибо читаетъ у Ио. Екс. *дѣлъ мори*, и въ Апокал. пергам. Рум. М. IX. 12. *дѣлъ гори*»

«Въ теперешнемъ языкѣ эта древняя форма перешла уже въ опредѣленную, съ окончаніемъ *u*, за исключеніемъ *razem* выражений, обратившихся, по значенію, въ нарѣчія, какъ: *niewart i rozka tabaki* (Послов.), или употребляющихся съ неопредѣленною формою для *риемы* (!), напр. въ пословицѣ: *będziesz bit, jako święty Wit*».

Вѣроятно, г. Лавровскому неизвѣстно, что въ современномъ Польскомъ языкѣ до-сихъ-поръ еще сохранились значительные остатки прилагательныхъ въ формѣ неопредѣленной и употребляются не для одной только *риемы*; напр. *winiem, łaskaw, pełen, syt, wolen, wdzięczem, gotów, wesół, zdrows, rad, mocem*, и мн. др. Эта форма сохранилась также въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, употребляемыхъ въ видѣ нарѣчій: *z nienagła*, в.м. *z nienaglego*, *do czysta* в.м. *do czystego*. Сюда должно отнести также слѣдующія выраженія: *po polsku, po pańsku, po chłopsku, po ludzku, po mału, po cichu*, и т. д.

Любопытно замѣтить здѣсь, что въ послѣднихъ примѣрахъ (*po polsku, po pańsku*, и т. д.), взятыхъ мною изъ сочиненія Пршиборовскаго (*Wiad. o życiu i piśmie Kochan.*, стр. 195), нѣкоторые грамматики, Смитъ (6) и Дешкевичъ (7), видятъ дательный падежъ. «Но отъ чего-же, замѣчаетъ г. Пршиборовскій (тамъ-же, стр. 196), мы говоримъ: *po groszi*, а не *po groszowi*? И отъ чего-бы существительное, послѣ этого самаго предлога, въ томъ-же значеніи, должно стоять въ другомъ падежѣ, нежели прилагательное, взятое въ формѣ существительнаго, въ выраженіи *po złotemu* (злоты — монета въ 15 к.)?»

«Ту-же ложную теорію, продолжаетъ г. Пршиборовскій, повторилъ Кампманъ (8), считая выраженія: *po polsku, po chłopsku*—сокращенными изъ *po polskiemu, po chłopskiemu*. Теорія трехъ указанныхъ мною грамматиковъ, не имѣющая достаточнаго основанія, совершенно ошибочна; самый-же предметъ, по

(6) *Grammatik d. polnischen Sprache*. Berlin, 1845. Стр. 50.

(7) *Gram. Jęz. Polak. Rzeszow*, 1846. Стр. 228.

(8) *Krótko gram. jęz. Polsk. Wrocław*, 1857. Стр. 67. И Миклошичъ (*Срав. грам.* III. 471) считаетъ эту форму дательнымъ, зависящимъ отъ предлога *po*

моему мнѣнію, относится не къ словосочиненію, но къ склоненію. Не вѣрю упомянутымъ грамматикамъ, чтобы предлогъ *po* управлялъ дательнымъ, — иначе я долженъ-бы былъ признать, что и предлогъ *o* управляетъ тѣмъ-же падежемъ, какъ ниже увидимъ, и потому я утверждаю, что въ выраженіяхъ: *po swojemu*, *po matli*, *po złotem*, *po groszi*, мы видимъ не дательный, но предложный неправильный. Вотъ мое мнѣніе объ этомъ:

«Когда нашъ языкъ, оставляя все-Славянскую колыбель, началъ забывать склоненіе прилагательныхъ въ формѣ существительной (*głesownikową deklinacją*), тогда, во многихъ едучаяхъ, возникло колебаніе между древнѣйшими и вновь возникающими способами выраженія. Слѣды этого колебанія остались и въ выпеприведенныхъ выраженіяхъ, принявшихъ форму нарѣчій, изъ которыхъ одни окрѣпли, прежде чѣмъ языкъ рѣшилъ, нужно-ли ихъ принять или отбросить; другія, можетъ быть, даже въ позднѣйшее время, были оставлены по образцу первыхъ. Отсюда произошло то, что съ одинаковымъ основаніемъ можно говорить: *po ziemsku*, *po ludzku*, и также: *po swojemu*, *po dawnemu*; хотя ни то, ни другое не подходитъ подъ правило, потому-что приняло предложный съ окончаніемъ дательнаго; собственно слѣдуетъ говорить: *po ziemskiem*, *po ludzkim*, *po swoim*, *po dawnem*. По неопредѣленности употребленія этой формы, къ этому прилагательному окончанію приставлено окончаніе существительное мужеск. рода *o* (Русск. *у*), или, лучше сказать, средняго; ибо въ Польскомъ языкѣ оно перешло и въ этотъ родъ. Вотъ почему этотъ безобразный предложный падежъ сдѣлался похожимъ на дательный. Окончаніе *o* въ языкѣ старо-Славянскомъ, въ предложномъ существительныхъ мужескихъ, довольно часто встрѣчается подлѣ *z*; напр. *zъхоу*, *домоу*, *длеоу*, *полеу*, *сымоу*. Такимъ только образомъ я могу себѣ объяснить, какъ можно поворить: *po złotem* и вмѣстѣ *po groszu*, *po trojaku* (*trojak* — три гроша), *po półzlotku* (*połzotek* — 7½ коп.). Какъ одно, такъ и другое, есть предложный падежъ. Признать эту форму падежемъ предложнымъ заставляетъ меня ея соединеніе

съ другими предлогами, которые никогда не управляютъ дательнымъ, и которымъ это управление должны-бы были признать грамматики. Итакъ, Иеронимъ Веторъ, въ предисловіи къ «Жизни Иисуса Христа» 1522 г., выражается слѣдующимъ образомъ: «*Wędę się chełpił w pann i stworzycielu mojemu*». Также выражается и Кохановскій въ 115 псалмѣ:

«*Wszystkim on łaskaw, którzy służą jemu,
Tak w małym wieku, jako dorosłemu*».

«*Mojemu* и *dorosłemu* — предложныя падежи, зависящіе отъ предлога *w*, и доказываютъ мое положеніе, что въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ, получившихъ форму нарѣчій, слѣдуетъ видѣть не дательный, но предложный исключительный падежъ. Такимъ-же образомъ я понимаю выраженія въ мало-Русскомъ нарѣчій: *na чорному морю, у першому у табори*, и другія, приведенныя Миклошичемъ (Сравн. грам. § 510, т. III)».

Возвращаюсь къ статѣ, мною разбираемой.

Авторъ (стр. 28) говоритъ: «Во множественномъ числѣ, въ падежѣ именительномъ, въ XVI вѣкѣ, *не встрѣчаемъ еще* вошедшаго въ обычай въ позднѣйшую пору смягченія звука *sz* (= *sz*) въ *s* (= *s*) передъ *i* (= *i*)». Приведены примѣры: *inzy*, вм. *inzi*, *naszy*, вм. *nazi*. Противное этому доказываютъ примѣры изъ XVI в., именно изъ Скарги (Skarga), изъ такого писателя, котораго языкъ считается высокимъ образцомъ изящества и правильности: *najmilsi bracia; starsi bracia*. (См. превосходное сочиненіе Мехержинскаго: *Historya wumowy w Polsce*. Краковъ, 1858. Томъ II, стр. 207 и 216).

Авторъ, указывая на сохраненіе въ нынѣшнемъ Польскомъ языкѣ рѣдкой формы двойственнаго числа, именительнаго падежа, женск. рода, — приводитъ слѣдующій примѣръ изъ сборника Войцицкаго (II, 282): «*Tak się też wej skrobiewa, bo nam słonko dogrze- wa*», и тутъ-же дѣлаетъ слѣдующую выноску: «Звукъ *ej* въ *wej*, вм. древняго *ь* (вѣ), объясняясь легко свойствомъ происхожденія *ь*, *могъ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ утвердиться въ языкѣ Поль-

скомъ; также какъ во многихъ случаяхъ распространень въ нарѣчїи Хорутанскомъ: *срежда, мѣсто* (= срѣда, мѣсто). Мнѣ кажется, что не было надобности такъ далеко искать сомнительнаго доказательства, потому что, въ простонародномъ Польскомъ говорѣ, фонетическое прибавленіе *j* встрѣчается и въ другихъ словахъ безъ *ь*. Напр. *A ja pójdę tamuj, gdzie brząkają skrzypki* (Сборн. Войциц. I, 27); *jak się naj* (вм. *nań, na niego*) *raz pognięwała* (Сборн. Жеготы Паули, стр. 183); *A któż mi ją będzie ząp, kiej mi Pan Bóg żonkę wżąp* (Сборн. Липинскаго, стр. 55).

Въ народномъ говорѣ сохранились также другіе остатки двойственнаго числа личнаго мѣстоименія; напр. *Alboś wa to jacy tacy, sńtorcy Krakowiacy* (Сборн. Жеготы Паули, стр. 211). *Gdzież wa będziem spała* (Сборн. Кольберга, стр. 270). По увѣренію г. Моржипкаго, автора одной изъ новѣйшихъ Польскихъ грамматикъ (*Wys Grammatyki języka polskiego. Warszawa, 1857. Стр. 265*), въ Мазурскомъ говорѣ, въ окрестностяхъ Лукова, народъ говорить: *byliśma* и *waży*, *byliśta* и *najyi*.

Г. Лавровскій говоритъ: «Въ XV вѣкѣ, вслѣдствіе-ли вліянія Чешскаго нарѣчїя, особенно господствовавшаго въ письменности Польской, общаго и съ другими родственными нарѣчїями, находимъ употребленіе мѣстоименія *и*, какъ личнаго, третьяго лица, и какъ относительнаго, равнаго церковному *иже*. Не въ XV, а уже въ XIV в. находимъ полное употребленіе мѣстоименія *и*. Здѣсь всего-лучше обратиться къ псалтири Маргариты: *Nee molw, anu powescy, gichse (ichze) ne slizeli bichø glossowe gich* (стр. 10, столб. 1); *bo przeszedł ies gi w blogoslawenstwech slotkosti* (стр. 11, столб. 1).

Перейдемъ наконецъ къ замѣчаніямъ автора о Польскихъ глаголахъ.

На стр. 31-ой онъ говоритъ: «Отъ нашего объясненія современнаго настоящаго времени глагола существительнаго и прошедшаго времени всѣхъ другихъ глаголовъ, *нѣсколько отступаетъ* г. Цегельскій». Мнѣ кажется, лучше сказать, что г. Лавровскій нѣсколько отступаетъ отъ г. Цегельскаго, гораз-

до прежде него написавшаго свое филологическое и прекрасное разсужденіе о Польскомъ глаголѣ (*). Не самъ-ли нашъ авторъ говорить (на стр. 33), что «все различіе въ предложеньяхъ нами выше объясненіи и въ объясненіи г. Цегельскаго заключается главнымъ образомъ въ различномъ пониманіи звука *e*, въ настоящемъ: *jestem*, *jestes*, и въ прошедшемъ муж. рода: *byłem*, *byłeś*».

На стр. 31-ой, указывая на сокращенную форму сложнаго прошедшаго (*kochałem*, *leś*, и т. д.), какъ на произведеніе *пооднѣшаго времени*, авторъ ссылается на памятники XIV и XV в., «въ которыхъ (говоритъ онъ) подобно настоящему времени, *не попадаетъ эта сокращенность*, вмѣсто которой обыкновенно и *постоянно* употребляется полная сложная форма: *porodził yesm*, *uczynił yes*, *yesł*, и т. д.

Хотя полная сложная форма дѣйствительно господствуетъ въ памятникахъ XIV и XV вѣка, однакожь тѣ-же памятники совершенно противорѣчатъ смѣлому и рѣшительному приговору автора. Въ нихъ не разъ можно встрѣтить и форму сокращенную. Вотъ примѣры, для 1 лица: *doszyagłem* (*dosiagłem*) *go prawem* (въ судебныхъ рѣшеніяхъ XIV в. см. Мац. Hist. Praw. Staw. VI. 45) *Szlyszalem* *ysz* *ten* *me* *gymuene* *zarowyedyal* (тамъ-же, стр. 106). *Kupczyłem* *gym* *wszady* *gdyem* *chczyal* (тамъ-же, стр. 134). *Wolalem* *panu* *yako* *na* *tego* *mordarza* (тамъ-же, стр. 138). Для 3-го лица, два раза на одной и той-же страницѣ (46) того-же памятника: *gyeden* *rzecznyk* *naszego* *myastha* *przyganył* *naszemu* *gyednemu* *poszpólnemu* *poszlowy*; — *tho* *wyznal* *then* *rzecznyk*. Вотъ примѣры изъ XV вѣка, именно изъ статутовъ Вислицкихъ (я привожу этотъ примѣры по изданію Гельпетя): «*Słyszeliśmy*, *iz* *Piotr* *pościgając* *Jana*, *barzo* *na* *ulicy* *uranił*; *a* *to* *gdy* *Jan* *w* *sąd* *przywiódł*, *Piotr*, *jakokole* *wyznał* *by* *się* *Jana* *uranić*», и т. д. Нѣсколько ниже: «*Skazaliśmy* *tego-to* *Jana* *świadectwo* *przypuścić*».

(*) Въ свое время я отдалъ отчетъ объ немъ въ «Извѣстіяхъ II-го отд. Имп. акад. наукъ».

На стр. 36-ой г. Лавровскій сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «Нашедши въ книжкѣ Ядвиги выраженіе: *izbuchom twemu jednaczkowi posłużyła*, г. Цегельскій замѣчаетъ, что окончаніе *chom* имѣло также знакомъ перваго лица *m*, отпавшее въ единств. числѣ въ другихъ случаяхъ и сохранившееся во множ. числѣ: *buchom* или *buchtu*». Далѣе авторъ прибавляетъ: «Но *buchom* для перваго лица единств. числа единственный случай, сколько мнѣ извѣстно, не только вообще въ письменности старо-Польской, но и въ самой книжкѣ Ядвиги, гдѣ неоднократно встрѣчается 1 лицо един. числа и всегда въ формѣ *buch* (слѣдуютъ примѣры)».

Нужно знать, что г. Цегельскій не говоритъ этого утвердительно, но выражается осторожно, внизу страницы, въ особой выноскѣ: «Разъ только, сколько мнѣ кажется (а г. Лавровскій выше говоритъ: сколько мнѣ извѣстно), въ этой книжкѣ мы встрѣчаемъ форму 1-го лица един. числа *buchom*, вм. *buch*». Тутъ-же г. Цегельскій говоритъ: «Изъ чего можно-бы заключить (*z czego by wnosić można*), что окончаніе *chom* имѣло также знакомъ перваго лица *m*, и т. д. (см. *O Słowie Polskiem*. Стр. 48).

Итакъ, г. Цегельскій не говоритъ ничего утвердительнаго; между-тѣмъ-какъ нашъ авторъ прямо рѣшается считать «*buchom* въ молитвенной книжкѣ Ядвиги просто ошибкою писца, не болѣе». Отъ чего же, какъ выше мы видѣли, онъ не счелъ ошибкою писца единственный случай въ псалтири Маргариты родительнаго съ носовымъ окончаніемъ именъ женск. рода на *я* (*duszę*)? Не для того-ли, чтобы насильно оправдать свою теорію?

На стр. 39-ой, авторъ положительно утверждаетъ, будто-бы окончаніе прошедшаго простаго на *хъ* сохранилось только небольшою горстью Польскаго народа въ горахъ Карпатскихъ. «Это окончаніе (прибавляетъ онъ) въ говорѣ Подголянь служить до-сихъ-поръ признакомъ 1-го лица въ прошедшемъ сложномъ, замѣняя собою господствующее въ томъ-же времени *m* (*я*) въ устахъ прочихъ Поляковъ: это *хъ*, измѣненное по свойству нарѣчія Подголянь въ *к*, какъ и въ другихъ сло-

вахъ, напр. *dwok*, вм. *dwoch*, присоединяется и къ мужескому и женскому родамъ, какъ и *m*, и такъ же свободно отдѣляется отъ глагола (слѣдуютъ примѣры). Авторъ, основываясь на одномъ сборникѣ пѣсенъ Цейшнера, поторопился вывести общее правило, что эта форма сохранилась только небольшою горстью Польскаго народа. Напротивъ, мы ее замѣчаемъ и въ другихъ говорахъ, притомъ въ гораздо полнѣйшемъ видѣ. Есть примѣры, что *x* переходитъ въ *g*, вм. *k*, какъ у Подголянь: *Wyjechałeg w pole ogać, złamałeg nogę* (сборн. Жеготы Паули, стр. 192). А вотъ примѣры уже прямо на *ch*: «*Ożeniłech się ta, pojełech se* (Pieśni ludu Galic. Стр. 169); *jach was nie roznała* (Сборн. Кольберга, стр. 264); *posowałach* (тамъ-же, на той-же стр.); *byłech ja we więzieniu* (тамъ-же, стр. 269).

Замѣтивъ, на стр. 41-ой, весьма рѣдкое окончаніе въ неопр. накл. *ci* (= ти), вмѣсто современнаго *ć*, слѣдовало-бы указать, что форма на *ти* встрѣчается у простаго народа: *Nie mogę ja tu czekaty, muszę za panem jechaty*. (Pieśni ludu Wielkopolskiego, zebrał Lipiński. Стр. 100). *Począł syn płakaty* (Сборн. Кольберга, стр. 281). Кстаті прибавлю здѣсь, что въ заключеніе своихъ замѣчаній о Польскомъ глаголѣ, авторъ упоминаетъ о формѣ *lyzat*, встрѣчаемой въ единственномъ выраженіи псалтири Маргариты. Ему кажется, что эта форма появилась вслѣдствіе ошибки писца или по вліянію Славяно-Русскаго церковнаго оригинала, «съ котораго, — прибавляетъ онъ, — какъ по всему замѣтно (почему-же именно?) переписывался псалтирь Польскій». Вслѣдствіе этого онъ не соглашается, вмѣстѣ съ г. Цегельскимъ, считать форму *lyzat* «древнимъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, въ которомъ, по удаленіи *i* (*i*) звукъ *t* не успѣлъ еще претвориться въ *ś*».

Разсматривая причастія въ Польскомъ языкѣ, на стр. 42, авторъ между-прочимъ говоритъ: «Выраженіе, приводимое Линде изъ *Fundamenta wiary*: «*wielka liczba w piekle chrześcian bezbożnie żywszych i bez pokuty umarłych*», — свидѣтельствуетъ, что не такъ давно помнилось и склоненіе этихъ причастій, сохра-

нившихся *ponylny* (?) въ двухъ формахъ: *bywszego, bywszemu*. Смѣю увѣрить г. Лавровскаго, что формы: *bywszego, bywszemu*, въ современномъ Польскомъ языкѣ совершенно исчезли, такъ точно, какъ и прич. *zywszy*, и у Линде отмѣченное, какъ неупотребительное. Еще Копчинскій называлъ эту форму грубымъ варваризмомъ (см. *Essai de Gram. Pol.* Стр. 126).

Сдѣлаю еще одну послѣднюю замѣтку. Мнѣ кажется, почтеннѣйшій авторъ гадательно высказалъ ниже-слѣдующее мнѣніе, хотя и облекъ его въ форму непреложнаго афоризма, что Польское нарѣчіе менѣе всѣхъ остальныхъ «представляетъ не только древнѣйшихъ формъ, чѣмъ старо-Славянское, но и равныхъ по древности послѣднему». Чтобы доказать это положительно, нужны болѣе обширныя свѣдѣнія, какъ въ древней, такъ и въ новѣйшей Польской литературѣ, нежели какія заключаются въ разбираемой мною статьѣ.

Въ заключеніе не могу не сознаться, что этотъ трудъ свидѣтельствуеетъ о похвальномъ усиліи автора — изучить Польскій языкъ настолько, насколько позволяли ему источники, пока для него доступные. Главный недостатокъ его почтеннаго труда состоитъ въ томъ, что авторъ очень торопится представлять рѣшительные выводы касательно разныхъ особенностей Польскаго языка, не вполне ему знакомыхъ. Впрочемъ, мнѣ пріятно видѣть, что мои указанія на замѣчательныя грамматическія формы Польскаго языка, помѣщенные въ «Извѣстія II отд. Импер. акад. наукъ», обратили его вниманіе на этотъ предметъ. Желательно также, чтобы и настоящія замѣтки мои послужили ему въ пользу.

Наконецъ считаю необходимымъ указать, повидимому, на опечатки, которыя встрѣчаются въ статьѣ г. Лавровскаго. Она печаталась не подъ личнымъ наблюденіемъ автора, и потому это не его вина. Какъ-бы то ни было, подобныя опечатки не должны имѣть мѣста въ ученой статьѣ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

Слѣдуетъ читать:

Стр. 10. <i>Coraz z wstępem kry-</i>
<i>tycznym.</i>	<i>oraz z wstępem krytycznym.</i>
— 25. <i>dwa palia mie własły</i>	<i>dwa palca mie włazły.</i>
— 29. <i>czarnema oczoma</i>	<i>czarnema oczema.</i>
— 30. <i>sz gych sąd sklada</i>	<i>sz gich sąd się sklada.</i>
— 36. <i>jenaczkowi</i>	<i>jednaczkowi</i>
— 39. Подгалянъ	Подголянъ (Podholanie).
— 40. въ древнѣйшемъ пе-
реводѣ <i>псалмовъ</i> кон-
ца XIII или начала
XVI вѣка	въ древнѣйшемъ переводѣ <i>псал-</i>
<i>ма</i> конца XIII или XIV вѣка
NB. Только и сохранился одинъ псаломъ, изъ котораго авторъ беретъ здѣсь примѣръ.	
— 47. Окончаніе <i>асе</i> роди-
лось изъ древняго <i>асі</i> .	Окончаніе <i>ас</i> и т. д.

Академикъ И. ДУБРОВСКІЙ.

ФЕДРЪ.

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ разговорѣ Платона, носящемъ имя Федра, Сократъ бесѣдуетъ съ Федромъ. Этотъ собесѣдникъ сына Софронискова представляется челоуѣкомъ молодымъ, съ живыми способностями и добрымъ отъ природы сердцемъ. Еще въ юношескомъ возрастѣ онъ уже до страсти любитъ ученныя бесѣды, усердно посѣщаетъ литературныя собранія, самъ участвуетъ въ разсужденіяхъ о любви и съ жадностію питаетъ свой умъ всякою новостію въ области словесныхъ произведеній (Sympr. p. 176. 178). Но не смотря на то, онъ — на пути заблужденія; благороднымъ его стремленіемъ овладѣлъ лживый духъ времени, требовавшій вездѣ вышшняго блеска. Федръ вполне предался водительствоу современныхъ ораторовъ и софистовъ, и на все смотритъ ихъ глазами, о всемъ судитъ по ихъ началамъ, все опредѣляетъ ихъ понятіями (Protag. p. 315. с.). Искусство слова разумѣетъ онъ, какъ навыкъ свободно и легко блистать фразою, не заботясь о достоинствѣ содержанія и нравственной цѣли сочиненій. За успѣхъ рѣчи, по его мнѣнію, должно ручаться умѣнье представлять даже и парадоксъ въ формѣ дѣйствительной истины, и способность увлекать вниманіе слушателей къ своекорыстнымъ цѣлямъ оратора. Таковъ былъ взглядъ Федра на краснорѣчіе.

Сократъ встрѣчается съ нимъ въ то время, когда онъ, проведши цѣлое утро въ обществѣ знаменитаго Афинскаго оратора Лизіаса, возвращался отъ него и шелъ за городъ прогуляться. Разговоръ завязался съ вопроса о томъ, какъ и чѣмъ угощаль его Лизіасъ. Федръ началъ съ энтузіазмомъ перевозносить любимаго своего оратора и упомянулъ о читанной имъ рѣчи, прибавивъ, что она была эротическая. Это сильно подстрѣкнуло любопытство Сократа и заставило его просить Федра, чтобы онъ пересказалъ ей содержаніе. Молодой человекъ, какъ часто бываетъ, сперва сталъ-было отказываться, ссылаясь на недостатокъ памяти, а потомъ соглашался пересказать слышанныя мысли: но Сократъ замѣтилъ у него подъ плащомъ свитокъ, и память на этотъ разъ оказалась ненужною; въ свиткѣ заключалась подлинная рѣчь Лизіаса. Тогда два любителя рѣчей отправились за городъ, къ рѣкѣ Илиссу и, сѣвъ на берегу, подъ тѣнистымъ яворомъ, приступили къ чтенію принесенной Федромъ рѣчи. Легкій очеркъ избраннаго ими загороднаго мѣста для чтенія есть превосходное вступленіе въ бесѣду; потому-что онъ мѣтко приуроченъ къ характеру излагаемаго въ ней Платонова ученія о любви. Прозрачныя воды Илисса, посвященныя Нимфамъ и Ахелюу, растеніе агнецъ — символъ дѣвственной чистоты и непорочности, журчаніе ручья, выбѣгающаго изъ-подъ явора, пѣсни кузнечиковъ, питающихся одною росой, тихое дыханіе вѣтерка, навѣвающаго прохладу, нѣжная мурава, приглашающая путника къ отдохновенію, — все это искусная обстановка убѣжища, избраннаго философомъ для размышленія объ Эросѣ (р. 227 — 230 с.).

Возлегли на мураву, Сократъ предоставляетъ чтеніе Лизіасовой рѣчи Федру и выслушиваетъ ее съ начала до конца. Лизіасъ имѣетъ въ ней цѣлю убѣдить прекрасное дитя, что для него гораздо лучше оказывать благосклонность тому, кто не любитъ его, чѣмъ быть благосклоннымъ къ влюбленному. Встрѣчая такую тему въ рѣчи извѣстнѣйшаго оратора древности, котораго сочиненія, переживъ столько вѣковъ, дошли

до насъ, который принадлежалъ къ самому образованному народу въ мѣръ языческомъ и процвѣталъ въ самую блестящую эпоху наукъ и искусствъ въ Аѳинской республикѣ, — трудно понять, какимъ образомъ въ умную голову Лизіаса могла войти столь пошлая мысль, а еще труднѣе объяснить себѣ тотъ восторгъ, съ которымъ юношество тогдашней Греціи, доселѣ превозносимое за тонкость и образованность вкуса, принимало подобныя мысли. Одна лишь исторія объясняетъ намъ эти несообразности и даетъ прекрасный урокъ тѣмъ, которые, не опредѣливъ, въ чемъ должно состоять истинное образованіе народа, кричатъ, что только образованность гнушается пороками и движется благороднымъ сочувствіемъ къ ближнему. На-перекоръ замѣчательнымъ успѣхамъ Грековъ въ наукахъ, преимущественно-же въ искусствахъ, нравственную жизнь ихъ исторія пятнаетъ самыми мерзкими пороками, въ числѣ которыхъ особенно отвратительнымъ представляется—*παιδεραστία*, *παιδικὸς ἔρως* или *τὰ παιδικά*. Правда, въ буквальномъ значеніи этого слова нѣтъ ничего постыднаго, потому-что имъ означается любовь къ дѣтямъ того или другаго пола; но крайній развратъ Греческаго юношества, опиравшійся, можетъ быть, на нѣкоторыхъ мнѣческихъ сказаніяхъ (1) столь-же развратной Эллинской религіи и находившій поводъ къ своему развитію въ самыхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ (2), не замедлилъ эту чистую и естественную любовь къ дѣтской невинности сдѣлать органомъ гнусной страсти, которая кажется чудовищемъ даже для самой чувственности человѣка. *Παιδεραστία* въ смыслѣ ужаснаго зла, убивающаго душу и разрушающаго тѣло, во времена Платона въ Аѳинскомъ обществѣ даже не надѣвала маски и стала въ совершенную противоположность съ началами здравомыслящей и благонравной философій, которая

(1) Къ числу подобныхъ мнѣческихъ сказаній можно отнести подробности о Ганимедѣ и Именеѣ.

(2) Древніе много рассказываютъ о формахъ гимнастическихъ учрежденій въ Греческихъ республикахъ и рассказы ихъ позволяютъ заключать, что гимнастика у нихъ не могла не вредить нравственности.

тогда почти отождествлялась съ именемъ Сократа. Посему Платонъ, вообще старавшійся своимъ ученіемъ и сочиненіями положить сильный оплотъ противъ разлитія современнаго ему софистическаго вольномыслия и нравственнаго разврата, считалъ своимъ долгомъ подвергнуть глубокому изслѣдованію понятіе *περὶ τῶν παιδικῶν* и написалъ нѣсколько весьма важныхъ діалоговъ съ намѣреніемъ раскрыть природу любви и показать Аѳинскому юношеству, до какой степени оно обезображиваетъ ее грубою чувственною своею жизнію и извращаетъ высокую цѣль, для которой она пробуждается въ человѣческомъ сердцѣ. Главнымъ и, можно сказать, кореннымъ между діалогами этого рода надобно почитать безспорно тотъ, который теперь подлежитъ нашему разсмотрѣнію, и въ которомъ весьма естественнымъ поводомъ къ разсужденію о любви служить Платону рѣчь Лизіаса на упомянутую выше тему.

Но какимъ образомъ къ этому одному предмету могутъ быть сведены, по-видимому, слишкомъ разнородные вопросы служащіе общими задачами главныхъ отдѣловъ Платонова Федра? Критики отвѣчаютъ на это неодинаково, и потому не одно и то-же принимаютъ за коренное положеніе цѣлаго разговора. Платоновъ Федръ съ перваго взгляда рѣзко дѣлится на двѣ части, по содержанію, совершенно различныя. Въ первой предлагаются три рѣчи о любви, изъ которыхъ одна Лизіасова, и двѣ — Сократовы (231 — 257); а во второй излагаются правила составленія рѣчей (258 — 279). Предметы этихъ частей изслѣдованія, очевидно, таковы, что если главнымъ въ цѣломъ сочиненіи мы признаемъ первый, то послѣдній должны будемъ почесть цѣлымъ, приросшимъ къ нему случайно и не имѣющимъ ничего общаго съ его цѣлію; а когда всю сущность діалога заключимъ въ послѣднемъ, то первый представится въ значеніи слишкомъ широко раскрытаго примѣра для предполагаемой теоріи, или несоразмѣрно долгою практическою игрою умовъ, прежде чѣмъ они принялись за серьезное изслѣдованіе. Въ томъ и другомъ случаѣ Платоновъ Федръ покажется намъ

сочиненіемъ безъ единства содержанія и безъ стройности въ формѣ. Но не спѣша предполагать такіе недостатки въ разсматриваемомъ произведеніи Платоновой души, которое, каково-бы ни было наше о немъ сужденіе, располагаетъ насъ невольно увлекаться высотой своихъ идей и изяществомъ изложенія ихъ, мы прежде всего вникнемъ въ рѣчь Лизіаса, — не найдемъ-ли въ ней и въ послѣдующихъ за нею словахъ Федра достаточнаго основанія для приведенія обѣихъ частей діалога къ желаемому единству.

Въ Лизіасовой рѣчи, какъ видно уже изъ самой ея темы, полагается различіе между равнодушіемъ и влюбленностію въ-отношеніи къ красотѣ. Первое изображаетъ ораторъ такъ, что въ немъ нельзя невидѣть скотскаго удовольворенія возбуждающейся повременамъ похоти; а послѣднюю такъ, что въ ней мы замѣчаемъ хотя человѣческое, но самое губительное искаженіе любви, ограниченной представленіями грубыхъ скотоподобныхъ удовольствій. И такъ человѣка съ равнодушіемъ и влюбленностію въ-отношеніи къ красотѣ Лизіасъ, самъ того не замѣчая, разсматриваетъ въ состояніи скотства и скотоподобія, а между тѣмъ полагаетъ, что въ его рѣчи разсматривается человѣкъ. Явно, что такое заблужденіе происходило, во-первыхъ, отъ незнанія человѣческой природы, а во-вторыхъ, отъ того, что ораторъ не опредѣлилъ и, не зная природы души, не могъ опредѣлить, что такое — любовь. Но отсюда само собою вытекало положеніе, служащее темою всего разговора, озаглавленнаго именемъ Федра: «чтобы говорить или писать о любви, и вообще о какомъ-бы то ни было предметѣ, надобно знать природу любви или всякаго разсматриваемаго предмета, и при свѣтѣ этого познанія, въ устной-ли то бесѣдѣ, или въ письменной рѣчи, прежде всего надлежитъ опредѣлить предметъ разсужденія». Нашедши такимъ-образомъ въ Федрѣ основное положеніе всей бесѣды, которымъ условливается единство ея содержанія и отношеніе ея частей, мы теперь ясно видимъ, что двумя рѣчами, которыя произнесъ въ ней Сократъ,

Платонъ поправляетъ *содержаніе* рѣчи Лизіасовой, т.-е., говоритъ о природѣ и видахъ любви; а чрезъ изложеніе правилъ, устнаго и письменнаго составленія рѣчей, показываетъ, въ какой *формѣ* надлежало-бы Лизіасу написать свою рѣчь, если бы онъ правильно понималъ, что такое — любовь.

И такъ, выслушавъ рѣчь Лизіаса и видя, что, по матеріи, въ ней скотское плотоугодіе отличается отъ скотоподобной любви, а любовь въ истинномъ ея значеніи вовсе не разсматривается и не опредѣляется, Сократъ мысленно дѣлитъ любовь на чувственную и разумную и по настоящему убѣжденію Федра, говоритъ — одну послѣ другой — двѣ рѣчи, изъ которыхъ въ первой красками самыми яркими изображаетъ низкія удовольствія любви чувственной, а въ другой — языкомъ восторженнаго поэта и глубокомысленнаго философа описываетъ происхожденіе, природу и стремленіе любви разумной. Приступая къ произнесенію рѣчи о сынѣ Венеры Плебейской, Сократъ предувѣдомляетъ Федра, что дабы не краснѣть отъ стыда и не заикаться, онъ произнесетъ ее съ закрытыми глазами. И дѣйствительно эту рѣчь надобно не только произносить, но и читать, оградившись броней хорошо-развитаго нравственнаго чувства. Впрочемъ, она написана такъ искусно, что, доказывая какъ будто тему Лизіасову, т.-е., что прекрасное дитя получаетъ больше пользы, благопріятствуя невлюбленному, чѣмъ тогда, когда оно бываетъ расположено къ влюбленному, представляетъ чувственную любовь во всемъ ея безобразіи и возбуждаетъ сильное къ ней отвращеніе. Начавъ свою рѣчь опредѣленіемъ чувственной любви, и понимая ее какъ страсть, влекущую къ удовольствіямъ, пронстекающимъ изъ красоты тѣла, Сократъ показываетъ, сколько золъ приносить она людямъ, особенно когда лице любимое отвлекаетъ отъ тѣхъ дѣлъ, которыми оно должно пользоваться, какъ плодами истинной мудрости. Имѣя это искусно-прикрытое доброе направленіе, Сократова рѣчь, и по самой своей формѣ, противоположна Лизіасовой. Основанная на опредѣленномъ понятіи о чувственной

любви, она потому самому отличается ясностію и связностію мыслей, стройнымъ расположеніемъ словъ и выраженій, тогда какъ въ рѣчи Лизіаса мысли неопредѣленны и перепутаны, а выраженія раскиданы и держутся только внѣшними, ничего незначущими связями. Когда эта декламація Сократа была окончена, — Федръ и Сократъ увидѣли въ ней только половину дѣла; но въ другой половинѣ предполагали оба не одно и то же. Первый надѣялся услышать, что скажетъ Сократъ о выгодахъ благорасположенія къ человѣку не любящему; а послѣдній раскрывъ значеніе любви чувственной, долженъ былъ еще объяснить, что такое любовь разумная или духовная. Удовлетворяя ожиданію Федра Сократъ рѣшительно отказывается и, по внушенію своею генія, приступаетъ къ разсматриванію природы божественнаго Эроса уже съ открытыми очами.

Если весь Платоновъ Федръ написанъ по мѣстамъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго поэтическаго воодушевленія, то особенно звучитъ двоярбомъ вторая рѣчь Сократа, въ которой онъ созерцаетъ происхожденіе и природу любви духовной. Эта любовь, говоритъ онъ, есть изступленіе, даруемое богами для величайшаго благополучія смертныхъ. Но чтобы понять всю ея важность и силу, надобно разсмотрѣть природу человѣческой души. Всякая душа бессмертна, потому-что самодвижима; а какова ея природа, — можно высказать только подобіемъ. Она подобна двумъ крылатымъ конямъ, запряженнымъ въ колесницу и управляемымъ возницею. Но кони боговъ и возничіе ихъ во всемъ совершенны; а прочіе не таковы: изъ коней, везущихъ колесницу души человѣческой, одинъ добръ и послушенъ, другой золъ и упрямъ, такъ-что возничему трудно управляться съ ними. Этимъ объясняется древнее — домірное разстройство человѣческой природы, происшедшее слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ люди населили землю, души ихъ обитали въ мірѣ духовномъ и наслаждались блаженствомъ въ сообществѣ съ богами. По числу двѣнадцати главныхъ божествъ, они дѣлились на двѣнадцать сонмовъ, и

каждый сонмъ слѣдовалъ за своимъ богомъ, а всѣ боги составляли свиту великаго Зевеса. И такъ Зевсъ, оставивъ центральное жилище Весты, ѣдетъ на праздникъ подъ зенитъ небеснаго свода и поднимается по наклонной плоскости, сопровождаемый всѣми богами и героями. Колесницы боговъ катятся плавно и ровно; по тому-что кони ихъ хорошо вскормлены, и возникше имѣють довольно силы для управленія ими. Они достигаютъ высшей точки орбиты и, прозирая съ ней въ горній міръ безпредѣльнаго свѣта, въ которомъ нѣтъ уже ни матеріальныхъ образовъ, ни формъ бытія, неизъяснимо наслаждаются этимъ духовнымъ созерцаніемъ. Напротивъ, изъ душъ не всѣ возносятся къ желаемой цѣли: только болѣе совершенныя и везомыя старательно-воспитанными конями восходятъ къ крайнему предѣлу своего пути, откуда, по безформенности вещей премірныхъ, созерцаніемъ ихъ, вмѣстѣ съ богами, наслаждаются по крайней-мѣрѣ возникше. Прочія-же души, такъ-какъ одинъ изъ коней ихъ рвется впередъ, другой упирается и останавливаетъ колесницу, неминуемо подвергаются страшнымъ бѣдствіямъ; ибо отъ этого происходятъ замѣшательства и столкновенія, разрушеніе колесницъ и ломка крыльевъ. А когда у коней крылья переломаны, — души не могутъ уже слѣдовать за богами, но стремглавъ летятъ внизъ и, падая на землю, въ наказаніе заключаются въ тѣла.

Это аллегорическое сказаніе о природѣ человѣческой души Сократъ примѣняетъ ко всѣмъ степенямъ и направленіямъ душевной жизни и на такомъ основаніи показываетъ необходимость многихъ и долговременныхъ метаморфозъ одного и того-же разумнаго существа, пока оно не возвратится въ то состояніе, къ которому предназначено. Что-же касается до значенія изложенной аллегоріи, то оно довольно обстоятельно объясняется въ Платоновомъ «Государствѣ», гдѣ подъ именемъ возничаго Платонъ велитъ разумѣть умъ, который въ человѣческой душѣ долженъ быть силою господствующею; въ добромъ конѣ видитъ природу раздражительную, которая повинуется

и помогаетъ уму; а въ конѣ упрямо мьслить природу пожелательную, увлекаемую страстями и стремящуюся къ удовольствіямъ; крыльями-же означаетъ порывъ души къ божественному. Такъ, показавъ образно небесное происхождение и судьбу планетнаго существованія душъ, Сократъ отсюда выводитъ значеніе и природу любви.

Стремленіе человѣческой души разсѣяныя черты вещей собирать въ одно, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ стараніе припоминать и возстановлять тѣ образы, которыхъ созерцаемъ души наслаждались въ жизни домірной. И кто болѣе занимается этимъ, какъ на примѣръ философъ; тотъ скорѣе выращаетъ крылья для паренія на небо, ибо тотъ живѣе возбуждаетъ въ памяти идеи вещей небесныхъ. Но выращеніе крыльевъ есть восторженіе души, а восторженіе или изступленіе ея есть любовь. Полныхъ образовъ истиннаго, добраго, справедливаго и святаго на землѣ нѣтъ; но встрѣчаются иногда чувствопостигаемыя отраженія этихъ идей, — и созерцая ихъ, мы пробуждаемъ въ себѣ идею прекраснаго, которое, потому именно, что напоминаетъ намъ о красотѣ вещей небесныхъ, становится предметомъ любви, умервщляетъ чувственные наши пожеланія, привязываетъ насъ къ себѣ узами благоговѣнія и восторгаетъ къ небу. Впрочемъ, отраженія прекраснаго божественнаго въ душѣ не всѣ одинаковы и не на всѣхъ одинаково дѣйствуетъ. Каждый любитъ красоту, сродную тому божеству, которому въ жизни домірной онъ сопутствовалъ. Посему совершеннѣйшіе любители суть тѣ, которые любятъ совершеннѣйшее прекрасное; а совершеннѣйшее прекрасное могутъ любить только тѣ, которые принадлежали къ свитѣ Зевеса и созерцали умъ царственный. Такіе любители суть философы, любящіе юношей, отъ природы одаренныхъ стремленіями философскими и рожденныхъ для владычества надъ другими. Правда, и здѣсь на землѣ, отъ буйства природы пожелательной, повторяются тѣ-же затрудненія и препятствія, съ которыми души боролись въ жизни домірной: но благородуміе и твердость

возничаго, при содѣйствіи прирожденной душѣ раздражительности, наконецъ обуздываютъ строптивость коня непослушнаго, и лице любимое само начинаетъ любить то, что кажется наилучшимъ его любителю; ибо въ этомъ случаѣ они помогаютъ другъ другу выращать себѣ крылья и подниматься къ горнему.

Произнесши такую рѣчь, Сократъ выдаетъ ее за палинодію прежней и проситъ Эроса, чтобы онъ никогда не отнималъ у него дара той любви, какая теперь описана, и расположилъ самага Лизіаса сообразоваться съ любовію философскою. Такъ оканчивается первая часть Платонова Федра. Въ ней практически рѣшенъ вопросъ: какъ надобно говорить и писать о любви? и найдено, что только тотъ въ-состояніи хорошо и вѣрно разсуждать о ней, кто изучилъ ея природу, или имѣетъ о ней знаніе философское, основывающееся на опредѣленіи метафизическаго существа ея. Распространяя это правило и на всѣ возможные предметы рѣчей, Сократъ на томъ-же основаніи излагаетъ теперь общую теорію ораторскаго искусства, и изложенію сей теоріи посвящаетъ вторую часть своей бесѣды съ Федромъ.

Выслушавъ послѣднюю рѣчь Сократа, Федръ полагаетъ, что и Лизіасъ не написалъ-бы подобной, даже опасается, какъ-бы онъ вовсе не оставилъ своего искусства. Но Сократъ говорить, что оставлять это искусство не слѣдуетъ; надобно только помнить, что безъ философіи оно невозможно: потому-что ораторъ долженъ основательно знать то, о чемъ намѣренъ говорить. Если-же онъ преслѣдуетъ только пустой образъ истины, то его рѣчь нетолько смѣшна, но и гибельна. Въ такомъ случаѣ она есть не произведеніе искусства, а органъ безумнаго опыта. Всякая рѣчь направляется къ убѣжденію слушателей въ какомъ-нибудь предметѣ. Поэтому, когда ораторъ не постарался напередъ уразумѣть тотъ предметъ, въ которомъ хочетъ убѣдить, тогда онъ нетолько обманываетъ другихъ, но обманывается и самъ, а это конечно смѣшно. Раскрывъ такимъ об-

разомъ основное положеніе второй части разговора, Сократъ обращается къ рѣчи Лизіаса и показываетъ, что въ ней недостаетъ именно этого знанія предмета; потому-что она есть произвольное накопленіе понятій, не опирающихся на понятіи дѣлаго. Тогда-какъ ораторъ долженъ знать, говоритъ онъ, нѣтъ-ли въ предметѣ его рѣчи чего-нибудь обоюднаго и сомнительнаго, Лизіасъ не обратилъ вниманія на то, что о природѣ и силѣ любви между людьми много различныхъ мнѣній и не опредѣлилъ, какъ понимаетъ онъ любовь, а просто началъ рассуждать о ней съ того, чѣмъ другіе оканчиваютъ рассужденіе. Отъ этого-то его декламація не имѣетъ ни основанія, ни порядка, ни единства, ни ясности, — вопреки тому правилу, что всякая рѣчь должна уподобляться живому существу, въ которомъ члены взаимно-пропорціональны и находятся въ тѣсной связи. Главное дѣло ораторскаго искусства, при составленіи рѣчи, заключается въ сведеніи всего къ одному роду и потомъ въ раздѣленіи рода на его виды. Это-то значитъ говорить діалектически. Еслибы спросили насъ, какъ сдѣлаться настоящимъ ораторомъ, — мы отвѣчали-бы, что сперва надобно имѣть способность къ рассужденію объ извѣстномъ предметѣ, потомъ должно знать этотъ предметъ, и наконецъ надлежитъ учиться ораторскому искусству и упражняться въ сочиненіи рѣчей. Полагать, что то или другое изъ этихъ условій можно заимствовать въ наставленіяхъ нашихъ ораторовъ, значитъ грубо обманываться. Кто хочетъ знать, какимъ путемъ пріобрѣтается имя хорошаго оратора, тотъ смотри на примѣръ Перикла, который украсился этимъ именемъ единственно отъ того, что сперва слушалъ Анаксагора и развилъ свой умъ философіею: ибо какъ врачъ, долженъ напередъ знать устройство тѣла, чтобы заключить о полезномъ или вредномъ дѣйствиіи на него извѣстнаго лекарства, такъ и оратору прежде нужно уразумѣть различныя особенности душъ, чтобы правильно примѣнять къ нимъ свою рѣчь. Тогда только онъ можетъ судить о различныхъ родахъ краснорѣчія и о томъ, который изъ нихъ въ томъ

или другомъ случаѣ будетъ имѣть на душу надлежащее дѣйствіе. Напротивъ, съ помощію одного искусства ораторы идутъ повидимому не къ истинѣ, а только къ правдоподобію и бываютъ весьма довольны, если убѣждаютъ другихъ въ томъ, чего хотятъ сами. Но къ правдоподобию можно-ли безбоязненно стремиться тому, кто напередъ не знаетъ справедливаго или истиннаго? Итакъ краснорѣчіе должно основываться на философіи и никакъ не смѣетъ позволять себѣ такихъ рѣчей, которыя не нравятся безсмертнымъ богамъ. Все это относится однакожь только къ произношенію рѣчи живымъ голосомъ; что-же касается до искусства писать ихъ, то оно полезно лишь для припоминанія въ старости тѣхъ мыслей, которыя занимали нашу молодость. Въ отношеніи-же къ изслѣдованію предмета, это искусство приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому-что ослабляетъ энергію ума и питаетъ въ немъ безпечность. Притомъ писанная рѣчь — все равно, что картина. Она изображаетъ предметы и представляетъ ихъ какъ-бы живыми; а вопросы ее объ основаніяхъ ея положеній, — будетъ отвѣчать все одно и то-же, ничего не объясняя. Сказавъ это, Сократъ заключаетъ свою бесѣду молитвеннымъ обращеніемъ къ Пану и другимъ мѣстнымъ богамъ.

Смотря на такое содержаніе Федра и особенно обращая вниманіе на поэтическій характеръ его въ рѣчахъ о любви и о природѣ души, многіе критики почитали его раннимъ, какъ-бы еще юношескимъ произведеніемъ Платонова ума. Но эти основанія, по моему мнѣнію, недостаточны для выведенія подобнаго заключенія; ибо раскрытіе того-же предмета служитъ содержаніемъ и нѣсколькихъ иныхъ діалоговъ Платона, которыя относятся безспорно къ позднѣйшимъ его сочиненіямъ. Что-же касается до поэческаго тона рѣчи, то его требовалъ самый предметъ, равно-какъ и тотъ восторгъ Федра, съ которымъ онъ превозносилъ рѣчь Лизіаса и подъ который считалъ приличнымъ поддѣлываться Сократъ, говоря о домірной жизни душъ. Время, когда написанъ Федръ, гораздо лучше можетъ-

быть опредѣлено родомъ и степенью раскрытія содержащагося въ немъ ученія. Мы видимъ, что важнѣйшія положенія Платоновой философіи, напримѣръ: о происхожденіи, природѣ и способностяхъ души, объ идеяхъ, объ истинномъ знаніи и проч. развиты въ немъ вполне и съ такимъ совершенствомъ, какое возможно было для философа не иначе, какъ въ зрѣломъ его возрастѣ. Притомъ Платонъ во второй произнесенной Сократомъ рѣчи явно пользуется представленіями школы Пиеагорейской и раскрываетъ ихъ такъ обстоятельно, что подобное знаніе о нихъ могъ онъ получить не прежде путешествія своего въ Сицилію и Великую Грецію (см. соч. Пл. т. I стр. 10). Мнѣніе Шлейермахера, Аста и др. о Федрѣ, какъ о произведеніи ума еще юнаго, не оправдывается и самою формою разговора. Планъ его обдуманъ такъ зрѣло и выполненъ съ такимъ искусствомъ, что юношѣ это было-бы не по силамъ. Формальною своею стороною Федръ, безспорно, стоитъ выше многихъ лучшихъ Платоновыхъ сочиненій. Надобно сверхъ-того обратить вниманіе и на поразительное сходство разсматриваемаго діалога съ Симпосіономъ или Пиромъ, и мы совершенно убѣдимся, что онъ написанъ былъ послѣ путешествія Платона въ Италію. Оба эти діалога, по содержанію, находятся въ такой близкой связи и зависимости, что составляютъ какъ-бы двѣ части одного и того-же сочиненія: ибо въ Федрѣ показывается, что ораторское искусство риторовъ и софистовъ не основывается ни на какихъ философскихъ началахъ, и двѣ рѣчи Сократа излагаются только какъ практическое доказательство того, что чуждая этихъ началъ рѣчь Лизіаса потому самому никуда не годится; а въ Симпосіонѣ, напротивъ, о томъ, что при чтеніи Федра представляется главнымъ, говорится только мимоходомъ, существеннымъ-же и особенно выпуклымъ предметомъ изслѣдованія является природа и сила философской любви, превосходно олицетворяемой въ Сократѣ. Изъ этого можно съ вѣроятностію заключить, что Федръ и Симпосіонъ написаны почти въ одно и то-же время. Такому заключенію, повидимому, проти-

ворѣчатъ свидѣтельства Діогена Лаерція (III. 35, 38) и Олимпіодора, что изъ сочиненій Платона прежде всѣхъ написанъ Федръ: но мнѣніе ихъ, не опирающееся ни на какомъ историческомъ основаніи, можно признать справедливымъ только въ томъ смыслѣ, что Федромъ начинается рядъ діалоговъ, написанныхъ Платономъ по возвращеніи изъ путешествія; ибо нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые свои разговоры онъ написалъ еще при жизни, а другіе вскорѣ послѣ смерти Сократа, когда ученіе, заключающееся въ Федрѣ, еще не было раскрыто имъ. Слѣдовательно приведенное свидѣтельство Лаерціево и Олимпіодорово позволяетъ въ настоящемъ случаѣ принять за вѣрное только то, что Федръ написанъ прежде Симпосіона, но послѣ всѣхъ, такъ-называемыхъ Сократическихъ разговоровъ. Впрочемъ, это заключеніе вытекаетъ и изъ другихъ соображеній. У Атенея (р. 500—1259) приводятся стихи комика Алексиса, который содержаніе ихъ приписываетъ Федру и какъ-бы смѣется надъ понятіемъ Платона о любви. Но тѣ-же самыя и почти въ тѣхъ-же словахъ, читаются также въ Платоновомъ Симпосіонѣ (р. 103 В. sqq.). Слѣдовательно, когда написанъ былъ Симпосіонъ, Платоновъ Федръ уже существовалъ. Притомъ слова въ Симпосіонѣ (р. 182 А.): οὗτοι εἰσιν τὸ δυνειδὸς πεποιημέτες, ὡς τε καὶ τινὰ τοιμᾶν λέγειν, ὡς ἀισχρὸν χαρίζεσθαι ἐρασταῖς, явно указываютъ на тему Лизіасовой рѣчи въ Федрѣ. Но извѣсто, что Симпосіонъ изложенъ Платономъ въ 3 и 4 году 98 Олимп. т. е. за 385 лѣтъ до Р. Хр. Посему надобно полагать, что Федръ вышелъ въ свѣтъ немного раньше этого времени, именно между 385 и 388 годами до Р. Хр.: потому-что возвращеніе Платона изъ Сициліи и основаніе академіи, по показанію Евсевіевой хроники, произошло въ 4 году 97 олимп.

III.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

Засѣданіе 18 марта 1858 г.

Г. предсѣдатель объявилъ, что по случаю смерти М. А. Коркунова, онъ назначилъ правителемъ дѣлъ комиссіи главнаго редактора государственныхъ и юридическихъ актовъ Н. В. Калачова.

— Г. предсѣдатель объявилъ, что онъ поручаетъ возложенное на комиссію, по § 3 Высочайше утвержденныхъ правилъ ея, изданіе писцовыхъ книгъ назначенному имъ для сего члену комиссіи, коллежскому совѣтнику *Саввантоу*.

— Читано предложеніе бывшаго члена комиссіи ст. сов. *Терещенко* на имя г. предсѣдателя о томъ, что, составивъ хронологическій указатель актамъ, изданнымъ въ Россіи, въ которомъ онъ описалъ болѣе 15,000 актовъ, начиная съ 911 по 1711 годъ, съ означеніемъ и тѣхъ изданій, гдѣ эти акты напечатаны, онъ готовъ уступить свой трудъ комиссіи за соотвѣтственное вознагражденіе.

Положено: предложить г. *Терещенко* пятьсотъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ составленный имъ указатель актамъ

предоставилъ въ распоряженіе комиссіи для напечатанія съ тѣми измѣненіями и исправленіями, какія признаны будутъ необходимыми.

Засѣданіе 24 апрѣля.

Читано увѣдомленіе г. министра народнаго просвѣщенія на имя члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. С. *Норова*, отъ 22 апрѣля, что Государю Императору благоугодно было соизволить, чтобы его высокопревосходительство, съ увольненіемъ отъ званія министра народнаго просвѣщенія, сохранилъ званіе предсѣдателя археографической комиссіи.

— Г. предсѣдатель объявилъ объ извѣщеніи его г. министромъ народнаго просвѣщенія, что, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада его, предсѣдателя, въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія, о томъ, что средства, которыми до-сихъ-поръ пользовалась комиссія, почти совершенно истощились, Государь Императоръ, въ уваженіе полезныхъ трудовъ сего учрежденія и для доставленія ему возможности окончить изданіе памятниковъ, относящихся къ Русской исторіи и Русскому праву, повелѣтъ соизволить: въ добавокъ къ отпускаемой уже изъ государственнаго казначейства на содержаніе комиссіи суммѣ, 1572 руб. 17 коп., назначить къ отпуску, изъ того-же источника, еще по 3427 руб. 83 коп. ежегодно.

Положено: приступить, вслѣдствіе такой Монаршей милости, къ немедленному изданію писцовыхъ книгъ.

— Было разсуждаемо о томъ, съ чего начать изданіе писцовыхъ книгъ и какой держаться при этомъ системы.

Положено: командировать члена *Саввантова*, въ-теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ Москву для обозрѣнія писцовыхъ книгъ, хранящихся въ тамошнихъ архивахъ: вотчинномъ при правительствующемъ сенатѣ и главномъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Самое-же изданіе писцовыхъ книгъ начать съ древнѣйшихъ.

— Читано донесеніе главнаго редактора лѣтописей *Бычкова*, слѣдующаго содержанія: «Разсмотрѣвъ три рукописи, принесенныя въ даръ археографической комиссіи корреспондентомъ ея *Надеждинымъ*, имѣю честь донести, что изъ сихъ рукописей первая есть копія, снятая во второй половинѣ прошедшаго столѣтія съ сино-

сиса Иннокентія Гизеля, напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1680 г. (въ 4 д. л., 191 л.); *сторая*, писанная полууставомъ также въ XVIII вѣкѣ,—лѣтописецъ Новгородскій, передъ которымъ помѣщены разныя сказочныя исторіи (въ 4 д. л., 336 л.). Эта рукопись, по своему составу, совершенно сходствуетъ съ хранящеюся въ Румянцовскомъ музеумѣ, которая послужила основнымъ текстомъ при напечатаніи такъ-названной третьей Новгородской лѣтописи (см. подробное и точное изложеніе ея содержанія въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго музеума» Востокова *М* ССL), и не представляетъ никакихъ важныхъ вариантовъ къ данному тексту. *Третья*—историческій сборникъ, писанный весьма небрежно и съ большими ошибками въ 1771 году (въ 4 д. л., 68 л.). Въ немъ заключаются:

а) Об. л. 1. Сказочная исторія о Великосанѣ, Асанѣ и Авесхасанѣ; посланіе Александра Македонскаго къ Славянамъ и пр. (безъ конца).

б) Л. 9. «Книга, глаголемая лѣтописецъ Новгородскій вкратцѣ церквамъ Божиимъ». Послѣ указателя къ лѣтописи, сдѣланнаго, по всему вѣроятію, самимъ составителемъ сборника, идетъ текстъ, значительно сокращенный, третьей Новгородской лѣтописи, прерывающійся 6884 годомъ.

в) Л. 34. «Выписано изъ лѣтописца вкратцѣ Московскихъ князей и бояръ и пріѣзжихъ князей и бояръ и(зъ) разныхъ государствъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ и(зъ) пріѣзжихъ и Московскихъ родовъ». Выписки изъ родословцевъ.

г) Л. 48. Списокъ съ Новгородской писцовой книги (6991 г.) Дмитрія Китаева 27 погостамъ. Этотъ списокъ, какъ замѣчено въ концѣ его, «прислалъ князь Семень Уросовъ (sic), по государевѣ грамотѣ, въ судной Володимерской приказъ во 157 году, какъ тягались объ отечествѣ Новгородцы Семень Кашкаровъ съ Семеномъ Муравьевымъ, въ томъ на князь Семена была ссылка и на то роспись».

д) Об. л. 53. Списокъ, кто имяны при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи и при царѣ Теодорѣ Иоанновичѣ всея Россіи на Москвѣ были головы стрѣleckіе и сотники, сысканный въ іунѣ 7151 (1643) года на казенномъ дворѣ.

е) Об. л. 55. Списокъ дѣтей боярскихъ по городамъ разныхъ чяновъ.

ж) Об. л. 58. Списокъ дѣтей боярскихъ Московскаго патриарха; митрополитовъ: Ростовскаго и Крутицкаго; архіепископовъ: Суз-

дальскаго, Тверскаго, Смоленскаго, Вологодскаго и владыки Коломенскаго.

з) Л. 61. Роспись кто, въ которыхъ годѣхъ, были въ губныхъ старостахъ (въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ пятинахъ).

в) Об. л. 61. Имена недѣльщикомъ и розсыльщикомъ, приставомъ, которые были при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всея Россіи и при царѣ Борисѣ и царѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Россіи и при Нѣмцахъ и при царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи.

і) Об. л. 62. Выпись кто, гдѣ, въ которомъ чину былъ дворяне и дѣти боярскіе. Изъ этой выписи видно, что однимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ убавлена денежная дача за гѣдность къ службѣ, что другіе живутъ во крестьянахъ, *во крестьянахъ за Татары*, что третьи служатъ въ стрѣльцахъ, что четвертые находятся въ слободчикахъ ямскихъ на Московской дорогѣ, и пр.

к) Л. 64. Выборъ, 20 марта 1593 г., въ ямщики на Ивангородскую дорогу въ Зарѣцкой ямѣ.

л) Роспись кто имянемъ и кое пятины дѣти боярскіе ходили въ недѣляхъ 120 году.

и м) Л. 67. Двѣ выписки изъ Новгородскихъ верста(л)ныхъ книгъ.

Положено: означенныя рукописи хранить въ комиссіи.

— Читано донесеніе главнаго редактора *Кунника* слѣдующаго содержания: «Издаваемое нынѣ комиссіею собраніе грамотъ и договоровъ, найденныхъ въ Рижскомъ архивѣ г. Напіерскимъ, служить лучшимъ доказательствомъ тому, какъ мало основательно, до-сихъ-поръ, произведены были разысканія въ архивахъ бывшихъ Ганзейскихъ городовъ, относительно Русской исторіи. Безъ сомнѣнія, на западѣ, напр. въ Гамбургѣ, Любекѣ, Соостѣ, Кельнѣ, Дортмундѣ и другихъ городахъ хранится еще много драгоцѣннаго въ этомъ отношеніи. Въ Ганзейскихъ архивахъ, по всей вѣроятности, есть и рукописные документы, до-сихъ-поръ неизвѣстные. Но и у насъ есть еще архивы, мало или почти вовсе неизслѣдованные. Къ числу ихъ принадлежитъ архивъ бывшихъ Курляндскихъ герцоговъ въ Митавѣ. Вслѣдствіе неоднократныхъ перенесеній, онъ пришелъ въ страшный безпорядокъ, объ устраненіи котораго начали думать въ самое послѣднее время. Въ архивѣ между прочимъ есть богатая коллекція писемъ и донесеній, могущихъ служить къ поясненію Русской и Польской исторіи отъ XVI до XVIII столѣтія. А. Энгельманъ, въ бытность свою въ Митавѣ, успѣлъ снять ко-

пін съ нѣсколькихъ рукописныхъ документовъ, относящихся ко времени отъ 1655 по 1697 годъ, въ томъ числѣ: 1) грамоты царя Алексѣя Михайловича къ Курляндскому герцогу Якобусу; 2) грамоты царей Иоанна и Петра Алексѣевичей къ Курляндскому герцогу Казимиру-Фридриху; 3) переписка Курляндскихъ герцоговъ съ пограничными Русскими воеводами (между прочимъ, рядъ писемъ Аванасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина); 4) грамота великихъ пословъ царя Петра Алексѣевича, Лефорта, Головина и Возницына къ Курляндскому герцогу Фридриху-Казимиру. При неустройствѣ архива, нельзя сказать много-ли еще найдется Русскихъ грамотъ и писемъ; но богатство архива памятниками, могущими служить къ поясненію Русской исторіи и писанными на иностранныхъ языкахъ, несомнѣнно. Поэтому, имѣю честь предложить комиссіи откомандировать А. Энгельмана въ Митаву для разсмотрѣнія, по мѣрѣ возможности, матеріаловъ означеннаго герцогскаго архива, хранящагося при Курляндскомъ губернскомъ правленіи».

Положено: просить г. Курляндскаго гражданскаго губернатора о допущеніи г. Энгельмана къ осмотру актовъ, хранящихся въ Митавскомъ архивѣ бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ, а г. Энгельману поручить заняться означеннымъ осмотромъ.

— Читано главнымъ редакторомъ *Калачовымъ* слѣдующее предложеніе: «Приступивъ къ разсмотрѣнію актовъ историческаго и юридическаго содержанія, которые въ настоящее время хранятся въ археографической комиссіи, я отобралъ нѣкоторые изъ нихъ какъ весьма замѣчательные документы, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть съ пользою для науки напечатаны вполне въ «Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ» и въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи»; другіе-же отложены мною, какъ не заслуживающіе особеннаго вниманія. Но въ числѣ разсмотрѣнныхъ мною документовъ, кромѣ принадлежащихъ къ двумъ означеннымъ разрядамъ, встрѣчаются и такіе, которые, не представляя довольно интереса для того, чтобы вполне быть изданными въ свѣтъ, заключаютъ въ себѣ однако драгоцѣнные матеріалы для нашего древняго юридическаго языка, для нашей древней письменности или вообще для разъясненія домашняго быта нашихъ предковъ; такъ напр. въ коллекціи актовъ, представленныхъ въ комиссію П. И. *Савваитовымъ*, я встрѣтилъ любопытное указаніе въ одномъ документѣ, что инокиня Екатерина Воронцо-

ва называетъ своего бывшаго мужа Елизара Воронцова *побратимомъ*, себя-же называетъ его *посестрией*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, считаю необходимымъ замѣтить, что признаніе мною какого-либо акта не заслуживающимъ вниманія не всегда можетъ быть почитаемо вполне основательнымъ, ибо другой ученый, съ своей точки зрѣнія, можетъ найти въ томъ-же актѣ указаніе или по-крайней-мѣрѣ намекъ на такія данныя, которыя не были мною замѣчены. На этомъ основаніи, имѣю честь предложить, не угодно-ли будетъ поручить мнѣ, при возложенномъ на меня разборѣ актовъ комиссіи, составить Указатель всѣмъ находящимся въ ней въ настоящее время документамъ, равно-какъ и тѣмъ, которые будутъ поступать въ оную вновь, съ означеніемъ въ немъ, вкратцѣ, содержанія каждаго акта и времени, къ которому онъ относится; если-же актъ представляетъ что-либо замѣчательное, то упоминать и объ этомъ въ его описаніи, по-возможности выражаясь словами подлинника; наконецъ о тѣхъ актахъ, которые гдѣ-либо напечатаны, отмѣчать при описаніи ихъ, что они помѣщены въ такомъ-то изданіи». — При разсужденіи по поводу сего предложенія, г. предсѣдатель замѣтилъ, что онъ находилъ-бы полезнымъ принять для образца предлагаемаго описанія составленное г. *Востоковымъ* описаніе рукописей Румянцовскаго музеума.

Положено: поручить главному редактору *Калачову*, согласно его предложенію, заняться составленіемъ означеннаго описанія актовъ, по образцу описанія рукописей Румянцовскаго музеума, и не дожидаясь окончанія этого труда, который, по множеству актовъ, хранящихся въ комиссіи, требуетъ очень много времени для окончанія, приступить къ печатанію каталога актамъ археографической комиссіи отдѣльными выпусками, по мѣрѣ того, какъ будутъ описаны одна или нѣсколько коллекцій, изъ которыхъ состоятъ находящіеся въ распоряженіи комиссіи историческіе и юридическіе матеріалы.

— Представлена членомъ *Савваитовымъ*, по предложенію г. предсѣдателя, коллекція актовъ, собранныхъ имъ въ Вологодской губерніи, съ тѣмъ, что если комиссіей будетъ признано полезнымъ приобрести это собраніе для ея изданій, то онъ согласенъ уступить его за соотвѣтствующее вознагражденіе.

Положено: поручить правителю дѣлъ разсмотрѣть означенную коллекцію актовъ и, по разсмотрѣніи, довести до свѣдѣнія комиссіи, къ какому разряду актовъ они принадлежатъ по своему со-

держанію и какіе изъ нихъ могутъ быть помѣщены въ изданіякъ комиссіи.

— Доведено правителемъ дѣлъ до свѣдѣнія комиссіи, что бывшій членъ ея, ст. сов. *Терещенко* представилъ составленный имъ Указатель актамъ, напечатаннымъ въ разныхъ изданіяхъ.

Положено: выдать г. *Терещенко*, согласно опредѣленію, изложенному въ протоколѣ комиссіи 18 марта сего года, за трудъ его пять-сотъ рублей серебромъ и, по его просьбѣ, въ уваженіе къ его ученымъ занятіямъ, изданія археографической комиссіи; членамъ-же комиссіи, по разсмотрѣніи каждымъ изъ нихъ отдѣльно этого труда, въ общемъ совѣщаніи согласиться въ томъ, въ какомъ видѣ онъ можетъ быть напечатанъ и кому на этомъ основаніи поручить окончательную его редакцію.

Засѣданіе 28 мая.

Читано отношеніе въ комиссію отъ Псковскаго уѣзднаго предводителя дворянства *Грушецкого* о ирепровождаемыхъ имъ двухъ жалованныхъ грамотахъ, выданныхъ его предкамъ въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, съ предложеніемъ напечатать сіи грамоты въ изданіякъ комиссіи. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что грамоты, присланныя г. *Грушецкимъ*, суть печатные бланки со внесеніемъ въ оставленные для сего пробѣлы пожалованія стольнику Кондратью *Токичу Грушецкому* части помѣстной земли его въ вотчинную; что онѣ относятся одна къ 1692, а другая къ 1693 году, и что послѣдняя, данная по случаю мира, заключеннаго съ Польшею въ 1686 году, замѣчательна по подробному изложенію въ ней войны и слѣдовавшихъ за симъ переговоровъ Россіи съ Польшею; почему она, по назначенію его, уже списана для помѣщенія въ издаваемыхъ подъ его редакціей «Дополненіякъ къ актамъ историческимъ».

Положено: имѣя въ виду, что печатные бланки, выдававшіеся въ свѣдѣ жалованныхъ грамотъ во второй половинѣ XVII вѣка, заслуживаютъ вниманіе какъ формы такихъ грамотъ, и что онѣ отличаются между собою и содержаніемъ и изложеніемъ событій, подавшихъ поводъ къ пожалованію или обращенію извѣстному лицу помѣстной земли его въ вотчинную, помѣстить въ изданіякъ комиссіи по одному образцу всѣхъ этихъ формъ; грамоты-же г.

Грушецкаю, по снятіи также копій съ первой и по повѣржѣ сяхъ копій съ подлинными, возвратить.

— Читано донесеніе корреспондента комиссіи *Надежина* о препровождаемой имъ въ распоряженіе комиссіи рукописи; при чемъ членъ П. И. *Савваитовъ*, разсматривавшій сію рукопись, изъяснилъ, что она состоитъ изъ 392 страницъ, писанныхъ въ 4-ку почеркомъ второй половины XVIII столѣтія, и имѣя общее заглавіе: «Исторія императора Петра I», заключается въ двухъ частяхъ. Первая часть (на 318 стр.) содержитъ записки Крекнина, которыя начинаются извѣстнымъ предсказаніемъ о рожденіи Петра Великаго и оканчиваются казнію Милославскаго, съ благочестивымъ заключеніемъ. По сличеніи этой рукописи съ текстомъ ея, напечатаннымъ въ изданіи *Сазарова* подъ названіемъ «Записки Русскихъ людей», оказывается, что она совершенно иной редакціи: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть замѣчательныя подробности, въ другихъ значительныя сокращенія; первые-же листы, находящіяся въ рукописи, доставленной г. *Надежинымъ*, вовсе не вошли въ изданіе *Сазарова* по причинамъ, объясненнымъ у него въ предисловіи.—Вторая часть рукописи (на 74 стран., изъ коихъ 2-я и послѣдняя оставлены бѣлыми) содержитъ извѣстный журналъ путешествія Петра Великаго за границу въ 1697 году.

Положено: изъяснить г. *Надежину* благодарность за доставленіе сей рукописи, а самую рукопись хранить въ библиотекѣ комиссіи.

— Членъ *Савваитовъ* сообщилъ комиссіи списки съ подлинныхъ 4 грамотъ, хранящихся въ Устьсысольской общественной библиотекѣ, слѣдующаго содержанія:

1) Грамота царя Феодора Иоанновича крестьянамъ Глетовой слободки о платежѣ податей и привозѣ ихъ въ Москву имъ самимъ, отдѣльно отъ Вычегжанъ, Вымичей и Сысоличъ.

2) Списокъ съ грамоты царицы Александры Феодоровны въ Яренской городокъ старостамъ и цѣловальникамъ, объ освобожденіи изъ тюремъ опальныхъ въ измѣнахъ и во всякомъ воровствѣ и на всей татбѣ и въ разбоѣ, по случаю кончины царя Феодора Иоанновича. Въ этой грамотѣ, по замѣчанію П. И. *Савваитова*, любопытно извѣстіе, что дьякъ Иванъ Вахромѣевъ, которому повелѣно было разослать объ этомъ грамоты по всѣмъ городамъ, не исполнилъ повелѣнія и за свою вину подвергся опалѣ; не смотря на то, отписки о выпущенныхъ изъ тюремъ приказано присылать

въ четь его Вахромѣева и грамота подписана самимъ-же дьякомъ Иваномъ Вахромѣевымъ.

3) Грамота Русскихъ бояръ и воеводъ и думнаго дворянина Прокопія Ляпунова въ Яренской городокъ духовенству и народу, о собраніи въ помощь ратнымъ людямъ четвертныхъ, данныхъ, оброчныхъ, таможенныхъ, кабацкихъ и всякихъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ за 1611 годъ. Писана въ Москвѣ 7119 (1611) апрѣля 24.

4) Грамота цря Михаила Феодоровича въ Яренской городокъ о сборѣ на жалованье ратнымъ людямъ по 2 рубля съ двора, *розъятл промежъ себл*. Писана 1636 г. декабря 17.

Положено: по неисправности копій съ этихъ грамотъ, просить о доставленіи подлинниковъ, съ тѣмъ, что, по минованіи въ нихъ надобности, они будутъ возвращены.

Засѣданіе 7 августа.

Читаны два отношенія г. министра юстиціи на имя г. министра народнаго просвѣщенія: 1-е—отъ 3 августа сего года, въ которомъ онъ, изъясняя о сдѣланномъ имъ распоряженіи касательно допущенія члена комиссіи *Саввантова* къ занятіямъ писцовыми книгами въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, сообщаетъ, что директоромъ означеннаго архива дѣйств. ст. сов. *Ивановымъ* изготовлено извлечение изъ всѣхъ писцовыхъ книгъ, въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, на 7000 листахъ. Имѣя въ виду сей трудъ, также изданные алфавитные указатели, извлеченные изъ писцовыхъ книгъ по губерніямъ Московской, Новгородской и Псковской, и наконецъ приготовленные г. *Ивановымъ* историческое сочиненіе о писцовыхъ книгахъ вообще и особый алфавитъ не только писцовымъ, но и межевымъ и дозорнымъ книгамъ, — г. министр юстиціи просить увѣдомить его, будетъ ли признано нужнымъ, при такомъ положеніи работъ, направленныхъ къ обзору писцовыхъ книгъ, предполагаемое изданіе оныхъ отъ археографической комиссіи.

Положено: довести до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, что археографическая комиссія, отдавая должную справедливость весьма важнымъ и полезнымъ трудамъ г. *Иванова*, тѣмъ не менѣе полагаетъ, что изданіе писцовыхъ книгъ въ томъ видѣ, какъ оно ею предпринято, будетъ имѣть са-

мостоятельное значеніе для науки, такъ-какъ она поставила себѣ цѣлью сдѣлать, по-возможности, извѣстными писцовыя книги, находящіяся во всѣхъ доступныхъ ей библіотекахъ и архивахъ, и притомъ надѣется обнародовать изъ числа ихъ такія (какъ наприм. сообщенныя ей управляющимъ Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ княземъ М. А. Оболенскимъ), которыя превосходятъ древностію памятники сего рода, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Между-тѣмъ комиссія не можетъ не признать, что извлеченіе изъ писцовыхъ книгъ, составленное г. *Ивановымъ*, было-бы значительнымъ для нея пособіемъ въ ея розысканіяхъ и можетъ быть даже доставило-бы ей возможность не печатать вторично помѣщенныя въ немъ писцовыя книги; почему изданіе въ свѣтъ сего труда г. *Иванова* было-бы значительною услугою всѣмъ, занимающимся Русскими древностями, въ-особенности-же археографической комиссіи.

2-е отношеніе отъ 10 іюня сего-же года, въ которомъ г. министръ юстиціи увѣдомляетъ, что старинныя дѣла и документы, хранящіяся въ архивахъ Курмышскаго, Корсунскаго, Сызранскаго и Алатырскаго уѣздныхъ судовъ (о доставленіи которыхъ обращался къ нему г. предсѣдатель археографической комиссіи въ 1857 году) переданы въ Московскій архивъ министерства юстиціи и что приведеніе ихъ въ извѣстность поручено уже г. директору сего архива, дѣйств. ст. сов. *Иванову*.

Положено: просить г. министра народнаго просвѣщенія отнестись къ г. министру юстиціи о доставленіи означенныхъ документовъ, по приведеніи ихъ въ извѣстность, въ археографическую комиссію, если министерство юстиціи не признаетъ за нужное предпринять на свой счетъ изданіе ихъ въ свѣтъ.

— Читаны отношенія управляющаго Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, члена археографической комиссіи, князя М. А. *Оболенскаго*: 1) на имя г. предсѣдателя комиссіи, отъ 13 іюня сего года, съ приложеніемъ краткаго описанія Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ подвѣдомственномъ ему архивѣ. 2) на имя г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 7 іюня сего года, въ которомъ увѣдомляетъ о доставленіи имъ въ археографическую комиссію требуемыхъ ею Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, и 3) въ археографическую комиссію, отъ того-же числа, съ приложеніемъ слѣдующихъ писцовыхъ

книгъ: 1) Вотской пятины 1499—1500 г.; 2) Шелонской 1498 г.; 3) Оболенской 1498 г. и 4) Деревской 1495 г. (въ двухъ частяхъ).

Положено: принять къ свѣдѣнію.

— Читано отношеніе исправляющаго должность Курляндскаго гражданскаго губернатора, въ отвѣтъ на отношеніе комиссіи отъ 30 апрѣля сего года, о допущеніи къ занятіямъ чиновника комиссіи *Энгельмана* въ архивъ бывшихъ Курляндскихъ герцоговъ, что сей архивъ находится въ одномъ помѣщеніи съ архивомъ прежняго времени Курляндскаго губернскаго правленія и не приведенъ въ порядокъ, почему г. *Энгельману* не можетъ быть предоставлено заниматься въ означенномъ архивѣ.—Правитель дѣлъ сообщилъ, что, къ крайнему сожалѣнію, чиновникъ комиссіи *Энгельманъ*, по прибытіи уже въ Митаву, умеръ отъ болѣзни 23 іюня сего года.

Положено: просить г. исправляющаго должность Курляндскаго гражданскаго губернатора, по приведеніи въ порядокъ обоихъ упомянутыхъ выше архивовъ, увѣдомить комиссію, когда представится возможность допустить кого-либо изъ членовъ или чиновниковъ ея къ разсмотрѣнію документовъ архива бывшихъ Курляндскихъ герцоговъ.

— Читано отношеніе въ комиссію управляющаго лѣснымъ департаментомъ, отъ 23 іюня сего года, о доставленіи свѣдѣнія о томъ: во сколько сажень считалась въ Россіи верста въ 1702 г. и сколько тогдашнее 30-верстное разстояніе составитъ верстъ на нынѣшнюю мѣру, что нужно знать департаменту для опредѣленія количества земли, слѣдующей одному владѣльцу горнаго завода въ Верхотурскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Нейвѣ, на основаніи данной ему въ 1702 году грамоты на землю.—При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что, вслѣдствіе предварительнаго доклада г. министру народнаго просвѣщенія, онъ далъ по означенному предмету слѣдующее объясненіе: «Въ рукописяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ книгъ Сошнаго писма и Россійсей земляной мѣрѣ XVII и первой половины XVIII вѣка, встрѣчается общее указаніе, что въ *мѣрной верстѣ тысяча сажень*; но когда извѣстное пространство земли, опредѣленное какимъ-либо числомъ верстъ, приводится въ десятины, то подъ верстою разумѣется лишь одна линія; а площадь, имѣющая версту въ длину и версту въ поперечникѣ (квадратная верста), называется *круглою верстою*, при чемъ въ памятникахъ всегда говорится, что

эта верста имѣеть 12 съ половиною длинниковъ, полагая въ каждомъ длинникѣ 80 сажень, и $33\frac{1}{2}$ поперечника, полагая въ каждомъ поперечникѣ 30 сажень. На этомъ основаніи, пространство земли (пашенной, луговой или гѣсной), обозначенное въ древнихъ актахъ лишь одною линією (въ длину или ширину), должно быть опредѣлено множеніемъ одной половины протяженія этой линіи на другую половину того-же протяженія. Такъ и верста, не названная въ памятникахъ круглою, есть пространство земли, имѣющее полверсты въ длину и столько-же поперекъ, ибо иначе поперечникъ означеннаго пространства земли былъ-бы опредѣленъ также верстою или извѣстнымъ числомъ сажень. Въ соответствии симъ даннымъ и соображеніямъ и на основаніи статей 497, 762, 763 и 764 Межевыхъ законовъ (изд. 1842 г.), для того, чтобы опредѣлить площадь способомъ, означеннымъ въ грамотѣ 1702 года (по рѣкѣ Нейвѣ, на 30 верстѣ отъ нея во всѣ стороны), слѣдуетъ отъ предполагаемаго въ ней пункта (горнаго завода) протянуть во всѣ стороны радіусы, мѣрою каждый въ 15 верстѣ, полагая версту въ 1000 сажень, что составляетъ 30 верстѣ нынѣшнихъ, имѣющихъ 500 сажень каждая».

Положено: принять къ свѣдѣнію.

— Читано отношеніе въ археографическую комиссію отъ ректора С. Петербургскаго университета, отъ 29 мая сего года, о przeprowadеніи актовъ, завѣщанныхъ сему университету покойнымъ профессоромъ Д. И. Мейеромъ. — Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что означенныхъ актовъ всего прислано 293, и что о полученіи ихъ сообщено въ совѣтъ С. Петербургскаго университета 13 іюня сего года. Что-же касается до содержанія ихъ, то они относятся почти всѣ къ разряду юридическихъ документовъ; почему онъ списалъ изъ нихъ до 50 актовъ XVII вѣка, которые и будутъ имъ помѣщены въ издаваемыхъ имъ Дополненіяхъ къ актамъ юридическимъ; изъ документовъ-же XVIII вѣка онъ сдѣлалъ выписки съ цѣлью воспользоваться ими въ своемъ сочиненіи о сельскомъ сословіи въ Россіи.

Положено: означенные акты, по минованіи въ нихъ надобности, возвратить, съ изъявленіемъ благодарности за ихъ доставленіе С. Петербургскому университету.

— Разсуждаемо было о способѣ, какъ приступить къ исправленію Указателя печатнымъ актамъ, составленнаго г. Терещенко и приобретеннаго отъ него комиссіей.

Доложено: такъ-какъ списокъ книгамъ, которыми пользовался г. Терещенко при составленіи сего Указателя, не заключаетъ въ себѣ многихъ изданій, въ которыхъ помѣщены акты, относящіяся до Россіи, то прежде всего заняться его дополненіемъ; а чтобы въ этомъ занятіи могли принять участіе не только члены комиссіи, но и другіе любители отечественной исторіи, то напечатать списокъ въ количествѣ 50 экземпляровъ, съ бѣлыми прошивными листами. Виѣстѣ съ тѣмъ поручить члену И. Д. Галанину, на первый разъ, пробѣрить по изданіямъ, указаннымъ г. Терещенко, составленное имъ обзорное изложеніе актовъ, предоставивъ ему при семъ, для однообразія въ изложеніи, пополнять то, что г. Терещенко объясняетъ слишкомъ кратко и, наоборотъ, сокращать то, что приведено имъ съ излишнею подробностію. Затѣмъ Указатель долженъ быть пополняемъ на основаніи тѣхъ изданій, которыя не имѣлись въ виду у г. Терещенко.

Засѣданіе 14 окт ябрл.

Читано прошеніе Московскаго купца Ивана Яковлевича *Балашова* на имя г. министра народнаго просвѣщенія, о принятіи въ распоряженіе комиссіи ста пятидесяти рублей серебромъ. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что его превосходительствомъ уже изъявлена письменно благодарность г. *Балашову* за его пожертвованіе.

— Читано членомъ *Саввинымъ* донесеніе о рукописяхъ писцовыхъ книгъ, осмотрѣнныхъ имъ во время командировки его для сей дѣли въ Москву, слѣдующаго содержанія:

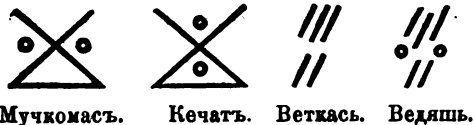
«Недаромъ старинныхъ писцовъ нашихъ называютъ бытописателями народа (1): отъ нихъ дѣйствительно узнаемъ мы бытъ нашихъ предковъ, ихъ образъ жизни, бѣдность и богатство, промышленность, пути къ приобрѣтенію жизненныхъ потребностей и проч. Недаромъ писцовыя книги называютъ оффиціальными памятниками *первой важности* (2): чѣмъ болѣе узнаемъ и изучаемъ ихъ, тѣмъ болѣе поражаемся богатствомъ и разнообразіемъ свѣдѣній, какія представляются въ нихъ для исторической географіи, статистики, топографіи, метрологіи, исторіи, генеалогіи, админи-

(1) *Малыновская* Истор. взгл. на межев. въ Россіи. Спб. 1844, стр. V.

(2) *Буллева* ред. на Бѣлев. бібліотеку, въ Рус. Бес. 1858 г. отд. крит. стр. 2.

страціи нашего отечества во времена прошедшія. Прибавили къ этому: писцовыя книги, подобно другимъ письменнымъ памяткамъ древности и старины, обогащаютъ языкъ книгъ множествомъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, забытыхъ навсегда и могущихъ вести къ полезнымъ выводамъ и соображеніямъ; таковы народныя собственныя имена: *Болдырь, Дружина, Иноземъ, Истомица, Крестникъ, Нечай, Неупоной, Песко, Семейка, Тоизъ, Терликъ* и мн. др.; прозвища: *Долучка, Домуракинъ, Ковалева, Корноуза, Смолитинъ* и проч.; слова изъ обыкновеннаго и судебного быта—*жеребьеванье*: «трети въ тѣхъ поляхъ по ихъ жеребьеванью и по договору достались» (3); *посопной хлѣбъ*: «довелось было на нынѣшней на 127 годъ ваяти посопного хлѣба и съ верками и сколько въ нынѣшнемъ во 127 году въ приходѣ государева десятинново и выделного и в снопа мѣсто посопного хлѣба, которой собранъ съ Ноугородскихъ и с Порховскихъ дворцовыхъ селъ» (4); *одворина*: «у уличного огорода на одворинѣ столбъ, на немъ грань крестъ» (5); *кривлеватая береза*: «у той же ели стоитъ береза кривлеватая» (6); *дубровы съдожатныя*, и др. Писцовыя книги представляютъ инородческія знамена или знаки собственности (*Eigenthumszeichen, Hauszeichen* (ср. Фин. *Puumerkit, Шв. Bonmärke; Зыр. пас'јас*), которыя помогутъ разрѣшенію вопросовъ о ихъ происхожденіи и первоначальномъ значеніи. Вотъ, для примѣра, нѣсколько Мордовскихъ знаменъ, съ указаніемъ лицъ, которымъ они принадлежали:

ИЗОБРАЖЕНІЯ МОРДОВСКИХЪ ЗНАМЕНЪ.

Мучкомась.

Кечать.

Веткасъ.

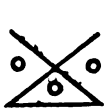
Ведяшь.

(3) Вол. меж. кн. 7189 г.

(4) Новгород. окл. кн. 7128 г., въ Моск. гл. арх. мин. иностр. д., по Новгороду № 12. — Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ номера писцовыхъ книгъ, хранящихся въ этомъ архивѣ, показаны по реестру боярскихъ книгъ.

(5) Вол. меж. кн. 7189 г. — *Одворина* = *сдворокъ* означаетъ мѣсто, гдѣ былъ или долженъ быть дворъ.

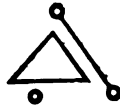
(6) Тамъ-же.

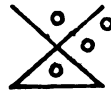
Невѣрь.

Поркай.

Козяшь.

Турсанъ.

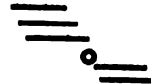
Прягъ.

Пуресь.

Рамушь.

Сайня.

ЗНАМЕНА ДЕРЕВНИ ПАХМУСОВА.

Кобай.

Кудашъ.

Лясь.

Тинюшь.

Дукшманъ.

Туушь.

Собай.

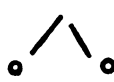
Судосъ.

Алтышь.

Сайнинъ.

Мурадей.

Четгъ.

«Писцовыя книги заключаютъ въ себѣ необходимыя данныя къ историческому рѣшенію нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ, каковы: о поземельной собственности, объ отношеніи земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ, и др.

«Такое богатство и разнообразіе предметовъ, содержащихся въ писцовыхъ книгахъ, усваиваетъ имъ почетное мѣсто въ ряду главныхъ источниковъ Русской науки. Поэтому очень естественно желаніе нашихъ ученыхъ скорѣе видѣть изданіе писцовыхъ книгъ,

которыя лишь только начинают дѣлаться извѣстными (7). Археологической комиссіи предлежитъ почтенный трудъ удовлетворить этому справедливому желанію. Но важность и обширность предпріятія требуетъ вниманія и особенныхъ соображеній. Принявъ на себя редакцію писцовыхъ книгъ, я долженъ былъ, по предложенію комиссіи, одобренному г. министромъ народнаго просвѣщенія, обратиться къ главнымъ хранилищамъ этихъ книгъ, чтобы на самомъ мѣстѣ составить планъ изданія. Эти хранилища — главный Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивъ вотчиннаго департамента, состоящаго при Московскихъ департаментахъ правительствующаго сената (8). Въ первомъ изъ нихъ хранятся немногія, но по времени древнѣйшія и по мѣсту замѣчательнѣйшія книги — Новгородскія и Псковскія; во второмъ — менѣе древнія, но обнимающія собою почти всѣ области Русскаго царства. Число первыхъ не достигаетъ и до 30; число послѣднихъ восходитъ — въ подлинникахъ до 500 и въ спискахъ до 1000 (9).

(7) До-сихъ-поръ, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ, исполнѣны даны только слѣдующія писцовыя книги: «Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины, 7008 года (вторая половина) во Временникѣ Имп. Моск. общ. ист. и древн. Росс. 1851 г. кн. 11 и 12; «Книги приправочныя Поликарпа Давыдова да подьячего Понкрата Бобанина, 124 года, Рязанскаго уѣзда Моржевскаго да Кобыльскаго стану» и «Приправочная книга по Московскому уѣзду 7094 г. (отрывокъ)» въ томъ-же Временникѣ 1852 г. кн. 13; «Писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда, 7140 г.» въ 1 и 2 ч. Бѣлев. Вивліое., изд. Н. Елагинимъ. — Полнѣйшія выписки и отрывки напечатаны П. Ивановымъ въ Систематич. обзор. помѣстн. правъ и обязан. М. 1836 г., стр. 142—186; П. Бутковымъ въ Журн. мин. внутр. д. 1836 г. № 6, стр. 391—425, и № 7, стр. 107—135; И. Бѣлевымъ въ 6 книгѣ Временника, 1850 г., и К. Неволинимъ въ VIII книжкѣ Записокъ И. Р. географ. общества 1853 г.

(8) Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы свидѣтельствовать предъ комиссіею о благородномъ сочувствіи и готовности содѣйствовать ей гг. управляющихъ этими архивами, кн. М. А. Оболенскаго и д. с. с. П. И. Неапова.

(9) Впрочемъ, послѣднее число значительно сокращается тѣмъ, что писцовыя книги нѣкоторыхъ мѣстностей являются въ двухъ и даже въ трехъ спискахъ. Притомъ надобно имѣть въ виду и разный объемъ какъ подлинныхъ писцовыхъ книгъ, такъ и списковъ: нѣкоторые изъ нихъ состоятъ только изъ трехъ или четырехъ тетрадей. — Списки съ писцовыхъ книгъ, сохранившіеся въ подлинникахъ, могутъ быть полезны при изданіи тѣмъ, что въ нихъ иногда есть утраченное въ подлинникахъ.

«Періодъ времени, обнимаемый писцовыми книгами, съ точностію опредѣлить трудно. Указомъ отъ 12 октября 1687 года (10) повелѣно было старыя писцовыя, приправочныя и дозорныя книги, которыя съ 7000 до 7090 года, взять изъ Новгорода къ Москвѣ въ Новгородскій приказъ. Отсюда видно, что три означенные разряда книгъ, т. е. писцовыя, приправочныя и дозорныя, были въ Новгородѣ въ 1492 году. Но и эти книги были, конечно, не первыя. По ясному свидѣтельству лѣтописей, численныя книги въ Новгородской и другихъ областяхъ Россіи, замѣненныя впослѣдствіи переписными книгами, были, по-крайней-мѣрѣ, во второй половинѣ XIII вѣка (11). Можетъ быть, на основаніи перваго изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, Бередниковъ (12), а вслѣдъ за нимъ, и другіе указываютъ на писцовыя книги 1491 года. Но нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что такія книги дѣйствительно существовали даже и прежде означеннаго времени, я изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною старинныхъ книгъ не нашелъ ни одной этого года. Самыя древнѣйшія изъ нихъ начинаются около 1495 года. Таковы: «Книга Деревской пятины» письма Прокофья Скуратова и Петра Волка Борисова (13), подробно описанная Неволинымъ въ «Запискахъ» И. Р. геогр. общ. кн. VIII прилож. VIII, стр. 187 — 242. За нею слѣдуютъ отрывки изъ писцовыхъ книгъ Шелонской и Обонежской пятинъ 1498 г. (14) и книга Вотьской пятины письма Дмитрія Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Маклакова, 1499—1500 гг., въ двухъ частяхъ (15), изъ которыхъ первая часть описана Неволинымъ въ Зап. И. Р. геогр. общ. кн. VIII

(10) Полн. собр. зак. № 1262.

(11) Въ Новгор. 1 лѣтоп. подъ г. 6767: «Тои же зимы прѣѣха Михаило Пинещиничъ изъ низу со лживымъ посолствомъ, река тако: аже не чмелся по чмело, то уже полкы на Низовьской земли. И лшася Новгородци по чмело. Въ Рус. лѣтоп. по Никон. сп. подъ г. 6783: «бысть на Руси и в Новѣгородѣ чмело второе из Орды отъ царя, и изочтоша вся, кромѣ священниковъ и иноковъ и всего церковнаго причета».

(12) Въ донесеніи своемъ археографич. комиссіи, отъ 15 февр. 1837 года, онъ говоритъ о писцовыхъ книгахъ, между прочимъ, что изъ нихъ «скоршо-бы отыскать самыя древнія, которыя, какъ извѣство, относятся къ исходу XV вѣка, и именно къ 1491 году».

(13) Въ гл. арх. мин. иностр. д., по Новгороду № 1.

(14) Тамъ-же, № 2 и лит. М., по Пскову № 1 и 2.

(15) Тамъ-же, по Новгороду № 3.

прилож. I; а вторая напечатана, подъ редакцію И. Д. Бѣляева, во «Временникѣ» И. Моск. общ. ист. и древн. Росс. 1851 г. № 11—12, и по этому изданію описана Неволнымъ въ тѣхъ-же Записк. (прилож. I, стр. 47—54). Вотъ и всѣ извѣстныя писцовыя книги, дошедшія до насъ пзъ XV столѣтія.—Конецъ періода писцовыхъ книгъ относится къ первой четверти XVIII столѣтія, когда Петръ Великій повелѣлъ сочинить писцовый наказъ, сообразно съ правилами геометрическими, которыхъ прежніе писцы не знали (16).

«Говоря о писцовыхъ книгахъ, должно обратить вниманіе на то, что подъ этимъ общимъ названіемъ принимаются книги довольно различныя по своему содержанію, а именно:

- а) собственно писцовыя,
- б) писцовыя межевыя,
- в) дозорныя,
- г) приправочныя,
- д) переписныя,
- е) платажныя.

«А. Собственно писцовыми книгами называются тѣ, въ которыхъ писцы, присылавшіеся въ различныя области государства, описывали города, пригороды и крѣпости со всѣми находившимися въ нихъ церквами, строеніями всякаго рода и жителями; также уѣзды со всѣми владѣтелями находящихся въ нихъ земель и угодій, съ обозначеніемъ качества земли—доброй, средней и худшей. Въ этихъ книгахъ заключалось полное описаніе всего—какъ *живущаго*, то есть населеннаго, обрабатываемаго и приносящаго доходъ, такъ и *пустого*, то есть ненаселеннаго, необрабатываемаго, бездоходнаго. Такова напр. книга Шелонскія пятины города Порхова посаду и Порховскаго уѣзда дворцовымъ, помѣщиковымъ, монастырскимъ и церковнымъ селамъ, деревнямъ и починкамъ, сколько гдѣ людей по именомъ и пашенныя земли (17), письма Вла-

(16) Писцовый наказъ 7192 (1684) года есть только выписка изъ прежнихъ писцовыхъ наказовъ, какіе давались во времена царей Іоанна Васильевича, Михаила Теодоровича, Алексѣя Михайловича, и Теодора Алексѣевича.

(17) Въ гл. арх. м. и. д., по помѣст. прик. № 6.

димира Безобразова (18): «(По государеву цареву и великого) князя Ивана Васильевича Московского наказу, за приписью Псковскихъ дьяковъ Инозема Жихорева, Третьяка Петрова, Володимеръ Матвѣевичъ Безобразовъ, да съ нимъ Вешнякъ Мшолниъ да подъячей Петруша Ивановъ, приѣхавъ въ Порховъ на посадъ и въ околородье и въ Порховской уѣздъ, писали государевы дворцовые и помѣщичковы и монастырскіе села и деревни и посадскую пашню, по выпросу тутошнихъ пгу(меновъ и поповъ и дьяконовъ по священству), а старость и цѣловаликовъ по государеву крестному цѣлованью, и сами дозирали; а хто про которые села и деревни и про починки и про угодыя что показывали, и тому у нихъ иманы списки за поповскими и за дьяконовыми руками. Городъ Порховъ. Въ городѣ в Порховѣ на посадѣ живущего, посадские пашни двенадцать вытей с трѣтью выти, а пустога, непаханого» и проч. Въ этой книгѣ описано 17 погостовъ, изъ которыхъ послѣдній Ручьевской; скрѣпа по листамъ: «государя (царя и великого князя Федора Ивановича всея Русіи діякъ Иванъ Антѣдрѣевъ сынъ Трифановъ». —Таковы-же—по Твери «Книги писма Ивана Заболотцкаго да Михаила Усова Татищева, 7048 году» (19); по Казани «писцовая книга околничего Микиты Васильевича Борисова да Дмитрея Ондреева сына Кикина, 74, 75 и 76 годовъ» (20); по Новгороду «писцовая книга Деревской пятины Федора Карцова, 7091 года» (21); по Москвѣ «книги Московского уѣзда Живоначальные Троицы Сергіева монастыря вотчинамъ, писма и мѣры Лаврентья Александровича Кологривова да подъячево Дружины Скирина, 131 и 132 году» (22): въ этой книгѣ описаны вотчины, находившіяся въ уѣздахъ Московскомъ и Переяславскомъ; по Вологдѣ «книги Вологды посаду, писма и мѣры князя Ивана Аео-насьевича Мецкерсково да подъячево Федора Стогова, гѣта 7135 и 136 году» (23).

(18) Владиміръ Безобразовъ упом. въ арх. разряд. кн. подъ 1572 г. при походѣ царя Іоанна IV въ В. Новгородъ, а оттуда въ Нѣицы да Паиду.

(19) Въ арх. вотч. деп., по Твери № 18.

(20) Списокъ въ арх. вотч. деп. — Начальныхъ и послѣднихъ листовъ вѣтъ.

(21) Тамъ-же, по Новгороду № 667.

(22) Въ томъ-же архивѣ.

(23) Въ гл. арх. м. и. д., по Вологдѣ № 1. Нач. л. 1: «Городъ Вологда на рекъ на Вологде да на рѣчье на Золотухе, почать дѣлати каменей блаженные

«Б. Писцовыя межевыя книги, сверхъ описанія владѣльческихъ селеній и земель, указывали ѳ межевые ихъ признаки, которыми отдѣлялись одни владѣнія отъ другихъ. При такомъ описаніи каждаго владѣнія естественно обозначались и всѣ земли и мѣстности, сосѣднія съ обмежеванными. Для показанія, какъ производилось межеваніе и съ какою подробностію въ межевыхъ книгахъ указывались межевые признаки, приводимъ выписку изъ Вологодскихъ межевыхъ книгъ 1680 года. Въ этой выпискѣ означено, что «по указу великого государя и по грамотѣ изъ помѣстного приказу, за приписью дьяка Дмитрея Ѳедорова, и по наказу столника и воеводы Ивана Михайловича Колычова да дьяка Василья Андреева», межевщикъ Иванъ Ивановъ Богдановъ да Вологодской приказной избы подъячей Соовонъ Васильевъ, пріѣзжали въ Вологодцкой уѣздъ въ Лоскомскую волость въ Борисову вотчину Моркова в треть сельца Николского, да в Иванову вотчину Савинова сына Неѣлова въ полтрети того-жъ села Николского, да вдовы Марьи Кузминской жены Трусова с сыномъ Михаиломъ въ полтрети того-жъ села Николского, да на церковную землю на треть того-жъ села Николского, для межеванья. Взявъ с собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старость и цѣловальниковъ и крестьянъ, сколько человекъ пригоже, да при тѣхъ понятыхъ Борисову вотчину Моркова треть в селѣ Николскомъ в дву поляхъ отъ Ивановы вотчины Неѣлова отъ полутрети того села Николского, да вдовы Марьи Кузминской жены Трусова с сыномъ Михаиломъ отъ полутрети того села Николского, да отъ церковной земли отъ трети того-жъ села Николского, по указу великого государя и по выписи с писцовыхъ книгъ и по новымъ статьямъ измѣряли пашню и сѣнные покосы и лѣсъ в десятины; а измѣрявъ два поля размежевали по третямъ, которые поля пришли къ большой дорогѣ; а намѣряли въ первомъ поле семдесятъ одну десятину, которое поле к деревне Гаврилцову и к сельцу Грибкову; а в другомъ поле намѣряно, которое поле отъ деревни Кузнецова, шестдесятъ девять десятинъ. А въ томъ селѣ Николскомъ написано середняя земли и примѣряно той земли по выписи сорокъ четыре десятины, и ту примѣрную землю развертали в тѣ-жъ два поля по тѣмъ-же

памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иване Васильевиче всея Русіи с Московскіе дороги». Ком. л. 595 об.: «дв. Татьяна Вахрамѣева жена...

третьямъ. А кому которая трети в тѣхъ поляхъ по ихъ жеребьеванью и по договору достались и что по межаѣ промежъ тѣхъ третей какихъ граней и признакъ учинено, и то писано подлинно ниже сего. Въ первомъ поле, которое поле отъ села Николского къ деревнѣ Гаврилцову, первая треть досталась по полюбовному договору Ивану Савинову сыну Неѣлову да вдовѣ Марье Кузминской женѣ Трусова с сыномъ Михаиломъ: идучи изъ села Николского отъ дворовыхъ мѣстъ Ивана Савинова сына Неѣлова да вдовы Марьи Кузминскіе жены Трусова по лѣвую сторону к огороду на межѣ у дворовыхъ мѣстъ стоитъ столбъ, а на немъ грань крестъ, у столба яма, а в ней камень и угольс; а отъ того столба направо прямо на столбъ, на столбѣ грань крестъ, у столба яма, а в ней камень и угольс», и такъ даѣе. «И по той межѣ отъ села Николского по лѣвую сторону земля Ивана Савинова сына Неѣлова да вдовы Марьи Кузминскіе жены Трусова; а по правую сторону тое межи земля, другая треть, церковная Николы чудотворца и Ѡлора и Лавра попа Пантелѣймона с причетники; а подлѣ тое церковныя земли третья треть, по правую сторону, земля Бориса Иванова сына Моркова. А межъ церковною и Борисовою третми Моркова межа отъ села Николского к большой дороге у уличного огорода на одворинѣ столбъ, на немъ грань крестъ; отъ того столба прямо черезъ старую перегороду на столбъ же, на немъ грань два креста, у столба яма, а въ ней камень и угольс» и такъ даѣе. «Въ другомъ поле, которое поле к болшой дороге къ деревнѣ Кузнецову первая треть досталась по жеребью Ивану Савинову сыну Неѣлову да вдовѣ Марье Кузминской женѣ Трусова с сыномъ Михаиломъ отъ порозжего дворового мѣста, что противо попова двора; межа той трети столбъ, на немъ грань крестъ» и такъ даѣе. «И по той межѣ отъ села Николского по лѣвую сторону земля Ивана Савинова сына Неѣлова да вдовы Марьи Кузминскіе жены Трусова; а по правую сторону земля другая треть Бориса Иванова сына Моркова; а третья треть подлѣ Борисовы трети Моркова церковная земля чудотворца Николы да Ѡлора и Лавра; а промежъ Борисовою третью Моркова и церковною третью жѣ межа позади трапезникова двора в огороде стоитъ столбъ, на немъ грань крестъ» и такъ даѣе. «И по той межѣ отъ села Николского по лѣвую сторону земля церковная. А третьевое поля не мѣряли и не межевали: потому что то поле межевалъ, по

указу великого государя, Василей Баташовъ да подьячей Марко Корниловъ. А села жъ Николского полевая земля сошлась з землею Ивана Неѣлова с сельцомъ Грибковымъ, которое поле тогожъ села Николского к деревне Гаврилцову, и ту землю размежевали полюбовно Борисъ Морковъ да Иванъ Неѣловъ и между учинили. А на межѣ первая признака двѣ березы от одного корени да елка, стоять в одномъ мѣсте возле огорода. В другомъ поле, которое поле межевали третые с Вологды Спаской попъ Иванъ Ивановъ да Василей Баташовъ да гость Гаврило Фетѣевъ по ихъ же полюбовному договору Ивана Неѣлова да Бориса Моркова; и отъ тѣхъ дву березъ и отъ елки прямо на столбъ, на столбѣ грань крестъ, у столба яма, въ ней камень и уголье; отъ того столба прямо на столбъ, на немъ грань крестъ, у столба яма, въ ней камень и уголье; отъ того столба на столбъ же, на немъ грань крестъ, у столба яма, въ ней камень и уголье; отъ того столба на столбъ, на немъ грань крестъ, у столба яма, въ ней уголье и камень; отъ того столба на столбъ же, на немъ грань крестъ, у столба яма, въ ней камень и уголье; отъ того столба впрямъ к осеку, к полю деревни Гаврилцова; а на осеку ель, на немъ грань крестъ, у ели яма, въ ней камень и уголье. По правую сторону земля села Николского, а по лѣвую сторону земля сельца Грибкова».

«В. Дозорныя книги — тѣ-же писцовыя, только повѣренныя особыми лицами, которыя назывались дозорщиками, потому что *дозирали* (24) или повѣряли дѣйствія писцовъ, а иногда разрѣшали споры, по межамъ различныхъ владѣній. Вслѣдствіе жалобъ, возникавшихъ не только послѣ писцовъ, но и послѣ дозорщиковъ, были составляемы новыя дозорныя книги, какъ можно видѣть изъ одного наказа при дозорной Устюжской книгѣ (25), гдѣ сказано, что въ 1623 году мая 22, царь Михаилъ Феодоровичъ повелѣлъ Микитѣ Васильевичу Вышеславцеву да подьячему Агѣю Феодорову ѣхать на Устюгъ для того, что «во 128 году по указу царскому дозирали Устюгъ Великій дозерщики Юрьи Стромиловъ съ товарищи и дозору своего книги посаду и уѣзду дали

(24) Впрочемъ, слово *дозирать* употребляется не только въ значеніи повѣрки или ревизіи, но и въ значеніи первоначальнаго обозрѣнія, какимъ занимались напр. писцы-составители простыхъ писцовыхъ книгъ.

(25) Въ гл. арх. м. и. д., по Устюгу Вел. № 10.

въ Устюжской четверти думному діаку Томилу Луговскому»; а послѣ того «Устюжане посадскіе и уѣздные били челомъ государю о справкѣ по крѣпостямъ прежнихъ своихъ купленныхъ и закладныхъ вотчинныхъ земель и всякихъ угодей, въ которыхъ земляхъ у нихъ межъ себя споръ, а розвести ихъ въ тѣхъ спорныхъ земляхъ не по чему»;... послѣ дозору явились у нихъ «новые роспашы и починки и селища и займища и мельницы и всякія угодья и по рѣкамъ острова и новоприсадные земли». — Выѣстъ съ списками дозорными давались иногда писцамъ-дозорщикамъ и списки оброчные; отъ чего и самыя книги переходили въ разрядъ переписныхъ книгъ. Такой дозорный и оброчный списокъ, по грамотѣ царя и великаго князя Ивана Васильевича и по наказу дьяковъ Данилы Микулина Бартенева и Никиты Юрьева Щелепина, дозиравшихъ Залѣскую половину Шелонской пятины, находится въ Дозорной книгѣ 1571 — 72 года, л. 25—27 (26).

«Г. Приправочныя книги служили частію повѣркою писцовыхъ книгъ, подобно дозорнымъ, частію-же дополненіемъ ихъ. То и другое требовалось или перемѣною владѣльцевъ имѣній, или утратою прежнихъ писцовыхъ книгъ. При этомъ владѣльцы, въ доказательство своихъ правъ на владѣніе землями и угодьями, обыкновенно предъявляли старыя книги, если такія находились, купчія крѣпости, изустныя памяти, закладныя кабалы и проч. Таковы: приправочная книга письма и мѣры Болдыря Симонова, Андрея Молчанова и Андрея Сабурова, 7079 и 7082 г. (27); приправочная книга Московскаго уѣзда, 7094 года (28); приправочныя книги Дѣдиловскаго посада и уѣзда, письма и мѣры окольного Ивана Алексѣевича Жеребцова, да Тимоѣя Ивановича Хлопова, да дьяка Ивана Мѣшаева, да подьячаго Казарина Приклонскаго, лѣта 7096 и 97 года (29). Довольно подробная выписка изъ этой книги сдѣлана П. И. Ивановымъ въ «Систематическомъ обзорѣніи помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ», М. 1836, стр. 155—161.

(26) Тамъ-же, по Новгороду № 8.

(27) Въ арх. вотч. деп., по Москвѣ № 2.

(28) Тамъ-же, № 1.

(29) Тамъ-же, по Дѣдлоу № 175.

«Д. Переписныя книги содержатъ въ себѣ перечень городовъ, посадовъ, слободъ, становъ, сель, деревень, погостовъ, съ означеніемъ въ нихъ — за кѣмъ именно и сколько состоятъ дворовъ и въ дворахъ людей, и сколько за кѣмъ земли пашенной помѣстной и вотчинной. Книги эти отличаются отъ писцовыхъ тѣмъ, что въ нихъ показывается только живущее. Таковы переписныя книги Шелонской пятины, письма: а) Григорья Собакина съ товарищи, 1539 года, и б) Семена Федоровича Нагово и князя Ивана Андомскаго съ товарищи, 1572 года. Въ первой (30) изъ нихъ, начинающейся словами: «поле 2 коробы, а въ дву потому жъ; сѣна 40 копенъ. Да въ Лоскомъ погостѣ ихъ же починки...», описывается 21 погостъ въ слѣдующемъ порядкѣ: л. 1 Лоской, л. 10 Дегожской, л. 45 об. Рождественской на усть Сѣверы, л. 88 Свѣжинской, л. 92 об. Рамышевской, л. 99 об. Чернечицкой, л. 106 об. Офремовской, л. 127 об. Пажеревитцкой, л. 163 Болчинской, л. 171 Бѣльской, л. 189 Должинской, л. 194 Ясенской, л. 209 Воскресенской, л. 222 Коломенской, л. 232 об. Ретенской, л. 240 Мусетцкой, л. 244 об. Свинорецкой, л. 246 об. Вышегородъ, л. 247 Жедритцкой, л. 252 об. Струпинской, л. 260 Святинской... — Во второй (31) описаны: л. 1 Ямъ городокъ, л. 28 погостъ Щѣпетцкой, л. 74 Быстрѣвской, л. 102 Дремацкой, л. 110 Лоситцкой, л. 137 Сабелской, л. 151 Бѣльской, л. 203 Ляцкой, л. 240 Иванъ городъ; а на л. 258 — 270 помѣщенъ отрывокъ оброчной книги. — Въ Вологодской переписной книгѣ, за скрупуозно подъячаго Крестника Дементьева (32) переписаны въ Вологодскомъ уѣздѣ: л. 1 волость Югъ, л. 57 Угла, л. 97 Раменье, л. 131 село Говорово, л. 141 погостъ Лещовской на р. Кубеницѣ, л. 189 Ильинской на р. Тоѣ, л. 213 Рождественской на р. Кубенѣ, л. 237 Иванова слобода на р. Илсемѣ, л. 259 волость Катрома, л. 297 погостъ Валга, л. 319 село Спасское, л. 323 пог. Воскресенской и Петровской.

«Переписныя книги, въ которыхъ содержится описаніе казенныхъ засѣкъ, съ обозначеніемъ прилегавшихъ къ нимъ верствъ на

(30) Въ гл. арх. м. и. д., по Новгороду № 5. ч. 1. Начала и конца недостаетъ.

(31) См. выше, примѣч. 26.

(32) Тамъ-же, по Вологдѣ № 5. — Начала нѣтъ; верхъ послѣднихъ листовъ погннлъ.

10 земель, данныхъ въ помѣстье или вотчину высшимъ духовнымъ властямъ, монастырямъ и разнымъ владѣльцамъ, называются засѣчными книгами. Изъ этихъ книгъ извѣстны мнѣ только относящіяся къ засѣкамъ Тульской и Дѣдиловской, Лихвинской и Перемышльской (33). Первая, старѣйшая изъ нихъ, относится къ 1639 году.

«Если переписныя книги ограничивались только перечнемъ или общимъ обозначеніемъ количества земли, находившейся въ каждомъ помѣщичьемъ владѣніи, то книги переписныя назывались перечневыми подворными.

«Е. Платежныя или оброчныя книги (34), сверхъ переписи городовъ и разнаго рода селеній, заключаютъ въ себѣ опись лавокъ, торговыхъ мѣстъ, пашенной земли и всѣхъ оброчныхъ статей, съ исчисленіемъ слѣдующаго съ нихъ оброка или пошлыны. Таковы Новгородскія платежныя и полонянничныя книги, или книги платежницы, о сборѣ въ казну денегъ съ разныхъ Новгородскихъ монастырей, погостовъ, съ дворцовыхъ сель, помѣщичьихъ крестьянъ и проч., 7096 года (35).—Въ Новгородской книгѣ окладнымъ и неокладнымъ всякимъ денежнымъ оброчнымъ доходамъ съ посада Новгородскаго и съ прочихъ къ Новгороду приписныхъ городовъ, 1626 года (36), означены слѣдующія пошлыны: а) по писцовымъ книгамъ Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова, 131 года, въ живущемъ полторы сохи, а ямскимъ охотникомъ на проговы пятнадцать рублей, по десяти рублей съ сохи; б) лавочной оброкъ; в) денежная прибыль на денежномъ дворѣ, куда торговые и всякіе люди приносили старыя деньги и ефимки и ветошь серебра въ дѣло; г) сусленыя и квасныя пошлыны; д) таможенная пошлына; е) съ бань банная прибыль; ж) откупныя деньги съ двухъ кабаковъ на торговой сторонѣ — на Рогатицѣ и на Михайловской улицѣ; з) дворническія откупныя деньги гости-

(33) Обѣ книги въ арх. вотч. деп.

(34) Ихъ называютъ и *окладными книгами*, но отнюдь не въ томъ значеніи, въ какомъ принимаются напр. Устюжской Чети окладныя книги боярамъ и другимъ чинамъ 1626 и 1628 гг. Въ гл. арх. м. и. д., по Устюгу Вел. № № 11 и 13.

(35) Въ гл. арх. м. и. д., по Новгороду № 11.

(36) Тамъ-же, № 15.

наго двора; и) конскихъ пастбищъ откупныя деньги; і) оброчныя деньги съ садовъ, огородовъ, пустыхъ дворовыхъ мѣсть, съ Прускаго и Чудинскаго заполей; к) рыбныя побережныя пошлины, что около Ильмена озера; за тѣмъ л) различные денежные доходы съ Новгородскихъ пригородовъ и посадовъ Новгородскаго уѣзда и съ другихъ мѣсть, именно: л. 23 — 25 Ладога, л. 26 — 47 Порховъ, Дикая Лопь, черныя волости на Олонцѣ и проч., л. 93 — 125 об. Псковъ, л. 133 — 144 Старая Руса, л. 157 — 185 Вологда, л. 189 — 263 Нижній-Новгородъ, л. 265 — 317 Двина и Архангельскій городъ, л. 322 — 394 об. Кеврола и Мезень, л. 395 — 422 Пермь Великая, Чердынь, л. 426 — 457 Соль Камская, л. 460 — 477 Кай городокъ, л. 478 — 481 Очерской острожекъ, л. 484 — 486 Вятка, л. 486 — 495 Хлыновъ, л. 500 — 510 Слободской, л. 514—524 Орловъ, л. 530—541 Котельничъ, л. 546—555 об. Шестаковъ, л. 570 — 582 Вымь, Еренской городокъ, л. 586 и слѣд. Каргополь съ уѣздомъ и разными волостями; съ л. 896 до конца опись печатнымъ книгамъ, разосланнымъ въ разные города; за эти книги, также за подводы для нихъ прогонныя деньги, за коробки, рогожи и ужища, должны были высылаться деньги въ Новгородскую четъ. Въ этой книгѣ упоминаются разныя писцовыя, дозорныя и смѣтныя книги.

«Всѣ исчисленные разряды книгъ, по общности и тѣсной связи ихъ содержанія, должны войти въ предпринимаемое археографскою комиссіею изданіе писцовыхъ книгъ. Количество этихъ книгъ, хранящихся въ архивѣ вотчиннаго департамента, должно составить приблизительно до 25 томовъ. — Есть еще книги: отказныя, въ которыхъ показывалось — сколько за какимъ помѣщикомъ слѣдовало отказать недвижимаго имѣнія; раздѣльныя и отводныя, въ которыхъ означался раздѣлъ или отводъ имѣній, находившихся въ одной общей межѣ, что дѣлалось или по распоряженію правительства, или по добровольному согласію самихъ владѣльцевъ; даточныя, въ которыхъ показывалось имѣніе, данное на прожитокъ; отписныя, въ которыхъ по разнымъ причинамъ отписываемы были помѣстья отъ частныхъ владѣльцевъ на государя. Очевидно, во всѣхъ этихъ книгахъ, равно-какъ и выпи- сяхъ межевыхъ, писцовыхъ и сотныхъ, описываются особенныя мѣстности, а потому онѣ имѣютъ значеніе частное. Но при изда- ній писцовыхъ книгъ, онѣ могутъ служить полезными, а иногда,

можетъ статья, и необходимыми, источниками и пособіями для нѣ-
которыхъ справокъ и объясненій.

«Съ чего-же, наконецъ, начать изданіе писцовыхъ книгъ? —
Для рѣшенія этого вопроса, по моему мнѣнію, надобно обратить
вниманіе, *во-первыхъ* — на мѣстность, составляющую предметъ пис-
цовыхъ книгъ, и *во-вторыхъ* — на время составленія ихъ. Въ первомъ
отношеніи нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что
область Новгородская въ свое время обнимала и объединяла со-
бою почти весь Русскій сѣверъ, и Великій Новгородъ нерѣдко
спорилъ съ Москвою и съ другими княжествами о предѣлахъ своихъ
владѣній. И по времени составленія, Новгородскія писцовыя кни-
ги имѣютъ неоспоримое преимущество передъ всѣми прочими: вы-
ше было замѣчено, что онѣ начинаются около 1495 года; другія
являются уже послѣ нихъ, именно: Псковскія — съ 1500, Твер-
скія — съ 1540, Казанскія — съ 1566, Московскія — съ 1586 и
проч. Правда, извѣстныя намъ книги Новгородской области отно-
сятся къ тому времени, когда она была уже покорена власти ве-
ликаго князя Московскаго; но и это обстоятельство даетъ только
новое значеніе писцовымъ книгамъ Новгородскимъ, представляя
въ нихъ соединеніе двухъ административныхъ элементовъ—Нов-
городскаго и Московскаго. И наступающее начало втораго тыся-
челѣтія Русскаго государства, зародившагося, такъ-сказать, въ
Новгородѣ, призываетъ насъ приготовить нѣкоторый даръ къ
близкому всероссійскому торжеству».

Положено: имѣя въ виду сказанное въ семь донесеніи о Нов-
городскихъ писцовыхъ книгахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во
вниманіе то обстоятельство, что писцовыя книги прочихъ обла-
стей древней Россіи еще въ недостаточномъ количествѣ собраны
въ комиссіи, начать изданіе писцовыхъ книгъ съ Новгород-
скихъ, и именно XV вѣка; затѣмъ печатать такія-же книги XVI и
XVII вѣка; послѣ-же сего перейти къ изданію книгъ другихъ об-
ластей.

— Правителемъ дѣлъ представлены въ подлинникахъ и спискахъ
тридцать два акта, препровожденные для разсмотрѣнія въ комис-
сію адъюнктомъ Императорской медико-хирургической академіи
М. А. Фаворскимъ, заключающіе въ себѣ *грамоты, указы, отписки* и
другія бумаги по управленію имѣніями князей Черкасскихъ въ се-
лахъ Павловѣ и Панинѣ, конца XVII и начала XVIII вѣка. Бу-

маги эти крайне любопытны въ томъ отношеніи, что въ управленіи крестьянами князя Черкасскіе руководствовались тѣми-же началами, на которыхъ основано было царское областное управленіе: у нихъ былъ свой *домовый приказъ* въ Москвѣ, свой судья, своя *казна* (т. е. доходы) и «*пункты, опредѣленные для управленія*». Самъ князь назывался подчиненными его *юсударемъ*. Крестьяне составляли *міръ*, который управлялся *старостами* отъ князя и *выборными* отъ нихъ; дѣла рѣшались по *мірскому приговору*; но сверхъ-того упоминается *судная мѣба*. Крестьяне были оброчные, но вмѣстѣ съ оброкомъ князь получалъ доходъ отъ нѣкоторыхъ *откупныхъ статей*; оброкъ доставлялся въ Москву въ двѣ половины съ нарочными отъ крестьянъ. Въ Москву-же присылались *міромъ приходныя и расходныя книги окладнымъ и неокладнымъ сборамъ*. На княжескій обиходъ покупалась рыба, которая въ прорѣзныхъ судахъ доставлялась въ Москву на княжескій дворъ.

Положено: изъявить благодарность г. *Фаворскому* за сообщенные имъ акты и просить о доставленіи другихъ, ему принадлежащихъ; полученные-же отъ него акты возвратить.

V.

ИСТОРИЯ

ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ

РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ (*).

Возрѣнія древнихъ Грековъ на своихъ боговъ не всегда были одинаковы. Въ-отношеніи къ умственному развитію, каждый народъ имѣетъ свой младенческой, юношескій, мужественный и, наконецъ, старческой возрастъ. Соразмѣрно съ развитіемъ умственныхъ силъ народа развиваются и очищаются его религіозныя вѣрованія. Дикій и необразованный человѣкъ имѣетъ о своихъ богахъ богѣе грубое и несовершенное представленіе, чѣмъ человѣкъ просвѣщенный. Точно такъ и религія дѣлаго народа, при первыхъ начаткахъ его цивилизаціи, совсѣмъ не та, какою она является въ то время, когда этотъ народъ достигаетъ высшей точки своей образованности. То-же самое мы замѣчаемъ и въ религіи Греческаго народа.

(*) Въ одной изъ книжекъ Журнала м. н. п. мы уже указали на сочиненіе Штоля: «Handbuch der Religion und Mythologie der Griechen und Römer», вышедшее въ недавнее время, въ Лейпцигѣ, третьимъ изданіемъ. Предлагаемая статья составляетъ отрывокъ изъ этой книги, съ которымъ мы почили не лишнимъ познакомить нашихъ читателей. При переводѣ его на Русскій языкъ, мы не вездѣ держались буквы подлинника, а преимущественно старались какъ можно точнѣе передать мысль автора. Н. Б.

Древнѣйшіе обитатели Греціи, изъ которыхъ въ послѣдствіи составилася Греческій или Еллинскій народъ (мы обозначимъ ихъ общимъ именемъ Пелазговъ), поклонялись силамъ природы и чувствовали себя зависимыми отъ нихъ, какъ отъ существъ божественныхъ. При этомъ должно замѣтить, что не самая матерія, наприм. солнце, море и т. д., составляла предметъ вѣрованія древнѣйшихъ Грековъ, а невещественная сила, которая, по ихъ убѣжденію, наполняла эту матерію, производила въ ней различныя измѣненія и, при ея посредствѣ, обнаруживала свое многообразное дѣйствіе. Итакъ, эта невещественная сила природы составляла вначалѣ предметъ поклоненія Греческаго народа, пока онъ еще совершенно находился въ ея власти, и эта сила тѣсно была связана съ своею природною оболочкою. Такъ Греки почитали землю (Гею), какъ божество, которое изъ своихъ темныхъ нѣдръ благотвѣтельно дѣйствовало на растительность; вмѣстѣ съ тѣмъ, они почитали божество влажной стихіи (Посейдона) и небо (Зевса), потому-что какъ та, такъ и другое содѣйствуетъ плодородію земли и пробуждаютъ ея производительныя силы. Въ вулканическихъ мѣстностяхъ, наприм. на островѣ Лемносѣ, Греки чтли силу огня, какъ божество, и т. д.

Всѣ эти силы природы, какъ уже замѣчено, были признаваемы за невещественныя и человѣкъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на существа во всемъ себѣ подобныя: онъ создалъ въ своихъ богахъ отдѣльныя личности и заставилъ ихъ думать и дѣйствовать по-человѣчески. На первой степени человѣческаго развитія особенно дѣятельною является фантазія; фантазією, а не чистымъ разумомъ постигаетъ въ эту пору человѣкъ всѣ свои отношенія къ окружающему міру и людямъ. При ея-же посредствѣ, безсознательно создалъ человѣкъ своихъ боговъ, призналъ ихъ дѣйствительное существованіе и благоговѣнно увѣровалъ въ нихъ. Такъ-какъ фантазія есть дѣятельная сила духа, то всѣ представленія свои о богахъ человѣкъ долженъ былъ выразить въ чувственныхъ образахъ. Другими словами, онъ создалъ *миѳы*, составляющіе обыкновенный языкъ фантазіи.

Такая дѣятельность духа есть ни что иное, какъ естественная, безсознательная поэзія, и потому всю область миѳологіи, всѣ эти безчисленныя преданія и миѳы Греческаго народа, одареннаго такою богатою творческою фантазією, можно назвать огромною поэмою, въ созданіи которой, въ продолженіе длиннаго ряда столѣтій, уча-

ствовала вся нація. Впрочемъ, содержаніе мифологіи не касается исключительно сферы боговъ. Въ періодъ мифическаго творчества, Греки вложили въ мифологію все свое міросозерцаніе, всѣ свои идеи о божествѣ, природѣ и человѣческой жизни. Но такъ-какъ, согласно съ вѣрованіемъ древняго Грека, природа преисполнена божества, и оно повсюду въ человѣческой жизни обнаруживаетъ свою дѣятельность, то и содержаніе мифологіи по-преимуществу религіозное.

Но Греки не остановились на первой, низшей степени своего умственнаго развитія. Какъ скоро проникаютъ въ народъ порядокъ и законъ, брачный союзъ получаетъ твердую основу и являются начатки государственной жизни, — человѣкъ приходитъ къ сознанію, что онъ управляется высшими силами, чѣмъ тѣ, которыя являются ему во внѣшней природѣ, — силами нравственными, виновницами міроваго порядка и законности. вмѣстѣ съ тѣмъ народъ или совершенно отказывается отъ прежнихъ своихъ божествъ, и создаетъ себѣ новыя и высшія, или онъ преобразовываетъ прежнія свои божества, какъ-бы отрѣшаетъ ихъ отъ природы и возводитъ ихъ на степень нравственно-свободныхъ существъ, вносящихъ въ человѣческую жизнь гармонию и порядокъ. Такъ, напримѣръ, сначала Деметра была ни что иное, какъ божественная мать-земля и, по представленію природной религіи, тоже самое, что Гея. Естественно, что такое существо преимущественно читается народомъ, занимающимся земледѣліемъ, а оно влечетъ за собою осѣдлость, браки, политическое и нравственное устройство. Съ появленіемъ этихъ условій, первоначальное представленіе о богинѣ—Землѣ необходимо должно расшириться, и Деметра постепенно является виновницею осѣдлости, брачныхъ союзовъ, законовъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ, она почти совершенно изымается изъ области природы.

Этотъ переворотъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Грековъ, который не могъ возникнуть разомъ, но подготовился мало-по-малу, обнаружился рѣшительно въ то время, когда изъ Пелазгической, или древне-Греческой жизни развилась настоящая Греческая или Еллинская жизнь. За 1,200 лѣтъ до христіанской эры, или около этого времени, вслѣдствіе внѣшняго толчка, произошло общее передвиженіе между Греческими племенами, которое произвело совершенное измѣненіе въ разселеніи ихъ по разнымъ мѣстамъ Греціи. Между этими странствующими племенами особенно выдаются

Доринцы, народъ воинственный и героическій. Онъ завладѣлъ большою частію Пелопонеса и принудилъ обитавшія тамъ племена къ дальнѣйшему переселенію, которое привело ихъ на острова Архипелага и на берега Малой-Азіи. Этими странствованіями, перемѣною мѣста жительства и основаніемъ новыхъ городовъ и государствъ, Греческія племена, какъ-бы прикрѣпленные къ отечественной почвѣ, изъ тѣсныхъ предѣловъ грубой природной жизни вызваны были къ плодотворной духовной дѣятельности, и вступили на путь исторіи. Новый духъ проникъ въ Греческій народъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наступилъ иной порядокъ. Всѣ стороны жизни этого народа должны были принять новый видъ, Греческія божества все болѣе и болѣе начали сбрасывать съ себя свой стихійный характеръ и постепенно превращаться въ живые образы съ болѣе духовнымъ содержаніемъ. Потому въ исторіи Греческаго культа разсматриваемый моментъ составилъ эпоху, такъ-что предшествующее ей время, съ его низшими и болѣе грубыми вѣрованіями, обыкновенно называютъ Пелазгическимъ, или древне-Греческимъ, въ противоположность съ собственно-Еллинскимъ временемъ, когда Греческій народъ вообще достигъ высшей точки въ своемъ религіозномъ развитіи.

Въ этой борьбѣ и въ стремленіи къ высшему религіозному сознанию и образованію передовыми бойцами являются въ Греціи поэты, между которыми Гомеръ (за 900 лѣтъ до Р. Хр.) и Гезіодъ доставили наконецъ полную побѣду религіозному дѣлу своего народа. Въ развитіи его религіозныхъ воззрѣній особенную важность имѣлъ Гомеръ: чрезъ него Греческія божества впервые приняли образъ ясно- и вполнѣ-опредѣлившихся личностей и существъ нравственно свободныхъ. Гомеръ, разумѣется, не могъ вмѣстить въ свои творенія все богатство древней мифологіи, выработанное предшествующимъ ему временемъ; но за то всѣ мифы, которые онъ излагаетъ въ своихъ рапсодіяхъ, всѣ боги, которые здѣсь являются, носятъ на себѣ печать его духа или, вѣрнѣе, того вѣка, когда процвѣталъ этотъ поэтъ. Онъ и его вѣкъ уже не признавали первоначальнаго содержанія нѣкоторыхъ мифовъ. Потому Гомеръ вложилъ въ нихъ новый духъ, и невольно придалъ имъ то самое значеніе, которое соответствовало тогдашнему религіозному сознанию.

Это религіозное сознание, какимъ оно является у Гомера, въ сущности то-же самое, какое мы встрѣчаемъ въ послѣдующее

время Греческой жизни, хотя мѣстами и сохранились въ Греціи изъ древнѣйшей поры нѣкоторыя особенности въ самомъ культѣ, а въ характерѣ нѣкоторыхъ боговъ измѣнилась та или другая черта. Потому извѣстное выраженіе Геродота (2, 53), что Гомеръ и Гезіодъ создали Грекамъ ихъ божества, до нѣкоторой степени совершенно справедливо. Только не должно это выраженіе понимать въ томъ смыслѣ, будто Гомеръ имѣлъ цѣлью создать для Греческаго народа какое-нибудь особенное вѣроученіе. Гомера нельзя назвать духовнымъ, или религіознымъ поэтомъ; его произведенія составляютъ результатъ свободнаго искусства, творящаго по своимъ непреложнымъ законамъ. Повторимъ, что поэтъ проявилъ и вывелъ своихъ боговъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ религіозномъ сознаніи его вѣка. Гомеръ былъ только его глашатаемъ.

Боги, являющіеся у Гомера, въ плотскомъ и духовномъ отношеніи созданы по образу и подобию человѣка; но богъ, какъ высшее существо, отъ котораго человѣкъ признаетъ себя зависимымъ, долженъ возвышаться надъ обыкновенными предѣлами чувственнаго міра. Древній человѣкъ старался отрѣшиться своихъ боговъ отъ всего земнаго, и возвысить ихъ надъ недостатками своей ограниченной природы; онъ присвоилъ своимъ богамъ все великое и святое, но не могъ удержать ихъ на этой высотѣ. Надѣливъ своихъ боговъ человѣческимъ образомъ, онъ въ то-же время заставилъ ихъ чувствовать, думать и дѣйствовать по-человѣчески. При такомъ возрѣніи на боговъ вездѣ мы нападаемъ на противорѣчія, которыя легко бросаются намъ въ глаза, такъ-какъ мы можемъ совершенно спокойно сопоставить и сравнить между собою все отдѣльное въ Греческой религіи. Но Греки не разомъ могли сознать эти противорѣчія.

Иногда Гомеръ придаетъ своимъ богамъ колоссальныя, нечеловѣческіе размѣры. Такъ Арестъ (Марсъ), пораженный въ битвѣ и падая на землю, покрываетъ собою семь *плетровъ* (*). Впрочемъ, обыкновенно боги не очень и не разительно превосходятъ размѣры человѣческаго роста. Подобно людямъ, они нуждаются въ пищѣ, питьѣ и во снѣ. Такъ-какъ они имѣютъ тѣло, то необходимо зависятъ отъ всѣхъ условій пространства и времени. Но человѣкъ старался хотя нѣсколько уничтожить эти ограниченія тѣмъ, что

(*) Плетръ = 100 Греч. футамъ. См. Ил. 21, 407.

придалъ своимъ богамъ сильныя внѣшнія чувства: они видятъ и слышатъ на огромныя пространства (Од. 5, 283; 4, 505; Ил. 16, 231 и 514; 15, 222), и могутъ перенестись чрезъ нихъ въ самый короткий срокъ. Во многихъ мѣстахъ своихъ твореній, Гомеръ высказываетъ убѣжденіе, что боги всевѣдуци (*θεοὶ δὲ τε πάντα ἴσασι*. Од. 4, 379, 468), что они напередъ знаютъ судьбу человѣка, и потому предостерегаютъ его (Од. I, 37). Съ другой стороны, многое для нихъ сокрыто, и самъ Зевсъ не изъять отъ обмана (Ил 18, 184. 1, 540). Итакъ, всевѣдѣніе не можетъ быть приписано Гомерическимъ богамъ, равно какъ и всемогущество, хотя мы и находимъ мѣстами у поэта выраженіе: «боги всемогущи» (*θεοὶ δὲ τε πάντα δύναται*. Од. 10, 306. 14, 445). Вообще за богами признается высшій сила, при посредствѣ которой они безъ большаго труда своимъ вмѣшательствомъ могутъ нарушить законы природы и человѣческой жизни. Боги называются блаженными (*μακάρες, ἑῖα ξιῶντες ἀχθόμεοι*), изъятими отъ страданій и скорбей земной жизни. Не смотря на то, ихъ, какъ и человѣка, посѣщаютъ по-временамъ страхъ, забота, огорченіе и печаль. Хотя они существа праведныя, но не свободны отъ нравственныхъ недостатковъ. Часто они являются завистливыми, гнѣвными, жестокосердыми, а иногда и соблазнителями слабыхъ смертныхъ (Ил. 2, въ самомъ началѣ; 6, 563). Всѣ эти недостатки присущи Греческимъ богамъ на томъ основаніи, что они, какъ уже замѣчено, созданы по образу человѣка, и условія, въ которыхъ они вращаются, тѣ-же самыя, какъ и въ человѣческой жизни. У такого поэта, какъ Гомеръ, который, для усиленія литературнаго и творческаго интереса въ своихъ произведеніяхъ, заставляетъ эти высшія существа принимать непосредственное участіе во всѣхъ проявленіяхъ дольной жизни, указанные ихъ недостатки и несовершенства должны выступать гораздо рѣзче, чѣмъ въ такомъ случаѣ, если разсматривать боговъ согласно съ ихъ внутренней природою, и отвлекая ихъ отъ всего земнаго. Тогда гораздо въ большей степени выступаютъ на первый планъ ихъ высокія качества, обозначаемыя такими общими выраженіями, какъ: «боги всевѣдуци и всемогущи, боги святы, праведны и блаженны».

Къ этимъ качествамъ присоединяется еще одно, которымъ боги существенно отличаются отъ человѣка: это ихъ безсмертіе. Только это качество придаетъ имъ истинный характеръ божества, дѣлаетъ ихъ существами совершенно отличными отъ смертнаго

человѣка и возвышаетъ ихъ надъ всѣмъ преходящимъ, временнымъ и земнымъ (Ἄθεοι ἀλλ' ἐόντες ἀεὶ γίνονται, ἀθάνατοι καὶ ἀγήραοι). Сами Греки признавали безсмертіе существеннымъ качествомъ своихъ боговъ. Потому они обыкновенно клянутся Стиксомъ—рѣкою подземнаго царства, и силами, олицетворяющими смерть, указывая тѣмъ, что готовы отказаться отъ своей божественной природы, если клятва ихъ ложная (Од. 5, 185; Ил. 15, 36. 14, 271. «Зевсъ создалъ Стиксъ великою клятвою боговъ.» Гезіодъ, Θεог. 400, ср. 775 и слѣд.). Свое безсмертіе и неувядаемую юношескую свѣжесть боги поддерживаютъ нектаромъ (*) и амброзією—напиткомъ и пищею, производящими безсмертіе и божескую кровь (Ἰκάρ. Ил. 5, 340).

Но на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго. Прекрасный день Греческой жизни, на утрѣ котораго Гомеръ пѣлъ свои божественныя пѣсни, также кончился, и боги должны были наконецъ сойти съ своихъ золотыхъ троновъ, потому что вѣра въ нихъ исчезла изъ сердца человѣка. Уже прежде то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ начали проявляться у Грековъ сомнѣнія относительно боговъ господствующей религіи. Первый ударъ нанесенъ былъ ей философією, которая, около 600 г. до Р. Хр., начала развиваться въ Греческихъ колоніяхъ. Въ самой метрополіи религія не такъ скоро уступила свое мѣсто философіи; въ продолженіе Персидскихъ войнъ и въ ближайшее къ нимъ время политическаго могущества Греческихъ государствъ, какъ въ Афинахъ, такъ и въ другихъ городахъ Греціи, боги, только что охранявшіе ее отъ чужеземнаго ига, пользовались еще полнымъ почетомъ. Но со времени Пелопонесской войны общій упадокъ проникъ въ государственную, нравственную и религіозную жизнь Грековъ. Скептицизмъ философовъ вторгся въ народъ, и, вскорѣ послѣ Александра Великаго, Евхемеръ могъ объявить съ большимъ успѣхомъ, что боги первоначально были ни что иное, какъ люди, которые уже послѣ своей смерти обоготворены за свои дѣла и великія услуги человѣчеству.

Кромѣ философіи, большой ущербъ древнимъ вѣрованіямъ нанесли также *орфики*, составлявшіе религіозную секту, которая возникла почти одновременно съ пробудившеюся фило-

(*) Нѣктар производится отъ νη (не) и κτάω (κτείνω) или отъ κτήρ; ἀμβροσία, т. е. ἰδωδῆ, безсмертная пища отъ ἀμβρόσιος = ἀμβροτός. Это послѣднее слово составилось изъ ἀ-μ-βροτός.

софією. Слишкомъ уже очеловѣченные Греческіе боги не могли удовлетворить потребностямъ ихъ сердца и въ представленіи о древнихъ божествахъ орфики старались вложить новую идею. Но тѣмъ самымъ они уничтожили прежній образъ боговъ и разрушили народныя вѣрованія. Это орфическое направленіе преимущественно старалось выработать идею безсмертія души и посмертнаго воздаянія. Орфики старались ввести это ученіе въ тайный культъ мистерій. Эти мистеріи состояли въ почитаніи древнихъ природныхъ боговъ, которые удержались изъ времени, предшествовавшаго Гомеру, и которыхъ не коснулись религіозныя представленія Еллинскаго періода. Въ то время, какъ эти Еллинскіе боги не могли уже болѣе удовлетворять религіознымъ требованіямъ, Греки обратились къ древнимъ своимъ божествамъ, и они, видоизмѣненные ученіемъ орфиковъ, получили новое значеніе. Но ни философія, ни мистеріи не могли принести Греческому народу чаяннаго спасенія. Онъ постоянно искалъ новыхъ боговъ, вносилъ въ свою религію чуждыя ему божества Египта и Азіи, предавался то суевѣрью, то невѣрью, пока наконецъ христіанство, внося въ душу человѣка миръ и благодать, своими простыми, но возвышенными истинами разсѣяло заблужденія и ложь язычества.

НОВЫЯ КНИГИ,
ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Буддизмъ, разсматриваемый въ-отношеніи къ послѣдовате-
лямъ его, обитающимъ въ Сибири. Сочин. *Имла*, архіепископа Яро-
славскаго. С. Пб. 1858.

Мы находились долго въ недоумѣніи—браться-ли намъ за разборъ этого сочиненія или предоставить сдѣлать это другимъ. Можетъ быть, нашъ отзывъ не совсѣмъ удовлетворитъ ожиданіе высокоуважаемаго автора, хотя мы первые готовы признать его относительное достоинство и еще болѣе первые поспѣшаемъ принести признательность за то, что высокій архипастырь, оставивъ даже свою паству въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, почтилъ ихъ воспоминаніемъ въ новомъ своемъ сочиненіемъ, что какъ тамъ, такъ и на новомъ поприщѣ, онъ, сверхъ тяжкихъ обычныхъ трудовъ своихъ, не отказывалъ себѣ въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя доставляетъ наука, посвятивъ цѣлыя двадцать лѣтъ на изученіе религіи народа, который заслуживаетъ лучшихъ пастырей и болѣе возвышенныхъ истинъ. Но такъ-какъ изъ самаго уваженія къ настоящему труду мы предположили разбирать его съ большею строгостію; такъ-какъ мы принялись за перо не для того только, чтобы сказать что-нибудь: поэтому опасеніе, чтобы насъ не заподозрили въ пристрастіи не только самъ авторъ настоящаго сочиненія, но и другіе, заставляло насъ долгое время колебаться. Въ прошломъ году мы издали почти такое-же сочиненіе, т.-е. почти съ такимъ-же, особливо для незнающихъ дѣла, заглавіемъ, именно: «Буддизмъ, его догматы, исторія и литература». Очень естественно, что всякому придетъ въ голову при чтеніи нашего отзыва, какъ-скоро въ немъ будетъ хотя что-нибудь неодобрительное, не дѣйствовали-ли въ насъ личныя побужденія, не принялись-ли мы за разборъ чужаго

труда для того, чтобы возвысить свой. Скажемъ напередъ, что мы далеки отъ всякой идеи соперничества, и что на оба сочиненія, единственныя, особо-трактующія на Русскомъ языкѣ о буддизмѣ, въ возможной дѣлности, мы смотримъ, какъ на совершенно-различныя по дѣли и по содержанію. Еслибы и удалось намъ издать въ свѣтъ все то, что мы предположили, все, что у насъ хранится въ запасѣ, то и тогда сочиненіе преосвященнаго архіепископа было бы не лишнее; напротивъ, оно составляло-бы продолженіе и дополненіе нашихъ трудовъ. Проведя десять лѣтъ за Сибирью, мы не были въ самой Сибири и десяти недѣль, а потому писать о религіи ея обитателей считали-бы для себя неумѣстнымъ шарлатанствомъ. Однакожь въ-правѣ-ли мы отказать судить о томъ, что и какъ пишутъ о буддизмѣ, хотя-бы и въ-примѣненіи къ обитателямъ Россіи! Припомнимъ, что въ продолженіе года трудъ нашъ не вызвалъ дѣльнаго разбора со-стороны котораго-нибудь изъ нашихъ ученыхъ, специально-занимающихся буддизмомъ, тогда-какъ, кромѣ автора разбираемой здѣсь книги, мы имѣемъ еще гг. Шифнера, о. Палладія, Ковалевскаго, Попова, ламу Гомбоева, Бобровникова, Голстунскаго и проч. — что между прочимъ доказываетъ, что Россія не бѣдна учеными по предмету довольно новому для науки и едва ли не выставитъ одна бѣльшаго количества специалистовъ, чѣмъ вся остальная Европа; вотъ почему мы думаемъ, что разборъ нашъ, за который принимаемся, если и съ упрекомъ другимъ въ холодности къ своему дѣлу, то съ любовью къ собственнымъ занятіямъ, будетъ гораздо пріятнѣе для автора, хотя-бы въ разборѣ были высказаны истины не столь пріятныя, какъ тѣ, которыя насказалъ-бы человѣкъ неспеціальнѣй, но любящій мѣшаться не въ свое дѣло. Мы рѣшились разбирать настоящее сочиненіе для того, чтобъ высказать автору его свое сочувствіе, не допустить его трудъ подвергнуться той же участи, которая постигла нашъ собственный. Въ-самомъ-дѣлѣ, труды Русскихъ ориенталистовъ до-сихъ-поръ были въ нашемъ отечествѣ труды неблагодарныя; это не легкая, изящная литература, которая даетъ славу и капиталъ; издатель какой-бы то ни было статьи по части востока благодаритъ уже судьбу, если ему удастся напечатать даромъ свой трудъ и если онъ отдѣлался только издержками при перепискѣ своего сочиненія на-бѣлю. Чего ему стоилъ этотъ трудъ самому, сколько онъ къ нему приготовлялся, это уже не берется въ расчетъ. И что-же? Какъ часто мы встрѣчаемъ въ фельетонахъ какой-нибудь газеты

голословный отзывъ, что Русскіе пишутъ скучно, что надобно читать Французскія, Нѣмецкія или Англійскія сочиненія. Даже что за удовольствіе читать и похвалы, если знаешь, что онѣ написаны человѣкомъ, нисколько не смыслящимъ въ дѣлѣ.

Сочиненіе высокопреосвященнаго Нила представляется двойнымъ, будемъ-ли мы разсматривать его только въ отношеніи къ содержанію, или самое это содержаніе будемъ подводить къ строгимъ требованіямъ науки. Когда мы далеки отъ того, чтобы своимъ рассказомъ выставить рельефно и художественно предъ глазами читателя одни только фантазіи, тогда все написанное нами принадлежитъ наукѣ. Здѣсь, какъ и во всемъ, нѣтъ непреложныхъ истинъ, нѣтъ законченностей, надъ которыми нечего трудиться болѣе; здѣсь, какъ и все въ природѣ, обуславливается временемъ, обстоятельствами, развитіемъ и сочувствіемъ. Особенно во всѣхъ предметахъ, касающихся востока, надобно быть по-возможности снисходительнымъ. Здѣсь все написанное имѣетъ свое относительное достоинство, тутъ нѣтъ ничего лишняго, и за всякую лепту должно быть признательнымъ. Еслибы мы могли подумать, что разборъ нашъ заставитъ автора сожалѣть о томъ, что онъ издалъ свое сочиненіе, то мы первые обвинялибы себя въ страшномъ посягательствѣ противъ знанія. Наука, какъ и все въ мірѣ, не слагается мгновенно; для нея нужны свои этюды и гораздо больше, чѣмъ въ картинѣ какого-нибудь художника; за примѣромъ далеко ходить нечего: всякій изъ насъ помнитъ еще знаменитаго ученаго, занимавшагося тѣмъ-же предметомъ. Статьи акадѣмика Шмидта нынѣ казались бы уже неумѣстными, дѣтскими, а между-тѣмъ не забудемъ, что Шмидтъ былъ главой и патриархомъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ мы перечислили выше; придетъ время—и мы, ученые настоящаго времени, будемъ казаться въ глазахъ нашихъ преемниковъ школьниками. Но что намъ нужды до этого; развѣ мы не имѣемъ утѣшенія сказать о себѣ, что быть ступенью въ лѣстницѣ науки значить занимать почтенное мѣсто въ исторіи человѣчества. Развѣ мы не можемъ сказать о себѣ, что мы посильно служимъ и человѣчеству и отечеству. Безъ объясненія послѣднихъ словъ многіе, можетъ-быть, не поймутъ насъ, но мы скажемъ: безъ изученія востока, безъ поощренія оріентальныхъ знаній, развѣ Европа могла-бы стать такой твердой стопой надъ этой второй половинной стараго материка, развѣ ея вліяніе на востокѣ, географически бо-

лѣе отдаленное, могло-бы состязаться съ нашимъ, еслибы тамъ не было особеннаго покровительства и усиленныхъ пожертвованій на изученіе восточныхъ языковъ. Римскокатолическіе миссіонеры не проповѣдывали вѣдь слова Божія въ отдаленныхъ краяхъ на языкѣ непонятномъ туземцамъ, гражданскіе чиновники изъ Англичанъ въ Индіи вѣдь обязаны изучать мѣстныя нарѣчія. Если справедливо то мнѣніе, что наше Европейское образованіе основано на изученіи классическихъ странъ древняго міра, такъ еще вѣрнѣе можно сказать, что не можетъ быть тѣсной и прочной связи съ востокомъ у запада безъ изученія перваго.

Но хотя понятія о наукѣ и учености чисто-условныя, временныя, при всемъ томъ, когда мы хотимъ разбирать вновь появляющееся сочиненіе, то въ-правѣ требовать отъ него, чтобъ оно удовлетворяло современному состоянію свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сказать, что настоящее сочиненіе представляетъ мало отчетливости и едва-ли можно назвать его ученымъ. Но сдѣлаемъ опять оговорку: нельзя требовать отъ всякаго тѣхъ обширныхъ свѣдѣній, которыми могутъ обладать нѣкоторые; еслибы настоящее сочиненіе вышло изъ-подъ пера нашего академика, то мы не обинуясь сказали-бы, что оно ниже нашихъ ожиданій; мы сказали-бы, какимъ образомъ могъ онъ писать о буддизмѣ съ такими воззрѣніями, когда подъ рукой его столько богатыхъ матеріаловъ на доступномъ ему Тибетскомъ языкѣ. Но когда мы знаемъ, что авторъ могъ пользоваться одними только и то нѣкоторыми Монгольскими сочиненіями, то на этотъ разъ мы должны на трудъ его смотрѣть совсѣмъ съ другой точки; мы знаемъ, что если на Монгольскомъ языкѣ и существуютъ переводы всѣхъ главныхъ Буддійскихъ сочиненій, то эти переводы находятся только гдѣ-то, а не у насъ, слѣдовательно отъ Монголога нечего и ожидать болѣе. Да еслибы даже авторъ и не зналъ вовсе Монгольскаго языка, еслибы онъ даже не имѣлъ подъ рукой природнаго ламы, то и тогда спрашивается, почему его трудъ неимѣлъ-бы относительной цѣнности? Неужели двадцать лѣтъ трудолюбиваго изученія, тщательныхъ изысканій, разспросовъ и наблюденій должны быть скрыты для публики, не обнародованы потому только, что найдутся два-три человѣка, которые знаютъ болѣе; и даже самые эти знатоки не должны-ли быть признательными за изданіе таковаго сочиненія; конечно, они могли-бы рассказать о буддизмѣ въ болѣе отчетливыхъ формахъ, но завсѣмъ

тѣмъ не драгоценны-ли для нихъ частности, тѣ примѣненія, которыя наблюдательный и просвѣщенный пастырь подсмотрѣлъ между Русскими подданными, исповѣдующими буддизмъ!

Даже мы не въ-правѣ почти и вызывать тѣхъ обвиненій, которыя произносили. Кажется, авторъ очень хорошо самъ понимаетъ, что онъ удовлетворяетъ своимъ сочиненіемъ только съ извѣстной стороны, вотъ почему онъ и далъ ему заглавіе «Буддизмъ, разсматриваемый въ-отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Россіи». Но пусть высокоуважаемый пастырь и не подумаетъ, что мы сколько-нибудь желали оскорбить его почтенный трудъ; мы благодарны ему за то только, что онъ вызываетъ насъ высказать тѣ замѣчанія, которыя составились у насъ независимо и которымъ находимъ теперь подтвержденіе.

Напрасно думаютъ, что изученіе востока есть дѣло легкое, что оно можетъ достаться съ перваго приступа, и еще скорѣе, чѣмъ всякая другая наука. Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ другихъ наукахъ для начинающаго готовы руководства, для продолжающаго подобраны и подготовлены матеріалы; здѣсь же открывается новое поприще, на которомъ приходится все разрабатывать самому; — нѣтъ еще ни одной аксіомы, которую нельзя-бы оспаривать. Во-вторыхъ, тутъ открывается множество наукъ, которыя вызываютъ огромное число дѣятелей каждая. Мы указали уже выше на значительное число ученыхъ въ нашемъ отечествѣ, занимающихся изученіемъ буддизма; но думаютъ-ли, что всѣ они соединенными силами въ-состояніи совершить собой этотъ спеціальныи трудъ? Такъ-какъ мы проникли отчасти въ глубину предмета, то очень хорошо знаемъ, что это только пустая и невѣжественная надежда. Явится человѣкъ, который углубится еще далѣе насъ; тому уже покажется, можетъ-быть, страшно, что онъ пустился въ занятіе предметомъ, который не поднимуть плечи и сотни тружениковъ. Но развѣ на востокѣ только и есть, что буддизмъ, который должно изучать; а конфуціанство, браманизмъ, даосизмъ, фетишизмъ или шаманство и наконецъ мусульманство, развѣ все это предметы болѣе доступные, побѣдимые съ перваго приступа. Развѣ послѣ всѣхъ трудовъ, начавшихся съ давняго времени касательно изученія мусульманства, можно сказать, что съ нимъ покончено дѣло навсегда, — а между-тѣмъ не забудемъ, что изученіе западной Азіи началось съ давняго времени, что каждое значительное государство Европы обладаетъ большимъ количе-

ствомъ ориенталистовъ по этой части, чѣмъ вся Европа, не исключая и Россіи, имѣеть знатоковъ для остальнаго востока. И при томъ—не однѣ только религіи востока, заслуживаютъ вниманія ученаго; исторія, древности, законодательство, образъ жизни, искусства, науки естественныя, медицина и проч., представляютъ также немало пищи для любознательности, для ума, для свѣдѣній. Литературы Арабская, Персидская, Турецкая, Индійская, Тибетская, Китайская, Японская, Корейская, развѣ не представляютъ по всѣмъ этимъ отраслямъ оригинальныхъ сочиненій; развѣ сверхъ-этого въ нихъ мало еще беллетристическихъ и поэтическихъ произведеній! Скажутъ: но стоитъ-ли обращать на все это вниманіе, должно-ли все это составлять науку, входить въ предметъ науки, начиная съ законодательства до поэзіи! Европа даннымъ давно опередила востокъ; она ни въ чемъ не нуждается для увеличенія своихъ умственныхъ богатствъ. Но правдиво-ли такое возраженіе во всей безграничности? Если человѣкъ жилъ гдѣ-нибудь и создалъ что-нибудь своеобразное, то хотя-бы оно и было неудовлетворительно въ-сравненіи съ тѣмъ, что произвелъ человѣкъ на другомъ концѣ земнаго шара, развѣ за всемъ тѣмъ это творчество его менѣе поучительно для человѣческаго ума; развѣ человѣчество, говоря абсолютно, можетъ сказать о себѣ, что оно знаетъ себя, когда оно знаетъ только одну часть себя? Развѣ самыя ошибки, самыя странныя направленія человѣческаго ума не служатъ для этого-же ума свѣтлыми путеводителями къ истинѣ, не развиваютъ въ немъ болѣе разностороннихъ воззрѣній, не оплодотворяютъ его дѣятельность. И при томъ въ такомъ-ли положеніи находится нынѣ Европа къ остальному міру; западъ не готовится-ли выполнить свое призваніе, внести въ страны застоя живительную искру просвѣщенія? Но какъ внесетъ онъ свои идеи, вдохнетъ свою жизнь въ незнакомыя съ этой жизнью страны, не изучая ихъ состава, ихъ элементовъ. Ужели должно повториться то-же, что случилось при насильственномъ вторженіи исламизма, который не хотѣлъ знать ничего стараго, разрушилъ все до основанія, истребилъ все огнемъ и мечемъ, для того, чтобы приняться вновь все созидать; хорошо-ли, прочно-ли вышло все имъ созданное, теперь мы уже можемъ достаточно и вѣрно судить объ этомъ. Европа не можетъ хладнокровно одобрять одного матеріальнаго владычества, одно вмѣшательство силы не вызоветъ сочувствія и благословенія народовъ востока; оно скорѣе всего уронитъ въ глазахъ

ихъ высокую цѣну нашего просвѣщенія и еще болѣе возбудить въ нихъ охоту оставаться въ застоѣ. Если кто былъ виноватъ, что Китай и Японія стали избѣгать сношеній съ Европой, такъ это вѣрно католическіе миссіонеры, которые къ истинной религіи примѣшивали своекорыстные разсчеты. Припомнимъ, съ какими радшіемъ были приняты сначала Европейцы въ этихъ отдаленныхъ странахъ, и можно-ли сомнѣваться, что при такомъ расположеніи эти страны давно-бы уже были просвѣщены такъ-же, какъ мы, давно-бы уже помогали намъ въ общемъ дѣлѣ подвигать впередъ наши дивныя изобрѣтенія. Нужно-ли было-бы Англии прибѣгать въ послѣднее время къ насилию въ Китаѣ, если-бы на востокѣ не слышались обвиненія въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ у одного Китайскаго писателя: «О, еслибы, говоритъ онъ, ученіе Иисуса было такъ-же великодушно, какъ ученіе Цзонхавы, укротившаго дикіе нравы Монголовъ и заставило Англичанъ отказать отравлять нашу имперію опиумомъ!»

И такъ, если долгъ Европы, если это даже внушеніе исповѣдуемой ей религіи, стараться подѣлиться съ другими тѣми благами, которыя она открыла, то долгъ ея также изучить и средства, которыми она вѣрнѣе, и безъ жестокости, скоро можетъ проявить свое вліяніе. Но какъ можно это сдѣлать, не изучивъ напередъ ту арену, на которой придется дѣйствовать, не изучивъ всѣхъ элементовъ, съ которыми придется столкнуться новымъ вносимымъ элементамъ. Мы говоримъ: Европа должна не ломать все старое, а только починать старое, расширять его; ломать — значитъ проливать кровь 600 милліоновъ обитателей востока, починать — значитъ вдохнуть во нихъ лучшую жизнь. Какое огромное разстояніе между этими двумя докторскими приемами! Однимъ словомъ, для того, чтобы научить востокъ, нужно прежде всего изучить его. Не падите на это ни силъ, ни трудовъ, ни издержекъ; еслибы вы даже не придавали цѣны никакому моральному вознагражденію, то будьте увѣрены, что и матеріальное не замедлитъ придти само собой.

У насъ нерѣдко встрѣчаются узкія головы, которыя готовы осуждать даже учрежденіе восточныхъ кафедръ, говоря, что онѣ не вознаграждаютъ употребляемыхъ издержекъ. Какъ? одна кафедра на цѣлую Россію и ужели вы находите и это еще много для такого огромнаго государства, которое цѣлымъ своимъ составомъ врѣзалось въ востокъ! Ужели вамъ жалко какихъ-нибудь полторы

тысячи рублей, тогда-какъ всякой общественной обѣдъ стоитъ дороже этого; а всякая лишняя кафедра составляетъ не одну честь нашего отечества, не только заставляетъ говорить о ней Европейцевъ, но упрочиваетъ тѣснѣе связи наши съ востокомъ, наше вліяніе!

Есть еще и такія узкія воззрѣнія, которыя ставятъ изученіе какого-нибудь восточнаго языка на одинъ уровень съ Европейскими. Говорятъ, что все равно основать-ли кафедру Японскаго или Испанскаго языка, что отъ преподавателя того или другаго требуются одни и тѣ-же условія. Мы скажемъ: это большая ошибка для настоящаго времени. При изученіи какого-нибудь Европейскаго языка, мы имѣемъ только, можно сказать, лексическій трудъ; мы и учимся ему для того только, чтобъ читать то, что написала Европа, для насъ своя и по идеямъ и по образцу жизни, или, иначе, мы изучаемъ Европу во всѣхъ тѣхъ наукахъ, которыя мы изучаемъ еще помимо Европейскихъ языковъ. Совсѣмъ иначе обстояло у насъ изученіе восточныхъ языковъ. Для того, чтобъ умѣть говорить на восточномъ языкѣ, этого мало и для преподавателя и для учащагося; въ нашихъ пограничныхъ провинціяхъ много умѣющихъ говорить по-Монгольски, по-Турецки, по-Персидски, но значить-ли, что всѣ эти толмачи знаютъ эти страны, что они могутъ быть дѣльными посредниками для правительства и просвѣщенія. Нѣтъ, изучая какой-нибудь восточный языкъ, мы имѣемъ въ виду, чтобы вмѣстѣ изучить и страну; это значить, чтобы знакомиться со всѣми произведеніями, существующими въ литературѣ этой страны, потому-что она одна только выражаетъ правильно и безошибочно духъ этой страны; иначе вамъ не послужатъ ни къ чему всѣ ваши разговоры съ туземцами, даже на ихъ природномъ языкѣ; вы будете иначе перетолковывать ихъ отвѣты, ихъ обычаи, постановленія. Вы будете оуждать то, что вовсе не такъ худо, какъ кажется, будете удивляться тому, что не стоитъ удивленія. Итакъ мало того, что вы изучаете напримѣръ нѣсколько тысячъ іероглифовъ; вамъ надобно знать еще исторію, географію, законодательство и проч. Китайская литература представитъ вамъ тысячи разнородныхъ сочиненій; но если вы ихъ прочитали, этого мало; для того, чтобы передать и оцѣнить ихъ, вы должны каждую изъ этихъ отраслей знать достаточно въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается въ Европѣ, для того, чтобы передать понятно то, что вы читаете въ восточной литературѣ. И этого еще

мало: вамъ надобно имѣть много практическаго ума для того, чтобы сохранить все хладнокровіе при этой передачѣ, при опѣнкахъ новыхъ матеріаловъ; вамъ надобно думать и обдумывать для того, чтобы не впасть въ пристрастіе, не исказить истины.

Это-то мы называемъ ученостію, и сознаемся, что едва-ли кто-нибудь въ настоящее время можетъ принять на себя безусловно названіе ученаго, по-крайней-мѣрѣ самые ученые знаютъ не болѣе какъ двѣ-три отрасли изъ какой-нибудь восточной литературы. Благо тѣмъ, у кого эта литература вся помѣщается въ двухъ-трехъ книгахъ, какъ напримѣръ Татарская, или и того меньше, не имѣетъ даже письменности; но всѣ-ли восточныя литературы таковы? Есть литературы, которыя обширнѣе и разнообразнѣе классическихъ; вотъ тамъ-то ученый можетъ стараться только расширить какъ можно болѣе свои познанія, но не ручаться, что онъ знаетъ уже все.

Между тѣмъ большинство можетъ-быть не только у насъ въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, твердо увѣрено, что стоитъ только сдѣлать набѣгъ на востокъ, т.-е. проѣхаться по какой-нибудь восточной странѣ, побывать на ея оконечности, пройтись взадъ и впередъ по улицамъ, чтобы увѣрять всѣхъ, что вы изучили хорошо востокъ. Мало этого. Если въ самихъ васъ даже и нѣтъ этой увѣренности, такъ публика, большинство не допустятъ васъ вводить ихъ въ разочарованіе; они сами будутъ навязываться вамъ съ такимъ высокимъ о васъ мнѣніемъ. Отчего это происходитъ, какъ не отъ тщеславнаго высокомѣрія, котораго чужда истинная наука, и не отъ того, что изученіе востока не вошло еще систематически въ потребности нашего образованія. Нѣкоторыя событія покровительствуютъ этому очарованію: мы видимъ превосходство Европейскаго оружія надъ всѣми странами востока, громадныя завоеванія дѣлаются такъ легко; вотъ здѣсь-то и источникъ ошибокъ. Европейецъ думаетъ, что и узнать страны, стоящія на низшемъ противъ его образованіи, такъ-же легко, какъ и завоевать ихъ; отъ этого онъ съ такимъ удовольствіемъ бросается на чтеніе всякаго новаго путешествія, составленнаго лицомъ, никогда не готовившимся къ этому путешествію; какъ авторъ, такъ и читатели, равно другъ друга обманываютъ; публика находитъ интересъ избавлять себя отъ болѣе сухаго изученія; взгляды автора, чѣмъ оныя ошибочнѣе и поверхностнѣе, льстятъ ея самолюбію; самъ авторъ заслоняетъ собой другихъ, которые желали-бы сказать что-нибудь дѣльное, но

которые чѣмъ болѣе углубляются въ предметъ, тѣмъ болѣе убѣждаются, что они все еще мало изучили его. Вглядитесь, не такъ-ли-же участь и завоеваній Европейскихъ; первая побѣда далась легко; но вотъ уже три слишкомъ вѣка Европа осаждастъ Азію своей силой, но гдѣ тѣ благодѣтельные результаты, которыхъ нужно было-бы ожидать отъ этого преобладанія, какое существенное преобразование сдѣлано западомъ на востокъ? Одна только Россія можетъ похвалиться тѣмъ, что она положила прочное основаніе цивилизаціи въ дикихъ странахъ Сибири! Чтѣ-же нужно для упроченія взаимныхъ сношеній востока съ западомъ, для ихъ слитія воедино тамъ, гдѣ это возможно? отвѣтъ на это простой: необходимо, чтобъ одна половина стараго материка изучала другую. Мы хотимъ, чтобъ востокъ изучалъ насъ, укоряемъ его въ невѣжествѣ, что онъ не хочетъ знать ничего нашего; а между-тѣмъ оглянемся на себя — а мы-то чтѣ, мы-то какъ изучаемъ востокъ!

И не думайте, чтобъ наука здѣсь не должна быть столь-же строгою, столь-же послѣдовательною, какъ и во всѣхъ другихъ предметахъ. Вотъ вамъ и примѣръ:

Образованный вполне по-Европейски архипастырь является за двадцать лѣтъ предъ этимъ къ новой своей паствѣ, окруженной языческими племенами или смѣшанной съ ними. Любознательность его не позволяетъ ему покониться на лаврахъ, онъ не щадитъ трудовъ на изученіе религіи языческой. У него-ли нѣтъ средствъ для того, чтобъ проникнуть во всѣ тайны; онъ-ли, посвятившій всю жизнь свою дѣлу вѣры, не знаетъ, какъ и что ему нужно знать изъ чуждой религіи. Нужна только охота, и предъ первенствующимъ духовнымъ лицомъ открыты всѣ тайны. И не одни только православные, но и самые иновѣрцы, съ уваженіемъ взирающіе на высокій постъ, имъ занимаемый, считаютъ себѣ за честь служить ему. И что-же! чрезъ 20-ть лѣтъ трудолюбиваго изученія плодомъ занятій человѣка, вполне образованнаго по-Европейски (*), является сочиненіе, хотя и богатое матеріалами, хотя и коснувшееся всѣхъ сторонъ языческой религіи, но между-тѣмъ все-таки далеко неудовлетворяющее требованіямъ науки. Признаемся, что мы даже съ изумленіемъ увидѣли въ этой книгѣ

(*) Доказательствомъ этого могутъ служить уже одніе Латинскія цитаты, приводимыя авторомъ.

затронутыми такіа свѣдѣнія, которыя полагали извѣстными только намъ однимъ. Но за всѣмъ тѣмъ мы не могли не видѣть, что всѣ эти затронутыя свѣдѣнія передаются только поверхностно, сбивчиво, потому-что авторъ не могъ или не зналъ, какъ найдти имъ объясненіе, не въ изустныхъ разсказахъ, а въ самой письменной литературѣ. Однимъ словомъ, все, что могъ сказать просвѣщенный Европеецъ, собиравшій свѣдѣнія не только по разспросамъ, но и воспользовавшійся даже нѣкоторыми книгами, — но Европеецъ, не могшій измѣнить своихъ воззрѣній, которыя бы перемѣнились только вслѣдствіе чтенія оригинальныхъ сочиненій, — все это сдѣлано авторомъ. Послѣ сочиненія Палласа касательно буддизма въ Россіи, это самая лучшая книга, написанная Русскимъ, который не имѣетъ въ строгомъ смыслѣ притязанія на званіе ориенталиста. Палласъ описываетъ съ неподражаемою Нѣмецкою аккуратностію все, что онъ видѣлъ, касаясь больше наружной стороны. Нашъ авторъ старался углубиться во внутреннюю жизнь буддизма, хотѣлъ проникнуть въ сущность ученія и передалъ все, что только могъ сказать не ориенталистъ, но читавшій уже нѣкоторыя туземныя сочиненія. Ошибки автора происходятъ оттого, что онъ основался на сочиненіяхъ, которымъ онъ не зналъ мѣста въ общности буддійской литературы; что, не познакомившись съ составомъ главныхъ буддійскихъ сочиненій, онъ отыскивалъ въ чуждой религіи отвѣтовъ на тѣхъ понятія, которыя создались у него при изученіи своей собственной. Напримѣръ одно изъ главныхъ сочиненій, на которыя оперся авторъ въ своей системѣ — это Манигамбумъ; а знаетъ-ли онъ, что это за книга! Манигамбумъ есть чистое произведеніе Тибетской фантазіи; это не догматическое произведеніе, а скорѣе поэма, и притомъ это сочиненіе подложное. Въ Тибетѣ была эпоха, когда его ламы старались находить подтвержденіе своимъ бреднямъ въ древнихъ книгахъ; они для этого сочиняли отъ себя, потомъ выдавали за вынутыя изъ кладовъ, зарытыхъ какъ-будто, напримѣръ Манигамбумъ, еще при первомъ распространителѣ буддизма въ Тибетѣ, царѣ Сронцзанъ Гамбол! И это-то подложное сочиненіе послужило основаніемъ ссылокъ! До какой степени напримѣръ носило-бы печать учености сочиненіе объ нашей вѣрѣ мусульманина, еслибъ онъ сталъ разспрашивать объ ней у непросвѣщенныхъ крестьянъ, дьячковъ и въ-добавокъ оперся при этомъ на нѣсколькихъ раскольничьихъ рукописяхъ? Но если принять въ расчетъ, что мусульманинъ передавалъ-бы не хри-

стіанство такъ, какъ оно заключается въ сущности, а въ томъ видѣ, какъ оно понимается нѣкоторыми; если такая книга имѣетъ свое достоинство, то и достоинство книги нашего автора несмѣнно; оно возвышается еще болѣе, когда мы припомнимъ, что между нашими Бурятами не найдется ни одного свѣдущаго въ своей религіи ламы; что всѣ тѣ, которые стоятъ выше другихъ, еще грубѣе, невѣжественнѣе, потому что вся дѣятельность ихъ заключается въ одномъ чарованіи, чтеніи безсмысленныхъ толкованій, заклинаній, сопровождаемыхъ множествомъ обрядовъ, которыхъ чуждъ настоящій буддизмъ.

Чтобъ убѣдиться, что авторъ внесъ при разборѣ чуждой религіи вопросы, вытекающіе не изъ ея содержанія, а изъ собственнаго запаса, стоитъ только посмотреть, чѣмъ онъ начинаетъ свое изложеніе буддизма—разказомъ о сотвореніи міра, о его обитателяхъ, о богахъ и духахъ, о первомъ человѣкѣ и т. д. Все это вопросы библейскіе, которые стоятъ на второмъ планѣ въ буддизмѣ; не въ этомъ заключается сущность этой религіи; понятіе о мірозданіи и богахъ едва-ли даже сколько-нибудь принадлежитъ самому буддизму; оно цѣликомъ взято имъ изъ народныхъ вѣрованій и изъ чуждыхъ религій; только распредѣленіе боговъ и міровъ принадлежитъ уже религіозному зодчеству буддизма. Напрасно авторъ опровергаетъ мнѣніе г. Ковалевскаго о томъ, что буддисты не приписываютъ сотворенія міра Буддѣ; это вообще принято всѣми Буддѣйскими школами, какъ онѣ ни разнообразны. Но замѣчательно, что и г. Ковалевскій началъ свои изслѣдованія о буддизмѣ космологіей, которой придалъ большую важность; не оттого-ли онъ и остановился на первомъ своемъ неудачномъ опытѣ; вотъ какъ вредна система или мѣрка, заранѣе придуманная на всякій предметъ; это кабинетный, но не ученый взглядъ.

Буддизмъ отличается не матеріальнымъ ученіемъ о созданіи міра, а особеннымъ своимъ возрѣніемъ на внутреннее значеніе міра. Говорить-ли онъ, что міръ мучителенъ, что міръ пустъ, невѣжественъ, все равно, онъ хочетъ сказать одно только—что надобно стараться покинуть этотъ міръ, а средства къ выхожденію и составляютъ догматическое ученіе буддизма. Всего этого мы не находимъ у нашего автора (*).

(*) То, что мы читаемъ объ этомъ предметѣ въ главахъ XV—XVIII, не удовлетворительно, хотя и содержитъ, повидному, много новаго. Къ чему

Окончивъ свое дѣло съ ученіемъ о мирозданіи, авторъ переходитъ къ разбору чиновъ или званій, составляющихъ Буддійскую іерархію (стр. 68), и здѣсь опять путаница. Званія, носимыя вслѣдствіе внутренняго духовнаго достоинства, выражаемаго принятіемъ обѣтовъ (званія убаша, гѣцула, гѣлуна), перемѣшаны съ званіями, принадлежащими чисто-гражданскому (ширегету) или ученому (пандида) отличію. Авторъ дѣлаетъ четыре особыя званія или, по его мнѣнію, чина: хубилганъ, хучукту, далай-лама, баньчень богда, тогда-какъ второй есть только видъ перваго, а два послѣднія суть названія отдѣльныхъ личностей изъ втораго названія и притомъ ученіе о далай-ламѣ и баньчень-богда не есть ученіе догматическое; это все равно, какъ еслибы въ христіанствѣ толковать о Толедскомъ или Кентербурійскомъ архіепископѣ.

Мы ограничиваемся этими указаніями на главныя ошибки въ воззрѣніяхъ автора; что касается до частныхъ поправокъ, которыя нужно было-бы сдѣлать, такъ они заставили-бы насъ написать по-крайней-мѣрѣ такой-же томъ, какой появился изъ-подъ пера автора. Всюду видно, что автору было сообщено многое, что онъ очень много разспрашивалъ; но тѣ, которые ему сообщали, не имѣли сами хорошихъ свѣдѣній; то, о чемъ узнавалъ авторъ, онъ не имѣлъ возможности повѣрить въ письменныхъ источникахъ. И опять при этомъ мы повторимъ прежнее замѣчаніе: авторъ самъ не виноватъ нисколько; онъ старался по-возможности быть добросовѣстнымъ и писателемъ и изучающимъ. Какъ-же послѣ этого восторгаться писателями, которые не употребили и сотой доли его труда и въ безошибочности которыхъ между-тѣмъ нисколько не сомнѣваются наши читатели, наши легковѣрные публицисты и фельетонисты!

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: въ сочиненіи встрѣчается множество собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ, которые

напримѣръ говорить о Лунъабишикѣ, Чжананѣ (чжейнангъ) и прочемъ, когда они вовсе не составляютъ сущности такъ-называемаго мистическаго ученія, а только вводныя статьи—это не что иное, какъ благословеніе и посвященіе. Притомъ благословеніе Лунъабишикъ дается и не въ мистическомъ ученіи, безъ него буддисты не смѣютъ читать никакой книги. Намъ кажется также, что автору неизвѣстно, что Абягаринъ-ванъ и Мидоръ-цзогинъ-ванъ (стр. 189 и далѣе), которые онъ впрочемъ такъ живописно и одушевленно описываетъ, суть только не болѣе какъ одни изъ многочисленныхъ видовъ посвященія и первый такъ называется потому, что переданъ однимъ изъ Индійскихъ учителей: Абаякарой.

изуродованы до невѣроятія; таковы слова Санскритскія и Тибетскія, вошедшія въ Монгольскій языкъ и переданныя авторомъ въ томъ произношеніи, которое принято нѣкоторыми Бурятами. Кто бы могъ подумать, что загарвадонъ автора есть искаженіе слова Чакраварти, Бирузана-Вэйрочана, Варзадара-вачжрадара, джадамба-джат-донг-ба, чойжалъ-чойчалъ и проч. Впрочемъ, до-тѣхъ-поръ, пока ученые не согласятся между собой и не будетъ изданъ общій словарь всѣхъ терминовъ, до-тѣхъ-поръ всякій будетъ писать по-своему всѣ эти собственные имена и термины; и съ трудомъ будемъ мы узнавать Санскритскія слова, попавшія въ Монгольскій или Китайскій тексты. Тибетскія слова, можетъ быть, еще болѣе будутъ подвергаться искаженію, потому-что не только въ Тибетѣ есть много нарѣчій, но Монгольскіе и Калмыцкіе роды коверкаютъ еще это чтеніе по-своему. У насъ была благая попытка избавить нашихъ ученыхъ отъ подобныхъ ошибокъ; мы составили терминологическій Буддійскій лексиконъ на Санскритскомъ, Тибетскомъ, Китайскомъ и Монгольскомъ языкахъ; онъ былъ представляемъ нами въ Императорскую академію наукъ, онъ долженъ служить прямымъ продолженіемъ изданной нами первой части о Буддизмѣ; но увы! прежде всего, прежде чѣмъ найти лице или общество, которое согласилось-бы издать нашъ трудъ, намъ нужно еще, чтобъ у насъ завелся Китайскій шрифтъ, безъ котораго трудъ нашъ не будетъ достигать своего назначенія.

Но довольно замѣчаній; мы повторимъ здѣсь опять, что дѣлаемъ ихъ не съ цѣлію охудать, а для того, чтобы высказать наши общія мнѣнія. Что касается до мысли автора изложить буддизмъ такъ, какъ онъ существуетъ въ Россіи, то она заслуживаетъ полной признательности. Положимъ, что первый опытъ и несовѣмъ удовлетворителенъ; но когда-же первый опытъ въ какой-либо наукѣ отличался типомъ совершенства! А намъ пора приняться за изученіе своихъ инородцевъ — и угодно-ли видѣть плоды этого изученія; намъ стоитъ только сослаться на дѣятельность архипастыря, который былъ авторомъ разбираемой книги. До него буддизмъ все болѣе и болѣе распространялся между сотнями тысячъ Бурятъ, населяющихъ восточную Сибирь. Когда они признали Русское господство, то вовсе не имѣли понятія объ этой вѣрѣ, но потомъ она быстро переносится изъ юрты въ юрту; если это служить лучшимъ доказательствомъ вѣротерпимости нашего правительства, то съ другой стороны нельзя не пожалѣть, что столько

тысячь душъ на продолжительное время удалены были отъ свѣта истиннаго просвѣщенія и теперь даже труднѣе подѣлиться съ ними тѣмъ драгоценнымъ благомъ, которое даровано намъ въ удѣлѣ. Нѣтъ ничего легче обращаться въ христіанство, какъ язычниковъ, не имѣющихъ отчетливой религіи, каковы всѣ поклонники шаманства подъ различными его видами. Буддисты, поклонники Ведъ, мусульмане дѣлаются упорнѣе въ своихъ заблужденіяхъ, потому что ихъ религія приняла письменный видъ; а очень жалко видѣть націи страдающія подъ гнетомъ буддизма. Какія утѣшительныя и отрадныя чувства вносить мыслѣ эта вѣра, такъ-какъ она сформировалась въ Тибетѣ, въ сердца своихъ поклонниковъ Монголовъ, между которыми она нашла свой пріютъ? она не позволяетъ мірянину входить прямо въ сообщеніе съ горнишь міромъ; говоря вообще, это дѣло ламы и ламайское духовенство источаетъ народныя силы еще больше, чѣмъ содержаніе всякой громадной арміи. Ни въ одномъ государствѣ число войска, защищающаго его отъ враговъ, не составляетъ пятидесятой части, а тамъ, гдѣ господствуетъ буддизмъ, число ламъ простирается не менѣе какъ одинъ на десять; притомъ солдатъ живетъ нисколько не лучше послѣдняго земледѣльца; ламы-же составляютъ собой аристократію. Но это-бы еще ничего, еслибъ они хотя сколько-нибудь умѣли пользоваться пріобрѣтеннымъ ими перевѣсомъ; вся жизнь ихъ есть сплетеніе шарлатанства, грубыхъ суевѣрій, безнравственныхъ поступковъ. До какой степени ламы умѣютъ извлекать свои выгоды и обманывать простодушный народъ, заслуживающій лучшей участи, мы можемъ судить, если дополнимъ рассказъ нашего автора (стр. 191 и далѣе) о выходцѣ Лудупѣ (*), который явился между нашими Бурятами въ 1842 году. То былъ простой лама Хорчинскаго удѣла въ Монголіи, и, явившись къ нашимъ Бурятамъ, выдалъ себя за Хубилгана т.-е. перерожденца и никто не усомнился въ этомъ; можетъ быть, нѣкоторые только ламы знали истину, но не всѣ, потому что мы вѣримъ, что и ламы съ искренностію принимали отъ него посвященіе, которое описываетъ авторъ. Обѣхавъ или лучше обобравъ Бурятъ, Лудупъ вздумалъ возвратиться на родину съ добытымъ добромъ; обозъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ верблюдовъ, навьюченныхъ соболями, всякими вещами и деньгами. Но наши караульные казаки напали на его слѣдъ

(*) Собственно Лу-рубъ или Лунчжубъ.

и, къ чести Китайскаго правительства, надобно сказать, что оно не поступило въ этомъ случаѣ, какъ Австрійское, которое поддерживаетъ раскольничьихъ архіереевъ; оно сослало въ ссылку пройдоху и возвратило вещи въ Россію. Однакожь всѣ Пекинскіе ламы, узнавшіе эту исторію, только и говорили съ нами долгое время о томъ какъ-бы и имъ попасть къ нашимъ Бурятамъ!

Нельзя не пожалѣть о томъ, что наше духовенство восточной Сибири бездѣйствовало въ то время, когда проницательныя ламы производили обращеніе между Бурятами. Если и случалось прежде, что кто-нибудь принималъ христіанство, такъ эти обращенія были только случайныя; никто изъ порядочныхъ и достаточныхъ лицъ не принималъ христіанства. Является высокопресвященный Нилъ и дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ: при немъ окрещиваются не только тайши или правители Бурятскіе, — но и самыя ламы что очень замѣчательно; наконецъ Бураты крестятся даже цѣлыми улусами (см. 287 стр.). И отчего-же это происходитъ? Высокопресвященный не счелъ бесполезнымъ для себя и для дѣла вѣры изучить религію язычества, войти съ нимъ въ болѣе короткое знакомство, и это доставило церкви Христовой новыхъ чадъ. Вотъ между прочимъ одно изъ благодѣтельныхъ послѣдствій, плодовъ, которыя можетъ доставить намъ изученіе востока!

В. ВАСИЛЬЕВЪ.

Статистическія таблицы Россійской имперіи за 1856-й годъ, составленныя и изданныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ статистическимъ отдѣломъ центрального статистическаго комитета. С.-Пб., 1858 (*).

Изданныя статистическимъ отдѣломъ центрального статистическаго комитета «Статистическія таблицы Россійской имперіи за 1856 годъ» составляютъ весьма замѣчательное явленіе. Нынѣ из-

Продаются въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ комиссіонеровъ: министерства внутреннихъ дѣлъ — С. П. *Лоскутова*, Императорской публичной бібліотеки — И. И. *Глазунова* и придворнаго книгопродавца А. *Смирдина* (сына) и комп., по 1 р. с., а съ пересылкою въ другіе города — по 1 р. 50 к. с. за экз.

данныя таблицы, по составу своему и по обработкѣ вошедшихъ въ нихъ матеріаломъ, во многомъ отличаются отъ прежнихъ подобныхъ изданій министерства внутреннихъ дѣлъ. Процессъ составленія этого изданія и составъ его вполне объясняются помѣщеннымъ въ началѣ книги предисловіемъ.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нѣсколько разъ издавались собранія статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Первое изданіе такого рода вышло въ свѣтъ въ 1830 году, подъ заглавіемъ: «Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Россійской имперіи по 1825-й годъ, составленное изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, подъ руководствомъ директора департамента полиціи исполнительной, тайнаго совѣтника Штера (въ 16-ю долю листа)». Затѣмъ послѣдовало, вышедшее въ 1834-мъ году: «Обозрѣніе состоянія городовъ Россійской имперіи въ 1833-мъ году, изданное при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (въ 8-ю долю листа)». Оба эти изданія составляютъ библиографическую рѣдкость. Въ 1834-мъ году учреждено было, при совѣтѣ министерства, *Статистическое отдѣленіе*, ввѣренное управленію извѣстнаго нашего статистика, тайнаго совѣтника К. И. Арсеньева. Этимъ отдѣленіемъ, существовавшимъ до конца 1852-го года, изданы были: въ 1840 г. — «Статистическія таблицы о состояніи городовъ Россійской имперіи (въ 4-ю долю листа)»; въ 1842 г. — тѣ-же таблицы, исправленныя и пополненныя по вновь полученнымъ свѣдѣніямъ, подъ заглавіемъ: «Статистическія таблицы о состояніи городовъ Россійской имперіи, великаго княжества Финляндскаго и царства Польскаго (въ 4-ю долю листа)»; въ 1852 г. — «Статистическія таблицы о состояніи городовъ Россійской имперіи, по свѣдѣніямъ, собраннымъ по 1-е мая 1847-го года (въ 4-ю долю листа)», и въ томъ-же-году — «Статистическія таблицы (о губерніяхъ) по свѣдѣніямъ за 1849-й годъ (въ листъ)». Пять первыхъ изданій содержали въ себѣ свѣдѣнія исключительно о городахъ, а послѣднее — о губерніяхъ вообще, безъ особыхъ свѣдѣній о городахъ. Въ первомъ всѣ города имперіи расположены были по алфавитному порядку, а въ четырехъ послѣдующихъ распределены по губерніямъ и областямъ. Статистическимъ отдѣленіемъ предпринято было, кромѣ-того, вскоре послѣ его учрежденія, изданіе «Матеріаловъ для статистики Россійской имперіи», которыхъ вышло два большіе тома (въ 8-ю долю листа): 1-й — въ 1839, съ атласомъ въ листъ, и 2-й — въ 1841 г.; эти два тома заключаютъ въ себѣ обильный запасъ свѣдѣній,

по отдѣльнымъ мѣстностямъ Имперіи и по отдѣльнымъ статистическимъ предметамъ.

Въ 1852 году, учрежденъ былъ, при министерствѣ, *временный статистическій комитетъ*, для обсужденія началъ устройства административной статистики, согласно узаконеніямъ (Свод. зак. изд. 1842 г. Т. I, Учр. мин. ст. 45 и 46). Подъ руководствомъ этого комитета снаряжены были, съ цѣлью точнѣйшаго изслѣдованія губерній, двѣ статистическія экспедиціи, въ губерніи Ярославскую и Нижегородскую, которыхъ труды приготовлены къ изданію въ свѣтъ. Въ началѣ 1853 года, статистическое отдѣленіе совѣта министерства было соединено съ люстраціоннымъ комитетомъ и преобразовано въ *статистическій комитетъ*, который и существовалъ въ этомъ видѣ до начала нынѣшняго года. Комитетъ сей составилъ и разослалъ въ губернскіе статистическіе комитеты, учрежденные, съ 1835 года, во всѣхъ губерніяхъ Имперіи, исключая Закавказскихъ, подробныя формы для собиранія статистическихъ свѣдѣній; но новыхъ статистическихъ трудовъ этимъ комитетомъ издано не было. Въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщалось и помѣщается ежегодно множество разнородныхъ статистическихъ трудовъ по разнымъ предметамъ.

Въ нынѣшнемъ году, Высочайшимъ указомъ 4-го марта, статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ преобразованъ въ *центральный статистическій комитетъ*, состоящій подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и раздѣленный на два отдѣла: *статистическій* и *земскій*. Статистическому отдѣлу вѣнено въ прямую обязанность издавать труды свои въ свѣтъ. Приступивъ къ исполненію этой обязанности, статистическій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета призналъ возможнымъ обработать и приготовить къ изданію въ свѣтъ, въ настоящемъ году, «Статистическія таблицы Россійской Имперіи, за 1856 годъ».

Имѣя въ виду, что главною цѣлью его трудовъ должны быть: собраніе, критическая повѣрка и обработка, согласно съ требованіями администраціи и науки, статистическихъ свѣдѣній, *по осамъ имперіи и по официальнымъ источникамъ*; а съ другой стороны, что губернскіе статистическіе комитеты не во всѣхъ еще губерніяхъ приведены въ надлежащее дѣйствіе и что, хотя по нѣкоторымъ губерніямъ получены отъ сихъ комитетовъ весьма удовлетворительныя работы, но по другимъ онѣ оказались доселѣ весь-

ма недостаточными, а изъ нѣкоторыхъ вовсе не получено затребованныхъ свѣдѣній, — статистическій отдѣлъ ечелъ за лучшее извлечь, на первый разъ, важнѣйшія статистическія данныя изъ таблицъ, приложенныхъ ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ начальниковъ губерній за 1856 годъ, и обработать эти данныя въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ видѣ, въ какомъ это оказалось возможнымъ для всей имперіи. Свѣдѣнія о частяхъ имперіи, не подлежащихъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, доставлены статистическому комитету: о Кавказскомъ намѣстничествѣ — отъ Кавказскаго комитета, а о земляхъ иррегулярныхъ войскъ и о военныхъ поселеніяхъ — отъ бывшаго департамента военныхъ поселеній.

При составленіи «Статистическихъ таблицъ за 1856 годъ», статистическій отдѣлъ принялъ слѣдующія основанія:

Весь этотъ трудъ раздѣленъ на три отдѣленія: 1) *Статистическія таблицы по губерніямъ и областямъ*; 2) *Общія статистическія таблицы по имперіи*, и 3) *Общія статистическія выводы*. Въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ, губерніи и области расположены въ алфавитномъ порядкѣ и распредѣлены на три разряда: *Европейскія губерніи и области*, *Кавказское намѣстничество* и *Сибирскія губерніи и области* (*). Это распредѣленіе принято во вниманіе какъ къ различію, во многихъ отношеніяхъ, административныхъ формъ разныхъ частей Имперіи, такъ и къ существенной разности отношеній народонаселенія къ занимаемому имъ пространству въ Европейской и Азіатской частяхъ Россіи.

Статистическія свѣдѣнія о губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи, по болѣе опредѣлившемуся гражданскому ихъ устройству, по болѣе или менѣе значительной плотности ихъ населенія и, наконецъ, по большей точности числовыхъ данныхъ, могутъ уже быть принимаемы за основаніе для выводовъ и сравненій съ подобными свѣдѣніями о главныхъ Европейскихъ государствахъ. Напротивъ-того, въ Сибири, чрезвычайная рѣдкость населенія, разбѣяннаго на огромныхъ пространствахъ, физическая недоступность крайнихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ ея предѣловъ и, сверхъ-того, неполное устройство гражданскихъ формъ управленія въ южныхъ частяхъ, недавно присоединенныхъ къ Россіи и на-

(*) Губернскія и общія статистическія таблицы, за 1856 годъ, составлены и обработаны: непремѣннымъ членомъ центрального статистическаго комитета, завѣдывающимъ статистическимъ отдѣломъ, А. Тройницкимъ, и редакторами отдѣла А. Артемьевымъ и Е. Огородниковымъ.

селенныхъ племенами кочующими, въ которыя едва только начинаетъ проникать гражданственность, не дозволяютъ еще ожидать отсюда удовлетворительныхъ свѣдѣній по главнымъ вопросамъ администраціи и науки. Равнымъ образомъ, на Кавказѣ невозможно собрать какія-либо свѣдѣнія о племенахъ, еще непокорившихся, или полупокорныхъ, обитающихъ въ горахъ Кавказскихъ, и вообще весьма затруднительно собраніе статистическихъ данныхъ о населенія Закавказья. Свѣдѣнія объ Азиатской части Россіи могутъ быть, по этому, признаваемы только приблизительными, и не даютъ еще надежныхъ основаній для статистическихъ выводовъ и срененій. О владѣніяхъ Россійско-Американской компаніи статистической отдѣлъ ограничился только самыми краткими данными, какія могли быть извлечены изъ отчета компаніи за 1856 годъ.

Для приданія большаго однообразія и стройности таблицамъ, статической отдѣлъ принялъ главными административными единицами гражданскаго раздѣленія имперіи — *губерніи и области*, причисля къ нимъ послѣднимъ и двѣ войсковыя земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ, имѣющія отдѣльное и самостоятельное военно-гражданское управленіе. Всѣ-же другія отдѣльныя управленія, какъ-то: градоначальства, портовые военныя губернаторства, земли казачьихъ войскъ (кромѣ, какъ выше упомянуто, Донскаго и Черноморскаго) и бывшихъ военныхъ поселеній, включены въ таблицы тѣхъ губерній, въ границахъ которыхъ они находятся; но свѣдѣнія о нихъ вездѣ, гдѣ это оказалось возможнымъ, выставлены отдѣльно.

1-ое отдѣленіе составилось, по числу губерній, областей и отдѣльныхъ войсковыхъ земель, изъ 65-ти таблицъ, а именно: 49 для Европейскихъ губерній и областей, 7 для Кавказскаго намѣстничества и 9 для Сибирскихъ губерній и областей. Краткія свѣдѣнія о владѣніяхъ Россійско-Американской компаніи составляютъ особую небольшую таблицу.

Въ соотвѣтственныя губернскія таблицы размѣщены, какъ выше упомянуто, статистическія данныя о находящихся въ предѣлахъ каждой губерніи отдѣльныхъ управленіяхъ, а именно: а) *Градоначальствъ*: бывшее Измаильское, Таганрогское, Керчь-Еникальское, Одесское и Кяхтинское включены въ таблицы: Бессарабской области, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерній и Забайкальской области. б) *Военныя губернаторства*: Кронштадтское, Севастопольское и Николаевское—въ таблицы гу-

берній: С.-Петербургской, Таврической и Херсонской. в) Свѣдѣнія о земляхъ казачьихъ войскъ: Астраханскаго, Новороссійскаго, Азовскаго, Оренбургскаго и Уральскаго, Кавказскаго линейнаго, Забайкальскаго, Иркутскаго и Енисейскаго конныхъ полковъ, Тобольскихъ пѣшого и коннаго баталіоновъ — въ таблицы губерній: Астраханской и Саратовской, Бессарабской (области), Екатеринославской, Оренбургской, Ставропольской, Забайкальской (области), Иркутской, Енисейской и Тобольской. Числовыя данныя о населеніи Башкирскаго и Сибирскаго линейнаго казачьяго войска заключаются нераздѣльно въ таблицахъ общаго населенія Оренбургской, Вятской и пограничныхъ Сибирскихъ губерній: свѣдѣнія о внутренней Киргизской ордѣ и о земляхъ Калмыковъ — въ таблицѣ Астраханской губерніи. г) Свѣдѣнія о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, Киевскомъ, Украинскомъ и Новороссійскомъ, включены въ таблицы губерній: Киевской, Подольской, Харьковской и Херсонской. д) Наконецъ, приблизительныя свѣдѣнія о подвластныхъ земляхъ, сохраняющихъ еще свое особенное устройство, помѣщены: въ таблицахъ Кавказскаго намѣстничества — о шамхальствѣ Тарковскомъ, ханствѣ Мехтулинскомъ, владѣніяхъ Мингреліи, Сванетіи, Абхазіи и приставствахъ Самурзаканскомъ и Цебельдинскомъ, подъ таблицами губерній Дербентской и Кутаисской, а въ таблицахъ Сибири — о земляхъ Киргизовъ Большой и Малой ордѣ, подъ таблицею области Сибирскихъ Киргизовъ.

По совершенному недостатку положительныхъ данныхъ о земляхъ непокорныхъ или полупокорныхъ Горскихъ народовъ на Кавказѣ, въ таблицы не введено никакихъ свѣдѣній ни о пространствахъ, ни о населеніи этихъ земель.

Въ каждой изъ означенныхъ таблицъ представлены слѣдующія свѣдѣнія: а) *Вообще по губерніи*: Пространство, въ десятинахъ и въ квадратныхъ верстахъ (*). Число городскихъ поселеній, а

(*) Пространство губерній и областей означено по показаніямъ, заключающимся въ отчетахъ начальниковъ губерній за 1856 годъ, и основывающимся въ большей части Европейскихъ губерній и областей, на генеральномъ ихъ обмежеваніи, произведенномъ въ разное время, а въ тѣхъ, гдѣ не произведено еще такого обмежеванія, на примѣрныхъ измѣреніяхъ по топографическимъ съемкамъ и по картамъ. Эти показанія, конечно, не могутъ быть признаны точными; но такъ-какъ, съ одной стороны, они служатъ официальными основаніями для соображеній правительственныхъ и для административныхъ распоряженій, а съ другой — для всей имперіи не существуетъ еще данныхъ однообразныхъ и болѣе положительныхъ: то статистическій

именно: городовъ уѣздныхъ или окружныхъ (считая въ томъ числѣ и губернскіе, такъ-какъ они въ то-же время уѣздные или окружные), безуѣздныхъ, заштатныхъ, портовыхъ, военныхъ и проч.; посадовъ и мѣстечекъ. Число сельскихъ поселеній, подъ тѣми самыми, весьма разнородными наименованіями, подъ которыми они показаны въ отчетахъ начальниковъ губерній. Число учащихъся въ учебныхъ заведеніяхъ. Годовая цѣнность фабричнаго и заводскаго производствъ въ губерніи. Число торговыхъ капиталовъ, объявленныхъ по тремъ гилдіямъ. б) *По городамъ, посадкамъ и мѣстечкамъ* (тѣмъ, о которыхъ получены свѣдѣнія), *по уѣздамъ и округамъ* (*), также *по градоначальствамъ, казачьимъ землямъ и военнымъ поселеніямъ*, отдѣльно, въ каждой губерніи — число родившихся и число умершихъ, по мужескому и женскому полу и вообще, а также число браковъ. Эти метрическія данныя сведены

отдѣлъ и принявъ ихъ въ руководство, въ настоящемъ трудѣ, для исчисленія пространства имперіи, до замѣны ихъ другими, болѣе точными. Императорская академія наукъ, по настоянію ученаго статистика П. И. Кеплена, предприняла, въ 1844 году, произвести подробное измѣреніе поверхности всѣхъ губерній и уѣздовъ имперіи по картамъ большаго масштаба, издаваемымъ военно-топографическимъ депо. Трудъ сей, начатый подъ руководствомъ знаменитаго астронома В. Я. Струве, производится нынѣ директоромъ Московской обсерваторіи Б. Э. Швейцеромъ. По довершеніи и обнародованіи этой ученой работы, которой извѣства до-сихъ-поръ нѣкоторая только часть, получится гораздо болѣе вѣрное основаніе къ измѣренію пространства имперіи.

Показанія пространства губерній и областей въ отчетахъ начальниковъ губерній означены вездѣ почти въ десятинахъ. При переводѣ ихъ въ квадратныя версты принято отношеніе: 1 кв. верста = $104_{,1666}$ десят., такъ-какъ $\frac{1}{4}$ десятина заключаетъ въ себѣ 2,400, а 1 кв. верста 250,000 кв. сажень. При переводѣ квадр. версты въ квадр. географ. мили, принято отношеніе: 1 кв. геогр. миля = $48_{,3249}$ кв. верстъ, на томъ основаніи, что 1 геогр. миля содержитъ въ себѣ $24,375_{,21}$ Русскихъ или Англійскихъ футовъ и равняется $6_{,55928}$ Русск. верстамъ (Von Reden, Vergleichende Kultur-Statistik, 1847). Мили употреблены въ таблицахъ исключительно *географическія* или *Нѣмецкія*, которыхъ въ градусѣ экватора содержитсяъ 15.

(*) Въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ *други* именовались прежде почти повсемѣстно *округами*; по указу 31 октября 1856 года, объ устройствѣ приморской области восточной Сибири, она раздѣлена на четыре округа. Но, въ послѣднее время, въ большей части официальныхъ и частныхъ документовъ, употребляется наименованіе округъ, а потому, для однообразія, мы приняли вообще это наименованіе для второстепенныхъ гражданскихъ подраздѣленій Сибирскихъ губерній и областей.

въ итоги: по городамъ, по уѣздамъ и по губерніи вообще. Числовыя свѣдѣнія о посадахъ и мѣстечкахъ, хотя тѣ и другія, особенно первыя, принадлежатъ собственно къ городскимъ поселеніямъ, причислены въ итогахъ къ даннымъ о населеніи уѣздовъ, на томъ основаніи, что эти свѣдѣнія еще весьма неполны (*), и что въ счетѣ уѣднаго населенія заключаются, само собою, данныя о всѣхъ прочихъ, непоименованныхъ въ таблицахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Данныя о населеніи казачьихъ земель и военныхъ поселеній, равнымъ образомъ, включены въ итоги уѣднаго населенія. в) *По городамъ* и поименованнымъ въ таблицахъ *посадамъ и мѣстечкамъ* — число церквей, домовъ и лавокъ и количество городскихъ доходовъ въ 1856 году. г) *По уѣздамъ вообще*, со включеніемъ въ нихъ городовъ, — количество домашняго скота.

Всѣ означенныя статистическія данныя, какъ выше объяснено, относятся къ 1856 году (**). По этой причинѣ, въ таблицу Бессарабской области введены свѣдѣнія о бывшемъ Изманьскомъ градоначальствѣ и части Кагульскаго уѣзда, съ городами Изманломъ, Рени, Киликю и Кагуломъ, входившими, въ 1856 году, въ составъ этой области и отмежеванными отъ оной только въ 1857 году; въ таблицы-же Кавказскаго намѣстничества не введены города: Анапа, Новороссійскъ, Сухумъ-Кале, Редуть-Кале и Поті, разоренные во время послѣдней войны и несуществовавшіе въ 1856 году; а въ восточной Сибири не показаны города: Николаевскъ, Удскъ и Верхояленскъ, которыхъ учрежденіе относится къ 1857 году.

Къ каждой таблицѣ присоединены слѣдующіе *выводы* изъ заключающихся въ ней числовыхъ данныхъ: о плотности населенія въ губерніи; объ отношеніи числа жителей въ городахъ къ числу жителей въ уѣздахъ; о числовомъ отношеніи между мужскимъ и женскимъ поломъ; о естественной прибыли или убыли населенія; объ отношеніяхъ рождаемости, смертности и браковъ; объ отношеніи числа учащихся къ числу жителей; и наконецъ, о пропорціи главныхъ породъ домашняго скота, относительно къ пространству и населенію губерніи.

(*) Изъ числа 48-и посадовъ и 1312-и мѣстечекъ, показанныхъ по отчетамъ начальниковъ губерній, получены статистическія свѣдѣнія только о 23-хъ посадахъ и 5-и мѣстечкахъ.

(**) Исключая свѣдѣнія о бывшей Камчатской области, которыя получены и сообщаются только за 1854 годъ.

II-е отдѣленіе состоитъ изъ шести таблицъ, въ которыхъ сведены всѣ губернскіе и областныя итоги и выведены пропорціональныя отношенія, по всей имперіи, по главнымъ изъ вышеисчисленныхъ предметовъ.

Таблицы сіи расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

А. Пространство губерній и областей, раздѣленіе ихъ на уѣзды и округи и число населенныхъ мѣстностей.—Б. Народонаселеніе.—В. Движеніе народонаселенія, въ двухъ отдѣленіяхъ: а) числовыя данныя и б) выводы.—Г. Народное образованіе; цѣнность фабричнаго производства; торговые капиталы; городскіе доходы. — Д. Скотоводство. — Е. Сравнительный списокъ городовъ, по ихъ населенію, съ означеніемъ городскихъ доходовъ. Вслѣдъ за этимъ спискомъ помѣщенъ, для облегченія въ присканіи статистическихъ свѣдѣній о городахъ, алфавитный списокъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи и поименованныхъ въ таблицахъ посадовъ и мѣстечекъ, съ обозначеніемъ страницъ, на которыхъ напечатаны статистическія о нихъ свѣдѣнія.

III-е отдѣленіе, подъ заглавіемъ: *Общія статистическія выводы*, заключаетъ въ себѣ результаты, выведенныя изъ общихъ таблицъ по имперіи, по главнымъ статистическимъ предметамъ, содержащимся въ таблицахъ, и обработанныя въ такомъ видѣ, чтобы они могли служить подручнымъ пособіемъ какъ для административныхъ соображеній, такъ и для сравненій, по нѣкоторымъ изъ главныхъ статистическихъ вопросовъ, состоянія Россіи съ состояніемъ другихъ Европейскихъ государствъ. По каждому изъ предметовъ, входящихъ въ составъ общихъ таблицъ, изложены общія выводы по всей имперіи и сравнительныя выводы какъ по главнымъ частямъ имперіи, такъ и по губерніямъ и областямъ. Относительно къ Европейской части Россіи, эти выводы представлены по всѣмъ предметамъ, заключающимся въ таблицахъ; относительно-же къ Азіатской Россіи—по тѣмъ только, о которыхъ собранныя свѣдѣнія представили къ тому возможность. Къ изложенію выводовъ присоединены, гдѣ оказалось нужнымъ, поясненія о способахъ сравненій и о большей или меньшей степени достовѣрности полученныхъ результатовъ. Отдѣленіе это не представляетъ полного систематическаго труда, по недостатку для того положительныхъ данныхъ за 1856 годъ о нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ статистическихъ предметовъ, такъ напр., относительно народонаселенія—о раздѣленіи жителей имперіи по вѣроисповѣданіямъ, сосло-

віягъ или занятіямъ, относительно производительныхъ силъ — о земледѣліи вообще, о числѣ и родѣ фабрикъ и заводовъ, и т. под. Оно состоитъ изъ 10-и отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ 1-я, 2-я и 10-я относятся къ пространству имперіи и числу населенныхъ мѣстностей; 3-я и 4-я—къ народонаселенію и къ движенію его въ 1856 году; 5-я—къ народному образованію; остальные-же, 6-я, 7-я 8-я и 9-я—къ народной промышленности и богатству.

Содержаніе этихъ статей слѣдующее:

1) Пространство и гражданское раздѣленіе имперіи, съ сравненіемъ губерній и областей по ихъ величинѣ. 2) Исчисленіе городскихъ и сельскихъ поселеній въ имперіи. 3) Исчисленіе народонаселенія имперіи, съ сравнительными списками губерній и областей по абсолютному числу жителей, по плотности населенія и по числовымъ отношеніямъ городского населенія къ уѣздному и мужескаго пола къ женскому. 4) Свѣдѣнія и выводы о движеніи народонаселенія, въ 1856 году, о пропорціяхъ рождаемости, смертности, браковъ и прибыли народонаселенія, какъ по всей имперіи, такъ и сравнительно по губерніямъ и областямъ. 5) О числѣ училищъ и учащихся и объ отношеніи числа учащихся къ общему числу жителей по имперіи и по губерніямъ. 6) Свѣдѣнія и выводы о цѣнности фабричнаго и заводскаго производства въ Россіи въ 1856 году. 7) Свѣдѣнія и соображенія о числѣ купеческихъ капиталовъ, объявленныхъ по тремъ гильдіямъ. 8) Нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія о городскихъ доходахъ. 9) Свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ породъ домашняго скота въ имперіи и выводы пропорцій главныхъ породъ его: лошадей, рогатаго скота, овецъ и свиней, какъ для всей имперіи, такъ и сравнительно для губерній и областей. 10) Объясненіе и нѣкоторыя соображенія о числѣ всѣхъ городовъ Россійской имперіи за 1856 годъ.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ первый свой трудъ, статистическій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета считаетъ его не богѣе, какъ опытомъ. Онъ ручается только за точность извлеченія всѣхъ собраныхъ имъ данныхъ изъ официальныхъ источниковъ и за тщательность, съ которою произведены были изъ нихъ сравнительные выводы. Что касается до самыхъ источниковъ, т.-е. до числовыхъ данныхъ, заключающихся въ отчетахъ начальниковъ губерній, то какъ по новости и недостаточной еще опредѣлительности у насъ этихъ работъ, такъ и по чрезвычайной обширности имперіи, дан-

ныя эти, безъ сомнѣнія, не представляютъ безусловной точности. При всемъ томъ, эти данныя составляютъ единственное положительное основаніе, какое можетъ нынѣ существовать, для собранія числовыхъ выводовъ о всей имперіи. Для того, кто знакомъ съ трудностью статистическихъ работъ, даже въ государствахъ, опередившихъ насъ своею образованностію, и которыхъ пространство и народонаселеніе далеко не доходятъ до громадныхъ размѣровъ, въ какихъ то и другое представляется въ Россіи, понятно, что въ сгруппированныхъ нами столбцахъ цифръ нельзя искать совершенной вѣрности исчисленій въ единицахъ, десяткахъ и сотняхъ заключающихся въ нихъ чиселъ о пространствѣ и народонаселеніи. Тѣмъ менѣе можно требовать такой вѣрности въ числовыхъ данныхъ о количествѣ разныхъ породъ скота. Исчисленіе головъ домашняго скота по губерніямъ можетъ быть только приближительное и, во всякомъ случаѣ, оно, вѣроятно, менѣе дѣйствительнаго. У насъ не только мелкіе сельскіе хозяева, но и помѣщики, по бѣльшей части, не охотно показываютъ полныя количества содержимыхъ ими лошадей, рогатаго скота, овецъ, и проч., предполагая всегда, при производимыхъ, отъ имени правительства, исчисленіяхъ такого рода, мысль о какихъ-либо новыхъ налогахъ и сборахъ. Это недовѣріе къ статистическимъ исчисленіямъ можетъ уменьшиться и уничтожиться только постепенно, со-временемъ, съ распространеніемъ во всѣхъ сословіяхъ убѣжденія въ пользѣ и необходимости подобныхъ исчисленій; теперь-же не удивительно, что нѣкоторыя породы скота, особенно мелкія, свиньи и козы, показываются въ уѣздахъ и въ цѣлыхъ губерніяхъ не болѣе какъ десятками или сотнями. Въ трудахъ подобнаго рода важны не столько подробности числовыхъ данныхъ по каждой губерніи, сколько пропорціональные и сравнительные выводы, при которыхъ мелкіе недочеты сами собою сглаживаются. Выводы-же эти, по представляемымъ таблицамъ, въ бѣльшей части Европейскихъ губерній, принимая во вниманіе различіе пространства, почвы, климата и условій гражданскаго быта, замѣчательно соотвѣтствуютъ выводамъ по другимъ Европейскимъ государствамъ о сходныхъ предметахъ; такъ на прим. о плотности населенія, о численныхъ отношеніяхъ половъ, о пропорціяхъ рождаемости, и т. п.; а относительно къ скотоводству, они сообразны, во бѣльшей части, съ географическимъ положеніемъ губерній и съ условіями рода жизни и занятій мѣстнаго населенія. Въ Азіатскихъ губер-

ніяхъ, какъ иначе и не можетъ быть, выводы эти гораздо менѣе удовлетворительны. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ найденные нами сравнительные выводы удалялись отъ естественныхъ, или такихъ, которые можно было признать за нормальные, статистическій отдѣлъ требовалъ объясненій отъ мѣстныхъ начальствъ, и по этимъ объясненіямъ исправлены многія ошибки въ таблицахъ; въ немногихъ-же случаяхъ, гдѣ въ отчетахъ начальниковъ губерній не было вовсе и не получено за тѣмъ требуемыхъ числовыхъ данныхъ, онѣ были пополнены изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ, что вездѣ обозначено въ самыхъ таблицахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, и за всѣмъ тѣмъ, въ настоящемъ трудѣ могли остаться и недосмотры и ошибки. Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ отысканію и указанію этихъ недосмотровъ и ошибокъ, какъ мѣстными начальствами, доставляющими статистическія данныя, такъ и вообще свѣдущими лицами, статистическій отдѣлъ считаетъ гласность, придаваемую имъ своему труду, изданіемъ его во всеобщее свѣдѣніе. Онъ приметъ съ признательностью всякую поправку, пополненіе или указаніе, которыя ему будутъ сообщены, непосредственно или въ періодическихъ изданіяхъ, какъ на счетъ формы и обработки составленныхъ имъ таблицъ, такъ и на счетъ самыхъ числовыхъ данныхъ, людьми, практически знакомыми съ средствами и способами собиранія статистическихъ данныхъ, или имѣвшими случай лично изучить положеніе губерній и отдѣльныхъ мѣстностей, и воспользуется всѣми дѣльными замѣчаніями для будущихъ своихъ трудовъ.

Приступая нынѣ-же къ обработкѣ статистическихъ свѣдѣній за 1857 годъ, статистическій отдѣлъ предполагаетъ издавать подобные труды *ежегодно*, по программамъ, которыя постепенно будутъ улучшаемы и, по-возможности, пополняемы, при содѣйствіи какъ совѣщательныхъ членовъ отдѣла отъ разныхъ высшихъ управленій имперіи, такъ и губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которымъ даны въ руководство, для собранія свѣдѣній за 1857 годъ, образцовыя таблицы, возможно упрощенныя и въ количествѣ и въ формѣ требуемыхъ свѣдѣній; эти образцовыя таблицы, равнымъ образомъ, будутъ постепенно пополняемы и исправляемы, по указаніямъ науки и опыта.

Желая сдѣлать свое изданіе доступнымъ и возможно удобнымъ для всеобщаго практическаго употребленія и избѣжать, съ одной стороны, слишкомъ большаго размѣра таблицъ, а съ другой—

необходимости употреблять слишкомъ мелкій шрифтъ, статистическій отдѣлъ избралъ для нихъ форматъ средней величины, въ которомъ являются нынѣшнія таблицы. На будущее время статистическій отдѣлъ имѣеть въ виду прилагать къ своимъ таблицамъ статистическія карты, для нагляднаго сравненія губерній между собою, по главнымъ статистическимъ выводамъ. Нѣсколько такихъ картъ изготовлено и къ таблицамъ 1856 года; но какъ литографированіе и печатаніе этихъ картъ слишкомъ замедлило-бы изданіе самыхъ таблицъ, то статистическій отдѣлъ и не призналъ еще возможнымъ исполнить это предположеніе при настоящемъ, первомъ, изданіи своихъ трудовъ.

Помѣщаемъ здѣсь таблицу о народномъ образованіи и общіе выводы о немъ:

№	ГУБЕРНІИ И ОБЛАСТИ	Народное образованіе.		
		Число учащихся.	Число учащихся.	На 100 жителей обою пола приходится учащихся.
<i>А. Европейскія губерніи и области.</i>				
1	Архангельская.....	59	2,839	1,07
2	Астраханская.....	47	2,564	0,95
3	Бессарабская область.....	219	11,066	1,12
4	Виленская.....	149	4,409	0,52
5	Витебская.....	50	2,747	0,36
6	Владимірская.....	102	5,815	0,46
7	Вологодская.....	97	6,803	0,73
8	Вольнская.....	76	3,558	0,23
9	Воронежская.....	97	10,327	0,56
10	Вятская.....	182	10,030	0,48
11	Гродненская.....	90	3,082	0,37
12	Донскаго войска земля.....	37	2,122	0,24
13	Екатеринославская.....	161	9,652	0,92
14	Казанская.....	118	8,417	0,56
15	Калужская.....	74	6,115	0,60
16	Кіевская.....	142	9,114	0,50
17	Ковенская.....	320	4,848	0,49

№	ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ	Народное образованіе.		
		Число училищъ.	Число учащихся.	На 100 жителей общего пола прихо- дится учащихся.
18	Костромская.....	84	4,649	0,43
19	Курляндская.....	405	14,461	2,72
20	Курская.....	147	6,723	0,41
21	Лифляндская.....	1,062	39,874	4,62
22	Минская.....	60	3,212	0,32
23	Могилевская.....	161	4,309	0,49
24	Московская.....	210	20,865	1,36
25	Нижегородская.....	82	6,147	0,50
26	Новгородская.....	82	5,107	0,62
27	Олонецкая.....	44	1,947	0,68
28	Оренбургская.....	158	8,323	0,43
29	Орловская.....	114	8,157	0,56
30	Пензинская.....	133	6,842	0,60
31	Пермская.....	322	19,171	0,95
32	Подольская.....	143	4,432	0,25
33	Полтавская.....	160	7,866	0,44
34	Псковская.....	60	3,015	0,43
35	Рязанская.....	100	7,527	0,53
36	Самарская.....	292	24,185	1,63
37	С. Петербургская.....	255	23,494	2,17
38	Саратовская.....	185	25,317	1,56
39	Симбирская.....	121	5,553	0,49
40	Смоленская.....	141	7,968	0,74
41	Таврическая.....	169	8,867	1,34
42	Тамбовская.....	107	9,035	0,49
43	Тверская.....	121	8,182	0,56
44	Тульская.....	67	6,058	0,53
45	Харьковская.....	128	7,227	0,48
46	Херсонская.....	168	8,704	0,80
47	Черниговская.....	173	7,709	0,54
48	Эстляндская.....	286	9,578	3,56
49	Ярославская.....	81	4,877	0,52
	Итого..	7,841	432,889	0,75

№	ГУБЕРНИИ И ОБЛАСТИ.	Народное образование.		
		Число учащихся.	Число учащихся.	На 100 жителей обоих пола прихо- дится учащихся.
Б. Кавказское наместничество.				
50	Дербентская.....	2	неизв.	—
51	Кутаисская.....	13	неизв.	—
52	Ставропольская.....	9	530	0,103
53	Тифлисская.....	26	неизв.	—
54	Черноморск. в. земля.....	12	570	0,129
55	Шемахинская.....	7	425	0,103
56	Эриванская.....	5	неизв.	—
	Итого....	74	5,505(*)	0,119
(*) По показанію Кавказскаго календаря за 1857 годъ.				
В. Сибирскія губерніи и области.				
57	Енисейская.....	14	761	0,127
58	Забайкальская область.....	20	769	0,121
59	Иркутская.....	27	761	0,121
60	Камчатская область.....	2	45	0,124
61	Семипалатинская область.....	24	1,022	0,163
62	Сибирская Киргизская область.....	12	220	0,103
63	Тобольская.....	164	4,883	0,147
64	Томская.....	40	2,862	0,141
65	Якутская область.....	9	285	0,113
	Итого....	312	11,608	0,135
	Всего....	8,227	450,002	0,170

Такимъ образомъ число училищъ въ имперіи и учащихся въ нихъ было слѣдующее:

	Училищъ:	Учащихся:	На 100 жителей обоего пола при- ходилось уча- щихся:
Въ Европейскихъ губерніяхъ и областяхъ,	7,841	432,889	0,75.
Въ Кавказскомъ намѣстниче- ствѣ,	74	5,505	0,11.
Въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ,	312	11,608	0,25.
Во всей имперіи . . .	8,227	450,002	0,170.

Среднимъ числомъ, на каждую губернію и область приходилось отъ 126-ти до 127-ми училищъ и по 6,923 учащихся, а на каждое училище—до 55-ти учащихся; на всю-же имперію, въ средней сложности, 0,170 учащихся на 100 жителей обоего пола, или 1 учащійся на 143 жителя. Пропорція эта чрезвычайно слаба. Можно думать однакожь, что она нѣсколько ниже дѣйствительной: хотя въ губернскихъ отчетахъ должны быть показываемы учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, не только вѣдомства министерства народного просвѣщенія, а всѣхъ вѣдомствъ вообще, но по нѣкоторымъ губерніямъ эти свѣдѣнія, очевидно, неполны; по Кавказскому-же краю показаны только по тремъ губерніямъ. Ограничиваемся здѣсь нѣкоторыми соображеніями, по этому предмету, исключительно по Европейской Россіи.

Въ 49-ти Европейскихъ губерніяхъ и областяхъ, на 100 чел. обоего пола общаго населенія приходится 0,75 учащихся, или 1 учащійся на 133 жителя. Большая часть нашихъ учебныхъ заведеній, духовныхъ и свѣтскихъ, учреждены въ городахъ; въ уѣздахъ есть только сельскія школы въ иностранныхъ колоніяхъ и въ поселеніяхъ вѣдомства удѣловъ и государственныхъ имуществъ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о числѣ учащихся въ сельскихъ школахъ, полагаемъ однакожь, что это число не должно превышать четвертой части общаго итога, и что число учащихся въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ довольно вѣроятно можно предположить не менѣе 300 тысячъ. Въ такомъ случаѣ процентъ учащихся, относительно къ городскому населенію, выйдетъ-бы 5,78, или, иначе, 1 учащійся приходился-бы на 17 или 18 городскихъ

жителей обоого пола. Это предположеніе мы считаемъ тѣмъ болѣе близкимъ къ истинѣ, что въ «Статистическихъ обозрѣніяхъ городовъ», изданныхъ бывшимъ статистическимъ отдѣленіемъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, отношеніе учащихся къ неучащимся выведено было, для городского населенія всей имперіи: въ 1840 году—1 къ 31,4, а въ 1847—уже 1 къ 26,2; въ послѣднее-же десятилѣтіе число учебныхъ заведеній и учащихся въ Россіи значительно увеличилось. Присовокупимъ еще замѣчаніе, что въ нашихъ таблицахъ показано только число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о числѣ лицъ, получающихъ домашніе воспитаніе: число сихъ послѣднихъ, по примѣрнымъ соображеніямъ, можно предположить почти такое-же, какъ и учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; съ присовокупленіемъ его, удвоились-бы вообще выведенныя нами пропорціи (*).

Средняя пропорція учащихся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, выведенная выше для Европейской Россіи, значительно измѣняется по губерніямъ; въ 14-ти губерніяхъ она оказывается выше, а въ 35-ти ниже средней сложности. Высшую пропорцію учащихся представляетъ Лифляндская губернія, 4,82‰, или почти 1 учащійся на 22-хъ жителей, а низшую—Волынская, 0,23‰, или 1 учащійся на 435 жителей. Относительно къ пропорціи учащихся, всѣ Европейскія губерніи и области распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) <i>Выше 1‰, или болѣе 1-го учащагося на 100 жителей обоого пола, 10 губерній:</i>	7. Московская..... 1,26.
1. Лифляндская..... 4,82.	8. Таврическая..... 1,24.
2. Эстляндская..... 3,56.	9. Бессарабская область. 1,12.
3. Курляндская..... 2,72.	10. Архангельская..... 1,07.
4. С. Петербургская.... 2,17.	
5. Самарская..... 1,63.	б) <i>Отъ 1‰ до 1/2‰, или 1 учащійся на 100 до 200 жителей, 21 губернія:</i>
6. Саратовская..... 1,56.	11. Пермская..... 0,95.
	12. Астраханская..... 0,95.

(*) По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Австріи считается 1 учащійся на 15 чел. общаго населенія, во Франціи и въ Великобританіи—1 на 11, въ Пруссіи—1 на 6,50, въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ, со включеніемъ и учащихся въ «Воскресныхъ школахъ»,—1 на 6.

13. Екатеринославская... 0,92.	в) Ниже $\frac{1}{2}\%$, или меньше 1-ю
14. Херсонская..... 0,80.	учащагося на 200 жителей,
15. Смоленская..... 0,74.	18 губерній:
16. Вологодская..... 0,78.	32. Тамбовская..... 0,49.
17. Олонецкая..... 0,88.	33. Сибирская..... 0,49.
18. Новгородская..... 0,82.	34. Ковенская..... 0,49.
19. Калужская..... 0,80.	35. Могилевская..... 0,49.
20. Пензенская..... 0,80.	36. Харьковская..... 0,48.
21. Воронежская..... 0,56.	37. Вятская..... 0,48.
22. Казанская..... 0,56.	38. Владимірская..... 0,46.
23. Тверская..... 0,56.	39. Полтавская..... 0,44.
24. Орловская..... 0,56.	40. Оренбургская..... 0,43.
25. Черниговская..... 0,54.	41. Кострамская..... 0,43.
26. Рязанская..... 0,53.	42. Псковская..... 0,43.
27. Тульская..... 0,53.	43. Курская..... 0,41.
28. Виленская..... 0,52.	44. Гродненская..... 0,37.
29. Ярославская..... 0,52.	45. Витебская..... 0,36.
30. Кіевская..... 0,50.	46. Минская..... 0,32.
31. Нижегородская..... 0,50.	47. Подольская..... 0,25.
	48. Донскаго войска земля. 0,24.
	49. Волынская..... 0,23.

Къ первой группѣ, съ самымъ значительнымъ числомъ учащихся, относительно къ губернскому населенію, принадлежатъ: три Остзейскія губерніи, гдѣ народное образованіе укоренилось и распространилось гораздо прежде, чѣмъ въ прочихъ частяхъ Россіи; потомъ губерніи С. Петербургская и Московская, по вліянію значительнаго числа разнородныхъ учебныхъ заведеній въ обѣихъ столицахъ; двѣ Приволжскія и двѣ Новороссійскія губерніи, гдѣ наиболѣе иностранныхъ колонистовъ, между которыми вообще распространена грамотность, и наконецъ Архангельская, вѣроятно, по числовому вліянію на губернскую пропорцію довольно значительнаго числа учащихся въ губернскомъ городѣ, при весьма незначительномъ населеніи всей губерніи.

Гораздо затруднительнѣе отдать себѣ отчетъ въ распредѣленіи относительнаго числа учащихся въ двухъ другихъ разрядахъ. Можно замѣтить только, что во второмъ, или среднемъ, разрядѣ стоятъ большая часть Великороссійскихъ, двѣ остальные Новороссійскія и двѣ западныя губерніи; въ третьемъ, или низшемъ,

остальныя Великороссійскія, Малороссійскія и большая часть западныхъ губерній. Особенно страннымъ кажется, что губерніи, въ которыхъ находятся университеты и лицеи, не занимаютъ, сравнительно, высшихъ степеней. Зависитъ-ли это отъ неопытности свѣдѣній по нѣкоторымъ губерніямъ, или отъ другихъ причинъ, можетъ объяснить со-временемъ только болѣе многосторонняя обработка этого предмета.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРУЮ ТРЕТЬ 1858 ГОДА.

V. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Къ этой области знаній принадлежатъ слѣдующія статьи: *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ* (Журн. мин. вн. дѣлъ, № 5 и 6); *О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи* (ibid. № 5); *Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1857 и 1858 г.* (ibid. № 6, 7 и 8); *Вѣдомость привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ въ С. Петербургъ и въ Москву за мартъ, апрѣль, май и июнь 1858 года* (ibid.); *Цѣны на хлѣбъ и фуражъ по главнѣйшимъ городамъ имперіи съ марта по 1 августа 1858 г.* (ibid.); *Программа для подробнаго описанія имѣнія въ хозяйственномъ отношеніи* (ibid. № 6); *Горшечная промышленность крестьянъ Мышкинскаго уѣзда Ярославской губерніи* (ibid.); *Крестьянская, контрактная, ярманка въ Кіевѣ, въ 1858 г.* (ibid.); *Село Каракулино въ промышленномъ отношеніи* (ibid.); *Очерки Тамбовской губерніи въ статистическомъ отношеніи* (ibid. № 7); *Веревочный промыселъ въ Ярославскомъ уѣздѣ* (ibid.); *Историко-статистическія свѣдѣнія о Луганскомъ заводѣ* (ibid.); *Судоходство по Нльману* (ibid.); *Нѣсколько данныхъ о промышленности Самары и Самарской губерніи* (ibid. № 8); *Коннозаводство въ Тамбовской губерніи* (ibid.); *Статистика Уральскаго рыболовства*, Н. Я. Данилевскаго (Журн. м. г. им. № 5 и 6); *Статистическое описаніе Тверской губерніи*, агронома Подрузскаго (ibid. № 7 и 8); *Финансовое обозрѣніе*, Ф. Г. Тернера (ibid. № 5 и 5); *Очерки современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ*, его-же (Библ. для чт. № 8,

7 и 8); *По вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ* (От. зап. № 5, 7 и 8); *О поземельномъ владѣніи въ Россіи*, Я. А. Соловьева (ibid. № 6, 7 и 8); *Очерки Англійской администраціи*, Д. Саранчова (ibid. № 6 и 8); *Вопросъ о невольничествѣ въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ*, П. Г. С—го (ibid. № 7); *Бытъ крестьянъ въ Даніи*, С. И. Барановскаго (ibid. № 8); *О настоящемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ*, Б. Н. Чичерина (Атеней № 8); *Кяхтинская торговля*, И. К. Бабста (ibid. № 9); *Парламентскіе выборы и Парламентскія реформы въ Англійи*, В. Θ. Корша (ibid.); *Государство и промышленность въ Англійи*, Б. Н. Чичерина (ibid. № 10, 11, 12 и 13); *Черты изъ современнаго экономическаго быта Франціи*, И. К. Бабста (ibid. № 15); *Взглядъ на общественное положеніе земледѣльцевъ въ западной Европѣ*, З. (ibid.); *Русскіе протекціонисты*, И. К. Бабста (ibid. № 16); *Нѣсколько словъ объ улучшеніи быта нашего ремесленнаго класса*, Н. Женнина (ibid.); *Еще о женскомъ трудѣ*, А. М. Пальховскаго (ibid. № 24); *О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи* (ibid. № 25 и Сынъ отеч. № 27 и 28); *Украинскія ярмарки*, И. С. Аксакова (Русск. бес. № 2); *О ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи*, его-же (ibid.); *Свобода женщины*, Н. Н. (Общезан. вѣст. № 9); *Нѣсколько словъ по случаю статьи о свободѣ женщинъ*, В. Попова (ibid. № 12); *Исторія желѣзныхъ дорогъ* (Живопр. Рус. библ. № 17); *О положеніи крестьянскаго сословія* (Сынъ от. № 20); *Объ улучшеніи быта сельскаго населенія въ Австріи*, Карла Фогеля (ibid. № 22 и 29); *О системахъ пользованія землею*, Д. С. Милля (ibid. 30); *Нѣсколько предположеній касательно Русскаго литературнаго фонда*, И. Кушнерева (ibid. № 34); *Крестьянское сословіе въ Польшѣ*, Ю. Рехневскаго (Русск. вѣстн. № 9 и 10); *Пароходъ Кальяри*, М. Н. Капустина (ibid. № 9); *Политическое обозрѣніе* (ibid. № 10—16); *Новыя сочиненія о международномъ правѣ*, М. Н. Капустина (ibid. № 10); *Важная финансовая мѣра* (ibid.); *Нужды и желанія промышленности* (ibid. № 11 и 16); *Вопросъ о способѣ заготовленія продовольствія для войска* (ibid. № 11); *Общинное владѣніе и собственность*, А. И. Бутовскаго (ibid. № 13); *О гласности въ крестьянскомъ вопросѣ* (ibid.); *Крестьянскій вопросъ* (ibid. № 14); *О личномъ и общинномъ владѣніи землею*, Д. Д. Нелова (ibid. № 15); *Экономическая корреспонденція Густава-де-Моллиари* (ibid. № 15); *По поводу отъѣта неизвѣстнаго изъ С. Петербурга на статью: «Старая и новая системы заготовленія про-*

ванта и фуража для армии и флота, В. В. Трубникова (ibid.); *Экономисты-самоучки* (ibid.); *Еще и еще о женскомъ трудѣ*, П. Славинскаго (С. Пб. вѣд. № 148); *Письмо къ С. Т. Аксакову по поводу крестьянскаго вопроса*, В. П. Безобразова (ibid. № 16); *Поземельная собственность и общинное владѣніе*, С. С. Иванова (ibid.); *О смертности дѣтей въ Россіи*, К. Кадинскаго (ibid. № 159); *Обзоръ статей газеты «Le Nord», относящихся въ Россіи, за первую половину 1858 г.*, Е. Карновича (ibid. № 171); *Движеніе народонаселенія въ 1855 году*, К. Кадинскаго (ibid. № 180); *Краткій взглядъ на уничтоженіе крепостнаго состоянія въ нѣкоторыхъ Европейскихъ государствахъ*, Бергштрессера (Русск. инв. № 97 и Вилен. вѣстн. № 37); *О переходномъ состояніи крестьянъ въ Россіи* (ibid. № 101); *Проектъ о желѣзныхъ дорогахъ между городами Варшавою и Тифлисомъ, и между Чернымъ и Каспійскимъ морями* (Сбв. пч. № 117); *Замѣчанія объ учрежденіи акціонернаго общества для сбора питейныхъ государственныхъ доходовъ* (ibid. № 125); *Нѣсколько словъ по поводу отзыва Г. С. Я. о моемъ проектѣ сближенія средней Азіи съ Европою посредствомъ желѣзной дороги*, Любанскаго (ibid. № 131); *Расходы и доходы*, Тарасенко-Отрѣшкова (ibid. № 133); *О Сибирской желѣзной дорогѣ* (ibid. № 135); *Замѣтки на статью г. Кокорева: «Взглядъ Русскаго на Европейскую торговлю»* (ibid.); *Отвѣтъ «Русскому въстанику» по такъ называемому крестьянскому вопросу* (ibid. № 137); *Нѣсколько словъ о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи* (ibid. № 154); *Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи* (ibid. № 77); *Объ отношеніи народонаселенія къ средствамъ существованія* (ibid. № 78 и 79); *Отчего бѣднѣютъ уездные города?* (ibid. № 83 и 89); *Торговля Неграми между Африкой и Америкой* (ibid. № 83 и 84); *Большіе города* (ibid. № 86); *Нѣсколько словъ о желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Нижняго-Новгорода*, инженера главнаго Общества Русскихъ желѣзныхъ дорогъ (ibid. № 99); *Важный практическій вопросъ* (Одесск. вѣстн. № 21); *Объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами на время переходнаго состоянія*, Петрово-Соловово (ibid. № 48); *О развитіи каменноугольной промышленности и желѣзнаго дѣла на югѣ Россіи*, Гурьева (Одеск. вѣстн. № 65); *Объ Маякской желѣзной дорогѣ*, С. Брунсера (ibid. № 74); *Медицина и женщина* (Кавк. № 53 и 54); *Въ защиту женщины* (ibid. № 61); *Еще о женщинахъ* (ibid. № 66); *Значеніе промышленныхъ товариществъ и условія ихъ распространенія*, Н. Х. Бунге

(Журн. для акціон. № 70); *Очерки акціонернаго права*, А. Скачкова (ibid. № 71 и 73); *Сравненіе валоваго дохода Французскихъ и Германскихъ желѣзныхъ дорогъ съ валовымъ доходомъ Николаевской желѣзной дороги* (ibid. № 71); *Французское общество движимаго кредита* (ibid. № 73); *Организація кредита и солидарность* (ibid. № 76); *Объ акціонерныхъ товариществахъ въ губернскихъ городахъ*, Н. Бунге (ibid. № 77); *О колебаніи учетнаго процента на главныхъ рынкахъ въ Европѣ, въ 1857 г.* (ibid.); *О застояхъ торговли во Франціи* (ibid.); *О кредитѣ*, Ю. А. Гагемейстера (ibid. № 81, 82, 84 и 86); *Отчетъ кредитныхъ установленій за 1857 годъ* (ibid. № 85).

— «О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи». — Свѣдѣнія эти, изложенныя въ таблицахъ и съ надлежащими выводами въ текстѣ, составлены центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Текстъ, представляетъ: 1) основанія, принятыя при исчисленіи; 2) общіе выводы о крѣпостномъ населеніи въ Европейской Россіи; 3) выводы о крѣпостномъ сословіи по губерніямъ, въ Европейской Россіи: а) относительно къ числу владѣльцевъ крѣпостныхъ людей, б) относительно къ числу крѣпостныхъ людей, в) по числовому отношенію крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, г) относительно къ крѣпостному проценту. 4) О числѣ крѣпостныхъ въ Азіатской Россіи. 5) Общія сравнительныя выводы по крѣпостному населенію въ Россіи, за послѣднія двадцать лѣтъ. Вотъ общія числовыя данныя для всей Россійской имперіи (за исключеніемъ Сѣверо-Американскихъ владѣній и Киргизскихъ кочевьевъ Оренбургскаго вѣдомства):

	Число владѣльцевъ крѣпостн. людей. Дворянъ безземельныхъ. Помѣщичьихъ.	Число крѣпостныхъ людей муж. пола.	На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ.	Общее число жителей муж. пола.	Крѣпостной проц. центъ.
Въ Европейской Россіи.	5,510 109,457	10,844,902	94, ₂₂	28,613,380	37, ₀₀
Въ Азіатской Россіи.	97 56	1,844	12, ₁₉	2,818,948	0, ₀₈
Всего. . .	5,607 109,513	10,846,764	94, ₂₂	31,432,328	34, ₁₀
115, 120					

Слѣдовательно, относительную числительность крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ и ко всему поселенію Россійской имперіи можно выразить, приблизительно и въ *круглыхъ числахъ*, слѣдующимъ образомъ: на 31,500,000 душъ мужскаго населенія Россіи приходится около 10,850,000 крѣпостныхъ людей мужскаго пола, такъ-что на 1,000 жителей приходится 345 крѣпостныхъ; или иначе, что крѣпостное сословіе составляетъ цѣмного болѣе трети всего народонаселенія. Все крѣпостное сословіе принадлежитъ 115,000 владѣльцевъ, въ числѣ которыхъ 109,500 помѣщиковъ и немного болѣе 5,500 дворянъ безземельныхъ. На cadaго владѣльца, въ средней сложности, приходится по 94 крѣпостныхъ; раздѣливъ-же владѣльцевъ на cadaго изъ первыхъ, придется около 99 душъ, а на cadaго изъ послѣднихъ (во владѣніи которыхъ около 15,600 душъ) менѣе 3 душъ».

— «Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1857 и 1858 гг.» —

	Привезено товаровъ.	Продано.
По Никольской въ г. Ишимѣ, Тобольск. губ. (съ 6 дек. по 1 янв.).....	3,075,890 р.	2,251,490 р.
По Маслянской въ г. Ромнахъ, Полтав. губ.	5,551,257 »	2.110,660 »
По Ирбитской, въ Пермской губерніи.....	41,764,800 »	38,847,100 »
По Сборной, въ г. Симбирскѣ.	1,856,180 »	1,061,092 »
Въ селѣ Благовѣщенскомъ, Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губерніи.....	505,660 »	341,925 »
По Богдавленской, въ станицѣ Михайловской, въ землѣ войска Донскаго.....	706,000 »	438,500 »
По Ростовской, въ Ярослав- ской губ.....	2,149,427 »	(неизвѣстно, насколько)
По Николошартомской, въ с. Пупкахъ, Шуйскаго у. Вла- димірской губ.	414,996 »	136,843 »
По Троицкой, въ г. Лебядяни, Тамбовской губ.....	880,885 »	423,881 »
По Троицкой, въ г. Кореунѣ, Симбирской губ.....	642,037 »	392,806 »

По Никольской, въ г. Таганрогѣ.	540,000 р.	90,000 р.
По Вознесенской, въ г. Ромнахъ, Полтавской г.	5,054,460 »	2,311,805 »
По Троицкой, въ г. Харьковѣ.	2,185,695 »	1,814,975 »
По Крещенской контрактной, въ г. Кіевѣ.	1,927,170 »	436,250 »

— «Финансовое обозрѣніе». — Въ этомъ обозрѣніи авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ вообще и государственныхъ займахъ, приводитъ статистическія данныя о финансахъ главнѣйшихъ государствъ. Изъ этихъ-то данныхъ мы представляемъ здѣсь общіе выводы:

Во Франціи бюджетъ 1857 г. распредѣлился слѣдующимъ образомъ:

Расходы обыкновенные и чрезвычайные	1,698,904,664 фр.
Доходы обыкновенные и чрезвычайные	1,709,874,512 »
Излишекъ доходовъ...	10,969,848 фр.

Итоги эти распадаются слѣдующимъ образомъ:

	Обыкновенные.	Чрезвычайные.
Расходы.....	1,645,340,664	53,564,000
Доходы.....	1,708,745,226	1,129,286
Излишекъ доховъ.....	63,404,562	
Излишекъ расходовъ.....		52,434,714

Отсюда видно, что чрезвычайные расходы составляютъ, приблизительно, одну тридцатую долю обыкновенныхъ; доходы-же чрезвычайные совершенно незначительны. Поэтому, въ бюджетѣ Франціи двадцать девять тридцатыхъ расходовъ, и почти всѣ доходы относятся къ обыкновеннымъ. Общая цифра расходовъ разлагается слѣдующимъ образомъ на отдѣльныя отрасли расходовъ:

1) Государственный долгъ.....	511,225,062 фр.
2) Суммы, идущія на содержаніе императора и законодательныхъ властей.....	39,470,080 »
3) Министерства.....	813,844,134 »
4) Издержки по сбору налоговъ.....	170,562,241 »
5) Возвращенія	110,389,147 »
Итого обыкновенныхъ расходовъ....	1,645,490,664 »
Чрезвычайныхъ....	53,414,000 »
Всего....	1,698,904,664 »

Издержки по государственному долгу составляютъ во Франціи болѣе 31% всего расхода. Министерскія потребности составляютъ почти половину всѣхъ расходовъ, именно 49%. Остальное распредѣляется, главнымъ образомъ, между издержками по сбору налоговъ и возвращеніями.

Въ *Великобританіи* бюджетъ 1857—1858 г. распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Общій итогъ расходовъ простирается на	65,474,000 ф. ст.
Итогъ доходовъ.....	66,365,010 » »
Что составляетъ излишекъ доходовъ.	891,000 » »

Сумма расходовъ разлагается на слѣдующія части:

Проценты государственнаго долга.....	28,550,000 ф. ст.
Издержки консолидированнаго фонда (<i>charges du fonds consolidé</i>).....	1,770,000 » »
Армія.....	11,625,000 » »
Флотъ.....	8,109,000 » »
Пароходныя сообщенія..	965,000 » »
Разныя гражданскія и административныя издержки (<i>services civils</i>).....	7,250,000 » »
Издержки по сбору податей.....	4,215,000 » »
Пенсіи.....	475,000 » »
Персидская экспедиція.....	265,000 » »
Уплата старыхъ издержекъ (<i>payement d'arriérés</i>).	2,250,000 » »

Первое, что бросается въ глаза, при просмотрѣ таблицы, это какое-то странное распредѣленіе категорій расходовъ. Во-1-хъ, мы привыкли видѣть во всѣхъ бюджетахъ распредѣленіе расходовъ по министерствамъ, а тутъ и слѣдовъ нѣтъ такого распредѣленія. Во-2-хъ, мы встрѣчаемъ здѣсь совершенно новыя названія, а не находимъ категорій, къ торымъ, кажется, слѣдовало-бы быть; на примѣръ, тутъ есть статья такого рода, какъ *издержки консолидированнаго фонда, пароходныя сообщенія, Персидская экспедиція*, а нѣтъ, напр., издержекъ на содержаніе судовъ и магистратуры (того, что въ другихъ государствахъ относится въ категорію министерства юстиціи), на народное просвѣщеніе, министерства внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и т. п. Это происходитъ, во-1-хъ, оттого, что образованіе финансовой системы Англій

совершалось постепенно, безъ всякой теоретической системы, безъ всякаго единообразія въ частяхъ, а во-2-хъ, — отъ необыкновеннаго развитія господствующей въ Англіи децентрализованной системы. Тамъ, напр., большая часть издержекъ по юстиціи и народному просвѣщенію относится къ мѣстнымъ коммунальнымъ бюджетамъ, и потому не упоминается въ общемъ государственномъ бюджетѣ. Наконецъ тѣ незначительные расходы, которые по этимъ предметамъ и лежатъ на обязанности государственнаго казначейства, включены въ категорію *services civils*, въ которой заключается тоже большая часть издержекъ, относящихся въ другихъ странахъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и т. п. Не имѣя ни морскаго, ни военнаго министерствъ, всѣ расходы этого рода, которые не подходятъ подъ категоріи арміи и флота, составляютъ по этому особую категорію. Вотъ почему мы встрѣчаемъ такіа статьи, какъ пароходныя сообщенія, Персидская экспедиція и т. п. Ежегодные расходы по государственному долгу составляютъ нѣсколько менѣ одной половины всего государственнаго дохода (точнѣе 43%). Принявъ народонаселеніе Великобританіи круглымъ числомъ въ 27,000,000 жителей, оказывается, что на каждого жителя приходится ежегодной платы на проценты и другіе расходы по государственному долгу болѣе одного фунта стерл., а именно до 27 франковъ.

Въ Австріи государственные доходы необыкновенные увеличились послѣ 1848 г., вслѣдствіе произведенныхъ реформъ и благодаря администраціи министра финансовъ барона Брука. Съ 175,019,072 въ 1848 г., они поднялись на 420,358,883 гульдена въ 1856 г. Въ этой цифрѣ заключается также доходъ, получаемый отъ продажи государственныхъ имуществъ и отъ заключенія долговъ, который не можетъ быть названъ нормальнымъ. Но если и вычестъ эти двѣ статьи изъ итога доходовъ, то мы получимъ для 1848 г. 122 милл. и для 1856 г. 270 милл. Наконецъ, если принять въ соображеніе, что 1848 г. былъ весьма бѣдственный для Австрійскихъ финансовъ, и вмѣсто его сравнивать результаты 1856 г. съ данными 1845 г., когда нормальный доходъ составлялъ 160 милл., то и тутъ оказывается приращеніе 110 милл. или въ 70%. Въ такой-же, или еще большей мѣрѣ, возрасли и расходы, поднявшись съ 173,675,692 гульденовъ въ 1845 г. на 423,832,541 гульд. въ 1856 г. И такъ, за 1856 г. доходы и расходы выражаются слѣдующими цифрами:

Доходы.....	420,356,888	гульд.
Расходы.....	423,832,541	»
Дефицитъ.....	3,473,658	»

Общая цифра доходовъ распадается на обыкновенные доходы:

Подати прямыя.....	92,131,812	гульд.
» косвенныя.....	148,885,459	»
Государственныя промысловыя....	9,431,098	»
Погасительный фондъ.....	10,088,692	»
Разныя.....	7,896,674	»

Чрезвычайные доходы:

Продажа госуд. имущества.....	28,686,524	»
Заключено новыхъ займовъ.....	128,228,624	»

Итого... 420,358,883 »

Бюджетъ расходовъ Австріи раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

Обыкновенныя издержки:

Долговые проценты и погашеніе.....	88,032,650	гульд.
Дворъ.....	6,420,623	»
Кабинетъ, госуд. совѣтъ и проч.....	246,760	»
Военное министерство.....	109,695,558	»
Министерство финансовъ и горное вѣдомство..	28,197,555	»
Министерство юстиціи.....	15,425,421	»
» народнаго просвѣщенія.....	5,276,025	»
» торговли и публичныхъ работъ..	22,336,541	»
Центральныя присутственныя мѣста.....	4,015,403	»

Чрезвычайныя издержки:

Погашеніе долговъ.....	44,208,034	»
Военное министерство.....	14,138,279	»
Производительныя предпріятія (productive An- lagen).....	36,733,351	»
Разныя.....	7,375,213	»

Итого... 423,832,541 »

Государственный долгъ Австріи чрезмѣрно увеличился съ 1845 г.; именно, въ-теченіе 12-лѣтняго періода 1845—1856, онъ увеличился всего на 1,570,794,941 гульд., а такъ-какъ погашено 530,675,400, то за тѣмъ дѣйствительное приращеніе долга соста-

вляеть нѣсколько менѣе 100 милл. гульд. въ годъ. Если сравнивать обыкновенные расходы и доходы, то тутъ въ послѣднее время оказывается постоянный дефицитъ.

Въ 1854 году дохода было	245	а расхода	294	милл. деф.	29	милл.
» 1855 » » »	258	»	301	»	43	»
» 1856 » » »	268	»	321	»	53	»

Въ *Пруссіи* бюджетъ за 1856 годъ уравниваетъ доходы и расходы; какъ тѣ, такъ и другіе составляютъ сумму въ 118,864,011 талеровъ.

Доходы слагаются изъ слѣдующихъ статей:

По министерству финансовъ поступило.....	77,822,056	тал.
По министерству торговли, промышленности и публичныхъ работъ.....	27,127,138	»
По министерству юстиціи.....	8,851,323	» *
» » внутреннихъ дѣлъ.....	751,345	»
» » земледѣлія.....	1,212,619	»
» » народного просвѣщенія, медицинской и духовной части.....	87,020	»
По министерству военному.....	264,560	»
» » иностранныхъ дѣлъ.....	8,530	»
Старыя недоимки.....	2,527,194	»
Гогенцоллернъ.....	206,286	»

Первыя два министерства доставляютъ государству главный доходъ,—до 105 милліоновъ талеровъ, т. е. до 90% всего бюджета. Остальныя министерства доставляютъ только незначительный доходъ, по разнымъ мелкимъ статьямъ; изъ нихъ еще наиболѣе производительно министерство юстиціи, въ которое поступаетъ много сборовъ по исковымъ дѣламъ.

Государственные расходы дѣлятся слѣдующимъ образомъ:

Издержки на сборъ податей по министерству финансовъ.....	11,645,780	талл.
Тѣ-же расходы по министерству торговли, промышленности и публичныхъ работъ.....	23,097,178	»
Государственный долгъ.....	12,944,750	»
Палаты.....	239,769	»

Министерство двора.....	426,575 талл.
» иностранныхъ дѣлъ.....	809,705 »
» финансовъ.....	6,055,197 »
» торговли и публич. работъ.....	5,263,022 »
» истиціи.....	10,767,292 »
» внутреннихъ дѣлъ.....	4,812,252 »
» земледѣлія.....	1,934,256 »
» народнаго просвѣщенія и проч..	3,522,059 »
» военное.....	28,700,672 »
» морское.....	188,966 »
Недоимки.....	2,527,194 »
Гогенцоллернъ.....	188,966 »
Чрезвычайные расходы.....	5,555,853 »
<hr/>	
Итого...	118,864,071 »

Государственный долгъ поглощаетъ до 13 милл. талеровъ, т. е. до 11¹/₀ всего бюджета. Изъ этихъ 13 милліоновъ до 9 милліон. идетъ на покрытіе процентовъ, а около 4 милл. на погашеніе самаго долга.

— «Очерки Англійской администраціи». — До-сихъ-поръ ни на одномъ языкѣ, не исключая даже и Англійскаго, не было ни одного замѣчательнаго и, по-возможности, полнаго сочиненія объ устройствѣ Англійской администраціи и конституціи вмѣстѣ. Собственно о конституціи есть нѣсколько дѣльныхъ сочиненій. Объ отдѣльныхъ отрасляхъ администраціи писали Англичане: сэръ Николе, Франсисъ Пельгревъ и Медоксъ. Но все это не могло дать полнаго и сознательнаго понятія объ Англійской администраціи. Пробѣлъ этотъ пополненъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ огромнымъ трудомъ ученаго Берлинскаго профессора Гнейста. Сочиненіе его, вышедшее въ свѣтъ въ 1857 г., носитъ слѣдующее названіе: «Das heutige englische Verfassungs-und Verwaltungsrecht». Пока вышла первая часть этого труда, составляющая отдѣльное сочиненіе. Въ первой части представлены: исторія конституціи и администраціи со временъ нашествія Норманновъ и до конца XVIII столѣтія, королевскія права, составъ вышней администраціи, церковное, военное и придворное управленія, наконецъ обзоръ администраціи графствъ, мѣстечекъ, городовъ и общій характеръ Англійской бюрократіи въ-сравненіи съ Нѣмецкой. Гнейстъ, при составленіи своего труда, пользовался 25 сочиненіями Англій-

скихъ юристовъ и историковъ. Трудъ этотъ отличается подною самостоятельностью въ отношеніи взгляда и критики; онъ безспорно можетъ быть отнесенъ къ числу гигантскихъ и почтенныхъ сочиненій, которыми добросовѣстность и эрудиція Нѣмецкихъ ученыхъ обогатила Европейскую науку. Настоящая статья есть извлечение изъ труда Гнейста; Русскій авторъ, оставивъ въ сторонѣ церковное, военное, судебное и придворное управленія, ограничился обзоромъ государственнаго совѣта (Privy Council) парламента, но только какъ административной корпораціи, кабинета министра (Cabinet Council), министерствъ и мѣстнаго управленія,

— «О настоящемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ».—Эта статья, подобно всѣмъ другимъ статьямъ г. Чичероне, отличается благороднымъ направленіемъ, знаніемъ дѣла и просвѣщеннымъ патріотизмомъ. Указавъ на настоящее положеніе крестьянъ, какъ язву, которою заражены всѣ сферы Русской жизни, — административная, общественная и частная (и мы совершенно согласны съ авторомъ, что безъ преобразованія крѣпостныхъ отношеній невозможно у насъ никакое улучшеніе), въ этой статьѣ авторъ преимущественно останавливается на необходимости переходнаго состоянія не только для экономическаго быта Россіи, но и для нравственнаго. «Въ юридическомъ отношеніи, говоритъ г. Чичеринъ, переходное состояніе должно служить воспитательнымъ учрежденіемъ для будущей свободы крестьянъ. Тѣ, которые возстаютъ противъ ограниченія помѣщичьихъ правъ, утверждаютъ, что одна только полноправность помѣщика обезпечиваетъ повинненіе крестьянъ—мысль чисто-Азіатская. Мы дѣйствительно этою стороною быта принадлежимъ нѣкоторымъ образомъ къ Азіи; но пора намъ сдѣлаться Европейцами, развить въ себѣ чувство права, приучить себя къ уваженію тѣхъ границъ, которыя постановляются для нашей дѣятельности правами другихъ. Съ этимъ только условіемъ возможна свобода гражданскихъ отношеній; иначе мы должны оставаться при крѣпостной зависимости, при господствѣ произвола. Полновластіе помѣщика, перенесенное въ другую область, порождаетъ полновластіе чиновника; и здѣсь также утверждаютъ, на основаніи Азіатскихъ соображеній, что всякое ограниченіе власти, всякое право, данное подчиненному, уничтожаетъ повинненіе. Полноправность, какъ сумма верховныхъ правъ, принадлежитъ только государству; каждый его органъ, каждый членъ общества дѣйствуетъ въ извѣстныхъ пре-

дѣлахъ, постановленныхъ верховнымъ закономъ. Только строгое соблюдение этихъ предѣловъ обезпечиваетъ и благотѣтельную дѣятельность власти и законное повиновеніе подчиненныхъ. Въ послѣднемъ отношеніи переходное состояніе будетъ благотворно для самого крестьянина. Онъ не будетъ внезапно перенесенъ изъ полной зависимости въ полную свободу; постепенное пріобрѣтеніе правъ научитъ его дорожить каждымъ изъ нихъ; онъ узнаетъ, что такое законъ, который доселѣ скрывался за номѣнщицкей властью; онъ получитъ возможность отстаивать себя самъ, мирною гражданскою дѣятельностью, наконецъ, постепенно избавляясь отъ крѣпостныхъ узъ, онъ пріучитъ себя къ правильному употребленію будущей свободы»

— «Промышленность и государство въ Англіи». — Эта статья также принадлежитъ г. Чичерину; она составлена по сочиненію Леона Фоше «Etude sur l'Angleterre». Авторъ, впрочемъ, дополнилъ нѣкоторыя, теперь уже устарѣвшія, данныя новѣйшими. Статья содержитъ въ себѣ общую характеристику существенныхъ особенностей Англійской промышленности и ея вліянія на государственныя учрежденія въ послѣднюю четверть нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ отношеніи книга Леона Фоше сообщаетъ любопытныя черты, списанныя съ натуры мастерскою кистью, на основаніи личныхъ наблюденій и близкаго знакомства съ предметомъ. Вотъ какъ изображаетъ Русскій авторъ впечатлѣніе, которое на него сдѣлала книга Фоше: «Здѣсь мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ величественныхъ и громадныхъ зрѣлищъ, которыя когда-либо представляла исторія. Никогда могущество мысли и владычество человѣка надъ природой не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ наше время. Въ древности были завоеватели, которые покоряли половину вселенной и отовсюду собирали необъятныя сокровища. Египетскіе, Индійскіе, Вавилонскіе властители заставляли поколѣніемъ трудиться надъ памятниками, которыхъ развалины понынѣ составляютъ предметъ удивленія для странниковъ; желѣзная воля Римскаго народа, подчинившая себѣ почти всѣ извѣстныя тогда страны, скопила въ вѣчномъ городѣ неслыханныя богатства. Роскошь Римскихъ цезарей и вельможъ не уступала самымъ затѣйливымъ замысламъ нашего вѣка. Но эти дивныя храмы, эти чудесныя дворцы, эти вѣковыя дороги, эти паршества, для которыхъ по всѣмъ концамъ міра изыскивались тончайшія яства, эти звѣривцы, въ которые изъ дикихъ пустынь привози-

лись толпы животныхъ,—все это было произведеніемъ рабства и насилія. Чѣмъ могущественнѣе былъ Римъ, чѣмъ великолѣпнѣе палаты, чѣмъ роскошнѣе пиры, тѣмъ громче раздавались стоны безчисленныхъ жертвъ, погибающихъ подъ невыносимымъ бременемъ деспотизма. Поля превращались въ пустыни, трудъ изсякъ, энергія народа подрывалась въ самомъ корнѣ. Нынѣ-же мы опять видимъ роскошь и удобства жизни, доведенныя до величайшей утонченности, все снова покоряется волѣ человѣка: желѣзныя дороги уничтожаютъ пространства; безчисленные пароходы снуютъ по океану; чрезъ далекія края, чрезъ моря и пустыни могутъ люди переговариваться другъ съ другомъ посредствомъ электрическихъ нитей. Но всѣ эти чудеса образованности, дворцы, сады, убранства, эти движимыя паромъ машины, эти дороги, телеграфы, которые древнему человѣку показались-бы произведеніемъ чудодѣйственной силы, все это плодъ мысли и свободы. Ни въ одной, можетъ быть, области могущество мысли не проявляется въ такихъ яркихъ чертахъ, какъ въ развитіи промышленности. Здѣсь невѣжество, рутинна не въ силахъ уже удержать прежнее свое мѣсто; неумолимое соперничество отбрасываетъ ихъ на задній планъ, въ далекія захоластья, ушедшія отъ просвѣщенія. Каждый промышленникъ, который хочетъ устоять на-ряду съ другими, долженъ покориться владычеству разума, слѣдовать правиламъ и путямъ, указаннымъ наукой. Такимъ образомъ онъ облагораживаетъ матеріальную дѣятельность человѣка, сообщаетъ ей высшее значеніе. Древніе не подозрѣвали даже такого переворота; глубочайшіе мыслители Греціи, начертывая изображенія государства, ставили промышленниковъ на низшую ступень гражданскаго бытія. Свободному гражданину прилично было заниматься только государственными дѣлами, искусствомъ, наукою. Теперь промышленная дѣятельность требуетъ отъ человѣческой мысли такой-же силы, такой-же проникательности, какъ и государственная практика или выводы философіи. Изобрѣтатель желѣзной дороги или парохода больше вѣситъ въ судьбѣ народа, нежели величайшій полководецъ или ораторъ. Теперь для того, чтобъ сдѣлать двѣнадцатую часть булавки, нужны высшія соображенія математики и естествознанія. Промышленная дѣятельность заставила науку низоидти съ своей высоты и проникнуть въ самыя ничтожныя мелочи ежедневной жизни».

— «Черты изъ современнаго экономическаго быта Франціи». —

Эта замѣчательная статья составлена по книгѣ Горна: «Das Creditwesen in Frankreich. National-oekonomische Skizze», изданной въ Лейпцигѣ въ 1857 году. Г. Бабстъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, умѣлъ извлечь изъ нея существенное содержаніе или, правильнѣе, написать собственную статью, въ которой ясными чертами изобразилъ современное экономическое положеніе Франціи. Что-же касается до сочиненія Горна, то онъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Въ ноябрѣ и декабрѣ 1856 г. явилось въ Кельнской газетѣ нѣсколько статей о финансовомъ и экономическомъ положеніи Франціи. Онѣ отличались свѣтлымъ и вѣрнымъ взглядомъ на многія стороны общественной жизни Франціи и на закулисныя тайны ея финансовъ. Вообще участіе, съ какимъ были приняты статьи, побудило автора издать ихъ отдѣльной книжкой. Онъ не ограничивается здѣсь однимъ только изложеніемъ механизма кредитныхъ учреждений и промышленныхъ предпріятій. Долгое пребываніе во Франціи дало ему возможность приглядѣться къ ея промышленной и экономической жизни. Съ глубокимъ и вѣрнымъ тактомъ умѣлъ онъ подмѣтить тѣсную связь между современнымъ промышленнымъ направленіемъ Франціи, между формами и условіями кредита и формами современной политической и общественной жизни,—связь, которая одна только можетъ объяснить многія темныя и загадочныя стороны финансовъ и кредитной части во Франціи. Книга Горна состоитъ изъ десяти главъ. Первые три посвящены исторіи и современному положенію Французскаго государственнаго долга, остальные—государственному банку, учетнымъ контролямъ, поземельному кредиту, обществу движимаго кредита, промышленнымъ товариществамъ и биржѣ».

— «Экономическая корреспонденція». — Это не чтò иное, какъ живая хроника важнѣйшихъ современныхъ событій въ экономической жизни Европы и Соединенныхъ Штатахъ, написанная остроумно, бойко и увлекательно. Мы приводимъ для нашихъ читателей небольшой отрывокъ о продажѣ имуществъ благотворительныхъ заведеній. «Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ (эту должность тогда занималъ генералъ Эспинасъ) предписывалось префектамъ пригласить административныя коммисіи богоудныхъ заведеній, каковы: госпитали, богадѣльни и благотворительныя кассы, продать свою поземельную собственность и обратиться въ государственную ренту. Эта недвижимая собствен-

ность приносить 72 мильона ежегоднаго дохода, что составляетъ среднимъ числомъ отъ 2 до 2½ ея стоимости, слѣдовательно доходъ ихъ могъ быть удвоенъ, еслибъ тотъ-же капиталъ, вмѣсто того, чтобы заключаться въ недвижимомъ имуществѣ, помѣщенъ былъ въ государственныхъ рентахъ. Но, съ другой стороны, было ли бы это послѣднее помѣщеніе такъ-же вѣрно? Цѣнность земель постоянно возвышается, между-тѣмъ-какъ цѣнность рентъ подвержена риску банкротствъ, пониженіе рентъ — риску пониженія цѣны на драгоценныя металлы, которое въ послѣднее время, особенно во Франціи, стало весьма значительно, вслѣдствіе того, что серебро въ обращеніи замѣнилось золотомъ de facto, если не de jure. О сравнительной вѣрности этихъ двухъ родовъ помѣщенія мы находимъ весьма любопытныя свѣдѣнія въ отчетѣ главнаго управленія общественнаго призрѣнія, написанномъ Давеномъ. Изъ этого документа видно, между прочимъ, что сто-франковая рента, выданная въ 1720 г., въ настоящее время стоила-бы только 15 фр.; вслѣдствіе банкротствъ, случившихся во время старой монархіи, вслѣдствіе уменьшенія государственнаго долга на одну треть въ VI годъ республики (1797 г.) и пониженія рентъ въ 1852 г. Плата-же за аренду земель, принадлежащихъ благотворительнымъ заведеніямъ, увеличилась, напротивъ, вчетверо въ промежутокъ времени съ 1730 до 1830 г.; а для нѣкоторыхъ земель возвышеніе цѣны за наемъ было еще значительное. Безъ сомнѣнія, теперь уже нечего опасаться правительственныхъ банкротствъ; правительства теперь настолько уже понимаютъ свои собственныя выгоды, что платятъ аккуратно свои долги; они знаютъ, что только такимъ образомъ могутъ сохранить свой кредитъ. Какъ-бы велики, впрочемъ, ни были выгоды, представляемыя въ настоящее время этимъ новымъ помѣщеніемъ, благоразумно-ли было-бы, со стороны попечителей суммъ, назначенныхъ бѣднымъ, ввѣрять такимъ образомъ одному должнику весь капиталъ, порученный ихъ надзору? Общественное мнѣніе не предполагаетъ этого, и при видѣ оппозиціи, которую вызвала предложенная Эспинасомъ мѣра, правительство имѣло разсудительность не настаивать на приведеніи ея въ исполненіе. Есть еще одинъ доводъ, которой можно-бы противопоставить этой мѣрѣ, и который хотя съ виду и походить на парадоксъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ весьма важное значеніе. Доводъ этотъ состоитъ въ томъ, что именно для пользы бѣднаго

класса невыгодно увеличить средства, которыми располагаетъ общественная благотворительность: ибо это увеличеніе средствъ можетъ способствовать къ размноженію язвы пауперизма, и вмѣсто того, чтобъ излечить ее, можетъ только растравить ее».

Сюда должны быть отнесены и слѣдующія статьи по части политической экономіи и статистики, помѣщенныя въ Вѣстникѣ промышленности: *Обозрѣніе промышленности и торговли въ Россіи* (№ 1 и 2); *Промышленность и торговля въ Соединенныхъ Штатахъ*, гр. Адама Гуровскаго (№ 1); *Обозрѣніе торговли и промышленности въ Англій*, Каменскаго (ibid. и № 2); *Замѣтки о ходѣ торговой промышленности въ Московской губерніи въ 1857 г.*, П. Г. (№ 1); *Различіе между наукою и жизнью, между теоріею и практикою въ наукѣ общественнаго благосостоянія* (ibid.); *Состояніе Австрійскихъ финансовъ* (ibid.); *Письмо изъ Сѣверной Америки*, гр. Адама Гуровскаго (ibid. и № 2); *Взглядъ на торговлю и промышленность во Франціи*, И. Горна (№ 2); *Обозрѣніе торговли и промышленности въ Италіи*, Г. Мавнучи (ibid.); *Обозрѣніе Рижской торговли. Внутреннее судоходство Европейской Россіи за 1856 и 1857 годы* (ibid.); *Краткій очеркъ двухъ Волжско-Ладожскихъ водныхъ системъ: Тихвинской и Вышневолоцкой* (ibid.); *Замѣчанія на статью г. Горлова: Протекціонизмъ въ Россіи и свобода труда*, Д. Скуратова (ibid.).

VI. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ «Вѣстникѣ» Императорскаго Русскаго географическаго Общества напечатаны слѣдующія статьи: *Дауро-Монгольская граница Забайкалья*, г. Радде (№ 4); *Путешествіе на вершины р. Гилюя и на р. Зюю, лѣтомъ въ 1856 году*, Усольцова (ibid.); *Арктическая экспедиція, доктора Кона* (ibid.); *Выписка изъ писемъ г. Радде къ академику П. И. Кенпену* (ibid.); *Путешествіе Баярда Тайлора на Нордкапъ* (ibid.); *Письмо генеральнаго консула въ Египтъ къ помощнику предсѣдателя Императорскаго Русскаго географическаго Общества* (ibid.); *Вскрытіе р. Оки въ Касимовскомъ уѣздѣ Пермской губерніи* (ibid.); *Изданія военно-топографическаго депю* (ibid.); *Положеніе о медаляхъ, раздаваемыхъ Императорскимъ географическимъ Обществомъ* № 5); *Донесеніе ревизіонной комис-*

сін за 1857 г. (ibid.); *Письмо главнаго астронома Сибирской экспедиціи г. Шварца* (ibid. и № 7); *Первая поѣздка на Тянь-Тань*, И. И. Семенова (№ 5); *Описаніе большихъ рѣкъ, спадающихъ въ Амуръ*. Ст. II (ibid.); *Путешествіе Барта въ Африку* (ibid. и № 7); *Указатель географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ статей въ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1856 годъ*, Г. Геннади (№ 5); *Коляда въ Ницынской слободѣ Пермской губерніи*, И. Словцова (ibid.); *Цыганы въ Египтъ и передней Азіи* (ibid.); *Письмо*, Н. С. Шуккина (ibid.); *Сообщеніе отъ редакціи «Mittheil. aus I. Perthes geogr. Anst.»* (ibid.); *Донесеніе съ береговъ Амура*, г. Радде (№ 6); *Геонестическое строеніе Печорскаго края*, А. Антипова (ibid.); *Куски дерева и валуны*, соч. д-ра Клемма (ibid.); *Арасанскіе минеральныя ключи въ Семипалатинской области*, Н. Абрамова (ibid.); *Записки Неймана о Японіи* (ibid.); *Основныя начала современной этнографіи* (ibid.); *Дѣйствія Хорассанской экспедиціи* (№ 7); *Боснія въ началъ 1858 г.*, А. Г. Гильфердинга (ibid.); *Отвѣтъ «Экономическому указателю»*, Н. Я. Данилевскаго (ibid.); *Городъ Тюмень*, Н. Абрамова (№ 8); *Нѣсколько словъ о Ветлуго-Заволжскомъ крайѣ*, В. Архангельскаго (ibid.); *Нѣсколько словъ о преподаваніи географіи въ Россіи*, А. Б. Фонъ-Бушова (ibid.); *Описаніе сѣянія Ангары съ Енисеемъ*, К. А. Версилова (ibid.); *О торговлѣ табакомъ въ Проскуровскомъ уездѣ Подольской губерніи* (ibid.); *Императорскій каналъ въ Китаѣ* (ibid.).

— «Замѣтки Нейманна о Японіи» — «Земли, вошедшія въ теченіе вѣковъ въ составъ Японской имперіи, имѣли въ различныя времена различныя названія. У Японцевъ и сродственныхъ съ Китайцами народовъ, онѣ извѣстны подъ именемъ *восьми острововъ*, такъ-какъ это число, по изображеніямъ Фоги, считается священнымъ. Главный изъ нихъ Авасино Сима, или пѣнистый островъ, по преданію, первый появился на поверхности водъ. Повѣствуютъ, что Синму прозвалъ свое царство Акицу Сима, т. е. островомъ стрекозы, потому-что ему казалось, что оно походитъ на это насекомое. Окончательно-же усвоенныя этому восточно-Азіатскому царству названіе Японъ (или Японію), Шиненъ, Нипонъ, Нифонъ, произошелъ отъ различнаго произношенія Китайскихъ знаковъ, и означаютъ восхожденіе солнца. Въ тѣсномъ смыслѣ, лишь самый большой островъ называется Нипонъ, а два слѣдующіе за нимъ называются Кіусіу и Сикоконъ, т. е. девять округовъ и четыре царства. Первый называется также Сайконъ, или западная земля.

Меньшихъ острововъ и скалъ считается нѣсколько сотъ; но изъ нихъ обыкновенно лишь двѣнадцать перечисляются поименно, по причинѣ ихъ величины и важности. Всѣ эти земли и нынѣ, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, раздѣляются по ихъ естественному положенію и государственному управленію, придерживаясь завѣтнаго числа, на восемь округовъ, которые въ свою очередь подраздѣляются на 68 околотковъ; именно: округъ пяти столицъ, такъ названный, потому-что доходы его идутъ на содержаніе императорскаго двора—это имѣніе Дайри; округи восточнаго моря и восточныхъ горъ; округи сѣверной земли, сѣверныхъ горъ и южныхъ горъ, и наконецъ южнаго и западнаго моря. Внѣшнія владѣнія суть: Иссо—населенный многими, еще не усвоившими Китайской гражданственности Айносами; далѣе южные Курильскіе о-ва Кунаширъ, Чикотонъ, Юторонъ, Урупъ и южный Таракаисъ, называемый Японцами Большой Иесо. Корея и Лучу, причисляемые Японскимъ тщеславіемъ также къ имперіи, въ сущности независимыя земли, признающія повидимому надъ собою то Китайское, то Японское владычество. Японія, по малой мѣрѣ, уже около двухъ столѣтій страдаетъ отъ избытка населенія. Пространство ея, составляющее по туземнымъ измѣреніямъ 7,400 квар. геогр. миль, уже во-времена Кемпфера не находилось въ благопріятномъ отношеніи къ населенности. Многочисленные города принадлежатъ къ населеннѣйшимъ въ мѣрѣ; Міяко и Іедо уступаютъ въ этомъ отношеніи развѣ только Пекину и нѣкоторымъ другимъ Китайскимъ городамъ. Гнусные, противоестественные пороки, дѣтоубійство и другіе, тщетно борются противъ прекращенія народонаселенія. Одно лишь, впрочемъ, воспрещенное, выселеніе можетъ этому помочь. Въ этомъ горячемъ восточномъ царствѣ, гдѣ дѣлыя пространства остаются безплодными при всемъ Японскомъ усердіи къ труду и промышленности, живеть, полагать должно, 4,500 человекъ на квадратной мили. Если Американцамъ удастся освободить этотъ несчастный затворническій народъ, то онъ, по примѣру Китайцевъ, хлынетъ на увалъ на югъ и западъ, въ Австралію и Новую Зеландію, въ Калифорнію и Орегонъ. Климатъ здѣсь здоровый, воздухъ живительный, небо, въ-особенности зимою, ясно и безоблачно. Лѣтній зной умѣряется сосѣдствомъ моря, проливовъ, бухтъ и заливовъ. Страна эта пользуется послѣдовательными перемѣнами года, и все напоминаетъ благодатныя умѣренные зоны. Июнь

и июль дождливые мѣсяцы; однакожь дождь менѣе постоянный и не льетъ ручьями, какъ между поворотнымъ кругомъ. Сильныя грозы обыкновенны. Нерѣдко встрѣчается семейство, живущее въ мирѣ и согласіи до четвертаго поколѣнія, засѣлая наконецъ цѣлую небольшую деревню. На пути до Міяко, Кемпферъ посѣтилъ такое селеніе, жители котораго поклонялись общему своему, еще здравствовавшему прадѣду, какъ виновнику ихъ бытія. Жители отличались хорошимъ ростомъ, одеждою, манерами и разговоромъ; въ особенности женщины были вѣжливы и скромны, нисколько не уступая наивоспитаннѣйшимъ Европейкамъ. Почва Японіи не пользуется большими преимуществами, земля каменистая, неровная, тощая, обязанная своимъ плодородіемъ лишь неутомимому труду многочисленнаго населенія. Японія очень богата естественными произведеніями. Со-временемъ, вѣроятно, откроются на островахъ пріиски благородныхъ металловъ, которые не уступятъ сокровищамъ Калифорніи и Австраліи. Золотыя и серебряныя жилы тянутся отъ Іесо до группы острововъ Лучу, черезъ весь восточный архипелагъ къ Индійско-Китайскимъ землямъ. Всѣ первичныя формации юго-восточной Азіи болѣе или менѣе изобилуютъ металлами; но, по недостатку свѣдѣній въ горномъ дѣлѣ, а также изъ глѣни и ложныхъ политическихъ видовъ, рудники очень мало или вовсе не разрабатываются. Въ Іесо находится много рудниковъ благородныхъ и неблагородныхъ металловъ; но жители не умѣютъ ихъ разрабатывать. Опасаясь, что Русскіе придутъ и возьмутъ Іесо, Японцы оставляютъ эти богатства безъ употребленія, скрывая ихъ существованіе. Патеръ Еронимій Анжелскій, первый Европейецъ, посѣтившій Іесо (1618 г.), имѣлъ уже свѣдѣнія объ этихъ сокровищахъ. Чудныя растенія находятся во множествѣ, а также и домашнія животныя; отъ увеличивающагося населенія дичь постепенно выводится, а нѣкоторыя породы уже вовсе исчезли. Туовыя деревья доставляютъ множество листьевъ для шелковыхъ червей; однакожь шелковыя ткани вообще грубы и дурно выдѣланы; самыя тонкія матеріи ткуть сосланные князья и опальные царедворцы въ Фатсисіо. Фатсисіо Сима есть островъ высотою въ 80 локтей, лежащій къ югу отъ Нипона, въ 32 Нѣмецкихъ миляхъ разстоянія отъ него. Это вулканическая масса, окруженная острыми подводными камнями, безъ удобнаго мѣста для якорной стоянки. Суда, привозящія пищу арестантамъ, подни-

маются и спускаются посредствомъ механическаго снаряда. Кора вѣтвистаго папируснаго дерева служитъ не только для приготовленія бумаги, но даетъ также матеріалъ для фитилей и веревокъ, для матерій и платевъ. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ такого превосходнаго лаковаго дерева, какъ въ Японіи, преимущественно въ землѣ Ямато, гдѣ Даири имѣетъ пребываніе съ своимъ дворомъ. Дерево это даетъ млековидный сокъ, которымъ покрываются домашнія орудія, столовая посуда, столы и блюда, начиная отъ дома простолюдина до императорскаго дворца въ Міяко и Іедо. Самыя полезнѣйшія произведенія здѣсь, какъ въ Китаѣ, чайное и хлопчатобумажныя деревья; первое доставляетъ насущное питье, а второе—обычную одежду. Оба растенія на плодоносной почвѣ мало требуютъ мѣста; ихъ воздѣлываютъ по краямъ пашенъ и по другимъ негоднымъ мѣстамъ; ими пользуются для заборовъ и изгородей. Земля, воздѣланная до высочайшихъ горъ, представляетъ въ лучшія времена года истинно-восхитительное зрѣлище.

— «Основные начала современной этнографіи и важность для нея лингвистическихъ изслѣдованій».—Этнографія, какъ самостоятельная наука, получила начало лишь со времени Blumenбаха, и слѣд. не считаетъ еще и столѣтія существованія. Первоначально она имѣла предомъ раздѣленія людей по племенному различію, и первый опытъ научной классификаціи нашего рода принадлежитъ названному ученому, который основалъ ее на различія формъ черепа, цвѣта кожи и другихъ тѣлесныхъ особенностей. Blumenбахъ, какъ извѣстно, предполагалъ пять человѣческихъ племенъ, признавая впрочемъ, что между ними не могутъ быть проведены рѣзкія границы. Послѣ него, Кювье первый подвинулъ этнографію, указавъ ей два новые пути, которые, конечно, никогда уже не будутъ ею оставлены; онъ разложилъ каждое племя на подраздѣленія, названныя имъ народными племенами (Völkerstämme) и сверхъ-того высказалъ мысль, что въ этнографическихъ раздѣленіяхъ слѣдуетъ брать во вниманіе не только тѣлесное различіе народовъ, но и нарѣчіе и ихъ взаимную сродственность, равнокакъ интеллектуальный и нравственный характеръ отдѣльныхъ народностей. Великій Французскій естествоиспытатель оказалъ этимъ двѣ незабвенныя услуги этнографіи: во-первыхъ, онъ вывелъ ее изъ заблужденія, въ которое она впала, начавъ разрѣшеніе своей задачи изслѣдованіемъ человѣческихъ племенъ, и ука-

залъ на то, что и здѣсь изученіе частныхъ должно предшествовать изученію цѣлаго, т. е., что въ этнографіи необходимо предварительно изучить народныя племена или меньшія подраздѣленія человѣческаго рода, и затѣмъ уже приступить къ опредѣленію цѣлыхъ расъ, или главныхъ группъ. Во-вторыхъ, онъ выразилъ плодотворную мысль, что такъ-какъ существо челоуѣка лишь наполовину тѣлесное (матеріальное), то и научное познаніе его возможно только при совмѣстномъ изученіи его умственной и нравственной природы. Удивительно, что нѣкоторые естествоиспытатели донинѣ еще упорствуютъ, если и не противъ самой мысли о значеніи въ наукѣ внутренней (духовной) природы челоуѣка, то по-крайней-мѣрѣ противъ полнаго ея примѣненія. Въ этомъ-то непониманіи настоящей природы челоуѣка и кроется главная причина, почему задерживалось до-сихъ-поръ развитіе этнографіи, и почему именно не опредѣлены съ болѣею точностію существующія въ нашемъ родѣ племенные различія и видоизмѣненія. Наслѣдственные физическія отличія существуютъ безспорно; но они подвергаются измѣненіямъ, отъ дѣйствія климата, культуры и другихъ вліяній усваиваютъ тѣлесныя отличія еще болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ между Негромъ и Европейцемъ. Не должно ли подобное еще легче случиться съ челоуѣкомъ, обладающимъ не только способностью приспособляться ко всякимъ климатамъ, но на пути культуры несравненно болѣе животнаго удалившимся отъ природы? Новѣйшія изысканія и путешествія предлагаютъ тому занимательныя примѣры и доказательства. Языки составляютъ столь рѣзко-характеризующую черту отдѣльныхъ народностей, что сравнительному изученію ихъ удалось то, что было недоступно изслѣдованію одной физической этнографіи. Филологамъ впервые удалось опредѣлить не только цѣлое народное племя, но и его отдѣльныя части, или такъ-называемыя отрасли; мы разумѣемъ Индо-Германское племя, важнѣйшее изъ всѣхъ и включающее въ себѣ большую часть Европейцевъ. Свѣточъ языкознанія разъяснитъ навѣрно и другіе еще неразгаданные вопросы этнографіи. Языкъ народа есть частію выраженіе особенностей интеллектуальнаго характера, частію-же и наслѣдіе, если можно такъ выразиться, родовой гербъ, завѣщанный народу его коренымъ племенемъ».

Въ прочіихъ періодическихъ изданіяхъ къ географіи и этно-

графіи Россіи относятся слѣдующія статьи: *Губернскій городъ Иогилевъ* (Журн. м. вн. д. № 5); *Каинскіе инородцы* (ibid.); *Кузнецкіе инородцы* (ibid.); *Верхоленскъ, окружной городъ Иркутской губерніи* (ibid. № 6); *Камышинскій уездъ* (ibid.); *Городъ Очаковъ въ Одесскомъ уездѣ* (ibid. № 7); *Городъ Уржумъ* (ibid. № 8); *Ильстечко Череволочна* (ibid.); *Пользка на пепелища Запорожскихъ степей*. Изъ путевыхъ записокъ о Крымѣ и его окрестностей. Г. И. Спасскаго (От. зап. № 5); *Лужницкій проходъ*, Н. В. Старкова (Русск. бес. № 2); *Обитатели Россійской Америки* (Общез. вѣст. № 13); *Финляндія и Финляндцы* (Живоп. сборн. № 3); *Описание Императорской С. Петербургской публичной бібліотеки* (Живоп. библи. № 11 и 12); *Сарепта* (ibid. № 16); *Бѣлое море и его прибрежья*, С. Максимова (Мор. сборн. № 5—8); *Дополненіе къ статьѣ; Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а левый низменъ*, академика Бэра (ibid. № 5); *Отъ Ирбита до Нижняю*. Дорожныя замѣтки Гологольскаго (С. Пб. вѣд. № 181 и 187); *Письма съ рѣки Амура*, Д. Р. (Русск. вѣст. № 16); *О проектахъ сообщеній съ среднею Азією* (Русск. инв. № 170); *О Джарцахъ и Лезинскихъ племенахъ на Кавказѣ* (Сѣв. пч. № 122, 123 и 124); *О публичныхъ бібліотекахъ въ Русскихъ городахъ*, Г. Н. Геннади (Моск. вѣд. № 68); *Зарайскъ*, С. Бочарникова (ibid. № 72); *Рязанскія письма*, Д. И. (ibid. № 74, 76); *Нѣсколько словъ по поводу статьи г. С. Бочарникова о Зарайскѣ*, К. И. Калугина (ibid. № 80); *Письма изъ Казани*, Н. П. (ibid. № 88); *Дорожныя замѣтки на разныхъ путяхъ южной Россіи*, Н. Воронова (Од. вѣстн. № 55 и 57, 66); *Права и обычаи Аккерманскихъ Болмаръ*, І. Енакіевича (ibid. № 65); *Нѣсколько мыслей о новомъ портовомъ городѣ Черноморья*, Н. Воронова (ibid. № 69); *Хортицкія менонистскія колоніи*, Н. Нельговскаго (ibid. № 76, 80 и 81); *О Таганрогскихъ мѣщанахъ* (ibid. № 89 и 90); *Очерки деревенскихъ правовъ въ Грузіи* (Кавк. № 55, 56).

Къ географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ статьи: *Миланъ.—Верона*, М. В. Авдѣева (Библи. для чт. № 5); *Новѣйшія открытія въ Африкѣ доктора Левингтона*, М. М. Михайлова (ibid. № 6); *Картины Италіи*, Павла Ковалевскаго (От. зап. № 6); *Путешествіе Левингтона по Африкѣ* (ibid. и № 8 и Моск. вѣд. № 63); *Путешествіа и открытія доктора Барта въ Африкѣ*, М.—ра (Атеней № 22—24); *Гаремы въ Иеруса-*

лишь и брачныя отношенія мусульманъ, Л. А. Франкля (ibid. № 27); *Боснія*. Путевыя замѣтки А. Ф. Гильфердинга (Русск. бес. № 2); *Методисты въ Соединенныхъ Штатахъ* (Общезан. вѣст. № 11); *Аргентинскій союзъ и Буэнос-Айресъ* (ibid.); *Докторъ Кэнъ (Кане) и его второе путешествіе къ сѣверному полюсу*, Ф. Штегера (ibid. № 12); *О состояніи образованности въ современной Индіи* (ibid.); *Молдаване и Валахи* (Русск. живоп. библ. № 18); *О сѣверномъ полярномъ морѣ* (Сынъ от. № 20); *Изъ Германіи*, Б. И. Утна (Русск. вѣст. № 9); *Центры населенія по Черному морю* (ibid.); *Восхожденіе на Везувій*, В. Классовскаго (Сѣв. пч. № 115); *Пребываніе у Мормоновъ* (ibid. № 127); *Англія и жизнь въ Англіи* (Моск. вѣд. № 58, 61, 62, 63, 64 и 68); *Область Тунисская* (ibid. № 69); *Физическая географія моря* (ibid. № 73 и 76); *Евреи въ Китаѣ* (ibid. № 80); *Сулинское шрло*, Михайла Волкова (Од. вѣст. № 58); *Обычан Молдаванъ при бракахъ*, Булатовича (ibid. № 64); *Суэцкій каналъ*, Михайла Волкова (ibid. № 92); *Заграничныя письма*, И. Миницкаго (ibid. № 93); *О Прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи* (Кавк. № 29—31); *Современное состояніе Герцеговины* (ibid. № 34); *Джедда и Турецкія владѣнія въ Аравіи* (ibid. № 60).

Сюда-же принадлежатъ слѣдующія двѣ замѣчательныя критическія статьи А. И. Кронеберга: *Географическіе учебники* (Атеней № 11) и *Магазинъ земледѣлнія и путешествій* (ibid. № 23).

VII. ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (кн. 2) помѣщены слѣдующія статьи: *Лѣтопись и описаніе города Кіева*, Н. В. Закревскаго; *Допросы Пугачеву*; *Письмо императрицы Екатерины II къ графу П. И. Панину*; *Роспись Кіеву 1682 года*; *Розыскъ о богохульныхъ строкахъ и о сомнѣніи святыхъ честныхъ иконъ, Діака Ивана Михайлова сына Висковатова*. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго; *Дипломатическое донесеніе Польскому королю Сигизмунду III, Льва Сапегн*. Перев. съ Латинскаго; *Описаніе Новгородскаго первокласснаго Юрьева монастыря*, архимандр. Ма-

карія; *Правая грамота Троицкому Сергіеву монастырю*, съ предисловіемъ С. Смирнова; *Записка объ Артеміи Вольнскомъ*; *Государыня императрица Екатерина II въ сенатъ по дѣлу Иркутскаго слѣдователя Крылова*; *О взяткахъ судей*; *Объ указныхъ процентахъ*; *Приказъ 2-й арміи, графа Витгенштейна*; *Мѣткіе вице-адмирала Шишкова о представленномъ въ комитетъ господъ министровъ проектъ и уставъ Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія*; *Мысли по случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ Россіи 1803 г.*, М. В. Храповицкаго; *Письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому, о сочиненіяхъ Карамзина*; *Протоколъ засѣданія Общества 28 декабря 1857 г.*

— «Лѣтопись и описаніе города Кіева». — Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Кіевъ не можетъ состязаться въ древности съ Аѳинами, ни въ огромности съ Пекиномъ; въ немъ антикварій не найдетъ развалинъ Пальмиры, и путешественникъ не увидитъ пирамидъ Египта, изумляющихъ своею огромностію. Онъ не былъ повелителемъ свѣта, какъ Римъ; не былъ законодателемъ вѣтренной моды, какъ Парижъ; но, не смотря на все это, Кіевъ есть священное достояніе Русскихъ. Это есть мѣсто, откуда христіанская религія распростерла лучи свои по всему набокслопу Русскому. Это есть колыбель просвѣщенія для потомковъ Славянъ, служившая и вторыми Аѳинами для насъ. Кіевъ, знаменитый величіемъ и несчастіемъ, есть краса въ исторіи нашего отечества, есть лучшей брилліантъ въ вѣнцѣ нашихъ государей. Съ подобными мыслями, въ теченіе многихъ лѣтъ, составлялъ я *Лѣтопись и описаніе города Кіева* — моей любезной родины. Въ 1836 г. напечаталъ я небольшое сочиненіе: *Очеркъ исторіи города Кіева*; тогда обстоятельства не позволили мнѣ издать это сочиненіе въ большемъ объемѣ. Можетъ быть, и теперь нѣкоторые упрекнутъ меня за краткость, или за способъ изложенія первой части сего сочиненія, т. е. лѣтописи. Но вотъ и мои доводы: я не занимался описаніемъ рода постройки и наружности древнихъ зданій и памятниковъ, которыхъ, впрочемъ (выключая писменъ и саркофаговъ десятинной церкви, Софійской мозаики, надгробія Ярослава I), въ Кіевѣ вовсе нѣтъ, или почти нѣтъ; не занимался обычаями, одеждою нашихъ предковъ, древними деньгами и проч., потому что все это есть дѣло археолога. Обращая вниманіе на историческія мѣста, я упоминалъ только о происше-

ствіяхъ, но не описывалъ ихъ: ибо это обязанность историка прагматическаго. Указывая на грамоты и бывшія права Кіевлянъ, я не распространялся вообще о правѣ, наприм. Магдебургскомъ; не рязывалъ его началъ, происхожденія, слѣдствія и т. п.; это есть принадлежности правовѣда. Я оставался вѣрнымъ своей цѣли, т. е. имѣлъ въ виду судьбу города, а не судьбу людей. И такъ въ лѣтописи представилъ я собраніе главнѣйшихъ событій, въ порядкѣ лѣтъ расположенныхъ, и показалъ общій очеркъ судьбы города, а нѣкоторыя подробности отнесъ къ частному описанію Кіева или ко второй части сего сочиненія. Чувствую, что въ этой книгѣ ученый найдетъ довольно недостатковъ. Но любовь къ истинѣ была главнымъ путеводителемъ. Прошедшее описывалъ по *крайнему разумію*, а настоящее такъ, какъ видѣлъ и понималъ».

— «Записка объ Артеміи Волинскомъ». — Эта записка состоитъ изъ десяти отдѣловъ: въ 1-мъ говорится о происхожденіи, свойствахъ, службѣ и связяхъ Волинскаго; во 2-мъ излагаются обстоятельства, приготовившія его паденіе; въ 3-мъ находится жалоба на Волинскаго герцога Бирона и послѣдствія оной; 4-я содержитъ въ себѣ слѣдствіе и судъ надъ Волинскимъ; въ 5-мъ говорится о продолженіи слѣдствія въ тайной канцеляріи: въ 6-я о судѣ; 7-я содержитъ въ себѣ манифестъ о казни Вылинскаго съ сообщниками; 8-я изображаетъ послѣдніе дни жизни Волинскаго и казнь его; 9-я судьбу семейства Волинскаго и прикосновенныхъ къ нему лицъ; и 10-я содержитъ свѣдѣнія о состояніи Волинскаго и товарищей его бѣдствія. Такъ-какъ обстоятельства, приготовившія паденіе Волинскаго, малозвѣстны, то мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь, для нашихъ читателей, нѣкоторыя весьма интересные объ этомъ факты. «Въ 1739 году бывшіе подчиненные Волинскаго, шталмейстеръ Кишкель съ сыномъ и унтеръ-шталмейстеръ Людвигъ, пощряемые врагами его, подали на него императрицѣ жалобу на неправильное отрѣшеніе ихъ отъ должности, обвиняя его самого въ безпорядкахъ по управленію конюшенными заводами. Императрица пожелала имѣть объясненіе отъ Волинскаго, который, въ представленномъ ей письмѣ, означилъ причины ихъ отрѣшенія, опровергалъ ихъ доносы, просилъ строжайшаго изслѣдованія и защиты отъ недоброжелателей, описывалъ свои заслуги, бѣдность (такъ, что можетъ себя назвать даже нищимъ), долги и печаль, отъ которой желалъ-бы лучше умереть, тогда-какъ нѣкоторые

безсовѣстные льстецы и туеядцы лучше его живутъ и больше довольства имѣютъ; наконецъ поручалъ себя и бѣдную свою жизнь милосердію государыни. Досада на враговъ его повела его далѣе: къ письму своему присовокупилъ онъ еще примѣчанія, какія потворства и вымыслы бывають при монаршескихъ дворахъ и въ чемъ вся такая закрытая безсовѣстная политика состоитъ. Въ сихъ примѣчаніяхъ, не именуя никого, онъ говорилъ вообще, что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ престолу стараются помрачить добрыя дѣла людей честныхъ и приводить государей въ сомнѣніе, чтобы никому не вѣрили; бездѣлицы изображаютъ въ видѣ важнымъ, и ничего прямо не изъясняютъ, но все закрытыми и темными терминами, съ печальными и ужасными минами, дабы государя привести въ безпокойство, выказать лишь свою вѣрность и заставить только ихъ однихъ употреблять во всѣхъ дѣлахъ, отъ чего прочіе сколько-бы ни были ревностны, теряють бодрость духа и почитаютъ за лучшее молчать тамъ, гдѣ-бы должны оградить цѣлость государственнаго интереса. Ежели, прибавилъ Волынской въ заключеніе, я, или другой кто, будетъ такими діавольскими каналами себя производить, можетъ ваше величество меня, или того, безъ сомнѣнія, за совершеннаго плута, а не за вѣрнаго къ вамъ раба, почитать». Къ представленію сей бумаги императрицѣ, какъ онъ самъ увѣряетъ, примѣръ князя А. М. Черкаскаго, который, по восшествіи ея величества на престолъ, видя, что князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ представлялъ ей все скрытно, рѣшился донести, чтобы не изволила всему вѣрить. Впрочемъ, Волынской, не подавая еще сего письма, желалъ знать объ ономъ мнѣніи нѣкоторыхъ лицъ, на чистосердечіе и благоразуміе которыхъ полагался, давалъ его для прочтенія князю Черкасскому (онъ тогда еще былъ съ нимъ въ дружбѣ). Черкасскій возвратилъ его съ замѣчаніемъ: «Остро очень писано; ежели попадется въ руки Остермана, то онъ тотчасъ узнаетъ, что противъ него». Послѣ того Волынской выключилъ изъ письма нѣсколько жесткихъ выраженій, показывалъ его тайному секретарю кабинета Эйхлеру, генералу Шенбергу, барону Менгдену, лекарю Лестоку; не таилъ отъ нихъ, на кого сія бумага писана, и почти всѣ они говорили: «это самой портретъ графа Остермана». Никто изъ нихъ не отсовѣтывалъ давать ее; Шенбергъ и Эйхлеръ даже поощряли къ тому. Отсовѣтывали только находившійся при Волынскомъ секретарь Гладковъ и служитель

Кубанецъ, Василій Васильевъ. Наконецъ, велѣвъ перевести сіе письмо на Нѣмецкій языкъ адъютанту академіи Ададурову, Волинскій показывалъ и герцогу Курляндскому, и герцогъ не препятствовалъ представленію его; но, какъ видно, недовольный общими выраженіями на-счетъ приближенныхъ ко двору людей, въ числѣ коихъ можно было полагать и его самого, успѣлъ, между тѣмъ, предупредить о томъ императрицу. Все сіе происходило въ 1739 году, лѣтомъ, когда дворъ находился, по обыкновенію, въ Петергофѣ. Вниманіе онаго въ сіе время было обращено на послѣднюю Турецкую кампанію и на важныя неудовольствія Шведовъ за маіора Цинклера, убитаго въ Силезіи, на пути изъ Константинополя въ Стокгольмъ, по распоряженію, какъ увѣряли, фельд-маршала Минниха. Отъ того, можетъ быть, и поданныя Волинскимъ бумаги не могли въ то время имѣть важныхъ послѣдствій. Волинскій просилъ императрицу не отдавать ихъ никому, кромѣ князя Черкаскаго, а императрица требовала, чтобы онъ по совѣсти объявилъ, кого именно въ оныхъ описывалъ. «Куракина и Николая Головина» — отвѣчалъ Волинскій, — «а паче всего Остермана, только о томъ говорить не смѣю». Ея величество изволила сказать, что онъ ей это подаетъ, какъ будто молодыхъ лѣтъ государю, и тѣмъ уже дала ему замѣтить свое неудовольствіе. Спустя нѣсколь-ко дней, Черкасскій пересказалъ Волинскому слышанныя имъ отъ государыни слова: «Знатно, взялъ онъ то изъ книги Макіавелевой». Впрочемъ, казалось, что тѣмъ дѣло и кончилось. Императрица была къ нему довольно милостива; но баронъ, слѣдуя внушеніямъ Остермана, и, сверхъ-того, подозрѣвая Волинскаго въ желаніи утвердить свою власть чрезъ принцессу Анну, и негодуя на него за Шенберга по какому-то дѣлу, былъ уже и самъ тайнымъ его недоброхотомъ. Волинскій находился съ тѣхъ поръ въ затруднительномъ положеніи, увидѣлъ перемѣну въ обращеніи императрицы, слышалъ раздаваемыя вѣсти, что ему не долго быть кабинетнымъ министромъ, и дома, въ присутствіи друзей и служителя своего Кубанца, неоднократно горько жаловался на судьбу свою; уже написалъ-было новое доношеніе императрицѣ, но изодралъ оно; и, впрочемъ, не унывалъ: преслѣдовалъ людей, кои могли-бы въ рукахъ его враговъ быть орудіемъ его гибели. Такъ, напр., вытѣснилъ секретаря Яковлева изъ кабинета и старался, чтобы его сослали въ Выборгъ; заботился объ окончаніи проектовъ испра-

вленія государственныхъ дѣлъ (которыя сочинялъ, съ вѣдома императрицы, и которыми желалъ доказать, сколь онъ необходимъ для службы ея величества). Въ сей своей работѣ приглашалъ для совѣтовъ себя надежнѣйшихъ людей изъ своихъ приверженцевъ; вообще велъ себя столь тщеславно, какъ и прежде, особенно любилъ хвастать древнимъ происхожденіемъ своей фамиліи, которой родоначальникъ, Волынецъ, участвовавшій въ битвѣ Куликовской, былъ женатъ на сестрѣ Дмитрія Іоанновича Донскаго. Въ память сего Волинскій досталъ съ Куликовскаго поля найденную тамъ древнюю саблю и, по примѣру видѣнной имъ у покойнаго фельд-маршала Шереметьева, родословной картины, велѣлъ нарисовать древо своей фамиліи съ изображеніемъ Воынца и его супруги, княжны Московской; надъ ними имѣлъ неосторожность изобразить сначала императорскій гербъ, потомъ Московскій. Недоброжелатели его втайнѣ наблюдали всѣ его дѣйствія. Одинъ изъ прѣзжавшихъ къ нему для разсужденій о проектѣ, пріятель и свойственникъ его, Хрущовъ, говорилъ: «Слышно, что присматриваютъ и надзираютъ насъ, что по ночамъ къ тебѣ съѣзжаемся».—«Нѣтъ начего» отвѣчалъ Волинскій, «что я дѣлаю, о томъ государынѣ извѣстно, и вы не опасайтесь». Волинскій все еще пользовался довѣренностію и милостію императрицы. Зимю, при заключеніи мира съ Турками, въ числѣ прочихъ награжденныхъ вельможъ, и онъ не былъ забытъ: получилъ 20,000 рублей, чѣмъ и уплатилъ многіе свои долги. Государыня, желая на масляной недѣлѣ потѣшить публику шутовскою сватьбою князя Голицына въ ледяномъ домѣ на Невѣ, поручила Черкасскому и Волинскому составить проектъ маскараднаго для оной церемоніала и заняться всѣми къ тому приготовленіями. Сіе порученіе имѣло непріятныя для Волинскаго слѣдствія. Онъ послалъ (14 февраля) за Тредіаковскимъ, желая ему заказать стихи для сватьбы; посланный кадетъ объявилъ сему послѣднему приказаніе немедленно ѣхать въ кабинетъ; Тредіаковскій спѣшилъ одѣться и отправился съ нимъ на извожикъ; но, замѣтивъ, что онъ везетъ его на слоновый дворъ и узнавъ о настоящемъ приказаніи Волинскаго, сталъ дорогою упрекать кадета, для чего напрасно напугалъ его. Поссорясь за сіе, они оба намѣрены были другъ друга обвинять предъ Волинскимъ; но кадетъ успѣлъ сіе сдѣлать прежде. Волинскій въ гнѣвѣ билъ Тредіаковскаго по щекамъ и бранилъ его за ослушаніе. Тредіаковскій

явился на другой день во дворецъ, въ покои герцога Бирона, просить у него защиты: къ-несчастью, пріѣхалъ туда и Волынской и лишь увидѣлъ Тредіаковскаго, вывелъ его изъ передней, давъ ему еще нѣсколько ударовъ, приказалъ отвести въ маскарадную комиссію, и тамъ снялъ съ него шпагу, велѣлъ еще бить палкою и самъ билъ (такъ-что всѣхъ ударовъ, по словамъ Тредіаковскаго, дано ему около ста); отпуская его изъ-подъ караула не прежде, какъ на третій день, далъ ему на прощанье еще съ 10-ть ударовъ. Тредіаковскій тогда-же (10 февраля) письменно рапортовалъ о семъ академіи наукъ. Свидѣтельство профессора медицины, Дюверипа, доказываетъ, что у него была избита вся спина отъ самыхъ плечъ даѣе поясицы и подбитъ лѣвой глазъ. Волынской говорилъ: «пусть на меня хотя и сердятся, да я себя натѣшилъ и свое взялъ!» Впрочемъ, не забылъ извиниться предъ герцогомъ; но герцогъ и Остерманъ уже готовилъ ему паденіе».

— «Правая грамота Троицкому Сергіеву монастырю». — «Списокъ предлагаемой правой грамоты царя Алексѣя Михайловича Троицкому Сергіеву монастырю на владѣніе деревнею Ильинскою хранится въ библиотекѣ Троицкой лавры, по описи 1850 г. подъ № 84, и писанъ столбцемъ на клеенныхъ листахъ (длиною 22 аршина), въ концѣ XVIII вѣка. Въ грамотѣ прежде всего и болѣе всего замѣчательно сказаніе о двукратномъ чудесномъ явленіи преподобн. Сергія князю Петру меньшому Прозоровскому и женѣ его. Явленіе это относится къ 1770 году, ко времени возмущенія Стеньки Разани. Положеніе города и воеводы было крайне опасно: два брата Прозоровскаго Иванъ, воевода Астраханскій, и Михайлъ были убиты Разинымъ по взятіи Астрахани, откуда сподвижники Разина два раза посылали казаковъ въ Терки, которые въ оба раза, по показанію самого Прозоровскаго, опредѣляли убить его до смерти, повѣсивъ за ребро; однакожь Прозоровскій избѣжалъ смерти, и только имущество его было разграблено (Акт. истор. томъ IV № 202, XXXVII). Разсматривая образъ дѣйствія Разина и его сообщниковъ, которые имѣли правиломъ вездѣ, гдѣ ни были, убивать начальныхъ людей и не пощадил даже Астраханскаго митрополита Юсифа, поистинѣ можно признать чудомъ, что Петръ Прозоровскій, по взятіи Терковъ буйными казаками, остался живъ. Предлагаемая грамота свидѣтельствуетъ, что жизнь его сохранена чудеснымъ образомъ. Свидѣтельство вполне достовѣрное: сказаніе

о явленіи препод. Сергія Прозоровскому и даже невѣрмой женѣ въ Черкасскихъ улусахъ (безъ сомнѣнія, для большаго удостовѣренія Прозоровскаго въ истинности прореченія), доведено до свѣдѣнія царя и внесено въ судебный актъ. Истина событія подтверждается и послѣдующею судьбою Прозоровскаго: послѣ того, какъ Прозоровскій, по повелѣнію препод. Сергія, возвратилъ Троицкому монастырю деревню, которою незаконно владѣлъ, благословеніе преподобнаго почило на немъ, и бывший Терскій воевода пожалованъ въ бояре и получилъ со-временемъ почетное мѣсто воеводы Новгородскаго (Акт. истор. том. V № 189). Актъ любопытенъ и въ юридическомъ отношеніи: онъ показываетъ, какъ сильные бояре XVII вѣка злоупотребляли своимъ вліяніемъ и властію: бояринъ Семень Прозоровскій отнялъ у Троицкаго монастыря вотчину «лютою своею», и не смотря на неоднократныя жалобы Троицкихъ властей, владѣлъ оною незаконно «многіе годы»; наконецъ все слѣдственное дѣло и разбирательство правъ владѣнія деревнею Ильченкою, равно-какъ межевая запись представляютъ интересное дополненіе въ сборнику актовъ подобнаго содержанія».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ отечественной исторіи принадлежать слѣдующія статьи: *Событія въ Петербургѣ въ 1740 и 1741 годахъ*, I. И. Шипкина (От. зап. № 5); *Замѣтка о правахъ прошлаго столѣтія*, Н. М...ка (Атеней № 14); *Изъ записокъ П. Ил. Сафонова* (ibid. № 18); *Мысли и замѣчанія императрицы Екатерины II. Изъ записокъ*, А. В. Храповицкаго (ibid. № 26); *Историческій обзоръ дѣятельности графа Румянцова-Задунайскаго и его сотрудниковъ: князя Прозоровскаго, Суворова и Брикка, съ 1775 по 1780 годъ* (Рус. бес. № 2); *Петровъ день* (уставъ сокольничьяго пути Алексѣя Михайловича) (Русск. инв. № 164 и 165); *Память царя Михаила Федоровича въ Знаменскомъ монастырѣ* (Сѣв. пч. № 161); *Село Коломенское во второй половинѣ XVII вѣка*, А. К—ва (Моск. вѣд. № 56, 57 и 59); *Торжественный въѣздъ императрицы Елисаветы Петровны въ Москву* (ibid. № 69 и 70).

— «Событія въ Петербургѣ въ 1740 и 1741 годахъ». — «Рядъ годовъ, наступившихъ за смертью Петра великаго, представляетъ одну изъ тѣхъ странныхъ картинъ, которыя служатъ характеристиками такъ-называемыхъ переходныхъ эпохъ; это — время разгула личныхъ страстей и личныхъ стремленій, не связанныхъ

никѣмъ и ничѣмъ, время броженія молодыхъ, неустановившихся силъ, выражающагося то страшными, то забавными событіями; время самыхъ эффектныхъ романовъ, драмъ и трагедій, разыгрываемыхъ однимъ, двумя, тремя актерами съ обстановкою изъ нѣсколькихъ *лицъ безъ рѣчей*, передъ миллионной, безмолвной, оцѣпенѣлой публикой. Смерть Петра была во всѣхъ отношеніяхъ преждевременна. Реформы его, подломившія по всѣмъ составамъ, но не переломившія еще окончательно крѣпкоостную Русь, остановились на полдорогѣ въ самую смутную минуту. Сильно двинутое по новому пути Русское общество воротиться назадъ не могло, а двигать его съ тою-же силою впередъ было некому и оно остановилось, ошеломленное, испуганное, недоумѣвающее, не зная куда идти, за что взяться, что дѣлать? могучій духъ, оживлявшій неповоротливое тѣло этого Ильи Муромца, тридцать лѣтъ сидѣвшаго сиднемъ, отлетѣлъ въ то самое время, когда вездѣсущее его вліяніе было въ высшей степени необходимо. Оставались, правда, сподвижники покойнаго царя, его друзья и помощники, его слуги и соратники, но и они были сильны и бодры только тогда, когда силу и бодрость поддерживала въ нихъ громкая царская команда. Замолкла эта команда—и они тоже остановились вмѣстѣ съ другими, недоумѣвая, куда направить теперь молодыя силы, какую мысль извлечь изъ множества беспорядочныхъ, старорусскихъ и нетрояскихъ мыслей, кипѣвшихъ и путавшихся въ ихъ Московскихъ головахъ, покрытыхъ Французскими париками? А надо было что-нибудь дѣлать, надо было идти туда, куда приказалъ и завѣщалъ идти великій царь: молчать и сидѣть по *старинѣ и дѣдинѣ* «уставя глаза въ броду», невозможно было уже и потому, что и бороды-то были чисто-начисто выбриты острыми заморскими бритвами. Отъ невольнаго оцѣпенѣнія, на-мигъ овладѣвшаго всѣми послѣ смерти Петра, прежде другихъ очнулись все-таки эти сподвижники царя; они встряхнулись, осмотрѣлись, и первое, что кинулось имъ въ глаза, это было отсутствіе грознаго командира, неподвижность его камышевой трости, воля простора, возможность осуществить тѣ планы и желанія, которыя давно уже зрѣли и копошились подъ длинными париками, но при царѣ не смѣли сказаться даже двусмысленнымъ взглядомъ. А подъ длинными париками зрѣли и копошились самые честолюбивые, самые эгоистическіе планы! Всѣ эти люди слишкомъ долго и слишкомъ безропотно по-

виновались, имъ хотѣлось теперь кричать и командовать, принимать поклоны и быть господами. Всѣхъ ихъ слишкомъ-долго, въ противность неизмѣннымъ законамъ человѣческой природы, заставляли жить для другихъ, для Россіи, для какихъ-то идей и обязанностей, до которыхъ они не доросли и которыхъ они не понимали, имъ хотѣлось теперь пожить для себя и по-своему, безъ всякихъ идей и обязанностей. Петръ научилъ ихъ дѣятельности и энергіи; выбилъ изъ нихъ московскую лѣнь и апатію. Они не забыли его уроковъ, не сложили рукъ, не завалились на печку; только врядъ-бы учитель остался доволенъ тѣмъ новымъ направлениемъ, которое привяла дѣятельность и энергія учениковъ его! Къ этимъ Русскимъ сподвижникамъ Петра присоединились еще сподвижники *Нѣмецкіе*—иностранцы, призванные царемъ учить уму-разуму его подданныхъ, помогать ему «прорубить окно въ Европу» въ неуклюжей стѣнѣ темнаго Московскаго терема. Въ первыя минуты послѣ кончины Петра, Нѣмецкіе сподвижники его ощущали нѣкоторое безпокойство: они полагали, что господство ихъ окончено и боязливо осматривались по-сторонамъ, отъ всей души желая только одного—убраться во-свои по-добру-по-здорову. Но по-сторонамъ все было спокойно: характеристическое гостепріимство Славянскаго племени не измѣнилось нисколько, и Нѣмецкіе сподвижники, видя, что за драгоцѣнную жизнь опасаться имъ нечего, принялись дѣйствовать такъ-же, какъ и сподвижники Русскіе, по однимъ и тѣмъ-же неизмѣннымъ законамъ человѣческой природы.... При Петрѣ иностранцы не смѣли обнаруживать черезчуръ своихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ. Петръ очень любилъ ихъ, по любилъ еще больше, чтобы они дѣлали дѣло въ пользу Русскихъ, любилъ быть также хозяиномъ у себя. Онъ предоставлялъ Нѣмцамъ власть и свободу въ распоряженіяхъ, награждалъ ихъ почестями и деньгами; но эти власть и свобода оканчивались у порога царскаго кабинета, и деньги выдавались съ расчетомъ и по расчету. Заморскимъ гостямъ-воспитателямъ хотѣлось, конечно, не этого; однакожь они молчали и повиновались. Ссориться съ Петромъ было во всѣхъ отношеніяхъ невыгодно: человѣкъ крутой и выпыльчивый, да еще притомъ 2 аршинъ и 14 вершковъ росту! Понятно, что Нѣмецкіе сподвижники съ замيرانіемъ сердца ждали той минуты, когда кончина грознаго властелина развяжетъ имъ руки и дастъ возможность приступить къ

осуществленію тѣхъ надеждъ и мечтаній, которыя манили и влекли ихъ въ холодную «Московію». Они намѣревались даже вызвать тогда «въ Московію» еще нѣсколько расторопныхъ «ландсманновъ»... Почему-же и не вызвать? Земля Русская велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ. И вотъ наступила эта минута! Воспитатели соединились съ своими воспитанниками и дружно принялись за работу. Тогда-то начались эти изумительныя событія, эти непостижимые *cours d'état*, о которыхъ ничего не знали въ Петербургѣ свечера и вдругъ узнавали въ пять часовъ утра; эти эффектныя драмы и трагедіи съ самыми неожиданными, поразительными развязками; тогда наступилъ этотъ рядъ короткихъ, странныхъ явленій, занимающихъ по двѣ странички въ исторіи; появились эти невѣдомые, чужестранные принцы и принцессы, герцоги и герцогини, сегодня возводимые однимъ, завтра низводимые другимъ, сегодня учиняющіе строгій судъ и расправу, завтра подвергаемые сами еще строжайшему суду и строжайшей расправѣ. Тогда прямо изъ Петербурга отправлялись въ Шлиссельбургскую крѣпость, а изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Пелымъ, Березовъ, Холмогоры)!. Настоящій очеркъ представляетъ исполненныя трагическаго интереса событія съ кончины императрицы Анны Іанновны до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Событія болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ; но авторъ мастерски умѣлъ изобразить ихъ съ ихъ мельчайшими подробностями, не искажая притомъ фактовъ ни умышленнымъ оптимизмомъ или пессимизмомъ, ни взглядами добраго стараго времени, нисколько не оправдываемыми какъ подробнымъ и безпристрастнымъ разсмотрѣніемъ этихъ происшествій, такъ и ближайшимъ знакомствомъ въ дѣйствовавшими въ то время лицами. Главнѣйшимъ пособіемъ при составленіи этого очерка, кромѣ извѣстныхъ уже мемуаровъ и сочиненій Манштейна, Миниха, Бюшинга, Галлема, Вейдемейера и др., служили письма и депеши Англійскаго резидента Фингча и Французскаго посланника Маркиза де-ла-Шетарди, которые, будучи лично знакомы почти со всѣми дѣйствующими лицами этой эпохи и нерѣдко участвуя въ ихъ совѣщаніяхъ и спорахъ, могли почерпать свои свѣдѣнія изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ».

— «Мысли и замѣчанія императрицы Екатерины II». — Эти мысли и замѣчанія заимствованы изъ записокъ Александра Василь-

евича Хравовицкаго, бывшаго секретаря Екатерины II. Записки эти, веденныя съ 1782 года, напечатаны были въ «Отечественныхъ Запискахъ» П. Свиньина (1821—1825 г.), но не вполне. Редакція Атенея воспользовалась спискомъ ихъ, находящимся въ библиотецѣ графа А. С. Уварова, и въ настоящей статьѣ сообщила тѣ мѣста изъ нихъ, частью уже напечатанныя, въ которыхъ переданы замѣчания и слова самой императрицы, и которыя могли быть отдѣлены отъ текста, имѣя значеніе сами по себѣ, какъ мнѣнія и сужденія ея. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: — «Бѣглеца командою искать не можно: ему одна дорога, а командѣ сто; надобно, чтобъ обыватели не держали въ селеніяхъ и ловили (1782, іюля 13). — Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ. Коль скоро заведутся и утвердятся народная школы, невѣжество истребитса само собою; тутъ насилья не надобно (1782, іюля 25). — Заведеніемъ народныхъ школъ разнообразныя въ Россіи обычаи приведутся съ согласіемъ и исправятся нравы. Императрица Марія Терезія примѣромъ одной своей школы установила больше 800 школъ. — Разговоръ о боярахъ: всѣ любятъ начальствовать, и почти всѣ имѣли худое воспитаніе. Я: *Us sont quelquefois menés par leurs secretaires*»—Правда. — Я говорилъ о времени царствованія Елисаветы Петровны и властвованіи бояръ и разсказалъ шутку: «что брошусь сперва къ князю Трубецкому, потомъ къ графу Шувалову; когда не помогутъ, то пусть будетъ воля Божія». Усмѣхнулись. «Я, кажется, сіе поправила, не ссылая въ ссылку и не казня». Повторено тоже, и сказано, что тѣми-же людьми испорченное исправляла. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, примѣтя иногда злоупотребленія, спрашивалъ, не клонится-ли сіе къ упадку имперіи? Но, имѣя въ томъ fact, часто отвѣчала, что изъ хлѣву выпущенные телята скачутъ и прыгаютъ, случается, и ногу сломятъ; но послѣ перестанутъ и такимъ образомъ все войдетъ въ порядокъ. Когда изъ вынѣннихъ затруднительныхъ обстоятельствъ (т. е. войны Шведской) выйдемъ съ честію и славою, то великое уваженіе получимъ въ Европѣ. — Принятіе иностранцевъ въ нашу службу дѣлаетъ эмуляцію въ Русскихъ. Петръ I симъ воспользовался, и наши скоро наметаны быть могутъ. Есть двѣ эпохи, во время которыхъ Русскіе отъ Европы отстали: время власти Татарской и время междуособія, когда Шведы и Поляки большую партію имѣли: тутъ старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали;

но и тутъ вышли великіе люди.—Я сказалъ: *Las malheurs font les grands hommes*. Повторено и мысль сія утверждена (31 іюля 1789)».

Сюда могутъ быть отнесены слѣдующія критическія статьи: *Шейбакъ поле*, А. К. Киркора (Извѣстія Имп. археол. общества вып. 4); *Библиографическій указатель Русской археологической литературы за 1857 годъ*, Г. Н. Генвади (ibid.); *Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ*. Рецензія А. Н. Попова (ibid.); *Записки Виленской археологической комиссіи*. Рецензія П. С. Савельева (ibid.); *Сборникъ съ древнихъ печатей, изданный П. И. Иваномъ*. Рецензія А. Н. Попова (ibid.); *Monnaies russes des derniers trois siècles*, Ф. Ф. Шуберта (ibid.); *Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. П. Погодина*, Ивана Земца (Атен. № 22); *Исторія царствованія Петра Великаго*. соч. Устрялова, С. М. Соловьева (ibid. № 27 и 28); *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, соч. Сергія Соловьева. т. VII, К. С. Аксакова (Русск. бес. № 2); *Историческій взглядъ на крѣпостное состояніе Россіи*, соч. А. Вельтманна, Б—а (ibid.).

Къ исторіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ статьи: *Очерки возрождающейся Греціи*, Г. С. Дестуниса (Библ. для чт. № 5); *Французскія колоніи по уничтоженіи невольничества*, П. Г. (ibid.); *Очерки, служащіе къ разъясненію исторіи Польши въ первой половинѣ XVI столѣтія* (Ильдефонсу Казиміровичу Коссову), А. П. Зернина (ibid. № 6); *Семилѣтняя война*. Изъ записокъ А. Т. Болотова (ibid. № 7 и 8); *Бертранъ Бареръ*. Статья Маколея. В. Кеневича (ibid. № 8); *Метрополія и колонія*, И. Н. Березина (От. зап. № 5); *Погребальные обряды древнихъ Египтянъ*, К. К. Герца (ibid. № 6); *Гизо и его записки* (ibid. № 6, 7 и 8, Атеней № 17 и 18, Русск. вѣст. № 11); *Исторія Греціи, Курціуса*, А. И. Кроненберга (Атен. № 9); *О вліяніи крестовыхъ походовъ на западную цивилизацію* (ibid. № 24); *Нѣчто о методахъ историческихъ изслѣдованій*, М. П. Погодина (ibid. № 26); *Восточный вопросъ*, В. К. (ibid. № 28, 29 и 30); *Возрожденіе Болгаръ или реакція въ Европейской Турціи*, Хр. К. Даскалова (Русск. бес. № 2); *Лѣтопись Герцеговины 1831—1837 Прокопія Чокорила*. Перев. съ Сербск. (ibid.); *Памятники древняго міра*, Э. Дорна (Общезан. вѣст. № 5); *Вѣкъ Константина Великаго*, С. Н. (ibid. № 11); *Турецкія дѣла*, Д. (Русск. вѣст. № 9); *Историческія письма*, С. М. Соловьева (ibid. № 10); *Современное положеніе Китая и его*

отношенія къ союзникамъ (ibid. № 12, 13, 15 и 16); *Очерки стариннаго быта Польши*, Е. Карновича (С. Пб. Вѣд. № 107); *Эй-Ихъ* (Русск. пив. № 125); *Вліяніе ученыхъ на государственное управленіе въ Китай* (ibid. № 178); *Достопамятныя дни* (Сѣв. пч. № 140); *Новыя сужденія объ Италіанской исторіи* (Моск. вѣд. № 80); *О торговомъ значеніи Θεодосіи въ древности и въ средніе вѣка*, Григ. Караулова (Одес. вѣстн. № 88).

VIII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Въ «Извѣстіяхъ» Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (вып. II), по языкознанію явились слѣдующія статьи: *Словари областныхъ нарѣчій*, Записка Я. К. Грота; *Выписки изъ пандектовъ Антіоховыхъ XI вѣка*, сообщ. архим. Амѣлохіемъ; *Дарственная грамота короля Уроша II Милутина монастырю Грачаницъ, 1322 г.* доставл. С. Верковичемъ; *Блаженнаго учителя нашего Константина философа слово* (изъ Печскаго Евангелія XIV вѣка), съ замѣчаніями И. И. Срезневскаго; *Грамота патріарха Каллиста, какъ новый источникъ исторіи Болгарской церкви*, съ историческимъ объясненіемъ С. Н. Палаузова; *Продолженіе церковно-Славянскаго словаря*, А. Х. Востокова; *Поправки въ пробныхъ листахъ Общаго словаря Русскаго языка*, И. И. Давыдова и А. Н. Савича.

— «Словари областныхъ нарѣчій». — Сказавъ нѣсколько словъ о значеніи областнаго словаря, авторъ для разъясненія этого значенія излагаетъ, что сдѣлано было по этому предмету у Нѣмцевъ и примѣняетъ эти указанія къ оцѣнкѣ Русскаго областнаго словаря. «Германская литература, говоритъ онъ, представляетъ изумительное богатство матеріаловъ для изученія областныхъ нарѣчій Нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: *Die Litteratur der Deutschen Mundarten*. Это систематическій каталогъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается до 446. Сюда входятъ, конечно, не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсенъ и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія Германскія, обзоръ раздѣленъ на

3 большіе отдѣла, по тремъ главнымъ отраслямъ Нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной. Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія: Аллеманское, Швабское, нижне-Лотарингское, Вестфальское и т. д. всего 44 нарѣчія, изъ которыхъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи помѣщены еще нарѣчія Нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію Германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами XVI-го столѣтія и относятся къ нижне-Саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность верхне-Нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинаютъ являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770 годовъ. Наконецъ съ наступленія нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе обогащается. Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ Германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, авторъ, изъ множества изданій по разнымъ нарѣчіямъ Нѣмецкаго языка, отдѣляетъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаетъ въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, говоритъ онъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія Европейской науки на предпріятіе II-го отдѣленія академіи наукъ собрать всѣ областныя слова Великорусскаго языка. Затѣмъ авторъ рѣшаетъ вопросъ, какъ это предпріятіе выполнено. «Еслибы, говоритъ онъ въ заключеніе этого послѣдняго отдѣла, надлежало точнѣе опредѣлить услуги, общаемыя опытомъ областного Великорусскаго словаря, то можно-бы распредѣлить ихъ на слѣдующія категоріи: 1) областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Такъ напр. въ общеупотребительномъ языкѣ слышится безпрестанно прилагательное *безолаберный*; но нѣтъ слова, отъ котораго можно-бы произвести его; въ нашемъ «Областномъ словарѣ» находимъ существительное *олаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи. Посредствомъ областныхъ словъ объясняются также многія имена собственныя, которыя вслѣдствіе того иногда ока-

зываются нарицательными или по-крайней-мѣрѣ имѣющими корень въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень*, *Ряса*, *Соловки* открывается опредѣленное значеніе: *Ильмень* есть озеро, поросшее камышемъ; *Ряса*—названіе многихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи, означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (то-же, что Нева, по Финско пехо). Слова *Соловки* собственно нѣтъ въ «Областномъ словарѣ»; но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобнозначащее *соловцы*—бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются-ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? 3) Областные Русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія Славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. 4) Областные нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи; такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ-бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. 5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. 6) Находящіяся въ обл. словарѣ ударенія, то сходныя съ удареніемъ общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи Русскаго языка. 7) Областные нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ. 8) Областные слова, выражая часто черты мѣстной фізіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа. Наконецъ, чтобы однимъ словомъ опредѣлить всю важность опыта областного словаря, не смотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области Русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное».

IX. КРИТИКА.

Въ части критики изящной словесности помѣщены слѣдующія статья: *Доходное мѣсто. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ А. Н. Часть С. Отд. VI.*

Островскаго, А. Щ. (Атен. № 10); *Дѣтскіе годы Богрова-внука, служащія продолженіемъ семейной хроники С. Аксакова, А. В. Станкевича* (ibid. № 14); *С. П. Шевырева* (Русск. бес. № 2); *Русскій человекъ на rendez-vous. Размышленія по прочтеніи повѣсти И. Турченева «Ася»*, Н. Г. Чернышевскаго (Атен. № 18); *Стихотворенія А. Н. Майкова, М. Н. Лонгинова* (ibid. № 20); *Замѣтка объ А. С. Хвостовѣ*. Ал. Х. (ibid.); *Не мѣсто красить человека, а человекъ мѣсто*, комедія Н. М. Львова, А. М. Польшовскаго (ibid. № 23); *Очеркъ исторіи Русской поэзіи А. Милукова, А. Н. Пыпина* (ibid. № 25); *Гейне, переводъ М. Л. Михайлова, А. Θ. Фонъ-Видерта* (ibid. № 29); *Шекспиръ, переводъ Н. Х. Кетчера, Е. К.* (ibid.); *Какъ у насъ переводятъ ученыхъ руководствъ*, М. Щ. (ibid. № 30); *Критическія замѣтки*, В. Стоюнина (Муз. и театр. вѣств № 19).

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

НОВЫЯ ИССЛЕДОВАНИЯ Г. ЯКУБОВИЧА (1).—Нашъ знаменитый физиологъ представилъ Парижской академіи новыя изслѣдованія надъ нервной системою; во время своего пребыванія въ Парижѣ, онъ сравнительно изслѣдовалъ нервную систему различныхъ животныхъ и такимъ образомъ пополнилъ свои прежнія изысканія (2).

Эти новыя наблюденія главнымъ образомъ относятся къ нервной системѣ, взятой въ цѣлости. Переходя отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ, г. *Якубовичъ* изучалъ послѣдовательное развитіе нервной системы, принимая во вниманіе:

1) Существенные элементы, изъ которыхъ она состоитъ.

2) Соединеніе ея главныхъ частей, а также связи, образуемая нервными элементами между этими различными частями.

Поэтому главнымъ предметомъ этихъ изслѣдованій были—продолговатый мозгъ, большой мозгъ и мозжечекъ.

«Заключенія, до которыхъ я дошелъ, говоритъ авторъ, основываются на разрѣзахъ, сдѣланныхъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ въ спинномъ и головномъ мозгѣ лягушки, птицы, крысы и собаки. Разрѣзы эти, въ числѣ 4,586, составляютъ 406 микроскопическихъ препаратовъ, хорошо сохранныхъ. 1413 разрѣзовъ относятся къ нервной системѣ лягушки и 1109 къ нервной системѣ птицы; изъ нихъ я вывелъ слѣдующія заключенія:

«1) Существенные элементы, указанные мною прежде, т. е. звѣздчатыя клѣточки (двигательныя), вертеенообразныя клѣточки (чувствительныя) и круглыя или овальныя клѣточки (узловыя),

(1) Comptes rendus 1858. 16, 30 Août.

(2) См. Журн. м. н. пр. 1857, № 11.

изъ которыхъ послѣднiя могутъ быть двухъ родовъ, очевиднѣйшимъ образомъ находятся на всемъ протяженiи нервной системы лягушки; но число ихъ менѣе значительно, чѣмъ у млекопитающихъ, особенно что касается до веретенообразныхъ или чувствительныхъ клѣточекъ.

«II. Устройство, свойственное различнымъ мѣстамъ спиннаго мозга до самаго продолговатаго мозга, весьма ясно видно у лягушки, съ тою существенною разницею, что элементы, какъ я сказалъ, у нея менѣе многочисленны и тѣмъ значительнѣе клѣтчатка, ихъ соединяющая; такъ въ спинной части особенно мало чувствительныхъ клѣточекъ, тогда-какъ у млекопитающихъ бываетъ совершенно наоборотъ.

«III. Можно сказать, что у лягушки нѣтъ продолговатаго мозга, потому-что у нея не видно ни оливчатыхъ тѣлъ, ни тонкихъ пучковъ, ни клиновидныхъ тѣлъ и проч., а эти-то части и характеризуютъ продолговатый мозгъ млекопитающихъ и соединяютъ спинной мозгъ съ головнымъ. Въ весьма небольшомъ количествѣ встрѣчаются веретенообразныя ячейки между нитями бѣлаго вещества, съ обѣихъ сторонъ четвертаго желудочка.

«IV. Необходимое слѣдствiе отсутствiя продолговатаго мозга у низшихъ животныхъ составляетъ большая независимость спиннаго мозга, который у лягушки по-справедливости былъ принимаемъ за отдѣльный нервный центръ.

«V. Варолиевъ мостъ представляетъ круговыя нервныя нити, которыя, какъ у млекопитающихъ, идутъ прямо въ мозжечекъ и теряются въ его окружности.

«VI. Самый мозжечекъ есть полость, наполненная соединительной тканью, достигшей извѣстной степени развитiя. Масса, окружающая полость, состоитъ снаружи изъ сѣраго вещества, нечувствительно переходящаго въ клѣтчатый слой, на которомъ можно видѣть многiе ряды клѣточекъ.

«VII. Четырехолмныя тѣла представляютъ двѣ полости, наполненныя клѣтчатою тканью. Устройство ихъ стѣнокъ совершенно подобно устройству мозжечка. Сильвiевъ водопроводъ, окруженный подковообразною спайкою, заключаетъ, какъ у млекопитающихъ, узловыя клѣточки перваго рода.

«VIII. Мозговыя полушарiя представляютъ двѣ продолговатыя полости, точно такъ-же устроенныя и наполненныя клѣтчатою массою, какъ полости мозжечка и четырехолмныхъ тѣлъ. На ихъ

переднемъ и наружномъ краю находятся массы клѣточекъ, принадлежащихъ обонятельному нерву.

«IX. Характеристическая черта полушарій, мозжечка и четырехолмія лягушки состоитъ въ томъ, что они имѣютъ только периферическое вещество (корковое) и что не имѣютъ содержимаго (сердцевиннаго вещества). Такимъ образомъ частей, въ которыхъ состоитъ высшее развитіе, здѣсь нѣтъ, также какъ и въ продолговатомъ мозгу.

«X. Замѣчу, что периферическое вещество упомянутыхъ полосей, по своему строенію, подобно ретинѣ, т. е. сѣрому слою и слою съ ядрышками, непосредственно слѣдующему за сѣтчатой оболочкою.

«XI. Клѣтчатая ткань, о которой было выше говорено и которая наполняетъ полости полушарій, четырехолмныхъ тѣлъ, мозжечка, ромбоидальной ямки и которая окружаетъ центральный каналъ спинного мозга, дѣйствительно содержитъ крупинки клѣтчатой ткани, заключенныя въ сѣткѣ тонкихъ петель. Тѣ-же крупинки явнымъ образомъ встрѣчаются между нитями нервныхъ фибръ оптического нерва, образующими слой сѣтчатой оболочки. Когда я увидѣлъ крупинки клѣтчатой ткани на препаратахъ доктора Вирхова, только тогда я приобрѣлъ точное понятіе о природѣ этой ткани. Поэтому я долженъ исправить ошибку моего прежняго мемуара, въ которомъ я отвергалъ явное присутствіе крупинокъ клѣтчатой ткани (3), хотя я ихъ всегда видѣлъ и изобразилъ съ точностію. Въ настоящее время я не колеблюсь болѣе и совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Вирхова, который справедливо даетъ общее названіе *neuroglia* (цементъ нервовъ) клѣтчаткѣ, находящейся въ нервной системѣ высшихъ животныхъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ».

«Особенности, представляемыя спиннымъ и головнымъ мозгомъ птицъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

«I. *Spina bifida* въ крестцовомъ расширеніи, неполненная клѣтчаткою, непосредственно переходящею въ тонкую оболочку мозга. На поперечномъ разрѣзѣ этого мѣста, все пространство, образуемое *Spina bifida*, занято мелкою сѣтью, состоящею изъ неправильныхъ петель разной величины. Въ разныхъ мѣстахъ границъ этихъ петель видны крупинки клѣтчатки, которыя представляютъ

(3) *Новости ест. наукъ за 1857, отд. ПIV, 54.*

кѣточки съ ядромъ и ядрышками. Въ срединѣ болѣе напередъ находится центральный каналъ со своимъ цилиндрическимъ эпителиемъ, свободно окруженный сѣткою петель кѣтки. Это мѣсто спиннаго мозга птицъ очень удобно для изученія природы кѣтчатой ткани и того участія, которое она принимаетъ въ устройствѣ нервной системы, т. е. для разъясненія отношенія элементовъ кѣтчатки къ нервнымъ элементамъ. На самомъ дѣлѣ, сдѣлавъ разрѣзъ выше въ спинной части мозга, мы увидимъ, что эти мелкія петли и пространства между ними все болѣе и болѣе наполняются сѣрымъ веществомъ, т. е. настоящими нервными элементами (кѣточками и осевыми цилиндрами); наконецъ въ спинной части центральный каналъ плотно окруженъ настоящею сѣрою массою, такъ-что очень трудно или вовсе невозможно замѣтить крупинки кѣтчатки. Это зависитъ отъ двухъ причинъ: 1) оттого, что мягкая жирная масса сѣраго вещества покрываетъ эту нѣжную сѣть, равно-какъ и петли кѣтчатки, въ которыхъ она заключена: 2) въ-особенности-же отъ того, что петли кѣтчатки становятся шире въ сѣрой массѣ спиннаго мозга, такъ-что масса элементовъ кѣтчатки уменьшается въ-сравненіи съ преизобилующими нервными элементами. Поэтому я справедливо называлъ массу сѣраго вещества *существеннымъ нервнымъ веществомъ*.

«Что касается до нервныхъ элементовъ, то они также ясны у птицъ, какъ и у млекопитающихъ; только звѣздчатыя кѣточки (двигательныя) вообще господствуютъ у птицъ; онѣ постоянно находятся въ заднихъ рогахъ, въ крестцовомъ и плечевомъ расширеніи, чего не бывають у млекопитающихъ. Также въ спинной части боковые рога наполнены чувствительными кѣточками. Узловыя кѣточки вездѣ очень отчетливо видны; онѣ расположены различнымъ образомъ въ спинномъ мозгѣ, въ продолговатомъ мозгѣ, въ мозжечкѣ и четырехолмныхъ тѣлахъ, точно такъ-же, какъ у млекопитающихъ.

«III. Въ продолговатомъ мозгѣ, задніе рога спиннаго мозга развиваются въ оливчатые тѣла, какъ у млекопитающихъ; другія анатомическія части представляютъ также одинаковыя явленія, только развитіе ихъ гораздо ограничениѣе, такъ-что у птицъ соединеніе спиннаго мозга съ головнымъ происходитъ только отчасти, а не вполне, какъ у млекопитающихъ.

«IV. Четырехолмныя тѣла, очень развитыя у птицъ, имѣютъ двѣ полости, отдѣляющія ихъ наружныя части отъ центральныхъ.

Подковообразная перемышка развита около Сильвиева водопровода, какъ у млекопитающихъ; совершенно ясно, что ея нити направляются назадъ къ мозжечку и внизъ для образованія перекрестной перемышки.

«V. Нужно еще замѣтить относительно четырехолмія птицъ соединеніе его окружныхъ частей съ оптическимъ нервомъ.

«VI. Нѣкоторыя черты особенно прекрасно и ясно видны у птицъ, какъ напр. образованіе Варолиева моста круговыми нитями, переходящими въ можжечекъ, а также расположеніе различныхъ нервныхъ элементовъ въ самомъ можжечкѣ.

«VII. Мозговья полушарія у птицъ не имѣютъ Аммоновыхъ роговъ; они состоятъ изъ плотной массы, въ которой можно прекрасно различить элементы клѣтчатой системы и нервныя клѣточки».

«Дѣлая изслѣдованія надъ млекопитающими, я имѣлъ въ виду двоякую цѣль: 1) найти непосредственную связь нервныхъ нитей, проходящихъ по дну головного мозга и оттуда лучеобразно распространяющихся въ полосатыя тѣла и въ окружныя части полушарій; несмотря на всѣ мои усилія, я не успѣлъ однакожь найти прямого и непрерывнаго соединенія осевого цилиндра или первоначальной нервной нити съ периферическою клѣтчаткою полушарій; между-тѣмъ, вѣроятно, всѣ осевые цилиндры и всѣ нервныя нити проходятъ черезъ полосатыя тѣла въ окружность большихъ полушарій и тамъ сливаются съ клѣточками; 2) я желалъ изучить связь различныхъ частей, собственно принадлежащихъ мозгу, и соединеніе ихъ съ четырехолмными тѣлами, съ мозжечкомъ, продолговатымъ и спиннымъ мозгомъ; наконецъ направленіе нервныхъ фибръ во всѣхъ этихъ частяхъ».

«Можно однакожь съ достовѣрностію утверждать слѣдующее:

«I. Нѣтъ сомнѣнія, что продолговатый мозгъ происходитъ изъ спиннаго мозга, т. е. изъ его заднихъ роговъ. Образованіе продолговатаго мозга составляетъ соединеніе спиннаго мозга съ головнымъ болѣе или менѣе тѣсное, смотря по развитію продолговатаго мозга. Чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ тѣснѣе мозгъ соединенъ съ головнымъ, тѣмъ въ большей зависимости спинной мозгъ отъ головного и наконецъ тѣмъ болѣе развита общая чувствительность».

«II. Оливчатые тѣла, также какъ и различные пучки продолговатаго мозга, суть именно части, въ которыхъ обнаруживается это соединеніе развитіемъ большаго числа веретенообразныхъ клѣточекъ (чувствительныхъ), такъ-что чѣмъ болѣе

развиты эти части, тѣмъ выше стоитъ животное въ зоологической лѣствицѣ.

«III. Главный пучокъ нервныхъ осевыхъ цилиндровъ, который проходитъ чрезъ эти части въ мозгъ, состоитъ исключительно изъ тонкихъ фибръ: потому-что нити съ двойнымъ контуромъ, или широкіе осевые цилиндры элементовъ движенія, обыкновенно всѣ переходятъ въ мозжечекъ, гдѣ они достигаютъ только подковообразной перемычки, т. е. они не идутъ далѣе четырехолмія.

«IV. Подковообразная перемычка, ясно составленная изъ четырехъ различныхъ формъ нервныхъ нитей, соотвѣтственно четыремъ нервнымъ элементамъ, служащимъ къ ея образованію, явнымъ образомъ соединяется сзади съ нижними ножками мозжечка, и въ то-же время съ мозжечкомъ, съ продолговатымъ и спиннымъ мозгомъ, снизу-же—съ Варолиевымъ мостомъ. Но къ переду ея нити можно прослѣдить только до зрительныхъ бугровъ и никакъ не далѣе, хотя нѣтъ сомнѣнія, что двигательные элементы достигаютъ мозга именно черезъ четырехолмія, какъ это видно въ поперечныхъ разрѣзахъ; но анатомическій переходъ видѣнъ только на горизонтальныхъ и боковыхъ разрѣзахъ.

«V. Развитие мозговыхъ полушарій и частей, прямо къ нимъ принадлежащихъ, находится въ тѣсной связи съ развитіемъ Аммоновыхъ роговъ. У высшихъ животныхъ именно черезъ развитіе этихъ роговъ наполняются полушарія и происходитъ ихъ соединеніе. Постепенное развитіе Аммоновыхъ роговъ въ мозгу и развитіе продолговатаго мозга даетъ намъ самыя характеристическіе признаки для общей оцѣнки постепеннаго развитія нервной системы во всемъ животномъ царствѣ.

«VI. Въ каждомъ разрѣзѣ, все равно, будетъ-ли онъ поперечный, боковой или горизонтальный, особенно-же въ горизонтальныхъ разрѣзахъ, можно убѣдиться, что полушарія мозга назадъ и внизъ переходятъ въ спиральные завитки Аммоновыхъ роговъ и что они представляютъ тоже самое гистологическое строеніе. Число спиральныхъ завитковъ различно у различныхъ животныхъ. Оно тѣмъ больше, чѣмъ выше степень развитія. У рыбъ, лягушекъ и птицъ ихъ не бываетъ вовсе. На этихъ разрѣзахъ можно очень ясно наблюдать зарожденіе и постепенное образованіе Аммоновыхъ роговъ; мозговая полость удлинняется, ея стѣнки сближаются и наконецъ завиваются внутрь въ видѣ спирали».

«VII. Прежде уже было сказано, что у птицъ периферія четы-

рехолія переходитъ прямо въ перекрещиваніе оптическихъ нервовъ. У млекопитающихъ, на поперечныхъ разрѣзахъ передней части полушарій, въ мѣстѣ ихъ передней перемычки, видно, что около выхода и перекрещиванія оптическихъ нервовъ нервныя волокна идутъ изъ окружности и изъ бѣлаго вещества переднихъ полушарій въ оптическіе нервы и принимаютъ участіе въ ихъ перекрещиваніи. Въ этомъ мѣстѣ находятся также группы клѣточекъ, изъ которыхъ происходитъ обонятельный нервъ. Слѣдовательно оба нерва представляютъ здѣсь связь между собою. Уже давно физиологическіе факты и опыты указывали на зависимость этихъ нервовъ и теперь она подтверждается исторіею ихъ развитія, потому-что они происходятъ вмѣстѣ изъ передней и наружной части мозга.

«VIII. Въ ядрышковомъ слѣб мозжечка, въ окружности мозговыхъ полушарій, Аммоновыхъ роговъ и четырехолмія, около Сильвіева водопровода, въ полосатыхъ тѣлахъ и также во всей основной части мозга, можно видѣть клѣточки съ двойнымъ ядромъ или одни ядра, заключенныя въ тонкихъ петляхъ клѣтчатки вмѣстѣ съ крупицами этой ткани. Поэтому, я полагаю, можно приписать также и другимъ клѣточкамъ нервной системы свойство, которое прежде я приписывалъ только узловымъ клѣточкамъ, — именно способность размножаться; части, указанныя выше, а также сѣрое вещество спиннаго мозга я считаю мѣстомъ, въ которомъ происходитъ это размноженіе».

«IX. Я пробовалъ доказать физиологическими опытами надъ живыми животными, что веретенообразныя клѣточки суть чувствительныя, а звѣздчатыя клѣточки суть двигательныя. Для этого я изобрѣлъ особенный приборъ, посредствомъ котораго можно проникнуть въ полость спиннаго мозга и проколоть или перерѣзать его задніе и передніе пучки, а также задніе или передніе рога сѣраго вещества, не обнажая при этомъ спиннаго мозга. Такимъ образомъ нѣтъ нужды прибѣгать къ жестокой операціи вскрытія позвонковъ и можно избѣжать потери крови, что весьма важно.

«Опыты, произведенныя надъ десятью животными (собаками и кроликами), дали слѣдующіе общіе результаты:

«Мы проткнули или перерѣзали передніе рога вмѣстѣ съ нервными пучками въ крестцовой части мозга; животныя не обнаружили боли; заднія конечности ихъ были парализованы. Мы проткнули или перерѣзали задніе рога въ спинной части; боль, испы-

танная животными, была очень велика. Но, не смотря на операцію, животныя не умираютъ. Умертвивъ ихъ и вскрывши, можно было исполнѣ убиться, что въ первомъ случаѣ были повреждены передніе пучки и рога, а во второмъ — задніе».

НОВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ РАЗМНОЖЕНІЕМЪ ИНФУЗОРІЙ (4). — Г. Бальбиани сообщилъ Парижской академіи новыя наблюденія, подтверждающія и дополняющія прежніе его результаты (5). Предметъ этотъ онъ общааетъ обработать въ особомъ мемуарѣ, а теперь излагаетъ вкратцѣ только важнѣйшіе выводы.

«I. Тѣло, которое у инфузорій было описано подъ именемъ *ядрышка* и въ которомъ я открылъ мужскую воспроизводительную желѣзу, было найдено только у немногихъ видовъ. Я изслѣдовалъ въ этомъ отношеніи большое число недѣлимыхъ, принадлежащихъ къ многочисленнымъ и разнообразнымъ формамъ и, убѣдился, что присутствіе одного или даже многихъ ядрышекъ не только не составляетъ исключенія, но есть фактъ почти постоянный въ различныхъ типахъ этого класса. Но единичное или многократное ядрышко часто бываетъ столь тѣсно слито съ сущностію ядра, что его можно замѣтить только тогда, когда оно случайно отдѣляется отъ ядра или вслѣдствіе дѣйствія реактивовъ, или же произвольно въ извѣстныя эпохи жизни этихъ существъ, главнымъ образомъ во время ихъ полового размноженія. Я насчиталъ четырнадцать видовъ, въ которыхъ этотъ органъ обнаружился совершенно ясно, и гдѣ я могъ слѣдить болѣе или менѣе далеко за его развитіемъ во время течки.

«Въ-отношеніи къ числу и положенію сѣменного органа инфузорій я встрѣтилъ слѣдующія разновидности. Онъ единичный, округленъ и помѣщается въ болѣе или менѣе глубокой впадинѣ ядра у *Paramecium aurelia* и *P. caudatum*, также какъ и въ третьемъ видѣ, очень близкомъ къ *P. bursaria*, но меньшемъ и не имѣющемъ зеленыхъ зернышекъ. Родъ *Bursaria* (*B. leucas*, *flava* и *vernalis*) представили мнѣ также единичное ядрышко, расположенное вблизи ядра. То-же самое встрѣчается въ *Chilodon cucullulus*. Но въ-отношеніи къ сему послѣднему я долженъ замѣтить, что я не считаю аналогическимъ съ ядрышкомъ предыдущихъ ви-

(4) *Comptes rendus* 1858, 30 août.

(5) См. Журн. мин. нар. просв. 1858 октябрь.

довъ, то тѣло, которому дано имя ядрышка *Ziboldomъ* и которое помѣщается во внутренности зернистой массы ядра, въ центрѣ широкаго прозрачнаго пояса. Собственно ядрышко или сѣменное яйцо *Chilodon* имѣетъ видъ небольшого зерна, округленнаго, блестящаго, снабженнаго собственною оболочкою и расположеннаго въ сторонѣ около середины ядра. Его можно видѣть очень ясно въ большихъ экземплярахъ при помощи дѣйствія реактивовъ. Что касается до ядра и его внутреннихъ частей, то я не вижу никакихъ затрудненій принимать, что оно представляетъ всѣ части яйца; такимъ образомъ ядрышко знаменитаго Германскаго натуралиста будетъ не что иное, какъ пятно Вагнера. Исчезаніе прозрачнаго пояса и центральнаго тѣла послѣ совокупленія животныхъ всего болѣе, мнѣ кажется, благопріятствуетъ такому взгляду.

«II. Я нашелъ нѣсколько мужскихъ яицъ у многихъ видовъ, принадлежащихъ къ группамъ *Oxytrichina* и *Euplotes* или *Plaesconiae*, заключающимъ высшіе типы этого класса. Въ родѣ *Oxytricha* два ядра, удлиненыя по направленію большой оси животнаго, сопровождаются каждое маленькимъ яйцомъ, весьма отличнымъ отъ ядра. Точно также существуетъ два яичка, расположенныя по правой и по лѣвой сторонѣ длиннаго ядра, изогнутаго въ видѣ подковы у *Euplotes charon* и *viridis*. Въ родахъ *Stylonychia* и *Urostyla* ядрышки, въ числѣ четырехъ или пяти, распределены на двѣ группы въ сосѣдствѣ ядеръ, изъ которыхъ переднее сопровождается двумя, а заднее—двумя или тремя ядрышками. Они замѣчательны ясно-окруженными контурами, сильнымъ преломленіемъ свѣта и однородностію. У *Spirostomum*, *ambiguum* каждое зерно длиннаго монистообразнаго тѣла, замѣняющаго ядро, заключаетъ въ глубокой впадинѣ на своей поверхности небольшое округленное сѣменное яичко, такъ-что такихъ яичекъ у этого животнаго до 45 или до 50. То-же, вѣроятно, встрѣчается у другихъ родовъ съ монистообразнымъ ядромъ.

«III. Развѣтіе мужскаго плодотворнаго органа разныхъ видовъ инфузорій нисколько не отличается отъ того, которое мы видѣли у *P. burgaria*. У *Oxytrichina* каждый изъ этихъ органовъ остается цѣльнымъ, увеличивается, и внутри его показывается густозернистое тѣло, снабженное трубчатымъ прибавкомъ, выдающимся въ полость мѣшечка и повидимому открытымъ на концѣ. Эта трубка, которую мы считаемъ за выводящій каналъ, часто бываетъ ясно наполнена волосными нитями, чрезвычайно тонкими, расположен-

ными параллельно оси канала, въ которомъ частію онѣ и лежатъ, тогда-какъ остальные части ихъ длины, выставившись изъ отверстія трубки, расходятся во всѣ стороны во внутренности мѣшечка. Позднѣе зернистое тѣло и его каналъ исчезаютъ и нити, освободившись, образуютъ пучекъ, наполняющій всю полость мѣшечка. Хотя я не видѣлъ ихъ движеній, но не колеблясь принимаю ихъ за живчиковъ.

«IV. Столь-же несомнѣнно можно считать ядро за женскій половой органъ инфузорій, совершенно противоположно гипотетическому мнѣнію *Эренберга*, который считаетъ его мужскимъ яичкомъ. Развитіе его также начинается во время размноженія и часто даже во время самаго совокупленія. У *P. avelia* и *caudatum* къ концу совокупленія на поверхности его являются многочисленныя бороздки во всѣхъ направленіяхъ; проникая въ него все глубже и глубже, эти бороздки разбиваютъ его наконецъ на множество сегментовъ неравныхъ и неправильно окруженныхъ, представляющихъ прозрачный центръ, болѣе или менѣе окруженный зернышками. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что зернышки составляютъ зачатокъ желтка, а центральная прозрачная часть — болѣе или менѣе развитой зародышный пузырекъ. Сегменты скоро разсѣваются въ окружающую паренхимѣ. Потомъ весьма небольшое число ихъ, почти всего четыре, рѣдко больше и очень рѣдко меньше, доканчиваютъ свое развитіе и скоро принимаютъ видъ вполне зрѣлыхъ яицъ. Въ этомъ состояніи они имѣютъ видъ маленькихъ блестящихъ тѣлъ, совершенно равныхъ по объему, нѣсколько овальныхъ и сѣровато-синихъ по цвѣту. Въ нихъ очень ясно видѣнъ мелкозернистый желтокъ, окруженный своею особенною оболочкою, которая отстаетъ отъ него послѣ нѣсколькихъ мгновеній пребыванія въ водѣ. Пузырекъ *Пуркинье* и пятно *Вагнера* видны съ ясностію тѣмъ болѣе удивительною, что дѣло идетъ о самыхъ мелкихъ изъ животныхъ. Я находилъ яйца еще въ тѣлѣ животнаго семь дней спустя послѣ совокупленія. Тогда въ нихъ не было уже ни пузырька, ни пятна и ихъ объемъ былъ нѣсколько значительнѣе.

«У вида близкаго на *P. bursaia* почковидное ядро сперва развѣтвывается и походитъ въ этомъ состояніи на лентовидное ядро *Вортицеллы*. Изъ него происходитъ до двадцати пяти сегментовъ и каждый становится яйцомъ. У *Stylonychia* и *Urostyla* яичекъ только четыре, какъ у *P. caudatum*, но они образуются иначе. Каж-

дое изъ двухъ ядеръ раздѣляется пополамъ, какъ при произвольномъ дѣленіи, и четыре сегмента превращаются въ яички».

«V. Я не видалъ, какъ яички выходятъ изъ тѣла. Вѣроятно, они выходятъ черезъ порошицу или какое-нибудь близкое къ ней отверстіе. Такъ у *Stylonychia* я видѣлъ, что они собираются на сторонѣ порошицы и число ихъ постепенно уменьшается на другой день послѣ совокупленія. Замѣчательно, что въ то-же время въ серединѣ животнаго появляется блѣдное круглое тѣло; оно удлиняется, перетягивается въ серединѣ и вновь образуетъ двойное ядро *Stylonychia*.

»VI. Инфузоріи не имѣютъ органовъ совокупленія. Большею частію совокупленіе совершается черезъ простое возлѣположеніе, при чемъ рты представляютъ половое сообщеніе. У *Oxytrichina* соединеніе тѣснѣе и даже доходитъ до настоящаго сліянія двухъ недѣлимыхъ болѣе чѣмъ на трети ихъ передней части, такъ-что кто не видѣлъ всѣхъ фазъ этого страннаго совокупленія, тотъ непремѣнно принялъ-бы это состояніе за продольное дѣленіе одного животнаго, идущее сзади напередъ. Но, хотя и нѣтъ прямыхъ наблюденій, современные переимѣны внутреннихъ органовъ, столь характеристическія для этого процесса, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ значеніи явленія».

И. СТРАХОВЪ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ПИХТА ВЪ ПАВЛОВСКОМЪ ПАРКѢ (6). — Въ прошломъ году г. *Рупрехтъ* замѣтилъ въ г. Павловскѣ весьма необыкновенный сростокъ двухъ пихтъ, замѣчательный въ физиологическомъ отношеніи. Одна изъ этихъ пихтъ имѣетъ въ вышину около 10 сажень и на высотѣ $4\frac{1}{2}$ фут. надъ поверхностью почвы 4 ф. 2 дюйм. въ окружности. Она четырьмя вѣтвями срослась съ другою болѣе тонкою пихтою, имѣющею въ высоту около $2\frac{1}{2}$ сажень и 1 ф. 2 дюйм. въ окружности на высотѣ $4\frac{1}{2}$ ф. надъ поверхностью почвы. Такіе сростки встрѣчаются довольно нерѣдко въ густыхъ чащахъ лѣсовъ; но здѣсь замѣчательно то, что болѣе тонкая пихта отдѣлена отъ корня, виситъ на четырехъ вѣтвяхъ толстой пихты и получаетъ питаніе исключительно черезъ нихъ. Кусокъ ствола отъ поверхности почвы до высоты $4\frac{1}{2}$ ф. у нея выпиленъ.

(6) Bull. de la cl. ph.-math. de l'ac. imp. des. sc. de St. Pétersbourg. № 401. 1 ноября 1858.

Г. *Рупрехтъ* обратился къ покойному *Вейманну*, чтобы узнать, когда случилось отдѣленіе тонкой пихты отъ корня; но тотъ сказалъ, что не можетъ сообщить ему никакихъ свѣдѣній относительно этого предмета. Тогда онъ сталъ спрашивать старожиловъ Павловска и служителей парка, не знаютъ-ли они чего-нибудь объ этомъ деревѣ, и узналъ, что отдѣленіе совершилось уже давно, болѣе, чѣмъ за 15 лѣтъ, и ему даже назвали лицо, которое отпилило недостающую часть.

Но такія неопредѣленные данныя не могли удовлетворить ученаго академика, и онъ донскался, что отдѣленіе тонкой пихты отъ корня было сдѣлано въ 1834 году, когда, по распоряженію великаго князя Михаила Павловича, доставлено собраніе образцовъ древесныхъ породъ Павловскаго парка для музея Императорской академіи наукъ.

Кусокъ, находящійся въ академіи, плотно приходится къ разрѣзу на висячемъ деревѣ и очевидно принадлежитъ ему по гладкости коры, по свойству отпечатковъ вѣтвей, по своей толщинѣ, по эксцентричности, одному и тому-же числу и расположенію сердцевинныхъ лучей и наконецъ по особенностямъ, встрѣчающейся какъ на разрѣзѣ, такъ и на кускѣ, именно, что слои отъ 37 до 39, если считать отъ центра дерева, такъ тонки, что ихъ съ величайшимъ трудомъ можно сосчитать.

На разрѣзѣ висячаго дерева и на верхнемъ разрѣзѣ куска, хранимаго въ музеѣ академіи, 49 слоевъ; слѣд. пихта эта была посажена въ 1785 г. и теперь имѣетъ 73 года. Съ 1834 г. у ней прервано соединеніе съ корнемъ; но, не смотря на то, она живетъ 24 года и питается исключительно черезъ вѣтви сосѣдняго дерева, съ которымъ срослась передъ разъединеніемъ съ корнемъ. Случай этотъ можно принять за опытъ, сдѣланный съ намѣреніемъ доказать, что сырой сокъ входитъ черезъ вѣтви одного дерева въ другое висячее и служитъ для образованія въ немъ новыхъ слоевъ.

Г. *Рупрехтъ* подробно описываетъ поверхность разрѣза на пихѣ, оставшейся у корня,—поверхность, которая начинала уже заростать, а также кусокъ длиною въ $4\frac{1}{4}$ дюйм., который былъ отпиленъ съ нижняго конца висячей пихты, и который сохраняется въ музеѣ академіи, гдѣ каждый можетъ его видѣть и сравнить съ кускомъ, отпиленнымъ въ 1834 году.

Въ этомъ примѣрѣ есть нѣчто поэтическое, говоритъ г. *Рупрехтъ*: одно дерево по природному побужденію срослось съ дру-

гимъ и потомъ содержать его на свой собственный счетъ, когда оно отдѣлено отъ корня и лишено возможности питаться самому.

Недалеко отъ этихъ пихтъ есть двѣ пихты, сросшіяся только двумя вѣтвями. Г. *Рупрехтъ* выражаетъ мнѣніе, что съ ними можно-бы сдѣлать поучительный опытъ.

СОКРАТИМОСТЬ РАСТИТЕЛЬНЫХЪ КЛѢТОЧЕКЪ. *Исслѣдованія Шенка (7).* — Сочиненіе это написано по случаю трехсотлѣтняго юбилея Іенскаго университета. Вюрцбургскій университетъ почтилъ этимъ изслѣдованіемъ праздникъ своего собрата. Все оно клонится къ тому, чтобы доказать, что въ настоящее время нельзя провести рѣзкихъ границъ между низшими животными и растеніями, и что различіе между ними, можетъ быть, можно найдти въ ихъ химическомъ составѣ; только едва-ли это справедливо? Извѣстно, что сократимость принималась за одинъ изъ критеріевъ для отличія животныхъ клѣточекъ отъ несократимыхъ растительныхъ. Значеніе этого критерія сильно поколебалось, когда сжимаемость клѣтчатой полости была принята за всеобщее условіе организаціи клѣточки, и наконецъ совершенно исчезнетъ, когда будутъ доказаны явленія сократимости въ стѣнкахъ растительныхъ клѣточекъ. Такія доказательства, по мнѣнію автора, находятся въ наблюденіяхъ проф. *Гофмана*, который видѣлъ, что амѣбы развивались изъ споръ голови (*Uredo-Caricis*). Вопреки мнѣнію автора, эти наблюденія нельзя принимать за доказательства сжимаемости растительныхъ клѣточекъ, потому-что, по наблюденіямъ проф. *Ценковскаго* (8), амѣбы суть особенное состояніе монадъ, входящихъ въ растительныя клѣточки извнѣ, на подобіе хитридій, которыя приводитъ авторъ далѣе и которыя онъ наблюдалъ въ клѣточкахъ нителлы, именно видѣлъ, что *Chytridium Lagenaria* и *Rhizidium intestinum* сокращаются и движутся на-подобіе амѣбъ. То-же самое видѣлъ и *Ценковскій* (9); но какъ мы не говорили о наблюденіяхъ послѣдняго объ этомъ предметѣ, то изложимъ изслѣдованія *Шенка*. Отверстіе, изъ котораго выходитъ часть, окружающая подвижныя крупинки хитридія, сопровождается

(7) Ueber das Vorkommen contractiler Zellen im Pflanzenreiche, von Prof. Dr. A. Schenk. Der Grossherzoglich-Sächsischen Gesamt Universität zu Jena zur Feier ihres drei hunderjährigen Jubilaeums dargebracht von der Universität zu Würzburg. 1858. Bot. Zeit. 1858. № 35.

(8) Сп. Ж. м. н. пр. 1858. Февр. отд. VII, стр. 81.

(9) Bot. Zeit. 1857. № 14.

всегда крышечкой, которая остается закрытою или полуоткрытою. *Rhizidium* развивается совершенно такимъ-же образомъ, какъ и *Chytridium*. Подвижная крупинка плотно пристаётъ къ стѣнкамъ клѣточки нитецеллы; изъ крупинки вытягивается длинный хоботокъ, который пробуравливаетъ стѣнку и мало-по-малу крупинка входитъ внутрь клѣточки нитецеллы; въ это время заостренный конецъ развивается нитеобразно. Позднѣе паразитъ состоитъ изъ двухъ шаровидныхъ половинокъ почти равной величины, отъ которыхъ идутъ маленькіе отростки, на-подобіе корней, и которые содержатъ въ себѣ мелкозернистое вещество съ каплями масла. Послѣ того различіе въ величинѣ обѣихъ половинокъ дѣлается значительнѣе и меньшая свѣтлѣетъ. Большая-же половина даетъ отъ себя тупой прибавокъ, который бываетъ то длиннѣе, то короче, и вырастаетъ сквозь стѣнки. Меньшая половина пустѣетъ и передаетъ свое содержаніе большей, гдѣ начинается развитіе подвижныхъ крупинокъ, для которыхъ капли масла были ядрами; протоплазма раздѣляется на нѣсколько частей, окруженныхъ легкими контурами и заключающихъ въ себѣ подвижныя крупинки; между обѣими половинами въ то-же время происходитъ перегородка. Подвижныя крупинки выходятъ черезъ продолженіе шейки то поодиночкѣ, то по нѣскольку вмѣстѣ, имѣютъ рѣснички и движутся на подобіе амѣбъ; оставшіяся-же въ маточныхъ клѣточкахъ измѣняются въ своемъ строеніи и обнаруживаютъ движеніе, которое происходитъ нѣсколько времени, потомъ дѣлается медленнѣе и наконецъ совершенно прекращается; снова начинается и снова прекращается; крупинка дѣлается овальною, рѣснички укорачиваются и исчезаютъ; потомъ на крупинкѣ, пришедшей въ покой и сдѣлавшейся шарообразною, вырастаетъ нитеобразный прибавокъ, который, удлиняясь, вѣтвится на концѣ, а вѣтки его снова развѣтвляются. Авторъ особенно настаиваетъ на томъ, что онъ не ошибся, и что онъ не принялъ животныхъ за подвижныя крупинки хитридія или за сокращающіяся растительныя клѣточки. Далѣе онъ рассматриваетъ явленія сжимаемости въ протоплазмѣ и первичномъ мѣшечкѣ при дѣленіи содержанія, въ движеніи мерцательныхъ волосковъ, въ измѣненіи вида подвижныхъ крупинокъ, въ потокахъ сока и т. д.—явленія, которыя зависятъ отъ жизни клѣточекъ, а не отъ внѣшнихъ вліяній. Явленія сократимости въ животныхъ клѣточкахъ весьма сходны съ тѣми-же явленіями въ растительныхъ клѣточкахъ. Авторъ совершенно согласенъ съ

мнѣніемъ *Кона*, что протоплазма составляетъ сокращающійся элементъ растительнаго организма и считаетъ сжимаемость свойствомъ, принадлежащимъ всѣмъ клѣточкамъ безъ исключенія. Послѣ того онъ переходитъ къ разбору мнѣній *Моля* и *Прынцсгейма* о сущности первичнаго мѣшечка и оболочки клѣточки и защищаетъ взглядъ перваго.

КОНЦТКА РАЦИОНАЛЬНАГО ИЗЛОЖЕНІЯ РАСТИТЕЛЬНОЙ ФИЗИОЛОГІИ, Вакера (10).—

Въ новѣйшее время, въ точныхъ естественныхъ наукахъ вошло въ обычай не заботиться вовсе о философіи, какъ будто въ ней нѣтъ никакой надобности. Причина этого презрѣніе, которое навлекла на себя бесплодная діалектика, долгое время господствовавшая въ наукѣ; вслѣдствіе оппозиціи такой діалектикѣ впади въ противоположную крайность и стали руководствоваться одною эмпиріей, забывая, что и самые опыты подчинены философскимъ началамъ.

Тѣмъ болѣе должно цѣнить всякое стремленіе проложить путь разумному методу въ той части науки, которой наиболѣе удалялась мистика Гегелева отвлеченія. Къ-сожалѣнію, нельзя во всемъ согласиться съ авторомъ. Основная мысль его состоитъ въ томъ, чтобы приложить къ физиологій методъ, употребляемый въ геологій, гдѣ результаты получаются двоякимъ путемъ, именно заключеніями по аналогіи и заключеніями по наведенію (стр. 9).

Въ геологій мы имѣемъ дѣло съ совершенно оконченнымъ процессомъ; поэтому намъ остается въ этой наукѣ единственный путь изслѣдованія — аналогія съ теперешнимъ міромъ. Въ физиологій, напротивъ-того, мы имѣемъ дѣло съ существующими, продолжающимися процессами; многочисленные результаты, полученные для низшихъ животныхъ и растений, которыхъ мы можемъ наблюдать, не разрушая въ живомъ состояніи, результаты эти, перенесенные на высшіе организмы, доказываютъ, что нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ такихъ данныхъ. Здѣсь заключеніе по аналогіи имѣетъ гораздо болѣе значенія, нежели въ геологій: ибо изъ процессовъ, замѣчаемыхъ у низшихъ организмовъ, мы можемъ заключать и у высшихъ объ этихъ процессахъ и справедливость нашихъ заключеній подтвердить опытами.

Другое возраженіе, которое можно сдѣлать автору, состоитъ въ

(10) H. Wacker. Vorschläge zu einer rationelleren Behandlung der mikroskopischen Physiologie. Calm. 1858. Bot. Zeit. 1859. 39.

томъ, что онъ вездѣ говоритъ о выводахъ. Между-тѣмъ-какъ въ большей части случаевъ въ такихъ запутанныхъ наукахъ, какъ физиологія и геологія, аналогія весьма несовершенна и ведетъ къ гипотезамъ, а не къ непреложнымъ выводамъ. И геологія на самомъ дѣлѣ есть наука гипотезъ.

Заключенія по наведенію суть послѣдствія, выведенныя изъ принятыхъ гипотезъ, и коль-скоро они не ведутъ къ негѣпостямъ т. е. не противорѣчаютъ дознаннымъ законамъ природы и извѣстнымъ фактамъ, то подтверждаютъ принятая гипотезы.

Но этотъ методъ нисколько не новъ; знаменитые натуралисты, достоинство которыхъ всѣми признано, давно уже употребляли его для рѣшенія труднѣйшихъ физиологическихъ вопросовъ, именно относительно образованія клѣточки и зародыша.

Самая важная часть труда составляетъ практическое приложеніе метода къ ботаникѣ.

Болѣе всего онъ прилагается къ движенію соковъ въ отдѣльныхъ клѣточкахъ и въ клѣтчатой ткани. Здѣсь авторъ, согласно методу, рассматриваетъ сначала одноклѣтчатые организмы, потомъ такіе, въ которыхъ клѣточки расположены въ одинъ рядъ, чтобы изучить движеніе сока отъ клѣточки къ клѣточкѣ, также изъ клѣточки наружу; далѣе изслѣдуются клѣточки, расположенныя въ плоскости, и наконецъ клѣточки, соединенныя по всѣмъ тремъ направленіямъ.

Подобнымъ образомъ должно стараться объяснять жизненныя явленія въ сложномъ организмѣ по сравненію съ тѣми-же явленіями въ простыхъ организмахъ и принимая въ расчетъ данныя отношенія. Очевидно, такой путь вѣренъ, потому-что онъ устраняетъ непреодолимыя препятствія, происходящія отъ недостаточнаго познанія частичнаго притяженія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, воспроизводится исторія растительной жизни, какъ получается исторія образованія земнаго шара; но при этомъ должно помнить, что въ физиологіи мы наблюдаемъ сущность вещей, и не дѣлаемся антикваріями, какъ въ геологіи, гдѣ по оставшимся буквамъ возстановляемъ смыслъ, который онѣ составляли.

Авторъ форму клѣточки и слои на ея стѣнкахъ выводитъ, какъ слѣдствіе движенія соковъ. Удлиненныя клѣточки происходятъ, по его мнѣнію, изъ клѣточекъ, имѣющихъ равный діаметръ по всѣмъ направленіямъ, потому-что сокъ движется преимущественно

по одному какому-нибудь направленію сосуды изъ удлиненныхъ клѣточекъ, потому-что стѣнки послѣднихъ, лежащихъ одна надъ другой, разрываются отъ тяжести сока. Мысль не новая: Шлейденъ уже давно объяснялъ такимъ образомъ формы клѣточекъ. Форма разнообразныхъ утолщеній на стѣнкахъ клѣточекъ не такъ легко объясняется; здѣсь морфологическія отношенія входятъ въ вопросъ и измѣняютъ движеніе сока; химическія явленія въ растеніяхъ весьма равномѣрны, слѣдов. весьма невѣроятно, что отъ нихъ преимущественно зависитъ видъ утолщеній. Самое значительное движеніе сока происходитъ отъ одной клѣточки къ другой и утолщенія сосѣднихъ клѣточекъ удивительно точно соотвѣтствуютъ другъ другу; поэтому вѣроятно, что это движеніе имѣетъ вліяніе на форму утолщеній. Въ молодости какого-нибудь растенія или какого-нибудь органа, движеніе сока въ его клѣточкахъ равно сильно во всѣ стороны; но потомъ, когда нѣкоторыя клѣточки, находящіяся въ прикосновеніи съ воздухомъ, начинаютъ сильно испарять воду, то движеніе сока происходитъ преимущественно по направленію къ этимъ клѣточкамъ. Между-тѣмъ это не уничтожаетъ движенія соковъ во всѣ стороны; но, по чрезвычайной сложности растеній и вслѣдствіе измѣнчивости наружныхъ вліяній, никакъ нельзя допускать равномѣрнаго движенія соковъ: поэтому въ мѣнѣе быстрыхъ мѣстахъ и отлагаются утолщенія, наприм. при развитіи листьевъ сокъ течетъ преимущественно вверхъ, но въ то-же время онъ идетъ и въ бокъ, въ сосѣднія клѣточки, вслѣдствіе того онъ получаетъ спиральное движеніе. Но все это одни предположенія, которыя должны быть доказаны посредствомъ опытовъ, чтобы получить какое-нибудь значеніе. Тѣмъ опрометчивѣе выводы автора изъ этой гипотезы, которые онъ прилагаетъ къ размноженію клѣточекъ, чрезъ дѣленіе, къ образованію ядра и первичнаго мѣшечка. Авторъ, кажется, забылъ, что при образованіи этихъ частей нельзя и думать о такихъ быстрыхъ потокахъ, какъ при образованіи сосудовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІА УНГЕРА ВЪ ОБЛАСТИ РАСТИТЕЛЬНОЙ ФИЗИОЛОГІИ (11). — Настоящія изслѣдованія *Унгера* относятся до отдѣленія растеніями воды и значенія этого явленія для ихъ жизни. Онъ различаетъ

(11) Beiträge z. Physiologie der Pflanzen. Von. Prof. *Unger*. Wien. 1858. Bot. Zeit. 1858. № 34.

выдѣленіе воды особенными органами и желѣзками и испареніе листьями, и вначалѣ вкратцѣ упоминаетъ о трудахъ своихъ предшественниковъ. Изслѣдованія начинаются съ выдѣленія воды листьями аронниковыхъ, именно рихардіи (*Richardia aethiopica*); они точно опредѣляютъ мѣсто, гдѣ происходитъ это выдѣленіе, именно не на самомъ концѣ и не въ углубленіи, происходящемъ отъ сшиванія листьевъ, а въ промежуточномъ мѣстѣ между ними,— что зависитъ отъ особеннаго анатомическаго устройства этой части. Расположеніе сосудистыхъ пучковъ въ листьяхъ аронниковыхъ вездѣ одинаково. Изъ черешка они идутъ въ листовые нервы, которые отклоняются отъ срединнаго дугообразно и многочисленными вѣтвями анастомозируются или оканчиваются слѣпыми концами въ мякоти листа. Какъ большіе, такъ и мелкіе нервы сходятся на верхушкѣ листа, отчего здѣсь происходитъ какъ-бы изъ всѣхъ нихъ пучекъ, который въ поперечномъ разрѣзѣ представляетъ кружокъ изъ широкихъ и узкихъ сосудовъ и удлиненныхъ тонкостѣнныхъ клѣточекъ, и который окруженъ мякотью (паренхимой). Узкіе сосуды—спиральные и кольчатые, на стѣнкахъ широкихъ сосудовъ видна очень тонкая спираль съ извивами, далеко отстоящими другъ отъ друга; спираль эта, если ее изслѣдовать дальше, дѣлается по мѣрѣ расширенія сосудовъ все тоньше и тоньше и наконецъ совершенно исчезаетъ. Чтобы узнать, не эти-ли сосуды приносятъ воду, отрѣзанный листъ былъ положенъ въ рыбью слизь, окрашенную кошенилью, при обыкновенной комнатной температурѣ, и помѣщенъ подъ колоколъ воздушнаго насоса, откуда былъ вытянутъ воздухъ. Окрашенная масса проникла не только въ узкіе сосуды, содержавшіе воздухъ, но наполнила почти безъ исключенія всѣ спиройды. Изъ этого слѣдуетъ, что спиральные сосуды наполнены не жидкостями, и что только сопровождающія ихъ длинныя тонкостѣнныя клѣточки служатъ для проведенія соковъ. Такое-же отношеніе существуетъ и у другихъ аронниковыхъ. Потомъ авторъ изслѣдовалъ листья вида *Brassica cretica*, которые, если помѣстить подъ стеклянный колоколъ часа на два, то на ихъ тупыхъ зубцахъ собираются капли воды. Здѣсь также нѣтъ никакого особеннаго выдѣлительнаго органа, а только соединеніе сосудистыхъ пучковъ непосредственно подъ зубцомъ. Эти пучки состоятъ изъ весьма узкихъ и немногочисленныхъ спиройдовъ, изъ лубовыхъ клѣточекъ съ стѣнками различной толщины и древесинныхъ клѣточекъ, которыя и

здѣсь главнымъ образомъ служатъ для проведенія соковъ и должны быть разсматриваемы, какъ органы, выдѣляющіе воду. То-же самое авторъ видѣлъ у злаковъ и сходныхъ съ ними растений, у которыхъ вода выдѣляется обыкновенно на концѣ, рѣдко по краямъ, и также соединеніемъ сосудовъ.

Далѣе *Умлеръ* изслѣдовалъ періодичность этого явленія и химическія свойства выдѣляемой воды. Чтобы получить большое количество этой жидкости, нѣсколько листьевъ рихардіи были сближены между собою помощію скобокъ, и сокъ собирался въ узкія трубочки, которыхъ вѣстимость была измѣрена. Днемъ выдѣленіе воды гораздо меньше, нежели ночью, и чтобы получить его должно брать молодые и развивающіеся листья. Химическое изслѣдованіе выдѣленной жидкости, которая прозрачна, безцвѣтна и безъ вкуса, показало, что она по удѣльному вѣсу и химическому составу очень похожа на весенній березовый сокъ, только послѣдній содержитъ въ себѣ болѣе твердыхъ веществъ; сокъ, выжатый изъ листьевъ рихардіи, показалъ тѣ-же самыя свойства. Выдѣленіе сока изъ листьевъ и наполненіе сокомъ древесныхъ растений въ сущности и по формѣ есть одинъ и тотъ-же процессъ. Если сокъ, полученный изъ верхнихъ частей древесныхъ растений, содержитъ въ себѣ менѣе твердыхъ частей, чѣмъ сокъ, полученный изъ частей близкихъ къ корню, то это согласуется съ другими наблюденіями, которыя доказываютъ, что сокъ изъ наружныхъ частей растения содержитъ въ себѣ менѣе растворенныхъ веществъ, нежели сокъ центральныхъ частей. Сосудистыя пучки, именно ихъ внутренняя часть и древесина двусѣменоныхъ растений, назначены для проведенія сока, который доходитъ до листьевъ не вслѣдствіе эндосмоса, а вслѣдствіе давленія, производимаго корнемъ. Ни испареніе, ни постепенное усвоеніе сока не ускоряютъ его движенія; оно зависитъ единственно отъ давленія, производимаго корнями и доводящаго сокъ до самыхъ концевъ сосудистыхъ пучковъ и даже выходящаго его изъ листьевъ. Днемъ часть сока, выходящаго изъ листьевъ, теряется отъ испаренія; ночью-же этого нѣтъ. Съ восхожденіемъ сыраго сока соединено нисхожденіе выработаннаго, усвоеннаго, которое совершается въ остальныхъ клѣточкахъ и преимущественно въ корѣ.

Д. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТЧЕТЪ О ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА (1). — Императорская академія наукъ, въ исполненіе Положенія о наградахъ графа Уварова, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія собранія о конкурсѣ на эти награды въ текущемъ году. Соотвѣтственно § 18 Положенія о наградахъ графа *Уварова*, нынѣшній конкурсъ закрытъ былъ 1 мая. На состязаніе поступило 15 сочиненій, которыя, за исключеніемъ двухъ рукописей историческаго содержанія, относились къ драматической литературѣ. Изъ этого числа четыре общимъ собраніемъ академіи, 2 мая 1858 года, не были допущены къ конкурсу, по силѣ § 4 Положенія, какъ не бывшія еще на разсмотрѣніи цензуры. Общее собраніе рѣшило, чтобы неизвѣстные авторы сихъ сочиненій были вызваны посредствомъ вѣдомостей для полученія ихъ обратно.

Изъ числа допущенныхъ къ конкурсу сочиненій было четыре драмы, двѣ трагедіи и три комедіи; притомъ двѣ трагедіи и одна комедія печатныя, прочія — въ рукописи.

Составленная для обсужденія драматическихъ сочиненій коммиссія изъ семи членовъ сначала распредѣлила поступившія пьесы между собою, для разсмотрѣнія ихъ, а затѣмъ, принявъ къ свѣдѣнію представленныя разборы отдѣльныхъ сочиненій, опредѣлила отправить ихъ еще разнымъ членамъ академіи внѣ С. Петербурга, членамъ-корреспондентамъ академіи и литераторамъ, о которыхъ можно было предполагать, что они съ готовностію примутъ вызовъ академіи содѣйствовать ей въ этомъ патриотическомъ дѣлѣ. Впрочемъ, академія тѣмъ исполнила только одно изъ правилъ Положенія, въ силу котораго (§ 11) драматическая коммиссія, кромѣ академиковъ, выбираетъ и постороннихъ рецензен-

(1) Читанъ въ публичномъ засѣданіи академіи 25 сентября 1858 г., академикомъ П. А. Плетневскимъ.

товъ изъ числа извѣстныхъ Русскихъ писателей. Наученная опытомъ прошлаго года, комиссія въ этотъ разъ опредѣлила съ самаго начала помѣстить въ списокъ свой большее число постороннихъ рецензентовъ, и между ними, по весьма естественнымъ причинамъ, также нѣкоторыхъ артистовъ Санктпетербургскаго театра, проникнутыхъ истиннымъ призваніемъ драматическаго искусства и уже давно снискавшихъ себѣ почетное имя въ своей сферѣ.

Не смотря на эту мѣру, академія не достигла того, чтобы всѣ поступшія сочиненія были также просмотрѣны посторонними рецензентами. Иные изъ тѣхъ, къ которымъ обращалась она, или находились внутри Россіи, или въ чужихъ краяхъ, или-же возвратились изъ своего путешествія въ такое время, когда драматическая комиссія, по истеченіи лѣтнихъ вакацій, уже снова принялась за пересмотръ разборовъ въ своихъ засѣданіяхъ. Чтобы не навлечь на себя нареканія въ неточномъ исполненіи правилъ Положенія, академія поручила вторичный просмотръ возвращенныхъ ей безъ разбора сочиненій нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ. Не смотря на то, результатомъ всѣхъ разборовъ, представленныхъ академиками и посторонними критиками, было то, что комиссія и въ нынѣшнемъ году, въ точности соображаясь съ Положеніемъ (§ 9), не нашла возможности присудить награды ни одному изъ драматическихъ сочиненій. Въ нихъ недостаетъ тѣхъ достоинствъ, какія требуются Положеніемъ, что выражено и въ отзывахъ рецензентовъ.

Затрудненіе, испытанное драматическою комиссіею въ своевременномъ (т.-е. къ 15 августа) полученіи специальныхъ разборовъ, побудило ее озаботиться объ устраненіи такого неудобства на будущее время. Единственнымъ средствомъ оказалось измѣнить срокъ открытія и закрытія конкурса. До-сихъ-поръ, на основаніи Положенія, непремѣнный секретарь въ декабрѣ или январѣ мѣсяцѣ напоминаетъ объявленіями, печатаемыми въ газетахъ, что только до 1 мая принимаются сочиненія для совсканія наградъ графа Уварова. Драматическая комиссія нашла болѣе удобнымъ, чтобы вызовъ былъ дѣлаемъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, и чтобы конкурсъ былъ закрываемъ 31 декабря. Тогда комиссія можетъ доставленныя ей сочиненія, по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи въ самой академіи, до наступленія лѣта распределить между посторонними критиками, имѣя притомъ въ виду лица, не только пребывающія въ Санктпетербургѣ, но и находящіяся въ Москвѣ

и другихъ мѣстахъ. По окончаніи академическихъ ваканцій, т.-е. въ началѣ августа, коммиссія снова собирается для чтенія разборовъ постороннихъ рецензентовъ, и тогда уже, при полномъ числѣ ожидаемыхъ ею голосовъ, тщательно соображаетъ тѣ основанія, которыя могутъ побудить академію къ увѣнчанію того, либо другаго сочиненія наградою.

Историческая коммиссія, убѣждаясь въ необходимости принятія этихъ мѣръ по предмету открытія и закрытія конкурса, постановила еще слѣдующее особое правило въ дополненіе къ Положенію, въ той мѣрѣ, сколько оно касается историческихъ сочиненій. Въ одобренной общимъ собраніемъ 3 мая 1857 года редакціи Положенія (§ 25) сказано, что «при отчетѣ непремѣннаго секретаря о послѣдствіяхъ каждаго конкурса печатаются и всѣ одобрительныя рецензіи, на основаніи которыхъ присуждены коммиссіями награды, или, за неимѣніемъ суммъ, почетные отзывы». Поэтому, впоследствии времени, могло-бы случиться, что тѣ одобрительныя разборы какъ академиковъ, такъ и постороннихъ рецензентовъ, съ присужденіемъ которыхъ историческая коммиссія по точнымъ соображеніямъ своимъ не могла-бы вполне согласиться, оставались-бы ненапечатанными, и слѣдовательно труды иногда видимо-добросовѣстные и выполненные съ нѣкоторымъ успѣхомъ лишались-бы всякаго поощренія. Этимъ преграждался-бы путь къ достиженію одной изъ главныхъ цѣлей основателя наградъ, состоящей въ томъ, чтобы, посредствомъ наградъ меньшаго достоинства и такъ-называемыхъ поощрительныхъ наградъ, молодые писатели побуждаемы были къ разработыванію монографій меньшаго объема. Впоследствии времени число состязателей по исторической части должно, безъ-сомнѣнія, увеличиться. Между ними, вѣроятно, найдутся такіе, которые обнаружатъ талантъ или трудолюбіе, но по какой-либо причинѣ только приблизительно исполнять тѣ требованія, какія коммиссія должна имѣть въ виду на основаніи Положенія. Въ такомъ случаѣ, указанія и замѣтки одного или нѣсколькихъ рецензентовъ легко могутъ побудить историка, стремящагося къ самосовершенствованію, приняться за восполненіе пробѣловъ и недостатковъ въ первоначальной редакціи его труда. Предусматривая случаи такого рода, историческая коммиссія рѣшилась предложить, чтобы авторамъ сочиненій, которые не вполне удовлетворительно налагаютъ свой предметъ, оставляемъ былъ случай къ пополненію или исправленію ихъ труда

и къ представленію его послѣ въ усовершенствованномъ видѣ на вторичный конкурсъ. Средствомъ къ достиженію этой цѣли историческая коммиссія предложила постановить для почетныхъ отзывовъ слѣдующія два правила:

1) «Рукописное сочиненіе, поступившее въ конкурсъ и оставленное при баллотировкѣ безъ награды, можетъ быть удостоено почетнаго отзыва, съ предоставленіемъ автору права представить это сочиненіе, въ видѣ исправленной рукописи или отпечатанной книги, снова къ одному изъ двухъ слѣдующихъ конкурсовъ».

2) «Рукописное сочиненіе, написанное для рѣшенія ученой задачи, если оно хотя приблизительно будетъ удовлетворять требованіямъ программы, можетъ быть сперва удостоено почетнаго отзыва, съ предоставленіемъ автору права вторично представить сочиненіе въ исправленномъ видѣ на одинъ изъ двухъ слѣдующихъ конкурсовъ. Въ такомъ случаѣ сумма, составляющая поощрительную награду, отлагается до прекращенія срока этихъ конкурсовъ».

При этой перемѣнѣ академія, выражая вниманіе къ полезной дѣятельности Русскихъ ученыхъ, всего болѣе охраняетъ успѣхи науки, и именно отечественной исторіи, поощряетъ ея воздѣлывателей и старается сдѣлать Уваровскій конкурсъ на будущее время болѣе-плодотворнымъ. Самъ учредитель конкурса изъявилъ полное свое соглашеніе на это дополненіе въ Положеніи, и академія, съ истиннымъ удовольствіемъ, въ нынѣшнемъ-же году, пользуется случаемъ примѣнить одно изъ сихъ дополненій къ награжденію труда, который по прежней редакціи Положенія не получилъ бы отъ исторической коммиссіи одобрительнаго отзыва. «Обозрѣніе Русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ, отъ перваго появленія въ Москвѣ изображенія св. апостола Луки въ 1564 году до повсемѣстнаго распространенія этого искусства въ Россіи, т.-е. до 1725 года», сочиненіе Д. Равинскаго, которому академія уже въ прошломъ году присудила премію меньшаго достоинства за трудъ его: «Исторія Русскихъ школъ иконописанія». Оба сочиненія были первоначально вызваны задачею, предложенною со стороны Императорскаго археологическаго Общества.

Представленное въ рукописи сочиненіе «Обозрѣніе гравированія» разсматриваетъ не вполне еще оцѣненный до сего времени предметъ, котораго поясненіе прежде всего требуетъ близкаго знакомства съ относящимся къ нему матеріаломъ. Для удовлетвори-

тельного разсмотрѣнія рукописи, академія должна была найти такого рецензента, который-бы изучилъ этотъ предметъ. Оно его нашла въ лицѣ Владиміра Васильевича *Стасова*, который, какъ было извѣстно академіи, внимательно занимался этимъ предметомъ. Онъ, состоя на службѣ при статсъ-секретарѣ баронѣ М. А. *Корфѣ* и исполняя порученія его по Императорской публичной библіотекѣ, имѣлъ случай пользоваться богатыми ея коллекціями, какъ отдѣльныхъ гравированныхъ листовъ, такъ и снабженныхъ гравюрами старопечатныхъ и другихъ книгъ. Г. *Стасовъ* вполне оправдалъ ожиданія академіи, и отчетливымъ исполненіемъ ея порученія снискалъ себѣ полное право на благодарность не только академіи, но и всѣхъ любителей Русскихъ древностей. Главныя заключенія его подробнаго разбора состоятъ въ слѣдующемъ:

«Сочиненіе «О Русской гравюрѣ до 1725 года» не вполне соответствуетъ современнымъ требованіямъ науки и критики и не вполне способствуетъ познанію избраннаго предмета: ибо, съ одной стороны, въ сочиненіи этомъ разрабатывается далеко не весь матеріалъ, который нынѣ открытъ нашей наукѣ вслѣдствіе труда многихъ собирателей и который необходимо долженъ войти въ составъ исторіи или обзорѣнія Русской гравюры; съ другой стороны, даже и взятый матеріалъ обработанъ не вполне удовлетворительно въ разныхъ отношеніяхъ. Не смотря на это, настоящій трудъ заслуживаетъ уваженія и восполняетъ весьма-важный пробѣлъ, чувствовавшійся въ нашей археологической литературѣ. Сочиненія объ исторіи Русскаго гравированія въ первый періодъ его существованія у насъ еще вовсе не было: все, сдѣланное до-сихъ-поръ отечественными археологами, можетъ быть скорѣе названо предварительными указаніями на изданія, въ которыхъ находятся древнія Русскія гравюры,—указаніями преимущественно библіографическими, никогда не вступающими въ сферу художественной критики. Притомъ-же, статьи о Русскихъ гравюрахъ весьма-немногочисленны и касались до-сихъ-поръ лишь нѣкоторыхъ частей исторіи гравюры на деревѣ; но о гравюрѣ на мѣди XVII и первой четверти XVIII столѣтія мы не имѣли даже и этихъ скудныхъ извѣстій. Такимъ-образомъ «Обозрѣніе Русскаго гравированія до 1725 года» есть сочиненіе вполне самостоятельное, и на которое употребленъ огромный трудъ. Хотя авторъ не все сдѣлалъ, чего можно было-бы ожидать отъ подобнаго сочиненія, но онъ сдѣлалъ уже чрезвычайно-

много, и было-бы, по мнѣнію г. Стасова, весьма-несправедливо лишать трудъ его уваженія и одобренія. Несовершенства труда могутъ быть исправлены авторомъ столько-же по указаніямъ, изложеннымъ въ представленномъ разборѣ, сколько и по дальнѣйшимъ его собственнымъ изслѣдованіямъ. Не должно терять изъ виду, что если даже принять настоящее сочиненіе не за *исторію* Русской гравюры, а за *лексиконъ граверовъ* (хотя-бы только за лексиконъ граверовъ, обозначенныхъ именемъ или монограммою), то и это уже составляетъ трудъ весьма-почтенный, заслуживающій всякаго уваженія и составляющій приобрѣтеніе весьма-важное для отечественной науки. Составленіе такого лексикона требовало разсмотрѣнія огромнаго количества старопечатныхъ книгъ и отдѣльных гравюръ, и было сопряжено съ весьма-немаловажными трудами. Полныхъ справочныхъ лексиконовъ для граверовъ западно-Европейскихъ школъ и до-сихъ-поръ нѣтъ, хотя надъ этимъ предметомъ трудятся уже болѣе двухъ столѣтій многочисленныя ученые и любители. Тѣмъ-менѣе должно ожидать полноты и совершенства отъ перваго у насъ труда по этому предмету, гдѣ, притомъ, не было сдѣлано никакихъ почти предварительныхъ работъ раньше нашего автора: ему все приходилось начинать и совершать самому.... Не только нельзя отказать разбираемому труду въ уваженія, но слѣдуетъ жалеть его обнародованія (по надлежащемъ исправленіи): безъ всякаго сомнѣнія, это сочиненіе должно будетъ служить будущимъ разыскателямъ и историкамъ Русской гравюры твердымъ исходнымъ пунктомъ для послѣдующихъ работъ, и будетъ, по всей вѣроятности, первою побудительною причиною для продолженія того, что начато нашимъ авторомъ, а также для изслѣдованія многочисленныхъ вопросовъ, еще никѣмъ не тронутыхъ, но теперь уже представляющихся вслѣдствіе новыхъ матеріаловъ, вносимыхъ въ область науки».

Разсмотрѣвъ и обсудивъ всѣ частности разбора г. Стасова, историческая коммиссія не могла не убѣдиться, что сочиненіе г. Равинскаго не заслуживаетъ Уваровской награды; но, принимая въ соображеніе новость въ нашей литературѣ избраннаго авторомъ предмета и явное въ исполненіи трудолюбіе, она, на основаніи дополненія къ Положенію о наградахъ графа Уварова, присудила ему почетный отзывъ, съ предоставленіемъ права вторично представить это сочиненіе въ дополненномъ видѣ на одинъ изъ двухъ слѣдующихъ конкурсовъ. Наконецъ положено напечатать разборъ

г. Стасова при отчетѣ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова.

Съ изъявленіемъ своей признательности всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ драматической комиссіи въ трудѣ разбора доставленныхъ на нынѣшній конкурсъ сочиненій, академія присудила Уваровскую медаль г. Стасову за подробный его разборъ сочиненія: «О Русскомъ гравированіи».

По силѣ § 14 Положенія о наградахъ графа Уварова, академія обязана назначить ученые задачи для полученія поощрительной награды, и срокъ для ихъ исполненія. Вслѣдствіе переменъ времени открытія и закрытія конкурса, академія сочла удобнымъ продлить 8 мѣсяцами срокъ задачъ, предложенныхъ 25 сентября 1847 года, и объ этомъ объявить въ вѣдомостяхъ. Такимъ образомъ срокъ доставленія въ академію отвѣтныхъ сочиненій на задачи: *Разборъ статей въ хронографѣхъ, по отношенію къ Русской исторіи, и Историческое обозрѣніе разныхъ состояній сельскихъ обывателей въ Россіи до конца XVI вѣка* назначается по 31 декабря 1859 года. Отвѣтныя сочиненія на задачу: *Измѣдованіе о древнемъ Русскомъ юридическомъ языкѣ* должны быть представлены къ 31 декабря 1860 года.

Теперь мы имѣемъ честь предложить на будущее время одну новую задачу:

Исторія судныхъ пошлинъ въ Россіи.

Изъ всего множества разныхъ пробѣловъ въ изслѣдованіяхъ объ отечественной исторіи, въ наше время весьма ощутительнымъ оказывается недостатокъ въ дѣльныхъ монографіяхъ о постепенномъ развитіи юридическихъ понятій въ древней и новой Россіи. Императорская академія наукъ, имѣя особенно въ виду современную потребность въ основательныхъ изслѣдованіяхъ объ исторіи преобразованій судопроизводства и разныхъ отраслей администраціи въ послѣднія столѣтія, предлагаетъ на этотъ разъ задачу объ исторіи судныхъ пошлинъ.

При обработкѣ задачи должно имѣть въ виду слѣдующіе предметы:

Во-1-хъ, показать начало судныхъ пошлинъ по историческимъ и юридическимъ памятникамъ.

Во-2-хъ, объяснить по-возможности устройство судныхъ по-

шлинъ по разнымъ мѣстностямъ и въ разные времена, какъ онѣ постепеннаго измѣнялись.

Въ-3-хъ, какъ раздѣлялись судныя пошлины между членами и служителями суда.

Въ-4-хъ, какъ одѣивались дѣла для взятія съ нихъ пошлинъ и за какія дѣйствія онѣ взились.

Наконецъ въ-5-хъ, былъ-ли какой учетъ при взятіи судныхъ пошлинъ, и кто изъ тяжущихся платилъ ихъ?

Авторамъ не поставляется въ обязанность слѣдовать обозначенному порядку частей вопроса; желательно только, чтобы каждая часть изслѣдована была съ одинаковою точностію.

Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе награды назначается 31 декабря 1860 года.

При доставленіи рукописей въ отвѣтъ на эту задачу, авторы приглашаются соблюдать правила, постановленные въ 5 п. § 14 Положенія о наградахъ графа Уварова.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — 31-го октября Общество это праздновало 92-ю годовщину своего учрежденія торжественнымъ общимъ собраніемъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ президента, Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Засѣданіе, состоявшее изъ осьмидесяти слишкомъ гг. членовъ, сотрудниковъ и корреспондентовъ, открыто, по установленному для сего торжества порядку, чтеніемъ всеподданнѣйшаго письма первыхъ пятнадцати учредителей Общества, при которомъ поднесены императрицѣ Екатеринѣ II планъ и уставъ Общества, и всемилостивѣйшаго отвѣта ея величества отъ 31-го октября 1765 года, а также высочайшихъ рескриптовъ вѣнценосныхъ преемниковъ великой основательницы Общества, подтверждающихъ его права и преимущества. Затѣмъ приступлено къ назначенію наградъ, отъ Общества присужденныхъ разнымъ лицамъ: 1) Г. члену Общества, статскому совѣтнику *П. А. Шторгу* вручена августѣйшимъ Президентомъ большая золотая медаль, за предложеніе мысли и труды по приобрѣтенію облигацій государственныхъ фондовъ на принадлежащій Обществу капиталъ въ 300,000 р. с., обращавшійся въ коммерческомъ банкѣ, вслѣдствіе чего ежегодный доходъ Общества значительно умножился. 2) Аптекарю Кишиневскаго воен-

наго госпиталя, коллежскому ассессору *Ф. Романдину* назначена золотая медаль въ пятнадцать червонцевъ за устройство, близъ г. Кишинева, превосходнаго и обширнаго пивочнаго заведенія, въ бассейнахъ коего уже нѣсколько лѣтъ воспитывается ежегодно до 15,000 пивокъ, разсылаемыхъ, по особому, придуманному имъ способу, въ здоровомъ состояніи въ разные концы Россіи. 3) По Высочайше утвержденному миѣнію комитета гг. министровъ, согласно ходатайству Общества, награждены лица, разныхъ званій, за заслуги по распространенію предохранительнаго оспопрививанія медалями для ношенія на груди, на зеленой лентѣ: золотыми — три и серебряными — двадцать одно; серебряными же медалями, въ видѣ подарковъ, въ 15 и 10 руб. каждая, шесть лицъ. Сверхъ-того объявлена письменная благодарность Общества тридцати двумъ оспопрививателямъ. Послѣ сего доведено до свѣдѣнія собранія, что съ 20-го ноября, по четверткамъ, съ семи часовъ вечера, начнутся въ домѣ Общества, согласно утвержденному уже онымъ предположенію, публичныя лекціи о *оренажѣ*, инженеромъ К. И. Фалевичемъ, изучившимъ предметъ этотъ за границею, — о чемъ вслѣдъ за симъ сдѣлана будетъ подробная публикація. Присемъ прочитана программа этихъ лекцій, и г. заступающій мѣсто вице-президента, генералъ-лейтенантъ баронъ К. А. *Шлиппенбахъ*, представилъ Его Императорскому Высочеству Президенту в собранію лично г. *Фалевича*. Въ заключеніе засѣданія, по принятому обыкновенію, предложены были тосты: Его Императорскимъ Высочествомъ Президентомъ — за здравіе Государа Императора и за преуспѣваніе Общества, а г. заступающимъ мѣсто вице-президента — за здоровье августѣйшаго Президента. По окончаніи засѣданія, гг. члены съ любопытствомъ рассматривали выставку разныхъ замѣчательныхъ произведеній сельскаго хозяйства, устроенную въ отдѣленіи залы собранія. Предметы эти, доставленные изъ подстоличныхъ имѣній гг. членовъ: барона К. А. *Шлиппенбаха*, А. Е. *Сафонова* и удѣльнаго земледѣльческаго училища, состояли изъ образцовъ разныхъ хлѣбовъ въ зернѣ и колосахъ, сѣмянъ кормовыхъ травъ, огородныхъ овощей, молочныхъ скоповъ, меда въ рамкахъ и т. п. Особенное вниманіе обратили на себя пшеница мумійная, разводимая уже нѣсколько лѣтъ сряду на поляхъ с. Александровскаго, и сѣмена Китайской кормовой травы *му-сюй*, выдерживающей здѣшнюю зиму, также изъ имѣнія барона К. А. *Шлиппенбаха*, превосходные сыры разныхъ сортовъ удѣль-

наго земледѣльческаго училища, и оттуда-же рамочный медь и деревянная посуда изъ можжевельоваго дерева.

ЗАСѢДАНІЯ ВИЛЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. — 11 іюля и 11 августа происходили обыкновенныя засѣданія Виленской археологической комиссіи. Въ первомъ изъ сихъ засѣданій, подъ предѣтельствомъ графа Евстафія *Тышкевича*, происходило слѣдующее: По прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, прочитаны были официальные отзывы и письма, полученныя комиссіей. Между ними находились: 1) Три письма дѣйствительнаго члена комиссіи графа Константина *Тышкевича* (два изъ Беллина и одно изъ Маріенбурга). Графъ *Тышкевичъ*, представивъ очеркъ прибрежій Нѣмана и своего путешествія въ Кенигсбергъ, описываетъ этотъ древній городъ, слегка только касаясь настоящаго его торговаго и промышленнаго положенія и его внѣшней физіономіи; но, какъ археологъ, съ любовію посвящаетъ время обзорѣнкію и изученію памятниковъ и надписей, особенно находящихся въ каедральномъ костелѣ, и сообщаетъ весьма интересное описаніе церковнаго склепа, въ которомъ находятся останки нѣкоторыхъ изъ князей Радзивилловъ. Не менѣе интереса представляетъ описаніе Маріенбурга съ историческимъ обзоромъ прошлаго. 2) Письмо почетнаго члена графа Адама *Плятера*, которымъ проситъ комиссію о доставленіи ему полномочія на археологическія раскопки и изысканія въ западныхъ губерніяхъ. 3) Отзывы дѣйств. чл., митрополита Римско-католическихъ церквей въ Россіи, его высокопреосвященства Вацлава *Жилинскаго* и дѣйств. тайн. совѣтника барона М. А. *Корфа*. 4) Письмо помѣщика Юндзила, при которомъ онъ пересылаетъ въ бібліотеку музеума рукопись: «Дневникъ путешествія ксендза Ксаверія Котвича 1777 г.» и свое сочиненіе: «Объ основаніи ботаническаго сада въ Вильнѣ». 5) Отзывъ дѣйств. члена, генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта В. И. *Назмоса* отъ 19 іюня, въ которомъ онъ предлагаетъ комиссіи тщательно разсмотрѣть одиннадцать тюковъ, съ оружіемъ и серебряными вещами, полученныхъ имъ при отзывѣ г. управлявшаго военнымъ министерствомъ отъ 20 мая, въ такомъ точно видѣ, въ какомъ они доставлены были въ военное министерство отъ Динабургскаго коменданта генералъ-лейтенанта Сянборскаго, по поводу слѣдствія объ утратѣ драгоцѣннаго стариннаго оружія изъ коллекціи гр. Косаковскаго. 6) Отзывъ г. главнаго начальника Уральскихъ горныхъ

заводовъ генераль-маіора *Фелькера* слѣдующаго содержания: «Не могу вполне выразить моей признательности за честь, которой удостоила меня Виленская археологическая коммиссія, причисливъ меня къ числу своихъ членовъ; но съ истиннымъ огорченіемъ я принужденъ отказаться отъ столь почетнаго для меня званія. Постоянныя занятія и разъѣзды по заводамъ, разсѣянными по всему протяженію цѣли Уральскихъ горъ, не дозволяютъ мнѣ добросовѣстно исполнить обязанности, лежащей на каждомъ членѣ ученаго общества. Лучшимъ доказательствомъ справедливости того можетъ послужить мой запоздалый отвѣтъ на почтенный отзывъ г. председателя Общества. Во всякомъ случаѣ я прошу дозволенія доставлять въ музей, время-отъ-времени, ископаемые предметы Уральского хребта и все то, что можетъ найти приличное мѣсто въ музейѣ. Такимъ только образомъ я могу быть полезнымъ Обществу, и не пользуясь честью считаться его членомъ.»

Засѣданіе 11 августа, за отсутствіемъ г. председателя, происходило подъ председательствомъ дѣйств. чл. прелата *Мамерта Гербурта*. По прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, приступлено, по предложенію г. председательствующаго, къ избранію для исправленія должности ученаго секретаря вмѣсто *Маврикія Круповича*, находящагося за границей, и, за отсутствіемъ избраннаго прежде къ тому *К. Тамуевича*, избранъ г. *Пржибыльскій*, который, присутствуя на этомъ засѣданіи, уже и вступилъ въ должность. По предложенію г. председательствующаго, обратились съ просьбою къ дѣйств. чл. *А. Адамовичу* и чл. *С. В. Пржибыльскому* заняться устройствомъ минералогическаго кабинета и пересмотромъ его каталоговъ, а также, вмѣстѣ съ консерваторомъ барономъ *Людвигомъ Кене*, обратить вниманіе на устройство и предохраненіе отъ дальнѣйшей порчи орнитологической коллекціи и составить систематическій каталогъ обоимъ кабинетамъ. Затѣмъ приступлено къ прочтенію отзывовъ и писемъ, полученныхъ въ теченіе прошлаго мѣсяца, между которыми находились: 1) Предложеніе дѣйствительнаго члена генераль-адъютанта *В. И. Назимова* отъ 31 іюля, которымъ онъ предлагаетъ коммисіи принять въ собственность музея саблю *Сигизмунда II*, принадлежавшую нѣкогда въ коллекціи гр. *Коссаковского*. При предложеніи сообщена и копія съ постановленія *Витебскаго губернскаго правленія* о мѣрахъ, предпринятыхъ къ отысканію сабли. 2) Предложеніе г. попечителя *Виленскаго учебнаго округа*

отъ 30 іюля 1858 г. объ утвержденіи дѣйствительнымъ членомъ генераль-маіора Ѳедора *Фелькнера*. 3) Письмо, адресованное на имя предсѣдателя, отъ дѣйств. чл., стат. совѣт. Э. А. *де-Роберти*, при которомъ послѣдній препровождаетъ портретъ Казимира Сапѣги, писанный масляными красками, принадлежавшій нѣкогда къ Деречинской галереѣ. На обратной сторонѣ портрета находится надпись: «Kazimierz Sapieha K. W. L. Dziad J. W P.» и потому справедливо замѣчаетъ дѣйств. чл. Э. А. *де-Роберти*, что этотъ портретъ представляетъ Сапѣгу, Литовскаго крайчаго, впоследствии воеводу Трокскаго, извѣстнаго путешественника и сына Яна Сапеги, писаря в. к. Литовскаго. При письмѣ препровожденъ самый портретъ. 4) Отзывъ архимандрита *Александра* съ препровожденіемъ папской буллы изъ типографіи Супрасльскаго. 5) Отзывъ членовъ комитета Краковскаго ученаго общества по устройству выставки древностей. 6) Отзывъ Ф. *Гана*, придворнаго книгопродавца въ Ганноверѣ, члена комитета Нижне-Саксонскаго историческаго Общества, съ приложеніемъ рисунковъ четырехъ статуэтокъ, составляющихъ его собственность, о сходствѣ которыхъ съ Перкунасомъ, принадлежащимъ музеуму, комиссіи сообщилъ уже обществу г. *Гусевъ*. Г. *Ганъ* пересылаетъ описаніе рисунковъ и свои замѣчанія касательно происхожденія вышеупомянутыхъ статуэтокъ, которыя прежде Нѣмецкіе археологи ошибочно признавали за украшенія къ подсвѣчникамъ и люстрамъ, основываясь только на томъ, что статуэтки эти просверлены насквозь. Вотъ слова г. *Гана*: «Мнѣніе г. *Гусева*, что эти статуэтки Литовскаго происхожденія, сильно заинтересовало меня и другихъ, находящихся здѣсь, любителей древностей. Мы до-сихъ-поръ не знали, къ чему ихъ причислить, хотя три изъ нихъ мужскія фигуры своимъ видомъ весьма напоминаютъ Юпитера. Но слишкомъ грубая отдѣлка, отсутствіе стиля сильно подкапываютъ догадки о Римскомъ ихъ происхожденіи; а объ идолахъ Германскихъ мы почти ничего не знаемъ. Незначительное число извѣстныхъ идоловъ Славянскихъ, точно также, какъ и всѣ Кельтическія той-же эпохи, также рѣзко отличаются отъ нихъ по стилю. Нельзя подозрѣвать здѣсь поддѣлку: ибо статуэтки эти весьма разнообразны, малоцѣнны, и поддѣлыватель предметовъ древности не взялъ-бы на себя труда просверливать ихъ безъ всякой видимой, указывающей на древность вещи причины. Присмотрѣвшись ближе къ различнымъ статуэткамъ, я замѣчаю въ нихъ оригинальность какъ относительно

отдѣлки, такъ и идеи. Между четырьмя статуэтками, находящимися у меня, замѣтно нѣкоторое однообразіе въ подробностяхъ, напр. три мужскія фигуры имѣютъ усы, которые въ номерѣ третьемъ едва замѣтны. Отдѣлка всѣхъ фигуръ проста, груба и свидѣтельствуесть о низкой степени искусства въ извѣстную эпоху и у извѣстнаго народа, котораго они были божествами. Древнее ихъ происхождение подтверждается еще полуобнаженностью фигуръ. Все это легко объяснится, если мы согласимся въ ихъ происхожденіи изъ идолопоклоннической Литвы.» Біографія четырехъ статуэтокъ, рисунки которыхъ препроводилъ въ музей г. Гана, слѣдующая: Статуэтка подъ № 1 принадлежитъ собранію Ганноверскаго историческаго Общества, которому подарена была она управляющимъ имѣніемъ Годенсергъ въ Целлѣ; послѣднимъ, ничего не узнавшимъ о ея происхожденіи, куплена у торговца древностями въ Гамбургѣ. Статуэтка подъ № 2 находится въ коллекціи г. Гана, куплена въ Брауншвейгѣ, происхождение ея тоже неизвѣстно; отлита изъ свѣтлой бронзы; въ одной рукѣ держитъ скипетръ, и значительно меньше другихъ. Статуэтки подъ 3 и 4 № № равнымъ образомъ составляютъ собственность г. Гана, отлиты изъ меди и, кажется, принадлежатъ одному мастеру или по-крайней-мѣрѣ сдѣланы въ одно время. Онѣ составляли нѣкогда собственность генерала Гаммерштейна, отъ котораго достались гѣсничему Гаксаузу; отъ послѣдняго приобрѣтены г. Ганомъ; происхождение ихъ тоже неизвѣстно. Старались доказать, впрочемъ, что онѣ найдены въ княжествѣ Липпе-Детмольдъ при Тевтобургскомъ гѣсѣ. Кажется, эта догадка создана воображеніемъ г. Гаммерштейна, которому пришла мысль выводить ихъ происхождение изъ Рима и открытіе ихъ считать за доказательство настоящаго мѣста битвы легионовъ Варра съ Германцами. Но какъ скоро сравнимъ мы произведенія Римскаго искусства съ этими фигурами, то догадка г. Гаммерштейна, по недостатку доказательности, должна потерять всякое вѣроятіе. 7) Письмо дѣйст. чл. гр. К. Тышкевича (изъ Дрездена, отъ 8 (20) іюля 1858 г.), въ которомъ онъ отдаетъ справедливосы Берлину въ томъ, что послѣдній, относительно ученыхъ коллекцій, опередилъ всѣ прочія столицы Германіи, и сообщаетъ также весьма интересное описаніе королевскаго музея (старога и новаго). Здѣсь онъ обратилъ преимущественное вниманіе на археологическія коллекціи, составленныя главнымъ образомъ изъ предметовъ, най-

денныхъ въ западной Пруссіи, родственныхъ по характеру съ древностями Литовскими, а потому могущихъ бросить яркій свѣтъ на разъясненіе многихъ, еще не рѣшенныхъ вопросовъ по археологіи нашего края. Разсматривая въ Берлинѣ различныя коллекціи погребальныхъ урнъ въ музеумѣ, гр. К. Тышкевичъ дѣлаетъ весьма вѣрное замѣчаніе, что ихъ выдѣлка у древнихъ не подчинялась однообразнымъ правиламъ, которыя-бы могли означать извѣстную эпоху; но что вкусъ и фантазія ремесленника въ деталяхъ, измѣняющихъ видъ урнъ, имѣли свою долю значенія. Затѣмъ можно сомнѣваться въ непогрѣшимости методы Нѣмецкихъ ученыхъ, которые, на основаніи деталей, стараются опредѣлить время происхожденія подобнаго рода памятниковъ. Затѣмъ гр. Тышкевичъ сравниваетъ Берлинскія коллекціи съ собраніемъ нашимъ и въ весьма многихъ отношеніяхъ отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. Результатомъ такого сравнительнаго изученія были вѣроятныя предположенія графа Тышкевича объ условіяхъ домашней жизни въ языческой Литвѣ и древней Пруссіи въ связи съ географическимъ ихъ положеніемъ, имѣвшимъ непосредственное вліяніе на тогдашнія торговыя и международныя сношенія. Далѣе онъ замѣчаетъ, что наука мѣстной археологіи въ Пруссіи находится въ совершенномъ пренебреженіи, а ученые всѣ свои труды обращаютъ на изученіе древняго міра Греціи и Рима. Говоря о королевской библіотекѣ, помѣщенной въ великолѣпномъ, нарочно для нея построенномъ Фридрихомъ II зданіи, отдаетъ справедливость богатству собраній, въ которыхъ Польскія книги имѣютъ свое отдѣльное мѣсто. Затѣмъ графъ Тышкевичъ отдаетъ отчетъ по порученіямъ Виленской археологической комиссіи о хранящихся въ библіотекѣ актахъ, касающихся часовни св. Казимира въ Вильнѣ, о существованіи которыхъ сообщилъ намъ дѣст. чл. Гусевъ. «Дѣйствительно, въ библіотекѣ Берлинской, пишетъ гр. К. Тышкевичъ, находится подъ № 3 книга in-folio, переплетенная въ листы пергамина, съ слѣдомъ нотъ, вѣроятно вырванныхъ изъ какого-нибудь стариннаго «Служебника». Книга эта носитъ заглавіе: «Regestr listdw skarbowych», и состоитъ изъ однихъ квитанцій и официальныхъ актовъ половины XVII в. и т. п. Между ними отысканъ г. Гусевымъ счетъ, который, по мнѣнію графа Тышкевича, составляетъ ассигновку суммъ на покрытіе издержекъ по постройкѣ часовни. Заглавіе его: «Kwit danu Panu Manhartowi na sumt wydana na budynek kaplicy i innych budynkow w Zamku». Я про-

силъ правленіе королевской бібліотеки о выдачѣ мнѣ официальной копіи съ акта, что ею и исполнено». Въ отысканіи географическихъ картъ, изданныхъ Флоріаномъ Унгеромъ по привилегіи Сигизмунда I, въ 1526 г., въ которыхъ Г. Н. Малиновскій имѣлъ нужду при своихъ ученыхъ трудахъ, — графу Тышкевичу не посчастливилось, хотя послѣдній и отправился нарочно въ замокъ Belle-Vue, гдѣ находится королевское собраніе географическихъ картъ (число которыхъ тамъ доходитъ до 50,000, не приведенныхъ впрочемъ въ порядокъ), подъ управленіемъ д-ра Германа Миллера. Польскія географическія карты, находящіяся въ этомъ собраніи, начинаются съ изданныхъ въ 1590 г. По совѣту Миллера, нашъ ученый отправился къ профессору Ритлеру, знакомому съ картографіей цѣлаго міра, но Ритлера къ сожалѣнію въ то время не было въ Берлинѣ». Дѣйст. чл. профессоръ А. Ф. *Адамовичъ* прочелъ въ этомъ засѣданіи отчетъ объ ученыхъ обществахъ въ Ригѣ. Въ немъ онъ предварительно указываетъ на необходимость и пользу всякаго Общества, составленнаго единственно во имя любви къ наукѣ и общественному благу. Подкрѣпляя примѣрами, до какихъ утѣшительныхъ результатовъ достигли подобныя Общества въ Ригѣ, онъ переходитъ къ цѣли и организаціи послѣднихъ:

I. *Литературно-практическое общество гражданъ*. Оно основано въ 1802 г. тремя пасторами, подъ покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго. Оно могло состоять только изъ 26 членовъ; одинъ изъ пасторовъ былъ директоромъ. Предметами ихъ засѣданій были: общее состояніе здоровья, домашнее хозяйство, ремесла и садоводство. Сначала труды этого Общества печатались въ газетѣ, потомъ выходили отдѣльно, наконецъ сталъ выходить еженедѣльный журналъ самаго Общества; въ 1814 г. обращено было имъ вниманіе на предметы, касающіеся нравственности и педагогій; увеличено число членовъ, статьи печатались въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ; покровителемъ былъ маркграфъ *Шаулицкій*; дѣятельнымъ членомъ былъ садоводъ *Цира*. Къ этому Обществу присоединились: *Общество поданія помощи утопающимъ*, владѣющее особенными сторожевыми домиками по берегамъ Двины, и *воскресная школа* для городскихъ ремесленныхъ учениковъ, которая содержалась на счетъ цеха, доходя съ мѣстной газеты и добровольныхъ пожертвованій. Въ 1824 г. Общество занялось устройствомъ къ владѣнцу дорогъ, об-

саженыхъ деревьями, и учредило сберегательную кассу. Вѣро-
долженіе двадцати пяти лѣтъ Общество это не имѣло постояннаго
мѣста для своихъ засѣданій; не смотря на это, въ немъ посто-
янно развивалось стремленіе къ благотворительной дѣятельности
и къ образованію бѣднаго класса народа. Среди этого Общества
образовалось Общество фармацевтическое, которое вошло въ по-
стоянныя сношенія съ г. Любекомъ, гдѣ существуетъ *Общество
блага общественнаго*. Потомъ съ 1830 г. Общество начало забо-
титься о просверленіи въ городѣ Артезіанскаго колодца, объ
основаніи вспомогательной кассы для слугъ, объ обществѣ бере-
жливости, о чтеніи публичныхъ лекцій, открывало выставки
искусствъ, учреждало ремесленные школы, школы для сиротъ,
глухо-нѣмыхъ дѣвицъ и пр.

II. *Медицинское Общество*. Основано въ 1822 г.; сначала оно
было весьма немногочисленно, а нынѣ къ нему принадлежатъ всѣ
мѣстные врачи. Кромѣ своего повременнаго изданія, оно печатаетъ
любопытныя диссертациі.

III. *Общество историко-археологическое*. Основано въ 1833 г.
пасторомъ Таубенгеймомъ. Оно издало нѣсколько повременныхъ
сочиненій и изслѣдованій. Самое дѣятельное участіе принималъ здѣсь
извѣстный ученый Напьерскій. Въ числѣ другихъ трудовъ Общество
издало: 1) Наставленія для раскопки кургановъ (1840 г.); 2) Исторію
бывшаго Дерптскаго епископства (1846 г.); 3) *Possevini, Livoniae
commentarius clovia Vaticana* (1852 г.); 4) *Rascii, rigensis tumultus
1855 etc.* Кромѣ-того оно объявило соискательную премію въ 1,000
руб. сер. за написаніе исторіи Курляндіи. Библіотека заключаетъ въ
себѣ 6,000 т., 300 портретовъ, 7,000 монетъ, 1,500 разныхъ древно-
стей, 5,000 печатей, наконецъ пластико-графико-эпиграфическое
собраніе. Предсѣдателемъ др. *Напьерскій*, директоромъ баронъ
Ропль.

IV. *Общество естествоиспытателей*, учрежденное по проекту
учителя частнаго пансіона Гиммерталя въ 1845 г. съ цѣлію воз-
будить въ Прибалтійскихъ губерніяхъ любовь къ наукамъ есте-
ственнымъ, равнымъ образомъ и для распространенія свѣдѣній по
этому предмету. Съ этой цѣлію основаны библіотека и кабинетъ
естественной исторіи, заведены сношенія съ другими Обществами
и издавалось особое повременное изданіе.

Кабинетъ заключаетъ въ себѣ въ нынѣшнемъ 1858 г.;

Млекопитающихъ видовъ	34,	въ 46 экз.,	между ними мѣстныхъ	30;
птицъ	176	— 351 экз.	(мѣстныхъ	103).
гадовъ	37	— 56	— (— —	15).
рыбъ	29	— 32	— (— —	20).
раковистыхъ	20	— 33	— (— —	9).

Насѣкомыхъ болѣе 8,000, ибо покойный Гиммерталь преимущественно посвящалъ свое время энтомологіи. Въ частности-же находитя:

Colleopteri	—	2190	— 4000	—	870
Orthopteri	—	47	—	—	27
Neuropteri	—	85	—	—	84
Hymenopteri	—	525	—	—	510
Hemipteri	—	225	—	—	172
Lepidopteri	—	1304	— 2000	—	1304
Hipteri	—	1227	—	—	1100
лучистыхъ	—	20	—	—	6 —
молюсковъ	—	486	—	—	65
полиповъ	—	33	— 60	—	—
растеній явнобрачныхъ	2771	—	—	—	1151
тайнобрачныхъ	—	500	—	—	500
минераловъ	—	1279	—	—	50
окаменѣлостей	—	586	— (б. ч. иноземныхъ).		

Консерваторъ орнитологическаго кабинета прочелъ отчетъ о своихъ трудахъ по приведенію въ порядокъ орнитологическихъ коллекцій. Приводимъ изъ него извлеченіе. Коллекція заслуженнаго въ орнитологіи графа Тизенгауза заключаетъ въ себя весьма много драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ, которыхъ не встрѣчается даже въ другихъ коллекціяхъ. Жаль только, что по смерти графа Тизенгауза обходились съ нею небрежно до такой степени, что въ нѣкоторые шкапы проникнула моль. Порча отъ того незначительна, ибо ей подверглись экземпляры очень обыкновенные. Впрочемъ, еслибы она не была предупреждена, скоро-бы послѣдовало совершенное уничтоженіе всей коллекціи. Безъ подробнаго каталога, конечно, нельзя говорить съ достовѣрностью; но кажется, что нѣкоторые мѣстные экземпляры, которыхъ недостаетъ въ коллекціи, вѣроятно, погибли отъ моли. Вообще орнитологическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ птицъ 1023, сверхъ-того млекопитающихъ 34, рыбъ 4, вообще 1061. Почти 140

экземпляровъ, попорченныхъ молюю, я принужденъ былъ съечь. Далѣе г. *Кене* исчисляетъ предохранительныя мѣры, которыя предприняты имъ для предупрежденія порчи и приведенія въ порядокъ кабинета.

Въ этомъ засѣданіи, по предложенію членовъ: А. К. *Киркора*, Игн. *Ходзько* и Н. И. *Малиновскаго* единогласно избраны въ почетные члены: Ковенскій гражданскій губернаторъ С. Θ. *Хоминскій* и Виленскій губернский предводитель А. *Домейко*; и по предложенію дѣйств. чл. А. Ф. *Адамовича*, Н. И. *Малиновскаго* и А. К. *Киркора* — въ члены - сотрудники: Густавъ *Белке*, Владиславъ *Трембицкій*, Людвикъ баронъ *Кене* и Брониславъ *Зальскій*.

ОСВЯЩЕНІЕ ЗДАНІЯ ДЛЯ ОСОБОГО ПАНСИОНА ПРИ ОЛОНЕЦКОЙ ГИМНАЗИИ.—12 октября происходило въ Петрозаводскѣ торжественное освященіе зданія, сооруженнаго для помѣщенія гимназическаго пансіона дѣтей канцелярскихъ чиновниковъ. Въ Олон. губ. вѣд. напечатано описаніе этого освященія, составленное г. редакторомъ вѣдомостей. Сообщаемъ здѣсь извлеченіе изъ этого описанія. Училище дѣтей канцелярскихъ чиновниковъ, изъ котораго образовался пансіонъ, открыто въ Петрозаводскѣ въ 1830 году. Оно основано съ цѣлію доставить бѣднымъ заслуженнымъ чиновникамъ Олонецкой губерніи пособіе прилично воспитать дѣтей ихъ и устранить недостатокъ чиновниковъ для гражданской службы въ здѣшней губерніи. Понятно для cadaго, что это учебное и воспитательное заведеніе имѣетъ особое значеніе для края, гдѣ постоянно встрѣчается недостатокъ чиновниковъ, для вызова которыхъ изъ другихъ областей имперіи установлены даже особыя преимущества, и гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, существованіе низшаго класса чиновниковъ сопряжено съ такими лишеніями, которыя препятствуютъ имъ дать прилично воспитаніе дѣтямъ на собственныя скудныя средства. Тѣмъ болѣе должно интересоваться cadaго члена тамошняго общества всякое развитіе, всякое улучшеніе въ жизни пансіона, съ такой готовностью предпринимаемое мѣстнымъ попечительнымъ вачальствомъ. Первоначально училище дѣтей канцелярскихъ чиновниковъ помѣщалось въ домѣ приказа общественнаго призрѣнія, который впоследствии былъ занятъ богадѣльнею и наконецъ перешелъ въ частныя руки. Послѣ того, до соединенія съ гимназіею, послѣдовавшаго въ 1840 году, училище помѣщалось въ частныхъ домахъ, вдали отъ гимназіи. Кромѣ неудобства частныхъ

квартиръ вообще для учебнаго и воспитательнаго заведенія на 30 воспитанниковъ, съ надзирателями и прислугою, въ такомъ городѣ, какъ Петрозаводскъ, гдѣ и частныя лица затрудняются въ прѣисканіи большихъ помѣщеній,—самая отдаленность прежнихъ пансіонскихъ квартиръ отъ дома гимназіи имѣла губельное вліяніе на здоровье дѣтей. Не смотря на то, что послѣдняя квартира пансіона находилась близъ зданія гимназіи,—самая важнѣйшая невыгода для этого учебнаго заведенія не могла быть устранена: это невозможность постоянного посѣщенія пансіона, во всякое время, директоромъ училищъ и инспекторомъ гимназіи. Но вотъ наконецъ пансіонъ имѣетъ свой каменный домъ возлѣ самой гимназіи, составляющій, по своей архитектурѣ, одно изъ лучшихъ зданій Петрозаводска и украшеніе главн. Соборной площади. Предположеніе о постройкѣ этого дома было составлено еще въ 1840 году; но планъ его былъ измѣняемъ 4 раза. Наконецъ, заложенный въ 1856, домъ достроенъ и отдѣланъ окончательно въ 1858 году. Все устройство его совершенно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и опытнымъ руководствомъ г. начальника губерніи, вѣдшимъ помѣщикомъ А. П. Лачиновымъ за 14,120 р., съ уступкою противъ смѣтнаго назначенія 3,024 р. 42½ к.; сверхъ-того, г. Лачиновъ обязался по контракту выстроить безъ особой платы деревянную баню и прачешную, по даннымъ чертежамъ, а во время самой постройки пансіона съ охотою принималъ на себя тѣ улучшения, какія ему были указаны г. начальникомъ губерніи. Освященіе новаго пансіонскаго зданія совершено съ особою торжественностію. Въ 9½ часовъ утра, воспитанники этого заведенія и вольноприходящіе ученики гимназіи, вмѣстѣ съ директоромъ училищъ и инспекторомъ гимназіи, собрались въ соборный храмъ, для слушанія божественной литургіи, которую совершалъ высокопреосвященнѣйшій *Архидіаконъ*. По окончаніи соборнаго богослуженія, его высокопреосвященство, съ двумя архимандритами — ректоромъ и инспекторомъ семинаріи и другимъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи, отправился изъ собора въ пансіонское зданіе. Въ церковной процессіи несли были Тихвинская икона Вожіей Матери, особенно-чтимая мѣстными жителями, и икона Сошествія Святаго Духа на апостоловъ. Почетнѣйшія особы города и родители и родственники пансіонеровъ сопровождали архипастыря въ этомъ торжественномъ шествіи. По прибытіи въ пансіонъ, въ большой залъ верхняго этажа отправлено было торжественное молебствіе съ водоосвященіемъ.

ніемъ, заключившееся окропленіемъ св. водою всѣхъ комнатъ пансіона самимъ архипастыремъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царственному Дому; за тѣмъ св. иконы отнесены духовенствомъ обратно въ соборъ, въ-сопровожденіи г. инспектора и воспитанниковъ пансіона. Архипастырь, поздравивъ дѣтей съ новосельемъ, привѣтствовалъ ихъ благожеланіями и наставленіями. За симъ пансіонеръ 2 класса Александръ *Рейгардтъ* продекламировалъ стихотвореніе: «Молитва къ Богу Спасителю изъ псалмовъ 140, 141 и 142». Потомъ г. директоръ училищъ, *Ө. Н. Фортунатовъ*, въ рѣчи своей къ посѣтителямъ, наставникамъ и дѣтямъ, рассказалъ исторію пансіона и постройки новаго зданія, которое, будучи еще несовершенно-отдѣланнымъ, при Высочайшемъ посѣщеніи Петрозаводска въ нынѣшнемъ году, обратило на себя вниманіе Государя Императора. Рѣчь заключена кантомъ «На открытіе училища канцелярскихъ чиновниковъ въ Петрозаводскѣ», сочиненнымъ *Ө. Н. Глинкою*, бывшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія и присутствовавшимъ нынѣ на торжествѣ освященія новаго зданія для пансіона сего училища. По пропѣтіи гимна, *Ө. Н.* сказалъ: «Слишкомъ чрезъ 28 лѣтъ и мы, преисполненные тѣхъ-же чувствъ преданности къ престолу и безпредѣльной любви къ Преемнику незабвеннаго Николая, въ порывѣ душевной радости прибавимъ:

«Къ Царю любовію пылая,
 «Прославимъ Сына Николая!
 «Карелию Онъ посѣтилъ
 «И, благи исполненъ дивной,
 «Край нашъ къ дѣятельности мирной
 «И къ новой жизни пробудилъ.
 «Къ Царю любовію пылая,
 «Прославимъ Сына Николая!»

За симъ хоромъ гимназистовъ и пансіонеровъ пропѣтъ народный гимнъ: «Боже! Царя храни!» Редакторъ Олон. губерн. вѣд. заключилъ свою статью слѣдующими словами: «Намъ остается прибавить, что со времени присоединенія училища канцелярскихъ чиновниковъ въ Олонецкой гимназіи, подъ именемъ особаго пансіона, по 1858 годъ, поступило въ это заведеніе 109 пансіонеровъ. Къ-сожалѣнію, намъ неизвѣстно какъ числа поступившихъ въ первое десятилѣтіе, такъ и числа выпущенныхъ воспитанниковъ съ открытія училища по настоящее время, но оно было значительно;

штатъ пансіона — на 30 человѣкъ, и свободныхъ вакансій не бываетъ, за излишествомъ кандидатовъ. Выпускаемые воспитанники, снабжаемые отъ гимназическаго начальства аттестатами по своимъ способностямъ и успѣхамъ, распредѣляются губернскимъ начальствомъ по присутственнымъ мѣстамъ въ штатныя и канцелярскія должности. Многіе изъ пансіонеровъ прежнихъ выпусковъ, къ полученнымъ въ учебномъ заведеніи теоретическимъ познаніямъ пріобрѣтшіе опытность на службѣ, занимаютъ довольно важныя мѣста на скромномъ поприщѣ уѣздныхъ должностей и въ канцеляріяхъ губернскихъ присутственныхъ мѣсть. Сдѣлавшись полезными дѣятелями, они тѣмъ болѣе составляютъ podporу своихъ бѣдныхъ и престарѣлыхъ родителей, особенно матерей вдовъ, не имѣющихъ другихъ средствъ существованія, какъ только выростить сына, отдать его въ пансіонъ, и потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, ожидать обезпеченнаго куска хлѣба. Кто изъ благомыслящихъ людей отъ всей души не пожелаетъ нашимъ пансіонерамъ того прекраснаго направленія, примѣръ котораго они видятъ въ своихъ служащихъ добрыхъ собратахъ, и тогда слова *Ф. Н. Глинки*, въ приведенномъ нами гимнѣ, вылившіяся изъ патріотической души поэта, вполне будутъ имѣть для насъ своей утѣшительный смыслъ, свое глубокое значеніе».

О СВѢТОПИСИ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ АРХЕОЛОГІИ. *Записки П. И. Севастьянова, читанная 5 февраля 1858 года въ собраніи Парижской академіи надписей и словесности.* — Хотя искусство фотографіи было уже приложено къ воспроизведенію рукописей, но приложеніе это не производилось въ большомъ размѣрѣ; поэтому полагаю не излишнимъ и не бесполезнымъ изложить мое мнѣніе относительно этого предмета. Въ различныхъ бібліотекахъ существуетъ значительное число рукописей драгоцѣнныхъ и иногда единственныхъ. Эти сокровища науки, часто невѣдомыя публикѣ и даже археологамъ и бібліофиламъ, много-бы выиграли, еслибы были болѣе извѣстны и окончательно пріобрѣтены для науки и застрахованы отъ гибели: потому-что, не смотря на всѣ предосторожности, всегда будутъ несчастные случаи, напримѣръ пожары, которые могутъ истребить памятники. Поэтому, не полезно-ли было-бы употребить фотографическое искусство для снимка драгоцѣннѣйшихъ и рѣдчайшихъ памятниковъ? Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ-ли каждой Европейской бібліотекѣ устроить фотографиче-

ское отдѣленіе, для воспроизведенія всего, что въ ней есть драгоцѣннѣйшаго, и послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ работы дѣлать взаимный обмѣнъ снимками? Тогда каждая бібліотека имѣла-бы у себя все, что есть замѣчательнѣйшаго въ мірѣ, была-бы обезпечена на случай непредвидѣнной утраты рукописи, и сверхъ-того могла-бы излишніе снимки обращать въ продажу. Еще выгоднѣе было-бы, еслибъ снимки эти были воспроизведены литофотографіей, которая обходится вдесятеро дешевле фотографіи, что дало-бы возможность и самымъ строгимъ по состоянію ученымъ пріобрѣсти для ихъ кабинетовъ и имѣть всегда подъ руками точныя воспроизведенія бібліографическихъ рѣдкостей. Это былъ-бы для археологій столь-же важный переворотъ, какой произвело книгопечатаніе для литературы и наукъ (*). Можно надѣяться, что сами правительства, имѣя въ виду пользы науки и искусства, окажутъ содѣйствіе этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что фотографъ воспроизводитъ снимки издали, не касаясь оригинала и слѣдовательно не подвергая его никакой порчѣ. Что касается до монастырскихъ бібліотекъ въ Европѣ и Азій, то воспроизведеніе ихъ рѣдкостей тѣмъ болѣе превышаетъ средства одного человѣка. Для предпріятія въ столь обширномъ размѣрѣ необходимо соединеніе ученыхъ и фотографовъ; надлежитъ также имѣть значительныя суммы для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріаловъ и перевозки ихъ. Если предпріятіе признано будетъ полезнымъ, почему-бы правительству или ученымъ обществамъ не снаряжать учено-художественныхъ экспедицій, результаты которыхъ могутъ быть столь важны для науки?

По предначертанному мною плану, который я началъ уже приводить въ исполненіе, я полагаю сдѣлать собраніе фотографическихъ снимковъ на Аѳонской горѣ. Сюда войдутъ:

1) Рукописи Греческія, Грузинскія, церковно-Славянскія, Сербскія и Болгарскія; онѣ на пергаментѣ, съ украшеніями, золотомъ и цвѣтными, различнаго письма и величины, иногда съ нотами пѣнія; длина рукописей измѣняется отъ 8 сантиметровъ до одного метра. Дрѣвнѣйшія изъ нихъ, можетъ быть, VII столѣтія.

(*) Позволимъ себѣ замѣтить здѣсь, что одно изъ первыхъ приложений свѣтописи къ снятію древнихъ надписей сдѣлано въ нашемъ археологическомъ Обществѣ, въ 1851 году: фотографическимъ способомъ снята копія съ знаменитой Монгольской надписи, объясненной Банзаровымъ и приложенной къ III тому «Записокъ» Общества. *Ред. Изв. арх. Общ.*

2) Грамоты и акты: хрисоволы Византійскихъ императоровъ и князей, начиная отъ Константина и Романа (X столѣтія), и царей, королей, деспотовъ, князей и жупановъ Сербіи и царей Булгаріи, съ XII вѣка; воеводъ Угро-Влахійскихъ XV вѣка и грамоты Русскихъ царей, начиная съ XVII вѣка; свинцовыя печати (сигиллоны) Византійскихъ императоровъ и патріарховъ, начиная съ Василя Македонянина (IX столѣтія) и патріарха Николая; печати изъ зеленаго воска; записки, духовныя завѣщанія и т. п., съ IX столѣтія. Эти рукописи также на пергаминахъ и различной величины; на нѣкоторыхъ находятся изображенія святыхъ, портреты императоровъ и членовъ ихъ фамилій.

3) Кресты, сосуды, ковчежцы, кадила, люстры, канделябры, переплеты, ризы на образахъ, посохи, шитыя вещи, замѣчательныя по древности и искусству. Многія изъ этихъ вещей пожертвованы были царственными особами, о чемъ имѣются подлинныя грамоты. Кромѣ фотографіи, я полагаю употребить гальванопластику и отливаніе въ форму, для воспроизведенія большей части этихъ вещей.

4) Иконы, писанныя на маслѣ на деревѣ, холстѣ и даже на сушеной рыбѣ; разныя иконы изъ дерева и изъ мрамора; фрески. Между этими иконами есть приписываемыя евангелисту Лукѣ; другія привезены сюда изъ св. Софіи по взятіи Константинополя. Нѣкоторыя изображаютъ Богоматерь, кормящую младенца Иисуса, другія самого Иисуса съ крыльями. Одна икона носитъ странное названіе: «игрушка императрицы Теодоры». Превосходныя фрески Панселины—этого Рафеэля Востока, сохранились во внутренности нѣкоторыхъ церквей Аѳона. Недостаточный свѣтъ въ этихъ зданіяхъ воспрепятствовалъ мнѣ снять съ нихъ свѣтописные снимки, и я принужденъ былъ удовольствоваться простыми (черезъ прозрачную бумагу) снимками; но въ предстоящей поѣздкѣ я постараюсь имѣть при себѣ аппаратъ для электрическаго освѣщенія или пиротехники, чтобъ имѣть возможность воспроизвести эти фрески. Этимъ-же способомъ можно будетъ также снять внутренность нѣкоторыхъ церквей первобытно-Византійскаго стиля архитектуры.

5) Надписи и изваянія на надгробныхъ камняхъ, сохранившихся на Аѳонѣ, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи древнихъ жителей полуострова.

Не имѣвъ въ виду нынѣшняго моего пребыванія въ Парижѣ,

я не нѣю при себѣ моихъ замѣтокъ и записокъ, написанныхъ на Аеоиѣ; при мнѣ находится только экземпляръ одной части моихъ фотографій. Поэтому я не могу входить въ большія подробности и принужденъ ограничиться краткими замѣтками о представляемыхъ мною академіи снимкахъ:

1) Восемь снимковъ съ пергаминнаго Евангелія, XVI вѣка, на Болгарскомъ языкѣ, прекрасно сохранившагося въ монастырѣ Ес-фигмена; красиваго и правильнаго письма. Фотографическіе снимки уменьшены вполнину противъ подлинника.

2) Шесть снимковъ съ Болгарскаго Евангелія, столь-же замѣчательнаго, какъ и предъидущее.

3) Четырнадцать снимковъ съ Греческой рукописи, свято сохраняемой между святынями монастыря Паитократора и ошибочно приписываемой Іоанну Кушнику (V столѣтія). Рукопись заключаетъ въ себѣ 500 страницъ, писана красивыми и тонкими буквами, съ золотомъ и цвѣтными украшеніями; виньеты разрисованы на золотомъ полѣ. Хотя рукопись и озаглавлена Евангелиемъ, но заключаетъ въ себѣ различные предметы: Новый Завѣтъ, рѣчи Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина, Діонисія Ареопагита и другихъ, и сверхъ-того 152 врачебныя статьи. Помѣщенныя здѣсь творенія Дамаскина, жившаго въ VIII вѣкѣ, свидѣлствуютъ уже, что рукопись эта моложе, нежели какъ-то предполагаютъ иноки.

4) Снимокъ съ переплета этой рукописи. Переплетъ изъ дуба съ массивнымъ серебромъ. Одна изъ сторонъ представляла Распятіе Христа со св. Марією и св. Іоанномъ по сторонамъ. Надпись Славянская; замѣчательно, что слово *Распятіе* написано слѣва вправо, а *Исусъ Христосъ* — справа влѣво. На другой сторонѣ изображеніе Благовѣщенія, также съ Славянскою подписью, отчасти уже сгладившеюся.

5) Икона съ изображеніемъ св. апостола Андрея, весьма древняя, хотя украшенія его, изъ позолоченнаго серебра, новѣе.

6) Восемдесятъ страницъ Славянскаго Евангелія, писаннаго глагольскими буквами. Нѣкоторые полагаютъ, что эти письмена употреблялись для Славянскаго языка до введенія Греческой азбуки св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Рукопись эта принадлежитъ Зографскому монастырю. Долгое время листы были не сшиты, а продѣты на одинъ снурокъ, и рукопись пострадала, пока не была переплетена,—такъ-что теперь у ней нѣтъ ни начала, ни конца. При

переплетѣ попортили нѣсколько виньетокъ и приписокъ Кирилловскими буквами. На нѣкоторыхъ страницахъ рисунки, вѣроятно, новѣе рукописи, но замѣчательны своею простотою. Они изображаютъ: главу Іоанна Крестителя, благословляющія десницы, св. апостоловъ Петра и Павла, св. Захарію и Елисавету, птицъ и проч. Фотографическіе снимки съ нихъ раскрашены согласно съ оригиналомъ съ наибольшою точностію.

7) Снимокъ съ новѣйшаго документа, писаннаго на пергаментѣ, съ свинцовою печатью. Я хотѣлъ этимъ образчикомъ обратить вниманіе на то, что со-временемъ и съ усовершенствованіемъ способовъ производствъ, фотографія можетъ быть употреблена на воспроизведеніе разныхъ актовъ и юридическихъ документовъ, получаемыхъ нынѣ въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ, точность которыхъ не всегда можетъ быть достаточно несомнѣнна.

8) Восемь снимковъ рукописи въ листъ на 295 страницахъ, заключающихъ въ себѣ географію Птоломея, 17 главъ географіи Страбона и Периплъ Арріана. Оригиналъ XIII вѣка: принадлежитъ Ватопедскому монастырю.

9) Сорокъ два снимка географическихъ картъ, приложенныхъ къ географіи Птоломея. Онѣ XII вѣка, и слѣдовательно гораздо древнѣе; чѣмъ находящіяся въ Парижской императорской библіотекѣ, которыя принадлежатъ къ XV столѣтію.

10) Древняя кадильница, изъ литаго и потомъ отчеканеннаго серебра, весьма хорошей работы; изображаетъ дракона, нападающаго на церковь; на одной сторонѣ ручки изображена Дѣва Марія, окруженная ангелами.

11) Греческій крестъ, съ Славянскою надписью. Преданіе говоритъ, что крестъ этотъ той самой формы, какой Константинъ Великій видѣлъ на небѣ.

12) Два листа Дѣяній св. апостоловъ, на Славянскомъ языкѣ, XII столѣтія.

13) Литургія св. Іоанна Златоустаго, для діакона, по-Славянски, пергаменный свитокъ XIII столѣтія.

14) Двѣ хрисовулы Греческія: Андроника II, 1289, и Іоанна Палеолога, 1342 года.

15) Пять хрисовулъ и сигиллій Славянскихъ, именно: Льва, царя Болгарскаго, 919 года; Іоанна Калимаха, 1299 г.; Андроника II, 1331; Василя, воеводы Молдавскаго, 1699 года, и Александра, царя Болгарскаго.

и 16) Тридцать три листа золотой легенды, изъ которыхъ нѣсколько иллюминированныхъ согласно подлиннику.

(Изв. Имп. арх. Общ.)

Сельско-хозяйственные общества въ Россіи. — Въ Землед. газ. помѣщены слѣдующія извѣстія о числѣ и составѣ Русскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ 1857 г. и о матеріальныхъ средствахъ ихъ:

Названія обществъ.	Время учрежденія.	Число членовъ:			
		Почетныхъ.	Дѣятельныхъ.	Корреспондентовъ.	Сотрудниковъ.
<i>Русскія.</i>					
И. вольное экономич. О.	Въ 1765 г.	—	430	364	24
И. Московское О. с. х.	» 1818 »	31	432	28	—
И. О. с. х. южной Россіи.	» 1828 »	38	144	56	—
И. Казанское эконом. О.	» 1839 »	10	73	49	
Ярославское О. с. х.	» 1842 »	5	65	11	—
Лебедянское О. с. х.	» 1847 »	14	90	17	—
О. с. х. юго-восточной Россіи.	» 1848 »	11	117	—	—
Калужское О. с. х.	» 1849 »	10	114	—	—
Юрьевское О. с. х.	» 1854 »	18	119	18	—
Кавказское О. с. х.	» 1850 »	5	115	38	—
<i>Остзейскія.</i>					
И. Лифляндское эконом. О.	» 1805 »	—	—	—	—
Эстляндское О. с. х.	» 1839 »	—	128	—	—
Курляндское О. с. х.	» 1839 »	—	—	—	—
Гольдингенское О. с. х.	» 1839 »	—	54	—	—
Лифляндское О. поощренія с. х.	» 1844 »	—	37	—	—
Перяново-Феллинское О. с. х.	» 1845 »	—	—	—	—
Аренбургское О. с. х.	» 1846 »	—	—	—	—
Вольмаръ-Волское О. с. х.	» 1848 »	—	—	—	—

Если не принимать въ расчетъ Обществъ вольнаго экономическаго и Московскаго с. х., которыя имѣютъ въ виду болѣе общіе вопросы, относящіеся до всей Россіи, чѣмъ мѣстныя, а также Остзейскихъ Обществъ, число которыхъ довольно значительно для трехъ губерній, и наконецъ Кавказскаго, то на всю Россію останется 7 Обществъ съ 722 дѣйствительными членами, не считая

почетныхъ, корреспондентовъ и сотрудниковъ. Всякій сознается, что число это незначительно, если принять въ соображеніе обширность Россіи и ея населеніе, гдѣ, не говоря о другихъ сельскихъ хозяевахъ, которые должны-бы имѣть въ Обществахъ представителей своихъ интересовъ, считается **однихъ помѣщиковъ, владѣющихъ населенными имѣніями, 109,457, въ томъ числѣ 23.720, имѣющихъ болѣе 20 душъ.** Не имѣя подъ руками болѣе подробныхъ свѣдѣній, мы замѣтимъ, что въ одной Саксоніи въ 1857 году было 142 сельско-хозяйственныхъ Обществъ съ 7,933 членами, и это въ государствѣ, которое занимаетъ пространство въ 272 кв. мили съ 1,987,832 жителями; въ Пруссіи считается 440 обществъ; въ Австріи было 217; въ Баварскомъ обществѣ (З. Г. 1857 г. № 26) съ провинціальными считалось 18,000 членовъ на 4,559,452 жителей, занимающихъ пространство въ 1,394 кв. миль; въ Англійскомъ королевскомъ Обществѣ (З. Г. 1858 г. № 14), учрежденномъ только въ 1836 году, было 4,940 пожизненныхъ и годовыхъ членовъ и 18 иностранныхъ почетныхъ, а въ Шотландскомъ горномъ, основанномъ въ 1784 г., число членовъ превышало 3,180; наконецъ во вновь учрежденномъ Обществѣ Царства Польскаго (З. Г. 1858 г. № 45) подписалось 1,450 членовъ.

Денежныя средства и расходы сельско-хозяйственныхъ Обществъ могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи мѣриломъ извѣлія на хозяйство, которое служить предметомъ ихъ дѣятельности. Изъ отчетовъ Обществъ видно, что они въ 1857 году израсходовали, получили отъ казны пособій, постоянныхъ и временныхъ, и имѣли къ нынѣшнему году капиталовъ:

	Расходъ.		Пособія.		Капиталы.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Вольное экономическое.	47,991	73½	18,328	2½	444,595	69¾
Московское.	18,733		16,857	14	33,339	33½
Южной Россіи	2,243	49¾	2,085	70	6,420	86
Казанское	1,976	52	500		76	19
Лебедянское	841	11	200		1,913	49
Ярославское	473	63	400		228	64½
Юрьевское	322		—		598	
Калужское	141		—		1,480	27
Юго-восточной Россіи..	128		—		1,056	99
Кавказское.	3,102	25	3,000		492	55½
Всего. . .	75,952	73½	42,170	86½	490,203	62¾

Прежде, чѣмъ сказать что-нибудь объ этихъ средствахъ нашихъ Обществъ, замѣтимъ, что Англійское королевское Общество, кромѣ оборотнаго ежегоднаго капитала въ 90,000 р., имѣетъ фондъ въ 60,000 руб.; Баварское Общество по числу членовъ, вносящихъ по 1 р. 43 к., получаетъ ежегодно болѣе 25,000 руб. и пользуется отъ правительства по 16,250 руб.; по бюджету на 1858 годъ Общества Царства Польскаго въ приходѣ отъ взноса членовъ значилось 21,750 руб. Слѣдовательно общая сумма средствъ, располагаемыхъ всѣми Русскими Обществами, за исключеніемъ Остзейскихъ, сравнительно даже съ заграничными, нельзя сказать, чтобы была незначительна. Но что бросается особенно въ глаза, это, во-первыхъ, то, что денежные средства Обществъ главнымъ образомъ состоятъ изъ пособій, получаемыхъ отъ правительства, а не отъ добровольныхъ пожертвованій частныхъ лицъ и не отъ взносов членовъ Обществъ. Послѣдніе незначительны по незначительности числа членовъ Обществъ. Что-же касается до перваго обстоятельства, то недостатокъ пожертвованій частныхъ лицъ и между ними преимущественно самихъ-же членовъ, какъ дѣятелей Общества, то это происходитъ отъ недостатка рвенія къ дѣлу самихъ Обществъ. Если мы встрѣчаемъ значительныя пожертвованія частныхъ лицъ на разныя общепользныя потребности, совершенно для нихъ постороннія, то, безъ сомнѣнія, и члены Обществъ принимали-бы участіе денежными своими средствами на пользу сельскаго хозяйства въ средѣ Обществъ, къ которымъ принадлежатъ, при болшей энергіи Обществъ. Другое обстоятельство, которое также бросается въ глаза, это — неравномѣрность денежных средствъ Обществъ. Въ-особенности въ этомъ отношеніи огромный перевѣсъ имѣтъ вольное экономическое и Московское.

НОВЫЯ ПОСРЕДСТВЕННЫЯ ИЗДАВАНІЯ: «РАЗВЛЕЧЕНІЕ», «ЖУРНАЛЪ ИЗБРАННАГО ЧТЕНІЯ» И «SŁOWO». — Появились объявленія объ изданіи въ будущемъ 1859 году еще трехъ повременныхъ сочиненій: литературнаго и юмористическаго журнала Развлеченіе, учено-литературнаго журнала, подъ названіемъ Журналъ избраннаго чтенія, и газеты Słowo.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ, литературный и юмористическій журналъ съ политическими. Редакторъ и издатель *Ф. Б. Миллеръ*. Журналъ этотъ будетъ издаваться въ Москвѣ, еженедѣльно (50 номеровъ), въ объ-

емѣ полутора печатнаго листа, въ 4-ю долю большаго формата, по слѣдующей программѣ: *Отдѣль I (литературный)*. Сюда войдутъ повѣсти, рассказы, сказки, драматическія сцены, біографіи и характеристики замѣчательныхъ личностей, очерки путешествій, физиологическіе очерки, стихотворенія и другія статьи литературнаго содержанія, оригинальныя и переводныя. *Отдѣль II (юмористическій)* — будетъ состоять изъ краткихъ юмористическихъ рассказовъ, комическихъ сценъ, анекдотовъ, сатиръ, эпиграммъ, народій и другихъ статей юмористическаго или сатирическаго характера. Къ этому отдѣлу будутъ прилагаемы соотвѣтствующія каррикатуры. *Отдѣль III (смѣсь)*. Сюда войдутъ краткія библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ замѣчательныхъ книгахъ, Московскія новости, извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ и искусствъ и корреспонденція журнала (*).

ЖУРНАЛЪ ИЗБРАННАГО ЧТЕНІЯ (Journal de lecture choisie). Учено-литературный журналъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Редакторъ П. Широковъ.—Цѣль этого изданія объясняется слѣдующимъ образомъ въ объявленіи: «Существующіе до-сихъ-поръ самоучители и вообще способы быстрого изученія Французскаго языка, — какъ всякій учащійся по нимъ, вѣроятно, испыталъ на себѣ, — далеко не оправдывали блестящихъ результатовъ, которые обѣщали, и выучившій не безъ труда цѣлое руководство съ грустнымъ удивленіемъ сознавалъ, что, слыша говорящихъ по-Французски, не понималъ ихъ, не могъ читать Французскихъ книгъ и еще менѣе могъ объясняться самъ. Причина этому весьма простая. Вѣроятно, никто изъ жаждущихъ выучиться иностранному языку не потрудился размыслить, сколько онъ знаетъ словъ на своемъ собственномъ, и изъ этого вывести необходимое заключеніе, что должно знать столько-же словъ и на чужомъ языкѣ, чтобы понимать его, какъ свой. Каждый словарь даетъ на это вполне удовлетворительный отвѣтъ. Мы знаемъ на нашемъ языкѣ ось слова т. е. около 30 тысячъ, со всѣми ихъ измѣненіями (незнаніе техническихъ словъ сюда въ расчетъ не идетъ). И вотъ почему всѣ возможные руководства, состоящія наполовину изъ

(* Цѣна изданію въ Москвѣ 3 р., съ доставкою 4 р.; въ С. Петербургѣ безъ доставки 4 р., съ пересылкою въ другіе города 5 р. Контора редакціи помѣщается въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго.

грамматическихъ правилъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ сотенъ такъ-называемыхъ общеупотребительныхъ фразъ, никакъ не могутъ выучить 30 т. словъ, которыхъ въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Загромоздить-же учебникъ огромнымъ количествомъ отдѣльныхъ словъ, или фразъ, тоже невозможно, потому-что словаря заучивать нельзя. Поэтому-то и на заманчивыя обѣщанія выучить языку въ 20 или въ 40 уроковъ, какъ это не разъ случалось, легко отвѣчать: существуетъ-ли память, которая-бы могла удерживать по 1000 словъ въ каждый урокъ, — что необходимо для такого быстрого изученія? Эти неутѣшительныя истины, при общей необходимости знать Французскій языкъ, заставили насъ прибѣгнуть къ самому простѣйшему и натуральному способу, по которому можно безъ посторонней помощи выучиться всякому языку, и выучиться такъ, чтобы понимать *всѣ* книги, *всѣмъ* разговоръ и наконецъ начать говорить самому. Вся тайна языкознанія состоитъ въ постоянномъ представленіи нашимъ понятіямъ всѣхъ возможныхъ словъ въ рѣчи. Такъ мы выучиваемся нашему родному языку. Стало быть, не одно какое-либо руководство въ 200 или 300 страницъ, заключающее въ себѣ *нѣкоторыя* отдѣльныя фразы, можетъ выучить языку, а сочиненіе, въ которомъ-бы находились *всѣ* слова и *всѣ* фразы, какъ въ живомъ разговорѣ, и которое по этой причинѣ не слѣдовало-бы *выучивать*, а только читать для удержанія нечувствительно въ памяти безпрестанно повторяющихся выраженій во всѣхъ возможныхъ ихъ видахъ. Опытъ доказалъ намъ справедливость этой методы, извѣстной вездѣ за границей, но не въ такомъ обширномъ объемѣ, какъ мы желаемъ осуществить ее здѣсь и которая состоитъ *въ постоянномъ чтеніи книгъ на изучаемомъ языкѣ съ приложеннымъ переводомъ, по-возможности близкимъ*. Тутъ уже не можетъ встрѣтиться затрудненій, ни темныхъ мѣстъ — переводъ объясняетъ все постепенно, и чтеніе это, довольно медленное сначала отъ безпрестаннаго сличенія оригинала съ переводомъ, но удовлетворительное съ перваго-же раза въ-отношеніи къ пониманію, пойдетъ тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ тверже будетъ въ памяти предъидущее. Мы старались, чтобы сочиненіе это было не сухимъ учебникомъ, а занимательной литературной книгой, потому-что любопытное и разнообразное легче удерживается въ памяти. Французскій журналъ съ Русскимъ переводомъ вполне соответствуетъ этой цѣли, способствуя къ изученію обонхъ языковъ. Не упуская изъ вида и *полезнаго содержанія*,

мы составили журналъ изъ двухъ отдѣловъ: литературнаго и ученаго. 1-й будетъ заключать: рассказы, занимательныя путешествія, повѣсти и проч.; 2-й — любопытныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ и необходимыя знанія для всякаго свѣтскаго человѣка. *Журналъ избраннаго чтенія* будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, заключаая отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ въ каждомъ номерѣ (*).

ВѢДО. Редакторъ I. Огіризко. — Это изданіе будетъ состоять изъ *газеты*, которая будетъ выходить два раза въ недѣлю, и изъ ежемѣсячнаго *прибавленія*. Въ составъ *газеты* войдутъ: 1) часть оффиціальная, 2) извѣстія отечественныя, 3) извѣстія политическія, 4) корреспонденція, 5) торговыя извѣстія, 6) смѣсь и 7) фельетонъ. Въ *прибавленіяхъ* будутъ помѣщаемы статьи по части словесности, наукъ, критики и библіографіи (**).

(*) Цѣна 6 руб. сер. безъ пересылки и доставки; съ доставкою въ С.-Петербургѣ 6 руб. 50 коп., съ пересылкою 7 руб. 50 коп. Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Кюсюэля, на Невскомъ проспектѣ.

(**) Цѣна газетъ и прибавленію съ пересылкою и доставкою на домъ за годъ 17 р., за полгода 8 р. 50 к., за три мѣсяца 4 р. 25 к.; безъ пересылки и доставки: за годъ 15 р., за полгода 7 р. 50 к., за три мѣсяца 3 р. 75 к. Подписка особо на газету или на прибавленіе не принимается. Контора редакціи помѣщается въ С. Петербургѣ, на углу Екатеринго-вскаго и Англійскаго проспектовъ, въ д. Харламова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА НА 1859 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ знаній; путешествія ученыхъ или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкой на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ

СОДЕРЖАНІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I

Дѣйствія правительства по минист. нар. просв. за сентябрь 1858 года:	
Высочайшія повелѣнія.	9
Министерскія распоряженія.	12

ОТДѢЛЕНІЕ II

Объ устройствѣ общественныхъ библіотекъ и составленіи ихъ каталоговъ. В. И. СОБОЛЬЩИКОВА. (Окончаніе).	181
О новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ Польскаго языка. П. И. ДУБРОВСКАГО.	156
Федръ. Разговоръ Платона. Перев. съ Греческаго проф. В. И. КАРПОВЫМЪ. 179	

ОТДѢЛЕНІЕ III

Выписка изъ протоколовъ засѣданій археографической комиссіи.	1
--	---

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Историческое развитіе религіозныхъ вѣрованій древнихъ Грековъ.	1
--	---

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Книги, изданныя въ Россіи:

Буддизмъ, соч. Нила, архіепископа Ярославскаго (рец. В. П. Васильева).	89
Статистическія таблицы Россійской имперіи за 1856-й годъ.	104

Обозрѣніе газетъ и журналовъ:

V. Политическія науки. VI. Географія, этнографія и путешествія.	
VII. Исторія Русская и всеобщая. VIII. Языковзваніе. IX. Критика.	123

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

I. <i>Новости естественныхъ наукъ:</i> Новыя изслѣдованія г. Якубовича. — Новыя наблюденія надъ размноженіемъ инфузорій. Е. Н. СТРАХОВА. — Замѣчательная пихта въ Павловскомъ паркѣ. — Сократимость растительныхъ клѣточекъ. — Попытка рациональнаго изложенія растительной физиологіи. — Изслѣдованія Унгера въ области растительной физиологіи. Д. С. МИХАЙЛОВА.	66
II. <i>Разныя извѣстія:</i> Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. — Торжественное собраніе Императорскаго вольнаго экономическаго Общества. — Засѣданія Виленской археологической комиссіи. — Освященіе зданія для особаго пансіона при Олонецкой гимназіи. — О свѣтописи въ-отношеніи къ археологіи. — Сельско-хозяйственныя Общества въ Россіи. — Новыя повременныя изданія: «Развлеченіе», «Журналъ избраннаго чтенія» и «Słowo»	84

В 1

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1858.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

PRINTED IN RUSSIA

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ОКТЯБРЬ 1858 ГОДА.

34. (9 октября) *О дозволеніи причислять къ министерству народнаго просвѣщенія чиновниковъ сверхъ штата.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволигь:

1) Дозволить причислять къ министерству народнаго просвѣщенія, въ случаѣ надобности, сверхъ штата, лицъ, извѣстныхъ по своему образованію и благонамѣренности, съ цѣлію опредѣленія къ должностямъ, соответствующимъ ихъ познаніямъ и чинамъ.

2) Причисленнымъ на семъ основаніи къ министерству чиновникамъ, безъ особаго Высочайшаго повелѣнія, не производить содержанія ни изъ государственнаго казначейства, ни изъ другихъ, казнѣ-же принадлежащихъ, источниковъ; и

3) Въ-отношеніи производства ихъ въ чины слѣдовать въ точности правиламъ, установленнымъ въ 560 ст. Т. 3 Св. Зак. 1857 года по опред. отъ правительства.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВИИ СВОЕМЪ

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ,

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ

ПРИКАЗЫ:

№ 1.

Октября 9 дня 1858 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ОТЛИЧІЯ

Помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ князь *Ширинскій-Шихматовъ* — въ статскіе совѣтники, съ 9 сентября 1858 года.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ СРОКЪ КОМАНДИРОВКИ ЗА ГРАНИЦУ:

Академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Гамелю* — на годъ.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ СРОКИ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦУ НЕ ВОЛѢЗНИ:

Старшему учителю первой Казанской гимназіи, коллежскому ассессору *Сосфенову* — на четыре мѣсяца.

Почетному смотрителю Тираспольскаго уѣзднаго училища, титулярному совѣтнику князю *Арутинскому-Долгорукову* — на восемь мѣсяцевъ.

УВОЛЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Комнатный надзиратель благороднаго пансіона первой Киевской гимназіи, коллежскій секретарь *Мессонье* — по болѣзни, во Францію, на четыре мѣсяца.

Канцелярскій чиновникъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Зерень* — въ Стокгольмъ, на три мѣсяца.

№ 2.

Октября 23 дня 1858 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный смотритель Аккерманскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Зиро* — въ Италію, Австрію, Германію, Швейцарію и Францію, на четыре мѣсяца.

Почетный смотритель Валдайскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Толстой* — къ минеральнымъ водамъ Германіи, Франціи и Италиі, на три мѣсяца.

Почетный смотритель Рославльскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Лайковичъ* — въ Германію, Францію, Швейцарію и Италію, на четыре мѣсяца.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНН:*По Московскому учебному округу.*

Попечительницами женскихъ училищъ: Тверскаго Маріинскаго—супруга начальника Тверской губерніи, графиня *Баранова* и Рязанскаго — супруга начальника Рязанской губерніи г-жа *Клименбергъ* (9 октября).

НАГРАЖДЕНН:

а) *Орденомъ св. Анны 2-й степени.*

Директоръ училищъ Тверской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Ржевскій* (9 октября).

б) *Подаркомъ.*

Содержательница пансіона для благородныхъ дѣвицъ и Еврейскаго дѣвичьяго училища въ г. Ковно, жена учителя *Марія Сляцилло* (17 сентября).

МИНИСТЕРСВІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ОКТЯБРЬ 1858 ГОДА.

20. (4 октября) *О разрѣшеніи имѣть при второй Казанской гимназіи бухгалтера.*

По представленію попечителя Казанскаго учебнаго округа и на основаніи Высочайше утвержденнаго 14 августа 1834 года положенія комитета министровъ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть при второй Казанской гимназіи бухгалтера съ производствомъ ему жалованья по 142 руб. 88 коп. сер. въ годъ, изъ экономической суммы гимназіи.

21. (4 октября) *О взиманіи меньшей платы съ воспитанниковъ пансіона Оренбургской гимназіи.*

По представленію попечителя Казанскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать за содержаніе самокоштныхъ воспитанниковъ въ пансіонѣ Оренбургской гимназіи плату въ меньшемъ противъ нынѣшняго количествѣ, а именно: съ пансіонеровъ — по 120 руб. и съ полупансіонеровъ — по 80 руб. сер. въ годъ и одновременно на первоначальное обзаведеніе по 25 руб. сер. съ cadaго, принявъ такую мѣру, въ видѣ опыта, на три года, съ перваго января 1859 года.

22. (4 октября) *О введеніи въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ преподаванія Французскаго языка, технического черченія и коммерческой бухгалтеріи.*

По представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ преподаваніе Французскаго языка, технического черченія и коммерческой бухгалтеріи на счетъ ассигнованныхъ для сего отъ Одесской градской думы денегъ.

23. (16 октября) *Циркулярное предложеніе о неопредѣленіи въ учительскія должности лицъ, не выдержавшихъ установленныхъ испытаній.*

Изъ производящихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія дѣлъ оказывается, что, по нѣкоторымъ учебнымъ округамъ, въ учительскихъ должностяхъ состоятъ лица, которые, не приобрѣтя окончаніемъ курса права поступить въ эти должности, или вовсе не держали для занятія оныхъ установленныхъ испытаній, или выдержали оныя не вполне согласно съ требованіями правилъ, на сей предметъ установленныхъ.

Отъ несоблюденія въ точности постановленныхъ на сей предметъ условій многимъ изъ учителей отказано въ производствѣ въ чины. Посему я считаю нужнымъ предложить начальствамъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія къ непремѣнному руководству, чтобы никто не былъ опредѣляемъ въ учительскую должность или перемѣщаемъ съ одной должности на другую, если, по воспитанію или по невыдержанію спеціальнаго испытанія, на точномъ основаніи существующихъ на сей предметъ правилъ, не получилъ права на занятіе предназначаемой должности.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

СПИСОКЪ

КНИГАМЪ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫМЪ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ДЕРПТСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

(Утвержденъ главнымъ правленіемъ училищъ 31 октября 1858 г.).

Предметы преподаванія и заглавія книгъ.	Для гимназій.	Для уѣздныхъ училищъ.
I. Законъ Божій.		
1) <i>Раумера</i> , Собраніе духовныхъ пѣсенъ.....	Для всѣхъ классовъ.	Для обоихъ классовъ.
2) <i>Лутера</i> , Катихизисъ. Училищное изданіе Дерптскаго учебнаго округа..	Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
3) <i>Курца</i> , Библейская исторія.....	Для V класса.	Для
4) » Священная исторія.....	» III »	высшаго
5) » Ученіе о религіи.....	» II »	
6) » Очеркъ церковной исторіи..	» I »	класса.
II. Всѣобщая исторія.		
7) Начертаніе всеобщей исторіи по Дитмарову очерку всеобщей исторіи, или	Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
8) <i>Штюве</i> , Начертаніе всеобщей исторіи.....	Для III, II и I классовъ.	
9) <i>Дитмара</i> , Очеркъ всеобщей исторіи.....		
10) <i>Киперта</i> , Атласъ древняго міра... Для III класса.		
III. Географія.		
11) <i>Пюца</i> , Начертаніе сравнительнаго землеописанія, или	Для IV	Для высшаго
12) <i>Даніеля</i> , Руководство къ преподаванію географіи.....	класса.	класса.
13) <i>Пюца</i> , Учебная книга сравнительнаго землеописанія, или	Для III и II	
14) <i>Даніеля</i> , Учебная книга географіи.	классовъ.	
15) <i>Сидова</i> , Учебный атласъ.....	Для всѣхъ классовъ.	Для обоихъ классовъ.

Предметы преподаванія и заглавія книгъ.	Для гимназій.	Для уѣздныхъ училищъ.
IV. МАТЕМАТИКА.		
16) <i>Панша</i> , Ариѳметическія задачи...	Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
17) <i>Гейнрихсена</i> , Учебная книга ариѳметики.....		
18) <i>Вестберга</i> , Маленькій счетчикъ.... Первые два преимущественно для гимназій, а Вестберга—для уѣздныхъ училищъ.		
19) <i>Мейеръ-Гирша</i> , Собраніе задачъ...	Для III, II и I классовъ.	
20) <i>Панша</i> , Ариѳметика и алгебра, или.		
21) <i>Нерлинга</i> , Всеобщая ариѳметика...	Для III, II и I классовъ.	
22) <i>Маттиса</i> , Руководство къ гевристическому преподаванію математики.		
23) <i>Шлеммльха</i> , Основаніе научнаго изложенія геометріи, или		
24) Руководство геометріи, по Лезандру.....	Для II и I классовъ.	
25) <i>Вега</i> , Таблицы логарифмовъ.....		
26) <i>Нерлинга</i> , Плоская тригонометрія..	Для II класса.	
27) <i>Вишанда</i> , Математическая географія.....		
28) <i>Нерлинга</i> , Сферическая тригонометрія.....	Для I класса.	
29) <i>Бретнера</i> , Физика, или		
30) <i>Эйзенлора</i> , Физика.....		Для высшаго класса.
31) <i>Вестберга</i> , Геометрія, или		
32) <i>Лессега</i> , Геометрія.....		
33) <i>Вестберга</i> , Физика.....		
V. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.		
34) <i>Шуберта</i> , Естественная исторія...	Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
35) <i>Кюрие</i> , Руководство къ ботаникѣ..		
VI. ЛАТИНСКІЙ ЯЗЫКЪ.		
36) <i>Цумпта</i> , Извлеченіе изъ грамматки.....	Для V и IV класса.	Для обоихъ классовъ.

Предметы преподаванія и заглавія книгъ.	Для гимназій.	Для уѣздныхъ училищъ.
37) <i>Цумпта</i> , Грамматика.....	Для III, II и I классовъ.	
38) <i>Френкеля</i> , <i>Initia Romae</i> , или	} Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
39) <i>Эллента</i> , Книга для чтенія.....		
VII. Греческій языкъ.		
40) <i>Шписа</i> , Грамматика (изд. Брейтеромъ).....	} Для IV класса.	Для высшаго класса.
41) <i>Шписа</i> , Книга для упражненій въ переводахъ (изд. Брейтеромъ) или		
42) <i>Шенкеля</i> , Начальная книга.....		
43) <i>Якобса</i> , Начальная книга I часть. или	} Для III класса.	
44) <i>Готшика</i> , Книга для чтенія.		
45) <i>Курциуса</i> , Грамматика для училищъ.	Для III, II и I классовъ.	
VIII. Нѣмецкій языкъ.		
46) <i>Гетцингера</i> , Начала грамматики. . .	Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
47) » Грамматика.....	для III и II классовъ.	
48) <i>Ф. Вакернагеля</i> , Книга для чтенія, или	Для V IV и III классовъ.	Для обоихъ классовъ.
49) <i>Ольтроге</i> , Книга для чтенія.....	Для II класса.	
50) <i>Клейнпауля</i> , Пѣнтика.....	Для I класса.	
51) <i>Шефера</i> , Очеркъ исторіи литературы.....		
IX. Русскій языкъ.		
52) <i>Пилемана</i> , Практическое руководство къ изученію Русскаго языка или		} Для высшаго класса.
53) <i>Александрова</i> , Практическая начальная книга.....		
54) <i>Николмча</i> , Грамматика, или	} Для IV III и II классовъ.	Для высшаго класса.
55) <i>Серно-Соловьевича</i> , Практическая грамматика.		

Предметы преподаванія и заглавія книгъ.	Для гимназій.	Для уѣздныхъ училищъ.
56) <i>Голотузова</i> , Христоматія для переводовъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій, съ лексикономъ.....	Для V и IV классовъ.	Для обоихъ классовъ.
57) <i>Шафранова</i> , Христоматія.....	Для III, II и I классовъ.	
58) <i>Черешовича</i> , Христоматія для переводовъ съ Нѣмецкаго языка на Русскій, съ лексикономъ.....	Для V, IV и III классовъ.	Для высшаго класса.
59) <i>Шафранова</i> , Собраніе образцовыхъ статей для переводовъ съ Нѣмецкаго языка на Русскій.....	Для II и I классовъ.	Для высшаго класса.
60) <i>Устрелова</i> , Начертаніе Русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній.....	Для III, II и I классовъ.	Для высшаго класса.
61) <i>Кузнецова</i> , Географія Россійской имперіи.....	для III класса.	
X. Французскій языкъ.		
62) <i>Бореля</i> , Грамматика, или	} Для III, II и I классовъ.	
63) <i>Ноэля и Шапсала</i> , Грамматика ..		
64) <i>Марю</i> , Начальный курсъ.....	} Для III класса.	
65) <i>Ноэля, и де-ла-Пласса</i> , Христоматія.....	} Для II и I классовъ.	
66) <i>Френкеля</i> , Антологія.....		
XI. Еврейскій языкъ.		
67) <i>Зеффера</i> , Начальная книга.....	Для II и I класса.	

ПРИКАЗЫ**МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

№ 3.

8 октября 1858 года.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЗА ОТЛИЧІЯ:

Инспекторъ студентовъ Императорскаго Московскаго университета, капитанъ 2-го ранга *Ильинскій* — въ капитаны 1-го ранга (Высочайшимъ приказомъ по флоту 26 сентября 1858 г. за № 219).

ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ графъ *Дориконн* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Новоалександровскаго уѣзда.

Студентъ лицея князя Безбородко *Алексѣевъ* — почетнымъ смотрителемъ Кобелякскаго уѣзднаго училища.

ПЕРЕВОДАТСЯ:

Императорскаго Харьковскаго университета экстраординарный профессоръ педагогики Николай *Ласковский* — тѣмъ же званіемъ и на ту-же кафедрѣ, въ главный педагогическій институтъ.

Инспекторъ классовъ Казанскаго Родионовскаго института благородныхъ дѣвицъ, коллежскій совѣтникъ *Цилли* — директоромъ Певзинскаго дворянскаго института.

Почетный смотритель Кобелякскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Троцинь* — къ таковой-же должности въ Переяславское уѣздное училище.

УВОЛЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Переяславскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Иваненко* — по прошенію, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

Канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія *Касицкій* — по прошенію (27 сентября 1858 г.).

ПРОДОЛЖАЮТСЯ СРОКИ ОТПУСКА:

Инспектору студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскому совѣтнику *Стороженко* — до четырехъ мѣсяцевъ.

Почетному попечителю Оренбургской гимназіи, инженеръ-капитану *Авдѣеву* — на три мѣсяца.

Почетному смотрителю Усманскаго уѣзднаго училища, штабсъ-капитану *Безобразову* — на двадцать восемь дней.

ПРИКОМАНДИРОВЫВАЕТСЯ:

Экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, надворный совѣтникъ *Дубровскій* — къ ученому комитету главнаго правленія училищъ (4 октября 1858 г.).

ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ СПИСКА:

Умершій, адъютантъ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ *Щеглеевъ*.

№ 4.

24 октября 1858 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ — титулярный совѣтникъ *Беккеръ*.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Магистръ фармаціи *Лангель* — адъютантомъ по медицинскому факультету Императорскаго Казанскаго университета; для преподаванія фармаціи, фармакохиміи и фармакогнозіи.

Магистръ минералогіи и геогнозіи *Пузыревскій* — доцентомъ при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ по кафедрѣ минералогіи и геогнозіи.

Изъ отставныхъ:

Флота капитанъ-лейтенантъ *Савинскій* — почетнымъ смотрителемъ Мокшанскаго уѣзднаго училища.

Коллежскій регистраторъ князь *Оболенскій* — почетнымъ смотрителемъ Хвалынскаго уѣзднаго училища.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Ординаторъ Варшавской городской больницы и врачъ при канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Корженевскій* — доцентомъ при Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, съ оставленіемъ при занимаемыхъ должностяхъ (10 октября 1858 г.).

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Учитель 3-го рода перваго Московскаго кадетскаго корпуса. Магистръ *Муравьевъ* — въ Рижельевскій лицей, исправляющимъ должность профессора по кафедрѣ политической экономіи и коммерціи.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Гордѣнковъ* — по прошенію, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Почетному смотрителю Карсунскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Мотовилову* — на два мѣсяца.

Подписаль: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНЫ:*По университетамъ:*

С. Петербургскому: Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Щербатовъ* — почетнымъ членомъ (3 октября).

Харьковскому: Въ званіи ординарнаго профессора по кафедрѣ богословія, логики и психологіи — назначенный святѣйшимъ синодомъ къ занятію сей кафедры священникъ *Добровольскій* (4 октября).

По Московскому учебному округу.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Лясковскій* — инспекторомъ надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ, на текущій годъ (10 октября).

ФЕДРЪ.

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

(Окончаніе).

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ.

ФЕДРЪ И СОКРАТЪ.

Сокр. А, любезный Федръ! куда и откуда (1)?

Федръ. Отъ Лизіаса Кефалова (2), Сократъ. Иду прогуляться за городскою стѣною. Вѣдь провелъ у него все время, съ самаго утра. А по дорогамъ прогуливаюсь потому, что исполняю предписаніе моего и твоего друга Акумена (3): онъ гово-

(1) *Куда и откуда?* ποῦ δὴ καὶ πόθεν; — обыкновенная форма вопроса при встрѣчѣ. Такъ и у Горация (Serm. 11, 4, 1): unde et quo tendis? или поляѣ (Serm. 1, 9, 62): unde venis et quo tendis? употреблепіе этихъ и подобныхъ словъ особенно правилось позднѣйшимъ софистамъ, о которыхъ Амміанъ говоритъ (Epiqr. 22. Anthol. graec. T. III, p. 97): ὦ γὰρ εἰ καὶ μῶν οὖν καὶ ποῦ δὴ καὶ πόθεν, ὦ τὰν καὶ θάμα καὶ φέρε δὴ καὶ κομιδῆ καὶ ἔσι — ἐκ τούτων ἡ γυν εὐδοκίαι σοφία.

(2) *Отъ Лизіаса Кефалова.* Во всемъ Платоновомъ Федрѣ дѣло идетъ о Лизіасѣ, извѣстномъ Греческомъ ораторѣ.

(3) Акументъ былъ знаменитый врачъ, современникъ Платона. Ксенофонтъ приписываетъ ему изрѣченіе: умѣренность есть лучшая приправа пирушки. (Memor. Xenoph. III, 13, 2).

рить, что прогулка тамъ не столь утомительна, какъ въ дромахъ (4).

Сокр. Акумень говоритъ хорошо, другъ мой. Значитъ Лизіасъ уже въ городѣ.

Федръ. Да, у Епикрата (5), въ томъ домѣ Морихіаса (6), что подлѣ Олимпійскаго храма.

Сокр. Чѣмъ-же вы тамъ занимались? Ужь, конечно, Лизіасъ угощалъ васъ рѣчами.

Федръ. Узнаешь, если имѣешь досугъ идти и слушать меня.

Сокр. Какъ? Развѣ ты думаешь, что для меня, говоря словами Пиндара (7), не выше и самаго недосуга слушать отъвоей и Лизіасовой бесѣды?

Федръ. Такъ иди-же.

Сокр. Лишь-бы говорилъ.

Федръ. Изволь, Сократъ. Да къ тебѣ-таки и идетъ послушать (8): потому-что предметъ нашей бесѣды, не знаю какъ-

(4) *Дромы* (δρομοί) у Грековъ были строенія для конскихъ ѣзговъ и прогулокъ — нѣчто въ родѣ крытыхъ галерей (Runk. ad. Sim. Gloss. p. 89). Дромамъ здѣсь противопозагаются обыкновенныя загородныя дороги (ὁδοί).

(5) Епикратъ былъ риторъ и у современниковъ вошелъ въ поговорку необыкновенно большою бородою, за которую остроумные Греки называли его щитоносцемъ (σχιεφόρος). Ἄναξ ὑπέρβης, Επικράτης σχιεφόρος. Groen. v. Prinster. prosopogr. Plat. p. 114. Aristoph. Eccles. 71.

(6) *Морихіасъ* извѣстенъ былъ въ Афинахъ, какъ человекъ, любившій хорошо поѣсть и попить. Воздержаніе казалось ему добродѣтельно непонятною. Лучшими и обыкновенными его собесѣдниками были поэты, ораторы и софисты, которые однакожь за его хлѣбосольство платили ему насмѣшками среди народной толпы. Негшіас р. 68. Къ этимъ-то литературнымъ засѣданіямъ вокругъ стола, покрытаго отборными блюдами и чашами вина, применено выраженіе: «впрочемъ, явно, что Лизіасъ угощалъ васъ (εἰστία) рѣчами».

(7) *Говоря словами Пиндара, не выше самаго недосуга*.... Слова Пиндара (Isthm. 1. init) слѣдующія: Μάτερ ἱμά, τὸ τέον, χρυσόσι Θῆβα, κράυμα καὶ ἀσυχολίας ὑπέρταρον ἤσομαι; т.-е., «Мать моя, золотопитнаяTheta! твое дѣло буду поставлять я выше самаго недосуга».

(8) *Да къ тебѣ-таки и идетъ послушать*. Говорится потому, что Сократъ, сознавая свое невѣжество во всемъ прочемъ, почиталъ себя знатакомъ только въ искусствѣ любить. «іі ничего не знаю, кромѣ любовныхъ дѣлъ (τὰ ἐρωτικά)» говорилъ онъ (Plat. Conviv. 177, D. 212, B). Сократово искусство любить было тождественно съ философіею и состояло въ отклоненіи души отъ всего постыднаго, нечистаго и низкаго, и въ обращеніи ея къ прекрас-

то, случился любовный. Лизіасъ, видишь, написалъ, какимъ-образомъ одного красавца сманивалъ человѣкъ, въ него не влюбленный. Но хитрость-то именно въ слѣдующемъ: онъ говоритъ, что должно быть благосклоннымъ болѣе къ тому, кто не любить, нежели къ тому, кто любитъ.

Сокр. О благороднѣйшій человѣкъ! Еслибы онъ еще написалъ, что лучше быть благосклоннымъ къ бѣдному, чѣмъ къ богатому, лучше къ старику, чѣмъ къ молодому, и такъ о всемъ, что выгодно для меня и для многихъ изъ насъ! Подобныя рѣчи были-бы очень учтивы и полезны народу (9). Теперь у меня такая охота слушать, что еслибы ты свою прогулку сдѣлалъ даже къ Мегарѣ и дошедши до ея стѣны, по совѣту Иродика (10), предпринялъ обратный путь, то и тогда я не отсталъ-бы отъ тебя.

Федръ. Что ты это говоришь, почтеннѣйшій Сократъ? Могу-ли я, человѣкъ простой, по надлежащему припомнить все, что Лизіасъ, превосходнѣйшій изъ нынѣшнихъ писателей, сочинялъ долго и надосугъ? Куда ужъ мнѣ! хотя, конечно, я болѣе хотѣлъ-бы этого, чѣмъ большого богатства.

Сокр. О, Федръ! если я не знаю Федра, то забылъ и себя: но вѣтъ — ни то ни другое. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что, слушая рѣчь Лизіаса, онъ слушалъ ее не одинъ разъ, но приказывалъ повторять себѣ многократно, и Лизіасъ охотно повиновался. Ему и этого было мало: наконецъ онъ взялъ свитокъ,

тому, доброму и праведному. Это ученіе его раскрыто во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ. Впрочемъ см. *Heusd. initia philosophiae platonicae*. P. 1. p. 96 sqq.

(9) *Полеты народу.* — Легкій намѣкъ на заботливость ораторовъ льстить толпѣ и угождать ея страстямъ, вопреки истинѣ и справедливости.

(10) Эрміасъ (р. 71) говоритъ, что Иродикъ, искусный врачъ, устроилъ за стѣною города (Афинъ), въ надлежащемъ отъ него разстояніи, гимназію и предписывалъ своимъ адептамъ прогуливаться взадъ и впередъ между гимназіею и городскою стѣною. Стало-быть смыслъ Платоновыхъ словъ слѣдующій: хотя-бы ты то-же дѣлалъ между Мегарою и Афинами, что Иродикъ предписываетъ дѣлать между своею гимназіею и городскою стѣною, я и тогда не отсталъ-бы отъ тебя.

пересмотрѣлъ все, что особенно хотѣлъ, просидѣлъ надъ этою работою съ самаго утра и потомъ, клянусь собакою, изучивъ на память все сочиненіе, если только оно не слишкомъ длинно, и утомившись, какъ мнѣ кажется, пошелъ прогуляться. Пошелъ онъ за городскую стѣну, чтобы предаться размышленію, но встрѣтился съ человѣкомъ, который страдаетъ недугомъ слушанія рѣчей, увидѣлъ его, — увидѣлъ и, обрадовавшись, что найдетъ въ немъ такого-же восторженника, приказалъ ему идти съ собою. Когда-же этотъ любитель рѣчей сталъ просить его пересказать слышанное, — онъ началъ жеманиться (11), какъ будто-бы ему не хотѣлось; а кончилъ-бы тѣмъ, что пересказалъ-бы и насильно, еслибы не слушали его по доброй волѣ. Итакъ, сдѣлай теперь; Федръ, по моей просьбѣ то, что весьма скоро сдѣлаешь ты и безъ просьбы.

Федръ. Для меня и въ-самомъ-дѣлѣ гораздо лучше пересказать тебѣ, какъ могу; и ты, кажется, не оставишь меня, пока я какъ-нибудь не кончу своего рассказа.

Сокр. Да и очень справедливо тебѣ кажется.

Федръ. Такъ я и сдѣлаю. Но вѣдь слова-то, въ-самомъ-дѣлѣ, Сократъ, я всего менѣе заучилъ; а мысли о томъ, какія преимущества на сторонѣ влюбленнаго и не влюбленнаго, замѣтилъ почти всѣ и, начиная съ первой, въ общихъ чертахъ и по порядку изложу тебѣ каждую.

Сокр. Покажи напередъ, любезный, что ты тамъ держишь въ лѣвой-то рукѣ подъ плащемъ. Я догадываюсь, что это-то и есть у тебя та самая рѣчь. А если такъ, то вотъ какое имѣй о мнѣ понятіе: сколько я ни люблю тебя, но не допущу, чтобы ты занималъ меня и въ присутствіи Лизіаса. Ну-ка покажи.

(11) *Началъ жеманиться* — ἐφιπτετο. Глаголь ἐφιπτεται весьма хорошо употребляется для выраженія приемовъ кокетства, когда оно показываетъ видъ, будто не хочетъ того, чего ему хочется. Dorvill. ad Charit. p. 447. У насъ этому глаголу ближайшимъ образомъ соответствуетъ слово *ломаться*, только оно грубовато и получило значеніе нѣсколько обширнѣе того, какое въ этомъ мѣстѣ имѣеть глаголь ἐφιπτεται.

Федръ. Перестань (12), Сократъ. Ты лишаешь меня надежды испробовать надъ тобою свои силы. Но гдѣ-же намъ расположиться для чтенія?

Сокр. Повернемъ сюда и пойдёмъ по берегу Илсса (13), а потомъ сядемъ себѣ въ тиши, гдѣ понравится.

Федръ. Кстати, кажется, случилось, что я босикомъ (14); ты-то ужъ всегда такъ. Освѣжая ноги водою, мы будемъ идти съ большею легкостію и пріятностію, особенно въ это время дня и года.

Сокр. Иди-же впередъ и смотри, гдѣ намъ сѣсть.

Федръ. Видишь-ли тотъ высочайшій яворъ?

Сокр. Такъ что-жъ?

Федръ. Подъ нимъ есть тѣнь и легкій вѣтерокъ; на той муравѣ мы можемъ сѣсть, а если захотимъ, то и лечь.

Сокр. Ступай-же.

Федръ. Скажи мнѣ, Сократъ, не здѣсь-ли то мѣсто на Илссѣ, съ котораго, говорятъ, Борей похитилъ Орнею (15)?

Сокр. Да, говорятъ.

Федръ. Такъ неужели здѣсь? Воды дѣйствительно пріятны, чисты и прозрачны; только-что дѣвицамъ рѣзвиться въ нихъ.

(12) *Перестань*, πᾶυε. Переводчики недоумѣваютъ, къ чему здѣсь повелительное πᾶυε, и мысленно прибавляютъ либо τοῦ λόγου, либо что другое. Но я думаю, что этимъ словомъ предполагается движеніе Сократа — взять свитокъ изъ рукъ Федра.

(13) Илссъ, небольшая рѣка, выходитъ двумя ручьями изъ двухъ частей города Аевинъ. Во время большихъ жаровъ онъ почти совсѣмъ пересыхалъ. Strab. IX. 1.

(14) *Кстати кажется случилось, что я босикомъ.* Для древнихъ Грековъ не казалось страннымъ иногда ходить босикомъ. У нихъ молодые и уже нѣсколько избѣженные воспитаніемъ люди обували свои ноги въ башмаки, ὑπόδηματα, которыя у Римлянъ назывались calcei cavi; а державшіеся простыхъ обычаевъ старины, особенно философы, ходили босые. Сократъ вовсе никогда не обувался. Salmas. ad Tertull. de pallio p. 415. seq. Casaub. ad Theophr. Char. 10, p. 134. Сравни. Plat. Conviv. 174. A.

(15) *Борей похитилъ Орнею.* Мифологія древней Греціи повѣствуетъ, что Орнея, дочь Аттическаго царя Эрихтея, однажды играя съ Нимфами на берегу Илсса, была похищена Бореемъ и унесена во Фракію. Греки почитали Борей своимъ сосѣдомъ и воздвигли ему, какъ помощнику въ войнѣ, небольшой храмъ на берегу Илсса. Herod. VII. 189.

Сокр. Не здѣсь, а ниже, стадіи двѣ или три не доходя до храма Агрея (16). Тамъ, кажется, есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Что-то не замѣтилъ. Но скажи ради Зевса, Сократъ, думаешь-ли ты, что это преданіе справедливо?

Сокр. Не было-бы странно, еслибы я, подобно людямъ мудрымъ (17), и не вѣрилъ ему. Умствуя, какъ они, я сказалъ-бы, что Борей былъ вѣтеръ, который, когда Ориея рѣзвилась съ Фармакеею (18) на ближнихъ скалахъ, низвергъ ее оттуда. Это-то и подало поводъ говорить, что покойница увлечена Бореемъ— иначе съ Марсова холма (19); вѣдь рассказываютъ и такъ, что онъ похитилъ ее не отсюда, а оттуда. Я думаю, Федръ, что для подобныхъ дѣтскихъ сказокъ (*χαρίεργα*) нуженъ человекъ очень сильный, трудолюбивый и неслишкомъ избалованный счастіемъ — по той единственно причинѣ, что кромѣ сего, ему надобно еще трудиться надъ исправленіемъ вида Иппокентавровъ, потомъ Химеръ, за которыми нахлынетъ цѣлая стая Горгонъ, Пегасовъ и другихъ необыкновенныхъ природъ, ужасающихъ своимъ множествомъ и своею уродливостію. Еслибы невѣрующій, пользуясь какою-то дикою мудростію (20), захотѣлъ баснѣ о каждомъ изъ этихъ чудовищъ придать нѣкото-

(16) Агрея, или Агра, также Агротера — была Діана. Она получила это названіе отъ мѣстечка Агры, которое почитало ее домашнею своею богинею. Ruhnk. ad Tim. p. 223.

(17) *Подобно людямъ мудрымъ.* Разумѣются нѣкоторые философы, занимавшіеся объясненіемъ и исправленіемъ мифологическихъ сказаній. Таковы были Гераклитъ, Анаксагоръ и многие софисты. Языческимъ баснямъ они старались придавать смыслъ нравственный и видѣли въ нихъ однѣ аллегоріи. Wolf. Prob. ad Homer. p. CCXII.

(18) Фармакея—одна изъ Наядъ, нимфа ручья, который назывался Фармакеею. Tim. Gloss. p. 268.

(19) *Иначе съ Марсова холма,* ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου, т.-е. съ того самаго мѣста, на которомъ впоследствии находилось знаменитое Афинское судилище, Ареопагъ.

(20) *Пользуясь какою-то дикою мудростію,* ἄγροικία τινὶ σοφία χρωμένος — т. е. мудростію, занимающеюся разсматриваніемъ дикихъ и низкихъ предметовъ. Отсюда ἄγροικος почитается синонимическимъ слову ἀνελεύθερος — необразованный, грубый. Ruhnk. ad Tim. p. 13. Подъ дикими и низкими предметами Платонъ очевидно разумѣетъ религіозныя предрассудки низшаго сословія.

рое правдоподобіе, то ему понадобилось-бы много досуга; а у меня для этого вовсе нѣтъ его,—причина та, другъ мой, что я еще не могу, по смыслу Дельфійской надписи (21), познать самого себя; а вѣдь смѣшнымъ представляется, не зная этого, изслѣдывать чужое. Итакъ, оставляя подобныя преданія въ покоѣ и вѣря тому, что о нихъ думаютъ, я, какъ сейчасъ сказано, рассматриваю не то, а себя,—звѣрь-ли я многосложнѣе и яростнѣе Тифона (22), или животное кротчайшее и простѣйшее, носящее въ своей природѣ какой-то жребій божественности и незлобія. Но позволь мнѣ прервать свою рѣчь (23), другъ мой, не это-ли то дерево, къ которому ты ведъ насъ?

Федръ. Да, это самое.

Сокр. Клянусь Ирою, прекрасное убѣжище! Этотъ яворъ очень развѣсистъ и высокъ, ростъ и тѣнь этого агнца (24)

(21) По смыслу Дельфійской надписи. Указывается на знаменитую надпись на воротахъ Дельфійскаго Аполлонова храма: γυῖσσι σαυτὸν. О происхожденіи ея см. прим. къ Протагору 150 см. Cicero de Legg. 1, 22 et alib.

(22) *Звѣрь-ли я многосложнѣе и яростнѣе Тифона, или...* Одно изъ замѣчательнѣйшихъ классическихъ мѣстъ Платоновой философіи. Въ немъ опредѣляется психологическая задача, или то, къ чему существенно должно быть направлено самопознаніе. Главная сила выраженія здѣсь на словѣ φύσει, то есть, какимъ существомъ надобно почитать человѣка по его природѣ, а не по случайнымъ проявленіямъ его дѣйствій. Словомъ τελευτῶνтеронъ указывается не на то, что Тифона представляли съ головою, покрытою, вмѣсто волосъ, звѣями,—къ этому скорѣе имѣетъ отношеніе ἐπιτεθιμένον, а на то, что Тифону приписывали смѣшанный образъ человѣка и звѣря. По этому ἐπιτεθιμένονъ τελευτῶνтеронъ противоположно ζῶον ἀκλόωτερον, а ἐπιτεθιμένονъ—ἴμερονтеронъ.

(23) *Позволь прервать свою рѣчь, μεταξὺ τῶν λόγων*—формула извиненія, когда кто хочетъ прервать рѣчь другаго. Штальбомъ почитается ее однозначною съ Французскимъ à propos: но мнѣ кажется, это вѣрно не во всѣхъ случаяхъ, а только тогда, когда она говорится безъ предлога τῶν, μεταξὺ λόγων, какъ у Лукіана Deor. dialog. XX. 5. Contempl. 24. p. 221 см. Viger. de Idiot. p. 407.

(24) *Тѣнь этого агнца.* Агнецъ непорочный, или просто агнецъ (vitéx) есть душистое растеніе изъ рода кустарниковъ. Въ древности дѣвицы устилали имъ свои постели для сохраненія чистоты и непорочности. Eustath. in Odyss. K. p. 367, 369. Слѣдующія слова: *и какая сила цвѣту, καὶ ὡς ἀκμήν ἔχει τῆς ἀνδρῆς* надобно разумѣть въ значеніи именно силы, а не количества. Что-же касается до ὡς, то Астъ и Штальбомъ вовсе несправедливо принимаютъ

превосходны, — и какая сила его цвѣта! Онъ можетъ сообщать благовоиѣ всему мѣсту. Или опять, — этотъ, текущій изъ-подъ явора пріятный источникъ воды столь холоденъ, что даже и для ноги она ощутительна. Судя по дѣвическимъ изображеніямъ и статуямъ (25), можно полагать, что это мѣсто было посвящено какимъ-нибудь Нимфамъ и Ахелою. Сверхъ-того, если угодно, какъ любезенъ и усладителенъ здѣсь вѣтерокъ! его лѣтній шелестъ вторитъ хору кузнечиковъ. Но всего роскошнѣе эта мурава; легкая покатость ея обѣщаетъ склоненной головѣ удобное положеніе. Отличный проводникъ ты, любезный Федръ!

Федръ. А ты-то, чудакъ, представляешься чрезвычайно страннымъ. Ты просто говоришь такъ, чтоходишь не на туземца, а на какого-нибудь иностранца, которому нуженъ проводникъ (26). Какъ-таки изъ города не отпрапляешься въ окрестности, даже, кажется, вовсе не выходить за его стѣну!

Сокр. Извини, почтеннѣйшій, я вѣдь любознательнъ: но поля и дерева не хотятъ ничему научить меня; а люди — въ городѣ. Вотъ ты-то, кажется, нашелъ средство вывести меня

его въ этомъ мѣстѣ за ὅτι οὐτως. Ἄκριη имѣетъ здѣсь смыслъ прилагательнаго, или причастія, т.-е. показываетъ высокую степень напряженія цвѣтности, какъ-бы сказано было: ὡς ἀκριαί, или ἀκριάζουσα ἐξί ἢ ἄνθη. По этому ὡς, какъ обыкновенно предъ прилагательнымъ и нарѣчіемъ, соответствуетъ Латинскому quam и служить къ усиленію значенія того имени, или нарѣчія, предъ которымъ поставленъ, такъ-что выраженію сообщаетъ почти тонъ восклицанія. Подобное мѣсто см. Protag p. 323. D. ὡς χάρις σοὶ ἔχω. Слѣдующее за этимъ ὡς ἄν, кажется, не представляетъ никакого затрудненія. ὡς предъ глаголомъ значить *чтобы*; но такъ-какъ послѣ него надлежало-бы стоять неокончательному, а смыслъ рѣчи требуетъ желательнаго, то къ ὡς прибавлено ἄν.

(25) Судя по дѣвическимъ изображеніямъ и статуямъ, ἀπὸ τῶν κορυῶν τε καὶ ἀγαλιμάτων. Ἄπὸ, по примѣлу см. Matth. gramm. gv. p. 1180. Κορυαί, восковыя деревяныя, или каменныя фигуры дѣвическихъ лицъ, вѣроятно, были нѣчто въ родѣ каменныхъ бабъ, служившихъ могильными памятниками въ южной Россіи и Сибири. См. Записки Одесск. общ. т. I стр. 174 Rubak. ad Tim. p. 165 vqq. Ἀγαλιата — изображенія въ честь Нимфамъ и Ахелою. 16. p. 5. sq.

(26) Которому нуженъ проводникъ. Эта мысль заканчивается въ словѣ ξενόγευσις, которое означаетъ иностранца, при обозрѣніи чужой страны, имѣющаго нужду въ проводникѣ. Rubiken. ad Tim. p. 180. sq.

за городъ; потому-что ты, подобно тому, какъ ведутъ голодную скотину за собою, показывая ей зеленую вѣтвь, или какой-нибудь плодъ, показываешь мнѣ рѣчи въ свиткахъ и, повидимому, намѣренъ водить меня по всей Атикѣ, даже куда тебѣ угодно. Впрочемъ, пришедши теперь сюда, я думаю лечь; а ты, избравъ положеніе, удобнѣйшее для чтенія, начинай читать.

Федръ. Такъ слушай.

«О моихъ дѣлахъ ты знаешь (27) и, какъ я думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Надѣюсь, что ты не отвергнешь моей просьбы — именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные, когда страсть умолкнетъ, раскаются въ добрыхъ своихъ дѣлахъ; а у невлюбленныхъ нѣтъ времени, въ которое надлежало-бы имъ раздумывать, — оттого-что они всего лучше заботятся о домашнемъ, дѣлаютъ добро не по-необходимости, а произвольно (28), сколько по-

(27) *О моихъ дѣлахъ ты знаешь.* Такъ начинается рѣчь, которую Платонъ выдаетъ за сочиненіе Лизіаса. Но дѣйствительно-ли она сочинена Лизіасомъ, или должна быть почитаема пародією, написанною самимъ Платономъ? Такъ какъ, кромѣ тридцати четырехъ политическихъ рѣчей этого Аѳинскаго оратора, до насъ не дошло никакихъ другихъ его сочиненій; то предложенный вопросъ можетъ быть приблизительно разрѣшенъ только на основаніи древнихъ свидѣтельствъ. Свидя говоритъ, что Лизіасъ написалъ семь писемъ: одно дѣловое (*πραγματικόν*), а прочія любовныя (*έρωτικὰ*), и пять изъ нихъ къ мальчикамъ. Имѣя въ виду это свидѣтельство и вмѣстѣ обращая вниманіе на начало и окончаніе изложенной у Платона рѣчи, мы не безъ правдоподобія можемъ почитать ее однимъ изъ любовныхъ писемъ Лизіаса. Эта догадка подтверждается и особенностями языка въ приписываемомъ Лизіасу сочиненіи. Въ немъ отъ начала до конца—все софистическое. Ораторъ говоритъ рѣшительно, но безъ основанія, выражается красиво, но безъ связи, щеголяетъ фразою, а мысль темна и неопредѣленна, часто употребляетъ частицы *ἐτι δὲ* и *καίτι* въ началѣ періодовъ, между-тѣмъ-какъ въ нихъ нерѣдко повторяются прежнія мысли. При томъ у него почти непрерывный *ἐπιμοιτέλευσις*, или подборъ словъ, ровно и однообразно падающихъ на концѣ фразъ, чего у Платона нигдѣ не находимъ. Впрочемъ, мы не будемъ защищать своего мнѣнія, если скажутъ, что Платонъ, какъ отличный мимикъ, могъ поддѣлаться подъ тонъ и языкъ Лизіаса.

(28) *Не по-необходимости, а произвольно.* Подъ необходимостію, *ἀνάγκη*, ораторъ разуметь сильное стремленіе любви дѣлать добро любимому человеку. De Rep. V. p. 468. D.

зволюють имъ силы. Притомъ влюбленные наблюдаютъ, что худаго вышло у нихъ чрезъ любовь и что сдѣлали они хорошаго, и присоединяя къ этому понесенные хлопоты, думаютъ, что ихъ любимцамъ давно уже воздана должная благодарность. Напротивъ, невлюбленные, по этому самому, не могутъ ни поставлять предлогомъ нерадѣніе о домашнихъ, ни считать понесенные хлопоты, ни искать въ этомъ причинъ размолвки съ ближними; такъ-что, отклонивъ столько золъ, имъ не остается ничего болѣе, какъ усердно дѣлать все, что признаютъ они для себя пріятнѣйшимъ. Притомъ опять, если влюбленныхъ надобно высоко цѣнить потому, что они, какъ говорятъ, слишкомъ любятъ тѣхъ, въ кого влюблены, и что въ угодность своимъ любимцамъ, готовы словомъ и дѣломъ ненавидѣть всѣхъ прочихъ; то легко понять, что тѣ-же самые влюбленные, если слова ихъ справедливы, каждого изъ будущихъ своихъ любимцевъ предпочтутъ настоящимъ, и даже, если тотъ захочетъ, причинять имъ зло. Да и какъ можно подобное дѣло ввѣрять человѣку, впавшему въ столь великое несчастье (29), что его никакой опытный человѣкъ не могъ-бы отвратить? Вѣдь они и сами признаются, что болѣе страдаютъ, чѣмъ мыслятъ здраво, и, зная худое состояніе своихъ мыслей, не имѣютъ силы владѣть собою. Какъ-же могутъ здравомыслящіе почитать хорошимъ то, чего желаютъ такіе больные? Къ тому-жъ, еслибы ты захотѣлъ избрать самаго лучшаго изъ влюбленныхъ, то избиралъ-бы изъ немногихъ; а избирая изъ прочихъ, кто для тебя пригоднѣе, будешь избирать изъ многихъ. Но гораздо болѣе надежды встрѣтить человѣка достойнаго дружбы въ толпѣ многочисленной».

(29) *Да и какъ можно подобное дѣло ввѣрять человѣку, впавшему въ столь великое несчастье. Подобное дѣло, тоютою краѣуца, цвѣтушій возрастъ дѣтства. Человѣкъ, впавшій въ великое несчастье — влюбленный, который, не смотря ни на какую опытность, не считаетъ этого несчастья зломъ и не старается отвращать его.*

«Если-же ты боишься установившагося закона (30), какъ-бы то есть люди, узнавъ объ этомъ, не стали поносить тебя; то, вѣроятно, что влюбленные, думая, будто и другіе завидуютъ имъ, какъ сами они другъ другу, высокоумно расскажутъ и тщеславно откроютъ всѣмъ, что они не даромъ хлопотали: напротивъ, невлюбленные, будучи лучше ихъ, вмѣсто людской молвы, изберутъ самое лучшее (31). И еще, влюбленныхъ по необходимости замѣчаютъ, видя, какъ они и съ какою заботливостію (32) слѣдуютъ за любимцами; такъ-что, когда имъ случится разговаривать между-собою въ виду людей, всѣ думаютъ, что разговоръ у нихъ либо о прошедшей, либо о будущей страсти: напротивъ, невлюбленныхъ никто не станетъ винить за бесѣду, зная, что нужно-же говорить о дружбѣ, или о какомъ-иномъ удовольствіи. Притомъ, если страшить тебя мысль, что нашей дружбѣ трудно быть постоянною, и что, въ случаѣ нашего разлада, хотя-бы и отъ другой причины, мы оба подвергнемся непріятностямъ; то еще болѣе, конечно, долженъ ты страшиться влюбленныхъ, представляя, что потеря всего для тебя драгоцѣннаго нанесетъ величайшій вредъ тебѣ одному. Вѣдь они огорчаются всякою бездѣлкою и думаютъ, что все направлено къ ихъ вреду; а потому удаляютъ своихъ любимцевъ отъ обращенія съ другими, боясь, что они найдутъ въ комъ-нибудь либо богачей, которые превосходятъ ихъ своими деньгами, либо ученыхъ, которые выше ихъ по уму, — вообще опасаются силы каждаго, кто пріобрѣлъ какое-нибудь благо. Внушая-же тебѣ держаться вдали отъ подобныхъ людей,

(30) Ты боишься установившагося закона, τὸν νόμον τὸν καθεστῆκότα δέδοικας. Подъ выраженіемъ νόμος καθεστῆκος разумѣется не политическій законъ, а принятыя обычаи, или такъ-называемый у древнихъ νόμος ἄγραφος. Plat. Legg. VIII p. 845. Gorg. 512 B.

(31) Самое лучшее, т. е. полезное для любящаго и для любимаго человека.

(32) Съ какою заботливостію, ἐργον ποιοῦμένων. Выраженіе ἐργον τι ποιεῖναι значитъ находится въ хлопотахъ, исполнять трудное, хлопотливое дѣло. Plat. Tim. 27 A. Xenoph. Hieron. IX. 10. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ гораздо чаще употребляется слово κρούμα, какъ напр. Plat. Men. 76 A. прим. 10.

они поставляють тебя виѣ дружескаго общества; а когда ты, имѣя въ виду свое, станешь подумывать лучше ихъ, выйдетъ размолвка. Напротивъ тѣ, которые выиграла желаемое дѣло не любовію, а добродѣтелью, не будутъ завидовать обращающимся съ тобою людямъ, а возненавидятъ не желающихъ этого въ той мысли, что послѣдніе оказываютъ тебѣ презрѣніе, а первые услужливость. Слѣдовательно есть надежда, что отсюда произойдетъ гораздо болѣе дружескихъ, чѣмъ враждебныхъ чувствованій».

«Сверхъ-того, многіе изъ влюбленныхъ получаютъ страсть къ тѣлу, прежде чѣмъ узнали нравъ и развѣдали о другихъ свойствахъ; такъ-что имъ еще неизвѣстно, захотятъ-ли они остаться друзьями и тогда, когда страсть умолкнетъ. Что-же касается до невлюбленныхъ, то и прежде, бывъ дружны, они дѣлали это; а потому невѣроятно, чтобы ихъ дружбу уменьшило такое дѣло, изъ котораго для нихъ проистекаетъ удовольствіе: скорѣе она останется памятникомъ для будущаго. Къ тому-жъ, ввѣрившись мнѣ, ты, должно быть, сдѣлаешься лучше, чѣмъ ввѣрившись влюбленному; потому-что влюбленные, кромѣ истинно-хорошаго, хвалятъ всякое слово и дѣло, частію изъ боязни быть отвергнутыми, а частію отъ того, что подъ влияніемъ страсти и сами-то хуже понимаютъ. Вѣдь любовь показывасть вещи такъ: несчастнымъ она представляетъ въ мрачномъ видѣ и то, что въ другихъ не возбуждаетъ никакой скорби, а счастливыхъ заставляеть хвалить и недостойное удовольствія. Посему о любимыхъ гораздо приличнѣе жалѣть, чѣмъ завидовать имъ. Если-же ты ввѣришься мнѣ, то я буду обращаться съ тобою, не служа только настоящему удовольствію, но думая и о будущей пользѣ, не подчиняясь любви, но владея собою, не ссорясь сильно за бездѣлицу, но гнѣваясь легко и лѣниво даже за поступки важныя, прощая невольныя преступленія и стараясь отклонять отъ произвольныхъ. Все это будетъ ручаться за долговременность нашей дружбы. Если-же тебѣ кажется, что дружба не можетъ быть прочна безъ любви; то

замѣть, что мы не дорожили-бы слѣдовательно ни сыновьями, ни отцами, ни матерями, и не имѣли-бы вѣрныхъ друзей, съ которыми соединяемся не этою страстію, а иными отношеніями. Притомъ, если должно быть благосклоннымъ особенно къ людямъ, имѣющимъ нужду; то изъ прочихъ приличнѣе дѣлать добро не самымъ лучшимъ, а тѣмъ, которые болѣе нуждаются; потому-что за избавленіе себя отъ величайшаго зла они выдадутъ и величайшую благодарность. Стало-быть, на частный праздникъ надобно приглашать не друзей, а просителей и людей, имѣющихъ нужду въ утоленіи голода: они будутъ и ласкать тебя, и ухаживать за тобою, и провожать тебя до дверей, и обнаруживать тебѣ свое удовольствіе, и выражать не малую благодарность, и желать всѣхъ благъ. Впрочемъ, слѣдуетъ быть благосклоннымъ къ людямъ, можетъ быть, не слишкомъ пужающимся, а къ тѣмъ, которые имѣютъ болѣе возможности благодарить тебя, и не къ любящимъ только, а къ тѣмъ, которые подѣлятся съ тобою своимъ имуществомъ, когда ты постарѣешь. Это — не тѣ, что, сдѣлавши дѣло, будутъ хвастаться предъ другими, а тѣ, что, удерживаясь стыдомъ, постараются предъ всѣми хранить молчаніе. Это — не кратковременные твои угольники, а друзья неизмѣнные во всю жизнь. Оставивъ страсть, они не будутъ искать предлога къ ссорѣ, но увидшей красотѣ станутъ выражать свою добродѣтель. Помня все, доселѣ сказанное, замѣть и то, что влюбленныхъ друзья вразумляютъ, такъ-какъ они позволяютъ себѣ дѣйствительно злое дѣло; а невлюбленныхъ никто изъ домашнихъ и никогда не бранить, что будто-бы то есть чрезъ это они дѣлаютъ себѣ зло».

«Можетъ быть, ты спросишь меня, всѣмъ-ли невлюбленнымъ я совѣтую тебѣ оказывать благосклонность: но вѣдь и влюбленный, думаю, не приказываетъ тебѣ быть одинаково расположеннымъ ко всѣмъ влюбленнымъ; потому-что и здравое размысленіе не позволяетъ почитать каждаго достойнымъ равной благосклонности, да и невозможно тебѣ успѣть въ своемъ желаніи скрыться отъ другихъ. Надобно, чтобы изъ этого дѣла

не вытекало никакого вреда, и чтобы польза была обоюдная. Теперь я сказалъ все, что, по моему мнѣнію, сказать надлежало: если-же ты желаешь еще чего, что считаешь пропущеннымъ, то спрашивай».

Что, Сократъ, какъ тебѣ кажется рѣчь? Неправда-ли, что чрезвычайная по всему, а особенно со стороны языка?

Сокр. Геніальная, другъ мой! я пораженъ, и притомъ ради тебя, Федръ; смотря, какъ ты, во время чтенія будто таялъ отъ рѣчи. Бывъ увѣренъ, что такія вещи извѣстнѣе тебѣ, чѣмъ мнѣ, я слѣдовалъ за тобою, а слѣдуя за твоею восторженною головою, и самъ приходилъ въ восторгъ.

Федръ. Ну, ты ужъ, кажется, шутишь?

Сокр. Какъ? думаешь, я шучу, а не серьезно говорю?

Федръ. Вовсе нѣтъ, Сократъ. Но ради Зевса (33), покровителя дружбы, скажи по правдѣ, кажется-ли тебѣ, что кто-нибудь другой изъ Грековъ можетъ разсуждать о томъ-же предметѣ болѣе и лучше?

Сокр. Что? значить, я и ты должны теперь хвалить эту рѣчь уже не за одну ясность, круглоту и точность выраженій, но и за то, что писатель сказалъ въ ней все нужное? Если надобно, сдѣлаемъ тебѣ это удовольствіе, хотя послѣдняго свойства въ ней я, по своему тупоумію, не замѣтилъ. Вѣдь мое вниманіе точно было обращено на одну ораторскую ея сторону; а въ этомъ отношеніи (34) и самъ Лизіасъ, думаю, не призналъ-бы себя достаточнымъ. Да и дѣйствительно, мнѣ показалось,

(33) *Ради Зевса, покровителя дружбы, прос Διὸς Φιλίου.* См. Enthyrh. p. 6. В. прим. 17. Gorg. p. 519 E.

(34) *Мое вниманіе точно было обращено на одну ораторскую ея сторону, а въ этомъ отношеніи.....* Асть переводить это мѣсто совсѣмъ иначе; а потому считаю нужнымъ замѣтить, что частица γάρ соединяетъ здѣсь причинно предъидущее συυχωριτέον χάριν съ послѣдующимъ τὸν νοῦν προσείχων, что слова τῷ ῥητορικῷ αὐτοῦ μίσην τὸν νοῦν προσείχων говоритъ Сократъ по собственному своему, а не софистическому понятію о риторикѣ, то есть дѣломъ риторики почитаетъ не фразу, а правильное сочетаніе тыслей, и что поэтому слѣдующее τούτο δὲ надобно отнести не къ дальнѣйшему τὸ τὰ δέοντα λέγειν, а къ ближайшему τὸ ῥητορικόν.

Федръ, если ты не иначе понимаешь дѣло, что Лизіасъ объ одномъ и томъ-же говоритъ два-три раза: значить онъ неслишкомъ способенъ разсуждать объ одномъ и томъ-же много; развѣ можетъ быть и не заботился объ этомъ. Повидимому, онъ забавлялся, стараясь показать, что умѣетъ объ одномъ и томъ-же говорить такъ или иначе, и въ обоихъ случаяхъ отлично.

Федръ. Пустяки, Сократъ. Это-то особенно и слѣдуетъ взять въ расчетъ. Лизіасъ въ своемъ предметѣ не упустилъ изъ виду ничего, о чемъ стоило сказать, такъ-что къ сказанному имъ невозможно прибавить что-либо иное, достойное большей и длиннѣйшей рѣчи.

Сокр. Все еще не могу повѣрить тебѣ. Если я соглашусь съ тобою, то меня обличать мудрые мужчины и женщины древности, говорившіе и писавшіе о томъ-же предметѣ.

Федръ. Кто-же это? Гдѣ ты слышалъ что-нибудь лучше этого?

Сокр. Вдругъ теперь сказать не могу; но явно, что отъ кого-то слышалъ, — либо отъ прекрасной Сафо, либо отъ мудраго Анакреона, либо отъ котораго-нибудь повѣствователя. Но къ чему догадки? Грудь моя какъ-то полна, почтеннѣйшій, — я чувствую, что самъ, кромѣ сказаннаго, могу сказать иное и не хуже. А такъ-какъ самому мнѣ никогда-бы не придумать подобныхъ мыслей, — это дѣло извѣстное, сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ; то остается, думаю, заключить, что я почерпнулъ ихъ изъ какихъ-то чужихъ источниковъ и чрезъ слухъ влилъ ихъ въ себя, какъ въ сосудъ, а потомъ, по тупости памяти, и забылъ, какъ и отъ кого слышалъ ихъ.

Федръ. Прекрасно сказано, благороднѣйшій человекъ. Но если, не смотря на мою просьбу, ты не можешь припомнить, отъ кого и какъ слышалъ свои мысли, то сдѣлай-же, что говоришь: общайся, не повторяя написаннаго въ этомъ свиткѣ, сказать (35) о томъ-же предметѣ иnde, что было-бы лучше и не

(35) *Общайся сказать*, ἑπορεύσει ἐπιπίν. ἐπορεύσει очевидно — ошибка переписчика. Мнѣ кажется, можно-бы безъ затрудненія исправить это слово по

менѣе. А я обѣщаю, по примѣру девяти архонтовъ (36), поставить въ Дельфахъ золотое во весь ростъ изображеніе не только самого себя, но и тебя.

Сокр. Ты—прелюбезный и какъ будто въ-самомъ-дѣлѣ золотой Федръ, когда понимаешь мои слова такъ, что Лизіасъ во всемъ ошибся и что вмѣсто всего этого можно сказать другое. Такой неудачи не случается, думаю, и съ самимъ плохимъ писателемъ. Примѣръ тутъ-же, въ самомъ содержаніи рѣчи. Кто говоритъ, что лучше быть благосклоннымъ къ нелюбящему, нежели къ любящему, тотъ упустить-ли, думаешь, изъ виду хвалить благоразуміе одного и порицать безуміе другаго? Вѣдь это необходимо; неужели тутъ можно высказать нѣчто иное? Нѣтъ, я полагаю, что это-то надобно допустить и простить говорящему. Въ подобныхъ рѣчахъ должно хвалить не изобрѣтеніе, а расположеніе; напротивъ, гдѣ такой необходимости не представляется и гдѣ изобрѣтеніе было трудно, тамъ, кромѣ расположенія, цѣнится и изобрѣтеніе.

Федръ. Соглашаюсь съ твоимъ мнѣніемъ, потому-что ты говоришь послѣдовательно. Скажу-же и я такъ: даю тебѣ предложеніе, что любящій страдаетъ болѣе нелюбящаго,—и если ты скажешь объ этомъ что-нибудь иное, большее и достойное бѣльшаго развитія, чѣмъ сказалъ Лизіасъ, то стоять тебѣ вычеканеннымъ въ Олимпіи, близъ священнаго приношенія Кипселидовъ (37).

Сокр. Ты серьезничаешь, Федръ, полагая, что я, по поводу

Ἐπεὶ δὲ τετραὶ ὑποσχεθεῖσσι. Если-же надобно приблизиться къ буквальному чтенію его въ прочихъ спискахъ, то хорошо-бы читать ὑποσχοῦ σοι.

(36) *По примѣру девяти Архонтовъ.* Девять архонтовъ, получивъ верховную власть надъ Аттикою, клялись всенародно, что они будутъ строго исполнять законы республики и не нарушать ихъ ни за какие подарки. Въ противномъ случаѣ, нарушитель, вмѣсто штрафа, долженъ будетъ для умиловленія Аполлона и за спасеніе Аоніянъ поставить въ Дельфахъ золотую съ себя статую. Muret. var. lectt. VIII, 18. Plut. Solon. c. 25 VI p. 367.

(37) *Близъ священнаго приношенія Кипселидовъ.* Въ Олимпіи стояла чеканенная статуя Зевса, посвященная ему сынами Коринтскаго тиранна Кипселола. Strab. VIII. T. III. p. 128, 262. Arist. Polit. V. II. '

прозваніе либо отъ вида своихъ пѣснопѣній, либо отъ музыкальнаго поколѣнія Лигурійцевъ,—придите и помогите мнѣ начать свое слово (43), къ произнесенію котораго принуждаетъ меня этотъ превосходный человѣкъ. Пусть другъ его, и прежде казавшійся ему мудрымъ, теперь покажется еще мудрѣе.

Итакъ былъ себѣ мальчикъ, или, лучше, изнѣженный ребенокъ (44), очень красивый. Его окружало великое число друзей, изъ которыхъ одинъ отличался особенною хитростію. Любя мальчика, какъ и другіе, онъ увѣрялъ, что не любить его, и однажды началъ доказывать, что къ нелюбющему надо имѣть больше благосклонности, чѣмъ къ любящему. Вотъ, что говорилъ онъ:

У людей, приступающихъ съ размышленіемъ къ какому-нибудь совѣщанію, всегда одно и то-же начало — узнать, о чемъ будетъ совѣщаніе; а иначе погрѣшности неизбѣжны. Между-тѣмъ многіе и не замѣчаютъ, что имъ неизвѣстно существо каждаго изъ нихъ. Почитая себя знатоками, они не хотятъ при самомъ началѣ понять силу вопроса, и оттого впоследствии поплачиваются, т. е. бываютъ несогласны ни съ самими собою, ни съ другими. Итакъ я и ты не должны подвергаться тому, въ чемъ упрекаемъ прочихъ; но когда предложенъ намъ вопросъ, кого лучше избрать себѣ другомъ — любящаго или нелюбящаго, то обязаны напередъ условиться въ понятіи, чтò такое любовь и въ чемъ состоитъ она, а потомъ, принявъ

и во время войны, одна часть ихъ сражалась, а другая пѣла. Hermlas. p. 84, Schol. p. 314.

(43) Помогите мнѣ начать свое слово, ἔμμοι λαβεῖν τοῦ μῦθου, вмѣсто ἔυλλαβεῖν μοι τοῦ μῦθου. Такое отдѣленіе предложной частицы отъ глагола явно настраиваетъ рѣчь на тонъ поэтической, хотя нельзя согласиться съ Гейндорфомъ и Стефаномъ, будто эти слова заимствованы у какого-нибудь поэта, тѣмъ болѣе, что и все это начало рѣчи отпечатлѣно характеромъ эпической высокопарности, да и самая рѣчь названа шуточно эпическимъ словомъ μῦθος.

(44) Непльзанный ребенокъ, μετρίσχος Atticis usurpatur de molli et pathetico potissimum adolescente, vid. Oudendorp. ad. Thom. Mag. p. 604 Heindorfius.

это понятіе за основаніе, смотря и ссылаясь на него, изслѣдовать, полезна-ли она или вредна.

Всякій знаетъ, что любовь есть нѣкоторая страсть; извѣстно также, что страсть къ прекрасному свойственна и не любящему: итакъ, чѣмъ отличить любящаго отъ нелюбящаго? Надобно замѣтить, что въ каждомъ изъ насъ есть двѣ господствующія и руководительныя идеи, которыхъ вожденію мы повинуемся: одна — врожденная страсть къ удовольствіямъ, другая — прибрѣтенное мнѣніе, влекущее насъ къ наилучшему (45). Эти идеи у насъ бываютъ то согласны, то враждебны между собою, и иногда одна изъ нихъ беретъ перевѣсъ, иногда другая. Если пересиливаетъ мнѣніе и разумно ведетъ человѣка къ наилучшему, то такому перевѣсу мы даемъ имя разсудительности; а когда овладѣваетъ имъ страсть и несмысленно влечетъ его къ удовольствіямъ, то управляющую имъ силу называемъ необузданностію (ἄβρις). Впрочемъ, необузданность имѣетъ много названій; потому что она многочисленна и разнообразна, и какой изъ ея видовъ въ человѣкѣ особенно выказывается, такое получаетъ онъ и имя, а названія хорошаго и почтеннаго не удостоивается. Напримѣръ, страсть къ ѣдѣ, получая перевѣсъ надъ расположеніемъ къ наилучшему и надъ всѣми другими страстями, называется обжорствомъ, и сообщаетъ свое имя тому, кто

(45) *Одна (идея) врожденная страсть къ удовольствіямъ, другая прибрѣтенное мнѣніе, влекущее насъ къ наилучшему.* Съ перваго взгляда невидно, почему начало, увлекающее насъ къ наилучшему, Платонъ называетъ прибрѣтеннымъ мнѣніемъ. ἐπίκτητος δόξα. Но должно замѣтить, что здѣсь говорится о взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку; а эти отношенія опредѣляются законами общества, то есть мнѣніями (см. выше прим. 29); мнѣнія-же прибрѣтаются воспитаніемъ и опытами. Однакожь отъ чего онѣ увлекаютъ къ наилучшему и почему противопологаются страсти къ удовольствіямъ? Платонъ учитъ, что какъ страсти, такъ и мнѣнія суть выраженія двухъ природъ нашей души, τῆς λογιστικῆς καὶ τῆς ἐπιθυμητικῆς (Polit. IV. 489. D), слѣдовательно должны стремиться къ тому, къ чему направляются тѣми самими природами. Но τὸ λογιστικόν καὶ τὸ ἐπιθυμητικόν въ стремленіяхъ противоположны; стало быть и выраженія ихъ ἐπιθυμία ἡδονῶν и ἐπίκτητος δόξα должны быть также взаимно противоположными; ἡ ἐπιθυμία ищетъ частнаго удовольствія; ἡ δόξα блюдетъ и уважаетъ общее благо: потому-что первое λογιστικόν, а послѣднее διανοίας ἀποτελεῦτησις. Sophist. p. 264. A.

твоей любви, рѣшился шутить надъ тобою; ты такъ думаешь, что я и въ-самомъ-дѣлѣ намѣренъ сказать нѣчто другое болѣе разнообразное, чѣмъ сказалъ мудрый Лизіасъ.

Федръ. Что касается до этого, другъ мой, то ты набѣжалъ на свою-же ловушку (38): тебѣ не остается ничего болѣе, какъ говорить, сколько можешь. А чтобы избавиться отъ необходимости вымышлять грубыя остроты комиковъ (39) и мѣняться ими, то поберегись и не заставь меня повторить собственные твои слова: «Если я, Сократъ, не знаю Сократа, то забылъ и себя»; также—«хотѣлъ-бы говорить, да жеманится». Подумай-ка, вѣдь мы не уйдемъ отсюда, пока ты не выскажешь всего, чѣмъ, какъ признался, полна твоя грудь. Здѣсь мы одни въ пустомъ мѣстѣ; я сильнѣе и моложе тебя: такъ изъ всего этого ты поймешь смыслъ моихъ словъ. Не дожидайся-же принужденія; лучше говори по охотѣ.

Сокр. Эхъ, почтеннѣйшій Федръ! вѣдь я покажусь смѣшнымъ, когда съ своимъ простоуміемъ и безъ приготовленія буду состязаться съ отличнымъ писателемъ.

Федръ. Знаешь-ли чтò? Перестань притворяться предо мною; вѣдь у меня почти есть что-то, что сказавши, я заставлю тебя говорить.

Сокр. Да не скажешь.

Федръ. Такъ нѣтъ, скажу-же: вотъ тебѣ честное слово! Даже клянусь тебѣ—кѣмъ-бы? которымъ богомъ? ну хочешь,—

(38) Ты набѣжалъ на свою-же ловушку, εἰς τὰς ὁμοίας λαβὰς ἐλήλυθας — по-словница, взятая отъ бойцевъ. Philod. p. 13. Β. Ἀνίεναι εἰς τὰς ὁμοίας λαβὰς. Plut. Apophthegm. 186. D. Αλιβετίδης ἐτι παῖς ὦν ἐλήφθη λαβὴν ἐν παλαίστρῃ, καὶ μὴ δυναμένος διαφυγεῖν ἔδρακε τὴν χεῖρα τοῦ καταπαλαίουτος. Смыслъ этой половицы соотвѣтствуетъ выраженію: ты самъ подалъ поводъ. Plut. Legg. 682. E. καὶ ὁ λόγος ἡμῖν οἷον λαβὴν ἀποδίδωσιν. Aristoph. Equitt. 837. ἐπειδὴ σοὶ λαβὴν δέδωκεν. Aristid. Oratt. 1. T. 11 p. III. οὐκ εἰς τὰς ἴσας λαβὰς ἤκομεν.

(39) Грубыя остроты комиковъ, τὸ τῶν κωμῶδων φερτικὸν πρᾶγμα. Фертикоъ, πρᾶγμα грубость, ругательство. Древніе комики, для увеселенія зрителей, выподили на сцену лице въ родѣ нашихъ паяцевъ и заставляли ихъ потчивать другъ друга грубыми остротами. Федръ указываетъ здѣсь на прежній свой разговоръ съ Сократомъ p. 228 A.—C.

этимъ яворомъ, а? Не произнеси ты рѣчи въ-сравненіи съ Лизіасовою, никогда никакой другой и ничьей не покажу тебѣ и не прочитаю.

Сокр. Ахъ злодѣй! умѣлъ-же найти средство заставить любителей рѣчей исполнять свою волю!

Федръ. Ну, какъ еще увернешься (40)?

Сокр. Какъ болѣе, если ужъ ты такъ поклялся? Могу-ли удержаться отъ такого лакомства?

Федръ. Говори-же.

Сокр. Знаешь-ли, что я сдѣлаю?

Федръ. Что такое?

Сокр. Буду говорить, закрывъ глаза (41), чтобы кикъ можно скорѣе кончить и чтобы, не смотря на тебя, не заикаться отъ стыда.

Федръ. Только говори; а тамъ дѣлай что хочешь.

Сокр. Придите-же, о музы-Лигіи (42), получившія это

(40) *Ну, какъ еще увернешься* τί δήτα ἔχων στρέφει; глаголь στρέφεται значитъ хитрить и увертываться въ рѣчи; напр. Aristoph. Acharn. v. 393 τί ταῦτα στρέφεις, τεχνάζεις τε καὶ πορίζεις τρυφάς; что ты такъ вертишься, хитришь и плодишь рѣчь?

(41) *Буду говорить закрывъ глаза.* Этими словами Сократъ хочетъ сказать, что онъ не безъ стыда приступаетъ къ разсужденію о чувственной и низкой страсти, которую Лизіасъ называетъ любовію, и что говоря о такомъ предметѣ, онъ стыдится смотрѣть прямо въ глаза даже Федру, любителю подобныхъ рѣчей.

(42) *Придите-же, о музы-Лигіи.* Слово λυγός, какъ имя нарицательное, значитъ—острый, визгливый, крикливый, также гармоническій, а какъ собственное,—Лигуриецъ. Древніе поэты весьма часто называли музъ Лигіями въ томъ смыслѣ, что онѣ даютъ бытіе гармоніи звуковъ. Такъ напримѣръ Стезихоръ (Eustath. 11 а. p. 10): Δεῦρ' ἄγε, Καλλιόπεια λυγέα; ἄγε Μόσα λυγέα Но λυγός прилагаето было и къ Сиренамъ (Hom. Odys. XII 44), а иногда означало просто крикливость голоса (Eustath ad. II. о ; . 1040. 48), либо хитрость и увертливость лица говорящаго (Hom. Iliad. 1. 248). Пользуясь такою многозначительностію слова λυγός, Платонъ съ цѣлію посмѣяться надъ пустословіемъ и софистическими уловками Лизіаса, котораго рѣчь должна служить для него предметомъ подражанія, свое воззваніе къ музамъ—ὦ Μοῦσαι λυγείαι употребляетъ, кажется, въ одномъ изъ послѣднихъ значеній. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что слово λυγός онъ производитъ также и отъ имени Лигуриецъ; а Лигурийцы, безъ особенной способности къ музыкѣ, были-такіе охотники пѣть, что даже

кого необходимо пріятное предпочитать доброму. Мы увидимъ, что онъ преслѣдуетъ какого-нибудь нѣжененькаго, а не черстваго, воспитаннаго не подъ солнечными лучами, а въ густой тѣни, не знакомаго съ мужскими трудами и сухимъ потомъ (48), но привыкшаго къ нѣжной и женоподобной жизни, украшающагося чужими красками и косметическими средствами, за недостаткомъ собственныхъ, и любящаго все въ этомъ родѣ. Дѣло ясное, о которомъ не стоитъ болѣе и говорить. Мы опредѣлимъ это одною общею чертою и потомъ перейдемъ къ другому. То есть, при взглядѣ на подобное тѣло, какъ на войнѣ, такъ и въ иныхъ нужныхъ и важныхъ случаяхъ, враги дѣлаются смѣлѣе, а друзья и сами любящіе робѣютъ. Истина ясная; оставимъ ее.

Теперь слѣдуетъ сказать, какую пользу или вредъ доставляетъ сообщество и попеченіе любящаго по-отношенію къ имуществу любимца. Всякому безъ-сомнѣнія извѣстно, а особенно любящему, что онъ болѣе всего желалъ-бы видѣть своего любимца лишеннымъ самыхъ милыхъ, самыхъ добрыхъ и самыхъ божественныхъ стяжаній, то есть, желалъ-бы видѣть его безъ отца, безъ матери, безъ родственниковъ и друзей, которыхъ считаетъ помѣхою себѣ и укоромъ за сладкое съ нимъ обращеніе. Что-же касается до большихъ денегъ, или другаго имѣнія, то владѣющій этимъ, думаетъ онъ, не легко уловляется, а если и пойманъ, то не легко дѣлается ручнымъ. Отъ того любящій по всей необходимости завидуетъ любимцу, когда онъ богатъ, и радуется, когда онъ лишился имѣнія. Кромѣ-того, ему хотѣлось-бы, чтобы любимецъ его, какъ можно долѣе, оставался безбрачнымъ, бездѣтнымъ и бездомнымъ; потому-что онъ желаетъ, какъ можно долѣе наслаждаться пріятностію своего обращенія съ нимъ.

(48) *Сухимъ потомъ*, ἰδρωτὸν ξηρὸν. Греки сухимъ потомъ называли тотъ, который возбуждается трудами и гимнастическими упражненіями, и противопоставали его поту, производимому ванною. Suidas. II. Lenz. observ. in Plat. p. 320.

Есть тутъ много и другихъ золь; но какой-то духъ примѣшалъ къ нимъ удовольствіе въ настоящемъ, подобно тому, какъ къ лести — страшному зѣрю и великой гибели, природа примѣшала какую-то тонкую пріятность. Можно порицать площадную женщину, какъ существо вредное; можно порицать и иное подобное тому въ нашей всякой всячинѣ (49), что однакожь ежедневно доставляетъ намъ особенное наслажденіе: но любящій для любимца не просто вреденъ; онъ и по ежедневному обращенію съ нимъ всего несноснѣе. Вѣдь есть старинная пословица, что возрастъ возрасту радъ (50), — потому, думаю, что равенство лѣтъ, располагая людей къ подобнымъ удовольствіямъ, чрезъ то раждаютъ въ нихъ дружбу: впрочемъ, и ихъ связь все-таки наконецъ насыщается. Но что сказать о необходимости, которая считается тяжелою для всякаго и во всемъ? а между-тѣмъ ея-то особенно, кромѣ неравенства лѣтъ, любящій связываетъ любимца. Старикъ, обращаясь съ молодымъ, добровольно не оставляетъ его ни днемъ ни ночью, но возбуждается необходимостью и тревогою такой страсти, которая, посредствомъ непрестаннаго прилива удовольствія, направляетъ къ любимцу и его зрѣніе, и слухъ, и осязаніе, и всѣ чувства; такъ-что, прильнувъ къ нему, онъ — всецѣло къ его услугамъ. И при всемъ томъ, послѣдній-то какое получаетъ отсюда утѣшеніе, какую радость, чтобы подобное препровожденіе времени не надобно ему до крайности? Какая радость смотрѣть на старое и некрасивое лице, обставленное всѣмъ прочимъ, о чемъ и говорить и слушать непріятно, да еще, по требованію необходимости, и прикасаться къ нему? Что за удовольствіе осте-

(49) *Въ нашей всякой всячинѣ* — τῶν — Ἐρεμιάτων τε καὶ ἐπιτηδεύματων. Ἐρεμιάτων τε καὶ ἐπιτηδεύματα соотвѣтствуютъ Русской поговоркѣ: аложка и плошка. У Грековъ эти слова имѣли также силу пословицы.

(50) *Возрасть возрасту радъ* — ἡλικία τέρπει τὸν ἡλικία. Эту пословицу Схолиастъ (914) выражаетъ слѣдующимъ стихомъ:

ἡλικίᾳ ἡλικία τέρπει, γέρον δὲ τε τέρπει γέροντα.

У Римлянъ соотвѣтствуетъ ей: Similis simili gaudet; а у насъ: свой своему пошевоѣ другъ, или: рыбакъ рыбака видитъ издалека.

ее имѣть. Явно также, какое названіе даетъ человѣку господствующая страсть къ пьянству, когда она управляетъ имъ. Вообще очевидно, какія должны быть сродныя съ этими имена сродныхъ съ этими страстей, когда которая-нибудь изъ нихъ становится владычествующею. Причина, почему предварительно говорится о всемъ этомъ, явствуетъ почти сама собою: сказанное какъ-то яснѣе того, что не сказано. Страсть, чуждая ума и получившая перевѣсъ надъ мнѣніемъ, стремящимся къ правому, страсть влекущаяся къ удовольствію красоты и сильно укрѣпляющаяся отъ втеченія (46) въ нее другихъ сродныхъ съ нею страстей, направленныхъ къ красотѣ тѣлесной, страсть побѣдоносная въ вожденіи и заимствовавшая свое имя отъ самой силы (ῥόη), — эта страсть есть любовь.

Не замѣчаешь-ли и ты, любезный Федръ, какъ я, что во мнѣ дѣйствуетъ божественное вдохновеніе?

Федръ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Сократъ, ты, противъ обыкновенія, такъ и увлекаешься какимъ-то потокомъ рѣчи.

Сокр. Слушай-же меня и молчи. Видно, это мѣсто дѣйствительно священное; а потому не удивляйся, если, въ продолженіе своей рѣчи, я и часто буду плѣнникомъ Нимфы (47). Вѣдь и теперь-то сказанное почти уже звучитъ дионравомъ.

(46) *Страсть, влекущаяся къ удовольствію красоты и сильно укрѣпляющаяся отъ втеченія..... ἐρρωμένως ῥωσθεῖσα.* Эти слова, равно какъ и слѣдующія: *κηῖσασα ἀγούη*, чрезвычайно затрудняютъ Аста, Шлейермахера и Штальбома — такъ-что весь этотъ періодъ Платонова текста они почитаютъ очень испорченнымъ. Желая возстановить его, Штальбомъ слово *ἐρρωμένως* изгоняетъ изъ текста, а *κηῖσασα* измѣняетъ на *κηνῖσασα* или *κηνθεῖσα*. Напротивъ, по моему мнѣнію, тутъ нѣтъ ничего затруднительнаго. Слова *ἐρρωμένως ῥωσθεῖσα* прекрасно выражаютъ быстрое возрастаніе страсти, будто рѣки, отъ притока въ нее другихъ страстей. При томъ Штальбомово *κηνῖσασα* никакъ не можетъ стоять безъ винительнаго падежа. Но всего страннѣе переводъ Шлейермахера. Онъ переводитъ: *erhält (Begierde) von ihrem Gegenstande dem Liebe (sic) den Namen und wird Liebe genannt.* Тутъ нѣтъ и похожаго на правду.

(47) *Буду плѣнникомъ Нимфы, Νυμφολήπτος γυνώμαι.* Въ Греціи вѣрили что кому случится увидѣть въ ручьѣ образъ Нимфы, тотъ непременно придетъ въ восторгъ. Такихъ-то счастливицевъ Греки называли *Νυμφολήπτους*, а Римляне *lymphaticos. Pollux. Tom 1 p. 14 Super. Observv. III. 12.*

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. А все ты причиною. Однакожь слушай далѣе, иначе наитіе, пожалуй, и оставитъ меня. Впрочемъ, объ этомъ пусть печется Богъ; мое-же дѣло, продолжать бесѣду съ мальчикомъ.

Хорошо, мой милый; теперь предметъ нашего совѣщанія высказанъ и опредѣленъ. Будемъ-же, смотря на него, говорить о прочемъ, то есть, оказывающій благосклонность что полезнаго или вреднаго получить отъ любящаго и отъ не любящаго.

Кто покорствуесть страсти и служить удовольствію, тому необходимо сдѣлать своего любимца для себя самымъ пріятнымъ. Больному-же все пріятно, что не противится; а что лучше его или равно ему, то враждебно. Поэтому любящій не потерпитъ, чтобы его любимецъ былъ либо лучше его, либо равенъ ему, но приготовитъ въ немъ лице ниже и хуже себя. А ниже умаго бываетъ невѣжда, ниже мужественнаго—трусъ, ниже говоруна — безсловесный, ниже быстрого — медленный. Если въ любимцѣ находится столько, или болѣе умственныхъ недостатковъ, частію пріобрѣтенныхъ, частію врожденныхъ, то любящій первымъ необходимо радуется, а послѣдніе обращаетъ въ дѣло; въ противномъ случаѣ лишается настоящаго удовольствія. Такимъ-образомъ онъ непременно бываетъ завистливъ и становится причиною великаго вреда, запрещая любимцу входить во многія полезныя сообщества, чрезъ которыя онъ могъ-бы развиваться въ мужа, а еще болѣе вредитъ ему, запрещая тѣ собесѣдованія, чрезъ которыя онъ развилъ-бы свой умъ. Такова именно божественная философія: отъ ней любящій непременно гонитъ прочь своего любимца, боясь, какъ-бы онъ не одумался. Вся его забота клонится къ тому, чтобы послѣдній ничего не зналъ и чтобы, видя только любящаго, для него былъ самымъ пріятнымъ, а для себя самымъ вреднымъ. Итакъ, что касается до ума, то человѣкъ, одержимый любовію, есть попечитель и товарищъ ни къ чему негодный.

Послѣ этого надобно рассмотреть, каково попеченіе о состояніи тѣла, какъ заботится о покорномъ себѣ тѣлѣ тотъ, для

когда я начну хвалить другаго? Развѣ ты знаешь, что Нимфы, которыхъ вліянію я умышленно подвергнутъ тобою, сами ясно вдохновяютъ меня? Скажу коротко: за что мы порицали одного, противное тому находится въ другомъ. Къ чему много словъ? Довольно сказано объ обоихъ; — и моя рѣчь, какъ будетъ принята, въ томъ и убѣдитъ. Итакъ, я перехожу на другой берегъ рѣки, прежде чѣмъ ты принудишь меня къ чему-нибудь большему.

Федръ. Только не прежде, Сократъ, чѣмъ пройдетъ жаръ. Развѣ не видишь, что почти полдень, и притомъ такъ-называемый жгучій (54). Подождемъ-же здѣсь и поговоримъ о предметѣ, а когда будетъ прохладнѣе, поидемъ домой.

Сокр. Если дѣло зайдетъ о рѣчахъ, то ты, Федръ,—божественный и просто дивный человѣкъ. Миѣ кажется, изъ всѣхъ произнесенныхъ въ твое время, рѣчей, никто не произвелъ ихъ столько, сколько ты, либо самъ говоря, либо какимъ-нибудь образомъ заставляя говорить другихъ. Исключаю изъ счета одного Симміаса Фивскаго (55); прочіе-же далеко ниже тебя. Вотъ и теперь опять ты, кажется, будешь причиною того, что я скажу нѣчто въ родѣ рѣчи.

Федръ. О, это не объявленіе войны (56)! Но какъ и что такое скажешь ты?

(54) Почти полдень, и такъ-называемый жгучій, ὡς συεδδὺν ἤδη μεσημβρία ἴσταιται ἢ δὴ καλουμένη σταδερὰ. Эту фразу многіе филологи не безъ причины почитаютъ испорченною. Вмѣсто ἤδη μεσημβρία, или по другимъ спискамъ, ἢ δὴ μεσημβρία, кажется, лучше-бы читать οὐδὲ μεσημβρία ἴσταιται; а послѣдующее ἢ δὴ кстаті-бы пережѣнить на καὶ δὴ. Что-же касается до словъ: καλουμένη σταδερὰ, то Асть не безъ основанія замѣчаетъ, что σταδερὰ современнымъ капризомъ языка могло быть произведено отъ глагола σταθεύειν — жечь, и имѣло силу поговорки, какъ у насъ: жгучій полдень.

(55) Исключая изъ счета одного Симміаса Фивскаго.— Объ этомъ Симміасѣ и Кевисѣ — ученикахъ Сократа см. Plat. Crit. p. 45. В. а особенно Phaed. p. 85 C., гдѣ первый изъ нихъ представляется ревностнымъ изслѣдователемъ истины.

(56) О, это не объявленіе войны, οὐ κλέμων γε ἀγγέλις, — поговорка, выражающая радость при какомъ-нибудь пріятномъ извѣстіи. Steph. annot. ad. h. l. Phaedri. Схоласти въ р. 315: οὐ κλέμων ἀγγέλις, ἐπὶ τῶν ἀγαθῶν ἀγγελομένων.

Сокр. Лишь только я подумалъ, мой милый, перейти чрезъ рѣку, вдругъ мнѣ—то божественное, столь привычное знаменіе (57); а оно всегда удерживаетъ меня, какъ скоро я полагаюсь что-нибудь сдѣлать. Даже будто слышался въ то мгновеніе и какой-то голосъ (58), запрещавшій переходить, прежде чѣмъ очинусь отъ грѣха противъ божества. Видно, и я провѣщатель, — конечно не важный, однакожь, какъ и плохіе грамотѣи, для себя одного достаточный. Теперь хорошо знаю свой грѣхъ. Такъ вотъ, другъ мой, и душа есть нѣчто провѣщающее. Меня что-то тревожило и тогда еще, какъ я говорилъ рѣчь; меня, по примѣру Ивика, корбила мысль (59),

(57) *Вдругъ мнѣ—то божественное, столь привычное знаменіе*, τὸ δαιμόνιον τε καὶ τὸ ἰσχυρὸν σημεῖον. На это τὸ δαιμόνιον, или τὸ δαιμόνιον σημεῖον Сократъ ссылается во многихъ разговорахъ Платона. Известно также, что это τὸ δαιμόνιον подало поводъ врагамъ Сократа обвинить его предъ судомъ въ религіозномъ расколѣ (Plat. Apol. p. 31. D). Но какъ изъ другихъ мѣстъ, напр. de Rep. VI p. 496 C., гдѣ читается: τὸ δαιμόνιον σημεῖον, Euthyd. p. 272 E. Theag. p. 129. B, гдѣ сказано: τὸ ἰσχυρὸν σημεῖον τὸ δαιμόνιον, такъ и изъ приведенныхъ словъ въ Федрѣ видно, что Сократово τὸ δαιμόνιον было не божество, а нѣчто божественное, не существительное имя, а прилагательное. Впрочемъ, и Цицеронъ говоритъ о немъ (de divin. 1. 54): esse divinum quiddam, quod daemonium appellat, cui semper pareat. Касательно слѣдующихъ затѣмъ словъ см. мое прим. къ Apol. Сокр. 43. Для филологовъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ приведенномъ текстѣ τὸ ἰσχυρὸν σημεῖον, τὸ въ Flog. с. опущено, — и это чтеніе очевидно вѣрнѣе.

(58) *Даже будто слышался въ то мгновеніе какой-то голосъ.* — Удерживаясь своимъ τῷ δαιμόνιῳ σημεῖῳ отъ совершенія нѣкоторыхъ поступковъ, или принимая отъ него наставленія отрицательныя, Сократъ могъ почитать его въ этомъ отношеніи руководителемъ философскимъ, то есть голосомъ ума, который обыкновенно живѣе и яснѣе сознаетъ не то, что мы должны, а то, чего не должны дѣлать. Но когда потомъ онъ прибавляетъ, что ему даже слышался какой-то голосъ, запрещавшій уходить, не очистившись отъ грѣха противъ божества; то этимъ уже указываетъ на положительное внушеніе, или ограниченіе души и, для отличенія отъ философскаго, называетъ его пророческимъ.

(59) *Меня, по примѣру Ивика, корбила мысль.* Ивикъ, современникъ Поникрата, жилъ на островѣ Самосѣ и написалъ семь книгъ стихотвореній (μελῶν) на Дорійскомъ нарѣччіи. Нѣкоторые отрывки его сочиненій собраны Урсинномъ и Стефаномъ. Но имя Ивика передано потомству не столько его сочиненіями, сколько пословицею: Ивиковы журавли. Попавшись въ руки разбойниковъ и готовясь къ смерти, Ивикъ призывалъ въ свидѣтели случайно

регаться кагаульныхъ, подсматривающихъ за нимъ всегда и въ-отношеніи ко всѣмъ, слушать неблаговременныхъ и приторныхъ хвалителей, или принимать укоризны, которыя и отъ трезваго несносны, а отъ пьянаго, кромѣ того, еще срамнѣе; потому-что пьяный позволяетъ себѣ невыносимую и слишкомъ откровенную дерзость?

Притомъ влюбленный, пока любить, бываетъ вреденъ и непріятенъ, а оставивъ любовь, впоследствии становится еще невѣрнымъ въ-отношеніи къ тому, котораго прежде едва могъ удерживать въ несносномъ обращеніи съ собою множествомъ клятвъ и просьбъ, соединенныхъ со многими обѣщаніями и питавшихъ надежду на будущія блага. Въ то время, когда эти обѣщанія надлежало-бы выполнить, онъ, вмѣсто любви и неистовства, находитъ въ себѣ другаго начальника и повелителя (51), то-есть умъ и разсудительность и, перемѣнившись, забываетъ о любимцѣ. Послѣдній, разговаривая съ нимъ, будто съ прежнимъ, напоминаетъ ему о всѣхъ дѣлахъ и словахъ и требуетъ себѣ благодарности; а онъ отъ стыда и сказать не смѣетъ, что перемѣнился, да и не знаетъ, какъ теперь, подъ руководствомъ ума и разсудительности, выполнить клятвы и обѣщанія тогдашней безумной власти, — какъ сдѣлать прсжнее, не дѣлаясь похожимъ на прежняго, и опять — тѣмъ-же самымъ. Такимъ-образомъ вотъ онъ и бѣглець. Не связывался болѣе необходимостію страсти, бывший любовникъ измѣняется и бѣжить, — марка перевернулась (52); а тотъ съ негодованіемъ

(51) *Находитъ въ себѣ другаго начальника.* Я принимаю здѣсь чтеніе: μεταβαλῶν ἄλλου ἀρχοντα, а не μεταβαλῶν, какъ читаютъ Беккеръ и Астъ; потому-что μεταβαλλεῖν τι значитъ перемѣнять что-нибудь безъ сознанія, или подвергаться перемѣнѣ, что именно и случается съ любовникомъ, когда страсть умолкаетъ; а μεταλαμβάνειν τι значитъ перемѣнять что-нибудь сознательно, т. е. умышленно производить перемѣну. Такое употребленіе этихъ глаголовъ см. de Rep. IV p. 424 C. ib. VII p. 535 D. ib. X p. 620 A. Eurip. Iphig. Aul. v. 343. Plat. Polit. p. 246. Phileb. p. 21 C.

(52) *Марка перевернулась* — ὄστρακον μεταπεσόντος, — пословица, означающая внезапную перемѣну. Она взята отъ игры, называвшейся ὄστρακίδα, или ὄστρακον περιστροφῆ, которая состояла въ томъ, что дѣти, раздѣлившись

и проклятіями преслѣдуетъ его, вовсе не зная сначала, что надобно оказывать благосклонность не тому, кто любитъ и неизбѣжно бываетъ безуменъ, а лучше тому, кто не любитъ, да имѣетъ умъ: въ противномъ случаѣ ему придется отдать себя человѣку невѣрному, брюзгливому, завистливому, непріятному, вредному и для имѣнія, и для состоянія тѣла, а еще болѣе вредному въ-отношеніи къ образованію души, драгоценнѣе которой нѣтъ и не будетъ ничего ни для людей, ни для боговъ. Тебѣ, мальчикъ, надобно замѣтить и узнать то, что дружба любовника не соединена съ благожеланіемъ, но служитъ ему къ насыщенію, какъ пища.

Какъ волки любятъ ягнать, такъ любовники мальчиковъ любятъ.

Вотъ и все, Федръ; болѣе не услышишь отъ меня; здѣсь да будетъ конецъ моей рѣчи.

Федръ. А вѣдь я думалъ, что она на половинѣ, что ты будешь говорить еще о благосклонности къ нелюбящему и покажешь происходящія изъ этого выгоды. За чѣмъ-же остановился, Сократъ?

Сокр. Замѣтилъ-ли ты, почтеннѣйшій, что я говорю уже героическими стихами, а не диоирамвами, даже и при порицаніи (53). Такъ что-же мнѣ, по твоему мнѣнію, придется дѣлать,

на двѣ половины, бросали вверхъ остракинду (остракинда съ одной стороны была наведена смолою, съ другой выполирована) и, смотря потому, которою стороною ложилась она къ верху, одна партія дѣтей должна была бѣжать, а другая догонять ее. Herm. p. 90. Schol. ad. Polit. VII p. 521 C.

(53) Я говорю уже героическими стихами, а не диоирамвами — даже и при порицаніи. — Смыслъ рѣчи слѣдующій: если и при порицаніи я говорю уже не диоирамвами, въ которыхъ поэтъ излагаетъ собственныя свои чувстваванія (de Rep. III. p. 394 с.), слѣдственно можетъ и хвалить и порицать, а героическими стихами, основывающимися на подражаніи (ib.), слѣдственно имѣющими цѣлю прославленіе героевъ (de Rep. II, p. 379 A); то что мнѣ придется дѣлать, когда я начну хвалить другаго? То есть, Сократъ началъ тономъ диоирамвическимъ (см. выше p. 298. D), окончилъ-же рѣчь стихомъ эпическимъ; а дѣло-то все еще въ порицаніи: какой-же высшій тонъ принять для похвалы? Развѣ, можетъ быть, сами Нимфы вдохновятъ меня, говорить онъ?

имѣють истиннаго понятія о любви благородной, и какъ согласился-бы съ нами въ томъ, въ чемъ мы порицаемъ Эроса?

Федръ. Можетъ быть, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Итакъ, стыдясь подобнаго человѣка и боясь Эроса, я хочу горечь прежнихъ негѣпостей заглушить сладостію новаго слова. Совѣтую и Лизіасу, какъ можно скорѣе написать, что, ради подобныхъ побужденій, надобно оказывать благосклонность болѣе любящему, чѣмъ не любящему.

Федръ. Повѣрь, что такъ и будетъ. Когда ты скажешь похвальное слово любовнику, то я непременно заставлю и Лизіаса написать рѣчь о томъ-же предметѣ.

Сокр. Вѣрю, пока ты будешь тотъ-же, кто теперь (64).

Федръ. Такъ говори смѣло.

Сокр. Но гдѣ тотъ мальчикъ, къ которому я обращаюсь? Надобно, чтобы онъ слушалъ меня; въ противномъ случаѣ, пожалуй, поспѣшитъ оказать благосклонность нелюбящему.

Федръ. Онъ очень близко возлѣ тебя всякій разъ, когда пожелаешь.

Сокр. Итакъ замѣть, прекрасный мальчикъ, что прежняя рѣчь принадлежитъ Федру Питоклову изъ Мирринунта; а теперь я произнесу слово Стезихора Евфимова Иммерійца (65). Оно гласитъ такъ:

Читай и Платона *Legq.* IV p. 704 sqq. Гораций говоритъ (*Sat.* V 4): *Inde forum Arpi differtum nautis, sauronibus atque malignis.*

(64) *Пока ты будешь тотъ-же, кто теперь*, ἄσκηρ ἄν ἦς ὅς εἶ. Здѣсь ὅς употреблено вмѣсто οἷος, потому-что Платонъ указываетъ не на свойство Федра, а на самую его природу, по которой онъ — страстный любитель прекрасныхъ рѣчей. Примѣры такого употребленія ὅς собраны у Гейндорфа къ этому мѣсту Федра.

(65) *Федру Питоклову изъ Мирринунта..... Стезихора Евфимова, Иммерійца.* Древніе писатели вообще любили примѣнять значеніе собственныхъ именъ къ содержанію рѣчи. Такъ здѣсь первую рѣчь Платонъ приписываетъ Федру, т. е. человѣку, увлекающемуся пріятною наружностію предмета (φαῖδρος). Федръ навывається сыномъ Питокла, т. е. искателя славы (πεῖδοκλῆς отъ πεῖδω и κλειτός). Притомъ онъ изъ Мирринунта, т. е. какъ-бы любитъ покониться на Миртахъ (отъ μύρτινος), подобно человѣку изгнѣженному и праздному. См. *Polit.* II, 372. В. Напротивъ, вторая рѣчь, долженствующая имѣть

Та рѣчь несправедлива, которая говоритъ, что когда есть любовникъ, надобно быть болѣе благосклоннымъ къ нелюбязщему — надобно будто-бы потому, что первый находится въ состояніи изступленія, а послѣдній — въ здоровомъ умѣ. Это было-бы сказано хорошо, еслибы изступленіе мы могли почитать просто зломъ: но оно иногда бываетъ даромъ Божиимъ, и въ этомъ случаѣ становится источникомъ величайшихъ благъ. Напримѣръ, хоть-бы Дельфійская пророчательница и Додонскіе жрецы, находясь въ состояніи изступленія, дѣлали весьма много добра и частнымъ людямъ, и вообще Греціи, а въ состояніи спокойнаго размышленія—или мало, или вовсе ничего. Еслибы мы стали говорить о Сивиллѣ и другихъ, которые, обладая божественнымъ даромъ пророчества (66), вѣрно предсказали многимъ и много такого, что исполнилось въ будущемъ, то намъ пришлось-бы говорить долго о томъ, что всякому извѣстно. Впрочемъ, нельзя не сослаться и на свидѣтельство древнихъ, которые, устанавливая значеніе именъ, не почитали изступленія чѣмъ-то постыднымъ, или безчестнымъ, иначе прекраснаго искусства судить о будущемъ не называли-бы изступленіемъ: видно оно хороша (если дается Богомъ), когда получило такое имя. Между-тѣмъ наши современники въ слово *μαντή*, по неопытности, вставили *ταὐτ* (τ) и предсказаніе у нихъ стало

характеръ лирической и религиозной, приписывается Стезихору, т. е. установителю хора (отъ *στάω* или *ἵστημι* и *χορός*), сыну Евфимову, т. е. чловѣку благочестивому, или благонамѣренному (отъ *εὖ* и *φῆμι*), родомъ Имерейцу, т. е. посвященному въ таинство любви (*ἠμέρω*). О стараніи древнихъ примѣнять этимологическое значеніе собственныхъ именъ къ содержанію рѣчи. См. Meineck. ad. Euphor. 138. Creizer. de art. hist. gr. p. 52.

(66) *Обладая божественнымъ даромъ пророчества*, *μαντικῆ* *χρόμενοι* *ἔνθεον*. *Μαντικῆν* *ἔνθεον* Платонъ противопоставляетъ *τῆ* *παρ* *ἀνθρώπων* *γυγνομένην*. Такъ вообще древніе различали предсказанія. *Iis igitur assentior*, говоритъ Цицеронъ (*de divin.* 1. 18), *qui duo genera divinationum esse dixerunt, unum quod particeps esset artis, alterum, quod arte careret. Est enim ars in iis, qui novas res conjectura persequuntur, veteres observatione dixerunt: carent autem arte ii, qui non ratione aut conjectura, observatis ac notatis signis, sed concitatione quadam animi aut soluto liberoque motu futura praesentiunt (quod et somniantibus saepe contingit et nonnunquam vaticinantibus per furorem)*. Поэтому *ἡ μαντικῆ ἔνθεος* у Платона далѣе (с) называется также *ἑῖτα μοῖρα γυγνομένην*, (D) *μανία ἡ ἐκ θεοῦ*.

какъ-бы не приобрѣсть чести отъ людей цѣною заблужденія касательно боговъ. Теперь чувствую свой грѣхъ.

Федръ. Такъ что-же ты скажешь?

Сокр. Ужасную рѣчь, Федръ, ужасную! Ты самъ подаль поводъ и заставляешь меня говорить ее.

Федръ. Какъ такъ?

Сокр. Безумную и нѣсколько нечестивую (60); а такой рѣчи что можетъ быть ужаснѣе?

Федръ. Конечно, ничто, если только говоришь правду.

Сокр. Да какъ-же? Эроса не признаешь-ли ты сыномъ Афродиты и однимъ изъ боговъ?

Федръ. Полагають.

Сокр. Но полагаетъ не Лизіасъ, и не твоя рѣчь, которую ты произнесъ моими, обвороженными тобою устами. Если Эросъ есть то, что дѣйствительно есть, — именно богъ, или нѣчто божественное, то онъ — не какое-нибудь зло. Между-тѣмъ въ обоихъ своихъ рѣчахъ мы представили его чѣмъ-то злымъ. Стало быть, въ-отношеніи къ нему наши рѣчи согрѣшили. И глупость-то ихъ довольно еще тонка: не заключая въ себѣ на самомъ-дѣлѣ ни здраваго смысла, ни уваженія къ истинѣ, онѣ еще тщеславились собою, будго дѣльные, и обманывали насъ, какъ людей ничтожныхъ. Итакъ, мнѣ необходимо очиститься

легѣвшихъ журавлей. Злодѣи посмѣялись надъ нимъ и убили его. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ того, сидя на площади въ толпѣ народа, они увидѣли журавлей и, забывшись, сказали: вотъ доносчики о смерти Ивика. Близъ сидѣвшіе, услышавъ это, схватили ихъ, и убійство открыто. Hoffmann. Lexicon. v. Ibus. Этому-то Ивику Сократъ приписываетъ изреченіе, что не должно приобрѣтать чести отъ людей цѣною заблужденія касательно боговъ.

(60) *Безумную и нѣсколько нечестивую*, — ἐνὶ ἤθει καὶ ὑπὸ τῆ ἀσεβείῃ. Слово ἐνὶ ἤθει значитъ собственно, простакъ, человѣкъ недалежнаго ума, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ означается и человѣкъ благонравный. См. Phavor. въ εὐήθει. Выраженіе ὑπὸ τῆ однозначительно съ Латинскимъ prope modum и, подобно послѣднему, употребляется отрѣшенно. Gorg. p. 493. Aristoph. Vesper. 1281. Ecclesiaz. 1062. Греки говорили также: ὑπὸ τῆ μικρόν. См. interpr. ad Strabon. T. 11, p. 209 ed. Tiedem. Предполагаемую рѣчь Сократъ называетъ нечестивою, конечно потому, что въ ней философское созерцаніе должно вознестись выше народныхъ вѣрованій язычества.

другъ мой. Древній-же способъ очищенія тѣхъ, которые погрѣшали въ ученіи о богахъ, извѣстенъ былъ не Омиру, а Стезихору. Лишенный зрѣнія за то, что порицалъ Елену, Стезихоръ не былъ такъ недогадливъ, какъ Омиръ (61), но обладая талантомъ музыкальнымъ, тотчасъ узналъ причину своего несчастія и немедленно сказалъ:

Нѣтъ, мой невѣренъ стилъ;
Ты на разубраанный корабль не восходила,
Въ Пергамъ Троянскій не плыла.

И написавъ всю, такъ-называемую палинодію, онъ вдругъ прозрѣлъ. Въ настоящемъ случаѣ я буду умнѣе его (62) именно тѣмъ, что не ожидая, пока понесу наказаніе за порицаніе Эроса, постараюсь произнести ему палинодію—уже съ открытою головою, а не какъ прежде, закрывшись отъ стыда.

Федръ. Для меня, Сократъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе этихъ твоихъ словъ.

Сокр. Значитъ, и ты тѣхъ-же мыслей, добрый мой Федръ, что наши рѣчи — моя и прочитанная тобою въ свиткѣ — обѣ безстыдны. Еслибы какой-нибудь благородный человѣкъ кроткаго нрава, любящій кого-нибудь, или нѣкогда любимый, случайно услышалъ отъ насъ, что любовники за бездѣлицу платятъ величайшею ненавистію и своимъ любимцамъ завидуютъ и вредятъ; то какъ не подумалъ-бы, что онъ слышитъ людей, воспитанныхъ вѣроятно между матросами (63), которые не

(61) *Лишенный зрѣнія... Стезихоръ не былъ такъ недогадливъ, какъ Омиръ.* О Стезихорѣ Иммерейскомъ, изобрѣтателѣ τῶν παιδικῶν, или παιδιῶν см. Mohnike Geschichte der Litteratur. Т. I, p. 304 sq. Платонъ сравниваетъ двухъ поэтовъ-слѣпцовъ, Стезихора и Омира, предполагая, что оба они поражены слѣпотою за порицаніе Елены, только Стезихоръ скоро одумался и написалъ палинодію, отъ чего и возвратилъ зрѣніе, а Омиръ этого не сдѣлалъ. См. Isoog. Helen. p. 245 ed. Bekk.

(62) *Умнѣе его*, — по обыкновенному чтенію, σοφώτερος ἐκείνων, но я, вмѣстѣ съ Кузеномъ, слѣдую чтенію Cod Békéinou.

(63) *Людей, воспитанныхъ впрямую между матросами.* Сословіе матросовъ у Грековъ и Римлянъ почиталось самымъ грубымъ и необразованнымъ. См. Intergr. ad Athenaeum VI p. 254 В p. 474, гдѣ приводятся слова Θεοπόμπη κληῖρις εἶναι τὰς Ἀθήνας διονυσκολαῖων, καὶ ναυτῶν, καὶ λωποδευτῶν κ τ. λ.

μαυτική (67). Подобнымъ образомъ угадываніе будущаго въ спокойномъ размышленіи, по полету птицъ и по другимъ знакамъ, древніе называли *οἰωνοῦστικῆν*, такъ-какъ изъ размышленія къ человѣческому мнѣнію — *οἴησι* присоединяется здѣсь *νοῦς* и *ἱστορία*; а нынѣшніе почтили это слово *омегаю* (ω) и говорятъ *οἰωνοῦστικῆν*. Ну такъ—восколько совершеннѣе и почтеннѣе пророчество въ-сравненіи съ птицегаданіемъ, имя — съ именемъ, дѣло — съ дѣломъ, востолько изступленіе, даруемое Богомъ, по понятію древнихъ, лучше здравогомыслія, бывающаго въ людяхъ. Случалось также, что когда какія-нибудь поколѣнія, за древнія, заимствованныя отъ инуды преступленія своихъ предковъ, подвергались болѣзнямъ и величайшимъ бѣдствіямъ, — среди ихъ являлось изступленіе и пророчествовало о нужныхъ средствахъ избавленія, прибѣгало къ молитвѣ и служенію богамъ, удостоивалось очищенія и освященія и возвращало здравіе на время настоящее и будущее всякому, кто имѣлъ его, даже избавляло отъ страданій и собственно изступленныхъ и одержимыхъ (68). Третій родъ одержимости и изступленія бы-

(67) *И предсказаніе у нихъ стало μαυτική*. Μαυία есть корень слова μαυρός; а отъ μαυκή Платонъ производитъ μαυτική, между-тѣмъ-какъ μαυτική очевидно происходитъ отъ μέμαται—неупотребительной формы глагола μαυζάνω. Шлейермахеръ принимаетъ это за ошибку Платона и извиняетъ его тѣмъ, что тогда не было еще исторіи языка. Но Платонъ не ошибся, а только захотѣлъ посмѣяться надъ обыкновеніемъ софистовъ относить слова къ тому или другому корню, смотря по надобности. Можетъ быть, онъ указывалъ даже на Антисеена, которому Діогенъ Л. (VI, 17) приписываетъ много сочиненій филологическаго содержанія. Это еще болѣе подтверждается слѣдующимъ далѣе произведеніемъ слова οἰωνοῦστικῆν отъ οἴησις, νοῦς и ἱστορία. Могли Платонъ не знать, что οἰωνοῦστικῆν происходитъ отъ глагола οἰωνίζεω (οἰώνος)? Впрочемъ, ошибка Шлейермахера есть только повтореніе ошибки Цицерона, который говоритъ (de divin. 1, 1): Itaque ut alia nos melius multa, quam Graeci, sic huic praestantissimae rei (divinationi) nomen nostri a divisi, Graeci, ut Plato interpretatur, a furore — duxerunt. Въ произведеніи послѣдняго слова иронія Платона была тѣмъ естественнѣе, что слово οἰωνοῦστικῆν у древнихъ Грековъ писалось οἰωνοῦστικῆν, потому-что они еще не имѣли въ своемъ алфавитѣ буквы ω. Muret. Warr. Lectt. XVIII, 1.

(68) *Собственно изступленныхъ и одержимыхъ*. Подъ словомъ κατηούμενος разумѣется челоѣкъ, одержимый высшимъ существомъ, или воодушевленный Богомъ до изступленія, такъ-что находится въ состояніи страдательномъ. Сравни. Plat. Ion. p. 539 E. Men. p. 99. D. Symp. p. 215. C. Xenoph. Symp. 1. 19

васть отъ музъ: овладѣвая нѣжною и дѣвственною душею (69), возбуждая и восторгая ее къ одамъ и другимъ стихотвореніямъ, и украшая въ нихъ безчисленныя событія старины, это изступленіе даетъ уроки потомству. Кто идетъ къ Вратамъ поэзіи (70), не изступленный музами — въ той мысли, что и одно искусство сдѣлаетъ его поэтомъ, тотъ и самъ несовершенъ, и его поэзія, какъ произведеніе человѣка съ разсудкомъ, исчезаетъ предъ поэзіею изступленнаго.

Вотъ какъ много, да еще и болѣе прекрасныхъ дѣлъ производитъ изступленіе, когда оно низпосылается богами! Такъ мы не боимся его, и никакая рѣчь не заставитъ насъ своими угрозами избрать въ друзья человѣка съ разсудкомъ предпочтительно предъ умоизступленнымъ. Пусть она торжествуетъ побѣду, доказывая, что боги не къ добру посылаютъ любовь въ сердце любящаго и любимаго; мы докажемъ противное, что изступленіе дается богами для величайшаго благополучія.

(69) *Дѣвственною душею, ἄβρατον ψυχῆν.* Слово ἄβρατος прилагалось собственно къ священному мѣсту, куда непосвященнымъ вступать не позволялось. Поэтому здѣсь оно весьма хорошо характеризуетъ душу, въ которую никогда не проникали нечистыя пожеланія.

(70) *Идетъ къ вратамъ поэзіи, ἐπὶ ποιητικῆς θύρας ἀφίχεται.* Подъ этимъ выраженіемъ надобно разумѣть не просто вступленіе въ храмъ поэзіи, или занятіе поэзіею, но нищенское домогательство произвестъ что-нибудь поэтическое, потому-что ἐπὶ θύρας ἵναи, ἀφίχεται у Грековъ значило нищенствовать, испрашивать помощи или милости, унижаясь предъ кѣмъ-либо для получения выгоды. Такъ напр. Polit. II. 364. E. ἀγύρται τε καὶ μάνταις ἐπὶ πλουσίων θύρας ἵναι: VI, 489. B. οὐδὲ τοὺς σοφοὺς ἐπὶ τὰς τῶν πλουσίων θύρας ἵναи. Значить, выраженіе: приступать къ вратамъ поэзіи, Платонъ употребляетъ въ смыслѣ презрѣнія, какъ-бы то-есть человѣкъ безъ воодушевленія хочетъ нищенски выманить себѣ даръ пѣснопѣній. Это самое высказываетъ и Ювеналъ (VII, 10):

neque enim cantare sub antro

Pierio thyrsumve potest contingere sana

Paupertas.

и Гораций (Art. poet. 295):

Ingenium misera quia fortunatius arte

Credit et excludit sanos Helicone poetas.

Греческое выраженіе взято, вѣроятно, отъ обычая молиться предъ вратами храмовъ. Wesseling. ad Diod. Sic. XIV, 25. T. I, p. 660. Wernsdorf. ad Himer. p. 366.

Впрочемъ, люди съ хитрымъ умомъ (71) нашему доказательству не повѣрятъ, а повѣрятъ ему мудрецы. Мы сперва вникнемъ въ божественную и человѣческую природу души и постараемся вѣрно уразумѣть ее въ состояніи дѣйствія и страданія. Начало нашего доказательства — слѣдующее:

Всякая душа бессмертна: ибо что всегда движется, то бессмертно (72); а что сообщаетъ движеніе другому и само движется отъ другаго, въ томъ съ прерывочностію движенія соединяется и прерывочность жизни. Итакъ, одно только движущееся само по себѣ, поколику оно не оставляетъ себя, — никогда не перестаетъ двигаться и даже служить источникомъ и началомъ движенія другихъ движущихся предметовъ. Но начало не имѣетъ начала: потому-что отъ начала должно было произойти все, что произошло, самому-же началу произойти не изъ чего, а когда оно произошло-бы изъ начала, то уже не было-бы началомъ. Если-же начало не имѣетъ начала, то не можетъ и разрушиться: потому-что, разрушившись, оно и само не произойдетъ изъ другаго, и другое не произойдетъ изъ него, какъ-скоро все должно произойти изъ начала. Итакъ, начало движенія движется само-по-себѣ: это самодвижимое не можетъ ни произойти, ни разрушиться; иначе за его разрушеніемъ слѣдовало-бы сліяніе и остановка всего неба, всего рожденія, и не было-бы уже причины, по которой движимое снова пришло-бы въ движеніе. Если-же самодвижимое мы назвали бессмертнымъ, то никто не постыдится сказать, что такова сущность души, что такъ и надобно понимать ее: потому-что всякое тѣло,

(71) *Люди съ хитрымъ умомъ, δεινοίς.* О значеніи слова δεινοίς и о противоположности его слову σοφοίς см. 148 примѣч. къ Протагору.

(72) *Что всегда движется, то бессмертно, τὸ ἀσκήνυτον ἀθάνατον.* Движеніе здѣсь разумѣется не внѣшнее, не переходеніе съ одного мѣста на другое, также не возрастаніе или уменьшеніе, но внутренняя самодвижимость; τὸ αὐτὸ κινεῖται, шага agitatio. Κίνησις произведено отъ слова κίνη или κίνησις, соответствующаго Латинскому сio, или сиео, и потому однозначительное съ словомъ agito. Но послѣ оно приложено уже и къ движенію внѣшнему, выражаемому глаголомъ moveo.

движимое извнѣ, неодушевленно; а движущееся изнутри, само изъ себя, называется одушевленнымъ, что и составляетъ прирону души. Когда-же такъ, когда самодвижимое есть не иное что, какъ душа, то душа, необходимо безначальна и безсмертна. Но о ея безсмертіи — довольно; теперь скажемъ о ея идеѣ.

Исслѣдовать, какова эта идея, есть дѣло божественное и требующее долгаго времени (73); а показать, чему она подобна, — человѣческое и короткое. Итакъ возьмемся за послѣднее. Мы уподобимъ ее нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго (74). Кони боговъ и всѣ возничіе

(73) *Исслѣдовать, какова эта идея есть дѣло божественное и требующее долгаго времени.* Говоря о неизслѣдимости идеи, доступной только уму божественному, Платонъ разумѣетъ идею, какъ τὸ αὐτὸ καὶ αὐτὸ, или истинно-сущее. О философскомъ значеніи идеи онъ разсуждаетъ мѣстами во многихъ своихъ «Разговоровъ», а особенно въ Парменидѣ. Въ Федрѣ-же разсматривается идея главнымъ образомъ со стороны психологической и притомъ большею частію символически.

(74) *Мы уподобимъ ее нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго.* Астѣ въ этомъ подобіи видить шутку Платона и пародію на нѣкоторыя мѣста Омировой Илиады, напр. V, sq. VIII, 41 768 sqq., а особенно на безсмертныхъ коней Ахиллеса XVI, 148. sq. XXIII, 276 sq. Его догадка по видимому подтверждается словами Аристотеля (Ret. III, 7) ἡ δὲ οὐτὼ θεῶν, ἢ μερ ἑρωεῖας, ὅσπερ Γορυῖας ἐπὶ αἰαὶ καὶ τὰ ἐν τῷ Φαίδρῳ. Но, по моему мнѣнію, здѣсь нѣтъ ничего похожаго на шутку. Сократъ во всемъ этомъ монологѣ описываетъ силу божественной любви, которую проникнуты души, посвященныя въ небесныя таинства. Эта, по своей природѣ, никогда не угасающая любовь окрыляетъ и возвышаетъ ихъ, сообщаетъ имъ жизнь и самодвижимость, — такъ что не только разумное въ нихъ, но и неразумное, приобщаясь силѣ небесной любви, обнаруживаетъ свойственнымъ себѣ образомъ силу пернатости, чтобы, если не прямо, по-крайней-мѣрѣ посредствомъ созерцанія прекрасныхъ предметовъ въ природѣ, восходить къ высочайшему типу ихъ — къ прекрасному божественному. Разумное въ душахъ, по смыслу Платоновой аллегоріи, есть возничій τὸ αὐτὸ ζῳοῦν, λόγος или λογιστικόν, божественное въ человѣкѣ; а неразумное — пара крылатыхъ коней, запряженныхъ въ колесницу, т.-е. раздражительная (Ζῳοειδής) и пожелательная (ἐπιθυμητικόν) стороны души, дѣйствующія въ органическомъ тѣлѣ. Первый изъ этихъ коней послушиѣ уму, нежели послѣдній: потому-что первый, получивъ бытіе непосредственно отъ боговъ сотворенныхъ, заключаетъ въ себѣ отгѣнокъ ихъ безсмертія, а иносѣдній, хотя также ихъ творевіе, однакожъ постоянно носитъ печать земной своей природы (Tim. 69 C.). Символическое изображеніе души посредствомъ возничаго, управляющаго двумя крылатыми конями, находится также у Зороастра. Diochrisost. Orat. XXXIV, p. 449. D. и

сами по себѣ, конечно, добры и произошли отъ добрыхъ; а у другихъ это смѣшано. И во-первыхъ, правитель нашъ управляетъ парюу: одинъ изъ коней у него прекрасенъ и добръ, да и произошелъ отъ такихъ-же; а другой и произошелъ отъ противныхъ тому, и самъ по себѣ противенъ. Такъ управленіе нами по-необходимости затруднительно и неудобно. Теперь постараемся высказать, откуда получило свое имя животное смертное и бессмертное (75). Всякая душа печется о всякомъ неодушевленномъ (76): она обтекаетъ цѣлое небо и, по различію мѣстъ, является въ различныхъ видахъ. Душа совершенная и пернатая носится въ воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ; а растерявшая перья влечется внизъ (77) до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣтится съ чѣмъ-нибудь

у Индійцевъ, Stob. Ecl. phys. T. II p. 884. А. Ourneckhat T. I. p. 303 II p. 314. Впрочемъ, заимствовать эту аллегорію Платонъ, говорятъ, у Пинеогорейцевъ. Hierocles in aug. carm. ad. v 69.

(75) *Теперь постараемся высказать, откуда получило свое имя животное смертное и бессмертное.* Этотъ поворотъ рѣчи представляется какъ-то неожиданнымъ. Чтобы видѣть его естественность, надобно замѣтить, что предъидущая мысль о различіи коней у боговъ и человѣковъ прямо приводитъ къ вопросу, отчего произошло это различіе. На этотъ вопросъ Платонъ долженъ былъ отвѣчать однимъ словомъ: оттого, что человѣческая душа сдѣлалась животнымъ смертнымъ. Но такъ-какъ понятіе о животномъ смертномъ само-по-себѣ темно: то, для предотвращенія темноты отвѣта, онъ предварительно объясняетъ, что такое животное смертное и бессмертное.

(76) *Всякая душа печется о всякомъ неодушевленномъ, πάσα ἡ ψυχή παντός ἐπιμελεῖται τοῦ ἀψύχου.* Вмѣсто πάσα ἡ ψυχή, нѣкоторые критики читаютъ здѣсь πάσα ψυχή, или, какъ у Аста, ἡ ψυχή πάσα. Поводъ къ этому различію чтенія подають съ одной стороны древніе списки Платоновыхъ сочиненій, съ другой — неопредѣленность скрывающагося здѣсь ученія. Трудно опредѣлить, какую душу въ этомъ мѣстѣ разумѣетъ Платонъ — мировую-ли, πάσαν ψυχήν, или частную — πάσαν τῆν ψυχήν. Душа въ первомъ значеніи какъ будто умѣстише здѣсь оттого, что, по различію мѣстъ, она является въ различныхъ видахъ, слѣдовательно въ каждомъ видѣ — вся, πάσα ψυχή, и что она сперва носится высоко и распоряжаетъ міромъ. Но понятіе о душѣ частной повидимому сообразше съ доміровымъ существованіемъ душъ, о которомъ будетъ говорено ниже. Держась этого контекста, я принимаю ее въ послѣднемъ значеніи.

(77) *Растерявшая перья влечется внизъ.* Подъ потерю перьевъ Платонъ разумѣетъ ослабленіе стремленія или любви къ небесному, помраченіе божественнаго въ человѣкѣ. Plot. Ennad. II, 9 p. 472 D. У Эмпедокла души, ли-

твердымъ (78), гдѣ нашедши себѣ жилище и тѣло и движась собственною силою, называется въ цѣломъ составѣ животнымъ, сложенымъ изъ души и тѣла, и получаетъ имя смертнаго. Понятія-же о безсмертномъ нельзя приобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ (79). Не выдавъ и достаточно не разумѣя Бога, мы представляемъ его какимъ-то животнымъ безсмертнымъ, имѣющимъ также тѣло и душу; только тѣло и душа въ немъ вѣчно соединены между собою. Впрочемъ, пусть это будетъ именоваться такъ, какъ угодно Богу. Мы обратимся къ причинѣ, по которой душа лишилась перьевъ, или вылиняла. Причина эта — слѣдующая:

Сила пера состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы тяжелое поднимать на высоту, въ пространство воздуха, гдѣ обитаетъ поколѣніе боговъ. И такъ-какъ душа, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастна божественному (80); божественное-же есть пре-

шешныя перьевъ, называются *ἑσφάτοι καὶ οὐρανοπέταις δαίμονες*. Plut. de vit. asc. al. p. 830. F. Древніе начало зла производили вообще изъ отпаденія душъ отъ жизни Божіей. Schwarz, Diss. de lapsu primorum humani generis parentum a paganis adanbrato. 1830.

(78) *Пока не острѣетъ ли съ чѣмъ-нибудь твердымъ.* Это нѣчто твердое старѣетъ тѣ, безъ сомнѣнія, есть отвердѣвшая, или, по понятію древнихъ, сгустившаяся матерія, планетное убѣжище души. Ученіе Платона объ этомъ предметѣ довольно неопредѣленно.

(79) *Понятія-же о безсмертномъ нельзя приобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ.* Читая слова Платона: «душа совершенная и пернатая носится въ воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ», можно было думать, что это говоритъ онъ о душѣ безсмертной, которой противопологается смертная, растерявшая перья. Но мы видимъ, что, по его мнѣнію, понятія о безсмертномъ нельзя приобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ. Явно, что здѣсь скрывается намѣреніе Платона отличить безсмертіе въ смыслѣ безусловномъ, свойственное истинному Богу, отъ безсмертія, приписываемаго душамъ и богамъ сотвореннымъ. На эту мысль указываетъ, во-первыхъ, — р. 246. и 247. А; во-вторыхъ — слово *κλάττομα* поврежденное (вмѣсто *κλάττομαίνου*), которымъ выражается необходимость — представлять Бога человѣкообразно, а человѣка — богообразно, что дѣлали Греки; въ-третьихъ — *ἀθάνατον τὸ ζῶον*, которое къ истинному Богу, не познаваемому никакимъ умозаключеніемъ, приложено быть не можетъ, а къ богамъ сотвореннымъ и къ человѣку прилагается.

(80) *Такъ-какъ душа, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастна божественному,* *κακοῦνότεκε δὲ πῦρ καλίστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ εἰδίου ψυχῆ.* Гейндорфъ, а за нимъ и Астъ, основываясь на авторитетѣ Плутарха (Quaest. Plat. p. 1004. с.

красное, мудрое, доброе и все тому подобное: то этимъ-то особенно питаются и возвращаются крылья души; а отъ постыднаго, злаго и противнаго высшему онѣ ослабѣваютъ и гибнутъ. Итакъ, великій вождь на небѣ, Зевсъ (81) ѣдетъ первый на

πῶς ποτὲ ἐν τῷ Φαίδρῳ λέγεται τὸ τῆν τοῦ πτεροῦ φύσιν, ὅφ' ἦς ἄνω τὸ ἐμβροτάς, ἀνάγεται, κελκομένηται μάλιστα ἰδὼν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θεοῦ) изгоняютъ изъ этого текста слово ψυχῆ и глаголъ κελκομένηται относятъ къ именительному ἡ πτεροῦ δύναμις. Но должно замѣтить, что Платонъ говоритъ здѣсь о душѣ, поколику она находится уже въ тѣлѣ, слѣдовательно причастна тѣлесности; а потому приведенный текстъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Гораздо страннѣе было-бы приписать Платону мысль, что перо, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастно божественному. Притомъ нѣтъ ни одного списка Платоновыхъ сочиненій, въ которомъ не удерживалось-бы здѣсь слово ψυχῆ. Впрочемъ, переводъ Шлейермахера: auch theilt er vorzüglich der Seele mit von dem was des göttlichen Leibes ist, — нисколько не походить на правду.

(81) *Итакъ великій вождь на небѣ Зевсъ* и проч.... Этими словами начинается знаменитый Платоновъ мифъ, объясняющій образно, гдѣ находилась человѣческая душа до своего пришествія въ этотъ земной мѣръ, чѣмъ она тамъ имѣла и чѣмъ наслаждалась, какъ и по какой причинѣ удалилась изъ прежняго своего отечества, отчего всегда жаждетъ возвратиться въ него и какимъ образомъ это для ней возможно. Нѣтъ сомнѣнйя, что отдѣльныя черты входящія въ разсматриваемую теперь философско-поэтическую картину Платона, заимствованы имъ изъ космологическихъ представленій Филолая и Эмпедокла. Филолай, вмѣстѣ съ прочими Пиеагорейцами, училъ, что въ средоточіи міра находится алтарь Весты, а самый мѣръ дѣлитъ на двѣ области: на область неизмѣняемости, простирающуюся отъ души міра (т. е. Весты) до луны, и на область измѣняемости, лежащую между луною и землею (Job. Escl. 1 p. 422, 488). Подобно этому, и Эмпедоклъ принималъ два міра: одинъ мысленный, другой чувственный (Sturz. Emped. Agrig. p. 277 sq. 280 sq.). Въ Платоновомъ мифѣ мѣръ чувственный представляется сферою, вращающеюся внутри мысленнаго; а точка созерцація того и другаго утверждается въ центрѣ вселенной, такъ-что горизонтъ философа есть цѣлое полушаріе космоса. Предположивъ это, мы легко поймемъ смыслъ Платоновыхъ образовъ и выраженій. Двѣнадцать боговъ (потому-что главныхъ Греція признавала двѣнадцать, Paus. Attik. 3, 40), которыхъ колесницами, или видимыми знаками (вегикулами) древніе обыкновенно почитали небесныя свѣтлѣнныя тѣла, ѣдутъ отъ Весты, своей матери, души міра, и каждый въ сопровожденіи геніевъ и героевъ, вслѣдъ за Зевсомъ, совершаетъ свой путь въ предѣлахъ неба. Надобно замѣтить, что геній и герой здѣсь—не иное что, какъ души, по разумной своей природѣ, созданныя Богомъ истиннымъ и получившія безсмертіе, а по тѣлесной или неразумной—богами звѣздными, и въ этомъ отношеніи смертныя, жившія на различныхъ звѣздахъ, согласно стихійнымъ свойствамъ своихъ тѣлъ (Tim. p. 41). Окончивъ дѣло устройства вселенной, боги, сопровождаемые этими геніями и героями, ѣдутъ на пирь, то-

крылатой своей колесницѣ, устроая вездѣ порядокъ и объемя все своею заботливостію. За нимъ слѣдуетъ воинство боговъ и геніевъ, раздѣленное на одиннадцать отрядовъ, потому-что одна только Веста остается въ жилищѣ боговъ, прочіе-же, въ числѣ двѣнадцати, поставленные начальниками, предводительствуютъ каждый ввѣреннымъ себѣ отрядомъ. И какое множество восхитительныхъ зрѣлищъ въ предѣлахъ неба! Сколько тамъ поприщъ, по которымъ протекають блаженные боги, исполняя всякій свое дѣло! Слѣдуютъ-же за Зевсомъ, поколику всегда хотять и могутъ: такъ-какъ ненависть находится вѣсь сонма боговъ. Но когда отправляются праздникъ и пиръ, они ѣдутъ подъ высшее пространство небеснаго свода уже вверхъ по наклонной плоскости. Поэтому колесницы боговъ, послушныя ихъ управленію, катятся ровно и легко, а прочія— съ трудомъ: потому-что конь, причастный злу, не бывъ хорошо вскормленъ возничами, какъ-то тяжелъ, порывается и тяготеетъ къ землѣ. Отсюда въ душѣ рождается безпокойство и

есть ѣдутъ питаться умомъ и чистымъ вѣденіемъ, созерцать истину въ самостоятельномъ и нераздѣльномъ ея бытіи: потому-что истина или сущее само въ себѣ есть единственная пища, поддерживающая разумность и безсмертіе сотворенныхъ существъ. (Tim. p. 41). Но, отправляясь на пиръ, имъ надобно восходить по наклонной плоскости вверхъ, т.-е. къ зениту космическаго горизонта, и тамъ, ставъ на периферіи вращающагося чувственнаго міра и вращаясь вмѣстѣ съ нею, наслаждаться созерцаніемъ истины въ мірѣ духовнои, пока периферія, сдѣлавъ оборотъ вокругъ своего центра, не придетъ опять въ то-же положеніе. Явно, что души, рожденные не подъ одинаковыми звѣздными условіями и не съ равнымъ успѣхомъ воспитанныя своимъ возничимъ—умомъ, не могли всѣ легко возноситься за богами къ предѣламъ міра мыслимаго. Многія изъ нихъ, едва выникнувъ изъ сферы чувствопостигаемаго и едва вкусивъ нѣчто отъ трапезы духовныхъ наслажденій, увлеклись тяготѣніемъ своей смертной природы и падали на землю. Такъ понималъ Платонъ происхожденіе человѣческаго рода, а главное—тѣхъ идей, которыя, составляя основу разумности души и будучи сокровищами міра мыслимаго, мапятъ ее въ прежнее ея отечество и возвращаютъ въ ней крылья, чтобы летѣть туда! Въ этомъ мнѣніи между прочимъ особенно-замѣчательно то, что Платонъ своимъ созерцаніемъ возносится высоко надъ политическими вѣрованіями современныхъ Грековъ и явно приходитъ къ понятію о единомъ истинномъ сущемъ, котораго свѣтомъ и жизнію должны питаться самыя боги Греціи, чтобы поддерживать свою разумность и безсмертіе.

упорная борьба. Души, называемыя безсмертными, достигнувъ вершины и вышедши внѣ неба, становятся на хребтѣ его (82). Стоя на немъ, онѣ вращаются вмѣстѣ съ орбитою и созерцаютъ за-небесное. Мѣста за-небеснаго, вѣроятно, не воспѣвалъ никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспоетъ, какъ надобно. Оно таково — ужь осмѣляясь высказать истину, особенно когда говоримъ объ истинѣ—оно есть существо безцвѣтное, необразное, неосязаемое, дѣйствительно сущее и созерцаемое однимъ правителемъ души — умомъ; родъ истиннаго знанія только около его имѣетъ свое мѣсто (83). Итакъ мысль бога и всякой души, любящей принимать должное, радуется, что по временамъ видитъ сущее; питаясь умомъ и чистымъ вѣдѣніемъ, она наслаждается созерцаніемъ истины и чувствуетъ себя хорошо, пока вращающаяся орбита не придетъ опять въ то-же положеніе. Во время этого кругооборота она созерцаетъ справедливость, созерцаетъ разсудительность, созерцаетъ знаніе, и не такое, какое рождается, или разнообразится по числу недѣлимыхъ, какъ это бываетъ теперь у насъ, но знаніе, собственное истинно-сущему. Насладившись созерцаніемъ и другихъ истинно-сущихъ предметомъ, она снова спускается во внутренность неба и идетъ домой. По возвращеніи-же ея, воз-

(82) *Вышедши внѣ неба, становятся на хребтѣ его, ἔξω περιουδείων ἐστῆσαν ἐπὶ τῇ τοῦ οὐρανοῦ ὑψώ. Нѣкоторые истолкователи этого выраженія полагаютъ, что периферію чувственнаго міра Платонъ почиталъ чѣмъ-то твердымъ, и что боги выходили изъ нея сквозь отверстие: истолкованіе нелѣзное и ни на чемъ не основанное! Слово ὑψώ употреблено здѣсь очевидно въ значеніи метафорическомъ, какъ напр. у Гомера (il. 11, 159): ἐυρέα ὑψά θαλάσσης. А какъ разумѣлъ Платонъ периферію, или предѣлъ чувственнаго міра, ясно видно изъ его ученія въ Федонѣ (109 С.): «Самая чистая земля стоитъ подъ чистымъ небомъ, и небо, усыпанное звѣздами, у многихъ, занимающихся «этимъ предметомъ, называется также эфиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающее въ земныя впадины».*

(83) *Родъ истиннаго знанія только около его (т.-е. около дѣйствительно-сущаго, περί τῆν οὐσίαν ὄντος οὐρανοῦ) имѣетъ свое мѣсто. Къ истинному знанію Платонъ относитъ разсудительность, справедливость и проч. и все это въ смыслѣ безусловномъ. Что-же будетъ то, около чего имѣютъ свое мѣсто идеи безусловныхъ совершенствъ?—Это истинно-сущее. Предъ судомъ народной религіи Платонъ не рѣшается назвать истинно-сущаго Богомъ.*

ничій, поставивъ коней къ яслямъ, даетъ имъ амброзіи и сверхъ-того поить ихъ нектаромъ. Такова жизнь боговъ. Что-же касается до прочихъ душъ, то однѣ изъ нихъ, наилучше слѣдуя за богомъ и подражая ему (84), выникаютъ головою возничаго во внѣшнее мѣсто (85) и увлекаются также орбитою, но обезпояваемые конями, съ трудомъ созерцаютъ сущее; а другія то выникаютъ, то опускаются, и насилюемыя конями, иное видятъ, инаго—нѣтъ. Нѣкоторыя-же наконецъ, сколь ни сильно хотятъ онѣ подняться вверхъ, отъ слабости погружаются, падаютъ стремглавъ (86), понижаютъ, давятъ другъ друга и стараются войти въ міръ явленій одна прежде другой. Отсюда — волненіе, толкотня и чрезвычайный потъ. Многія изъ нихъ при этомъ случаѣ отъ глупости возничихъ дѣлаются калѣками (87), многія много ломаютъ перьевъ, а всѣ вообще, послѣ такихъ трудовъ, остаются непосвященными въ созерцаніе сущаго и идутъ пытаются пищею миѣнія (88). Но отчего это великое стремленіе видѣть

(84) *Однѣ изъ нихъ, наилучше слѣдуя и подражая богу и пр.* *Ἐκφ' ἑπορεύου καὶ ἀκασμένῃ*, то-же, что *ἀμοιούσα*. Подражаніе богу было нравственнымъ началомъ Пивагорейцевъ и Платона.

(85) *Выникаютъ головою возничаго во внѣшнее мѣсто*, т.-е. возносятся въ міръ мысленный только идеями ума, которыми они необходимо соединены съ истинно-сущимъ, а не раздражительною и пожелательною своею частію.

(86) *Но, отъ слабости погружаясь, падаютъ стремглавъ*, т.-е. отъ обладанія пожелательной стороны души до того становятся слабы умственно, что въ область міра духовнаго не выникаютъ даже и головою возничаго, никогда не мыслятъ о предметахъ жизни высшей, но постоянно влекутся къ чувственному, и притомъ опережая одна другую, потому-что въ этомъ состояніи всякой хочется скорѣе облечься въ формы земной жизни.

(87) *Дѣлаются калѣками*. Это выраженіе хорошо объясняется въ VII книгѣ Платонова «Государства» (р. 535 D), гдѣ значеніе хромой души выводится изъ понятія о хромомъ тѣлѣ.

(88) *Идутъ пытаются пищею миѣнія*. Подъ именемъ миѣній Платонъ обыкновенно разумѣетъ человѣческія познанія, не имѣющія взаимной связи и потому непрестанно измѣняющіяся. Онъ составляетъ ихъ въ противоположность съ познаніями философа, которыя всегда находятся въ зависимости одно отъ другаго и составляютъ гармоническое цѣлое. Понятіе о миѣніи, поколику оно есть достояніе земнородныхъ, Платонъ могъ заимствовать у Парменида, который говоритъ: *δῶκος ἐπὶ τὰς τέτταται*. *Sext. Emp. adv. Math.* VII, 49, 116.

поле истины тамъ, гдѣ оно находится? Отъ того, что приличная пища благороднѣйшей части души добывается только съ той пажити, и природа пера, облегчающаго душу, питается только тою пищею. Да таково и опредѣленіе Адрастеи (89), что, слѣдуя по стопамъ бога и отчасти видя истину, душа до другаго кругообращенія остается безопасною (90), и если всегда можетъ дѣлать то-же, то вредъ никогда не приражается къ ней. Напротивъ, когда, не имѣя силы слѣдовать за богомъ, она ничего не видитъ и, подвергшись какому-нибудь бѣдствію, погружается забвеніемъ и зломъ, такъ-что отяжелѣваетъ и, отяжелѣвъ, роняетъ перья и падаетъ на землю; то тутъ опять законъ — при первомъ рожденіи не поселятъ ея ни въ какую животную природу (91), но много созерцавшую вводитъ въ зародышъ человѣка, имѣющаго быть или философомъ, или любителемъ прекраснаго, или какимъ музыкантомъ, или эротикомъ (92),

(89) *Таково опредѣленіе Адрастеи.* Адрастея собственно значить неизбѣжность (отъ *δράω*), олицетвореніе непреложныхъ законовъ природы. У Гераклита, въ болѣе обширномъ смыслѣ, она называется *ἀδραστεύω*. Plut. de ph. phit. 1, 28.

(90) *До другаго кругообращенія остается безопасною.* Здѣсь указывается на то-же періодическое движеніе неба, о которомъ сказано выше р. 247 D.

(91) *При первомъ рожденіи не поселятъ ея ни въ какую животную природу.* Платонъ предполагаетъ, что рожденіе души, или проявленіе ея въ тѣлѣ сообразно періодическому движенію неба, должно повторяться до безконечности, при чемъ душа всякій разъ будетъ облекаться въ тѣлесныя формы такого существа, которому она нравственно уподоблялась въ-теченіе прежняго періода. А что при первомъ рожденіи законъ не позволяетъ поселять ея въ природу животную, причина заключается въ томъ, что разумная ея часть сотворена Богомъ, слѣдовательно не можетъ не стремиться къ небу.

(92) *Созерцавшую много вводитъ въ зародышъ челоѣка, имѣющаго быть или философомъ, или эротикомъ.* Такъ-какъ основаніе блаженства душъ, по ученію Платона, есть созерцаніе истины, то этимъ самымъ основаніемъ опредѣляются и степени блаженства ихъ. Самѣ собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ философъ-любитель истины есть существо счастливѣйшее. Но почему въ этотъ храмъ счастья вводится музыкантъ, а особенно *ἑρῳτικὸς*?—Потому-что гармонія, въ обширномъ смыслѣ, т.-е. музыка природы, стройное соотношеніе вещей, есть предметъ философскаго созерцанія. На этомъ основаніи философію Платонъ называетъ также *τῆν μετέωρον μουσικὴν*. Phaedon. р. 61. А. Почти въ такомъ-же смыслѣ разумѣеть оныя и слово *ἑρῳτικὸς*. Быть почитателемъ любви на его языкѣ значило созерцать прекрасное въ фор-

вторую за тѣмъ — въ будущаго законнаго государя, либо въ военачальника, либо въ правителя, третью — въ политика, въ домостроителя, или въ собирателя денегъ, четвертую — въ трудолюбиваго гимнастика, либо въ будущаго врача тѣла, пятую — въ человѣка, имѣющаго вести жизнь прорипателя, или посвященнаго, шестая будетъ прилична поэту, или иному мимику, седьмая — художнику, либо земледѣльцу, осьмая — софисту, или народному льстецу, девятая — тирану. И во всѣхъ этихъ состояніяхъ, — живя праведно, она получаетъ лучшую участь, а неправедно — худшую. Но въ то состояніе, изъ котораго вышла, каждая возвратится не прежде, какъ чрезъ десять тысячъ лѣтъ (93); потому-что до того времени не окрылится, развѣ то будетъ душа человѣка, безъ хитрости философ-

махъ, къ какому-бы роду лицъ или вещей эти формы ни относились. А такъ-какъ формальную сторону предмета Платонъ почиталъ выраженіемъ идеи, слѣдовательно развитіемъ мысли божественной, то созерцаніе прекраснаго въ формахъ значило у него созерцаніе прекраснаго божественнаго. Таково основаніе часто повторяемой платонической любви. На второй, третьей, четвертой, и такъ далѣе, степеняхъ въ нисходящемъ порядкѣ воплощенія душъ сфера созерцанія становится тѣснѣе и тѣснѣе, такъ-что ограничивается однимъ человѣческимъ Я. Государь созерцаетъ благо и гармонию цѣлаго государства; домоправитель осуществляетъ идею благоденствія домашняго; прорипатель имѣетъ въ виду пользу одного или нѣсколькихъ лицъ, притомъ *οἱ θεομίμναι καὶ οἱ χρησμοδοῖ οὐ σοφία ἀλλὰ φῆσι τιν ἐνθεοσιαβουσι*, говоритъ Платонъ (Apul. p. 22 с. Menon. p. 99 с); поэтъ и мимикъ *φαντασματά, ἀλλ' οὐκ ἔτα ποιοῦσιν* (de Rep. X. p. 398), слѣдовательно не заботятся ни о чемъ существенномъ; земледѣлецъ есть эгоистъ въ чувственномъ, софистъ — въ умственномъ, а тиранъ — въ нравственномъ отношеніи. Рихтеръ (de ideis Plat. p. 19) подъ этими девятью степенями разумѣетъ степени познанія, а Астъ (Annot. ad Phaedr. 496) — степени нравственности: но ни то, ни другое предположеніе отдѣльно не оправдывается свойствомъ степеней; онѣ справедливы только въ-соединеніи: потому-что созерцаніе истины, по ученію Платона, есть вмѣстѣ и созерцаніе добра (de Rep. VII, 502. А см. выше прим. 80), хотя въ жизни души на землѣ нравственная порча гибельнѣе умственной, а умственная — хуже чувственной (de Rep. VIII, p. 562 А. 199).

(93) *Чрезъ десять тысячъ лѣтъ*. Десятью тысячами лѣтъ Платонъ опредѣляетъ также время или періодъ существованія міра (см. Holsten. Ritterhus ad Porhyr. de vita Pythag. p. 24). Это мнѣніе заимствовано, кажется, у Египтянъ: по-крайней-мѣрѣ Геродотъ (11, 123. Creutz comment Herod. P. 1, p. 317) свидѣтельствуетъ, что періодъ души мудрой Египтяне, какъ и Платонъ, опредѣляли тремя тысячами лѣтъ.

ствующаго (94), или философски-любящаго (95). Такія души, если онѣ трижды сряду избирали одну и ту-же жизнь (96), въ третьемъ, тысячелѣтнемъ кругооборотѣ наконецъ окрыляются и въ трехтысячномъ году отходятъ; прочія-же, совершивъ первый періодъ, являются на судъ и, по приговору суда, однѣ изъ нихъ, сошедши въ подземныя жилища, получаютъ тамъ наказаніе, а другія возводятся судомъ на нѣкое небесное мѣсто и живутъ примѣнительно къ тому, какъ жили въ образѣ человѣка. Въ тысячномъ-же году тѣ и другія отправляются для полученія и избранія второй жизни и—избираютъ, какую каждая хочетъ. Тогда человѣческая душа переходитъ и въ жизнь животнаго, а изъ животнаго, бывшая нѣкогда человѣческою,—опять въ человѣка, потому-что никогда невидавшая истины не получить этого образа. Вѣдь человѣкъ долженъ познавать истину подѣ формою такъ-называемаго рода (εἶδος) (97), который составляется изъ

(94) *Безъ хитрости философствующаю.* Φιλοσοφεῖν ἀδόλως, по мнѣнію Филлона (Т. 11, р. 388), τὴν θεωρίαν ἀνευ πράξεως πολιτικῆς ἀγαπῆσαι, καὶ πάντα τὰ ἄλλα καθ' οὐδὲν ἔχειν, καὶ ταῖς καθαρτικαῖς ἀρεταῖς ἑαυτοῦ παραδοῦναι, καὶ πρὸς μόνον τὴν ἑρὰν τελείωσιν ἄγεσθαι. Изъясненіе очевидно въ духѣ Александрійской школы. Философствовать безъ хитрости значитъ стремиться къ истинѣ, не приноравливаясь къ опредѣленнымъ мнѣніямъ человѣческимъ и не ограничиваясь расчетами житейскими.

(95) *Философски-любящаю, паидερασθήσαντος μετὰ φιλοσοφίας.* Паидερασθεῖν принимается здѣсь отрѣшенно. Предметъ этой любви есть сама философія, или стремленіе къ божественной истинѣ. Такъ въ другомъ мѣстѣ (Gorg. р. 482 A) Сократъ называетъ философію τὰ ἑαυτοῦ παιδικά.

(96) *Если онъ трижды сряду избирали одну и ту-же жизнь.* Платонъ приписываетъ душѣ свободу избирать себѣ то или другое состояніе въ новомъ періодѣ жизни. Въ этомъ отношеніи οὐχ ἡμᾶς δαίμων λήξεται, ἀλλ' ἡμεῖς δαίμονα αἰρήσεσθαι, говоритъ онъ (de Rep. X. 617 D). Впрочемъ, πρῶτος ὁ λαχὼν, πρῶτος αἰρείσθω βίον ὃ ξυμβέσται ἐξ ἀνάγκης, т.-е. свобода будетъ ограничиваться качествами жизни предъидущей и постепенно превращаться въ необходимость. Что особенно нравилось человѣку въ первомъ періодѣ бытія, того будетъ желать онъ и во второмъ.

(97) *Познавать истину подѣ формою такъ-называемаго рода.* Эта мысль указываетъ на необходимую связь логики съ метафизикою въ діалектикѣ Платона. Форма, εἶδος, по его мнѣнію, есть общее представленіе разсудка (λογισμὸς), состоящее изъ частныхъ воззрѣній, но она не можетъ составиться изъ частей, если въ умѣ (νοῦς) предварительно не будетъ идеи (ἰδέα), которая есть достояніе небесное, предметъ воспоминанія, или созерцанія вѣчной ис-

многихъ чувственныхъ представлений, приводимыхъ разсудкомъ во-едино; а это дѣлается чрезъ воспоминаніе о томъ, что душа знала, когда сопровождала бога и, презирая все, называемое нынѣ существующимъ, приникала мыслию къ истинно-сущему. Потому-то достойно окрыляется только мысль философа, такъ-какъ его воспоминаніе, по мѣрѣ силъ, всегда направлено къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ направляясь, самъ богъ есть существо божественное. Такими-то воспоминаніями пользуясь правильно, человѣкъ достигаетъ полного освященія и одинъ бываетъ истинно-совершенъ. Правда, чуждый житейскихъ заботъ и преданный божественному, онъ терпитъ укоризны толпы, какъ помѣшанный; но толпа не замѣчаетъ, что онъ восторженъ.

Такъ вотъ куда привела насъ рѣчь о четвертомъ родѣ изступленія (98). Въ немъ находится тотъ, кто, видя здѣшнюю красоту и вспоминая о красотѣ истинной, окрыляется и, окрылившись, пламенно желаетъ летѣть выспрь. Еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о дольнемъ не заботится, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій. Такой восторгъ, по самому происхожденію своему, лучше всѣхъ восторговъ—и для того, кто находится въ немъ, и для того, кому онъ сообщается. Причастный такому изступленію, любитель прекраснаго называется любовникомъ. Всякая человѣческая душа, какъ сказано, по природѣ своей, созерцала сущее; иначе и не вошла-бы въ это животное. Но вспоминать по здѣшне-

тины. Отсюда видно, что Платоновъ *идеос* одною стороною принадлежитъ небу, а другою — землѣ.

(98) *Такъ вотъ куда привела насъ рѣчь о четвертомъ родѣ изступленія.* Платонъ (р. 245 с.) обѣщался представить новое доказательство, что изступленіе лучше спокойнаго размышленія. Но это доказательство должно было вытекать изъ ученія о безсмертіи, происхожденіи и значеніи души; слѣдовательно предыдущая рѣчь о душѣ есть эпизодъ, имѣющій непосредственную связь съ существомъ дѣла и изложенный съ тою цѣлію, чтобы изъ него вывести новый результатъ въ пользу изступленія, и вмѣстѣ показать четвертый видъ его,—чтобы т.-е. опредѣлить значеніе изступленія религіознаго, нравственнаго и поэтическаго, опредѣлить также, въ чемъ состоитъ изступленіе философское, или эротическое, служащее основаніемъ всѣхъ прочихъ восторговъ.

му о тамошнемъ легко не для всякой: это не легко и для тѣхъ, которыхъ созерпаніе тамъ было кратковременно, и для тѣхъ, которыхъ, ниспавши сюда, подверглись бѣдствію, то-есть, подѣ влияніемъ какихъ-нибудь обществъ уклонившись къ неправдѣ, забыли о видѣнныхъ ими нѣкогда священныхъ предметахъ. Остается не много душъ, у которыхъ еще довольно памяти; да и тѣ, видя какое-нибудь подобіе тамошняго (99), такъ поражаются имъ, что выходятъ изъ себя и, не имѣя достаточно разборчиваго чувства, сами не понимаютъ, что значитъ страсть ихъ. При томъ, въ здѣшнихъ подобіяхъ справедливости, разсудительности, и въ другихъ, для души драгоцѣнныхъ, вовсе нѣтъ блеска. Приступая къ образамъ съ тусклыми своими орудіями, не многіе, — и то съ трудомъ, созерцаютъ видъ образуемаго. Восхитительно было зрѣть красоту тогда, когда, вмѣстѣ съ хоромъ духовъ слѣдуя за Зевсомъ, а другіе за кѣмъ-либо другимъ изъ боговъ, мы наслаждались дивнымъ видѣніемъ (100) и зрѣлищемъ, и посвящены были въ тайну, блаженнѣе которой и назвать невозможно, — когда мы праздновали ее, какъ непорочные (101) и чуждые зла, ожидавшаго насъ въ будущемъ. Допущенные къ непорочнымъ, простымъ, постояннымъ и блаженнымъ видѣніямъ, и созерцая ихъ въ чистомъ сіяніи, мы и сами были чисты и не погребены въ этой оболочкѣ (102), которая

(99) *Видя какое-нибудь подобіе тамошняго.* Платонъ училъ, что всѣ вещи міра видимаго сотворены по подобію, или прототипамъ мыслимаго, духовнаго, божественнаго. Tim. p. 39, E.

(100) *Мы наслаждались дивнымъ видѣніемъ.* Платонъ разумѣетъ философовъ. См. выше p. 246. A.

(101) *Когда мы праздновали ее, какъ непорочные.* Это выраженіе приурочено къ обрядамъ при освященіи инициатовъ въ таинства. Инициаты должны были отличаться чистотою и непорочностію души. Прежде чѣмъ вводили ихъ въ сокровенный смыслъ оргій, имъ позволялось видѣть только образы боговъ, фэцматъ. Въ таинствѣ посвященія душъ въ жизнь блаженную этимъ образамъ, или видѣніямъ Платонъ уподобляетъ идеи, представляемыя созерцанію человѣка философією.

(102) *Не погребены въ этой оболочкѣ, фэцматот, отъ корня фэма, могла.* Платонъ внушаетъ ту мысль, что тѣло, называемое теперь сѣма, должно было назваться могмлюю — фэма. Такое вообще понятіе имѣлъ онъ объ отношеніи тѣла къ душѣ. Gorg. p. 493, A. Cratyl. p. 400. B. Phaedon. p. 62. B. sqq.

теперь называется тѣломъ, и которою мы связаны, какъ улитки. Итакъ, да припишется это воспоминанію, что, при его посредствѣ, жажда тогдашняго произвела нынѣ такое длинное разсужденіе. Что-же касается до красоты, то она блистала, какъ сказано, существуя еще тамъ, съ видѣніями; пришедши-же сюда, мы замѣтили живость ея блеска и здѣсь, и замѣтили это яснѣйшимъ изъ нашихъ чувствъ. Вѣдь между тѣлесными чувствами, зрѣніе слыветъ у насъ самымъ острымъ, которымъ однакожь разумность не постигается; иначе она возбудила-бы сильнѣйшую любовь, еслибы могла представить зрѣнію столь-же живой образъ себя и все достойное любви въ себѣ. Нынѣ этотъ жребій принадлежитъ одной красотѣ; ей только суждено быть нагляднѣйшею и любезнѣйшею. Впрочемъ, не новопосвященный (103), или развратный не сильно стремится отсюда туда—къ красотѣ самой въ себѣ, когда на комъ-нибудь здѣсь видитъ ея имя; онъ смотритъ на нее безъ уваженія и, ища удовольствія, рѣшается всходить по обычаю четвероногого и осѣмнять ее. Думая о сладострастіи, онъ не боится проводить жизнь въ наслажденіи, не сообразномъ съ природою. Напротивъ, только-что посвященный, созерцавшій много тамошняго, при взглядѣ на богообразное лице, хорошо отпечатлѣвшее на себѣ красоту, или какую-нибудь безтѣлесную идею, сперва приходитъ въ трепѣтъ (104) и объемлется какимъ-то страхомъ тамошняго; потомъ, присматриваясь, чтитъ его какъ бога, и еслибы не боялся прослыть очень изступленнымъ, то своему любимцу приносилъ-бы жертвы, будто священному изваянію, или богу. Это видѣніе красоты, какъ-бы чрезъ дѣйствіе страха,

(103) *Не новопосвященный* μὴ νεοτελής; противопоставляется здѣсь не тому, кто посвященъ недавно, а тому, кто еще не посвященъ въ тайны божественныхъ видѣній, слѣдовательно не помнитъ красоты небесной; иначе отъ созерцанія земнаго ея блеска тотчасъ переносилась-бы мыслию къ идеальному ея величію.

(104) *Приходитъ въ трепетъ* ἔφριζα, выраженіе взято отъ священнаго трепета, объемлющаго новопосвященныхъ. Отсюда—ὄφριζα φριζάτ' ἑσών. Οφρη. Argon. v. 469.

измѣняетъ его, бросаетъ въ потъ и разливаетъ въ нею обыкновенную теплоту. Принимая чрезъ органъ зрѣнія истеченіе прекраснаго, котрымъ увлажняется природа пера, онъ становится тепелъ; а посредствомъ теплоты размягчается все, что относится къ возрастанію, и что прежде, находясь въ состояніи затвердѣнія, препятствовало росту. Когда-же притокъ пищи открылся, — стволъ пера, вздымаясь и поспѣшно выбѣгая изъ корня, разрастается во всѣхъ видахъ души: потому-что нѣкогда вся она была перната. Въ это время душа цѣлымъ своимъ существомъ кипитъ и брызжетъ и, какое страданіе бываетъ отъ зубовъ, когда они только-что начинаютъ расти, т. е. — зудъ и несносное раздраженіе десенъ, то-же самое терпѣть и душа человѣка, начинающаго выращивать перья: выращивая ихъ, она находится въ жару, раздражается и чувствуетъ щекотаніе. Взирая на красоту мальчика и принимая въ себя вытекающія изъ ней частицы (*μέρη*, —отсюда-то и происходитъ *μερος*, вождельніе) (105), она увлекается и получаетъ теплоту, чувствуетъ облегченіе отъ скорби и радуется. Когда-же остается одна, — отверстія, изъ которыхъ спѣшать выбиться перья, засыхаютъ, а засыхая, сжимаются и замыкаютъ въ себѣ ростки перьевъ. Эти ростки, вмѣстѣ съ вождѣленіемъ замкнутые внутри, бьются на-подобіе пульса и толкаются во всякій прегражденный имъ выходъ, — такъ-что душа, изъязвленная со всѣхъ сторонъ, мучится и терзается, и только одно воспоминаваніе о прекрасномъ радуется ее. Смѣшеніе этихъ противоположностей повергаетъ душу въ странное состояніе: находясь въ междучувствіи, она неистовствуетъ и, какъ бѣшенная, не можетъ ни спать ночью, ни оставаться на одномъ мѣстѣ днемъ, но бѣжитъ съ своею жаждою туда, гдѣ думаетъ увидѣть обладателя красоты; а увидѣвши его и оживившись въ своемъ вождѣлнн,и,

(105) *Μέρη*—отсюда-то и происходитъ *μερος* вождельніе. Слово *μερος* филологи производятъ отъ *μεναι*, *μέρη* и *ρεῖν*. *Matth. Gramm.* gr. p. 408. Такое производство можетъ быть оправдываемо развѣ привычкою Платона въ-шутку или не въ-шутку прибѣгать иногда къ самымъ страннымъ этимологическимъ соображеніямъ. См. примѣч. 102 с. *Cratyl. passim*.

даетъ просторъ тому, что прежде было заперто, и, успокоившись, освобождается отъ уязвленій и скорби, и въ тѣ минуты наслаждается сладчайшимъ удовольствіемъ. Поэтому произвольно она не оставляетъ своего красавца и никого не почитаетъ прекраснѣе его. Тутъ забываются и матери, и братья, и друзья; тутъ нѣтъ нужды, что чрезъ нерадѣніе гибнетъ имущество. Презрѣвъ всѣ обыкновенныя правила своей жизни и благоприличія, которыми прежде тщеславилась, она готова рабствовать и, гдѣ позволяютъ, лежать сколь можно ближе къ своему желанному, потому-что не только чтитъ его, какъ обладателя красоты, но и находитъ въ немъ единственнаго врача величайшихъ своихъ скорбей. Эту-то страсть, прекрасный мальчикъ, къ которому направлена моя рѣчь, люди называютъ Эросомъ: я услышавъ, какъ называютъ ее боги, ты, по молодости, справедливо будешь смѣяться. Объ Эросѣ есть два стиха, которые, какъ я полагаю, заимствованы изъ тайныхъ стихотвореній какими-нибудь Омиристами (106). Изъ этихъ стиховъ одинъ очень нескроменъ (107) и слишкомъ нестроенъ. Поютъ ихъ такъ:

(106) *Качи-ли-нибудь Омиристами.* Платонъ смѣется надъ стараніемъ нѣкоторыхъ Грековъ заключить всю мудрость въ предѣлы Омировыхъ твореній. Эти Омиристы изучали не только то, что было написано Омиромъ, но и то, что будто-бы перешло отъ него по преданію, или такъ-называемыя *ἀπόκρυφα* — тайныя стихотворенія. Впрочемъ, приведенные здѣсь стихи, вѣроятно, — произведеніе самого Платона, намѣренно примѣненное къ дурному вкусу Омиристовъ.

(107) *Изъ этихъ стиховъ одинъ очень нескроменъ.* Такъ-какъ Платонъ не скавалъ, который именно, то филологи разошлись въ своихъ мнѣніяхъ объ этомъ. Гейдорфъ и Шлейрмахеръ ищутъ нескромности въ первомъ стихѣ; т.-е. въ словахъ: «пернатый Эросъ». Этими словами, говорятъ они, Платонъ указываетъ на вѣтренность и непостоянство бога любви, потому-что во времена Платона Эросу будто-бы не придавали еще крыльевъ, — что, весьма ложно (см. Fragmenta hymnorum, qui Orpheo adscribuntur VI, 2, p. 260. Herm. 58, 2, p. 324. У Эрмія находимъ также стихъ: χρῆσταις πτερυγῶσι φορεσμένους ἔδαι καὶ ἔδα). Но выше Сократъ говоритъ: «Эту-то страсть люди называютъ Эросомъ». Тутъ сказано все, что заключается въ первомъ стихѣ, кромѣ только слова «пернатый». Потому онъ прибавляетъ: «я услышавъ, какъ называютъ ее боги, ты, по молодости, справедливо будешь смѣяться». Но боги во второмъ стихѣ называютъ ее Птеросомъ; слѣдовательно въ этомъ стихѣ и именно въ словѣ «Птеросъ» должно скрываться смѣшное. Слово πτερός значитъ крыловозвращатель: оно, по всей вѣроятности, сформовано самимъ Платономъ,

Эта пернатое люди всё называютъ Эросомъ.

А у боговъ, за птичій похоти зудъ, оно — Цтвррррр.

Приведеннымъ стихамъ можно вѣрить и не вѣрить: но причина и страсть людей любящихъ—то самое. Итакъ, когда власть этого пернато-именнаго подпадаетъ кто-нибудь изъ послѣдователей Зевса (108), онъ можетъ нести тяжелѣйшее бремя: напротивъ, пойманные Эросомъ и какъ-нибудь обиженные любящимъ слуги и солутники Марса, бываютъ кровожадны и готовы принести въ жертву своей страсти и себя и любяща. То-же и по-отношенію къ каждому богу: кому изъ нихъ кто слѣдовалъ; того и чтить, тому и подражаетъ, такъ и живетъ, пока не развратится и не совершитъ перваго поприща бытія, въ такихъ находится связяхъ и сношеніяхъ съ любимицами и съ прочими людьми. Посему каждый избираетъ себѣ Эроса красоты по праву (109), создаетъ и украшаетъ его, будто статую

да только въ его сочиненіяхъ и сохранилось, а въ языкѣ народномъ никогда не было употребляемо. Это одно уже могло придавать ему нѣкоторую странность; а странное названіе, приложенное къ Греческому божеству, для языческой совѣсти должно было казаться оскорбительнымъ и нескромнымъ. Такого мнѣнія держится и Астъ, только нескромности ищетъ онъ въ словахъ: διὰ πτερόφωτον ἀναύχην — за птичій зудъ похотливости. Здѣсь φώτος или φωτάλος—то-же, что λυσοβήτης—неистовый волочай. Надобно замѣтить однакожь, что Гейндорфъ читаетъ: διὰ πτερόφωτον ἀναύχην, — и это чтеніе напоминаетъ о стремленіи прекраснаго возвращать перья, слѣд. имѣетъ ближайшую связь съ именемъ Платона.

(108) *Кто-нибудь изъ послѣдователей Зевса.* — Зевсъ, по ученію Платона, есть образъ высочайшаго разума. Phileb. p. 29. D. Cratyl. p. 396. A. B.

(109) *Каждый избираетъ себѣ Эроса красоты по праву.* Нашедши общее происхожденіе любви къ прекрасному въ припоминаніи домірнаго созерцанія хора боговъ, т. е. въ идеѣ прекраснаго божественнаго, Платонъ долженъ былъ предотвратить слѣдующее возраженіе: если источникъ любви къ прекрасному — одинъ, то откуда безконечное различіе понятій о прекрасномъ въ мірѣ явленій? Стараясь быть вѣрнымъ своему началу, Платонъ, какъ языческой философъ, нашель основаніе для изъясненія различныхъ представленій прекраснаго въ самомъ многобожии. Боги, по своимъ свойствамъ различны; но всё люди были спутниками того или другаго бога: слѣдательно и всё люди. ὅταν ἕπ' ἑρως ἀλάσῃ, въ своихъ эстетическихъ стремленіяхъ, должны быть различны. Такое раскрытіе и приложеніе системы домірнаго бытія душъ (systema praexistentiae), являя теорію политензма, вмѣстѣ удовлетворяло и астрологическимъ понятіямъ Платона, по внутреннему убо-

самого бога — съ намѣреніемъ приносить ему въ жертву свое почитаніе и свои восторги. Такъ, напримѣръ, слѣдовавшіе за Зевсомъ ищутъ въ своемъ любимцѣ души какой-то Зевсовской, то есть наблюдаютъ, философъ-ли онъ и вождь по природѣ, и если находятъ его и любятъ, то употребляютъ всѣ силы, чтобы сдѣлать его такимъ. Люди этого рода, хотя-бы прежде и не занимались подобными предметами, теперь рѣшаются, откуда только можно, узнать ихъ, и сами доходятъ. Изслѣдывая шагъ-за-шагомъ природу своего божества чрезъ собственные усилія, они получаютъ успѣхъ, потому-что бывають принуждены неослабно взирать на бога; когда-же постигаютъ его своею памятью, тогда, приходя въ восторгъ, заимствуютъ отъ него нравы и склонности, сколько можетъ человѣкъ приобщаться божественному. И такъ-какъ этимъ они почитаютъ себя обязанными любимцу, то еще болѣе любятъ его и, почерпая свое сокровище изъ нѣдръ Зевса, подобно Вакханткамъ (110), переливаютъ его въ душу любимца и стараются, чтобы онъ, сколько можно болѣе, походилъ на ихъ бога. Такимъ-же образомъ, послѣдовавшіе за Ирою ищутъ любимца царственнаго (111) и, нашедши его, поступаютъ съ нимъ, какъ и прежніе. Тотъ-же обычай у сопутниковъ Аполлона и прочихъ боговъ, всѣ ищутъ себѣ мальчика, идучи за своимъ богомъ, и какъ-скоро имѣютъ

здению котораго, слѣдованіе человѣка извѣстному богу означало зависимость его отъ извѣстнаго созвѣдія.

(110) *Почерпая свое сокровище изъ нѣдръ Зевса, подобно Вакханткамъ*, т.-е. питая душу созерцаніемъ своего божества, или, просто сказать, увлекаясь склонностію своей природы, они ту-же самую пищу сообщаютъ и своимъ любимцамъ, какъ Вакхантки, которыя, по мифологическимъ сказаніямъ Грековъ, находясь въ состояніи восторженномъ, почерпають изъ рѣкъ медъ, молоко и вино, а въ состояніи обыкновенномъ—простую воду. Снес. Iov. 594. А.

(111) *Послѣдовавшіе за Ирою ищутъ любимца царственнаго*. Иру или Юнону Греки читали, какъ царицу и τὸ βασιλικόν никогда не сѣмивали съ τὸ ἡγεμονικόν. Подъ словомъ τὸ βασιλικόν они разумѣли безусловное господство—вѣншее выраженіе власти (imperialitas), а подъ словомъ τὸ ἡγεμονικόν—высочайшее достоинство, или внутреннее право на власть. По этому Платонъ говорить, что превосходное государство есть то, въ которомъ или царь философствуетъ, или философъ царствуетъ; поэтому также Зевсъ у Платона называется μέγας ἡγεμὼν ἐν οὐρανῷ. См. выше р. 246. Е.

его, то, управляясь подражаніемъ сами, посредствомъ убѣдѣній и настроенія, ведутъ и своего любимца къ подобнымъ тому богу свойствамъ и къ его идеѣ, сколько у каждаго достаесть способностей. Они не дѣйствуютъ на избраннаго ни ненавистью, ни грубыми вспышками, но всѣ свои дѣйствія согласуютъ со всевозможнымъ стараніемъ непремѣнно вести его къ совершенному подобію себѣ и тому богу, которому водаютъ вѣщеніе. Итакъ заботливость и внутреннія, о которыхъ говорю, наставленія людей, истинно любящихъ, достигая своей цѣли, бывають прекраснымъ благодѣяніемъ избранному другу со стороны друга, изступленнаго любовію. Склоняется-же избранный слѣдующимъ образомъ:

Какъ, при началѣ своей рѣчи, я раздѣлилъ каждую душу на три вида, и два изъ нихъ представилъ подѣ образомъ коней, а третій подѣ образомъ возниклаго: такъ пусть это остается у насъ и въ настоящемъ случаѣ. Но, сказавъ, что одинъ конь добръ, а другой нѣтъ, мы тогда не объяснили, въ чемъ состоитъ доброта перваго и зло послѣдняго: объяснимъ-же теперь. Одинъ изъ нихъ отличной стати (112), съ виду прямъ и хорошо сложенъ; шея его высока, носъ дугою (113), шерсть бѣлая (114),

(112) *Одинъ изъ имѣтъ отличной стати...* Излагаемая здѣсь физиогномика коней, безъ сомнѣнія, есть плодъ наблюденій философа не надъ конями, а надъ внѣшними, органическими чертами людей, служащими выраженіемъ того или другаго настроенія души. И въ этомъ случаѣ Платонъ является искуснѣйшимъ портретистомъ. Въ описаніи добраго коня ясно видишь чловѣка съ душою благородною, открытою и мужественною, которая столь-же живо чувствуетъ свой долгъ, какъ и сознаетъ свои достоинства. Это вѣрнѣйшій типъ разумнаго существа въ естественномъ его величіи среди языческаго общества. Напротивъ, изображеніе коня злаго воплощаетъ предъ глазами нашими духа непріязненнаго, волнуемаго неистовствомъ страстей, дышащаго яростію и стремящагося къ грубымъ удовольствіямъ, которыя болѣе гибельны для другихъ, чѣмъ сколько пріятны для него самого, и которыя онъ считаетъ удовольствіями, кажется, потому, что видитъ въ нихъ ядъ, поражающій ближнихъ смертію.

(113) *Носъ дугою, орлиный,* у Грековъ пользовался особенною честью. Они называли его царскимъ. Γρηκός, ἰκτινίλος, ὄν καὶ βασίλειον ὄνομα. Pollux. II, p. 189.

(114) Вѣдять на бѣлыхъ коняхъ въ Греціи имѣли право особенно знатны. Jacobs. de Philostr. p. 369. Бѣлыхъ коней хвалятъ и Омйръ: λευκότερον χίονος θέλει τ' ἀνέμοισιν ὄμοιοι. Πιαδ. X. 487

глаза черные; онъ любитъ честь, однакожь вмѣстѣ разсудительнъ и стыдливъ; онъ — другъ истинной славы, не дожидается удара, но слушается одного приказания и слова. Напротивъ, другой кривъ, безобразно распылся въ толщину и крѣпоуздъ; шея его коротка (115), носъ вздернутъ (116), шерсть черная, глаза синіе и подернуты кровью; онъ — другъ похотливости и наглости, оцоло ушей космать, глухъ ко всему и едва слышается бича и удилъ. Итакъ, когда возникій, видя любезное лице, согрѣвшее всю душу его теплотою чувства (117), возбуждается тревогами щекотанія и страсти, — одинъ конь, послушный ему и въ то время, какъ всегда, удерживается стыдомъ и умѣряетъ себя, какъ-бы не наскочить на любимца; напротивъ, другой не украшается ни удилами, ни бичемъ, но, прыгая, насильственно тянетъ колесницу и, всячески надежда какъ своему товарищу, такъ и возникшему, понуждаетъ ихъ идти къ любимцу и оставить память любовныхъ наслажденій. Сперва они съ негодованіемъ противятся ему, такъ-какъ влекутся къ постыдному, ужасному и беззаконному, но потомъ, не видя конца злу, послѣдуютъ его влеченію, уступаютъ ему и соглашаются сдѣлать по его желанію. Вотъ они уже близко, и видятъ свѣтлый взоръ любимца. Въ возникемъ при взглядѣ на него, про-

(115) *Шея его коротка.* Короткую шею древніе физиогномисты почитали признакомъ тупоумія и нездравомыслія. Такъ въ книгѣ Аристотеля *φυσιογνωμικῶν* (Е. III. р. 1173. В) признаки глупыхъ между прочимъ суть: «мясстая, сплюснутая, связанная шея и толстый затылокъ». Тамъ-же читаемъ и другое нѣсколько отличное наблюденіе: «толстый и полный затылокъ есть признакъ робости, а слишкомъ короткій показываетъ коварство». Аристотель приводитъ и свидѣтельство Адаманція (ib. с. XVI р. 207), который говоритъ: «люди слишкомъ короткошейные незлобивы, неповоротливы, простоваты и неопратны».

(116) *Носъ вздернутъ* — *αἰσχροβόσκος*. О людяхъ съ такою чертою физиогноміи Аристотель въ упомянутой книгѣ (р. 1179. В) говоритъ: «курносые — похотливы». То-же по его мнѣнію означаютъ и косматые уши.

(117) *Любезное лице, согрѣвшее всю душу теплотою чувства.* — по-Гречески: *ἔρωτι:χὸν ἔμμα λάβαυ ἀισθησὶ διαζερμῆνας τὴν ψυχὴν*. Здѣсь причастіе мужское *διαζερμῆνας* стоитъ вмѣстѣ всякой связи съ выраженіемъ, и потому, согласно съ мнѣніемъ Штальбома, я полагаю, что, вмѣсто *διαζερμῆνας*, надобно читать *διαζερμῆναυ*.

буждается воспоминаніе о природѣ красоты (118), которую, какъ утвержденную на непорочномъ основаніи, онъ снова созерцаетъ съ разсудительностію, созерцая-же, поражается страхомъ и, отъ благоговѣнія склоняясь на спину, въ то самое время по-необходимости такъ сильно тянетъ назадъ возжи, что оба его коня садятся на кресцы — одинъ охотно, потому-что не имѣетъ противнаго стремленія, а другой — похотливый — совершенно противъ воли. Отошедши далѣе, первый изъ нихъ, отъ стыда и изумленія, всю душу орошаетъ потомъ; а послѣдній, избавившись отъ боли, которую причинили ему узды и паденіе, и едва дыша отъ гнѣва, начинаетъ браниться и сильно поносить какъ возничаго, такъ и своего товарища, что, по трусости и малодушію, они нарушили порядокъ и обѣщаніе; потомъ, убѣждая ихъ снова подойти, едва уступаетъ ихъ просьбѣ отложить это до другаго времени. Когда-же предназначенное время наступило, а добрый конь и возничій притворились, будто забыли, — онъ напоминаетъ, насилуетъ, ржетъ, влечетъ, заставляетъ снова приблизиться къ любимцу и повторяетъ прежнія свои слова, а приблизившись, сгибается, раскидываетъ хвостъ, закусываетъ удила и рвется съ крайнимъ безстыдствомъ. Но возничій, исполняясь знакомымъ себѣ чувствомъ, еще болѣе прежняго переваливается какъ-бы за перегородку козелъ и съ такою силою оттягиваетъ узду изъ зубовъ похотливаго коня, что обгаряетъ кровію злорѣчивый его языкъ и скуля, повергаетъ его на лядвен и крестецъ и даетъ ему чувствовать боль. Терпя это часто, лукавый конь наконецъ оставляетъ свою похотливость, послушно слѣдуетъ волѣ возничаго и, при видѣ красавца, чувствуетъ страхъ, такъ-что душа любящаго теперь обращается съ любимцемъ уже стыдливо и уважительно. Но какъ-скоро послѣдній, для любви непритворной и дѣйствительно чувствуемой, становится существомъ равнымъ богу и предметомъ всякаго почтенія, то, располагаясь самою природою быть

(118) *Воспоминаніе о природѣ красоты.* Подъ словами η τού κάλλους φύσις, разумѣется красота безусловная, красота сама въ себѣ, или идея красоты.

другомъ своего почитателя (119), онъ съ его дружбою сочетаваетъ свою собственную. И если сперва, разубѣждаемый товарищами дѣтства или къмъ другимъ, что стыдно сближаться съ любящимъ, онъ и убѣгаетъ отъ него: то, по прошествіи нѣкотораго времени, возрастъ и потребность все-таки приводятъ его въ сообщество съ нимъ. Видно не опредѣлено злomu дружитья съ злымъ, а добромu не сводить дружбы съ добрымъ. Если-же, сближаясь съ любящимъ, онъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и обращеніе: то вблизи сильно поражается его благо-расположеніемъ и чувствуетъ, что предъ боговдохновенною дружбою любящаго дружба всѣхъ прочихъ друзей и домашнихъ ничего не значить. Продолженіе подобныхъ дѣйствій и сближеніе съ нимъ чрезъ прикосновеніе въ гимназіяхъ и другихъ мѣстахъ собраній производитъ то, что источникъ тока (120), названный отъ Зевса, по поводу любви его къ Ганимеду, возделніемъ, переливаясь съ обиліемъ въ любовника, частію остается въ немъ, а частію отъ полноты вытекаетъ внѣ: то-есть, какъ вѣтеръ или звукъ, отражаясь отъ гладкихъ и твердыхъ тѣлъ, возвращается туда, откуда происходилъ; такъ и токъ красоты чрезъ глаза — обыкновеннымъ путемъ вхожденія въ душу — льется опять въ красавца, а возвратившись въ него и служа ему возбужденіемъ, орошаетъ поры перьевъ, способствуетъ къ быстрѣйшему ихъ выращенію и душу любимаго снова наполняетъ любовію. Такимъ-образомъ онъ хотъ и любить, но самъ не знаетъ, что; онъ и не понимаетъ собствен-

(119) *Располагаясь самою природою быть другомъ своего почитателя* Мысль здѣсь та, что любящій и любимый въ жизни домірной созерцали одинъ и тотъ-же образъ прекраснаго; слѣдовательно природы ихъ стремятся къ одной и той-же идеѣ, а потому какъ-бы естественно сближаются между собою. *Ὡς ἀπὸ τῶν ὁμοίων αἴτι· Ζεὺς πρὸς τὸν ὁμοίον.* Odyss. XVII. 218.

(120) *Источникъ тока* — ἡ τοῦ ρεῦματος πηγή въ смыслѣ нравственнаго есть Церов, т.-е. истеченіе красоты чрезъ органъ зрѣнія (р. 251 с.). Этимъ именемъ, по мнѣнію Платона, дѣйствіе любви назвалъ самъ Зевсъ, когда плѣнившись красотою Ганимеда, взявъ его на Олимпъ и возложивъ на него обязанность наливать и подносить богамъ нектаръ, — такъ-что изліаніе нектара было какъ-бы символомъ изліанія любви.

наго чувства, и не можетъ высказать его, то-есть, подобно человеку, который, занявъ отъ другаго глазную болѣзнь (121), не умѣетъ найти ея причину, — онъ забылъ, что въ любящемъ, какъ въ зеркалѣ, видятъ самого себя. Поэтому, когда любящій — на глазахъ, то, по общей съ нимъ причинѣ, онъ не чувствуетъ грусти; а какъ-скоро его нѣтъ, — то, — опять по общей съ нимъ причинѣ, — жаждетъ и бываетъ вредителемъ жажды, поколику взаимную любовь принимаетъ за образъ Эроса (122), и этотъ образъ почитаетъ не любовію, а дружбою. Онъ желаетъ, — хотя и слабѣе, чѣмъ любящій, — видѣть его возлѣ себя, прикасаться къ нему, цѣловать его, лежать съ нимъ и ужъ, вѣроятно, дѣлать слѣдующее за тѣмъ. Когда-же они лежатъ вмѣстѣ, — наглый конь любовника знаетъ, что говорить возникнему: за великіе труды онъ требуетъ небольшого наслажденія. А конь любимица ничего не можетъ сказать: въ любовной горячкѣ и недоумѣніи, онъ обнимаетъ и цѣлуетъ любовника, лаская его, какъ человека благорасположеннаго; и еслибы послѣдній, лежа вмѣстѣ, попросилъ, то первый съ своей стороны можетъ быть и не отказался-бы оказать ему благосклонность. Но другой конь и возничій снова противопоставляютъ ему стыдъ и убѣжденіе. Итакъ, если одерживаютъ побѣду благороднѣйшіе виды души, располагающіе человека къ добропорядочному поведенію и философін: то люди проводятъ жизнь счастливо и согласно; потому-что тогда, покоривъ часть души, скрывающую въ себѣ зло,

(121) *Замѣтъ отъ другаго глазную болѣзнь.* — Прекрасное подобіе, выведенны изъ мнѣнія древнихъ, что болѣзнь глазъ сообщается черезъ зрѣніе. Gesner. ad ovat. de garuapicum herons. p. 345. Edit. Wolf.

(122) *Взаимную любовь принимаетъ за образъ Эроса.* Любимицу Платонъ приписываетъ не любовь, а изображеніе, или копію любви — *ἰδέσθαι ἑρῶτος* въ томъ смыслѣ, что любимица исполняется тою самою любовію, которая перелита нѣтъ въ любящаго, и которая отъ любящаго отразилась снова на любимица. Такимъ-образомъ послѣдній, въ-отношеніи къ понятію о своей любви, находится подъ вліяніемъ оптического обмана, т.-е. въ любящемъ любить отраженіе собственной красоты, собст. явное свое созданіе. Съ этой точки зрѣнія весьма хорошо объясняется нравственное и религиозное значеніе слова «идолъ». Нашъ идолъ есть произведеніе нашей страсти; онъ оцѣнивается ею и вмѣстѣ съ нею исчезаетъ.

и давъ свободу той, въ которой заключено добро, они бываютъ воздержны и скромны, а по смерти, сдѣлавшись перьятыми и легкими, выигрываютъ одно изъ трехъ истинно-Олимпійскихъ сраженій (123), то-есть, достигаютъ такого блага, болѣе котораго не можетъ доставить намъ ни человѣческая разсудительность, ни божественное изступленіе. Если-же напротивъ люди ведутъ жизнь грубую и нефилософскую, а между-тѣмъ честолюбивы, то легко можетъ статься, что въ минуты опьяненія, или въ самозабвеніи другаго рода, необузданные кони, нашедши души безъ охраненія, согласятъ ихъ избрать и совершить то, что чернь называетъ блаженствомъ; а совершивъ однажды, онѣ сдѣлаются склонными къ тому-же избранію и впоследствии, — хотя, конечно, изрѣдка, потому-что будутъ совершать это съ согласія не всей души. Эти тоже живутъ въ дружбѣ; но ихъ дружба — въ любви-ли ея основаніе, или внѣ любви — гораздо ниже дружбы тѣхъ: и они также думаютъ, что имѣютъ другъ къ другу величайшую довѣренность, которую не годится употреблять во зло и идти на ссору; но подъ конецъ они не окрыляются, а только оставляютъ тѣло съ желаніемъ окрылиться, и въ этомъ получаютъ немалую награду за любовное свое изступленіе. Вѣдь нѣтъ закона, чтобы начавшіе уже странствовать шли во тьму и блуждали подъ землею (124): провозжая

(123) *Выигрываютъ одно изъ трехъ истинно-Олимпійскихъ сраженій.* Подъ этими тремя Олимпійскими сраженіями, въ которыхъ душа философствующая должна одержать побѣду, Платонъ разумѣетъ три періода существованія, или, по-отношенію къ философамъ, три тысячелѣтія. Побѣда души будетъ состоять въ томъ, что въ каждомъ тысячелѣтіи она избересть себѣ все тотъ-же философскій образъ жизни (р. 249). Эти сраженія названы Олимпійскими пригнѣнительно къ правиламъ Олимпійскихъ игръ, на которыхъ только тотъ провозглашается быль полнымъ побѣдителемъ, кто восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ *στάδιον, διαύλον καὶ δολύχον*, т. е. на простомъ, двойномъ и двѣнадцатикратномъ поприщѣ, слѣдовательно кто одержалъ верхъ во всѣхъ трехъ видахъ сраженія. Снес. Euthyd, p. 277. С. и примѣч. къ сему мѣсту.

(124) *Блуждали подъ землею.* Древніе учили: *vitiis et sceleribus contaminatos deprimi in tenebras atque in seepo jacere.* Cicer. ap. Laetant. III, 19. 6. Самъ Платонъ въ своемъ Федонѣ говоритъ: «кто сойдетъ въ преисподнюю непосвященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ (р. 69 с.)».

свѣтлую жизнь, они, вмѣстѣ съ другими, должны идти къ блаженству и опереться ради любви, когда-бы-то ни было.

Вотъ сколь великія и божественныя блага можетъ доставить тебѣ дружба любящаго! а короткость человѣка, чуждаго любви, растворенная смертнымъ благоразуміемъ, произведетъ столь-же смертныя и скудныя плоды: она поселитъ въ дружеской думѣ расчетливость, которую толпа восхваляетъ, какъ добродѣтель, и заставитъ душу въ продолженіе десяти тысячъ лѣтъ носиться около земли и безъ ума блуждать подъ землею.

Эта-то, любезный Эросъ, по нашимъ силамъ, самая лучшая и прекраснѣйшая представляется и посвящается тебѣ паллиодія. Въ угодность Федру, я принужденъ былъ, кромѣ впрочемъ, облечь ее въ языкъ поэтическій (125). Прости-же меня за первую и похвали за послѣднюю мою рѣчь. По своей благоклонности и милости, не отнимай у меня, и въ гнѣвѣ; не обезображивай даннаго тобою искусства любви. Позволь мнѣ еще болѣе, чѣмъ теперь, пользоваться уваженіемъ красавцевъ. Если-же Федръ и я прежде говорили о тебѣ нѣчто непристойное; то, приписавъ это отцу рѣчи Лизіасу, отврати его отъ подобныхъ рѣчей и обрати къ философін, къ которой обратился братъ его Полемархъ, чтобы этотъ его любитель не колебался уже, какъ теперь, но сообразовалъ свою жизнь просто съ Эросомъ, понимаемымъ философски.

Федръ. Съ твоею молитвою, Сократъ, я соединяю и свою, если только это для меня лучше. Твоя рѣчь давно уже удивляетъ меня: какъ далеко она лучше первой! Я даже опасуюсь,

Учили также, что души, преданныя земнымъ удовольствіямъ, по смерти не отрѣшаются отъ тѣла, но вмѣстѣ съ его элементами блуждаютъ въ нѣдрѣ земли, переходя или воплощаясь въ различныя виды вещей, чуждыхъ ума и свободы. Phaedon 81 с.

(125) *Облечь ее въ языкъ поэтическій* — т.-е. изложить ученіе о прекрасномъ въ формахъ мнѣстескихъ и сообщить рѣчи по мѣстамъ тонъ двенадцати. Къ такому изложенію ея Платонъ возбуждаемъ былъ не только философско-поэтическимъ своимъ гениемъ, но, вѣроятно, и духомъ столь свойственнаго ему мимема, чтобы т.-е. примично откликнуться на восторгъ Федра при чтеніи рѣчи Лизіаса.

что Лизіасъ будетъ ниже тебя, хотя-бы и рѣшился, въ сравленіе съ твоею, написать свою новую. Притомъ, одинъ изъ политиковъ, недавно раздраженный рѣчамъ Лизіаса, по этому случаю порицалъ его и, вмѣсто всякой брани, называлъ писакою рѣчей (126): такъ можетъ быть самолюбіе и удержать его отъ сочиненія намъ рѣчи.

Сокр. Смѣшное дѣло, молодой человекъ. Да ты крайне ошибаешься въ своемъ другѣ, если думаешь, что онъ такъ боится шуму. Можетъ быть, ты полагаешь, что и порицавшій его порицалъ по убѣжденію.

Федръ. Казалось такъ, Сократъ. Впрочемъ, ты вѣроятно и самъ знаешь, что люди, въ обществѣ сильные и почетные, стыдятся писать рѣчи и оставлять свои рукописи потомству, боясь, какъ-бы молва въ послѣдующее время не назвала ихъ софистами.

Сокр. Ты забылъ, Федръ, что «Сладкій рукавъ» получилъ свое имя отъ большаго Нильскаго рукава (127); а вмѣстѣ съ

(126) *Писакою речей* — λογογράφος. О значеніи этого слова см. Euthyd. p. 305. с. и примѣч. къ сему мѣсту 89. Здѣсь можно прибавить только то, что значеніе логографовъ, въ отношеніи къ содержанію ихъ рѣчей, надобно принимать въ самомъ обширномъ смыслѣ. Логографы не ограничивались приготовленіемъ рѣчей только для цѣлей юридическихъ, но писали о всемъ и на всякую тему. По-крайней-мѣрѣ Лизіасъ, по свидѣтельству Діонисія Галикарнаскаго (Т. II. p. 82 ed. Sylburg.), приготовлялъ рѣчи всякаго рода, не исключая панегирическихъ, эротическихъ и эпистолярныхъ.

(127) *Сладкій рукавъ получилъ свое имя отъ большаго Нильскаго рукава.* Это мѣсто весьма затрудняло всѣхъ истолкователей Федра. Почемубольшой рукавъ Нила могъ быть названъ рукавомъ сладкимъ? Нѣкоторые филологи, если не для преодоленія, то для избѣжанія затрудненія, вмѣсто γλυκὺς ἄρτων, хотѣли читать γλυκὺτ' ἀνάγχα, и утверждали, что это выраженіе Платонъ заимствовалъ изъ схоли Вакхилида (Athen. II. p. 40 ed. Casaub.). Но подлинность и вѣрность чтенія γλυκὺς ἄρτων не подлежитъ никакому сомнѣнію и подтверждается всѣми списками Федра. Для объясненія этихъ словъ мы слѣдуемъ авторитету Эрмія, который говоритъ, что приведенное выраженіе имѣло силу пословицы и заимствовано отъ одного мѣста на Нилѣ, представлявшаго великія затрудненія плователямъ, такъ-что они называли его иронически ἀγαστὸν δάκρυον, за то чрезвычайно сокращавшаго путь отъ Навкратиса до Мемфиса (v. Maupert. Geograph. Afr. P. I p. 540). Это-то отношеніе близости плаванія къ его трудности и заставило дать рукаву названіе γλυκὺς ἄρτων. Принявъ такое основаніе, мы поймемъ значеніе словъ Сократа. «Ты забылъ, Федръ, говорить онъ, что пословица γλυκὺς ἄρτων выражаетъ совсѣмъ не то, что

тѣмъ забываешь, что самые тщеславные изъ политиковъ особенно любятъ умѣнье писать и оставлять списки. Они-то именно, написавъ какую-нибудь рѣчь, такъ уважають хвалителей, что прежде всего вписываютъ въ нее имена тѣхъ, которые ихъ хвалятъ.

Федръ. Какъ это? Я не понимаю.

Сокр. Ты не понимаешь, что въ началѣ рѣчи, написанной политикомъ, первое мѣсто занимаетъ хвалитель?

Федръ. Какимъ образомъ?

Сокр. Онъ, конечно, говорить: «сенату» либо «народу» либо «тому и другому угодно было» (128). А кто такъ говорить, то есть, государственный докладчикъ (συγγραφεὶς), тотъ, важно и величаво желая выставить собственную особу (129), вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ показывать хвалителямъ свою мудрость и иногда пишетъ очень длинный докладъ (130). Такъ чѣмъ-же

показываютъ ея слова: названіе-то хорошо, да самое дѣло трудно». Политикамъ дѣйствительно нравится писать рѣчи и оставлять ихъ потомству, да они скрываютъ это подъ тѣмъ предлогомъ, что будто-бы боятся прослыть софистами. Отсюда видно, что пословица γλυκὺς ἄκωνъ совершенно спотвѣтствуетъ Русской: «зѣлень виноградъ».

(128) *Онъ, конечно, говоритъ — угодно было, ἔδοξε τοῦ φησι.* Нѣкоторые переводчики Платона энклитическую частицу *τοι* въ этомъ текстѣ отнесли къ глаголу *ἔδοξε*. Посему считаю нужнымъ замѣтить, что ее надобно отослать къ *φησι*. А что она стоитъ не послѣ, а прежде своего глагола, дѣло весьма обыкновенное въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ, къ которому она огносится, есть слово вносное, или вставочное. См. Buttman. in indice ad Menou. h. v. Ast. de Legg. p. 216. Comment. ad. Prot. p. 99. Между прочимъ онъ приводитъ слѣдующее мѣсто (Legg. III. p. 681. E.): *κτισε δὲ Δαρβανίην γαρ τοῦ φησι, ἐκεῖ οὖν Ἄλιος (ρη) κ. τ. λ.* Тому-же правилу слѣдуютъ и другія энклитическія частицы. Напр. Legg. VI p. A. *Ὁ καὶ τοῦτον φῶμεν.* 16. X. p. 899. D. *Ὁ ἀρστε δὴ φῶμεν.* — Непосредственно за этимъ стоящія слова *αὐτὸ τὸ σύγγραμμα*, безъ всякаго сомнѣнія, привнесены чуждою рукою и въ нѣкоторыхъ спискахъ дѣйствительно не встрѣчаются.

(129) *Желая выставить и собственную особу — τὸν αὐτὸν δὲ... ἐγχαίμαζων.* *Τὸν αὐτὸν* отнюдь не должно переводить возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*. Членъ *πρὸς* мѣстоименіемъ дѣлаетъ на немъ сильное удареніе и живо выражаетъ софистическое хвастовство эгоиста. Напр. Theaet. p. 166 A. *Γέλωτα δὴτα τὸν ἐν ἐμὲ τοῖς λόγοις ἀπέδειξε.*

(130) *Очень длинный докладъ — κάλυ μακρὸν σύγγραμμα.* *Σύγγραμμα* здѣсь — то-же, что *ψήφισμα*, т.-е. мнѣніе, или опредѣленіе государственнаго совѣта

нымъ представляется тебѣ его сочиненіе, какъ не написанною рѣчью?

Федръ. Не инымъ чѣмъ.

Сокр. И если рѣчь принята, онъ возвращается съ веселіемъ въ сердцѣ, какъ поэтъ изъ театра; а когда отвергнута, когда искусство писать рѣчи и достоинство писателя ему не даются, онъ печаленъ вмѣстѣ съ друзьями.

Федръ. Конечно.

Сокр. Стало быть явно, что этого занятія не презирають, а удивляются ему.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. И что, еслибы ораторъ или царь былъ столь способенъ, что, облекшись властію Ликурга, Солона либо Дарія, могъ-обезсмертить себя въ обществѣ сочиненіемъ рѣчей: — не почиталъ-ли-бы онъ и самъ себя равнымъ богу еще въ этой жизни, и не то-же-ли-бы заключили о немъ потомки, рассматривая его сочиненія?

Федръ. И очень.

Сокр. Такъ будетъ-ли, думаешь, кто-нибудь изъ подобныхъ людей, сколь-бы ни раздраженъ былъ онъ противъ Лизіаса, порицать его именно за то, что онъ пишетъ?

Федръ. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что, конечно, не будетъ (131); иначе онъ порицалъ-бы, какъ видно, и собственное свое расположеніе.

Сокр. Вѣдь всякому извѣстно, что сочиненіе рѣчей само-то по себѣ не есть что-либо постыдное.

которое *συγγραφὴς*, т.-е. статсъ-секретарь, долженъ былъ докладывать народному собранію и доказывать его пользу и важность. Начальная формула доклада всегда была: *γνώμη βουλῆς*, либо *γνώμη βουλῆς καὶ δήμου*, чтобы т.-е. зная предварительно о согласіи совѣта и народа на предлагаемое мнѣніе, толпа благосклоннѣе выслушала его и единодушно одобрила.

(131) *Что, конечно, не будетъ* — *οὐκ οὖν εἰκός γε*. *Οὐκ οὖν γε* Греки употребляютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сомнѣніе другаго въ-отношеніи къ какому-либо предмету рѣчи отвергають съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Напр. *Cratyl.* p. 408. В. *Οὐκ οὖν ἀμείχανός γ' εἰμι λόγῳ*. *Lachet.* p. 196. А. *Οὐκ οὖν φησὶ γε Νικίας*. 16. p. 192. D. *Οὐκ οὖν δικαίόν γε*.

Федръ. Какъ-же!

Сокр. А вотъ это-то ужъ, конечно, постыдно, когда кто говоритъ и пишетъ не хорошо, но дурно и злонамѣренно.

Федръ. Разумѣется.

Сокр. Какимъ-же образомъ можно писать хорошо и не хорошо? Не нужно-ли намъ, Федръ, рассмотреть въ этомъ отношеніи и Лизіаса, и всякаго, кто когда-нибудь написалъ или напишетъ — политическое-ли то сочиненіе, или частное, измѣреннымъ-ли языкомъ, какъ поэтъ, или неизмѣреннымъ, какъ обыкновенный писатель (132)?

Федръ. Не нужно-ли, спрашиваешь ты? Да для чего-же, правду сказать, и живемъ мы, какъ не для подобныхъ удовольствій? Вѣдь не для тѣхъ-же, конечно, жить намъ, которымъ должна предшествовать скорбь, чтобы ихъ чувствовать, каковы почти всѣ, относящіяся къ тѣлу и справедливо названныя рабскими.

Сокр. При томъ, теперь мы кажется и на досугѣ. Да и кузнички (133), какъ обыкновенно въ жаркое время, посредствомъ своихъ пѣсней разговариваютъ между собою надъ нашими головами и смотрятъ на насъ. Если они увидятъ, что мы, подобно черни, въ полдень молчимъ и, убаюкиваемые ими, отъ умственного бездѣйствія дремлемъ; то по всей справедливости будутъ смѣяться на нашъ счетъ и подумаютъ, что въ ихъ убѣ-

(132) *Какъ обыкновенный писатель* — *ὡς ἰδιώτης*. Разумѣется прозаикъ. Сравни. *Sympos.* p. 118. В. *Plut. Vit.* vol. II p. 135. 10. Edit. Schöf.

(133) *Да и кузнички* — *посредствомъ своихъ пѣсней разговариваютъ между собою*. Сократъ обращаетъ вниманіе Федра на кузничковъ, какъ на возбудителей къ собесѣдованію: потому-что въ древности они служили символами ораторской и поэтической говорливости (*Eustath.* ad *Hiad.* III p. 396). Слѣдовательно Асть напрасно ищетъ здѣсь насмѣшки надъ Федромъ и вообще надъ Аоніянцами, хотя Аристофанъ дѣйствительно сравнивалъ Аоніянъ съ кузничками.

Οἱ μὲν οὖν τέττιγες ἐνα μῆν ἢ δύο
 Ἐπὶ τῶν κραδῶν ἄδουσιν, Ἀθηναῖοι δ' αἰεὶ
 Ἐπὶ τῶν δικῶν ἄδουσιν πάντα τὸν βίον.

жище пришли какіе-то рабы (134), чтобы, какъ овцы въ полдень, заснуть на берегу ручья. Если-же, напротивъ, замѣтять, что мы разговариваемъ и проплыли мимо ихъ, будто мимо Сиренъ (135) не поддавшись очарованію, то охотно заплатятъ намъ тѣмъ, чѣмъ далъ имъ Богъ честь платить человѣку.

Федръ. Какую-же это честь? Кажется, я никогда не слыкивалъ.

Сокр. А вѣдь любителю музъ неприлично не знать этого. Говорятъ, что кузнечики (136) нѣкогда, еще до существованія музъ, были также люди. Когда-же музы родились и начали пѣть, то нѣкоторые изъ тогдашнихъ людей до такой степени были увлечены удовольствіемъ, что, принявшись сами за пѣніе, забыли о пищѣ и питіи и въ самозабвеніи умирали. Отъ этихъ-то людей впослѣдствіи и произошла порода кузнечиковъ. Принявъ отъ музъ такую честь, эта порода не имѣетъ нужды въ пищѣ (137) и поетъ до самой смерти,—не чувствуетъ ни голода, ни жажды, а послѣ смерти доноситъ музамъ, кто между людьми которую изъ нихъ чтить здѣсь на землѣ. Терпсихорѣ кузнечики рекомендуютъ отличныхъ плясуновъ, Эратѣ — людей, дѣлающихъ ей честь эротическими занятіями, вообще всякой — по роду ея достоинства, а старшей Каллиопѣ и слѣдующей за

(134) *Какіе-то рабы.* Платонъ искусно указываетъ на мысль Федра о рабскихъ удовольствіяхъ. Сонъ, безъ сомнѣнія, относится къ удовольствіямъ этого рода.

(135) *Будто мимо Сиренъ.* Много о Сиренахъ, обитавшихъ на трехъ камняхъ Пестскаго залива, чит. Номег. *Odyss.* XII. 39. Sqq. *Virgil. Aen.* V. 864. sq.

(136) *Говорятъ, что кузнечики...* Басня о кузнечикахъ выдумана, конечно, самимъ Платономъ съ тою цѣлію, чтобы мифически объяснить происхожденіе и силу страсти къ наукамъ.

(137) *Не имѣетъ нужды въ пищѣ.* Древніе вѣрили, что кузнечики ничѣмъ не питаются (*Artemidor.* III. 49). Аристотель (*Histor. animal.* IV. t. V. 30) даетъ имъ въ пищу только росу. То-же говоритъ и Анакреонъ (48).

Μαχαρίζομεν σέ τίττωξ
 Ὅτι δεινρότων ἐπ' ἄκρων
 Ὀλίγην δρῶσαν πεπρωκῆς
 Βασίλευς ὅπως αἰδέεις.

нею Ураніи (138) докладываютъ о людяхъ, занимающихся философіею и уважающихъ науки этихъ музъ: потому-что Калліона и Уранія, преимущественно предъ прочими имѣя дѣло съ небомъ и зная божескія и человѣческія рѣчи, издають прекраснѣйшіе звуки. Итакъ въ полдень, по многимъ причинамъ, надобно о чемъ-нибудь говорить, а не спать.

Федръ. Да, надобно.

Сокр. Стало быть, надобно изслѣдовать, что сейчасъ предположено, т. е., какимъ-образомъ можно говорить и писать хорошо, и какимъ нѣтъ.

Федръ. Явно.

Сокр. Ну такъ въ томъ, что должно быть сказано хорошо и изящно, не слѣдуетъ-ли предположить душу говорящаго, знающую истинное въ предметѣ, о которомъ онъ намѣренъ говорить?

Федръ. Объ этомъ-то, любезный Сократъ, я слыхалъ вотъ что: кто желаетъ быть ораторомъ, тому нѣтъ нужды знать дѣйствительно справедливое (139); довольно, если онъ знаетъ, что кажется справедливымъ суду народа. Равнымъ образомъ, для чего ему истинно доброе и прекрасное? Знай онъ, что такимъ кажется. Вѣдь отсюда-то произтекаетъ убѣжденіе, а не изъ истины.

(138) *Старшей Калліонъ и слѣдующей за нею Ураніи.* Калліону, музу гармоніи, Платонъ почитаетъ покровительницею философіи — вѣроятно потому, что философія, какъ говорится въ его Федонѣ, есть *μεῖσις μουσική*. А Уранія, съ своею астрономіею, во времена Платона еще не выступала изъ области философіи. Притомъ отношеніе этихъ двухъ музъ Платонъ могъ видѣть въ Пизагоровой гармоніи небесныхъ тѣлъ, которая, какъ видно, и ему нравилась.

(139) *Нѣтъ нужды знать дѣйствительно справедливое.* Федръ упоминаетъ здѣсь о характерѣ краснорѣчій софистическаго, которое обыкновенно отличалось внѣшнею нарядностію и, не заботясь объ истинѣ, старалось только льстить любимымъ страстямъ слушателей. Истина у всякаго своя, говорили софисты: поэтому, если хочешь нравиться извѣстному человѣку, или обществу, проповѣдуй собственную его истину. Къ сему-то роду ораторовъ относился и Лизіасъ.

Сокр. Мнѣнїй, высказанныхъ мудрецами (140), отвергать конечно не должно, Федръ, но надобно изслѣдовать, нѣтъ-ли въ нихъ чего-нибудь (141). Поэтому и теперь сказанныя слова оставить безъ разсмотрѣнїя негодится.

Федръ. Ты правду говоришь.

Сокр. Изслѣдуемъ-же ихъ такъ.

Федръ. Какъ?

Сокр. Еслибы я убѣждалъ тебя, для отраженїя непрїятелей, прїобрѣсти себѣ коня; а между-тѣмъ оба мы не знали-бы, что такое конь, и я зналъ-бы только, что конемъ Федръ почитаетъ одно изъ кроткихъ животныхъ съ большими ушами.

Федръ. Смѣшно было-бы, Сократъ.

Сокр. Это-то еще нѣтъ. Но еслибы, называя осла конемъ, я не шутя убѣждалъ тебя написать ему похвальное слово и говорить, что это животное всего лучше и дома, и на войнѣ, что на немъ полезно и сражаться, и перевозить вьюки, и удолетворять множеству другихъ нуждъ.

Федръ. Ужъ до крайности было-бы смѣшно.

Сокр. Но не лучше-ли быть смѣшнымъ, чѣмъ ужаснымъ и коварнымъ другомъ?

Федръ. Кажется.

Сокр. Итакъ, если ораторъ, не зная добра и зла, будетъ говорить столь-же несвѣдущему обществу и расточать похвалы — не тѣни осла (142) вмѣсто коня, но злу вмѣсто добра,

(140) *Высказаннымъ мудрецами* — ἡ ἀνθρώπων σοφῶν. Подъ именемъ мудрецовъ Сократъ разумѣетъ здѣсь софистовъ и называетъ ихъ мудрецами пронически. Это видно изъ самаго выраженїя, въ которомъ слово σοφῶν стоитъ безъ члена, слѣдовательно означаетъ насмѣшку, или презрѣнїе. См. примѣч. къ 314. Е. Протагора; и ниже Phaedr. p. 368. с.

(141) *Нѣтъ-ли въ нихъ чего-нибудь* — μή τι κρύβεται, т.-е. не скрывается ли въ нихъ какого-либо основанїя. Нѣкоторые въ этомъ выраженїи вмѣсто κρύβεται, читаютъ κρύβεται; но такое измѣненїе дѣлается безъ нужды; иначе надлежало-бы перевести: точно-ли они говорятъ дѣло, — что противорѣчило-бы слову σοφῶν.

(142) *Не тѣни осла* — μή περί ὄνου σαίης. Слова περί ὄνου σαίης — пословица, означающая разговоръ или заботу о ничтожной вещи. Schol. Aristoph. Vesperit. 191. Zenob. VI, 28. et al.

и если, заботясь о мнѣніи толпы, убѣдить совершить первое вмѣсто послѣдняго; то его ораторство, послѣ такого посѣва, какой, думаешь, пожнетъ плодъ?

Федръ. Конечно, не слишкомъ хорошій.

Сокр. Впрочемъ, любезный, не сильнѣе-ли, чѣмъ слѣдуетъ, порицаемъ мы искусство рѣчей? Можетъ быть, оно скажетъ: что за вздоръ несете вы, чудаки? Вѣдь я никого не заставляю учиться говорить, кто не знаетъ истины; но кто приобрѣлъ ее, тотъ, сколько можетъ быть полезенъ ему мой совѣтъ, беретъ и меня. Главное въ томъ: безъ меня, знающій истину мало успеетъ въ искусствѣ убѣжденія.

Федръ. Что-жъ, развѣ не правду скажетъ оно?

Сокр. Согласенъ, если другія-то встрѣчающіяся съ нимъ рѣчи засвидѣтельствуютъ, что оно есть искусство. Но я какъ-будто слышу, что нѣкоторые изъ нихъ, подходя, свидѣлствуютъ противное, то есть, что оно лжетъ, что оно не искусство, а безъискусственное упражненіе (143). Настоящаго искусства слова, независимо отъ истины, говоритъ Лакоонецъ (144), нѣтъ и никогда не будетъ.

(143) *Оно не искусство, а безъискусственное упражненіе* — οὐκ ἐστὶ τέχνη, ἀλλ' ἀτεχνὸς τρέψις. Это одно изъ тысячи мѣстъ, въ которыхъ Платонъ сильно возражаетъ противъ самостоятельности такъ-называемыхъ формальныхъ наукъ, особенно-же риторики. Вопросъ всегда былъ въ томъ, можетъ-ли риторика постановлять какія-нибудь твердыя правила краснорѣчія, если она не основывается на неизмѣнномъ понятіи обь истинѣ. Платонъ доказывалъ, что всякая внѣшняя форма должна быть выраженіемъ идеи, слѣдовательно на ней и основываться, изъ ней почерпать и правила для своего развитія. Поэтому, гдѣ нѣтъ идеи, гдѣ форма берется отрѣшенно — сама по себѣ, тамъ не искусство, а безъискусственное упражненіе, иногда называемое также ἄλογος τρέψις. См. виже 270. В. Phileb. p. 55. E. Gorg. p. 501. или еще ἐπιτήρησις καὶ τρέψις. Gorg. p. 463. В. Philib. p. 55. E., по выраженію Апулея (destr. Plat. II. p. 16. ed. Elm.) unus, nulla ratione collectus.

(144) *Говоритъ Лакоонецъ.* Приводимое здѣсь положеніе Лаконца, по мнѣнію Гейндорфа, Шлейермахера и Аста, есть вставка, внесенная въ текстъ ἐ παρσιше. Единственное доказательство неподлинности этого мѣста состоитъ въ томъ, что имъ будто-бы прерывается связь между мыслию Сократа и слѣдующими далѣе словами Федра. Я тутъ не вижу никакого нарушенія связи и, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, почитаю введенныя слова весьма уместными, какъ Лакедемонскую пословицу, которая приводится и Плутархомъ (Aporoth).

Федръ. Такія рѣчи намъ нужны, Сократъ; подай ихъ сюда къ допросу, что и какъ онѣ говорятъ.

Сокр. Подойдите-же, благородныя произведенія и докажите отцу прекрасныхъ дѣтей (145) Федру, что если онъ не будетъ достаточно философствовать, то ни о чемъ и ничего не скажетъ удовлетворительнаго. Пусть-ка Федръ отвѣчаетъ.

Федръ. Спрашивайте.

Сокр. Риторикѣ вообще нельзя-ли назвать руководительницею души посредствомъ рѣчей не только въ судахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, но и въ частной жизни, — руководительницею души и въ маломъ и въ великомъ? И правильная ея дѣятельность не гораздо-ли бываетъ почтеннѣе, касаясь предметовъ важныхъ, чѣмъ когда она относится къ маловажнымъ? Какъ ты слышалъ объ этомъ?

Федръ. Со всѣмъ не такъ, клянусь Зевсомъ. По правиламъ искусства всего чаще говорятъ и пишутъ какъ-то для судовъ и народныхъ собраній; а больше я не слыхивалъ.

Сокр. Да неужели ты слышалъ только о словесныхъ искусствахъ Нестора и Одиссея (146), которыя они, отъ нечего дѣ-

нас. 233, 13): μεγαλυνομένου τινός ἐπὶ τῇ ρητορικῇ τέχνῃ ἔπε τις Λαίμων ἀλλὰ νῆ τῷ Σωκρ., τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἤφθαι οὔτε ἔστιν οὔτε μήποτε γένηται.

(145) *Отцу прекрасныхъ дѣтей*, т.-е. ὑψιστῶν ἑρμηνείων, къ которымъ теперь дѣлается обращеніе и которыя своимъ рожденіемъ обязаны Федру, какъ возбуждателю ораторовъ писать и произносить прекрасныя рѣчи (см. выше р. 242).

(146) *О словесныхъ искусствахъ Нестора и Одиссея.* Извѣстно, что въ сонмѣ Омирowychъ героевъ Улиссъ и Несторъ почитались мудрецами, и что, по свидѣтельству Омира, первый отличался особенною пріятностію, а послѣдній особенною силою слова. Современники Сократа, принося дань удивленія краснорѣчію своихъ софистовъ, не замедляли сравнить ихъ съ Троянскими героями, и Горіаса Леонтинскаго называли Несторомъ, а Тразимаха Халкидонскаго и Теодора Византійскаго — Улиссомъ (Schol. p. 318). Поводомъ къ шуткѣ, что Несторъ и Улиссъ подъ стѣнами Трои отъ-нечего дѣлать занимались изложеніемъ теоріи риторикѣ, послужило Сократу преданіе о хитромъ и всезнающемъ Паламидѣ, который, говорятъ, для препровожденія времени изобрѣлъ подъ Троєю игру въ кости. (См. Aristoph. Ran. 1488, Schweighaens ad. Athen. T. I, p. 145). Колкость этой шутки состоитъ въ томъ, что софисты пишутъ свои теоріи отъ-нечего дѣлать и осаждаютъ ими города для денегъ и славы.

дять, писали подъ стѣнами Трои, а о Паламидовыхъ ничего не слышалъ?

Федръ. Даже и о Несторовыхъ-то, клянусь Зевсомъ, не слыжалъ, если подъ Несторомъ ты не разумѣешь какого-нибудь Горгиаса, а подъ Одиссеемъ—какого-нибудь Тразимаха и Θεодора.

Сокр. Можетъ быть; но оставимъ ихъ. Скажи мнѣ, что дѣлають въ судахъ противныя стороны? не спорять-ли одна съ другою? Что мы будемъ отвѣчать?

Федръ. Это самое.

Сокр. О справедливомъ и несправедливомъ?

Федръ. Да.

Сокр. И кто слѣдуетъ искусству, тотъ сдѣлаетъ такъ, что одно и то-же однимъ и тѣмъ-же покажется либо справедливымъ, либо, если захочетъ, несправедливымъ?

Федръ. Почему-же?

Сокр. И въ народныхъ собраніяхъ одно и то-же покажется обществу иногда добрымъ, а иногда противнымъ тому?

Федръ. Конечно.

Сокр. Но не извѣстно-ли намъ, что и Элейскій Паламидъ (147) говоритъ по правиламъ искусства такъ, что его слушателямъ одно и то-же кажется подобнымъ и не подобнымъ, однимъ и многимъ, покоющимся и движущимся?

Федръ. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно преніе есть одно общее искусство, употребляющееся не только въ судахъ и народныхъ собраніяхъ, но какъ видно и во всякихъ бесѣдахъ. Если только оно искусство, то должно быть такимъ, посредствомъ котораго бываетъ въ-состояніи уподобить все возможное всему возможному и выводить на свѣтъ уподобленіе, сокровенно дѣлаемое другимъ.

Федръ. Какъ-же это понимаешь ты?

(147) *Элейскій Паламидъ.* Такъ называетъ Сократъ Зенона Элейскаго, который, для защищенія положеній своей школы, пользовался хитрыми изворотами слова, похожими на игру Паламида (Ратт. р. 128 D).

Сокр. Вотъ я, кажется, предъ лицами изслѣдователей. Гдѣ бываетъ обманъ, въ большемъ или маломъ различіи вещей?

Федръ. Въ маломъ.

Сокр. Но переходя понемногу, ты не столь ощутительно придеши къ противоположному, какъ переходя помногу.

Федръ. Какъ-же?

Сокр. Стало быть, кто хочетъ обмануть другаго, не обманываясь самъ, тотъ долженъ съ точностію распознавать сходство и несходство вещей (148).

Федръ. Это необходимо.

Сокр. Но возможно-ли, не зная истинны каждой вещи, замѣтить малое или великое сходство вещи незнаемой съ другими вещами?

Федръ. Невозможно.

Сокр. Итакъ мнѣнія, несообразныя съ дѣйствительностію, и заблужденія входятъ въ людей очевидно чрезъ какія-нибудь сходства.

Федръ. Такъ и бываетъ.

Сокр. Но можетъ-ли какой-нибудь искусникъ, не познакомившись съ истинною каждой вещи, понемногу, рядомъ подобій, всякой разъ переводить другаго отъ дѣйствительности къ противоположному, или остережеться, чтобы другой не провелъ его самого?

Федръ. Никогда.

Сокр. Слѣдовательно, кто не знаетъ истиннаго искусства рѣчей, другъ мой, тотъ, гоняясь за мнѣніями, будетъ представлять себѣ искусство какое-то смѣшное и повидимому безъискусственное.

Федръ. Должно быть.

(148) Долженъ съ точностію распознавать сходство и несходство вещей. Ходъ Сократовыхъ вопросовъ въ настоящемъ случаѣ направляется къ раскрытію слѣдующей мысли: кто хочетъ ввести въ заблужденіе другаго, тотъ переходитъ отъ истиннаго къ ложному не вдругъ, иначе ложь сдѣлалась-бы слишкомъ замѣтною, а постепенно—чрезъ уподобленіе вещей едва различныхъ, и наконецъ заключаетъ, что вещи, совершенно различныя, подобны, даже тождественны.

Сокр. Теперь, хочешь-ли видѣть, что есть, какъ сказано, искусственнаго и безыскусственнаго въ принесенной тобою рѣчи Лизіаса и въ рѣчахъ, произнесенныхъ нами?

Федръ. Даже всего болѣе: такъ-какъ доселѣ мы говорили какъ-то сухо безъ достаточныхъ примѣровъ.

Сокр. И видно, какой-нибудь счастливый случай расположилъ насъ сказать двѣ рѣчи, чтобы онѣ служили примѣромъ, какъ знатокъ, поддѣлывая въ рѣчахъ истину, можетъ проводить своихъ слушателей. Я-то приписываю ихъ, Федръ, мѣстнымъ богамъ (149); а можетъ быть и поющіе надъ нашими головами пророки музъ вдохнули въ насъ эту честь, потому-что мнѣ вовсе неизвѣстно искусство говорить.

Федръ. Пусть и такъ; только выскажи свою мысль.

Сокр. Прочитай-же мнѣ начало Лизіасовой рѣчи.

Федръ. «О моихъ дѣлахъ ты знаешь и, думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Впрочемъ, смѣю надѣяться, что ты не отвергнешь моей просьбы—именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные раскисаютъ».

Сокр. Постой. Теперь надо сказать, въ чемъ Лизіасъ погрѣшилъ и поступилъ безыскусственно. Не правда-ли?

Федръ. Да.

Сокр. Не ясно-ли для всякаго по-крайней-мѣрѣ то, что въ иномъ здѣсь мы согласны, а объ иномъ готовы спорить?

Федръ. Кажется, я понимаю, что ты говоришь; но выскажи еще яснѣе.

Сокр. Когда кто-нибудь произноситъ слово: желѣзо или серебро, тогда всѣ мы разумѣемъ не одно-ли и то-же?

Федръ. Конечно.

Сокр. А когда — слово: справедливость или добро, тогда не расходятся-ли наши мысли и не разногласимъ-ли мы какъ другъ съ другомъ, такъ и сами съ собою?

(149) Мѣстнымъ богамъ, т.-е. Пану, Аделюю и Нимфамъ. См. р. 232, 238, 263, 279.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Стало бытъ въ иномъ мы сходимся, а въ иномъ нѣтъ.

Федръ. Такъ.

Сокр. Но чѣмъ мы удобнѣе вводимся въ заблужденіе и въ чемъ риторика болѣе сильна?

Федръ. Очевидно въ томъ, въ чемъ можемъ обманываться.

Сокр. Поэтому приступающій къ искусству риторическому долженъ путемъ различить оба вида, взявъ какой-нибудь характеръ — и того изъ нихъ, въ которомъ народъ необходимо обманывается, и того, въ которомъ нѣтъ.

Федръ. Да, Сократъ, тотъ имѣлъ-бы прекрасное понятіе объ обоихъ видахъ, кто взялъ-бы это.

Сокр. Потомъ, обращаясь къ частному дѣлу, не забывать этого, но живо чувствовать, къ которому роду относится содержаніе преднамѣреваемой рѣчи.

Федръ. Какъ-же.

Сокр. Итакъ, что скажешь объ Эросѣ? къ обоюднымъ-ли относится онъ предметамъ, или нѣтъ?

Федръ. Конечно, къ обоюднымъ; иначе позволено-ли-бы было тебѣ говорить то, что ты говорилъ о немъ, то есть, что онъ вреденъ для любящихся, и опять, что онъ—величайшее благо?

Сокр. Превосходно сказано. Скажи-же и то,—самъ-то я, бывъ тогда въ восторгѣ, не совсѣмъ помню — опредѣлилъ-ли я любовь въ началѣ своей рѣчи?

Федръ. Даже, клянусь Зевсомъ, и сказать нельзя, какъ хорошо.

Сокр. То-то! видишь, сколько нимфы Ахелоевы и Панъ Эрміевъ въ составленіи рѣчей искусствѣ Лизіаса Кефалова? Впрочемъ, не ошибаюсь-ли я? Можетъ быть, начиналъ эротическую рѣчь, Лизіасъ заставилъ насъ принимать Эроса за такое существо, какого хотѣлось ему самому, и потомъ уже, сообразно съ этимъ, развивалъ въ ней все дальнѣйшее? Хочешь-ли опять прочитаемъ ея начало?

Федръ. Пожалуй, если угодно; только въ ней не найдешь того, чего ищешь.

Сокр. Однако читай, чтобы слышать самого Лизіаса.

Федръ. «О моихъ дѣлахъ ты знаешь и, думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Впрочемъ, смѣю надѣяться, что ты не отвергнешь моей просьбы—именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные, когда страсть умоляетъ, раскаиваются въ добрыхъ своихъ дѣлахъ».

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ далека кажется Лизіасъ отъ того, чего мы здѣсь ищемъ! Онъ велитъ своей рѣчи плыть не отъ начала, а отъ конца, спиною назадъ, и выходить изъ того, что любовникъ могъ-бы сказать любимцу уже въ заключеніи. Развѣ не правда, Федръ, любезная голова?

Федръ. Такъ и есть, Сократъ: эти слова дѣйствительно болѣе приличны на концѣ.

Сокр. А прочія? не представляются-ли онѣ разбросанными въ рѣчи кое-какъ? Думаешь-ли, что сказанное на второмъ мѣстѣ должно стоять необходимо на второмъ, или тутъ умѣстнѣе что-нибудь другое сказанное? Мнѣ, какъ человѣку ничего не знающему, показалось, что писатель все такое говорилъ самонадѣянно: но ты, конечно, видишь въ рѣчи какую-нибудь необходимую нить, по которой онъ расположилъ все послѣдовательно одно за другимъ?

Федръ. Ты снисходителенъ, если считаешь меня способнымъ разбирать это съ такою точностію.

Сокр. Но то-то и тебѣ, думаю, представляется, что всякая рѣчь, подобно животному, должна являться въ приличномъ тѣлѣ, то есть не должна быть ни безъ головы, ни безъ ногъ, но имѣть средніе и крайніе члены въ правильномъ отношеніи одинъ къ другому и къ цѣлому.

Федръ. Какъ-же иначе?

Сокр. Разсмотри-же рѣчь своего друга, такова она, или

нѣтъ? и найдешь ее нисколько не отличною отъ надписи, сдѣланной, говорятъ, на гробницѣ Фригійскаго Мидаса (150).

Федръ. Что-же это за надпись, и какова она?

Сокр. А вотъ слѣдующая:

Я мѣдная дѣва, покоюсь на тѣлѣ Мидаса,
 Доколѣ и воды текутъ, и деревья зеленѣютъ;
 Я здѣсь безотлучна на мною оплаканномъ гробѣ;
 Прохожия вѣщаю, что тутъ былъ Мидасъ погребенъ.

Ты думаю замѣчаешь, что въ ней всякій стихъ безъ различія можно поставить и враздѣ и послѣ.

Федръ. Ты, Сократъ, насмѣхаешься надъ нашею рѣчью.

Сокр. Такъ оставимъ ее, чтобы не досаждалъ тебѣ, хотя, мнѣ кажется, въ ней много примѣровъ, на которые полезно было-бы смотрѣть, чтобы не слишкомъ рѣшиться подражать имъ,—и перейдемъ къ другимъ рѣчамъ. Въ нихъ, повидимому, есть также нѣчто, достойное вниманія людей, изслѣдывающихъ свойство рѣчи.

Федръ. Что-же именно?

Сокр. То, что онѣ взаимно себѣ противорѣчатъ. Одна убѣждаетъ быть благосклоннымъ какъ-бы къ любящему, а другая какъ-бы къ нелюбящему.

Федръ. И обѣ — очень сильно.

Сокр. Мнѣ казалось, что ты говоришь истину, потому-что говорилъ съ изступленіемъ. Такъ вотъ это-то и было предметомъ моего изслѣдованія. Вѣдь Эроса мы назвали какимъ-то изступленіемъ; не такъ-ли?

Федръ. Да.

(150) *Отъ надписи, сдѣланной на гробницѣ Мидаса.* Эту надпись одни относятъ къ сочиненіямъ Омира (Homeri vit. c. 11 ib. Vesseling. ad Herod. p. 350), другіе, основываясь на свидѣтельствѣ Симонида, приписываютъ ее Клеовулу Линдскому, который писалъ загадки, грифы и инныя сочиненія того-же рода (Diog. Laert. 1, 89). У Діогена Лаерція она излагается полнѣе. Послѣ стиха: «Доколѣ и воды текутъ», и проч. слѣдуетъ:

Ἡλέος τ' ἀνίων λάμπη λαμπὰ τε σελήνη
 Καὶ ποταμοὶ γὰ ρέουσιν, ἀνακλιῆ δὲ θάλασσα.

Сокр. Но изступленіе бываетъ двухъ родовъ: одно, происходящее отъ человѣческихъ болѣзней, а другое—отъ божественнаго измѣненія обыкновеннаго состоянія.

Федръ. Конечно, такъ.

Сокр. Изступленіе божественное—даръ четырехъ боговъ, раздѣлили мы на четыре вида: на пророческое, внушаемое Аполлономъ; усовершенительное, производимое Діонисомъ; поэтическое, происходящее отъ музъ, и четвертое эротическое, посылаемое Афродитой и Эросомъ. Последнее назвали мы превосходнѣйшимъ и, не зная какъ изобразить его, а между-тѣмъ касаясь какой-то истины, или увлекаясь чѣмъ другимъ, измыслили не совсѣмъ невѣроятную рѣчь—многоческій гимнъ, и въ немъ, Федръ, скромно и благопристойно прославили моего и твоего властелина, Эроса, покровителя прекрасныхъ дѣтей.

Федръ. И мнѣ очень пріятно было слушать это.

Сокр. Изъ этого-то мы должны понять, какимъ-образомъ рѣчь отъ порицанія можетъ перейти къ похвалѣ.

Федръ. Что хочешь ты сказать?

Сокр. То, что хотя инос говорено было повидимому только для шутки, однакожь, кто постигаетъ искусствомъ силу тѣхъ двухъ случайно высказанныхъ родовъ (151), тотъ не будетъ неблагодаренъ.

Федръ. Которыхъ именно?

Сокр. Смотри на одну идею, онъ постарается подвести подъ нее разсѣянное, чтобы, опредѣляя каждый предметъ, выяснить, чему хотѣлъ онъ учить, подобно тому, какъ теперь объ Эросѣ—хорошо-ли худо-ли разсуждалось, по-крайней-мѣрѣ опредѣлено, что такое онъ. Эта-то ясная и сама съ собою согласная задача должна быть раскрываема въ рѣчи.

Федръ. Но что называешь ты, Сократъ, другимъ родомъ?

(151) *Двухъ случайно высказанныхъ родовъ.* Здѣсь очевидно говорится о двухъ методахъ познанія: синтетической и аналитической. Первую Греки называли *ἑσθητικὴν*, или *μῆθον συνθετικὴν*, а вторую—*μῆθον διακριτικὴν*. Agist. Top. 1711, 2.

Сокр. Другой, на-оборотъ, состоитъ въ уменьѣ дѣлать предметъ на виды — и дѣлать, какъ водится, почленно, такъ чтобы, подобно плохому повару, не раздробить ни одной части (152). Напримѣръ, въ тѣхъ двухъ рѣчахъ безуміе принято за одинъ общій видъ: и какъ изъ одного тѣла вырастаютъ два соименные члена, называемые лѣвымъ и правымъ; такъ и изъ тѣхъ двухъ рѣчей, принявшихъ безуміе за одинъ врожденный намъ видъ, первая, разрѣшая лѣвую его часть, до толѣ не остановилась въ дѣленіи, пока не нашла въ ней такъ-называемой лѣвой любви и понадлежащему не побранила ея, а вторая, направляя насъ къ правой сторонѣ изступленія, открыла хотя соименную той, однакожъ божественную любовь и, выставляя ее на свѣтъ, восхвалила, какъ причину величайшихъ благъ.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Эти-то дѣленія и соединенія, Федръ, я и самъ люблю, чтобы умѣть говорить и мыслить; и если кого-нибудь почитаю способнымъ всматриваться въ одно и многое по природѣ (153), то гоняюсь за нимъ по слѣдамъ, какъ за богомъ (154). Такихъ людей я доселѣ называю діалектиками, — справедливо или нѣтъ, Богъ знаетъ. Но какъ назвать тѣхъ, которые учатся у тебя и Лизіаса? Не это-ли искусство рѣчей, съ помощію котораго Тра-

(152) Чтобы не раздробить ни одной части. Подобное выраженіе см. Менон. 77, А. Дѣлать не раздробляя, значитъ разрѣшать предметъ, слѣдуя естественному соединенію частей его. Ное non est dividere, sed frangere, говорить Цицеронъ (de Fin. 11. 9). То-же читаемъ и у Сенеки (Epist. 89, 2): Faciam ergo, quod exigis, et philosophiam in partes, non in frusta dividam; dividuam illam, non concidi utile est.

(153) *Всматриваться въ одно и многое, по природѣ* — εἰς ἓν καὶ πολλὰ βρᾶν. Эти слова Платонъ понимаетъ не просто какъ логическое правило дѣленія и соединенія понятій, но какъ діалектическую методу изслѣдованія самыхъ вещей. Всякая вещь, по своей природѣ, есть одно и многое: одно въ ней — идея, обнаруживающаяся единствомъ внѣшней формы; многое — части ея, которыя, бывъ взяты сами по себѣ, опять суть идеи и слѣдовательно опять содержать въ себѣ многое. Parmenid. p. 157, 158.

(154) *Гоняюсь за нимъ по слѣдамъ, какъ за богомъ* — κατόπισθε μετ' ἑυχον ἕρετ' ἕσσο: походить на полустипіе Омировыхъ гексаметровъ. Odys. 8, 193 VII, 38.

зимахъ и прочіе не только сами сдѣлались мудрыми въ словѣ, но надѣлили мудростію и другихъ, желающихъ приносить имъ дары, какъ царямъ (155).

Федръ. Они, конечно, люди царственные; однакожь того-то не знаютъ, о чемъ ты спрашиваешь. Назвавъ этотъ родъ діалектикою, ты, кажется, справедливо назвалъ его: но родъ риторики повидному еще ускользаетъ отъ насъ.

Сокр. Что ты говоришь? То должно быть нѣчто прекрасное (156), что пропущено діалектикою, а между-тѣмъ подчиняется искусству. Этимъ отнюдь не надобно пренебрегать ни мнѣ ни тебѣ. Скажемъ-же, что именно остается еще въ области риторики.

Федръ. Весьма многое, Сократъ, — все, что пишется въ свиткахъ объ искусствѣ рѣчей.

Сокр. Хорошо, что напомнилъ. Въ началѣ рѣчи, я думаю, надобно излагать приступъ. Не правда-ли, что это ты называешь торжествомъ искусства?

Федръ. Да.

Сокр. Во-вторыхъ, какое-нибудь повѣствованіе и свидѣтельство на него, въ-третьихъ — доказательства, въ-четвертыхъ подобія; а великій Византійскій Дедалъ рѣчей (157),

(155) *Приноситъ имъ дары, какъ царямъ.* Софисты, жадные къ деньгамъ и высоко цѣнившіе свои уроки, сравниваются съ Персидскими царями, которымъ и частные люди, и цѣлыя провинціи должны были представлять необычайные дары. Alcib. 1, p. 123. Wesselint ad Diodor. T. 1, p. 62. Поэтому еще Гезіодъ называлъ ихъ: βασιλῆς δωροφάγοι. Opp. et Dd. 1, 38, 262. Ὁ βασιλικὸς φόροςъ относится и къ Лакедемонянамъ, которымъ платили огромныя суммы; слѣд. писатель могъ имѣть въ виду и царей Лакедемонскихъ.

(156) *То должно быть нѣчто прекрасное:* рѣчь ироническая; прямой смыслъ ея состоитъ въ томъ, что все дѣльное въ риторикѣ относится къ области діалектики, безъ которой риторика есть пустая и произвольная тоника ἀλοῦς τρέψῃ καὶ ἐμπειρία. См. выше p. 260 E.

(157) *Византійскій Дедалъ рѣчей*, т.-е. Θεόδωρ Византійскій, риторъ и софистъ, въ свое время отличившійся искусственными, тонкими и сухими дѣленіями понятій. Arist. Rhet. 111, 13. Cicer. Ovat. 12. Haec tractasse Trasiachum Chalcedonium primum et leontinum ferunt Gorgiam, Theodorum inde Byzantium multosque alios, quos λογοδαίδαλους appellati in Phaedro Socrates quorum satis arguta multa, sed ut modo primumque nascentia minuta et versico-

помнится, говорить еще объ убъжденіи и надубъжденіи (158).

Федръ. Ты разумѣешь добряка Феодора?

Сокр. Почему не такъ? Надобно даже излагать обличеніе и надобличеніе—какъ въ обвиненіи, такъ и въ защищеніи. Не вывели-ли еще на сцену прекраснаго Эвеноса Паросскаго, который первый изобрѣлъ подпоказаніе и косвенные похвалы, а косвенныя порицанія, для облегченія памяти, говорятъ, заключалъ въ стихахъ. Такой мудрецъ! Оставить-ли въ покоѣ Тизіаса (159) и Горгіаса, которые открыли, что правдоподобное надобно предпочитать истинному, которые силою слова могутъ маловажное представлять, какъ великое, а великое, какъ маловажное, которые о новомъ умѣютъ говорить, какъ о древнемъ, а о древнемъ, какъ о новомъ, которые нашли способъ разсуждать о всемъ и коротко и до безконечности продолжительно? Когда я разсказалъ объ этомъ Продику (160), — то онъ засиѣлся и началъ доказывать, что ему одному принадлежитъ честь открытія, каковы должны быть рѣчи сообразно съ искусствомъ, а именно—онѣ должны быть ни длинны, ни коротки, а умѣренны.

logum similia quaedam nimiumque depicta. Изъ этихъ словъ Цицерона видно, что Логодедами назывались бездарные труженики, неутомимо старавшіеся наряжать свои рѣчи всѣми мелочными затѣями, какія могла придумать тогдашняя формальная теорія словесности. См. Lamb. ad Horat. T. 1, p. 15 sq.

(158) *Объ убъжденіи и надубъжденіи*—πίστως καὶ ἐπίπιστως. Какое значеніе у Феодора имѣли эти слова, опредѣлить трудно. Не обращая вниманія на взаимное ихъ различіе, можно понимать ихъ вообще, какъ формы убъжденія. Къ столь-же выразительной терминологіи надобно отнести слѣдующее дагѣ ἐποδῆσας. Но въ словахъ παράπαινος и παράφθορος — хитромъ изобрѣтеніи Эвеноса Паросскаго, есть нѣсколько смысла. Ими означаетъ похвала во внѣшней формѣ порицанія и порицаніе во внѣшней формѣ похвалы.

(159) *Тизіаса.* О немъ см. Cicero. Brut. 12, 16. de Orat. 1. 20, 21, 111, 21. et al. Кораксъ и Тизіасъ почитались древнѣйшими излагателями теорій краснорѣчія; за ними слѣдовалъ Горгіасъ Леонтинскій.

(160) *Когда я разсказалъ объ этомъ Продикѣ.* Сократъ былъ коротко знакомъ съ Продикомъ. См. Menon, p. 96. D. Protag. p. 341. A. Charm. p. 168. D. Gorgyl. p. 384, B. Сообразная надменность и самоувѣренность этого софиста (см. прим. 126 къ Протаг.), легко понять, что Сократъ говоритъ о немъ иронически.

Федръ. Какой ты мудрецъ, Прodikъ!

Сокр. Не сказать-ли и объ Иппиасѣ? Впрочемъ, этотъ Элейскій пришлецъ, помнится, одного мнѣнія съ Прodikомъ.

Федръ. Вѣроятно.

Сокр. А какъ назовемъ опять музыку рѣчей Полоса (161), напримѣръ, его сугубословіе, мыслесловіе, образословіе и всѣ эти имена, которыя подарилъ ему Ликимній въ пользу благорѣчія?

Федръ. Но у Протогора, Сократъ, развѣ не то-же почти?

Сокр. У него, сынъ мой, какое-то праворѣчіе (162) и много другихъ прекрасныхъ вещей. Искусствомъ-же рѣчей, жалобно воющихъ и увлекающихъ къ старости и бѣдности, мнѣ

(161) *Музыку речей Полоса.* Гейндорфъ догадывается, что τὰ μουσικὰ λόγων было заглавіе написанной Полосомъ книги. Но вѣроятнѣе почитать это выраженіемъ насмѣшки надъ варварскою и безмысленною терминологіею Полоса: διπλασιολογία, γυμνολογία, εἰκονολογία, или какъ у прочихъ Логодедаловъ: ἐπιπλάτωσις, ἐπιπλάττωρος ὑποβλάτωσις, παρπλαττωσις, κεραιφύστος и проч. Принаюсъ, что, переводя эти слова на Русскій языкъ, я не менѣе умышленно, какъ и по необходимости долженъ былъ составить, для созвучія имъ столь-же странныя термины. Этому требовало намѣреніе Сократа — показать всю нелѣпость и мелочность софистической мудрости въ дѣлѣ краснорѣчія, которое такъ каррикатурно называетъ онъ благорѣчіемъ ἐυβλεπία. Кому угодно знать, въ чемъ состояла Полосова διπλασιολογία, тотъ увидить это изъ слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ самимъ Полосомъ въ Платоновомъ Горгіасѣ (р. 448 с.): «люди избрѣли много искусствъ изъ опытовъ опытно; потому-что опытность дѣйствуетъ по искусству — κατὰ τέχνην, а неопытность по случаю, κατὰ τύχην, и какъ то, такъ и другое перенимается иными, у иныхъ, иначе, отличными у отличныхъ». Такая гармоническая мудрость заимствована Полосомъ у Ликимнія, который былъ его учителемъ. Различіе между наукою учителя и ученика состояло кажется въ томъ, что первый предметомъ своей заботливости имѣлъ κάλλος τῶν ὁνομάτων (Arist. Rhet. 111, 7), а послѣдній — μουσικὰν τῶν λόγων.

(162) *Какое-то праворѣчіе* — ὀρθόπειά γέ τις. Подъ этимъ словомъ надобно разумѣть рѣчь, выражаемую именами въ собственномъ ихъ значеніи — χυρισολογίαν. Эрміасъ говорить: διὰ γὰρ τῶν χυρισῶν ὀνομάτων μετῆρξτο ὁ Πρωτάγορας τὸν λόγον, καὶ οὐδὲν παραβολῶν καὶ ἐπιπέτων (Wossii de arte grammat. 1, 7). Но по свидѣтельству Аристотеля (Rhet. III, 5, de Sophist. elench. p. 574 ed Buhl), Протагорово ὀρθόπεια состояло въ изъясненіи грамматическихъ формъ и въ опредѣленіи правильнаго произношенія словъ. Впрочемъ, ὀρθόπειαν не должно смѣшивать съ τήν, что разумѣется подъ заглавіемъ ὀρθότης ὀνομάτων. См. Сметл. р. 391, с.

кажется, особенно торжествуетъ сила оратора Халкидонскаго (164). Этотъ мужъ весьма способенъ вдругъ воспламенить гнѣвъ, а разгнѣванныхъ снова укротить — будто чарами; онъ очень силенъ, говорить, какимъ-бы-то ни было образомъ возбудить ненависть и избавить отъ ненависти. Что-же касается до окончанія рѣчи, то оно, по общему мнѣнію всѣхъ, должно состоять изъ обзорѣнія сказанныхъ истинъ, что одни называютъ возвращеніемъ (ἐπίστροφον), а другіе — другими именами.

Федръ. Но согласенъ-ли ты, что въ концѣ рѣчи надобно припоминать слушателямъ все сказанное?

Сокр. Согласенъ и на это, и на прочее, что говорится въ искусствѣ о рѣчахъ.

Федръ. Прочее-то маловажно и не стоитъ словъ.

Сокр. Такъ маловажное-то оставимъ, а рассмотримъ при полномъ свѣтѣ то, какую силу и когда обнаруживаетъ это искусство?

Федръ. Очень великую, Сократъ, по-крайней-мѣрѣ въ народныхъ собраніяхъ.

Сокр. Да, обнаруживаетъ; однакожь, почтеннѣйшій, посмотри и ты, — эта тианъ не покажется-ли тебѣ и столь-же дивною, какъ мнѣ?

Федръ. Только показывай.

Сокр. Отвѣчай-ка мнѣ. Еслибы кто-нибудь пришелъ къ твоему другу Эриксимаху, или къ его отцу Акумену и сказалъ: я умѣю сообщать тѣлу нѣчто такое, что, если захочу, оно согрѣется, либо прохладится, также, когда вздумаю, его будетъ рвать или слабить, — много и другаго тому подобнаго. Зная-же это, я объявляю себя врачомъ и вызываюсь сдѣлать такимъ-же другаго, кому преподамъ свое знаніе. Что, по твоему мнѣнію, отвѣчали-бы ему слушатели?

(163) *Сила оратора Халкидонскаго.* = Говорится о Тразимахѣ Халкидонскомъ, который много разсуждалъ о возбужденіи страстей. Написанныя съ этою цѣлію книги его извѣстны были подъ заглавіемъ *Арист. Rhet. III, 1, 20. Hermias p. 192.* Упомянувъ о немъ, Платонъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ выражается поэтически, чтобы подстроиться подъ тонъ его элегій.

Федръ. Что больше, какъ не спросили-бы, знаетъ-ли онъ сверхъ-того, въ комъ, когда и въ какой степени надобно производить каждое изъ этихъ явленій?

Сокр. А еслибы онъ сказалъ, что совсѣмъ нѣтъ; но кто научится у меня этому, тотъ самъ въ-состояніи дѣлать то, о чемъ спрашиваешь?

Федръ. Въ такомъ случаѣ, думаю, сочли-бы его человѣкомъ сумасшедшимъ (164), который, вычитавъ нѣчто изъ книгъ, или случайно обратившись съ лекарствами, а искусства вовсе не зная, думаетъ, что онъ уже сдѣлался врачомъ.

Сокр. И опять еслибы кто, пришедши къ Софоклу и Еврипиду, сказалъ, что онъ о маловажномъ предметѣ умѣетъ разсказывать очень длинно, а о важномъ — очень коротко, или, что онъ можетъ, по произволу, дѣлать свой разсказъ то жалобнымъ, то вдругъ страшнымъ и грознымъ, либо инымъ тому подобнымъ, и вообразилъ-бы, будто, уча этому другаго, онъ учитъ писать трагедіи?

Федръ. Мнѣ кажется, Сократъ, что и они тоже засмѣялись-бы, когда-бы кто почиталъ трагедію чѣмъ-то другимъ, а не взаимно-гармоническимъ соединеніемъ частей въ цѣломъ.

Сокр. Впрочемъ, побранили-бы его, думаю, не грубо, подобно тому, какъ музыкантъ, встрѣтившись съ человѣкомъ, который почитаетъ себя знатокомъ музыки, потому-что случайно научился подымать и опускать струну, не сказалъ-бы грубо: ты-де съ ума сошелъ, бѣднякъ, — но съ свойственною музыканту мягкостію: почтеннѣйшій! кто хочетъ быть знакомъ съ гармоніею, тому, конечно, необходимо знать и это; однако человѣку съ твоею способностію ничто еще не мѣшаетъ вовсе не понимать гармоніи. Вѣдь ты имѣешь познанія нужныя предъ гармоніею, и не самую гармонію.

Федръ. Весьма справедливо.

(164) *Человѣкомъ сумасшедшимъ* — *μαίνετα ἄνθρωπος*. О значеніи слова *ἄνθρωπος*, когда оно безъ члена, см. 34 примѣч. къ Протаг. и 139 къ Федру.

Сокр. Стало быть, тоже сказалъ-бы своему трагику и Софоклѣ: ты знаешь нѣчто предшествующее трагедіи, а не трагическое, — и Акумень: ты знаешь нѣчто предшествующее врачебному искусству, а не врачевность.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но что, по нашему мнѣнію, сказалъ-бы медуустый Адрасть (165), или хотя-бы Периклѣ, услышавъ объ этихъ прекрасныхъ затѣяхъ искусства, объ этихъ краткословіяхъ, образословіяхъ и о проч., что было разсматриваемо нами и что, какъ мы говорили, надобно изслѣдовать въ полномъ свѣтѣ? Стали-ли-бы онѣ по глупости обнаруживать свою досаду, подобно мнѣ и тебѣ, какими-нибудь невѣжливыми выраженіями противъ людей, пишущихъ и преподающихъ это подъ именемъ риторики, — или, будучи мудрѣе насъ, дали-бы намъ слѣдующій урокъ: Федръ и Сократъ! вы должны не сердиться, а извинять, когда иные, не умѣя разговаривать, не могутъ опредѣлить, что такое риторика, и отъ того, владѣя познаніями, необходимыми предъ искусствомъ, обыкновенно видятъ въ нихъ самую риторику. Тому-же учать они и другихъ и думаютъ, что у нихъ учатся дѣйствительно риторикѣ. А говорить о каждомъ предметѣ убѣдительно и составлять одно цѣлое, — это бездѣлица, это ихъ ученики въ своихъ рѣчахъ должны дѣлать сами собою.

(165) *Медуустый Адрасть.* Прилагательнымъ «медуустый» Платонъ намѣкаетъ на стихъ Тиртея (Тгагт. III. в. 8.): οὐδ' εἰ—γλυκῶσα δ' Ἀδρήστου μελιχόγηρον ἔχον. Адрасть Аргивянинъ, лице изъ героическихъ временъ Греціи, приходилъ къ Тезею и съ удивительнымъ краснорѣчіемъ умолялъ его подать себѣ помощь (Isocg. Panath. p. 529 Paus. 1 p. 37). Асть и Штальбомъ позагаютъ, что подъ именемъ Адраста Платонъ разумѣлъ котораго-нибудь лучшаго изъ позднѣйшихъ ораторовъ, и говорятъ, что онъ указываетъ именно на Антифона Рамнузійскаго, какъ вреде именами Нестора, Одиссея и Паламиды называлъ современныхъ себѣ софистовъ. Антифонъ дѣйствительно былъ весьма пріятный ораторъ; такъ-что, уважая въ немъ μέλιτος γλυκίονα ἀοιδόν, Греки придавали ему имя Нестора (v. Ruhnck dissert. de Antiph. orat. Att. T. VII. p. 810 ed. Reisk). Притомъ обвиненный въ измѣнѣ, Антифонъ, точно какъ нѣкогда Адрасть къ Тезею, прибѣгалъ къ Аѳинянамъ съ прошеніемъ, и столь краснорѣчиво защищалъ свою невинность, что, по свидѣтельству Фукидда (VIII, 68), всѣмъ превзошелъ въ этомъ отношеніи.

Федръ. Конечно, Сократъ, таково вѣроятно искусство, которое эти люди пишутъ и преподають подъ именемъ риторики; ты, мнѣ кажется, говоришь правду: но какъ и откуда взять искусство объ истинно риторическомъ и убѣдительномъ?

Сокр. Совершенство на поприщѣ краснорѣчія, вѣроятно, а можетъ быть и необходимо, приобрѣтается, Федръ, какъ и все прочее. Если отъ природы дано тебѣ быть ораторомъ, то ты будешь ораторомъ достойнымъ похвалы, соединивъ въ себѣ знаніе съ упражненіемъ; а не имѣя того либо другаго, въ томъ самомъ отношеніи останешься несовершеннымъ. Искусство здѣсь — какую-бы силу ни обнаруживало, идетъ очевидно не тѣмъ путемъ, которымъ идутъ Тизіасъ и Тразимахъ.

Федръ. А которымъ?

Сокр. Мнѣ кажется, почтеннѣйшій, что въ риторикѣ посправедливости совершеннѣе всѣхъ Периклъ.

Федръ. Почему такъ?

Сокр. Во всѣхъ великихъ искусствахъ требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ (166). Откуда-то непонятнымъ образомъ происходитъ та высота мыслей и та дѣйственность слова (167), которыми, кромѣ естественныхъ способно-

(166) *Требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ.* Сократъ доселѣ направлялъ разговоръ къ тому, чтобы въ риторикѣ отличать форму отъ содержанія и доказать, что первая безъ послѣдняго не составляетъ искусство, и что слѣдовательно всѣ чисто-формальныя теоріи упомянутыхъ софистовъ сами по себѣ ничего не значать. Послѣ сего естественно родился вопросъ: что еще требуется въ помощь къ этимъ теоріямъ, чтобы рѣчь оратора могла убѣждать?—Требуется содержаніе; надобно форму одушевить мыслію, нужно мертвую теорію ратора оживить глубокомысліемъ и созерцательностію философа. Это-то глубокомысліе и созерцательность, примѣняясь къ образу мыслей и выраженію необразованнаго народа о философіи, Сократъ называетъ пустословіемъ и верхоглядствомъ о природѣ, и свое положеніе объясняетъ примѣромъ Перикла.

(167) *Та высота мыслей, та дѣйственность слова.*—Высота мыслей τὸ ψφλόσμονъ есть свойство ума входить въ предметъ глубоко, разсматривать его природу; дѣйственность слова — τὸ τελεσιουργόνъ — есть дѣйствіе убѣждать не искусственными оборотами а софизмами, и самымъ существомъ предмета. Такой умъ древніе приписывали Периклу. Cicer. Orat. 4. Quum alia praeclara quaedam et magnifica didicisset, obeam rem et foecundum fuisse quarumque, quibus orationis modis quaeque animarum partes pellerentur.

стей, обладалъ Периклъ. Привязавшись къ Анаксагору,—человѣку тѣхъ самыхъ качествъ, привыкши къ верхоглядству, обращаясь къ природѣ разума и неразумія (168), о чемъ Анаксагоръ говорилъ много, Периклъ извлекалъ изъ этого все полезное для искусства рѣчей.

Федръ. Какъ ты понимаешь это?

Сокр. Способъ искусства риторическаго, вѣроятно, тотъ-же, какой и врачевнаго.

Федръ. А какой именно?

Сокр. Въ обоихъ искусствахъ надобно разсматривать природу: въ одномъ — тѣла, въ другомъ—души, какъ-скоро рѣшаешься не навыкомъ только и опытомъ, а искусствомъ доставить: тѣлу, посредствомъ врачевства и пищи,—здоровье и крѣпость, душѣ, посредствомъ бесѣдъ и правильныхъ наставлений — убѣдительность и, какую хочешь, добродѣтель.

Федръ. Ужъ вѣроятно такъ, Сократъ.

Сокр. Но думаешь-ли, что можно, какъ слѣдуетъ, знать природу души, не зная природы всего!

Федръ. Если вѣрить Иппократу изъ касты Асклепиадовъ, то безъ этой методы нельзя знать и тѣла.

Сокр. Иппократъ говорить очень хорошо, другъ мой; однако кто изслѣдываетъ, тому надобно еще спросить разумъ, согласенъ-ли онъ.

Федръ. Полагаю.

Сокр. Смотри-же, что говорятъ о природѣ Иппократъ (169)

(168) *Обращался къ природѣ разума и неразумія.* Извѣстно, что Анаксагоръ первый началъ учить о верховномъ умѣ, какъ о существѣ, отдѣльномъ отъ матеріальной природы, слѣдовательно долженъ былъ опредѣлять источники разума и неразумія.

(169) *Смотри-же, что говоритъ о природѣ Иппократъ.* Мысли Иппократа изложены Галеномъ такъ (р. 16. 26): «Предполагая въ этой книгѣ опредѣлить природу нашего тѣла, Иппократъ, для опредѣленія ея, пользовался слѣдующею методою. Сперва онъ изслѣдовалъ, простое-ли нѣчто она, или многовидное; потомъ напедши, что многовидное, разсматривалъ въ ней сущность началъ простыхъ, какова она, т.-е. способна-ли страдать отъ чего или дѣйствовать. Такой-же методъ слѣдовалъ и Платонъ, когда разсматривалъ природу»

и истинный разумъ. Не такъ-ли должно разлагать мыслию всякую природу, въ которой хотимъ быть искусны сами и сдѣлать знатоками другихъ, что сперва разсматривать, простая-ли она, или многообразная; потомъ, если простая, наблюдать ея силу, то-есть, какая природа и на что способна дѣйствовать, либо, какая и отъ чего можетъ приходить въ страдательное состояніе; — а если многообразная, исчислять ея образы и что тамъ было дѣлано съ однимъ, то здѣсь дѣлать съ каждымъ, то есть, смотрѣть, какая дѣятельность и какое страда ніе свойственны каждому изъ нихъ?

Федръ. Должно быть, Сократъ.

Сокр. Безъ этого, метода была-бы подобна ходьбѣ слѣпца; а того, кто руководствуется искусствомъ, нельзя уподобить ни слѣпому, ни глухому. Напротивъ ясно, что кто учитъ другаго писать рѣчи сообразно съ искусствомъ, тотъ тщательно раскрываетъ сущность той природы, о которой надобно будетъ говорить; а это-то и есть душа.

Федръ. Что-же иное?

Сокр. Итакъ къ этому клонится вся его забота: ей-то стараются онъ внушить убѣжденіе. Не такъ-ли?

Федръ. Да.

Сокр. Стало быть явно, что и Тразимахъ, и всякій другой, преподающій риторическое искусство не шутя, во-первыхъ, со всею точностію опишетъ и покажетъ душу, одно-ли она, равное самому себѣ по природѣ.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Во-вторыхъ, разсмотритъ, на что ей свойственно дѣйствовать, или отъ чего принимать дѣйствія.

Федръ. Что-же иное?

Сокр. Въ-третьихъ, поставивъ въ порядокъ роды рѣчей и души, и свойства ихъ, различитъ причины и будетъ привораживать одно къ другому, научаясь, какая душа, отъ какихъ рѣ-

души.» Очевидно, что здѣсь указывается на тѣ-же два вида методы, о которыхъ говорено было выше р. 265. д.

чей и по какой причинѣ необходимо либо убѣждается, либо не убѣждается.

Федръ. Это, повидимому, было-бы прекрасно.

Сокр. По-крайней-мѣрѣ, другъ мой, кто станеть доказывать и говорить иначе, тотъ не напишетъ и не скажетъ ничего, удовлетворяющаго искусству, о чемъ-бы ни говорилъ онъ. Что-же касается до тѣхъ, которыхъ ты слышалъ и которые нынѣ пишутъ искусства рѣчей, то они хитрецы; только скрываются, а душу знаютъ превосходно. Посему доколѣ не выскажутъ и не напишутъ этого способа, не будемъ вѣрить, будто они пишутъ сообразно съ искусствомъ.

Федръ. Какого способа?

Сокр. Самыми словами не выразить это скоро; а какъ надобно писать, чтобы удовлетворить искусству, по-возможности скажу.

Федръ. Конечно, скажи.

Сокр. Такъ-какъ сила рѣчи есть владѣтельница души, то желающій быть ораторомъ необходимо долженъ знать, изъ сколькихъ видовъ состоятъ душа. Положимъ, ихъ столько, или столько, и они таковы, или таковы: тогда и рѣчи должны быть такія или другія. Различивъ-же это, ты опять найдешь столько или столько видовъ въ рѣчахъ, и свойства каждаго; ты узнаешь, что такіе-то люди, такими-то рѣчами, по такой-то причинѣ должны убѣждаться въ томъ-то, а другіе, потому-то, не убѣждаться. Размысливъ объ этомъ достаточно, надобно еще смотрѣть и быстро слѣдовать вниманіемъ за ходомъ дѣлъ въ жизни практической; иначе не будешь знать ничего, кромѣ наставленій, слышанныхъ нѣкогда отъ учителя. А когда ты въ состояніи дать себѣ отчетъ, кто и чѣмъ убѣждается, и при будущихъ встрѣчахъ можешь сознательно сказать: вотъ теперь на самомъ дѣлѣ—тотъ человѣкъ и та природа, къ которой, какъ мнѣ говорили, надобно прилагать такія-то рѣчи, такимъ-то образомъ, для убѣжденія въ томъ-то,—когда все это ты уже помнишь, да сверхъ-того берешь еще въ расчетъ время поговорить

и удержаться, также наблюдаешь благоприличіе или неблагоприличіе краткословія, сожалительности, пылкости и всѣхъ выученныхъ тобою видовъ рѣчи, тогда твое искусство будетъ отдѣлано прекрасно и въ совершенствѣ, — но только тогда, а не прежде. Напротивъ, кто, говоря, уча или сочиняя, упускаетъ изъ виду показанныя правила, а между-тѣмъ утверждаетъ, что держится искусства, тому продолжаютъ не вѣрять. Такъ что-же, Федръ и Сократъ, скажетъ можетъ быть этотъ писатель, — такъ-ли, по вашему мнѣнію, или какъ иначе надобно оцѣнивать принятое искусство рѣчей?

Федръ. Иначе конечно нельзя, Сократъ; однакожь дѣло-то, мнѣ кажется, не малое.

Сокр. Твоя правда. Потому-то всѣ рѣчи надобно поворачивать такъ-и-сякъ и смотрѣть, не откроется-ли путикъ искусству болѣе легкаго и короткаго, чтобы, когда есть небольшой и удобный, не предпринимать понапрасну длиннаго и труднаго. Впрочемъ, если, слушая Лизіаса, или кого другаго, ты узнаешь иной способъ, то припомни его и постарайся сообщить мнѣ.

Федръ. Можно-бы, конечно, для опыта, но теперь какъ-то не въ-состояніи.

Сокр. Такъ хочешь-ли, я скажу тебѣ, что слышалъ объ этомъ отъ другихъ?

Федръ. Почему не хотѣть?

Сокр. Вѣдь говорятъ, Федръ, что можно извинять себя и по-волчьи (170).

Федръ. Ну дѣлай и ты тоже.

Сокр. Утверждаютъ, что нѣтъ никакой надобности представлять это столь важнымъ и длинными излучинами возводить столь высоко. Въ самомъ дѣлѣ, еще при началѣ своей бесѣды замѣтили мы, что кто хочетъ быть надлежащимъ ораторомъ,

(170) Можно извинять себя и по-волчьи. Указывается на известную басню Эзопа: Λύκος ἰδὼν ποιμένα ἐσθίουσας ἐν οἰκῆν πρὸβατον, ἐγγύς προελθὼν, ἢ λίκος ἄν ἦν ὑμῶν θάρσιος, εἰ ἐγὼ τοῦτο ἐποίησον. Изъ этой басни могла произойти по-словница: τὸ τοῦ λύκου εἰπεῖν—извинять себя по обычаю злодѣевъ. Такъ именно въ слѣдующемъ монологѣ извиняются ораторы.

для того не нужно истинное понятіе о справедливыхъ и добрыхъ дѣлахъ, либо о такихъ по природѣ и воспитанію людяхъ: потому-что въ судахъ никто и нисколько не заботится объ истинѣ въ этомъ отношеніи, но всѣ думаютъ о вѣроятномъ. А это значить, что намѣревающійся говорить сообразно съ искусствомъ долженъ обращать вниманіе на правдоподобіе. Иногда не надобно разсуждать и о томъ, что уже сдѣлано, если это сдѣлано не правдоподобно. Какъ въ обвиненіи, такъ и въ защищеніи разсуждай о правдоподобномъ. Ораторъ вообще обязанъ слѣдить за правдоподобіемъ, а съ истинною вовсе распрощаться. Это-то свойство и составляетъ искусственность рѣчи, если имъ проникнута вся она.

Федръ. Ты, Сократъ, раскрылъ именно то, что говорятъ люди, выдающіе себя за мастеровъ рѣчей. Теперь я вспоминаю, что прежде мы слегка коснулись этой мысли; но для людей того сорта она кажется чрезвычайно вѣрною.

Сокр. Впрочемъ, ты вѣдь вѣрно изучилъ даже Тизіаса: такъ пусть онъ скажетъ намъ и объ этомъ,—что другое, по его мнѣнію, называется правдоподобнымъ, какъ не кажущееся народу.

Федръ. Чему быть другому?

Сокр. Тизіасъ, помнится, мудро выдумалъ и мастерски написалъ вотъ что: Если человѣкъ слабосильный, но мужественный напалъ на сильнаго, но трусливаго, съ намѣреніемъ снять съ него плащъ, или что другое, и за то приведенъ въ судъ, то оба они должны говорить неправду. Трусъ будетъ доказывать, что на него напалъ мужественный не одинъ; а мужественный будетъ спорить, что они были одни, и въ заключеніе скажетъ: какъ-же было мнѣ такому поднять руки на такого? Между-тѣмъ первый, конечно, не сознается въ своей трусости, но рѣшится лгать какъ-нибудь иначе и скоро дать противнику случай обличить себя. Искусство Тизіаса и о другихъ предметахъ говорить нѣчто подобное. Не такъ-ли, Федръ?

Федръ. Какъ-же.

Сокр. Куда хитеръ долженъ быть въ изобрѣтеніи сокровеннаго искусства этотъ Тизіасъ, или кто-бы-то ни былъ и откуда-бы ни получилъ свое названіе! Не обратить-ли намъ своего слова лучше къ нему самому, другъ мой?

Федръ. Какого слова?

Сокр. Да вотъ: Тизіасъ! еще задолго до твоего прибытія мы говаривали, что народъ имѣетъ понятіе о правдоподобномъ только по причинѣ сходства его съ истиннымъ. А эти сходства, какъ мы недавно показали, прекрасно умѣетъ вездѣ находить тотъ, кто знаетъ истину. Поэтому, если объ искусствѣ рѣчей ты хочешь сказать что-нибудь другое, мы готовы слушать тебя; а когда нѣтъ, будемъ вѣрить тому, о чемъ нынѣ разсуждали, то-есть: кто не въ-состояніи разсчитывать природныя качества своихъ слушателей, дѣлить все сущее на виды и въ одной идеѣ разсматривать каждый изъ нихъ, тотъ никогда не сдѣлается искуснымъ въ словѣ, сколько то возможно человеку. А это ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтается безъ великихъ усилій, которыя въ человѣкѣ умномъ бываютъ не для того, чтобы бесѣдовать и дѣйствовать въ обществѣ людей, но для того, чтобы умѣть говорить пріятное богамъ и посылно совершать все угодное имъ (171). Вѣдь и тѣ, которые мудрѣ насъ, Тизіасъ, говорятъ, что человѣкъ съ умомъ долженъ стараться угождать не подобнымъ себѣ рабамъ, развѣ только между дѣломъ, но господамъ добрымъ и происходящимъ отъ добрыхъ. Не удивляйся, что этотъ путь длиненъ: вѣдь по немъ надобно идти къ высшей цѣли, а не къ той, которая тебѣ представляется (172). Впрочемъ, кто, какъ говорится, захочетъ, тотъ изъ первой прекрасно выведетъ и послѣднюю.

(171) *Умѣть говорить пріятное богамъ и посылно совершать все угодное имъ.* — Это есть одно изъ выраженій высшей цѣли человѣческой жизни, по ученію Платона. На всѣ свои слова и поступки, касающіеся людей, смотри такъ, какъ-бы ты говорилъ первыя и совершалъ послѣдніе не предъ людьми и не для людей, а предъ очами боговъ, для исполненія воли ихъ.

(172) *По немъ надобно идти къ высшей цѣли, а не къ той, которая тебѣ представляется.* Т. е. надобно стараться о томъ, какъ-бы угождать богамъ,

Федръ. По моему мнѣнію, Сократъ, это сказано превосходно, еслибы только быть въ-состояніи.

Сокр. Но кто предпринимаетъ хорошее, тому, когда случится, хорошо и потерпѣть.

Федръ. И очень.

Сокр. Теперь касательно искусства и не искусства рѣчей уовольно.

Федръ. Пожалуй.

Сокр. Остается еще сказать о приличіи и неприличіи письменнаго изложенія, то-есть, когда оно бываетъ хорошо и когда не прилично. Не такъ-ли?

Федръ. Да.

Сокр. Знаешь-ли, чѣмъ лучше угодить Богу, какъ-скоро дѣло идетъ о рѣчахъ, сочиняя или произнося ихъ?

Федръ. Я не знаю; а ты?

Сокр. Я расскажу тебѣ преданіе древнихъ; а истину древніе знаютъ. Впрочемъ, если мы сами откроемъ ее, то будемъ-ли еще заботиться о мнѣніяхъ человѣческихъ?

Федръ. Смѣшной вопросъ! Но рассказывай, что слышалъ.

Сокр. Я слышалъ, что близъ Египетскаго Навкратиса жилъ одинъ изъ тамошнихъ древнихъ боговъ, которому посвящена была птица, называемая Ивисомъ. Имя этого божества Теуть (173). Онъ первый изобрѣлъ число, ариметику, геоме-

а не о томъ, какъ бы убѣдить слушателей, хотя, стремясь къ первой цѣли, тѣмъ легче достигать и послѣдней.

(173) *Имя этого божества Теуть.* — Теуть кажется, имѣлъ родовое значеніе Бога: потому-что это имя близко къ Греческому Λεύς и Латинскому Deus, также къ древнему корню восточныхъ языковъ ді (отсюда dia, dio и проч.), dew и deu (отсюда Санск. dew-ta, Латинск. dei-tas). По-крайней-мѣрѣ извѣстно, что Теута греки называли также Меркуріемъ, которому, по свидѣтельству Эліана (H. Nat. X. 29), посвященъ былъ Ивисъ. Притомъ Цицеронъ говоритъ (de nat. D. 1. 36): quartus (Mercurius) Nilo patre, qui Argum dicitur invenisse ob eamque causam Aegyptum profugisse atque Aegyptiis leges et litteras tradidisse. Hunc Aegyptii Thoth. appellerut. Что-же касается до самой басни, то она, по всей вѣроятности, выдумана самимъ Платономъ. Это кажется чувствовалъ и Федръ, когда говорилъ: ты легко сочиняешь и Египетскія и какія угодно повѣсти.

трію и астрономію, игру въ шашки и кости, изобрѣлъ также и буквы. Царемъ всего Египта въ то время былъ Тамусъ (174), сидѣвшій въ большемъ городѣ верхней части страны. Этотъ городъ Греки называютъ Египетскими Ѡивами, а бога—Аммономъ. Однажды Теутъ, пришедши къ Тамусу, объявлялъ ему о своихъ искусствахъ и говорилъ, что надобно сообщить ихъ прочимъ Египтянамъ; но послѣдній спросилъ его, какую пользу можетъ доставить каждое изъ нихъ. Когда Теутъ началъ объяснять это, — царь, смотря по тому, хорошимъ или худымъ представлялось ему объясненіе, иное порицалъ, иное хвалилъ. Вообще много говорилъ онъ Теуту о каждомъ искусствѣ въ ту и другую сторону: рассказывать объ этомъ было-бы долго. Наконецъ дѣло дошло до буквъ, и Теутъ сказалъ: Государь! эта наука сдѣлаетъ Египтянъ мудрѣе и памятливѣе: я изобрѣлъ ее, какъ средство для памяти и мудрости. Но царь отвѣчалъ: многоученный Теутъ! одинъ способенъ раждать искусства, а другой судить, сколько вреда или пользы принесутъ они людямъ, которые будутъ употреблять ихъ. Вотъ ты, отецъ буквъ, по родительской любви приписалъ имъ противное тому, что онѣ могутъ. Вѣдь это, ослабляя заботливость о памятованіи, произведетъ въ душахъ учениковъ забывчивость (175): потому-что, полагаясь на внѣшнее письмо, изображенное чужими знаками,

(174) *Тамусъ*. *ѠамоѠс*—то-же, что *АмоѠс* или *АмоѠс*, по-Латыни *Jupiter Ammon*, Ѡивскій богъ, бывший прежде царемъ Египетскимъ. О различномъ произношеніи этого имени см. *Gal. ad Iamblich de myst.* IX. 4 p. 304. Впрочемъ, далѣе (p. 275. D.): Тамуса Платонъ самъ называетъ Аммономъ. А ближайшія слова (274. D.): *καὶ τὸν ἑβὸν Ἀμμῶνα*, Штальбомъ признаетъ внесенными чуждою рукою, и его догадка правдоподобна.

(175) *Это, ослабляя заботливость о памятованіи, произведетъ забывчивость*. Ученіе, что имѣть подъ руками мысли другихъ, изложенныя на бумагѣ, болѣе вредно для памяти, нежели полезно, Платонъ заимствовалъ, кажется, у Пиногорейцевъ, которые, слѣдуя постановленію Пинегора, считали преступленіемъ распространять его ученіе письменно (*Porphyr vit Pythag.* 58). Впрочемъ, должно замѣтить, что Пинегоръ имѣлъ въ виду совсѣмъ другую цѣль. *Plut. vit Num.* T. 1. 75. D. Впослѣдствіи мнѣніе Платона о вредной сторонѣ письменности имѣлъ и Сенека (*Ep.* 88. 28.): *Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet.*

они не будутъ вспоминать впечатлѣній внутренно — сами въ себя. Значить, ты избрѣлъ средство не для памятованія, а для напоминанія. Да и мудрость ученики приобрѣтутъ (176) у тебя не истинную, а кажущуюся: потому-что многого наслушавшись и ничего не изучая, будутъ представлять себя многознайками и, какъ мнимые мудрецы вмѣсто истинныхъ, останутся большею частію невѣждами и людьми, несносными въ обществѣ.

Федръ. Ты, Сократъ, легко сочиняешь и Египетскія, и какія угодно повѣсти.

Сокр. Но рассказывали-же (177), другъ мой, что въ храмѣ Дидонскаго Зевса первымъ провѣщателемъ былъ дубъ. Такъ видно въ тѣ времена жили не такіе мудрецы, какъ вы—молодые люди: они въ простотѣ сердца довольствовались и провѣщаніемъ дуба, либо камня, только-бы говорили имъ правду; а тебѣ кажется не все равно, кто-бы ни сказалъ и откуда-бы онъ ни былъ, — ты смотришь не на то одно, такъ-ли это, или иначе.

Федръ. Выговоръ справедливъ; касательно буквъ и миѣ представляется то-же, что говорить Фивеець.

Сокр. Стало быть, кто думаетъ, что искусство онъ заключилъ въ буквы, и увѣренъ также, что отъ буквъ оно получитъ какую-то ясность и твердость; тотъ слишкомъ простъ и дѣйстви-тельно не понимаетъ Аммонова предсказанія; ему кажется, что мысли написанныя гораздо лучше умѣнья помнить, что написано.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Да, Федръ, такова-то бесѣда съ письмомъ, равно-какъ и съ живописью. Произведенія послѣдней стоятъ будто живыя: а спроси ихъ о чемъ-нибудь, преважно молчатъ. То-же и рѣчи:

(176) *Да и мудрость ученики приобрѣтутъ у тебя* и проч. — Самое осязательное, опытное и современное намъ доказательство, что письменность не всегда полезна.

(177) Но рассказывали, же... Сократъ слегка упрекаетъ Федра, что рассказъ о Теутѣ онъ почитаетъ вымысломъ и какъ-бы презираетъ его. Почему-же представляется тебѣ маловажнымъ провѣщаніе Тамуса, хотѣлъ онъ сказать, когда у насъ, въ Греціи, первымъ провѣщателемъ былъ дубъ? О Додонск. дубѣ см. Herod. 11. 52, а о пророчественномъ камнѣ — Odys. XIX, 163, iliad. XXII. 126.

подумаешь, что онѣ говорятъ, какъ умныя; а когда кто спрашиваетъ ихъ, съ намѣреніемъ понять содержаніе, отдѣлываются одними и тѣми-же выраженіями. Всякая, однажды написанная рѣчь бродитъ вездѣ—и между людьми разумѣющими ее, и между тѣми, къ которымъ она не относится: она не знаетъ, кому говорить, кому чѣтъ; а потому, подвергаясь оскорбленіямъ и несправедливому порицанію, всегда имѣетъ нужду въ помощи своего отца. Самой ей невозможно ни защититься, ни помочь себѣ.

Федръ. И это также очень справедливо.

Сокр. Что-же теперь? не посмотрѣть-ли намъ и на другую рѣчь — родную сестру ея, какъ она происходитъ и восколько бываетъ лучше и сильнѣе?

Федръ. На какую это, и что разумѣешь ты подъ происхожденіемъ?

Сокр. На ту, которая вписывается въ душу познающаго вмѣстѣ съ знаніемъ, которая можетъ защищать сама себя и понимаетъ, съ кѣмъ говорить и предъ кѣмъ молчать.

Федръ. Ты разумѣешь рѣчь человѣка знающаго—живую и одушевленную; такъ-что написанная справедливо можетъ быть названа ея изображеніемъ?

Сокр. Безъ сомнѣнія. Скажи-же мнѣ: благоразумный земледѣлецъ, заботясь о своихъ сѣменахъ и желая отъ нихъ плодовъ, согласится-ли не шутя посѣять ихъ лѣтомъ въ садахъ Адониса (178), чтобы наслаждаться созерцаніемъ ихъ красоты впродолженіе осьми дней, или сдѣлаетъ это только для забавы и ради праздника, если сдѣлаетъ; тѣ-же, которыми хочетъ воспользоваться серьезно и по правиламъ земледѣльческаго, искус-

(178) *Посѣять въ садахъ Адониса.* Греки въ честь Адониса праздновали ежегодно восемь дней и къ этому времени засѣявали рожью и пшеницею принадлежавшія къ его храму поля, которыя назывались садами Адониса — *Αδωνίδος κήποι*, а въ самый храмъ приносили множество корзинокъ съ плодами и вазъ со скоро-увядающими цвѣтами — въ знакъ того, что земныя удовольствія кратковременны. Отсюда произошла пословица: *Αδωνίδος κήποι* — блестяція бездѣлки, минутныя наслажденія. (Diction. des cultes religieux).

ства, посѣтъ, гдѣ слѣдуетъ, и будетъ желать, чтобы посѣян-
ное созрѣло въ осьмой мѣсяцъ?

Федръ. Вѣроятно такъ, Сократъ: одно сдѣлаетъ онъ не
шутя, а другое иначе, то-есть, какъ говоришь.

Сокр. Но скажемъ-ли, что у человѣка, обладающаго позна-
ніями праведнаго, прекраснаго и добраго, меньше ума для
своихъ сѣмянъ, чѣмъ у земледѣльцевъ?

Федръ. Никакъ не менѣе.

Сокр. Слѣдовательно не шутя онъ не будетъ писать на
водѣ (179) чернилами и сѣять посредствомъ трости да словъ (180),
которыя не могутъ ни разумно помочь самимъ себѣ, ни доста-
точно высказать истину.

Феоръ. Ужъ вѣроятно не будетъ.

Сокр. Конечно, нѣтъ; напротивъ луга письменности, должно
быть, станетъ засѣивать и исписывать, если станетъ, ради за-
бавы, приготовляя и себѣ сокровище замѣтокъ на время за-
бывчивой старости, и всякому идущему тою-же дорогою, что-
бы радоваться, смотря на ихъ нѣжную молодость. Когда дру-
гіе предаются инымъ забавамъ, облегчая свой возрастъ (181)
пирами и сродными съ этимъ удовольствіями; тогда онъ, вдали
отъ подобныхъ удовольствій, вѣроятно, будетъ наслаждаться
тѣми, о которыхъ я говорю.

Федръ. Прекрасная забава, Сократъ, вмѣсто худой, когда

(179) *Будетъ писать на водѣ.* — ὕδατι γράφει. Выраженіе ὕδατι γράφειν у
Грековъ, какъ и у насъ, имѣетъ силу пословицы и означаетъ суетный трудъ,
или, точнѣе, намѣреніе неисполнимое. ἐπὶ τῶν μάτην ποιούτων. Въ томъ-
же значеніи употребляется выраженіе: πόντον σπείρειν, εἰς ὕδαρ, или ἐν ὕδατι
σπείρειν.

(180) *Сѣять посредствомъ трости да словъ* — σπείρειν διὰ καλάμου μετὰ
λόγων. Считаемо нужнымъ замѣтить, что μετὰ λόγων должно соединять не съ
σπείρειν, какъ нѣкоторые дѣлали, а съ διὰ καλάμου, какъ-бы стояло: διὰ
κάλαμου καὶ λόγων. Подобныя сочетанія см. выше р. 253. Ε. μάστιγι μετὰ
κίντρων; τιμῆς ἑραστῆς μετὰ σφροσύνης τε καὶ αἰδοῦς.

(181) *Облекая свой возрастъ* — ἄρδοντες αὐτούς. Ἄρδειν — орошать, указываетъ
на средство возвращенія крыльевъ, о которомъ говорено было выше (251. В
Зд.). Предполагается, что чрезъ возвращеніе и поддерживаніе крыльевъ облег-
чается старость.

кто, умѣя забавляться рѣчами, размышляетъ (182) о праведности и о прочихъ, упомянутыхъ тобою предметахъ.

Сокр. Конечно такъ, любезный Федръ; но тотъ еще лучше, думаю, заботится объ этомъ, кто, пользуясь діалектикою и избравъ приличную душу, насаждаетъ и посѣяваетъ въ ней проникнутыя знаніемъ мысли, которыя въ-состояніи помочь и самимъ себѣ, и сѣятелю, которыя не бесплодны, но заключаютъ въ себѣ семя, а потому, бывъ способны осѣменить мыслими и другіе умы, всегда служатъ залогомъ безсмертія, и кто имѣетъ ихъ, тому могутъ доставить блаженство, по крайней возможности вмѣстить его человѣку.

Федръ. Это въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше.

Сокр. Такъ согласившись съ послѣднимъ, мы можемъ теперь уже судить и о первомъ.

Федръ. О чемъ?

Сокр. О томъ, что желали мы узнать, пускаясь въ эти разсужденія, то-есть изслѣдовать упрекъ, сдѣланный Лизіасу за письменное изложеніе рѣчей, и самыя рѣчи, какія изъ нихъ могутъ быть написаны сообразно съ искусствомъ, какія нѣтъ. Вѣдь мы, кажется, порядочно отличили искусное отъ неискуснаго.

Федръ. Да, казалось такъ; однакожь напомнимъ мнѣ, какимъ образомъ.

Сокр. Кто сперва не узнаетъ истины каждаго предмета, о которомъ говоритъ или пишетъ, и не будетъ въ-состояніи опредѣлить цѣлое само-по-себѣ, либо, опредѣливши, не сумѣетъ опять раздѣлить его на виды до самыхъ недѣлимыхъ; кто, рассматривая такимъ-же образомъ природу души, не будетъ искать приличнаго каждой природѣ вида и не постарается располагать

(182) *Размышляетъ* — *μυδολοοῦντα*. Глаголь *μυδολοοῦν* противуполагается здѣсь слову *διαλέγεσθαι* и значить: свободно предаваться размышленію, ничѣмъ не стѣсняясь и не связываясь строгими законами діалектики. Глаголю *μυδολοοῦν* въ этомъ смыслѣ соответствуетъ наше простонародное слово «балагурить».

и украшать свою рѣчь такъ, чтобы разнovidной душѣ (183) высказывать разнovidныя и совершенно стройныя, а простой простыя мысли: тотъ, къ какому-бы роду рѣчей ни приступалъ, не сдѣлается въ искусствѣ сильнымъ ни для наученія, ни для убѣжденія, какъ это видно изъ прежнихъ нашихъ разсужденій.

Федръ. Да, это-то безъ сомнѣнія какъ-то такъ представлялось намъ.

Сокр. Что-жъ теперь, похвально-ли говорить и писать рѣчи, или постыдно? и въ какомъ случаѣ упрекъ за это былъ-бы справедливъ, въ какомъ нѣтъ? Не рѣшаются-ли эти вопросы тѣмъ, что сказано не задолго прежде?

Федръ. А что сказано?

Сокр. То, что если Лизіасъ, да хоть и кто другой писалъ, или будетъ писать либо частно, либо для общества, обнаруживая политическія свои мнѣнія, какъ законодатель, и предполагая въ нихъ много основательности и ясности; то писателю въ этомъ случаѣ — упрекъ, высказывается-ли онъ кѣмъ-нибудь или нѣтъ: потому-что совершенное незнаніе (184) справедливости и несправедливости, добра и зла, не избѣгнетъ должнаго порицанія, хотя-бы оно слышало похвалы отъ всего народа.

Федръ. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Такой-то человекъ въ писанной рѣчи о всякомъ предметѣ необходимо предполагаетъ лишь много забавы и ни одного стихотворнаго и нестихотворнаго сочиненія не почитаетъ достойнымъ того, чтобы оно могло быть писано, или говорено

(183) *Разнovidной душѣ.... разнovidныя и совершенно стройныя.... мысли* — ποιητικὴ μετ' ποιητικούς φυχῆ καὶ παναρμονίους.... λόγους. Слово ποιητικός употребляется для выраженія разноцвѣтности въ природѣ, искусствахъ, одеждахъ и проч. Прилагаемое къ душѣ, это слово метафорически означаетъ душу, обогащенную различными познаніями, образованную и дѣйствующую подъ условіями свѣтскихъ приличій. Для такой души такая нужна и рѣчь.

(184) *Совершенство незнаніе* — τὸ ἀγνοεῖν ἕπαρ τε καὶ ὄψαρ. Это Греческое выраженіе есть пословица, буквально соответствующая Русской поговоркѣ: *сво-снѣ и на-яву* οὐδ' ὄψαρ οὐδ' ἕπαρ, ни во-снѣ, ни на-яву. Phible p. 36. 8. I.obeck. ad Phryu. p. 422. sq.

серьёзно, какъ-будто все это рапсодіи (185), которыя читаются безъ разбора и знанія, имѣющаго цѣлю убѣжденіе. Между тѣмъ лучшія изъ нихъ пишутся для напоминанія людямъ знающимъ,—учительныя то-есть, которыя произносятся для наставленія, и тѣ, которыя, вписывая въ души уроки о праведномъ, прекрасномъ и добромъ, носятъ на себѣ характеръ дѣйственности и совершенства, достойнаго серьёзной внимательности. Такія рѣчи, свои надобно почитать какъ-бы родными дѣтьми, то-есть, сперва рѣчь, возникшую въ самомъ себѣ, потомъ происшедшія отъ ней и вмѣстѣ сестеръ ея, родившихся въ душахъ другихъ людей, а прочія оставить. И вотъ, должно быть, тотъ человѣкъ, которому я и ты, Федръ, желали-бы сдѣлаться подобными.

Федръ. Да, я желаю и прошу себѣ именно того, о чемъ ты говоришь.

Сокр. Но, кажется, довольно уже забавляться рѣчами. Теперь поди ты и скажи Лизіасу, что мы ходили къ источнику Нимфъ, въ убѣжище музъ, и слышали тамъ слова, которыми повелѣвалось намъ объявить, во-первыхъ, ему со всѣми другими писателями рѣчей, во-вторыхъ Омиру со всѣми слагателями

(185) *Какъ будто все это рапсодіи*—ὡς οἱ ραψοδοῦμενοι. Λόγοι ραψοδοῦμενοι, или ραψωδία (отъ ράπτειν τὴν φθῆν), по изъясненію Аста, суть *cantina continua, quae solus cantat, vel continua pronunciatione (recitatione) utitur, ideoque ab actore et histrione distinguitur* (Rep. 11. 373. В. Legg VI 764 D). Такое понятіе о рапсодіяхъ очевидно поставляетъ онъ въ противоположность съ сочиненіями драматическими; слѣдовательно, согласно съ изъясненіемъ Аста, всякая эпоса будетъ рапсодія. Но это—явное недоразумѣніе. Хотя рапсодія, конечно, есть пѣснь непрерывная; но она предполагаетъ эпопею, изъ которой должна быть заимствована. По этому рапсодіи Омиковы суть рассказы о богахъ и герояхъ, на основаніи эпосовъ Омиковъ (см. Jop. 330. В. С). Рапсодіями, Греки называли также краткія импровизаціи пѣвцовъ о любовныхъ дѣлахъ и событіяхъ вымышленныхъ. На такія рапсодіи указываетъ Свидя—*ραψωδῆσαι ἐστι τὸ φλυαρῆσαι, ἢ τὸ ἀπλῶς λαλεῖν καὶ ἀπαγγεῖλαι χωρὶς ἔργου τινός.* Подобнаго рода рапсодами на сѣверѣ были барды, а рапсодіями ихъ—выдержки изъ народныхъ преданій, баллады, героическія и романтическія повѣсти.

стиховъ для пѣнія и не для пѣнія (186), въ-третьихъ Солону со всѣми политическими ораторами, которые пѣдаютъ свои мнѣнія, будто законы, — объявить слѣдующее: кто, сознавая истину дѣла, написалъ о немъ и можетъ помочь ему, когда нашасяное подвергается испытанію; кто устными объясненіями въ-состояніи доказать, что написанное ниже ихъ: тотъ долженъ носить названіе не по тѣмъ рѣчамъ, а по другимъ, которыми занимался серьезно.

Федръ. Какія-же ты дашь ему названія?

Сокр. Назвать его мудрецомъ, Федръ, мнѣ кажется, слишкомъ много, — это имя прилично одному Богу: гораздо сообразнѣе и пристойнѣе было-бы назваться ему либо любителемъ мудрости (187), либо подобнымъ этому именемъ.

Федръ. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего несообразнаго.

Сокр. Напротивъ, для кого нѣтъ ничего драгоцѣннѣе сложеннаго или написаннаго, кто свое сочиненіе долго вертитъ такъ-и-сякъ, одно съ другимъ склѣивая и одно отъ другаго отнимая, того не назовешь-ли ты по справедливости либо поэтомъ, либо писателемъ рѣчей, либо излагателемъ законовъ?

Федръ. Почему не назвать?

Сокр. Скажи-же это своему другу.

(186) *Со всеми славателями стиховъ для пѣнія и не для пѣнія* — καὶ ἐῖ τις ἄλλος αὐ ποίησιν ψαλῆν ἢ ἐν ᾧδῇ συντέθεικε. Ποίησις ψαλῆς есть повѣсть простая, или пѣснь, не положенная на ноты, не назначенная для пѣнія, слѣдовательно противоположная стихотворенію лирическому. Тутwhit. ad Arist. de poeti. p. 115. Legg. 11. 669. D.

(187) *Называется ему любителемъ мудрости* — φιλόσοφος. Основываясь на этомъ мѣстѣ Платона, Мейнерсъ (Fortg. u. Vers. d. Wissensch. in Griech. u. Rom. T. 1 p. 119) полагаетъ, что первый, оставившій названіе мудреца, и начавшій называться философомъ, былъ Сократъ. Но Сократъ старался только утвердить и доказать законность этого имени, а изобрѣтено оно Пиеагоромъ. Cicero. Tuscul. V. 3. Wittenb. Bibl. crit. vol. 11 T. IV. 118 aqq.

Федръ. А ты-то что? Какъ поступишь? Вѣдь нельзя умолять и о твоёмъ другѣ?

Сокр. О комъ это?

Федръ. О красавцѣ Исократѣ (188). Что объявишь ты ему, Сократъ? Какимъ именемъ назовешь его?

Сокр. Исократъ еще молодъ, Федръ; впрочемъ, пожалуй я скажу, чего ожидаю отъ него.

Федръ. А чего именно?

Сокр. Судя по рѣчамъ Лизіаса, дарованія Исократы, кажется, лучше, да и нравъ благороднѣе; такъ-что не должно удивляться, если, достигнувъ возраста болѣе зрѣлаго, онъ, въ томъ самомъ родѣ рѣчей, которыми ты занимаешься, станетъ выше не однихъ мальчиковъ, иногда рѣшающихся писать рѣчи. Даже, когда и того будетъ ему мало, божественное стремленіе повлечетъ его далѣе: потому что въ разсудкѣ этого человѣка, другъ мой, есть какое-то природное любомудріе. Такъ вотъ, что, по волѣ здѣшнихъ боговъ, я объявлю своему любимцу Исократу, а ты своему — Лизіасу объяви сказанное прежде.

Федръ. Такъ и будетъ. Однакожь пойдемъ, теперь и жаръ послабѣе.

Сокр. Но не приличнѣ-ли намъ удалиться отсюда, помолившись здѣшнимъ богамъ?

Федръ. Почему не такъ?

Сокр. О любезный Панъ и прочіе здѣшніе боги! Даруйте мнѣ быть прекраснымъ внутренно, и съ моимъ внутреннимъ согласите все, что имѣю, внѣшнее. Богатымъ да почитаю я мудраго,—и такого золота да будетъ у меня столько, сколько не можетъ ни унести ни увезть никто, кромѣ человѣка разсудительнаго.

(188) *О красавцѣ Исократѣ.* Исократъ былъ другъ и ученикъ Сократа (аист. *анотун. in vit. Исосг. р. VIII.*). Въ его рѣчахъ ясно отразились правила и мысли его учителя. По этому Платонъ имѣлъ о немъ высокое понятіе и совершенно противопологалъ его Лизіасу, который былъ старше Исократы двадцатью двумя годами.

Просить-ли еще чего-нибудь, Федръ? Для меня-то достаточно.

Федръ. Того-же проси и для меня; вѣдь у друзей все общее (189).

Сокр. Пойдемъ.

Перев. съ Греч. **ПРОФ. КАРГОВЪ.**

(189) *Ἐ друзей все общее*—κοινὰ τὰ τῶν φίλων. Схолиастъ къ эт. м. κοινὰ τὰ τῶν φίλων, ἐκὶ τῶν εὐμαθεύτων. То есть, слова эти относились къ тому, что легко передавать. Пословица, говорятъ, высказана сперва въ Великой Греции, — въ то время, когда жилъ тамъ Пнеагоръ и требовалъ, чтобы всѣ тамошнiе обитатели пользовались нераздѣльно своимъ имуществомъ.

ВВЕДЕНИЕ ВО ВСЕОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

В. ГУМБОЛДА.

(Продолженіе).

§ 15. *Подробнѣйшій разборъ образованія словъ въ единицы. Система совокупленій въ языкахъ. Способы обозначенія единства слова: Пауза. Перемяна буквъ.*

Какъ всякая особенность языка, истекающая изъ внутренняго его образованія, обыкновенно распространяется по всему его организму, такъ особенно *флексія*. Она имѣетъ тѣснѣйшую связь съ двумя разными и, повидимому, противоположными сторонами языка, но на самомъ дѣлѣ движущимися въ органической совокупности, именно: съ *единствомъ* слова и съ надлежащимъ *отдѣленіемъ* другъ отъ друга *частей* предложенія, для органическаго его построенія. Связь ея съ единствомъ слова понятна сама собою, потому-что флексія, по самому назначенію своему, имѣетъ цѣлю именно образовать изъ массы матеріала рѣчи отдѣльныя *единицы*, не довольствуясь только общимъ совокупленіемъ его въ одно *цѣловъ*. И въ то-же время флексія способствуетъ членораздѣльному составу предложенія и свободному его образованію, снабжая слова, въ грамматическихъ видоизмѣненіяхъ, примѣтами, по которымъ можно узнавать ихъ отношеніе къ составу предложенія. Она избавляетъ отъ робкой заботливости держать весь матеріалъ предложенія въ совокупности отдѣльнаго слова и внушаетъ смѣлость

разлагать его на части. И что еще важнѣе, она даетъ возможность вѣрнѣе всматриваться и нагляднѣе понимать связи предложенія своими отношеніями къ формамъ мышленія, сколько онѣ входятъ въ языкъ. Всѣ эти особенности языка происходятъ, собственно говоря, изъ одного источника — изъ живаго пониманія отношенія рѣчи къ языку. Флексія, единство слова и органической составъ предложенія не должны-бы, поэтому, быть отдѣляемы другъ отъ друга при разсматриваніи языка. Флексія является въ своей истинной и благотворно-дѣйствующей силѣ только въ совокупности съ тѣми двумя сторонами языка.

Речь требуетъ стихій, надлежащимъ образомъ приспособленныхъ къ возможности ея безпредѣльнаго, никакимъ отдѣльнымъ моментомъ неизмѣримаго употребленія, и это требованіе возрастаетъ интенсивно и экстенсивно, чѣмъ выше степень, на которую она восходитъ въ своемъ образованіи. На самой высшей своей степени, развитіе рѣчи равно *рожденію* самыхъ *идей* и всему *умственному развитію*. Къ этой послѣдней цѣли она, впрочемъ, всегда клонится въ человѣкѣ, какія-бы ни встрѣчались помѣхи ея достиженію. Такимъ образомъ она всегда требуетъ особенной обработки стихій языка, посредствомъ которой онѣ дѣлались-бы самымъ живымъ выраженіемъ формъ мышленія, и потому для нея всего лучше годится флексія, которая отличается именно тѣмъ, что въ ней понятіе берется виѣстѣ и съ виѣшной и съ внутренней стороны, чѣмъ, при постоянномъ наблюденіи проложеннаго ею пути, облегчается въ своемъ ходѣ мышленіе. Этими стихіями рѣчь старается схватить безчисленныя совокупленія окриленной мысли, не налагая границъ своей безпредѣльности. Основаніемъ выраженія всѣхъ этихъ совокупленій служитъ *предложеніе*, и тотъ вольный полетъ рѣчи вслѣдъ за мышленіемъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда части простаго предложенія сливаются или отдѣляются другъ отъ друга на основаніи строгой необходимости, усматриваемой въ существѣ его, безъ участія какой-бы то ни было степени произвола.

Различные идеи требуют двойного действия: представления *понятій* поодиначѣ и совокупленія ихъ въ *мысль*. То и другое является и въ рѣчи. Понятіе замыкается въ совокупность звуковъ, не отдѣлимыхъ другъ отъ друга безъ уничтоженія ихъ значенія, и снабжается признакомъ отношенія къ составу рѣчи. Образованное такимъ образомъ *слово* исходитъ изъ усть въ видѣ цѣлаго, отдѣляемаго выговоромъ отъ другихъ словъ, соединенныхъ съ нимъ въ предложеніи, но безъ уничтоженія связи, въ какой находятся между собою все слова періода. Здѣсь является единство слова въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, постановка его въ видѣ отдѣльнаго существа, которое, не теряя своей самостоятельности, можетъ входить съ другими въ болѣе или менѣе близкія соприкосновенія. А выше мы видѣли, что и въ границахъ одного понятія, равно и слова, возможно совокупленіе разнородныхъ стихій: отъ этого происходитъ другаго рода единство словъ, которое, въ отличіе отъ сейчасъ упомянутаго внѣшняго, можно назвать внутреннимъ. Смотря по тому, однородны-ли соединяемыя стихіи и производятъ-ли онѣ только сложное цѣлое, или, при ихъ разнородности (названіе и отмѣтка категорій), понятіе получаетъ, при ихъ совокупленіи, какъ-бы особую печать, — *внутреннее единство слова* имѣетъ обширнѣйшее или тѣснѣйшее значеніе.

Образованіе единства слова имѣетъ двойкій источникъ: внутреннее *чувство языка* въ-отношеніи къ потребности развитія мысли, и *звукъ*. Такъ-какъ всякое мышленіе состоитъ въ отдѣленіи и совокупленіи стихій мысли, то во внутреннемъ чувствѣ языка само собою должно быть живо сознаніе потребности — символически изображать въ рѣчи все роды совокупленія понятій, и это сознаніе обнаруживается въ языкѣ по мѣрѣ своей живости и по мѣрѣ выдержки установленныхъ въ немъ законовъ. Съ другой стороны, звукъ стремится сдѣлать свои разнообразныя видоизмѣненія и ихъ столкновенія удовлетворительными для выговора и слуха. При этомъ часто онъ только устраняетъ затрудненія, или слѣдуетъ органически-усвоеннымъ при-

вычкамъ; но онъ идетъ еще и дальше: образуетъ ритмическіе отдѣлы и даетъ имъ значеніе цѣлаго для слуха. А такъ-какъ звукъ, въ этихъ стремленіяхъ, примыкаетъ къ требованіямъ внутренняго чувства языка, то оба они — внутреннее чувство и звукъ — дѣйствуютъ во взаимной совокупности, и образованіе *звуковаго единства* становится отъ этой совокупности символомъ искомаго въ данную минуту *единства понятія*. Это послѣднее, заключенное въ звукъ, разливается по пространству рѣчи въ качествѣ умственнаго начала, а звуковая форма, наоборотъ, художественно-обработанная со стороны мелодіи и ритма, дѣйствуя этой художественностью на душу, вызываетъ въ ней распорядительныя силы ума къ тѣснѣйшему соединенію съ дѣятельностью фантазіи, создающей образы, и такимъ образомъ совокупность обоюдо рода силъ, движущихся изнутри къ наружи и извнѣ во-внутрь, дѣйствующихъ на основаніяхъ духа и природы, получаетъ высшую жизнь и гармонически-дружную подвижность.

Средствомъ къ обозначенію единства словъ служатъ: *пауза*, *перемѣна буквъ* и *удареніе*.

Пауза можетъ обозначать лишь *внѣшнее единство* слова, только снаружи; внутри слова, наоборотъ, она нарушала-бы его единство. Но на концѣ словъ весьма естественно дѣлается легкая, лишь для опытнаго слуха замѣтная задержка голоса съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ощутительными стихіи мысли. Между тѣмъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ обозначать единство понятія, дѣйствуетъ въ рѣчи другое, противоположное и столь-же необходимое стремленіе — потребность связи въ предложеніи, и единство понятія, выраженное звукомъ, является противорѣчіемъ единству мысли. Языки, образованные вѣрнымъ и тонкимъ разумнымъ чувствомъ, дѣйствительно, обнаруживаютъ въ себѣ двойное стремленіе и находятъ средства удовлетворять обоямъ, хотя часто усиливаютъ въ то-же время ихъ противоположность. Въ объясненіе этого я всегда буду брать примѣры

изъ *Санскритскаго* языка (*), потому-что въ немъ слово, со стороны единства, обрабатывается удачнѣе и полнѣе, чѣмъ въ другихъ языкахъ; притомъ алфавитъ этого языка больше нашихъ способенъ наглядно изображать въ письмѣ самый отчетливый выговоръ звуковъ, схватываемыхъ слухомъ. Въ Санскритскомъ языкѣ не всякой буквѣ дозволяется заканчивать слово и тѣмъ уже признается его индивидуальная самостоятельность; а въ рѣчи его отдѣльность ограждается еще тѣмъ, что перемѣны конечныхъ буквъ одного слова и начальныхъ другаго происходятъ по другимъ правиламъ, чѣмъ измѣненія буквъ въ срединѣ словъ. Но въ то-же время въ Санскритскомъ строже, чѣмъ во всякомъ другомъ языкѣ этого племени, требуется, въ соотвѣтствіе совокупленію мыслей, и *слиянiе звуковъ*, такъ-что здѣсь единство словъ, повидимому, уничтожается единствомъ мысли. Когда изъ конечной гласной одного слова съ начальною другаго образуется третій звукъ, то оба слова, безспорно, сливаются въ звуковую единицу. Когда-же, при встрѣчѣ съ начальною гласною, измѣняется только конечная согласная предыдущаго слова, то сказаннаго слиянія словъ въ одно, конечно, не бываетъ, потому-что гласная, всегда сопровождаемая въ выговорѣ легкимъ придыханіемъ, примыкаетъ къ преды-

(*) Примѣры изъ Санскритскаго языка я постоянно беру изъ грамматики *Боппа*, даже и тамъ, гдѣ не указываю въ ней прямо на какое-нибудь мѣсто. Охотно сознаюсь, что только этому классическому творенію я обязанъ яснѣйшими понятіями о строеніи Санскритскаго языка, какихъ не доставляетъ ни одна изъ прежнихъ грамматикъ, какъ-бы ни были хороши нѣкоторыя изъ нихъ въ другихъ отношеніяхъ. Какъ Санскритская грамматика *Боппа* въ разныхъ изданіяхъ, такъ и явившаяся позднѣе сравнительная, и отдѣльная академическія разсужденія его, столь-же плодотворно какъ и остроумно разсматривающія Санскритскій языкъ въ-сравненіи съ другими родственными языками, навсегда останутся истиннымъ образцомъ глубокаго и счастливаго прозрѣнія и часто смѣлаго угадыванія аналогическаго образованія грамматическихъ формъ: ужъ и теперь языкознаніе обязано имъ самыми значительными успѣхами на поприщѣ, почти вновь ими открытомъ. Еще въ 1816 году, въ своемъ *Conjugationssystem der Indier*, *Боппъ* положилъ основаніе изслѣдованіямъ, которыя потомъ, все въ одномъ и томъ-же направленіи, онъ продолжалъ съ такимъ успѣхомъ.

дущей гласной не въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаются за единицы Санскритскія согласныя вмѣстѣ съ стоящими при нихъ въ одномъ слогѣ гласными. А все-же, впрочемъ, этигъ измѣненіемъ согласныхъ нѣсколько нарушается отдѣльность словъ. Но эта слабая помѣха отнюдь не уничтожаетъ отдѣльности словъ въ умѣ слушающаго и даже не уменьшаетъ значительно возможности распознавать ее. Ибо, съ одной стороны, главныя два правила измѣненія буквъ при встрѣчѣ словъ: сліяніе гласныхъ и перемѣна нѣмой согласной, предъ гласной, въ звучную, никогда не имѣютъ приложенія въ срединѣ словъ; съ другой стороны, внутреннее единство словъ въ Санскритскомъ устроено такъ ясно и опредѣленно, что при всемъ сплетеніи конечныхъ буквъ съ начальными въ составѣ рѣчи, всегда легко распознавать отдѣльныя слова, пришедшія только въ непосредственное сопрякосновеніе другъ съ другомъ. Тогда-какъ это сдѣлание словъ звуками обнаруживаетъ тонкую чуткость звука и живое стремленіе символически обозначать единство мысли, замѣчательно, что оно существуетъ и въ другихъ Индійскихъ языкахъ, которымъ нельзя приписать значительныхъ уснѣховъ образованія, достигнутаго собственными силами народа, какъ напр. въ языкѣ Телинговъ, въ которомъ эта особенность связана съ коренными фонетическими привычками народа, и потому едва-ли могла быть заимствована изъ чужаго языка. Само по себѣ сплетеніе словъ въ рѣчи звуками естественнѣе въ необразованномъ состояніи языка, такъ-какъ слово выдѣляется лишь изъ состава рѣчи; но въ Санскритскомъ языкѣ эта особенность составляетъ внутреннее и внѣшнее изящество рѣчи, которое не теряетъ своей цѣны отъ того, что языкъ могъ-бы обойтись и безъ этого, не необходимаго для мысли, украшенія. Кромѣ отдѣльныхъ выраженій, языкъ, очевидно, еще чѣмъ-то дѣйствуетъ на самый умъ, производящій мысль, и для этого дѣйствія не напрасно ни одно изъ преимуществъ языка, какъ-бы ни казалось иное изъ нихъ прихотливымъ.

Внутреннее единство слова надлежащимъ образомъ достигается только въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, при снабженіи понятія его побочными опредѣленіями, звукъ разрастается до много-сложности и гдѣ внутри этой много-сложности допускаются разнообразныя *измѣненія буквъ*. Тогда гений языка, озабоченный изяществомъ звуковъ, обрабатываетъ этотъ внутренній составъ слова по общимъ и частнымъ законамъ *благозвучія* и созвучія. Но здѣсь участвуетъ и *звуковой смыслъ* и даже по-преимуществу здѣсь дѣйствуетъ, то давая звукамъ разное значеніе, то превращая звуки, имѣющіе самостоятельное значеніе, въ знаки побочныхъ опредѣленій понятія и перенося ихъ такимъ образомъ въ свою собственную сферу. Первоначальное вещественное значеніе такихъ звуковъ преобразуется теперь въ символическое; и самъ звукъ, выражая подчиненіе вещественнаго значенія слова общему понятію, утончается до простѣйшаго элемента и такимъ-образомъ, вопреки своему происхожденію, получаетъ одинаковый видъ съ чисто-символическими звуками, дѣйствительно произведенными звуковымъ смысломъ. Чѣмъ живѣе дѣйствуетъ звуковой смыслъ въ этомъ непрерывномъ сліяніи понятія со звукомъ, тѣмъ быстрѣе происходитъ разсматриваемое образование слова.

Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ происходитъ *строеніе слова*, удовлетворяющее и уму и эстетическому чувству, — строеніе, въ которомъ, при разложеніи его, начиная съ самаго корня, надобно отдавать себѣ отчетъ въ каждой прибавкѣ, въ каждомъ пропускѣ и измѣненіи буквы по причинѣ значенія или по требованію фонетическихъ законовъ. И эта цѣль достижима по-крайней-мѣрѣ настолько, что для поясненія состава словъ можно приводить изъ запаса языка другіе примѣры подобнаго состава (аналогіи). Объемъ и разнообразіе этого состава словъ въ наибольшихъ размѣрахъ и всего удовлетворительнѣе и для ума и для слуха достигается въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ на первоначальныя формы слова не наложено однообразнаго и неизмѣннаго клейма, и гдѣ для обозначе-

нія побочных опредѣленій употребляется *наращеніе* предпочтительно предъ внутреннею, чисто-символическою переменною буквъ. Наррачительный способъ словопостроенія, въ своемъ происхожденіи, повидимому грубый и необразованный, если ео отличать его отъ механическаго прикладыванія, но въ послѣдствіи возводимый силою флексивнаго чувства на высшую степень, обнаруживаетъ здѣсь безспорное преимущество предъ другимъ вышеупомянутымъ, хотя онъ утонченнѣе и хитрѣе. Несмотря на то, что словопостроеніе въ семитическихъ языкахъ поражаетъ удивительнымъ разнообразіемъ и разумностью дѣйствія флексивнаго чувства и звуковаго смысла, оно, большею частію по причинѣ двусложности корней и въ слѣдствіе отвораченія отъ складыванія словъ, далеко не достигаетъ того разнообразія, объема и соотвѣтствія общимъ цѣлямъ языка, какъ въ Санскритскомъ.

Санскритскій языкъ отличаетъ звуками разныя степени единства слова, по требованію внутренняго чувства умственной стороны языка. Главнымъ средствомъ для этого служить въ немъ различное обращеніе съ слогами, совокупаемыми въ одномъ словѣ въ качествахъ разныхъ стихій мысли, и съ отдельными звуками въ буквахъ при ихъ соприкосновеніи. Выше я уже сказалъ, что звуки при встрѣчѣ между отдельными словами слѣдуютъ инымъ законамъ, чѣмъ въ срединѣ словъ. Этимъ путемъ языкъ продолжаетъ идти далѣе, и если мы совокупимъ правила для этихъ двухъ случаевъ въ двухъ большихъ, другъ другу противоположныхъ отдѣлахъ, то получимъ слѣдующія степени единства слова, отъ слабѣйшаго соединенія стихій до крѣпчайшаго:

въ словахъ сложныхъ;

въ словахъ съ приставкою спереди, которыхъ большая часть состоитъ изъ глаголовъ;

въ словахъ, образуемыхъ посредствомъ суффиксовъ (называемыхъ *Taddhita*) изъ готовой темы;

въ словахъ (разряда *Kridanta*), производимыхъ отъ корней,

стало быть, отъ словъ, собственно-существующихъ внѣ предѣловъ рѣчи;

въ грамматическихъ формахъ склоненія и спряженія.

Первые два разряда слѣдуютъ, говоря вообще, правиламъ *совокупленія отдѣльныхъ словъ*, послѣдніе — правиламъ для ихъ средины. Само собою разумѣется, что есть частныя исключенія, и всѣ пять разрядовъ представляютъ постепенность отнюдь не по безусловному различію, а только по большому или меньшему, хотя и весьма рѣшительному отношенію къ тому или другому изъ показанныхъ главныхъ двухъ отдѣловъ. А въ исключеніяхъ часто весьма значительно обнаруживается опять стремленіе къ тѣснѣйшему совокупленію стихій. Такъ, между отдѣльными словами въ собственномъ смыслѣ, — кромѣ единственнаго исключенія, и то лишь по наружности — конечная согласная предъидущаго слова никогда не измѣняетъ своимъ вліяніемъ начальной слѣдующаго; однакожъ въ нѣкоторыхъ словахъ и приставкахъ спереди это бываетъ, и притомъ такъ, что вліяніе конечной буквы иногда простирается даже на вторую начальную согласную, какъ напр. въ словѣ *agnishōma*, сложенномъ изъ *agni oshō* и *shōma жертва*. Здѣсь уклоненіемъ отъ правилъ совокупленія отдѣльныхъ словъ въ языкѣ очевидно обнаруживается чувство потребности сліянія двухъ стихій въ одно. Должно, впрочемъ, согласиться, что въ остальныхъ и болѣе общихъ правилахъ для встрѣчи конечныхъ звуковъ слова съ начальными слѣдующаго и по отсутствію соединительныхъ звуковъ между сложными, какъ въ Греческомъ, *сложныя слова* въ Санскритскомъ слишкомъ походятъ на отдѣльныя. Конечно, намъ неизвѣстны въ Санскритскомъ ударенія (*); но и они

(*) Исслѣдованія объ удареніяхъ начались гораздо позднѣе, именно съ 1843 г., сочиненіемъ акад. *Бетлима*: Ein erster Versuch über den Accent des Sanskrit (S. Petersburg 1843) и рецензій *Бенфеля* въ *Hallsche Literatur-Zeitung* 1845. Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ успѣхахъ исслѣдованій объ удареніяхъ какъ въ Санскритскомъ, такъ и въ другихъ Индо-Европейскаго племени, читатель найдетъ въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, herausg. von Dr. A. Kuhn. Vierter Band, стр. 292, и Fünfter B. стр. 312

едва-ли помогали. Гдѣ первый членъ сложнаго слова сохраняетъ грамматическое окончаніе, тамъ совокупленіе поддерживается только употребленіемъ, которое или всегда совокупляетъ оба члена, или не допускаетъ въ рѣчи послѣдняго члена безъ перваго. Но, при отсутствіи грамматическаго окончанія, совокупность обомъ членамъ почти только подразумѣвается мысленно, но не осуществляется сліяніемъ звуковъ для слуха. Когда тему слова и надежное окончаніе представляетъ одна и та-же форма, тогда она является лишешною прямого признака, по которому можно было-бы судить, за что должно принимать ее — за особое слово, или за членъ словосложенія. Такимъ образомъ много-членное сложное слово въ Санскритскомъ, на основаніи прямыхъ грамматическихъ признаковъ, едва-ли можно считать за особенное слово: скорѣе, это дѣльный рядъ словъ, поставленныхъ другъ за другомъ безъ грамматическихъ окончаній, и Греческій языкъ обнаруживаетъ въ себѣ вѣрное чувство, не позволяя сложнымъ словамъ разрастаться до чрезмѣрной ширины. Но въ другихъ особенностяхъ и Санскритскій опять доказываетъ, что онъ умѣетъ иногда очень умно отмѣчать единство слагаемыхъ стихій, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда два или нѣсколько существительныхъ, какого-бы рода они ни были, совокупаются въ одно имя, не имѣющее рода.

Изъ трехъ разрядовъ, слѣдующихъ законамъ совокупленія въ *среднихъ словахъ*, всего ближе другъ къ другу разрядъ Kridanta и слова въ грамматическихъ формахъ. Если есть между ними слѣды еще тѣснѣйшаго соединенія звуковъ, то эти слѣды всего скорѣе зависятъ отъ разницы между окончаніями склоненія и спряженія. Суффиксы разряда Krit совершенно одинаковы съ послѣдними. Они даютъ форму непосредственно корню, который только-что вводится ими въ дѣйствительный языкъ, тогда-какъ падежныя окончанія, одинаково съ суффиксами Tad-dhita, прикладываются уже къ готовымъ, даннымъ въ языкѣ темамъ. Всего крѣпче и глубже сліяніе по-справедливости имѣетъ мѣсто въ окончаніяхъ глагола, такъ-какъ глагольное

понятіе и въ мысляхъ всего менѣе отдѣляется отъ своихъ побочныхъ опредѣленій.

Я имѣлъ здѣсь цѣлю показать, какъ различны законы благозвучія при встрѣчѣ буквъ, смотря по степени единства слова. Нужно только предостеречь, что въ языкѣ нельзя допускать въ собственномъ смыслѣ *намеренія*, и самое это слово, какъ я уже замѣчалъ, вообще надобно прилагать къ языку осмотрительно. Если разумѣть подъ этимъ выраженіемъ какъ-бы договоръ или даже только стремленіе собственной воли чело-вѣка къ отчетливо-сознаваемой цѣли, то, повторяю, на-мѣренность вовсе не имѣетъ мѣста въ образованіи языка. Она здѣсь обнаруживается, напротивъ, всегда только въ видѣ первоначальнаго, инстинктивнаго чувства. Такое именно *чувство* единства понятій, по моему убѣжденію, выразилось здѣсь въ звукѣ, и такъ-какъ оно было именно только чувство, то и выразилось неравномѣрно и не съ одинаковой послѣдовательностью. Нѣкоторыя изъ частныхъ уклоненій законовъ совокупленія другъ отъ друга, конечно, происходятъ фонетически изъ свойства самыхъ звуковъ. А такъ-какъ въ грамматическихъ окончаніяхъ словъ встрѣчаются другъ съ другомъ постоянно однѣ и тѣ-же начальныя и конечныя буквы совокупаемыхъ стихій, а между отдѣльными словами, и также въ словосложениіи такія встрѣчи бываютъ лишь изрѣдка и порознь для того или другаго звука, то въ первыхъ, естественно, образуется особенный выговоръ, тѣснѣе связывающій всѣ стихіи: отсюда можно въ подобныхъ случаяхъ объяснять происхожденіе самаго чувства единства слова и, стало быть, иначе, чѣмъ показано выше. Между-тѣмъ это внутреннее чувство все-же надобно предполагать въ разсматриваемой сторонѣ образованія прежде всего, потому-что отъ него-же зависятъ и то, что грамматическія прибавки вообще совокупаются съ темой слова, а не стоятъ только возлѣ нея отдѣльно, какъ во многихъ языкахъ. На фонетическую сторону здѣсь имѣетъ важное вліяніе то обстоятельство, что какъ надежныя окончанія, такъ и суф-фиксы

начинаются только нѣкоторыми согласными, отъ чего и возникаетъ только опредѣленное количество звуковыхъ сочетаній, которое всего менѣе въ падежныхъ окончаніяхъ, побольше въ суффиксахъ разряда Krit и глагольныхъ окончаніяхъ, и еще больше въ разрядѣ Taddhita.

Кромѣ различія законовъ совокупленія при встрѣчѣ *согласныхъ* въ срединѣ слова, въ языкахъ есть другое распоряженіе звуками, которымъ еще опредѣленнѣе достигается обозначеніе внутренняго единства слова, — именно, когда перемѣна нѣкоторыхъ звуковъ, именно *гласныхъ*, производится вліяніемъ цѣлаго состава слова. Это бываетъ, когда прибавленіе болѣе или менѣе полногласнаго слога оказываетъ свое вліяніе на гласную, дотого существовавшую въ словѣ; когда, вслѣдствіе начинающагося приращенія слова, на концѣ его допускаются сокращеніе или выбрасываніе; когда гласная наращаемаго слога уподобляется собственной гласной слова, или когда одному слогу, посредствомъ его усиленія или видоизмѣненія, дается для уха перевѣсъ предъ другими слогами въ словѣ. Какъ-скоро какой-либо изъ такихъ случаевъ не объясняется изъ законовъ фонетики, его прямо можно считать символическимъ обозначеніемъ внутренняго единства слова. Въ *Санскритскомъ* языкѣ такіа преобразованія звуковъ являются въ разныхъ видахъ, и всегда съ замѣчательнымъ отношеніемъ къ ясности логической формы и къ изяществу эстетической. Вслѣдствіе того въ *Санскритскомъ* коренная гласная слова, которую должно сберегать постоянно, не уподобляется звукамъ окончанія; но охотно допускается ея расширеніе, въ которомъ, при регулярности перехода, первоначальный звукъ легко узнается слухомъ. *Бопль* тонко повялъ дѣло, замѣтивъ, что здѣсь коренная гласная измѣняется, какъ онъ мѣтко выразился, «не по качеству, а по количеству» (*nicht qualitativ, sondern quantitativ*). Качественное уподобленіе звуковъ происходитъ отъ небрежности выговора или изъ удовольствія слышать одинаковые звуки; въ количественномъ измѣненіи мѣры долготы высказывается высшее и

тончайшее чувство благозвучія. Въ первомъ случаѣ значительная гласная корня прямо приносится въ жертву фонетикѣ; въ послѣднемъ она, при своемъ расширеніи, все-таки остается въ наличности и для слуха и для ума.

Чтобы давать въ произношеніи перевѣсъ надъ цѣлымъ словомъ какому-либо одному его слогу, Санскритскій языкъ имѣетъ въ *гуни* и *вридди* (Guna, Wriddhi) два средства, такъ мастерски развитыя и такъ тѣсно связанныя съ прочими переходами звуковъ, что въ этомъ развитіи и въ этой связи они остаются исключительно его достояніемъ. Такого преобразования звуковъ, по системѣ и по духу, не сохранилъ ни одинъ изъ родственныхъ ему языковъ: въ нихъ уцѣлѣли только отдѣльные отрывки въ видѣ готоваго матеріала. Звукъ *a* гуна и вридди удлинняютъ, изъ *i* и *u* дѣлаютъ двугласныя *ē* и *ō*, гласный *r* измѣняютъ въ *ar* и *ār* (*), а изъ звуковъ *o* и *e* дѣлаютъ двугласныя *ai* и *au*. Когда за *e* и *ai*, за *o* и *au*, происшедшими посредствомъ гуны и вридди, слѣдуетъ гласная, то эти двугласныя разлагаются на *ay* и *āy*, *aw* и *āw*. Черезъ это возникаетъ двойной рядъ пятеричной перемѣны звуковъ, который, по определеннымъ законамъ языка и при постоянномъ дѣйствіи ихъ въ употребленіи, всегда приводитъ къ одному и тому-же первоначальному звуку. Отъ этого языкъ пріобрѣтаетъ разнообразіе благозвучныхъ сочетаній звуковъ безъ всякаго ущерба для своей вразумительности. При гуни и вридди всегда одинъ звукъ ставится вмѣсто другаго; но этотъ переходъ звуковъ не должно принимать за обыкновенную перемѣну одной гласной на другую, какъ это видимъ во многихъ другихъ языкахъ. Важное различіе здѣсь въ томъ, что обыкновенная перемѣна одной гласной на другую обыкновенно имѣетъ свое основаніе не въ

(*) *Lençius*, основываясь на аналогіи этого перехода звуковъ, очень остроумно объявилъ *ar* и *ār* за двугласныя звука *r*. Смотри объ этомъ его: *Palaeographie als Mittel für die Sprachforschung* (стр. 46 — 49 § 36 — 39) — сочиненіе, обильное остроумнѣйшими объясненіями и открывающее новый путь изслѣдованія языковъ.

первоначальной гласной коренного слога, или по-крайней-мѣрѣ не въ ней одной: иногда это основаніе надобно искать въ намѣреніи давать отличія грамматическимъ формамъ, другой разъ — въ законахъ уподобленія или въ какой-либо иной причинѣ, и потому новый звукъ, при разныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть различенъ; а при гунѣ и вриди новый звукъ всегда одинаково простирается изъ самаго первоначальнаго звука измѣняемаго слога и ему одному обязанъ своимъ происхожденіемъ. Такимъ образомъ, сравнивая гунированный звукъ *е* въ Санскритскомъ словѣ *wédmi* съ тѣмъ-же звукомъ въ *ténima*, происшедшимъ, по объясненію Боппа, чрезъ уподобленіе, мы найдемъ, что въ первой формѣ *е* происходитъ изъ *i*, а во второй — отъ слѣдующаго за нимъ слога.

Гуна и вриди *усиливаютъ* первоначальный звукъ и представляютъ степени звучности не только въ-отношеніи къ первоначальному звуку, но въ одинакой мѣрѣ и въ-отношеніи другъ къ другу, какъ сравнительная и превосходная степени въ прилагательныхъ. По ширинѣ выговора и по звуку для слуха, нельзя не признать въ нихъ дѣйствительнаго повышенія звуковъ; но оно разительно обнаруживается и въ значеніи, въ причастіи будущаго страдательнаго, образуемаго окончаніемъ *ya*. Простое понятіе, выражаемое этой формой, требуетъ только гуны; а усиленное отгѣнкомъ необходимости требуетъ вриди: *stáwya* — *достойный хвалы, достохвальный*; *stáwya* — *необходимо долженствующій быть всячески прославляемымъ*. Но особенное свойство этого перехода звуковъ не исчерпывается только ихъ расширеніемъ. Правда, для вриди звука *a* здѣсь надобно сдѣлать исключеніе; но вриди *a* и принадлежитъ къ этому разряду нѣкоторымъ образомъ только въ своемъ грамматическомъ употребленіи, а отнюдь не по звуку. При всякой-же другой гласной или двугласной характеристическое отличіе этихъ повышеній звуковъ состоитъ въ томъ, что ими первоначальный звукъ видоизмѣняется посредствомъ присоединенія къ нему неоднородной съ нимъ гласной или двугласной. Въ гунѣ и вриди всегда

прибавляется къ другимъ гласнымъ или двугласнымъ звукъ *a*; допустимъ-ли, что это *a* всегда короткое въ гунѣ и долгое во вридди впереди простой гласной, или, признаемъ это *a* всегда короткимъ, но въ гунѣ предъ простою гласной, а во вридди предъ гласною гунированной. Образование только долгой гласной чрезъ удвоение ея, за исключеніемъ *a*, сколько мнѣ извѣстно, и не считается за вридди у Индійскихъ грамматиковъ. А такъ-какъ въ гунѣ и вридди всегда является звукъ, для слуха весьма отличный отъ первоначальнаго, и такъ-какъ этотъ новый звукъ всегда имѣеть свою причину въ самомъ первоначальномъ звукѣ, то гуна и вридди происходятъ изъ собственной глубины слога, хотя необъяснимымъ на словахъ, но весьма внятно слышимымъ образомъ. Поэтому, еслибы *гуна*, столь часто измѣняющая коренной слогъ въ глаголахъ, и была опредѣленнымъ признакомъ какихъ-либо грамматическихъ формъ, ее все-таки, даже и по наружному виду ея появленія, можно-бы было буквально считать развитіемъ корня изъ-внутри себя, и гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ языкахъ Семитическихъ, гдѣ происходитъ просто лишь символическая перемѣна гласныхъ (*). Но значеніе гуны вовсе не таково: она составляетъ лишь одну изъ побочныхъ принадлежностей, какія въ Санскритскомъ, по извѣстнымъ законамъ, придаются глагольнымъ формамъ, кромѣ прямого и настоящаго ихъ признака. Гуна, по своей природѣ, чисто-фонетическое явленіе, объяснимое, сколько мы можемъ видѣть ея основаніе, только изъ звуковъ, а не знаменательное само по себѣ, или символическое. Единственный случай, для котораго приводится сдѣлать исключеніе, составляетъ гуниро-

(*) Это было, можетъ быть, однимъ изъ существенныхъ основаній, которыя привели *Фридриха Шлегеля* къ его теоріи дѣленія всѣхъ языковъ (*Sprache und Weisheit der Indier*, стр. 50). Теорія эта, конечно, неудовлетворительна; но замѣчательно, хотя, мнѣ кажется, и мало замѣчается, что этотъ глубокий мыслитель и даровитый писатель первый изъ Нѣмцевъ обратилъ вниманіе на Санскритскій языкъ, какъ на замѣчательное явленіе, и сдѣлалъ въ немъ значительные успѣхи тогда, когда еще вовсе не было такихъ пособій къ его изученію, какъ нынѣ. Даже *Вильямсова* грамматика явилась только въ томъ году, какъ вышеприведенное сочиненіе Шлегеля.

ваніе удвоенной гласной въ интенсивныхъ глаголахъ. Здѣсь назначеніе гуны — выразить усиленное значеніе, и она тѣмъ лучше выполняетъ это назначеніе, что какъ выраженіе усиленнаго значенія достигается въ этихъ формахъ необыкновеннымъ путемъ, такъ и гуна здѣсь является, въ видѣ единственнаго исключенія, въ долгой гласной среди корня, тогда-какъ, по общему правилу, при удвоеніи гласной долгота ея должна бы сократиться.

Въ противоположность сказанному, гуноу во многихъ случаяхъ можно считать символомъ внутренняго *единства слова*, потому-что этотъ переходъ звуковъ, своимъ постепеннымъ движеніемъ въ сферѣ гласныхъ, рѣшительнѣе и крѣпче связываетъ стихіи слова, чѣмъ перемѣны согласныхъ при взаимной встрѣчѣ. Это движеніе гласныхъ походитъ нѣкоторымъ образомъ на удареніе: обоими производится одинаковое дѣйствіе — перевѣсъ главнаго слога, удареніемъ—чрезъ повышеніе голоса, гуной и вриди — чрезъ расширеніе звука. И потому, хотя единство слова сопровождается этимъ движеніемъ гласныхъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, все-же оно составляетъ одинъ изъ разныхъ способовъ обозначенія единства: языкъ, конечно, не осужденъ держаться однихъ и тѣхъ-же путей. Оттого, можетъ быть, это движеніе гласныхъ по-преимуществу свойственно многосложнымъ, длиннымъ формамъ десятаго класса глаголовъ и близкимъ къ нему, причиннымъ глаголамъ. Если-же оно, съ другой стороны, имѣетъ мѣсто и въ глаголахъ самаго малаго объема, то все-же нельзя поэтому отрицать, что въ длинныхъ формахъ оно предотвращаетъ въ выговорѣ распаденіе слоговъ и принуждаетъ его крѣпко смыкать ихъ. Весьма значительно въ этомъ отношеніи то, что гуна господствуетъ въ словахъ, отличающихся крѣпчайшимъ совокупленіемъ стихій— въ разрядѣ Kridanta и въ окончаніяхъ глаголовъ, и дѣйствуетъ въ нихъ обыкновенно на коренной слогъ; но никогда не употребляется въ главномъ слогѣ падежныхъ окончаній, ни въ словахъ, образуемыхъ суффиксами разряда Taddhita.

Вридди имѣеть двоякое употребленіе. Съ одной стороны, это чисто-фонетическая перемѣна, какъ гуна, и въ однихъ случаяхъ подчинена необходимому закону, въ другихъ зависитъ отъ произвола говорящихъ; съ другой стороны, это перемѣна значительная, чисто-символическая. Въ первомъ видѣ она имѣеть мѣсто преимущественно въ конечныхъ гласныхъ, такъ какъ и гуна, которую принимаютъ также только конечныя долгія. Это происходитъ отъ того, что расширеніе гласной на концѣ слова не встрѣчаетъ себѣ ограниченія. На томъ-же самомъ основаніи въ Яванскомъ языкѣ въ подобномъ случаѣ звукъ *a*, имѣющій впереди себя согласную, переходитъ въ неясное *o*. Значительность *вридди* обнаруживается особенно въ суффиксахъ разряда *Taddhita*, и образованіе родовыхъ признаковъ формы собирательныхъ и отвлеченныхъ существительныхъ было, по видимому, первоначальнымъ гнѣздомъ этого повышенія звуковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначально простое конкретное понятіе расширяется. Это расширеніе, хотя не съ одинаковымъ постоянствомъ, метафорически переносится и на другіе случаи. Отсюда могло происходить и то, что прилагательныя, образуемыя суффиксами *Taddhita*, то принимаютъ *вридди*, то сохраняютъ гласную безъ перемѣны: потому-что прилагательное можно считать и конкретнымъ качествомъ и общимъ понятіемъ, обнимающимъ все множество вещей, въ которыхъ это качество является.

Употребленіемъ и не употребленіемъ гуны въ извѣстныхъ случаяхъ, точно опредѣляемыхъ грамматикой, образуется противоположность формъ спряженія. Иногда, хотя впрочемъ гораздо рѣже, эта противоположность производится необходимымъ или произвольнымъ употребленіемъ *вридди* въ однихъ формахъ въ соотвѣтствіе гунѣ въ другихъ. *Боппъ* первый объяснилъ эту противоположность вліяніемъ полногласныхъ и легкихъ окончаній на коренную гласную, и это объясненіе въ цѣломъ совершенно удовлетворительно, хотя при этомъ нѣкоторые случаи приводятся выпускать изъ виду, какъ исключенія.

Полновѣсность окончанія не допускаетъ расширенія въ коренной гласной; легкость, напротивъ, требуетъ ея, и оба правила выполняются повсюду, гдѣ окончаніе придается прямо къ корню, или встрѣчается при этомъ съ гласною, способною къ гунированію. Когда-же вліяніе придаточнаго слога отстраняется другимъ, промежуточнымъ звукомъ, гласнымъ или согласнымъ, и коренной слогъ не подвергается зависимости отъ него, то употребленіе и неупотребленіе гуны, хотя и допускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ постоянно, однако никакъ не можетъ быть объяснено изъ звуковъ, и различіе коренныхъ звуковъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть подведено ни подъ какія общія правила. Истиннаго объясненія употребленія и неупотребленія гуны вообще, мнѣ кажется, надобно искать въ исторіи образованія формъ глагола; а это нынѣ еще темная область, въ которой можно развѣ лишь кое-что угадывать. Можетъ быть, было нѣкогда, по различію нарѣчій или періодовъ, два вида спряженія — съ гуной и безъ гуны — и изъ смѣшенія ихъ возникло нынѣшнее состояніе разсматриваемыхъ формъ въ дошедшей до насъ письменности. Въ пользу этой догадки, повидимому, дѣйствительно говорятъ нѣкоторые классы корней, изъ которыхъ одни спрягаются и съ гуной и безъ гуны, и большею частію всегда въ одномъ и томъ-же значеніи; другіе постоянно гунируются тамъ, гдѣ по другимъ аналогіямъ языка должна-бы явиться вышеупомянутая противоположность гунированныхъ и не гунированныхъ формъ. Этому послѣдняго рода корни встрѣчаются только въ видѣ частныхъ исключеній, а первый составляютъ всѣ глаголы, спрягаемые по образцу перваго и шестаго класса вмѣстѣ, и тѣ глаголы перваго класса, которые многоформное прошедшее имѣютъ, по шестому виду спряженія, даже безъ гуны, совершенно одинаково съ своимъ прошедшимъ, образуемымъ чрезъ приращеніе. Весь этотъ шестой видъ, соотвѣтствующій Греческому второму аористу, былъ, можетъ быть, не что иное, какъ прошедшее съ приращеніемъ негунированнаго спряженія, съ которымъ въ одно

время была въ употребленіи и форма съ гуной (ныѣшнее наше прошедшее съ приращеніемъ отъ корней перваго класса). Мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что въ Санскритскомъ было собственно только два прошедшихъ, а не три, какъ мы теперь считаемъ, и формациі нашего мнимаго третьяго, именно многоформнаго прошедшаго, были только побочныя формы, оставшіяся отъ другихъ эпохъ языка.

Если, такимъ образомъ, въ Санскритскомъ было первоначально двоякое спряженіе — съ гуной и безъ гуны — то возникаетъ нѣкоторымъ образомъ вопросъ: вслѣдствіе чего явилась эта противоположность? Была-ли гуна вытѣснена тяжестью окончаній въ одномъ разрядѣ, или вновь принята при легкости окончаній въ другомъ? Безъ всякаго сомнѣнія, должно утвердительно отвѣтить на первый вопросъ. Такого движенія звуковъ, какъ гуна и вридди, нельзя привить къ языку: они имѣютъ свой корень, по счастливому выраженію Гримма о Нѣмецкомъ Ablaut, въ самой его почвѣ и по своему происхожденію могутъ быть объяснены изъ неясныхъ и широкихъ двугласныхъ, какія мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ. Чувство благозвучія могло смягчить эти грубоватыя звуки и подчинить ихъ опредѣленнымъ размѣрамъ количества. Эта склонность къ расширенію гласныхъ у народа съ счастливою организациею могла раскрыться изъ самыхъ органовъ произношенія въ ритмическихъ размѣрахъ. Ибо нѣтъ надобности и едва-ли основательно приписывать каждое отличное качество образованнаго языка послѣдовательной и постепенной его обработкѣ.

Различіе между грубымъ естественнымъ звукомъ и благоустроеннымъ голосомъ несравненно яснѣе обнаруживается еще на другой звуковой формѣ, доставляющей дѣйствительное пособіе къ внутреннему образованію слова: разумѣю *редупликацію*. Повтореніе начальнаго слога или даже цѣлаго слова съ цѣлю усилить его значительность для выраженія какого-либо новаго оттѣнка понятія, или просто въ видѣ фонетическаго обычая, свойственно многимъ, вовсе необразованнымъ язы-

камъ. Въ другихъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ членахъ Малайскаго племени, вліяніе чувства благозвучія обнаруживается уже тѣмъ, что иногда для повторенія берется не сама коренная гласная, а какой-нибудь родственный съ нею звукъ. Въ Санскритскомъ языкѣ редупликація видоизмѣняется съ строгимъ соотвѣтствіемъ каждому роду внутренняго образованія словъ, такъ-что въ немъ можно насчитать пять или шесть видовъ ея, раздѣленныхъ по разнымъ стадіямъ словообразованія. Всѣ они слѣдуютъ двоякому закону: закону приноровленія приставочныхъ слоговъ къ особенной формѣ слова, и потребности внутренняго единства слова. Въ иныхъ случаяхъ редупликація служитъ вмѣстѣ признакомъ извѣстной грамматической формы. Приноровленіе бываетъ иногда очень замысловато: слогъ, назначенный собственно для приставки спереди, врѣзывается въ середину слова и ставится между начальною гласною его и конечною согласною. Это происходитъ, можетъ быть, отъ того, что эти формы требовали вмѣстѣ приращенія; а къ корнямъ, начинающимся гласною, эти два придаточные слога не могли быть приложены прямо спереди такъ, чтобы ихъ прибавочность была ощутительна. Греческій языкъ, въ которомъ приращеніе и редупликація въ этихъ случаяхъ слилась съ *augmentum temporale*, развилъ въ себѣ подобныя формы для такой-же цѣли (*). Мы имѣемъ здѣсь замѣчательный примѣръ того, какъ при живости и дѣятельности звуковаго смысла, звукъ, формируясь, пролагаетъ себѣ особенные и чудные пути, чтобы сопровождать ими все разнообразіе направленій внутренняго образованія языка, дѣлая каждое изъ нихъ ощутительнымъ.

Намѣреніе — крѣпко связать слово съ приставкою спереди — въ Санскритскомъ языкѣ, въ корняхъ, начинающихся

(*) Въ разсужденіи: *Ueber die Verwandtschaft des Griechischen Plusquamperfectum, der reduplicirenden Aoriste und der Attischen Perfecta mit einer Sanskritischen Tempusbildung*, читанномъ мною въ 1828 г. во Французскомъ Институтѣ, я подробно изложилъ сходство и различіе обоихъ языковъ въ этихъ формахъ и старался объяснить ихъ основанія.

согласною, обнаруживается краткостью повторяемой гласной, которая остается краткою даже и при долгой гласной въ коренномъ слогѣ, такъ-что звукъ слова получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ приставкой. Два единственныя исключенія изъ этого правила имѣютъ свое особенное и повсюду удерживающее перевѣсъ, основаніе: при интенсивныхъ глаголахъ это основаніе состоитъ въ потребности выразить усиленное ихъ значеніе, въ многоформномъ прошедшемъ — въ требованіи фонетическаго равновѣсія между повторяемою и коренною гласною. Въ корняхъ, начинающихся гласною, когда редупликація выражается переменною краткою гласною въ долгую, перевѣсъ звука достается начальному слогу и чрезъ то, какъ при гунѣ, тянетъ къ себѣ остальные, плотно примыкающіе къ нему слоги. Во многихъ случаяхъ редупликація служитъ дѣйствительнымъ признакомъ извѣстныхъ грамматическихъ формъ, или хотя сопровождающимъ ихъ, характеристическимъ видоизмѣненіемъ звука. Лишь въ небольшомъ отдѣлѣ глаголовъ (третьяго класса) она принадлежитъ имъ собственно. Но и здѣсь, какъ при гунѣ, сдается, что въ древнѣйшія времена глаголы можно было спрягать и съ редупликаціей и безъ редупликаціи, безъ всякаго различія какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ значенія: потому-что прошедшее съ приращеніемъ и прошедшее многоформное нѣкоторыхъ глаголовъ третьяго класса отличаются другъ отъ друга только лишь употребленіемъ и неупотребленіемъ редупликаціи. Въ-отношеніи къ редупликаціи, это безразличіе еще естественнѣе, чѣмъ въ гунѣ: потому-что потребность усиливать выраженіе мысли звукомъ посредствомъ повторенія, первоначально могла проистекать только изъ живости личнаго чувства, и потому, при обобщеніи и подчиненіи формъ болѣе постояннымъ правиламъ, она могла послужить поводомъ къ безразличному употребленію по произволу.

Сродное съ редупликаціей по употребленію для прошедшаго времени, *приращеніе* придается корнямъ съ начальною глас-

ной такъ-же съ выгодой для образованія единства слова и составляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательную противоположность подобозвучной приставкѣ, означающей отрицаніе. Тогда какъ *alpha privativum* прикладывается къ корню съ помощію вставочной буквы *n*, приращеніе сливается съ его начальною гласной и уже тѣмъ самымъ показываетъ, что ему, какъ глагольной формѣ, предназначено тѣснѣе соединиться съ корнемъ. Въ этомъ влияніи приращеніе переступаетъ происходящую отъ того гуну и расширяетъ звукъ прямо до вриды — очевидно, потому, что чувство, имѣя въ виду единство слова, хотеть дать стягивающей его элементы, начальной гласной весь возможный перевѣсъ звука. Хотя въ другой формѣ, именно въ прошедшемъ съ редупликаціей, въ нѣкоторыхъ глаголахъ встрѣчается вставка буквы *n*; но этотъ случай остается совершенно единичнымъ, и приставка гласной сопровождается превращеніемъ ея въ долгую.

Кромѣ показанныхъ здѣсь средствъ, богатые звуками языки имѣютъ еще цѣлый рядъ другихъ, которыя все выражаютъ ощущеніе потребности дать слову органическое построение, которое соединяло-бы въ немъ внутреннюю полноту и благозвучіе. Въ Санскритскомъ сюда можно отнести удлинненіе гласныхъ, переиѣны одной на другую, переходъ гласной въ полугласную, расширеніе ея до слога посредствомъ слѣдующей полугласной и, нѣкоторымъ образомъ вставку носоваго звука, не говоря о переиѣнахъ, происходящихъ при встрѣчѣ буквъ въ серединѣ словъ по общимъ законамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ окончательное образованіе звука протстекаетъ вмѣстѣ изъ свойства корней и изъ существа грамматическихъ наращеній. А самостоятельность и твердость звуковъ, ихъ средство и противоположность, равно и относительный вѣсъ ихъ, обнаруживаются при этомъ то въ первоначальной гармоніи, то во взаимномъ противорѣчьи, которое всегда прекрасно улаживается организирующимъ геніемъ языка. Еще яснѣе обнаруживается забота о единствѣ слова въ *законѣ вознагражденія*, по которому

усиленіе или ослабленіе звука въ одной части слова ведетъ за собою, для установленія равновѣсія, соотвѣтствующую перемѣну въ другой части. Здѣсь, въ послѣднемъ актѣ образованія слова, качество звука уже не берется въ расчетъ. Геній языка касается только безплотной, количественной стороны и работаетъ слово, какъ рядъ ритмическихъ отдѣловъ, какъ-бы по законамъ метрики. Санскритскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи такія замѣчательныя формы, какія не легко найти въ другихъ языкахъ. Многоформное прошедшее причинныхъ глаголовъ (у Боппа седьмое образованіе), образуемое посредствомъ приращенія и редукаціи вмѣстѣ — прекрасный въ этомъ родѣ образчикъ. По свойству образованія этихъ формъ прошедшаго времени отъ корней, начинающихся согласною, за краткою гласною приращенія слѣдуютъ редукація и коренной слогъ слова: оба придаточные слога геній языка старается ставить въ опредѣленные метрическія отношенія къ количеству кореннаго слога. При немногихъ исключеніяхъ, въ которыхъ придаточные слоги получаютъ размѣръ пиррихія (ajagadam ∪ ∪ ∪ ∪ отъ gad говорить) или спондея (adadhṛādam ∪ - - ∪ отъ dhṛad, опадать, вянуть), обыкновенно они слѣдуютъ другъ за другомъ или въ размѣрѣ ямба (adadūsham ∪ ∪ - ∪ отъ dush грѣшить, пятнать себя), или трохея (achikalam ∪ - ∪ ∪ отъ kal метать, махать), и рѣдко предоставляютъ выговору свободный выборъ того или другаго изъ этихъ законовъ. Разбирая въ этихъ формахъ положеніе количества, съ перваго взгляда очень запутанное, усматриваешь, что языкъ держится здѣсь въ высшей степени простаго пути. Допуская въ коренномъ слогѣ перемѣну количества, онъ только прибѣгаетъ къ закону вознагражденія. Когда коренной слогъ изъ долгаго дѣлается краткимъ, равновѣсіе возстановляется удлинненіемъ гласной въ редукаціи: отъ этого происходитъ размѣръ трохея, который въ этихъ формахъ, какъ кажется, особенно нравился народному чувству. Перемѣна количества въ коренномъ слогѣ, повидимому, должна нарушать высшій законъ — касательно не-

прикосновенности его звука; но при строжайшемъ разборѣ оказывается, что здѣсь вовсе нѣтъ подобнаго нарушенія. Прощедшія времена этой формациі образуются не изъ первоначальныхъ корней, а уже изъ видоизмѣненной по грамматическому правилу, причинной ихъ формы. Слѣдовательно превращеніе длиннаго слога въ короткій вообще есть принадлежность только причиннаго корня. Когда-же въ такихъ формаціяхъ долгая гласная, или даже двугласная, встрѣчается уже въ первоначальномъ корнѣ, то языкъ не посягаетъ на это природное его качество, оставляетъ коренной слогъ неприкосновеннымъ, не удлинняетъ и придаточныхъ слоговъ, которые по общему правилу должны быть краткими. Отъ этой невозможности выполнить принятый способъ образованія возникаетъ ямбическое теченіе звуковъ, которое есть естественное, ничѣмъ не измѣненное положеніе количества. Точно такъ-же наблюдаются случаи, когда долгота слога зависитъ не отъ свойства гласной, а происходитъ отъ положенія ея предъ двумя согласными. Стеченіи двухъ такихъ причинъ долготы звука языкъ не допускаетъ, и потому оставляетъ гласную редупликаціи краткою даже и тамъ, гдѣ должно было имѣть мѣсто трохенческое теченіе. Замѣчательно, что и собственно-Малайскій языкъ обнаруживаетъ въ себѣ заботу получить въ словѣ, при грамматическомъ его наращеніи, единицу и образовать изъ него эфоническое цѣлое такъ-же посредствомъ переменны количества въ коренномъ слогѣ. Въ приведенныхъ Санскритскихъ формахъ, при ихъ сложности и благозвучіи, мы имѣемъ самые яркіе образчики того, что можетъ развиваться въ языкѣ изъ корней односложныхъ, если въ немъ съ богатымъ алфавитомъ соединяется твердая и, при чуткости слуха, къ самымъ тонкимъ отгѣнкамъ чувствительная система звуковъ и если къ тому-же образованіе словъ въ немъ происходитъ посредствомъ наращенія и внутренней перемены звуковъ, которыя подчинены такъ-же опре-

дѣленнымъ правиламъ на разнообразныхъ и тонко-различаемыхъ грамматическихъ основаніяхъ. (*)

§ 16. Способы обозначенія единства слова. Удареніе.

Другое средство къ образованію единства слова, по существу дѣла свойственное всѣмъ языкамъ, но въ языкахъ мертвыхъ намъ извѣстное лишь тамъ, гдѣ живой выговоръ сохраненъ ясными для насъ знаками, составляетъ *удареніе*. Въ слогѣ можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первые два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ-бы тѣлесный его видъ; удареніе-же (въ собственномъ смыслѣ, а не метрическое повышеніе) зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ-бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, менѣе вещественное, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заклеить произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ-по-себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда-же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ первому

(*) Сказанное здѣсь объ этой формѣ *прошедшаго причиннаго* глаголовъ извлечено изъ подробнаго трактата о формахъ этого времени, уже нѣсколько лѣтъ назадъ тому мною обработаннаго. По руководству прекраснаго для такихъ работъ пособія—Форстеровой грамматики, я пересмотрѣлъ въ этомъ трактатѣ всѣ корни языка, старался вывести различіе ихъ образованія изъ основаній и отмѣчалъ даже частныя исключенія. Но мой трудъ остался неизданнымъ, потому-что такое специальное изслѣдованіе о корняхъ, встречающихся весьма рѣдко, могло-бы имѣть интересъ слишкомъ для малаго круга читателей.

даетъ перевѣсъ, заставляетъ примыкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое цѣлое. Оба эти явленія — отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе: иначе слово распалось-бы на двое и изъ одного вышло-бы два. Но въ словѣ могутъ быть побочныя ударенія, простирая или изъ ритмическаго его свойства, или изъ оттѣнковъ его значенія (*).

Удареніе больше всякаго другаго свойства языка подлѣжитъ двоякому вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго. Но чѣмъ болѣе смыслъ народа входитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ритмическую и музыкальную сторону языка, тѣмъ болѣе предоставляетъ ей вліянія на удареніе. Вообще-же, заботливость объ удареніи

(* Такъ-называемыя безтонныя (ἀτονα) слова въ Греческомъ языкѣ, имѣ кажется, не противорѣчатъ этому положенію. Я слишкомъ, впрочемъ, удалился-бы отъ главнаго предмета, еслибы захотѣлъ показать, какъ эти слова большею частію примыкаютъ къ ударенію слѣдующаго слова, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это объясненіе не можетъ имѣть мѣста (напр. οὐκ у Софокла Oedipus Rex v. 334—336. Ed. Brunckii), безъ сомнѣнія, имѣли въ выговорѣ слабое удареніе, которое только не писалось. Что каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе, Латинскіе грамматики говорятъ прямо. Цицеронъ въ Orat. 18. natura, quasi modularetur hominum orationem, in omni verbo posuit acutam vocem, nec una plus. Греческіе грамматики, трактуя объ удареніи, принимаютъ его больше за свойство слоговъ, чѣмъ словъ. У нихъ имѣ неизвѣстно ни одного мѣста, гдѣ-бы о единичности ударенія въ словѣ было сказано въ видѣ общаго правила. Можетъ быть, ихъ вводили въ заблужденіе тѣ случаи, гдѣ слово, по причинѣ энклитическихъ слоговъ, получало два ударенія, гдѣ однакожъ удареніе, принадлежащее примыкающимъ слогамъ, конечно, было побочнымъ. Впрочемъ, и у нихъ есть опредѣленные намеки на это необходимое единство. Такъ Аркадій (παρὶ τόνων. Et. Barkeri. p. 190) говоритъ объ Аристофанѣ: τὸν μὲν δὲῦν τόνον ἐν ἅπαντι μέρει καθάρῳ τόνου ἅπασι ἐμφαίνεσθαι δεξιμάσας.

предполагаетъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ одно желаніе сдѣлать рѣчь вразумительною. Въ этой заботливости вмѣстѣ высказывается стремленіе выразить умственную энергію мысли и ея частей выше мѣры надобности для взаимнаго разумѣнія между людьми. Ни въ одномъ языкѣ это не видно такъ ясно, какъ въ Англійскомъ, гдѣ удареніе очень часто пересиливаетъ количество слоговъ и даже измѣняетъ особенный вѣсъ ихъ въ составѣ слова. Приписывать это недостатку чувства благозвучія было-бы величайшею несправедливостью. Напротивъ, только умственная энергія, свойственная характеру народа, обнаруживаясь то быстрою рѣшительностью мысли, то торжественною важностью представленія, заставляетъ въ выговорѣ давать перевѣсъ надъ всѣми стихіями тѣмъ изъ нихъ, которымъ отдается преимущество въ мысли. Изъ совокупленія этой особенности съ законами благозвучія, часто понимаемыми очень чисто и опредѣленно, происходитъ въ Англійскомъ языкѣ истинно дивное, со стороны ударенія и выговора, словопостроеніе (*). Еслибы потребность сильно и рѣзко отгнѣять рѣчь удареніями не коренилась такъ глубоко въ Англійскомъ характерѣ, то одна наклонность къ публичному краснорѣчію не доставила-бы удовлетворительнаго объясненія тому сильному расположенію, какимъ видимо пользуется у Англичанъ эта сторона языка. Другія стороны имѣютъ связь больше съ умственными особенностями народовъ: удареніе имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшую и тѣснѣйшую связь съ ихъ характеромъ.

(*) Эту любопытную и вмѣстѣ труднѣйшую часть Англійскаго выговора — удареніе — подробно разсмотрѣлъ и болѣею частью вновь разработалъ Бушманъ въ своемъ *Lehrbuch der Englischen Aussprache*. Онъ показалъ въ постановкѣ ударенія три направленія: удареніе на коренномъ или первомъ слогѣ (§ 2 — 15, § 26, 27 и 30), сохраненіе иностраннаго ударенія (§ 16—22) и замѣчательное привлеченіе ударенія окончаніями (§ 23—25), между которыми, какъ объясняется особенно въ § 28 — 32 и въ Прим. 34, Англ. языкъ, въ своемъ не-Германскомъ запасѣ словъ, часто бродитъ ощупью и на-удачу. — Упомянутое мною выше, побочное удареніе Бушманъ отыскиваетъ въ Англійскомъ языкѣ (§ 75—78) на пространствахъ по числу слоговъ (двухъ, а иногда, по причинѣ первоначальной знаменательности, трехъ).

Соединение словъ въ рѣчи представляетъ въ себѣ случаи, когда второстепенныя слова примыкаются къ важнѣйшимъ слогомъ ударенія, не сливаясь впрочемъ съ ними воедино. Въ Греческомъ языкѣ это положеніе словъ называется *ἔγκλισις* — наклоненіемъ или прилеганіемъ. Второстепенное слово теряетъ тогда свою независимость, но не теряетъ самостоятельности отдѣльной стихіи рѣчи. Оно теряетъ свое удареніе и поступаетъ въ область ударенія важнѣйшаго слова. Когда-же эта область отъ такого приращенія достигаетъ обширности, несовмѣстной съ законами языка, то важнѣйшее слово получаетъ другое удареніе на послѣднемъ слогѣ, къ которому и примыкаютъ второстепенныя слова (*). Этимъ притяженіемъ ихъ не нарушается естественное дѣленіе словъ: это ясно видно изъ способа употребленія *энклитическаго ударенія* въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. Когда стоятъ рядомъ два энклитическія слова, то послѣднее, по выговору со стороны ударенія, не поступаетъ, какъ первое, въ область важнѣйшаго слова, а примыкаетъ къ первому, которое для него получаетъ острое удареніе. Такимъ образомъ энклитическое слово не пренебрегается, какъ ничтожное, а съ почетомъ принимается за самостоятельное слово, способное служить опорой для другаго. Къ наибольшему подтвержденію сказаннаго, самостоятельная особенность такихъ энклитическихъ словъ оказываетъ даже вліяніе на свойство ударенія. Такъ-какъ обложенное удареніе нельзя измѣнить въ острое, то въ случаѣ обложеннаго ударенія на первомъ изъ двухъ энклитическихъ словъ, стоящихъ рядомъ, переходъ удареній не допускается, и второе энклитическое слово сохраняетъ свое первоначальное удареніе (**). Я привелъ всѣ

(*) У Греческихъ грамматиковъ это называется *будить дремлющее удареніе слова*. Употребляется также выраженіе: *назадъ отбрасывать удареніе* (*ἀναβιβάζειν τὸν τόνον*); но эта метафора не такъ удачна. Изъ цѣлой связи ученія о Греческомъ удареніи видно, что дѣло именно такъ происходитъ, какъ описано выше.

(**) Напр. въ Иліадѣ I ст. 178. *Θεός που σοὶ τὸ γ' ἔδωκεν.*

эти подробности лишь для того, чтобы показать, какъ тщательно отмѣчаются въ языкахъ высоко и утенченно-образованныхъ разныя степени единства словъ, даже до тѣхъ случаевъ, гдѣ нѣтъ ни полнаго и рѣшительнаго отдѣленія, ни такого-же слиянія стихій.

§ 17. Система совокупленій въ языкахъ. Составъ предложенія.

До-сихъ-поръ мы принимали *слово* за цѣлое и разсматривали въ немъ совокупленіе стихій и ихъ единство. Но это цѣлое получаетъ свое образование для того, чтобы войти въ *предложеніе* опять въ видѣ стихій. Такимъ образомъ языку предстоитъ здѣсь образовать другое, высшее единство, высшее не потому только, что оно больше по объему, но и потому, что оно, допуская лишь побочное вліяніе звука, исключительно зависитъ отъ собственной формы умственной силы, организующей языкъ. Тамъ, гдѣ, какъ въ Санскритскомъ, отношенія словъ къ предложенію входятъ въ составъ словъ, тамъ предложеніе распадается на части, въ какихъ оно по своей природѣ представляется разсудку: цѣлость предложенія какъ-бы выстраивается изъ этихъ частей. Въ языкахъ, которые, какъ Китайскій, держатъ каждый слогъ въ оцѣпенѣлой неподвижности, хотя дѣлается то-же и почти еще въ строжайшемъ смыслѣ, такъ-какъ слова въ этихъ языкахъ совершенно разъединены между собою; но при построеніи цѣлости предложенія такіе языки помогаютъ разсудку частію только беззвучными средствами, какъ напр. размѣщеніемъ словъ, частію-же особенными, опять различными словами. Но есть еще другой, если относить эти два къ одному разряду, противоположный этимъ двумъ, стало-быть, лучше, третій способъ упрочивать для разумѣнія цѣлость предложенія: по этому способу всѣ необходимыя части предложенія принимаются не за сложное изъ словъ цѣлое, а какъ-бы дѣйствительно за одно отдѣльное слово.

Если смотрѣть со стороны предложенія, — какъ и слѣдуетъ прежде всего, потому что каждое выраженіе говорящаго, даже самое неполное, по намѣренію его, дѣйствительно содержитъ въ себѣ оконченную мысль, — то языки, слѣдующіе вышеупомянутому третьему способу образованія, отнюдь не разсѣкаютъ цѣлость предложенія а, напротивъ, стараются какъ можно крѣпче сплотить предложеніе. Но они видимо нарушаютъ границы отдѣльнаго слова, распространяя его форму на составъ предложенія. Такъ-какъ Китайская метода слишкомъ слабо выражаетъ въ языкѣ чувство цѣлости предложенія, то различіе между единствомъ предложенія и единствомъ слова правильно наблюдается только въ языкахъ истинно-флективныхъ, и языки тогда только доказываютъ, что все существо ихъ проникнуто флексіей въ истинномъ смыслѣ, когда они, съ одной стороны, доводятъ до окончательнаго совершенства образованіе единства слова и когда, съ другой стороны, въ то-же время держать это единство въ собственной его сферѣ, допускаютъ въ предложеніи отдѣльность всѣхъ необходимыхъ его частей и только изъ нихъ возсоздаютъ его цѣлость. Потому *флексія, единство слова и членораздѣльный составъ предложенія* — такія неразлучныя явленія, что неудовлетворительное образованіе того или другаго въ языкѣ всегда невѣрно показываетъ, что ни одно изъ нихъ не дѣйствовало на образованіе его въ самомъ чистомъ, ничѣмъ не омраченномъ своемъ смыслѣ. Вышеупомянутые три способа: во-первыхъ, тщательное грамматическое приспособленіе слова къ совокупленію въ предложеніи, во-вторыхъ, непрямое и большею частію беззвучное обозначеніе этого совокупленія и, въ-третьихъ, стискиваніе всего предложенія, сколько это возможно, въ одну форму, за одинъ приѣмъ произносимую, эти три способа исчерпываютъ всѣ пути, которыми языки достигаютъ совокупленія словъ въ предложеніи. Во многихъ языкахъ находятся отдѣльные, болѣе или менѣе сильные или слабые, слѣды каждой изъ этихъ трехъ методъ. Гдѣ-же одна изъ нихъ рѣши-

тельно преобладаетъ и дѣлается средоточіемъ организма, тамъ она, съ болѣе или менѣе строгою послѣдовательностью, склоняется на свою сторону все строеніе языка. Въ примѣрѣ самаго сильнаго преобладанія каждой изъ нихъ можно выставить языки: Санскритскій, Китайскій и, какъ сейчасъ будетъ показано, *Мексиканскій*. (*).

Чтобы выразить совокупность понятій простаго предложенія въ единичной формѣ совокупленныхъ звуковъ, Мексиканскій языкъ принимаетъ *лазолъ* за настоящее его средоточіе, старается примкнуть къ нему, сколько возможно, управляющія

(*) Прозволяю себѣ сдѣлать замѣчаніе о выговорѣ имени Mexico. Передать звукъ *x* въ этомъ имени буквами *кс*, конечно, неправильно; но мы еще больше удалились-бы отъ настоящаго туземнаго выговора, ееслибы, слѣдуя еще болѣе испорченному Испанскому выговору, навсегда утвержденному новѣйшимъ правописаніемъ Mejico, замѣнили *кс* (*x*) гортанною *с* (*sh*). Въ имени бога войны Mexitli и въ присшедшемъ отъ него имени города Mexico третья буква, по туземному выговору, есть сильный шипящій звукъ, хотя въ точности нельзя опредѣлить, въ какой степени онъ близокъ къ нашему *ш* (*sch*). На это я былъ наведенъ прежде всего тѣмъ, что *Кастилія* по-Мексикански пишется Saxtil, а въ родственномъ ему языкѣ Кора Испанское *resaca* *сочито* пишется rexivi. Еще яснѣе нашелъ я подтвержденіе этой догадкѣ въ передлчѣ буквы *x* въ Мексиканскихъ словахъ Итальянскимъ *sc* у Gilij (Saggio di storia Americana. III. 343). Находя этотъ-же самый или подобный шипящій звукъ разныхъ другихъ Американскихъ языковъ, передаваемымъ у Испанскихъ грамматиковъ буквою *x*, я объяснялъ себѣ эту странность недостаткомъ звука *ш* (*sch*) въ Испанскомъ языкѣ. Не имѣя въ своемъ алфавитѣ звука, подобнаго Мексиканскому, они избрали для его изображенія двусмысленный у нихъ и даже чуждый ихъ языку *x*. Впослѣдствіи я нашелъ такое-же объясненіе этого смѣшенія звуковъ у экс-іезуита Каманьо, который, съ своей стороны, объясняетъ изображаемый буквою *x*, звукъ Хиквитскаго языка (внутри южной Америки) Нѣм. *sch* и Франц. *ch*. Отзывъ объ этомъ находится въ его рукописной Хиквитской грамматикѣ, очень систематически составленной и полной, которую подарилъ мнѣ статскій совѣтникъ Шлецеръ изъ наслѣдства послѣ своего отца. Что Испанскій *x* въ Американскихъ языкахъ представляетъ именно такой звукъ, прямо подтвердилъ мнѣ наконецъ Бушманъ, знающій это по собственному опыту на мѣстѣ. Значеніе Испанскаго *x*, по его мнѣнію, здѣсь еще обширнѣе: этой буквой передается звукъ, занимающій средину между Нѣмецкимъ *sch* и, Французскимъ *j*, и также оба эти звука. Итакъ, чтобы не удалиться отъ туземнаго выговора, слѣдовало-бы произносить имя столицы Новой Испаніи почти такъ, какъ пишутъ Итальянцы, или, говоря точнѣе, произносить такъ, чтобы выговоръ приходился между правописаніемъ Messico и Mexibico.

и управляемыя части предложенія и посредствомъ формованія звуковъ умѣетъ сплотить эту группу стихій въ совокупное цѣлое, напр. ¹ni-²паса-³qua ¹я ²лѣмъ ³мясо. Такое совокупленіе существительнаго съ глаголомъ можно-бы принять за сложный глаголѣ, въ родѣ Греческаго $\chi\rho\epsilon\omega\phi\alpha\gamma\acute{\epsilon}\omega$; но въ Мексиканскомъ языкѣ это, очевидно, понимается иначе. Потому-что если самаго существительнаго, почему-бы то ни было, нельзя совокупить съ глаголомъ, то на мѣсто его ставится при глаголѣ мѣстоименіе третьяго лица: ясное доказательство, что съ глаголомъ, и именно въ самомъ глаголѣ, непременно дается схема конструкціи всего предложенія: ¹ni-²c-³qua-⁴in-¹паса²tl ¹я ²лѣмъ ³его, ⁴это ⁵мясо. Предложеніе по формѣ является оконченнымъ уже въ глаголѣ, и потомъ, какъ-бы посредствомъ аппозиціи, только положительнѣе опредѣляется его содержаніе. Безъ пополненія такими побочныѣе опредѣленіями, глагола, по Мексиканскимъ понятіямъ, нельзя и представить. Потому, если при глаголѣ нѣтъ опредѣленнаго объекта, то къ нему присоединяется особенное неопредѣленное мѣстоименіе, имѣющее двѣ разныя формы — для лицъ и для вещей: ¹ni-²тла-³qua ¹я ²лѣмъ ³нѣчто, ¹ni-²те-³тла-⁴паса ¹я ²даю ³нѣчто ⁴кому-либо. Что здѣсь есть намѣреніе дать этимъ группамъ звуковъ совокупность одного цѣлаго, это обнаруживается какъ-нельзя яснѣе. Потому-что, когда такой глаголѣ, совмѣщающій въ себѣ предложеніе или его схему, ставится въ прошедшемъ времени и для того принимаетъ приращеніе *о*, это *о* ставится непременно въ началѣ всей этой вереницы; а это прямо показываетъ, что тѣ побочныя опредѣленія всегда и необходимо принадлежать глаголу, а приращеніе придается ему только при случаѣ, для обозначенія прошедшаго времени. Такъ отъ глагола *ni-nemi* я живу, при которомъ, какъ интразитивномъ, не можетъ быть никакого другаго мѣстоименія, прошедшее — *o-ni-nep* я жилъ, отъ таса *дать* — *o-ni-c-te-tаса-c* я далъ нѣчто кому-то. Еще важнѣе, что для словъ, при-

совокупляемых къ глаголамъ, существуютъ двѣ строго различаемыя формы: самостоятельная и совокупительная—предусмотрительность, безъ которой вся эта метода была-бы невразумительна и которую потому надобно считать ея основаніемъ. При совокупленіи съ глаголомъ, равно-какъ и въ сложныхъ словахъ, имена освобождаются отъ своихъ оканчаній, которыя всегда сопровождаютъ ихъ въ самостоятельномъ употребленіи и составляютъ отличительный признакъ этого разряда словъ. *Мясо*, какъ мы видѣли, въ совокупленіи называется паса, а въ самостоятельномъ употребленіи *pasatl* (*). Изъ совокупаемыхъ *мѣстоименій* ни од-

(*) Конечный звукъ этого слова, по своему употребленію въ Мексиканскомъ языкѣ составляющій нѣкоторымъ образомъ отличительную его особенность, у Испанскихъ грамматиковъ постоянно выражается буквами *tl*. Тапіа Зентено (Tapia Zenteno, Arte novissima de lengua Mexicana 1753 pag. 2, 3) замѣчаетъ только, что въ началѣ и въ срединѣ словъ эти двѣ согласныя выговаривались-бы, какъ въ Испанскомъ; но на концѣ онѣ имѣютъ звукъ одной буквы, который трудно научиться выговаривать. Описавъ этотъ звукъ довольно неясно, онъ рѣшительно признаетъ неправильнымъ выговоръ словъ: *tlatlacolli* *тльтль* и *tlanantli* *слои*, какъ *clacacolli* и *clamancli*. Но когда я, чрезъ посредство моего брата, письменно обратился съ этимъ вопросомъ къ гг. *Аламану* и Мексиканскому уроженцу *Кастореню*, то получилъ въ отвѣтъ, что по нынѣшнему выговору *tl* всѣми и во всѣхъ случаяхъ произносится *el*. Въ пользу этого говорить и слово *claso*, по правописанію *tlaso*,—слово самое обыкновенное въ Мексикѣ, перешедшее въ Испанскій языкъ, и означающее мѣдную монету — половину *quartillo*, т.-е осмую часть реала. Въ языкѣ *Кора* нѣтъ буквы *l* и потому здѣсь въ Мексиканскихъ словахъ удержалась только первая стихія звука *tl*. Но и въ этомъ языкѣ Испанскіе грамматики ставятъ всегда *t* (а не *c*); напр. *tlatolani* *губернаторъ*, по-Корайски *tatoani*. То-же *t*, вѣсто Мекс. *tl* находится, по словамъ *Бушмана*, и въ замѣчательномъ родственникѣ Мексиканскаго — въ языкѣ *Канита*, въ Мексиканской области Циналоа, гдѣ напр. вышеприведенное *tlatlacolli* *тльтль* имѣетъ форму: *tatacolli* (*Manual para administrar á los Indios del idioma Cahita los santos sacramentos. Mexico. 1740 pag. 63*). Я писалъ еще разъ къ гг. *Аламану* и *Кастореню*, представляя возраженіе изъ Корайскаго языка, но отвѣтъ былъ тотъ-же, что прежде. Итакъ о нынѣшнемъ выговорѣ не можетъ быть сомнѣнія; остается рѣшить: измѣнилось-ли произношеніе съ теченіемъ времени, замѣнивъ прежнее *t* буквою *k*, или звукъ, предшествующій *l*, всегда былъ неясенъ, что-то среднее между *t* и *k*? Въ выговорѣ туземцевъ *Тамти* и *Сандичевы* острова, этихъ звуковъ, какъ я самъ слышалъ, почти нельзя отличить другъ отъ друга. Я принимаю это послѣднее объясненіе. Испанцы первые серьезно взялись за изученіе этого языка и приняли неясный звукъ за *t*; и такъ-какъ это правописаніе принято въ ихъ со-

но не употребляется въ той-же самой формѣ отдѣльно. Неопредѣленные мѣстоименія въ самостоятельномъ употребленіи вовсе не встрѣчаются. Относящіяся къ опредѣленному предмету имѣютъ формы болѣе или менѣе отличныя отъ такихъ-же самостоятельныхъ мѣстоименій. Означенная метода сама собою показываетъ, что соединительная форма для мѣстоименій должна быть двоякая: одна для управляющихъ, другая для управляемыхъ. Самостоятельныя личныя мѣстоименія, для особенной выразительности, могутъ сами ставиться предъ описанными здѣсь формами; но относящіяся къ нимъ совокупаемые по этому не выбрасываются. Подлежащее предложенія, выраженное особеннымъ словомъ, не сливается съ глаголомъ; а въ формѣ предложенія его присутствіе обозначается тѣмъ, что въ ней управляющаго мѣстоименія, означающаго третье лицо, въ личности не бываетъ.

Если пересмотримъ все разнообразіе видовъ, въ какихъ даже и простое предложеніе можетъ представляться нашему уму, то легко замѣтимъ, что строгая совокупительная метода не можетъ быть проведена по всѣмъ видамъ предложенія. Форма предложенія, составляемаго по этой методѣ, не всегда можетъ вмѣщать въ себѣ всѣ понятія, какія могутъ входить въ составъ его: нѣкоторыя изъ нихъ необходимо должны оставаться внѣ ея рамы, въ отдѣльныхъ словахъ. Но языкъ въ такихъ случаяхъ все-таки идетъ по избранному пути и, встрѣчая затрудненія, вновь придумываетъ искусственные извороты. Такъ напр., когда что-нибудь совершается въ-отношеніи къ кому или чему-нибудь, для кого-нибудь или противъ кого, присовокупляемое къ глаголу управляемое опредѣленное мѣстоименіе непременно должно производить недоразумѣніе, потому-что можетъ относиться къ двумъ объектамъ. Для такихъ случаевъ есть

чиненіяхъ, то на немъ и остановились. Кажется, впрочемъ, что и отъчуждъ Тапіа Зейтена обнаруживаетъ какую-то неопредѣленность звука, которую онъ старается только не допустить до рѣшительнаго перехода, по Испанскому выговору, въ ясный звукъ *sl*.

особый видъ глагола, образуемый посредствомъ прибавки въ окончанія: въ остальномъ этотъ глаголѣ слѣдуетъ общимъ правиламъ. Схема предложенія здѣсь опять готова, по прежнему въ сжатой формѣ. Предметъ дѣйствія означенъ управляемымъ мѣстоименіемъ впереди глагола, побочное отношеніе къ другому предмету — на концѣ, и за тѣмъ названія обоихъ предметовъ могутъ слѣдовать другъ за другомъ внѣ схемы предложенія безъ всякаго признака ихъ отношеній, не возбуждая никакихъ недоразумѣній: *chihua дѣлать, chihui-lia дѣлать для или относительно кого, съ переменною a на i по закону уподобленія; pi-c-chihui-lia in no-piltzin se calli я-это-дѣлаю-для этого моего-сына одинъ домъ.*

Въ совокупительной методѣ Мексиканскаго языка обнаруживается вѣрное чувство состава предложенія въ томъ, что она всѣ отношенія его примыкаетъ къ глаголу, т.-е. къ такому пункту, на которомъ дѣйствительно связываются въ единство всѣ части предложенія. Этимъ она существенно и съ выгодой для себя отличается отъ Китайской безсвязности, при которой глаголѣ не всегда довольно обезпечивается въ своемъ формальномъ значеніи своимъ мѣстомъ и часто узнается только по своему вещественному значенію. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, при множествѣ дополнительныхъ словъ въ предложеніи, части его ставятся отдѣльно отъ глагола, Мексиканскій языкъ опять сближается съ Китайскимъ. Предоставляя все дѣло обозначенія отношеній одному глаголу, онъ покидаетъ имена вовсе безъ знаковъ ихъ отношеній. Къ Санскритской методѣ онъ приближается тѣмъ, что дѣйствительно проводитъ нить, связывающую части предложенія; но во всемъ остальномъ онъ представляетъ ему значительную противоположность. Въ Санскритскомъ каждое слово совершенно просто и естественно помѣщается въ качествѣ составной части предложенія. Въ совокупительной методѣ этого не дѣлается; но, когда нѣтъ возможности все сжать въ одинъ комъ, изъ середины предложенія

выставляются примѣты, какъ какіе-нибудь острые концы, по направленію которыхъ можно узнать, гдѣ надобно искать ту или другую часть предложенія. Отъ труда доискиваться и угадывать эта метода не избавляетъ; напротивъ, самымъ способомъ своихъ указаній переходить въ противоположную систему — въ систему полного отсутствія указаній. Если, впрочемъ, въ этой методѣ есть что-нибудь общее съ двумя другими, то было-бы вовсе несогласно съ существомъ ея видѣть въ ней смѣсь тѣхъ двухъ методъ или представлять, что во внутреннемъ чувствѣ языка не достало только силы выполнить систему обозначенія отношеній по всѣмъ частямъ предложенія. Напротивъ, въ Мексиканскомъ составѣ предложенія, очевидно, дѣйствуетъ совершенно особенное воззрѣніе. Предложеніе, по этому воззрѣнію, не можетъ допускать въ себѣ построенія, не можетъ создаваться изъ частей постепенно, но должно быть дано вдругъ, въ видѣ готовой, одинъ разъ навсегда отлитой формѣ.

Если можно позволить себѣ смѣлость спускаться мыслію въ глубину древности, къ первому зачатію языка, то человѣкъ, конечно, съ каждымъ звукомъ, исторгающимся изъ его груди, соединялъ полный смыслъ, стало-быть, оконченное предложеніе, и высказывалъ, по своему намѣренію, конечно, не отдѣльное лишь слово, хотя-бы, по нашему воззрѣнію, его изреченіе содержало въ себѣ не болѣе того. При всемъ томъ, вудя о первоначальномъ отношеніи предложенія къ слову, отнюдь не должно представлять, будто предложеніе, само-по-себѣ полное и подробное уже въ самомъ началѣ, только впоследствии разложилось на слова посредствомъ отвлеченія. Если всего естественнѣе представлять образованіе языка постепеннымъ, то надобно допустить, что оно, какъ и все возникающее къ бытію въ природѣ, произошло по системѣ эволюціи. Чувство, выражаясь въ звукъ, конечно, все содержитъ въ зародышѣ; но въ самомъ звукѣ не все тотчасъ видно, что есть въ зародышѣ. Только по-мѣрѣ-того, какъ чувство развивается яснѣе, артикуляція получаетъ больше свободы и опредѣленности, и даръ слова

ободряется удачными опытами взаимнаго разумѣнія между говорящими; только въ этой мѣрѣ стихія, прежде сомкнутыя и темныя, становятся яснѣе и выступаютъ на свѣтъ въ особенныхъ звукахъ. Мексиканская метода имѣеть нѣкоторое сходство съ этимъ процессомъ. Она выдвигаетъ сперва совокупное цѣлое, которое въ формальномъ отношеніи полно и удовлетворительно; содержаніе, еще не опредѣленное вещественно, она прямо обозначаетъ, какъ нѣчто неопредѣленное, мѣстоименіемъ, и потомъ на эти неопредѣленныя черты по-одиначкѣ наводитъ, такъ-сказать, краски дѣйствительности. Такъ-какъ совокупляемыя съ глаголомъ слова не имѣють тѣхъ окончаній, съ какими они являются въ самостоятельномъ употребленіи, то изъ означеннаго процесса само-собою слѣдуетъ, что въ дѣйствительномъ ходѣ образованія языка здѣсь надобно допустить не отбрасываніе окончаній для совокупленія, а, напротивъ, прибавленіе ихъ лишь при самостоятельномъ употребленіи словъ. Тотъ даль-бы, впрочемъ, совершенно превратный смыслъ моимъ словамъ, кто подумалъ-бы, что по этому Мексиканская система образованія предложенія мнѣ кажется самою близкою къ первымъ начаткамъ языка. Прилагать понятія о времени къ области, столь недоступной нашимъ расчетамъ, какъ развитіе особенности человѣческой природы въ языкѣ изъ недостигаемой глубины первоначальныхъ силъ души, во всякомъ случаѣ дѣло очень опасное. Да и Мексиканская метода есть способъ совокупленія, очевидно, уже очень искусственный и давно обработанный; отъ тѣхъ первоначальныхъ формаций онъ сохранилъ въ себѣ развѣ лишь общій типъ; въ остальныхъ-же своихъ средствахъ, именно въ строгомъ отдѣленіи разныхъ родовъ мѣстоименій, онъ напоминаетъ позднѣйшія времена, когда чувство грамматическихъ свойствъ языка стало яснѣе и оказывало сильное вліяніе. Всѣ присовокупленія къ глаголу развиты уже гармонически, въ соразмѣрности съ единствомъ слова и съ самыми приращеніями глагола. Разница здѣсь въ томъ, что являющееся въ тѣхъ первыхъ начаткахъ, такъ-ска-

затѣ замкнутою въ себѣ, не раскрышеюся почкой, въ Мексиканскомъ ставится уже въ видѣ совокупленнаго цѣлаго, полнаго и недѣлимаго, тогда-какъ въ Китайскомъ отыскивать связь, едва обозначаемую звуками, рѣшительно предоставляется слушателю своимъ собственнымъ соображеніемъ, а Санскритскій смѣло и живо выдвигаетъ каждую часть съ ея отношеніемъ къ цѣлому, опредѣленно-обозначаемымъ звуками.

Малайскіе языки хотя не слѣдуютъ совокупительной методѣ, но имѣютъ съ нею нѣкоторое сходство въ томъ, что въ нихъ значеніе отдѣльныхъ словъ въ составѣ предложенія показывается тщательнымъ обозначеніемъ интразитивнаго, транзитивнаго и причиннаго свойства глаголовъ и тѣмъ вознаграждается для разумительности рѣчи недостатокъ окончаній. Въ нѣкоторыхъ изъ языковъ этого племени глаголъ загромаждается такими обозначеніями до того, что изъ нихъ становится нѣкоторымъ образомъ понятно, въ какомъ числѣ стоитъ глаголъ, въ единственномъ или множественномъ. Такимъ-же образомъ, значками при глаголѣ указывается и то, въ какомъ отношеніи къ составу предложенія надобно понимать остальные слова. Да и глаголъ въ нихъ не совсѣмъ лишень флексіи. Такъ-какъ въ Малайскомъ языкѣ времена глаголовъ обозначаются особенными конечными буквами и притомъ иногда очевидно символически, то въ немъ нельзя совершенно отрицать флексіи и нѣкотораго стремленія къ образованію единства слова, какъ въ Санскритскомъ.

Какъ-бы меньшую степень той-же совокупительной методы обнаруживаютъ языки, которые, не добываясь того, чтобы глаголъ, посредствомъ приставочныхъ звуковъ, принималъ въ свои нѣдра всѣ управляемыя слова, все-таки въ немъ-же выражаютъ и управляющее мѣстоименіе, и управляемое. И здѣсь бываютъ разные оттѣнки, смотря потому, какъ глубоко укоренена въ языкѣ эта метода, и требуется-ли такое совокупленіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ дѣйствія выражается отдѣльнымъ словомъ. Гдѣ такое нарощеніе глагола отъ слива-

емыхъ съ нимъ мѣстоименій, указывающихъ разныя направленія дѣйствія, достигаетъ полнаго развитія, какъ въ нѣкоторыхъ *Сверро-Американскихъ* языкахъ и у *Басковъ*, тамъ флексивныя формы глагола распложаются до едва обозримаго множества. Между-тѣмъ образованіе ихъ по одинаковымъ законамъ соблюдается съ удивительнымъ постоянствомъ, такъ-что по всему ихъ разнообразію замѣтно тянется какъ-бы нить, которая облегчаетъ ихъ уразумѣніе. Такъ-какъ въ этихъ формахъ мѣстоименіе одного и того-же лица безпрестанно является въ разныхъ отношеніяхъ къ дѣйствію, именно: то лицомъ дѣйствующимъ, то прямымъ или непрямымъ предметомъ дѣйствія, и такъ-какъ эти языки большею частію не имѣютъ склоненія, то въ нихъ, для выраженія разныхъ отношеній къ дѣйствію, должны быть или совсѣмъ разныя мѣстоименныя приставки, или какія-нибудь другія средства для предотвращенія недоразумѣній. Отъ этого часто возникаетъ чрезвычайно хитрое образованіе глагола. Замѣчательнѣйшій примѣръ такого образованія въ языкѣ *Массачузетскомъ* въ Новой Англіи, составляющемъ одну изъ вѣтвей Делаварскаго племени. Здѣсь для образованія всѣхъ формъ спряженія, которое, надобно сказать, довольно запутанно, употребляются однѣ и тѣ-же мѣстоименныя приставки безъ всякаго звуковаго различія, какое дѣлается между ними въ Мексиканскомъ. Главнымъ средствомъ къ тому служитъ размѣщеніе приставокъ; въ опредѣленныхъ случаяхъ управляемое лицо прикладывается къ глаголу спереди. Разъ замѣтивъ это правило, потомъ съ перваго взгляда, но начальнымъ буквамъ формъ узнаешь, какого онѣ рода. Такъ-какъ впрочемъ это средство не вполне удовлетворяетъ требованіямъ рѣчи, то къ нему присоединяется другое, состоящее въ томъ, что когда въ началѣ глагола поставлены оба первыя лица въ значеніи управляемыхъ, третье лицо, управляющее, выражается прибавкою звука въ концѣ глагола. Этотъ способъ обозначать разныя отношенія лицъ къ дѣйствію мѣстомъ ихъ при глаголѣ мнѣ всегда казался замѣчательнымъ: онъ

предполагаетъ или извѣстный образъ представленія въ умѣ народа вообще, или при образованіи языка въ народномъ чувствѣ носилось темное представленіе о цѣломъ объемѣ спряженія, и средствомъ для различія его формъ произвольно (безъ особеннаго умственнаго взгляда) избрано то или другое положеніе мѣстоименій при глаголѣ. Первое, впрочемъ, по моему мнѣнію, гораздо вѣроятнѣе. Хотя обычай ставить первое лицо въ значеніи управляемаго на концѣ глагола, когда дѣйствуетъ второе, и наоборотъ, ставить его въ началѣ, когда дѣйствующимъ бываетъ третье, однимъ словомъ, говорить: *ты трогаешь меня и меня трогаетъ онъ*, всегда съ такою разстановкою словъ, а не наоборотъ, хотя этотъ обычай на первый взглядъ дѣйствительно отзывается произволомъ, однако причиною его могло быть и то, что народная фантазія придавала высшую степень живости первымъ двумъ лицамъ, и что при образованіи этихъ формъ народный взглядъ останавливался прежде всего на лицѣ страдательномъ, подверженномъ дѣйствию: воззрѣніе оригинальное, но не противоестественное. Изъ двухъ первыхъ лицъ второму, какъ кажется, отдается преимущество; третье лицо, какъ страдательное, никогда не допускается на первомъ мѣстѣ; а второе и въ страдательномъ значеніи никогда не теряетъ своего мѣста впереди глагола. Когда-же дѣйствующее второе лицо сходится съ страдательнымъ первымъ, то второе лицо все-таки не теряетъ своего мѣста, принадлежащаго ему по-преимуществу, и только принимается средство для устранения возникающаго тогда недоразумѣнія. Этотъ взглядъ подтверждается и языкомъ *Ленки-Ленане*, составляющимъ главную вѣтвь Делаварскаго племени: положеніе мѣстоименій при глаголѣ здѣсь то-же самое. Кажется, не далеко отъ этой системы и нарѣчіе *Могикановъ* (собственно *Muhhekaneew*), обязанныхъ своею извѣстностью даровитому перу романиста Купера. Все-же, впрочемъ, ткань этого спряженія остается слишкомъ искусственною: невольно думается, что и здѣсь, какъ выше замѣчено о языкѣ вообще, обра-

зование формъ происходило подъ вліяніемъ темнаго предчувствія всей схемы спряженія. Грамматики представляютъ только примѣры спряженія безъ анализа состава формъ. Для точности этого анализа я разлагалъ примѣры спряженій изъ грамматики Эліота (*) на подробныя таблицы и убѣдился, что въ этомъ наружномъ хаосѣ дѣйствуютъ постоянныя правила. Неудовлетворительность пособій не всегда позволяла мнѣ разлагать каждую форму на ея составныя части и особенно не давала возможности всюду отличать такъ-называемые грамматиками эвфоническіе звуки отъ значительныхъ. Видно однако, что найденныя мною правила простираются по наибольшей части формъ, и если затѣмъ остается въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнѣніе, то все-же можно опредѣлять значеніе формъ по-крайней-мѣрѣ отрицательно, — тѣмъ, что по извѣстнымъ причинамъ нельзя дать имъ никакого другаго значенія. Все-же, впрочемъ, огнюдь нельзя считать за счастье, если внутренняя организація народа вмѣстѣ съ внѣшними обстоятельствами поведетъ такимъ путемъ образованіе языка. Грамматическія формы складываются въ слишкомъ большія массы, равно неудобныя и для ума и для движенія звуковъ. Свобода рѣчи связывается: вмѣсто того, чтобы совокуплять въ себѣ отдѣльныя стихіи соответственно разнообразію сочетаній мысли, она должна довольствоваться по большей части однажды навсегда утвержденными оборотами, хотя-бы иной разъ не имѣла надобности во всѣхъ частяхъ ихъ состава. Къ тому-же, совокупленіе этихъ частей все-таки слишкомъ патко, чтобы онѣ могли сливаться въ настоящую словесную единицу.

Такъ мало удовлетворительно бываетъ совокупленіе стихій, когда въ распредѣленіи ихъ нѣтъ органической правильности. Этому упреку подлежитъ вся совокупительная метода вообще.

(*) John Eliot, Massachusetts Grammar, изд. Джономъ Пиккерингомъ. Boston 1822. Сравни также David Zeisberger, Delaware Grammar, перевод. Du-Ponceau. Philadelphia 1827 и Jonath. Edwards Observations on the language of the Muhhékaneew Indian, изд. Дж. Пиккерингомъ. 1823.

Хотя въ Мексиканскомъ языкѣ совокупленіе стихій въ единство слова становится нѣсколько крѣпче отъ того, что въ немъ не такъ много приплетается къ глаголу мѣстоименныхъ приставокъ и никогда не допускается впереди глагола обозначеніе двухъ управляемыхъ предметовъ, потому-что мѣстоименный знакъ непрямаго отношенія ставится на концѣ глагола, если впереди есть уже знакъ прямаго отношенія; все-же, впрочемъ, здѣсь совокупляется то, что лучше-бы было оставлять въ отдѣльности. При лучшемъ тактѣ касательно единства слова въ языкахъ, обозначеніе управляемаго мѣстоименія хотя вкрадывается иногда въ форму глагола, какъ напр. въ Еврейскомъ, гдѣ управляемые мѣстоименія присоединяются къ глаголу, но самъ-же языкъ здѣсь дѣлаетъ рѣзкое различіе между этими приставками и мѣстоименіями дѣйствующихъ лицъ, собственно принадлежащими къ существу глагола, и самъ-же языкъ даетъ ясно понимать это различіе: тогда-какъ послѣднія крѣпчайшимъ образомъ соединяются съ темой глагола, первыя лишь представляются къ ней, а иногда даже становятся вовсе отдѣльно отъ нея, какъ слова особенныя.

Языки, въ которыхъ границы словообразованія переносятся на составъ предложенія, обыкновенно обнаруживаютъ недостатокъ склоненія: они или вовсе не виѣютъ падежей, или, какъ языкъ Басковъ, не всегда отличаютъ звукомъ именительный отъ винительнаго. Этотъ недостатокъ не должно считать причиной присовокупленія знака управляемаго предмета къ глаголу, введеннаго какъ-бы для того, чтобы предотвратить невразумительность рѣчи, происходящую отъ недостатка склоненія. Наоборотъ, этотъ недостатокъ есть слѣдствіе совокупительной методы. Вся путаница въ мысляхъ о томъ, что принадлежитъ собственно составу предложенія и что—его частямъ, произошла отъ того, что при образованіи языка не было предчувствія правильнаго понятія о различіи частей рѣчи. Будь это чувство въ душѣ народа, изъ него тотчасъ-же и прямо возникло-бы склоненіе именъ и ограниченіе глагола существенными

его опредѣленіями. Когда-же, вмѣсто того, народъ съ перваго раза попалъ на методу тѣсно совокуплять въ одно стихіи, способныя составлять одно цѣлое только въ составѣ рѣчи, то разработка формы именъ, естественно, оказалась не очень нужною. Форма имени не представлялась въ соображеніи народа въ видѣ части предложенія, а являлась въ видѣ дополнительнаго понятія, поясняющаго предложеніе. Санскритскій языкъ совершенно чистъ отъ этого навязыванія управляемыхъ мѣстоименій глаголу.

О другомъ присоединеніи мѣстоименія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему естественнѣе было-бы оставаться безъ присоединенія, именно о совокупленіи *притяжательнаго* мѣстоименія съ именемъ, я до-сихъ-поръ не упомянулъ, потому, что это явленіе, при своемъ сродствѣ съ свойствомъ совокупительной методы, въ основаніи, и даже въ главномъ основаніи, нѣсколько отлично отъ того, что объяснено выше. Въ Мексиканскомъ языкѣ есть особенная, сокращенная форма именъ, назначенная собственно для присовокупленія къ нимъ притяжательныхъ мѣстоименій: такимъ образомъ въ этомъ языкѣ обѣ главныя части рѣчи въ двухъ отдѣльныхъ формахъ обвиваются мѣстоименіями. Въ Мексиканскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, это совокупленіе имѣетъ приложеніе и въ словосочиненіи; слѣдовательно, строго принадлежитъ къ предмету настоящаго параграфа. Совокупленіе мѣстоименія третьяго лица съ именемъ употребляется здѣсь для выраженія отношенія,значаемаго родительнымъ падежемъ слѣдующаго затѣмъ имени; напр. вмѣсто: *домъ садовника* говорятъ: *свой* (или *его*) *домъ садовникъ*, — манера, очевидно, та-же самая, что при глаголѣ, управляющемъ слѣдующимъ за нимъ именемъ.

Притяжательное мѣстоименіе въ совокупности съ именемъ въ Мексиканскомъ языкѣ не только вообще является гораздо чаще, чѣмъ оно требуется по нашему образу представленія; но въ нѣкоторыхъ понятіяхъ, какъ напр. въ названіяхъ степеней родства, членовъ тѣла, оно какъ-бы неотдѣлимо сливается съ

именами. Когда говорится вообще, безъ отношенія къ какимъ-либо лицамъ, къ названіямъ лицъ по степенямъ родства обыкновенно прибавляется неопредѣленное мѣстоименіе 3-го лица, къ названіямъ членовъ тѣла — мѣстоименіе 1-го лица множественнаго числа. Такимъ образомъ по-Мексикански не говорятъ просто: *мать* *pantli*, а говорятъ: *чья-либо мать*—*te-pap*; вмѣсто *maiti* *рука* говорятъ: *то-та наша рука*. Такое соединеніе этихъ понятій съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ и во многихъ другихъ Американскихъ языкахъ простирается по видимому до невозможности ихъ отдѣленія другъ отъ друга. Вотъ это явленіе имѣетъ свое основаніе, очевидно, уже не въ синтаксисѣ, а гораздо глубже, въ самомъ народномъ представленіи. Покуда умъ народа еще мало привыкъ къ отвлеченностямъ, онъ легко совокупляетъ въ полное единство тѣ стихіи, которыя ему часто приводится примыкать одну къ другой; а что трудно или не всегда можно-отдѣлить въ мысляхъ, то въ языкѣ, при общей склонности къ совокупленіямъ, легко соединяется въ одно слово. Такія слова входятъ потомъ въ общій оборотъ въ видѣ однажды навсегда отлитыхъ формъ, и употребляющіе ихъ уже не думаютъ болѣе разлагать ихъ на стихіи. Притомъ, относить вещь постоянно къ лицу вообще свойственно первобытному воззрѣнію человѣка, и только мало-по-малу, съ успѣхами просвѣщенія, онъ начинаетъ ограничивать это отношеніе только тѣми случаями, гдѣ оно дѣйствительно необходимо. Потому личное мѣстоименіе играетъ важную роль во всѣхъ языкахъ, цѣлѣе сохранившихъ въ себѣ слѣды древнѣйшаго состоянія. Подтвержденіе этому взгляду я нахожу въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. Въ Мексиканскомъ языкѣ личныя мѣстоименія такъ овладѣли словомъ, что для нихъ оно измѣняетъ свое окончаніе, и совокупленія съ ними имѣютъ совершенно свое, особенное окончаніе множественнаго числа, имъ только свойственное. Такое преобразование слова осязательно доказываетъ, что оно съ внутренней стороны представляется народу особеннымъ понятіемъ дѣйствительнаго яв-

ленія, а не случайнымъ только совокупленіемъ двухъ различныхъ понятій по требованію рѣчи. Въ Еврейскомъ языкѣ вліяніе разныхъ степеней соединенія понятій на совокупленіе словъ обнаруживается въ весьма значительныхъ отгѣнкахъ. Всего плотнѣе и крѣпче примыкаютъ къ корню слова, какъ уже выше замѣчено, мѣстоименія дѣйствующаго лица при глаголѣ, потому-что безъ нихъ нельзя представить дѣйствія. Слѣдующая затѣмъ степень соединенія принадлежитъ притяжательному мѣстоименію; а всего слабѣе примыкаетъ къ глаголу мѣстоименіе, представляющее объектъ. Если въ двухъ послѣднихъ случаяхъ уже допущено различіе, то, основываясь на соображеніяхъ чисто-логическихъ, большей плотности соединенія слѣдовало-бы ожидать не въ первомъ случаѣ, а непременно въ послѣднемъ, именно въ присовокупленіи къ глаголу управляемаго имъ мѣстоименія, потому-что дѣйствительнымъ глаголомъ предметъ дѣйствія требуется настоятельнѣе, чѣмъ притяжательное мѣстоименіе именовъ. Если-же языкъ избралъ здѣсь обратный путь, то, конечно, не по чему другому, какъ только потому, что это отношеніе во множествѣ случаевъ, въ которыхъ оно встрѣчается, понято было народомъ въ томъ самомъ единствѣ, въ какомъ оно являлось ему въ конкретныхъ явленіяхъ дѣйствительности.

Если къ совокупительной методѣ относить, — какъ и слѣдуетъ, судя строго, — всѣ тѣ случаи, гдѣ въ форму одного слова сжимается то, что могло-бы составлять особенное предложеніе, то примѣры такихъ совокупленій найдутся и въ языкахъ, совершенно чуждыхъ этой методы. Они являются въ нихъ для избѣжанія придаточныхъ предложеній при многословномъ составѣ рѣчи. Какъ въ простомъ предложеніи совокупленіе сопровождается отсутствіемъ склоненія, такъ и здѣсь такія явленія сопровождаются либо недостаткомъ относительнаго мѣстоименія и союзовъ, либо недостаткомъ навыка въ иль употребленіи. Въ Семитическихъ языкахъ употребленіе какъ-позываемаго *status constructus* въ этихъ и другихъ случаяхъ не

составляетъ особенной странности, такъ-какъ они вообще наклонны къ совокупленію. Но и въ Санскритскомъ стоятъ только напомнить такъ-называемыя несклоняемыя причастія, кончащіяся на *tod* и *au*, и самыя даже сложныя разряда *Вahwгі-һі*. Последнія лишь въ небольшомъ количествѣ перешли въ языкъ Греческій, который вообще рѣже пріобрѣгаетъ къ такимъ совокупленіямъ и больше даетъ употребленія союзамъ. Онъ скорѣе даже допускаетъ безсвязныя конструкціи, представляя угадывать связь ихъ умомъ непосредственно, чѣмъ затруднять движеніе рѣчи слишкомъ длинными словосложеніями, которыя дѣлали-бы ее неповоротливою, въ чемъ Санскритскій не всегда можетъ быть оправданъ, въ-сравненіи съ Греческимъ. Это явленіе совершенно одинаково съ тѣми случаями, когда вообще въ языкахъ одно слово разлагается на предложеніе. Только причиной этого явленія не всегда надобно считать потерю формъ вслѣдствіе упадка образовательной силы въ языкѣ. И тамъ, гдѣ нельзя предполагать этой причины, изощренный навыкъ смѣло и съ большею правильностью раздѣлять понятія, можетъ побуждать къ разложенію того, что хотя очень наглядно и живо отлито въ одну форму, но меньше годится для выраженія измѣнчивыхъ и гибкихъ сочетаній мысли. Для опредѣленія того, что и сколько можетъ быть совокуплено въ одну форму слова, нуженъ тонкій и чуткій грамматическій смыслъ, какой изо всѣхъ народовъ искони, безъ сомнѣнія, по-преимуществу принадлежалъ Грекамъ, и въ ихъ жизни, непрерывно сопровождаемой обильнымъ и тщательнымъ употребленіемъ языка, развился до высочайшей утонченности.

§ 18. *Согласованіе звуковыхъ формъ съ грамматическими требованіями.*

Необходимость *грамматической формы* возникаетъ изъ *законово мышленія* посредствомъ слова, и на *приноровленіи* къ нимъ *формъ звука* основывается ея образованіе. Такое прино-

ровление такъ или иначе должно быть въ каждомъ языкѣ: различіе между ними заключается только въ *степеняхъ*, и виною неудачнаго образованія можетъ быть или не довольно живое дѣйствіе тѣхъ законовъ въ душѣ, или неповоротливость системы звуковъ. Недостатокъ одной стороны всегда невыгодно дѣйствуетъ и на другую. Совершенство языка требуетъ, чтобы каждое слово было отлито въ форму известной *части рѣчи* и получило тѣ качества, какія признаетъ въ нихъ нужными философскій анализъ языка. Итакъ совершенство языка само собою предполагаетъ въ немъ флексію. Спрашивается только, какъ надобно представлять себѣ въ духѣ народа актъ образованія слова въ форму части рѣчи посредствомъ *флексіи*? Разсудочнаго *сознанія* языка при его происхожденіи нельзя предполагать; да оно и не имѣло бы въ себѣ творческой силы для произведенія звуковой формы. Всякое преимущество языка въ истинно-жизненныхъ частяхъ его первоначально происходитъ изъ живаго *чувственнаго міросозерцанія*. А такъ-какъ самая высшая сила, наименѣе сбивающаяся съ прямыхъ путей, возникаетъ изъ самой дружной совокупности умственныхъ силъ, которыя своего идеальнаго раздвѣта достигаютъ въ самомъ-же языкѣ, то почерпаемое изъ міросозерцанія, естественно, оказываетъ въ немъ своё дѣйствіе. Такъ именно и бываетъ здѣсь. Предметы какъ внѣшняго, такъ и внутренняго *чувства* представляются человѣку съ двухъ сторонъ: въ своихъ особенныхъ *качествахъ*, которыми они отличаются другъ отъ друга по-одиначкѣ, и вмѣстѣ въ своихъ общихъ, *родовыхъ понятіяхъ*, которыя, при надлежащей живости возрѣнія, всегда даютъ чѣмъ-нибудь замѣтить себя въ явленіи, напр. полетъ птицы представляется какъ особеннаго рода движеніе силою крыльевъ, и вмѣстѣ какъ скоропреходящее дѣйствіе, уловимое для ума именно по этой переходчивости: точно также и въ другихъ случаяхъ. Возрѣніе, проистекающее изъ самаго энергическаго и дружнаго напряженія силъ, исчерпываетъ все содержаніе созерцаемаго и не смѣливаетъ являющіяся въ немъ частности,

но ясно отдѣляетъ ихъ одну отъ другой. Изъ распознаванія этихъ двухъ сторонъ предмета, изъ ощущенія правильного отношенія между ними и изъ живости впечатлѣнія, производимаго каждою изъ нихъ, какъ-бы сама-собою возникаетъ флексія, какъ словесное выраженіе созерцаемаго и понимаемаго чувствомъ.

Любопытно видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, какими разнообразными путями у разныхъ народовъ достигается *образование предложія*. Народный смыслъ берется за дѣло не съ идеи предложенія, не задаетъ себѣ труда складывать его изъ частей по обдуманному плану: онъ изрекаетъ предложеніе, даже и не догадываясь о его существованіи, и только даетъ звуковой видъ впечатлѣнью, во всей полнотѣ и отчетливо воспринимаемому. Между-тѣмъ-какъ это претвореніе впечатлѣнія въ звуки каждый разъ совершается правильно, по одному и тому-же чувству, мысль изъ образуемыхъ такимъ образомъ словъ слагается сама-собою. Въ своемъ истинномъ, внутреннемъ существѣ, разсматриваемое отправление духа есть непосредственное изліяніе силы и чистоты искони присущаго человѣку *дара слова*. *Воззрѣніе и чувство* служатъ только какъ-бы рычагами, посредствомъ которыхъ оно переносится въ область вышшняго явленія. И вотъ почему въ послѣднемъ результатѣ этого образованія оказывается неизмѣримо-больше, чѣмъ видимо представляется въ самомъ его процессѣ. Судя строго, *совокупительная метода*, по самому существу своему, стоитъ въ прямомъ противорѣчій къ флексіи, потому-что эта начинается предложеніе съ частей, а та съ цѣлаго. Только при побѣдоносномъ вліяніи разумнаго чувства языка она можетъ иногда достигать флексіи; но тогда оказывается, что, по недостаточности его силы, предметы являются не съ одинаковой строгостью различія между разными ихъ сторонами, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ на чувство. Впрочемъ, попавъ на этотъ новый путь и живо продолжая его, совокупительная метода достигаетъ своего рода силы и свѣжести въ сочетаніи мыслей. Отношеніе предметовъ къ

общимъ родовымъ понятіямъ, которымъ соотвѣтствуютъ части рѣчи, она даетъ разумѣть идеально, и всеобщимъ, чисто-символическимъ выраженіемъ этого отношенія служить *личность*, которая и для чувственного воззрѣнія представляется самымъ естественнымъ его обозначеніемъ. Такъ еще разъ связывается во взглядѣ сказанное нами выше о значительности вставокъ мѣстоименныхъ частицъ въ грамматическія формы.

Если въ языкѣ истинно господствуетъ флексія, то дальнѣйшее распространеніе флексивной системы по всѣмъ частямъ грамматики слѣдуетъ само-собою, и уже выше было замѣчено, какъ дальнѣйшее развитіе то создаетъ новыя формы, то разрабатываетъ прежнія, давая имъ, хотя-бы въ разныхъ языкахъ одного корня, новыя, до-тѣхъ-поръ неизвѣстныя значенія. Для примѣра стоитъ только вспомнить преобразование одной изъ формъ Санскритскаго аориста въ Греческое давнепрошедшее. Не выпуская изъ виду вліяніе звуковыхъ формацій на происхожденіе такихъ явленій, надобно строго допытываться, какъ онѣ дѣйствуютъ на дальнѣйшее развитіе грамматическихъ понятій, ставятъ-ли дѣйствительную преграду отчетливой разработкѣ ихъ разнообразія, или только не имѣютъ въ наличности надлежащаго ихъ количества. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка, даже при самой вѣрной идеѣ образования, заботы о звуковой сторонѣ легко могутъ пріобрѣтать такой перевѣсъ, при которомъ для одного и того-же грамматическаго понятія можетъ явиться нѣсколько формъ. Въ эти раннія времена духъ внутренняго творчества совершенно былъ погруженъ въ самый языкъ, слова представлялись какъ-бы дѣйствительными предметами, очаровывали воображеніе своими звуками, и избытокъ формъ былъ выраженіемъ этого преобладанія ихъ особеннаго существа надъ умами. Только впоследствии и мало-по-малу опредѣленность и всеобщность грамматическаго понятія пріобрѣла силу и вліяніе, овладѣла и подчинила себѣ ихъ разнообразіе. Даже въ Греческомъ, особенно въ языкѣ Гомерическомъ, сохранились значительные остатки того древнѣйшаго

состоянія. Но въ цѣломъ именно на этомъ пунктѣ оказываетъ замѣчательная разница между Греческимъ и Санскритскимъ: тогда-какъ первый точнѣе опредѣляетъ формы грамматическими понятіями и тщательно пользуется разнообразіемъ формъ для обозначенія тонкихъ оттѣнковъ въ понятіяхъ, Санскритскій языкъ больше занятъ техническими средствами обозначенія и, съ одной стороны, употребляетъ ихъ въ большемъ изобиліи, а съ другой — и содержитъ ихъ въ лучшемъ видѣ, въ большей простотѣ и съ меньшими исключеніями.

§ 19. *Главное различіе языковъ между собою по чистотѣ начала ихъ образованія.*

Такъ-какъ языкъ, какъ уже не разъ было замѣчено выше, всегда имѣетъ только *идеальное бытіе*, въ умахъ и душахъ людей, и никогда не превращается въ мертвое *вещество*, хотя-бы нашелъ себѣ могилу въ камнѣ или металлѣ; такъ-какъ и сила мертваго языка, сколько она еще можетъ быть нами ощущаема, по большей части зависитъ отъ собственной нашей силы оживлять его своимъ духомъ: то въ языкѣ точно также, какъ въ неугасимо-теплющемся свѣтильникѣ мышленія, не можетъ быть минуты истиннаго *застоя*. Непрерывное *развитіе* подъ влияніемъ *умственной силы* каждаго говорящаго составляетъ его природу. Въ ходѣ этого развитія естественно являюся два періода, которые должно ясно отличать другъ отъ друга: въ одномъ *звуковое творчество* идетъ еще на прибыль и обнаруживаетъ живую дѣятельность; въ другомъ, по окончаніи образованія по-крайней-мѣрѣ *внѣшней формы* языка, наступаетъ, повидимому, *застой*, и звукотворная сила убываетъ. Могутъ, впрочемъ, и въ періодъ убыли являться новыя жизненныя начала и оригинальныя преобразованія языка, какъ показано будетъ ниже.

Въ ходѣ развитія языковъ участвуютъ два, другъ друга ограничивающіе дѣятеля: основное *начало*, которымъ опредѣ-

ляется направлѣніе, и вліяніе наличнаго *матеріала*: послѣднее всегда стоитъ въ обратномъ отношеніи къ силѣ основнаго начала образованія. Въ бытіи такого начала не можетъ быть сомнѣнія. Какъ скоро народъ или, вообще, мыслящая сила принимаетъ въ себя *стихиі языка*, она должна, даже невольнo и безъ яснаго сознанія о томъ, совокуплять эти стихиі въ *единство*, потому-что безъ этого дѣйствія было-бы невозможно ни мышленіе посредствомъ слова въ отдѣльномъ лицѣ, ни взаимное разумѣніе между людьми. То-же самое увидѣли-бы мы, еслибы можно было проникнуть къ первому происхожденію какого-либо языка. А это единство можетъ быть дано только исключительнымъ господствомъ одного *начала*. Если это начало такъ близко подходитъ къ общему началу образованія языка въ человѣкѣ, какъ только позволяетъ необходимость его явленія въ границахъ индивидуальности, и если оно проникаетъ языкъ съ полною и неослабною силой, то языкъ пройдетъ всѣ стадіи своего *развитія*, получая на каждой изъ нихъ, вмѣсто исчезнувшей силы, новую, приноровленную къ непрерывному продолженію пути. Свойство всякаго интеллектуальнаго развитія таково, что сила собственно не умираетъ, а только измѣняетъ свои отправленія, или замѣняетъ одинъ изъ своихъ органовъ другимъ. Если-же, напротивъ, уже къ первому началу образованія примѣшивается что-либо не основанное на необходимости въ формѣ языка, если также основное начало не вполне проникаетъ собою природу звука, или если къ матеріалу, уже вначалѣ не чисто-органическому, примкнуть, еще къ большому нарушенію прямаго пути, другіе неорганическіе наросты, то естественное развитіе языка подвергается вліянію чуждой силы, и языкъ уже не можетъ, какъ должно быть при всякомъ правильномъ ходѣ умственнаго развитія, пріобрѣтать новыхъ силъ посредствомъ самаго продолженія своего пути. И здѣсь, какъ при выраженіи разнообразныхъ сочетаній мысли, языку нужна *свобода*, и мы имѣемъ самый вѣрный признакъ самаго чистаго, самаго удачнаго строенія, какъ-скоро видимъ, что об-

разованіе словъ и совокупленій въ какомъ-либо языкѣ не подвергается никакимъ другимъ ограниченіямъ, кромѣ необходимыхъ для того, чтобы съ свободой соединить *правильность*, т.-е. чтобы ограниченіями обезпечить свободѣ собственное ея существованіе. Правильное развитіе языка, естественно, идетъ въ гармоническомъ согласіи съ развитіемъ умственныхъ способностей вообще. Такъ-какъ языкъ пробуждается въ человѣкѣ потребностію мышленія, то все, строго вытекающее изъ идеи языка, необходимо должно содѣйствовать успѣхамъ мышленія. Если народъ, владѣя такимъ языкомъ, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ впадетъ въ умственную вялость и расслабленіе, то въ самомъ языкѣ его остается еще средство къ его возстановленію. Если-же, наоборотъ, ему достался языкъ, сбивавшійся съ правильнаго и естественнаго пути развитія, то, въ случаѣ помянутаго упадка, умственныя силы его должны только въ самихъ себѣ искать рычага для своего возстановленія. Средства, находимыя ими въ самихъ себѣ, будутъ тогда дѣйствовать на самый языкъ, но уже не творчески,—потому-что такія формациі языка могутъ создаваться только его собственнымъ жизненнымъ началомъ, — а будутъ дѣйствовать на него въ видѣ починки стараго зданія, придавая прежнимъ формамъ смыслъ и употребленіе, какого имъ не дано было первоначально и до котораго они не могли-бы дойти сами собою.

Послѣ этого, въ безчисленномъ множествѣ существующихъ и существовавшихъ языковъ можно постановить различіе, которое имѣетъ рѣшительную важность для успѣховъ образованія человѣческаго рода, — именно, различіе между языками, которые могущественно и послѣдовательно развились изъ *чистой начала* въ духѣ *разумной свободы* и между такими языками, которые не могутъ похвалиться подобнымъ преимуществомъ. Въ первыхъ мы имѣемъ счастливые плоды здороваго корня, распространяющаго свои побѣги на почвѣ человѣческаго рода въ разныхъ направленіяхъ. Въ послѣднихъ мы видимъ уклоненіе отъ естественной формы, и именно по двумъ причи-

намъ, которыя притомъ содѣйствуютъ другъ другу: во-1-хъ, по недостатку силы *разумнаго чувства языка*, въ первоначальной чистотѣ котораго собственно никому не отказано природой; во-2-хъ, по увлеченію образованія въ неправильную односторонность *звуковыми формами*, которыя, сами не бывъ вызваны къ бытію разумною необходимостью, раждають другія, себѣ подобныя.

Вышеизложенныя изслѣдованія даютъ въ руки нить къ отыскиванію и къ простѣйшему объясненію указанныхъ путей образованія въ дѣйствительныхъ языкахъ, которые съ перваго взгляда поражаютъ взоръ наблюдателя множествомъ и запутанностью невяжущихся между собою мелочей. Мы старались показать, въ чемъ должно искать высшихъ началъ и до какихъ точекъ долженъ возвышаться положительный *анализъ языковъ*. Сколько-бы ни оставалось еще впредь разъяснять и выравнивать эту дорогу, теперь уже довольно понятна возможность отыскивать въ каждомъ языкѣ форму, отъ которой зависить свойство его строенія, и находить мѣрку для оцѣнки каждаго въ ихъ преимуществахъ и недостаткахъ.

Если мнѣ удалось во всей полнотѣ изобразить *флективную методу* и показать, что она одна дѣйствительно даетъ слову внутреннюю плотность состава со стороны звуковъ и со стороны ихъ значенія, и вмѣстѣ распредѣляетъ части предложенія соответственно необходимому сочетанію мыслей, то нѣтъ сомнѣнія, что лишь эта метода исключительно хранитъ въ себѣ чистое начало образованія языка. Принимая каждую стихію рѣчи съ двухъ сторонъ: со стороны ея объективнаго значенія и со стороны субъективнаго отношенія къ мышленію и языку, и выражая эти двѣ стороны, въ ихъ относительной важности, назначенными къ тому звуковыми формами, она возводитъ первоначальныя принадлежности языка — членораздѣльность и символизмъ звуковъ — на самую высшую степень. Итакъ можно только спрашивать, въ какихъ языкахъ эта метода выдерживается всего послѣдовательнѣе, полнѣе и съ наибольшою

свободой? Полнаго совершенства, можетъ быть, нельзя приписать ни одному изъ существующихъ языковъ; но различіе по степени мы видѣли выше между языками *Санскритскаго* и *Семитическаго* племени. Въ послѣднемъ флексія въ самомъ длинномъ и несомнѣнномъ видѣ соединена съ утонченнѣйшимъ символизмомъ звуковъ, но проведена не по всѣмъ частямъ языка и стѣсняется болѣе или менѣе случайными законами, двусложною формою слова, исключительнымъ употребленіемъ гласныхъ въ качествѣ флексіи, отвращеніемъ отъ многосложности; въ первомъ флексія обезпечена прочнымъ единствомъ слова отъ всякаго подозрѣнія въ механическомъ складываніи, проведена по всѣмъ частямъ языка и господствуетъ съ наибольшою свободою.

Въ-сравненіи съ *совокупительною* и *приставочною* методами, *флексивная* кажется геніальнымъ твореніемъ, проистекающимъ изъ дѣйствительнаго присутствія существа языка предъ умственнымъ воззрѣніемъ. Тогда-какъ тѣ мучатся тяжкими заботами совокупить разрозненныя части въ предложеніе или выразить совокупность частей его за одинъ пріемъ, флексивная метода заразъ отливаешь каждую часть предложенія соответственно сочетанію ея внутреннихъ стихій и по самой природѣ своей уже не можетъ отдѣлить отъ нея звуковаго признака ея отношенія къ составу рѣчи. Слабость образовательной силы она счастливо устраняетъ отъ дѣйствія на языкъ, то вовсе не позволяя ей переходить въ звукъ, какъ въ Китайскомъ, то не давая ей свободнаго и исключительнаго господства, какъ въ языкахъ, допускающихъ совокупительную методу въ отдѣльныхъ случаяхъ. Впрочемъ, и чистое начало можетъ быть стѣснено въ своемъ дѣйствіи крайнею односторонностью своего собственнаго направленія, если какая-нибудь формація, напр. образованіе глагола посредствомъ приставокъ спереди въ *Малайскомъ* языкѣ, устранить своимъ преобладаніемъ другіе способы образованія.

Какъ-бы ни были разнообразны *уклоненія* отъ *чистаго нача-*

ла, все-же можно оцѣнивать языки по степени этихъ уклонений, показывая, въ какой мѣрѣ обнаруживается въ каждомъ изъ нихъ недостатокъ выраженія отношеній, стремленіе вознаградить его приставками, возвести эти приставки на степень флексій и отливать въ одно слово то, что должно быть представлено въ формѣ предложенія. *Смѣшаніе* этихъ началъ составляетъ сущность такихъ языковъ, но обыкновенно то или другое приложеніе ихъ даетъ ихъ формѣ опредѣленнѣйшую характеристическую особенность. Гдѣ полная энергія господствующей силы не наблюдаетъ повсюду правильнаго равновѣсія, тамъ развитіе одной части языка легко пріобрѣтаетъ незаконный перевѣсъ надъ другими. Отсюда и изъ другихъ обстоятельствъ могутъ возникать *частныя преимущества* и въ такихъ языкахъ, которыхъ, по общему характеру образованія, нельзя признать особенно способными служить органами мышленія. Нельзя отрицать, что *Китайскій* языкъ стараго стіля получаетъ поразительное достоинство отъ того, что выставляется въ рѣчи, одно возлѣ другаго, лишь значительныя понятія; при своей простотѣ онъ достигаетъ истиннаго величія тѣмъ, что, устраняя изъ рѣчи всѣ побочныя опредѣленія, какъ не нужныя, какъ-бы возносится въ сферу чистаго мышленія. Собственно-*Малайскій* не безъ причины хвалятъ за легкость и простоту совокупленій. *Семитическіе* языки отличаются удивительнымъ искусствомъ въ тонкомъ различіи значенія между степенями длиннаго ряда гласныхъ. Въ языкѣ *Басковъ* строеніе слова и свойство состава рѣчи даетъ ей особенную силу по причинѣ краткости и смѣлости выраженія. *Делаварскіе* и другіе *Американскіе* языки въ одномъ словѣ совмѣщаютъ нѣсколько понятій, для выраженія которыхъ намъ нужно нѣсколько словъ. Всѣ эти примѣры, впрочемъ, доказываютъ только, что духъ человѣческій, въ какую-бы ни былъ увлеченъ односторонностью, всегда въ-состояніи произвести что-либо великое, способное обратно дѣйствовать на него плодотворно и вдохновительно. *Преимущество* языковъ, одного предъ другимъ, этими отдѣль-

ными пунктами не рѣшается. Истинное преимущество какой-либо языкъ пріобрѣтаетъ только тѣмъ, что онъ развивается по одному началу и съ такой свободой, которая дѣлаетъ его способнымъ поддерживать всѣ духовныя силы человѣка въ живой дѣятельности, служить для нихъ вполне удовлетвори-тельнымъ органомъ и вѣчно возбуждать ихъ къ дѣятельности своею чувственною полнотою и хранящеюся въ ней умственною правильностью. Въ этомъ *формальномъ* свойствѣ состоятъ все, что изъ языка можетъ развиваться во благо для духа. Языкъ есть русло, по которому духъ катитъ волны своей жизни съ твердой увѣренностью, что источникъ, изъ котораго онъ беруть начало, никогда не изсякнетъ. Онъ носится надъ языкомъ, какъ надъ неизслѣдимой пучиной, изъ которой онъ можетъ почерпать тѣмъ болѣе, чѣмъ обильнѣе изъ нея изливалось для него дотогѣ. Только этотъ формальный масштабъ можно приклады-вать къ языкамъ, когда они берутся для всеобщаго сравненія.

Перев. съ Нѣм. П. БИЛЯРСКІЙ.

ОТЧЕТЪ

0

ПУТЕШЕСТВИИ ПО ГЕРМАНИИ, ГОЛЛАНДИИ, БЕЛЬГИИ И ШВЕЙЦАРИИ
въ 1857 году.

ОРДИН. ПРОФ. ИМПЕРАТОРСКАГО ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

БУЛЬШЕРИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Объ изученіи государственныхъ наукъ.

Государственная жизнь богата и разнообразна. Государство есть форма гражданского общежитія и заключаетъ въ себѣ богатое содержаніе. Въ государствѣ происходитъ разнообразная практическая дѣятельность; но дабы адѣсь могло осуществиться единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ, необходимъ законъ для гармонически-совокупнаго развитія всѣхъ дѣйствующихъ въ государствѣ силъ. Законъ этотъ есть законъ порядка, не только внѣшняго, но и внутренняго. Внѣшній порядокъ обусловливается внутреннимъ, а этотъ послѣдній въ свою очередь зависитъ отъ правильнаго раздѣленія и разграниченія государственныхъ силъ въ ихъ жизненномъ проявленіи и указанія ихъ отношеній другъ къ другу. Твердость этого порядка составляетъ одинаково важную задачу какъ для мысли, такъ и для дѣла, какъ для теоретиковъ, такъ и для практиковъ. Только чрезъ взаимное дѣйствіе теоріи и практики можетъ быть найденъ этотъ порядокъ, можетъ быть правильно познать и правильно осуществленъ.

Если уже въ древнѣйшія времена знаменитые иріовые философы классической Греціи, Платонъ и Аристотель, поставили го-

сударство въ предметъ своей философіи, и если послѣдующіе философы всѣхъ временъ и народовъ обращали вниманіе на государство, то это ясный знакъ, что эти великіе умы надѣялись постигнуть жизнь только чрезъ изученіе ея въ ея общности, и что разрѣшеніе государственныхъ вопросовъ всегда и вездѣ играло важную роль. Если далѣе, представители не философскаго народа, Римлянъ, и современныхъ практическихъ народовъ, Англичанъ и Французовъ, преимущественно домогаются дѣятельности государственной, то это стремленіе ихъ свидѣтельствуетъ о признаніи ими государства, какъ предмета, къ которому должны быть направлены всѣ благороднѣйшія силы духа, вся дѣятельность. Но чѣмъ болѣе чистая теорія оказывалась несостоятельною въ разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ государства, тѣмъ сильнѣе являлось сознаніе, что государствовѣдѣніе должно имѣть основаніе себѣ въ дѣйствительности, и потому рядомъ съ философскими государственными науками являются практическія. Въ главѣ послѣднихъ выступаетъ и мало-по-малу, съ полнѣйшимъ развитіемъ государственной жизни, получаетъ важное значеніе — статистика. Она воздвигаетъ основаніе, на которомъ можетъ прочно устроиться государственный порядокъ и на которое могутъ по этому опираться и самыя государственныя науки: ибо статистика представляетъ намъ не какое-нибудь вымышленное государство, но государство дѣйствительное; она не начертываетъ образца для всѣхъ государствъ; но рисуетъ вѣрный образъ каждаго отдѣльнаго государства. Представивъ такимъ образомъ совокупности дѣйствительныхъ моментовъ государственной жизни данной страны, статистика затѣмъ сравниваетъ отдѣльныя устройства, выводитъ этимъ путемъ общія начала и является наконецъ всеобщемою статистикою. Между-тѣмъ какъ статистика имѣетъ обязанностію собирать и приводить въ порядокъ отдѣльныя данныя, другія государственныя науки должны выводить наружу эти данныя для ихъ обработки.

Въ государственной жизни дѣйствуютъ два начала: хозяйство и право. Хозяйство принимаетъ разнообразныя формы, но законы его составляютъ *одну* науку — политическую экономію. Право представляетъ сперва права одной отдѣльной личности къ такой-же другой и составляетъ науку гражданскаго права — древнѣйшую вѣтвь правовѣдѣнія, которую Римляне развили съ удивительнымъ искусствомъ. Далѣе, право выступаетъ, какъ право госу-

дарства въ-отношеніи къ отдѣльнымъ его членамъ, что составляетъ государственное право, которое хотя на практикѣ является только съ развитіемъ государственной жизни, но въ теоріи существуетъ гораздо ранѣе, именно тогда, когда частное право развилось въ *органическую* систему и получило значеніе науки, полной жизненной силы. Государственное право заимствовало свои понятія изъ частнаго, или-же строилось положительнымъ путемъ на понятіяхъ, развитыхъ теоретически, или косвеннымъ образомъ, — на данныхъ, выработанныхъ практически. Статистика дала и этой отрасли права надлежащее развитіе,—и при помощи историческаго изслѣдованія образовалось новое научное цѣлое. Государственное право освободилось этимъ путемъ изъ зависимости отъ частнаго права. Право, рассматривающее государство, какъ нѣчто цѣлое не могло далѣе основываться на предписаніяхъ, которыя опредѣляютъ только отношенія отдѣльныхъ личностей другъ къ другу; напротивъ, оно должно было само вывести свои законоположенія изъ этого цѣлага. Если такимъ образомъ государственное право вышло изъ тѣсныхъ границъ права частнаго, то оно съ другой стороны, не могло потеряться при неопредѣленномъ и неограниченномъ содержаніи, въ области политики. Такимъ образомъ изъ науки, обнимающей государство вообще,—политики или всеобщаго государствѣдѣнія, выдѣлилось собственно государственное право и возвысилось до самобытнаго существованія. Государственное право обогащалось въ одинаковой мѣрѣ, какъ и статистика. Сперва оно рассматривало какое-либо отдѣльное государство,—и такая научная разработка частныхъ и особенностей образовала внутреннее, особенное государственное право; а затѣмъ уже, при обращеніи вниманія на эти особенности и при выводѣ общихъ началъ изъ сличенія частныхъ, образовалось сравнительное, общее государственное право. Такимъ образомъ государственное право получило твердое историческое основаніе и строго-ограниченное содержаніе, непосредственно относящееся къ праву государства.

Подлѣ главнѣйшей представительницы историческихъ наукъ—статистики, подлѣ возвышающагося надъ всѣми вѣтвями правѣдѣнія и относящагося къ государству во всей его совокупности государственнаго права развивалась главнѣйшая представительница политическихъ наукъ—политическая экономія, представляющая собою законъ, все богѣе и богѣе примѣняемый, всѣхъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ дѣйствій. Хозяйственная жизнь проявляетъ

ся однакожь, главнѣйшимъ образомъ, въ троякаго рода дѣятельности: въ извлеченіи, переработкѣ и распредѣленіи матеріи. Дѣятельность перваго рода даетъ начало сельскому хозяйству и занятіямъ, имѣющимъ своимъ предметомъ извлеченіе сырыхъ произведеній, дѣятельность втораго рода образуетъ промышленность, и третьяго—торговлю. Этими тремя направленіямъ хозяйственной дѣятельности соотвѣтствуютъ три науки: наука сельскаго хозяйства, наука промышленности и наука торговли. Но для того, чтобы всѣ названныя историческія, политическія и юридическія государственныя науки въ ихъ отношеніи къ хозяйственному и юридическому быту страны обнаруживали согласное, гармоническое, и въ то же время правильное и благодѣтельное вліяніе, то изученіе этихъ наукъ не должно заключать въ себѣ только практическую цѣль приготовленія лицъ къ одному извѣстному роду государственной дѣятельности, но должно уяснять и взаимное отношеніе между собою всѣхъ родовъ государственной дѣятельности. Эта взаимная связь между всѣми помянутыми науками и необходимость яснаго указанія ея могла послужить поводомъ къ принятію того, чтобы кафедрѣ университетовъ не представляли собою только соединенія всѣхъ наукъ, но чтобы эти заведенія, будучи всеобщимъ училищемъ, преподавали и всѣ государственныя науки и притомъ такъ, чтобы совокупность послѣднихъ видимо отдѣлялась отъ массы прочихъ знаній. Изъ такого воззрѣнія возникли въ наше столѣтіе факультеты государственныхъ наукъ, которые заключаютъ въ себѣ всѣ названныя нами науки: статистику, политическую экономію и ея непосредственно практическія отрасли: сельское хозяйство, науку промышленности и торговли, равно-какъ политику и государственное право. Но вмѣстѣ съ этими факультетами явились и сельско-хозяйственные и политехническія институты и коммерческія академіи. Видимый успѣхъ этихъ заведеній и постоянно возрастающее число учащихся заставили придти къ сознанію недостаточности существовавшаго внутреннего единства и необходимости введенія и единства внѣшняго. Но оставались еще другія государственныя науки, которыя стали преподаваться въ посвященныхъ имъ факультетахъ съ гораздо большею послѣдовательностію, чѣмъ прежде, когда онѣ были относимы то къ юридическому факультету, занимая въ немъ второстепенное мѣсто послѣ частнаго права, то къ факультету философскому, гдѣ онѣ должны были сдѣлаться отвлеченными умозрѣніями, а не

практическими жизненными законами. Но, съ измѣненіемъ этого порядка, статистика, политическая эконмія и государственное право сдѣлались главнѣйшимъ предметомъ занятій государственныхъ факультетовъ, — и къ этимъ наукамъ примкнули ихъ прочія отрасли. Къ статистикѣ, этой остановившейся исторіи, примыкаетъ исторія движущаяся или политическая исторія, къ политической эконміи присоединяются финансовая и торговая наука, политическая ариометика и полицейская наука, и наконецъ внутри государственнаго права образуется право всеобщее и особенное, внѣшнее или внутреннее, т. е. собственно государственное право и право народовъ. Всѣ эти науки имѣютъ точкою своего соединенія государство, представляютъ государственную жизнь, какъ она есть и какъ была, представляютъ ея развитіе, въ отношеніяхъ хозяйственномъ и юридическомъ. Хозяйственный и юридическій бытъ страны находятся между собою въ близкой внутренней связи, ибо на законъ государства имѣетъ существенное вліяніе и хозяйственное положеніе страны.

Самое изученіе государственныхъ наукъ въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ раздѣляется между различными заведеніями. Но чрезъ это раздѣленіе внутреннее единство не теряется. Если по этому система изученія государственныхъ наукъ должна быть обнята въ ея всеобщей организаціи, то для этого недостаточно изслѣдовать ее только въ университетахъ, но должны быть изучены и другія учебныя заведенія. Поэтому когда я предпринялъ въ 1857 году путешествіе за границу съ цѣлью изученія устройства этихъ заведеній, — я долженъ былъ обратить вниманіе на всѣ способы изученія государственныхъ наукъ, а не на одинъ какой-либо, ибо только чрезъ познаніе всѣхъ вообще родовъ учебныхъ заведеній для государственныхъ наукъ можно было вывести заключеніе, удовлетворяють-ли онѣ относительной потребности образованія. Я носѣтилъ поэтому не только университеты, но и политехническія школы и сельско-хозяйственныя академіи. Главнѣйшимъ предметомъ наблюденія являются слѣдующія требованія для правильной организаціи изученія государственныхъ наукъ:

- 1) учрежденіе факультетовъ государственныхъ наукъ въ университетахъ;
- 2) учрежденіе политехническихъ учебныхъ заведеній;
- 3) учрежденіе сельскохозяйственныхъ училищъ.

Не менѣе потребны и коммерческія академіи; но посѣтить оныя мнѣ не позволило время, поэтому въ отчетѣ я долженъ пройти ихъ молчаніемъ.

I. Факультеты государственныхъ наукъ въ университетахъ.

Эти факультеты доставляютъ государству, съ одной стороны, свѣдущихъ въ исторіи, политической экономіи и правѣ лицъ для *внутренняго* управленія, — такъ-называемыхъ *камералистовъ*, съ другой—органовъ во внѣшнихъ сношеніяхъ государства, такъ-называемыхъ *дипломатовъ*. Существенное различіе въ обязанностяхъ лица, служащаго по дипломатической части, или по внутреннему управленію, требуетъ вообще различнаго, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и сходнаго образованія ихъ. Въ обѣихъ этихъ должностяхъ необходимо образованіе историческое, политико-экономическое и юридическое, но съ различнымъ направленіемъ. Вниманіе камералиста относительно исторіи должно быть обращено преимущественно на развитіе *внутренней* жизни государства, напротивъ, вниманіе дипломата—на развитіе жизни внѣшней. Относительно политической экономіи камералистъ преимущественно долженъ изучать *внутреннее* хозяйство страны, а дипломатъ—отношеніе этого хозяйства къ хозяйству другихъ государствъ. Относительно юридическаго образованія, камералистъ долженъ ознакомиться съ внутреннимъ государственнымъ правомъ, а дипломатъ, кромѣ того, и съ правомъ внѣшнимъ, или правомъ народовъ. Но непосредственно практическія свѣдѣнія какъ тотъ, такъ и другой должны приобрѣсти въ университетѣ: ибо послѣдній можетъ предложить имъ только основаніе, теорію дѣятельности, которой они посвятили себя, а практическая дѣятельность уже указываетъ примѣненіе преподаннаго имъ къ дѣйствительности. Когда лица, посвящающія себя правительственнымъ занятіямъ, будутъ именно такимъ образомъ приготовлены для обязанностей *внутренняго*, или *внѣшняго* управленія, которыя должны быть предварительно ими избраны, — то можно ожидать, что лица эти вполне и съ знаніемъ дѣла будутъ выполнять ихъ важное и трудное призваніе. Назначеніе юристовъ къ правительственнымъ должностямъ, бывающее иногда при недостаткѣ людей, образовавшихся для занятія этихъ должностей, есть приложеніе постороннихъ силъ къ чуждой имъ дѣятельности. Юристъ имѣетъ для себя два великіе

круга дѣйствій, которые требуютъ исхъ его трудовъ не только при практической дѣятельности, но и при соотвѣтствующемъ ей теоретическомъ образованіи и даютъ ему область, совершенно отличную отъ обязанностей управленія. Чистый юристъ долженъ главнѣйшимъ образомъ изучить теоретически гражданское и уголовное право и въ этой сферѣ осуществлять и практическую свою дѣятельность. Такимъ образомъ сфера юриста совершенно отличается отъ сферы лица, посвятившаго себя правительственнымъ занятіямъ. Юристъ долженъ быть исполнителемъ закона, администраторъ долженъ устроить политическую жизнь, законы которой заключаются не въ гражданскомъ, или уголовномъ правѣ, но въ государственномъ правѣ и политической экономіи. Правилomъ и содержаниемъ дѣятельности юриста является только законъ, а администраторъ самимъ закономъ не столько связанъ въ частностяхъ и способахъ осуществленія своей дѣятельности. Юристъ долженъ примѣнить законъ къ случаю, данному на его обсужденіе; дѣятельность его болѣе спекулятивная, умозрительная, ибо логическій выводъ соглашаетъ законъ съ даннымъ случаемъ. Администраторъ, напротивъ, имѣетъ дѣло со всею сферою практической жизни и здѣсь онъ дѣйствуетъ по своему крайнему разумѣнію. Его занятія имѣютъ болѣе практической, чѣмъ умозрительный характеръ его изслѣдованія должны быть существенно практическими, въ противномъ случаѣ онъ является плохимъ администраторомъ. Но не только способъ, но и самый родъ дѣятельности юриста и администратора существенно различны. Юристъ долженъ примѣнять законъ къ лицамъ, слѣдовательно онъ долженъ знать природу человѣка и имѣть способность постигнуть душу каждого лица; администраторъ, кромѣ пониманія людей, долженъ понимать и вещи; онъ долженъ постигнуть государственную жизнь въ ея совокупности. Онъ не углубляется только въ духъ единичнаго человѣка, въ духъ личности, но и въ духъ міра вещественнаго, въ которомъ дѣйствуютъ и живутъ отдѣльныя личности. Такъ-какъ юристъ исключительно обращается въ міръ права, то онъ ближайшимъ образомъ, а иногда и единственно, видитъ только одну сторону какого-либо отношенія, сторону *юридическую*: администраторъ-же болѣе обобщается и долженъ, кромѣ этой одной стороны, обозрѣть и постигнуть и другія стороны, равно-какъ и ихъ взаимное отношеніе, ибо его дѣятельность не замкнута въ такую тѣсную рамку, какъ дѣятельность юриста. Изъ этого различія въ границахъ, способѣ

и предметъ занятій юриста и администратора понятнo повсемѣстное стремленіе къ отдѣленію суда отъ управленія. Теорія университетскаго образованія, которая, наперекоръ такому указанію опыта, захотѣла-бы соединить эти двѣ противоположности,—судъ и администрацію, должна была-бы отказаться отъ возможности соотвѣтствующаго практическимъ требованіямъ образованія юристовъ и администраторовъ. Если уже опытъ высказалъ необходимость разграниченія суда и управленія, то университетъ, который существуетъ не для себя только, но и для практической жизни, не долженъ упускать изъ вида такого разграниченія, но сообразно ему устраивать свое преподаваніе для образованія будущихъ юристовъ и администраторовъ, соотвѣтственнаго съ требованіями практической жизни. И чѣмъ скорѣе будетъ это устроено, тѣмъ скорѣе пріобрѣтетъ государство администраторовъ, которые, соznавая совокупность государственныхъ интересовъ, окажутся способными и существенно полезными въ отдѣльныхъ соотвѣтствующихъ кругу ихъ дѣятельности, занятіяхъ. Но чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ разнообразнѣе его внутренняя жизнь, тѣмъ болѣе должно быть количество администраторовъ и тѣмъ многосложнѣе должны они быть образованы. Основаніемъ такого образованія должно служить твердое историческое знакомство съ состояніемъ элементовъ государственной жизни. Такое знакомство достигается путемъ неутомимыхъ статистическихъ изслѣдованій о каждой отрасли государственнаго быта. Гдѣ мы встрѣчаемъ государственную дѣятельность устроенною во всѣхъ частностяхъ и соотвѣтствующею требованіямъ времени, тамъ непременно находимъ и развитіе статистики, подготовившей такое раціональное направленіе администраціи. Взглянемъ, на примѣръ, на успѣшно развитую правительственную жизнь двухъ государствъ: Пруссіи и Бельгіи; здѣсь мы увидимъ, что оба эти государства имѣютъ превосходные статистическіе бюро,—въ Берлинѣ и Брюсселѣ, и превосходныхъ, прославившихся статистиковъ. Часто-повторяющіеся и посѣщаемые лицами изъ разныхъ странъ статистическіе конгрессы указываютъ всѣми признанною важность этой государственной науки. Равнымъ образомъ и Австрія все болѣе и болѣе сознаетъ необходимость построенія своихъ мѣропріятій на твердыхъ статистическихъ основаніяхъ. Намъ кажется весьма замѣчательнымъ способъ и образъ соединенія въ Германіи теоріи и практики статистики: извѣстный статистикъ профессоръ Дитрици

въ Берлинѣ есть въ то-же время и директоръ мѣстнаго статистическаго бюро; статистикъ профессоръ Германнъ въ Мюнхенѣ въ течение полугода занимается преподаваніемъ, а остальное время посвящаетъ управленію Мюнхенскимъ статистическимъ бюро; извѣстный профессоръ Шубертъ въ Кенигсбергѣ совершаетъ почти ежегодныя поѣздки въ различныя бюро. Только тогда, когда преподавателямъ статистики дается возможность выполнять и повѣрять ихъ теоретическія воззрѣнія практикою, могутъ они преподавать статистику такую, какова она на самомъ дѣлѣ, именно преподавать ее, какъ науку положительную, образовавшуюся изъ фактовъ дѣйствительной жизни.

Высшее изъ учебныхъ заведеній въ государствѣ — университетъ, не можетъ оставаться простымъ зрителемъ успѣховъ дѣятельности государственной жизни и развитія силъ ея; онъ долженъ въ этомъ принимать участіе, долженъ выставить сильныхъ наукою дѣятелей для разрѣшенія великихъ задачъ государства. Этого можетъ онъ достигнуть только тогда, когда государственныя науки получаютъ систему преподаванія, которая-бы имѣла единство и замкнутость въ себѣ, — систему, при которой преподаваніе являлось-бы самостоятельнымъ, а не зависящимъ отъ другихъ наукъ, какъ это бываетъ при присоединеніи государственныхъ наукъ къ предметамъ юридическаго, или историко-филологическаго факультета. Знаменитый писатель нашего времени Риль высказалъ мысль, что образованіе юридическое должно зависѣть отъ факультета государственныхъ наукъ, какъ часть отъ цѣлаго. Этого взгляда, кажущагося намъ крайностію, мы не раздѣляемъ: правовѣдѣніе имѣетъ одинаковое право на самостоятельность, какъ и государствовѣдѣніе. Какъ то, такъ и другое могутъ самостоятельно стоять другъ подлѣ друга, безъ того, чтобы одно поработило другое. Они имѣютъ хотя одинаково важныя, но совершенно различныя сферы дѣятельности, слѣдовательно должны имѣть и отдѣльные способы преподаванія. Коль-скоро такое отдѣленіе имѣетъ мѣсто, оба эти рода наукъ развиваются съ полною силою и свойственнымъ имъ образомъ, — и практическимъ послѣдствіемъ этого является то, что какъ юристы, такъ и администраторы вступаютъ въ кругъ своихъ дѣйствій не вполонину, а вполне приготовленными. Точно также и при самомъ преподаваніи соединеніе юридическихъ и государственныхъ наукъ положительно невозможно. Каждая изъ этихъ двухъ отраслей наукъ вполне

погружаетъ въ себя какъ учащаго, такъ и учащагося. Такое соединеніе было еще возможно, когда государственныя науки преподавались въ общемъ обзорѣніи, энциклопедически; но въ настоящее время, когда существуетъ обширный кругъ какъ государственныхъ, такъ и юридическихъ наукъ, когда отъ образованнаго администратора, кромѣ знанія государственныхъ наукъ, требуются и другія свѣдѣнія, именно въ естественныхъ и техническихъ наукахъ, — соединеніе юридическихъ и государственныхъ наукъ можетъ повести только къ поверхностному полужнанію ихъ; такъ-что въ каждой изъ нихъ учащіяся будутъ имѣть кое-какія познанія и ни съ одною изъ нихъ не будутъ знакомы вполне. Изучая продолженіе 12 лѣтъ государствовѣдѣніе теоретически и практически и преподавая въ теченіе 5 лѣтъ государственныя науки, я убѣдился, что одновременное занятіе государственными и юридическими науками невозможно ни для учащаго, ни для учащагося.

Но не только *внутренняя* государственная жизнь налагаетъ новыя требованія на высшее учебное заведеніе. *Внѣшняя* жизнь государства также не остается безъ движенія и расширенія при развитіи другихъ государствъ. За развитіемъ внутреннихъ отношеній страны слѣдуетъ и развитіе ея внѣшнихъ отношеній. Поэтому отъ дипломата нашего времени требуютъ не одного только здраваго смысла, природнаго ума, но ему нужна еще большая масса положительныхъ свѣдѣній. Право народовъ получаетъ все болѣе и болѣе твердое содержаніе, объять которое невозможно съ одного раза; и только изученіемъ многочисленныхъ трактатовъ можно достигнуть познанія истинной, дѣйствительной прочности дѣйствующаго между государствами права. Правильное изъясненіе, вѣрный, всесторонній взглядъ на значеніе и смыслъ различныхъ государственныхъ договоровъ невозможенъ, если все теоретическое образованіе не было устремлено къ этой цѣли. Но это есть только одна сторона дипломатическаго образованія. Другая сторона состоитъ въ научномъ распознаваніи состоянія своей страны и другихъ государствъ. Ибо дипломатъ хотя дѣйствуетъ для своего государства, но въ другихъ государствахъ и для ихъ взаимныхъ отношеній. Эти отношенія должны быть изслѣдованы съ точекъ зрѣнія статистической, хозяйственной и юридической. Самоучкой нельзя изучить всѣхъ государственныхъ наукъ, — и самоучка потеряется въ этой обширной области, изслѣдованію которой въ теченіе цѣлыхъ столѣтій посвящались труды ученыхъ, которая за-

ключаетъ въ себѣ жизнь, пройденную многими государствами въ теченіе многихъ лѣтъ и въ разнообразныхъ формахъ. Взглядъ изслѣдователя долженъ умѣть отличать въ этой массѣ явленій факты важнѣйшіе; но только подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, которые уже изучили эту обширную область и потому въ состояніи указать учащемуся послѣдовательный рядъ явленій государственной жизни и посвятить его въ тайны наукъ, изслѣдующихъ таковыя явленія, освящается это необозримое цѣлое и укрѣпляется знаніе его, а при этомъ только и возможна плодотворная практическая дѣятельность на поприщѣ администраціи.

Такой взглядъ на значеніе изученія государственныхъ наукъ утвердился во мнѣ при изслѣдованіи заграничныхъ факультетовъ государственныхъ наукъ, въ-особенности факультетовъ Германскихъ; но при этомъ я не могу умолчать, что до настоящаго времени нѣтъ еще чисто-государственныхъ факультетовъ. Германія имѣетъ собственно только факультеты наукъ государственнаго хозяйства, между которыми факультетъ Тюбингенскій пользуется наибольшою славой. Этимъ онъ обязанъ преимущественно дѣятельности бывшаго члена его, нынѣ профессора Гейдельбергскаго университета Роберта Моля. Но именно организація преподаванія въ этомъ университетѣ утверждаетъ насъ въ мысли о необходимости отдѣленія отъ него промышленныхъ и теоретическихъ наукъ и соединенія ихъ въ политехнической школѣ, равно-какъ и наукъ сельско-хозяйственныхъ. Плоды преподаванія въ этомъ университетѣ чисто-государственныхъ наукъ, статистики, политической экономіи и государственнаго права, видны на опытѣ; но касательно прочихъ отраслей этихъ наукъ польза, имъ принесенная, относительно не велика. Эти послѣднія науки тѣмъ болѣе излишни въ университетѣ, что близъ Тюбингена находится политехнический институтъ, въ Штутгартѣ, и школа сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Гохгеймѣ. Такимъ образомъ самый Вюртембергъ доказываетъ уже необходимость существованія вблизи другъ друга факультета государственныхъ наукъ, политехническаго института и высшаго сельско-хозяйственнаго училища. Съ возрастающимъ значеніемъ этихъ двухъ послѣднихъ заведеній, вѣроятно, и Тюбингенскій факультетъ наукъ государственнаго хозяйства преобразится въ факультетъ чисто-государственныхъ наукъ. Факультеты наукъ государственнаго хозяйства находятся также въ Мюнхенѣ и Вюрцбургѣ. Уже въ половинѣ прошлаго столѣтія зна-

менитый публицистъ Іоаннъ Яковъ Мозеръ устроилъ государственную академію, для образованія государственныхъ чиновниковъ, въ Гану. Съ этою-же цѣлію шесть лѣтъ тому назадъ устроена семинарія государственныхъ наукъ въ Іенѣ. Въ Берлинѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ средствахъ изученія государственныхъ наукъ, требованія внѣшней государственной службы вызвали учрежденіе дипломатическихъ экзаменовъ, которымъ должны подвергаться чиновники, вступающіе въ министерство иностранныхъ дѣлъ; и профессоръ Гельвингъ, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, занимается приготовленіемъ дипломатовъ ко вступленію въ должности по названному министерству. Точно также подвергаются испытанію и лица, желающіе занять должности по внутренней администраціи; а равно и юристы безъ удостовѣренія о своихъ познаніяхъ въ государственныхъ наукахъ, какъ въ Пруссіи, такъ почти во всей Германіи, не могутъ получить правительственныхъ должностей. Впрочемъ, почти всѣ профессора государственныхъ наукъ, съ которыми я познакомился при посѣщеніи Германскихъ университетовъ (именно въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ, Галлѣ, Іенѣ, Геттингенѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ, Тюбингенѣ, Марбургѣ, Гисенѣ, Мюнхенѣ и Эрлангенѣ), единогласно признали необходимость отдѣленія преподаванія наукъ юридическихъ отъ государственныхъ и недопущенія юристовъ къ должностямъ правительственнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ мнѣ многіе говорили, что во всѣхъ университетахъ Германіи откроются факультеты государственныхъ наукъ, ибо потребность въ образованныхъ администраторахъ растетъ съ каждымъ днемъ. Особенно жалуются на недостатокъ отдѣльныхъ дипломатическихъ учебныхъ заведеній; и для временнаго восполненія этого недостатка профессоръ Гельвингъ, какъ выше было замѣчено, образовалъ около себя значительный кругъ слушателей, такъ-что почти всѣ Прусскіе дипломаты послѣднихъ 15—20 лѣтъ специально приготовились подъ его личнымъ руководствомъ къ дипломатической дѣятельности. Между прочими и этотъ уважаемый профессоръ признаетъ необходимость самостоятельнаго, отдѣльнаго дипломатическаго образованія.

II. Политехническія школы.

При развитіи промышленности и распространеніи желѣзныхъ дорогъ вскорѣ открылось, что одно практическое образованіе и

знакомство съ ихъ устройствомъ и значеніемъ недостаточны и все съ большею ясностію обнаруживалась необходимость въ учрежденіи особыхъ для этихъ наукъ заведеній. Этой потребности удовлетворилъ Парижъ своею знаменитою политехническою школою, равно-какъ и Германія, гдѣ подобныя-же заведенія, также приобрѣтшія себѣ репутацію, устроены въ Карльсруэ, Ганноверѣ, Штутгардтѣ и Дрезденѣ. Въ недавнее время возникла политехническая школа въ одномъ изъ небольшихъ государствъ Европы—Швейцаріи, гдѣ промышленность и желѣзныя дороги устроились только въ послѣднее десятилѣтіе. Школа эта устроена въ Цюрихѣ, и по числу слушателей она почти равняется съ существующимъ тамъ университетомъ.

Едва-ли можно утверждать, что какъ вышеазванные, такъ и другія, въ настоящее время существующія школы удовлетворяютъ требованіямъ практической жизни. Съ одной стороны самое устройство ихъ неудовлетворительно, съ другой — число обучающихся въ нихъ недостаточно. Общая цѣль ихъ достигается тѣмъ менѣе, что онѣ существуютъ только въ нѣкоторыхъ странахъ.

Какъ промышленность, такъ и устройство желѣзныхъ дорогъ требуютъ познанія не только общихъ законовъ и правилъ, прилагаемыхъ къ каждой мѣстности, но и мѣстныхъ условій и отношеній. Поэтому призывъ большаго числа фабрикантовъ или инженеровъ изъ-за границы является во многихъ отношеніяхъ плохимъ пособіемъ странѣ. Конечно, въ такомъ призывѣ случается иногда необходимость, при недостаткѣ, или неразвитіи въ странѣ учебныхъ заведеній по этой части; но мѣра эта можетъ быть допустительна только какъ временная, а никакъ не постоянная. Такъ-какъ иностранцы могутъ ознакомиться съ мѣстными условіями устройства и управленія фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ только по прошествіи извѣстнаго времени, то отсюда уже видна настоятельная необходимость существованія въ каждомъ государствѣ собственныхъ учебныхъ заведеній по этой части. Заведенія эти не должны устроиваться исключительно по образцу заведеній заграничныхъ, но должны быть основаны на мѣстныхъ данныхъ и наконецъ по своимъ размѣрамъ и числу вполне соответствовать требованіямъ страны, а не служить только средствомъ къ замѣненію иностранцевъ собственными подданными. Поэтому съ одной стороны государству необходимо при устройствѣ такихъ заведеній избѣгать простаго подражанія иностраннымъ образцамъ, а съ дру-

гой—имѣть заведенія въ достаточномъ числѣ, при чемъ опять онѣ не должны быть устроены на очень большое число учениковъ, ибо при этомъ невозможно тщательное ихъ образованіе.

Политехническія школы въ настоящее время являются необходимыми учрежденіемъ въ каждомъ государствѣ, которое хочетъ принимать участіе въ успѣхахъ промышленности и въ которомъ уже устроены, или будутъ устроиваться желѣзныя дороги и другія пути сообщенія. Каждое государство, которое хочетъ по-возможности дѣйствовать собственными силами и прилагать ихъ къ своему матеріальному благосостоянію такимъ образомъ, чтобы оно само пользовалось плодами благосостоянія, а не было обязано большею частію его иностранному государству, которому за это должно и удѣлять часть своихъ выгодъ, должно сколько-возможно быть независимымъ и самостоятельнымъ въ трудѣ и техническомъ искусствѣ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ выводить ложнаго мнѣнія, что государство должно стремиться къ удовлетворенію собственными силами *всѣхъ* нуждъ своихъ, ибо это было-бы посягательствомъ на отношенія и законы, данныя самою природою, и повлекло-бы за собою неизбѣжныя невыгоды. Но каждое государство должно стремиться къ возможно-большей разработкѣ своихъ естественныхъ богатствъ, такъ-чтобы этимъ путемъ оно могло пріобрѣсть матеріалъ для мѣны съ другими государствами, если не болѣе цѣнный, то по-крайней-мѣрѣ одинаковой цѣнности съ вымѣняваемымъ. Поэтому, если напримѣръ государство обладаетъ минеральными богатствами и плодородною почвою, то оно не должно только заниматься добываніемъ этихъ естественныхъ богатствъ, но и развивать сколь-возможно болѣе тѣ вѣтви промышленности, которыя оно можетъ производить съ меньшими издержками и большими выгодами, чѣмъ государства иностранныя; прочія-же отрасли промышленныхъ занятій, гдѣ затраты если не болѣе, то равны съ расходами иностранныхъ державъ, а выгоды представляются меньшія,—должны быть предоставлены этимъ послѣднимъ государствамъ. Но чтобы государство могло совершать это, необходимы два условія: во-первыхъ, полное знакомство съ мѣстными условіями производства и потребленія, и во-вторыхъ, устройство училищъ для развитія собственныхъ силъ страны. Первому условію удовлетворяетъ статистика, розысканія которой, для успѣшныхъ результатовъ своихъ, должны быть производимы со всевозможною точностію, а послѣднему, въ техническомъ отношеніи, удовлетворяютъ политех-

ническія школы, которыя, совершенствуя пути сообщенія, развивая производство и потребление и возвышая народное богатство, образуютъ богѣе многочисленное и благоденствующее народонаселеніе. Большая страна, богато-одаренная естественными богатствами и трудомъ, можетъ, при надлежащемъ развитіи путей сообщенія и возвышеніи цѣнности своихъ естественныхъ произведеній путемъ правильно-устроеннаго техническаго труда, гораздо легче достигнуть превосходящаго всѣмъ ожиданія благосостоянія и матеріальной независимости, чѣмъ государство небольшое, или: не щедро надѣленное природою.

Такимъ образомъ, при помощи вышеупомянутыхъ факультетовъ государственныхъ наукъ, образуются для государства способные администраторы, а путемъ политехническихъ школъ получаетъ государство способныхъ и технически-образованныхъ производителей, возвышающихъ цѣнность естественныхъ богатствъ его. Политехническія школы въ организмѣ учреждений для развитія государственныхъ силъ являются выполняющими теоретическій элементъ заведеній для образованія администраторовъ: ибо и техника имѣетъ свои законы, которые, происходя отъ природы, могутъ быть познаны только научнымъ путемъ. Самое механическое есть произведеніе духовнаго, и безъ знанія его невозможно никакое высшее техническое образованіе. Политехническія школы поэтому являются въ своемъ родѣ высшими училищами, университетами, ибо онѣ даютъ высшее техническое образованіе. Доказательствомъ тому, что уже издавна сознается такое отношеніе между этими обонми родами высшихъ училищъ, служитъ непрерывное умноженіе учениковъ политехническихъ школъ и одновременное съ этимъ уменьшеніе числа слушателей въ университетахъ, сосѣднихъ этимъ школамъ. Такъ напр., политехническія школы въ Карлсруэ и Цюрихѣ имѣютъ почти столько-же учащихся, какъ Гейдельбергскій и Цюрихскій университеты, въ которыхъ число студентовъ уменьшилось съ увеличеніемъ числа посѣщающихъ школы. Этимъ фактомъ подтверждается и то, что всѣ школы, служація государству, настолько требуютъ себѣ признанія, насколько онѣ его достойны по успѣшному производству въ кругѣ своей дѣятельности, и что всякій честный трудъ важенъ и уважается государствомъ, ибо онъ содѣйствуетъ общему благосостоянію страны.

Разсмотрѣніе политехническихъ школъ укажетъ намъ, насколько онѣ даже по своей организаціи даютъ право ожидать отъ нихъ

практическихъ результатовъ. Для этой цѣли мы избрали политехническую школу въ Цюрихѣ, хотя мы посѣщали и другія школы. Названная школа заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, преимущественнаго разсмотрѣнія: потому-что, будучи новѣйшею изъ всѣхъ, она въ своемъ устройствѣ могла заимствовать отъ заведеній, возникшихъ ранѣе ея, ихъ достоинства и избѣжать обнаружившихся въ нихъ недостатковъ.

1) Отношеніе политехнической школы къ другимъ заведеніямъ и система приготовительныхъ школъ.

Политехническія школы суть *высшія* промышленныя училища и предполагаютъ существованіе другихъ *низшихъ* школъ. Когда Швейцарія въ 1854 году вознамѣрилась устроить у себя политехническую школу, въ ней уже существовали промышленныя и ремесленныя училища. Политехническая школа возникла въ Швейцаріи именно какъ высшее училище наряду съ существовавшими низшими и устроена сообразно съ потребностями мѣстныхъ промышленныхъ условій и требованіями, какія налагаетъ на подобныя заведенія настоящее состояніе математическихъ и естественныхъ наукъ. По этому въ ней преподаются всѣ предметы, необходимые для искорененія недостатковъ промышленнаго быта страны. Комиссія, созданная для устройства заведенія, о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ совѣщалась съ учеными и учителями, равно какъ и съ техниками практическими. Хотя при устройствѣ заведенія комиссія и не подражала какому-либо изъ заграничныхъ училищъ, однако она пользовалась примѣрами и опытомъ сихъ послѣднихъ. При опредѣленіи исходнаго пункта преподаванія, можно было принять двѣ системы: во-первыхъ, систему спеціальнаго преподаванія, соединенную съ приготовительными школами, или элементарными начальными курсами, и во-вторыхъ, систему спеціальнаго преподаванія безъ приготовительныхъ школъ. Школы эти, при первой системѣ, должны доводить свое преподаваніе только до той степени, на которой оно примѣняется ко всѣмъ родамъ техническихъ знаній, а равно преподавать элементарныя свѣдѣнія въ математикѣ и естественныхъ наукахъ. При второй системѣ преподаваніе должно начинаться уже съ той степени, при которой оно раздѣляется по родамъ разныхъ техническихъ знаній, а также преподавать высшія свѣдѣнія въ математикѣ и естествен-

ныхъ наукахъ. Первая система находитъ себѣ значительное приложеніе во Французскихъ училищахъ. Такъ въ центральномъ училищѣ искусствъ и ремеслъ, имѣющемъ три годовые курса, специальное преподаваніе начинается только со втораго курса. Парижская политехническая школа преподаетъ всѣмъ своимъ ученикамъ однообразныя свѣдѣнія и образуетъ такимъ образомъ изъ себя приготовительную школу, правда съ весьма обширнымъ курсомъ, за которой слѣдуютъ спеціальныя школы, напр. Ecole des ponts et chaussées, Ecole des mines и др. Система приготовительныхъ школъ принята и политехническою школою въ Карльсруэ. Однако Швейцарская коммиссія не приняла системы элементарнаго курса и соединенія приготовительныхъ школъ съ политехническою школою. Французскія заведенія, относительно объема преподаванія, не могли послужить примѣромъ для Швейцарскихъ: ибо какъ центральная, такъ и Парижская политехническія школы ограничиваются исключительно преподаваніемъ спеціальныхъ наукъ и необходимыхъ послѣднимъ наукъ вспомогательныхъ, съ единственнымъ исключеніемъ, что въ послѣднее время въ политехнической школѣ обращено большее вниманіе на изученіе Французскаго и Нѣмецкаго языковъ; для дальнѣйшаго же изученія литературы и исторіи, равно-какъ и тѣхъ частей математики и естествознанія, которыя заключаютъ въ себѣ болѣе теоретическій, чѣмъ практическій интересъ, ученики этихъ заведеній не имѣютъ возможности. При небольшомъ числѣ предметовъ преподаванія въ этихъ заведеніяхъ, конечно, возможно начать курсъ съ элементарнаго преподаванія, какъ это особенно имѣетъ мѣсто въ центральной школѣ, и затѣмъ въ относительно короткое время приготовить учениковъ и спеціальнымъ образомъ. Но такая точка зрѣнія не была принята Швейцарскою политехническою школою. По цѣли ея, ученикамъ должны быть знакомы, кромѣ чисто-техническихъ наукъ, относящихся къ избранной ими дѣятельности, новые языки и естественныя науки, математика, политехническая исторія и исторія искусствъ, Швейцарское государственное право и національное хозяйство. Количество времени для приобрѣтенія этихъ свѣдѣній должно было, конечно, сообразоваться съ ними. Достигнуть-же этого, безъ вреда училищу, возможно было не иначе, какъ постановленіемъ, чтобы вступающій въ политехническую школу уже окончившій элементарное образованіе, такъ-чтобы время пребыванія въ школѣ было посвящено спеціальному изученію какой-либо отрасли техническихъ

знаній и дальнѣйшему общему образованію. Въ Карльсруэ при политехнической школѣ существуетъ одна и притомъ единственная приготовительная школа. Такое мѣстное сосредоточеніе училищъ не желательно: ибо въ приготовительныхъ школахъ преподаются предметы, нужные и не политехникамъ; поэтому такія школы, какъ относящіяся къ большей части учащихся и ко всѣмъ мѣстностямъ страны, должны быть устроены въ разныхъ мѣстахъ. Предметы преподаванія названной приготовительной школы слѣдующіе: 1) элементарныя понятія о естественной исторіи, физикѣ и химіи, ариметика и тѣ части математики, которыя предшествуютъ высшему анализу; 2) начальное основаніе геометрическаго черченія и простѣйшія приложения къ искусству измѣрѣнія; 3) употребительнѣйшіе новые языки въ ихъ историческомъ и грамматическомъ обзорѣни. Въ Швейцаріи подобныя школы существуютъ въ большомъ количествѣ въ различныхъ кантонахъ и многія изъ кантонныхъ и городскихъ промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ сходствуютъ своимъ устройствомъ съ приготовительной школою въ Карльсруэ. Поэтому и устройство особеннаго приготовительнаго училища въ Швейцаріи было не нужно. Но вездѣ, гдѣ такой приготовительной школы не существуетъ и гдѣ уже устроена, или предполагается устроить политехническую школу, тамъ необходимо введеніе одной или нѣсколькихъ приготовительныхъ школъ. Ибо подобно тому, какъ слушаніе университетскихъ лекцій предполагаетъ необходимое существованіе гимназическихъ курсовъ, какъ приготовительныхъ къ курсу университетскому, такъ и политехническая школа требуетъ существованія высшихъ приготовительныхъ промышленныхъ училищъ. Далѣе, подобно тому, какъ гимназіи въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ реальныхъ училищъ, служатъ не только приготовительными заведеніями для вступленія въ университетъ, но и для занятій промышленныхъ и торговыхъ, хотя, конечно, не въ значительной степени, ибо тамъ на торговлю обращается мало вниманія, такъ точно и приготовительныя промышленныя школы имѣютъ двоякую и болѣе достигаемую ими цѣль: съ одной стороны, онѣ готовятъ къ промышленнымъ занятіямъ, не требующимъ высшаго политехническаго образованія, а съ другой — служатъ приготовительными мѣстами для вступленія въ политехническую школу.

2) Отдѣленія политехнической школы.

Цюрикская политехническая школа имѣетъ шесть отдѣленій: 1) строительную школу, 2) инженерную школу, 3) механико-техническую школу, 4) химико-техническую школу, 5) лѣсную школу и 6) отдѣленіе философское и государственнаго хозяйства. Полный курсъ преподаванія въ первыхъ трехъ отдѣленіяхъ трехлѣтній, въ четвертомъ и пятомъ — двухлѣтній; шестое отдѣленіе имѣетъ полугодовые курсы. I. *Строительная школа* образуетъ архитекторовъ для гражданскихъ и монументальныхъ построекъ теоретически, какъ въ техническомъ, такъ и эстетическомъ отношеніяхъ, и практически. Въ первыхъ двухъ годичныхъ курсахъ строительной школы образуются архитекторы для небольшихъ городскихъ построекъ; но для того, чтобы быть способнымъ возводить большія постройки, именно съ монументальнымъ характеромъ, необходимо прослушать всѣ три курса. II. *Инженерная школа* приготовляетъ инженеровъ для проведенія дорогъ и каналовъ, устройства желѣзныхъ дорогъ и мостовъ, равно-какъ и топографовъ, образуя ихъ теоретически и практически. Въ первыхъ двухъ годичныхъ курсахъ преподаются свѣдѣнія, необходимыя для всѣхъ инженеровъ вообще, въ третьемъ курсѣ дается высшее техническое и геодезическое образованіе. III. *Механико-техническая школа* образуетъ теоретически и практически техникувъ для производства машинъ и преподаетъ свѣдѣнія нужныя для рациональнаго устройства различныхъ отраслей механической фабрикаціи. Въ первыхъ двухъ годичныхъ курсахъ дается общее образованіе, необходимое для всѣхъ техникувъ, третій курсъ довершаетъ съ одной стороны приобрѣтеніе свѣдѣній о постройкѣ машинъ, а съ другой преподаетъ спеціальныя технологическія свѣдѣнія, необходимыя для занятій различными механическими отраслями фабрикаціи. IV. *Химико-техническая школа* образуетъ частію техникувъ для производства различныхъ отраслей химическихъ промысловъ и фабрикаціи, частію фармацевтовъ, также теоретически и практически. Въ первомъ годичномъ курсѣ преподаются свѣдѣнія, необходимыя для всякаго рода занятій, требующихъ познаній въ химіи, второй курсъ раздѣляется на два отдѣленія: а) отдѣленіе промышленной химіи въ тѣсномъ смыслѣ и б) отдѣленіе химіи медицинской. V. *Лѣсная школа* образуетъ теоретически и практически лѣсоводовъ. VI. *Въ отдѣленіи философскомъ и государственнаго хозяйства,*

которое представляется какъ-бы вспомогательнымъ для пяти вышеозначенныхъ отдѣленій,—ибо оно довершаетъ необходимое для всѣхъ общее образованіе—преподается математика, естественныя науки, литература важнѣйшихъ живыхъ языковъ, политическая исторія и исторія искусствъ, національная экономія, государственное право и тѣ части гражданскаго права и административнаго законодательства, которыя болѣе необходимы для учащихся; свѣдѣнія эти преподаются частію чисто-теоретически, въ полномъ объемѣ, частію въ приложеніи ихъ къ различнаго рода техническимъ занятіямъ, преподаваемымъ въ заведеніи. Цѣль этого заведенія та, чтобы слушателю, желающему ознакомиться съ общимъ характеромъ техническихъ познаній, не было необходимости посѣщать многихъ отдѣленій, а потому свѣдѣнія, въ настоящемъ отдѣленіи преподаваемыя, не имѣютъ непосредственнаго практическаго приложенія и не требуютъ предварительныхъ свѣдѣній для слушанія ихъ; и кромѣ-того это отдѣленіе имѣетъ цѣлю облегчить приватнымъ слушателямъ успѣшное усвоеніе лекцій въ другихъ отдѣленіяхъ.

Относительно раздѣленія другихъ политехническихъ школъ на отдѣленія замѣтимъ, что въ Карльсруэ существуетъ особое отдѣленіе лѣснаго хозяйства, но учителя заведенія отзываются объ немъ, что присоединеніе его къ политехнической школѣ вовсе лишнее и не имѣетъ никакихъ практическихъ результатовъ. Въ Штутгартской политехнической школѣ не существуетъ этого отдѣленія. Въ находящемся близъ Штутгарта Гогенгеймскомъ институтѣ преподаваніе сельскаго хозяйства соединено съ лѣсоводствомъ. Такое соединеніе оказывается во многихъ отношеніяхъ, именно относительно практическихъ занятій обѣими этими отраслями и большаго сходства въ предметахъ преподаванія, самымъ правильнымъ. Присоединеніе къ политехнической школѣ особаго отдѣленія государствовѣдѣнія кажется намъ весьма полезнымъ для общаго образованія политехниковъ; но при этомъ нелегко установить правильное отношеніе между науками: ибо если время и труды политехниковъ будутъ направлены слишкомъ много на изученіе государственныхъ наукъ, то для нихъ предстоитъ опасность недостаточнаго изученія болѣе нужныхъ имъ наукъ техническихъ. Выше мы выразили мысль, что техническія и сельско-хозяйственныя науки не должны находиться въ числѣ предметовъ преподаванія въ факультетахъ государственныхъ наукъ; также

точно намъ кажется лишнимъ подробное изученіе послѣднихъ въ политехническихъ школахъ.

3) Приемъ и выпускъ изъ заведенія.

Приемъ въ заведеніе *воспитанниковъ*, т. е. такихъ, которые желаютъ получить полное специальное образованіе въ одномъ изъ пяти первыхъ вышеозначенныхъ отдѣленій, производится не иначе, какъ по экзамену, а *слушатели*, т. е. такіе, которые желаютъ только слушать лекціи, допускаются въ заведеніе безъ экзамена. При экзаменѣ требуется: а) умѣнье правильно говорить и писать на одномъ изъ трехъ употребительныхъ въ странѣ языковъ и умѣнье объясняться на двухъ другихъ языкахъ; б) желающіе поступить въ строительную, инженерную и механико-техническую школу должны кромѣ-того имѣть предварительныя свѣдѣнія въ математикѣ, физикѣ, химіи, естественной исторіи и рисованіи, насколько это нужно для каждой изъ школъ. Первые пять отдѣленій выдаютъ воспитанникамъ, по окончаніи ими курса и по выдержаніи изустнаго и письменнаго испытанія, дипломы. Строительная школа выдаетъ дипломъ архитектора (Baumeister), инженерная школа дипломы инженера сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, строительнаго и топографа (Strassen-Eisenbahn-Brücken,-Wasserbau und topographischer Ingenieur), механико-техническая школа,—дипломъ механика, (Mechaniker), химико-техническая школа — дипломъ химика-техника (technischer Chemiker) или фармацевта (Pharmaceut) и лѣсная школа—дипломъ лѣсничаго (Forstwirth). Эти дипломы даютъ имѣющему ихъ право вступить на то поприще, которому онъ специально посвятилъ себя.

4) Наставники заведенія.

Техническія и естественныя науки, исключая физики, зоологіи, ботаники и минералогіи, преподаются какъ профессорами, такъ и адъюнктами. Математику, литературу и государственныя науки преподають только профессора. Для техническихъ и естественныхъ наукъ находятся 18 профессоровъ и 7—9 адъюнктовъ; прочія науки ввѣрены 14 профессорамъ и 2 учителямъ черченія и рисованія. Поэтому число наставниковъ въ заведеніи слѣдующее: 32 профессора, адъюнктовъ 7—9, учителей 2. Приватдоценты по правилу допускаются только къ чтенію предметовъ шестаго отдѣленія, и только въ видѣ исключенія могутъ читать въ пяти пер-

выхъ отдѣленіяхъ; единственное вознагражденіе ихъ состоитъ въ гонораріѣ, платимомъ имъ *слушателями*. Окладъ жалованья учителямъ зависитъ отъ ихъ личныхъ способностей, такъ-что они не имѣютъ заранѣе опредѣленнаго содержанія. Плата, взимаемая съ *воспитанниковъ*, дѣлится между профессорами, лекціи которыхъ они слушаютъ; величина содержанія профессоровъ зависитъ отъ числа лекцій. Содержаніе адъюнктовъ зависитъ отъ условія, заключеннаго съ каждымъ изъ нихъ. Гонорарій, платимый слушателями, во всякомъ случаѣ идетъ ихъ наставникамъ.

5) Преподаваніе.

Преподаваніе, сообразно съ троякаго рода населеніемъ Швейцаріи, производится, по желанію наставниковъ, на Нѣмецкомъ, Французскомъ или Италіянскомъ языкахъ и также сообразуется съ *особенными* потребностями страны. Въ каждомъ курсѣ число и порядокъ лекцій опредѣлительно обозначены. Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ этого рода, напр. въ Вѣнской политехнической школѣ и Брауншвейгскомъ высшемъ техническомъ училищѣ, не существуетъ обязательнаго посѣщенія лекцій; но эти заведенія не имѣютъ цѣлю приготовить воспитанниковъ къ какому-либо одному опредѣленному роду дѣятельности, но даютъ только общее техническое образованіе, служащее какъ-бы приготовленіемъ къ спеціальнымъ занятіямъ какою-либо отраслю техническихъ наукъ. Въ шестомъ отдѣленіи обязательны только программы преподаванія предметовъ первыхъ пяти отдѣленій.

Съ преподаваніемъ обязательныхъ предметовъ соединяются репетиціи и бесѣды, производимыя чрезъ правильныя, короткіе промежутки времени. Въ отдѣленіи философскомъ и государственнаго хозяйства такія репетиціи отдѣляются отъ лекцій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда этого требуетъ предметъ преподаванія, воспитанники, кромѣ обязанности посѣщать лекціи, должны заниматьса разрѣшеніемъ даваемыхъ имъ задачъ и въ-особенности самостоятельною разработкою и сочиненіемъ плановъ, рисунковъ, расчетовъ, извлеченій и описаній, относящихся къ кругу ихъ будущей дѣятельности. Для успѣшнаго практическаго образованія, воспитанники первыхъ четырехъ отдѣленій посѣщаютъ постройки, мастерскія и другія промышленныя заведенія, лежація близъ школы, и даже занимаются здѣсь практическими работами. Воспитанники высшей школы на экскурсіяхъ въ лѣсахъ, находящихся

близъ заведенія, приучаются къ практическому знакомству съ ними, съ способами ихъ потребленія и веденія въ нихъ правильнаго хозяйства. Крімъ-того ежегодно изъ каждаго отдѣленія производится экскурсія подъ руководствомъ наставника, для большаго преуспѣянія учениковъ на избранномъ ими поприщѣ. Пособіями при преподаваніи служатъ: 1) коллекціи моделей, фигуръ и архитектурическихъ орнаментовъ изъ гипса для преподаванія рисованія; 2) коллекція строительныхъ матеріаловъ, моделей машинъ и построекъ; 3) коллекція геометрическихъ инструментовъ; 4) коллекція орудій; 5) коллекція припасовъ для механико-технологическихъ, химико-технологическихъ и фармацевтическихъ занятій; 6) зоологическая, ботаническая, минералогическая, геологическая и палеонтологическая коллекція съ нужными спеціальностями въ первыхъ двухъ для гѣсной школы; 7) археологическая коллекція; 8) библіотека по части естественныхъ наукъ; 9) библіотека для наукъ математическихъ и техническихъ; 10) библіотека для литературы и государственнаго хозяйства; 11) мастерская для моделей изъ гипса и глины; 12) мастерская для работъ изъ дерева; 13) механическая мастерская для работъ изъ металла; 14) химическая лабораторія для аналитическихъ занятій; 15) химическая лабораторія для техническихъ и фармацевтическихъ занятій; 16) физическая лабораторія съ физическимъ кабинетомъ; 17) астрономическіе аппараты; 18) ботаническій садъ; 19) гѣса. Коллекціями этими пользуются наставники и воспитанники, но послѣдніе только при посредствѣ и подъ руководствомъ первыхъ. Пользованіе библіотекою свободно какъ для наставниковъ, такъ и для воспитанниковъ.

Разсматриваемое заведеніе имѣетъ еще второстепенную цѣль— образованіе учителей для низшихъ промышленныхъ училищъ въ Швейцаріи; но особаго отдѣленія для этой цѣли не существуетъ. Равнымъ образомъ не введены въ шестое отдѣленіе такіе предметы, которые могли-бы быть исключительно полезны для посвящающихъ себя званію учителя, напр. педагогика. Учители, впрочемъ, приготавливаются въ заведеніи къ своему званію не вполне, а лишь настолько, насколько имъ необходимы между прочимъ познанія въ преподаваемыхъ въ школахъ техническихъ и философскихъ наукахъ и наукахъ государственнаго хозяйства. Поэтому имъ предоставляется такая-же свобода въ избраніи себѣ предметовъ для слушанія лекцій, какъ слушателямъ; но такъ-какъ они обыч-

новенно посѣщаютъ не менѣе 15 лекцій въ недѣлю, то платятъ гонораріи, одинаковый съ воспитанниками. Вообще для учителей возможны два рода образованія: если такія лица хотятъ образовывать себя для занятія каведры по какой-либо отрасли техническихъ знаній, преподаваемыхъ въ первыхъ пяти отдѣленіяхъ школы, то они должны посѣщать соотвѣтствующее этому отдѣленію, какъ обыкновенные воспитанники, и во всѣхъ отношеніяхъ они стоятъ на одинаковыхъ правахъ съ послѣдними; если-же такія лица желаютъ получить общее образованіе, не посѣщая какого-либо спеціальнаго отдѣленія, то они считаются за воспитанниковъ только въ экономическомъ отношеніи.

Плата, взимаемая съ *воспитанниковъ* за слушаніе лекцій, составляетъ 50 фр. въ годъ за всѣ лекціи, и только за лекціи приватдоцентовъ взимается особый гонораріи, а также известная плата за пользованіе лабораторіями и мастерскими. *Слушатели* за посѣщеніе лекцій обязаны давать наставникамъ и приватдоцентамъ назначенный ими гонораріи, который для профессоровъ, получающихъ содержаніе, считая по полугодовому курсу, составляетъ не болѣе 4 фр. за каждую лекцію въ-теченіе недѣли. Кромѣ-того съ слушателей взимается плата за пользованіе лабораторіями и мастерскими. Бѣдные, но способные слушатели освобождаются вполне, или отчасти отъ обязанности платить гонораріи профессорамъ, получающимъ содержаніе.

Плата, взимаемая за слушаніе лекцій въ рассматриваемомъ заведеніи, относительно не велика, сравнительно съ другими подобными училищами; такъ напр. въ Карьеруэ она равняется 66 ф.л., т. е. почти 140 фр., а въ Парижской Ecole centrale она доходитъ до 775 фр.

Расходы суммъ заведенія.

I. Жалованье.

- а) Жалованье 32 профессорамъ 103,200 фр.
 б) Жалованье 9 адъюнктамъ и 2 учителямъ рисованія. 12,000 —

Для профессоровъ, заслужившихъ себѣ извѣстность, назначается жалованье отъ 4 до 5,000 фр. Въ каждой отдѣльной школѣ *одна*, а въ *четвертомъ* отдѣленіи 2 профессора, т. е. всего 7 лицъ, получаютъ жалованья по 4,000 фр., что составляетъ 28,000 фр. Другіе профессоры, которые имѣютъ менѣе лекцій въ школѣ и кромѣ-

того имѣютъ кафедры въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Цюрихскихъ, получаютъ 2,000 фр. жалованья. Число такихъ лицъ простирается до четырехъ, такъ-что количество выдаваемого имъ жалованья равняется 8,000 фр. Остальные 21 профессоръ получаютъ среднее, между указанными выше, жалованье, именно по 3,200 фр., что всего составляетъ 67,000 фр.

Такимъ образомъ сумма, выдаваемая профессорамъ въ видѣ жалованья, составляетъ 103,200 фр., или круглымъ числомъ 103,000 фр.

Изъ другихъ, существующихъ въ разныхъ государствахъ, техническихъ училищъ, Парижская и Вѣнская школы назначаютъ преподающимъ въ нихъ большее содержаніе; изъ Германскихъ училищъ немногія даютъ содержаніе почти равное получаемому въ Цюрихѣ, а большая часть ихъ назначаютъ мѣньшее жалованье.

Жалованье адъюнктамъ и учителямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: адъюнктъ по устройству машинъ получаетъ 1,800 фр.; жалованья тремъ учителямъ, руководящимъ работами въ мастерскихъ и потому обязаннымъ хорошо знать ремесла, назначается каждому по 1450 фр., такую-же сумму получаютъ оба учителя рисованія, такъ-что всѣ пять учителей вмѣстѣ получаютъ 7,250 фр.; пятеро прочихъ адъюнктовъ выбираются изъ числа учащихся, въ-особенности изъ числа готовящихся къ учительскому званію, и получаютъ небольшое вознагражденіе. Имъ выдается 600 фр. каждому, такъ-что всего на нихъ приходится 3,000 фр.

Такимъ образомъ адъюнкты и учителя получаютъ 12,050 фр., или круглымъ числомъ 12,000 фр., а вся сумма выдаваемого наставникамъ заведенія жалованья составляетъ 115,250 фр. или круглымъ числомъ 115,000 фр. ежегодно.

II. Прочіе расходы.

На коллекціи и другія научныя пособія назначено 34,000 фр., на награды 1,200 фр. Каждый годъ раздаются три первыя награды въ 150 фр. и три вторыя въ 60 фр., и кромѣ-того полагаются 500 фр. на возмѣщеніе издержекъ конкурентовъ на эти награды, что въ совокупности и составляетъ 1,200 фр. Для служащихъ при заведеніи и на издержки управленія назначено 20,500 фр., на непредвидимые расходы 3,000 фр. По этому весь итогъ расходовъ заведенія простирается до 173,700 фр.

Хотя содержаніе нѣкоторыхъ учащихся и суммы, назначенныя на коллекціи, и могутъ показаться слишкомъ малыми; но если при-

нять во вниманіе незначительность финансовыхъ средствъ Швейцаріи и относительную дешевизну тамошней жизни, то увидимъ, что по крайней мѣрѣ содержаніе наставниковъ заведенія нельзя назвать скуднымъ. Здѣсь едва ли нужно замѣчать, что не должно думать сумкѣ на подобныя заведенія: ибо капиталъ, положенный на устройство ихъ, принесетъ обильные проценты странѣ путемъ техническаго развитія ея богатствъ, и во всякомъ случаѣ государству выйдеть употребить известную сумму на устройство у себя политехнической школы, чѣмъ отдавать ее за услуги, оказываемыя техниками иностранцами, тѣмъ болѣе, что иностранцы обыкновенно не знаютъ ни мѣстныхъ условій, ни языка страны, а эти два обстоятельства немало препятствуютъ успѣшному ходу ихъ занятій.

III. Сельско-хозяйственный училища.

Уже въ три послѣднія десятилѣтія прошлаго столѣтія было обращено въ Германіи вниманіе на сельско-хозяйственное образованіе, но только въ 90-хъ годахъ была вполнѣ признана важность введенія болѣе рациональнаго сельскаго хозяйства. Плодомъ такого сознанія явилось устроенное Тееромъ сельско-хозяйственное заведеніе въ Целле. Онъ ввелъ въ своемъ заведеніи лучшія Англійскія методы хозяйства, здѣсь употреблялись Англійскія земледѣльческія орудія, введена Англійская система посѣва, а при этомъ преподавались молодымъ людямъ и необходимыя для земледѣлія науки, напр. химія. Ученики тогда устроили въ свою очередь по образцу Целльскаго заведенія подобныя же училища. Но не обращеніе этими введеніями должнаго вниманія на мѣстныя условія хозяйства произвело невыгодное вліяніе на возникшую потребность сельско-хозяйственнаго образованія, и потому время отъ 1806 до 1814 года было періодомъ застоя, и устроенное Тееромъ въ Меглинѣ, въ мариграфствѣ Бранденбургскомъ, училище въ началѣ не имѣло успѣха. Только съ водвореніемъ въ 1815 году мира замѣтно увеличилось число воспитанниковъ этого заведенія. Это заведеніе было образцовымъ относительно разведенія улучшенныхъ породъ овецъ; а вмѣстѣ съ этимъ необходимо развивались и совершенствовались связанныя съ овцеводствомъ отрасли сельскаго хозяйства. Въ концѣ прошлаго столѣтія возникли сельско-хозяйственныя училища и въ другихъ странахъ Германіи, напр. въ Гогенгеймѣ, близъ Штутгарта. Это училище въ одномъ отношеніи существенно отличалось отъ Меглинскаго: между тѣмъ какъ послѣднее образо-

вало только хозяевъ для большихъ имѣній, первое напротивъ приготовляло къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и въ маломъ объемѣ, именно: рядомъ съ высшимъ училищемъ была устроена въ Гогенгеймѣ земледѣльческая школа. Кроме того, въ высшемъ училищѣ сравнительно съ Мѣглинскимъ, было болѣе развито преподаваніе вспомогательныхъ наукъ сельскому хозяйству, именно математики, химіи, географіи и ботаники. Ученики земледѣльческой школы, сыновья сельскихъ обывателей знакомились здѣсь съ подробностями хозяйства и всѣми его работами. Шверцъ, которому поручено было устройство Гогенгеймскаго училища, обратилъ между прочимъ особенное вниманіе на улучшеніе обработки земли и ввелъ въ употребленіе Бельгійскія земледѣльскія орудія. При помощи опытовъ на отведенныхъ заведенію поляхъ были введены сродныя мѣстной почвѣ и климатическимъ условіямъ породы плодовъ. Съ развитіемъ и успѣхами хозяйства въ этомъ заведеніи получило значеніе и преподаваніе сельско-хозяйственныхъ промышленныхъ свѣдѣній. Именно здѣсь устроилась фабрикація свекловичнаго сахара, пивовареніе и медовареніе, производство крахмала и устроены усовершенствованныя мукомольныя мельницы; но особенно успѣшно занималось Гогенгеймское заведеніе разведеніемъ рогатаго скота. Мы посѣщали это заведеніе и были удивлены обширностію его устройства, въ-особенности же превосходнымъ собраніемъ моделей земледѣльческихъ машинъ и орудій. Впрочемъ, подробное разсмотрѣніе этого заведенія выходило за предѣлы предполагаемой нами цѣли, ибо мы поставили себѣ задачу обозрѣть, насколько связанныя съ университетами сельско-хозяйственныя училища достигаютъ въ настоящее время своей цѣли. Поэтому мы обратили преимущественное вниманіе на заведеніе этого рода, пользующееся нынѣ наибольшею славою, именно на училище въ Ленѣ. Директоръ этого училища, извѣстный во всей Германіи профессоръ докторъ Шульце, познакомилъ насъ съ устройствомъ заведенія въ такой подробности, что мы можемъ обстоятельно описать это заведеніе.

Училище помѣщается въ обширномъ, принадлежащемъ директору зданіи. Здѣсь находятся не только различныя коллекціи по предметамъ сельскаго хозяйства и естественныхъ наукъ, но и аудиторіи. Различныя образцовыя сельско-хозяйственныя заведенія, служащія пособіемъ при преподаваніи, находятся на разстояніи около часа отъ Лены. Преподаваніе имѣетъ цѣлю образованіе

практическихъ хозяевъ для большихъ и среднихъ имѣній; но слушатели лекцій должны уже имѣть предварительныя практическія свѣдѣнія въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ-что это заведеніе служитъ для дальнѣйшаго теоретическаго и пракческаго образования. Это училище есть отчасти отрасль университета, отчасти заведеніе частное. Оно есть отрасль университета потому, что какъ директоръ, такъ и большая часть наставниковъ считаются состоящими при университетѣ, а равно и учащіеся въ заведеніи внесены въ списокъ при университетѣ, и потому имѣютъ тѣ-же права и обязанности, какъ и прочіе студенты. Оно есть, съ другой стороны, частное заведеніе, потому-что директоръ устроилъ и содержитъ его почти исключительно на свой счетъ. Средствами образования въ разсматриваемомъ заведеніи, кромѣ лекцій естественныхъ наукъ, математики, философіи, правовѣдѣнія, государствовѣдѣнія, языковъ и т. д., являются: бібліотека, ботаническій садъ, минералогическій музей, зоологическій кабинетъ, обсерваторія, школа верховой ѣзды, фехтованія, плаванія и т. п.

Науки преподаваемыя здѣсь сельскимъ хозяевамъ слѣдующія:

I. Главныя науки.

- 1) Всеобщее сельское хозяйство, или наука о всеобщемъ сельско-хозяйственномъ производствѣ.
- 2) Наука о посѣвѣ и воспитаніи растений.
- 3) Скотоводство.

II. Основныя науки.

- 1) Основныя естественныя науки: сельско-хозяйственная химія, физика, ботаника, минералогія, естественная исторія, климатология и метеорологія.
- 2) Національная экономія.

III. Вспомогательныя науки. т. е. такія, которыя служатъ пособіемъ при приложеніи сельско-хозяйственной теории, именно:

- 1) Лѣсоводство, садоводство, винодѣліе, пчеловодство, добываніе торфа и другія свѣдѣнія, связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ.
- 2) Пивовареніе, винокуреніе, медовареніе, сахаровареніе и другіе техническіе промыслы, которыми виѣстѣ съ земледѣліемъ и скотоводствомъ занимаются сельскіе хозяева, а равно и прочія свѣдѣнія, необходимыя сельскому хозяину, наприм. выдѣлка суконъ, шерсти и т. п.

- 3) Наука о сельско-хозяйственныхъ постройкахъ.

- 4) Государственное хозяйство, полицейское право съ торговою политикою и наука о финансахъ.
- 5) Правовѣдѣніе и государствовѣдѣніе.
- 6) Ветеринарныя науки.
- 7) Нивелированіе и межеваніе.
- 8) Положительныя свѣдѣнія о хозяйствѣ, въ-особенности-же о сельскомъ хозяйствѣ какъ въ прежнія времена — исторія сельскаго хозяйства, такъ и въ настоящее время — сельско-хозяйственная статистика.

Большая часть этихъ наукъ преподается въ училищѣ профессорами университета, къ которымъ принадлежитъ и директоръ заведенія, частію-же особыми учителями, состоящими при заведеніи. Для слушанія лекцій, которыя не читаются въ самомъ училищѣ — именно всеобщей химіи, физики, математики, зоологій, философіи, исторіи и языковъ, служитъ Іенскій университетъ.

Кромѣ общихъ учебныхъ пособій университета, состоятъ еще особенныя при самомъ заведеніи, именно: 1) химическая и техническая лабораторія, въ которой учащіеся, подъ руководствомъ преподавателя экономической химіи, производятъ химическіе опыты, въ-особенности-же изысканія о составныхъ частяхъ почвы и химическое разложеніе и опредѣленіе тѣлъ, особенно важныхъ для хозяйства и техника; 2) собранія высушенныхъ растений, коллекціи минераловъ, различныхъ сортовъ почвы, насѣкомыхъ, моделей и техническихъ аппаратовъ, нужныхъ для лекціи сельскаго хозяйства, технологіи, сельскихъ построекъ и естественныхъ наукъ; 3) комната для чтенія.

Для того, чтобы преподаваніе сельскаго хозяйства и техническихъ промысловъ шло успѣшнѣе, отданы въ 1843 году для этой цѣли въ арендное содержаніе директору заведенія профессору Шульце, управлявшему прежде большими имѣніями, лежащими близъ Іены великогерцогскія вотчины Цветценъ и Лестенъ съ Морицовой мызою. Эти три имѣнія занимаютъ 1497%₁₀ Прусскихъ морговъ. Собственно для цѣлей преподаванія устроены 8 образцовыхъ полей и 2 хозяйственно-ботаническіе сада. Кромѣ-того въ распоряженіи заведенія находятся 16 лошадей, 42 головы рогатаго скота, включая сюда двухъ яремныхъ быковъ, 1500 овецъ и 20 свиней. Наконецъ здѣсь устроены: винокуренный заводъ, пивоваренный заводъ и также мѣста для разведенія шелковичныхъ червей, равно-какъ производятся и опыты дренажа.

Конечно, имѣтъ сомнѣнія, что преподаваемые въ заведеніи науки и находящіяся при немъ учебныя пособія дѣлаютъ возможнымъ послѣдовательное и основательное изученіе сельскаго хозяйства. Но здѣсь обращается вниманіе не только на *одностороннее*, сельско-хозяйственное образованіе, но и на образованіе *всестороннее*. Въ учащахся, число которыхъ простирается до 100 человекъ, господствуетъ духъ кротости и нравственности, и этому существенно способствуетъ слушаніе другихъ, кромѣ чисто-хозяйственныхъ лекцій. Мы съ радостію видѣли, что философскія лекціи знаменитаго Куно Фишера и историческія знаменитаго Дройзена посѣщаются большею частію воспитанниками разсматриваемаго заведенія. На такое всестороннее образованіе ихъ, равно-какъ и на нравственное развитіе имѣетъ значительное вліяніе достойный директоръ училища, который съ любовью предается своему дѣлу, сблизился съ каждымъ воспитанникомъ, изучилъ способности и наклонности каждаго и потому каждому даетъ должное направленіе. Такимъ образомъ свѣдущіе наставники, достаточное количество учебныхъ пособій и самыя личныя достоинства директора заведенія, все это служитъ ручательствомъ практической пользы, приносимой заведеніемъ, и оправдываетъ ту славу, которою оно пользуется. Училище это доступно и для людей небогатыхъ, ибо съ одной стороны полный курсъ ученія составляетъ только 4 полугодія, а съ другой стороны плата за весь курсъ, именно какъ за слушаніе лекцій, такъ и за пользованіе учебными пособиями, не превышаетъ 132 талеровъ, или 33 талеровъ за каждое полугодіе. Условія принятія въ заведеніе весьма удобны. Желающій посѣщать заведеніе долженъ обладать только познаніями, при которыхъ онъ можетъ понимать преподаваемыя лекціи, формальнаго же экзамена отъ вступающаго не требуется. Кромѣ-того отъ каждаго вступающаго требуется, чтобы онъ предъ вступленіемъ два года практически занимался сельскимъ хозяйствомъ.

Достойный директоръ училища созналъ, что для развитія сельскаго хозяйства недостаточно одного высшаго заведенія, и потому близъ Иены устроилъ онъ земледѣльческую школу для сыновей крестьянъ.

Когда въ 1853 году праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованія великаго герцога Карла Фридриха, супруга его, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна благоволила пожертвовать сумму на устройство въ Цетценѣ сель-

сно-доказательной рабочей школы. Цель этого заведения состоитъ въ приготовленіи сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, въ-особенности-же въ образованіи изъ нихъ надсмотрщиковъ за работами сельскихъ учителей, старостъ, садовниковъ и т. п. Заведеніе это устроено по образцу знаменитаго училища Верли, въ имѣніи Фелленберга, Гофвилъ, въ Швейцаріи. Въ заведеніе принимаются только здоровыя и неиспорченныя дѣти, отъ 10- до 14-лѣтняго возраста. Они обучаются религіи, чтенію, письму, счисленію, рисованію, пѣнію, естествознанію, географіи и исторіи; старшимъ-же ученикамъ преподается земледѣіе, скотоводство, огородничество, садоводство, ариметика, устройство машинъ, межеваніе, нивелированіе, пивовареніе и винокуреніе; въ размѣрахъ, сообразныхъ съ ихъ будущею дѣятельностію. Кромѣ-того заведеніе пользуется учебными пособиями, находящимся при Іенскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, именно: коллекціями машинъ и моделей, ветеринарою школою, ботаническимъ кабинетомъ и хозяйственными заведеніями въ Цветценѣ. Кромѣ уроковъ воспитанники занимаются подъ руководствомъ учителя практическими работами въ небольшихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, принадлежащихъ училищу, именно въ полѣ, въ саду, во дворѣ, въ конюшняхъ и въ домѣ. Подъ такимъ-же руководствомъ занимаются они въ мастерскихъ приготовленіемъ сельскохозяйственныхъ орудій. За обученіе, житье и другія личныя потребности ребенка платится заведенію за мальчика-подданнаго Саксенъ-Веймарскаго 85 талеровъ, а за прочихъ 60 талеровъ.

Такимъ образомъ для образованія сельскихъ хозяевъ, которые бы могли управлять большими и средними имѣніями, служатъ описанныя нами высшія сельско-хозяйственныя училища; образованіе для хозяйства въ малыхъ или крестьянскихъ имѣніяхъ даетъ вышеозначенная земледѣльческая школа въ Гогенгеймѣ и наконецъ для приготовленія третьяго класса сельскихъ промышленниковъ, которые занимаются ручными работами въ сельскомъ хозяйствѣ, частью какъ мелкіе собственники, служитъ описанная сельско-хозяйственная рабочая школа. Конечно, нельзя требовать, чтобы всѣ, занимающіеся сельско-хозяйственными промыслами, были воспитаны въ подобныхъ училищахъ; однако необходимо, чтобы нѣкоторые изъ такихъ лицъ получили достаточное образованіе, такъ-чтобы они служили образцемъ для своихъ товарищей, которые въ свою очередь должны имѣть теоретическія свѣдѣнія, путемъ

преподаванія имъ религіи, чтенія, письма и счисленія, и практическія, приобретаемыя ими самымъ занятіемъ сельско-хозяйственными работами. Поэтому рядомъ съ рабочими школами должны быть учреждаемы сельскія училища, гдѣ-бы преподавались такія свѣдѣнія. Только при существованіи всѣхъ названныхъ заведеній можетъ почесться достаточнымъ образованіе въ государствѣ столь необходимаго ему класса земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Подобно тому, какъ высшія политехническія школы не могутъ оказывать благодѣтельнаго вліянія на развитіе различныхъ промысловъ безъ пособія среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищъ и народныхъ школъ, такъ точно и высшія сельско-хозяйственныя училища тогда только могутъ соответствовать требованіямъ сельскаго хозяйства и содѣйствовать его успѣшному ходу, когда имъ содѣйствуютъ земледѣльческія рабочія и сельскія народныя школы. Слѣдовательно учрежденіе какого-либо одного изъ подобныхъ заведеній есть только начало и полумѣра, а гдѣ желаютъ достигнуть полнаго образованія, тамъ должны быть устроены всѣ упомянутые роды училищъ.

Оканчивая этимъ отчетъ объ изученіи государственныхъ наукъ и различныхъ заведенійхъ, служащихъ для этой цѣли, я надѣюсь, что читатель съ благосклонностію и съ достойнымъ этой важной отрасли народнаго образованія вниманіемъ просмотритъ предлагаемую статью. Тѣ-же, которые столь счастливы, что на нихъ возложена обязанность дѣйствовать на поприщѣ народнаго образованія, могутъ извлечь изъ отчета то, что имъ кажется удобнымъ къ практическому примѣненію и соответствующимъ истиннымъ потребностямъ и условіямъ страны, на благо которой, путемъ истиннаго образованія народа, они должны посвятить свою дѣятельность, и если такая дѣятельность началась съ безпристрастіемъ, осмотрительностію и усердіемъ, и продолжается съ неутомимымъ рвеніемъ, то благодѣтельныя послѣдствія ея не замедлятъ обнаружиться.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРУЮ ТРЕТЬ 1858 ГОДА.

Х. БИБЛИОГРАФІЯ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ Библиографическихъ запискахъ помѣщены слѣдующія статьи: *Кирьякъ Кондратовичъ, переводчикъ прошлаго вѣка*, Н. С. Тихонова (№ 8); *Замѣтка В. Кюхельбекера въ альбомъ С. Д. П—ой* (1820 г.) (ibid.); *Цыгли, сатирическое стихотвореніе Е. А. Баратынскаго* (ibid.); *Отзѣвы Нѣмецкихъ критиковъ о «Семейной хроникѣ»*, С. А. Рачинскаго (ibid.); *Объ изданіи библиографическихъ указателей къ Русскимъ журналамъ*, извѣстіе Н. Бенардаки и Ю. Богушевича (ibid.); *Объ изданіи Византійскихъ историковъ въ Русскомъ переводѣ* (ibid.); *Отъ Д. Д. Давыдова* (ibid.); *О двухъ неизвестныхъ изданіяхъ*, напечатанныхъ въ Долгомъ Полѣ (изъ Императорской публичной библиотеки (ibid.); *Письма А. Ѳ. Воейкова къ князю Е. А. В—ой*, сообщ. Д. А. Наумовымъ (№ 9); *Сенковский* (ibid.); *О некоторыхъ рукописяхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочиненіяхъ XVI и XVII вѣка*, относящихся къ исторіи Малороссіи, С. М. Соловьева (ibid.); *Замѣтка о сельскихъ типографіяхъ въ Россіи*, П. И. Бартенева (ibid.); *Книжные вѣсти изъ С. Петербурга и изъ-за границы* (ibid.); *Русская книжная лавка въ Парижѣ* (ibid.); *Фотографическіе снимки съ Рукописей Авонской горы* (ibid.); *Ода Хераскова на восшествіе на престолъ Александра I*, сообщ. М. Н. Лонгиновымъ (ibid.); *Отрывокъ изъ записокъ стараго дипломата* (№ 10, 11 в 12); *Эпиграммы* (на Н. Полеваго и Воейкова) (№ 10); *По поводу послѣдняго изданія сочиненій А. С. Пушкина* (ibid. № 11); *Книжные новости* (ibid.); *Замѣтка о публичной библиотекѣ*

Часть С. Отд. VI.

13

въ Москвѣ, Г. Н. Геннади (№ 11); *О переводѣ князя Курбскаго сочиненій Іоанна Дамаскина*, князя М. А. Оболенскаго (№ 12); *Мелкія стихотворенія А. С. Пушкина* (ibid.); *Новыя изданія князя А. С. Голицына* (ibid.); *О началѣ книгопечатанія въ Петербургѣ*, Г. Н. Геннади (ibid.); *Ода М. В. Храповицкаго на учрежденіе состоянія свободныхъ хлѣбопашцевъ* (ibid.); *Краткіе некрологи писателей, умершихъ въ 1857 г.*, Г. Н. Геннади (ibid.); *Что такое библиографія?* Р. И. Минцова (ibid.); *Продажа дублетовъ Мюнхенской библиотеки* (ibid.); *Идеаль нравственнаго достоинства человека, по понятію фонъ-Визина*, А. Д. Галахова (№ 13); *Нѣсколько замѣтокъ князя М. М. Щербатова*, сообщ. М. П. Заблоцкимъ (ibid.); *Дополнительныя замѣтки* (ibid.); *Новые матеріалы для біографіи А. П. Сумарокова*, сообщ. П. С. Лебедевымъ (№ 14); *Гутенбергъ*, Д. Н—ва (ibid.); *Извѣстіе о запискахъ графа П. П. Коновницына*, Г. А. Милорадовича (ibid.); *Замѣчаніе на новое изданіе стихотвореній Н. М. Языкова* (ibid.); *Прошеніе Тредьяковскаго о дозволеніи печатать стихотворное переложеніе псалмовъ*, сообщ. П. П. Пекарскимъ (№ 15); *Двѣ эпиграммы и пародія Ломоносова*, сообщ. имъ-же (ibid.); *Переписка по поводу изданія перевода Цоповскаго: «Опытъ о чело-вѣкѣ»*, сообщ. тѣмъ-же (ibid.); *Альбомная замѣтка Гоголя*, сообщ. имъ-же (ibid.); *Анекдотъ о Пушкинѣ*, М. Н. Лонгинова (ibid.); *Неизданное четверостишіе Пушкина*, сообщ. кн. Н. Н. Голицынымъ (ibid.); *Еще о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II*, Г. Н. Геннади (ibid.); *Что писано о Пушкинѣ*, его-же (ibid.); *Книжныя вѣсти* (№ 14 и 15).

— «Отзывы Нѣмецкихъ критиковъ о «Семейной хроникѣ». — Самый замѣчательный изъ помѣщенныхъ здѣсь отзывовъ есть отзывъ Фарнгангена фонъ-Энзе, напечатанный въ 52 № 1857 г. «Jahreszeiten». Авторъ знакомъ съ Русскою литературою не только по переводамъ, но и по подлинникамъ. «Блестящая эпоха Русской литературы, говоритъ Ф. фонъ-Энзе, обозначенная смѣлыми твореніями Пушкина, энергическою дѣятельностію Лермонтова и Гоголя, смѣнилась послѣ ихъ смерти временемъ менѣе благоприятнымъ художественной дѣятельности, менѣе богатымъ первоклассными литературными явленіями. Лишь въ послѣднее время, при наступившихъ вновь условіяхъ усиленной умственной дѣятельности, и Русская литература снова стала пробовать свои долго сдержанныя, но не ослабѣвшія силы. Намъ, Германцамъ, можно только радоваться этому явленію. Образованность и гуман-

ность, гдѣ-бы онѣ не развивались, обогащаютъ насъ новыми союзниками, новыми друзьями. Конечно, великіе гении, подобные названнымъ выше, не могли тотчасъ явиться въ отвѣтъ на новыя потребности: это дары судьбы независимы отъ нашихъ желаній и стремленій. Но и безъ такихъ исполинскихъ дѣятелей Русская литература видимо движется впередъ и въ теперешнемъ положеніи Россіи это общее движеніе кажется намъ болѣе отраднымъ явленіемъ, чѣмъ развитіе немногихъ гениальныхъ личностей. Свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ, распространіе здоровыхъ воззрѣній и точныхъ свѣдѣній хорошими журналами, переводами такихъ книгъ, какъ Гумбольдтовъ «Космосъ» и Гротова «Исторіи Греціи», въ настоящее время приносятъ Россіи болѣе пользы, чѣмъ-бы могло принести ей лучшее твореніе величайшаго поэта. Но между-тѣмъ нѣтъ недостатка и въ твореніяхъ, соединяющихъ въ высшей степени общественное значеніе съ художественнымъ достоинствомъ. Германская публика недавно познакомилась съ такою книгою въ переводѣ г. Видерта. Мы говоримъ о «Запискахъ охотника» И. С. Тургенева. Рядомъ съ нею можно поставить и ту книгу, на которую мы хотѣли-бы этими строками обратить вниманіе публики. И тутъ съ изящною наглядностію изображаются нравы, отношенія, событія, на которыхъ мы съ удовольствіемъ останавливаемъ свое вниманіе, въ убѣжденіи, что они уже принадлежатъ прошедшему, что это чудное изображеніе ихъ ручается за невозможность ихъ продолженія и возобновленія. Замѣчательно и то обстоятельство, что авторъ этой книги—70-лѣтній старикъ, сыновья котораго давно приобрѣли извѣстность въ Русской литературѣ; и что богатая опытность, приобретенная лѣтами, соединяется съ юношескимъ жаромъ и энергіею. Онъ уже прежде былъ извѣстенъ книгою объ охотѣ, въ которой особенно хвалятъ картины лѣсной природы и мастерски-схваченныя черты изъ жизни птицъ. Въ «Семейной хроникѣ», очевидно содержащей въ художественной формѣ рассказы объ истинныхъ происшествіяхъ, рассказчикъ знакомитъ насъ съ своимъ дѣдомъ и съ самою убѣдительною наглядностію представляетъ намъ его характеръ и событія его жизни, его отношенія къ семейству, современное ему состояніе страны и народа. Конечно, насъ грустно поражаетъ въ этомъ быту варварская грубость и дикое насиліе, но рядомъ съ ними является много самобытной правдивости и прямоты, много любви и истиннаго благочестія. Лице Русскаго дворянина прошлаго вѣка

во многомъ напоминаетъ намъ Гофшупца въ романѣ Иммермана. Разбросанность и уединенность жилищъ и селеній, недостаточность сообщеній, удаленіе отъ присутственныхъ мѣстъ—все это, сто лѣтъ тому назадъ, вызывало въ Германіи и Франціи такія-же явленія, какъ и въ Россіи: являлись дикій произволъ и грубое насиліе, не могли установиться ни законность, ни свобода. Но и тутъ человѣческая природа не теряетъ своихъ нравъ; въ господинѣ, какъ въ родѣ, не умираетъ чувство чести, и среди глубочайшей одичалости громко говоритъ совѣсть. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія, нашимъ предкамъ нечѣмъ хвалиться передъ своими Русскими современниками, хотя у этихъ послѣднихъ и происходили вещи, невозможныя на западѣ. Тутъ все своеобразно: нравы, предрасудки, мѣстность, способъ управленія; особенно поразительно отсутствіе нравственнаго вліянія со стороны духовенства. Г. Аксаковъ мастеръ въ рисованіи личностей, въ послѣдовательномъ развитіи ихъ характеровъ. Каждая малѣйшая черта его разсказа необходимое звѣно въ ходѣ повѣствованія и возбуждаетъ живѣйшій интересъ даже при описаніи самыхъ обыкновенныхъ событій, тѣмъ болѣе при изображеніи необыкновенныхъ. Еще блистательнѣе мастерство автора въ рисованіи яркихъ и тонкихъ картинъ, которыми изобилуетъ его книга. Ему знакомы лѣсъ и степь, ручьи и рѣки, всѣ особенности жизни животныхъ, всѣ частности полевой работы и земледѣлія. Все описываетъ онъ съ оригинальною мѣткостью, съ пониманіемъ, исполненнымъ любви. Дѣвственныя земли и воды, нетронутые луга и невозмущенныя рѣки Заволжскаго края въ такой волшебной прелести являются въ его разсказѣ, что читатель чувствуетъ ихъ благодатную свѣжесть и на него находитъ живѣйшее желаніе собственными глазами увидѣть эти чудныя страны»...

— «О переводѣ князя Курбскаго сочиненій Іоанна Дамаскина». — «Рукопись эта XVI вѣка, писана красивымъ уставомъ, на лощеной бумагѣ, въ листъ и принадлежатъ Московскому торговцу памятниками старинной письменности Пискареву. Вотъ что говорить по поводу этой рукописи кн. Оболенскій: «Въ описаніи Румянцовскаго музея подъ № СХСІІІ указана подобная-же рукопись: «Іоанна Дамаскина творенія на Польско-Русскомъ языкѣ, переведенныя большею частію съ Латинскаго, писаны полууставомъ XVII вѣка, Бѣлорусскаго почерка». Кому долженъ быть приписать означенный переводъ? этотъ вопросъ, конечно, заслуживаетъ обстоя-

тельнаго разсмотрѣнія. А. Х. Востоковъ въ своемъ классическомъ трудѣ не рѣшаетъ его, хотя и приводитъ изъ Румянцевской рукописи разныя замѣтки, сдѣланныя переводчикомъ къ тексту Дамаскина, и хотя замѣтки эти сами собою уже наводятъ на имя переводчика. Такъ въ одномъ мѣстѣ Востоковъ говоритъ: «въ концѣ (главы) присовокуплено: *сказ. Андрей*: Да будетъ вѣдомо иже сіе глаголемое первое постановленіе, рекше о всякихъ естествахъ и ихъ силахъ, того ради Дамаскинскій вкратце написалъ и здѣсь положиъ, понеже хоцетъ о мудрыхъ вещахъ напередѣ глаголати сопротивъ еретиковъ борящеся и т. д. Это должны быть слова сегого переводчика». Въ концѣ рукописи еще разъ встрѣчается: *сказ Андрей*. Кто-же этотъ Андрей? ему (какъ видно уже изъ выписокъ, приведенныхъ у Востокова) были знакомы иноки Кирилловскіе и Волоколамскіе (осифяне); онъ воспоминаетъ о нихъ съ сильными укоризнами; онъ наконецъ рассказываетъ о Вассіанѣ и Максимѣ Грекѣ и во всѣхъ этихъ отзывахъ его виденъ современникъ, человѣкъ XVI вѣка, и притомъ человѣкъ Русскій, бывалый въ Москвѣ и равнодушный къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ предисловіи Андрея грѣхми исполненнаго на книгу св. Іоанна Дамаскина, глаголемую «Небеса» переводчикъ прямо говоритъ о себѣ: «Сіе бо и мнѣ недостойному по благости Христа моего многожды въ странствованіи моемъ случилось, егда объять быхъ отъ живущихъ окрестъ нечестивыхъ обидами и потварми нестерпимыми.... И едино случися мнѣ прочитати книгу многострадальнаго Максима, который много бѣдъ и лжеклеветаній во многіе лѣта претерпѣлъ отъ лжебратіи». И такъ переводчикъ много странствовалъ, терпѣлъ обиды и потвари, читалъ сочиненія Максима Грека и въ его книгѣ нашелъ одно посланіе «къ нѣякому (нѣкоему) Егорию, имъ же остерегаетъ его отъ развращенныхъ письменъ.... а похваляетъ и совѣтуетъ ему читати книгу *Дамаскинову* — «Азъ же (говоритъ) сему зело удивихся и скорбію объять быхъ, яко большая часть книгъ учителей нашихъ не переведена есть въ Словенскій языкъ, а нѣкоторые преведены непрямо отъ преводниковъ неискусныхъ, а вѣцды отъ преписующихъ въ конецъ испорчены». Скорбя о недостаточности просвѣщенія и невѣрности переводовъ св. отецъ, дагѣ въ своемъ предисловіи переводчикъ говоритъ: «и набыхъ книгу грецки по единой странѣ писанную, а на другой странѣ по Римски, и къ тому дѣлу призвахъ и умолихъ въ помощь себѣ Михайла Андреева сына Оболенскаго, яже есть 3 роду князатъ Чер-

ниговскихъ»; самъ бо сему недоволенъ былъ, понеже въ старости уже философскихъ искусствъ пріучахся, а онъ въ молодыхъ лѣтахъ прошелъ и ихъ научался. И начахъ исправляти ю, а чего не было въ нашей Словенской сызнова переводити». Изъ всего этого очевидно, что переводчикъ этотъ былъ знаменитый въ нашей исторіи Андрей Курбскій, много заботившійся о переводѣ св. отецъ на Русскій языкъ виѣстѣ съ сотрудиномъ своимъ княземъ Оболенскимъ. Курбскій изгнанникъ, который говоритъ о себѣ: «яко самъ азъ отъ нихъ слышалъ, еще будучи въ оной Русской землѣ, яже подѣ державою Московскаго царя есть». Къ сему должно присовокупить, что въ рукописи, принадлежащей Пискареву, на стр. 66 оборота находимъ положительное указаніе на имя переводчика: «*Андрей Курбскаго* сказ. о локкѣ». — Рукопись эту мы считаемъ тѣмъ болѣе драгоценною, что она и древнѣе, и, по содержанію своему, полнѣе того списка, какой хранится въ Румянцовскомъ музеумѣ; послѣдній списокъ XVII столѣтія, тогда-какъ рукопись Пискарева, сколько извѣстно, есть единственная современная переводчику рукопись XVI вѣка. На поляхъ ея находятся частыя любопытныя выноски и замѣчанія, принадлежащія (какъ должно заключать по ихъ содержанію и по словамъ: *сказ. Андрей*) самому Курбскому, и потому получающія въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе. Въ числѣ ихъ встрѣчается и одно свидѣтельство о царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, высказанное въ духѣ уже извѣстныхъ отзывовъ Курбскаго объ этомъ государѣ. За тѣмъ слѣдуетъ самое предисловіе Курбскаго.

— «Идеаль нравственнаго достоинства челоѣка, по понятію Фонъ-Визина». — Въ этой статьѣ г. Галаховъ, показавъ, что первый «Опытъ Россійскаго сословника» Фонъ-Визина есть не что иное, какъ извлеченіе изъ Жирарова словаря Французскихъ синонимъ, доказываетъ, что синонимы большею частію послужили матеріаломъ для нѣкоторыхъ мѣстъ комедіи «Недоросль», которая явилась въ свѣтъ почти въ одно время съ «Собесѣдникомъ» (гдѣ напечатанъ былъ «Опытъ Россійскаго сословника»). Разговоры между Правдинымъ, Софьею и Стародумомъ, говоритъ г. Галаховъ, ясно выражаютъ тѣ-же мысли, какія выражены при разборѣ синонимъ: «низкій и подлый», «званіе, чинъ и санъ». Если, по мнѣнію Стародума, «прямо любочестивый челоѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ, и чины нерѣдко выпрашиваются, тогда-какъ истинное почтеніе необходимо заслуживается; если одно почтеніе дол-

жно быть лестно человѣку—душевное, а душевнаго почтенія достойнъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ»; то, и по толкованію различій между словами: «званіе», чинъ и санъ», кто въ большомъ *санъ* не имѣеть большой души, тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія; можно имѣть *званіе* безъ *чина*, но стыдно брать чины безъ *званія* (т. е. должности); есть большіе чины, въ которыхъ нѣтъ никакой нужды имѣть большія достоинства, а достигаютъ до нихъ иногда знатностію породы, которая есть самое меньшее изъ всѣхъ чело-вѣческихъ достоинствъ». Второе явленіе четвертаго акта рассу-ждаетъ объ истинной знатности. Стародумъ объясняетъ своей племянницѣ, что «степени знатности слѣдуетъ разсчитывать по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя навралъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которыя шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. «Безъ знатныхъ дѣлъ, говоритъ онъ, знатное состояніе ничто; въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большаго чина презнатная особа». Тѣ-же разсужденія повторяются въ синонимахъ «низкій и подлый». Въ низкомъ состояніи можно имѣть благороднѣйшую душу, равно-какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма *подлый* человѣкъ. Слова *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а *подлость* къ поведенію: ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльниковъ. Въ *низкомъ* состояніи приходитъ человѣкъ иногда по-неволѣ, а *подлымъ* всегда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго *подлеца* къ добрымъ людямъ *низкаго* состоянія есть зрѣлище, унижающее чело-вѣчество. Мнѣ кажется, продолжаетъ г. Галаховъ, что, разграничивая значеніе синонимовъ: «животное и скоть», Фонъ-Визинъ имѣлъ въ виду ту сцену «Недоросля», въ которой Митрофанъ повторяетъ за Кутейкинымъ: «азъ же семь червь», а Кутейкинъ объясняетъ смыслъ послѣдняго слова: «червь, сирѣчь, *животине, скоть*, а не человѣкъ» и т. д. Разговоръ между Милономъ и Стародумомъ, имѣющій предметомъ уясненіе различій между «неустрасимостью и храбростью», кн. Вяземскій справедливо назвалъ испытаніемъ въ нравственной философіи. Можно прибавить къ тому, что это испытаніе производится по синонимамъ Жювара, какъ видно изъ словъ «Courage и bravoure». Никто, конечно, не будетъ удивляться подобнымъ заимствованіямъ, переходящимъ иногда въ голый переводъ съ какого-нибудь иностраннаго языка

на Русскій. Они ничего не говорятъ ни противъ таланта, ни противъ образованія Фонъ-Визина. Это подражательный элементъ нашей литературы, всегда имѣвшей право пользоваться чужимъ добромъ. Можно представить множество тому примѣровъ и прежде и послѣ Недоросля. Что касается собственно до этой комедіи, то заимствованія, въ ней находящіяся, указаны уже Вѣстникомъ Европы (1811, № 15), кн. Вяземскимъ (Фонъ-Визинъ) и г. Тихомировымъ («Замѣтки по поводу изданія Рус. авторовъ» Моск. вѣд. 1853, № 6). Въ Вѣстникѣ Европы Р. Ц., разбирая, въ письмѣ къ пріятелю, «Разсужденіе о стихотворствѣ», помѣщенное въ третьей книжкѣ «Чтеній въ бесѣдѣ любителей Русскаго слова», обвиняетъ его автора за то, что онъ умолчалъ о Княжнинѣ. Письмо ни болѣе, ни менѣе, какъ апологія, и довольно плохая, Русскаго трагика противъ обличеній въ заимствованія. По этому поводу апологистъ поставилъ на видъ, что и Фонъ-Визинъ многіе разговоры въ Недорослѣ взялъ изъ сочиненій Дюфрени, а насмѣшку насчетъ географіи изъ Вольтера. Дѣйствительно, мнѣніе Простаковой о безполезности географіи взято изъ повѣсти Jeannot et Colin Вольтера; разговоръ Стародума съ Правдинымъ о придворной жизни—частію изъ Дюфрени, частію изъ характеровъ Лабрюйера; синонимы Жирана дали объясненіе различія между словами «неустранимость и храбрость». Прибавимъ къ этимъ указаніямъ еще одно. Слова Стародума Софѣ, которая читала трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвицъ: «Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по-Русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтели» (явленіе 2-ое дѣйствія 4-го) суть подражаніе слѣдующему мѣсту извѣстнаго сочиненія Дюкло: «On déclame beaucoup depuis un temps contre les prejugs: peut-être en a t'on trop detruit... Je ne puis me dispenser, à ce sujet, de blâmer les écrivains qui, sous pretexte, ou voulant de bonne foi attaquer la superstition, ce qui serait un motif louable et utile, si l'on s'y renfermait en philosophe citoyen, sapent les fondements de la morale et donnent atteinte aux liens de la société» (см. гл. 3-ю: sur l'éducation et les prejugs). Вообще Фонъ-Визинъ черпалъ значительно изъ книги Дюкло, особенно въ письмахъ изъ Франціи къ гр. П. И. Панину, что уже показано кн. Вяземскимъ. Равнымъ образомъ въ письмахъ Фонъ-Визина къ сестрѣ есть выписки изъ журнала того времени (1783): «Literatur und Völkerkunde». Наконецъ слова Нельстецова Сеуму (въ ком.

«Выборъ гувернера»), что «законодателю надобно быть великому исчислителю» переведены изъ сочиненія Лабомеля: «Мои мысли». Въ числѣ различныхъ мнѣній Фонъ-Визина особенно выдается его мнѣніе *о высшемъ нравственномъ достоинствѣ чловѣка*. Оно принадлежитъ не ему, а заимствовано прямо изъ сочиненія Дюкло: *Considérations sur les moeurs de ce siècle*, или—что, впрочемъ, одно и то-же—изъ вышеназваннаго сборника синонимовъ, потому-что-послѣдній принялъ въ основаніе своихъ толкованій книгу Дюкло, по изданію 1764 г., которая и цитуется въ концѣ разбора словъ «*Probité, vertu, honneur*». Опытъ сословника сокращенно передалъ весь переводъ. Г. Тихонравовъ указалъ нѣкоторыя мѣста перевода. Настоящая статья приводитъ почти весь переводъ, прилагая вмѣстѣ и Французскій текстъ.

Въ прочихъ журналахъ къ библиографіи относятся слѣдующія статьи: *Библиографическіе отрывки*. VII. *Летучіе листки о Россіи, напечатанные за границую въ XVI столѣтіи*. VIII. *Нѣсколько библиографическихъ замѣтокъ по поводу сочиненія г. академика Устрялова: «Исторія царствованія Петра Великаго»* (От. зап. № 5 и 6); *Библиографическія замѣтки* (Кавк. № 56).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ матеріаламъ для исторіи Русской словесности относятся слѣдующія статьи:

Русскіе подлинники въ литературномъ отношеніи. (Изъ лекцій объ исторіи Русской словесности), Ѡ. И. Буслаева (Атен. № 19); *Череписка Н. М. Карамзина* (ibid и № 20 — 30); *Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда* (четыре лекціи изъ курса объ исторіи народной поэзіи), Ѡ. И. Буслаева (ibid № 30); *Общество любителей Россійской словесности*, М. Н. Лонгинова (Русск. вѣстн. № 12); *Матеріалы для исторіи Русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII вѣка*, его-же (ibid № 15); *Лермонтовъ*, А. Д. Галахова (ibid № 16); *О литературныхъ акціонерныхъ обществахъ* (Сѣв. пч. № 166); *Русскіе Гамлеты*, И. Миницкаго (Од. вѣстн. № 75); *Сенковский, Коркуновъ, Висковатовъ* (Извѣстія археол. общ. вып. 4).

— «Русскіе подлинники въ литературномъ отношеніи». — «Наши древніе подлинники, или наставленія для живописцевъ», говоритъ г. Буслаевъ произошли и составились именно въ ту самую эпоху народной жизни, когда самая жизнь, будучи ощущаема вся сполна, такъ сказать цѣликомъ, еще не была подвергнута строгому разсудочному анализу, отдѣлившему впоследствии

науку отъ поэзіи и поэзію отъ живописи и музыки. Если въ самой дѣйствительности древняя Русь далеко уступала средневѣковому западу въ этомъ всеобъемлющемъ, цѣльномъ ощущеніи всѣхъ интересовъ духовной жизни, то по крайней мѣрѣ, хотя теоретически, въ идеѣ, все-же чувствовалась и у насъ эта живая потребность эпохи — возводить все разнообразіе жизни къ одному высшему единству. Лучшимъ доказательствомъ и этого разъединенія духовныхъ интересовъ древней Руси на самомъ дѣлѣ, и этого теоретическаго возведенія ихъ къ одному началу, служитъ замѣчательный памятникъ нашей словесности половины XVI вѣка, *Стоглавъ*, который своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ всему тогдашнему быту уже достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ себѣ самомъ носитъ онъ явственные признаки этого болѣзненнаго разъединенія древней Руси, которое удачно выражается словомъ *расколъ*, и отъ котораго уже и въ XVI вѣкѣ не могло спасти нашихъ предковъ сентиментальное обращеніе къ идеальной старинѣ, приведшее, какъ извѣстно, только къ *старовѣрству*. Описывая самыми темными чертами ханжество, продажничество, святотатство, самый грязный развратъ и другіе пороки, повсюду господствовавшіе на Руси въ XVI вѣкѣ, проклиная языческія игры и пѣсни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ народныя обряды, сопровождаемыя повѣрьями и старинною поэзію, Стоглавъ касается и литературы книжной и искусства. И въ литературѣ, и въ искусствѣ указываетъ онъ на порчу, на искаженіе древнихъ, настоящихъ образцовъ, точно такъ, какъ въ самыхъ нравахъ эпохи видитъ не только колебаніе, но и рѣшительное отклоненіе отъ собственно-Русскихъ православнымъ обычаевъ. «Не подобаеъ православнымъ — сказано въ 39 гл. Стоглава — поганскихъ обычаевъ вводить; въ каждой странѣ свои законы и отчина, а не переходятъ изъ одной въ другую, но каждый законъ держится своего обычая. Мы же православные, законъ истинный отъ Бога принявши, разныхъ странъ беззаконіями осквернились, заимствуя отъ нихъ злые обычаи.» Въ-отношеніи къ литературѣ книжной, Стоглавъ присоединяетъ не только свой голосъ къ прежнимъ, стариннымъ нападеніямъ противъ альманаховъ, Аристотелевыхъ Вратъ и другихъ сочиненій свѣтскаго содержанія, причисленныхъ къ такъ-называемымъ *отреченнымъ* книгамъ, но и въ самой церковной письменности видитъ слѣды пагубной порчи. Именно въ этомъ-то случаѣ вопросъ о живописи постановленъ въ Стоглавѣ

въ-связи съ важнымъ литературнымъ дѣломъ объ исправленіи церковныхъ книгъ. Въ 27 гл. сказано: «старѣйшимъ священникамъ избраннымъ со всѣми священниками, въ каждомъ городѣ во всѣхъ святыхъ церквахъ доказати святыхъ иконъ и священныхъ сосудовъ и всякаго церковнаго чину служебнаго... и священныхъ книгъ, святыхъ евангелій и апостоловъ и прочихъ книгъ. принятыхъ соборною церковью, и которыя будутъ святыя иконы составлены, и имъ тѣ иконы велѣтъ иконникамъ починивати; а которыя будутъ мало олифлены, и они бѣ тѣ иконы велѣли олифити, которыя будутъ святыя книги, евангелія и апостолы, и псалтири и прочія книги — въ какой церкви найдете — неправлены и описливы, а вы бы всѣ тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправливали соборнѣ». Къ этому должно присовокупить 43-ю главу *о живописцахъ и честныхъ иконахъ*, которая по достоинству была оцѣнена нашими предками тѣмъ, что внесена въ нѣкоторые списки подлинниковъ. Въ этой главѣ, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующія слова, высокое значеніе которыхъ понятно всякому изучавшему характеръ старинныхъ христіанскихъ живописцевъ, не только Византійскихъ или Русскихъ, но и Нѣмецкихъ и Италіянскихъ XIV и XV вѣка. «Подобааетъ живописцу быть — такъ говорится въ Стоглавѣ — смиренну, кротку, благоговѣйну, не празднословцу и не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницу, не грабежнику, не убійцѣ. Наипаче-же хранить чистоту душевную и тѣлесную, со всякимъ опасеніемъ: не могущимъ-же до конца такъ пребыть — по закону жениться и бракомъ сочетаться; и приходитъ часто къ духовнымъ отцамъ, и во всемъ съ ними совѣщаться, и по ихъ наставленію жить, въ постѣ, молатвахъ и воздержаніи, со смиренномудріемъ, удаляясь всякаго зазора и безсонства. И съ превеликимъ тщаніемъ писать образъ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой его Матери, и святыхъ пророковъ и апостоловъ, и священномучениковъ, и святыхъ мученицъ, и преподобныхъ женъ, и святителей, и преподобныхъ отецъ, *по образу и по подобію, и по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ*... А которые по віе время писали; иконы, неучась, самовольно, самовольно и не по образу, и тѣ иконы промѣнивали дешево простымъ людямъ, поселянамъ, невѣждамъ: и тѣмъ иконописцамъ запрещеніе положить, чтобъ учились у добрыхъ мастеровъ; и которому Богъ дастъ — учнетъ писать *по образу и по подобію*, и тотъ-бы писалъ, а которому Богъ не дастъ, и тому въ ко-

нецъ отъ такого дѣла престати, да не похуляется имя Божіе такого рода письма. И которые не перестанутъ отъ такого дѣла, да будутъ тѣ наказаны царскою грозою и предадутся суду. И если они дерзнутъ говорить: мы-де тѣмъ живемъ и кормимся: и такимъ рѣчамъ ихъ не внимать, потому что по невѣжеству такъ говорить, и грѣха себѣ въ томъ не ставятъ. Не всѣмъ челоувѣкамъ иконописцамъ быти.... Также архіепископамъ и епископамъ, по всѣмъ городамъ и селамъ, и по монастырямъ своихъ предѣловъ, испытывать мастеровъ иконныхъ, ихъ письмо самимъ разсматривать; избравши въ каждомъ предѣлѣ живописцевъ, нарочитыхъ мастеровъ, имъ приказывать надо всѣмъ иконописцами смотрѣть, чтобы въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было. А сами архіепископы и епископы смотрятъ надъ тѣми живописцами, которымъ приказано, и берегутъ таковаго дѣла накрѣпко, а живописцевъ тѣхъ берегутъ и почитаютъ паче прочихъ челоувѣкъ. А вельможамъ и простымъ людямъ *тѣхъ живописцевъ во всѣмъ почитать за то честное иконное воображеніе*. Да и о томъ святителямъ великое попеченіе имѣть и береженіе, каждому въ своей области, чтобъ гораздне иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, и отъ самобышленія бы и своими загадками Божества не описывали». Къ этому извлеченію изъ 43 гл. Стоглава авторъ присовокупляетъ слѣдующее. Ревнителі древне-Русскаго православнаго искусства вмѣняютъ себѣ въ обязанность строго отличать *иконпись* отъ *живописи* и *иконописца* отъ *живописца*. Но, основываясь на свидѣтельствѣ Стоглава, въ которомъ иконописецъ постоянно именуется живописцемъ, надо полагать, что этому восточному порядку противорѣчатъ древне-Русская художественная старина и преданіе. Изъ Стоглава всякому очевидно, что было не въ названіи, а въ томъ, чтобъ живописецъ описывалъ Божество *по образу и по подобію, и по существу, ея древнихъ образцовъ, а не самовольно и самобышленно и не своими догадками*. И такъ, не смотря на полемическое, даже сатирическое свое направленіе, не смотря на разладъ въ своемъ внутреннемъ составѣ и на враждебное отношеніе къ дѣйствительности, все-же Стоглавъ, какъ памятникъ эпохи довольно свѣжей, подводитъ къ одному общему религіозному началу всѣ умственные, нравственные и художественные интересы духовной жизни, и не находя желаннаго ихъ единства въ дѣйствительности, стремится по крайнѣй мѣрѣ къ идѣе примирить ихъ съ религіею. Благочестивая старина и преданіе — вотъ та свѣтлая

область идей, до которой желали-бы составители этого замѣчательнаго памятника возвести уже падшую, по ихъ мнѣнію, жизнь народа, очистить и освѣжить и возбудить въ новой болѣе благо-родной, просвѣтленной религіею дѣятельности.»

— «Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда.» — Въ этой статьѣ авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о значеніи эпоса и разобравъ содержаніе пѣсней древней Эдды, сравниваетъ пѣсню о Зигурдѣ съ Муромскою легендою о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Изъ этого сравненія онъ извлекаетъ, между прочимъ, слѣдующіе выводы: «Въ общихъ чертахъ своихъ, Муромская легенда содержитъ тѣ-же главнѣйшіе мотивы, что и пѣсни древней Эдды о битвѣ Зигурда съ гениемъ и о союзѣ этого героя съ вѣщею дѣвою. Безъ всякаго сомнѣнія, сходство это основывается на общихъ источникахъ, изъ которыхъ, само собою разумѣется совершенно независимо другъ отъ друга, были почерпнуты древнія преданія и въ пѣсняхъ Эдды и въ нашей легендѣ. Потому-же самому и Нѣмецкія сказанія о борьбѣ съ змиемъ и союзѣ съ вѣщею дѣвою, въ различныхъ редакціяхъ, предлагаютъ различныя видоизмѣненія и варианты. И наша легенда, по-той же причинѣ, соприкасается съ пѣснями Эдды не прямо, а черезъ посредство видоизмѣненій въ другихъ памятникахъ Нѣмецкой старины, основанныхъ на общемъ преданіи. Въ Муромской легендѣ древнѣйшему преданію дана позднѣйшая историческая обстановка, и притомъ событія и лица возведены на идеальную область христіанскихъ понятій. Посему, въ сравнительномъ изученіи этого прекраснаго памятника нашей народной поэзіи, должно отличать: во-первыхъ, древнѣйшее преданіе, положенное въ его основу; во-вторыхъ, историческую обстановку, и въ-третьихъ, религіозную, и именно христіанскую идею, которою освящены и доисторическое преданіе, и историческая обстановка.» Результаты такого изученія Муромской легенды авторомъ представлены въ настоящей статьѣ.

Къ исторіи литературы иностранной принадлежатъ слѣдующія статьи: *Біографическія замѣтки о Гейне*, М. А. Михайлова (Библ. для чт. № 6 и 7); *Юнатанъ Свифтъ*, перев. В. Кеневича (ibid. № 7); *Классическій періодъ Нѣмецкой литературы*, А. Б. Станкевича (Атев. № 8 и 9); *Испанская литература и современный представитель ея Сорилья*, С. В. Костарева (ibid. № 16 и 17); *Эмануэль Гейбель*, А. Ф. фонъ-Видерта (ibid. № 18); *Графъ*

Генрихъ Ржевусскій, М. А. Грабовскаго (Русск. бес. № 2); *Послѣдняя комедія Эмилья Ожье*, Благосвѣтлова (Общезаним. вѣств. № 9); *Беранже* (Живопр. сбор. № 6); *Драматическое искусство нашего времени* (Живопр. биб. № 17); *Самуэль Джонсонъ* (Моск. вѣд. № 54 и 55); *Касперъ Карменскій. Драма Сырокомли* (ibid. № 56); *Письма о текущихъ новостяхъ Польской литературы*, В. И. Веселовскаго (ibid. № 60 и 61); *Одна изъ характеристическихъ чертъ современной Французской литературы* (ibid. № 74).

— «Испанская литература и современный представитель ея, Сорилья». — «Новѣйшая Испанская литература въ своемъ возрожденіи представляетъ двѣ любопытныя стороны: одною изъ этихъ сторонъ она касается блестящей эпохи Кальдерона и Лопе-де-Веги, заимствуя въ ней наружныя форму и краски, часто даже поэтическіе образы и слогъ; другою стороною она примыкаетъ къ новѣйшій эпохѣ Европейскихъ литературъ, къ прогрессу идей, проникавшихъ за Пиренеи изъ Франціи и Англіи. У нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ Испанскихъ писателей вы съ перваго взгляда замѣтите вліяніе той или другой литературы; даже можете назвать того или другаго писателя, Англійскаго или Французскаго, котораго духъ отразился въ сочиненіяхъ современнаго Испанца. Такъ, наприм., въ поэзіи Эспронседы вы чувствуете вдохновеніе Байроновой музыки, читая Маріано-де-Ларру—вы припоминаете часто идеи и характеры Ж. Санда. У Сорильи (Zorilla) находятъ вліяніе Виктора Гюго, но находятъ одни Французы; Испанцы-же, напротивъ, утверждаютъ, что въ сочиненіяхъ Сорильи столько-же Французскаго, сколько въ сочиненіяхъ Гюго Испанскаго; по ихъ отзывамъ, Сорилья великій народный поэтъ, какимъ никто, кромѣ его, не можетъ быть, и потому Испанія любитъ его и дорожить имъ, какъ избраннѣйшимъ изъ сыновъ своихъ. Донъ-Хосе Сорилья родился въ Вальядолидѣ 21 февраля 1817 года. Лѣта своего дѣтства онъ провелъ въ городахъ Вальядолидѣ, Бургосѣ и Севильѣ, гдѣ отецъ его попеременно занималъ важныя общественныя должности. Въ 1827 г. семейство Сорильи переселилось въ Мадридъ, гдѣ онъ и получилъ воспитаніе. 15 февраля 1837 г. въ Мадридѣ совершились похороны молодаго писателя Маріано Хосе де-Ларры, котораго трагическая смерть—слѣдствіе безнадежной страсти—соединила вмѣстѣ его друзей и поклонниковъ его таланта. Въ минуту глубокой и искренней скорби, сопровождавшей трогательную надгробную рѣчь о его остраданіяхъ въ жизни и его

заслугахъ въ литературѣ, въ эту минуту, когда мысль присутствующихъ въ безмолвіи старалась сквозь завѣсу смерти проникнуть въ таинства судебъ иного міра — изъ толпы вышелъ впередъ неизвѣстный молодой человѣкъ. Ему было съ виду около 20 лѣтъ. Блѣдный и печальный, онъ бросилъ взоръ сперва на усопшаго, потомъ на небо и началъ читать отрывисто, но съ истиннымъ одушевленіемъ стихи, сочиненные имъ на смерть Лорры. Онъ читалъ ихъ съ задушевною грустью, которая поразила всѣхъ присутствующихъ, и не могли дочитать, зарыдалъ самъ и остановился. Стихи взяты были у него изъ рукъ и дочитаны произнесшимъ надгробное слово. Они тутъ-же приобрѣли молодому поэту славу преемника гениальнаго Лорры. Этотъ неизвѣстный юноша былъ Сорилья. Съ того времени слава Сорильи возрастала съ каждымъ днемъ, и его стихотворенія, помѣщавшіяся въ періодическихкихъ изданіяхъ, читались всѣми съ жадностью. Если въ произведеніяхъ гениальнаго писателя должны отражаться нравственное состояніе и степень просвѣщенія его народа и вѣка, въ которомъ онъ живетъ, то произведенія современнаго писателя вообще, а Испанскаго въ-особенности должны быть отраженіемъ разнообразнѣйшихъ идей, начала которыхъ трудно доискаться въ самыхъ темныхъ моментахъ исторіи; должны быть зеркаломъ противорѣчащихъ надеждъ, изліяній простодушной вѣры, проблесковъ дикаго невѣрія, стремленій къ космополитизму и обращеній къ народности и исключительности религіозной и племенной. Бываютъ грустныя эпохи для человѣчества, когда связи, соединяющія общества и народы духовными интересами, распадаются, идеи разъединяются, и симпатія, существовавшая между ними, исчезаетъ; когда міръ идей представляетъ какой-то эпосъ, область чувства — томительную пустоту; когда мысль человѣка не задаетъ себѣ другой дѣятельности, кромѣ анализа и сомнѣнія, а сердце не вмѣщаетъ въ себѣ другаго ощущенія, кромѣ чувства застигшаго его одиночества и сознанія той пропасти, въ которую погрузилось оно мимо воли. Правда, и въ это время гений можетъ иногда парить высоко, но онъ носится подобно сатанѣ въ Мильтоновой поэмѣ, одинокій среди хаоса: сіяніе солнца причиняетъ ему страданіе, красота міра вещественнаго пробуждаетъ въ немъ зависть. Его поэзія одинока такъ-же, какъ онъ самъ, и какъ онъ, исполнена мрачнаго отчаянія. Онъ поетъ, или, лучше, оплакиваетъ свои страданія и небо, затворенное для него; поетъ пламень, сосредоточенный въ груди

его, разладъ собственнаго разумѣнія и противорѣчія своей судьбы, для него самого загадочной. Такова, съ точки зрѣнія современныхъ Испанскихъ писателей, настоящая эпоха, такова ея поэзія. Это по-преимуществу элегическая поэзія пустоты душевной и сомнѣнія, безъ системы и единства. Сорилья началъ, и не могъ начать иначе, какъ этимъ родомъ поэзіи. Вглядываясь въ вѣчно-кипящій водоворотъ жизни, онъ замѣчаетъ въ немъ разладъ съ высшими неизмѣнными законами бытія, сознаніе которыхъ лежитъ въ существѣ его нравственной природы. Этотъ неизбѣжный законъ движенія времени, которому все повинуется, стремясь къ уничтоженію; съ другой стороны, постоянно-бѣгущая жизнь съ ея пустыми и ничтожными заботами, съ ея безопасностью о вѣчныхъ судьбахъ за чертою времени—эти идеи поражаютъ сознаніе поэта, и онъ высказываетъ ихъ въ своемъ стихотвореніи: *Часы (Reloj)* съ глубокою ироніей, въ которой слышится отчаяніе. Этотъ мрачный характеръ поэзіи Сорильи высказывается еще опредѣлительнѣе въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ: къ веселью и упоенію у него всегда примѣшивается глубокая дума о конечной цѣли бытія и о смерти. Съ поэтомъ всегда его *memento mori*. Его муза — дочь древняго Египта; она воспѣваетъ пиръ жизни, среди котораго стоитъ гробъ, напоминающій о кратковременности бытія. Стихотвореніе *Vanidad de la vida (Тщета жизни)* есть настоящее изображеніе Египетскаго пиршества: вакханалія оканчивается здѣсь похороннымъ зрѣлищемъ. Въ стихотвореніи: *Впра, Fé*, Сорилья представляетъ ужасающій образъ атѣиста,—этого демона, вооруженнаго страшными софизмами, которые приводятъ его къ заключенію: *mejor es no creer* (лучше не вѣрить), а наконецъ, передъ послѣдними минутами жизни, всѣ эти софизмы разлетаются въ прахъ, и мысль, не находя опоры, не находя успокоенія, устремляется въ пропасть съ страшными нескончаемыми терзаніями. Ничѣмъ неотразимое сознаніе о кратковременности и неизбѣжной чредѣ земнаго бытія пробуждаетъ въ душѣ глубокую и грустную симпатію къ великолѣпію, могуществу и славѣ, застигнутымъ этимъ-же неотразимымъ жребіемъ уничтоженія. Такъ, олицетворяя въ Венеціи судьбу нѣкогда славныхъ царствъ, впослѣдствіи падшихъ или утратившихъ свой блескъ и могущество, жребій народовъ, погибающихъ отъ развращенія нравовъ, Сорилья изображаетъ въ превосходныхъ стихахъ древнее величіе ея и настоящее ничтожество. Далѣе онъ

оканчиваетъ свой похоронный гимнъ Венеціи вакханическими возгласами пиршества, на которомъ приглашаетъ смѣяться, пѣть и пить, потому-что жизнь слишкомъ кратковременна. «Да будутъ твоимъ закономъ гигантскій городъ! удовольствія и смѣхъ, пѣсни и вино. На веселомъ и великолѣпномъ пирѣ засыпаетъ *минувшее* и предается забвенію *будущее!*» Любовь къ природѣ и примиреніе съ жизнью высказывается въ стихотвореніяхъ: «Нерѣшимость» (Indecision) и «Сельское уединеніе» (Soledad de campo); тихое созерцаніе міровой жизни и возвышенное пареніе къ небу—въ звучныхъ и картинныхъ стихахъ: «Вечерній сумракъ» (El crepusculo de la tarde) и «Къ орлу» (Al un aguila). Въ небольшихъ поэмахъ, называемыхъ преданіями и легендами и носящихъ общее названіе пѣсенъ трубадура (Cantas del travador), поэтъ воскрешаетъ бытъ древней Испаніи съ ея религіею, рыцарскими законами и обычаями. Здѣсь вы увидите древняго благороднаго рыцаря королевской крови, написаннаго во весь ростъ. Расточительный на бѣдныхъ защитникъ невинныхъ и слабыхъ, неизмѣнный въ дружбѣ, онъ образецъ строгости нравовъ. Его занятія — пиры, охота и турниры. Здѣсь также замѣтите вы простоту гражданскаго быта, черты суровости закона и релігіознаго духа въ отправленіи правосудія. Красоты поэзіи Сорильи весьма разнообразны: достоинство мыслей, пластическая живописность образовъ, роскошь описаній, энергія и возвышенность чувства и выраженія — все это есть у Сорильи и все оправдываетъ славу, какою пользуется онъ въ своемъ отечествѣ. Если его стихотвореніямъ недостаетъ той художественной сжатости формы, какою отличается современная антологическая и лирическая поэзія, если краски у него слишкомъ ярки, если описанія иногда длинны, то не слѣдуетъ забывать, что задолго до него Испанія имѣла литературу, въ свое время богатѣйшую, нежели у какого-либо другаго народа Европы, кромѣ развѣ Италіянцевъ, и отличавшуюся тѣми-же свойствами: ибо эта литература восточнаго происхожденія и образовалась совсѣмъ при другихъ условіяхъ, нежели, напримѣръ, литературы Нѣмецкая и Англійская, наслѣдовавшія въ классическомъ искусствѣ Грековъ художественный тактъ этого народа; а особенно историческія причины въ Испаніи сильно содѣйствовали тому, чтобъ исключительный характеръ ея литературы навсегда остался за нею. Поэтому, имѣя въ своемъ прошедшемъ такой литературный завѣтъ, ни одинъ Испанскій писатель, съ какимъ-бы ни былъ онъ даровані-

емъ, не можетъ совершенно освободиться изъ-подъ ея вліянія. Только гений-преобразователь можетъ пролагать новые пути въ области искусства, а такого гения у Испаніи теперь нѣтъ. Драматическая поэзія есть совокупность индивидуальныхъ образовъ, приводимыхъ произвольно ихъ дѣятельностью въ страдательное движеніе на поприщѣ жизни. Искусство-же драматическое воспроизводитъ ихъ передъ взорами зрителей такими, какими они представляются въ самой жизни. Но справедлива-ли та исторія искусства, которая проповѣдуетъ одностороннее ученіе о воспроизведеніи одной внѣшней жизни человѣка, не касаясь его внутренней основы? Нѣтъ, неподражаемое искусство древнимъ можетъ служить доказательствомъ противнаго: Греческая трагедія была религиозною мистеріей. Такъ точно жизнь человѣка въ новомъ христіанскомъ мірѣ, какъ существа нравственнаго, слагается не изъ однихъ благородныхъ или низкихъ страстей, но также изъ проявленій духа, совѣсти, религиозной нравственности, словомъ, внутренней жизни, отъ которой нельзя отрѣшить человѣка. Отрѣшенный отъ внутренней жизни, онъ—существо ненормальное, немислимое. Разсматривая съ этой точки зрѣнія драматическія сочиненія Сориалы, мы находимъ въ нихъ слѣдующія черты. Почти всякая драма служитъ олицетвореніемъ одной завѣтной идеи автора, почерпнутой имъ въ источникѣ религиозныхъ его убѣжденій. Тотъ же взглядъ на жизнь, который мы указали въ лирической прѣзні Сориалы, господствуетъ у него и въ драматической. Наблюдая воспроизводимую имъ жизнь и выводимыхъ на сцену героевъ, съ ихъ страстями и причудами, вы, подъ внѣшнею оболочкой этой жизни дѣйствующихъ лицъ, угадываете другую незримую, глубоко-затаенную жизнь, скрытую пружину ихъ дѣйствій, однимъ словомъ, внутреннюю жизнь духа, которая находится въ противорѣчій съ внѣшнимъ положеніемъ героевъ и развитіемъ страстей: это то-же, что воля судьбы; *fatum* древнихъ, только здѣсь она находится въ самомъ человѣкѣ: это его совѣсть. Мы можемъ указать на три драмы, въ основаніи которыхъ лежитъ эта мысль, а именно: «Эхо водопада» (*El eco del torrente*), «Конь короля донъ Санчо» (*El caballo del rey don Sancho*) и «Алькадъ Ронкилло, или чертъ въ Вальядолидѣ» (*El alcalde Ronquillo o el diablo en Valladolid*). Въ первой изъ этихъ драмъ одному Французскому барону, Лотарію де Ракфоръ, въ шумѣ водопада слышатся изъ замка дикій хохотъ старика, плѣннаго Мавра, убитаго имъ, вмѣсто-того, чтобъ

освободить его отъ неволи, какъ онъ обѣщаль по условію съ дочерью его Селиною, спасшею Лотарію жизнь и свободу. Образъ этого старика вездѣ преслѣдуетъ барона, и по словамъ Селины, это сама совѣсть его, пріавшая образъ несчастнаго ея отца. Общій недостатокъ драмъ Сорилы, исключая немногія, чрезвычайное многословіе и лиризмъ, вовсе неумѣстный въ комедіи. Какимъ образомъ могутъ возбудить смѣхъ въ зрителяхъ острота и забавная выходка комика или осмѣиваемый порокъ, украшенные цвѣтами восточной поэзіи. Дѣйствительно, комедія Сорилы, съ своимъ метафорическимъ лиризмомъ, восточнымъ по происхожденію, вовсе не производитъ того дѣйствія, какого ожидаешь и вправдѣ требовать отъ комедіи. Здѣсь нѣтъ ни одного высоко-комическаго и вполне высказавшагося характера, какъ у Плавта и Мольера. Форма драматическихъ сочиненій Сорилы (кромѣ Софроніи) та-же, что у старинныхъ писателей, т.-е. форма ихъ романсовъ, которыхъ осьмисложный силлабическій стихъ соответствуетъ нашему четырехстопному хорю. Для нашего слуха онъ довольно монотоненъ, а для Испанцевъ, по ихъ собственнымъ словамъ, ничего не можетъ быть превосходнѣе этого размѣра».

XI. Изящная словесность.

Стихотворную часть изящной словесности въ обозрѣваемой періодъ составляли слѣдующія произведенія:

Въ Библиотекѣ для чтенія: *Изъ Гейне*. Переводы П. А. Вейнберга (№ 5); *Изъ посмертныхъ пѣсенъ Беранже*. Переводы В. С. Курочкина (ibid.); *Венеція; Къ Пепиль* (изъ Альфреда Мюссе). Переводы П. И. Вейнберга (№ 6); *Два стихотворенія*: 1) *Изъ Мюссе*, 2) *Изъ Гейне*, перев. того-же автора (№ 7); *Ювеналь къ Умбрацію*, стихотв. В. Попова (ibid.); *Манфредъ* (драматическая поэма Байрона), Е. Зорина (№ 8).

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Глядитъ, какъ безумная; Свиданіе; На разсвѣтъ; Когда зарей облитъ закатъ; Не сплю; Вся ночь свѣча горитъ передо мной*, Н. П. Грекова (№ 5); *Ученый кабинетъ* (сцена изъ первой части «Фауста»), его-же (№ 7).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Вчера я шелъ по залъ освѣщенной*, А. А. Фета (№ 9); 18 іюля 1857 года, В. С. Курочкина (ibid.); *Сверчокъ* (изъ послѣднихъ пѣсенъ Беранже), его-же (ibid.); *Усни*,

печальный другъ, уже съ грядущей тьмой, гр. А. Толстаго (№ 10); Изъ Гейне, его-же (ibid.); Б. м. Маркевичу, его-же (ibid.); Осень. Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ, его-же (ibid.); Источникъ за вышневомъ садомъ, его-же (ibid.); Не вѣтеръ вѣя съ высоты, его-же (ibid.); О другъ, ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая, его-же (ibid.); Въ совѣсти искалъ я долю обвиненья, его-же (ibid.); Меня во мракъ и въ пыли, его-же (ibid.); Минула страсть, и пылъ ея тревожный, его-же (ibid.); Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ, его-же (ibid.); Ты знаешь, жизнь меня къ себѣ не привлекала, его-же (ibid.); Замокнулъ громъ, шумѣть гроза устала, его-же (ibid.); Земля, что по скаламъ влечетъ свои извивы, его-же (ibid.); Ты жертва жизненныхъ тревогъ, его-же (ibid.); Бываютъ они, когда злой духъ меня тревожитъ, его-же (ibid.); Съ-тѣхъ-поръ, какъ я одинъ, съ-тѣхъ-поръ какъ ты далеко, его-же (ibid.); Слеза дрожитъ въ моемъ ровномъ взорѣ, его-же (ibid.); Я васъ узналъ, святая убѣжда, его-же (ibid.); О не спиши туда, голъ жизнь свѣтлый и чище, его-же (ibid.); *La Madonna della seggiola*, его-же (ibid.); Дробится и плещетъ и брызжетъ волна, его-же (ibid.); Не пѣнится море, не плещетъ волна, его-же (ibid.); Не брани меня, мой другъ, его-же (ibid.); Я задремалъ, главу понуря, его-же (ibid.); Западъ гаснетъ вдали бѣдно-розовый, его-же (ibid.); Горними тихо летѣла душа небесами, его-же (ibid.); Трудилась, бѣдные, вы отдыху не зная, А. Н. Плещеева (. 1^о 12); Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ! его-же (ibid.); Ты хочешь — не пою, его-же (ibid.); Была пора, своихъ сыновъ, его-же (ibid.); Ты миль мила, пора заката, его-же (ibid.); Сельская пѣсня (съ Польскаго), его-же (ibid.); Старая пѣсня, В. С. Курочкина (№ 13); Когда возвратился я въ городъ родной, А. Н. Плещеева (. 1^о 14); Много злыхъ и глупыхъ шутокъ, его-же (ibid.); Стараться отдохнуть душою, К. К. Павловой (№ 15) Ужисъ Полліона, ея-же (ibid.); Не пора! ея-же (№ 16); Видѣніе (изъ Виктора Гюго), ея-же (ibid.); Успокоеніе, Ф. И. Тютчева (ibid.).

Въ Русской бесѣдѣ: Труженикъ, А. С. Хомякова (№ 2); Она сидѣла на полу, Ф. И. Тютчева (ibid.); Надъ этой темною толпой, его-же (ibid.); Есть въ осени первоначально, его-же (ibid.); Въ часы, когда бываетъ, его-же (ibid.); Смотри, какъ роца зеленѣетъ, его-же (ibid.); Живымъ сочувствіемъ пріятели, его-же (ibid.); Пѣсня, И. С. Пикитина (ibid.); Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича «Конрадь Валленродъ», Н. В. Берга (ibid.).

Въ Атенеѣ: Стихотвореніе Пушкина (№ 25).

Въ Общеэзанимательномъ вѣстникѣ: Л. Мея: *Розь, Старость, Артемидь* (№ 5) и *Сумерки* (№ 9).

Въ Живописномъ сборникѣ: В. Попова: *Цора тебь, сердце, въ покою забыться* (изъ Байрона) (ibid.); Бенедиктова: *Къ ней* (№ 11).

Въ Сынѣ отечества: Изъ Анакреона: *Пьсья XXVI; Любовь*, А. Мея (№ 20); *Въ день имения моего доктора*. Изъ Беранже (В. С. Курочкину), его-же (ibid.); *Невинной души съ грѣхомъ пополамъ*. Изъ Сырокомли. (Посвящ. М. А. Гуляеву), его-же (№ 21); *Церера* (Посвящ. графу Г. А. Кушелеву-Безбородко), его-же (№ 23); *Притча пророка Нафана*, его-же (№ 25); *Цать этажсей*. (Изъ Беранже), его-же (№ 27); *Мой челнокъ*. (Изъ Беранже), его-же (№ 28); *Аннеточка — Аннетка*. (Изъ Беранже), его-же (№ 30); *Слазили...* его-же (№ 32); *Свьтъ истины и чувства*. (Изъ Шиллера), Владиміра Треборна (ibid.); *Одуванчики*. (Посвящается вѣмъ барышнямъ.), его же (№ 33); *Изъ Гейне*, его-же (№ 34); *Фортуна*. Изъ Беранже (№ 35); *Льву Александровичу Мею*, М. З—ва (ibid.).

Въ Одесскомъ вѣстникѣ: *Неуявленность*. Изъ Мицкѣвича, Н. Буговскаго (№ 80); *Утро и вечеръ* (сонетъ Мацкевича), его-же (№ 86); Изъ Крымскихъ сонетовъ Мицкевича: XVI. *Цилирмиъ*. XVII. *Развалины замка въ Балаклавѣ*, его-же (№ 93).

Въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ: *Александру Андреевичу Иванову*, кн. Вяземскаго (№ 145).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Кто онъ?* А. Майкова (кн. 3); *Петръ Великій* (ibid.); *Два мужика* (кн. 4); *Оберъ* (ibid.).

Въ Шехеразадѣ: *Путь жизни*. Восточное преданіе, П — ва (№ 1); *Къ Неэръ* (изъ Горація), Андрея Сомова (№ 2); *Ночь и утро*, его-же (ibid.); *Сонъ*, Петра Полеваго (ibid.); * * (подраженіе Гейне), его-же (ibid.); *Отзвуки скорби въ 1852 году*, Владиміра Филимонова (№ 3); *Изъ западно-восточнаго дивана, Гёте*, перев. А. Струговщикова (№ 4); *Горацій и Лидія* (Ода Горація), комедія въ одномъ дѣйствіи Ф. Понсара, перев. Андрея Сомова (№ 5); 3 *февраля 1858 года*, Петра Черногорова (№ 6); *Совѣтъ*, его-же (ibid.); *Волны*, Петра Полеваго (ibid.); *Альпухарри*. Баллада (изъ Мицкевича), Андрея Сомова (№ 7); *Жакъ* (изъ Беранже), Л. Мея (№ 8); *Бьюдъ* (изъ Беранже 1834 — 1835 гг.), В. Курочкина (№ 10); *Изъ Данте*, Константина Званцова (№ 11); *Е. А С...одъ*, Андрея Сомова (№ 12); *Пьсь Маргариты* (изъ Гёте), Константина Зван

цова (№ 13); *Два стихотворенія*, П. Дмитріева (№ 14); *Сцены изъ трилоги: Жанна Д'аркъ*, Константина Званцова (№ 15); *Стихотворенія* А. Браунрота (№ 16); *Будущій вѣкъ* (изъ Беранже), Андрея Сомова (№ 17); *Мудрецы* (изъ Мицкевича), перев. Константина Званцова (№ 18); *Маріонетки* (изъ Беранже), пер. Андрея Сомова (№ 19); *Въ лодкѣ*, его-же (№ 20); *Монологъ Гамлета* (въ концѣ 2 дѣйствія), Константина Званцова (№ 21); *Стихотвореніе* А. Браунрота (№ 22); *Изъ Гёйне*, Гретти (№ 23).

Прозаяческую часть изящной словесности составляли:

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Записки дамы, бывшей въ плѣну у Горцевъ*, М. А. Ливенцова (№ 5 и 6); *Сибирскіе разказы*, И. А. Шафранецъ-Коцюевича (ibid.); *Любила*. Повѣсть Кохановской (№ 7); *Академическій переулочекъ*. Очеркъ Е. Колбасина (№ 8); *Изъ далекаго прошлаго*. Разказъ Е. В... (ibid.).

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Тысяча душъ*. Романъ въ 4 частяхъ, А. Ѳ. Писемскаго (№ 5 и 6); *Не мѣсто красить человека, а человекъ — мѣсто*. Комедія Н. М. Львова (№ 5); *Чародѣйка*. Сказка въ одномъ дѣйствіи, А. Б. (ibid.); *Поездка на пепелища Запорожскихъ степей* (изъ путевыхъ записокъ о Крымѣ и его окрестностяхъ), Г. И. Спасскаго (ibid.); *Картины Италіи*, Павла Ковалевскаго (№ 6); *Круговая порука*. Повѣсть въ письмахъ, А. Тулубьева (№ 7); *Сутки въ ауль Біюк-дортэ*, К. Н. Л — ва (ibid.); *Старое горе*, В. Крестовскаго (№ 8); *Счастье въ маленькомъ размѣрѣ* (изъ воспоминаній знакомаго), А. Берлинскаго (ibid.); *Иванъ Ивановичъ* (изъ записокъ полицейскаго чиновника), М. З. (ibid.); *Студенческія воспоминанія о Московскомъ университетѣ*, Н. Д. (ibid.).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Даровитость Русскаго человека*. Изъ записокъ Русскаго туриста, Т. (№ 9); *Читательница*. Разказъ С аго (№ 10); *Узкій путь*. Романъ въ 2 частяхъ, Криницкаго (№ 11—14); *Наташа*. Повѣсть Е. Озерскаго (№ 11); *Народные Украинскіе разказы*: I. Сонъ. II. Свекровь. III. Максимъ Грямачъ. IV. Чумаць. V. Отець Андрій. VI. Выкупъ. VII. Данило Гурчъ. VIII. Сестра Марха Вовчка (№ 13—15); *Утѣшитель*. Провинціальныя сцены, С. Н. Федорова (№ 14); *Могла братьевъ*, Н. М. Пановскаго (№ 15); *Послѣ обѣда въ гостяхъ*, Кохановской (№ 16); *Вотьяки и г. Дюма*, Н. Ф. Павлова (ibid.).

Въ Русской бесѣдѣ: *Островъ*, недоконченная повѣсть. И. В. (№ 2); *Деревиця*, Б. А. (ibid.).

Въ Атенеѣ: *Изъ подлинныхъ записокъ*, А. К. К — на (№ 8—14); *Изъ записокъ* М. С. Щепкина (№ 17); *Синьоръ Петруччио*. Разсказъ туриста М. Бибикова (№ 22 и 23); *Изъ записокъ покойника*, Н. Женнина (№ 29 и 30).

Въ Общеэзанимательномъ вѣстникѣ: *Беглецъ*, П. В. Н. (№ 5); *Прогулка на Инатру* (ibid.); *Мирошды*, Хр. Козлова (ibid.); *Выдержки изъ записной книжки*. П. *Покройминъ*, М. И. Семева-скаго (№ 6); *Изъ провинціальныхъ воспоминаній чудака*, И. С — ва; *Горничная*; *Женская месть* (ibid. и № 10).

Въ Живописн. сборникѣ: *Сибирлетка* (№ 5).

Въ Сынѣ отечества: *Русскій человекъ на всѣ руки бьетъ*, Кушнерева (№ 20 и 21); *Сотскій*. Очеркъ. Посвящено В. С. Курочкину, С. Максимова (№ 24); *Замѣтки* (№ 25); *Очерки Русскаго простонародья*, С. Максимова; *Извозчики-трюмчики*; *Мастеровой* (№ 27 и 33); *Службное поприще Платона Николаевича Пузикова* (№ 28); *Иванъ Андреевичъ* (№ 34 и 35).

Въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ: *Замѣтки празднующагося*, Ю. В. (№ 124); *Московскіе очерки, набросанные карандашемъ*, Медвѣдовскаго (№ 143); *Народные Малороссійскіе разказы*, А. Стороженко (№ 144); *Очерки Московскихъ нравовъ* (№ 183).

Въ Русскомъ инвалидѣ: *Туманная картина столичной жизни* (№ 128. 140 и 145).

Въ Сѣверной пчелѣ: *Аферистъ* (№ 105, 106 и 108—112).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Случайное знакомство*, М. К—го (№ 51 и 53); *Изъ воспоминаній студента* (№ 64).

Въ Одесскомъ вѣстникѣ: *Исторія одной палки, рассказанная ею самою*, Рабиновича (№ 63); *Арестантка* (быль), Д. (№ 73); *Репетиторъ* (анекдотъ), Запорожцева (№ 77); *Письма гвернантки*, Д. (№ 78, 79 и 82); *Разрозненные бумаги*. Записки неизвѣстнаго, Александра П—ча (№ 84—86).

Въ газетѣ Кавказъ: *Разказы казака* (№ 37 и 38); *Изъ воспоминаній моряка* (№ 62 и 63).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Разказы Русскаго солдата*: 1) *Знакомство съ солдатомъ*; 2) *Возращеніе на родину*, Н. Полеваго (кн. 3); *Ополченцы*, А. Р—скаго (ibid.); *Смотри лучше за собою, чѣмъ пересуживать другихъ* (ibid.).

Въ Шехеразадѣ: *Мечтатель* Романъ, Петра Черногорова (№ 1, 2, 3 и 4); *Житейское на кладбищѣ*, разсказъ, Петра Кара-

тыгина (№ 5); *Человѣкъ высокоаго полета* (коммерческая Шехеразада), Б. (№ 8); *Романъ на старыи ладѣ, въ 3 частяхъ*, Бернета (№ 22 и 23).

Переводныя статьи въ обозрѣваемый періодъ были слѣдующія:

Въ Библ. для чтенія: *Пираты на Миссисипи*. Романъ, Герштейкера (№ 5 и 6); *Кишокъ или отказъ отъ прощальнаго кубка*. Изъ Ч. Сильсфильда (№ 6); *Золотистые волосы*. Разсказъ (№ 7); *Останъ Бондарчукъ*. Романъ, И. Крашевскаго (ibid.); *Госпожа Бовари*. Романъ въ 3 частяхъ, Флобера (№ 8).

Въ Отечеств. запискахъ: *Два года назадъ*. Романъ Чарльза Кингели (№ 5, 6 и 7); *Акасія*. Сцены изъ Американской жизни (№ 6 и 7); *Приходъ и расходъ*. Романъ въ 3 книгахъ и 6 частяхъ, Густава Фрейтага (№ 8).

Въ Общезан. вѣстникѣ: *Смѣлый любовникъ* (№ 11); *Двойничка* (La jumelle), А. Я. (№ 13).

Въ Живописн. сборникѣ: *Счастье быть богатымъ*, перев. съ Голланд. (№ 6).

Въ Живописной библіотекѣ: *Враги Ваала*. Романъ Александра Дюма-отца (№ 9); *Дневникъ Вильтшейрскаго священника* (№ 15 и 16).

Въ Сынѣ отечества: *Анличане-контрабандисты на Сухумскихъ берегахъ* (№ 22); *Шлемниница дяди Томи* (№ 29—32).

Въ Русскомъ инвалидѣ: *Дорожныя замѣтки, думы и впечатлѣнія*. Отъ заграничн. корреспондента (№ 121—123, 160, 161 и 163).

Въ Сѣверн. пчелѣ: *Удольфскій замокъ*. Разсказъ Мери (№ 187).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Ночь въ игорномъ домѣ* (№ 70); *Волшебный островъ* (Пуританская легенда) (№ 99).

Въ Шехеразадѣ: *Мысли Ларошфуко* (№ 1, 2, 5); *Двадцать тысячъ франковъ*. Повѣсть (№ 3 и 4); *Страшная кровать*, истинное приключеніе. Разсказы Англичанина, пер. съ Англ. (№ 6); *Случай изъ жизни Гѣте*. Повѣсть. Перев. съ Франц. (ibid. и № 7); *Венеціанская месть*. Пов. съ Франц. (№ 7, 8 и 9); *Таинственная шайка*, романъ Мери Лафонъ (№ 9—17); *Новыя путешествія оригинала*, разсказы Юсифа Корженевскаго, перев. съ Польскаго (№ 9—23); *Анна Гальбоуеръ, истинное происшествіе*, перев. съ Нѣмец. (№ 12—15); *Какъ пѣдушка женился на бабушкѣ*,

разсказъ самого дѣдушки, перев. съ Англійск. (№ 18); *Два кузины*, Т. Б. (№ 20 и 21).

Въ Вѣдомостяхъ Московской городской полиціи: *Крѣпость Блая* (№ 97, 98 и 99); *Черное домино* (№ 119); *Крымская медаль* (№ 120); *Парижская букетчица* (№ 122, 123 и 124); *Сестра-горожанка и сестра-поселянка* (№ 127, 128 и 129); *Семейство Бумпартонъ* (№ 137 — 142); *Балъ* (№ 146 и 147); *Москва* (№ 157, 158 и 159); *Два жильца въ одномъ померъ* (№ 171); *Себастьянъ Гомецъ; Мулатъ Мурильо* (№ 181 и 182).

XII. СВОБОДНЫЯ ХУДОЖЕСТВА.

По разнымъ отраслямъ свободныхъ художествъ явились слѣдующія статьи: *Происхожденіе и первое развитіе оперы*, Б. Дамке (От. зап. № 7 и 8); *О порабощеніи искусства*, К. Д. Ахшарумова (ibid. № 7); *Иосифъ Гайднъ*, А. И. Кронеберга (Атен. № 10); *Взглядъ на исторію пластическихъ искусствъ у христіанскихъ народовъ* (ibid. № 12 и 13); *Моцартъ*, А. К. Кронеберга (ibid. № 19 — 21); *Леонардъ да Винчи*, К. К. Герда (ibid. № 25 и 26); *Описаніе Исакіевскаго собора* (Жив. сбор. № 4 в Сынъ отеч. № 24, 25); *Описаніе церкви св. апостола Павла* (ibid. № 5); *Путешествіе Русскаго художника по Европѣ въ 1857 г.* (ibid.); *Сооружаемый памятникъ императору Николаю I* (ibid. № 6); *Дворцовая площадь въ Делѣ* (ibid.); *Рѣдкій эстампъ* (Живоп. библ. № 16); *Езопъ на поискъ челоуька*. Съ картины Люи Кена (ibid. № 17); *Фотографія въ отношеніи къ исторіи искусства*, К. К. Герда (Руск. вѣст. № 9); *О картинѣ г. Иванова*, А. В. (ibid. № 12); Некрологъ: I. Александръ Андреевичъ Ивановъ. II. Августинъ Августиновичъ Монферанъ (ibid.); *Письмо къ редактору*, К. Д. Кавелина (ibid. № 13); *Воспоминаніе объ Ивановѣ*, К. К. Павловой (ibid. № 15); *Музыкальное обозрѣніе*, Б. Дамке (С. Пб. вѣд. № 99, 114, 127, 141, 154, 161, 176); *Прогулка въ Полянь*. Письма В. Классовскаго (ibid. № 121); *Музыкальныя бѣсты* (Русск. инв. № 108, 115); *Погребеніе Александра Андреевича Иванова* (ibid. № 147); *Явленіе Христа народу, картина А. А. Иванова* (ibid. № 173); *Рафаэлева лоджа* (ibid. № 178); *Отчетъ Императорской академіи художествъ* (Сѣв. пч. № 98 — 403); *Художественная лѣтопись*, Н. А. Рамазанова (Моск. вѣд. № 58, 65, 84); *Пьско ько историче-*

скихъ замѣтокъ о зданіи театра въ Москвѣ, Z. (ibid. № 71 и 76); *Ари Шеферъ* (ibid. № 78); *Два слова о картинѣ Иванова*, В. К. (ibid. № 79); *Объ устройствѣ въ Одессѣ консерваторіи музыки и пѣнія*, С. А. Регали (Одесск. вѣстн. № 51).

— «Взглядъ на исторію пластическихъ искусствъ у христіанскихъ народовъ». — «Истинное искусство находится въ тѣсной связи съ жизнію, съ государствомъ, съ народностью, и потому на немъ всегда отражается болѣе или менѣе ходъ историческихъ событій. Важные политическіе перевороты, великія мысли въ наукѣ, значительные успѣхи гражданственности вообще имѣютъ всемогущее вліяніе на искусство. Поэтому въ исторіи искусства, какъ и во всякой другой исторіи, есть извѣстныя эпохи, когда оно получаетъ новую силу и начинаетъ развиваться въ направленіи совершенно-различномъ отъ направленія предшествовавшихъ вѣковъ. Вотъ эти эпохи въ исторіи пластическихъ искусствъ: 1) *Христіанское искусство подъ античнымъ вліяніемъ*. Пока древне-христіанское искусство оставалось на почвѣ Греко-Римской жизни, оно, подобно всей тогдашней образованности и наукѣ христіанъ, не имѣло полной самостоятельности. Церковь, при первоначальномъ равнодушіи своемъ къ прекрасному, не могла создать новой формы искусства, и еслибы даже хотѣла, то усилія ея были-бы напрасны, потому-что съ новою вѣрой не возникло новаго народнаго духа. Подобно тому, какъ многіе новыя понятія были заимствованы изъ Ветхаго Завѣта и даже изъ философіи древнихъ, какъ языкъ богослуженія и проповѣди былъ заимствованъ у Грековъ, такъ и христіанская поэзія въ первыхъ произведеніяхъ обнаруживала зависимость отъ Еврейской символики и поэтической формы, особенно отъ Даниїла и другихъ пророковъ. Что-же касается до пластическихъ искусствъ, то, не находя себѣ образцовъ у Іудеевъ, они должны были заимствовать языческія формы, исключительно господствовавшія въ то время во всей Римской имперіи, приспособляя ихъ по-возможности къ цѣлямъ новаго вѣроученія. Не трудно понять, что Римъ и вообще Италия подали примѣръ этого направленія, тѣмъ болѣе, что здѣсь-же образовалось одно изъ главныхъ средоточій самой церкви, зародышъ могущества духовнаго преобладанія, изъ котораго впоследствии возникло всемірное владычество папскаго Рима. И дѣйствительно, въ древне-христіанскомъ искусствѣ, особенно въ архитектурѣ, мы можемъ отличить этотъ *западно-Римскій* типъ. Независимо отъ этого типа,

возникъ особенный своеобразный стиль въ Византіи. Здѣсь возникъ патриаршій престолъ, который скоро всгушилъ въ соперничество съ древне-Римскимъ. Послѣдовательно-приведенное бюрократическое начало, основанное на безусловномъ повиновеніи, дало Византіи возможность и силу противиться смѣшенію съ варварами долѣе западнаго Рима. Поэтому національность оставалась здѣсь замкнутою, элементы образованія не подвергались безпрестанной опасности со стороны хищническихъ набѣговъ, и искусство, однажды водворенное, могло безпрепятственно переходить изъ-рода-въ-родъ. Набожность Константина позаботилась объ удаленіи отъ созданной имъ новой столицы всѣхъ языческихъ стій, и такимъ образомъ Византія стала тѣмъ, чѣмъ она должна была быть—строго-христіанскимъ городомъ. Въ этомъ-то и заключалась причина, съ одной стороны, первоначальныхъ успѣховъ тамошняго искусства, съ другой—задержки его дальнѣйшаго развитія. Здѣсь художника не поражали на каждомъ шагѣ величественныя созданія язычества, какъ въ древнемъ Римѣ. Монахи овладѣли искусствомъ, какъ полезнымъ средствомъ для поученія народа и поддержанія въ немъ религіозныхъ чувствъ. Равнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы встрѣчаемъ уже въ Византіи поклоненіе иконамъ, которое, спустя семь вѣковъ по Рождествѣ Христовомъ, послужило тамъ поводомъ къ жесточайшимъ религіознымъ распрямъ. Симо собою разумѣется, что такое искусство не могло подчиниться влиянію классическихъ формъ въ той степени, какъ западное, тѣмъ болѣе, что дѣятельность его оживилась и начала принимать обширныя размѣры только въ VI вѣкѣ при императорѣ Юстиніанѣ I, когда узы, соединявшія Византію съ Римомъ, уже были роторгнуты. вмѣстѣ съ христіанствомъ это искусство перешло на Малоазійскій востокъ и потомъ въ Россію, но въ началѣ среднихъ вѣковъ благотворное влияніе его нерѣдко ощущалось и на западѣ. Наконецъ, въ этомъ періодѣ древне-христіанскаго искусства нельзя оставить безъ вниманія и *новыхъ народовъ*, которые, при первоначальномъ водвореніи христіанства, сперва были повсюду отражены, но вскорѣ потомъ проложили себѣ оружіемъ путь въ предѣлы западной Римской имперіи. Побѣдители не могли оставаться равнодушными къ гражданственности, которой благотворное влияніе они видѣли въ завоеванныхъ ими странахъ. Христіанство перешло къ намъ, кажется, изъ Византіи еще во время набѣговъ и кочеваній ихъ съ мѣста на мѣсто; потомъ Римъ занялся

дальнѣйшимъ ихъ воспитаніемъ: онъ далъ имъ учителей-монаховъ и распространилъ между ними практическія свѣдѣнія. Первые поощренія къ художественной дѣятельности вынесены ими также изъ Византіи и Рима; но эта дѣятельность еще не отличалась сознательною потребностью создать что-нибудь новое, самобытно-изящное. Не взирая на то, юный духъ народа безсознательно обнаруживалъ свое вліяніе на формы, перешедшія къ нему по преданію. Постройки Θεодорика въ Равеннѣ и Карла въ Ахенѣ имѣютъ уже нѣкоторую степень самостоятельности и занимаютъ почетное мѣсто на-ряду съ древнѣйшими сооруже-ніями, а въ ваяніи и живописи начинаютъ уже появляться формы, совершенно независимая отъ Греческаго и Римскаго искусства.—Формы, которыхъ корень таится въ собственномъ, еще языческомъ прошедшемъ Германскихъ народовъ. Впрочемъ, опредѣляя общій характеръ этого періода, нельзя не допустить, что вліяніе античнаго искусства было въ немъ еще весьма сильно. Онъ объемлетъ собою, считая круглымъ счетомъ, все первое тысячелѣтіе христіанства, до истеченія котораго новые народы не въ одномъ только искусствѣ, но и въ жизни вообще оставались учениками древняго Рима. 2) *Средневѣковое искусство.* Конецъ этого періода и начало новаго смѣло можно отнести къ X вѣку, не смотря на то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ мрачныхъ въ цѣлой всемірной исторіи и вполне заслуживаетъ присвоенное ему названіе *железнаго*. Искусство любитъ миръ, но оно не можетъ обойтись безъ брани. Одинъ взглядъ на древность убѣждаетъ насъ, что въ Египтѣ и Элладѣ періодъ высшаго процвѣтанія искусства слѣдовалъ непосредственно за войной. Всѣ новые стили тѣсно связаны съ подобнымъ пробужденіемъ народнаго самосознанія, посреди бурь, вырванныхъ войною. Такимъ возбуждающимъ дѣйствіемъ именно отличался десятый вѣкъ. Имперія Карла Великаго быстро распадалась, и изъ нея выдѣлялись три народа, создавшіе самостоятельныя государства: Нѣмцы, Французъ, Италіянцы. Это не могло совершиться безъ страшнаго кровопролитія, потому-что нужно было отыскать и установить границы языка и племенной связи, которыя въ общихъ, крупныхъ чертахъ сохранились съ-тѣхъ-поръ до нашего времени. Обуреваемая внутренними волненіями Европа, не успѣвъ еще сложиться въ сложный въ сильный организмъ, подверглась сверхъ-того нападеніямъ извнѣ. Съ сѣвера громили ее Норманны, съ юга—Сарацины. Приведенное въ отчаяніе христіан-

ство думало, что уже настали послѣднія времена: съ исходомъ перваго тысячелѣтїя ожидали свѣтопреставленїя, и дѣблы толпы народу отправлялись ко святымъ мѣстамъ, въ надеждѣ быть тамъ свидѣтелями втораго пришествїя. Но прошелъ роковой тысячный годъ, котораго ожидали съ такимъ трепетомъ, и свѣтъ остался на своемъ мѣстѣ. Человѣчество вздохнуло свободнѣе. По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, съ 1003 года во всѣхъ странахъ приступилъ къ большимъ церковнымъ постройкамъ. Возрожденіе искусства началось подъ разными вліяніями: мѣстами еще сохранились древне-христіанскіе образцы, Византія сблизилась съ западомъ посредствомъ женитьбы Оттона II на дочери Греческаго императора и еще болѣе посредствомъ крестовыхъ походовъ; въ Сициліи и Нормандїи отразилось вліяніе Мавританскаго искусства, процвѣтавшаго въ то время въ Испанїи. Но главной сокровищницей, обильнѣйшимъ ключемъ искусства явился самъ народный духъ: вліяніе Германскаго духа со смягчающимъ христіанствомъ произвело тѣ дивныя созданія среднихъ вѣковъ, которыя въ вѣныхъ частныхъ проявленїяхъ своихъ стоятъ даже выше пластической древности. Слѣдя общему направленію того времени, искусство находилось въ тѣсной связи съ церковью, и этотъ періодъ можно назвать какъ по содержанію, такъ и по формѣ, періодомъ *церковнаго искусства* съ подраздѣленіемъ его на двѣ половины, Романскую и Германскую. *Романское искусство*, начинаясь желѣзнымъ вѣкомъ, продолжается до исхода XII столѣтїя, а въ нѣкоторыхъ странахъ и далѣе, хотя уже и смѣшивается съ формами Германскаго стиля. Не подчиняясь сначала никакимъ правиламъ, слѣдя только внушенїямъ фантазіи и оставляя каждому художнику полную свободу, оно ограничивается украшеніемъ древне-христіанскаго стиля новыми орнаментами; потомъ постепенно проходитъ въ систему, въ стиль; подъ конецъ процвѣтанїя обнаруживаетъ наклонности къ чисто-классическимъ спокойнымъ формамъ и затѣмъ разрѣшается стремленіемъ къ самодовольству свѣтской красоты. Но тогда человѣчество еще не хотѣло такого міра: великія созданія среднихъ вѣковъ, подъ сѣнью которыхъ возрасло и Романское искусство, распались сами собой; папство, императорство, рыцарство и его свѣтская поэзія, веселая, преданная наслажденїямъ и тонко образованная монастырская жизнь, все это оказалось неудовлетворительнымъ: новыя силы рвались наружу, гражданство и нищенскіе ордены получали все болѣе и болѣе значенїя, въ схоластикѣ и

мистикѣ обнаружилось болѣе глубины мысли, противъ извращенія религіи въ одну внѣшнюю обрядность возникала сильнѣйшая борьба. Тогда новый стиль искусства началъ почерпать свои формы почти исключительно изъ глубины Германскаго духа. Всеобщее броженіе того времени замѣчается и въ *Германскомъ искусствѣ*. Всѣ созданія его проникнуты скорбнымъ, чувствомъ тоски по безконечномъ и пыломъ неземной любви, которой душно и тѣсно въ вещественной оболочкѣ. Всѣ произведенія архитектуры стремятся къ небу, какъ-бы отрѣшаясь отъ земли; въ прочихъ пластическихъ искусствахъ выраженіе характера и душевной жизни выступаетъ съ такою силою, что самыя формы приносятся ему въ жертву и сильно нарушается линія естественной красоты. Религіозный элементъ становится еще сильнѣе и исключительнѣе, чѣмъ въ Романскомъ стилѣ; одна художественность не въ-состояніи выразить его своими средствами, и потому прибѣгаетъ къ помощи самой вычурной символики. Міряне вообще обращаютъ всѣ свои религіозныя стремленія на искусство и дѣлаютъ его орудіемъ высшаго благоговѣнія къ церкви, которая наполняетъ собою всю ихъ жизнь; художники, забывая о своей личности, съ самоотверженіемъ посвящаютъ всѣ силы свои на работы, совершаемыя совокупными трудами цѣлыхъ массъ, и часто даже имя ихъ теряется въ толпѣ темныхъ тружениковъ. То было время, когда Францискъ д'Ассизи, со всѣмъ пламенемъ земной любви, отдался любви небесной; когда Катерина Сиенская съ осьмилѣтняго возраста посвятила себя Христу и дѣламъ Его; когда Дантъ уотребилъ всю силу еще полуварварской фантазіи на поэтическое просвѣтлѣніе схоластической системы, и когда Нѣмецкій императоръ захотѣлъ лучше умереть отъ яду, нежели подать поводъ къ соблазну относительно принятаго имъ св. причастія. Только такое время было въ-состояніи соорудить Кельнскій соборъ!—*Новѣйшее искусство*. Средніе вѣка отвращали свой взоръ отъ земли и устремляли его въ невѣдомую даль неземнаго міра; богословіе было господствующею наукою, а философія его рабомъ. Теперь все это измѣнилось: мысль человѣка стала обращаться къ дѣйствительному міру, и это направленіе ума повело къ великимъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, которыя, въ концѣ того вѣка, увѣнчались открытіемъ Америки. Естественныя науки сбросили съ себя оболочку таинственности, которая лежала на нихъ во все теченіе вѣковъ; чрезъ нихъ человѣкъ свыкъ и сдружился съ землею. Прежде жи-

ли въ области идей, теперь на первый планъ выступали вещи; новый духъ обратился къ реальному, практическому. На помощь этому направленію, какъ нельзя болѣе кстати, подошло возрожденіе языческаго міра въ Италіи, которое также принадлежитъ XV столѣтію. Разработка древне-классическихъ писателей, изученіе произведеній античнаго общества пробудили вкусъ къ изящной формѣ, которая дотогѣ приносилась въ жертву выраженію внутренняго душевнаго настроенія; и въ жизни матеріальная сторона человѣка также получила подобающее ей значеніе. На этомъ поворотѣ времени Италіянкамъ еще разъ удалось достигнуть высшаго совершенства въ образовательныхъ искусствахъ и создать на примѣрѣ дивныя произведенія Рафаэля, въ которыхъ прежняя церковная задушевность такъ очаровательно сочеталась съ возрожденнымъ вкусомъ къ изяществу формъ. Но время это было непродолжительно, и уже самъ Рафаэль, въ картинахъ, писанныхъ имъ не для папъ, перешелъ къ изящной наготѣ языческаго Олимпа, Микель-Анжело создалъ человѣчество, исполненное такой строптивой силы, что оно скорѣе походило на осаждающихъ небо гигантовъ, чѣмъ на христіанскихъ святыхъ. Къ этому перевороту въ искусствѣ скоро присоединился религіозной расколъ, положившій конецъ собственно-церковному искусству. Протестантская религія изгнала искусство изъ церкви; въ странахъ, принявшихъ эту религію, оно воспользовалось пробудившимся сочувствіемъ къ природѣ и обратилось къ ландшафтамъ, портретамъ и къ жанру въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, приготовляя себя такимъ образомъ къ позднѣйшей чисто-исторической живописи. Въ католическихъ земляхъ, конечно, еще продолжали писать безчисленное множество картинъ священнаго содержанія, но въ нихъ тоже не выражалось той внутренней теплоты, того простодушнаго благоговѣнія, какъ прежде; притомъ-же дѣятельность художниковъ не исключительно посвящалась этому направленію. Тотъ-же самый Корреджіо, который создалъ «Святую ночь», изобразилъ съ несравненно-большею силой въ своей «Ледѣ», въ «Ю» и въ «Данай» высочайшее упоеніе чувственнаго восторга. Нельзя не сознаться, что непосредственное вліяніе этого переворота было вредно для искусства. Ни одно простое подражаніе природѣ, которымъ отличались Нидерландцы, ни пылкая чувствительность Италіянецвъ, не могли замѣнить собою утраченнаго содержанія, силы и глубины церковной идеи. Всего болѣе унизилось искусство подъ рука-

ми Французовъ въ XVII столѣтіи, сдѣлавшись игрушкою роскоши и деспотизма. Оставалась еще одна хорошая сторона — умѣнье дѣйствовать массами: ложное, но все еще художественное стремленіе, въ которомъ живописное сочеталось съ архитектурой. И это исчезло къ концу столѣтія, когда архитектура впала наконецъ въ безотрадный казарменный стиль. На почвѣ новаго изученія истой древности разцвѣло *повышее современное намъ* искусство. Винкельманъ, вмѣсто Римскихъ образцовъ, указалъ на завѣщанные отъ Эллиновъ чистые идеалы красоты; Лесспингъ, отвергая Французскій вкусъ, требовалъ естественности; Гёте, который сперва старался возвратитъ прежнее значеніе Германской архитектурѣ и началъ театральными пьесами изъ Германской исторіи въ народномъ духѣ, обратился въ послѣднихъ драмахъ своихъ къ античному спокойствію и къ античной чистотѣ. Образовательныя искусства также отвергли позднѣйшіе Римскіе образцы; *Эллиское искусство* сдѣлалось всеобщимъ лозунгомъ. Но при этомъ выиграла только скульптура; стиль античной архитектуры остался навѣки чуждымъ для народа нашего времени, живопись впала въ холодность и не проникала въ дѣйствительную жизнь. Все это скоро почувствовалось, и еще на нашихъ глазахъ совершился переворотъ противъ античнаго направленія: *романтическая школа* обратилась къ среднимъ вѣкамъ и искала въ нихъ спасенія сперва для поэзіи и искусства, а потомъ и для самой жизни, какъ ищетъ ее и теперь. Но и ее постигла заслуженная доля: прихоть моды и вкуса, недолго останавливаясь на этомъ пристрастіи къ отжившему и изношенному и какъ-бы издѣваясь надъ нимъ, избрала для подражанія самое худшее изъ всего, что представляло ему прошедшее, а именно стиль возраженія и рококо. Конечно, истинные художники не дали сбить себя съ толку разными теоріями, и посреди всѣхъ этихъ дурачествъ пробудилось, особенно въ живописи, современное намъ здоровое стремленіе, сила котораго заключается въ сближеніи съ природою и съ народною жизнью и которое начинаетъ понимать вопіющую потребность времени — создать *историческое искусство*. Такимъ образомъ, въ короткій періодъ полу столѣтія, модное искусство доставило намъ странное удовольствіе еще разъ увидѣть, какъ-бы въ зеркалѣ, отраженіе всѣхъ отжившихъ формъ: античной, средневѣковой и принадлежавшей XVIII столѣтію. Теперь эта продѣлка, напоминающая собою раскъ бродячаго фокусника, кончена, потому-что обезьянамъ въ искус-

ствѣ уже нечему больше подражать. Мы находимся въ такомъ положеніи, что должны или вовсе отказаться отъ архитектуры, ваянія и живописи, или найти новый стиль, соотвѣтствующій духу нашей эпохи».

Въ Театральномъ и музыкальномъ вѣстникѣ явились слѣдующія статьи: *Нашъ Глинка Нѣмецкихъ фельетонистовъ*, А. Сѣрова (№ 19); *Новоизданныя музыкальныя сочиненія*, его-же (ibid.); *Раскаленіе Донъ-Жуана* (ibid. и № 20); *Замѣчательные композиторы-фортепیانисты*, А. Контскаго (№ 20); *Зигфридъ-Вильгельмъ Денъ*. Некрологъ (ibid.); *Портретъ Моцарта* (ibid.); *Драматическая музыка въ Польшѣ*, Альберта Совинсаго (№ 21 и 22); *Богемацъ на кладбищѣ отца Лашеза* (№ 22); *Первая любовь Бетховена* (№ 23); *Пѣвицы старыхъ временъ* (ibid.); *Лола-Монтесъ проповѣдница* (ibid.); *Нѣсколько словъ о Минскомъ театрѣ* (ibid.); *Красносельскій театръ*, Петра Шпилевскаго (№ 24); *Замѣчательныя пѣвицы* (№ 24 и 25, 31 и 32); *Бенвенуто Челлини* (№ 24, 25, 26 и 28, 29—33); *Загородные оркестры*, М. Раппапорта (№ 25); *Джонъ Фильдъ* (ibid.); *Театры въ Испаніи* (ibid.); *О неправильномъ преподаваніи пѣнія*, Стефана де ла-Маделенъ (26 и 27, 32 и 34); *Жизнь Гайдна* (26—29 и 31—34); *Письма изъ-за границы*, А. Сѣрова (27, 30, 32 и 34); *Блѣдный музыкантъ* (№ 20, 31 и 32); *Г-жа Нанталъ-Арно*, В. С. (№ 33); *Обязанность актеровъ* (ibid.); *Еще нѣсколько словъ о концертѣ, устроенномъ въ Дрезденѣ*, кн. Ю. П. Голицынымъ (№ 34); *Сонъ артистки*, А. Катенкампа (ibid.).

Сюда могутъ быть отнесены и слѣдующія статьи, напечатанныя въ Извѣстіяхъ археологическаго Общества (вып. 6): *Шитая пелена въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ*, К. Н. Тихонравова; *Китайская медаль за преклонность лѣтъ и пиришества старцевъ*, В. П. Васильева; *Медаль на освященіе собора св. Исаакія Далматскаго*.

XIII. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Въ Журналѣ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій помѣщены: *Уставъ общества Рижско-Динабургской желѣзной дороги* (кн. 3); *Кругобайкальская дорога*, Штукенберга (ibid.); *Способъ, употребляемый на Русскихъ телеграфическихкихъ станціяхъ, для опредѣленія мѣстъ прерыва тока помощью дифференціального прибора Сименса и Гальске* (ibid.); *О вліяніи*

воздуха на движеніе воды въ трубахъ, Дельвига (ibid.); Чугунныя основанія (ibid.); Остановка буреній въ Шасси (ibid.); Испытанія, произведенныя Фарбэрномъ надъ сопротивленіемъ пламенныхъ трубъ паровыхъ котловъ (ibid.); Таблица для опредѣленія вѣса отливаемыхъ чугунныхъ штукъ (ibid.); Отопленіе Курскаго собора (ibid.); О строительныхъ и горючихъ матеріалахъ Харьковской губерніи (ibid.); Сльднія: о судоходствѣ по Невѣ съ 1 іюня по 1 октября 1858 года (ibid. и кн. 4); о движеніи по Николаевской желѣзной дорогѣ за май, іюнь, іюль и августъ 1858 г. (ibid.); о движеніи денегъ по телеграфнымъ линіямъ въ Россіи въ 1857 году (ibid.); Уставъ Общества Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства (ibid.); Положеніе о Красносельской вѣтви Петергофской желѣзной дороги (ibid.); Критическій обзоръ проектовъ предохраненія С. Петербурга отъ наводненія, Кирсанова (ibid.); Обь улучшеніяхъ Вышневолоцкой системы, Андреева (ibid.); Устройство водопровода въ Саратовѣ (ibid.); Подводный тоннель между Англією и Францією (ibid.); Выясненіе мосты въ Китаѣ (ibid.); Длина телеграфныхъ линій, устроенныхъ и строяемыхъ (ibid.); Извлеченіе изъ отчета Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1857 годъ (ibid.).

Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ къ математическимъ наукамъ относятся слѣдующія статьи: *Механика Ползуновъ*, С. Алейскаго (Вѣст. промшен. № 1); *Джоржъ Стефенсонъ* (ibid. № 2); *Жаккардъ, изобрѣтатель ткацкаго станка* (Общез. вѣстн. № 9); *Установленіе на земномъ шарѣ повсемѣстнаго сообщенія посредствомъ телеграфовъ* (Сѣв. пч. № 186); *Телеграфныя линіи въ Россіи*, М. Волкова (Одес. вѣстн. № 72).

— «Критическій обзоръ проектовъ для предохраненія С. Петербурга отъ наводненія». — Авторъ этой замѣчательной статьи, разобравъ критически предположенія для предохраненія нашей сѣверной столицы отъ наводненія, пришелъ къ слѣдующему выводу: «С. Петербургскія наводненія происходятъ отъ бурь съ моря и весьма сходны съ приливами, которые при совокупномъ дѣйствіи вѣтровъ часто угрожаютъ смыть Голландію съ поверхности земнаго шара. Не смотря на это, Голландцы никогда не думали перепружать своихъ рѣкъ и морей. Петръ I зналъ хорошо Голландію и, безъ сомнѣнія, изучилъ мѣсто, избранное имъ для сооруженія С. Петербурга; поэтому онъ не затруднялся и не могъ затрудняться при мысли о наводненіи, а напротивъ-того думалъ только какъ-бы выдвинуть далѣе въ море свою новую столицу и

прорѣзать ее болѣшимъ числомъ каналовъ. Здѣсь представляется вопросъ: почему, составляя проекты предохраненія С. Петербурга отъ наводненія, не хотѣли обратиться къ опытамъ Голландін, а задавали себѣ задачу трудяѣе, чѣмъ поставила ее природа?»

XIV. ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Въ Военномъ сборникѣ напечатаны слѣдующія статьи: *Взглядъ на состояніе Русскихъ войскъ въ минувшую войну*, А. (№ 1); *О вооруженной силѣ и ея устройствѣ*, Н. Н. Обручева (ibid.); *Дѣйствія отрядовъ, посланныхъ въ началѣ 1849 г. на помощь городамъ Германштадту и Кропштадту*, А. А. Непокойчицкаго (ibid.); *Голосъ изъ арміи*, Н. Θ. Т. (ibid.); *Нѣсколько словъ о стрѣльной пѣхотѣ* (ibid.); *Мысли по поводу преобразованій въ артиллеріи*, З. С. (ibid.); *Замѣтки командира стрѣльковой роты*, Д. С. (ibid.); *Взглядъ на степень образованія Русскихъ офицеровъ въ арміи*, Л. К. (ibid.); *Щотановъ; Изъ воспоминаній казака-артиллериста*, С. Н. Ѳедорова (ibid.); *Отставное счастье*, А. Ѳ. Погоскаго (ibid.); *О строевыхъ проѣздкахъ, произведенныхъ послѣдней зимой въ полкахъ гвардейской кавалеріи* (ibid.); *Военное обозрѣніе*, В. М. Аничкова и X. Окерблома (ibid. и № 2 и 3); *Обозрѣніе Русскихъ военныхъ журналовъ* (ibid.); *Слѣдуетъ-ли называть укрѣпленіе, находящееся въ центрѣ Бородинской позиціи, батареею Раевского?* Богдановича (№ 1); *О способѣ комплектованія резервныхъ эскадроновъ лошадьми*, гр. Рж—аго (ibid.); *Мысли о тактикѣ Европейской пѣхоты*, генерала Ренара, З. С. (№ 2); *О пользѣ обученія грамотѣ всей массы Русскихъ войскъ*, М. (ibid.); *Снаряженіе кавалеріи*, П. С.; *Ружейная охота, въ примѣненіи къ военному дѣлу и военной жизни*, Е. Меньшова (ibid.); *О нарѣзаніи ручномъ оружіи* (извлеченіе изъ сочиненія Маяжо), К. Ляшина (ibid.); *Военная статистика и солдатскій бытъ*, Н. П. Глиноецкаго (ibid.); *Низовые и верховые Донскіе казаки*, И. Краснова (ibid.); *Человѣкъ съ честными намѣреніями*, А. И. Слесарева (ibid. и № 3); *Изнашка Крымской войны*, Н. Н. Обручева (№ 2); *Нѣсколько словъ по поводу статьи: «Осада Севастополя» въ 1854 и 1855 годахъ, напечатанной въ 12 томѣ «Военнаго энциклопедическаго лексикона»* (ibid.); *Замѣтки о современномъ состояніи нашей кавалеріи* (посвящ. А. А. Непокойчицкому), М. Золотарева (№ 3); *Нѣсколько словъ противъ «Новыхъ подробностей о раженіи при Альмѣ»*, изложенныхъ генераломъ Кирильковымъ въ

№ 136 «Русскаго инвалида», В Вунша (ibid.); Французская конскрипція, В. Я. (ibid.); Обь учрежденіи кавалерійскаго училища въ Елисаветградѣ, для офицеровъ войскъ, состоящихъ въ вѣдѣніи командира отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, Н. Золотарева (ibid.); Очерки возмущенія Сипаевъ въ Остѣ-Инои, К. Львовича (ibid.); Обь устройствѣ школъ для распространенія грамотности въ войскахъ (ibid.); Система производства въ чины и замѣщенія должностей во Франціи, Н. Аничкова (ibid.).

Въ Инженерномъ журналѣ: Хронологическій перечень учрежденій и преобразованій въ военно-инженерномъ вѣдомствѣ въ Россіи съ 1659 по 1858 годъ (№ 2); О гидравлическомъ растворя, въ отношеніи употребленія его въ морской водѣ; изысканія Риво и Шатона, изъ доклада Французскаго военнаго министра маршала Вальяна, перев. В. Карловича (ibid.); О началахъ инженернаго искусства, проявляющихся у Кавказскихъ горскихъ народовъ, Д. Анучина (ibid.); Нѣсколько словъ объ оборонѣ Севастополя. Дѣло подъ Малаховымъ курганомъ 22 августа 1855 года, Э. Эвертца (ibid.); О военно-походныхъ электрическихъ телеграфлахъ, М. Михалкина (ibid. в № 3); Нѣсколько словъ о приложеніи теоріи и практики къ инженерному дѣлу, А. Коризно (№ 2); О введеніи искусственныхъ отчетовъ, А. Фролова (ibid.); Замѣчанія на статью Федорова 6-ю «О новѣйшихъ укрѣпленіяхъ», помѣщенную въ № 4 «Морскаго сборника» за 1858 года, А. Орды (ibid.); Описаніе практическаго моста, поставленнаго на р. Дильпрѣ, по повелѣнію Е. И. В. генералъ-инспектора по инженерной части, 24 іюня 1858 года понтонными ротами и командами отъ частей 2 саперной бригады (докладъ Шестакова) (№ 3); Обь опытахъ, произведенныхъ въ февраль 1858 г. надъ разрушеніемъ пороховыми взрывами льда въ устьѣ р. большой Невы, близъ Большаго Петровскаго моста, Сергѣева (ibid.); Новая система устройства каменныхъ приморскихъ батарей, М. Фролова (ibid.); О наводненіи, бывшемъ въ Рязь въ 1855 г.; работы, произведенныя по этому случаю и средства для предохраненія сего города отъ наводненій, А. Риттиха (ibid.); Практическія замѣтки о сырости въ строеніяхъ и о средствахъ къ отстраненію ея, С. Насѣдкина (ibid.); Теорія гальваническихъ батарей (ibid.); Нѣсколько практическихъ замѣтокъ о производствѣ топографической съемки, П. Черневскаго (ibid.); Нѣсколько замѣчаній о расположеніи полевыхъ укрѣпленій въ настоящее время (ibid.).

Въ Артиллерійскомъ журналѣ: *Перечень заспѣдаций артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета за январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и юнь 1858 года* (№ 2, 3 и 4); *Перечень заспѣдаций комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей за январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и юнь 1858 года* (ibid.); *Военныя извѣстія съ Кавказа* (ibid.); *Перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ*, Д. Анучина (№ 2); *Нѣсколько словъ о Японской артиллеріи и объ укрѣпленіяхъ Нагасакскаго порта*, Билюзена (ibid.); *О затрѣпочныхъ стержняхъ Сардинской артиллеріи*, Н. Маіевскаго (ibid.); *Еще нѣсколько замѣчаній о несвоевременномъ разрывѣ картечныхъ гранатъ*, Н. Михайловскаго 2 (ibid.); *Описаніе атаки Русскихъ войскъ на Кадыкойскія высоты, 13 октября 1854 года*, Н. Ушакова (ibid.); *Объ опытахъ, производимыхъ въ Венсеннѣ надъ пулями къ нарѣзнымъ ружьямъ*, В. (ibid.); *Вооруженіе и разоруженіе солдатъ и крѣпостныхъ батарей*, В. А. (№ 3); *Обязанность артиллерійскаго солдата*, Графа 2 (ibid.); *Объ образованіи на службѣ артиллерійскихъ офицеровъ*, А. Свистунова (№ 4); *О сопротивленіи стѣны орудія давленію паровыхъ газовъ при выстрѣлѣ*, А. Гидолина (ibid.); *Осада Нарвы въ 1700 году*, Ратча (ibid.); *Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи «Боевыя ракеты»*, Николая Веревкина (ibid.); *Калибры полевой артиллеріи*, Добровольскаго (ibid.).

— «Взглядъ на степень образованія Русскихъ офицеровъ въ арміи».—Эта статья составляетъ весьма замѣчательное произведеніе нашей военной литературы: она составлена съ цѣлью указать существенные недостатки образованія нашихъ офицеровъ, ихъ причины и средства исправленія. «Если, говоритъ авторъ, не уступая ни одному изъ Европейскихъ солдатъ храбростью и врожденнымъ умомъ, многихъ превосходитъ солдатъ нашъ переимчивостью и находчивостью, умѣнемъ скоро примѣняться ко всему, то не можемъ не сознаться, что другая, главная по своему значенію часть нашей арміи — офицеры, не уступая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иностраннымъ, должны многому научиться и многое заимствовать отъ арій западныхъ, особенно въ отношеніи военнаго образованія. Дѣйствительно, у насъ въ арміи весьма рѣдко удастся встрѣтить офицера, который могъ-бы выполнить какое-нибудь порученіе, требующее знакомства съ военными науками. Между-тѣмъ, въ военное время, въ этомъ встрѣчается надобность почти на каждомъ шагѣ и въ-особенности въ малыхъ отрядахъ, гдѣ специально-образованныхъ офицеровъ, по ихъ вообще небольшому числу въ арміи, встрѣ-

тить нельзя. И тутъ всего рѣзче выказывается наша слабая сторона, такъ-что всякое дѣло, выходящее изъ круга уставомъ опредѣленныхъ обязанностей, возлагается по-преимуществу на офицеровъ артиллерійскихъ. Положимъ, въ артиллеріи и должны быть болѣе свѣдущіе офицеры; но это нисколько не слагаетъ съ армейскаго офицера необходимости знанія. Быть можетъ, возражая намъ, что у насъ въ арміи много свѣдущихъ офицеровъ, въ доказательство укажутъ на выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, которые знаютъ и должны знать вполнѣ свое дѣло. Съ перваго взгляда, подобное замѣчаніе кажется вѣрнымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, у насъ въ Россіи, не считая специальныхъ заведеній, устроены 21 кадетскій корпусъ; въ нихъ положено воспитывать 7,088 чело-вѣкъ: какой, кажется, огромный резервуаръ для снабженія войскъ хорошо-приготовленными офицерами! Но въ томъ-то и дѣло, что въ-отношеніи войскъ армейскихъ это только кажется, въ сущности-же оно не такъ. Во-1-хъ, армія наша такъ велика, что снабженіе ея офицерами изъ кадетскихъ корпусовъ мало уменьшаетъ необходимость производства офицеровъ изъ лицъ, воспитывавшихся внѣ корпуса; во-2-хъ, гвардія и артиллерія поглощаютъ большую часть массы выпускаемыхъ изъ корпусовъ, и на долю арміи собственно достается весьма небольшое число ихъ, и притомъ, на основаніи существующихъ положеній, не изъ лучшихъ корпусныхъ учениковъ. Въ подтвержденіе сказаннаго авторъ приводитъ цифры, которыя удалось собрать ему объ одной пѣхотной дивизіи, и вполнѣ ручаясь и прибавляя еще, что дивизія эта постепенно находилась, относительно снабженія ея офицерами, въ такомъ-же положеніи, какъ и многія другія въ Русской арміи. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что: 1) кончившихъ кадетское образованіе офицеровъ только одна-восьмая часть общаго числа; 2) производимыхъ изъ нижнихъ чиновъ менѣе одной девятой части; 3) главную массу офицеровъ, болѣе трехъ-четвертыхъ частей общаго числа, составляютъ бывшіе подпрапорщики и унтеръ офицеры изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся трехъ разрядовъ». Этою статьею мы ограничимъ обзорѣніе военныхъ наукъ, сожалѣя, что предѣлы нашего обзорѣнія не позволяютъ намъ познакомиться нашихъ читателей и съ другими статьями Военнаго сборника: почти всѣ онѣ исполнены живаго современнаго интереса. Военный журналъ, а равно и другія періодическія изданія по военнымъ наукамъ, большею частію наполнялись и напол-

няются переводами изъ иностранныхъ изданій, тогда-какъ наибольшая часть статей въ Военномъ сборникѣ оригинальныя и притомъ отличающіяся прекраснымъ направлениемъ, которое имѣетъ благородную цѣль — раскрывая недостатки нашего военного образованія, администраціи и быта нашихъ воиновъ, указывать дѣйствительныя мѣры къ преобразованіямъ по этой части, соотвѣтственно требованіямъ вѣка и науки.

Въ Военномъ журналѣ помѣщены: *Вѣсти изъ арміи* (№ 93, 110, 175); *Не безполезныя поясненія* (№ 100); *Пять нынѣшнихъ маршаловъ Франціи* (№ 102 и 151); *Записки принца Евгени* (ibid.); *Русское управленіе въ Карскомъ пашалыкѣ въ 1856 году*. Изъ походныхъ записокъ Помандруйко (№ 105, 148, 149, 166 и 167); *Венгерская компанія 1849 года* (№ 106); *Вторичное посѣщеніе лагеря союзниковъ и поѣздка по южному берегу Крыма* (№ 116); *О военныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи* (№ 118 и 119); *Нѣсколько словъ о драгунахъ* (№ 120); *Замѣтки артиллериста* (№ 121); *Записки о дѣйствіяхъ Есепаторійскаго отряда въ Крыму въ 1854, 1855 и 1856 годахъ*, Голенковскаго (№ 137 — 144 и 146); *Мысли о кавалеріи бывшаго начальника армейской кавалерійской дивизіи, графа Ржевусскаго* (№ 147); *Отвѣтъ на статью, помѣщенную въ 110 № «Русскаго инвалида»* (№ 152); *Нѣсколько замѣтокъ по поводу брошюры генерала Жомины: «О построеніи войскъ для боя»* (№ 153, 154, 155 и 158); *Забалканцы на Малаховомъ курганѣ въ ночь съ 5 на 6 іюня* (№ 156); *Нѣсколько словъ о нашей кавалеріи* (ibid.); *Случай изъ Крымской кампаніи* (ibid.); *Корпусъ береговой стражи въ Анліи* (№ 170); *Матеріалы для исторіи обороны Севастополя* (№ 174).

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній: *Черты изъ жизни Александра Васильевича Суворова* (№ 525 и 526); *Генералъ-отъ-кавалеріи Максимъ Григорьевичъ Власовъ* (№ 525); *Первая война съ Наполеономъ* (№ 526, 527 и 528); *Экспедиція въ Большой Чечень зимою съ 1856 по 1857 годъ* (№ 529); *Русское войско до Петра I* (№ 530).

Въ Чтеніи дѣя согдаты: *Начало Русскаго флота и первая побѣда Петра I* (кн. 3); *О ручномъ и огнестрѣльномъ оружіи, употребляемомъ въ Русской арміи* (ibid. и кн. 4).

Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ къ военнымъ наукамъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Военно-походный бытъ въ Крыму*, Гемелла (Атен. № 15 и 16); *Походныя письма ополченца*

изъ южной Бессарабіи 1855 — 1856 г., А. В. Рачинскаго (Русск. бес. № 2); *Слѣдуетъ-ли называть укрѣпленіе, находящееся въ центрѣ Бородинской позиціи, батареею Раевскаго* (Сѣв. пч. № 138); *О военно-Грузинской дорогѣ* (Кавк. № 65).

XV. НАУКИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ МОРЕПЛАВАНІЮ.

Въ Морскомъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Случаи и замѣтки на винтовой шкунѣ «Востокъ»*, В. Р—ка (№ 5); *Карты Мори*, Н. Тресковскаго (ibid. № 6); *Новѣйшія усовершенствованія въ мореплаваніи*, А. Горковенко (№ 5); *Объ измѣненіяхъ девіаціи судовыхъ компасовъ, происходящихъ отъ перемѣны географическаго положенія*, перев. Н. Тресковскаго (ibid. № 5); *Замѣтки о Лоріанѣ и Брестѣ*, Фонъ-Шанда (ibid.); *О выдѣлкѣ рангоута въ Соединенныхъ Штатахъ*, Можайскаго (ibid.); *Описание разборныхъ марсовъ и эзельюфтовъ, проектируемыхъ управляющимъ мачтовымъ мастерствомъ въ Архангельскѣ Петровымъ* (№ 5); *Матеріалы для исторіи Русскаго морскаго законодательства*, С. Елагина (ibid. № 5); *Воспоминаніе о лейтенантѣ В. К. Кошкульѣ*, бар. Унгернъ Штернберга и М. Рейнеке (ibid. № 5); *Значеніе Поляковъ въ исторіи мореплаванія*, Евгенія Карновича (№ 6); *Плаваніе изъ Монтевидео въ Вальпарайзо Магеллановымъ проливомъ*, Дрешера (ibid. № 6); *Вспомогательный способъ для рѣшенія баллистическихъ задачъ*, Месселиуса (ibid. № 6); *Орудія большаго калибра* (статья офицера Американскаго флота), Шестакова (ibid. № 6); *Проектъ вентиляціи фрегата «Генералъ-адмиралъ»*, С. Шварца (ibid. № 6); *О проектѣ морскаго уголовнаго устава Франціи*, (ibid. № 6); *Мнѣніе о порядкѣ судовой отчетности*, Римскаго-Корсакова (ibid. № 6); *Извлеченіе изъ писемъ съ Амурскаго отряда*, Д. В. (ibid. № 6); *Изъ путевыхъ записокъ*, Б. Яновскаго (№ 7); *О способахъ заготовленія продовольственныхъ продуктовъ*, М. Николаева (ibid.); *Объ испытаніи качествъ каменнаго угля въ назначенномъ для того пробномъ паровомъ котлѣ* (ibid.); *О постройкѣ желѣзно-деревянныхъ судовъ въ Бардо по системѣ Армана*, М. Верещагина (ibid.); *Способы проложенія большаго круга на Меркаторской картѣ*, П. Коргуева и Н. Зеленаго (№ 8); *Замѣчанія о Рошфорскомъ адмиралтействѣ*, фонъ-Шанда (ibid.); *Изслѣдованіе рѣкъ Куры и Алазани въ 1857 году* (ibid.); *Замѣчанія Джона Кокрена Госизона о восточной воjnѣ*, Н. С. (ibid.);

Свѣдѣнія о плаваніи парохода «Америка въ восточномъ океанѣ» (ibid.). Въ приложеніи къ этому журналу: *Лоцманскія замѣтки* (№ 5—8); *Гидрографическія замѣтки* (№ 5, 6 и 7); *О приливахъ и отливахъ*, перев. Швшкова. (№ 5); *Атмосферическія явленія*, Каргуева (№ 5 и 6); *Объявленіе о новыхъ правилахъ для употребленія огней и туманныхъ сигналовъ на военныхъ и купеческихъ судахъ, во избѣжаніе столкновеній* (№ 8). Изъ 57 статей, помѣщенныхъ въ Смѣси этого журнала, наиболѣе замѣчательны слѣдующія: *Преобразование Французскаго адмиралтействъ-совета*, перев. К. Висковатова (№ 5); *Бюджетъ Англійскаго флота* (ibid.); *Морской и колоніальный бюджетъ Франціи* (№ 6); *Недостатки Англійскаго флота* (ibid.); *Опыты надъ судномъ съ однимъ и двумя винтами и новое гребное колесо* (№ 8).

— «Бюджетъ Англійскаго флота». — «Бюджетъ этотъ на 1858—1859 г. простирается на сумму 8,821,371 ф. ст. (бюджетъ прошлаго года 8 207,526 ф. ст.). Первоначально предлагалось отпустить на флотъ 9,140,127 ф. ст. Изъ смѣты, утвержденной парламентомъ, 7,076,181 ф. ст. назначается собственно на флотъ, 1,334,690 на различныя административныя и другія учрежденія, и 410,500 на транспортировку войскъ и военныхъ матеріаловъ. Сумма, ассигнованная нынѣ на поддержаніе морскихъ силъ націи, при правильномъ употребленіи, окажется достаточною даже и въ случаѣ тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти отъ волненія умовъ, встревоженныхъ политическими событіями на материкѣ. Многие члены парламента и въ главѣ ихъ Дж. нъ Россель намѣрены обратиться общее вниманіе на различныя недостатки оборонительныхъ средствъ Великобританіи, и будутъ требовать или увеличенія бюджета, или болѣе полезнаго употребленія суммъ, утвержденныхъ нынѣ. Парламентъ охотно приметъ всякое предложеніе относительно улучшенія защиты трехъ соединенныхъ королевствъ и развѣ только самая незначительная партія осмѣлится возставать противъ мѣръ, обезпечивающихъ безопасность береговъ, гаваней и адмиралтействъ Великобританіи. Мы, говоритъ Times, думаетъ, что Англійскій народъ рѣшился не возвращаться къ своему беззащитному положенію, что онъ счужетъ отказаться отъ многого, лишь-бы только имѣть армию и флотъ, готовые на всякій непредвидѣнный случай. Еслибы Британскіе острова находились среди Атлантическаго океана или еслибы каждое изъ континентальныхъ государствъ Европы, послѣ судорожныхъ усилій воз-

становить порядокъ, оперлось на правительство очевидно твердое и продолжительное, тогда мы могли-бы слѣдовать примѣру соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, или нашихъ собственныхъ колоній, и не имѣть войска, артиллеріи, паровыхъ мичелинскихъ кораблей и канонирскихъ лодокъ. Но условія нашей политической жизни зависятъ отъ событій на материкѣ Европы, и мы не въ силахъ измѣнить хода обстоятельствъ. Мы можемъ экономничать въ нашихъ домашнихъ расходахъ и личныхъ удовольствіяхъ, а не въ томъ, отъ чего зависитъ наша честь, собственность и жизнь. Но при всемъ томъ мы не должны обращать вниманія на тревожныя вопли алармистовъ. Будить-же націю нѣтъ надобности, потому-что она не спитъ».

— «Недостатки Англійскаго флота». — Эта статья есть переводъ письма къ издателю «Morning-Post»; въ письмѣ этомъ авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на существующій въ Англіи недостатокъ *снабженія флота людьми*. «Никогда флотъ нашъ, говоритъ онъ, не падалъ такъ низко въ глазахъ моряковъ, какъ въ настоящее время. Мы буквально не можемъ снабдить людьми ни одного корабля, хотя для командованія ими избираются достойные офицеры. Относительно лучшаго способа постройки военныхъ судовъ, годныхъ къ морскому сраженію, мнѣнія также весьма различны. Одни держатся большихъ кораблей, другіе малыхъ, а нѣкоторые стоятъ за совершенно новое начало въ корабельной архитектурѣ и строго требуютъ, чтобы суда были сдѣланы изъ толстыхъ желѣзныхъ плитъ съ остроконечнымъ носомъ, для удара имъ при нападеніи, подобно древнимъ Римскимъ галерамъ. Къ какому-бы выводу въ постройкѣ ни прошло нынѣшнее правительство, ясно, что самый важный изъ всѣхъ предметовъ, столь долго бывшій въ пренебреженіи у прежняго министерства, долженъ неизбѣжно обратить на себя вниманіе правительства, а именно — *снабжение флота людьми*. Не странно-ли покажется, что величайшая морская держава въ свѣтъ такъ долго медлила законодательствомъ по этому важнѣйшему вопросу? Каждый министръ довольствовался отсрочкою рѣшенія этого вопроса, страхась вмѣшательства оппозиціи, и чрезъ то потери своего мѣста. Стыдъ министру, стыдъ парламенту, стыдъ народу, которые допустили такое состояніе вещей. Лучшіе интересы націи были безопасно пренебрежны, и единственная охрана нашей самобытности предана непростительному равнодушію. Если флотъ Велико-

британни нуженъ не только для ея благоденствія, но и для самаго существованія, то какимъ образомъ унижительное стѣсненіе настоящей минуты никогда не представлялось ея прежнимъ правителямъ? Правая рука Англійскаго могущества есть флотъ. Безъ него что-бы мы сдѣлали на вѣсахъ народовъ? Намъ невозможно было-бы удержаться безъ морской защиты. Наши деревянные стѣны сдѣлали нашу страну тѣмъ, чѣмъ она есть, и возвысили ее на ту высшую степень, съ которой она можетъ упасть только отъ собственнаго безумія и безразсудства. Смѣшно полагаться на другія средства, кромѣ представляемыхъ ея флотомъ во время опасности. Пусть купеческій флотъ будетъ пособіемъ, завербуйте съ него, если угодно, всѣхъ матросовъ на немъ находящихся, но полагайтесь на свои собственные средства и своихъ офицеровъ; приготовьте своихъ матросовъ, изъ мальчиковъ нарочно воспитанныхъ на службѣ, и довѣрьтесь усердію и способности тѣхъ, которые будутъ служить вамъ хорошо, чтобы сдѣлать изъ этихъ мальчиковъ силу и гордость страны. Но вы должны платить имъ хорошо, обходиться съ ними хорошо, кормить и одѣвать ихъ хорошо и выдавать имъ пенсію исправно, а главное *содержать ихъ*, когда приготовили, и заботиться о ихъ благосостояніи во всякомъ чинѣ ихъ службы. Въ десять лѣтъ вы будете имѣть такой флотъ, какого народъ нашъ, *мудрый на капейку и глупый на рубль*, вовсе не выдывалъ. Во всякомъ отношеніи это будетъ сбереженіе для васъ и запасы, корабли и люди сольются въ одно стройное цѣлое. Правительство будетъ имѣть хорошихъ слугъ, потому-что интересы ихъ будутъ общіе».

XVI. ГОРНЫЯ НАУКИ.

Въ Горномъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Замѣчанія о качествѣ металла чугунныхъ орудій въ Бельгій и о приготовленіи потребнаго для отливки ихъ доменнаго чугуна*, Данковскаго (№ 5 и 6); *Положеніе о чернорабочихъ при Саксонскихъ коронныхъ горныхъ работахъ, преимущественно Фрейбергскаго горнаго округа К. Лангфельда*, пер. съ Нѣмецкаго (№ 5); *Законоположеніе о горныхъ общинахъ въ Пруссіи, изданное 10/22 апрѣля 1854 г.*, пер. съ Нѣмецкаго (ibid.); *Разложеніе стали Круппа*, Лисенко (ibid.); *Новый способъ обработки мѣдныхъ рудъ Бекки и Гаупта*, Птижана (ibid.); *О новомъ способѣ приготовленія въ кристалличес-*

скомъ видѣ нѣкоторыхъ минераловъ, Сентъ-Клеръ-Девилля и Карона (ibid.); Способъ приготовленія огнепостояннаго кирпича въ королевской литейной въ Литвихъ, Грасгофа I-го (ibid.); Большія глыбы самородной мѣди изъ Киризской степи (ibid.); Горная производительность Пруссіи въ 1856 году (ibid.); Таблица для опредѣленія вѣса отливаемыхъ вещей, Катмарша (ibid.); Самородное золото въ апатитѣ, А. Беккера (ibid.); Возгонъ куннинта (хлористаго свинца) изъ лавы Везувія, Сентъ-Клеръ-Девилля (ibid.); Опыты надъ опредѣленіемъ температуры, при которой минеральныя горючія вещества теряютъ летучія вещества, въ нихъ заключающіяся, Жакелена (ibid.); Дѣйствіе бензина и щелочей на различныя горючія вещества, его-же (ibid.); О приготовленіи искусственнаго гидрофана, Ланглуа (ibid.); О строеніи и движеніи глетчеровъ, Тундалля (ibid.); Гранаты въ одной породѣ съ белемнитами, Шеерера (ibid.); Способъ осажденія металлическаго серебра, изъ мѣдь содержащихъ или чистыхъ серебряныхъ растворовъ, Гирцеля (ibid.); Окись кремніа въ остаткѣ отъ растворенія чугуна, Велера (ibid.); Способъ Роберта Мошета дробить чугунъ, (ibid.); Превращеніе дерева въ антрацитъ, Добре (ibid.); Цементъ изъ гипса и буры, А. Франси (ibid.); Новыя наблюденія надъ возстановленіемъ марганца, К. Бруннера (ibid.); Дѣйствіе электрическаго тока на хлоръ, бромъ и соды въ-присутствіи воды, А. Риша (ibid.); Приготовленіе окиси урана, Л. Кесслера (ibid.); Кристаллы цинковой окиси (ibid.); Добыча сѣрнаго колчедана для приготовленія сѣрной кислоты, въ графствѣ Виклоу, въ Ирландіи, А. Гураьта (ibid.); Улучшеніе въ полученіи цинка, Е. Ньютона (ibid.); О возможности встрѣтить настоящую каменноугольную формацію и каменный уголь, на восточной окраинѣ горноизвестковаго бассейна средней Россіи, надъ пермскою почвою, Хр. Пандера (№ 6); О марганцовыхъ рудахъ въ Закавказскомъ краѣ, академика Абиха (ibid.); Выдѣлка пудлинговой стали на Прусскомъ заводѣ Лозъ, близъ Эгена, перев. Мевіуса I (ibid.); О каменномъ углѣ и его коксованіи г. Печонка, перев. его-же (ibid.); Ауэрбахитъ и трихальцитъ, новыя Русскіе минералы, Р. Германна (ibid.); Испытаніе стали, выдѣлываемой на Воткинскомъ и Златоустовскомъ заводѣ, Ак. Купфера (ibid.); О метаморфизмѣ породъ полевошпатовыхъ, известковыхъ, кварцевыхъ и глинистыхъ, въ прикосновеніи съ породами трапповыми, Делесса (ibid.); О приготовленіи стали, К. Бинкса (ibid.); Вентиляторъ, Фобри (ibid.); Окаменѣлый лѣсъ у Радовенца, близъ Аденбаха, въ Богеміи,

Гепперта (ibid.); Прорытіе новыхъ артезіискихъ колодезь въ долину Уедъ-Руръ, въ Алжиріи (ibid.); Золото въ известнякѣ (ibid.); Рудники южной Австраліи (ibid.), Быстрое развитіе известковыхъ полиповъ (ibid.); Обь опредѣленіи синильной кислоты, Бинье (ibid.); Сурьмянистый купферниккель, новый кристаллическій продуктъ свинцовосеребряной плавки. Ф. Зандербергера (ibid.); О температурѣ нѣкоторыхъ глубокихъ рудниковъ Корнваллиса, Р. Фокса (ibid.); Очищеніе олова, Ю. Филиппа (ibid.); Способъ, предлагаемый Жераромъ для полученія алюминія (ibid.); Коксъ изъ жирнаго угля и антрацита (ibid.); Способъ уничтожить накипи въ паровыхъ котлахъ (ibid.); Замѣчанія о рудникѣ Рио-Тинто въ Испаніи, Ав. Брейтгаупта (ibid.); Торговля каменнымъ углемъ въ Англіи (ibid.); Каменный уголь въ Голландіи (ibid.); Никкелевыя руды въ Америкѣ (ibid.); Вазстановленіе марганца изъ рудъ, (ibid.); Заведеніе Крупна (ibid.); Мякій металлическій составъ для замазки, Прегейна (ibid.); Особенности триасовой почвы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великобританіи, Герквесса (ibid.); Открытіе присутствія фосфорной кислоты и опредѣленіе ея, Демура и Сенъ-Клеръ-Девилля (ibid.); Отдѣленіе серебра помощью цинка (ibid.); Химическое изслѣдованіе древнихъ мѣдныхъ монетъ, Ар. Филиппа (ibid.); Золотыя росы въ провинціи Фернамбуко, въ Бразиліи (ibid.); Древесный уголь въ золотыхъ росыяхъ Австраліи, Б. Беккера (ibid.); О раствореніи бѣлой свинцовой руды и осажденіи ея въ настоящее время, Фонъ-Дехена (ibid.); Большой цилиндръ изъ литой стали (ibid.); Горная промышленность въ Алжиріи (ibid.); Освященіе рудниковъ газомъ, А. Врайта (ibid.); Газовыя рожки изъ стеатита (ibid.); Матеріалы для минералогіи Россіи, Кокшарова (ibid.); Отчетъ объ осмотрѣ каменноугольныхъ мѣсторожденій въ дачахъ и. Всеволожскаго, Лазаревыхъ, кн. Голицыныхъ и гр. Строганова, Тимофѣева (ibid.); Отчетъ о занятіяхъ Уральской химической лабораторіи въ теченіе 18⁵⁶/₆₁ годовъ, Данилова (ibid.); Приготовленіе сырьцовой стали въ Златоустовскомъ заводѣ, Севастьянова (ibid.); Обработка убогихъ мѣдныхъ рудъ на заводѣ Штеркенютте, на Рейль, А. Лейтнера (ibid.); Новый способъ приготовленія кокса и уничтоженія дѣйствія вредныхъ веществъ, заключающихся въ ископаемыхъ горючихъ матеріалахъ, при металлургическихъ операціяхъ, Блейбтрена (ibid.); Способъ, предлагаемый Р. Мошетомъ для приготовленія литой стали (ibid.); Обь изоморфизмѣ фторокремнекислыхъ и фтороловяннокислыхъ соединеній и объ атомическомъ

вѣсь кремнія, К. Мариньяка (ibid.); *Образованіе наштаыря въ лавлахъ*, А. Раньери (ibid.); *Объ улетучиваніи золота въ различныхъ обстоятельствахъ*, Ж. Непира (ibid.); *Соединеніе ванадія съ азотомъ*, Урлауба (ibid.); *Змѣвикъ изъ Франкенштейна, обладающій магнитной силой* (ibid.); *Магнетизмъ минераловъ и горныхъ породъ*, Таше (ibid.); *Восхожденіе на гору Шимборазо*, Жюля Реми и Бринглей (ibid.); *Блеклая мѣдная руда въ антрацитъ* (ibid.); *Способъ взвѣшивать самыя малыя количества различныхъ веществъ при химическихъ анализахъ*, Альфреда Мейера (ibid.); *Волканы Мексики* (ibid.); *Минеральный уголь въ Швейцаріи*, И. Дейке (ibid.); *Способъ извлеченія золота изъ рудъ*, Э. Примарда (ibid.); *О дозволениіи г. Повосельскому добычи соли въ Кульницкомъ и Хаджибейскомъ лиманахъ, близъ Одессы, и нѣсколько словъ о лиманахъ южной Россіи* (ibid.). Сверхъ-того въ приложеніи къ Горному журналу помѣщено продолженіе изданія: *Геоностическое описаніе южной части Уральскаго хребта, изслѣдованной въ-теченіе 1854 и 1855 годовъ*, Меглицкаго и Антипова 2-го (№ 5—7).

— «Окаменѣлый лѣсъ у Радовенца, близъ Аденабахъ, въ Богеміи». — «Этотъ осадокъ окаменѣлыхъ деревьевъ, принадлежащій къ каменноугольной формациі, самый обширный и замѣчательный изъ всѣхъ, открытыхъ въ Европѣ, и въ то-же время въ цѣломъ свѣтѣ. Поверхность почвы, имъ занимаемой, большею частію поросла лѣсомъ; стволы окаменѣлыхъ деревьевъ встрѣчаются близъ многочисленныхъ источниковъ, на опушкахъ лѣсовъ, на полевыхъ межахъ, кладбищахъ и тропинкахъ. Это любопытное мѣсторожденіе указалъ Гепперту въ первый разъ Бенуа Шроль, купецъ и фабрикантъ изъ Браунау. Количество окаменѣлыхъ деревьевъ очень велико; на простраствѣ одного гектара, не болѣе, можно насчитать отъ 20 до 30,000 образцовъ, которые достойны храненія въ музеумахъ. Одинъ стволъ, хранящійся у Гепперта, имѣеть до 2 метровъ въ окружности, до 2,30 метровъ длины и вѣсиль 10 центнеровъ. Обыкновенно діаметръ бываетъ до 60 сантиметровъ; діаметры въ 30, также въ 80 и 120 сантиметровъ составляютъ исключенія. Средняя длина 2 метра; очень рѣдко достигаетъ 15 и 18 метровъ; стволы большею частію изломаны поперегъ. У самыхъ большихъ замѣчается въ центрѣ, въ части, обыкновенно занимаемой сердцевинною, пустое пространство отъ 2 до 3 центиметровъ въ діаметрѣ; у нѣкоторыхъ древесныя фибры наклонены или обращены на 3 или 4°, какъ у *Comfereae* настоящаго

времени. Всѣ ископаемыя деревья относятся къ семейству *елевыхъ*, изъ рода араукарій, очень близкихъ къ вѣчно-зеленымъ игольчатымъ деревьямъ юга. Геппертъ придалъ этой разности название *Araucarites Schrollianus*. У Радовенца вовсе не встрѣчается ни пальмъ, ни папортниковъ, характеризующихъ мѣдистые песчаники пермской почвы. Этотъ окаменѣлый лѣсъ представляетъ настоящий памятникъ первобытныхъ временъ, совершенно подобный окаменѣлымъ лѣсамъ, открытымъ въ мѣловой почвѣ въ Пондшери, на Явѣ, Антигуа, въ пустыняхъ Сиріи и Египта; но эти принадлежатъ всѣ къ эоценовому періоду, тогда-какъ древность окаменѣлаго лѣса въ Радовенцѣ восходитъ до каменноугольнаго періода. Но какимъ образомъ могло совершиться окремнение въ такихъ большихъ размѣрахъ? При самыхъ тщательныхъ и долгихъ изысканіяхъ, не могли встрѣтить подобнаго явленія, совершающагося въ настоящее время. Изъ образцовъ, представляемыхъ болѣе древними эпохами, Геппертъ опредѣлилъ, что растительное или клѣтчатое вещество, въ продолжительный періодъ своихъ превращеній, измѣнялось сперва въ бурю углестую массу, въ родъ чернозема, и потомъ понемногу исчезало отъ болѣе и болѣе совершеннаго разложенія, пока наконецъ совершенно не замѣнилось кремнеземомъ, наполнившимъ клѣтчатую ткань. Это легко усмотрѣть въ окаменѣлыхъ деревьяхъ, сохранившихъ еще бурый цвѣтъ, помочію окрашиванія въ синій цвѣтъ іодомъ и сѣрною кислотою оставшейся растительной ткани. Но въ послѣдствіи послѣдняя исчезла, уступая совершенно мѣсто кремнезему, который, проникая и наполняя ткань, сохранилъ ея форму. Измѣненныя деревья, встрѣчающіяся въ Радовенцѣ, были, безъ сомнѣнія, въ размягченномъ или тѣстообразномъ состояніи, когда совершилось полное окремнение ихъ: потому-что всѣ онѣ эллиптически сжаты, по направленію ширины, и поверхность ихъ покрыта большимъ количествомъ округленныхъ кремней. Безъ-сомнѣнія, углекислота была главнымъ растворяющимъ средствомъ для кремнезема, но растворъ долженъ былъ быть очень слабъ; безъ этого послѣдняго условія образовались-бы накипи, происходящія и теперь повсюду близъ известковыхъ источниковъ. Геппертъ полагаетъ, что подобное преобразование должно было непременно происходить въ очень продолжительный періодъ».

Сюда принадлежатъ и слѣдующія статьи, помѣщенные въ Сѣверной пчелѣ: *Объ открытіи въ Россіи самородной мѣди* (№

103); *Замѣчаніе на предыдущую статью* (№ 141), и *Пыль со Урала* (№ 179).

XVII. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ помѣщены слѣдующія статьи: *Охота на ракуна на Кентукки*, Одюбона (№ 11); *Солнечный телеграфъ по Л. Фише* (ibid.); *Воспоминанія Очеретянина*, А. Θ. Фонъ-Лехнера (ibid. № 12, 13 и 14); *Страусъ и охота на него*, Андерсона (№ 12); *Охота на кондора* (№ 13); *Устройство электро-магнитныхъ часовъ*, Шеллена (ibid.); *Краски растений*, С. А. Рачинскаго (№ 14 и 15); *Космологическія замѣтки*, Д. П. (ibid.); *Тсе-тсе*, Андерсона (№ 14); *Африканскіе носороги*, его-же (№ 15); *Охота на Американскаго страуса въ Патагоніи*, Д'Орбиньи (ibid.); *Новыя тидеи* (№ 16); *Чарующая сила гремучей змьи*, Одюбона (ibid.); *Мухоморъ*, Ауэрсвальда (ibid. № 17); *Что такое птица?* Исидора Жоффрау Сентъ-Илера (№ 16); *Воронъ*, Д. Одюбона (№ 17); *О вулканахъ острова Явы*, Д. И. (ibid.).

Въ прочіихъ периодическихъ изданіяхъ къ естественнымъ наукамъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Естественныя науки и земледѣліе* (Атеней № 11); *Жизнь птицъ*, Бекетова (ibid. № 12 и 13); *Новости по физикѣ*, Я. И. Вейнберга (ibid. № 16 и 17); *Значеніе ощущеній боли у человека и животныхъ*, А. М. Зенина (ibid. № 21); *Кристаллъ и растеніе*, М. Леонгарда (ibid. № 24); *Робертъ Броунъ* (ibid. № 27); *Вода и ея значеніе въ экономіи природы*, А. И. Кронеберга (ibid.); *Соотношеніе и взаимодѣйствіе физическихъ силъ*, Я. И. Вейнберга (ibid. № 28 и 29); *Естествовѣдніе въ 1857 году* (Общезан. вѣст. № 5); *Корнеплодное растеніе Dioscorea или Китайскій ямсъ* (ibid. № 10); *Озонъ*, А. Пальковскаго (ibid. № 11 и 12); *Истиникъ птицъ, обнаруживаемый ими при устройствѣ гнѣздъ* (Живоп. сборн. № 6); *Водопады на рѣкѣ Ореноко*. (Извлеченіе изъ послѣдняго изданія Гумбольдтовыхъ «Картинъ природы»), М. Хотинскаго (Сынъ от. № 90); *Есть-ли на планетахъ жители?* (ibid. № 24, 25); *Обновленія и превращенія въ мѣрѣ растений*, А. Н. Бекетова (Русск. вѣст. № 9); *Очерки дѣятельной природы*, его-же (ibid. № 12); *Новая химическая теорія пороха*, М. А. Терехова (ibid. № 15); *Физиологъ Іоаннъ Мюллеръ* (Русск. инв. № 140); *Письмо Римскаго астронома Секки къ секретарю Парижской академіи наукъ Эли-де-*

Бомону (Сѣв. пч. № 129); *О силѣ и Сомнабулизмѣ* (ibid. № 143, 144 и 145); *Море и его обитатели* (Моск. вѣд. № 65 и 66); *Ботаника* (Прил. къ Мор. сборн. № 6 и 7); *Земной магнетизмъ*. Перев. М. Шишкова (ibid. № 7 и 8).

XVIII. МЕДИЦИНСКІЯ НАУКИ.

Въ Военно-медицинскомъ журналѣ (част. LXXII) помѣщены статьи: По практической медицинѣ: *Отчетъ о занятіяхъ во время путешествія съ ученою цѣлію за границую*, А. Красовскаго; *О вліяніи фосфороватистаго кальція и натрія на бугорчатый процессъ*, Н. Θ. Здекауера; *Воспаленіе влагалищной оболочки яичка (orchidomeningitis), какъ причина водянки его*, Блазіуса; *О сращеніяхъ околосердечной сумки и о прокалываніи ея при воспаленіяхъ*, Моріагъ; *Врачебныя вещества изъ ряда кальція*, Финке; *Ванны въ Балтійскомъ морѣ и тренія пескомъ*, Валленштейта; *О нарывахъ легкаго*, Труссо; *Ориктологическій и патологическій очеркъ желчнаго снаряда*, Калининченко; *О резекціяхъ костей и преимущественно костей колынаго состава*, Адельмана; *О глазномъ зеркальѣ*. По судебной медицинѣ и гигиенѣ: *Смерть отъ хлороформа*; *Къ отравленіямъ стрихниномъ*; *Нѣсколько новыхъ наблюденій о содержаніи, разведеніи и употребленіи врачебныхъ пивокъ*, А. Е. Воскресенскаго; *Простой способъ опредѣленія присутствія и количества салицина въ стѣрнокислому хинину, подмѣшанномъ этимъ веществомъ*, Бурлье; *Объ эфирномъ маслѣ съмянъ воднаго или большаго омега (Cicuta virosa)*, Юлія Траппа. По ветеринарнымъ наукамъ: *Истеченіе изъ носа у лошадей*, Багге; *Мышечныя волокна въ съмянномъ канатикѣ лошадей*, Ф. Фихера. Сверхъ-того въ отдѣлѣ Смѣси помѣщено 25 статей по разнымъ отраслямъ медицины и въ отдѣлѣ библіографіи разсмотрѣно 6 новыхъ изданій.

Въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ напечатаны: *Женскія болѣзни* (№ 17); *Терапія* (№ 17, 18, 19 и 20); *Физиологія* (№ 17); *Хирургическая патологія* (№ 17, 18, 19 и 20); *Болѣзни пищевыхъ органовъ* (№ 18, 19 и 20). Въ Прибавленіяхъ: *Эпидемія желтой горячки* (№ 17); *Медвѣжьи ягоды, какъ родовспомогательное средство* (ibid.); *Кесарское съченіе съ благоприятнымъ исходомъ* (ibid.); *Впрыскиваніе азотнокислаго серебра въ вѣтви ды-*

хательнаго горла (ibid.); О вдыханіи углекислаго газа (ibid.); Первая боль подвздошно-мошоночная, вылеченная паровыми ваннами (ibid.); Годовой отчетъ о прививаніи коровьей оспы (ibid.); О веществахъ, которыми наполняютъ полости попорченныхъ зубовъ (ibid.); Лечение аневризмы подкожной артеріи (ibid.); Искусственное кормленіе грудныхъ младенцевъ (ibid.); Дѣйствіе гальваническаго тока на сократительную ткань беременной матки (ibid.); Краткій обзоръ сочиненія Кребеля (ibid.); Скорбутическое воспаленіе легкихъ (№ 19); О важности отправления надпочечныхъ желъзъ (ibid.); Задержаніе мочи, продолжавшееся шесть мѣсяцевъ (ibid.); Вліяніе наперстянки на матку (ibid.); О больняхъ, зависящихъ отъ дѣйствія сѣрнокислаго хирина (ibid.); Замѣтки объ остромъ переломѣ ревматизмъ (ibid.); Исцѣленіе сильной бедренной боли по способу Wood'a (ibid.); Лечение судорожнаго кашля (ibid.); Употребленіе іода противъ упорной рвоты (ibid.); Противоглистныя средства (ibid.); О затрудненномъ глотаніи (№ 20); О вліяніи фосфороватаго кальція и натрія на бугорчатый процессъ (ibid.); Объ Архангельскомъ рыбьемъ жирѣ (ibid.).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ здоровья, замѣтимъ слѣдующія: О животномъ электричествѣ (зоо-электричествѣ), главныхъ законахъ его движенія въ тканяхъ и врачебномъ примѣненіи его, В. Шебякина (№ 4 и 5); О дѣйствительности Римской ромашки противъ сильныхъ нагноеній (№ 5); О леченіи кистъ ячичниковъ іодовыми епрыскиваніями; Пренія объ этомъ въ Парижской медицинской академіи, А. Бурмовскаго (№ 6); Физиологическія изслѣдованія надъ дѣйствіями нѣкоторыхъ ядовъ (ibid.); Новые опыты леченія холеры электричествомъ, Куна (№ 13); Фармадизація спящаго канатника, какъ средство противъ varicocele и impotentia virilis, Ковалевскаго (№ 15); Хроническая язва желудка, маскированная припадками воспаленія печени и окончившаяся смертію, Крышинскаго (№ 16); Случай мышечнаго паралича у ребенка 18-ти мѣсяцевъ, Глассона (№ 17); Отравленіе свѣжыми корнями болшолова, окончившееся въ двухъ случаяхъ выздоровленіемъ, Крышинскаго (№ 18); Нѣсколько словъ о леченіи несовершенныхъ разрывовъ промежности, помощію наложенія серъ-финковъ, Глассона (№ 19); Краткій очеркъ острой головной водянки въ діагностическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Зиссермана (№ 20, 21 и 22); О кровопусканіи изъ язычныхъ венъ при больняхъ глотки и гортани (Mestivier, Aran, Charrier и Bitot) (№ 23);

Излеченіе посредствомъ истпротомінъ въматочной беременности, продолжавшейся шесть лѣтъ сряду (ibid.).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Московской медицинской газетѣ, замѣчательны слѣдующія: *Два случая инородныхъ тѣлъ въ мочевомъ пузырь, К. Беккера (№ 20); Нѣсколько словъ о путешествіи больныхъ за границу (ibid.); О необыкновенномъ дѣйствіи селитры, А. Блументаля (№ 21); Трава и корень подальника, какъ народное и противоозолотушное средство, С. Смирнова (ibid.); Смертность въ Иркутскѣ и мѣстные причины, оказывающія на нее вліяніе (ibid.); Истинная и мнимая смерть, Зиссермана (ibid. № 22); Сѣрные Константино-Николаевскія минеральныя воды въ Лихвинѣ, П. Стефановскаго (№ 22); О взглядѣ судей и врачей на сумасшествіе, Б. Саблера (ibid.); Практическія замѣчанія относительно леченія плевки Св. Вита холодною водою, Крейзера (№ 23 и 24); Объ общемъ характерѣ господствующихъ болѣзней, С. (№ 24); О леченіи сифилитической болѣзни посредствомъ вакцинаціи, т. е. посредствомъ прививанія яда коровьей осы, Юстина Лукомскаго (ibid.); Объ употребленіи іодистаго желѣза, П. Скребнова (№ 25); Наблюденіе надъ полезнымъ дѣйствіемъ молока при сывороточныхъ выпотнѣніяхъ вслѣдствіе пораженія серозныхъ оболочекъ, П. Дагаева (ibid.); О леченіи простыхъ и тифозныхъ горлечекъ, приспособленномъ къ крестьянскому быту (ibid.); Динамоскопія и динамоскопъ, Н. Баркута (№ 26); Практическія замѣтки о крупѣ у дѣтей, П. Рудановскаго (ibid.); Народная медицина въ Сибири, П. Кельберга (ibid.); Способъ радикальнаго леченія сведенія челюстей, зависящаго отъ сведенія щекъ съ деснами, Егора Еше (№ 27); Нѣсколько словъ, касающихся медицинской гласности въ Россіи (ibid.); О прямомъ или специфическомъ леченіи, А. Блументаля (№ 28 и 29); Объ одной изъ главныхъ причинъ дѣтскихъ болѣзней, А. Высотскаго (№ 28); Главкоматозный процессъ и его леченіе, по описанію фонъ-Грефе, въ Берлинѣ, Еше (№ 29); Нѣсколько словъ по поводу оспариванія въ тифѣ, М. Соколова (ibid. № 31 и 32); Старость съ своими немощами и слабостями, Зиссермана (№ 29); О ртутомъ слюнотеченіи у сифилитиковъ, Н. Бернштейна (№ 31); Медицинскій отчетъ общецъ Вѣнской больницы за 1856 годъ (ibid.); Селевкинскъ и его перемежающіяся лихорадки, П. Кельберга (ibid. № 32); О падучей болѣзни, Н. Бернштейна (№ 32); Кое-что о пищевареніи, У. (ibid.); Нѣкоторыя замѣчанія относительно черной катаракты (Cataracta nigra) и темной воды (amaurosis)*

(№ 33 и 34); *Очеркъ отношеній врача къ обществу въ древней Россіи*, Н. Курочкина (ibid.); *Анэстетическія средства* (№ 34); *Вліяютъ-ли нервы на питаніе?* И. Сѣченова (№ 35); *Медицина вообще и медицина врача провинціального*, Сыпянка (ibid.).

— «Очеркъ отношеній врача къ обществу въ древней Россіи». — О началѣ медицины въ древней Россіи авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Непосредственный опытъ и наблюденіе это такое естественное начало медицины у всѣхъ народовъ, что нельзя отрицать, чтобъ его не было въ древности и у насъ; старики, долго жившіе, естественно помнили множество случаевъ, въ которыхъ случайное употребленіе той или другой пищи (если не средства и зелія) приносили пользу или вредъ заболѣвавшему. Не всѣ-же случаи заболѣванія оканчивались въ Россіи смертью. Отъ этого сбора наблюденій долженъ былъ составиться порядочный запасъ свѣдѣній, который въ легкихъ случаяхъ и удовлетворялъ обиходной необходимости предковъ нашихъ. А что была твердая вѣра въ силу своей самобытной помощи, то доказываетъ первая лечебная книга, вышедшая хотя и позже появленія иноземныхъ врачей (1588), но гдѣ всѣ средства означены простонародными названіями, безъ вѣсу и мѣры, принятыхъ наукой, и гдѣ рядомъ со средствами приводится множество суевѣрныхъ обрядовъ, и въ началѣ многихъ наставленій сказано: «Ежели не поможетъ лекарь вылечить, то возьми и т. д.» Развѣ не тогда-же появились и первые знахари и знахарки, повитухи для пособія родильницамъ?»

Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ къ медицинскимъ наукамъ относятся слѣдующія статьи: *Краткое изложеніе мѣръ правительства по вопросу о прививаніи чумы рогатому скоту* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 5); *Объ успѣхѣхъ леченія Кавказскими минеральными водами въ 1857 году* (ibid. № 8); *О простудѣ и ея послѣдствіяхъ* (Общезан. вѣстн. № 11); *Современныя замѣтки врача, по поводу настоящаго нашего образа жизни* (Сынъ от. № 20 и 23); *Осприиваніе* (Русск. инв. № 116); *Медицина въ послѣдній вѣкъ до-Петровской Руси*, В. В—скаго (Моск. вѣдом. № 62 и 63); *Изъ замѣтокъ врача, М. Авринскаго* (ibid. № 72); *О Биританскихъ минеральныхъ водахъ* (Вил. вѣстн. № 45); *Нѣсколько словъ о морскихъ купаньяхъ*, Линка (Одесск. вѣст. № 53 и 54); *Одесскія искусственныя минеральныя воды*, А. Чужбинскаго (ibid. № 57); *О бауншейдитизмѣ*, Прибиля (Кавк. № 42); *Чума*

въ *Бенгази* (ibid. № 67); *Медицинское порученіе въ восточную армію* (въ Крыму), Вакуловскаго (Морск. сборн. № 5); *О госпиталяхъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ* (ibid. № 7).

XIX. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТЕХНОЛОГІЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ журналахъ, спеціально-посвященныхъ разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности, явились между прочимъ слѣдующія статьи:

— По земледѣлію: *Нѣсколько словъ объ удобреніи земли, обработкѣ ея, улучшеніи и увеличеніи луговодства въ средней полосѣ Россіи*, К. Сорохтина (Ж. с. х. № 6); *Ленъ и его воздѣльваніе*, А. Мельникова (Зап. Имп. Каз. эк. общ. № 51).

— По скотоводству: а) вообще: *Ръшительная мѣра къ искорененію чумы рогагого скота есть чумопрививаніе*, П. Раздольскаго (Ж. с. х. № 5); *Коровы молочныя и способныя къ утученію* (ibid. № 8); б) по коннозаводству: въ Журн. конноз. и охоты: *Отчетъ по управленію государственнаго коннозаводства* (№ 5); *Заводъ герцога Шлезвигъ-Гольштейнъ-Аугустенбургскаго* (ibid.); *Наружность лошади* (№ 6); *Александровскій конскій заводъ князя Бориса Андреевича Голицына* (№ 7); *Лекціи проф. Поелля* (№ 8).

— По лѣсоводству: въ Газ. лѣсов. и охоты: *Вліяніе таможенныя посылки на лѣсоводство*, Арнольда (№ 17, 18); *Замѣтки о разработкѣ дубовыхъ лѣсовъ, употребляемыхъ на артиллерійскія подѣлки*, В. Грешнера (№ 20, 21); *Краткій историческій обзоръ постановленій административнаго и полицейскаго охраненія лѣсовъ Россійской имперіи* (№ 23, 24, 25); *Важность лѣсовъ въ государствѣ*, А. Боде (№ 25); *О причинахъ, мѣшающихъ развитію лѣснаго хозяйства*, Н. Зобова (№ 26); *Оглянемся! что видимъ, что дѣлаемъ?* Θ. Арнольда (№ 27, 28, 29); *Торфъ*, Петровича (№ 33); *На рубежъ стараго и новаго*, Θ. Арнольда (№ 34).

— По садоводству: въ Журн. садов: *Clematis lanuginosa; Удобрительныя вещества въ садоводствѣ; О поливкѣ растений; Замѣчанія объ оранжереяхъ, теплицахъ и парникахъ; Воздухъ для растений въ оранжереяхъ* (№ 5); *Роза поль-дююи; О воспитаніи орхидей; Рододендронъ крупноцвѣтный; Беспѣдка въ восточномъ вкусѣ; Нѣсколько замѣчаній о воспитаніи орхидей; Собираніе и сбереженіе плодовъ* (№ 9); *Камелія принцесса Прусская и уходъ за*

камеіями; Растенія, доставляющія кофе, чай и шоколадъ; Эшмантусъ трехцѣпный; Сухіе фрукты, Бѣлухи-Козановскаго; Воспитаніе Англійскихъ и Шотландскихъ мальцевъ (№ 7); Георгина и ея воспитаніе; Родъ араукарій и извѣстные ея виды; Воспитаніе бувардій; Безонія и ихъ воспитаніе; Форситія плакучая; Флора сѣверной части Соедин. штатовъ (№ 8); Извлеченіе изъ отчета по управленію казеннымъ училищемъ садоводства и торговли, Дейчмана (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 3).

— По пчеловодству: Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ школы Прокоповича въ 1857 г., Великдана (Ж. с. х. № 5).

— По технологіи: Сельско-хозяйственные винокурни и свеклосахарные заводы во Франціи, ст. Пайэна (Ж. с. х. № 7); Новое значеніе центрифуга въ свеклосахарномъ производствѣ (ibid.); въ Журн. мануф. и торг.: О мануфактурной промышленности Черниовской губерніи, А. Гутманъ (№ 5); Обзоръ преподаванія въ техническихъ школахъ Германіи, С. Андреева (№ 5, 6, 7); Промышленная хроника, В. Татарина (№ 5); Технические замѣтки, М. Скоблнкова (№ 5, 6, 7, 8); О парафинѣ, фотогенѣ и другихъ продуктахъ сухой перегонки, В. Шмидта (№ 6); Путевыя замѣтки о стеклянномъ производствѣ во Франціи и Богеміи, его-же (№ 5); Нѣсколько словъ о салотопленіи въ Оренбургѣ, К. Решки (№ 8); О торфѣ, Н. Сольскаго (Тр. Имп. в. эк. Общ. № 7); О костяномъ удобреніи, Мендта (ibid.).

— По хозяйству вообще: Сельское хозяйство въ Ковенской губерніи (Ж. с. х. № 6); О способахъ добыванія смолы (ibid.); Улучшенные способы смолокурения (ibid. № 8); О кирпичномъ аппликѣ, А. Бурнашева (ibid.); Значеніе машинъ въ народномъ хозяйствѣ, В. Ильина (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 5, 6); О постройкѣ рим, П. Барановскаго (ibid. № 6, 7); Мочька льна, А. Мельникова (ibid. № 7, 8); Описаніе такъ-называемой крестьянской молотильки (ibid. № 8); Объ истребленіи сорныхъ травъ, Башъ-Эфенди (Зап. Кавк. общ. с. хоз. № 4).

— По разнымъ и нѣсколькимъ вмѣстѣ отраслямъ хозяйства и промышленности: Замѣтки объ улучшеніи крестьянской льняной промышленности, Былова (Ж. м. г. им. № 5—6); Плавленное рыболовство въ Ново-Россіи, В. фонъ-Панцера (Ж. с. х. № 5); О настоящемъ устройствѣ крестьянъ ильня г. Позена, Московской губерніи, въ Богородскомъ уездѣ (ibid. № 8); О необходимости улучшеній въ ходѣ торговли Вятскими товарами по сѣверо-Двинскому

бассейну, А. Кузнецова (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 6); *Новоусольскіе и Ленинскіе соляныя промыслы*, П. Пушкина (ibid. № 6, 7, 8); *Замѣчанія на статью Чичерина о настоящемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ*, М. (ibid. № 8); *Объ ассоціаціи и договорахъ товарищества*, И. Мулюва (ibid. № 7, 8); *О главныхъ торговыхъ путяхъ въ Вятской губерніи къ г. Архангельску и торговымъ пристанямъ*, В. Михайлова (ibid. № 8); *Отчетъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества за 1857 г.* (Тр. общ. № 5); *Отчетъ Ярославскаго общества сельскаго хозяйства за 1857 г.* (ibid. № 7, 8); *Отчетъ Кавказскаго общества сельскаго хозяйства за 1857 г.* (Зап. общ. № 3).

— По частн охоты: *Учитель стрѣльбы* (Жур. кон. и ох. № 6); въ Журн. охоты: *Алхимія и порохъ; Пернатая дичь въ Волскомъ уездѣ Саратовской губерніи*, Ф. В—ва; *Перепелки на о. Капри*; *Ястребъ*, Ф. В—ва (№ 5); *Объ уменьшеніи дичи*, А. Васькова; *Записки объ охотѣ на пернатую дичь въ Ярославской губерніи*; *Изъ мнѣній охотничьихъ воспоминаній*, Н. Берга (№ 6); *Михаилъ Ивамычъ*; *О причинахъ уменьшенія дикихъ утокъ*, М. Пальмина; *Прожорливость удава; Дикая индѣйка; Изъ записокъ ружейнаго охотника Олонецкой губерніи* (№ 7); *Изъ записокъ охотника Костромской губерніи*; *Охота на медвѣдя — оуцій пущакъ; Герасимычъ* (№ 8); въ Газ. лѣсов. и охоты: *Охотникъ съ лявовой собакой* (№ 18, 19, 20, 21, 22); *О воспитаніи и болѣзняхъ собакъ*, А. Шестакова (№ 24); *Охота въ Оренбургскомъ краѣ*, Ф. Конева (№ 30, 31).

— «Обзоръ преподаванія въ Германскихъ политехническихъ школахъ». — «Если промышленность Германіи, говоритъ г. Андреевъ, сдѣлала въ послѣднее время значительные успѣхи, то причину этого должно искать въ развитіи техническаго образованія. Особенное историческое значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи промышленный институтъ въ Берлинѣ, основанный около 40 лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда въ Берлинѣ не было ни одного механическаго завода, по-крайней-мѣрѣ значительнаго. Институтъ этотъ долженствовалъ быть разсадникомъ не только техническихъ свѣдѣній, но и усовершенствованныхъ механизмовъ. Поэтому, не только было всячески облегчено вступленіе въ институтъ, но воспитанникамъ выдавались въ собственность приготовленныя ими машины. Теперь, когда механическіе заводы такъ распространились въ Германіи, когда въ самомъ Берлинѣ приготовленіе машинъ

занимаетъ не менѣе 10,000 рабочихъ, Берлинскій институтъ, сохранившій еще прежнее устройство свое, потерявъ прежнее значеніе. Теперь фабриканты и заводчики настолько образованы сами, настолько развита между ними конкуренція, что они усердно слѣдятъ за улучшеніями въ производствѣ. Они очень хорошо знаютъ, что воспитанникъ технологическаго заведенія не можетъ принести имъ ни особенно новаго чего-нибудь, ни практической опытности. Въ-самомъ-дѣлѣ, школа не сама изобрѣтаетъ, — не въ этомъ ея назначеніе; она передаетъ своимъ ученикамъ только извѣстное, и даже это извѣстное доходитъ въ школу позднѣе, чѣмъ на хорошей заводѣ. Какъ-бы ни велико было рвеніе преподавателя, у него нѣтъ ни тѣхъ побужденій, ни тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ фабрикантъ для того, чтобы слѣдить за улучшеніями. Конечно, еще и теперь многія нововведенія на фабрикахъ прямо переходятъ изъ школы, но это служитъ только доказательствомъ плохаго (относительно) состоянія фабрики. Не ждетъ фабрикантъ отъ воспитанника и практической опытности, зная, что она пріобрѣтается только годами работы на заводѣ. Наконецъ, что особенно важно по-отношенію къ Россіи, не ждетъ фабрикантъ въ Германіи отъ воспитанника и механическаго мастерства, понявъ, что умѣнье выполнять — дѣло рабочаго, а не техника; важно конечно то, что опытныхъ рабочихъ ему пріискать тамъ не трудно. Но если такимъ образомъ ограничены требованія, который фабрикантъ можетъ разумно предъявить воспитаннику политехнической школы, тѣмъ взыскательнѣе онъ въ тѣхъ требованіяхъ, на которыя имѣетъ неотъемлемое право. И если число воспитанниковъ этихъ школъ и число самихъ школъ постоянно растетъ въ Германіи, то—оставляя въ сторонѣ развитіе промышленности, слѣдовательно увеличеніе запроса на техникувъ, — потому, что школы эти, въ нормальномъ размѣрѣ своей дѣятельности, удовлетворяютъ потребностямъ. Школа не можетъ дать ни практической опытности, ни механическаго искусства въ исполненіи, но она должна дать: 1) прочное научное основаніе; 2) запасъ правилъ, прямо примѣняемыхъ въ практикѣ, постоянно стараясь о томъ, чтобы правила эти основать не на эмпирикѣ, а на научныхъ законахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи высшія техническія школы сходятся, до извѣстной степени, съ низшими техническими школами, или школами для мастеровыхъ. Отличіе между ними, отличіе чрезвычайно важное и сознанное, даже въ Германіи, только въ послѣднее время, состоитъ въ томъ

что низшая техническая школа довольствуется, хотя по-возможности научнымъ, но совершенно элементарнымъ объясненіемъ практическихъ правилъ; напротивъ высшая школа старается прежде всего о томъ, чтобы объяснить законы положительныхъ наукъ, а затѣмъ, показавъ примѣненіе этихъ законовъ на практикѣ, приучить своихъ учениковъ къ самостоятельному, критическому взгляду на практику». Въ статьѣ г. Андреева разсмотрѣно преподаваніе практической механики и химіи въ политехническихъ школахъ въ Ганноверѣ, Карльсруэ, Дрезденѣ, Штутгардѣ, въ промышленномъ Берлинскомъ институтѣ въ Берлинѣ, въ политехническомъ институтѣ въ Прагѣ и въ высшемъ техническомъ училищѣ при Каролинскомъ коллегіумѣ въ Брауншвейгѣ. Г. Андреевъ излагаетъ сперва цѣль учрежденія политехническихъ школъ и будущее назначеніе учениковъ; потомъ говоритъ о возрастѣ вступающихъ, объ условіяхъ пріема и подготовительныхъ классахъ; далѣе излагаетъ планъ занятій, исчисляетъ предметы преподаванія, говоритъ о времени пребыванія въ школахъ; сравниваетъ преподаваніе въ школахъ отдѣльныхъ предметовъ по употребляемому на то времени и по самому изложенію, и наконецъ говоритъ о практическихъ занятіяхъ учениковъ. Познакомимъ съ нѣкоторыми частями весьма дѣльной статьи г. Андреева. Цѣль политехническихъ школъ, какъ показываетъ самое названіе ихъ, состоитъ въ приготовленіи молодыхъ людей къ практической дѣятельности по разнымъ отраслямъ техники. Но, вслѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, кругъ дѣятельности сихъ школъ различенъ. Изъ него вообще исключена горная техника, предоставленная спеціальнымъ горнымъ школамъ; архитектура входитъ въ число предметовъ преподаванія тамъ, гдѣ нѣтъ отдѣльныхъ для того заведеній. Вообще, главныя отрасли дѣятельности, къ которымъ готовятъ названныя выше политехническія школы, суть: 1) инженерное искусство (пути сообщенія), 2) техническая механика, 3) техническая химія (кромѣ металлургіи). Равно во всѣхъ этихъ школахъ ученики могутъ получать: а) низшее техническое образованіе, б) обширное реальное образованіе для поступленія въ число учителей реальныхъ школъ вообще и в) образованіе, нужное землемѣру. Въ отношеніи послѣдующаго назначенія, которое получаютъ ученики политехническихъ школъ вообще, интересенъ списокъ бывшихъ воспитанниковъ Ганноверской школы, съ означеніемъ настоящаго ихъ рода дѣятельности напечатанный въ «Обозрѣніи» этой школы, г. Кармарша. (Die

polytechnische Schule zu Hannover, von Karl Karmarsch, Dr. ph., erstem Director dieser Lehranstalt. 1856). Г. Андреевъ помѣстилъ въ своей статьѣ небольшое извлеченіе изъ этого списка. Причина, почему весьма многие изъ прежнихъ учениковъ школы измѣнили первоначальному своему назначенію, заключается особенно въ томъ, что, преимущественно въ первое время, она служила для многихъ только приготовительнымъ заведеніемъ для перехода въ другія; только впоследствии преподаваніе специальныхъ предметовъ достигло того развитія, какое имѣетъ теперь, такъ-что числовой результатъ за послѣднее время былъ-бы менѣ невыгоденъ, хотя впрочемъ и теперь наиболѣе посѣщаются классы нижней математики и рисованія, и по окончаніи этого курса многие оставляютъ школу. Политехническая школа въ Карльсруэ готовитъ спеціально: 1) инженеровъ путей сообщенія, 2) архитекторовъ и строительныхъ мастеровъ, 3) техническихъ механиковъ, 4) техническихъ химиковъ, 5) лѣсничихъ, 6) купцовъ и 7) почтовыхъ чиновниковъ. Это, уже и на первый взглядъ, совершенно случайное соединеніе столь разнохарактерныхъ спеціальностей объясняется исторіей развитія этой школы: къ бывшему реальному училищу мало-по-малу присоединялись спеціальныя классы. «Политехническая школа въ Дрезденѣ (Organisations-Plan der königlichen polytechnischen Schule zu Dresden, genehmigt durch Ministerial-Verordnung vom 14 März 1855), систематически-расположеннымъ преподаваніемъ и соответственными упражненіями даетъ *средства къ приобретенію* обширнаго научнаго образованія для техниковъ, намѣреющихся посвятить себя какой-нибудь отрасли механической или химической техники, инженерному искусству въ тѣсномъ смыслѣ (по сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ), геодезіи (для поступленія на службу землеобрами 1-го класса) или преподавательству по математикѣ, естественнымъ наукамъ или техникѣ; для тѣхъ-же, которые назначаютъ себя по другимъ отраслямъ производства или общественной службы (какъ-то: по сельскому хозяйству, архитектурѣ, таможенной службѣ и проч.), даетъ она образованіе по вспомогательнымъ для нихъ наукамъ». Промышленный институтъ въ Берлинѣ раздѣляетъ своихъ воспитанниковъ на механиковъ, химиковъ и строительныхъ мастеровъ. Политехническая школа въ Штутгартѣ образуетъ: 1) инженеровъ, 2) архитекторовъ, 3) техническихъ механиковъ, 4) техническихъ химиковъ, 5) учителей реальныхъ школъ и 6) купцовъ. Высшая техническая

школа въ Брауншвейгѣ готовитъ учениковъ своихъ для: 1) машиннаго дѣла, 2) гражданской архитектуры, 3) химической техники, 4) фармаціи, 5) лѣснаго дѣла и 6) сельскаго хозяйства. Политехническій институтъ въ Прагѣ готовитъ: 1) инженеровъ, 2) архитекторовъ, 3) техническихъ механиковъ, 4) техническихъ химиковъ, 5) сельскихъ хозяевъ и 6) лѣсничихъ. Какова-бы ни была, впрочемъ, отрасль техники, избранная ученикомъ, назначеніе его въ ней: быть не работникомъ, а распорядителемъ работъ; къ этому направлено все даваемое школами образование. Конечно, исключеніе составляютъ тѣ, которые посѣщаютъ политехническую школу для приобрѣтенія высшаго технического образования, нужнаго для мастераваго; но если и въ этомъ отношеніи политехническія школы приносятъ немаловажную пользу, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы цѣлю ихъ было образование мастеровыхъ. Для приема въ политехническую школу требуется (по возрасту) не менѣе: въ Ганноверѣ и Берлинѣ—17 лѣтъ, въ Карльсруэ, Дрезденѣ и Штутгартѣ—16, Брауншвейгѣ и Прагѣ—16. Это различіе въ возрастѣ происходитъ отъ различія требованій при приемѣ и опредѣляется мѣстными обстоятельствами, т.-е. состояніемъ тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя приготавливаютъ учениковъ къ дальнѣйшему техническому образованию. Для облегченія учениковъ, при нѣкоторыхъ школахъ существуютъ особыя пригготовительныя классы, или-же мѣсто ихъ занимаетъ низшій классъ самой школы (въ Карльсруэ, Дрезденѣ, Штутгартѣ), что и объясняетъ ранній относительно приемъ учениковъ. Вообще-же нужно замѣтить, что обыкновенно вступающіе старѣе означеннаго выше возраста. «Казалось, говоритъ г. Андреевъ, можно-бы предложить политехническимъ школамъ (и вообще школамъ) вопросъ, почему не удовлетворяются онѣ при приемѣ нужными для дальнѣйшаго ученія познаніями, а опредѣляютъ еще наименьшій возрастъ? При нѣсколько внимательномъ разсматриваніи, такой вопросъ однако совершенно устраняется слѣдующими соображеніями: политехническія школы (какъ всякія спеціальныя школы) могутъ существовать успѣшно только тогда, во-первыхъ, когда вступающіе въ нихъ ученики достаточно подготовлены; во-вторыхъ, когда онѣ достаточно взрослые, чтобы можно было судить объ ихъ способностяхъ и склонностяхъ, и чтобы они могли, при выборѣ спеціальной школы, т. е. будущей дѣятельности своей въ жизни, дѣйствовать сколько-нибудь сознательно. Не стану распространяться здѣсь о послѣднемъ обстоятель-

ствѣ: если мальчикъ, достигнувъ того возраста, съ котораго только и можетъ начинаться специальное образованіе, еще имѣеть нужду въ школьномъ приневоливаніи (*), то это знакъ, что предварительное образованіе было безуспѣшно; въ такомъ, очень неутѣшительномъ случаѣ, можетъ быть и будетъ польза отъ того, что его заставятъ учиться въ извѣстной школѣ, не спрашивая его о томъ мнѣніи, но это будетъ лекарство палліативное, никакъ не радикальное и вовсе не общее; зло нужно лечить въ корнѣ, т. е., въ настоящемъ случаѣ, нужно лучше устроить первоначальное образованіе. Распространять-же на всѣхъ мѣру, которая, даже и въ указанномъ случаѣ, не вѣрна, значило-бы заставлять страдать невинныхъ: въ извѣстномъ возрастѣ успѣшность занятій обезпчивается *исключительно* любовью къ труду, сознаниемъ пользы его. Къ развитію этого сознанія и должно стремиться предварительное образованіе. Отноительно достаточной подготовки для занятія специальными предметами никогда не должно терять изъ виду, что подготовка эта состоитъ менѣе въ извѣстномъ запасѣ фактовъ, чѣмъ въ развитіи воспріимчивости мозга, въ способности понимать вещи. Какая польза въ томъ, что ученикъ много знаетъ, если знанія его не проникнуты внутренней связью, если мыслительная способность ученика развита такъ слабо, что онъ не можетъ изъ знаній своихъ сдѣлать никакихъ выводовъ? Мало поэтому заботиться о томъ только, чтобы наполнить память ученика извѣстнымъ запасомъ фактовъ, мало того даже, чтобы онъ понялъ ихъ,—нужно еще, чтобы онъ привыкъ думать объ этихъ фактахъ, нужно еще, чтобы привыкъ задавать себѣ вопросы и по-возможности рѣшать ихъ, съ помощію этихъ извѣстныхъ

(*) Нужно отличить приневоливаніе, о которомъ здѣсь рѣчь, отъ надзора, который должно имѣть надъ взрослыми учениками; первое состоитъ въ томъ, что всякій мальчикъ долженъ приобрести извѣстныя познанія: въ протестантскихъ земляхъ этому подвергаются всѣ мальчики (Schulzwang, Schulpflichtigkeit) до 14-лѣтняго возраста и иначе не конфирмуется. Оправданіе этого приневоливанія заключается въ томъ, что общество имѣеть право и обязанность заботиться о томъ, чтобы члены его приобрѣли извѣстныя познанія, достигли извѣстнаго уровня развитія: этотъ уровень необходимъ для того, чтобы всякій гражданинъ въ-состояніи былъ понять свои гражданскія обязанности. Отъ такого приневоливанія совершенно-отличенъ надзоръ надъ дальнѣйшимъ образованіемъ, которое, основываясь на одномъ общемъ уровнѣ, можетъ быть различно по способностямъ, склонностямъ, — по состоянію будущихъ гражданъ.

ему фактовъ, а для этого нужно время, — время большее, чѣмъ нужно для того, чтобы приготовить хорошо урокъ. И если ученикъ, при прекрасныхъ способностяхъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи только время на приготовленіе уроковъ, то онъ естественно всякое самостоятельно-рождающееся въ головѣ его недоразумѣніе, если только оно не непосредственно связано съ предметомъ урока, постарается самъ отстранить, чтобы не употребить на обдумываніе его времени, нужнаго на выучиваніе уроковъ; онъ самъ, при такомъ порядкѣ ученія, будетъ заботиться о томъ, чтобы убить въ себѣ мѣшающія ему въ приготовленіи уроковъ любознательность и наблюдательность. Вотъ основанія, на которыхъ школы вообще опредѣляютъ наименьшій возрастъ, нужный для вступленія въ нихъ: только извѣстное число лѣтъ, проведенное успѣшно за ученіемъ, можетъ обезпечить за принимаемыми учениками зрѣлость, достаточную для дальнѣйшихъ занятій. Безъ этой зрѣлости ученикъ не можетъ быть принятъ въ высшую школу, и въ Германскихъ политехническихъ школахъ на нее, а не на количество познаній обращено главное вниманіе. Экзаменаторовъ при приѣмѣ: это ясно видно, напримѣръ, изъ того, что курсъ приготовительной школы въ Карльсруэ гораздо обширнѣе, чѣмъ это казалось-бы нужнымъ, судя по требованіямъ приѣма въ главную школу: школа очень хорошо понимаетъ, что удержаніе въ памяти *мнѣхъ* фактовъ, преподаваемыхъ ученику, невозможно и не нужно; помѣщенные на своемъ мѣстѣ во время преподаванія, факты эти возымѣли свое дѣйствіе, т. е. помогли умственному развитію ученика; нечего требовать ихъ при приѣмѣ; въ случаѣ нужды ученикъ легко вспомнить ихъ или справится въ книгахъ; при приѣмѣ же очень можно ограничиться главными фактами, твердое знаніе и *пониманіе* которыхъ необходимо для дальнѣйшихъ занятій. Для большаго уясненія состоянія, въ которомъ находится приготовительное образованіе будущихъ техниковъ въ Германіи, помѣщая здѣсь программу нѣсколькихъ реальныхъ школъ, распространенныхъ нынѣ повсемѣстно въ Германіи, подъ различными наименованіями (Realgymnasien, Realschulen, höhere Bürger-Schulen). Возникновеніе реальныхъ школъ объясняется вполне тѣмъ развитіемъ, которое въ послѣднія десятилѣтія получили всѣ отрасли промышленности. Для удовлетворенія новымъ нуждамъ потребовались новые люди съ достаточной подготовкой для практической дѣятельности; но, съ другой стороны, изученіе нужныхъ для того

спеціальныхъ предметовъ требовало и первоначальной подготовки, отличной отъ той, какую давали гимназін заведенія, подготовительныя для университетовъ. Но если дѣйствительно гимназін, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, рѣшительно не могли удовлетворять новымъ требованіямъ, то, съ другой стороны, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, противоположное, практическое направленіе въ подготовленіи было доведено до излишняго предѣла. Привожу здѣсь мнѣніе объ этомъ весьма уважаемаго директора Бреславльской реальной школы, г. Клетке (*Zur Beurtheilung und Würdigung des deutschen Realschulwesens, von Dr. C. A. Kletke. Breslau, 1857. Bei Joh. Kern*). «Мы считаемъ совершенно неумѣстнымъ проходить съ десятилѣтними мальчиками въ 6 классѣ гимназін такія опредѣленія, какія заключаются въ Нѣмецкой грамматикѣ Беккера, но также рѣшительно оуждаемъ мы математическія отвлеченія или преподаваніе прикладныхъ наукъ, какъ напр. технологіи, бухгалтеріи и т. п., уже въ низшихъ классахъ южно-Нѣмецкихъ реальныхъ школъ. Изъ этого ничего не выходитъ; память бесполезно обременяется, разумокъ не упражняется, производится только разсѣяніе и прямо нарушается и останавливается всякое гармоническое развитіе ума. Мы знали тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ, которые прошли чрезъ три низшіе класса такой реальной школы и, вслѣдствіе неразвитыхъ, но вовсе недостаточныхъ умственныхъ способностей и вслѣдствіе недостаточной элементарной подготовки, могли поступить только въ низшій классъ Бреславльской реальной школы. Опытъ реальныхъ школъ, существующихъ уже десятки лѣтъ, убѣдилъ достаточно, что такое преподаваніе утилитарнаго начла не приноситъ плодовъ, что умъ при этомъ остается неразвитымъ. Мы однако все-же будемъ считать ихъ общеобразовательными заведеніями, если они по-крайней-мѣрѣ не станутъ пренебрегать элементами религіознымъ, отечественнымъ и языкознаніемъ. Но рѣшительно считаемъ мы вредными, опасными школы, основываемыя, для возраста до конфирмаціи (14 лѣтъ), съ какой-нибудь спеціальной, исключительной цѣлью, напр. для купцовъ, и согласно съ этимъ имѣющія только спеціальныя предметы преподаванія; школы, которыя только готовятъ мальчиковъ этого возраста для промышленности и, съ исключеніемъ преподаванія роднаго языка, закона Божія и исторіи, хотятъ достигнуть этого только преподаваніемъ математики, физики, химіи, купеческой ариметики, товаровѣднія и проч. Здѣсь

разумѣемъ мы не тѣ техническія спеціальныя заведенія, которыя назначены для ремесленниковъ, конторщиковъ и проч., и частію укрѣпляютъ въ нихъ полученное уже ими школьное образованіе, частію продолжаютъ его. Мы отвергаемъ только тѣ спеціальныя школы, которыя *незрѣлыми* мальчиковъ, еще до поступленія ихъ въ какую-нибудь отрасль промышленности, хотять уже подготовить къ ней». Согласно съ этимъ отзывомъ г. Клетке выразилась и собравшаяся въ Берлинѣ въ 1848 году конференція учителей, признавъ за лучшее принять одинаковыя программы для трехъ низшихъ классовъ (отъ 10 до 13 лѣтъ) какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ реальныхъ школахъ. Вообще нужно сказать, что отличіе реальныхъ школъ отъ гимназій состоитъ въ томъ, что преподаваніе древнихъ языковъ замѣнено усиленнымъ преподаваніемъ математики, естественныхъ наукъ и языковъ новыхъ. Должно замѣтить также, что гимназіи болѣе болѣе утрачиваютъ свое прежнее значеніе и что многія совершенно преобразованы въ реальныя школы». Для примѣра г. Андреевъ приводитъ размѣры преподаванія въ трехъ реальныхъ школахъ: Гамбургской (Realschule), Мангеймской и Гейдельбергской (höhere Bürgerschulen). Въ первой изъ нихъ ученіе продолжается 7, въ двухъ остальныхъ по 6 лѣтъ; оканчивается оно, вообще, не ранѣе 15-лѣтняго возраста». «Считаю лишнимъ, говорить далѣе г. Андреевъ, вдаваться въ дальнѣйшія подробности о реальныхъ школахъ; изъ предыдущаго видѣнъ общій характеръ ихъ; видна также полнота получаемого въ нихъ общаго образованія. Съ такимъ общимъ образованіемъ ученики вступаютъ въ политехническія школы. Изъ предыдущаго видно также, что такое образованіе только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть приобрѣтено ранѣе 16, даже 17-лѣтняго возраста. Требуя отъ вступающихъ этого возраста и соотвѣтственнаго ему образованія, Германскія техническія школы положили въ основаніе своей дѣятельности единственно-вѣрный принципъ всякаго раціональнаго образованія: начинать преподаваніе спеціальныхъ предметовъ тогда только, когда предварительное общее образованіе кончено и когда, слѣдовательно, учащіеся имѣютъ запасъ свѣдѣній, требуемыхъ отъ всякаго образованнаго человѣка, когда съ другой стороны, умственныя способности ихъ достаточно развиты этимъ предварительнымъ ученіемъ, и они приготовлены какъ для выбора спеціальности, такъ и для серьезнаго занятія спеціальными предметами. Но, конечно, можно встрѣтить значительныя

иногда отклоненія отъ этой общей нормы; такія изъятія дѣлаются въ пользу мальчиковъ, занимавшихся уже на практикѣ, или вообще для тѣхъ, которые обстоятельствами принуждены сократить время и издержки на свое образованіе; такіе ученики очень замѣтны между товарищами, превосходящими ихъ общимъ образованіемъ и слѣдовательно развитіемъ; если первые не имѣютъ особенно замѣчательныхъ способностей, то и въ школѣ, и потомъ въ жизни остаются они на второмъ планѣ. Въ пользу такихъ учениковъ преподаются элементарныя науки и, въ нѣкоторыхъ школахъ, предметы общаго образованія». Изъ плана занятій въ школахъ видно, что относительно свободы, предоставленной воспитанникамъ въ выборѣ занятій, въ разныхъ упомянутыхъ заведеніяхъ существуетъ различіе собственно только въ степени ограниченія ея. Ни одно изъ нихъ не слагаетъ съ себя обязанности наблюдать за этимъ, но съ другой стороны ни одно не ставитъ принятаго плана столь непреложнымъ, чтобы не допускать изъятій. Само собою разумѣется, что всѣ эти ограниченія не касаются тѣхъ молодыхъ людей, которые поступаютъ въ школу для занятія однимъ какимъ-нибудь предметомъ и, не вступая въ число собственно учениковъ (*eigentliche Schüler*), допускаются однако во всѣхъ рассматриваемыхъ здѣсь училищахъ. Конечно, не подвергаются они и пріемному испытанію. Число такихъ слушателей, конечно, тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе школа по достоинству преподавателей; въ этомъ (и не только въ этомъ) отношеніи Германскія политехническія школы, для техники, играютъ совершенно ту-же роль, какую имѣютъ Германскіе университеты для науки (въ собственномъ смыслѣ). Какъ въ послѣдніе, такъ и въ первыя стекаются молодые люди, часто окончившіе уже свое образованіе, часто уже принимавшіе участіе въ практической дѣятельности,—для слушанія лекцій извѣстнаго профессора. Допуская такихъ слушателей въ свои аудиторіи, школа могла-бы, казалось, предписать для собственно-учениковъ своихъ однообразный планъ занятій; тѣмъ, которымъ, почему-бы то ни было, не желательно было-бы выполнять этотъ планъ, предоставляется посѣщеніе лекцій безъ всякаго ограниченія. На дѣлѣ однако приведеніе этого правила тѣмъ менѣе исполнимо, чѣмъ выше репутанція школы, чѣмъ сильнѣе приливъ въ нее учениковъ. Посторонніе слушатели принимаются въ школу, конечно, съ обязанностію наблюдать въ зданіи ея существующія постановленія, но затѣмъ школа не подвергаетъ и не можетъ подвергать ихъ ника-

кому надзору; не подвергаются они ни приѣмному испытанію, ни испытаніямъ въ самой школѣ. Они совершенно предоставлены себѣ, ихъ дѣло смотрѣть, чтобы употребить свое время съ пользою. Въ какой степени достигаютъ они этого — школа не беретъ на себя въ томъ отвѣтственности, не даетъ слѣдовательно и никакого ручательства: *посторонніе слушатели не получаютъ отъ школы свидѣтельствъ.* А такія свидѣтельства чрезвычайно важны для молодыхъ людей, ищущихъ въ технику средствъ къ существованію; такое свидѣтельство для нихъ — рекомендація передъ фабрикантами. Понятно, что число такихъ учениковъ очень велико во всякомъ техническомъ училищѣ: они составляютъ почти исключительно всю массу его посѣтителей. Поэтому, держась безъисключительно опредѣленнаго плана занятій для своихъ учениковъ, предоставляя тѣмъ, которые этому плану слѣдовать не могутъ, только слушаніе лекцій безъ выдачи имъ свидѣтельствъ въ пріобрѣтенныхъ ими знаніяхъ, школа неминуемо уменьшила-бы число своихъ посѣтителей, какъ бы ни были замѣчательны ея преподаватели. Но есть и другія побудительныя причины, не допускающія неизмѣннаго плана занятій: къ посѣщенію лекцій въ политехническихъ школахъ желающіе допускаются за известную плату, различную въ разныхъ школахъ, но вообще тѣмъ болшую. чѣмъ обширнѣе число посѣщаемыхъ предметовъ. Освобожденіе отъ платы за лекціи допускается только въ очень рѣдкихъ случаяхъ; отъ ученика для этого требуютъ не только свидѣтельствъ о бѣдности, но и хорошихъ успѣховъ. Слѣдовательно, на это облегченіе могутъ рассчитывать не многіе, а плата, сама по себѣ очень умѣренная, для многихъ тяжела; для нихъ уже поэтому чрезвычайно важно ограничить какъ можно болѣе свои расходы и по этому предмету и слѣдовательно удовлетвориться только тѣми лекціями, слушаніе которыхъ существенно необходимо для будущаго призванія ихъ. Но, конечно, плата за лекціи не главный расходъ учащагося; бѣдный принужденъ сберегать и время, и деньги на свое воспитаніе, — все это вмѣстѣ принуждаетъ его ограничивать кругъ своихъ занятій. Уже и самая подготовка его къ технической школѣ страдала отъ тѣхъ-же обстоятельствъ. А кто подготовленъ слабо, кто въ самой школѣ (отчасти уже поэтому) не можетъ пріобрѣсти довольно обширнаго технического образованія, тотъ конечно и впоследствии не можетъ дѣлать большихъ притязаній. Но было-бы въ высшей степени несправедливо, еслибы та-

нимъ ученикамъ школа отказывала въ удостовѣреніи и тѣхъ свѣдѣній, которыя они имѣютъ, и тѣмъ затрудняла имъ и безъ того не легкую дорогу въ будущемъ. Съ другой стороны, очевидно, что школа, устанавливая планъ занятій своихъ учениковъ, не имѣетъ возможности примѣниться ко всѣмъ различнымъ требованіямъ ихъ, и что, боясь неполноты, она скорѣе установитъ планъ слишкомъ, можетъ быть, широкій. А этимъ дѣйствовала-бы она противъ основнаго правила: въ эпоху спеціальнаго образованія какъ можно менѣе развлекать силы учащагося многосторонностію занятій. Конечно, блестящую репутацію могутъ сдѣлать школы только тѣ ученики, которые, и по предварительному общему образованію своему, и по занятіямъ въ школѣ, владѣютъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній, но при устройствѣ школы имѣть только ихъ въ виду — было-бы въ высшей степени неосновательно. Главная цѣль всякой школы — общепользность, и противно ей дѣйствовали-бы школы техническія, еслибы не допускали въ число учениковъ своихъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, отказываясь отъ блестящихъ надеждъ, желали-бы облегчить свой трудъ изученіемъ, въ возможной для нихъ степени полноты, того, что собралъ техническая наука. Такіе труженики — не безполезные члены общества: помощь, оказанная имъ, есть помощь обществу. Для тѣхъ-же, которые могутъ и желаютъ употребить на образованіе свое большее время, менѣе всего необходимъ установленный планъ: они хорошо приготовлены, они знаютъ цѣну ученія, они не пойдутъ противъ совѣта людей, къ которымъ пришли учиться; болѣе тѣсныя рамки только безполезно затруднили-бы ихъ. На этихъ основаніяхъ полагаю, что чѣмъ больше будутъ развиваться Германскія училища, тѣмъ болѣе стануть они приближаться къ основанію, принятому Гаянверской школой, — именно къ предоставленію ученикамъ почти полной свободы въ выборѣ занятій, оставляя за собою надзоръ въ томъ, чтобы не допускать къ лекціямъ учениковъ, недостаточно приготовленныхъ къ слушанію ихъ. На такое ограниченіе должно смотрѣть менѣе, какъ на стѣсненіе свободы въ выборѣ занятій, а болѣе, какъ на заботу о томъ, чтобы ученикъ достигъ своей цѣли съ наименьшей тратой времени и денегъ. Боязнь, что слишкомъ ограниченный кругъ занятій въ школѣ повредитъ въ глазахъ фабрикантовъ самой репутаціи школы, была-бы неосновательна. Въ свидѣтельствѣ, выдаваемомъ школой, означаются поименно предметы, которыми занимался воспитанникъ, а Герман-

скіе фабриканты слишкомъ образованы для того, чтобы обвинять школу въ незнаніи ея учениками предметовъ, въ свидѣтельствѣхъ неозначенныхъ. Вопросъ, конечно, значительно измѣняется, если школа ученикамъ своимъ даетъ какія-нибудь положительныя гражданскія права; права эти имѣютъ основаніемъ своимъ не фактъ посѣщенія школы, а достигнутый ученикомъ извѣстный уровень образованія, и было-бы странно, еслибы правительство давало такія права всякому посѣщавшему школу, какъ-бы ни незначительны были занятія его въ школѣ и слѣдовательно достигнутое имъ образованіе: права эти всегда состоятъ въ изъятіи отъ извѣстныхъ обязательствъ, лежащихъ на всѣхъ гражданахъ; изъятіе одного отъ выполненія ихъ естественно было-бы ущербомъ для прочихъ. Но такія права, предоставляемые съ цѣлю привлеченія учениковъ въ школы, въ видахъ развитія общественнаго образованія, тѣмъ болѣе будутъ вездѣ уменьшаться, чѣмъ потребность образованія будетъ становиться ощутительнѣе. Другими словами: вопросъ о большемъ или меньшемъ ограниченіи учениковъ (имѣющихъ уже общее образованіе) въ свободѣ выбора занятій не можетъ быть (въ настоящее время) рѣшенъ одинаково для всѣхъ обстоятельствъ, различныхъ по степени развитія образованія и промышленности въ странѣ. Но никогда не можетъ служить признакомъ превосходства одной школы передъ другой то обстоятельство, что свобода выбора занятій ограничена въ первой болѣе, чѣмъ во второй; эта свобода выбора служить лучшимъ ручательствомъ успѣха и прилежанія учениковъ, она потому возможна, что отъ учениковъ спеціальныхъ училищъ требуется предварительное общее образованіе. Напротивъ, чѣмъ болѣе эта свобода ограничена, тѣмъ болѣе училище сближается съ заведеніемъ воспитательнымъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. для малолѣтнихъ; а такого сближенія спеціальное училище должно избѣгать; конечно, и оно не только учитъ, но и воспитываетъ учениковъ своихъ, но въ ихъ возрастѣ задача воспитанія — развитіе самостоятельности, приученіе къ сосредоточенію умственныхъ силъ ученика на одномъ предметѣ (или на предметахъ однородныхъ), а этому противодействовало-бы ограниченіе свободы выбора, переходящее границы надзора и совѣта». Вотъ что сообщаетъ Андреевъ о практическихъ занятіяхъ въ политехническихъ школахъ: «Въ началѣ указана была цѣль, къ которой политехническія школы готовятъ своихъ учениковъ: они назначены быть техниками,

и не мастеровыми, распорядителями работъ, и не работниками. Выше указаны были средства, которыя для этого избрали названныя школы: это, съ одной стороны, изустное преподаваніе, знакомящее учениковъ съ научными основаніями техническихъ работъ и описывающее, болѣе или менѣе подробно, самыя эти работы; съ другой стороны — упражненія учениковъ, служащія, частью, къ укрѣпленію въ нихъ приобрѣтенныхъ знаній, частью къ предуготовительному выполненію тѣхъ занятій, которыя впоследствии ожидаютъ техникувъ; упражненія эти, удовлетворяющія одновременно двумъ этимъ цѣлямъ, суть: *составленіе проектов* — начертаніе плана работы; *занятія въ лабораторіи* — изслѣдованіе матеріаловъ, продуктовъ и самаго хода работы. Но изъ двухъ техникувъ тотъ болѣе надежный распорядитель, кто, при одинаковыхъ впрочемъ способностяхъ, знаніяхъ и добросовѣстности, знакомъ съ деталями выполненія не изъ описаній только или изъ наблюденія надъ работой другихъ, но изъ собственного опыта. Съ цѣлю доставленія этой опытности ученикамъ существуютъ еще и повынѣ при нѣкоторыхъ школахъ мастерскія — механическія, а въ нѣкоторыхъ лабораторіяхъ дѣлаются фабричныя опыты. Никогда, впрочемъ, мастерскія эти не могли имѣть притязанія на то, чтобы образовать хорошихъ рабочихъ, — это не было-бы согласно съ назначеніемъ ихъ и отняло-бы отъ учениковъ бесполезно очень много времени. Изъ школъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, самыя значительныя мастерскія имѣетъ Берлинскій институтъ; они-же представляютъ особенный интересъ какъ для исторіи этого института, такъ и вообще для разрѣшенія вопроса о цѣлесообразности мастерскихъ при политехническихъ школахъ. Въ этомъ отношеніи важенъ, во-1-хъ, вопросъ: когда особенно полезна ученикамъ практическая работа — до или послѣ окончанія ученія; то и другое рѣшеніе имѣетъ много за себя: ученикъ, уже работавшій на фабрикѣ, прекрасно знаетъ детали работы и, что важнѣе всего, знаетъ, чего недоставало ему и что должно быть дополнено класснымъ ученіемъ. Но, съ другой стороны, вступая на фабрику въ тѣ годы, когда молодой организмъ особенно способенъ къ класснымъ занятіямъ, онъ рискуетъ потерять это драгоценное время; самая работа на фабрикѣ представляется ему, какъ всякому другому работнику, чѣмъ-то совершенно-механическимъ, и даже, вовсе неподготовленный, въ самомъ исполненіи онъ много времени теряетъ на то, чтобы отличить существенное отъ несущ-

щественнаго. На этомъ основаніи больше всего оправдывается, можетъ быть, порядокъ, принятый въ Дрезденѣ, но и онъ имѣетъ неудобствомъ то, что въ два года фабричной работы, матеріально-тяжелой и утомительной, ученикъ отвыкнетъ отъ классныхъ занятій и перезабудетъ многое. Важно еще и то обстоятельство, что, поступая на фабрику, ученикъ скоро начинаетъ зарабатывать деньги и, болѣе этого, обезпечиваетъ себѣ занятія впередъ, — а этого не было-бы, еслибы онъ принужденъ былъ прерывать свою фабричную дѣятельность. Поэтому, обыкновенно заводскія работы наступаютъ по окончаніи курса въ школахъ, но по собственной доброй волѣ ученики пользуются для этого и временемъ вакаціи. Самая работа на заводахъ учениками школъ производится наравнѣ съ другими рабочими: они поступаютъ волонтерами и долго не получаютъ никакой задѣльной платы, потому-что стараются какъ можно скорѣе переходить отъ одной работы къ другой; когда обыкновенный рабочій, пробывъ мѣсяцъ на одной работѣ, остается при ней и начинаетъ получать жалованье, ученикъ школы переходитъ къ другой работѣ. Такимъ образомъ достигается въ образованіи техника, между теоріей и практикой, та связь, которая нужна ему въ будущей дѣятельности. Причины, почему школы предоставляютъ практическія работы на заводахъ доброй волѣ учениковъ, вообще слѣдующія: содержаніе даже небольшихъ мастерскихъ обходится дорого и никогда не можетъ окупаться, — уже потому, что ученики, работая вообще недолго, никогда не могутъ производить того, что производитъ обыкновенный рабочій; напротивъ, они истребляютъ бесполезно много матеріала, скорѣе портятъ инструменты, машины и проч. Кромѣ-того управляющему мастерскихъ школы пришлось-бы платить большее относительно жалованье, чѣмъ онъ получалъ-бы на заводѣ: другими словами, хорошій механикъ не согласится взять на себя управленіе мастерскими школы за меньшую плату, чѣмъ какую получалъ-бы на заводѣ, между-тѣмъ, по болѣе ограниченнымъ размѣрамъ мастерскихъ, для нихъ этотъ расходъ, равный по цифрѣ, будетъ тяжелѣе, чѣмъ для завода, и если школа захотѣла-бы держать свои мастерскія на хозяйственномъ основаніи, т.-е. обременять издѣлія свои всѣми тѣми расходами, которыхъ они дѣйствительно стоятъ, то издѣлія эти по высокой цѣнѣ своей не имѣли-бы сбыта. Если-бы школа и была въ состояніи употребить значительную сумму на первоначальное обзаведеніе мастерскихъ, то не могла-бы по-

стоянно вводить новыя машины, слѣдовательно скоро мастерскія ея стали-бы, сравнительно съ механическими заводами, на низкую степень, хотя въ началѣ она была-бы выше ихъ. Управляющій мастерскими, не заинтересованный въ процвѣтаніи ихъ, а обезпеченный опредѣленнымъ жалованьемъ, не будетъ такъ рачительно слѣдить за успѣхомъ работъ, какъ дѣлаетъ это заводчикъ, для котораго самая дурная работа есть прямой денежный убытокъ, потому-что портить репутацію завода и на будущее время уменьшаетъ заказы. Поэтому и работа учениковъ въ мастерскихъ школы никогда не можетъ быть такъ старательна, какъ работа ихъ-же на дѣйствительномъ заводѣ, гдѣ они подвергаются строгой отчетности и ежеминутно могутъ получить отказъ отъ мѣста. Такимъ образомъ, отстраняя отъ себя мастерскія школы не только уменьшаютъ свои расходы, но и самую работу учениковъ дѣлаютъ успѣшнѣе. Съ своей стороны, школы по-возможности стараются облегчить ученикамъ доступъ на фабрики; въ этомъ отношеніи обстоятельства, въ которыя поставлены различныя школы, очень различны. Дѣлать съ учениками экскурсіи могутъ преподаватели только тогда, когда заводы лежатъ вблизи школъ и когда число учениковъ невелико — предположивъ, что заводчики съ своей стороны тому не препятствуютъ. А вообще должно замѣтить, что заводчики дѣлаютъ это очень неохотно, даже если и не окружаютъ своего производства облакомъ тайны: всякой посѣтитель нарушаетъ порядокъ занятій лицъ, находящихся на заводѣ; чѣмъ число посѣтителей болѣе, тѣмъ очевидно больше помѣха въ работѣ. Поэтому болѣею частію школы принуждены ограничиваться тѣмъ, что даютъ ученикамъ рекомендательныя карты по заводамъ, которые учениковъ наиболѣе интересуютъ. «Различнаго рода собранія и кабинеты составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ политехническихъ школъ. Первое мѣсто занимаютъ, конечно, бібліотеки ихъ, вообще очень богатая техническими сочиненіями и доступныя ученикамъ школы особенно тамъ, гдѣ нѣтъ строго-опредѣленнаго плана занятій и гдѣ слѣдовательно ученики имѣютъ много времени для собственныхъ занятій. Чтеніе техническихъ сочиненій не поставлено, конечно, никому въ прямую обязанность, тѣмъ не менѣе ученики рѣдко могутъ обойтись безъ него, такъ-какъ при значительномъ времени, назначаемомъ на преподаваніе спеціальныхъ предметовъ, преподаватель все-же не можетъ входить, по каждой отрасли, въ такія подробности, чтобы

своими лекціями замѣнить всю литературу предмета. Собраніе моделей машинъ нигдѣ не представляетъ особенной полноты, и это понятно: дороговизна моделей потребовала-бы огромныхъ расходовъ, еслибы школа хотѣла постоянно имѣть, въ этомъ отношеніи, полныя и современныя собранія по всѣмъ производствамъ, между тѣмъ-какъ ученики школы во всякомъ случаѣ достаточно развиты для того, чтобы понимать дѣйствіе машинъ по чертежамъ. Гораздо важнѣе и полезнѣе собраніе частей машинъ, какъ пособіе при курсѣ постройки машинъ; въ Дрезденѣ напр. они изъ дерева, но въ настоящую величину (почти всѣ) и выполнены такъ, какъ выполняются на самомъ дѣлѣ (изъ металла); затѣмъ необходимую принадлежность модельнаго собранія и чрезвычайно-важное пособіе при лекціяхъ составляютъ отдѣльныя части машинъ въ естественномъ ихъ видѣ (напр. кардныя ленты, гребни разнаго рода и пр.). Составляя существенную часть исполнительнаго механизма, они должны быть особенно хорошо знакомы технику. Наконецъ относительно собственно машинъ заслуживаетъ подражанія мысль, приведенная уже частію въ исполненіе въ Дрезденѣ директоромъ ея, д-ромъ Гюльзе: вмѣсто того, чтобы имѣть модели, которыя, какъ замѣчено выше, дороги, а часто были-бы слишкомъ мелки, да и вообще не показываютъ машины въ ея изстоящемъ видѣ, г. Гюльзе предпочитаетъ имѣть настоящія машины, въ естественную величину, но съ тѣмъ отличіемъ, что въ нихъ сохранены только части, важныя для полнаго объясненія дѣйствія: напр. въ прядильныхъ машинахъ важна передача движенія отъ главной оси другимъ частямъ и устройство этихъ частей, но вовсе не нужно, чтобы послѣднія повторены были въ такомъ огромномъ числѣ экземпляровъ, какъ это имѣеть мѣсто на практикѣ. Затѣмъ, другія машины объясняются по чертежамъ. Ганноверская школа богата собраніемъ инструментовъ для обработки металловъ и дерева и собраніемъ мануфактурнымъ. Коллекція зоологическая, ботаническая и минеральная въ политехническихъ школахъ не имѣютъ большой важности; богатство ихъ зависитъ отъ личности профессора и отъ большаго или меньшаго развитія въ преподаваніи этихъ предметовъ. Такъ въ Карльсруэ очень богато минеральное собраніе и на преподаваніе минералогіи и геогнозіи назначается много времени: это объясняется тѣмъ, что профессоръ Зальбербергеръ пользуется репутаціею прекраснаго преподавателя, и къ нему стекается много слушателей кромѣ политехниковъ. То-же дол-

жно сказать и о физических кабинетахъ. Что-же касается лабораторій, то важность лабораторіи при политехнической школѣ зависитъ отъ совершенно постороннихъ причинъ. Такъ въ Берлинѣ нѣтъ казенной открытой лабораторіи при университетѣ, и потому въ лабораторіи промышленнаго института работаютъ многіе студенты. Вообще личность преподавателя, для извѣстности лабораторіи, важнѣе, чѣмъ болѣе или менѣе блестящее устройство ея. Въ Геттингенскомъ университетѣ производятся прекрасныя работы подъ руководствомъ профессора Вёлера въ чрезвычайно-тѣсной и неудобной лабораторіи (въ ней нѣтъ напр. отдѣльной комнаты для вѣсовъ), а великолѣпная и обширная Штутгартская лабораторія стоитъ пустая. После осмотра лабораторій при политехническихъ школахъ, нельзя, по-крайней-мѣрѣ, отчасти не согласиться съ тѣмъ, что сказалъ миѣ профессоръ Отто: «лабораторіи раздѣляются на блестящія, въ которыхъ ничего не дѣлаютъ, и бѣдныя, въ которыхъ много работаютъ». Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дурное устройство лабораторіи было ручательствомъ за успѣхъ работающихъ въ ней, и вообще теперь при развитіи изученія химіи вездѣ стараются обзавестись лучшими лабораторіями». Статья г. Андреева заключена слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: «Не смотря на различія между разными школами, нельзя не замѣтить между ними того важнаго сходства, что, служа исключительно для распространенія прикладныхъ знаній, онѣ однако даютъ ученикамъ образованіе научное; до этого Германскія школы дошли путемъ опыта, и это лучший отвѣтъ тѣмъ, которые, желая только пожинать плоды другихъ, пугаясь труда — изучить предметъ основательно, ставятъ теорію непримиримымъ врагомъ практики и требуютъ, чтобы преподаваніе прикладныхъ знаній было *практическимъ* (въ ихъ смыслѣ), т. е. такимъ, при которомъ-бы преподаватель, избѣгая всякихъ теоретическихъ соображеній, занимался-бы только описаніемъ способовъ производства. Германскія школы дознали, что хорошо приготовленъ къ практикѣ только научно образованный техникъ, что прочное основаніе себѣ практика находитъ только въ теоріи».

— «Значеніе машинъ въ народномъ хозяйствѣ». — Дабы познакомить съ содержаніемъ этой статьи г. Ильина, помѣщаемъ здѣсь вступленіе въ нее. «Разсматривая экономическое дѣйствіе какого-нибудь явленія въ области народнаго хозяйства, лучше все-

го поставить его въ одинъ рядъ съ другими подобными и отыскать такимъ образомъ — въ чемъ заключается общее условіе экономического прогресса. Въ такомъ случаѣ долженъ исчезнуть всякій односторонній взглядъ и ошибочное сужденіе, и явленіе представится намъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ и значеніи. Тогда становится очевиднымъ, въ чемъ именно заключается его вліяніе на народное богатство, и гдѣ находится источникъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя легко впасть, обращая вниманіе только на видимую сторону предмета. Итакъ постараемся поближе разсмотрѣть, какое мѣсто занимаетъ въ сферѣ народно-хозяйственной жизни введеніе машиннаго производства, какимъ причинамъ обязано оно своимъ происхожденіемъ, и какое значеніе имѣютъ машины въ экономической жизни народовъ. Возможно-полное и совершенное удовлетвореніе многостороннимъ потребностямъ человѣка составляетъ задачу и цѣль его хозяйственной дѣятельности. Неисчерпаемый источникъ для ихъ удовлетворенія представляютъ природа, различныя естественныя тѣла и силы, дѣйствуя на которыя, трудъ приспособляетъ ихъ къ человѣческимъ нуждамъ. Въ этомъ заключается сущность экономического производства, а трудъ и природа, дѣйствующіе вмѣстѣ въ этомъ процессѣ, составляютъ первоначальныя производительныя силы. Однако, на самой низкой ступени экономического развитія, къ нимъ уже присоединяется третья сила, плодъ труда — капиталъ, расширяющій кругъ дѣйствія труда на природу, а потомъ способствующій лучшему и полнѣйшему удовлетворенію потребностямъ человѣка. Вѣроятно, большее сбереженіе труда и времени составляетъ главную задачу экономического прогресса, и въ этомъ отношеніи капиталъ, будучи запасомъ предыдущаго труда, представляетъ въ высшей степени производительную силу, способствующую умноженію матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія человѣка. Въ сферѣ общественной жизни являются многія другія причины, умножающія производительность труда; сюда относятся: раздѣленіе труда, мѣна, деньги, кредитъ и проч. Между всѣми этими явленіями существуетъ совершенная аналогія и совершенное тождество сущности экономического результата. Всѣ они имѣютъ окончательною цѣлью возможно-большее сбереженіе издержекъ производства и, слѣдовательно, умноженіе производительности труда. Уже этотъ бѣглый взглядъ показываетъ намъ ту точку, съ которой мы должны смотрѣть на значеніе машинъ въ народной экономіи. Представляя собою видъ

постояннаго капитала, каждая машина имѣетъ прямою цѣлью сбереженіе издержекъ производства, выигрышь труда и времени, и чѣмъ съ большимъ успѣхомъ достигается цѣль, тѣмъ самая машина производительнѣе и полезнѣе. Этому-то свойству самаго существа машиннаго производства и обязано оно своимъ столь обширнымъ примѣненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время трудно указать какую-нибудь отрасль промышленности, гдѣ-бы громадная сила неодоушевленныхъ двигателей не вступала все больше и больше въ свои права и гдѣ-бы не развивалось постепенно ея примѣненіе. Производство въ большихъ размѣрахъ, производство машинное, составляетъ характеристику современной мануфактурной промышленности, а парокходство и желѣзныя дороги представляютъ въ торговлѣ современный фактъ, горящій такъ ясно и краснорѣчиво въ пользу машинъ. При всемъ томъ однако, на этой одной сторонѣ предмета нельзя основывать полнаго и безошибочнаго сужденія объ экономической роли машинъ. Возможно-большее развитіе производства не можетъ еще само-по-себѣ составлять окончательную цѣль политической экономіи; и, съ точки зрѣнія народнаго богатства, едва-ли не большую важность имѣетъ его распредѣленіе. Всякое явленіе въ народной жизни только тогда можетъ быть названо благодѣтельнымъ, когда приноситъ пользу всѣмъ классамъ общества, а не отдѣльнымъ лицамъ насчетъ другихъ, и всякое экономическое явленіе только тогда заключаетъ въ себѣ условіе прогресса, когда содѣйствуетъ и большому производству и лучшему распредѣленію богатства. Такимъ-образомъ представляются сами-собою двѣ стороны, съ которыхъ мы должны разсматривать введеніе машинъ въ производство. Развитіе производства и правильное распредѣленіе, не нарушающее порядка хозяйственной жизни, — вотъ два условія, которымъ должно удовлетворить, и которыя составляютъ критеріумъ для оцѣнки всякаго экономическаго явленія. Въ-отношеніи машинъ должно замѣтить, что первая сторона ихъ—вліяніе на совершенство и развитіе производства, такъ очевидна и такъ ярко бросается въ глаза, что трудно въ этомъ отношеніи сказать что-нибудь противъ нихъ. Напротивъ, многіе писатели по части политической экономіи, обращая вниманіе на вліяніе машинъ на судьбу рабочаго класса, не признавали пользы ихъ, и видѣли въ ихъ введеніи только одну грустную монополію капитала, обогащеніе одного насчетъ другаго, бѣдствіе для рабочаго сословія. Въ настоящее время вопросъ о машинахъ принадлежитъ

къ числу вопросовъ, рѣшенныхъ въ наукѣ политической экономіи, но тѣмъ не менѣе въ практической жизни часто встрѣчаются превратныя мнѣнія о вліяніи машинъ на судьбу рабочаго класса. Въ дѣлѣ матеріальныхъ интересовъ трудно вообще освободиться отъ минутнаго впечатлѣнія и личнаго узкаго взгляда, особенно когда наглядные факты какъ будто говорятъ въ его пользу; но чѣмъ съ большихъ сторонъ разсматривается и обсуживается предметъ, тѣмъ яснѣе представляется истинное его значеніе, и за *видимой* стороной вопроса, по выраженію Бастіа, возстаетъ другая — *не-видимая*. Съ двухъ показанныхъ нами сторонъ мы постараемся разсмотрѣть экономическое значеніе машинъ. Показавъ сначала общія причины употребленія машинъ, важную роль, занимаемую ими въ настоящее время въ народномъ хозяйствѣ, представимъ потомъ нѣкоторые факты, показывающіе производительную силу машинъ, и наконецъ перейдемъ ко второму отдѣлу вопроса — о вліяніи машинъ на положеніе рабочаго класса; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ мы представимъ преимущественно взглядъ Сисмонди на этотъ предметъ и постараемся дать ему надлежащую оцѣнку».

— Изъ статей, помѣщенныхъ въ промышленно-хозяйственныхъ газетахъ, укажемъ на слѣдующія: въ Земл. газетѣ: *Новая система паровой обработки* (№ 46); *Преподаваніе сельскаго хозяйства въ Англии* (ibid.); *Объ обращеніи съ рабочимъ скотомъ и въ-особенности съ лошадью* (№ 50, 51, 52); *Способъ Доера храненія хлѣбныхъ зеренъ* (№ 49, 50, 51); *Причина, отчего не улучшается бытъ земледѣльцевъ на лучшихъ земляхъ сравнительно на тощихъ почвахъ въ промышленныхъ мѣстахъ* (№ 62); въ Промышл. листкѣ: *Промышленость цвѣтныхъ камней на Уралѣ*, А. Бѣлова (№ 36, 37, 38); *Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи* (№ 39); *Состояніе бѣлильнаго искусства въ настоящее время*, П. Александрова (№ 40, 41, 42, 48, 53); *Замѣчанія о существенныхъ интересахъ Русскихъ земледѣльцевъ, помѣщиковъ и крестьянъ*, А. Тучкова (№ 59, 60); въ Листкѣ для всѣхъ: *Взглядъ на оцѣнку труда крестьянина, работающаго не на собственной землѣ* (№ 20); *Свинецъ и его вліяніе на организмъ* (№ 18, 19, 23, 24); *Перечень обыкновенныхъ болѣзней рогатаго скота* (№ 24); *Объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ* (№ 24); *Настоящій сельскій хозяинъ* (№ 26, 27); *Физиологическія изслѣдованія питанія и отученія домашнихъ животныхъ* (№ 31, 32, 33); *Извѣстіе о пчеловодномъ снарядѣ* Личкова (№ 34).

— По части распространенія грамотности въ простомъ классѣ людей и вообще по части образованія ихъ и улучшенія нравственности явились слѣдующія статьи: *Нѣсколько данныхъ о крестьянскомъ образованіи*, А. Раевского (Ж. м. г. им. № 7—8); *Мысль по поводу вопроса: какими средствами можно ослабить въ нашемъ простонародь пагубную страсть къ пьянству?* (Земл. газ. № 36); *Крестьянинъ-попутчикъ* (ibid. № 38, 39); *И мое слово о грамотности* (ibid. № 41); *О народномъ образованіи*, А. Гагемейстера (№ 53, 54); *Мысли земледѣльца о причинахъ пьянства* (№ 56); *Матеріалы для сужденія о послѣдствіяхъ грамотности* (№ 57, 63); *Дѣйствительно-ли въ нашемъ народѣ распространяется пьянство, и образованіе и грамотность, какъ одно изъ средствъ къ тому и проч.* (№ 65). Сверхъ-того по нечисленнымъ выше предметамъ, которые такъ усердно разрабатываются въ настоящее время повременною литературою, много дѣльнаго высказывается въ статьяхъ извѣстнаго ревнителя благосостоянія крестьянъ *Б. Чичачева*, которыя помѣщаются въ Земл. газ. подъ заглавіемъ: *Откровенность старца*; есть также много дѣльныхъ замѣтокъ по тѣмъ-же предметамъ въ болѣе или менѣе мелкихъ статейкахъ, разбросанныхъ по разнымъ нумерамъ Листка для всѣхъ.

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

СЛУХЪ НАСЪКОМЫХЪ (1). — Известно очень хорошо, что насѣкомыя слышать; но въ какой области ихъ тѣла происходитъ воспріятіе ощущеній слуха, до-сихъ-поръ было неизвѣстно, или по-крайней-мѣрѣ было предметомъ споровъ и разнообразныхъ мнѣній.

Что насѣкомыя могутъ воспринимать звуки или колебанія воздуха и воды на нѣкоторомъ разстояніи, видно уже изъ того, что сами они способны производить подобныя колебанія помощію особенныхъ органовъ и посредствомъ весьма разнообразнаго механизма. Большею частію механизмъ такого рода приводится въ дѣйствіе именно тогда, когда имъ нужно давать знать о себѣ другъ другу, не трогаясь съ мѣста.

Стрекотаніе кузнечика, пѣніе сверчка, жужчаніе мухи и пчелы и множество другихъ многообразныхъ звуковъ, конечно, производятся съ тѣмъ, чтобы ихъ слышали; но гдѣ находится органъ, специально-назначенный для этого слышанія? Всѣ мнѣнія касательно этого предмета, представленныя до-сихъ-поръ учеными, были не болѣе, какъ смѣлыя предположенія и основывались только на вѣроятности. Только вслѣдствіе аналогіи можно было думать, что органъ слуха заключается гдѣ-нибудь въ головѣ, какъ у позвоночныхъ животныхъ и вотъ почему особеннымъ преимуществомъ пользовалось мнѣніе, что оно заключается въ усикахъ или сяжкахъ.

(1) Comptes rendus. 1858, 2 Novembre, p. 681.

Предполагали, что, подобно ракообразнымъ, насѣкомыя имѣютъ въ усикахъ натянутую перепонку, способную дрожать вслѣдствіе вышнихъ дрожаній и сообщающую свои дражанія нервамъ, которые были даже изображены и описаны. Но расширеніе этихъ нервовъ для воспріятія звуковъ не было съ точностію найдено. Съ другой стороны, при недостаткѣ прямыхъ доказательствъ, имѣли силу и другія соображенія. Извѣстно, что вслѣдствіе другаго устройства дыхательныхъ органовъ, органъ обонянія у насѣкомыхъ долженъ занимать не то мѣсто, какъ у высшихъ животныхъ, что онъ у нихъ, вѣроятно, множественный и находится при отверстіи устьиць, черезъ которыя входитъ воздухъ въ тѣло этихъ животныхъ. Почему-же невозможно предположить, что колебанія воздуха также воспринимаются не головою, а какими-нибудь другими частями тѣла? *Компаратти* (2), думалъ напримѣръ, что насѣкомыя слышатъ грудью.

Особенныя отверстія, найденныя на краяхъ глазъ у чешуекрылыхъ, на затылкѣ цикадъ, на загрудкѣ кузнечиковъ, также принимаемы были за органы слуха.

Но вслѣдствіе исключительнаго появленія всѣхъ этихъ частей только у извѣстныхъ родовъ, всего чаще органами слуха считались не они, а усики. Не смотря однакожь на общее почти согласіе въ этомъ отношеніи, положительныхъ доказательствъ на это не было. Г. Леспесь (*Lespès*) теперь старается доказать, что дѣйствительно на поверхности и внутри усиковъ находится сѣдалище органовъ слуха.

Онъ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ видахъ насѣкомыхъ, усики усѣяны выдающимися и прозрачными точками, или мелкими отверстіями. Уже Эриксонъ, впрочемъ, указалъ и описалъ эти бугорки, которымъ приписывалъ воспріятіе запаховъ. Ихъ зналъ также Дюжесь, который сравнивалъ ихъ съ прозрачными пузырьками. На нихъ-то устремилъ свои изслѣдованія г. Леспесь и пришелъ къ убѣжденію, что они суть истинные органы слуха насѣкомыхъ.

Онъ употреблялъ при этомъ не только разсѣченіе, но также химическое дѣйствіе нѣкоторыхъ веществъ и представилъ результаты своихъ микроскопическихъ наблюденій въ цѣломъ ряду изображеній, сильно увеличенныхъ. Чтобы лучше изучать разсматриваемые органы, Леспесь выбралъ одно изъ самыхъ большихъ

(2) *Compartti. Observationes anatomicae de aure interna, 1781, p. 286.*

насѣкомыхъ, майскаго жука и осторожно отдѣлилъ одну изъ пластинокъ его усиковъ. Потомъ онъ обрѣзалъ края этой пластинки и получилъ такимъ образомъ два листка, лежащіе одинъ на другомъ, и которые нужно было разнять для того, чтобы рассмотреть части, содержащіяся между ними. Для этого онъ мочилъ такой препаратъ въ смѣси воды и глицерина и въ слабомъ растворѣ хромовой кислоты. Когда ткани размокли, можно было снять одну изъ пластинокъ и оставить на другой неприкосновенно нервы и воздушныя трубочки. Все это можно было разсматривать въ микроскопъ.

Такимъ образомъ авторъ дошелъ до слѣдующихъ выводовъ (3):

У всѣхъ насѣкомыхъ въ роговой оболочкѣ сяжковъ существуютъ отверстія, различныя по числу и по расположенію. Они закрыты перепонкою, подобно барабану или, еще лучше, круглому отверстию позвоночныхъ животныхъ. Леспесъ предлагаетъ называть ихъ *барабанчиками* (*tympanules*).

За перепонкою, непосредственно прилегая къ ея поверхности, находится небольшой мѣшочикъ наполненный густою жидкостью, въ которой почти всегда замѣчается твердое тѣло. Вѣроятно, это слуховой мѣшечекъ и въ немъ слуховой камень, *отолитъ*.

Во многихъ случаяхъ автору удалось видѣть вѣтвь сяжковаго нерва, входящую въ этотъ мѣшочикъ.

Сравнительное изученіе въ большомъ числѣ видовъ показало, что органы эти всегда устроены одинаково; величина ихъ различна и не зависитъ отъ величины насѣкомаго; иногда они очень малы въ большихъ видахъ; иногда обратно относительно велики въ малыхъ.

Число ихъ весьма различно. Леспесъ нашелъ только четыре на усикѣ стрекозы, тогда-какъ у пластинчатоусыхъ жуковъ ихъ несчетное множество. Положеніе также весьма разнообразно, но всегда въ-связи съ формою сяжковъ.

Что касается до многоножекъ, то у многихъ оказалось замѣчательное устройство; именно, посреди сяжка у одного вида (*Scutigera coleoptrata*) существуетъ родъ узла или раздутія, образованнаго двумя члениками, между которыми расположенъ небольшой мѣшечекъ, принимающій въ себя вѣтку нерва. Въ другомъ видѣ (*Iulus terrestris*) два подобные прибора расположены рядомъ.

(3) Comptes Rendus 1858. 30 Aout.

Описанные органы представляют хотя въ малыхъ размѣрахъ такой-же приборъ, какой извѣстенъ у ракообразныхъ десятиногихъ и помѣщается также на сяжкѣ; точно также находимъ здѣсь мѣшечекъ, наполненный густою жидкостью и снабженный нервомъ. У раковъ нѣтъ настоящаго отолиста, но только жидкость мѣшка гуще въ серединѣ; у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ встрѣчается то-же самое, но у большей части средняя часть жидкости вполне тверда.

Что до органа многоножекъ, то онъ ни въ чемъ существенно не отличается отъ органа раковъ и представляетъ по этому какъ-бы переходъ отъ раковъ къ насѣкомымъ.

И такъ, вѣроятно, эти приборы служатъ для воспріятія звуковъ.

Леспесъ сдѣлалъ также нѣсколько физиологическихъ опытовъ, чтобы вполне убѣдиться въ отправленіи открытыхъ имъ органовъ, но, къ-сожалѣнію, не получилъ несомнѣнныхъ и вполне отчетливыхъ результатовъ.

По всей вѣроятности однакожь, описанныя части суть органы слуха насѣкомыхъ; такимъ образомъ эти животныя представляютъ намъ *сложныя уши*, точно такъ, какъ они имѣютъ сложные глаза. Съ другой стороны, органы многоножекъ и также нѣкоторыхъ личинокъ можно сравнить съ простыми глазами, которые у нихъ-же встрѣчаются; наконецъ чтобы провести дальше параллель между двумя органами чувствъ, мы находимъ, что у одного изъ многоногихъ два слуховые прибора расположены одинъ возлѣ другаго, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ суставчатыхъ встрѣчаются группы простыхъ глазъ.

КОЛИЧЕСТВО КИСЛОРОДА ВЪ ВЕЩНОЙ КРОВИ ЖЕЛѢЗЪ (4). — Клодъ *Бернаръ* представилъ продолженіе своихъ прекрасныхъ изслѣдованій надъ желѣзами. Онъ успѣлъ опредѣлить химическія перемѣны, которыя происходятъ въ крови желѣзъ, когда она краснѣетъ и темнѣетъ (5).

Впрочемъ, дѣло идетъ здѣсь не о полномъ химическомъ анализѣ крови. К. Бернаръ старался только опредѣлить относительное количество кислорода, какъ того газа, которому обыкновенно приписываютъ окрашиваніе крови. Притомъ къ своимъ химиче-

(4) Comptes rendus 1858. 6 Septembre.

(5) См. Ж. м. н. п. Апрель. 1858.

скимъ опытамъ авторъ пришелъ путемъ чисто-физиологическимъ и употребляетъ новый, но вмѣстѣ весьма простой приемъ для опредѣленія, которое ему нужно.

Десять лѣтъ тому назадъ онъ дѣлалъ опыты надъ отравленіемъ животныхъ окисью углерода; эти опыты были потомъ повторены въ курсахъ въ Collège de France въ 1853 и 1856 годахъ (6). Изучая токсическое дѣйствіе этого газа, онъ нашелъ, что быстрое отравленіе происходитъ оттого, что окись углерода мгновенно вытѣсняетъ кислородъ кровяныхъ крупинокъ, и что сама она не можетъ быть потомъ вытѣснена кислородомъ. Такимъ образомъ крупинки крови какъ-бы парализуются, неспособны поглощать кислородъ, и потому не могутъ поддерживать жизнь. Если всѣ кровяныя крупинки поражены достаточнымъ количествомъ окиси углерода, то смерть слѣдуетъ почти мгновенно, и жизнь не возвращается при искусственномъ вдыханіи; если-же часть крови еще не подверглась вредному влиянію, то смерть слѣдуетъ медленно и пр.

Однимъ словомъ, ядовитое дѣйствіе окиси углерода есть слѣдствіе ея сильнаго сродства съ веществомъ кровяныхъ крупинокъ. На самомъ дѣлѣ сродство это сильнѣе, чѣмъ сродство кислорода, такъ-какъ кислородъ не можетъ въ свою очередь вытѣснить окись изъ кровяныхъ крупинокъ.

Такая особенность окиси углерода, открытая Кл. Бернаромъ, привела его естественнымъ образомъ къ мысли употребить этотъ газъ — для вытѣсненія кислорода. Такой приемъ имѣетъ ту особенную выгоду передъ прежними приемами, что онъ быстръ и точенъ; на самомъ дѣлѣ самое отравленіе кровяныхъ шариковъ уничтожаетъ причины, по которымъ часть кислорода могла-бы потеряться во время опыта.

Уже два года знаменитый физиологъ употребляетъ этотъ способъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ публичныхъ курсахъ.

Вотъ его приемы. Изъ сосудовъ кровь вытягивается насосомъ и потомъ быстро проводится въ трубку, опущенную открытымъ концомъ въ ртуть и наполненную окисью углерода. Такимъ образомъ кровь не приходитъ въ прикосновеніе съ воздухомъ. Какъ только кровь введена въ трубку, она сильно взбалтывается, такъ-

(6) Leçons sur les effets des substances toxiques et medicamenteuses. Paris 1857.

что равномерно смѣшивается и не успѣваетъ свернуться. Она оставляется въ прикосновеніи съ окисью углерода въ продолженіе одного или двухъ часовъ при температурѣ отъ 30 до 40 градусовъ. Въ это время ее снова взбалтываютъ раза два или три. Обыкновенно объемъ газа не измѣняется, потому что равные объемы окиси углерода замѣщаютъ равные объемы кислорода. Подъ вліяніемъ окиси углерода, какова-бы ни была кровь, она принимаетъ красный цвѣтъ. К. Бернаръ давно уже указывалъ на этотъ цвѣтъ, какъ на характеристику дѣйствія окиси углерода, все равно — совершилось-ли оно въ сосудахъ живаго тѣла или-же внѣ его.

Обыкновенно на 15 кубическихъ сантиметровъ крови онъ употребляетъ 25 куб. сантиметровъ окиси углерода. При такомъ количествѣ весь кислородъ крови вытѣсняется; дѣйствительно, если прибавить еще окиси углерода, то новые опыты уже не показываютъ никакого замѣтнаго отдѣленія кислорода.

Чтобы анализировать смѣсь полученныхъ соковъ, употреблялись обыкновенные способы; углекислота поглощалась кали, кислородъ природубильною кислотою, а опредѣленіе количества окиси углерода производимо было посредствомъ превращенія ея электрическою искрою въ углекислоту.

Въ настоящемъ случаѣ нужно было опредѣлить, содержитъ-ли красная венная кровь желѣзъ столько-же или болѣе кислорода, чѣмъ темная. Вопросъ долженъ быть именно такого рода. При нынѣшнемъ состояніи познаній, можно было сдѣлать только два предположенія относительно окрашиванія венной крови желѣзъ, которая при этомъ течетъ очень быстро. Можно думать, что эта кровь есть не что иное, какъ артеріальная кровь, которая прошла черезъ волосные сосуды такъ быстро, что не успѣла превратиться въ венную, то есть не успѣла отдѣлать своего кислорода и принять на мѣсто его углекислоту. Или-же можно предполагать, что красная венная кровь есть обыкновенная венная кровь, только лишенная углекислоты дѣйствіемъ желѣзы. Последнее мнѣніе имѣло особенную вѣроятность потому, что всѣ отдѣляемыя жидкости заключаютъ значительную долю углекислоты или въ растворѣ или въ соединеніи. Только количество кислорода, содержащееся въ крови при входѣ въ желѣзу и при выходѣ изъ нея, могло рѣшить, которая изъ этихъ гипотезъ вѣрна. Если, выходя изъ желѣзы, венная кровь содержитъ больше кислорода, чѣмъ темная венная кровь, то явно, что она не превращается въ венную. Если-же,

напротивъ, красная венная кровь содержитъ меньше кислорода, чѣмъ кровь артеріальная, и столько-же, сколько темная венная кровь, то нужно будетъ принять второе предположеніе, то есть, что во время отдѣленія артеріальная кровь, какъ и всегда, становится венною, но при томъ остается красною, потому-что тутъ-же освобождается отъ своей углекислоты.

Таковъ вопросъ, который должно было рѣшить опытомъ.

Кл. Бернаръ дѣлалъ опытъ надъ почечною веною, такъ-какъ по объему этого органа можно легко получить количества крови достаточныя для сравнительнаго анализа.

У здоровой собаки въ періодъ пищеваренія онъ обнаружилъ почечныя сосуды лѣвой стороны и быстро втянулъ и привелъ въ прикосновеніе съ окисью углерода кровь почечной вены, тогда-какъ моча продолжала течь и венная кровь была почти такого-же яркаго цвѣта, какъ артеріальная. Тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ одно изъ многочисленныхъ развѣтвленій печеночной артеріи было разрѣзано и подобнымъ-же образомъ артеріальная кровь была подвергнута дѣйствию окиси углерода. Тогда, чтобы нарушить отдѣленіе мочи, Кл. Бернаръ снялъ жирную оболочку почки. Моча черезъ нѣсколько секундъ перестала течь и кровь вены стала темною, какъ кровь полой вены. Тогда такое-же количество этой темной крови почечной вены было втянуто насосомъ и также смѣшено съ окисью углерода. Черезъ часъ, въ продолженіе котораго поддерживали температуру крови при 30 или 40 градусахъ, анализъ равнаго количества газонъ въ трехъ пробахъ далъ слѣдующія числа, выражающія объемъ кислорода въ-отношеніи къ 100 объемамъ крови:

- 1) Для красной венной крови. 17,26
- 2) — крови артеріальной. 19,96
- 3). — темной венной крови. 6,40

Въ другомъ опытѣ получено 16 на 100 въ красной крови почечной вены, 17,44 — въ артеріальной крови аорты и 6,44 — въ веной крови полой вены.

Изъ этихъ опытовъ видно, что красная венная кровь почки (и то-же должно предполагать и о другихъ желѣзахъ) отличается отъ обыкновенной венной крови тѣмъ, что она, такъ-сказать, не раскислена. Такимъ образомъ подтверждается наша первая гипотеза, такъ-какъ эта кровь сохраняетъ признаки артеріальной крови. Впрочемъ, хотя это вѣрно въ-отношеніи къ количествамъ кисло-

рода, въ общемъ смыслѣ это не точно. На самомъ дѣлѣ красная венная кровь желѣзъ содержитъ гораздо меньше фибрина, чѣмъ артеріальная кровь; она заключаетъ въ себѣ также меньше воды, потому-что изъ нея извлечена вода отдѣляющихся веществъ и наконецъ красная венная кровь гораздо легче измѣняется, чѣмъ артеріальная: она сама собою принимаетъ темный цвѣтъ гораздо быстрѣе, чѣмъ кровь, взятая изъ артерій.

Какъ-бы то ни было, что касается до вопроса собственно о количествѣ кислорода, оказывается, что желѣзы въ то самое время, когда совершаютъ свое отправленіе, то есть производить выдѣленіе, пропускаютъ сквозь себя красную кровь, не раскисляя ея, тогда-какъ во время покоя, когда не образуется выдѣленія, кровь выходитъ изъ нихъ черная, лишенная большей части своего кислорода и насыщенная углекислотою. Здѣсь опять мы видимъ противоположность между желѣзами и мускулами, на которую Кл. Бернаръ часто обращалъ вниманіе. Въ мускулахъ венная кровь становится тѣмъ чернѣе и тѣмъ болѣе разкисленною, чѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ и сокращался органъ; изъ желѣзъ кровь выходитъ тѣмъ краснѣе и тѣмъ менѣе разжиженною, чѣмъ съ большимъ напряженіемъ дѣйствовала желѣза, чѣмъ сильнѣе она отдѣляла. Какъ понимать такую противоположность? Можно-ли думать, что она доказываетъ коренное различіе въ процессахъ питанія и отправленія мускуловъ и желѣзъ? Однимъ словомъ, можемъ-ли мы сказать, что мускулы потребляютъ кислородъ прямо пропорціонально ихъ дѣятельности, а желѣзы на оборотъ? Или-же это странное заключеніе скорѣе указываетъ на неправильное пониманіе дѣятельности желѣзъ? Къ этому послѣднему заключенію склоняется Кл. Бернаръ. Онъ полагаетъ, что его изысканія поведутъ къ другому понятію о томъ, что мы называемъ состояніемъ покоя и состояніемъ дѣятельности желѣзъ, именно, что въ этомъ случаѣ должно различать состояніе химической дѣятельности и другое состояніе — дѣятельности чисто-механической.

Это будетъ предметомъ послѣдующихъ изысканій знаменитаго физиолога.

ВНИМАНІЮ ВОСТОЧНЫХЪ БРИГОВЪ АМЕРИКИ (7). — Извѣстно, что твердая земля или суша не остается неизмѣнно неподвижною. Нужно при-

(7) L'Institut, 1858, p. 864.

нять за всеобщее явленіе, что высота ея въ-теченіе многихъ лѣтъ измѣняется. Всего яснѣе это обнаруживается на берегахъ морей, такъ-какъ уровень океана можно принимать за неизмѣнный.

Американскихъ геологъ *Кукъ* (М. Н. Cook) недавно сдѣлалъ многочисленныя наблюденія этого рода на берегахъ Нью-Жерсея и Лонгъ-Исланда. Вдоль этихъ береговъ существуютъ подводныя гѣса, ясно указывающіе на то, что берегъ понижается; г. Кукъ старался опредѣлить величину этого пониженія. Онъ нашелъ не только здѣсь, но и на значительной части восточныхъ береговъ Соединенныхъ Штатовъ признаки пониженія, которое среднимъ числомъ равно 66 сантиметрамъ въ сто лѣтъ. На-самомъ-дѣлѣ онъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ пониженіе на 1 метръ въ полтора-ста лѣтъ, въ другомъ на 66 сантиметровъ въ сто лѣтъ, въ третьемъ и четвертомъ на 33 сантиметра въ 50 лѣтъ, въ пятомъ на 11 сантиметровъ въ 25 лѣтъ и въ шестомъ на 22 сантиметра также въ-теченіе четверти вѣка.

Подобнымъ образомъ Сицилійскій геологъ Гемелларо (8) сдѣлалъ многочисленныя наблюденія слѣдовъ, оставленныхъ моремъ на восточномъ берегу Сициліи и показывающихъ, что здѣсь происходитъ повышеніе суши, подобное тому, какое давно уже было замѣчено въ Швеціи. Въ-особинности начиная отъ устья Симето до Оноболы слѣды этого рода были найдены имъ въ изобиліи и притомъ совершенно отчетливыя. Во всей этой части берега по-мѣстамъ встрѣчаются явныя свидѣтельства о прежнихъ уровняхъ моря. Большіе куски лавы, обтертые и обглаженные волнами, известково-кремнистый раковистый осадокъ, морская брекчія, все это встрѣчается на различныхъ высотахъ надъ теперешнею поверхностію моря и показываетъ постоянное долготѣнѣе дѣйствіе морскихъ волнъ на послѣдовательныхъ уровняхъ. Существованіе дыръ въ упомянутомъ раковистомъ осадкѣ, производимыхъ *Modiola lithophaga Lamack*, присутствіе раковинъ брюхоногихъ и пластинчатожаберныхъ слизней въ ихъ естественномъ положеніи и на различныхъ высотахъ, также доказываютъ медленное и постепенное поднятіе берега. Наконецъ сверлящія моллюски и известково-кремнистый осадокъ, находимые на Циклопскихъ островахъ (Фаральони), на высотѣ почти 13 метровъ, и огромные куски лавы, покрытые серпулами и находимые на высотѣ 14 метровъ, показы-

(8) L'Institut, 1858, p. 244.

ваютъ, что высота 13,5 метра есть средняя мѣра, на которую поднялась эта часть Сицилійскаго берега въ настоящій геологическій періодъ.

И. СТРАХОВЪ.

БОЛѢЗНИ ШЕЛКОВИЧНЫХЪ ЧЕРВЕЙ (9). — *Декень, Шелмо и Катрфажъ* были назначены Парижской академіей наукъ членами комиссіи для изслѣдованія всѣхъ вопросовъ, относящихся до болѣзни шелковичныхъ червей. Они оставили Парижъ 27 апрѣля и посѣтили Лионъ, Оранжъ, Авиньонъ, Нимъ съ окрестностями. Сначала они ѣхали вмѣстѣ, но потомъ раздѣлились и дѣлали свои изысканія отдѣльно. Въ непродолжительномъ времени они издадутъ большое сочиненіе о своихъ трудахъ; но пока *Катрфажъ*, съ согласія своихъ товарищей, изложилъ академіи словесно общіе результаты, которые ему удалось получить.

Всѣ трое, но въ-особенности *Декень* и *Шелмо* изслѣдовали со всевозможною тщательностью тутовые листья, собранные изъ различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга странъ, въ различные эпохи ихъ развитія. Повсюду листья шелковицы были совершенно въ нормальномъ состояніи; повсюду они были признаны особенно хорошими для корма, какъ комиссіею, такъ и туземными воспитателями. Посему, по мнѣнію комиссіи, нѣтъ прямаго отношенія между состояніемъ листьевъ и болѣзнію червей, хотя такое мнѣніе было выражено нѣкоторыми воспитателями и людьми, извѣстными специальными свѣдѣніями по этой части, какъ напр. *Геренъ-Менвиллемъ*, который въ прошломъ году замѣтилъ слабые слѣды болѣзни на листьяхъ шелковицы въ Парижѣ, а въ нынѣшнемъ году заболѣли черви, воспитанные въ ботаническомъ саду (10).

Катрфажъ особенно занимался патологическимъ изученіемъ насѣкомыхъ во всѣхъ трехъ состояніяхъ, именно въ видѣ гусеницъ, куколокъ и бабочекъ.

Первый общій результатъ, къ которому пришелъ *Катрфажъ*, состоитъ въ томъ, что черви вымирали не отъ *одной*, а отъ *многихъ* болѣзней. *Катрфажъ* наблюдалъ всѣ болѣзни, описанныя *Корналіа*; но одна изъ нихъ особенно господствовала, какъ отдѣльно, такъ и въ совокупности съ другими болѣзнями.

(9) Comptes rendus 1868. 2-e seri. № 4.

(10) Ibid. № 3.

Ее можно назвать *болѣзнію пятенъ* по самому разительному симптому.

Это не новая болѣзнь; ее уже наблюдалъ *Дандоло*; но онъ былъ введенъ въ заблужденіе своими теоритическими воззрѣніями, потому-что принималъ ее за видоизмѣненіе мускардины. Г-жа *Пеле* и *Гульвіо Граве* замѣтили ее уже за сорокъ лѣтъ назадъ.

Въ настоящее время она появилась не ранѣе 1853 года, но только въ 1856 и въ-особенности въ 1857 году болѣзнь пятенъ сдѣлалась всеобщей и опустошительною. Большая часть воспитателей и не подозрѣвали ея существованія, особенно въ первый періодъ воспитанія, потому-что пятна были малы и рѣдки; простымъ глазомъ ихъ нельзя было замѣтить; но съ помощію луны они были ясно видны даже у червей, имѣвшихъ самый лучший видъ.

Въ самыхъ лучшихъ повидимому питомникахъ, дававшихъ хорошій сборъ, невозможно было найти червя безъ пятна, черезъ 5 или 6 дней послѣ 4-го линіянія.

Чтобы судить о силѣ болѣзни, никогда не должно изучать тотчасъ послѣ линіянія, потому-что въ это время пятна не замѣтны. Они никогда не появляются въ тканяхъ, только-что происшедшихъ, напротивъ-того быстро распространяются въ тканяхъ уже прежде образовавшихся, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они показались.

Пятна имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ во всѣхъ тканяхъ, во всѣхъ органахъ. *Катрфажъ* сдѣлать имъ рисунки въ различныя фазы ихъ развитія у гусеницы, куколки и бабочки.

У послѣдней они разбѣдаютъ, такъ-сказать, наружные органы. Лапки, усики, крылья вполне или отчасти разрушаются и вытравляются ими. Пятна часто развиваются съ чрезвычайною силою около отверстій яйцевода и прямой кишки. Сжатые отверстия не позволяютъ болѣе выходить частямъ, содержащимся въ этихъ органахъ. Такимъ образомъ отъ расширенія слѣпой кишки происходитъ черный пузырь, замѣченный *Костомъ*. Та-же причина мѣшаетъ кладкѣ яицъ и производитъ иногда разрывъ яичниковъ.

Въ началѣ пятно является въ видѣ свѣтложелтоватаго вещества, распространеннаго между элементами организма. Вещество это темнѣетъ болѣе и болѣе, дѣлается чернобурымъ и образуетъ родъ бугорковъ, въ которыхъ исчезаетъ слѣдъ всякой организаціи. Члены комиссіи были поражены сходствомъ этихъ пятенъ съ болѣзнію картофеля, свеклы и даже нѣкоторыхъ болѣзней чловѣка.

Черви, пораженные болѣзнію пятенъ, могутъ свить коконъ, если болѣзнь не слишкомъ развилась; но часто они погибаютъ въ различныхъ фазахъ своего превращенія. Въ какое-бы время смерть ни случилась, насѣкомое въ пятнахъ засыхаетъ, не разлагаясь, — и вотъ причина легкости коконовъ, на которую жаловались воспитатели.

Такъ-какъ болѣзнь поражаетъ всѣ органы, то понятно, что насѣкомое теряетъ возродительныя способности. Дурное качество яицъ входитъ въ разрядъ наследственныхъ фактовъ, доказанныхъ и у человѣка, но до-сихъ-поръ еще необъясненныхъ.

Вліяніе пятенъ на яйца еще вполне не изслѣдовано.

На червяхъ, пораженныхъ различными болѣзнями, особенно *чернотою* (*pégnone*), *Катрфажъ* нашелъ тѣла, которыя *Леберъ* принимаетъ за одноклѣтчатые грибки, названные имъ *Panhistophyton*. Наблюденія *Катрфажа* согласны съ наблюденіями Цюрихскаго профессора.

Катрфажъ старался противодѣйствовать злу, употребляя различныя средства. Онъ воспитывалъ червей въ маломъ видѣ на открытомъ воздухѣ, въ загородяхъ и давалъ въ пищу вѣтви дикихъ тутовъ. Такое воспитаніе кажется ему самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ болѣзни. Онъ сильно настаивалъ, чтобы воспитатели попробовали въ будущемъ году выводить такимъ образомъ червей, назначенныхъ исключительно для яицъ.

Къ гигиеническимъ средствамъ *Катрфажъ* присоединяетъ и терапевтическія. Онъ кормилъ червей листьями, обсыпанными хиннымъ порошкомъ, горчицею, мауномъ, горчанкою (*Gentiana*) и пр. Черви ѣли съ удовольствіемъ листья, приготовленные такимъ образомъ. Къ-сожалѣнію, онъ не могъ окончить этихъ опытовъ и долженъ былъ отправиться далѣе, а потомъ наблюденія были сдѣланы весьма несовершенно, такъ-что изъ нихъ нельзя вывести положительныхъ заключеній. Во всякомъ случаѣ изъ этихъ попытокъ слѣдуетъ, что *шелковичныхъ червей можно лечить*, какъ другихъ домашнихъ животныхъ.

Въ то время, какъ дѣлались предыдущіе опыты, *Катрфажъ* изучалъ дѣйствіе мелкаго сахара. Онъ увѣрился, что черви съ жадностью ѣдятъ сладкіе листья, которые очевидно оказываютъ спасительное дѣйствіе. Эти опыты, сдѣланные сначала въ маломъ видѣ, были повторены потомъ и въ большомъ, — близъ Вальрога, въ Англивилѣ.

Черви, которыхъ кормили смоченными листьями, приходили постепенно въ худшее состояніе и только очень немногіе свили коконы.

Черви, кормленные обыкновенными листьями, находились почти въ томъ-же положеніи. Иные изъ нихъ дали коконы.

Черви, пища которыхъ состояла изъ листьевъ съ сахаромъ, всходили на верескъ скорѣе и двигались быстрѣе, чѣмъ предыдущіе.

Черви, которыхъ не давали ѣсть, черезъ 24 часа начали вить на подстилкѣ маленькіе и несовершенные коконы. Оставшіеся черви съѣжились и уменьшились. Ихъ кормили потомъ обсахаренными листьями.

При развиваніи, которое было сдѣлано послѣ отъѣзда Катрфажа, получены слѣдующіе результаты:

черви, кормленные сахарными листьями, дали	0	грам.
» оставленные безъ корму	152	—
» кормленные обыкновенными листьями,	210	—
» » листьями съ сахаромъ . . .	392	—

Кромѣ-того коконы послѣднихъ имѣютъ болѣе блеску. Такимъ образомъ очевидно спасительное дѣйствіе сахара, увеличившее сборъ почти вдвое.

Наблюденія *Катрфажа* подверглись замѣчаніямъ со стороны Италіянскаго ученаго г. *Чикконе* (11).

I. Несправедливо, что послѣ ливанія происходитъ кажущееся уничтоженіе пятенъ; они *дѣйствительно исчезаютъ*. *Чикконе* наблюдалъ двухъ червей, пораженныхъ весьма сильно пятнами. Одинъ изъ нихъ умеръ во время четвертаго ливанія, тѣло его было вынуто и изслѣдовано; другой перенесъ сбрасываніе кожи. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было и слѣдовъ пятенъ на червѣ; они остались на внутренней поверхности сброшенной кожи.

II. Пятна встрѣчаются весьма часто у гусеницъ и весьма рѣдко у бабочекъ; они не разрушаютъ, не выѣдаютъ наружныхъ органовъ, разрушеніе которыхъ происходитъ не отъ пятенъ, а отъ другихъ причинъ.

III. *Костъ* описываетъ не слѣпую кишку, а совокупительный пузырекъ, наполненный красноватою или бурою жидкостью; но *Чикконе* никогда не видалъ такого пузырька окрашеннымъ; только слѣпая кишка имѣетъ такой цвѣтъ; но она не случайное произве-

(11) Comptes rendus. 1858. 2 serie, № 12.

деніе, а развивается вѣдствие превращенія и нѣтъ большой разницы между слѣпыми кишками больныхъ и здоровыхъ насекомыхъ.

IV. По мнѣнію *Катрфажа*, сущность болѣзни заключается въ желтомъ веществѣ, которое скоро бурѣеть, распространяется между элементами органовъ, окружаетъ ихъ и разрушаетъ въ нихъ слѣдъ всякой организаціи. По мнѣнію-же *Чиккоме* вещество пятны только на внутренней поверхности наружной кожи; оно прилегаетъ къ ней, а не входитъ въ нее, какъ это доказываютъ микроскопическія наблюденія. *Чиккоме* пытался соскоблить пятна какъ съ сухой кожи, такъ и съ кожи, лежавшей въ водѣ 24 часа; но ему это не удалось; тогда онъ положилъ кожу въ довольно крѣпкій растворъ кали на 10 часовъ, послѣ чего пятна соскоблились совершенно. Слѣдовательно, пятно есть только осадокъ на кожѣ; но откуда онъ? будетъ-ли онъ выдѣленіе кожи или отложеніе на ней изъ крови? Въ кожѣ шелковичныхъ червей нѣтъ выдѣлительныхъ органовъ, поэтому пятно отлагается изъ крови. Это подтверждается наблюденіями и опытами. Хотя цвѣтъ пятна бурый или черный, но вещество, изъ котораго оно состоитъ, въ маломъ количествѣ подъ микроскопомъ кажется желтымъ. Если слегка уколоть червя, такъ-чтобы вышла капля крови, и если кровь заветается, то получится пятно, совершенно сходное съ пятнами больныхъ червей.

Вотъ отвѣтъ *Катрфажа* на эти замѣчанія (12):

«К. Я допускаю также, какъ и г. *Чиккоме*, что послѣ каждаго линіянія, новая кожа совершенно здорова и пятна находятся только на сброшенныхъ покровахъ. Я дѣлалъ совершенно тѣ-же опыты, что и мой почтенный критикъ; но только не надъ двумя червями, готовыми линять въ четвертый разъ, а надъ большимъ числомъ червей различнаго возраста. Кромѣ-того я убѣдился, что, во-1-хъ куколка, превращаясь въ бабочку, представляетъ подобный-же фактъ; во-2-хъ, что новыя пятна появляются весьма рѣдко на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ были старыя. Не довольствуясь своими собственными наблюденіями, я пригласилъ многихъ воспитателей повторить ихъ и они получили тѣ-же результаты. Выражая сомнѣнія относительно моего мнѣнія на этотъ счетъ, г. *Чиккоме* вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе двусмысленностью моего изложенія. Я виноватъ въ томъ, что въ импровизаціи академическаго

(12) Comptes rendus 1858, 2 serie. № 14.

разговора, результатъ котораго есть моя статья, составленная наскоро, я употребилъ слово *пятно* для обозначенія и самой болѣзни и ея самаго разительнаго признака. Въ этомъ заключался источникъ двусмысленности, которую я уничтожу, употребляя впередъ выраженіе *пестры* для названія болѣзни, характеризующейся присутствіемъ пятенъ.»

«II. Не смотря на противное мнѣніе *Чикконе*, я продолжаю думать, что порча крыльевъ, ножекъ и другихъ органовъ бабочки часто происходитъ отъ такого пятна, которое болѣе всего наблюдаютъ. Разные препараты, представленные мною комиссіи академіи, я думаю, не могутъ оставить сомнѣнія на этотъ счетъ. Но здѣсь должно дѣлать различія, о которыхъ я не могъ упомянуть въ краткой замѣткѣ. Что касается до потери вещества, до поврежденій болѣе или менѣе совершенныхъ, то, мнѣ кажется, они происходятъ главнымъ образомъ отъ пятна, но пятна, принявшаго видъ, который я рѣдко наблюдалъ, но который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ господствующимъ. И въ этомъ случаѣ, рисунки, сдѣланные мною, и предметы, которые я собралъ, служатъ мнѣ оправданіемъ; но я предпочитаю оставить это до изданія моего подробнаго труда. Тамъ только можно будетъ войти въ подробности, необходимыя для изслѣдованія этихъ различныхъ вопросовъ.»

«III. Въ воздушномъ пузырькѣ, я также, какъ г. *Чикконе*, не нашелъ ничего особеннаго. Мы также согласны относительно природы *чернаго пузырька Коста*, потому что г. *Чикконе* убѣдился, что этотъ пузырекъ есть слѣпая кишка, а не мѣшечекъ совокупленія. Мой почтенный критикъ говоритъ, что онъ не понимаетъ моего мнѣнія объ образованіи этого пузырька; онъ формально объявляетъ, что разница между пузырьками больныхъ и здоровыхъ червей весьма незначительна. Въ этомъ случаѣ мои наблюденія совершенно противорѣчатъ наблюденіямъ г. *Чикконе* и мнѣ позволено прибавить, что мои наблюденія были повѣрены многими свидѣтелями, которымъ была постоянно открыта моя лабораторія. Въ-отношеніи объема разница была въ три, и даже въ четыре раза въ діаметрѣ, въ-отношеніи цвѣта какъ между наковымъ и бурымъ или фіолетовымъ; но здѣсь я долженъ также остановиться, потому что иначе объясненія вышли-бы за предѣлы замѣтки.»

«IV. Къ большому огорченію моему, я также несогласенъ съ г. *Чикконе* относительно мѣста и природы пятна. Италіянскій ученый разсматриваетъ его, какъ осадокъ на покровакъ. Для меня же

несомнѣнно, что пятна начинаются внутри тканей, которыя они разрушаютъ. Кто довольствуется изученіемъ покрововъ, тотъ, можетъ-быть, еще можетъ въ томъ сомнѣваться. Но уже изслѣдованія кожи куколки, крыльевъ бабочки, даютъ результаты болѣе точные. Чтобы убѣдиться еще полнѣе, надобно изучить внутренніе органы и въ-особенности мускульный слой желудка личинки, подкожную жировую ткань бабочки, кисти жировой ткани бабочки и проч. очевидно я не могу войти въ дальнѣйшія подробности и долженъ сослаться на разрѣзы и рисунки, которые и издамъ позже.»

«Результатъ, полученный г. *Чикконе* посредствомъ раствора кали, дѣлается понятнымъ, если вспомнимъ свойства хитина и уже давнишніе опыты г. *Лессеня*. Ясно, что кали должно удалить неорганизованныя части отъ ткани, на которую оно не дѣйствуетъ. Какъ г. *Чикконе*, я кололъ червей и пускалъ имъ кровь въ разное время и съ разною цѣлю, какъ онъ, я наблюдалъ за измѣненіемъ цвѣта крови, но я не могу принимать явленіе, подмѣченное Италіянскимъ ученымъ, за постоянное. Я представилъ академіи и ея комиссіи многочисленныя доказательства противнаго. Капли крови одной и той-же густоты, взятыя отъ личинокъ и отъ куколокъ, болѣе или менѣе пораженныхъ пятнами, засушенные на бѣломъ картонѣ, имѣютъ всѣ оттѣнки отъ свѣтло-желтаго до густого чернаго цвѣта. Это одинъ изъ пунктовъ, на который я обратилъ особенное вниманіе, но объясненіе котораго я долженъ отложить до другаго времени.»

ПРИРУЧЕНІИ ДИКИХЪ ЖИВОТНЫХЪ, СДѢЛАННОЕ ВЪ РОССИИ. — Съ истиннымъ удовольствіемъ мы прочли отчетъ о годичномъ засѣданіи комитетовъ акклиматизаціи растений и животныхъ въ 1858 году. Извлекаемъ изъ него самыя интересныя свѣдѣнія о прирученіи дикихъ животныхъ въ Россіи.

«Дѣйствительный членъ Э. Л. *Гинцель* производилъ въ прошломъ году попытки надъ порабощеніемъ *турухтановъ* (*Machetes rugosus*), которыя показали, что это порабощеніе можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, если принять нѣкоторыя предосторожности отъ хищниковъ. Конечно, отъ порабощенія турухтановъ никакъ нельзя ожидать большихъ выгодъ; но оно можетъ дать результаты другаго рода: оно можетъ указать на исторію прирученія, а также и на способы, годные для порабощенія полуболотныхъ птицъ» (стр. 24).

«Дѣйств. чл. В. В. Чацкинъ (Тульской губ., Чернскаго уѣзда) съ успѣхомъ трудился надъ разведеніемъ перепелокъ; пойманная у него перепелка вывела въ комнатѣ изъ яицъ другой перепелки цѣлый выводокъ, въ 12 особей, и до декабря мѣсяца онѣ были живы.

«Наконецъ дѣйств. чл. Кон. Алекс. *Левашовъ* сообщилъ изъ Вологды необыкновенно интересное свѣдѣніе о прирученныхъ имъ, водящихся въ домашнемъ состояніи, тетеревовъ. Въ теченіе 12 лѣтъ, онъ занимался этими опытами, и въ настоящее время у него находится четвертое поколѣніе тетеревовъ, выведенныхъ и воспитанныхъ въ домашнемъ состояніи. Эти свѣдѣнія подтверждены дѣйств. чл. *Вараксинимъ*». (стр. 25).

Советуемъ каждому обратиться къ этой въ высшей степени полезной и занимательной брошюрѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ «Записокъ» московскаго комитета акклиматизаціи растений и животныхъ, чтобы сообщить нашимъ читателямъ результаты, которыхъ онъ достигъ, и основанія приемовъ, посредствомъ которыхъ получены эти результаты.

ОПЫТЫ РИГІИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПАРТЕНОГЕНЕЗИСА РАСТЕНІЙ (13). — Каждое новое открытіе въ наукѣ подвергается строгой критической оцѣнкѣ и бываетъ принято и признано за истину только тогда, когда выдержитъ эту критику; въ противномъ-же случаѣ истинные служители науки его отвергаютъ, какъ вымыселъ, а защищаютъ его только фантазеры, одаренные богатымъ воображеніемъ. Къ числу такихъ открытій, не утвердившихся еще въ наукѣ, принадлежитъ и партеногенезисъ растений, о которомъ мы уже говорили (14). Факты подобнаго рода, имѣющіе возможность и даже нѣкоторую вѣроятность существованія, часто по-пусту тревожатъ науку и на шаткихъ основаніяхъ волнуютъ ученый міръ. До-сихъ-поръ партеногенезисъ въ растеніяхъ еще не доказанъ, какъ то подтверждаютъ опыты директора здѣшняго ботаническаго сада г. *Регеля*.

Но прежде нежели сообщимъ опыты этого замѣчательнаго ученаго, извлечемъ изъ его-же статьи историческія свѣдѣнія объ интересномъ предметѣ, насъ занимающемъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые естествоиспытатели

(13) Bot. Zeit. 1858. № 41.

(14) Ж. и. н. п. Апрель 1858 г. Отд. VII, стр. 16.

тели, какъ *Шельверъ* и *Геншель*, допускали возможность этого явления и даже отвергали совершенно необходимость оплодотворенія (*Henschel, Von der Sexualitat der Pflanzen, nebst einem historischen Anhangе von Dr. F. Schelver. Breslau, 1820*); но это были отдѣльные голоса, большинство-же ученыхъ считало необходимымъ оплодотвореніе для образованія сѣмянъ, въ этомъ направленіи разработывало науку и достигло тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыми мы обладаемъ.

Послѣ того только изрѣдка слышались голоса, которые возставали не противъ необходимости оплодотворенія, но которые доказывали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно, когда помѣшаемъ оплодотворенію, зародышъ можетъ образоваться и безъ него, т.-е. принимали, что мужескіе органы растений совершенно излишни. Это утверждали всегда объ однихъ и тѣхъ-же растеніяхъ, именно о тѣхъ, надъ которыми дѣлалъ опыты уже *Спалланцани* въ 1785 (*Spallanzani Experiences pour servir à l'histoire de la génération des animaux et des plantes. Genève. 1785*): о коноплѣ и шпинатѣ. Какъ не точны опыты этого ученаго, видно уже изъ того, что онъ получилъ зрѣлыя сѣмена отъ базилика, арбуза и проч., отрѣзавъ у этихъ растеній пыльники.

Опыты *Спалланцани* повторилъ *Бернгарди*, наблюдатель весьма точный, и получилъ такіе-же результаты (*Otto et Bletz, Allgem. Gartenzeit. Jahrg 1839, pag. 327 и 329*).

Опять этотъ вопросъ остался безъ всякаго движенія, потому-что наблюденія *Бернгарди* объяснились или ихъ неточностью или образованіемъ почекъ въ сѣменахъ.

Такъ оставалось дѣло до 1851 года, когда *Дж. Смитъ* публиковалъ свои наблюденія о полученіи зрѣлыхъ сѣменъ у целобогинны (*Coelobogyne ilicifolio*) безъ всякаго оплодотворенія (*Transactions of the Linnea Society*). Въ то-же время *Лекко* доказывалъ существованіе партеногенезиса у множества растеній. Изъ своихъ неточныхъ наблюденій онъ вывелъ заключеніе, что всѣ однолѣтнія съ однополыми цвѣтами могутъ образоватъ сѣмена безъ оплодотворенія. Такимъ способомъ, по его мнѣнію, природа препятствуетъ вымиранію этихъ растеній.

Целобогинна въ цвѣту есть у немногихъ. Цвѣты до образованія плода до-сихъ-поръ не были изслѣдованы. Мы уже говорили о возраженіяхъ, которыя можно сдѣлать въ этомъ отношеніи и которыя прекрасно разобраны г. *Рупрехтомъ*. Къ этому должно прибавить

еще обстоятельство въ высшей степени важное, но на которое до-сихъ-поръ мало или вовсе не обращали вниманія, именно, что на рыльцѣ целобогины *Браунъ* видѣлъ пылинку цвѣтени съ цвѣтеною трубкою.

Целобогина была причиною, что снова поднялся вопросъ о партеногенезисѣ. *Ноденъ* и *Декекъ* повторяли опыты своихъ предшественниковъ надъ шпинатомъ и коноплею, къ которымъ присоединили и другія растенія. Результатъ ихъ наблюденій состоялъ въ томъ, что женскіе цвѣты конопли, полѣски (*Mesuriolis annua*), и переступня (*Begonia dioica*) принесли совершенно образованныя сѣмена, когда были приняты всѣ предосторожности отъ случайнаго оплодотворенія. Г. *Ноденъ* утверждаетъ, что ни ему, ни г. *Декекю*, не удалось найти ни одного мужскаго цвѣтка на женскомъ растеніи, хотя они изслѣдовали ихъ во множествѣ.

Напротивъ-того клещевина (*Ricinus Communis*) и эскалій (*Escbaliun Elaterum*) не принесли ни одного зрѣлаго сѣмени, когда у нихъ были отрѣзаны мужскіе цвѣты передъ ихъ раскрытіемъ.

Изъ этихъ опытовъ *Ноденъ* заключаетъ, что «только двудомныя растенія могутъ приносить сѣмена безъ оплодотворенія, между тѣмъ-какъ однодомныя приносятъ ихъ только при участіи плодотворной пыли.

Радлькоферъ изъ тѣхъ-же опытовъ и изъ наблюденій *Смита* выводитъ дальнѣйшій законъ: «плодники, приносящіе сѣмена безъ оплодотворенія, имѣютъ рыльца гораздо длиннѣе, нежели тѣ, которые оплодотворяются правильнымъ образомъ».

Г. *Регель* еще въ прошломъ году выразилъ сомнѣніе о существованіи партеногенезиса. Ему показался удивительнымъ фактъ, что изложенные результаты получены у растеній съ весьма мелкими цвѣтами, которые развиваются во множествѣ въ пазухахъ листьевъ, между-тѣмъ-какъ растенія, у которыхъ цвѣты большіе, какъ *Ricinus*, *Escbaliun*, не приносили сѣмянъ безъ оплодотворенія; еще удивительнѣе было для него, что *Ноденъ* и *Декекъ* говорятъ только о женскихъ цвѣтахъ въ растеніяхъ, которыя извѣстны, какъ многобрачныя, и что они не нашли въ нихъ мужскихъ цвѣтовъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ г. *Регель* повторилъ опыты *Нодена* и *Декекена* и нашелъ, что эти ученые наблюдали весьма поверхностно и не точно, и что ни конопля, ни полѣска не могутъ служить доказательствомъ партеногенезиса. Конопля еще не цвѣла, но и она, вѣроятно, дастъ такіе-же результаты.

Растенія всѣхъ трехъ родовъ были посажены въ горшки поодиначки и женскія были поставлены въ такое мѣсто, куда никакъ не могла проникнуть цвѣточная пыль. Какъ-скоро раскрылись первые цвѣты шпината и полѣска, ихъ срѣзали и оставили только небольшія цвѣторасположенія, которыя легко было наблюдать. Боковыя вѣтви, которыя развивались во множествѣ, срывались тотчасъ-же; цвѣты такихъ растеній разсматривали ежедневно.

На двухъ растеніяхъ полѣски, такимъ образомъ наблюдаемыхъ, г. *Регель* удалил до 26 мужескихъ цвѣтовъ; эти растенія не принесли сѣменъ; но еслибы они и дали сѣмена, ихъ никакъ нельзя было-бы принять за доказательство партеногенезиса, потому-что мужескіе цвѣты узнаются уже тогда, какъ они раскроются и слѣдовательно когда уже могли выбросить плодотворную пыль.

У шпината мужескіе цвѣты распознать еще труднѣе, чѣмъ у полѣски. Сначала г. *Регель* наблюдалъ нормально-развитые пыльники на нитяхъ, которые встрѣчались между женскими цвѣтами. Они были срѣзаны и растенія были поставлены отдѣльно отъ другихъ. Они, казалось, хотѣли принести сѣмена; тогда г. *Регель* удвоилъ вниманіе при наблюденіи и скоро замѣтилъ между женскими цвѣтами желѣзистыя тѣла, которыя онъ сначала принялъ за неразвившіеся листочки покрововъ; но, разсмотрѣвъ ихъ въ микроскопъ, онъ открылъ, что это были пыльники, содержащіе въ себѣ цвѣтень, развитую нормальнымъ образомъ. Эти пыльники легко проглядѣть или принять за цвѣточные покровы, потому что они часто бываютъ закрыты листочками, въ которыхъ развились. Около главнаго пыльника обыкновенно находится много мелкихъ не развитыхъ пыльниковъ. Такихъ мужескихъ цвѣтовъ г. *Регель* нашелъ до 10 въ одной кучкѣ цвѣторасположенія!

Такимъ образомъ, говоритъ г. *Регель*, рѣшительно можно сказать, что въ растеніяхъ съ явными половыми органами нѣтъ партеногенезиса.

ВОПРОСЪ О КОМТЕЛХЪ. *Исслѣдованіе г. Регеля* (15). — Въ прошломъ году мы говорили о трудахъ г. *Регеля* относительно растительныхъ помѣсей (16). Вопросы, которые предложилъ себѣ теперь

(15) *Gartenflora*. 1858. Іюль.

(16) *Новости ест. наукъ* за 1857 г., стр. 71, отд. II.

этотъ ученый для разрѣшенія, были слѣдующіе: 1) Есть-ли помѣси, способныя къ собственному оплодотворенію? 2) Сохраняютъ-ли помѣси, происшедшія отъ собственнаго оплодотворенія, свой типъ? 3) При оплодотвореніи помѣси пылью самостоятельнаго растенія, возвращается-ли она къ этому растенію?

Настоящія опыты г. *Реселя* подтверждаютъ его прежнее мнѣніе относительно перваго вопроса, именно, что помѣсь между двумя видами растеній или совершенно не приноситъ хорошо образованной плодотворной пыли или въ рѣдкихъ случаяхъ приноситъ весьма немного вполне развитыхъ пылинко́въ цвѣтени.

Г. *Ресель* произвелъ до сотни помѣсей между растеніями *Placentrum* (*Begonia*) *tubrovenium* и *Pl. xanthinum*; помѣси эти въ существенныхъ чертахъ сходны между собою, а различаются только цвѣтомъ листьевъ и другими несущественными признаками, и сходны съ растеніями *Pl. xanth. marmoratum* и *Pl. xanth. gadaviense* которыя принимались за разновидности, потому-что даютъ зрѣлыя сѣмена.

Другую помѣсь онъ произвелъ между *Tidaea Warscewiczii* и *Sciadalyx Warscewiczii*. Она содержала въ пыльникахъ много цвѣтени, которая состоитъ изъ множества очень маленькихъ не вполне развитыхъ пылинко́въ, небольшого числа большихъ овальныхъ клѣточекъ, также не вполне развитыхъ, и весьма немногихъ большихъ, круглыхъ, совершенно развитыхъ пылинко́въ; поэтому она можетъ быть оплодотворена собственною пылью.

Помѣсь-же между *Aegilops* и *Triticum*, хотя имѣетъ такую-же цвѣтень, но не можетъ сдѣлаться плодоносною ни отъ естественнаго, ни отъ искусственнаго оплодотворенія своею пылью.

Второй вопросъ г. *Ресель* рѣшилъ на тѣхъ-же растеніяхъ. Опытъ не подтвердилъ его предположеній, а доказываетъ справедливость наблюдений его предшественниковъ, именно *Линдлея*, *Гертнера*, *Найта* (*Knight*), *Вилмана*, *Герберта* и др. Множество экземпляровъ, полученныхъ изъ сѣменъ отъ помѣси между *P. xanthinum* и *P. tubrovenium*, оплодотворенной собственною пылью, доказываютъ, что характеръ помѣси не передаются слѣдующимъ поколѣніямъ. Только немногія изъ нихъ были сходны съ растеніемъ, отъ котораго произошли; большая-же часть возвратилась къ *P. tubrovenium*, растенію-дѣду, а нѣкоторыя приблизились къ *P. xanthinum*. Слѣдовательно, при собственномъ оплодотвореніи по-

мѣси, слѣдующія поколѣнія не сохраняютъ ея тѣмъ, а переходятъ въ растенія, отъ которыхъ произошла помѣсь.

Для рѣшенія третьяго вопроса, г. *Резель* помѣси отъ *P. tubrovenium* и *P. xanthinum* оплодотворялъ пылью этихъ растеній. Только оплодотвореніе пылью *P. xanthinum* дало хорошій результатъ: почти всѣ происшедшія растенія перерождались въ *P. xanthinum* и по листьямъ и по цвѣтамъ, только немногія составляли переходныя формы.

Г. *Резель* того-же мнѣнія, что и *Жорданъ* относительно растенія *Aegilops speltiformis*; онъ убѣжденъ, что это есть хорошій видъ, отличный отъ *A. triticoides*, потому-что это растеніе всегда плодоносно и сохраняетъ свой типъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. *Aegilops triticoides* есть помѣсь, которую г. *Резель* произвелъ отъ *A. ovata* и *Triticum vulgare*; она не приноситъ плодотворной пыли и сѣменъ; но еслибы и принесла сѣмена, то не сохранила-бы своего типа. Последнее обстоятельство объясняетъ, почему въ дикомъ состояніи помѣси случайны и не могутъ удержаться.

РАЗВЕДЕНІЕ ХИННАГО ДЕРЕВА НА О. ЯВѢ (17). — Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ Америки, прежде богатыхъ хиннымъ деревомъ, это полезное растеніе истреблено до того, что, вмѣсто сплошныхъ лѣсовъ, встрѣчаются только отдѣльныя деревья хины. Поэтому теперь настало время сбереечь отъ окончательнаго истребленія это драгоцѣнное растеніе и заняться правильнымъ его разведеніемъ.

Въ 1853 г. г. *Гаскарль* пріѣхалъ въ Панаму, и въ февралѣ въ Лиму. Здѣсь онъ два раза всходилъ на Андскую цѣпь, потому-что хинное дерево растетъ на восточномъ ея склонѣ. Онъ собралъ тамъ до 1,000 хорошихъ сѣменъ этого растенія и отправилъ ихъ въ Голландію и оттуда уже въ Яву; вмѣстѣ съ сѣменами былъ отправленъ ящикъ съ молодыми хинными растеніями; но они умерли, не достигнувъ Явы. Тогда онъ собралъ еще 21 ящикъ съ молодыми живыми растеніями и съ большими затрудненіями довезъ ихъ до гавани Калласъ, гдѣ ожидалъ его Голландскій фрегатъ, который и привезъ его въ Яву.

По отдаленности мѣста, куда должно было перевести эти деревца, многія изъ нихъ умерли прежде, нежели были доставлены на высоту 5,000 футовъ во внутренности Явы. Сѣмена, получен-

(17) *Gartenflora*. 1858, стр. 124.

ныя въ Явѣ, всё хорошо взопли; но по большей части были поѣдены животными. Сохранившіеся-же экземпляры, выведенные въ Голландскихъ садахъ на Явѣ, совершенно здоровы и служатъ для разведенія хиннаго дерева. Они хорошо растутъ, достигли до 4 футовъ и служатъ для разведенія ~~деревца~~.

СТАТЬЯ 1 *ANNALES DES SCIENCES NATURELLES*. — Въ 1-мъ *№ Annales des sciences naturelles* 1858 года, который мы только-что получили, помѣщены слѣдующія статьи: *Камбій ленобрачныхъ растений*, изслѣдованіе *Молл*, о которыхъ мы уже говорили мѣсяца четыре назадъ (18); статья *Бари*: *О проростаніи плауновъ*, которая не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а доказываетъ только, что изъ споръ этихъ тайнобрачныхъ развивается первичный ростокъ, какъ у папоротниковъ; но бываютъ-ли на немъ архегоніи и антеридіи — неизвѣстно; даѣе статья *Триана*: *Избранныя растения Новой Гренады*, въ которой описываются замѣчательные роды и виды изъ сложноцвѣтныхъ, пасленовыхъ, мареновыхъ, фитолакковыхъ, дилленіевыхъ и грибовъ; наконецъ неоконченная статья *Монтаня*: *Восьмая сотня новыхъ одноклетчатыхъ растений*.

Д. ШИГАЛОВЪ.

(18) Ж. м. н. пр. 1858, августъ, отд. VII, стр. 82.

II.

РАЗНЫЯ НЪВЪСТІЯ.

ОБЩІЯ СОБРАНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—

Императорское Русское географическое Общество имѣло 8-го октября свое первое, послѣ вакаціоннаго времени, общее собраніе, въ которомъ, подѣ предѣдательствомъ г. вице-предѣдателя *Ф. П. Литке*, присутствовало 95 членовъ и постороннихъ посѣтителей. Засѣданіе началось, по заведенному порядку, сообщеніемъ о приношеніяхъ, поступившихъ въ пользу Общества, послѣ предвѣдущаго общаго собранія. Особенное вниманіе обратили на себя богатые костюмы инородцевъ, присланные въ Общество г. начальникомъ Казанской губерніи, а именно: полный Татарскій женскій костюмъ (стоющій до 350 р. с. и пожертвованный Казанскимъ 1-й гильдіи купцемъ *Ютусовымъ*), Черемисскій, Чувашскій и Мордовскій, также четыре костюма Вотяковъ и Черемисъ, присланные г. начальникомъ Вятской губерніи. Затѣмъ дѣйствительный членъ *В. П. Безобразовъ*, исправлявшій должность секретаря въ отсутствіи *Е. И. Ламанскаго*, сообщилъ о ходѣ всѣхъ ученыхъ предпріятій Общества въ-теченіе вакаціоннаго времени и о настоящемъ положеніи разныхъ его работъ.

Сибирская экспедиція. Отъ главнаго астронома экспедиціи г. *Шварца* получено донесеніе изъ Безкапонки отъ 19-го (31-го) іюля. Согласно первоначально-начертанному плану, членъ экспедиціи поручикъ *Рожковъ* отправился изъ Иркутска (6-го іюня) въ лодкѣ, внизъ по Ангарѣ. Онъ долженъ былъ опредѣлить нѣкоторые пункты по теченію этой рѣки, слѣдуя по ней до Енисейска, и къ срединѣ сентября прибыть въ Красноярскъ — общій соединительный пунктъ для возвращенія въ С-Петербургъ всей экспедиціи; отъ г. *Рожкова* уже есть довольно-благоприятныя свѣдѣнія о его путешествіи. Поврежденіе въ хронометрѣ замедлило нѣсколько выѣздъ г. *Шварца* изъ Иркутска. 24-го іюня онъ отправился въ Красноярскъ, куда и прибылъ 24-го іюля. Здѣсь членъ-соревнователь Общества *П. И. Кузнецовъ* обязательно снабдилъ г. *Шварца* своимъ столовымъ хронометромъ Дента. 10-го іюля прибылъ г.

Шварцъ въ Минусинскѣ, гдѣ нашелъ самое живое сочувствіе къ цѣлямъ экспедиціи и дѣятельное содѣйствіе своему предпріятію со стороны начальника Минусинскаго округа князя *Кострова*. Г. *Шварцъ* опредѣлилъ широту и долготу своей исходной точки—селепія Безкадопки, при впаденіи рѣки того-же имени съ лѣвой стороны въ Кебешъ, лѣвый притокъ Ои, которая впадаетъ съ правой стороны въ Енисей. Отсюда онъ намѣревался отправиться на водораздѣлъ между Усойъ (правымъ притокомъ Енисея) и сѣверными притоками Енисея. Перешедши этотъ хребетъ, онъ долженъ былъ достигнуть 20-го пограничнаго знака Хонинъ-Дабага, потомъ обозрѣть теченіе Уса и верховья Енисея. Г. *Шварцъ*, кромѣ астрономическихъ наблюденій, постоянно занимается собираніемъ образцовъ геологическихъ породъ, о которыхъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя бѣглыя замѣчанія, а также барометрическими наблюденіями, которыя, какъ онъ говоритъ, весьма-сходны въ Минусинскомъ округѣ съ состояніемъ погоды въ Иркутскѣ и Верхнеудинскомъ округѣ. Путешествіе члена экспедиціи г. *Усолицева* на Амуръ, для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ, оставшихся пробѣлами въ работахъ экспедиціи, началось благополучно. Отъ натуралиста *Радде* получено совѣтомъ донесеніе изъ его станціи въ Чинъ-Ганѣ, отъ 1-го (13-го) марта. Онъ прислалъ полный каталогъ млекопитающихъ и птицъ, собранныхъ имъ до-сихъ-поръ въ восточной Сибири. Онъ намѣревался совершить въ-теченіе нынѣшняго лѣта двѣ экскурсіи, для пополненія своихъ свѣдѣній о растеніяхъ вокругъ Чинганскихъ возвышенностей, и именно на югъ—къ Китайской границѣ, и на сѣверъ—въ Русскихъ владѣніяхъ. Главный астрономъ Сибирской экспедиціи, согласно непреодолимому желанію молодаго ученаго завершить въ будущемъ лѣтѣ 1859 г. свои наблюденія надъ флорою и фауною долины Амура, ходатайствовалъ о продолженіи срока его пребыванія въ Сибири еще на одинъ годъ. Совѣтъ съ особенною радостію исполнилъ это желаніе, долженствующее обогатить науку новыми результатами, съ такимъ талантомъ и непримѣрнымъ рвеніемъ добываемыми г. *Радде*. Онъ долженъ посѣтить Тункинскіе Альпы и водораздѣлъ верховьевъ Енисейска и Амура. Подробности изсѣдованій Сибирской экспедиціи будутъ сообщены въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества».

Хороссанская экспедиція. Начальникъ экспедиціи, дѣйствительный членъ Н. В. *Ханыковъ*, сообщаетъ изъ Мешхеда, что, благо-

даря заботливости Персидскаго правительства, путешествіе его и всѣхъ членовъ экспедиціи совершается вполне благополучно. Самъ Н. В. Ханьковъ сдѣлалъ поѣздку въ Тагеранъ, а спутника его обозрѣвали въ это время Астрабадскую провинцію и часть Мазандерана. Топографъ, сопровождавшій г. Ханькова, снялъ подробный маршрутъ отъ Астрабада чрезъ Шахрудъ до Тегерана, и потомъ до Мешхеда. По словамъ г. Ханькова, экспедиція уже теперь обогатилась свѣдѣніями, весьма-достаточными для ученаго успѣха предпріятія. Г. Бунге, между прочимъ, собралъ новыя для науки виды растений.

Генеральная карта Россіи. Работы по картѣ безостановочно подвигались въ военно-топографическомъ депо. Всѣ листы карты въ работѣ. Почти половина окончена въ контурахъ. На двухъ листахъ контуры уже награвированы. Одинъ листъ уже оконченъ въ оригиналѣ и гравировается. Часть пробнаго листа окончательно отгравирована и представлена была въ засѣданіи Общества.

Хронометрическая экспедиція, предпріятая Обществомъ совокупно съ генеральнымъ штабомъ, для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Вятской и Вологодской губерніяхъ, недостающихъ на картѣ Россіи, исполнила въ-теченіе лѣта свою задачу, хотя дожди нѣсколько помѣшали полному успѣху. Въ Вятской губерніи опредѣлено 33 пункта, въ Вологодской — 32.

Географическій словарь Россіи. Въслѣдствіе отъѣзда академика П. И. Кеплена на годъ въ Крымъ, для поправленія здоровья, со-вѣтъ поручилъ завѣдываніе работами по составленію списка именъ и источниковъ для словаря д. чл. А. Θ. Штакельбергу. П. И. Кепленъ представилъ передъ своимъ отъѣздомъ 10,500 карточекъ именъ и источниковъ, оконченныхъ имъ. При особенной добросовѣстности и трудолюбіи, съ которыми П. И. Кепленъ велъ это дѣло, оно получило обширное развитіе, такъ-что готовыя карточки едва обнимаютъ двѣ трети именъ, которыя должны войти въ словарь, тогда-какъ первоначально предполагалось все число именъ не болѣе 10,000. Списокъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ совершенно оконченъ; по всѣмъ другимъ частямъ географіи Россіи собрано много матеріаловъ, но еще не окончательно. Въ-теченіе лѣта А. Θ. Штакельбергомъ изготовлено вновь до 1,400 карточекъ; можно надѣяться, что работа эта, составляющая существенную трудность въ географическомъ словарѣ, будетъ выполнена, и тогда останется поручать изложеніе статей особымъ редакторамъ.

Въ-теченіе гѣта вышелъ въ свѣтъ обширный трудъ дѣйствительнаго члена И. С. *Аксакова*: «Исслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ», продолжалъ выходить ежемѣсячно «Вѣстникъ», начался печатаніемъ XIII томъ «Записокъ», подъ редакціей дѣйствительнаго члена А. Ф. *Гильфердинга*, оканчивается печатаніемъ III томъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи» и окончено составленіе на Французскомъ языкѣ извлеченія изъ изданій Общества за 1856 и 1857 т.

Работы по хромолитографической картѣ Рязанской губерніи (въ 4-верстовомъ масштабѣ), предпринятой Обществомъ совокупно съ межевымъ корпусомъ, продолжались и можно надѣяться, что карта въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

Библиотека Общества приводилась въ порядокъ особымъ библиотечаремъ, состоящимъ нынѣ по найму отъ Общества. Перечневой каталогъ совершенно оконченъ и уже составлена часть систематическаго. Пополнены дефекты всѣхъ періодическихъ изданій со времени учрежденія Общества. Приглашенный совѣтомъ библиотечаръ Императорской публичной библиотеки г. *Бергломъ* обязательно обозрѣлъ устройство библиотеки и каталоговъ и нашелъ ихъ соответствующими своей цѣли и сдѣлалъ нѣкоторые указанія для дальнѣйшаго продолженія дѣла. Библиотека значительно обогатилась въ послѣднее время какъ многочисленными приношеніями, особенно со стороны иностранныхъ ученыхъ, такъ и приобретеніями на-счетъ суммъ Общества.

Въ-теченіе засѣданія сообщено: о Высочайшей наградѣ орденомъ св. Владимира 4-й ст., дарованной д. чл. П. П. *Семенову*, по ходатайству совѣта, за его блестящіе подвиги изслѣдованія въ средней Азіи; объ избраніи вице-предсѣдателя Ф. П. *Литке* въ званіе почетнаго члена Берлинскаго географическаго Общества; о благодарственномъ письмѣ г. *Лесденса*, начальника работъ по Суэзскому каналу, за сочувствіе къ его предпріятію, выраженное ему со стороны Общества, и также о письмахъ въ Общество нѣкоторѣхъ иностранныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ творца современной географіи Карла *Риттера*, выражающаго особенно-вѣстнымъ образомъ свое уваженіе къ трудамъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества.

Восгѣдствіе возвращенія секретаря Общества Е. И. *Ламанскаго* изъ путешествія, предпринятаго имъ по порученію Общества, совѣтъ освободилъ отъ обязанностей секретаря дѣйствительнаго

члена В. П. *Безобразова*, которому онъ были поручены на время отсутствія секретаря. Присутствовавшіе члены привѣтствовали Е. И. *Ламаускаго*, вновь возвратившагося къ своей полезной для успѣховъ Общества дѣятельности, а дѣйствительный членъ В. П. *Безобразовъ* произнесъ къ собранію рѣчь по поводу сложенія съ себя временно-лежавшихъ на немъ обязанностей секретаря Общества.

— 5 ноября, Императорское географическое Общество имѣло второе общее собраніе, въ которомъ присутствовало 89 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и посѣтителей.

Г. вице-предсѣдатель *Ө. П. Литке* открылъ засѣданіе сообщеніемъ гг. членамъ извѣстія о возвращеніи въ Санктпетербургъ главнаго астронома Сибирской экспедиціи, Л. Э. *Шварца*, который окончилъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Представивъ затѣмъ г. Шварца, присутствовавшаго въ засѣданіи, г. вице-предсѣдатель заявилъ, что въ слѣдующее общее собраніе будутъ сообщены гг. членамъ общія свѣдѣнія о ходѣ работъ экспедиціи и о мѣрахъ къ разработкѣ добытыхъ ею матеріаловъ. Собраніе привѣтствовало главнаго астронома съ счастливымъ возвращеніемъ и затѣмъ перешло къ очереднымъ занятіямъ.

Секретарь Общества сообщилъ собранію списокъ приношеній, сдѣланныхъ Обществу, и въкоторыя распоряженія совѣта по предметамъ ученыхъ его занятій.

Весною 1858 года географическое Общество, сообщая съ генеральнымъ штабомъ, командировало хронометрическую экспедицію въ Вологодскую и Вятскую губерніи, для опредѣленія въ нихъ географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ, въ которыхъ представлялась надобность, при составленіи издаваемой Обществомъ карты Европейской Россіи. Нынѣ директоръ департамента генеральнаго штаба увѣдомилъ, что два астронома, отправленные въ маѣ мѣсяцѣ съ этой цѣлію въ означенныя губерніи, по случаю ненастной осенней погоды и сильнаго холода, имѣющаго вліяніе на правильный ходъ хронометровъ, вернулись въ половинѣ октября изъ своего путешествія. Несмотря на неблагопріятное лѣто и трудность въ переѣздахъ, астрономическія работы исполнены, сверхъ всякаго ожиданія, съ весьма-большимъ успѣхомъ. Оба астронома опредѣлили въ той и другой губерніи 75 пунктовъ, и какъ состояніе хронометровъ и инструментовъ сохранено

въ отличномъ порядкѣ, то это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что результаты опредѣленій будутъ имѣть вполне-удовлетворительную точность. Въ настоящее время астрономы приступили къ исчисленію сдѣланныхъ ими наблюдений, и, по окончаніи этой работы, съ возможною скоростію доставятъ всѣ данныя составленія оригиналовъ изготовляемой карты Европейской Россіи.

Дѣйствительный членъ К. С. *Веселовскій* давно уже имѣлъ мысль объ учрежденіи при Обществѣ особаго метеорологическаго комитета изъ небольшого числа членовъ, занимающихся специально метеорологіею, климатологіею и вообще физикою земнаго шара. Планъ г. Веселовскаго сообщенъ былъ извѣстному метеорологу, профессору Дерптскаго университета г. *Кемтцу*, который охотно согласился не только участвовать въ трудахъ комитета, но и, согласно желанію нѣкоторыхъ членовъ, принять на себя общее направленіе его занятій. Лучшимъ средствомъ къ достиженію цѣли комитета, т. е. къ соединенію разрозненныхъ работъ въ одно средоточіе, и приданія имъ общей формы и системы, представляется, по мнѣнію г. Кемтца, изданіе особаго метеорологическаго журнала, имѣющаго выходить выпусками по мѣрѣ накопленія матеріаловъ. При печатаніи матеріаловъ сама собою возникнетъ необходимость разработки, которая, при значительномъ количествѣ наблюдений, можетъ дать новые и важные для науки результаты, объясняющіе связь между различными метеорологическими фактами. Что касается до самаго способа печатанія поступающихъ статей, то, принимая въ соображеніе интересъ подобнаго сборника не только для Русскихъ, но и для иностранныхъ читателей, лучше всего было-бы принять при изданіи за правило: печатать статьи на тѣхъ языкахъ, на которыхъ онѣ написаны. При этомъ изъ Русскихъ статей дѣлать краткія извлеченія на одномъ изъ иностранныхъ языковъ для иностранныхъ читателей, а изъ статей, печатаемыхъ на иностранномъ языкѣ, сообщать подобныя-же извлеченія въ переводѣ на Русскій, для помѣщенія въ «Вѣстникъ». Въ случаѣ одобренія этой мысли и разрѣшенія на изданіе журнала въ Дерптѣ, съ ассигнованіемъ на издержки, въ количествѣ 400 экземпляровъ, отъ 800 до 1,000 руб. сер. въ годъ изъ суммъ Общества, г. Кемтцъ предлагаетъ свои услуги принять редакцію на себя. Совѣтъ Общества, имѣя въ виду одобрительное заключеніе отдѣленія физической географіи, разсматривавшаго предложеніе г. Кемтца и напередшаго какъ учрежденіе особаго метеорологическаго комите-

та, такъ и изданіе журнала вполне полезными и соответствующими цѣлямъ Общества, съ своей стороны призналъ основательность предположеній и рѣшился дать осуществленіе этому предпріятію. Вслѣдствіе сего совѣтъ просилъ отдѣленіе образовать метеорологическій комитетъ и поручить ему войти теперь-же въ ближайшія сношенія съ г. Кемтцомъ объ изданіи на предположенномъ основаніи журнала или сборника, на издержки по которому Общество принимаетъ на себя расходъ до 1,000 р. въ годъ.

Вслѣдъ за симъ дѣйствительный членъ А. Б. фонъ-Бушенъ прочелъ въ собраніи приготовленную имъ записку: «О вулканическихъ явленіяхъ земнаго шара». Разсмотрѣвъ въ ней существующія теоріи происхожденія явленій и главные характеристическіе ихъ признаки, г. Бушенъ представилъ затѣмъ краткій очеркъ распредѣленія вулкановъ на земномъ шарѣ. Статью г. Бушена положено напечатать въ «Вѣстникѣ».

По окончаніи этого чтенія, присутствовавшій въ собраніи гость иностранецъ, Англійскій астрономъ г. Деларю представилъ сдѣланные имъ фотографическіе снимки луны въ разныхъ ея положеніяхъ и двойныя такія-же изображенія, приспособленныя къ стереоскопу. Г. Деларю дѣлалъ при этомъ объясненія и обращалъ вниманіе на особенности снимковъ, которые возбуждали живѣйшій интересъ между членами, изъявившими астроному чувствительнѣйшую признательность за сообщеніе.

Въ-заключеніе засѣданія объявленъ былъ результатъ баллотировки, произведенной для выборовъ въ должность члена совѣта и въ дѣйствительные члены; большинствомъ голосовъ оказались избранными, на основаніи устава: въ члены совѣта — А. Г. Троицкій и въ дѣйствительные члены — Н. А. Абрамовъ, А. Н. Деспотъ-Земосицъ, П. В. Казакевичъ, А. О. Раговъ, Н. М. Турбинъ и Н. Н. Тискинъ.

ОБЪ УМОТРЕВЛЕНІИ ДЕНЕЖНОЙ СУММЫ, СОБРАННОЙ НА СООРУЖЕНІЕ НАДГРОбНАГО ПАМЯТНИКА ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ. Записка П. А. Шеттисева. — Благженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ, 30 апрѣля 1854 года, по докладу благополучно царствующаго нынѣ Государя Императора Александра Николаевича, вслѣдствіе ходатайства статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Николаевича Блудова, Высочайше разрѣшилъ открыть под-

нису на сооруженіе монумента въ Александро-Невской лаврѣ на могилѣ Василя Андреевича Жуковскаго. При объявленіи о семъ, тогда-же въ вѣдомостяхъ напечатано было: «Близкіе друзья покойнаго В. А. Жуковскаго и другіе почитатели талантовъ его рѣшились, въ ознаменованіе своего и, какъ можно полагать, всеобщаго уваженія къ его памяти, открыть подписку на сооруженіе монумента надъ его могилой въ Александро-Невской лаврѣ. Приглашая всѣхъ участвовать въ семъ дѣлѣ, по мѣрѣ средствъ и усмотрѣнію своему, какими-бы-то ни было, даже и самыми малыми приношеніями, они смѣютъ думать, что такое изъявленіе чувства любви къ поэту, равно почтенному по блистательнымъ дарованіямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ, особенно прилично въ настоящее время, когда единодушное въ отечествѣ нашемъ движеніе умовъ и сердець столь живо напоминаетъ войну 1812 года а съ тѣмъ вмѣстѣ и сражавшагося подъ ея знаменами *плеча ея стань Русскихъ воиновъ*». Сочувствіе соотечественниковъ къ этому, предпріятію друзей и почитателей поэта оказалось самымъ утѣшительнымъ образомъ. Повсемѣстное участіе въ подпискѣ доказало несомнѣнно, что память о «Пѣвцѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ» свято хранится во всѣхъ сердцахъ и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Иного окончанія и предположить было невозможно, представляя все, чѣмъ сопровождалась жизнь нашего любимаго поэта. Съ перваго появленія на своемъ поприщѣ В. А. Жуковскій привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ Русскихъ. Наша слава нашла въ немъ блистательнаго провозвѣстника. Имена героевъ нашихъ 12-го года навѣкъ останутся незабвенными въ его стихахъ. Съ него мы начинаемъ эпоху того истинно-поэтическаго языка, въ которомъ соединились совершенства благозвучія, точности и выразительности. Онъ сообщилъ поэзіи живыя краски, глубину ощущеній, вѣрность картинъ, и съ земнаго поприща перенесъ это искусство въ область высокихъ христіанскихъ помысловъ. Такимъ образомъ поэзія явилась спутницею религіи и нравственности. Вся его жизнь посвящена была тому священному призванію, которое съ отрочества до послѣднихъ дней старости онъ чувствовалъ въ своей душѣ. Въ высшей степени доступный красота́мъ природы и поэзіи всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, онъ представилъ намъ ихъ безсмертные образцы творчества не въ безжизненныхъ переводахъ или подражаніяхъ, а возсоздалъ ихъ въ полнотѣ и прелести собственной ихъ жизни. Ни одна литература

не представляет равнаго этому явленія. Самая жизнь В. А. Жуковскаго постоянно являлась въ полной гармоніи съ его поэзіею. Онъ былъ человѣкъ въ высшемъ значеніи нравственный и религіозный. Его общественная и частная дѣятельность показала назидательный примѣръ благородства, чести и возвышенныхъ правилъ. Наградю столь рѣдкихъ качествъ было назначеніе его въ 1825 году въ наставники Государя Цесаревича, благополучно царствующаго нынѣ Императора Александра Николаевича. Съ именемъ Жуковскаго для всѣхъ воскресаетъ воспоминаніе какъ о лучшемъ изъ національныхъ поэтовъ, какъ о примѣрномъ по добродѣтелямъ человѣкѣ, какъ о гражданинѣ съ рѣдкими душевными качествами, и наконецъ какъ о внушителѣ тѣхъ кроткихъ и благодѣльныхъ правилъ, которыми сердце и воля нашего Монарха такъ счастливятъ Россію. Итакъ неудивительно, что вмѣсто четырехъ или пяти тысячъ рублей, которыхъ было-бы достаточно на сооруженіе скромнаго надгробнаго помѣтника, оказалось въ сборѣ болѣе двадцати тысячъ. Подписка на добровольные взносы продолжалась еще и въ началѣ 1858 года. Поступавшія въ сборъ деньги, пока не наступилъ срокъ ихъ употребленія, возносимы были для приращенія ихъ процентами въ государственнѣй коммерческій банкъ. Сооруженіе помѣтника поручено было знаменитому нашему скульптору, профессору Императорской академіи художествъ, барону *Клодту фонъ-Юргенсбургу*. Прежде окончанія трудовъ художника, въ ноябрѣ 1856 года, скончалась и супруга нашего поэта, Елисавета Алексѣевна Жуковская, урожденная *фонъ-Рейтернъ*, дочь одного изъ Лифляндскихъ нашихъ героевъ 12-го года, по смерти супруга своего жившая съ дѣтьми въ Москвѣ. Нѣжно любившая его и православная по вѣроисповѣданію, она завѣщала похоронить себя въ Санктпетербургѣ подлѣ своего мужа.

Могила двухъ особъ, священными узами брака соединенныхъ при жизни, покрываетъ нынѣ одинъ камень, изваянный въ видѣ стариннаго Русскаго саркофага. На сторонѣ могилы поэта изсѣчены слѣдующія слова: «Въ память вѣчную знаменитаго пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ, *Василія Андреевича Жуковскаго*, родившагося въ Бѣлевѣ 29 января 1781, скончавшагося въ Баденѣ 12 апрѣля 1852 года. Воздвигнуть стараніями и приношеніями почитателей безсмертныхъ трудовъ его и дарованій». Тутъ же помѣщены три текста изъ священнаго писанія: 1) *Иже смирится яко*

Отроча, той есть болій во царствіи небесномъ. 2) Любій Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ и Азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ. 3) Видимъ убо нынѣ яко же зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу.

На другой сторонѣ слѣдующая надпись: «Здѣсь погребена близъ тѣла супруга ея Елисавета Алексѣевна Жуковская, родившаяся въ Лифляндіи 19 іюня 1821, скончавшаяся въ Москвѣ 26 ноября 1856 года».

За тѣмъ слѣдуютъ три текста: 1) Вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете. 2) Духомъ горяще, Господеви работающе: упованіемъ радующеся — скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе. 3) О жено, велія вѣра твоя.

Посрединѣ монумента, въ томъ его концѣ, который противъ изображенія креста, изсѣчено: «Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте» (*).

Сооруженіе этого памятника обошлось въ 4,500 руб. Остальная сборная сумма, хранившаяся въ государственномъ коммерческомъ банкѣ, достигла съ процентами до 18,711 р. 37 к., и друзья Жуковского рѣшились всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о Высочайшемъ соизволеніи употребить означенную сумму на сооруженіе другаго памятника, можетъ-быть, еще болѣе согласнаго съ умственною дѣятельностію и характеромъ лица, которому соотечественники такъ единодушно выражаютъ нынѣ свое сочувствіе,—памятника не матеріальнаго и слѣдственно менѣе подвергающагося измѣненіямъ времени и суду человѣческому. Предположеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы въ воспоминаніе В. А. Жуковского, на проценты неупотребленнаго еще сбора, учредить стипендіи для образованія молодыхъ людей въ Императорскомъ Московскомъ университе-

(*) Друзья В. А. Жуковского старались избрать означенные здѣсь тексты священнаго писанія такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ или служитъ указаніемъ на одно изъ замѣчательныхъ качествъ души поэта или супруга его, или-же относится къ нѣкоторымъ, равно замѣчательнымъ обстоятельствамъ ихъ жизни. Таковы въ-особенности стихъ Кд, Гл. Ді Еванг. св Іоанна: «Любій Мя возлюбленъ будетъ отцемъ Моимъ и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ», и стихъ Кд, гл. Ёі Еванг. Св. Маттея: «О жено, велія вѣра твоя», который всѣ, видѣвшіе страдальческую и съ тѣмъ вмѣстѣ спокойную кончину Е. А. Жуковской и ея прощаніе съ дѣтьми въ сію роковую минуту, безъ-сомнѣнія, повторяли въ сердцѣ своемъ.

тѣ и въ Тульской губернской гимназiи, такъ-какъ самъ знаменитый поэтъ преимущественно въ этихъ мѣстахъ положилъ основанiе успѣхамъ своего образованiя и таланта. Эта мысль удостоена была Высочайшаго одобренiя. При осуществленiи предпрiятiя, которое должно было оставаться навсегда неизмѣннымъ, предвидѣлось затрудненiе отъ неотвратимыхъ измѣненiй въ количествѣ процентовъ. Чтобы сумма ихъ, предназначаемая для ежегоднаго содержанiя стипендiатовъ, ни при какихъ обстоятельствахъ банка не могла уменьшиться, и на вѣчныя времена оставалась-бы въ равномъ, однажды опредѣленномъ количествѣ, рѣшено было отдѣляемый для стипендiатовъ капиталъ перевести изъ государственнаго коммерческаго банка въ государственную комиссiю погашенiя долговъ 6-ти-процентнаго займа. Неподлежащiе выкупу билеты ея представляли самое вѣрное средство увѣковѣчить существованiе благотворительнаго учрежденiя. Государь Императоръ изволилъ утвердить и это предположенiе. Ежегодный доходъ со всей сборной суммы, по уплатѣ за монументъ оставшейся въ государственномъ коммерческомъ банкѣ, не превышалъ 561 руб. съ копейками. Переведенная въ государственную комиссiю погашенiя долговъ 6-ти-процентнаго займа, эта самая сумма, съ ничтожнымъ ея округленiемъ (118 руб. 63 коп.), обратилась въ капиталъ 14,000 руб., неизмѣнно и навѣкъ приносящiй ежегоднаго дохода 840 руб. Выгодный оборотъ дѣла указалъ на возможность соблюсти и тотъ умиленный обрядъ православiя, который непрерывающимся воспоминанiемъ объ усопшихъ и теплыми о спасенiи душъ ихъ молитвами услаждаетъ сердца дольнихъ странниковъ и какъ-бы связуетъ земной мiръ съ надзвѣзднымъ. Поэтому изъ 14,000 руб. капитала отдѣлено было 1,000 руб., на которую вѣсть особый билетъ въ 60 руб. ежегоднаго дохода и переданъ, какъ невозвратная собственность, въ Александрo-Невскую лавру для установленiя на вѣчныя времена обѣденъ и панихидъ по душѣ В. А. Жуковскаго и его супруги.

Сроки этихъ поминовенiй обозначены въ слѣдующей запискѣ, съ капиталомъ препровожденной въ лавру: «Означенiе дней рожденiя, именинъ и кончины тайнаго совѣтника Василия Андреевича Жуковскаго и супруги его Елисаветы Алексѣевны Жуковской, кои хъ тѣла погребены въ Александрo-Невской лаврѣ. I) В. А. Жуковскаго: день рожденiя, 29 января; день именинъ, 1 января; день кончины, 12 апрѣля. II) Елисаветы Алексѣевны Жуковской:

день рожденія, 12 іюня; день имянинъ, 5 сентября; день кончины 26 ноября».

Оставшіеся за тѣмъ 13,000 руб. раздѣлены между Московскимъ университетомъ и Тульской гимназіей. Университету переданъ билетъ въ 8,000 руб., а гимназіи въ 5,000 руб. Въ томъ и другомъ мѣстѣ, на проценты съ капиталовъ, навсегда за ними утвержденныхъ, содержимы будутъ по два воспитанника. Годичная стипендія каждаго студента назначена въ 200 рублей. За удовлетвореніемъ этого расхода, ежегодно отъ процентовъ будетъ оставаться въ университетской кассѣ по 80 руб., изъ которыхъ, по истеченіи университетскаго четырехлѣтняго курса, составитъ сумма въ 320 руб., которую предположено употреблять въ видѣ пособія, на первоначальныя нужды выходящихъ изъ университета стипендіатовъ. Доходъ, т. е. ежегодные проценты капитала, утвержденного за Тульской гимназіей, равняется суммѣ 300 руб. Каждому изъ двоихъ учениковъ, содержимыхъ на эти деньги, будетъ ежегодно выдаваемо по 150 руб. Такимъ образомъ ни одна самая малѣйшая частица изъ добровольныхъ приношеній, съ такимъ единодушіемъ и любовью посвященныхъ соотечественниками памяти незабвеннаго поэта, не оставлена безъ благаго употребленія.

Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, въ довершеніе этого, для всѣхъ утѣшительнаго предпріятія, составилъ проектъ «Положенія о стипендіяхъ В. А. Жуковскаго». Приведенный къ окончанію и по Высочайшему повелѣнію рассмотрѣнный въ комитетѣ гг. министровъ, этотъ проектъ, въ Царскомъ Селѣ, 16 мая 1858 года, удостоенъ утвержденія Его Императорскаго Величества (*).

Всѣ представленныя здѣсь свѣдѣнія объ употребленіи денежной суммы, собранной на памятникъ В. А. Жуковскому, заимствованы изъ подлинныхъ бумагъ по сему дѣлу, хранящихся во II-мъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

ТОРИСТАВЕННІЙ АКТЪ ТАГАНОРОДСКОЙ ГИМНАЗИИ И СТАРИТИ ПРИ НЕЙ ВЛАДЫЧЕВСКАГО НАВСТОНА. — Вотъ описаніе этого скромнаго праздника,

(*). См. Ж. м. н. пр. Ч. ХСІХ, отд. I, стр. 18.

напечатанное въ Одесскомъ вѣстникѣ (*№* 129): Въ 11 часовъ утра, 24-го октября, отслуженъ былъ въ залѣ открываемаго благороднаго пансіона молебень съ водоосвященіемъ. Около полудня начали собираться въ актовую залу гимназіи предварительно-приглашенные посѣтители. Ровно въ полдень прибыли: Таганрогскій градоначальникъ, контръ-адмиралъ М. А. *Лаверовъ*; извѣстный нашъ литераторъ Н. В. *Кукольникъ*; ст. сов. Н. Д. *Алфераки*; извѣстный въ финансовомъ мірѣ Россіи по дѣятельному участію во многихъ промышленныхъ предпріятіяхъ; Д. Е. *Бенардаки*, гостившій въ то время въ Таганрогѣ; настоятель здѣшняго Александро-Невскаго монастыря, архимандритъ *Шлатонъ*, и другіе почестиѣйшіе граждане города, между которыми было много дамъ и дѣвицъ. Наконецъ пожаловалъ его преосвященство *Леонидъ*, епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, совершавшій въ этотъ день божественную литургію въ здѣшнемъ соборѣ. Актъ начался молитвою: «Царю небесный». По пропѣтіи, пѣвчими преосвященнаго, молитвы, старшій учитель *Цабель* прочелъ рѣчь: «О ходѣ развитія телеграфическаго искусства». Рѣчь эта обратила общее вниманіе какъ по прекрасному своему изложенію, любопытному содержанію, такъ и по близкому отношенію къ недавно совершившемуся торжеству науки — проведенію чрезъ атлантическій океанъ телеграфа. Жаль, что публикѣ не удалось прослушать ее всю, потому-что почтенный авторъ, чтобы не утомить публики, — ограничился прочтеніемъ только части своей обширной рѣчи. Присутствующіе были увлечены любопытными фактами о способахъ передачн извѣстій въ отдаленныя отъ насъ и новѣйшія времена и о томъ, какъ телеграфное искусство, совершенствуясь мало-по-малу, достигло нынѣшняго громаднаго развитія; многие пожелали, чтобы авторъ напечаталъ свою рѣчь, и тѣмъ далъ возможность нашей публикѣ прочесть ее вполнѣ. Мы увѣрены, что она обратитъ на себя вниманіе всего образованнаго класса Россіи, если явится въ печати. А потому, и теперь обращаемся къ г. Цабелю съ просьбою, чтобы онъ издалъ свое сочиненіе, стоившее ему, конечно, многихъ трудовъ и заслуживающее извѣстности въ болѣе обширномъ кругу, чѣмъ наше общество. Послѣ рѣчи г. Цабеля, ученики низшихъ классовъ произносили стихотворенія на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ и Греческомъ языкахъ, а ученикъ VII класса *Цысоренко* прочелъ свое сочиненіе: «Петръ Великій и Азовскіе берега», которое, по событіямъ,

совершившимся на занимаемой нами мѣстности, и по прекрасному изложенію, заслужило общее вниманіе. Затѣмъ секретарь педагогическаго совѣта гимназій, *Браславскій*, прочелъ отчетъ о дѣйствіяхъ и состояніи Таганрогской гимназій за истекшій академическій годъ, при чемъ объявлены были имена учениковъ, переведенныхъ въ высшіе классы, а отличнѣйшимъ изъ нихъ розданы награды, состоявшія изъ книгъ и похвальныхъ листовъ. Дѣти, получившіе награды, благоговѣнно подходили къ архипастырю для принятія его благословенія, и каждый изъ нихъ слышалъ отъ преосвященнаго привѣтливый наставленія. Замѣчательно, что Таганрогская гимназія, праздновавшая въ прошломъ 1857 г. полстолѣтіе своего существованія, еще въ первый разъ нынѣ, въ первый годъ втораго пятидесятилѣтія, и именно — въ день открытія благороднаго пансіона, имѣла счастье видѣть въ стѣнахъ своихъ архіерея, который, какъ намъ говорили, при всемъ истощеніи своемъ отъ путешествія изъ Екатеринослава въ Таганрогъ и отъ каждодневнаго священнодѣйствія здѣсь, благосклонно отсрочилъ день своего выѣзда изъ Таганрога, чтобы быть при открытіи пансіона и благословить этотъ новый вертоградъ наукъ. Другихъ подробностей отчета мы не помнимъ хорошо, но свѣжо сохранили въ памяти слѣдующее важное обстоятельство. Въ прошедшемъ году гимназія была обзрѣваема бывшимъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговымъ, который, пробывъ въ Таганрогѣ около четырехъ дней, провелъ ихъ въ самомъ подробномъ разсмотрѣніи хода гимназическаго ученія, и въ то-же время, вмѣстѣ съ почетнымъ попечителемъ гимназій М. А. Сомовымъ, рѣшилъ дѣло объ открытіи при ней благороднаго пансіона, которое длилось около 20 лѣтъ, и успѣхъ котораго въ послѣднее время особенно былъ сомнителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько намъ извѣстно, еще въ 1838 году возникла переписка объ учрежденіи здѣсь пансіона. Въ 1841 г., тогда недавно избранный Екатеринославскимъ дворянствомъ, почетный попечитель М. А. Сомовъ, чтобы дать успѣшный ходъ начатому дѣлу о пансіонѣ, изъявилъ согласіе пожертвовать на учрежденіе этого необходимаго при гимназій заведенія десять тысячъ ассигнаціями. По примѣру почетнаго попечителя и при содѣйствіи его, Таганрогскіе жители благороднаго и коммерческаго сословія пожертвовали въ 1842 г. на тотъ-же предметъ около четырехъ тысячъ серебромъ. Казалось, дѣло, столь удачно начатое, должно-бы было скоро достигнуть

счастливаго конца. Но было не такъ. Между-тѣмъ-какъ дѣлались разныя соображенія объ устройствѣ пансіона ~~и~~ ^{въ} размѣрахъ, превышающихъ сказанныя средства, и впродолженіе многихъ лѣтъ шла переписка по этому предмету, надежда на скорое открытіе при здѣшней гимназій благороднаго пансіона мало-по-малу угасала. Вслѣдствіе этого въ 1851 г., при бывшемъ тогда градоначальникѣ князѣ *Ливенъ*, гриждане, пожертвовавшіе на устройство пансіона сумму до 4 т. сереб., приговоромъ опредѣлили обратитъ ее на учрежденіе въ Таганрогѣ дѣтскаго пріюта. За такимъ назначеніемъ сказанныхъ денегъ, уже и въ самомъ дѣлѣ нельзя было и думать о возможности осуществленія мысли о пансіонѣ при здѣшней гимназій. Н. И. Пироговъ, во время пребыванія своего въ Таганрогѣ въ прошломъ году, увидѣвъ потребность этого заведенія, для открытія его просилъ патріотическаго содѣйствія М. А. Сомова, который тотчасъ изъявилъ полную готовность привести казавшееся безнадежнымъ дѣло къ желанному концу. Онъ не ограничился пожертв. ваниемъ на устройство пансіона трехъ тысячъ сереб., но самъ нѣсколько разъ прѣзжалъ въ Таганрогъ для присутствованія въ комитетѣ по дѣлу о пансіонѣ, совершилъ поѣздку въ Харьковъ для того, чтобы, послѣ подробнаго обозрѣнія пансіоновъ при тамошнихъ гимназіяхъ для изученія ихъ устройства, ввести его въ заведеніе, которое своимъ началомъ и дальнѣйшимъ существованіемъ должно было быть обязаннымъ его заботливости и щедротамъ. Такимъ образомъ то, чего не сдѣлалось въ десятки лѣтъ, о чемъ перестали и говорить и думать, въ нѣсколько мѣсяцевъ приведено къ счастливому окончанію доброю волею одного человека — и теперь въ новооткрытомъ пансіонѣ уже 17 пансіонеровъ. Скажемъ-же Русское спасибо доброму патріоту! По окончаніи акта, всѣ были приглашены директоромъ къ приготовленной въ другой залѣ гимназій закускѣ, вслѣдъ за которою были провозглашены тосты о здравіи и долгоденствіи Его Императорскаго Величества Государя, высокаго покровителя народнаго въ Россіи просвѣщенія, о здравіи г. министра народнаго просвѣщенія, гг. бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогова и почетнаго попечителя гимназій, М. А. Сомова, — какъ учредителей благороднаго пансіона; нынѣшняго попечителя округа, Н. Р. Ребиндера, какъ настоящаго покровителя юнаго воспитательнаго заведенія, потомъ въ честь высо-

вить гостей: преосвященнаго Леонида, епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго, М. А. Лаврова, Таганрогскаго градоначальника и замѣчательнаго двигателя отечественной промышленности Д. Е. Бешардаки, пожертвовавшаго, въ память своего пребыванія въ Таганрогѣ, значительный капиталъ для проведенія въ городѣ воды, въ которой сильно нуждается Таганрогъ. Въ заключеніе, г. градоначальникъ провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе гимназій и новооткрытаго при ней благороднаго пансіона. Этими окончился замѣчательный праздникъ Таганрогской гимназій. Утѣшительно видѣть, какъ съ каждымъ годомъ такое торжество заведенія, посвященнаго воспитанію юношества, болѣе и болѣе удостоивается посѣщенія просвѣщенныхъ — не только жителей, но и жительницъ города. Изъ этого можно вывести заключеніе, что образованность болѣе и болѣе развивается въ нашемъ городѣ, и что интересы науки значительнѣе прежняго привлекаютъ къ себѣ вниманіе гражданъ. А было время, — и недалеко оно, — когда подобнаго рода празднества посѣщались только людьми оффиціально-обязанными къ тому, или людьми, имѣвшими какіе-нибудь интересы быть на нихъ, т. е. отцами и родственниками учащихся».

ТОРЖЕСТВО ПЯТЬДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕЛИСАВЕТИНСКАГО УЧИЛИЩА. — 6 ноября происходило, въ С. Петербургѣ, достопамятное торжество пятидесятилѣтія Елисаветинскаго училища, Высочайше учрежденнаго, подъ названіемъ Дома трудолюбія, 6 ноября 1808 года. Начало и постепенное возрастаніе сего учебнаго заведенія достойны вниманія. Въ началѣ 1806 года подполковница *Гаврилова*, при пособіи управлявнаго филантропическою частію статсъ-секретаря, дѣйствительнаго камергера А. А. *Витостова*, завела частное заведеніе на пятьдесятъ молодыхъ дѣвицъ недостаточнаго состоянія, сиротъ штабъ- и оберъ-офицерскихъ. Онѣ были преимущественно обучаемы разнымъ рукодѣліямъ, для пріобрѣтенія возможности снискивать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ, почему заведеніе и было названо *Домомъ трудолюбія*. Гаврилова, обучая сама дѣвицъ рукодѣліямъ, снабжала ихъ пищею, одеждою, обувью, нанимала для нихъ помѣщеніе и прислугу. Издержки уплачивались продажей рукодѣлій и исполненіемъ заказовъ, пожертвованіями благотворительныхъ лицъ и пособіями изъ кабинета Его Импе-

раторскаго Величества; но эти доходы составили, въ полтора годо, 11,000 р., а издержано было до 30,000 руб., такъ-что на заведеніи оставался долгъ въ 20,000 руб. Государь императоръ Александръ Павловичъ, на всеподданнѣйшую просьбу Гавриловой о пособіи, всемилостивѣйше повелѣлъ уплатить долги изъ государственнаго казначейства, и дать Гавриловой въ пособіе, на исправленіе недостатковъ заведенія и на покупку матеріаловъ, 3,000 р. Въ то-же время составлены были уставъ и штатъ Дома трудолюбія, и Высочайше утверждены 6 ноября 1808 г. Къ обученію рукодѣліямъ присоединено было еще преподаваніе закона Божія, чтенія и письма, ариѳметики и рисованія. Главное завѣдываніе домомъ поручено было попечительному комитету для бѣдныхъ. Гаврилова оставалась начальницею онаго до 1 марта 1815 г. (*). Число воспитанницъ, впродолженіе осьми лѣтъ, до 1822 г., увеличилось до семидесяти; изъ нихъ сорокъ на казенномъ содержаніи и тридцать пансіонерокъ. Въ 1816 году Домъ трудолюбія, по соизволенію ея величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, поступилъ въ вѣдомство С. Петербургскаго патріотическаго общества, находившагося подъ покровительствомъ ея императорскаго величества, и наконецъ, въ 1822, принять былъ отдѣльно въ высочайшее ея вѣдѣніе. Государыня не только принимала жаркое участіе въ событіяхъ и трудахъ заведенія, но и пополняла изъ собственныхъ своихъ суммъ разные непредвидимые расходы, и снабжала учащихся и учащихся книгами изъ собственной своей библіотеки. Въ то-же время прибрѣтенъ для сего заведенія домъ, пожертвованный камергеромъ Свистуновымъ. Домъ трудолюбія впоследствии былъ распространенъ, обогащенъ, поставленъ на-ряду съ первостепенными женскими учебными заведеніями; но благодарная, трогательная память о милостяхъ великой и смиренной благодѣтельницы его, императрицы Елисаветы Алексѣевны, живетъ въ сердцахъ всѣхъ прикосновенныхъ къ сему заведенію, переходить изъ рода въ родъ, и не умретъ въ отда-

(*) Впоследствии были начальницами: вдова генераль-маіора Козловская, по 1 октября 1817 г.; жена коллежскаго совѣтника Вистингаузенъ, по 1 февраля 1819; жена полковника Говень, по 22 марта 1822; вдова полковника Ребиндеръ, по 1 іюля 1828 г.; вдова коллежскаго ассессора Лебедева, по 30 сентября 1830; госпожа Бистромъ, по 12 апрѣля 1852; госпожа Безобразова, по 12 іюля 1856. Нынѣ начальствуетъ госпожа Шостакъ.

ленномъ потомствѣ. По кончинѣ ея величества, Домъ трудолюбія поступилъ подъ Высочайшее покровительство государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, и имѣлъ счастье удостоиться особеннаго вниманія государя императора Николая Павловича. Ему даны были новыя средства къ достиженію своей цѣли, распространень кругъ его дѣйствій, назначеніе его сдѣлалось важнѣе и опредѣлительнѣе. Теперь скромный нѣкогда Домъ трудолюбія, наименованный въ 1847 году, согласно предположенію Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны *Елисаветинскимъ училищемъ*, помѣщаетъ въ себѣ болѣе двухсотъ воспитанницъ, получающихъ высшее образованіе почти наравнѣ съ прочими первостепенными женскими институтами. Впродолженіе истекшаго полугодія получили въ немъ образованіе до тысячи ста дѣвицъ. Въ день празднованія пятидесятилѣтія, Государыня Императрица благоволила пожаловать училищу бюстъ покойной императрицы Елисаветы Алексѣевны, при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ, на имя начальницы училища госпожи Шостакъ:

«Екатерина Николаевна! Не имѣя, по слабости здоровья, возможности прибыть въ Елисаветинское училище въ настоящій день празднованія пятидесятилѣтія его существованія, я не могу однако отказать себѣ въ удовольствіи выразить вамъ по этому случаю всю привязанность Мою къ сему разсаднику образованія дѣвицъ, получающихъ здѣсь религіозно-нравственное направленіе и свѣдѣнія, необходимыя для ожидающаго ихъ по выпускѣ трудового поприща. Поздравляя всѣхъ воспитанницъ училища съ торжествомъ, свидѣтельствующимъ о постепенномъ его преуспѣяніи, Я вполне надѣюсь, что онѣ поддержать честь заведенія всегда строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей въ семействѣ и обществѣ. Желаю въ-особенности, чтобы училище не покидало отличавшей его донинѣ простоты и скромности, которыя, при основательномъ обученіи дѣвицъ, являются для нихъ самымъ поучительнымъ приготовленіемъ къ жизни дѣйствительной. Въ ознаменованіе настоящаго дня, препровождаю во ввѣренное вамъ заведеніе изображеніе августѣйшей его основательницы, императрицы Елисаветы Алексѣевны. Воспоминаніе о ея милостяхъ и материнскихъ попеченіяхъ на пользу училища да послужитъ для васъ и всѣхъ содѣйствующихъ вамъ непрестаннымъ побужденіемъ къ достиженію, въ возможной полнотѣ, святой цѣли воспитанія.

«Еще разъ поздравляя всѣхъ васъ и поручая вамъ передать

Мое благословеніе вапнмъ воспитанницамъ, пребываю къ вамъ благосклонною».

На подлинномъ собственной Ея Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРА».

Въ Царскомъ селѣ, 6 ноября 1858 года.

(Сво. пч.).

ОТКРЫТІЕ ШКОЛЫ ПРИ ТЮРЕМНОМЪ ЗАМКѢ ВЪ КІЕВѢ.—Въ Кіевѣ открыто училище при тюремномъ замкѣ. Возможность осуществленія подобнаго заведенія была для Кіева не нова. Прежде нежели открыты въ другихъ городахъ подобныя заведенія, въ Кіевѣ уже созрѣло предположеніе, которое нынѣ вполнѣ приведено въ исполненіе, ибо давно была постигнута и необходимость, и благотворность подобныхъ школъ. Точно такъ-же сознается необходимость учрежденія въ Кіевѣ школъ для воспитанія дочерей бѣдныхъ священнослужителей и школъ ремесленныхъ, въ которыхъ могли бы обучаться дѣти городскихъ и сельскихъ сословій. Школа при Кіевскомъ тюремномъ замкѣ устроена для обученія дѣтей арестантовъ и малолѣтнихъ арестантовъ чтенію, письму, закону Божію, священной исторіи, необходимымъ молитвамъ и арифметикѣ. Для начинающихъ вводится метода взаимнаго обученія. Священная исторія преподается въ разсказахъ. Догматы вѣры приближены къ понятіямъ слушающихъ и объясненія христіанскихъ обязанностей примѣняются къ ихъ жизни. Въ часы, свободные отъ занятій, дѣти, смотря по полу, возрасту и способностямъ каждаго, упражняются въ изученіи ремеслъ: сапожнаго, балмачнаго, столярнаго и нѣкоторымъ рукодѣльямъ. Взрослые арестанты, по собственному ихъ желанію, также допускаются въ школу.

ОТКРЫТІЕ ВЪ ІЕНСАВІТГРАДѢ ТАЛМУДЪ-ГОРЫ.—Въ Одесск. вѣст. напечатано: «Руководящею идеею къ устройству въ нашемъ городѣ Еврейской общественной первостепенной талмудъ-горы, или школы для призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, послужило циркулярное предписаніе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа; вслѣдствіе ходатайства г. директора училищъ Херсонской губерніи, принято было участіе г. начальника Херсонскаго поселенія къ осуществленію этого благаго дѣла. Нельзя не порадоваться искренно сочувствію къ дѣлу народ

наго образованія, выказанному Елисаветградскимъ Еврейскимъ обществомъ при общихъ стараніяхъ основать учебное заведеніе, содержимое на добровольныя приношенія. 23 минувшаго ноября, къ участію въ торжествѣ при открытіи новаго училища были приглашены въ здѣшнюю синагогу: г. начальникъ Херсонскаго поселенія, всѣ военные и гражданскіе чины, почетныя лица въ городѣ, равно-какъ и почетные члены Еврейскаго общества. По окончаніи благодарственнаго молебна о здравіи и многолѣтій Государя Императора и всего Его Августѣйшаго Дома, ученикъ *Давыдовъ* произнесъ на Русскомъ языкѣ краткую благодарственную рѣчь. Вслѣдъ за этимъ чтеніемъ, хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ, при звукахъ музыки, пропѣлъ народный гимнъ: *Боже, Царя храни!* За тѣмъ штатный смотритель Елисаветградскихъ училищъ прочиталъ временныя правила о подчиненіи Еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, равно-какъ и домашнихъ учителей, надзору министерства народнаго просвѣщенія, и произнесъ рѣчь объ усердіи Еврейскаго общества къ великому дѣлу образованія своихъ единовѣрцевъ. Въ-заключеніе старшій учитель талмудъ-торы *М. Давыдовъ* прочиталъ на Нѣмецкомъ языкѣ назидательную рѣчь вновь поступившимъ ученикамъ. По выходѣ изъ синагоги, всѣ приглашенные посѣтители собрались въ смежный съ оной домъ, принадлежащій Еврейскому обществу, который предназначенъ для помѣщенія талмудъ-торы. Торжество заключилось роскошнымъ обѣдомъ, который данъ былъ почетнымъ блюстителемъ Елисаветградскаго казеннаго Еврейскаго училища 1 разряда, г. *Пружниковымъ*. Первый тостъ провозглашенъ былъ за здравіе Его Императорскаго Величества, Государя Императора и всего царствующаго Дома, сопровождаемый троекратнымъ продолжительнымъ «ура!» потомъ слѣдовали тосты: за здравіе г. начальника Херсонскаго поселенія, генералъ-лейтенанта *К. В. Пистолькорса*, г. попечителя Одесскаго учебнаго округа *Н. Р. Ребиндера*, г. директора училищъ Херсонской губерніи *З. В. Коленко*, мѣстнаго начальства, всего Елисаветградскаго Еврейскаго общества и наконецъ за процвѣтаніе талмудъ-торы. Живое сочувствіе, выразившееся оглушительными—«ура!», встрѣтило эти тосты во всѣхъ присутствующихъ. Такъ отпраздновало Елисаветградское Еврейское общество 23 ноября, — день памятный для всего Еврейскаго населенія. Многіе изъ почетныхъ Евреевъ, сверхъ вкладочнаго капитала, ознаменовали открытіе талмудъ-торы значительными

пожертвованіями въ пользу этого заведенія, общія цифра которыхъ доходитъ до 2,000 рублей серебромъ, не считая суммы, собранной на устройство бібліотеки; главнѣйшими жертвователями были гг. Н. Бродскій, Прухниковъ, Финкельштейнъ, Коганъ, Гомбергъ, Рабиновичъ, Горфинкель, Недобейка и многіе другіе.

ПРОВОДЫ ИЗЪ КЯХТЫ НИКИИНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ. — Иркут. губ. вѣд. сообщаютъ слѣдующее описаніе проводовъ сей миссіи: «25 іюля отправилась въ Пекинъ наша миссія, на смѣну проживающей тамъ съ 1849 года. Ни одна изъ миссій не была отправляема изъ Кяхты съ такою церемоніею, какъ нынѣшняя. Послѣ обѣдни, совершенной архіепископомъ *Евсевіемъ* съ духовными членами новой миссіи, войска, совершавшія въ это время примѣрныя сраженія, выстроились шпалерами отъ церковной площади до Кяхтинскихъ пограничныхъ воротъ, артиллерія — на нейтральной землѣ между Кяхтою и Май-Май-Ченомъ. Русскіе, Китайцы и Монголы стояли во множествѣ, и смотрѣли на зрѣлище невиданное. Изъ собора вышелъ крестный ходъ съ архіепископомъ и духовенствомъ. Предъ окончаніемъ молебна, всѣ бросились на колѣни, въ томъ числѣ Китайцы и Монголы, увлекаясь видимымъ. Раздались звонъ колоколовъ и пушечные выстрѣлы. Музыка играла «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Послѣ молебна миссія отправилась пѣшкомъ въ Май-Май-Ченъ. Тамъ, простясь съ заргучеемъ, вышла за границу, и помѣстилась въ экипажи. Во все время гремѣла артиллерія. Нѣсколько лицъ провожали миссію до первой станціи. Тамъ раскинуты были, подъ открытымъ небомъ, шатры, и явился послѣдній Русскій ужинъ. Пили на Китайской землѣ за здоровье Русскаго Государя и генералъ-губернатора. 26 іюля поутру двинулась миссія далѣе. Пограничный комиссаръ провожалъ ее до третьей станціи Про. Миссію составляютъ слѣдующія лица: архимандритъ Гурій, іеромонахъ Александръ Кульчицкій, іеромонахъ Исаія Шоликинъ, іеромонахъ Антоній Люцерновъ, магистръ физико-математическихъ наукъ Дмитрій Алексѣевичъ Пещуровъ, магистръ Афанасій Фарафоновичъ Поповъ, кандидатъ Константинъ Ивановичъ Павлиновъ, кандидатъ Николай Ивановичъ Мраморовъ, студентъ художникъ Игоревъ; приставъ миссіи, статскій совѣтникъ Петръ Николаевичъ Перовскій. Монгольскіе чиновники, назначенные для препровожденія миссіи, были столикъ вѣжливы, что вползали въ юрту нашего пристава на колѣняхъ. Такого по-

чтенія даже не было слышно когда-либо. Вообще предупредительность и вѣжливость Китайцевъ утроились со дня появленія Русскихъ на Амурѣ».

СТИПЕНДИАТЫ КЯХТИНСКАГО КУПЕЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. — Въ Иркут. губ. вѣд. напечатано: «Новый трактатъ съ Китайцами развязалъ и нашему купечеству руки. Желая изъяснить свою признательность, Кяхтинское общество постановило содержать на своемъ иждивеніи въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ двухъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Иркутской гимназіи. Студенты должны обучаться преимущественно языкамъ Китайскому, Маньчжурскому и Англійскому. Курсъ ученія опредѣленъ пятилѣтній. Сумма на содержаніе стипендіатовъ будетъ вносима въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Планъ этотъ представленъ на утвержденіе высшаго начальства. Нѣтъ сомнѣнія, что впоследствии времени прибавленъ будетъ и языкъ Японскій, когда въ университетѣ учредится кафедра этого языка. Вотъ какъ наше купечество печется о благѣ общемъ! Жаль, что у насъ преподается только языкъ книжный, въ которомъ нѣтъ большой надобности. У Китайцевъ все не по-нашему. Языкъ ихъ дѣлится на книжный и разговорный. Первый существуетъ мертво въ книгахъ, второй есть живая рѣчь народа, и разница между ими огромная. Книжному языку выучиваются въ Парижѣ самоучкою. Только ни Абель-Ремюза, ни Станиславъ Жюліенъ ни сами не могутъ объясняться, ни понять природнаго Китайца. Важность — въ словосочиненіи и произношеніи. Съ улыбкою читаютъ Кяхтинцы Китайскія имена, искаженныя въ иностранныхъ газетахъ; но досадно, что Русскія газеты повторяютъ эти варварскія ошибки».

МУЗЕУМЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПРИ САМАРСКОЙ ГИМНАЗИИ. — Въ Самарск. губ. вѣд. напечатано: «Нельзя не порадоваться возникающей у насъ самодѣятельности, даже въ отдаленныхъ губерніяхъ,—нельзя не поддаться довѣрчивымъ надеждамъ на лучшее будущее. Къ числу самыхъ отраднѣхъ явленій въ нашемъ молодомъ городѣ, безъ сомнѣнія, должно отнести учрежденіе музеума естественныхъ произведеній при губернской гимназіи. Служа однимъ изъ сильныхъ образовательныхъ средствъ учащимся для познанія окружающей насъ природы, онъ, будучи доступенъ и

для промышленной публики, может принести пользу практическую. Мы были-бы неправы предъ читателями, еслибъ не сказали, что начало музеуму при гимназіи уже положено. Преподаватель естественныхъ наукъ М. Федоровъ, горячо любящій свой предметъ, въ непродолжительное время составилъ небольшое собраніе мѣстныхъ растений, звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ».

ПОЛЕЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ САМАРСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ. — Предложеніе редакціи Самарскихъ губ. вѣд. заключается въ слѣдующемъ: «Неофициальная часть губернскихъ вѣдомостей, согласно своей программѣ, назначается преимущественно для ознакомленія съ мѣстностью, на которую простирается власть губернскаго управленія, и мѣстнымъ бытомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Хотя очень желательно, чтобы все, носящее на себѣ печать мѣстнаго интереса, изъ области умственного труда сообщалось для помѣщенія въ губернскія вѣдомости, но, по разнымъ обстоятельствамъ, иногда статьи, близко касающіяся какой-либо мѣстности и самыя довольно подробныя описанія, печатаются въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ среди обще-литературныхъ и ученыхъ статей. Чтобы имѣть эти статьи подъ рукою въ-совокупности, еслибъ выписывались даже всѣ изданія, нужно было-бы отдѣлять ихъ и такимъ образомъ портить иногда весьма хорошіе журналы. Не говоря о томъ насколько это неудобно, надобно имѣть въ виду, что нужно обладать довольно значительными средствами, чтобы выписывать всѣ журналы и газеты. Редакціи столичныхъ журналовъ въ этомъ отношеніи могли-бы помочь нашимъ нуждамъ, печатая, съ согласія авторовъ, отдѣльные оттиски и присылая ихъ въ губерніи для продажи, что и приняли-бы на себя редакціи губернскихъ вѣдомостей изъ уступки какихъ-либо двухъ, трехъ экземпляровъ. Польза такихъ собраній (коллекцій) весьма ощутительна. Они представляли-бы возможность соединить многообразныя о губерніи свѣдѣнія на мѣстѣ, что весьма важно при отсутствіи библіотекъ; служили-бы хорошимъ пособіемъ лицамъ, спеціально-посвящающимъ свои труды изученію данной мѣстности; обратно, чрезъ такихъ дѣятелей помѣстная литература столичныхъ журналовъ могла-бы быть очищаема критикой для устраненія ошибокъ въ родѣ той, наприимѣръ, что въ Самарской губерніи досегѣ живутъ Калмыки (Калмыцкое войско), какъ допущено это въ одномъ изъ лучшихъ географическихъ сборниковъ. Разсчитывая на

просвѣщенное содѣйствіе редакторовъ всѣхъ періодическихъ изданій, редація Самарскихъ вѣдомостей присовокупляетъ, что она съ полною готовностью согласна принять на себя, какъ выше сказано, комиссію продажи всего, что относится не только непосредственно до той губерніи, но и до сопредѣльныхъ ей мѣстностей; при этомъ проситъ довести о ея желаніи до свѣдѣнія авторовъ. Такимъ образомъ можетъ восполниться наша скудная дѣятельность, обусловливаемая не только средствами, но и крайнимъ отчужденіемъ отъ совокупной работы во всемъ относящемся до мѣстныхъ интересовъ.»

ТРИСОТЪ-ЛѢТНІЙ ВѢКЪ ІЕНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Іена, августа 14-го.

При серебряныхъ и золотыхъ свадьбахъ невѣста бываетъ уже не молода, а потому не можетъ отличаться красотой; но старой Іенѣ пристало праздничное убранство, въ которое она облеклась при наступленіи своего торжественнаго дня. Всѣ дома были обвѣшаны разными матеріями, коврами, зеленью, цвѣтами и разноцвѣтными флагами, которые спускаются съ кровель до мостовой. Въ такомъ видѣ Іена ожидали гостей, которыхъ назвалось къ ней на пиръ до шести тысячъ человѣкъ. Надобно сознаться, что Іена представляла великолѣпное зрѣлище; не говоримъ уже о дивныхъ горахъ, ее окружающихъ, и общезвѣстномъ добродушіи жителей этого города. Но гостямъ, стариннымъ слушателямъ университета, по счастливой мысли Гетлинга, Іена угодили преимущественно слѣдующимъ распоряженіемъ: на каждомъ домѣ, гдѣ жилъ какой-нибудь знаменитый человѣкъ со дня основанія университета, то есть въ продолженіе трехъ столѣтій, вывѣшены были именные списки этихъ людей, составленные послѣ тщательныхъ, продолжительныхъ изысканій; въ каждомъ списокѣ означенъ годъ, когда такой человѣкъ жилъ въ домѣ. Какое множество знаменитыхъ именъ можно было тутъ встрѣтить на каждомъ шагу! какіе великолѣпные предисловія къ исторіи университета составляли эти списки! Гёте, Шиллеръ, Новалисъ, Клаудіусъ и Рюккертъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель; Гельфельдъ, Тибо, Савиньи и Фейэрбахъ; Рольфинкъ, Лодеръ и Гуфеландъ; Флаціусъ, I. Гергардъ, Будеусъ, Вальхъ и Грисбахъ. Вездѣ, часто на самыхъ бѣдныхъ жилищахъ, имена, относящіяся ко всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, имена первостепенныя!

Со всѣхъ сторонъ стекались подарки не только отъ старыхъ учениковъ и друзей Іенскаго университета, но и отъ высокихъ

особь: такъ между прочимъ принцъ и принцесса Прусскіе прислали въ даръ университету бронзовые бюсты трехъ философовъ: Фихте, Шеллинга и Гегеля. Великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій при торжественномъ въѣздѣ былъ встрѣченъ всѣмъ университетскимъ сословіемъ и городскимъ совѣтомъ. Проректоръ г. Луденъ, привѣтствуя великаго герцога рѣчью, напомнилъ о томъ, что триста лѣтъ назадъ такимъ-же образомъ въѣзжалъ въ Іену, возвращаясь изъ плѣна, основатель университета, сопровождаемый живописцемъ Лукою Кравахомъ. Г. Луденъ упомянулъ также, что теперешній представитель Эрнестинскаго дома самъ принадлежалъ къ воспитанникамъ университета, котораго теперь онъ первый покровитель. Отъ лица городского совѣта говорилъ вице-бургомистръ, докторъ Брандесъ. Великій герцогъ благодарилъ обоихъ съ искреннимъ радушіемъ и продолжалъ путь по городу, при громкихъ привѣтственныхъ восклицаніяхъ студентовъ, разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ съ своими флагами, гербами и проч. Преподаватели слѣдовали за нимъ.

— *Августа 16-го.* Первый день торжества начался приѣмомъ разныхъ депутацій въ новомъ зданіи бібліотеки, молебствіемъ въ главной городской церкви, и открытіемъ статуи курфирста Іоанна Фридриха, поставленной на городской площади. Обѣ длинныя залы, въ которыхъ будетъ внослѣдствіи номѣщаться бібліотека, были очень удобны для приѣма депутацій. Четырехъ изъ знаменитѣйшихъ воспитанниковъ своихъ: Гумбольдта, Арндта, Шуберта въ Мюнхенѣ и Газе въ Парижѣ, университетъ самъ пригласилъ на празднество. Изъ нихъ прибылъ только Газе, съ поздравленіями отъ новыхъ соотечественниковъ своихъ и всей Франціи, «гдѣ, по его словамъ, высоко уважаютъ свободу науки» и въ его лицѣ умѣютъ цѣнить Нѣмецкую ученость. За нимъ шли Русскіе депутаты, князь Одоевскій и г. Фрицше, первый — отъ Императорской публичной бібліотеки, второй — отъ С. Петербургской академіи наукъ. Въ числѣ драгоценныхъ, доставленныхъ ими подарковъ, находится первый оттискъ Лафатеровыхъ писемъ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, о состояніи души по смерти человѣка. Швейцарскіе депутаты, Трокслеръ и Тулла изъ Люцерна, привезли, кромѣ литературныхъ подарковъ, карту, составленную генераломъ Дюфуромъ, и бокалъ. Не менѣе пріятны были энергичекіе отзывы ихъ о Іенскомъ университетѣ, который они называли «истиннымъ высшимъ училищемъ», чуждающимся рабскихъ внушеній, заведе-

ніемъ, гдѣ философія всегда занимаетъ подобающее ей мѣсто и не составляетъ простаго придатка къ другимъ факультетамъ. Изъ Америки, по порученію Вашингтонскаго института, представлено великолѣпное изданіе. Венгерскіе депутаты превозносили заслуги университета, оказанные имъ при образованіи Венгерскаго лютеранскаго и реформатскаго духовенства; они представили большой печатный томъ, заключающій въ себѣ поименный списокъ всѣхъ ихъ духовныхъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ Іенскомъ университетѣ въ прошлыя столѣтія. За иностранными депутатами послѣдовали Нѣмецкіе. При этомъ г. Бэкъ, отъ имени всѣхъ Нѣмецкихъ университетовъ, сказалъ, что теперешнее празднество есть празднество не только общее для Германіи, но и для всего просвѣщеннаго міра, что всѣ Германскіе университеты составляютъ лишь одинъ общій университетъ, что всѣ они готовы дѣлить другъ съ другомъ и счастье и несчастье. До-сихъ-поръ Германское единство находило для себя опору лишь въ единствѣ Германскихъ университетовъ, и депутаты какого-бы то ни было Германскаго университета, являясь въ другой университетъ, всегда могли сказать, что они «у себя, что они дома». Философія и поэзія питаютъ умъ и духъ; обѣ онѣ, каждая поочередно, то изъ Іены, то изъ Веймара, одушевляли и согрѣвали Германію. Это возможно только тамъ, гдѣ наукѣ дозволяется свободное духовное движеніе; такое движеніе господствуетъ въ Іенѣ, и потому этотъ небольшой городокъ сдѣлался метрополіею науки, городомъ всемірнымъ. Всѣмъ депутациямъ, въ числѣ которыхъ были и депутации духовныхъ корпорацій, изъявлена признательность университета.

Послѣ-того всѣ двинулись въ церковь, въ которой стѣснилось безчисленное множество должностныхъ лицъ, дупутатовъ, и проч. Когда среди этой толпы появилась въ церкви великогерцогская фамилія, началось благодарственное молебствіе. Проповѣдь говорилъ тайный церковный совѣтникъ Шварцъ, заимствовавшій тексты изъ псалма 80-го, 15—19. Изъ церкви отправились на площадь. На устроенную прямо противъ статуи трибуну взопли великій герцогъ, молодой наслѣдныи герцогъ и вдовствующая великая герцогиня со свитою. За ними помѣстились депутаты, члены университета и пр. Ректоръ Зеебекъ произнесъ рѣчь въ честь курфирста Іоанна-Фридриха. Велико было впечатлѣніе, когда сняли покровы со статуи и курфирстъ явился передъ собраніемъ въ полномъ вооруженіи, съ развернутою Библіею въ одной рукѣ и ме-

чемъ въ другой. Художнику, изваявшему эту статую, Берлинскому скульптору Драку, великій герцогъ выразилъ публично свою признательность за превосходное исполненіе памятника. Затѣмъ послѣдовалъ обѣдъ, во-время котораго по близости великаго герцога были замѣчены Русскій посланникъ, г-да Бэкъ, Газе, Велькеръ, Вехтеръ, скульпторъ Дракъ и мн. др. Остальные, многочисленные гости были размѣщены въ разныхъ залахъ. Разумѣется, и здѣсь, какъ всегда при подобныхъ случаяхъ, выпито много тостовъ. Между-прочимъ великій герцогъ провозгласилъ тостъ въ честь уни-верситета.

Августа 17-го. Наканунѣ вечеромъ г. Гетлингъ читалъ краткую, но ясную и полную исторію университета, въ заключеніе которой изъявилъ желаніе, чтобы онъ и въ слѣдующіе вѣка всегда былъ достоинъ своей славы. Во все время чтенія присутствовалъ великій герцогъ. Но на обѣдѣ 17 августа онъ не былъ. Во время этого обѣда было также провозглашено много тостовъ, между-прочимъ тостъ въ честь Гумбольдта былъ немедленно переданъ въ Берлинъ, посредствомъ телеграфа. Въ-заключеніе дня былъ балъ, на который явился часа на два и великій герцогъ. Сегодня опять было шествіе съ музыкою и знаменами въ университетскую церковь, гдѣ читали на Латинскомъ языкѣ рѣчи проректоръ и четыре декана. Потомъ были провозглашены нѣкоторые изъ депутатовъ и другихъ лицъ почетными членами университета.

Это празднество было истинно Германское; на немъ присутствовали не только депутаты всѣхъ Нѣмецкихъ университетовъ, не только прежніе Іенскіе студенты изъ всѣхъ странъ Германіи, но и говорящіе по-Нѣмецки Венгры, соплеменники съ востока и запада, изъ Дерпта и Страсбурга, а также изъ Швейцаріи.

КОНЕЦЪ С ЧАСТИ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЖУРНАЛА

МАНУФАКТУРЪ И ТОРГОВЛИ

въ 1859 году.

Журналъ мануфактуръ и торговли имѣеть цѣлю слѣдить за движеніемъ мануфактурной промышленности и торговли и сообщать свѣдѣнія о состояніи ихъ въ Россіи и за границу. Въ 1859 году онъ будетъ издаваться по утвержденной въ 1858 году, нижеслѣдующей программѣ:

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I. *Распоряженія правительства*, касающіяся мануфактурно-заводской промышленности и торговли.

II. *Разныя оффиціальныя извѣстія*. Подробныя описанія выданныхъ по министерству финансовъ привилегій; объявленія о просимыхъ привилегіяхъ и прекратившихся; уставы промышленныхъ и торговыхъ обществъ и компаній; увѣдомленія о промышленныхъ выставкахъ и проч.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

III. *Отдѣлъ мануфактурно-статистическій*. Статьи о состояніи мануфактурной промышленности вообще или отдѣльныхъ ея

отраслей, въ Россіи и за границею; описанія замѣчательныхъ фабрикъ и заводовъ; статистическія свѣдѣнія о количествѣ и цѣнности производства, о числѣ рабочихъ п состояніи рабочаго фабричнаго класса и т. п.; о техническихъ учебныхъ заведеніяхъ и состояніи технического образованія вообще какъ за границею, такъ въ-особенности у насъ.

IV. *Отдѣлъ мануфактурно-технической.* Техническія описанія разныхъ производствъ, механическихъ и химическихъ; статьи о фабричныхъ матеріалахъ, устройствѣ фабрикъ и заводовъ; подробныя изложенія важнѣйшихъ изъ новыхъ открытій и усовершенствованій въ области промышленности, и т. п.

V. *Отдѣлъ торговый.* Историческо-статистическія свѣдѣнія, какъ официальныя, такъ и частныя, которыя будутъ находиться въ распоряженіи редакціи о торговлѣ, преимущественно внутренней, Россіи и другихъ государствъ; извѣстія о движеніи торговли на главнѣйшихъ ярмаркахъ, о цѣнахъ на товары, о торговыхъ путяхъ сообщенія и проч.

VI. *Обзорніе современнаго движенія промышленности и торговли.* Краткій перечень новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій въ области промышленности, въ Россіи и за границею; свѣдѣнія о вновь открываемыхъ въ Россіи фабрикахъ и заводахъ, о числѣ и дѣятельности мануфактурныхъ заведеній; краткія свѣдѣнія о привозимыхъ и отвозимыхъ съ внутреннихъ пристаней товарахъ и продажной ихъ цѣнѣ; о движеніи внутренняго и каботажнаго судоходства; о вновь открываемыхъ торговыхъ домахъ: обзоръ правительственныхъ мѣръ, принимаемыхъ за границею относительно промышленности и торговли. Обзоръ текущей технической литературы.

VII. *Смѣсь.* Здѣсь будутъ помѣщаемы статьи, которыя, не относясь прямо ни къ одному изъ предыдущихъ отдѣловъ, касаются однакожъ промышленности, а также свѣдѣнія, которыя, по краткости и отрывочности, недостаточны и для составленія подробныхъ статей. Сюда-же войдутъ — біографіи лицъ, прославившихся въ промышленномъ мірѣ; получаемые изъ-за границы: вызовы техникувъ съ предложеніемъ услугъ Русскимъ мануфактуристамъ, объявленія о продажѣ машинъ и аппаратовъ, объ уступкѣ новыхъ изобрѣтеній и т. п.

Примѣчаніе. Редакція, по-прежнему, будетъ заботиться о томъ, чтобы поименованныя въ программѣ отдѣлы имѣли надлежащую

полноту, но не считаетъ полезнымъ стѣснятъ себя общаніемъ помѣщать въ каждой книжкѣ статьи непременно по каждому изъ этихъ отдѣловъ, въ томъ убѣжденіи, что забота о такой чисто-внѣшней полнотѣ журнала можетъ только вредить внутреннему его достоинству.

Оставаясь вѣрною вышеизложенной программѣ, редакція, руководимая годичнымъ опытомъ, сочла полезнымъ допустить въ журналѣ нѣкоторыя дополненія и улучшенія. Съ этою цѣлю, обзорѣнія промышленнаго движенія въ Россіи будутъ появляться сколько возможно чаще. Во-вторыхъ, постоянно будетъ помѣщаемо библиографическое обзорѣніе, т.-е. указанія на отдѣльныя сочиненія и журнальныя статьи техническаго содержанія, съ критическою оцѣнкою или краткимъ изложеніемъ болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. Подъ этою-же рубрикою будутъ представляемы, отъ-времени-до-времени, обзоры литературъ отдѣльныхъ производствъ, какъ-то: шелкоткацкаго, ситцепечатнаго, писчебумажнаго, красильнаго, коженнаго и проч. Лица, специально занимающіяся промышленностію, по опыту знаютъ, какихъ трудовъ стоитъ имъ знакомство, и то не всегда полное, съ литературою избраннаго производства. Не только у насъ, но и за границею указанія объ этомъ можно услышать только отъ профессора съ кафедръ, но нельзя найти почти ни въ одной книгѣ. Поэтому редакція, предпринимая этотъ трудъ, думаетъ оказать тѣмъ услугу отечественнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Сверхъ-того, для свѣдѣнія собственно владѣльцевъ суконныхъ фабрикъ, участвующихъ въ поставкѣ въ казну армейскихъ суконъ, будутъ сообщаемы, въ видѣ отдѣльныхъ приложеній къ журналу, всѣ распоряженія департамента мануфактуръ и внутренней торговли по этому предмету, какъ-то: ежегодныя и экстренныя раскладки заподряжаемыхъ количествъ сукна между фабриками, вызовы къ торгамъ, приглашенія къ экстреннымъ поставкамъ, измѣненія въ существующихъ постановленіяхъ, и т. п.

Журналъ мануфактуръ и торговли будетъ выходить въ 1859 г., по примѣру прошлаго года, ежемѣсячными книжками, съ чертежами и рисунками, по мѣрѣ надобности.

Цѣна за годовое изданіе журнала, состоящее изъ 12 книжекъ, семь руб. пятьдесятъ коп. сер., съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ — въ департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли; въ Москвѣ — въ отдѣленіи

мануфактурнаго совѣта; во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ — въ казенныхъ палатахъ. Иногородные могутъ адресоваться съ требованіями также и въ газетную С. Петербургскаго почтамта экспедицію.

Всѣ сношенія съ редакціею производятся по слѣдующему адресу: «Въ редакцію журнала мануфактуръ и торговли, при департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли (въ зданіи главнаго штаба)».

ОГЛАВЛЕНИЕ
СОТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

—♦—
ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія за августъ, сентябрь и октябрь
 1858 года.

	<i>Стран.</i>
31. (11 августа) О наименованіи Тверскаго женскаго училища Маріинскимъ.....	1
32. (19 августа) Объ увеличеніи числа педагогическихъ стипендіатовъ Царства Польскаго въ университетахъ Имперіи.....	—
33. (23 сентября) О распространеніи на лицъ духовнаго сана Высочайшаго повелѣнія касательно выдачи денежныхъ пособій по случаю дороговизны.....	9
34. (9 октября) О дозволеніи причислять къ министерству народнаго просвѣщенія чиновниковъ сверхъ штата...	15
Высочайшіе указы № 1, 2.....	16

Министерскія распоряженія за августъ, сентябрь и октябрь
 1858 года.

19. (19 августа) Циркулярное предложеніе по поводу упраздненія инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства.....	4
--	---

20. (5 октября) О разрѣшеніи имѣть при второй Казанской гимназіи бухгалтера.....	18
21. (4 октября) О взиманіи меньшей платы съ воспитанниковъ пансіона Оренбургской гимназіи... ..	—
22. (4 октября) О введеніи въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ преподаванія Французскаго языка, технического черченія и коммерческой бухгалтеріи.....	19
23. (16 октября) Циркулярное предложеніе о неопредѣленій въ учительскія должности лицъ, не выдержавшихъ установленныхъ испытаній.....	—
Приказы министра народнаго просвѣщенія № 1, 2.....	12
» » » » № 3, 4.....	24
Списокъ книгамъ, предназначеннымъ къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа...	20

О книгахъ, одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія:

Книга для духовно-нравственнаго чтенія въ начальныхъ училищахъ, сост. священникомъ П. <i>Авѣскимъ</i>	7
Новая ариметика для первоначальнаго обученія, соч. <i>Ритта</i> , перев. <i>Андреева</i>	8
Истинный другъ духовнаго юноши, соч. архимандрита <i>Викторина</i>	14
Собраніе сочиненій Русскихъ писателей, изд. адъюнктъ-профессоромъ <i>Черевльскимъ</i>	—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

Теорія опредѣлителей. (Окончаніе). И. И. <i>Штерлига</i>	1
Объ устройствѣ общественныхъ библиотекъ и составленіи ихъ каталоговъ, В. И. <i>Собольщикова</i>	97 и 129
О новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ Польскаго языка. П. П. <i>Дубровскаго</i>	156
Федръ. Разговоръ Платона. Перев. съ Греческаго проф. В. Н. <i>Картовыма</i>	179 и 193

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1859 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и художества. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогики, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ знаний; путешествія ученія или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзорѣніе книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ; разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкой на домъ въ С. Петербургѣ — 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства по минист. нар. просв. за октябрь 1858 года:	
Высочайшія повелѣнія	15
Министерскія распоряженія	18

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Федръ. Разговоръ Платона. Перев. В. Н. КАРПОВА. (Окончаніе)	193
Введеніе во всеобщее языкознаніе. В. ГУМБОЛЬДА. (Продолженіе). Перев. П. С. БИЛЯРСКАГО.	293

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Отчетъ о путешествіи по Германіи, Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи въ 1857 году проф. БУЛЬМЕРИНКА	33
--	----

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за вторую треть 1858 года:	
Х. Библиографія и исторія литературы. XI. Изыщная словесность. XII. Свободныя искусства. XIII. Математическія науки. XIV. Военныя науки. XV. Горныя науки. XVI. Науки, относящіяся къ мореплаванію. XVII. Естественныя науки. XVIII. Медицинскія науки. XIX. Промышленность, технология и сельское хозяйство	163

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

I. <i>Новости естественныхъ наукъ:</i> Слухъ насѣкомыхъ. — Количество кислорода въ веной крови желѣзъ. — Пониженіе восточныхъ береговъ Америки. Н. Н. СТРАХОВА. — Болѣзнь шелковичныхъ червей. — Прирученіе дикихъ животныхъ, сдѣланное въ Россіи. — Опыты Регеля относительно партеногенезиса растений. — Вопросъ о помѣсяхъ. — Разведеніе хиннаго дерева на о. Явѣ. — Статьи № 1 Annales des sciences naturelles. Д. С. МИХАЙЛОВА	113
II. <i>Разныя извѣстія:</i> Общія собранія Императорскаго Русскаго географическаго Общества. — Объ употребленіи денежной суммы, собранной на сооруженіе надгробнаго памятника Василию Андреевичу Жуковскому. — Торжественный актъ Таганрогской гимназіи и открытіе при ней благороднаго пансіона. — Торжество пятидесятилѣтія Елисаветинскаго училища. — Открытіе школы при тюремномъ замкѣ въ Кіевѣ. — Открытіе въ Елисаветградѣ талмудъ-торы. — Проводы изъ Кяхты Пекинской духовной миссіи. — Стипендіаты Кяхтинскаго купческаго общества при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ. — Музеумъ естественныхъ произведеній при Самарской гимназіи. — Полезное предложеніе Самарскихъ губернскихъ вѣдомостей. — Трехсотъ-лѣтній юбилей Іенскаго университета.	136

Объ изданіи «Журнала мануфактуръ и торговли» въ 1859 году.

3 2044 022 549 547

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Dumbarton Oaks
3/13/45

